ПК Кони
5 А.Ф.
К64 На жизненном пути
том 1 изд. 2
М., 1913
515740

92
К64

ПК
5
К64

В156/130

А. Ѳ. КОНИ.

НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

изд. 2

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

ЖИТЕЙСКІЯ ВСТРѢЧИ.

Проверено 1937 г.

ПОГАШЕНО
Фундаментальная Библиотека К. Т. И.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ
МОСКВА. — 1913.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ГЕИДЕНА.

ГОСУДАРСТВ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
575740

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія 7

Изъ записокъ судебнаго дѣятеля.

I. Дѣло Овсянникова 17
II. Изъ казанскихъ воспоминаній 27
III. Изъ харьковскихъ воспоминаній 32
IV. Игуменья Митрофанія. 48
V. Дѣло о поддѣлкѣ серій 59
VI. Игорный домъ Колемина 70
VII. Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ 79
VIII. Изъ прокурорской практики 87
IX. Темное дѣло 95
X. Пріемы и задачи обвиненія 100
XI. Изъ прошлаго петербургской прокуратуры 155
XII. Прокуратура и администрація 189
XIII. Судебные слѣдователи 224
XIV. Дѣло Гулакъ-Артемовской 256
XV. Ландсбергъ 266
XVI. Маргарита Жюжанъ 285
XVII. Обвиняемые и свидѣтели 312
XVIII. Свѣдущіе люди и экспертиза 357
XIX. Душевно-больные 393
XX. Гражданскія дѣла 435
XXI. Мировые судьи 490
XXII. Александръ Ивановичъ Урусовъ 536

Стр.
XXIII. А. Л. Боровиковскій и Н. Н. Мясоѣдовъ 560
XXIV. Уніатскія дѣла 572
XXV. Штундисты 600
XXVI. Пасторскія дѣла 632

Житейскія встрѣчи.

I. Синьоръ Бѣляевъ 655
II. Остенде (1869—1873 гг.) 672
III. Въ дорогѣ.—Гимназическія воспоминанія 690
IV. Домочадцы 713

Вмѣсто предисловія.

Передо мною портретъ, снятый въ 1886 г. На немъ изображенъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ тонкими и острыми чертами одухотвореннаго лица, энергической линіей рта надъ «американской» бородою и съ проницательнымъ и вмѣстѣ мягкимъ взоромъ живыхъ темныхъ глазъ. Подъ этимъ портретомъ, со словъ человѣка, которому былъ близко знакомъ душевный строй оригинала, было тогда написано:

Когда тебя смутитъ внезапное сомнѣнье,
То мысль одна, что этотъ ясный взоръ
Тебѣ безмолвный выразитъ укоръ,
Пускай внушитъ правдивое рѣшенье.

Этотъ «ясный взоръ» померкъ навсегда четыре года тому назадъ. Тотъ, кому онъ принадлежалъ и кого звали графомъ *Петромъ Александровичемъ Гейденомъ*, сошелъ въ могилу, оставивъ у всѣхъ знавшихъ или встрѣчавшихъ его на жизненномъ пути неизгладимое воспоминаніе. Глубокое личное благородство, терпимость къ чужимъ взглядамъ и убѣжденіямъ безъ малодушнаго отступленія отъ собственныхъ мнѣній, горячая преданность общественно-политическимъ идеаламъ, переходившая въ *дѣятельное* стремленіе къ нимъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, — безъ страха борьбы, безъ испуга передъ противодѣйствіемъ и съ настойчивымъ вкладываніемъ души и въ мелочную, ежедневную и непоказную работу каменщика, и въ

широкіе, возвышенные планы зодчаго — были отличительными чертами его. Долгая судебная служба съ нимъ вмѣстѣ, частый обмѣнъ мыслей въ послѣдніе годы и многолѣтнія, прочныя дружескія отношенія дали мнѣ возможность близко узнать и оцѣнить этого человѣка и съ душевной болью встрѣтить горестное извѣстіе о томъ, что Гейдена больше нѣтъ, — что нестарѣющія, бодрыя чувства и мысли, жившія въ этой сѣдой головѣ и въ пылкомъ до конца сердцѣ, изсякли,—что въ то именно время, когда родина такъ нуждается въ цѣльныхъ и самостоятельныхъ характерахъ, сошелъ съ арены общественной дѣятельности человѣкъ, который умѣлъ знать, чего онъ хочетъ, и хотѣть постигнутаго вдумчивымъ изученіемъ потребностей и скорбей своего народа.

Свѣтлый умъ и широкая душа А. И. Герцена не мирились съ вытекающей изъ нашей «лѣни ума» привычкой налѣплять на людей ярлыки и этикетки и тѣмъ заранѣе освобождать себя отъ безпристрастнаго разбора и пониманія свойствъ и особенностей чужой личности. У насъ этихъ ярлыковъ въ изобиліи, и грустная дѣйствительность не разъ уже показала, что яркіе флаги прикрываютъ иногда весьма сомнительный грузъ и что подъ многовѣщающей этикеткою подчасъ скрываются, до поры до времени, болѣе чѣмъ незавидныя нравственныя свойства. Стоитъ вспомнить, какъ, напримѣръ, въ недавніе еще годы ярлыки, на которыхъ было написано: «красный», «либералъ», «чиновникъ», «нигилистъ», «радикалъ» и т. п. налѣплялись съ торопливою и близорукою неразборчивостью. При этомъ забывалось, что *чиновниками* были такіе дѣятели, какъ Николай Милютинъ и Ровинскій, а въ «красные» зачислялись безразлично не только люди крайнихъ политическихъ идеаловъ, но даже и составители Судебныхъ Уставовъ и ихъ преемники, а также и тѣ, кто позволялъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы отобраніе дѣтей у раскольниковъ или существованіе монастырскихъ тюремъ для «несогласно мыслящихъ» находились въ непосредственной связи съ ученіемъ Спасителя. Бывали времена, когда достаточно было не утратить способности краснѣть за себя и за другихъ при столкновеніяхъ съ раболѣпствомъ и предательствомъ единомышленниковъ или низостью противниковъ, чтобы получить

жличку «краснаго», влекшую за собою иногда весьма осязательныя послѣдствія. Вслѣдствіе этого въ томъ, кто былъ, какъ говорятъ французы, un quelqu'un, а не quelque chose, для поверхностнаго взгляда затемнялись выдающіяся черты его личности, и изъ-за ярлыка переставалъ просвѣчивать образъ «человѣка». Вотъ почему съ отрадой приходится отмѣчать случаи, когда изъ той или другой внѣшней оболочки, соотвѣтствующей временной злобѣ дня, рельефно выступаетъ личность человѣка съ лучшими и вѣчными свойствами его духовной природы, и когда — безъ различія партій и направленій — всѣ единогласно признаютъ эти свойства и отдаютъ имъ справедливость.

Таковъ былъ удѣлъ графа Гейдена. Его кончина вызвала почти во всѣхъ существующихъ у насъ партіяхъ чувство утраты *человѣка*, независимо отъ того, былъ ли онъ политическимъ союзникомъ или противникомъ. Онъ былъ оцѣниваемъ не какъ мирнообновленецъ, а какъ дѣятель, непоколебимая честность, смѣлая искренность и нравственное безкорыстіе котораго стояли внѣ всякаго сомнѣнія. Было отрадно знать, что онъ существуетъ! Хотѣлось вѣрить, что еще не разъ придется услышать его безтрепетное и остроумное слово. Съ его кончиной особенно ярко вспомнились тѣ его свойства, въ которыхъ гармонически слилось его иноземное и вмѣстѣ русское происхожденіе: его *голландская* настойчивость, упорство въ любимомъ трудѣ, благородная независимость характера и неуступчивость въ защитѣ собственнаго и чужого достоинства и—его *русская* незлобивость, юморъ, доброта и смѣлость широкихъ взглядовъ. Люди, знавшіе его близко, не всегда могли бы предсказать съ точностью, что именно въ томъ или другомъ случаѣ *скажетъ* графъ Гейденъ. Но они всегда могли быть увѣрены въ томъ, что все, что онъ *сдѣлаетъ*, будетъ искренно и безкорыстно. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, къ сожалѣнію, людямъ, которымъ знающіе ихъ впередъ открываютъ — если можно такъ выразиться — *кредитъ* на образъ дѣйствій.

Но уже если необходимо и его подвести подъ какое-нибудь опредѣленіе, скорѣе всего его можно было назвать прогрессивнымъ консерваторомъ. Люди, коимъ можетъ быть присвоено та-

кое названіе, люди оставшіеся ему вѣрными до конца, вступили въ общественную жизнь въ первые годы царствованія Императора Александра II и пережили свѣтлую пору его великихъ реформъ, къ которымъ иные относятся высокомѣрно, съ упорнымъ непониманіемъ или неумѣніемъ вглядѣться въ Россію, какою ее *нашелъ* Александръ II и какою *оставилъ*. Эти реформы, обновляя и видоизмѣняя *общественный* строй, послѣдовательно развиваемыя и укрѣпляемыя, неминуемо должны были привести къ увѣнчанію зданія созданіемъ *государственнаго строя*, тѣсно связаннаго съ началами народнаго представительства и съ обращеніемъ подданныхъ въ гражданъ. Въ глазахъ людей шестидесятыхъ годовъ такой конецъ являлся не безпочвенной надеждой и не тщательно затаеннымъ желаніемъ, а прямымъ логическимъ и историческимъ послѣдствіемъ мирнаго, но неуклоннаго развитія реформъ Царя-Освободителя. Если послѣднія не достигли полноты своего органическаго развитія, то это лежало не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что разсматриваемыя сначала какъ неизбѣжная, назрѣвшая необходимость, онѣ потомъ, передъ взоромъ испуганныхъ и недовольныхъ людей, стали рисоваться, какъ преждевременный даръ, принятый безъ надлежащей благодарности. Въ источникѣ своемъ эти реформы были проникнуты довѣріемъ къ духовнымъ силамъ русскаго народа, и нужно было настойчивое воздѣйствіе пагубныхъ вліяній, чтобы обратить это довѣріе въ недовѣріе и великодушное стремленіе въ раскаяніе и сомнѣніе.

Въ развитіи общественной жизни стояніе на одномъ мѣстѣ невозможно, и если учрежденія, призванныя удовлетворять потребностямъ этой жизни, не идутъ впередъ, они идутъ назадъ. Задержка дальнѣйшаго развитія великаго акта 19 февраля привела къ тѣмъ тревожнымъ результатамъ, которые еще у всѣхъ на глазахъ. Новѣйшія земское и городовое положенія, сохранивъ названія и систему изложенія прежнихъ, воспріяли содержаніе и духъ, чуждые мысли ихъ первоначальныхъ составителей. Не меньше потерпѣла и судебная реформа. Она въ особенности была взята «подъ сомнѣніе» и съ первыхъ же шаговъ новыхъ судовъ имъ пришлось самимъ стать въ положеніе подсудимыхъ,

осуждаемыхъ *заочными* приговорами и притомъ безъ возможности апелляціи.

Графу Гейдену было дано послужить всѣмъ учрежденіямъ, вызваннымъ къ жизни великими реформами, и, слѣдовательно, перестрадать ихъ попятное движеніе и во всѣхъ возможныхъ случаяхъ всею душою стать на ихъ защиту. Но онъ не унывалъ и не падалъ духомъ. Въ его натурѣ былъ тотъ esprit de combativité, который помогъ его голландскимъ предкамъ шагъ за шагомъ бороться съ моремъ, защищая то, что было дорого въ прошломъ и отвоевывая то, что было необходимо въ будущемъ. Военный по образованію, онъ внесъ въ свою продолжительную гражданскую службу не только глубокое пониманіе духа и смысла закона, но и тонкую оцѣнку житейскихъ условій, къ которымъ этотъ законъ примѣняется. Онъ умѣлъ осуществлять тѣмъ старую юридическую поговорку: scire leges non hoc est — verba earum tenere — sed vim ac potestatem. На различныхъ ступеняхъ этой службы въ качествѣ члена суда и судебной палаты Гейденъ былъ врагомъ механическаго приложенія статей Свода и Судебныхъ Уставовъ — и любилъ входить въ житейскую обстановку каждаго дѣла, замѣняя, гдѣ только возможно, юридическій формализмъ сострадательнымъ вниманіемъ къ тѣмъ, кто ждалъ или искалъ правосудія. Это былъ истинный, но вмѣстѣ и человѣколюбивый стражъ закона, одинаково чуждый какъ властолюбивому усмотрѣнію, такъ и черствой замкнутости профессіональнаго судьи. Слѣдуя завѣту Пушкина, онъ «свободною душой законъ боготворилъ», но именно вслѣдствіе свободы своего духа, не умѣвшаго подчиняться никакимъ предвзятымъ взглядамъ, онъ искалъ въ этомъ законѣ отраженій житейской правды. Онъ готовъ былъ боготворить его, когда это былъ вѣками выстраданный и продуманный синтезъ человѣческихъ отношеній, но не желалъ поклоняться ему, какъ бездушному идолу. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ словамъ Великой Екатерины: «Stricte justice n'est pas justice, — justice est équité». Многое множество рѣшеній, написанныхъ имъ по дѣламъ о вознагражденіи за желѣзнодорожныя увѣчья, по дѣламъ семейнымъ, по толкованію духовныхъ завѣщаній и по искамъ женами содержа-

нія отъ мужей — доказываетъ, какъ умѣлъ онъ сочетать въ своемъ вліятельномъ взглядѣ на дѣло широко обоснованное толкованіе закона съ глубокимъ проникновеніемъ въ нужды и горести несчастнаго человѣчества.

Послѣдніе годы жизни застали его на трудномъ посту президента Вольнаго Экономическаго Общества и въ разнообразной дѣятельности уѣзднаго предводителя дворянства. Это не мѣшало ему работать практически по *патологіи* и *терапіи* бытовыхъ условій русской жизни, и при первыхъ проявленіяхъ измѣнившагося курса онъ всецѣло отдался подготовительнымъ трудамъ по закладкѣ новыхъ началъ нашего государственнаго строя, не щадя ни силъ, ни времени. Предсѣдатель и дѣятельный членъ земскихъ съѣздовъ,—то терпѣливый и внимательный слушатель преній, то искусный кормчій и объединитель разнородныхъ силъ, — прямой и откровенный,—онъ былъ энергическимъ организаторомъ и членомъ той депутаціи земскаго съѣзда, которая 6 іюня 1905 г. въ Петергофѣ изъ устъ Монарха выслушала о «непреклонной волѣ Царской созывать выборныхъ отъ народа». Глубоко убѣжденный въ прочности обновленія государственнаго строя лишь въ томъ случаѣ, когда оно—употребляя выраженіе Л. Н. Толстого—совершается «не рывомъ и скокомъ, а тяжемъ», гр. Гейденъ не разъ становился въ оппозицію большинству первой Государственной Думы, когда оно «упорствуя, волнуясь и спѣша», не раздѣляло его спокойной выдержки и трезваго взгляда на соотвѣтствіе цѣлей и средствъ. Но разногласіе съ нимъ не колебало довѣрія къ чистотѣ его побужденій, и будущій историкъ, разбирая ворохи печатнаго матеріала, относящагося къ первымъ шагамъ нашихъ представительныхъ учрежденій, конечно, найдетъ, что въ отзывахъ о гр. Гейденѣ и даже въ каррикатурахъ на него, рядомъ съ оживленной критикой и незлобивой шуткой, никогда не звучала нота хотя бы малѣйшаго неуваженія къ нему.

Въ срединѣ лѣта 1907 года онъ былъ полонъ энергіи и надежды на то, что болѣзненно совершавшійся въ нашей общественной жизни переломъ придетъ къ вожделѣнному концу. Ему, — испытавшему упованія и гордую радость, вызванныя реформами шестидесятыхъ годовъ, и горькія затѣмъ разочарованія, —

жадно хотѣлось увидѣть осуществленнымъ завершеніе дѣла Александра II и, сказавъ — «нынѣ отпущаеши», вернуться въ свое любимое «Глубокое» и отдаться, безъ тягостныхъ перерывовъ, нѣжной привязанности къ своей семьѣ. Но Богъ судилъ иначе...

Мнѣ вспоминается лѣтній вечеръ въ этомъ самомъ «Глубокомъ» за десять лѣтъ до смерти гр. Гейдена. Мы слушали пѣніе бродячихъ слѣпцовъ... Они пѣли: «какъ расплачется мать сыра земля — самому Христу Царю Небесному: — какъ много на мнѣ, на землѣ, скверности — и больностей, — а больше того — беззаконія!» Всю жизнь свою гр. Гейденъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности старался во всей мѣрѣ доступной ему возможности осушать эти слезы родной матери сырой земли и боролся, не покладая «въ нѣмомъ бездѣйствіи печали» рукъ, со скверностями, больностями и беззаконіемъ. Вотъ почему, желая хоть чѣмъ-нибудь почтить его память, я посвящаю ему настоящую книгу, значительная часть содержанія которой была не разъ предметомъ нашихъ дружескихъ съ нимъ бесѣдъ.

Примѣчаніе.—Переводъ главнѣйшихъ цитатъ на иностранныхъ и латинскомъ языкахъ помѣщенъ въ концѣ книги съ обозначеніемъ страницъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

NOT FOR LOAN

Фундаментальная библиотека К. Е. Т. 13.
ПОЛТАВА
ПОЛТАВА
Фундаментальная

I.

Дѣло Овсянникова.

— Не знаете ли вы чего-нибудь о причинахъ пожара этой огромной паровой мельницы на Измайловскомъ проспектѣ противъ станціи Варшавской дороги? — спросилъ меня министръ юстиціи графъ Паленъ, прибавивъ, что, проѣзжая наканунѣ вечеромъ мимо, онъ былъ пораженъ грандіозностью картины этого пожара. — Вѣроятно, я получу въ свое время полицейское извѣщеніе, если есть признаки поджога — отвѣчалъ я, и, пріѣхавъ въ прокурорскую камеру (я былъ въ это время, т.-е. въ 1874 году, прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда), дѣйствительно, нашелъ коротенькое сообщеніе полиціи о томъ, что признаковъ поджога, вызвавшаго пожаръ мельницы *коммерціи совѣтника Овсянникова, не оказывается*. Меня смутила краткость этого заявленія, его ненужность по закону и его поспѣшная категоричность въ связи съ разсказомъ графа Палена. Я поручилъ моему покойному товарищу, энергичному А. А. Маркову, поѣхать на мѣсто и произвести личное дознаніе.

Поздно вечеромъ онъ привезъ мнѣ цѣлую тетрадь осмотровъ и разспросовъ на мѣстѣ, изъ которыхъ было до очевидности ясно, что здѣсь имѣлъ мѣсто поджогъ. Собранныя на другой день свѣдѣнія о договорныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между извѣстнымъ В. А. Кокоревымъ и С. Т. Овсянниковымъ по арендѣ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
515740

мельницы, указывали и на то, что именно Овсянникову могъ быть выгоденъ пожаръ мельницы и что есть основанія сказать: «is fecit cui prodest». Я предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, Кириму, начать слѣдствіе и немедленно произвести обыскъ у Овсянникова, а наблюденіе за слѣдствіемъ принялъ лично на себя. Овсянниковъ, не привыкшій имѣть дѣло съ новымъ судомъ и бывшій въ былые годы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстной полиціей, при чемъ за нимъ числилось до 15 уголовныхъ дѣлъ, по которымъ онъ старымъ судомъ былъ только «оставляемъ въ подозрѣніи», — не ожидалъ обыска и не припряталъ поэтому многихъ немаловажныхъ документовъ. Среди нихъ, между прочимъ, оказался именной списокъ нѣкоторымъ чинамъ главнаго и мѣстнаго интендантскихъ управленій съ показаніемъ мзды, ежемѣсячно платимой имъ вліятельнымъ поставщикомъ муки военному вѣдомству. Я отослалъ эту бумагу военному министру Д. А. Милютину.

Высокій старикъ, съ густыми насупленными бровями и жесткимъ взоромъ сѣрыхъ проницательныхъ глазъ, бодрый и крѣпкій, несмотря на свои 74 года, Овсянниковъ былъ пораженъ нашествіемъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Онъ былъ очень невѣжливъ, презрительно пожималъ плечами, возражалъ противъ осмотра каждаго изъ отдѣльныхъ помѣщеній, говоря: «ну, тутъ чего еще искать?!» и подъ предлогомъ, что въ комнатахъ холодно, надѣлъ какое-то фантастическое пальто военнаго образца на генеральской красной подкладкѣ. Но «der lange Friedrich», какъ звали у насъ Книрима, невозмутимо дѣлалъ свое дѣло... Я подошелъ, между прочимъ, къ оригинальнымъ стариннымъ часамъ въ длинномъ деревянномъ футлярѣ, въ родѣ узкаго шкапа. — Вотъ, изволите видѣть,—сказалъ Овсянниковъ, желая вѣроятно показать, что и онъ можетъ быть любезенъ и владѣть собою,—вотъ это большая рѣдкость, это часы прошлаго вѣка. Такихъ, чай, немного. — Подошелъ и Книрим. — А гдѣ ключъ? — спросилъ онъ. — Эй, малый! — крикнулъ Овсянниковъ, — подать ключъ! — Книрим подозвалъ понятыхъ, отперъ дверь футляра и сталъ изслѣдовать его внутренность. Овсянниковъ не вытерпѣлъ, грозно сдвинулъ брови и, энергически плюнувъ, отошелъ отъ часовъ.

Вечеромъ въ тотъ же день въ камерѣ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ былъ произведенъ допросъ Овсянникова. Онъ отвѣчалъ неохотно, то мрачно, то насмѣшливо поглядывая на слѣдователя и очень недоброжелательно относясь въ своихъ показаніяхъ къ Кокореву. Въ концѣ допроса я отвелъ Книрима въ сторону и сказалъ ему, что нахожу необходимымъ *мѣрою пресѣченія* избрать лишеніе свободы, такъ какъ иначе Овсянниковъ, при своихъ средствахъ и связяхъ, исказитъ весь свидѣтельскій матеріалъ. — И я нахожу нужнымъ то же, — отвѣчалъ Книримъ. — Надо, однако, дать старику, ради здоровья, нѣкоторыя удобства и если вы ничего не имѣете противъ Коломенской части, гдѣ есть большія и свѣтлыя одиночныя камеры, куда можно, съ разрѣшенія смотрителя, поставить свою мебель, то я распоряжусь объ этомъ немедленно. — Прекрасно, — сказалъ Книримъ,—а я напишу краткое постановленіе.—Господинъ Овсянниковъ, — сказалъ я, усаживаясь сбоку стола, на которомъ писалъ Книримъ, — не желаете ли вы послать кого-нибудь изъ служителей къ себѣ домой, чтобы прибыло лицо, пользующееся вашимъ довѣріемъ, для передачи ему тѣхъ изъ вашихъ распоряженій, которыя не могутъ быть отложены. — Это еще зачѣмъ? — спросилъ сурово Овсянниковъ. — Вы будете взяты подъ стражу и домой не вернетесь.—Что?—почти закричалъ онъ.—Подъ стражу! Я? Овсянниковъ?—и онъ вскочилъ съ своего мѣста.—Да вы шутить, что ли, изволите? Меня подъ стражу?! Степана Тарасовича Овсянникова? Первостатейнаго именитаго купца подъ стражу? Нѣтъ, господа, руки коротки! Овсянникова!! Двѣнадцать милліоновъ капиталу! подъ стражу! нѣтъ, братцы, этого вамъ не видать!—Я вамъ повторяю свое предложеніе, а затѣмъ какъ хотите, только вы отсюда поѣдете не домой, — сказалъ я. — Да что же это такое!—опять воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу,—да что я, во снѣ это слышу? Да и какое право вы имѣете? такихъ правъ нѣтъ! Я буду жаловаться! вы у меня еще отвѣтите!—Его прервалъ Книримъ, который прочелъ краткое постановленіе о взятіи подъ стражу и предложилъ ему подписать. Тутъ онъ смирился и послалъ на извозчикѣ одного изъ сторожей за старшимъ сыномъ. Допросъ, между тѣмъ, продолжался,

вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія дать еще нѣкоторыя разъясненія. Съ прибывшимъ сыномъ онъ обошелся очень сурово и, когда тотъ, по моему приглашенію, хотѣлъ сѣсть, онъ такъ взглянулъ на него, что тотъ заколебался и сѣлъ лишь, когда отецъ крикнулъ ему: — ну, садись, садись! я не воспрещаю.

На свой арестъ Овсянниковъ принесъ жалобы въ Окружной Судъ и затѣмъ въ Судебную Палату. Жалобы эти были написаны хотя и кратко, но искусно, умѣлою рукою. Оказалось, что ихъ писалъ извѣстный талантливый цивилистъ Боровиковскій, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ адвокатуру изъ товарищей прокурора петербургскаго Окружного Суда. За этотъ свой небольшой письменный трудъ, — такъ какъ по жалобамъ такого рода повѣренные не допускались къ личнымъ объясненіямъ, — Боровиковскій получилъ отъ Овсянникова пять тысячъ рублей. Извѣстіе объ этомъ произвело нѣкоторое волненіе въ петербургскомъ обществѣ, очень чутко относившемся ко всему, что касалось дѣла Овсянникова. Въ огромномъ гонорарѣ за небольшую работу многіе были склонны видѣть указаніе на то, что «король Калашниковской биржи» не остановится ни передъ какими жертвами для того, чтобы попытаться еще разъ остаться въ совершенно безвредномъ для него «подозрѣніи». Нѣкоторые примѣняли къ повѣренному обвиняемаго стихи Некрасова: «Получивъ гонораръ неумѣренный — восклицалъ мой присяжный повѣренный: передъ вами стоитъ гражданинъ — чище снѣга Альпійскихъ вершинъ». Это доходило до Боровиковскаго и дѣйствовало на его впечатлительную натуру удручающимъ образомъ, такъ что онъ пришелъ, наконецъ, ко мнѣ — своему старому сослуживцу и бывшему начальнику — и заявилъ, что жалобы написаны имъ потому, что его убѣдили въ невиновности Овсянникова, сдѣлавшагося жертвой общественнаго предубѣжденія, но что онъ готовъ возвратить деньги для избѣжанія дальнѣйшихъ упрековъ. Я сказалъ ему, что Овсянниковъ можетъ не взять денегъ обратно, не желая пользоваться его безвозмездными услугами, и что, кромѣ того, огласкою возвращенія этихъ денегъ назадъ, Боровиковскій броситъ лишній грузъ на чашу обвиненія во вредъ довѣрившемуся ему кліенту, такъ какъ это возвращеніе будетъ

безъ сомнѣнія, истолковано, какъ признаніе имъ, Боровиковскимъ, виновности послѣдняго. Поэтому лучше дождаться рѣшенія присяжныхъ и затѣмъ, подчинившись ему, пожертвовать такія деньги на какое-либо доброе дѣло, если приговоръ состоится противъ Овсянникова. Взволнованный Боровиковскій не безъ труда согласился послѣдовать этому совѣту. Въ день произнесенія обвинительнаго приговора объ Овсянниковѣ онъ прислалъ въ мое распоряженіе, для употребленія съ благотворительною цѣлью, 5.000 рублей, каковые я немедленно препроводилъ ректору петербургскаго университета П. Г. Рѣдкину для обращенія, по его усмотрѣнію, въ пользу нуждающихся студентовъ.

У Овсянникова нашлись и другіе заступники. Однимъ изъ нихъ была напечатана замѣтка, въ которой горячо доказывалось, что человѣкъ, жертвовавшій большія суммы на церкви и казенныя благотворительныя учрежденія, не могъ совершить корыстнаго преступленія, при чемъ приводился и самый списокъ такихъ пожертвованій въ довольно крупныхъ суммахъ. Указаніе на такія жертвы нельзя было однако назвать удачнымъ. Овсянниковъ, какъ онъ самъ выразился на судѣ, шелъ «съ материнской колыбели» къ широкому хлѣбному рынку, опираясь на крупные и выгодные интендантскіе подряды, и, наконецъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ обладателей этого рынка, окруженнымъ лицемѣрнымъ преклоненіемъ менѣе крупныхъ поставщиковъ, среди которыхъ онъ привыкъ играть властительную роль, повелительно ставя *свои* условія. Но съ начала семидесятыхъ годовъ многолѣтній подрядъ на поставку муки петербургскому военному округу сталъ неразрывно связываться съ обязанностью перемалывать хлѣбъ на паровой мельницѣ, которой Овсянниковъ былъ не собственникомъ, а только арендаторомъ, чувствующимъ себя въ косвенной зависимости отъ собственника мельницы Кокорева, имѣвшаго возможность отказать въ продолженіи аренды, т.-е. лишить его долгосрочнаго контракта съ казною и тѣмъ поколебать вліятельное положеніе честолюбиваго и не знающаго «препятствій своему нраву» старика, на восьмомъ десяткѣ его жизни. Поэтому не корысть, а болѣе сложныя побужденія могли

заставить его желать пожара мельницы предъ истеченіемъ срока контракта, — пожара, который обезсилилъ бы его недруга Кокорева и заставилъ бы военное вѣдомство отказаться отъ ненавистнаго условія о непремѣнномъ перемолѣ хлѣба на паровой мельницѣ. При томъ—щедрыя пожертвованія при надлежащей и услужливой огласкѣ не менѣе щедро оплачивались различнаго рода почетными наградами и публичнымъ возвеличеніемъ «маститаго благотворителя». Не говоря уже объ имѣвшихся въ дѣлѣ свѣдѣніяхъ о суровомъ и черствомъ отношеніи Овсянникова къ тяжелому положенію простыхъ и незамѣтныхъ людей, находившихся отъ него въ трудовой зависимости, мнѣ пришлось случайно убѣдиться въ томъ, какъ мало трогало его горькое положеніе даже и такихъ людей, къ которымъ онъ относился, повидимому, доброжелательно.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ арестованія Овсянникова, моя старая служанка, которой было категорически запрещено ходатайствовать за кого-либо или докладывать мнѣ о какихъ-либо просителяхъ по дѣламъ («чтобы никакого *эхо* не было», какъ она объясняла себѣ мое требованіе), послѣ большихъ предисловій о томъ, что Богъ меня наградитъ и что много на свѣтѣ несчастныхъ людей, стала меня просить все-таки выслушать на дому одну бѣдную дѣвушку, которая очень нуждается въ моемъ совѣтѣ, не зная какъ ей быть «отъ мужского обмана», но въ судъ ко мнѣ идти не рѣшается, такъ какъ она «дѣвушка порядочная и скромная и никогда *по такимъ мѣстамъ не ходила*». Нечего дѣлать, надо было уступить, и ко мнѣ явилась миловидная, но болѣзненнаго вида, дѣвушка, лѣтъ 20, немного цыганскаго типа, съ черными глазами и худенькими руками, одѣтая очень бѣдно. На ней былъ длинный темный платокъ, расходившіеся концы котораго спереди она стыдливо и постоянно оправляла и сближала. Она печально потупляла голову, голосъ ея по временамъ дрожалъ, а глаза наполнялись слезами, которыя она какъ-то трогательно и конфузливо собирала пальцами и стряхивала на полъ. «Мы живемъ съ маменькой *«честно-благородно»* и занимаемся по швейной части. Намъ, зная нашу бѣдность, помогалъ и часто заѣзжалъ къ намъ купецъ Тарасовъ, холостой,—былъ очень добръ и ласковъ, облег-

чалъ въ нуждѣ мамашу и меня: я его почитала, какъ отца родного, и онъ обѣщалъ меня не оставить своей помощью. А потомъ вдругъ пересталъ ѣздить—совсѣмъ насъ позабылъ и по адресу Тарасова оказалось совсѣмъ другое лицо. Теперь же мы очень бѣдствуемъ: приходится жить штучной работой для рынка, а много ли такъ наработаешь?! Да и здоровье мое стало слабое, и въ люди показаться стыдно, а о маменькѣ и говорить нечего. Мы узнали, что купецъ этотъ — Степанъ Тарасовичъ Овсянниковъ — находится въ заточеніи. Такъ это намъ прискорбно, что и сказать нельзя, а пойти къ нему или написать не смѣемъ: сказываютъ, начальство не допуститъ. Богъ дастъ, соберемся съ силами и работу постоянную найдемъ, такъ и поправимся, а теперь очень трудно. Опять же и лѣкарства для маменьки... просто хоть руки на себя наложить! Я ужъ и то хотѣла въ Неву броситься, да маменьку жаль: она этого не переживетъ... А какъ сообщить о моемъ положеніи Степану Тарасовичу — не знаемъ: какъ бы его не прогнѣвать въ несчастіи. Можетъ, у васъ есть кто знакомый изъ начальства... Окажите Божескую милость: научите что дѣлать?!...» Ея слезы и неподдѣльное участіе къ судьбѣ «благодѣтеля» очень тронули меня, и я, предложивъ ей написать Овсянникову письмо съ объясненіемъ своего грустнаго матеріальнаго положенія, обѣщалъ это письмо не только передать ему, но и попросить его отвѣта. Она ушла нѣсколько успокоенная, а на слѣдующій день прислала мнѣ письмо на имя «батюшки Степана Тарасыча», написанное довольно связно и начинавшееся такъ: «Освѣдомилась я, что вы, благодѣтель нашъ, попали въ руки злодѣевъ и т. д.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы расплывались отъ пролитыхъ надъ письмомъ слезъ. Оно кончалось словами: «день и ночь молюсь за васъ и цѣлую, припадаючи, ручки». Одинъ изъ «злодѣевъ»—въ моемъ лицѣ—передалъ письмо товарищу прокурора Вильямсону, завѣдывавшему арестантскими помѣщеніями, съ просьбой вручить его Овсянникову и спросить, не будетъ ли какого-либо отвѣта. Дня черезъ два Вильямсонъ разсказалъ мнѣ, что когда, пріѣхавъ въ Коломенскую часть, онъ заявилъ Овсянникову, что прокуроръ передалъ ему письмо на его имя съ просьбою дать отвѣтъ, — Овсянниковъ чрезвычайно

оживился, встрепенулся и быстро спросилъ: — какое? какое письмо? отъ самого прокурора? — Повидимому, онъ вообразилъ себѣ, что старые судебные порядки снова для него оживаютъ, хотя и въ новыхъ обличіяхъ. Онъ почти вырвалъ у Вильямсона письмо изъ рукъ и, пытливо на него поглядывая, отошелъ къ окну и сталъ читать. Затѣмъ насупился и началъ большими тяжелыми шагами ходить по комнатѣ. — Вы знаете эту дѣвушку? — спросилъ Вильямсонъ. Овсянниковъ посмотрѣлъ на вопрошающаго и затѣмъ недовольнымъ голосомъ сказалъ: — коли пишетъ, значитъ, знавалъ! — Что же можетъ сказать прокуроръ писавшей? — Овсянниковъ молча подошелъ къ топившемуся камину, разорвалъ письмо на четыре части, бросилъ его въ огонь и, когда оно запылало, почти крикнулъ: — мнѣ теперь не до того! вотъ мой отвѣтъ: пущай горитъ!

По слѣдствію и на судѣ обнаружилось, что фактическимъ поджигателемъ былъ приказчикъ Левтѣевъ, исполнившій при сосодѣйствіи сторожа Рудометова, завѣдомо для хозяина, неоднократно выраженное послѣднимъ желаніе, чтобы мельница сгорѣла. Когда я предполагалъ быть обвинителемъ по этому громкому и трудному дѣлу, я жалѣлъ, что не могу разсказать присяжнымъ про несчастную дѣвушку и про слова обвиняемаго въ камерѣ Коломенской части. Это «пущай горитъ» лучше всякихъ сложныхъ соображеній нарисовало бы передъ присяжными движущіе мотивы того, въ чемъ обвинялся Овсянниковъ. Ужъ если про жертву своей старческой забавы, человѣкъ, располагавшій милліонами, могъ сказать «пущай горитъ», то насколько понятнѣе и возможнѣе было сказать то же самое для того, чтобы отдѣлаться отъ ненавистной мельницы и въ то же время насолить врагу. Но, вслѣдствіе назначенія меня вице-директоромъ департамента Министерства Юстиціи, мнѣ не пришлось быть обвинителемъ. Меня замѣнилъ талантливый и тонкій судебный ораторъ В. И. Жуковскій, внесшій въ свою рѣчь свойственный ему глубокій и неотразимый сарказмъ, такъ соотвѣтствовавшій его наружности, въ которой было что-то мефистофельское. Гражданскими истцами въ судебномъ засѣданіи явились — Кокоревъ отъ своего собственнаго лица и Спасовичъ отъ лица страховыхъ об-

ществъ. Первый сказалъ скрипучимъ голосомъ чрезвычайно обстоятельную и умную рѣчь съ убѣдительнымъ разборомъ мотивовъ дѣянія Овсянникова, а второй со своимъ угловатымъ жестомъ и какъ бы непокорнымъ словомъ, всегда заключавшимъ въ себѣ глубокій смыслъ, превзошелъ — какъ принято говорить — самого себя въ разборѣ и сопоставленіи уликъ и въ оцѣнкѣ экспертизы, произведенной надъ обширною моделью мельницы, принесенной въ залу суда. Особенное впечатлѣніе произвела нарисованная имъ картина «извивающагося, какъ драконъ», изъ одного отдѣленія мельницы въ другое огня, сразу показавшагося въ трехъ мѣстахъ, при чемъ его изгибы незамѣтны со стороны. Не менѣе удачна была характеристика подряднаго дѣла съ казной, исполненнаго риска. Казна сбиваетъ цѣны, подрядчики отчаянно, рискуя сдѣлаться несостоятельными, конкурируютъ между собою, и «съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять». Поэтому лишь податливый, привычный и знающій подрядчикъ сумѣетъ установить и наладить «*извѣстную среднюю недобросовѣстность*», при чемъ «чиновники допускаютъ товаръ не совсѣмъ еще негодный, а подрядчикъ старается, чтобъ товаръ не былъ уже совсѣмъ плохъ». Съ особенной силой отвѣтилъ Спасовичъ на упрекъ защитника Овсянникова, что онъ строитъ всѣ свои выводы на однѣхъ косвенныхъ уликахъ, на чертахъ и черточкахъ: «Ну да! черты и черточки! — воскликнулъ онъ. — Но вѣдь изъ нихъ складываются очертанія, а изъ очертаній буквы, а изъ буквъ слоги, а изъ слоговъ возникаетъ слово и это слово: *поджогъ*!»

Признанный виновнымъ Овсянниковъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе, но оттуда постоянно ходатайствовалъ о помилованіи и взывалъ къ высокопоставленнымъ вліятельнымъ лицамъ о поддержкѣ своихъ ходатайствъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ ему было разрѣшено вернуться въ Европейскую Россію, но не въ столицы, и онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни въ Царскомъ Селѣ. Но и въ Сибири онъ умѣлъ создать себѣ исключительное среди ссыльныхъ положеніе. На эту мысль наводитъ статья товарища прокурора одного изъ прикамскихъ Окружныхъ

Судовъ г. И. М.: «Милліонеръ въ ссылкѣ», помѣщенная въ декабрьской книжкѣ «Недѣли» за 1897 годъ. Въ ней подробно описывается рядъ отступленій отъ устава о ссыльныхъ въ пользу Овсянникова, съ которыми тщетно боролся товарищъ прокурора и починъ которыхъ принадлежалъ приказчику или какому-то родственнику ссылаемаго, тратившему, по слухамъ, большія суммы для доставленія ему всевозможныхъ облегченій и удобствъ. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы родственники Овсянникова, участливо заботясь о немъ въ пути, могли оставить его на произволъ судьбы и въ мѣстѣ ссылки.

Это дѣло было настоящимъ торжествомъ новаго суда. Нѣмецкая сатирическая печать даже не хотѣла вѣрить, чтобы *двѣнадцатикратный* (zwölffache) милліонеръ Овсянниковъ могъ быть арестованъ, а если бы это и случилось, то выражала увѣренность, что на-дняхъ станетъ извѣстнымъ, что *одиннадцатикратный* (elffache) милліонеръ Овсянниковъ выпущенъ на свободу.

Мнѣ вспоминается, какъ была поражена привезенная изъ Москвы для слѣдственныхъ дѣйствій знаменитая игуменья Митрофанія, когда при ней привели въ обширную камеру Книрима не менѣе, хотя и въ другомъ родѣ, знаменитаго Овсянникова. Взглянувъ другъ на друга и озираясь на свое еще недавнее прошлое, они могли воскликнуть: «Панъ умеръ! великій Панъ умеръ!»...

II.

Изъ Казанскихъ воспоминаній.

Если бы знаменитый криминологъ Ломброзо увидалъ нѣкоего *Нечаева,* котораго мнѣ пришлось обвинять въ Казани весною 1871 года, то онъ, конечно, нашелъ бы, что это яркій представитель изобрѣтеннаго итальянскимъ ученымъ *преступнаго типа* и прирожденный преступникъ — маттоидъ. Маленькаго роста, растрепанный, съ низкимъ лбомъ и злыми глазами, курносый,— онъ всей своей повадкой и наружностью подходилъ къ излюбленному Болонскимъ профессоромъ искусственному типу. Онъ представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своего рода психологическую загадку по той смѣси жестокости, нахальства и чувствительности, которыя отражались въ его дѣйствіяхъ.

Въ 1871 г. Благовѣщеніе приходилось въ пятницу на Страстной недѣлѣ. «Свято соблюдая — обычай русской старины», старикъ портной Черновъ рѣшилъ, вмѣсто птицы, выпустить на свободу человѣка. Онъ отправился въ тюремный замокъ и тамъ узналъ, что есть арестантъ — отставной военный писарь Нечаевъ, обвиняемый въ кражѣ и сидящій лишь за неимѣніемъ поручителя на сумму 50-ти рублей. Черновъ обратился къ начальству тюрьмы, прося отдать ему на поруки Нечаева, и, по соблюденіи формальностей, получилъ его на свои руки и немедленно привелъ къ себѣ въ мастерскую, подаривъ ему при этомъ

двѣ ситцевыхъ рубашки и рубль серебромъ. Съ ними Нечаевъ немедленно исчезъ и вернулся лишь предъ самой пасхальной заутреней и, конечно, безъ рубашекъ и безъ рубля. Утромъ въ день Свѣтлаго Воскресенія онъ сталъ требовать еще денегъ, но Черновъ отказалъ. Въ четыре часа дня послѣдній оказался убитымъ, съ кровоподтеками на вискѣ и на лбу, при чемъ шея его была почти совершенно перерублена топоромъ, валявшимся тутъ же, а голова висѣла лишь на широкомъ лоскутѣ кожи. Карманы платья Чернова были выворочены, и со стѣны исчезло его новое, только-что сшитое пальто. Исчезъ и Нечаевъ. Онъ былъ обнаруженъ ночью въ домѣ терпимости, при чемъ на спинѣ его, на рубашкѣ, найдено было большое кровавое пятно; такое же пятно было и на подкладкѣ пальто со стороны спинки. Нечаевъ ни въ чемъ не сознавался и даже отрицалъ свое знакомство съ Черновымъ и пребываніе въ его домѣ. Онъ держалъ себя чрезвычайно нагло. Когда его вели въ сопровожденіи массы любопытствующаго народа на квартиру Чернова для присутствія при осмотрѣ мѣста преступленія, онъ обратился къ проѣзжавшему мимо губернатору со словами: — Ваше превосходительство, а что бы вамъ меня за деньги показывать? — вѣдь большая бы выручка была!

Предъ осмотромъ и вскрытіемъ трупа убитаго въ анатомическомъ театрѣ университета, Нечаевъ прислалъ мнѣ заявленіе о непремѣнномъ желаніи своемъ присутствовать при этой процедурѣ. Во время послѣдней онъ, совершенно неожиданно, держалъ себя весьма прилично и внимательно вглядывался и вслушивался во все, что дѣлалъ и говорилъ профессоръ судебной медицины И. М. Гвоздевъ. Когда послѣдній кончилъ, Нечаевъ спросилъ меня: — какъ объясняетъ онъ кровоподтекъ на лбу? Я попросилъ Гвоздева повторить обвиняемому это мѣсто его visum repertum и заключенія. — Этотъ кровоподтекъ долженъ быть признанъ посмертнымъ, — сказалъ Гвоздевъ, — онъ, вѣроятно, полученъ уже умершимъ Черновымъ во время паденія съ наръ, возлѣ которыхъ найденъ покойный, отъ удара обо что-нибудь тупое. — Нечаевъ злобно усмѣхнулся и вдругъ, обращаясь ко мнѣ и къ слѣдователю, громко сказалъ: — Гм! послѣ

смерти?! все вретъ дуракъ! Это я его обухомъ топора живого, а не мертваго; онъ еще послѣ этого закричалъ. — И затѣмъ Нечаевъ тутъ же, не безъ развязности, разсказалъ, какъ, затаивъ злобу на Чернова за отказъ въ деньгахъ, поджидалъ его возвращенія съ визитовъ — и какъ Черновъ вернулся подъ хмелькомъ, но грустный, и жаловался ему, что у него сосетъ подъ сердцемъ «точно смертный часъ приходитъ».—Тутъ я,—продолжалъ свой разсказъ Нечаевъ, — увидѣлъ, что дѣйствительно его часъ пришелъ. Ударомъ кулака въ високъ сбросилъ я его съ нара, на краю которыхъ онъ сидѣлъ, схватилъ топоръ и ударилъ его обухомъ по лбу. Онъ вскрикнулъ: «что ты, разбойникъ, дѣлаешь?!» — а потомъ *забормоталъ* и, наконецъ, замолчалъ. Я сталъ шарить у него въ карманахъ, но, увидя, что онъ еще живъ, ударилъ его изо всей силы топоромъ по шеѣ. Кровь брызнула, *какъ кислыя щи*, и попала на пальто, которое Черновъ повѣсилъ на стѣну, повернувъ подкладкой кверху, потому что оно было новое. Я крови не замѣтилъ, когда надѣвалъ пальто; оттого у меня она и на спинѣ оказалась. А вы, можетъ, и повѣрили, что это изъ носу? — насмѣшливо заключилъ онъ, обращаясь къ слѣдователю и напоминая свое первое объясненіе этого пятна.

Въ тюрьмѣ онъ себя держалъ спокойно и просилъ «почитать книжекъ». Но когда я однажды взошелъ къ нему въ камеру, онъ заявилъ мнѣ какую-то совершенно нелѣпую жалобу на смотрителя и, не получивъ по ней удовлетворенія, сказалъ мнѣ: — значитъ, теперь мнѣ надо на *васъ* жаловаться?—Да, на меня.— А кому? — Прокурору судебной палаты, а еще лучше министру юстиціи: онъ здѣсь будетъ чрезъ недѣлю. — Гм, мое дѣло, значитъ, при немъ пойдетъ?—Да, при немъ.—Эх-ма! въ карманѣ-то у меня дыра, а то бы князя Урусова надо выписать. Дѣло мое вѣдь очень интересное. А кто меня будетъ обвинять? — Я. — Вы сами?—Да, самъ.—То-то, я думаю, постараетесь! при министрѣ-то? — вызывающимъ тономъ сказалъ онъ. — За вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ,—отвѣтилъ я извѣстной поговоркой.— А вы бы меня, господинъ прокуроръ, пожалѣли: не весело вѣдь на каторгу идти.—Объ этомъ надо было думать прежде, чѣмъ убивать для грабежа.—А зачѣмъ онъ мнѣ денегъ не далъ? вѣдь

и я хочу погулять на праздникахъ. Я такъ скажу: меня не только пожалѣть надо, а даже быть мнѣ благодарнымъ. Не будь нашего брата, вамъ бы и дѣлать было нечего, жалованье не за что получать. — Да по человѣчеству мнѣ и впрямь жаль, — сказалъ я. — А коли жаль, такъ у меня къ вамъ и просьба: тутъ какъ меня выводили гулять или за нуждой — что ли, забралась ко мнѣ въ камеру кошка, да и окотилась; такъ я просилъ двухъ котятокъ мнѣ отдать: съ ними занятнѣе, чѣмъ съ книжкой. Однако не дали. Прикажите дать, явите Божескую милость! — Я сказалъ смотрителю, что прошу исполнить просьбу Нечаева.

Въ засѣданіи суда, въ началѣ іюня, дѣйствительно присутствовалъ графъ Паленъ, пріѣхавшій въ Казань на ревизію. Нечаевъ держалъ себя очень развязно, говорилъ колкости свидѣтелямъ и заявилъ, что убійство совершилось «фоментально» (т. е. моментально). Присяжные не дали ему снисхожденія, и онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги. Въ тотъ же день казанское дворянство и городское общество давали обѣдъ графу Палену въ залѣ дворянскаго собранія. Въ срединѣ обѣда мнѣ сказали, что пріѣхалъ смотритель тюремнаго замка по экстренному дѣлу. Я вышелъ къ нему, и онъ объяснилъ, что Нечаевъ, привезенный изъ суда, началъ буйствовать, вырвалъ у конвойнаго ружье и согнулъ штыкъ (онъ обладалъ громадной физической силой), а затѣмъ выломалъ у себя въ камерѣ изъ печки кирпичъ и грозилъ размозжить голову всякому, кто къ нему войдетъ. Его удалось обезоружить, но смотритель находилъ необходимымъ заковать его въ ручные и ножные кандалы, не желая, однако, это сдѣлать безъ моего вѣдома, такъ какъ на мнѣ лежали и обязанности стараго губернскаго прокурора. Я отнесся отрицательно къ этой крайней мѣрѣ и посовѣтовалъ ему подѣйствовать на Нечаева какимъ-нибудь инымъ образомъ. — Что — котята еще у него? — У него — онъ возится съ ними цѣлый день и изъ послѣднихъ грошей поитъ ихъ молокомъ. — Такъ возьмите у него въ наказаніе котятъ. — Смотритель, старый служака прежнихъ временъ, посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, потомъ презрительно пожалъ плечами и иронически сказалъ — слушаю-съ!

Прошло три дня. Смотритель явился ко мнѣ вновь. — Господинъ прокуроръ, позвольте отдать котятъ Нечаеву. — А что? — Да никакъ невозможно. — Что же? буйствуетъ? — Какое, помилуйте! ничего не ѣстъ, лежитъ у дверей своей камеры на полу, стонетъ и плачетъ горючими слезами: «отдайте котятъ, — говоритъ, — ради Христа отдайте! Дѣлайте со мной, что хотите: ни въ чемъ перечить не буду, только котяточекъ моихъ мнѣ!» — Даже жалко его стало. Такъ можно отдать? Онъ ужъ будетъ себя вести примѣрно. Такъ и говоритъ: «отдайте: Бога за васъ молить буду!»

И котята были отданы убійцѣ Чернова.

III.

Изъ Харьковскихъ воспоминаній.

Я всегда находилъ, что въ нашей русской жизни воспитаніе дѣтей построено на самыхъ извращенныхъ пріемахъ, если только вообще можно говорить о существованіи *воспитанія* въ истинномъ смыслѣ слова между русскими людьми. Даже вполнѣ развитые родители по большей части относятся къ дѣтямъ съ слѣпотою животной любви и совершенно не думаютъ о томъ, что впечатлѣнія, даваемыя воспріимчивой душѣ ребенка, должны быть строго соразмѣрены съ его возрастомъ и съ той работой мысли и чувства, которую они собой вызываютъ. Въ особенности это можно сказать про чтеніе, невниманіе къ выбору котораго у нѣкоторыхъ *воспитателей* граничитъ съ преступностью, тяжкія послѣдствія которой лишь иногда парализуются чистотою дѣтской души и свойственнымъ возрасту непониманіемъ тѣхъ или другихъ отношеній. Сюда же относятся неосторожность въ разговорахъ при дѣтяхъ и безсмысленное, подчасъ доходящее до безсознательной жестокости, стремленіе доставлять дѣтямъ *развлеченіе*, въ которомъ дѣтская душа менѣе всего нуждается, находя себѣ пищу въ простыхъ явленіяхъ окружающей природы и жизни. Я знаю не мало образованныхъ и добрыхъ людей между моими друзьями и хорошими знакомыми. Но, когда порой я вижу, какъ они воспитываютъ своихъ дѣтей, спѣша насытить

ихъ души преждевременными впечатлѣніями и болѣзненно развить ихъ фантазію и тщеславіе, — какъ возятъ ихъ по циркамъ, загороднымъ садамъ и театрамъ, — какъ заставляютъ ихъ разыгрывать взрослыхъ на такъ называемыхъ «дѣтскихъ балахъ», — какъ, въ ущербъ своему естественному авторитету, стараются поставить ихъ въ положеніе равноправныхъ и ничѣмъ не стѣсняемыхъ товарищей, — я готовъ сурово порицать этихъ добрыхъ и милыхъ людей за то, что къ сомнительному благодѣянію — дать жизнь — они присоединяютъ еще и жестокость своей воспитательной отравы. Но объ этомъ можно бы писать цѣлые часы, писать слезами и кровью, широко почерпнутыми изъ повседневныхъ явленій современной жизни съ ея психопатами, неврастениками и самоубійцами.

И мнѣ невольно вспоминается первое изъ впечатлѣній ужаса, которое я испыталъ вслѣдствіе стремленія доставлять дѣтямъ развлеченія. Когда мнѣ было лѣтъ восемь, меня взяли въ Пассажъ, въ Петербургѣ, гдѣ былъ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Я вижу этотъ кабинетъ и всѣ фигуры до сихъ поръ съ такой отчетливостью, какъ будто я стою передъ ними. Въ концѣ кабинета въ послѣдней комнатѣ помѣщалась темная раздвижная занавѣсь и предъ нею маленькая рампа, за которой зажгли рядъ свѣчей; затѣмъ хозяинъ кабинета на ломаномъ русскомъ языкѣ объяснилъ усѣвшимся предъ рампой посѣтителямъ, что будетъ показана сцена изъ временъ испанской инквизиціи, представляющая пытку дочери знатнаго испанца, которую слуга-негръ обвинялъ въ ереси. Присутствовавшая при пыткѣ сестра несчастной сошла, при видѣ ея страданій, съ ума, а доносчикъ, запертый въ сосѣдней комнатѣ, сознавъ гнусность своего поступка и слыша стоны своей жертвы, старается разбить себѣ голову объ стѣну. Послѣ этого объясненія, слѣдовало меня, воспріимчиваго и нервнаго ребенка, взять за руку и немедленно увести. Но это противорѣчило бы теоріи доставленія развлеченій...

Занавѣсь раздвинулась, и предстала картина, которая никогда не изгладится изъ моей памяти. По стѣнамъ, въ глубинѣ сцены, стоялъ рядъ монаховъ съ надѣтыми на голову черными остроконечными капюшонами, въ которыхъ были сдѣланы лишь

два маленькихъ зловѣщихъ отверстія для глазъ; — предъ ними, за покрытымъ чернымъ сукномъ столомъ стоялъ, протянувъ повелительно руку, главный инквизиторъ въ красной мантіи, а на первомъ планѣ одинъ палачъ, въ узкомъ черномъ же капюшонѣ, но не въ рясѣ, крѣпко держалъ стоявшую на колѣняхъ молодую и красивую дѣвушку съ растрепанными волосами, разинутымъ, конечно, для крика, ртомъ и полными страданія и ужаса глазами, а другой, схвативъ ее за руку, окровавленными клещами вырывалъ у нея ногти. Въ сторонѣ, лицомъ къ зрителю, стояла ея сестра въ бѣломъ платьѣ, устремивъ вдаль безумный взоръ и зажимая себѣ уши руками, а рядомъ, въ небольшой комнаткѣ, молодой негръ или вѣрнѣе мулатъ, въ свѣтлой одеждѣ, съ ужаснымъ выраженіемъ лица, ударялся головой объ стѣну, и кровь текла по его лицу, оставляя слѣды на стѣнѣ и на платьѣ. Мнѣ трудно передать, что я перечувствовалъ, глядя на эту картину. Доставленіе мнѣ этого жестокаго развлеченія сопровождалось, въ томъ же воспитательномъ ослѣпленіи, предложеніемъ книги Поля Ферраля: «Тайны испанской инквизиціи», а результатъ всего этого выразился въ томъ, что я почти мѣсяцъ не могъ спать, переживая каждую ночь видѣнную мною картину или постоянно просыпаясь съ крикомъ ужаса, если удавалось забыться на нѣкоторое время. Съ тѣхъ поръ у меня явилось инстинктивное и непреодолимое отвращеніе къ восковымъ фигурамъ, и попытки переломить себя и зайти въ Panopticum въ Берлинѣ стоили мнѣ насилія надъ собой и отравленнаго на цѣлый день настроенія. Говоря откровенно, если бы даже и теперь, когда мнѣ идетъ седьмой десятокъ, мнѣ предложили остаться на ночь въ комнатѣ, гдѣ лежитъ нѣсколько труповъ, хотя бы и въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приходится видѣть въ анатомическомъ театрѣ, — или же въ комнатѣ, гдѣ находится нѣсколько восковыхъ фигуръ, одѣтыхъ и даже красивыхъ, я безъ колебаній предпочелъ бы первое, до того мнѣ тягостно и тошнотворно зрѣлище этихъ остановившихся глазъ и этихъ безжизненныхъ рукъ и ногъ, предъ которыми ноги трупа все-таки кажутся болѣе живыми. Замѣчу при этомъ, что флорентійскія раскрашенныя статуи не производятъ на меня никакого непріят-

наго впечатлѣнія. Очевидно, въ основѣ всего лежитъ восковой кабинетъ въ пассажѣ.

Я думаю вообще, что восковые кабинеты и во многихъ отношеніяхъ современные намъ кинематографы должны быть подчинены строгому и дѣйствительному надзору для огражденія ихъ посѣтителей отъ вредныхъ и противныхъ стыдливости впечатлѣній, пріучающихъ зрителей къ спокойному созерцанію жестокости или къ удовлетворенію болѣзненной и кровожадной любознательности. Для меня несомнѣнно дурное вліяніе на многихъ изъ посѣтителей музея Grevin въ Парижѣ, подносящаго своимъ посѣтителямъ послѣднія новинки изъ міра отчаянія, крови и преступленій или такъ называемыхъ «Volterkammer» нѣмецкихъ восковыхъ кабинетовъ. При этомъ надо замѣтить, что картины страданій и вызываемый ими ужасъ для многихъ имѣютъ въ себѣ ядовитую привлекательность. Такое же вліяніе имѣютъ иногда и тѣ произведенія живописи, въ которыхъ этическое и эстетическое чутье не подсказало художнику, что есть въ изображеніи дѣйствительности или возможности черта, переходить за которую не слѣдуетъ, ибо за нею изображеніе уже становится проступкомъ и при томъ проступкомъ безжалостнымъ и дурнымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ на художественныхъ выставкахъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ были двѣ картины. Одна представляла *пытку водою*, при чемъ безумные отъ страданія, выпученные глаза и отвратительно вздутый животъ женщины, въ которую вливаютъ, зажимая ей носъ, чтобы заставить глотать, *второе ведро* воды, — были изображены съ ужасающей реальностью. На другой, носившей названіе «Искушеніе святого Антонія», мѣсто традиціонныхъ бѣсовъ и обнаженныхъ женщинъ занимали мертвецы всѣхъ степеней разложенія, пожиравшіе другъ друга и пившіе изъ спиленной верхней части своего черепа, обращенной въ чашу, лежавшій въ ней свой собственный мозгъ. Предъ обѣими картинами всегда стояла толпа, — нѣкоторые возвращались къ нимъ по нѣскольку разъ — и въ то время, когда изъ ихъ устъ раздавались невольные возгласы отвращенія и ужаса, глаза ихъ жадно впивались во всѣ отталкивающія подробности...

Конечно, я говорю о пребываніи въ комнатѣ съ трупами лишь при неизбѣжности выбора между ними и восковыми куклами, ибо и съ трупами я испыталъ два очень тяжелыхъ впечатлѣнія. Оба они имѣли мѣсто въ Харьковѣ.

На Рыбной улицѣ былъ убитъ въ своей лавкѣ купецъ Бѣлоусовъ жестокимъ ударомъ большого полѣна въ лицо, которое представляло изъ себя неподдающійся описанію страшный видъ; особенно тяжкое впечатлѣніе производилъ одинъ уцѣлѣвшій глазъ, выпученный какъ бы съ выраженіемъ застывшаго ужаса, тогда какъ другой былъ выбитъ ударомъ и размозженный висѣлъ на какихъ-то синевато-красныхъ нитяхъ. Старикъ лежалъ поперекъ порога изъ задней комнаты въ лавку, такъ что для перехода изъ одной въ другую приходилось шагать черезъ его трупъ, одѣтый въ длинный бѣлый халатъ. Руки старика со скорченными пальцами были подняты вверхъ и такъ и застыли, а ноги широко раскинуты. Вся фигура представляла тягостное зрѣлище и казалась въ полусвѣтѣ задней комнаты колоссальной. Было очевидно, что убійца вошелъ не въ дверь лавки, которая была заперта тяжелымъ засовомъ и замкомъ, ключъ отъ котораго оказался въ карманѣ халата убитаго. Онъ не могъ войти и чрезъ чердакъ и проломанное въ потолкѣ отверстіе, такъ какъ слѣды крови и рукъ на приставленной къ этому отверстію лѣстницѣ указывали, что она была принесена послѣ убійства и что ее протащили черезъ трупъ. Оставалось притти къ выводу, что убійца проникъ съ задняго хода, гдѣ дверь запиралась довольно слабо входившимъ въ петлю длиннымъ крючкомъ. Для подтвержденія этого вывода нужно было убѣдиться, что убійца, дергая дверь, могъ заставить крючокъ прыгать и, наконецъ, совсѣмъ выскочить изъ петли. Затѣмъ, когда Бѣлоусовъ — человѣкъ одинокій и опасливый, собиравшійся уже ложиться спать въ лавкѣ, гдѣ за прилавкомъ стояла его кровать, быть-можетъ привлеченный шумомъ, пошелъ въ заднюю комнату и показался на ея порогѣ, притаившійся у стѣны убійца ударилъ его со страшной силой длиннымъ полѣномъ по головѣ и убилъ. Полѣно это, все въ крови и съ прилипшими къ нему сѣдыми волосами съ головы и бороды старика, валялось около трупа. Для того,

чтобы надѣть крючокъ и видѣть его положеніе при дерганьи двери, нужно было кому-либо войти въ заднюю комнату и въ ней запереться. Судебный слѣдователь рѣшилъ остаться снаружи и въ присутствіи понятыхъ дергать дверь. На мое предложеніе помощнику полицейскаго пристава войти и запереться, онъ отвѣчалъ, что ему дурно, и онъ проситъ освободить его отъ этого опыта. Тогда я рѣшилъ запереться самъ, оставшись одинъ въ полумракѣ задней комнаты, въ одномъ шагѣ отъ мертваго старика.

Тяжелый воздухъ стоялъ въ комнатѣ, и гнетущая тишина господствовала вокругъ, покуда слѣдователь Гераклитовъ готовился начать дергать дверь. Чѣмъ болѣе глаза привыкали къ полусвѣту маленькой комнаты, скорѣе похожей на каморку, тѣмъ явственнѣе рисовалась фигура убитаго. Накладывая крючокъ, я долженъ былъ обходить полѣно, чтобы оставить его для описанія при осмотрѣ въ прежнемъ положеніи и при этомъ полами своего пальто касаться одной изъ окоченѣлыхъ рукъ старика. Началось дерганье двери, крючокъ прыгалъ, но не соскакивалъ съ петли. Иногда дерганье прерывалось, смутно было слышно, что слѣдователь что-то объяснялъ понятымъ, затѣмъ наступало нѣсколько мгновеній тишины, которыя начинали казаться цѣлой вѣчностью. Наконецъ дерганье прекратилось вовсе, голоса замолкли, и я остался одинъ съ убитымъ старикомъ. Такъ прошло минуты двѣ. Затѣмъ дерганье возобновилось съ новой энергіей, и я долженъ былъ собрать всю силу самообладанія, чтобы не *помочь* крючку выскочить изъ петли. Но вотъ — онъ сталъ прыгать сильнѣе, и, наконецъ, дверь распахнулась, и въ мое заточеніе хлынулъ потокъ свѣта. Я былъ бѣлѣе старикова халата, и сердце мое усиленно и нервно билось гдѣ-то у самаго горла, стѣсняя дыханіе и затрудняя рѣчь. Сознаніе, что я — юный товарищъ прокурора — подалъ примѣръ смѣлости полицейскому чиновнику не очень меня радовало, ибо въ глубинѣ души я понималъ, что, продлись еще одну минуту медлительный опытъ надъ дверью и раздумье предъ нею Гераклитова, я бы лежалъ безъ чувствъ въ объятіяхъ старика.

Другой случай могъ бы послужить матеріаломъ для одного изъ разсказовъ Эдгара Поэ, до такой степени въ немъ собрался

воедино рядъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждаго было бы достаточно, чтобы не быть никогда забытымъ. Въ Харьковѣ существовалъ, а быть-можетъ существуетъ и нынѣ, обычай замѣнять новогодніе визиты раутомъ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ всѣ лица общества обмѣнивались привѣтствіями, а молодежь танцовала. Перваго января 1869 г. я отправился на этотъ раутъ, но, выходя изъ дому, получилъ письмо, въ которомъ меня, какъ товарища прокурора, извѣщали, что въ тюремномъ замкѣ товарищами по заключенію былъ убитъ арестантъ, а начальство скрыло это происшествіе. Убитаго отпѣли, какъ умершаго естественною смертью, несмотря на то, что многіе видѣли боевые знаки на лицѣ у лежавшаго въ гробу, — и, чтобы окончательно опустить концы въ воду, трупъ отправили въ анатомическій театръ, откуда его возьмутъ, конечно, въ препаровочную, и всякій слѣдъ преступленія потеряется.

Письмо было анонимное, но на порядкахъ харьковскаго тюремнаго замка со времени знаменитаго на югѣ Россіи дѣла *о поддѣлкѣ серій* лежала тѣнь подозрѣній. Поэтому, встрѣтивъ на раутѣ прокурора судебной палаты Писарева, я показалъ ему это письмо, и мы рѣшили, что я произведу личное дознаніе, немедленно отправясь въ анатомическій театръ для разысканія трупа. На раутѣ былъ и профессоръ патологической анатоміи, милый, глубоко-ученый и оригинальный другъ мой Душанъ Ѳедоровичъ Лямбль. Я просилъ его отправиться со мною, на что онъ выразилъ согласіе съ большой готовностью, и мы, какъ были на раутѣ, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, поѣхали въ университетъ, гдѣ не безъ труда разыскали полупьянаго сторожа, и этотъ своеобразный Виргилій повелъ насъ по кругамъ анатомическаго ада. Миновавъ нѣсколько комнатъ, мы вступили въ амфитеатръ, передъ пустыми скамьями котораго стоялъ столъ съ мраморной доской, и на немъ сидѣла обнаженная молодая женщина, прислоненная къ особой подпоркѣ, поддерживавшей ея голову. Молодое и красивое тѣло ея было немного подернуто зеленью разложенія, окоченѣлыя руки и ноги были слегка согнуты въ колѣняхъ и локтяхъ, а лицо... лица было не видно, ибо головная кожа была подрѣзана отъ одного уха до другого

черезъ шею ниже затылка и вывернутая наизнанку, зіяя мясомъ и мелкими сосудами, была надвинута на лобъ и на лицо. Густые бѣлокурые волосы спускались изъ-подъ нея и совершенно закрывали лицо это и верхнюю часть груди. Въ такомъ видѣ она была приготовлена наканунѣ для какого-то анатомо-патологическаго изслѣдованія, которое должно было произойти 2-го января. Трудно передать то ощущеніе состраданія и вмѣстѣ отвращенія, которое вызывала своимъ видомъ эта ужасная фигура... Миновавъ ее, мы вошли въ длинный коридоръ съ небольшими и тусклыми окнами, бывшими, если не измѣняетъ память, на уровнѣ выше роста человѣка. Я нѣсколько разъ оглядывался назадъ, и каждый разъ мой взоръ встрѣчалъ все ту же фигуру, сидѣвшую на столѣ прямо противъ дверей. Издали казалось, что это сидитъ голый бородатый человѣкъ, нахлобучившій на себя красную шапку. Въ концѣ коридора нѣсколько ступенекъ вели въ кладовую, освѣщенную однимъ окномъ, гдѣ хранились трупы, присланные для вскрытія и для студенческихъ работъ изъ полиціи и больницъ. Это были разные бездомные, смертные останки которыхъ не приняли любящія руки; — были опившіеся или замерзшіе, подобранные на улицахъ и въ уѣздѣ. За праздники ихъ накопилось много, и они лежали на низкихъ и широкихъ нарахъ другъ на другѣ, голые, позеленѣвшіе, покрытые трупными пятнами, съ застывшей гримасой на лицѣ или со скорбной складкой синихъ губъ, по большей части съ открытыми глазами, безсмысленно глядящими мертвымъ взоромъ. На большомъ пальцѣ правой ноги каждаго изъ нихъ, на веревочкѣ былъ привязанъ номеръ по реестру, въ которомъ значилось — кто и откуда присланъ. Лямбль послалъ за реестромъ, и мы стали курить и ходить по коридору, гдѣ было весьма холодно.

Въ обоихъ концахъ коридора насъ постоянно встрѣчало одно и то же зрѣлище: то сидящая женщина, то груда мертвыхъ тѣлъ. Наконецъ, сторожъ принесъ реестръ и сталъ отыскивать ноги трупа, присланнаго изъ тюрьмы. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ труповъ лежали головами въ противоположныхъ направленіяхъ, то ихъ пришлось переворачивать, чтобы отыскивать

номера ногъ, обращенныхъ къ стѣнѣ, и сторожъ, должно-быть по дорогѣ еще выпившій, ворча себѣ подъ носъ, для сокращенія своей работы, взлѣзъ на эти трупы и сталъ ихъ разбирать, какъ дрова, вытаскивая одного изъ-подъ другого. Искомый нами номеръ оказался на ногѣ мертвеца, лежавшаго въ самомъ низу, головой къ стѣнѣ. Сторожъ сталъ тянуть его за ноги, при чемъ лежавшіе сверху стали поворачиваться. Вотъ показались тѣло и руки, задѣвавшія другихъ мертвецовъ и въ нихъ упиравшіяся,—вотъ грудь и плечи, но гдѣ же голова?! Оказалось, что голова отрѣзана умѣлою рукою и исчезла вмѣстѣ со своими «боевыми знаками». Сторожъ припомнилъ, что голова отрѣзана и унесена прозекторомъ для какихъ-то спеціальныхъ надобностей. Посланный тотчасъ же къ прозектору, жившему тутъ же на дворѣ, сторожъ, продолжая ворчать, пошелъ лѣнивою походкой, предварительно прислонивъ безголовый трупъ къ его товарищамъ по несчастью. Мы снова стали ходить по коридору и курить. Между тѣмъ короткій зимній день началъ смѣняться надвигающимися сумерками. Сторожъ не возвращался. Наконецъ Лямбль потерялъ терпѣніе и, сказавъ мнѣ: «я пойду за головою самъ», быстро удалился, такъ что я не успѣлъ возбудить вопроса о томъ, не пойти ли съ нимъ и мнѣ. Притомъ сторожъ могъ вернуться безъ него, пройдя съ какого-нибудь другого хода и, не найдя никого, исчезнуть уже на цѣлый день.

Подавляя въ себѣ ощущеніе невольной робости, я сталъ ходить по коридору, а сумерки все сгущались. Вскорѣ уже трудно стало различать всѣ подробности въ подвалѣ и большой залѣ и, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, изъ густой полутьмы выступали только бѣлое тѣло сидящей женщины и зеленоватое грузное тѣло человѣка безъ головы. Изъ залы *слышалось* таинственное и зловѣщее *молчаніе*. Изъ подвала проникалъ насыщенный тяжкимъ запахомъ разложенія воздухъ, приносившій иногда похожіе на вздохи звуки, издаваемые газами во внутренностяхъ потревоженныхъ труповъ. Наконецъ, стемнѣло совершенно. Я пересталъ ходить, смущаемый гуломъ моихъ шаговъ, и остановился посрединѣ коридора, сторожимый съ двухъ сторонъ мертвыми товарищами моего тяжелаго одиночества. Вспоминая, что менѣе

чѣмъ за два часа передъ этимъ я былъ въ свѣтлой и праздничной залѣ, видѣлъ веселую и нарядную толпу, говорилъ съ изящными, полными жизни и веселья женщинами, я начиналъ думать, что видѣлъ все это во снѣ или, наоборотъ, что то, что меня окружаетъ, какой-то тяжкій кошмаръ, который сейчасъ разсѣется, и грудь, въ которую начиналъ заползать неотвратимый ужасъ, вздохнетъ облегченно. Не могу дать себѣ отчета, сколько времени провелъ я въ этомъ состояніи. Но вотъ въ залѣ показался слабый свѣтъ, и затѣмъ въ концѣ коридора послышались шаги, и появился Лямбль съ мѣшкомъ въ рукахъ, а за нимъ сторожъ съ фонаремъ. Въ мѣшкѣ была голова съ ярко красными пятнами на лицѣ. Лямбль приладилъ ее къ шеѣ стоявшаго трупа и, убѣдившись, что она на своемъ мѣстѣ, снова снялъ ее и, разсматривая внимательно, сказалъ мнѣ: «въ письмѣ написанъ вздоръ: это не кровоподтеки отъ побоевъ, это воспалительное состояніе кожи; это, вѣроятно и даже несомнѣнно, слѣды мѣстнаго воспаленія. Я пришлю вамъ завтра письменный объ этомъ отзывъ». — И, взявъ съ собою голову, онъ вмѣстѣ со мною удалился.

Мнѣ пришлось и въ другой разъ посѣтить харьковскій анатомическій театръ, отыскивая Лямбля для полученія его совѣта относительно экспертизы по вопросу о психозѣ беременной женщины, обвинявшейся въ Валкахъ въ покушеніи на жизнь мужа. Я нашелъ его передъ памятнымъ мнѣ мраморнымъ столомъ, окруженнымъ группою студентовъ. Онъ дѣлалъ вскрытіе трупа, въ подтвержденіе постановленнаго діагноза, и производилъ его съ изумительнымъ искусствомъ, точностью и знаніемъ, которые такъ и развертывались подъ каждымъ движеніемъ его скальпеля. Весь отдавшись разрѣшенію патологическаго вопроса, оживленный и увѣренный въ себѣ, жадно посасывая маленькій окурокъ сигары, какимъ-то чудомъ не обжигавшій ему носъ, онъ казался настоящимъ жрецомъ науки на исключительномъ ей служеніи. Когда вскрытіе было окончено и заключено его блестящимъ выводомъ, онъ, давъ мнѣ требуемое указаніе, сказалъ: «пойдемте въ моей патолого-анатомическій кабинетъ: я вамъ покажу, что осталось отъ госпожи NN...». Эта NN была жизнерадостная, изящная красавица съ бѣлокурыми пепельнаго цвѣта

волосами и большими «бархатными» черными глазами. Она составляла предметъ явнаго восхищенія и тайнаго злословія мѣстнаго общества, въ которомъ играла весьма замѣтную роль. Ей льстили въ глаза, а за глаза — нѣкоторыя не безъ зависти — обвиняли ее въ близкихъ отношеніяхъ со знатнымъ и чрезвычайно богатымъ мѣстнымъ обывателемъ. Если это было вѣрно, то надо сказать, что между свойствами, которыми онъ взялъ ея сердце — любовь съ его стороны, нѣжная и искренняя, играла во всякомъ случаѣ главную роль. Любовь эта пережила ея кончину и вызвала со стороны осиротѣвшаго покупку дома, гдѣ она жила, и устройство часовни въ спальнѣ, гдѣ она испустила въ страшныхъ страданіяхъ послѣднее дыханіе. Несчастная женщина, которую я видѣлъ дней за десять до свиданія съ Лямблемъ во всемъ блескѣ ея красоты, молодости и внѣшняго успѣха на одномъ балѣ, вѣроятно, хотѣла избавиться отъ беременности. Это, подъ видомъ какой-то операціи, было совершено поспѣшно и неумѣло. Предполагался прорывъ стѣнки... Молва обвиняла въ этомъ одного изъ видныхъ врачей, и прокуроръ Судебной Палаты Писаревъ возбудилъ по этому поводу предварительное слѣдствіе. Чѣмъ оно окончилось, я не знаю, такъ какъ вскорѣ былъ переведенъ изъ Харькова.

Придя въ патолого-анатомическій кабинетъ, Лямбль показалъ мнѣ плоскій открытый сосудъ, наполненный спиртомъ, и въ немъ пострадавшіе внутренніе органы несчастной женщины. Въ главномъ изъ нихъ былъ замѣтный прорывъ, происшедшій отъ ошибочнаго направленія какого-нибудь инструмента или, вѣрнѣе, согнутаго пальца. Сердце мое сжалось, и тщета всего житейскаго предстала предо мною со всею ясностью. Съ какимъ восторженнымъ обожаніемъ относились къ той, кому принадлежали эти безкровныя, похожія на сѣрыя тряпки, внутренности! И вотъ, освобожденная отъ нихъ, лежитъ въ сырой землѣ и уже сдѣлалась добычею червей очаровательная красавица съ большими радостными и наивными глазами, которымъ такъ улыбалась принимаемая не въ серьезъ жизнь. Надъ ея еще живымъ въ памяти образомъ извиваются злорѣчіе и злорадство,

а надъ содержимымъ сосуда равнодушно скользитъ безучастный взглядъ судебнаго врача и слѣдователя...

Упомянувъ о Лямблѣ и вызвавъ предъ собою его симпатичный и оригинальный образъ, я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколько словъ. Ученикъ знаменитаго Гиртля,—подвижный, энергическій, съ прекрасными, полными жизни, умными карими глазами на сухощавомъ лицѣ, подъ нависшимъ хохломъ сѣдѣющихъ волосъ, Лямбль производилъ впечатлѣніе выдающагося человѣка и былъ таковымъ въ дѣйствительности. Хозяинъ въ своей части, онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, а отзывался на всевозможные духовные запросы человѣческой природы. Любитель и знатокъ европейской литературы, тонкій цѣнитель искусства, онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ «nihil humanum me alienum puto». Онъ, напримѣръ, въ подробности изучалъ и зналъ Данта, а своими объясненіями и замѣчаніями внушалъ мнѣ любовь и интересъ къ художественной дѣятельности Гогарта. Какъ практическій врачъ, онъ подсмѣивался надъ узкой спеціализаціей, столь развившейся въ послѣднее время, и въ пониманіи картины и значенія болѣзни давалъ ходъ собственной творческой мысли, а не слѣдовалъ рабски за тѣмъ, что ему скажетъ *послѣднее слово* заграничныхъ книжекъ и, въ особенности, разныя химическія и другія изслѣдованія. Онъ лѣчилъ не теоретически понимаемую *болѣзнь*, а каждаго *больного*, индивидуализируя свои пріемы и указанія и отводя широкое мѣсто психологическому наблюденію. Его называли часто оригиналомъ и чудакомъ,—но чудакъ этотъ могъ записать себѣ въ активъ не мало блестящихъ исцѣленій тамъ, гдѣ былъ серьезный и опредѣленный недугъ,—и тамъ, гдѣ нужно было лишь поднять душевный строй человѣка, не привязывая къ нему непремѣнно опредѣленнаго медицинскаго ярлыка съ неизбѣжной, предустановленной процедурой лѣченія и режима.

Судебная реформа въ первые годы своего осуществленія требовала отъ судебныхъ дѣятелей большого напряженія силъ. Любовь къ новому, благородному дѣлу, явившемуся на смѣну застарѣлаго неправосудія и безправія, у многихъ изъ этихъ дѣятелей превышала ихъ физическія силы, и, по временамъ,

нѣкоторые изъ нихъ «надрывались». Надорвался въ 1868 году и я. Появились чрезвычайная слабость, упадокъ силъ, малокровіе и, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго напряженія голоса, частыя горловыя кровотеченія. Выдающіеся врачи Харькова признали мое положеніе весьма серьезнымъ, но въ опредѣленіи лѣченія разошлись, хотя, повидимому, нѣкоторые подозрѣвали скоротечную чахотку. Одинъ посылалъ меня въ Соденъ, другой въ Зальцбрунъ, третій — въ горы, четвертый, наконецъ, въ Желѣзноводскъ. Я не зналъ, что дѣлать, тѣмъ болѣе, что и самое путешествіе за границу представлялось для меня затруднительнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Заслышавъ о моемъ нездоровьѣ, ко мнѣ пришелъ Лямбль. — Надо ѣхать за границу — сказалъ онъ съ чешскимъ акцентомъ, пощипывая любимымъ жестомъ свою эспаньолку. — Но куда, куда? — А куда глаза глядятъ, т.-е. въ Европу... Вамъ нужны новыя впечатлѣнія и отдыхъ, но отдыхъ дѣятельный и поучительный. Поѣзжайте сначала въ Прагу (ну, конечно! подумалъ я), тамъ вы встрѣтите — я дамъ вамъ письма — хорошихъ людей, а оттуда въ Мюнхенъ, гдѣ зайдете въ старую Пинакотеку, потомъ прокатитесь по Рейну, во Фландрію, посмотрите Рубенса и Мемлинга въ Брюгге, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ вамъ, можетъ-быть, удастся послушать Тардье... — Но что же мнѣ пить? какія воды? — А пить необходимо, необходимо пить, — но не воды, а пиво. Вы такъ и дѣлайте, — поѣзжайте отъ одного пива къ другому пиву, а пріѣдете во Францію — пейте красное вино. А главное — не думайте о своей болѣзни. Она называется: молодость (мнѣ было 23 года), слабыя силы при большомъ трудѣ и нервность; вы, въ сущности, одинъ нервъ. Новыя впечатлѣнія и пиво! вотъ и все... — И теперь, доживъ, несмотря на многія испытанія, до шестидесяти семи лѣтъ, я съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю этотъ совѣтъ «чудака», которому вполнѣ и съ успѣхомъ въ свое время послѣдовалъ. Лямбль дѣйствительно былъ оригиналенъ во всемъ. Послѣ своего вѣнчанія онъ пригласилъ насъ — своихъ шаферовъ — изъ церкви въ свою квартиру, богатую книжками и скудную мебелью, переодѣлся въ свой обычный рабочій костюмъ и, попросивъ насъ посидѣть съ новобрачною, ушелъ присутствовать при

какой-то интересной, въ медицинскомъ отношеніи, консультаціи, продолжавшейся до поздней ночи.

Съ особымъ блескомъ сказывались его знаніе и способности въ тѣхъ случаяхъ, когда, по приглашенію суда или сторонъ, онъ являлся экспертомъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Лучшихъ по обстоятельности, рельефности и художественной удобопонятности экспертизъ, по самымъ затруднительнымъ вопросамъ, мнѣ не приходилось потомъ, во время моей долгой судебной дѣятельности, слышать. Это были цѣлыя лекціи, глубоко и научно продуманныя по содержанію, популярныя по формѣ. Къ сожалѣнію, въ тѣ годы (конецъ шестидесятыхъ) между профессорами харьковскаго медицинскаго факультета существовала значительная рознь. Если одна изъ сторонъ въ процессѣ, въ виду предстоящаго состязанія на судѣ, вызывала Лямбля, то другая непремѣнно вызывала одного изъ его недоброжелателей—и въ научный споръ нерѣдко вносился элементъ личныхъ обостренныхъ отношеній. Надо было видѣть, какъ умѣло и съ достоинствомъ истиннаго знанія отражалъ Лямбль направленные на него удары,— сколько тонкой ироніи и остроумія бывало въ его отвѣтахъ на недоумѣнія суда или сторонъ! Не только лицъ прокурорскаго надзора, обыкновенно довольно беззаботныхъ по части судебно-медицинскихъ свѣдѣній, но и своихъ товарищей по профессіи онъ побивалъ легко и неотразимо. Надо замѣтить, что особой глубиной и всесторонностью отличались *психіатрическія* экспертизы этого профессора *патологической анатоміи*. Въ нихъ онъ являлся настоящимъ служителемъ науки, который понимаетъ задачи истиннаго правосудія съ теплотою добраго, съ широтою просвѣщеннаго человѣка. По поводу одной изъ нихъ въ Варшавѣ, въ началѣ 80-хъ годовъ, по дѣлу объ убійствѣ врача Курціуша, онъ писалъ мнѣ своимъ своеобразнымъ слогомъ: «Я завидую дару слова прокурора, набросавшаго на черномъ фонѣ небосклона великолѣпную логическую радугу, которою всѣ восхищались, забывая, что внизу, подъ нею,— на сырой холодной землѣ лежитъ смятое существо, побитое градомъ роковыхъ событій;— оно едва дышитъ и между нимъ и этой радугой нѣтъ никакой связи. Прокуроръ стеръ въ порошокъ всю

мою, трудомъ добытую, экспертизу съ лица земли, успокоивая меня тѣмъ, что вся эта моя отвратительная истина — «ассиметрія черепа. неравенство зрачковъ, наслѣдственность» и прочія гадости, все это на *второмъ планѣ*. Да! на второмъ, на третьемъ, если угодно на послѣднемъ планѣ, но на этомъ же планѣ и самъ подсудимый, и съ этого плана его надо понимать, а не съ надоблачной высоты этическихъ соображеній...»

Мы разстались въ 1870 году, чтобы видѣться затѣмъ лишь урывками. Онъ перешелъ въ Варшаву, я оставилъ Харьковъ. Чуждый всякой рутины, ставившій впереди всего исключительно интересы дѣла, онъ, повидимому, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его писемъ, переживалъ подчасъ трудные дни. Чехъ по рожденію, онъ горячо любилъ Россію и желалъ ей *истиннаго* величія и сопричастія культурнымъ задачамъ Запада. Дѣйствительность, окружавшая его, шла нерѣдко въ разрѣзъ съ этими его желаніями... «Въ нашихъ сферахъ — писалъ онъ мнѣ въ сентябрѣ 1880 г., — все то же водотолченіе. Попечитель выходитъ изъ себя потому, что студенты ходятъ въ студенческихъ шапкахъ безъ студенческихъ мундировъ, а ректоръ страдаетъ безсонницей потому, что попечитель принимаетъ студенческія шапки къ сердцу. Между тѣмъ, какъ вопросъ о шапкахъ тревожитъ умы, возбуждаетъ кровь и грызетъ печень, другія дѣла себѣ гуляютъ, напр., одна клиника остается безъ преподавателя, а другой преподаватель остается безъ клиники. Вы знаете, Анатолій Ѳедоровичъ, какъ иногда бываетъ стыдно за человѣка, но повѣрьте, что еще стыднѣе иногда быть профессоромъ университета въ Россіи». — «Здѣсь тоже вѣетъ какимъ-то вѣяніемъ, пахнувшимъ богатыми надеждами,—писалъ онъ въ началѣ 1881 г. Газета «Врачъ» напечатала докладную записку медицинскаго факультета о нуждахъ клиникъ,—статья была принята съ глубокимъ сочувствіемъ со стороны *зрячихъ* и со скрежетомъ зубовнымъ со стороны бездушныхъ представителей злополучной бюрократіи». Въ слѣдующемъ году, по поводу несчастій, обрушившихся, какъ изъ рога изобилія, на одного нашего общаго близкаго знакомаго, онъ прислалъ мнѣ строки, отлично характеризующія складъ его собственной души, всегда, впрочемъ,

ясный для тѣхъ, кто зналъ его ближе. «Я вполнѣ понимаю удручающее горе нашего друга,—писалъ онъ,—но мнѣ кажется, что если несчастіе вообще облагораживаетъ хорошую душу, то не можетъ не быть, чтобы тяжелыя страданія его чуткаго сердца не придали бы еще больше цѣны тому твердому закалу характера, которымъ онъ столькихъ къ себѣ привлекаетъ. Пусть идетъ онъ именно этой дорогой горестей, которая называется per aspera ad astra. Придетъ время, и онъ будетъ благодарить Провидѣніе за то, что оно дало ему пострадать и вытерпѣть жгучія душевныя мученія. Онъ потомъ съ кроткой улыбкой скажетъ:

«Ich kenne einen braven Mann
«Schade dass ich ihn nicht küssen kann
«Denn ich bin selbst der brave Mann».

Говорю это по собственному опыту и наблюденію. Пусть на этой страницѣ въ тетради своей жизни онъ напишетъ славное слово «наплевать», а я припишу «si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae...»

Онъ скончался въ Варшавѣ 13 февраля 1895 года.

IV.

Игуменья Митрофанія.

Въ концѣ января или въ самомъ началѣ февраля 1873 года петербургскій купецъ Лебедевъ лично принесъ мнѣ, какъ прокурору петербургскаго Окружного Суда, жалобу на пользовавшуюся большою извѣстностью въ Петербургѣ и Москвѣ игуменью Владычно-Покровскаго монастыря въ Серпуховѣ *Митрофанію,* обвиняя ее въ подлогѣ векселей отъ его имени, на сумму двадцати двухъ тысячъ рублей.

По объясненіи Лебедеву, согласно 307 ст. У. У. С., отвѣтственности за ложные доносы, онъ подтвердилъ свою жалобу, указавъ на рядъ вѣскихъ и убѣдительныхъ данныхъ, заставившихъ его притти къ непоколебимому убѣжденію въ виновности игуменьи Митрофаніи. Казалось бы, что дочь намѣстника Кавказа, фрейлина Высочайшаго Двора, баронесса Прасковья Григорьевна Розенъ, въ монашествѣ Митрофанія, стоя во главѣ различныхъ духовныхъ и благотворительныхъ учрежденій, имѣя связи на самыхъ вершинахъ русскаго общества, проживая во время частныхъ пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ въ Николаевскомъ дворцѣ и появляясь на улицахъ въ каретѣ съ краснымъ придворнымъ лакеемъ, повидимому, могла стоять внѣ подозрѣній въ совершеніи подлога векселей. Но доводы купца Лебедева были настолько убѣдительны, что я немедленно далъ

предложеніе судебному слѣдователю Русинову о начатіи слѣдствія. Произведенная имъ экспертиза наглядно доказала преступное происхожденіе векселей и, по соглашенію со мной, онъ постановилъ привлечь игуменью Митрофанію въ качествѣ обвиняемой и выписать ее для допросовъ въ Петербургъ. Въ то время исполненіе служебнаго долга, «не взирая на лица», одинаково понималось всѣми судебными дѣятелями отъ министра юстиціи до судебнаго слѣдователя включительно. Поэтому личное сообщеніе мое о возбужденіи мною преслѣдованія противъ вліятельной и поставленной въ исключительныя условія особы духовнаго званія не встрѣтило со стороны графа Палена ни непріязненнаго, ни безплоднаго сожалѣнія, а лишь указаніе на то, что мнѣ, вѣроятно, придется встрѣтиться съ попытками косвенныхъ давленій на себя и на судебнаго слѣдователя и съ ходатайствами весьма высокопоставленныхъ лицъ, въ виду того, что многочисленные покровители Митрофаніи откажутся вѣрить въ возможность совершенія ею преступленія. Это предчувствовалъ и я, зная, кромѣ того, что между врагами нашего обновленнаго суда непремѣнно начнетъ снова циркулировать излюбленная легенда о *тенденціозности,* сопровождаемая «покиваніемъ главъ» на ближе всего стоящихъ къ дѣлу судебныхъ дѣятелей. Оказалось однако, что ожиданія и предчувствія обманули насъ обоихъ...

Вызванная изъ Москвы Митрофанія остановилась въ гостиницѣ «Москва» на углу Невскаго и Владимірской. Ее сопровождали двѣ послушницы и ея вѣрный другъ, игуменья Московскаго Страстного монастыря Валерія, проявившая во все время процесса трогательное отношеніе къ своей подругѣ, въ невиновность которой она, повидимому, искренно вѣрила и съ которой раздѣляла безропотно и даже радостно всѣ неудобства и стѣсненія совмѣстной жизни въ шумной и — въ то время — довольно грязной гостиницѣ. Это была небольшая сухощавая женщина съ задумчивыми глазами и тонкими, изящными чертами лица. Наоборотъ, наружность Митрофаніи была, — если можно такъ выразиться, — совершенно ординарной. Ни ея высокая и грузная фигура, ни крупныя черты ея лица, съ пухлыми ще-

ками, обрамленными монашескимъ уборомъ, не представляли ничего останавливающаго на себѣ вниманіе; но въ сѣро-голубыхъ на выкатѣ глазахъ ея подъ сдвинутыми бровями свѣтились большой умъ и рѣшительность.

Когда Русиновъ окончилъ первый ея допросъ, и настало время принятія мѣры пресѣченія противъ уклоненія отъ суда и слѣдствія, мы съ нимъ рѣшили оставить ее, въ виду неособенно значительной суммы могущаго быть предъявленнымъ гражданскаго иска, подъ домашнимъ арестомъ, предложивъ ей для этого переселиться въ Новодѣвичій женскій монастырь. Противъ этого она протестовала самымъ горячимъ образомъ. «Я умоляю васъ, — сказала она, — не дѣлать этого: этого я не перенесу! Быть подъ началомъ другой игуменьи — для меня ужасно! Вы себѣ представить не можете, что мнѣ придется вынести и какія незамѣтныя для постороннихъ, но тяжкія оскорбленія проглотить. Тюрьма будетъ гораздо лучше!..» Ея отчаяніе при мысли о возможности быть помѣщенной въ монастырь было такъ искренно, что пришлось предоставить ей жить въ гостиницѣ подъ домашнимъ арестомъ, установивъ осуществленіе полицейскаго надзора за нею незамѣтнымъ для постороннихъ образомъ, такъ что съ внѣшней стороны могло казаться, что она пользуется полной свободой и лишь по собственному желанію не выходитъ изъ своего помѣщенія. Но сама она знала, что находится подъ арестомъ и надзоромъ, и строго соблюдая вызываемыя этимъ условія, не принимая никого въ отсутствіе лица прокурорскаго надзора и не прибѣгая къ тайной перепискѣ, чего нельзя было сказать про нѣкоторыхъ, немногихъ изъ уцѣлѣвшихъ ея почитательницъ, одна изъ которыхъ приводила ее самое въ отчаяніе упорной посылкой ей коробочекъ съ сардинками, съ нацарапанными на стѣнкахъ непрошенными и нелѣпыми совѣтами.

Подлогъ векселей Лебедева былъ въ сущности преступленіемъ довольно заурядным по обстановкѣ и по свидѣтельскимъ показаніямъ разныхъ темныхъ личностей, выставленныхъ Митрофаніей въ свое оправданіе, а троекратная экспертиза установила съ несомнѣнностью не только то, что текстъ векселей писанъ ею, но что и самая подпись Лебедева на векселяхъ и вексельныхъ

бланкахъ поддѣлана — при томъ довольно неискусно — самой Митрофаніей, не сумѣвшей при этомъ скрыть нѣкоторыя характерныя особенности своего почерка. Но *личность* игуменьи Митрофаніи была совсѣмъ незаурядная. Это была женщина обширнаго ума, чисто мужского и дѣлового склада, во многихъ отношеніяхъ шедшаго въ разрѣзъ съ традиціонными и рутинными взглядами, господствовавшими въ той средѣ, въ узкихъ рамкахъ которой ей приходилось вращаться. Эта широта воззрѣній на свои задачи въ связи со смѣлымъ полетомъ мысли, удивительной энергіей и настойчивостью не могла не вліять на окружающихъ и не создавать среди нихъ людей, послушныхъ Митрофаніи и становившихся, незамѣтно для себя, слѣпыми орудіями ея воли. Самыя ея преступленія — мошенническое присвоеніе денегъ и вещей Медынцевой, подлогъ завѣщанія богатаго скопца Солодовникова и векселей Лебедева—несмотря на всю предосудительность ея образа дѣйствій, не содержали, однако, въ себѣ элемента *личной корысти*, а являлись результатомъ страстнаго и неразборчиваго на средства желанія ея поддержать, укрѣпить и расширить созданную ею трудовую религіозную общину и не дать ей обратиться въ праздную и тунеядную обитель. Мастерскія — ремесленныя и художественныя, — разведеніе шелковичныхъ червей, — пріютъ для сиротъ,—школа и больница для приходящихъ, устроенныя настоятельницей Серпуховской Владыче-Покровской общины, были въ то время отраднымъ нововведеніемъ въ область черстваго и безцѣльнаго аскетизма «Христовыхъ невѣстъ». Но все это было заведено на слишкомъ широкую ногу и требовало огромныхъ средствъ. Не стѣснявшаяся въ способахъ пріобрѣтенья этихъ средствъ игуменья Митрофанія усматривала ихъ источники въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ: въ устройствѣ на земляхъ монастыря заводовъ «гидравлической извести» и мыльнаго,—въ домогательствѣ о полученіи желѣзнодорожной концессіи на вѣтвь отъ Курской дороги къ монастырю, въ хлопотахъ объ открытіи въ монастырѣ мощей новаго святого угодника Варлаама и т. д. Когда изъ всего этого ничего не вышло, Митрофанія обратилась къ личной благотворительности. Ея связи въ Петербургѣ, ея близость съ высшими сфе-

рами и возможность щедрой *раздачи наградъ* благотворителямъ— помогли ей вызвать обильный притокъ пожертвованій со стороны богатыхъ честолюбцевъ или людей, желавшихъ, подобно скопцу Солодовникову, заставить официальный міръ хоть на время позабыть о путяхъ, которыми онъ и его товарищи по заблужденію думаютъ спасти свою душу. Когда источники, питавшіе такую благотворительность, были исчерпаны, притокъ пожертвованій сталъ быстро ослабѣвать. Съ оскудѣніемъ средствъ должны были рушиться дорогія Митрофаніи учрежденія, тѣ ея дѣтища, благодаря которымъ Серпуховская обитель являлась дѣятельной и жизненной ячейкой въ круговоротѣ духовной и экономической жизни окружающаго населенія. Съ упадкомъ обители, конечно, блѣднѣла и роль необычной и занимающей особо-вліятельное положеніе настоятельницы. Со всѣмъ этимъ не могла помириться гордая и творческая душа Митрофаніи, и послѣдняя пошла на преступленія.

Обвинительный приговоръ присяжныхъ засѣдателей московскаго Окружного Суда, въ который было перенесено дѣло Лебедева, послѣ того, какъ въ Москвѣ были возбуждены преслѣдованія по болѣе важнымъ и сложнымъ дѣламъ Медынцевой и Солодовникова, былъ несомнѣннымъ торжествомъ правосудія и внушительнымъ урокомъ будущимъ Митрофаніямъ, «дабы на то глядючи, имъ не повадно было такъ дѣлать». Но нельзя не признать, что Владычне-Покровской игуменьѣ пришлось выпить медлительно и до дна очень горькую чашу. Началось съ того, что у нея совершенно не оказалось тѣхъ ожидаемыхъ заступниковъ, о которыхъ я говорилъ выше. Никто не двинулъ для нея пальцемъ, никто не замолвилъ за нее слово, не высказалъ сомнѣнія въ ея преступности, не пожелалъ узнать объ условіяхъ и обстановкѣ, въ которыхъ она содержится. Отъ нея сразу, съ черствой холодностью и поспѣшной вѣрой въ извѣстіе о ея *изобличенности*, отреклись всѣ сторонники и недавніе покровители. Даже и тѣ, кто давалъ ей пріютъ въ своихъ гордыхъ хоромахъ и обращавшій на себя общее вниманіе экипажъ, сразу вычеркнули ее изъ свой памяти, не пожелавъ узнать, доказано ли то, въ чемъ она въ началѣ слѣдствія еще только подозрѣва-

лась. Надо замѣтить, что это отношеніе къ Митрофаніи возникло еще въ такое время, когда, кромѣ слѣдствія по жалобѣ Лебедева, никакихъ другихъ обвиненій противъ нея не существовало, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, уже и въ то время въ Москвѣ были потерпѣвшіе отъ другихъ ея преступныхъ дѣйствій. Когда въ Москву пришли извѣстія, что игуменья, про вліятельную роль которой ходили легендарные разсказы, привлечена въ Петербургѣ, какъ простая смертная, къ слѣдствію, эти потерпѣвшіе зашевелились, и въ мартѣ 1873 года возникло въ Москвѣ дѣло Медынцевой, а въ августѣ — дѣло Солодовникова. Митрофанію два раза вызывали въ Москву для допросовъ, а въ августѣ того же года московская прокуратура потребовала дѣло Лебедева для одновременнаго производства и слушанія съ двумя упомянутыми выше дѣлами, число свидѣтелей по которымъ, проживающихъ въ Москвѣ, значительно превышало число свидѣтелей по дѣлу Лебедева.

Въ Москвѣ слѣдствіе велось съ большой энергіей, при чемъ у Митрофаніи, однако, явился сильный заступникъ въ лицѣ московскаго митрополита Иннокентія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы это заступничество,—истекавшее изъ искренняго убѣжденія московскаго іерарха въ невиновности Митрофаніи,—было особенно умѣлымъ. Такъ, командированный имъ въ качествѣ депутата духовнаго вѣдомства, архимандритъ московскаго Спасо-Андроніева монастыря, въ жалобахъ петербургскому и московскому Окружнымъ Судамъ, доказывалъ, вопреки закону, что слѣдствія въ Петербургѣ и въ Москвѣ начаты совершенно неправильно, оскорбительны для званія игуменьи и производятся крайне пристрастно. Кромѣ того, въ заявленіяхъ, поданныхъ имъ, онъ повѣдалъ, что самое учрежденіе прокурорскаго надзора есть учрежденіе не христіанское, такъ какъ въ духѣ христіанской религіи все прощать, а не преслѣдовать, прочія же государства въ этомъ отношеніи примѣромъ намъ служить не могутъ, ибо, напримѣръ, Англія государство не христіанское. По мнѣнію его о мѣстѣ, которое заняли въ общемъ мнѣніи новыя судебныя учрежденія, можно судить по тому, что, когда онъ, архимандритъ Модестъ, желая посмотрѣть новый судъ, просилъ на

это разрѣшенія своего высшаго духовнаго начальства, то позволенія не получилъ, «ибо скорѣе можно разрѣшить монашествующему посѣщеніе театровъ, чѣмъ новыхъ судовъ, въ коихъ слишкомъ много соблазна».—Онъ находилъ также, что экспертиза векселей Лебедева, произведенная въ Петербургѣ, является незаконною, потому что была предпринята 25 марта, т.-е. въ день Благовѣщенія, который «вовсе не есть день, а великій праздникъ, когда никакихъ дѣйствій производить нельзя».

Подлежавшая, по постановленію московскаго слѣдователя, содержанію подъ стражей, Митрофанія была перевезена въ Москву, гдѣ, если вѣрить ея, вѣроятно, преувеличенному, заявленію на судѣ, ни сану, ни полу, ни возрасту ея не было оказано уваженія и законнаго снисхожденія. Она неоднократно, во время производства дѣла въ судѣ, жаловалась на тяжелое и крайне стѣснительное для больной женщины содержаніе «въ кордегардіи подъ надзоромъ мушкетеровъ». Еще находясь въ Петербургѣ, оставленная всѣми, кто не былъ заинтересованъ лично въ ея оправданіи, какъ спасеніи отъ своей собственной отвѣтственности, она смутно предчувствовала и новыя грозящія ей обвиненія въ многодневномъ судебномъ засѣданіи, и отказъ лучшихъ силъ адвокатуры отъ ея защиты, и жестокое любопытство публики и травлю со стороны мелкой прессы, и коварные вопросы на судѣ, имѣвшіе цѣлью заставить ее проговориться и самой дать противъ себя оружіе. Она не могла не понимать, что въ ея лицѣ будутъ подвергнуты суровому и краснорѣчивому осужденію темныя стороны монашескаго смиренія и фарисейская окраска офиціальной благотворительности—однимъ словомъ, все то, что вызвало впослѣдствіи страстную отповѣдь одного изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ адвокатовъ Ѳ. Н. Плевако, воскликнувшаго въ концѣ первой своей рѣчи: «выше, выше стройте стѣны ввѣренныхъ вамъ общинъ, чтобы міру не видно было дѣлъ, творимыхъ вами подъ покровомъ рясы и обители!»

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ изнурительнымъ опуханіемъ ногъ, отражалось на нравственномъ состояніи Митрофаніи во время нахожденія ея въ Петербургѣ и побуждало слѣдователя Русинова — человѣка, который умѣлъ соединять съ эпер-

гической дѣятельностью сердечную доброту, — по возможности избѣгать вызововъ обвиняемой въ камеры судебныхъ слѣдователей Петербурга, гдѣ ея появленіе, конечно, возбуждало бы усиленное и жадное вниманіе толпящейся въ обширной пріемной публики. Поэтому и мнѣ, какъ наблюдавшему за слѣдствіемъ, приходилось не разъ бывать у Митрофаніи въ гостиницѣ «Москва» и имѣть съ нею разговоры, при чемъ я могъ убѣдиться въ умѣ и извѣстнаго рода добротѣ этой, во всякомъ случаѣ, выдающейся женщины. Если игуменья Митрофанія, передъ разбирательствомъ ея дѣла въ московскомъ судѣ, была подвергнута нѣкоторому бойкоту со стороны видныхъ уголовныхъ защитниковъ и только одинъ изъ нихъ — присяжный повѣренный Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ — нашелъ въ себѣ мужество не отказать ей въ своей трудовой и искренней помощи, то въ добровольцахъ при слѣдствіи, — думавшихъ пристегнуть свое безвѣстное имя къ громкому процессу, — недостатка не было. Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ оригинальной сцены. Слѣдователь Русиновъ, окончивъ дополнительный допросъ Митрофаніи, собирался уходить отъ нея, когда ей заявили, что присяжный повѣренный, фамиліи котораго я до того не слышалъ, желаетъ съ нею объясниться. Такъ какъ посторонніе не допускались къ ней иначе, какъ въ присутствіи прокурорскаго надзора, то она просила насъ остаться и дать ей возможность переговорить съ этимъ господиномъ. Вошелъ юркій человѣчекъ «съ безпокойною ласковостью взгляда» и, къ великому удивленію Митрофаніи, подошелъ къ ней подъ благословеніе. «Что вы, мой батюшка?!—воскликнула она.—Я вѣдь не архіерей! Что вамъ угодно?—Я желалъ бы говорить съ вами наединѣ,—смущенно сказалъ вошедшій.—Я васъ не знаю, — отвѣчала она — какіе же между нами секреты? Потрудитесь говорить прямо. — Меня послали къ вамъ ваши друзья: они принимаютъ въ васъ большое участіе и жаждутъ вашего оправданія судомъ, а потому упросили меня предложить вамъ свои услуги по защитѣ, которую я надѣюсь провести съ полнымъ успѣхомъ. — Надѣетесь? — сказала Митрофанія ироническимъ тономъ.—Да вѣдь вы моего дѣла, батюшка, не знаете!—Помилуйте, я увѣренъ, что вы совершенно невиновны, что здѣсь су-

дебная ошибка.—А какъ же вы думаете меня защищать и что скажете суду? — Ну, это ужъ дѣло мое,—снисходительно улыбаясь, отвѣтилъ адвокатъ.—Дѣло-то ваше,—сказала Митрофанія, — но оно немножко интересно и для меня. Я вѣдь буду судиться, а не кто другой! — Ахъ, Боже мой! — замѣтилъ адвокатъ, переходя изъ слащаваго въ высокомѣрный тонъ: — ну, разберу улики и доказательства и ихъ опровергну. — Да вотъ видите ли, батюшка, вѣдь ужъ если меня предадутъ суду, буде Господь это попуститъ, такъ значитъ улики будутъ вѣскія: ихъ, пожалуй, и опровергнуть будетъ нелегко. Дѣло мое важное, — вѣроятно, самъ прокуроръ пойдетъ обвинять. А вы, чай, слышали, что здѣшній прокуроръ, какъ говорятъ, человѣкъ сильной рѣчи и противникъ опасный. — Мм — да! — снисходительно отвѣтилъ адвокатъ, очевидно, не зная меня въ лицо.—Нѣтъ, мой батюшка,— сказала Митрофанія, выпрямляясь, и некрасивое лицо ея приняло строгое и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженное выраженіе,—не опровергать прокурора, а понять меня надо, вникнуть въ мою душу, въ мои стремленія и цѣли, усвоить себѣ мои чувства и вознести меня на высоту, которую я заслуживаю вмѣсто преслѣдованія»... По лицу ея пробѣжала судорога, и большіе глаза наполнились слезами, но она тотчасъ овладѣла собой и, вдругъ перемѣнивъ тонъ, сказала съ явною насмѣшкою: «Такъ вы это, батюшка, сумѣете ли? Да и позвольте васъ спросить, кто эти мои друзья, которые васъ прислали? — Мм... они желаютъ остаться неизвѣстными,— отвѣтилъ смущенный адвокатъ. — Вотъ и видно, что друзья! даже не хотятъ дать мнѣ радость узнать, что теперь при моемъ несчастіи есть еще люди, которые не стыдятся явно выразить мнѣ свое участіе! Нѣтъ ужъ, батюшка, благодарю и васъ, и ихъ; я ужъ какъ-нибудь обойдусь безъ этой помощи». И она поклонилась ему смиреннымъ поклономъ инокини.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ въ прокурорскій кабинетъ пришелъ лохматый господинъ добродушнаго вида, назвавшійся кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ одного изъ большихъ провинціальныхъ судовъ, и сталъ жаловаться на слѣдователя Русинова, что тотъ не хочетъ отпустить на поруки игуменью Митрофанію безъ моего о томъ предложенія. — «Я дамъ

охотно такое предложеніе, сказалъ я, — но вѣдь предъявленъ гражданскій искъ. Есть ли у вашихъ довѣрителей средства, обезпечивающія поручительство на такую сумму? — Какое обезпеченіе?—изумленно воскликнулъ пришедшій.—Для чего? И изъ послѣдующаго разговора выяснилось, что онъ не знаетъ, что поручительство по Судебнымъ Уставамъ принимается лишь съ денежнымъ обезпеченіемъ, при чемъ онъ съ наивной назойливостью сталъ мнѣ объяснять, что я ошибаюсь и смѣшиваю съ поручительствомъ залогъ. Шутливо погрозивъ ему написать его прокурору, какой у него невѣжественный кандидатъ, я посовѣтовалъ ему почитать уставъ уголовнаго судопроизводства и не мѣшать моимъ занятіямъ неосновательными жалобами на слѣдователя. Черезъ нѣкоторое время онъ снова пришелъ ко мнѣ опять съ какою-то нелѣпою просьбою и снова сталъ незнаніе Судебныхъ Уставовъ валить съ больной головы на здоровую, чѣмъ мнѣ достаточно прискучилъ. Когда слѣдствіе стало приближаться къ концу, Митрофанія, послѣ предъявленія ей различныхъ документовъ и актовъ, неожиданно сказала, что проситъ моего совѣта — къ какому защитнику ей обратиться. Я отвѣтилъ ей откровенно, что обвиненіе противъ нея ставится очень прочно и что я буду поддерживать его энергически, почему совѣтую ей обратиться къ какому-нибудь сильному и извѣстному адвокату. Я назвалъ ей Спасовича, Герарда и Потѣхина, останавливаясь преимущественно на послѣднемъ, такъ какъ въ дѣлѣ былъ гражданскій оттѣнокъ, а характеръ простой и исполненной здраваго смысла, безъ всякаго ложнаго паѳоса, рѣчи послѣдняго казался мнѣ наиболѣе подходящимъ для защиты.—«А что вы скажете о...—и Митрофанія назвала фамилію являвшагося ко мнѣ кандидата,—если его пригласить?—Помилуйте,—отвѣчалъ я, — да вѣдь это человѣкъ ничего не знающій, неопытный и безтактный! Это значило бы итти на вѣрную гибель. Ужъ лучше взять защитника по назначенію отъ суда. — Вотъ видите ли, батюшка,—сказала на это Митрофанія, — я сама знаю, что онъ таковъ, но его покойная мать была моей подругой по институту, и онъ готовится быть адвокатомъ. Участіе въ такомъ дѣлѣ, какъ мое, во всякомъ случаѣ, сдѣлаетъ его имя извѣстнымъ, а извѣстность для адвоката,

охъ, какъ нужна! Если же Господу угодно, чтобы я потерпѣла отъ суда, такъ тутъ вѣдь никто не поможетъ. Пускай же мое несчастіе хотя кому-нибудь послужитъ на пользу»...

Когда наступило жаркое лѣто 1873 года, Митрофанія стала чувствовать себя очень дурно въ душной гостиницѣ въ одномъ изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ мѣстъ Петербурга. Повтореніе ея допроса предвидѣлось не очень скоро, и я, по соглашенію со слѣдователемъ, рѣшился удовлетворить ея просьбу и отпустить ее на богомолье въ Тихвинъ, а затѣмъ, если позволитъ время и ходъ слѣдствія, то и на Валаамъ. Поѣздка въ Тихвинъ значительно укрѣпила ее и вызвала съ ея стороны въ письмѣ ко мнѣ выраженіе неподдѣльной признательности за «утѣшеніе въ горькомъ положеніи». На судѣ въ Москвѣ, жалуясь на «содержаніе въ кордегардіи», она сказала: «пока я была въ Петербургѣ, прокуроръ обращался со мною, какъ человѣкъ съ сердцемъ: онъ не глядѣлъ на меня, какъ на осужденную, но смотрѣлъ, какъ на обвиняемую, которая можетъ быть и оправдана. То же дѣлали и товарищи прокурора Денисьевъ и Вильямсонъ. Я питаю къ нимъ и до сихъ поръ благодарность». Эти слова не были тактическимъ пріемомъ по отношенію къ московской прокуратурѣ, а были, очевидно, искренни, ибо въ посмертныхъ ея запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» въ 1902 году, она тепло вспоминаетъ о нашемъ отношеніи къ ней и наивно отмѣчаетъ, что молилась въ Тихвинѣ, между прочимъ, и за раба Божія Анатолія...

V.

Дѣло о поддѣлкѣ серій.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ большое впечатлѣніе на всемъ югѣ Россіи произвело такъ называемое *дѣло серій*. Вскорѣ по выпускѣ въ свѣтъ этого рода бумаги, въ торговлѣ и на базарахъ Харьковской губерніи появились во множествѣ превосходно сдѣланныя поддѣльныя серіи, даже окраской своею, составлявшею секретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, почти не отличавшіяся отъ настоящихъ. Всего ихъ было выпущено на 70 тысячъ. Изъ нихъ 15 тысячъ были получены въ обмѣнъ на свой капиталъ помѣщикомъ Славяносербскаго уѣзда Савичемъ, который, узнавъ, что потерялъ все свое состояніе, отъ отчаянія сошелъ съ ума и застрѣлился.

Лѣтомъ 1865 года началось слѣдствіе, возложенное на особую комиссію, засѣдавшую въ Изюмѣ. Оно велось очень энергично и успѣшно, — были добыты важныя вещественныя доказательства, — и вскорѣ заподозрѣнными оказались изюмскій предводитель дворянства Сонцевъ, помѣщикъ Карповъ, мѣщанинъ Спесивцевъ, дворянинъ Щепчинскій, отставной гусарскій полковникъ Беклемишевъ, бахмутскій уѣздный предводитель Гавриловъ и другіе, оговоренные сознавшимися въ участіи въ поддѣлкѣ мѣщаниномъ Коротковымъ, рѣзчикомъ Гудковымъ и граверомъ

Зебе. Когда стали привлекать ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ и производить у нихъ обыски, Сонцевъ покушался застрѣлиться, а затѣмъ сознался и тоже оговорилъ всѣхъ поименованныхъ лицъ. Въ началѣ слѣдствія Карповъ умеръ скоропостижно въ тюрьмѣ, при чемъ оказалось, что смерть послѣдовала послѣ того, какъ ему былъ принесенъ кѣмъ-то буракъ съ икрою. Изслѣдованіе желудка въ университетѣ обнаружило признаки отравленія наркотическимъ ядомъ, но протоколъ объ этомъ, вмѣстѣ съ остальною частью внутренностей, хранившихся въ кладовой врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія, пропалъ безслѣдно, а кто приносилъ, подъ видомъ брата Карпова, икру — открыть не удалось. Арестованный въ Одессѣ Спесивцевъ, по доставленіи въ Изюмъ, заявилъ, что желаетъ во всемъ сознаться и укажетъ соучастниковъ, но на слѣдующее утро послѣ этого найденъ въ своей камерѣ мертвымъ, висящимъ на платкѣ, обвязанномъ вокругъ столба. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла Гудковъ и Зебе сняли съ Гаврилова и Беклемишева свой оговоръ, будто бы исторгнутый у нихъ насиліемъ, и приняли всю вину исключительно на себя, — Сонцевъ же совершенно отказался отъ своего показанія, какъ даннаго имъ «не въ своемъ умѣ».

Старое судопроизводство было тогда въ полномъ расцвѣтѣ и дало себя знать. Его правила требовали для признанія виновности — «лучшаго доказательства всего свѣта», какъ выражался законъ, т.-е. собственнаго признанія или, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній, при чемъ въ оцѣнкѣ этихъ показаній отдавалось предпочтеніе знатному предъ незнатнымъ, мужчинѣ предъ женщиной, духовной особѣ предъ свѣтскою, и законъ воспрещалъ довѣрять показаніямъ «людей, тайно портившихъ межевые знаки», «явныхъ прелюбодѣевъ» и «иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно». Гудковъ и Зебе, какъ сознавшіеся, въ разныхъ инстанціяхъ были приговорены къ каторгѣ, а двое главныхъ, по общему убѣжденію, виновныхъ — Гавриловъ и Беклемишевъ, признанные уголовной Палатой и Сенатомъ таковыми, были оставлены Государственнымъ Совѣтомъ въ *сильномъ подозрѣніи* и, вернувшись въ Харьковъ, заняли свое мѣсто въ обществѣ.

Въ это время былъ введенъ въ Харьковѣ новый судъ, и прокуроромъ Судебной Палаты былъ назначенъ А. А. Шахматовъ. Онъ много и съ великими усиліями поработалъ для разъясненія истины въ дѣлѣ серій еще въ качествѣ губернскаго прокурора. Послѣ осуществленія судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ подъ его руководствомъ начато было тщательное и строго обдуманное дознаніе о чрезмѣрныхъ тратахъ Гудкова и Зебе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ содержанія ихъ въ харьковскомъ тюремномъ замкѣ, совпавшихъ съ быстрымъ таяніемъ большого состоянія Гаврилова, которому досталось по наслѣдству болѣе 10 тысячъ десятинъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Ознакомясь съ результатами дознанія, явно указывавшими на подкупъ въ пользу «оставленныхъ въ подозрѣніи» и на обѣщаніе вознагражденія Гудкову и Зебе на первомъ же этапномъ пунктѣ, Государственный Совѣтъ разрѣшилъ *возобновить* дѣло. За производствомъ новаго слѣдствія — сначала судебнымъ слѣдователемъ Фальковскимъ, а затѣмъ Гераклитовымъ, — наблюдать пришлось мнѣ. Оба эти слѣдователя были люди выдающихся способностей и трудолюбія, хотя и весьма различнаго характера и нравственнаго склада.

Эдмундъ Петровичъ Фальковскій — энергическій полякъ, съ красивою сѣдѣющей головою, будучи горячо преданъ своему дѣлу, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящимъ *слѣдственнымъ судьею*, у котораго настойчивость изслѣдованія не заслоняла собою высшихъ интересовъ правосудія. И впослѣдствіи, въ роли прокурора, онъ оставался тѣмъ *говорящимъ судьею*, какимъ начертали обвинителя составители Судебныхъ Уставовъ. Отдавая все свое время работѣ, онъ жилъ безалабернымъ хозяйствомъ стараго холостяка, дававшимъ ему подчасъ очень осязательно чувствовать свои темныя стороны. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ, многозначительно помолчалъ и затѣмъ объявилъ, что женится на дѣвушкѣ, которую видѣлъ всего три раза и почти не знаетъ. — Какъ! — невольно воскликнулъ я.—Вы—закоренѣлый холостякъ и женитесь такъ скоропалительно! Вы очень неосторожно берете билетъ въ житейскую лотерею...—Гм! лотерея, лотерея!—проворчалъ онъ.—Я самъ знаю, что лотерея, но поживите

съ мое (ему было далеко за тридцать), и вы меня поймете и узнаете, что наступаетъ въ жизни человѣка время, когда ему необходимо, *чтобы вокругъ него шелестѣло*!.. — И во взглядѣ его засвѣтился восторгъ, вѣроятно, подобный тому, который вспыхиваетъ въ глазахъ одинокаго путника, узрѣвшаго оазисъ въ печальной пустынѣ. Билетъ вынулся выигрышный, и теплая любовь «шелестѣла» около Фальковскаго въ годы непрерывнаго труда и тяжкихъ страданій по пути къ могилѣ.

Обыскъ въ вещахъ возвращавшейся изъ Петербурга сводной сестры Гаврилова, Тимченковой, произведенный Фальковскимъ на почтовой станціи по дорогѣ въ Бахмутъ, и затѣмъ обыскъ въ тюремномъ замкѣ — дали блестящія, въ смыслѣ уликъ, данныя, указывавшія на организованный очень искусно и въ широкихъ размѣрахъ подкупъ, на который дѣйствительно ушла значительная часть состоянія Гаврилова. У Тимченковой, которая все время производства дѣла въ Петербургѣ прожила тамъ, найдены были письма Гаврилова, въ которыхъ онъ, между прочимъ, писалъ: «Надо подъ шумокъ тихонько дѣльце дѣлать, бросивъ вредныя иллюзіи о безкорыстіи. Нельзя всѣхъ мѣрить на чистый аршинъ. Давать не спѣши, пусть покажутъ! Достаточно дать понять, что у тебя есть, что дать», или: «Извѣщаю тебя, что . . . . . — хорошій человѣкъ и предпочитаетъ заниматься тѣмъ, что трудъ вознагражденъ — или уже вовсе не заниматься и т. д.» или, наконецъ, указывая на необходимость чрезъ кого-либо изъ петербургскихъ адвокатовъ, давъ ему слово держать все въ секретѣ, произвести экстренные расходы разнымъ лицамъ, Гавриловъ писалъ: «это статья самая могучая, надежная, а все остальное — наплевать!»... Найдена была также расходная книга, гдѣ были записи на многія сотни рублей подъ такими названіями: «пансіонерамъ», «на непредвидѣнные расходы» (4.500 руб.), «на буфетъ» (700 руб.), «на аптеку» (свыше 1.000 руб.), «на трущобы», «за статью», «литераторамъ» съ обозначеніемъ именъ нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ сатирическихъ и другихъ органовъ и того, сколько дано, чѣмъ и объяснялось необычное усердіе нѣкоторыхъ газетъ къ выясненію истины въ дѣлѣ серій и снятію «незаслуженаго обвиненія съ почтенныхъ именъ».

Понявъ, что обѣщаннаго вознагражденія на первомъ этапномъ пунктѣ имъ уже не видать, Гудковъ и Зебе при новомъ слѣдствіи сознались въ томъ, что получали за снятіе своего оговора большія суммы на расходы въ тюрьмѣ. Гудковъ, мужчина огромнаго роста и атлетическаго сложенія, настоящая «косая сажень въ плечахъ», заявилъ, что за время трехлѣтняго пребыванія въ острогѣ тратилъ на себя до 50 руб. въ день, проигралъ свыше десяти тысячъ, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, имѣлъ женщинъ, что всегда очень дорого стоило, и ежедневно ложился спать совершенно пьяный. «Вино намъ проносятъ конвойные въ кишкѣ, обмотанной вокругъ тѣла, и малюсенькій стаканчикъ, чуть не въ наперстокъ величиной, стоитъ 30 копѣекъ», — пояснилъ онъ, прибавивъ: «а взгляните на меня, ваши благородія, сколько мнѣ надо такихъ стаканчиковъ, чтобы я охмѣлѣлъ?!» Дѣло серій очень волновало харьковское общество, нѣкоторые круги котораго, почему-то видя въ его возобновленіи антидворянскую тенденцію, недоброжелательно смотрѣли на «мальчишекъ», затѣявшихъ «этотъ скандалъ»; однако большинство привѣтствовало прокуратуру, которая занималась не однимъ, по выраженію Некрасова, «караньемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ». При томъ подкупъ былъ доказанъ съ очевидностью, и съ новымъ слѣдствіемъ по дѣлу пришлось примириться. Было также ясно, что такое примитивное и ненадежное средство, какъ подкупъ, отживаетъ свой вѣкъ, и при новыхъ судахъ тактика выхода сухимъ изъ воды должна будетъ совершенно измѣниться. Не улики тутъ становились опасны сами по себѣ, а то или другое искусство въ умѣніи ими пользоваться, толкуя ихъ, освѣщая и сопоставляя. И съ этой точки зрѣнія явилось довольно правдоподобное предположеніе, что со стороны обвиняемыхъ былъ пущенъ въ дѣло очень искусный маневръ.

Наблюдая за слѣдствіемъ, которое чрезвычайно разрослось, я жалѣлъ несчастнаго, страдавшаго сухоткою спинного мозга, безногаго и полуслѣпого Гаврилова и состоявшую изъ подростковъ семью Беклемишева, про трогательную любовь которыхъ къ отцу я много слышалъ. Поэтому я ограждалъ обвиняемыхъ, силою предоставленныхъ прокурору правъ, отъ суровыхъ мѣръ

страстнаго и односторонняго судебнаго слѣдователя Гераклитова, который непремѣнно — хотя и безъ достаточныхъ основаній опасаться уклоненія ихъ отъ суда, — хотѣлъ ихъ *засадить* и одно время, пользуясь моимъ отъѣздомъ за границу, даже успѣлъ въ этомъ. Вернувшись изъ-за границы, — куда я уѣхалъ въ 1869 году, страдая сильнымъ кровохарканьемъ, — я далъ Гераклитову предложеніе объ освобожденіи изъ-подъ стражи обоихъ обвиняемыхъ, предоставивъ ему отдать ихъ на поруки. Между тѣмъ, въ мое отсутствіе появилась очень взволновавшая всю прокуратуру корреспонденція изъ Харькова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой говорилось, что, съ отъѣздомъ за границу энергичнаго и талантливаго товарища прокурора, слѣдствіе по дѣлу серій, за которымъ онъ наблюдалъ, заглохло и, вѣроятно, будетъ замято, такъ какъ по нему ничего больше не дѣлается. Это извѣстіе было совершенно невѣрно. Ходилъ слухъ, что оно шло отъ извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго, горячо ратовавшаго противъ обвиняемыхъ и изобразившаго ихъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ романовъ «Новыя мѣста». Но самъ онъ впослѣдствіи настойчиво отрицалъ это, ссылаясь на то, что корреспонденція была прислана изъ Харькова, гдѣ онъ въ это время не жилъ, и высказывая предположеніе, что она написана кѣмъ-нибудь по порученію обвиняемыхъ съ цѣлью вызвать опроверженіе. Во всякомъ случаѣ опровергнуть ложныя извѣстія, очевидно, всего приличнѣе было мнѣ. Я это и сдѣлалъ въ письмѣ въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», указавъ на дѣйствительное положеніе слѣдственныхъ властей, очень замедляемыхъ неполученіемъ отвѣтовъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ на необходимые запросы слѣдователя, — и подписалъ письмо моимъ официальнымъ званіемъ. Газета напечатала извинительную «замѣтку», и вопросъ, казалось, могъ считаться исчерпаннымъ. Но чрезъ мѣсяцъ послѣ этого, когда слѣдствіе уже подходило къ концу, и все производство должно было поступить ко мнѣ для составленія обвинительнаго акта, я получилъ весьма меня встревожившую повѣстку отъ мирового судьи, вызывавшаго меня для примирительнаго разбирательства съ Беклемишевымъ. Въ жалобѣ своей мировому судьѣ Беклемишевъ, играя словами, при-

дирался къ совершенно безразличнымъ выраженіямъ моего опроверженія и явно извращалъ смыслъ постановленія Государственнаго Совѣта о возобновленіи дѣла по вновь открывшимся уликамъ и вслѣдствіе того, что послѣдовавшій приговоръ явился слѣдствіемъ подкупа важныхъ свидѣтелей. Въ особенности ставилъ мнѣ жалобщикъ въ вину то, что въ моемъ опроверженіи корреспонденціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» было указано на устройство, во время содержанія его и Гаврилова въ харьковскомъ и изюмскомъ тюремныхъ замкахъ, подкупа Гудкова и Зебе, тогда какъ онъ въ *изюмскомъ* тюремномъ замкѣ не содержался, а находился лишь въ тюремной больницѣ, помѣщавшейся въ наемномъ домѣ, — какъ будто содержаніе въ тюремномъ замкѣ или въ больницѣ тюремнаго замка не одно и то же, и въ послѣднюю можетъ поступить всякій желающій. Мировой судья, въ виду моей должностной подписи подъ опроверженіемъ, призналъ на основаніи 347 ст. Улож. дѣло себѣ не подсуднымъ, и жалобу Беклемишева препроводилъ прокурору судебной палаты, отъ котораго она была направлена министру юстиціи. Уже года черезъ полтора, будучи прокуроромъ казанскаго Окружного Суда, я получилъ сообщеніе департамента Министерства Юстиціи о томъ, что, по мнѣнію графа Палена, мнѣ, какъ лицу офиціальному, не слѣдовало выступать съ опроверженіемъ въ печати.

Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ разбирательства у мирового судьи, мнѣ нужно было присутствовать при дополнительномъ, предъ окончаніемъ слѣдствія, допросѣ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, у меня возникъ вопросъ о томъ, имѣю ли я на это право, въ виду того, что противъ меня можетъ быть по ст. 605 и 608 устава угол. суд. предъявленъ отводъ, какъ противъ лица, съ которымъ одинъ изъ обвиняемыхъ *имѣлъ тяжбу*. Въ то время — время непосредственнаго осуществленія судебной реформы — лица судебнаго вѣдомства отличались особою щепетильностью въ исполненіи своихъ обязанностей и слѣдовали совѣту Бентама о томъ, что судья не только долженъ *быть* справедливымъ, но и *казаться* такимъ. Поэтому, разъ могло быть заявлено обвиняемыми сомнѣніе, что я могу относиться, по личнымъ чув-

ствамъ, къ нимъ не безпристрастно — я считалъ невозможнымъ продолжать участіе въ дѣлѣ и просилъ прокурора освободить меня отъ дальнѣйшаго веденія дѣла о поддѣлкѣ серій. Взглядъ мой былъ раздѣленъ и прокуроромъ Судебной Палаты Писаревымъ, который въ представленіи министру юстиціи высказалъ: «дѣло объясняется очень просто: заявленная въ уголовномъ порядкѣ претензія на лицо прокурорскаго надзора связана съ возбужденіемъ вопроса объ его отводѣ, а товарищъ прокурора К. имѣетъ репутацію даровитаго и опытнаго обвинителя». Къ этому слѣдуетъ добавить, что кромѣ меня при харьковскомъ Окружномъ Судѣ тогда состояло лишь два товарища прокурора, изъ которыхъ одинъ — Е. Ф. де-Росси, вполнѣ заслуживавшій, чтобы къ эпитету «даровитый и опытный» были присоединены слова «энергическій и настойчивый», — не могъ обвинять по дѣлу серій, ибо, въ качествѣ члена Уголовной Палаты, подписалъ первый обвинительный приговоръ по этому дѣлу, — а другой лишь недавно оставилъ слѣдственную практику, былъ незнакомъ въ подробностяхъ съ обширнымъ и сложнымъ производствомъ по дѣлу серій и поэтому не могъ представлять сильнаго борца противъ опытныхъ и искусныхъ защитниковъ, къ которымъ, конечно, обратились бы подсудимые.—Жалоба Беклемишева надѣлала много шума въ Харьковѣ, чему способствовало и появленіе у мирового судьи, въ качествѣ моего представителя, всѣми уважаемаго присяжнаго повѣреннаго Морошкина. Я получилъ по этому поводу нѣсколько анонимныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ стояло: «Господинъ *гуманный* при слѣдствіи и *опасный* на судѣ обвинитель! Enfin déloge! A la guerre comme à la guerre и т. д.». Почти одновременно съ представленіемъ прокурора судебной палаты министру юстиціи по поводу «опроверженія», къ послѣднему отъ шефа жандармовъ поступила докладная записка Беклемишева, въ которой, прибѣгая къ графу Шувалову, какъ къ единственному источнику защиты противъ интригъ прокурорскаго надзора съ Шахматовымъ) въ это время старшимъ предсѣдателемъ одесской судебной палаты) во главѣ, онъ просилъ о производствѣ, данною шефу жандармовъ властью, дознанія, которое, открывъ массу зла, навсегда развяжетъ просителя съ злополучнымъ дѣломъ о серіяхъ.

Расчетъ на мое устраненіе отъ дѣла, если таковой дѣйствительно былъ, оказался, однако, неудачнымъ. Я былъ переведенъ въ Петербургъ, а на мое мѣсто былъ назначенъ умѣлый обвинитель Монастырскій, который и провелъ на судѣ возобновленное дѣло о поддѣлкѣ серій.

Въ сентябрѣ 1871 года, будучи прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда, я поѣхалъ отдохнуть въ семействѣ моихъ друзей, въ имѣніе «Селямъ», на южномъ берегу Крыма, и возвращался черезъ Одессу. Проводить меня на станцію пришелъ прокуроръ мѣстной Судебной Палаты Фуксъ, имѣвшій весьма сановитую внѣшность и представлявшій изъ себя то, что Горбуновъ называлъ «мужчиной сѣдой наружности». Мы тепло простились, и я продолжалъ перекидываться съ нимъ словами, уже сидя въ вагонѣ. Въ числѣ ближайшихъ ко мнѣ пассажировъ, на скамьѣ наискосокъ, сидѣлъ гладко выбритый, суетливый господинъ неопредѣленнаго возраста. Едва мы двинулись, и я помахалъ моему провожатому шляпой въ отвѣтъ на пожеланія добраго пути, какъ этотъ господинъ, вѣроятно, введенный въ заблужденіе моей тогдашней моложавостью, спросилъ меня съ любезной улыбкой и указывая глазами на удаляющуюся платформу, на которой еще стоялъ Фуксъ: «вашъ папаша? — Нѣтъ, знакомый. — И, конечно, хорошій знакомый? — наставительно произнесъ онъ. — Да, хорошій. — А вы далеко ѣдете? — Да, далеко, — отвѣчалъ я неохотно, не любя дорожныхъ разговоровъ съ незнакомыми. Но мой собесѣдникъ не унимался. — Куда же именно? На сѣверъ. — Значитъ въ Петербургъ? — Да. — Черезъ Кіевъ или Харьковъ? — Черезъ Харьковъ. — Гм! кажется, это хорошій городъ, а? — Да, хорошій. — А вы тамъ бывали? — Да, бывалъ. — А кто тамъ теперь губернаторъ? — Не знаю, — отвѣчалъ я, чтобы отдѣлаться отъ разспросовъ, дѣлавшихся громко, на весь вагонъ. — Кажется, князь Крапоткинъ. — Значитъ прежняго уже нѣтъ! — Кажется, нѣтъ. — А что тамъ сталось съ знаменитымъ дѣломъ серій? Заглохло, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ К. (онъ назвалъ меня) насильно перевели куда-то. Говорятъ — плакалъ, не хотѣлъ бросать этого дѣла. Но ужъ очень сильна была интрига! Вотъ извольте у насъ быть честнымъ человѣкомъ! Подкупить его было нельзя, такъ

отравить пробовали, едва живъ остался... Я не вытерпѣлъ и неосторожно сказалъ: этого никогда не было!—Какъ не было?—возопилъ незнакомецъ.—Извините-съ, было! я достовѣрно знаю.—Могу васъ увѣрить, что это ложный слухъ.—Я не распространяю ложныхъ слуховъ,—запальчиво сказалъ мой собесѣдникъ,—и привыкъ, чтобы моимъ словамъ вѣрили, почему и повторяю, что его покушались отравить, чтобы замять, въ угоду дворянству, дѣло, всѣ нити котораго были въ его рукахъ!—Я пожалъ плечами.—Нечего пожимать плечами, молодой человѣкъ,—высокомѣрно сказалъ онъ,—а надо относиться съ уваженіемъ къ дѣятельности честныхъ людей... Ихъ у насъ немного! Вотъ оно, наше общество,—все болѣе и болѣе горячась и какъ-то нервно подергиваясь и вращая глазами, почти уже закричалъ онъ на весь вагонъ:—вотъ, не угодно ли?! извольте полюбоваться! Говорятъ, что человѣкъ съ опасностью жизни исполнялъ свои обязанности и преслѣдовалъ вредныхъ людей, а молодой человѣкъ *не вѣритъ! не хочетъ* вѣрить! Вотъ представитель нашего испорченнаго общества! А скажи я, что К. укралъ триста тысячъ—онъ сейчасъ повѣритъ, съ радостью повѣритъ! Вотъ такъ у насъ все! Стыдно, стыдно-съ, молодой чедовѣкъ!!»

Разговоръ принималъ непріятный оборотъ, и было очевидно, что холерическій путешественникъ только-что еще начиналъ пускать въ ходъ дерзости, которыми былъ заряженъ. Надо было положить этому конецъ...—Да позвольте,—сказалъ я,—вы введены въ заблужденіе...—Не я, а вы-съ!—снова закричалъ онъ.—Я никогда не говорю того, чего достовѣрно не знаю. И па-а-азвольте васъ, милостивый государь, наконецъ, спросить, на какомъ основаніи вы, даже не потрудившись узнать, съ кѣмъ вы имѣете честь говорить, позволяете себѣ сомнѣваться въ правдивости моихъ словъ?!—Да на томъ основаніи, что я самъ тотъ именно К., о которомъ вы столь лестно отзываетесь, и могу васъ увѣрить, что меня, въ данномъ случаѣ, къ великому моему сожалѣнію, никто никогда не отравлялъ, а изъ Харькова я былъ переведенъ въ Петербургъ по собственному желанію.—Неправда!—почти взвизгнулъ незнакомецъ,—вы не К.: онъ долженъ быть гораздо старше!—Я молча вынулъ изъ бумажника мою офи-

ціальную карточку и подалъ ее ему. Настало общее молчаніе — говорю общее потому, что пассажиры, ожидая по тону моего собесѣдника какого-нибудь скандала, насторожили уши.

Желчный господинъ внимательно прочелъ мою карточку, подумалъ, потомъ вскинулъ на меня испытующій взглядъ и вдругъ, какъ бы озаренный какою-то мыслью, быстро положивъ карточку на колѣни, протянулъ мнѣ обѣ руки и торжествующе-умиленнымъ голосомъ воскликнулъ: — А! понимаю: благородная скромность! понимаю... Очень радъ познакомиться... Позвольте отрекомендоваться: директоръ реальнаго училища С—и. Очевидно было, что сбить его съ разъ занятой позиціи было невозможно, и мнѣ осталось покориться судьбѣ и навсегда остаться въ его сознаніи связаннымъ съ представленіемъ о неудавшемся отравленіи.

Намъ пришлось встрѣтиться чѣрезъ 28 лѣтъ въ Сенатѣ. Бѣдняга предсталъ предо мной, какъ подсудимый, принесшій кассаціонную жалобу на приговоръ петербургскаго мирового съѣзда по обвиненію его въ оскорбленіи городового. Вспоминая прошлую встрѣчу, я не сомнѣвался, что оскорбленіе имѣло мѣсто, но, по счастью для С., съѣздомъ было допущено существенное нарушеніе формъ и обрядовъ, и приговоръ былъ кассированъ. Въ своихъ объясненіяхъ передъ Сенатомъ онъ такъ же, какъ и въ давніе годы, волновался и плохо управлялъ собою, но по виду очень постарѣлъ, и я бы его не узналъ при встрѣчѣ. Да и я, конечно, уже не былъ похожъ на того молодого человѣка, который когда-то самонадѣянно позволялъ себѣ не соглашаться со скоропалительнымъ елисаветградскимъ педагогомъ по вопросу о своемъ собственномъ отравленіи.

VI.

Игорный домъ Колемина.

Въ началѣ марта 1874 года въ одной изъ второстепенныхъ и давно уже не существующихъ петербургскихъ газетъ появилась передовая статья на тему о безнравственныхъ проявленіяхъ общественной жизни въ Петербургѣ. Въ ней говорилось, главнымъ образомъ, о развитіи въ Петербургѣ азартной игры, въ роскошные пріюты для которой заманивается свѣтская молодежь, разоряемая и обираемая самымъ безсовѣстнымъ образомъ. «Игорные дома процвѣтаютъ въ столицѣ, — говорилось въ статьѣ, — и безопасно раскинули свои сѣти чуть не на всѣхъ перекресткахъ главныхъ улицъ; мы могли бы указать не меньше, какъ на десятокъ такихъ полезныхъ заведеній, а между тѣмъ нашъ прокурорскій надзоръ не только бездѣйствуетъ, но и поощряетъ этимъ бездѣйствіемъ дальнѣйшее развитіе и распространеніе этихъ ядовитыхъ грибовъ современной и, къ сожалѣнію, повидимому совершенно безопасной предпріимчивости. Слѣдовало бы прокурорскому надзору не быть слѣпымъ и глухимъ по отношенію къ такому явленію, которое всѣ видятъ и о которомъ всѣ слышатъ» и т. д.

Обвинительный характеръ этой статьи и указаніе на существованіе ряда игорныхъ домовъ побудили меня поручить секретарю при прокурорѣ Окружного Суда К. И. Масленникову

посѣтить редакцію газеты и спросить, обладаетъ ли она фактическимъ матеріаломъ въ подтвержденіе сообщенныхъ ею данныхъ и не пожелаетъ ли она подѣлиться послѣдними съ прокурорскимъ надзоромъ, который она такъ изобличаетъ въ бездѣйствіи. Отвѣтъ былъ данъ очень неопредѣленный, но дня черезъ два мнѣ подали въ моей камерѣ карточку отвѣтственнаго редактора газеты. Ни въ манерѣ этого господина выражаться, ни въ его внѣшнихъ пріемахъ не было ничего, что давало бы поводъ видѣть въ немъ журналиста по призванію или по долголѣтней профессіи. Съ первыхъ же его словъ я увидѣлъ, что это человѣкъ, чуждый литературѣ и ея истиннымъ интересамъ и «приазавшійся» къ ней изъ личныхъ расчетовъ или, быть-можетъ, нанятый въ качествѣ Strohredactor'a для отвѣта по искамъ о клеветѣ и диффамаціи въ печати. Впадая то въ таинственный, то въ фамильярный тонъ, — поглядывая на меня съ «безпокойною ласковостью взгляда», — онъ повѣдалъ мнѣ, что свѣдѣнія объ игорныхъ домахъ составляютъ секретъ редакціи. «Такимъ образомъ, — сказалъ я ему, — вы обвиняете прокуратуру въ бездѣйствіи и призываете ее къ исполненію своего долга и въ то же время отказываете ей въ необходимыхъ свѣдѣніяхъ для борьбы съ указаннымъ вами зломъ. Это, конечно, дѣло ваше, но, въ виду статьи въ вашей газетѣ, я вынужденъ буду поручить начальнику сыскной полиціи произвести самое тщательное дознаніе объ игорныхъ домахъ въ Петербургѣ и, если ваши утвержденія не подтвердятся, я долженъ буду, защищая ввѣренную мнѣ прокуратуру отъ несправедливыхъ обвиненій въ явномъ бездѣйствіи власти, въ свою очередь возбудить вопросъ о распространеніи вами ложныхъ слуховъ». Мой посѣтитель смѣшался и, промямливъ о затруднительности для редакціи провѣрять всѣ доходящіе до нея слухи, неожиданно объявилъ мнѣ, что, въ сущности, не располагаетъ никакими точными свѣдѣніями объ игорныхъ домахъ въ Петербургѣ, а допустилъ напечатаніе статьи лишь потому, что повѣрилъ сообщенію кого-то изъ своихъ знакомыхъ о дошедшемъ до послѣдняго слухѣ о томъ, что будто бы въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько игорныхъ домовъ. На мое заявленіе, что я, во всякомъ случаѣ, поручу произвести

дознаніе, онъ сталъ увѣрять меня, что дознаніе ничего не откроетъ, такъ какъ теперь онъ и самъ убѣдился, что допустилъ ввести читателей въ обманъ ложными сообщеніями о несуществующемъ явленіи, «но зато, — прибавилъ онъ таинственно и понижая голосъ, — я могу сослужить прокуратурѣ службу уже совершенно достовѣрными сообщеніями о дѣлѣ, которое будетъ поважнѣе, чѣмъ игорные дома. Видите ли, — продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ, — я издавна вхожъ въ домъ однихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ ихъ семьѣ довольно много молодежи, посѣщаемой товарищами и одногодками. Мнѣ часто приходится присутствовать при ихъ разговорахъ, при чемъ они меня не стѣсняются и выкладываютъ все напрямикъ. Такъ я вамъ скажу, у нихъ такіе взгляды и убѣжденія, что они всякихъ соціалистовъ и нигилистовъ за поясъ заткнутъ. Теперь, какъ я слышалъ, производится большое дѣло о «распространеніи пропаганды» (sic!) въ 30 губерніяхъ, такъ было бы очень полезно обратить вниманіе на эту молодежь и, въ случаѣ чего, поприжать ей хвостъ. Они вѣдь, повторяю, со мной откровенны и книжки мнѣ показываютъ, которыя читаютъ, такъ что я могу дать, конечно, *по секрету*, много полезныхъ указаній. У меня и фотографическія карточки почти всѣхъ ихъ есть, и нѣкоторыя даже съ надписями». И, ласково заглядывая мнѣ въ глаза, онъ вытащилъ изъ бокового кармана сюртука пакетъ и сталъ вынимать изъ него фотографическія карточки. Но я остановилъ этого господина, объяснивъ ему кратко и вразумительно, что со своимъ предложеніемъ онъ ошибся адресомъ, и что онъ можетъ обратиться въ какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ, быть-можетъ, не побрезгаютъ его услугами по предательскому искорененію превратныхъ идей въ средѣ довѣрившагося ему семейства «старыхъ и близкихъ» знакомыхъ. Онъ принялъ обиженный видъ, торопливо спряталъ карточки, пробормоталъ: «какъ вамъ угодно»... и мы разстались.

На другой день я пригласилъ къ себѣ начальника сыскной полиціи И. Д. Путилина и поручилъ ему произвести самое тщательное дознаніе объ игорныхъ домахъ. Онъ доставилъ мнѣ его черезъ недѣлю. Оказалось, что въ Петербургѣ дѣйствительно су-

ществуетъ домъ, гдѣ происходитъ азартная игра въ рулетку на большія суммы и при наличности всѣхъ необходимыхъ по закону аттрибутовъ игорнаго дома, т.-е. куда возможенъ доступъ незнакомымъ съ хозяиномъ квартиры, гдѣ организованъ размѣнъ денегъ, облегчающій игру, и гдѣ есть особый крупье или, какъ его называетъ нашъ законъ, счетчикъ. Устроителемъ и содержателемъ этого дома оказался штабсъ-ротмистръ Колеминъ, а счетчикомъ — отставной поручикъ Тебеньковъ. Представляя дознаніе, Путилинъ далъ мнѣ понять, что на содѣйствіе мѣстной общей полиціи для обнаруженія этого игорнаго дома разсчитывать трудно: одни могутъ быть заинтересованы въ его существованіи матеріально, другіе же—бояться отвѣтственности за несвоевременное донесеніе объ этомъ существованіи. Сознавая, что по самому характеру своего устройства типическій игорный домъ можетъ быть доказательно установленъ лишь во время игры въ немъ, я рѣшился воспользоваться закономъ 18 мая 1871 года, по которому прокурорскому надзору было предоставлено прибѣгать къ содѣйствію жандармской полиціи и по общимъ, а не только по политическимъ преступленіямъ. Я пригласилъ къ себѣ на квартиру въ 11 ч. вечера 14 марта товарища прокурора Маркова, о которомъ я упоминалъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ Овсянникова, и мѣстнаго судебнаго слѣдователя, съ которымъ уже заранѣе условился, и, давъ послѣднему письменное предложеніе и планъ квартиры Колемина, доставленный мнѣ Путилинымъ, просилъ ихъ обоихъ немедленно отправиться съ командированными въ ихъ распоряженіе жандармскими чинами къ Колемину, захвативъ съ собою по дорогѣ мѣстнаго участковаго пристава. По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, игра у Колемина происходитъ по понедѣльникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ и начиналась около 10 часовъ, при чемъ главные посѣтители пріѣзжали обыкновенно послѣ театра, и всѣмъ присутствующимъ подавался роскошный ужинъ съ дорогими винами.

Поставивъ стражу у парадныхъ дверей квартиры и установивъ надзоръ за швейцаромъ, лица, уѣхавшія отъ меня, вошли съ чернаго хода и, принявъ мѣры, чтобы прислуга, которую

застали при благодушномъ чаепитіи, не могла поднять тревоги, прошли черезъ рядъ комнатъ и вошли въ ярко освѣщенную залу въ тотъ моментъ, когда Колеминъ, обращаясь къ сидѣвшимъ за длиннымъ столомъ съ рулеткой гостямъ, воскликнулъ: «Messieurs, faites votre jeu!» Всѣ были такъ увлечены, что даже не замѣтили вошедшихъ и только обращенныя къ Колемину слова Маркова: «позвольте васъ остановить», вывели изъ безоглядной напряженности этихъ людей, «знобимыхъ — по выраженію Пушкина — стяжанья лихорадкой». Всѣ вскочили съ мѣстъ, и большинство, побросавъ лежавшія передъ ними деньги, бросилось бѣжать въ переднюю, чтобъ тщетно попытаться уйти. А между тѣмъ среди нихъ было нѣсколько лицъ титулованныхъ и съ довольно виднымъ общественнымъ положеніемъ и даже дипломатическій представитель одной изъ второстепенныхъ державъ. Во время составленія полицейскаго протокола нѣкоторые изъ нихъ заявили, что состоятъ близкими знакомыми хозяина, но лишь двухъ изъ 14 человѣкъ Колеминъ могъ назвать по имени и отчеству, а большую часть фамилій перепуталъ. Двое изъ гостей, очевидно, не сознавая, какую улику они даютъ противъ него, растерянно спросили Колемина, слѣдуетъ ли имъ платить за роскошный ужинъ à la fourchette, накрытый въ сосѣдней комнатѣ, а губернскій предводитель дворянства одной изъ внутреннихъ губерній сталъ увѣрять, что попалъ сюда по недоразумѣнію, ошибившись квартирой, и отказывался взять лежавшую передъ нимъ кучку несомнѣнно ему принадлежавшихъ полуимперіаловъ. По составленіи протокола *гости* отправились по домамъ, и начался осмотръ квартиры, при чемъ, кромѣ бывшей въ дѣйствіи рулетки, было обнаружено еще восемь различной величины рулетокъ и найдены четыре приходо-расходныя счетныя книги, въ которыхъ рукою Колемина, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ бухгалтеріи, отмѣчались операціи его заведенія. Во время этого осмотра, почти до 3 часовъ ночи, у парадныхъ дверей много разъ раздавались звонки новыхъ посѣтителей, предупреждать которыхъ швейцару было воспрещено. Только войдя въ переднюю, они узнавали, въ чемъ дѣло, и спѣшили сконфуженно отретироваться.

Все это, въ четвертомъ часу ночи, лично сообщилъ мнѣ Марковъ, привезшій актъ осмотра и копію постановленія слѣдователя о приступѣ къ слѣдствію и о привлеченіи Колемина въ качествѣ обвиняемаго въ устройствѣ игорнаго дома. Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія... Но, просматривая протоколъ, я не нашелъ въ немъ фамиліи Тебенькова, и на мой вопросъ по этому поводу, Марковъ сказалъ мнѣ, что Тебеньковъ на этотъ разъ отсутствовалъ по болѣзни, а роль крупье исполнялъ самъ Колеминъ. Это обстоятельство заставило меня сильно встревожиться. Всѣ признаки игорнаго дома были на лицо, но дѣло въ томъ, что Колеминъ находился на дѣйствительной военной службѣ, а по закону дѣла о преступленіяхъ воинскихъ чиновъ подсудны суду гражданскаго вѣдомства — и слѣдовательно, могутъ быть возбуждены прокуроромъ Окружного Суда — лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ военными, въ качествѣ пособниковъ или сообщниковъ, участвуютъ лица гражданскія. На удостовѣренное мнѣ Путилинымъ постоянное пребываніе у Колемина при игрѣ, въ качествѣ крупье (т.-е. пособника), отставного офицера Тебенькова я и разсчитывалъ твердо, и вдругъ его-то, какъ нарочно, и не оказалось! Такимъ образомъ выходило, что я возбудилъ дѣло, Окружному Суду не подсудное, и, слѣдовательно, превысилъ свою власть. Это было чревато разнаго рода жалобами и протестами со стороны не только обвиняемаго, но и военныхъ властей.

Я рѣшился пойти навстрѣчу опасности и утромъ послалъ въ собственныя руки военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Милютина, письмо съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ привлеченія Колемина. Результатъ былъ совершенно неожиданный. Случилось такъ, что Милютинъ въ это же утро ѣхалъ съ докладомъ къ Императору Александру II. Онъ доложилъ о существѣ упадавшаго на Колемина обвиненія и о крайней неблаговидности появленія на скамьѣ подсудимыхъ гвардейскаго офицера, устроившаго себѣ такой постыдный заработокъ. Государь приказалъ считать Колемина уволеннымъ отъ службы съ того дня, вечеромъ котораго у него былъ обнаруженъ игорный домъ. Такимъ образомъ сама собою возстановилась под-

судность этого дѣла гражданскому суду, временно мною нарушенная.

По закону (ст. 990 улож. о наказ.) Колеминъ, въ случаѣ осужденія его за устройство игорнаго дома, подлежалъ штрафу до трехъ тысячъ рублей, но, въ виду того, что по книгамъ его значился выигрышъ въ размѣрѣ 49.500 руб. за одни лишь послѣдніе мѣсяцы, до обнаруженія его игорнаго дома, такое наказаніе, очевидно, было лишено и карательной и предупредительной силы. Онъ могъ, подобно одному изъ героевъ Островскаго, сказать: «при нашемъ капиталѣ это всегда возможно», и, обставивъ свою дѣятельность большими предосторожностями, продолжать ее впредь до новаго штрафа. Эти 49 тысячъ были пріобрѣтены, несомнѣнно, преступнымъ образомъ въ заманчиво устроенномъ и роскошно обставленномъ притонѣ. Но вещи, пріобрѣтенныя преступленіемъ, согласно 512 ст. полицейскаго устава, возвращаются тѣмъ, у кого онѣ взяты, а если хозяевъ не окажется, то вещи продаются, и вырученная сумма поступаетъ на улучшеніе мѣстъ заключенія. Я рѣшился примѣнить эту статью къ Колемину, «дабы и другимъ, на него глядючи, не повадно было такъ дѣлать», и предложилъ наложить въ этомъ размѣрѣ арестъ на деньги Колемина, находившіяся на храненіи въ Волжско-Камскомъ банкѣ, съ тѣмъ, чтобы та сумма, которая не будетъ востребована проигравшимися у него лицами, была обращена въ пользу колоніи и пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Судебный слѣдователь и Окружной Судъ согласились съ такимъ моимъ взглядомъ, и арестъ былъ наложенъ.

Это произвело чрезвычайный переполохъ въ кругу петербургскихъ игроковъ и вызвало массу толковъ самаго фантастическаго содержанія. Стали разсказывать, что я заваленъ просьбами отъ когда-либо и что-либо проигравшихъ о возвращеніи имъ ихъ денегъ, и что я намѣренъ привлечь къ суду всѣхъ лицъ, извѣстныхъ крупными карточными выигрышами, и въ томъ числѣ нѣсколькихъ видныхъ и вліятельныхъ членовъ англійскаго клуба, носившихъ имена, громкія не въ одной офиціальной области. Все это были нелѣпыя и невѣжественныя, съ юридической точки

зрѣнія, измышленія, но по дѣлу Колемина дѣйствительно поступило два или три заявленія о принадлежности подавшимъ ихъ оставшихся въ ночь на 15 марта на игорномъ столѣ денегъ. Нечего и говорить, что пріятели и единомышленники Колемина были приведены моими «мѣропріятіями» въ крайнее негодованіе, раздѣляемое и многими завсегдатаями тѣхъ клубовъ, гдѣ велась крупная игра. Какъ это часто бываетъ у насъ, люди, весьма беззаботные по части своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, едва дѣло коснулось одного изъ близкихъ къ нимъ по духу рыцарей легкой наживы, стали вопить чуть не о нарушеніи мною священной неприкосновенности домашняго очага.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ въ камеру пришелъ въ сопровожденіи молодого человѣка видный сановникъ, очень причастный, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ литературѣ. Высказавъ мнѣ свой взглядъ на содержаніе игорнаго дома, какъ на дѣло совершенно домашнее и никого не касающееся, кромѣ посѣтителей, которые «вѣдь не маленькіе и понимаютъ, что дѣлаютъ», онъ просилъ меня заступиться за «бѣднаго Колемина», съ которымъ судъ, наложившій арестъ на деньги, поступилъ возмутительно и по-грабительски, какъ не поступаютъ съ порядочными людьми. При этомъ онъ прибавилъ, что не обращается къ министру юстиціи только въ увѣренности, что я его пойму и сдѣлаю такъ, чтобы судъ отдалъ деньги назадъ. «Вы ошибаетесь, сказалъ я, — я васъ не понимаю, такъ какъ не могу себѣ представить, чтобы человѣкъ, носящій ваше званіе и при томъ писатель, могъ не сознавать преступности содержанія игорнаго дома. А въ судѣ помочь не могу: вы, очевидно, не знаете, что «возмутительный» арестъ на деньги наложенъ по моему предложенію. Считать это законное распоряженіе суда грабежомъ (не говоря уже о неумѣстности этого выраженія) такъ же основательно, какъ и называть Колемина порядочнымъ человѣкомъ, забывая, что слово «грабежъ» скорѣе всего должно быть отнесено къ нему». Приведенный сановникомъ молодой человѣкъ, котораго я считалъ за кого-либо изъ многочисленныхъ родственниковъ перваго изъ нихъ, въ видимомъ смущеніи быстро всталъ со стула и густо покраснѣлъ. «Ахъ, помилуйте, что вы, что вы? — забормоталъ мой сановный посѣтитель, — это сму

обидно. Позвольте вамъ представить его: это—Колеминъ». — Вы слишкомъ поздно это дѣлаете, — замѣтилъ я, — и приведя ко мнѣ господина Колемина безъ предупрежденія меня о томъ и безъ моего разрѣшенія, вы повинны передъ нимъ въ томъ, что ему пришлось выслушать рѣзкій о себѣ отзывъ. Бесѣда наша кончена, и я васъ, господа, не удерживаю». — Вы разбили карьеру молодого человѣка», — съ паѳосомъ сказалъ мнѣ, уходя, глубоко обиженный сановникъ.—Игорную?—отвѣтилъ я ему вопросительно. Но онъ только махнулъ рукой, очевидно убѣдившись въ невозможности добиться правосудія.

Колеминъ былъ присужденъ Окружнымъ Судомъ къ двумъ тысячамъ рублей штрафа, а съ деньгами, арестованными у него, опредѣлено было поступить по 512 ст. полицейскаго устава.

«Qui a bu-boira!» Колеминъ переселился во Францію, а затѣмъ въ Испанію и тамъ, по слухамъ, продолжалъ нѣкоторое время свою дѣятельность въ С.-Себастьянѣ.

VII.

Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ.

Начальникъ петербургской сыскной полиціи, Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ, былъ одною изъ тѣхъ даровитыхъ личностей, которыхъ умѣлъ искусно выбирать и не менѣе искусно держать въ рукахъ старый петербургскій градоначальникъ Ф. Ф. Треповъ. Прошлая дѣятельность Путилина, до поступленія его въ составъ сыскной полиціи, была, чего онъ самъ не скрывалъ, зачастую весьма рискованною въ смыслѣ законности и строгой морали;—послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ, отсутствіе надлежащаго надзора со стороны Путилина за дѣйствіями нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ вызвало большія на него нареканія. Но въ то время, о которомъ я говорю (1871—1875 гг.), Путилинъ не распускалъ ни себя, ни своихъ сотрудниковъ — и работалъ надъ своимъ любимымъ дѣломъ съ несомнѣннымъ желаніемъ оказывать дѣйствительную помощь труднымъ задачамъ слѣдственной части. Этому, конечно, способствовало въ значительной степени и вліяніе такихъ людей, какъ, напримѣръ, Сергѣй Филипповичъ Христіановичъ, занимавшій должность правителя канцеляріи градоначальника. Отлично образованный, неподкупно-честный, прекрасный юристъ и большой знатокъ народнаго быта и литературы, близкій другъ И. Ф. Горбунова, Христіановичъ былъ по личному опыту знакомъ съ

условіями и пріемами производства слѣдствій. Его указанія не могли пройти безслѣдно для Путилина. Въ качествѣ опытнаго пристава слѣдственныхъ дѣлъ Христіановичъ призывался для совѣщанія въ комиссію по составленію Судебныхъ Уставовъ. Этимъ Уставамъ служилъ онъ какъ правитель канцеляріи градоначальника, дѣйствуя, при прекращеніи двухъ путей — административнаго усмотрѣнія и судебной независимости — какъ добросовѣстный, чуткій и опытный стрѣлочникъ, устраняя искусною рукою, съ тактомъ и достоинствомъ, неизбѣжныя разногласія, могшія перейти въ рѣзкія столкновенія, вредныя для роста и развитія нашего молодого, *новаго* суда. На службѣ этимъ же Уставамъ, въ качествѣ члена петербургской Судебной Палаты, окончилъ онъ свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ и косвенная отъ него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина въ строгихъ рамкахъ служебнаго долга и нравственнаго приличія.

По природѣ своей Путилинъ былъ чрезвычайно даровитъ и какъ бы созданъ для своей должности. Необыкновенно тонкое вниманіе и чрезвычайная наблюдательность, въ которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться въ то, мимо чего всѣ проходили безучастно, — соединялись въ немъ со спокойною сдержанностью, большимъ юморомъ и своеобразнымъ лукавымъ добродушіемъ. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные каріе глаза, мягкія манеры и малороссійскій выговоръ были характерными наружными признаками Путилина. Онъ умѣлъ отлично разсказывать и еще лучше вызывать другихъ на разговоръ,—и писалъ недурно и складно, хотя мѣсто и степень его образованія были, по выраженію И. Ф. Горбунова, «покрыты мракомъ неизвѣстности». Къ этому присоединялась крайняя находчивость въ затруднительныхъ случаяхъ, при чемъ про него можно было сказать «qu'il connaissait son monde», какъ говорятъ французы. По дѣлу о жестокомъ убійствѣ для ограбленія купца Бояринова и служившаго у него мальчика, онъ разыскалъ по самымъ, почти неуловимымъ, признакамъ заподозрѣннаго имъ мѣщанина Богрова, который, ка-

залось, доказалъ свое alibi (инобытность) и съ самоувѣренной усмѣшечкой согласился поѣхать съ Путилинымъ къ себѣ домой, откуда все было уже тщательно припрятано. Сидя на извозчикѣ и мирно бесѣдуя, Путилинъ внезапно сказалъ: «а вѣдь мальчишка-то живъ!» — «Неужто живъ?» не отдавая себѣ отчета воскликнулъ Богровъ, утверждавшій, что никакого Бояринова знать не знаетъ — и сознался...

Въ Петербургѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, не было ни одного большого и сложнаго уголовнаго дѣла, въ розыскъ по которому Путилинъ не вложилъ бы своего труда. Мнѣ пришлось наглядно познакомиться съ его удивительными способностями для изслѣдованія преступленій въ январѣ 1873 года, когда въ Александро-Невской лаврѣ было обнаружено убійство іеромонаха Илларіона. Илларіонъ жилъ въ двухъ комнатахъ отведенной ему келіи монастыря, велъ замкнутое существованіе и лишь изрѣдка принималъ у себя пѣвчихъ и поилъ ихъ чаемъ. Когда дверь его келіи, откуда онъ не выходилъ два дня, была открыта, то вошедшимъ представилось ужасное зрѣлище. Илларіонъ лежалъ мертвый въ огромной лужѣ запекшейся крови, натекшей изъ массы ранъ, нанесенныхъ ему ножомъ. Его руки и лицо носили слѣды борьбы и порѣзовъ, а длинная сѣдая борода, за которую его, очевидно, хваталъ убійца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ея валялись на полу въ обѣихъ комнатахъ. На столѣ стоялъ самоваръ и стаканъ съ остатками недопитаго чая. Изъ комода была похищена сумка съ золотой монетой (отецъ Илларіонъ плавалъ за границей на судахъ въ качествѣ іеромонаха). Убійца искалъ денегъ между бѣльемъ и тщательно его пересмотрѣлъ, но, дойдя до газетной бумаги, которою обыкновенно покрывается дно ящиковъ въ комодахъ, ее не приподнялъ, а подъ нею-то и лежали процентныя бумаги на большую сумму. На столѣ у входа стоялъ мѣдный подсвѣчникъ, въ видѣ довольно глубокой чашки съ невысокимъ помѣщеніемъ для свѣчки посрединѣ, при чемъ отъ сгорѣвшей свѣчки остались одни слѣды, а сама чашка была почти на уровень съ краями наполнена кровью, ровно застывшею безъ всякихъ слѣдовъ брызгъ.

Судебныя власти прибыли на мѣсто какъ разъ въ то время, когда въ соборѣ совершалась торжественная панихида по Сперанскомъ — столѣтіе со дня его рожденія. На ней присутствовали — Государь и весь офиціальный Петербургъ. Покуда въ соборѣ пѣли чудныя слова заупокойныхъ молитвъ, — въ двухъ шагахъ отъ него, въ освѣщенной зимнимъ солнцемъ келіи, происходило вскрытіе трупа несчастнаго старика. Состояніе пищи въ желудкѣ дало возможность опредѣлить, что покойный былъ убитъ два дня назадъ вечеромъ. По весьма вѣроятнымъ предположеніямъ, убійство было совершено кѣмъ-нибудь изъ послушниковъ, котораго старикъ пригласилъ пить чай. Но кто могъ быть этотъ послушникъ — выяснить было невозможно, такъ какъ оказалось, что въ монастырѣ временно проживали, безъ всякой прописки, послушники другихъ монастырей, при чемъ они уходили совсѣмъ изъ лавры, — въ которой проживалъ самъ митрополитъ, — не только никому не сказавшись, но, даже по большей части, проводили ночи въ городѣ, перелѣзая въ одномъ спеціально приспособленномъ мѣстѣ чрезъ ограду святой обители.

Во время составленія протокола осмотра трупа пріѣхалъ Путилинъ. Слѣдователь сообщилъ ему о затрудненіи найти обвиняемаго. Онъ сталъ тихонько ходить по комнатамъ, посматривая туда и сюда, а затѣмъ, задумавшись, сталъ у окна, слегка барабаня пальцами по стеклу: «Я пошлю, — сказалъ онъ мнѣ затѣмъ вполголоса,—агентовъ (онъ выговаривалъ *ахентовъ*) по пригороднымъ желѣзнымъ дорогамъ. Убійца, вѣроятно, кутитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, около станціи».—Но какъ же они узнаютъ убійцу?— спросилъ я. — Онъ раненъ въ кисть правой руки, убѣжденно сказалъ Путилинъ. — Это почему? — Видите этотъ подсвѣчникъ? На немъ очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитаго, да и натекла она послѣ убійства. Вѣдь нельзя предположить, чтобы напавшій рѣзалъ старика со свѣчкою въ рукахъ: его руки были заняты—въ одной былъ ножъ, а другою, какъ видно, онъ хваталъ старика за бороду.—Ну, хорошо. Но почему же онъ раненъ въ *правую* руку?— А вотъ почему. Пожалуйте сюда къ комоду. Видите: убійца тщательно перерылъ все бѣлье, отыскивая между нимъ спря-

лайте божескую милость, позвольте покормиться.—Ну, хорошо, недѣлю погуляй, покормись, а черезъ недѣлю, коли не попадешься до тѣхъ поръ, вышлю: тебѣ здѣсь дѣйствовать никакъ невозможно... — То ли дѣло было прежде, въ сороковыхъ да пятидесятыхъ годахъ. Тогда надъ Апраксинымъ рынкомъ былъ частный приставъ Шерстобитовъ — человѣкъ извѣстный, ума необыкновеннаго. Сидитъ бывало въ штофномъ халатѣ, на гитарѣ играетъ романсы, а канарейка въ клѣткѣ такъ и заливается. Я же былъ у него помощникомъ, и какихъ мы съ нимъ дѣлъ не дѣлали, даже вспомнить весело!—Разъ зоветъ онъ меня къ себѣ, да и говоритъ:—Иванъ Дмитріевичъ, намъ съ тобою должно быть Сибири не миновать!—Зачѣмъ, говорю, Сибирь?—А затѣмъ, говоритъ, что у французскаго посла, герцога Монтебелло, сервизъ серебряный пропалъ и Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ оберъ-полицеймейстеру Галахову, чтобы былъ сервизъ найденъ. А Галаховъ мнѣ да тебѣ велѣлъ найти во что бы то ни стало, а то, говоритъ, я васъ обоихъ упеку, куда Макаръ телятъ не гонялъ. — Что-жъ, говорю, Макаромъ загодя стращать, попробуемъ, можетъ и найдемъ. — Перебрали мы всѣхъ воровъ — нѣтъ, никто не кралъ! Они и промежъ себя цѣлый сыскъ произвели получше нашего. Говорятъ: — Иванъ Дмитріевичъ, вѣдь мы знаемъ, какое это дѣло, но вотъ образъ со стѣны готовы снять — не крали этого сервиза! — Что ты будешь дѣлать? Побились мы съ Шерстобитовымъ, побились, — собрали денегъ, сложились, да и заказали у Сазикова новый сервизъ по тѣмъ образцамъ и рисункамъ, что у французовъ остались. Когда сервизъ былъ готовъ, его сейчасъ въ пожарную команду, сервизъ-то...— что бы его тамъ губами ободрали: пусть имѣетъ видъ, какъ бы былъ въ употребленіи. Представили мы сервизъ французамъ и ждемъ себѣ награды. Только вдругъ зоветъ меня Шерстобитовъ: ну — говоритъ — Иванъ Дмитріевичъ, теперь ужъ въ Сибирь всенепремѣнно.—Какъ, говорю, за что?—А за то, что звалъ меня сегодня Галаховъ и ногами топалъ и скверными словами ругался. «Вы, говоритъ, съ Путилинымъ плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите. Вчера на балѣ во дворцѣ Государь спрашиваетъ Монтебелло: «довольны ли вы моей полиціей? — Очень,

танныхъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, дюжина полотенецъ. Онъ внимательно переворачивалъ каждое, какъ перелистываютъ страницы книги, и видите — на каждомъ свернутомъ полотенцѣ снизу — пятно крови. Это правая рука, а не лѣвая: при перевертываніи лѣвою рукою пятна были бы сверху...

Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, мнѣ дали знать, что убійца арестованъ въ трактирѣ на станціи Любань. Онъ оказался раненымъ въ ладонь *правой* руки и расплачивался золотомъ. Доставленный къ слѣдователю онъ сознался въ убійствѣ и былъ затѣмъ осужденъ присяжными засѣдателями, но до отправленія въ Сибирь сошелъ съ ума. Ему, несчастному, въ неистовомъ бреду, все казалось, что къ нему лѣзетъ о. Иларіонъ, угрожая и проклиная...

Путилинъ былъ очень возбужденъ и гордъ успѣхомъ своей находчивости. У судебнаго слѣдователя, въ моемъ присутствіи, пустился онъ съ увлеченіемъ въ разсказы о своемъ прошломъ. Вотъ что, приблизительно, какъ записано въ моемъ дневникѣ, онъ намъ разсказалъ тогда. «Настоящее дѣло заурядное, да теперь хорошихъ дѣлъ и не бываетъ; такъ все—дрянцо какое-то. И преступники настоящіе перевелись — ничего нѣтъ лестнаго ихъ ловить. Убьетъ и сейчасъ же сознается. Да и воровъ настоящихъ нѣтъ. Прежде, бывало, за воромъ слѣдишь, да за жизнь свою опасаешься: онъ хоть только и воръ, а потачки не дастъ! Прежде воръ былъ видный во всѣхъ статьяхъ, а теперь что? — жалкій, плюгавый! *Вашъ* судъ его осудитъ, и онъ отсидитъ свое, — ну, затѣмъ вышлютъ его на родину, а онъ опять возвращается. Они вѣдь себя сами «Спиридонами-поворотами» называютъ. Мои агенты на желѣзной дорогѣ его узнаютъ, задержатъ, да и приведутъ ко мнѣ: голодный, холодный, весь трясется, — посмотрѣть не на что. Говоришь ему: — ты вѣдь, братецъ, воръ. — Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, грѣха нечего таить — воръ. — Такъ тебя слѣдуетъ выслать.—Помилуйте, Иванъ Дмитріевичъ!— Ну, какой ты воръ?! Воръ долженъ быть изъ себя видный, рослый, одѣтъ по-почтенному, а ты? Ну, посмотри на себя въ зеркало — ну, какой ты воръ? такъ мразь одна. — Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, Богъ счастья не даетъ. Ужъ не высылайте, сдѣ-

отвѣчаетъ, Ваше Величество, доволенъ: полиція эта безпримѣрная. Утромъ она доставила мнѣ найденный ею украденный у меня сервизъ, а наканунѣ поздно вечеромъ камердинеръ мой сознался, что этотъ же самый сервизъ заложилъ одному иностранцу, который этимъ негласно промышляетъ, и расписку его мнѣ представилъ, такъ что у меня теперь будетъ *два* сервиза». Вотъ тебѣ, Иванъ Дмитріевичъ, и Сибирь!—Ну, говорю, зачѣмъ Сибирь, а только дѣло скверное. — Поигралъ онъ на гитарѣ, послушали мы оба канарейку, да и рѣшили дѣйствовать. Послали узнать, что дѣлаетъ посолъ. Оказывается, уѣзжаетъ съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ на охоту. Сейчасъ же къ купцу знакомому въ Апраксинъ,—который ливреи шилъ на посольство и всю ихнюю челядь зналъ. «Ты, милъ-человѣкъ, когда именинникъ? — Черезъ полгода. — А можешь ты именины справить черезъ два дня и всю прислугу изъ французскаго посольства пригласить, а угощенье будетъ отъ насъ?» Ну, извѣстно, — *свои люди*, — согласился. И такой-то мы у него балъ задали, что небу жарко стало. Подъ утро всѣхъ развозить пришлось по домамъ: французы-то совсѣмъ очумѣли, къ себѣ домой-то попасть никакъ не могутъ, только мычатъ. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что въ винѣ былъ дурманъ или другое какое снадобье. Нѣтъ, вино было настоящее, а только французы слабый народъ: крѣпкое-то на нихъ и дѣйствуетъ. Ну-съ, а часа въ три ночи пришелъ Яша-воръ. Вотъ человѣкъ-то былъ! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а ужъ на счетъ ловкости, такъ я другого такого не видывалъ. Въ острогѣ сидѣлъ безсмѣнно, а отъ насъ довѣріемъ пользовался въ полной мѣрѣ. Не теперешнимъ ворамъ чета былъ. Царство ему небесное! Пришелъ и мѣшокъ принесъ: вотъ, говоритъ, извольте сосчитать, кажись все. Стали мы съ Шерстобитовымъ считать: двѣ ложки съ вензелями лишнихъ. — Это, говоримъ, зачѣмъ же, Яша? Зачѣмъ ты лишнее бралъ? — Не утерпѣлъ, говоритъ... На другой день поѣхалъ Шерстобитовъ къ Галахову и говоритъ: «помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, никакихъ двухъ сервизовъ и не бывало. Какъ былъ одинъ, такъ и есть, а французы народъ вѣдь легкомысленный, имъ вѣрить никакъ невозможно». А на слѣду-

ющій день затѣмъ вернулся и посолъ съ охоты. Видитъ—сервизъ одинъ, а прислуга вся съ перепою зеленая, да вмѣсто дверей въ косякъ головой тычется. Онъ махнулъ рукой, да объ этомъ дѣлѣ и замолкъ».

— Иванъ Дмитріевичъ, — сказалъ я, выслушавъ этотъ разсказъ, — а не находите вы, что о такихъ похожденіяхъ можетъ быть было бы удобнѣе умалчивать? Иной вѣдь можетъ подумать, что вы и до сихъ поръ дѣйствуете по-Шерстобитовски...— Э-э-эхъ! — не тѣ теперь времена и не такое мое положеніе, отвѣчалъ онъ. Знаю я, что похожденія мои съ Шерстобитовымъ не совсѣмъ-то удобны, да вѣдь давность прошла и не одна, а, пожалуй, цѣлыхъ три. Вѣдь и Яши-то вора, — царство ему небесное! — лѣтъ двадцать какъ въ живыхъ ужъ нѣтъ».

VIII.

Изъ прокурорской практики.

Въ бытность мою прокуроромъ Окружнаго Суда въ Петербургѣ, мнѣ приходилось иногда выходить изъ формальныхъ рамокъ своей дѣятельности и въ однихъ случаяхъ не торопиться съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія, а въ другихъ, наоборотъ, предупреждать о возможности такого преслѣдованія, чтобы сдѣлать его впослѣдствіи въ сущности ненужнымъ. Въ *первыхъ* случаяхъ жалобщику надо было дать время одуматься и допустить заговорить въ себѣ добрымъ и примирительнымъ чувствамъ; во *вторыхъ*, устранить, безъ судебнаго разбирательства, причину самой жалобы.

Вотъ два изъ памятныхъ мнѣ случаевъ.

Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ въ мой прокурорскій кабинетъ пришелъ офицеръ, въ армейской формѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Лицо его было мрачно и рѣшительно, глаза желчно смотрѣли куда-то вдаль. «Я сынъ тайнаго совѣтника N. N., вамъ, вѣроятно, извѣстнаго — поручикъ войскъ, расположенныхъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Я былъ ребенкомъ, когда умерла моя мать, оставившая мнѣ весьма хорошее состояніе въ недвижимости и назначившая опекуномъ моего отца. Во время пребыванія моего въ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ, пользуясь моей службой въ отдаленномъ

краѣ, мой отецъ продалъ значительную часть моего имѣнія, будто бы для его округленія, и присвоилъ себѣ все, что было выручено въ видѣ доходовъ и покупной платы. Когда я временно вернулся изъ Средней Азіи, онъ отказался дать мнѣ какія-либо объясненія о моемъ имущественномъ положеніи, и я вынужденъ былъ предъявить противъ него искъ въ порядкѣ исполнительнаго производства объ истребованіи отчета. Судъ уважилъ мои требованія, но на предъявленіе отцу моему постановленія суда, онъ отозвался, что никакихъ моихъ денегъ у него нѣтъ и не было, и что вознаграждать меня онъ не намѣренъ. Это было офиціально удостовѣрено, и я заявилъ, что дѣла такъ не оставлю. Вслѣдъ затѣмъ меня потребовалъ къ себѣ товарищъ шефа жандармовъ, подвелъ къ картѣ Россіи и, показавъ на ней городъ Колу Архангельской губерніи, посовѣтовалъ мнѣ имѣть въ виду, что если я не прекращу своихъ претензій къ моему почтенному родителю, то я могу близко ознакомиться съ этимъ городомъ, т.-е. быть сосланнымъ административно. Но онъ меня не запугалъ, и я приношу вамъ жалобу, прося о привлеченіи моего отца къ уголовной отвѣтственности за растрату и присвоеніе по званію опекуна». Съ этими словами онъ мнѣ подалъ и самую жалобу, написанную лицомъ, очевидно свѣдущимъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Я, дѣйствительно, зналъ, или вѣрнѣе, встрѣчалъ отца этого офицера. Онъ былъ большимъ любителемъ искусства и даже, кажется, участвовалъ въ одномъ изъ учрежденій, предназначенныхъ «насаждать и упрочивать» одну изъ отраслей искусства. Я видѣлъ его въ шестидесятыхъ годахъ раза два, сколько мнѣ помнится, у поэта Майкова. Это былъ высокій, подвижной и словоохотливый старикъ.

— Хорошо, сказалъ я моему посѣтителю, — я предложу слѣдователю о производствѣ слѣдствія. — Не слѣдуетъ ли арестовать обвиняемаго? — сказалъ тотъ съ недоброй улыбкой — я имѣю свѣдѣнія, что онъ покупаетъ золото въ большомъ количествѣ: вѣроятно, думаетъ бѣжать за границу. Позвольте узнать, когда вы дадите предложеніе слѣдователю: нельзя ли сегодня же? — Нѣтъ, ранѣе недѣли я этого предложенія не дамъ. — Но почему

же? Дѣло ясно, и жалоба потерпѣвшаго для васъ и для слѣдователя по 303 и 307 ст. Уст. Угол. Суд. обязательна, — сказалъ онъ, волнуясь и густо краснѣя. — Вы недурно знаете Судебные Уставы, но не обратили вниманія на то, что обязательнаго срока на возбужденіе преслѣдованія не существуетъ. Это и понятно, такъ какъ прокуроръ и слѣдователь нерѣдко должны имѣть возможность убѣдиться, путемъ дознанія, въ наличности состава преступленія. — Да! воскликнулъ онъ, — но виновный убѣжитъ за границу, покуда вы будете собираться дать слѣдователю предложеніе! — Объ этомъ не безпокойтесь: въ виду вашей жалобы, будетъ сдѣлано сношеніе съ градоначальникомъ о пріостановленіи выдачи ему заграничнаго паспорта въ теченіе нѣсколькихъ дней. — Такъ не раньше, какъ черезъ недѣлю? — рѣзко сказалъ мнѣ молодой человѣкъ и, круто повернувшись, направился къ выходу. — Позвольте васъ остановить и попросить присѣсть, — сказалъ я. Могу ли я васъ спросить, чѣмъ вы существуете, несмотря на присвоеніе вашимъ отцомъ вашего имущества? — Жалованьемъ. — И вамъ хватаетъ на жизнь? — Да у меня потребности скромныя.—Такъ что, въ сущности, вы въ присвоенныхъ вашимъ отцомъ деньгахъ не нуждаетесь? — Нѣтъ, но онъ не имѣлъ права! Я не могу позволить! — Ясно ли вы представляете себѣ картину будущаго суда надъ вашимъ отцомъ? Старика придется посадить подъ стражу: вы даже сами этого требуете. Онъ будетъ сидѣть предъ публикой, жадной на зрѣлища, на скамьѣ подсудимыхъ между двумя жандармами. Вамъ придется давать противъ него показанія, придется отвѣчать на перекрестномъ допросѣ, при чемъ, конечно, защитникъ васъ не пощадитъ и поставитъ не разъ въ неловкое положеніе своими вопросами и рѣчами. Затѣмъ отецъ вашъ можетъ быть лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь. Вы сдѣлаетесь, въ качествѣ гражданскаго истца, обладателемъ всей присвоенной суммы и при томъ, быть-можетъ, за годъ или за два до смерти стараго отца, послѣ которой, вы, вѣроятно, и такъ получите все состояніе этого «скупого рыцаря». — Я это знаю, — раздражительно сказалъ мой собесѣдникъ, — и на все это готовъ, но я не могу ему позволить нарушать мои права. Я обдумалъ, что дѣлаю, и это исключительно

мое дѣло. — Черезъ недѣлю ваше желаніе будетъ исполнено, и затѣмъ вы, вѣроятно, получите возможность выйти изъ рамокъ вашихъ скромныхъ потребностей и повести жизнь на широкую ногу и — простите меня — вотъ, что можетъ случиться: въ веселой компаніи друзей и, быть-можетъ, женщинъ, увивающихся около богатыхъ молодыхъ людей, вы будете ужинать или обѣдать въ модномъ ресторанѣ и пить шампанское, а на улицѣ поднимется метель и станетъ выть за окномъ и засыпать ихъ снѣгомъ. И вдругъ вамъ придетъ мысль: «а мой-то старикъ теперь гдѣ-нибудь въ Якутской губерніи, среди постоянныхъ вьюгъ, и холода, и безлюдья, одинокій, немощный, больной, и его туда отправилъ *я* — его сынъ»... Не завидую вамъ въ эти минуты, а поправить сдѣланное уже будетъ невозможно, какъ невозможно будетъ даже и мнѣ отмѣнить свое распоряженіе о производствѣ слѣдствія, такъ какъ этого рода дѣла примиреніемъ не кончаются. Вотъ почему я, не считая какое-либо дознаніе по этому дѣлу необходимымъ, все-таки воспользуюсь своимъ правомъ и начну слѣдствіе не сейчасъ, а давъ вамъ время подумать еще разъ о томъ, что вы предпринимаете. Но если ровно черезъ недѣлю, въ этотъ самый день и часъ, у меня не будетъ никакого съ вашей стороны заявленія, я предложу слѣдователю начать слѣдствіе и взять вашего отца подъ стражу... — Мнѣ нечего обдумывать,—сказалъ офицеръ, недовольно пожавъ плечами, и ушелъ.

Прошла недѣля, насталъ тотъ же самый день (кажется среда) и приблизился тотъ же самый часъ. О жалобщикѣ не было ни слуху, ни духу. Я уже вынулъ изъ ящика стола его прошеніе съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько минутъ написать на немъ мою резолюцію о предложеніи слѣдователю приступить къ слѣдствію — какъ вдругъ молодой человѣкъ явился. Подойдя къ столу съ тѣмъ же суровымъ видомъ, какъ и прежде, онъ, не смотря на меня и скосивъ глаза въ сторону, сказалъ: я пришелъ просить васъ оставить мою жалобу на отца безъ послѣдствій. — Онъ васъ удовлетворилъ? — Нѣтъ, я его не видѣлъ, но не хочу его преслѣдовать. — Слушаю. Ваше желаніе будетъ исполнено. — И я сталъ писать на поляхъ жалобы: «оставить безъ послѣдствій въ виду словеснаго заявленія потерпѣвшаго». Но онъ не отходилъ отъ

стола и на мой недоумѣвающій взглядъ отвѣтилъ просьбой отдать ему назадъ самую жалобу. Зачѣмъ она вамъ? съ моей помѣткой она все равно недѣйствительна... Мнѣ, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, опустивъ голову и опять густо краснѣя, — мнѣ стыдно. — Я молча подалъ ему бумагу. Онъ скомкалъ ее, сунулъ въ карманъ и быстро пошелъ изъ кабинета. Но, взойдя на лѣсенку (кабинетъ прокурора былъ ниже уровня сосѣднихъ комнатъ, и въ него вели двѣ двери съ нѣсколькими ступеньками), онъ нерѣшительно взялся за ручку двери, пріотворилъ послѣднюю и заперъ, а затѣмъ, потупясь, сказалъ мнѣ тѣмъ же глухимъ голосомъ: «господинъ прокуроръ, я вамъ долженъ сказать... я вамъ очень благодаренъ: вы мнѣ помогли остаться порядочнымъ человѣкомъ!» И, сильно хлопнувъ дверью, онъ исчезъ.

По нѣкоторымъ спеціальнымъ дѣламъ, преимущественно объ оскорбленіи женской чести и цѣломудрія, мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ экспертомъ, весьма свѣдущимъ врачомъ. Это былъ изящный молодой человѣкъ, всегда элегантно одѣтый и, очевидно, придававшій значеніе, какъ и всѣ почти акушеры и гинекологи, которыхъ я зналъ, своей внѣшности. У него были холеные руки, онъ всегда былъ красиво причесанъ, и отъ него слегка пахло тонкими духами.

Однажды, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, курьеръ мнѣ доложилъ въ моей камерѣ, что приходилъ этотъ экспертъ и настойчиво желалъ меня видѣть. «Они очень разстроены, прибавилъ курьеръ, и даже какъ будто не въ себѣ. Обѣщали притти опять». И дѣйствительно, черезъ четверть часа онъ явился. Но Боже! въ какомъ видѣ: растрепанный, съ взъерошенною бородкою и торчащими вверхъ и внизъ усами, въ небрежно повязанномъ галстукѣ, въ косо сидящемъ сюртукѣ вслѣдствіе того, что онъ былъ застегнутъ на несоотвѣтствующія петлямъ пуговицы. Сюртукъ его былъ въ пуху, холеные ногти съ траурной каймой. Онъ былъ блѣденъ и дышалъ тяжело, глаза его блуждали, и руки нервно дрожали. «Что съ вами? воскликнулъ я невольно: что случилось?» Онъ безсильно опустился въ кресло и сказалъ: «ахъ,

я такъ разстроенъ! со мною случилось ужасное несчастье: я сталъ жертвою негодяевъ и пришелъ къ вамъ искать помощи и защиты. Вотъ въ чемъ дѣло...» И онъ, вздыхая и дѣлая длинныя паузы отъ волненія, продолжалъ: «я хотѣлъ купить билетъ внутренняго займа и для этого зашелъ третьяго дня въ мѣняльную лавку вблизи Гостинаго двора. Приказчикъ подалъ мнѣ нѣсколько билетовъ, и я, выбравъ наудачу одинъ, спросилъ, не вышелъ ли онъ, однако, въ тиражъ, на что приказчикъ отвѣчалъ отрицательно. Но я продолжалъ выражать сомнѣніе, и тогда хозяинъ лавки, находившійся на другомъ ея концѣ, сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: «мы не продаемъ вышедшихъ въ тиражъ билетовъ, а если вы, господинъ, сомнѣваетесь, то не лучше ли вамъ пойти въ другую лавку? А впрочемъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ приказчику, — подай имъ тиражныя таблицы: пусть сами удостовѣрятся». Я сталъ просматривать таблицы и, къ изумленію моему, увидѣлъ, что находившійся у меня въ рукахъ билетъ, плата за который уже лежала на прилавкѣ, но еще не была взята хозяиномъ, выигралъ 75.000. «Вотъ вы говорите, сказалъ я, что провѣряете таблицу, а между тѣмъ... — «Ахъ, господинъ, перебилъ меня хозяинъ лавки, возьмите вы ваши деньги и пойдите въ другую лавку: право, вы только на сердце наводите! — Да нѣтъ, сказалъ я, подавая ему билетъ и тиражную таблицу, посмотрите сами: мой билетъ вѣдь выигралъ 75.000.— Хозяинъ лавки вперилъ широко раскрытые глаза въ поданное ему, потомъ вдругъ поблѣднѣлъ, всплеснулъ руками, и, закрывъ ими лицо, сталъ бормотать: «Господи, Господи! навожденіе, навожденіе». Когда онъ немного успокоился, я сказалъ ему, что не хочу пользоваться его несчастіемъ и не возьму этого билета, но надѣюсь, что онъ пойметъ, что я имѣю право на вознагражденіе и желаю объ этомъ нынѣ же условиться. «Какъ же-съ, какъ же-съ!», засуетился онъ, «мы это вполнѣ понимаемъ, и вы отъ насъ въ обидѣ не останетесь. Только сейчасъ это никакъ не возможно: я очень разстроенъ, совсѣмъ даже сообразить ничего не могу; вы ужъ пожалуйте завтра утречкомъ: тогда обо всемъ и переговоримъ». И онъ заперъ билетъ въ конторку, а мнѣ выдалъ другой, на этотъ разъ уже тщательно провѣривъ таблицу.

Это было вечеромъ, а вчера я два раза заходилъ въ лавку, но все не заставалъ въ ней хозяина и нашелъ его лишь въ третій разъ уже передъ обѣдомъ. Когда я сказалъ, что пришелъ по поводу билета, онъ взглянулъ на меня вопросительно, а потомъ, какъ будто что-то припомнивъ, сказалъ: «ахъ, да-съ! какъ же-съ! у насъ приготовлено. Вотъ-съ», и подалъ мнѣ конвертъ. Въ немъ было *триста рублей*. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову отъ этой наглости. «Какъ! триста рублей? за семьдесятъ пять тысячъ?! — Да вѣдь мнѣ слѣдуетъ половина! — На какомъ основаніи? дерзко спросилъ мѣняла: — развѣ я эти деньги обронилъ, а вы ихъ нашли?» — Я бросилъ этотъ пакетъ ему чуть не въ лицо и громко крикнулъ ему, что это подлость. Но онъ спокойно подобралъ выпавшія изъ пакета бумажки и сказалъ мнѣ: «ругаться вы не имѣете права, да и требовать отъ меня ничего не можете, а не хотите брать, эти деньги, такъ вамъ же хуже. И о какомъ билетѣ вы говорите, я не знаю, а въ книгахъ у насъ записана вамъ продажа билета, и вы его получили». — Я вышелъ отъ него взбѣшенный и имъ и своею поспѣшностью: чортъ меня дернулъ отдавать ему выигрышный билетъ! Вѣдь они номеровъ не записываютъ, да и не знали бы, что билетъ выигралъ 75.000, такъ какъ уже проморгали его въ таблицѣ. Но я хотѣлъ поступить съ этими скотами, какъ благородный человѣкъ, и вотъ результатъ! Вѣдь это мошенничество! дневной грабежъ! вѣдь разъ я выбралъ этотъ билетъ и отдалъ за него деньги — онъ мой! не такъ ли? Вѣдь меня ограбили! Я такъ этимъ возмущенъ, что не спалъ всю ночь. Я зашелъ туда вечеромъ опять и сказалъ, что я обращусь къ прокурору, но это не подѣйствовало. Я думаю, что этихъ мошенниковъ приведетъ въ разсудокъ лишь ваше распоряженіе о производствѣ слѣдствія, и они увидятъ, что съ ними не шутятъ». И глаза его остановились на мнѣ чуть не съ мольбою. Изъ-за изящнаго врача и ученаго вдругъ выглянулъ, быть можетъ, неожиданно для него самого, человѣкъ, въ которомъ проснулись алчные инстинкты, какъ въ прирученномъ звѣрѣ, лизнувшемъ крови, т.-е. въ данномъ случаѣ денегъ.

— «Я не могу начать никакого слѣдствія, — сказалъ я: — сдѣлка не была окончена, да и во всякомъ случаѣ недѣйстви-

тельна, такъ какъ хозяинъ дѣйствовалъ въ заблужденіи, воспользоваться которымъ вы же сами, въ первомъ порывѣ, считали не возможнымъ. Конечно, онъ могъ бы вамъ предложить гораздо большее вознагражденіе и поступилъ съ вами, предлагая триста рублей, довольно некрасиво, но преступленія здѣсь нѣтъ, и, пожалуй, если бы вы утаили отъ него ваше открытіе и воспользовались билетомъ, онъ имѣлъ бы большее, чѣмъ вы, основаніе обращаться къ уголовному суду. — «Неужели все потеряно? — сокрушенно говорилъ мой посѣтитель, — неужели нельзя мнѣ помочь? — Онъ былъ просто жалокъ, и становилось очевиднымъ, что онъ провелъ тяжкій день и еще болѣе тяжкую безсонную ночь въ состояніи отчаянія отъ пролетѣвшихъ мимо его кармана семидесяти пяти или, во всякомъ случаѣ, многихъ тысячъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ молодой, полный энергіи и не только не нуждавшійся, но имѣвшій прекрасную практику.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня колеблющеюся походкой, растерянный и печальный, мнѣ доложили, что пришелъ владѣлецъ мѣняльной лавки и проситъ его принять. Типическій скопецъ, уже немолодой, объяснилъ мнѣ, что проситъ сообщить ему, справедлива ли угроза «господина доктора» о возбужденіи имъ противъ него обвиненія въ мошенничествѣ и можно ли такое дѣло прекратить миромъ. Я сказалъ ему, что упомянутое имъ лицо, дѣйствительно, было у меня, но въ сообщенныхъ имъ данныхъ я не вижу признаковъ преступленія, а по вопросу о томъ, достаточно ли вознагражденъ онъ за свой поступокъ, не считаю нужнымъ высказываться. «Да вѣдь помилуйте, господинъ прокуроръ, — замѣтилъ скопецъ своимъ бабьимъ голосомъ, — вѣдь господинъ докторъ все о благородствѣ своемъ говорили, такъ вѣдь это самое благородство оцѣнивать на деньги никакъ невозможно. Впрочемъ, если *вы* изволите сказать, что предложено было мало, такъ я готовъ сотенки двѣ накинуть для ихъ... благородства за то, что они мой выигрышъ себѣ не присвоили. Прикажите накинуть?» Я отвѣтилъ, что это до меня не касается, и больше не встрѣчалъ въ жизни ни того, ни другого.

IX.

Темное дѣло.

Перейдя въ Петербургъ изъ Казани, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, я нашелъ въ производствѣ у слѣдователя одно изъ тѣхъ мрачныхъ дѣлъ, про которыя можно сказать словами знаменитаго Tardieu: c'est ici que l'on désespère de l'humanité.

Въ Петербургѣ жило семейство чиновника К., состоявшее изъ родителей, двухъ дочерей, замѣчательныхъ красавицъ, и забулдыги — брата. Старшая дочь была замужемъ тоже за чиновникомъ, но не жила съ нимъ. Семейство познакомилось съ богатымъ банкиромъ, который среди петербургскихъ развратниковъ слылъ за особаго любителя и цѣнителя молодыхъ дѣвушекъ, сохранившихъ внѣшніе признаки дѣвства, за право нарушенія которыхъ старый и безобразный торговецъ деньгами платилъ большія суммы. Почтенная семья рѣшила представить ему старшую дочь въ качествѣ дѣвственницы и, повидимому, получила кое-что авансомъ. Но кѣмъ-то предупрежденный о готовившемся обманѣ, банкиръ потребовалъ точнаго исполненія условленнаго, грозя какими-то имѣвшимися у него компрометтирующими родителей подложной дѣвственницы документами. Тогда вся семья, за исключеніемъ младшей дочери Надежды, рѣшилась принести ее въ жертву современному Минотавру, при чемъ старшая сестра ея играла самую активную роль и была посредницей въ переговорахъ, вы-

говоривъ себѣ за это часть изъ общаго вознагражденія. Но несчастная Надежда К., которой только что минуло 19 лѣтъ, приходила въ ужасъ отъ той роли, на которую ее обрекала развращенная семья. Кромѣ того, она была влюблена, хотя безъ доказательствъ взаимности, въ красавца-офицера лейбъ-гвардіи Казачьяго полка. Понадобились просьбы, слезы, настоянія и всякаго рода психическое принужденіе и давленіе, чтобы побудить ее, наконецъ, согласиться отдаться въ опытныя и жадныя объятія старой обезьяны. Для этого назначенъ былъ и день, въ который сестра должна была пріѣхать съ нею къ банкиру и затѣмъ, послѣ роскошнаго ужина, оставить ихъ вдвоемъ.

Но произошло нѣчто неожиданное.

Наканунѣ своего жертвоприношенія Надежда К. написала письмо любимому человѣку въ казармы, въ которомъ просила пріѣхать отобѣдать съ нею въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Около 5 часовъ дня она явилась въ этотъ ресторанъ, взяла отдѣльный кабинетъ, заказала обѣдъ на двоихъ и приказала заморозить бутылку шампанскаго. Но ожидаемый сотрапезникъ не пріѣхалъ. Прождавъ его до 9 часовъ вечера, не дотрогиваясь до обѣда, но выпивъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, Надежда К. уѣхала. Около 11 часовъ вечера она явилась въ казачьи гвардейскія казармы, гдѣ пожелала видѣть своего знакомаго. Его, однако, не было дома, и она, весело поболтавъ съ тремя его товарищами, удалилась, сказавъ, что отправляется домой. На этомъ слѣдъ ея потерялся. Въ 6 часовъ утра (дѣло было лѣтомъ) какая-то дама, растрепанная и шатавшаяся, наняла на Знаменской площади извозчика и, подъѣхавъ къ дому, гдѣ жило семейство К., дала извозчику полуимперіалъ, а на выраженное имъ недоумѣніе махнула рукой и вошла въ подъѣздъ. Это была Надежда К. Она быстро прошла черезъ комнату спавшаго брата, потревоживъ его своимъ появленіемъ и тѣмъ, что чего-то искала въ столѣ, ничего не отвѣтивъ на его вопросъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея комнатѣ раздался выстрѣлъ. Пуля прошла снизу вверхъ, не задѣвъ сердца, но произведя жестокое поврежденіе спинного мозга, выразившееся въ быстромъ наростаніи паралича верхнихъ конечностей и языка. Понесшая убытокъ благородная

семья («а счастье было такъ возможно, такъ близко!») не дала, однако, знать полиціи, а пригласила находившагося въ близкихъ отношеніяхъ со старшею сестрою доктора медицины, преподававшаго студентамъ Медико-Хирургической академіи и извѣстнаго нѣкоторыми научными работами. Онъ подавалъ первую помощь несчастной дѣвушкѣ, покуда она еще обладала рѣчью, но когда, черезъ нѣсколько часовъ, она уже не могла владѣть ни руками, ни языкомъ, было дано знать полицейскому врачу, который нашелъ Надежду К. въ ужасномъ положеніи. Она не могла говорить и двигать руками, лицо ея выражало жесточайшее страданіе, а когда врачъ, осматривая рану, обратилъ вниманіе на ея половые органы, то нашелъ, что они находятся въ такомъ состояніи воспаленія и даже омертвѣнія, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что она сдѣлалась жертвою, вѣроятно, нѣсколькихъ человѣкъ, лишившихъ ее невинности и обладавшихъ ею послѣдовательно много разъ. Никакихъ знаковъ насилія, однако, на ея тѣлѣ найдено не было. Несчастная пострадала нѣсколько дней, на разспросы полиціи и слѣдователя отвѣчала лишь слезами и стонами и, наконецъ, умерла отъ своей раны и отъ явленій острой уреміи, какъ послѣдствія мѣстнаго поврежденія.

Къ слѣдствію была привлечена старшая сестра, взятая на поруки упомянутымъ выше профессоромъ, но, несмотря на всѣ усилія слѣдователя и сыскной полиціи, открыть виновниковъ совершеннаго надъ Надеждой К. злодѣянія и вообще разъяснить эту драму не удалось. Существовалъ рядъ предположеній, розыски направлялись то въ ту, то въ другую сторону, но это не приводило ни къ чему, и все обрывалось на роковомъ и вынужденномъ молчаніи покойной.

Въ началѣ октября того года, когда все это случилось, ко мнѣ въ камеру пришелъ поручитель за старшую дочь и съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства сказалъ, что желаетъ отказаться отъ поручительства за нее, такъ какъ разошелся и не хочетъ болѣе имѣть съ нею ничего общаго. Я сказалъ ему, что онъ можетъ подать объ отказѣ отъ поручительства заявленіе мнѣ или слѣдователю, но, воспользовавшись его пребываніемъ у

меня, завелъ съ нимъ разговоръ о существѣ этого дѣла. Онъ согласился со мною, что оно ужасно, и когда я сказалъ ему, въ какихъ направленіяхъ шли розыски, онъ заявилъ мнѣ, что это все ложные пути, и, если бы покойная могла теперь говорить, она бы разсказала другое, «и весьма неожиданное», прибавилъ онъ, лукаво усмѣхаясь. «Но вѣдь вы были при ней, когда она еще говорила, конечно, разспрашивали ее, и безъ сомнѣнія, она вамъ сказала все, какъ другу семьи. Вы могли бы поэтому насъ вывести изъ лабиринта, дать намъ руководящую нить... вѣдь вы тоже возмущаетесь этимъ мрачнымъ дѣломъ и не можете не жалѣть несчастную дѣвушку. — Но, само собою разумѣется, — отвѣтилъ онъ совершенно спокойно — она мнѣ все разсказала, и жаль мнѣ ее и возмущаюсь я, а все-таки помогать вамъ не хочу. Ея не воротишь, а мнѣ это невыгодно и неудобно. Впрочемъ, если вы дадите честное слово, — и онъ оглянулся на двери кабинета, — что не только не передадите никому того, что я вамъ скажу, но ни въ какомъ случаѣ и никакимъ способомъ этимъ не воспользуетесь, то я вамъ, какъ знакомому, для удовлетворенія вашего любопытства, по дружбѣ, пожалуй, кое-что разскажу. — Милостивый государь — я съ вами говорю, какъ прокуроръ, а не по дружбѣ, которой между нами существовать не можетъ, тѣмъ болѣе, что я не имѣю чести быть съ вами знакомымъ и вижу васъ въ первый разъ. — Ну вотъ, вы ужъ и сердитесь! Если такъ, то я вамъ, господинъ прокуроръ, заявляю, что я ничего по этому дѣлу не знаю. — Даже и того, что старшая сестра погибшей заявила, что поддѣлка ея невинности для господина банкира должна была совершиться при вашемъ техническомъ содѣйствіи? — Нѣтъ, знаю! — Но развѣ это возможно?! — Почему же нѣтъ? Для этого есть разные способы, между прочимъ, нѣкоторыя вяжущія средства. — Я не въ этомъ смыслѣ говорю о невозможности. Но развѣ мыслимо, чтобы врачъ, профессоръ, руководитель молодежи служилъ своими знаніями такому презрѣнному предпріятію. Вѣдь это безнравственно! — Э-э-эхъ, господинъ прокуроръ, зачѣмъ вы такія страшныя слова употребляете: *нравственно, безнравственно.* Нравственность-то вѣдь понятіе гуттаперчевое, растяжимое. Есть болѣе реальныя вещи: возможность, цѣлесообразность, — о нихъ

только и стоитъ говорить. Такъ то-съ! — И онъ, съ напускнымъ добродушіемъ, протянулъ мнѣ руку, а когда я ее не принялъ, то съ насмѣшливымъ удивленіемъ пожалъ плечами и неторопливой походкой пошелъ изъ кабинета.

Дѣло было прекращено судебной палатой.

X.

Пріемы и задачи обвиненія.

Вводя въ Россіи заимствованный съ Запада институтъ государственныхъ обвинителей, составители Судебныхъ Уставовъ стояли передъ трудною задачею. Надо было создать должностное лицо, несущее новыя, необычныя обязанности и дѣйствующее не въ тиши «присутствія», а въ обстановкѣ публичнаго столкновенія и обмѣна убѣжденныхъ взглядовъ, — и дѣйствующаго при томъ невѣдомомъ дотолѣ оружіемъ — живымъ словомъ. Гдѣ было взять пригодныхъ для этого людей? Не будутъ ли они слѣпыми подражателя западнымъ образцамъ, не перенесутъ ли они на русскую почву страстныхъ и трескучихъ пріемовъ французскихъ обвинителей, столь часто обращающихъ свое участіе въ судебныхъ преніяхъ въ запальчивую травлю подсудимаго? Богатый образчиками въ видѣ подлинныхъ и переводныхъ рѣчей французскихъ прокуроровъ, путь такого подражанія, сравнительно легкій и свободный отъ смущающихъ душу сомнѣній, являлся опаснымъ. На немъ могъ выработаться типъ настойчиваго обвинителя quand même et malgré tout, — обвинителя, такъ блестяще и остроумно охарактеризованнаго Лабулэ, изобразившимъ его говорящимъ присяжнымъ про подсудимаго: «я беру его со времени рожденія; имѣя годъ отъ роду, онъ укусилъ свою кормилицу, двухъ лѣтъ онъ показалъ языкъ своей матери, —

трехъ лѣтъ укралъ два куска изъ сахарницы своего дѣда, — четырехъ лѣтъ таскалъ яблоки изъ чужого сада, и если негодяй въ пять лѣтъ отъ роду не сдѣлался отцеубійцей, то лишь потому, что имѣлъ счастье быть сиротой!» На этомъ пути дешевый успѣхъ и легкая карьера всего болѣе могли бы быть обезпечены и тѣмъ нежелательнѣе былъ онъ для правосудія. Нѣмецкій Staatsanwalt того времени былъ въ сущности докладчикомъ тщательно составленной записки, въ которой мертвая догматика часто занимала мѣсто краснорѣчиваго голоса жизни. Сознавая недостатки своихъ пріемовъ, нѣмецкіе обвинители съ тѣхъ поръ постепенно вступили на путь французскаго краснорѣчія, утративъ въ немъ блестящую форму и галльское остроуміе, но придавъ судебнымъ преніямъ и отдѣльнымъ заявленіямъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ громкихъ процессовъ послѣдняго времени, тяжеловѣсный и грубый характеръ. Не подходила во многомъ для подражанія — въ силу особенностей британскаго уголовнаго процесса — и рѣчь англійскаго обвинителя, раздѣленная цѣлымъ перекрестнымъ допросомъ на двѣ отдѣльныя и независимыя одна отъ другой части, при чемъ въ первой обвинитель говорилъ о томъ, *что* онъ будетъ доказывать, а во второй дѣлалъ выводы о томъ, что онъ, по его мнѣнію, доказалъ на судебномъ слѣдствіи.

Въ старомъ судебномъ строѣ была прекрасная должность губернскаго прокурора. Наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ Екатерининскихъ учрежденій — должность эта, при всей своей полезности, — къ сожалѣнію, недостаточно сознанной при поспѣшномъ ея упраздненіи, — не представляла, однако, элементовъ для выработки обвинительныхъ пріемовъ. «Блюститель закона» и «Царское око» — охранитель интересовъ казны и свободы частныхъ лицъ въ случаяхъ учрежденія очекъ съ ограниченіемъ ихъ правъ, — ходатай за арестантовъ и наблюдатель за содержаніемъ ихъ «безъ употребленія орудій, закономъ воспрещенныхъ», — внимательный «читатель» опредѣленій всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, шедшихъ на его просмотръ, — возбудитель «безгласныхъ» дѣлъ, находившійся въ прямыхъ сношеніяхъ съ министромъ юстиціи, губернскій прокуроръ, по существу своихъ

правъ и обязанностей, былъ представителемъ центральной правительственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія. Но во всей его многообразной дѣятельности не было почвы для судебнаго состязанія, при которомъ взаимно создаются и разрушаются аргументы и установляются новыя и не всегда ожиданныя точки зрѣнія не только на приложеніе закона, но и на личность подсудимаго, взятую не отвлеченно, а выхваченную изъ жизни со всѣми своими корнями и вѣтвями. При томъ на практикѣ губернскіе прокуроры, за нѣсколькими блестящими исключеніями, въ родѣ знаменитаго Ровинскаго или ученаго Ланге, далеко не соотвѣтствовали идеалу, начертанному въ Учрежденіи о губерніяхъ. Если ко многимъ изъ нихъ было бы несправедливо примѣнить рѣшительную оцѣнку, дѣлаемую Собакевичемъ въ его отзывѣ о «христопродавцахъ», то не лишеннымъ справедливости представлялось напутствіе Чичикова умершему губернскому прокурору: «а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, то на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови».

Такимъ образомъ, не было ни школы, ни подготовки для прокуроровъ-обвинителей, кромѣ вредныхъ и чуждыхъ образцовъ, но былъ зато налицо вѣчный припѣвъ противъ осуществленія реформъ, призванныхъ оживить и облагородить нашъ общественный строй: «нѣтъ людей!» Жизнь, однако, блистательно опровергла эти зловѣщія опасенія, способныя оправдать всякія неудачи и подорвать всякія начинанія. Люди нашлись... Быстро и съ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ въ первые же мѣсяцы послѣ преобразованія судовъ судебные ораторы, не только глубоко понявшіе свою нову юроль, но и умѣвшіе владѣть словомъ и вносившіе въ это умѣнье иногда истинный талантъ. И не слѣпыми подражателями французскому образцу явились они. Самостоятельно пошли они своей дорогой, еще разъ доказавъ способность духовной природы русскаго человѣка. Если еще рано говорить о вполнѣ выработанномъ типѣ русскаго прокурора, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что общій характеръ и пріемы русской обвинительной рѣчи имѣли очень мало общаго съ тѣмъ, что, подъ вліяніемъ страстности національнаго темперамента, односторонняго отношенія къ подсудимому и

освященныхъ годами привычекъ, излагаютъ на судѣ, въ большинствѣ, французскіе прокуроры. Основныя черты слагавшагося русскаго типа обвинителя были — за исключеніемъ рѣдкихъ, но печальныхъ уклоненій въ область бездушной риторики, — спокойствіе, отсутствіе личнаго озлобленія противъ подсудимаго, опрятность пріемовъ обвиненія, чуждая и возбужденію страстей, и искаженію данныхъ дѣла, и, наконецъ, что весьма важно, полное отсутствіе лицедѣйства въ голосѣ, въ жестѣ и въ способѣ держать себя на судѣ. Къ этому надо прибавить простоту языка, свободнаго, въ большинствѣ случаевъ, отъ вычурности или отъ громкихъ и «жалкихъ» словъ. Лучшіе изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ того времени поняли, что въ стремленіи къ истинѣ всегда самыя глубокія мысли сливаются съ простѣйшимъ словомъ. Слово — одно изъ величайшихъ орудій человѣка. Безсильное само по себѣ — оно становится могучимъ и неотразимымъ, сказанное умѣло, искренно и во-время. Оно способно увлекать за собою самого говорящаго и ослѣплять его и окружающихъ своимъ блескомъ. Поэтому нравственный долгъ судебнаго оратора — обращаться осторожно и умѣренно съ этимъ оружіемъ и дѣлать свое слово лишь слугою глубокаго убѣжденія, не поддаваясь соблазну красивой формы или *видимой* логичности своихъ построеній и не заботясь о способахъ увлечь кого-либо своею рѣчью. Онъ долженъ не забывать совѣта Фауста Вагнеру: «говори съ убѣжденіемъ, слова и вліяніе на слушателей придутъ сами собою».

Судебные Уставы, создавая прокурора-обвинителя, начертали и нравственныя требованія, которыя облегчаютъ и возвышаютъ его задачу, отнимая у исполненія ея формальную черствость и бездушную исполнительность. Такъ, они устранили, указывая задачу прокурора, требованіе обвиненія во что бы то ни стало и старались удержать его отъ близорукой или ослѣпленной односторонности. Составители уставовъ, въ своей объяснительной запискѣ 1863 г., указывали на необходимость вмѣнить обвинителю въ обязанность не возбуждать непріязненныхъ къ подсудимому чувствъ. Въ окончательной редакціи это вылилось въ наставленіи прокурору, что въ рѣчи своей онъ не долженъ

ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе доказательствъ и уликъ или важности преступленія. Такимъ образомъ, въ силу этихъ этическихъ требованій, прокуроръ приглашается сказать свое слово даже въ опроверженіе обстоятельствъ, *казавшихся*, при преданіи суду, сложившимися противъ подсудимаго, при чемъ въ оценкѣ и взвѣшиваніи доказателствъ онъ вовсе не стѣсненъ цѣлями обвиненія. Иными словами ему сказано, что онъ *говорящій публично судья*. На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго и, если подведенный имъ итогъ съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ достоинствомъ исполняемаго долга, безъ пафоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не непремѣннымъ *согласіемъ* суда съ доводами обвинителя, а непремѣннымъ *выслушаніемъ* ихъ.

Такимъ взглядомъ на свои обязанности было проникнуто большинство членовъ прокуратуры въ столицахъ и провинціи въ первое десятилѣтіе судебной реформы. Тогда въ устахъ прокурора слово «проигралъ дѣло» по случаю оправдательнаго приговора было бы большимъ диссонансомъ со всѣмъ характеромъ дѣятельности; тогда еще не успѣлъ проявить свое дѣйствіе министерскій циркуляръ, требовавшій отчета о числѣ и причинѣ оправданій по обвиненіямъ, поддержаннымъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Когда одинъ изъ товарищей прокурора, придя сказать мнѣ объ исходѣ своего обвиненія въ рядѣ мошенничествъ, сказалъ мнѣ: «ну, хоть я и проигралъ, но зато *ему* всю морду сапогомъ вымазалъ, — останется доволенъ», разумѣя подъ *нимъ* подсудимаго; я устранилъ его надолго отъ выступленій въ качествѣ обвинителя, возложивъ на него другія обязанности. «Пройтись на счетъ подсудимаго», безъ сомнѣнія, иногда бываетъ соблазнительно, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель глубоко убѣжденъ въ его виновности и возмущенъ его поступ-

комъ, какъ отраженіемъ нравственной непригодности личности обвиняемаго. Но этому соблазну не слѣдуетъ поддаваться. На государствѣ лежитъ задача охраненія общества, между прочимъ, преслѣдованіемъ нарушителей закона, и практическое служеніе этой важной задачѣ выпадаетъ въ судебномъ состязаніи на долю прокурора-обвинителя. Исполняя свой тяжелый долгъ, онъ служитъ обществу. Но это служеніе только тогда будетъ полезно, когда въ него будетъ внесена строгая нравственная дисциплина, и когда интересъ общества и человѣческое достоинство личности будетъ ограждаться съ одинаковою чуткостью и усердіемъ. Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ въ своей рѣчи «о назиданіи ссыльныхъ», говоритъ, что относиться къ преступнику надо «съ христіанскою любовью, съ простотою и снисхожденіемъ и остерегаться всего, что унижаетъ или оскорбляетъ: низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія». Но если таково должно быть отношеніе къ *осужденному* преступнику, составляющее одну изъ прекрасныхъ нравственныхъ чертъ русскаго народа—то нѣтъ никакого основанія иначе относиться къ *подсудимому*. А это должно неминуемо отражаться на формахъ и пріемахъ обвинительной рѣчи, нисколько не ослабляя ея правовой и фактической доказательности.

Поэтому въ обвинительной рѣчи совершенно недопустима насмѣшка надъ подсудимымъ или употребленіе относительно его тѣхъ эпитетовъ, которые могутъ найти себѣ мѣсто для характеристики его личности и дѣйствія въ частномъ разговорѣ лишь послѣ того, какъ о немъ состоится обвинительный приговоръ. Точно такъ же неумѣстенъ и юморъ въ рѣчи прокурора. Не говоря уже о томъ, что это оружіе—обоюдоострое и требующее въ обращеніи съ собой большого умѣнья, тонкаго вкуса и спеціальнаго дарованія, юмористическія выходки, къ которымъ, къ слову сказать, нерѣдко прибѣгаютъ повѣренные гражданскихъ истцовъ—противорѣчатъ той «печали трезвой мысли зрѣлой», которою должна быть проникнута рѣчь понимающаго свои обязанности обвинителя.

Мнѣ вспоминается, какъ въ одномъ весьма серьезномъ процессѣ, разбиравшемся въ Судебной Палатѣ, защитникъ, про-

бовавшій внести юморъ въ свою рѣчь и постоянно цитировавшій куплеты изъ «Стряпчаго подъ столомъ»—былъ остановленъ угрюмымъ замѣчаніемъ старшаго предсѣдателя: «не довольно ли водевилей?» Въ другомъ, тоже крупномъ дѣлѣ, повѣренный гражданскихъ истцовъ, разбирая въ своей рѣчи вредное для него показаніе свидѣтеля, принявшаго участіе въ 1871 году въ возстаніи коммуны въ Парижѣ, сказалъ, стараясь вызвать веселое настроеніе въ публикѣ: «но вѣдь что такое этотъ свидѣтель? — это бывшій коммунаръ, а коммунары такіе люди, что одинъ извѣстнѣйшій писатель сказалъ, что если бы ихъ накрыть стекляннымъ колпакомъ, то они переѣли бы другъ друга, какъ свиньи». На вопросъ мой при встрѣчѣ: кто этотъ извѣстнѣйшій писатель? онъ весело отвѣчалъ мнѣ: «а я почемъ знаю». Нельзя того же, что объ юморѣ, сказать про иронію. Тамъ, гдѣ она имѣетъ своимъ источникомъ лживыя объясненія подсудимаго и свидѣтелей, направленныя къ тому, чтобы «втереть очки», иронія можетъ служить хорошимъ средствомъ для яркаго и образнаго разоблаченія обмана.

Отчеты объ уголовныхъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ показываютъ, однако, что въ отношеніе къ подсудимому иногда начинаетъ вноситься развязность тона, которая, по моему мнѣнію, не находитъ себѣ оправданія въ задачахъ обвинителя. Нѣтъ сомнѣнія, что для характеристики подсудимаго прокуроръ имѣетъ право пользоваться данными, почерпнутыми изъ предосудительныхъ сторонъ его дѣятельности, выразившихся въ руководящихъ побужденіяхъ его преступнаго дѣянія, и что онъ можетъ дѣлать выводы изъ справокъ о судимости по однороднымъ дѣламъ. Но касаться наружности подсудимаго или копаться въ его прошломъ, не имѣющемъ прямого отношенія къ разсматриваемому дѣлу, или почерпать матеріалъ для характеристики въ отношеніи къ подсудимому тѣхъ или другихъ общественныхъ сферъ — значитъ злоупотреблять своимъ положеніемъ. Поэтому, напримѣръ, въ моихъ ушахъ прокурора старыхъ временъ болѣзненно звучатъ такіе эпитеты, какъ «героиня бульварной прессы», «львица Биржевыхъ Вѣдомостей», — «престарѣлая прелестница, промышлявшая своими дряхлѣющими прелестями и своимъ вліяніемъ на

сіятельныхъ старичковъ», или удивленіе товарища прокурора, что среди людей могутъ существовать такіе субъекты, какъ подсудимый, «являющій собою нѣчто худшее, чѣмъ даже тигръ — врагъ человѣчества», или, наконецъ, названіе подсудимаго морскимъ чудищемъ. Вообще обращеніе къ спеціальнымъ областямъ знанія — къ физикѣ, химіи, астрономіи, зоологіи и т. п. должно покоиться на точномъ знаніи того, о чемъ говорится, иначе примѣры изъ этихъ областей могутъ оказаться крайне неудачными. Весьма тяжело слышать или видѣть, когда обвинитель не брезгаетъ въ своихъ цѣляхъ ничѣмъ, подобно Осипу въ «Ревизорѣ», говорящему: «давай и веревочку — и веревочка пригодится». Мнѣ пришлось предсѣдательствовать по дѣлу, въ которомъ талантливый товарищъ прокурора Палаты, сдѣлавшій затѣмъ блистательную и высокую карьеру, желая «доѣхать» подсудимаго, обвинявшагося въ поддѣлкѣ акцій, ставилъ ему въ вину найденный въ его бумагахъ счетъ маленькаго портного съ заголовкомъ — *Его Сіятельству N. N.* Обвинитель усматривалъ въ этомъ стремленіе подсудимаго присвоить себѣ непринадлежащій титулъ, за что и выслушалъ заслуженную и серьезную отповѣдь защитника, напомнившаго оратору кое-что изъ его собственной біографіи и обратившаго вниманіе присяжныхъ на привычку извозчиковъ-лихачей, обращающихся ко всѣмъ хорошо одѣтымъ сѣдокамъ съ этимъ же самымъ титулованіемъ.

Если по отношенію къ личности подсудимаго можно желать спокойной сдержанности обвинителя, сильнаго въ доводахъ, а не въ эпитетахъ, то еще болѣе можно требовать отъ послѣдняго уваженія къ суду представителей общественной совѣсти. Рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, конечно, не всегда безупречны съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ отвѣта на вопросъ о виновности съ данными, собранными противъ обвиняемаго, который при томъ нерѣдко и самъ сознался. Но не надо забывать, что этотъ отвѣтъ подсказывается господствующими въ обществѣ воззрѣніями и чувствами, отражая въ себѣ нравственное состояніе самого общества, коего присяжные «плоть отъ плоти и кость отъ кости» — и что слова: «нѣтъ, не виновенъ» пишутся, какъ итогъ соображенія уже перенесенныхъ подсудимымъ стра-

даній, долговременнаго лишенія свободы и той неуловимой, но осязательной житейской правды, въ силу которой подъ справедливостью разумѣется не одно лишь возмездіе: «Qui n'est que juste — est cruel», справедливо говорятъ французы. Поэтому среди рѣшеній присяжныхъ встрѣчаются такія, съ которыми — съ правовой точки зрѣнія — трудно согласиться, но нѣтъ такихъ, которыхъ нельзя было бы объяснить, а слѣдовательно и понять. Высоко цѣня судъ присяжныхъ, какъ общественное учрежденіе, и считая непозволительнымъ относиться съ упрекомъ къ голосу ихъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго нерѣдко тяжелымъ трудомъ участія въ судебномъ засѣданіи, прокуратура моего времени никогда не рѣшалась высказывать присяжнымъ порицаніе за ихъ приговоры. А между тѣмъ нынѣ зачастую встрѣчаются въ печати указанія на то, что въ обвинительной рѣчи товарищъ прокурора, ссылаясь на предшествовавшій оправдательный приговоръ, говоритъ: «сегодня вы уже оправдали одного грабителя», или: «послѣ того, какъ вы ужъ оправдали мошенника», или заканчиваетъ свою рѣчь словами: «впрочемъ, принимая во вниманіе вашъ оправдательный вердиктъ по первому дѣлу, не стоитъ говорить, какъ вамъ поступить съ подсудимымъ». Послѣдствіемъ такихъ заявленій бывала просьба присяжныхъ о занесеніи въ протоколъ оскорбительнаго къ нимъ отношенія представителя обвинительной власти.

Особаго такта и выдержки требуетъ и отношеніе обвинителя къ противнику въ лицѣ защитника. Прокурору не приличествуетъ забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая съ нимъ цѣль содѣйствовать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, суду въ выясненіи истины доступными человѣческимъ силамъ средствами, и что добросовѣстному исполненію этой обязанности, хотя бы и направленному къ колебанію и опроверженію доводовъ обвинителя, никоимъ образомъ нельзя отказывать въ уваженіи. Это прекрасно понималось въ первые годы существованія новыхъ судовъ и я лично съ искреннимъ чувствомъ симпатіи и уваженія вспоминаю своихъ, нынѣ покойныхъ, противниковъ въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ. Мы часто горячо и убѣжденно боролись, но никогда ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ не приходи-

лось слышать по своему адресу какихъ-либо личныхъ упрековъ, инсинуацій или задорныхъ выпадовъ, и думаю, что и никому изъ насъ поставить въ вину что-либо подобное тоже было невозможно. Какъ живой проходитъ передо мною покойный Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ съ его рѣзкими угловатыми жестами, неправильными удареніями надъ непослушными, но вѣскими словами, которыя онъ вбивалъ, какъ гвозди, въ точно соотвѣтствующія имъ понятія, — съ чудесной архитектурой рѣчей, въ которыхъ глубокая психологія сливалась съ долгимъ житейскимъ опытомъ. Изъ каждаго нашего состязанія съ нимъ я выносилъ поучительный примѣръ строго нравственнаго отношенія къ пріемамъ и формамъ судебной борьбы и воспоминаніе о широкихъ горизонтахъ философскихъ, соціальныхъ и даже естественно-научныхъ знаній, которыя онъ такъ искусно умѣлъ открывать взору слушателя сквозь лѣсную чащу фактическихъ данныхъ дѣла. Съ нимъ мнѣ чаще всего приходилось состязаться, или, какъ онъ любилъ выражаться, «скрещивать шпаги». Но на чью бы сторону изъ насъ ни склонялись вѣсы приговора, я возвращался домой благодарнымъ ученикомъ моего перваго профессора уголовнаго права. Не разъ послѣ жаркихъ преній, въ которыхъ мы, не задѣвая лично другъ друга, наносили взаимно чувствительные удары, мы ѣхали съ нимъ въ засѣданіе неофиціальнаго тогда юридическаго общества, собиравшагося у него на квартирѣ, и общими силами разрабатывали различные вопросы въ духѣ Судебныхъ Уставовъ. Въ моихъ «Судебныхъ рѣчахъ» [1]) и въ пятомъ томѣ сочиненій Спасовича помѣщены судебныя пренія по дѣлу Янсенъ и Акаръ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и по дѣду Егора Емельянова, обвиняемаго въ утопленіи своей жены, которыя характеризуютъ пріемы и способы борьбы между нами. По обоимъ дѣламъ послѣдовали обвинительные приговоры. Въ дѣлѣ Емельянова, по окончаніи судебнаго слѣдствія, Спасовичъ сказалъ мнѣ: «вы, конечно, откажетесь отъ обвиненія: дѣло не даетъ вамъ никакихъ красокъ — и мы могли бы

---

[1]) «Судебныя рѣчи» изд. 4-ое. СПБ. 1906 г.

еще сегодня собраться у меня на юридическую бесѣду». — Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, краски есть: онѣ на палитрѣ самой жизни и въ роковомъ стеченіи на одной узкой тропинкѣ подсудимаго, его жены и его любовницы». Несмотря на горячія нападенія Спасовича на то, что онъ называлъ «романомъ», разсказаннымъ прокуроромъ», присяжные согласились со мной, и Спасовичъ подвезъ меня домой, дружелюбно бесѣдуя о предстоявшемъ на другой день засѣданіи юридическаго общества, гдѣ долженъ былъ разбираться запутанный въ то время вопросъ о существѣ самоуправства. Вспоминаю я Буймистрова съ его содержательнымъ и вѣскимъ словомъ, — взволнованную и изящную, всегда проникнутую искреннимъ чувствомъ рѣчь Языкова,—тонкое словесное кружево Хартулари и красивую, живую рѣчь Герарда. Конечно, дѣло не обходится и безъ комическихъ воспоминаній. Такъ возстаетъ въ нихъ предо мною очень образованный и словообильный защитникъ, рѣчи котораго, богатыя историческими ссылками и не всегда удачными цитатами изъ Священнаго Писанія, скорѣе походили на горячія публицистическія статьи, при чемъ его паѳосъ не достигалъ своей цѣли вслѣдствіе страннаго расположенія опрѣдѣленій, которыя шли обыкновенно въ убывающемъ по силѣ порядкѣ. «Господа присяжные!» восклицалъ онъ: «положеніе подсудимаго предъ совершеніемъ имъ преступленія было поистинѣ *адское*. Его нельзя не назвать *трагическимъ* въ высшей степени. *Драматизмъ* состоянія подсудимаго былъ *ужасенъ;* оно было *невыносимо*, оно было чрезвычайно *тяжело* и, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ *неудобно*». Защищая женщину имѣвшую послѣдовательно рядъ любовниковъ и отравившую жену послѣдняго изъ нихъ, онъ, ссылаясь на прошлое подсудимой, просилъ объ оправданіи, приводя въ примѣръ Христа, простившаго блудницу, «зане возлюбила много», что дало поводъ обвинителю замѣтить, что защитникъ, повидимому, не различаетъ разницы между *много* и *многихъ*.—Я не могу забыть и двухъ молодыхъ адвокатовъ въ Харьковѣ. Одинъ изъ нихъ горячо протестовалъ противъ предложенной мною низшей мѣры самаго слабаго, по Уложенію, наказанія за преступленіе подсудимаго, и на предложеніе суда высказаться, чего же онъ хо-

четъ,—по незнакомству съ *лѣстницей наказаній* требовалъ перехода отъ арестантскихъ отдѣленій на *одинъ* годъ къ смирительному дому на *четыре* года и затѣмъ, запутавшись окончательно, сталъ просить перейти для своего кліента къ слѣдующему роду наказанія, а когда оно оказалось заключеніемъ въ крѣпости тоже на четыре года, то, безнадежно махнувъ рукой, бросилъ Уложеніе о наказаніяхъ и сѣлъ на свое мѣсто. Другой же по дѣлу объ убійствѣ въ дракѣ,—при чемъ старшиной присяжныхъ былъ бывшій профессоръ уголовнаго права, отличавшійся въ своихъ сочиненіяхъ очень тяжелымъ слогомъ,—желая блеснуть опредѣленіемъ драки, сказалъ съ большой увѣренностью въ себѣ: «Драка, господа присяжные засѣдатели, есть такое состояніе, субъектъ котораго, выходя изъ границъ дозволеннаго, совершаетъ вторженіе въ область охраняемыхъ государствомъ объективныхъ правъ личности, стремясь нарушить цѣлость ея физическихъ покрововъ повторнымъ нарушеніемъ таковыхъ правъ. Если одного изъ этихъ элементовъ нѣтъ налицо, то мы не имѣемъ юридическаго основанія видѣть во взаимной коллизіи субстанцію драки». — «Господа присяжные засѣдатели—долженъ былъ сказать я въ своемъ возраженіи:—я думаю, что вамъ всѣмъ извѣстно—и, пожалуй, даже по собственному опыту изъ дѣтства,—что такое драка. Но ужъ если нужно ее въ точности опредѣлить, то позвольте вмѣсто длинной формулы защитника сказать, что драка есть такое состояніе, въ которомъ одновременно каждый изъ участниковъ наноситъ и получаетъ удары».—«Что вы сдѣлали! сказалъ мнѣ съ огорченіемъ защитникъ, когда присяжные ушли совѣщаться: вѣдь я это опредѣленіе составилъ совершенно въ духѣ старшины — профессора и увѣренъ, что онъ его оцѣнилъ: недаромъ онъ такъ внимательно склонилъ голову на бокъ и одобрительно ею покачивалъ».

Составители Судебныхъ Уставовъ разумѣли уголовную защиту, какъ *общественное служеніе*. Въ ихъ глазахъ уголовный защитникъ представлялся какъ vir bonus, dicendi peritus, вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, умѣренный въ пріемахъ, безкорыстный въ матеріальномъ отношеніи, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ своей солидарности съ товарищами.

Онъ долженъ являться лишь правозаступникомъ и дѣйствовать только на судѣ или на предварительномъ слѣдствіи—тамъ, гдѣ это допускается, быть не слугою своего кліента и не пособникомъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія, но помощникомъ и совѣтникомъ человѣка, который, по его искреннему убѣжденію, невиновенъ *вовсе* или *вовсе не такъ* и *не въ томъ* виновенъ, какъ и въ чемъ его обвиняютъ. Не будучи слугою кліента, защитникъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи слуга государства, и можетъ быть *назначенъ* на защиту такого обвиняемаго, въ помощь которому по собственному желанію онъ бы не пришелъ. И въ этомъ случаѣ его вполнѣ безкорыстная роль почтенна, ибо нѣтъ такого падшаго и преступнаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ бы затемненъ человеческій образъ и по отношенію къ которому не было бы мѣста слову снисхожденія. Говоря, при наличности доказаннаго преступленія, о снисхожденіи—защитникъ исполняетъ свою обязанность—свою завидную обязанность: вызывать на ряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступное дѣло, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному. Къ этому идеалу защитника болѣе или менѣе стремились почти всѣ изъ адвокатовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло будучи прокуроромъ. Къ сожалѣнію, внѣшнія обстоятельства, а отчасти невѣрный взглядъ на смыслъ своей дѣятельности уже и тогда начинали способствовать образованію той наклонной плоскости, по которой постепенно начали двигаться многіе малодушные предъ соблазнительностью скораго и крупнаго заработка или заманчивостью дешевой и не всегда опрятной популярности. Учрежденіе присяжной адвокатуры, пришедшей на смѣну старинныхъ ходатаевъ, крючкотворцевъ и челобитчиковъ съ задняго крыльца—было встрѣчено горячимъ общественнымъ сочувствіемъ. Но этому сочувствію былъ нанесенъ ударъ учрежденіемъ частныхъ повѣренныхъ безъ высшаго образовательнаго ценза и сословной организаціи, наводнившихъ адвокатуру и понизившихъ ея нравственный уровень въ глазахъ публики, переставшей im Grossen und Ganzen различать два разныхъ элемента, входившихъ въ личный составъ того, что ею разумѣлось

подъ общимъ названіемъ *адвокатовъ*. Этому содѣйствовало и то, что у насъ не введено французское раздѣленіе на a v o c a t и a v o u é, строго различающее судебныя функціи адвоката отъ исполнительныхъ функцій стряпчаго, а къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ допускаются и совершенно чуждые адвокатурѣ люди, имѣющіе право быть представителями обвиняемыхъ въ уголовномъ судѣ безъ всякаго нравственнаго или образовательнаго ценза.

На ряду съ этимъ въ самой средѣ присяжныхъ повѣренныхъ сталъ проводиться взглядъ на защитника, какъ на производителя труда, составляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести работы и способности работника. Какъ для врача, въ его практической дѣятельности, не можетъ быть дурныхъ и хорошихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больные и страданія, которые надо облегчить,—такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага. Эта теорія, опровергаемая прежде всего разностью цѣлей правосудія и цѣлей врачеванія, въ примѣненіи ея на судебной практикѣ создала не мало случаевъ, къ которымъ можно было примѣнить извѣстный стихъ Некрасова: «Ликуетъ врагъ,—молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, поникнувъ головой». Нельзя безъ справедливой тревоги видѣть, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ защита преступника обращается въ оправданіе *преступленія*, при чемъ, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляютъ потерпѣвшаго и виновнаго помѣняться ролями,—или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ, расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій или безсовѣстному обкрадыванію народа... Въ этихъ случаяхъ невольно приходится вспомнить негодующія слова пророка Исаіи: «горе глаголющимъ лукавое быти доброе и доброе — лукавое, полагающимъ тьму свѣту и свѣтъ тьмѣ». Есть основанія для такой тревоги и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительные интересы

обвиняемаго и огражденіе присяжныхъ засѣдателей, отъ могущихъ отразиться на достоинствѣ ихъ приговора увлеченій приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени, или дѣлается попытка человѣка, а иногда и цѣлое учрежденіе, обратить въ средство для личныхъ и въ концѣ концовъ корыстныхъ цѣлей. Нерѣдко во всѣхъ этихъ случаяхъ щедро оплаченный языкъ ораторовъ оправдываетъ себя словами короля Лира: «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ». Но господа, прячущіеся за этотъ афоризмъ, вѣроятно, забываютъ, что ему предшествуютъ слѣдующія слова: «Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!—закуй злодѣя въ золото—стальное копье закона сломится безвредно;—одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ онъ отъ пустой соломенки пигмея!»

Было бы однако въ высшей степени несправедливо обобщать эти случаи и поддерживать, на основаніи такого обобщенія, слагающійся въ послѣднее время неблагопріятный и нерѣдко даже враждебный взглядъ на такую необходимую жизненную принадлежность состязательнаго процесса, какъ защита. Нельзя забывать тѣ достойныя глубокаго уваженія имена, которыя оставили и оставятъ свой нравственный слѣдъ въ рядахъ присяжной адвокатуры, и ту постоянную и вполнѣ безкорыстную работу, которую, нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести членамъ этой адвокатуры, защищая подсудимыхъ по назначенію отъ суда въ огромномъ числѣ дѣлъ. Поэтому нельзя не отнестись съ крайнимъ сожалѣніемъ къ тѣмъ случаямъ, нерѣдкимъ въ послѣднее время, когда съ прокурорской трибуны раздаются намеки и даже прямыя указанія на то, что защита руководится лишь денежными соображеніями, когда, напримѣръ, говорится присяжнымъ, что «увѣренія защитника въ невинности обвиняемаго вызваны не столько убѣжденіемъ, сколько крупнымъ гонораромъ», или что «къ психіатрическимъ экспертизамъ защитники прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ вырвать изъ рукъ правосудія своего кліента, котораго никоимъ образомъ оправдать нельзя», или указывается на то, что защитники способны «своими закупленными руками на массажъ закона и массажъ подзащитныхъ». Оскорбленіе против-

ника обвиненіемъ, бросаемымъ ему лично или сословію, къ которому онъ принадлежитъ, вноситъ въ судебныя пренія крайнее раздраженіе и ядъ оскорбленнаго самолюбія. Неудивительно поэтому, что по одному дѣлу, какъ видно изъ сообщенія газетъ южной Россіи, защитникъ, на заявленіе товарища прокурора о большомъ гонорарѣ, заставляющемъ прибѣгать къ искаженію истины, отвѣтилъ расцѣнкою рѣчи обвинителя соотвѣтственно времени, употребленному на ея произнесеніе и получаемому послѣднимъ содержанію, и опредѣлилъ ея стоимость въ *пятиалтынный*.

Главнымъ образомъ должны быть признаны недопустимыми въ рѣчахъ обвинителя выходки по поводу племенныхъ или вѣроисповѣдныхъ особенностей подсудимаго и объясненіе его дѣйствій свойствами народности, къ которой онъ принадлежитъ, при чемъ эти свойства съ непродуманной поспѣшностью, въ качествѣ огульнаго обвиненія, являются результатомъ обобщенія отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою случаевъ и субъективныхъ впечатлѣній оратора. Въ бытность мою оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента я нѣсколько разъ самымъ энергическимъ образомъ выступалъ противъ такихъ пріемовъ, и Сенатъ, въ интересахъ истиннаго правосудія, кассировалъ приговоры, состоявшіеся послѣ *такихъ* обвинительныхъ рѣчей. Сюда же надо отнести — наравнѣ со стремленіемъ расшевелить въ присяжныхъ религіозную или племенную обособленность — во-первыхъ — запугиваніе присяжныхъ результатами ихъ оправдательнаго приговора; во-вторыхъ — пользованіе ихъ малой юридической освѣдомленностью, въ-третьихъ — пренебрежительное отношеніе къ ихъ, имѣющему послѣдовать, рѣшенію, въ-четвертыхъ — личное удостовѣреніе предъ ними такихъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ характеръ свидѣтельскихъ показаній, облеченныхъ въ форму дѣйствующей на воображеніе картины, и въ-пятыхъ — пользованіе поведеніемъ подсудимаго на судѣ, какъ уликою противъ него. Мнѣ вспоминается шустрый провинціальный прокуроръ, хвалившійся тѣмъ, что умѣетъ говорить съ присяжными понятнымъ имъ языкомъ, а не «разводить,—какъ онъ выражался,—антимонію». По дѣлу о *шайкѣ* конокрадовъ, наличность которой отрицала защита, онъ

обратился къ присяжнымъ со слѣдующими словами: «вотъ вамъ говорятъ, что здѣсь нѣтъ шайки, а простое стеченіе виновныхъ въ одномъ преступленіи; однако, господа присяжные, посчитайте-ка по пальцамъ—сколько тутъ подсудимыхъ?!—Одинъ, два четыре, шесть, семь! — ну, какъ же не шайка?!—Вамъ говорятъ,—продолжалъ онъ, — что вина ихъ не доказана и просятъ объ ихъ оправданіи. Что жъ! оправдайте — воля ваша! Только вотъ, что я вамъ скажу: смотрю я въ окошко и вижу на дворѣ вашихъ лошадей, и брички, телѣги и нетычанки, въ которыхъ вы собрались со всѣхъ концовъ уѣзда и собираетесь уѣхать домой. Что жъ! оправдайте:—пѣшкомъ уйдете!..» Въ 1903 году товарищъ прокурора одного изъ большихъ поволжскихъ судовъ, въ обвинительной рѣчи своей сказалъ: «я согласенъ, что улики, предъявленныя противъ подсудимыхъ, малы и ничтожны, — скажу даже болѣе, что будь я вмѣстѣ съ вами, г-да присяжные, въ вашей совѣщательной комнатѣ, то я, конечно, какъ судья, долженъ былъ бы признать эти улики недостаточными для обвиненія. Но какъ представитель обвиненія, а слѣдовательно представитель общества и государства, я поддерживаю, тѣмъ не менѣе, обвиненіе противъ подсудимыхъ и громко заявляю, что и на будущее время при столь же малыхъ уликахъ я буду составлять обвинительные акты: слишкомъ ужъ много кражъ развелось за послѣднее время, и мы будемъ оберегать отъ нихъ общество, засаживая въ предварительное заключеніе заподозрѣнныхъ воровъ-рецидивистовъ, хотя бы и по такимъ уликамъ». Въ старые годы такое заявленіе въ устахъ лица прокурорскаго надзора было немыслимо, какъ по своему цинизму, такъ и по совершенному извращенію задачъ обвинителя на судѣ.

Въ воспоминаніяхъ о *свидѣтеляхъ* я буду говорить о томъ, какъ осторожно и въ какихъ узкихъ предѣлахъ допустимо взвѣшивать поведеніе подсудимаго на судѣ. Въ моей ранней практикѣ былъ случай, послужившій мнѣ въ этомъ отношеніи тяжелымъ и поучительнымъ урокомъ. Въ качествѣ молодого товарища прокурора харьковскаго Окружного Суда я обвинялъ одного мѣщанина въ растленіи тринадцатилѣтней дѣвочки. Подсудимый отрицалъ свою вину, а эксперты, какъ тогда часто случалось,

совершенно разошлись въ своихъ мнѣніяхъ. Въ то время, когда потерпѣвшая дѣвочка со слезами разсказывала про гнусность, надъ нею продѣланную, а ея мать съ волненіемъ описывала непосредственные признаки преступленія, видѣнные ею по горячимъ слѣдамъ, подсудимый, сидѣвшій противъ меня у противоположной стѣны судебнаго зала, не только улыбался, но неслышно смѣялся во весь ротъ... То же самое дѣлалъ онъ и во время убійственнаго для него показанія эксперта, профессора Питры. Возражая защитнику, который ссылался на свидѣтельства сосѣдей подсудимаго, говорившихъ, что послѣдній — человѣкъ скромный, добраго поведенія и богобоязненный, я сказалъ присяжнымъ, что эти его свойства едва ли подтверждаются его поведеніемъ на судѣ, гдѣ скорбь матери и слезы дочери не возбуждаютъ въ немъ ничего, кромѣ смѣха. Защитникъ не возражалъ, и присяжные ушли совѣщаться. «Я васъ не узнаю, — сказалъ мнѣ почтенный членъ суда, старикъ М. И. Зарудный: — что это вы такъ на него напали? вѣдь онъ вовсе не смѣется, а плачетъ все время. У него отъ природы или отъ какого-нибудь несчастнаго случая ротъ до ушей — и судорога лица, сопровождающая слезы, вызываетъ гримасу, похожую на смѣхъ. Я сидѣлъ къ нему гораздо ближе, чѣмъ вы, и мнѣ это было ясно видно». Подойдя вплотную къ мѣсту подсудимаго, я убѣдился въ справедливости словъ Заруднаго и съ ужасомъ представилъ себѣ, что присяжные могли раздѣлить мое заблужденіе и что слова мои легли тяжелымъ камнемъ на чашу обвиненія. Пословица говоритъ: «кто въ морѣ не бывалъ — тотъ Богу не маливался». Она примѣнима, однако, и къ другимъ случаямъ жизни — и я испыталъ это въ данномъ случаѣ на себѣ. Вернуть присяжныхъ было невозможно по отсутствію законнаго повода — и тѣ полчаса, которые они совѣщались, показались мнѣ цѣлой вѣчностью. Я рѣшилъ въ душѣ выйти въ отставку, если приговоръ будетъ обвинительный... Мое взволнованное и вмѣстѣ удрученное состояніе разрѣшилось невольными слезами благодарности Богу, когда я услышалъ слова: «нѣтъ! не виновенъ».

Наконецъ, въ рѣчи обвинителя не должно находить себѣ мѣста личное самолюбіе, ищущее себѣ удовлетвореніе въ томъ,

что судъ или присяжные засѣдатели заявляютъ въ своемъ приговорѣ о согласіи съ его доводами. Представитель обвиненія по существу своихъ обязанностей не можетъ быть лично заинтересованъ въ исходѣ дѣла. Возможны случаи, когда этимъ обязанностямъ не противорѣчитъ и содѣйствіе подсудимому въ представленіи на судѣ данныхъ для оправданія, если только таковыя дѣйствительно существуютъ. Первымъ дѣломъ, назначеннымъ къ слушанію въ казанскомъ Окружномъ Судѣ въ 1870 году, вскорѣ послѣ его открытія, было дѣло Каляшина и Бѣловой, обвиняемыхъ въ отравленіи и задушеніи мужа послѣдней. Въ воспоминаніяхъ объ *экспертизѣ* мною уже указаны тѣ разнорѣчія между свѣдущими людьми, которыя возникли въ судебномъ засѣданіи. Присяжные засѣдатели сразу встрѣтились съ обвиненіемъ, основаннымъ на косвенныхъ уликахъ. Я считалъ себя обязаннымъ сказать представителямъ общественной совѣсти слѣдующее: «для того, чтобы обсужденіе преступленія было возможно для васъ, господа засѣдатели, надо изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла до мельчайшихъ подробностей, сопоставить и сгруппировать ихъ, пояснить одно другимъ, и изъ всего этого сдѣлать выводъ о виновности извѣстнаго лица. Чтобы выяснить предъ вами всѣ темныя стороны дѣла, существуетъ особое учрежденіе — прокурорскій надзоръ, имѣющій на судѣ особую власть — обвинительную. Не обвиняя во что бы то ни стало, не стремясь непремѣнно добиться отъ васъ тяжелаго приговора, обвинитель шагъ за шагомъ идетъ по пути, пройденному преступленіемъ, повѣряетъ вамъ свои наблюденія и выводы и, придя къ убѣжденію въ виновности подсудимаго, обязывается высказать вамъ это убѣжденіе. Если защита найдетъ свѣтлыя стороны въ дѣлѣ и обнаружитъ обстоятельства, которыя инымъ, болѣе отраднымъ, лучомъ озарятъ дѣйствіе подсудимаго, и заставитъ васъ не повѣрить его виновности или сильно усомниться въ ней — то вы *должны его оправдать*, а у представителя обвинительной власти останется сознаніе, что онъ сдѣлалъ все, что слѣдовало для выполненія своей трудной и подчасъ очень тяжелой обязанности. Но если факты — молчаливые, но многозначительные факты — не будутъ опровергнуты; если вы не почувствуете въ сердцѣ своемъ

невиновности подсудимыхъ, и если въ вашемъ умѣ не возникнетъ основательныхъ сомнѣній въ ихъ виновности, то вы, спокойно исполняя свою задачу быть судьями и защитниками общества отъ двухъ одинаковыхъ опасностей — безнаказанности очевиднаго преступленія и осужденія неповиннаго — согласитесь съ обвинителемъ и произнесете обвинительный приговоръ».

Такого взгляда я держался въ теченіе всей моей восьмилѣтней прокурорской дѣятельности, глубоко сознавая, что для истинной справедливости нѣтъ ничего опаснѣе, какъ вывѣтриваніе изъ основныхъ пріемовъ отправленія правосудія возвышающей ихъ человѣчности. Тамъ, гдѣ справедливость и правосудіе не сливаются въ единое понятіе, гдѣ возможно повторить слова Бомарше, влагаемыя въ уста Фигаро и обращенныя къ судебному дѣятелю: «я разсчитываю на вашу справедливость, хотя вы и служитель правосудія» — тамъ общественный бытъ поколебленъ въ своихъ нравственныхъ основаніяхъ. Я имѣлъ радость сознавать, что мои многочисленные товарищи, за небольшими исключеніями, раздѣляли и осуществляли мои воззрѣнія. Думаю, что правосудіе отъ этого ничего не проиграло, а спокойное достоинство обвинительной власти несомнѣнно выигрывало и въ глазахъ суда, и въ общественномъ мнѣніи. Обязанность прокурора, находящаго оправданія подсудимаго уважительными, не поддерживать обвинительный актъ, опровергнутый судебнымъ слѣдствіемъ, заявивъ о томъ суду по совѣсти,—являетъ собою одно изъ лучшихъ выраженій того духа живого безпристрастія, который желали упрочить въ судебной дѣятельности составители Судебныхъ Уставовъ. Они не ограничились предоставленіемъ прокурору *права* отказа отъ обвиненія, но вмѣнили ему это въ *обязанность*, предусмотрѣвъ при этомъ и оба вида судебнаго состязанія — судебное слѣдствіе и пренія. Обвинительный актъ, опирающійся на различныя доказательства, между которыми главное мѣсто занимаютъ свидѣтельскія показанія, можетъ оказаться лишеннымъ всякой силы — когда эти доказательства при разработкѣ ихъ судомъ на перекрестномъ допросѣ, — при обозрѣніи ихъ или экспертизѣ предстанутъ совсѣмъ въ другомъ

видѣ, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ глазахъ обвинителя, составлявшаго актъ. Данныя обвинительнаго акта могутъ остаться и нетронутыми, но то, что будетъ приведено защитой подсудимаго или имъ самимъ въ свое оправданіе, можетъ до такой степени правдиво измѣнить житейскій обликъ подлежащаго суду поступка, установивъ на него иную точку зрѣнія, что поддержаніе обвиненія во что бы то ни стало являлось бы дѣйствіемъ не только безцѣльнымъ, но и нравственно недостойнымъ. Достаточно указать хотя бы на случай, гдѣ первоначальное обвиненіе въ убійствѣ вырождается въ наличность необходимой обороны или такой неосторожности, которую по справедливости, въ виду условій и обстановки происшествія, невозможно вмѣнить въ вину и т. п. Чуждые установленію какихъ-либо формальныхъ рамокъ, составители Судебныхъ Уставовъ мѣриломъ необходимости отказа отъ обвиненія, въ возвышенномъ довѣріи къ духовному складу судебныхъ дѣятелей, поставили единое внутреннее убѣжденіе прокурора, предоставивъ ему находить побужденія къ отказу въ голосѣ его совѣсти. Конечно, такой отказъ не долженъ быть поспѣшнымъ и непродуманнымъ или, точнѣе говоря, непрочувствованнымъ; точно такъ же онъ не можетъ быть голословнымъ и нуждается въ мотивировкѣ. Сколько мнѣ извѣстно, въ судебной практикѣ отказы отъ обвиненія не часты, а въ первые годы существованія новыхъ судовъ эти отказы сопровождались иногда оригинальными послѣдствіями. Такъ въ 1866 году, когда въ стѣнахъ московскаго Окружного Суда по дѣлу объ убійствѣ впервые было заявлено товарищемъ прокурора объ отказѣ отъ обвиненія, окружной судъ безъ дальнихъ околичностей объявилъ подсудимыхъ свободными отъ суда, предоставивъ, такимъ образомъ, прокурору, а не присяжнымъ засѣдателямъ, рѣшить судьбу подсудимаго. Между тѣмъ присяжные засѣдатели иногда относились къ подобнымъ отказамъ вполнѣ самостоятельно. Мнѣ пришлось это испытать на себѣ въ Харковѣ. Въ лѣтнюю сессію присяжныхъ засѣдателей разсматривалось дѣло о крестьянинѣ Кухарчукѣ, обвиняемомъ въ кражѣ съ повозки въ пути. День былъ душный, дѣло — четвертое по порядку — было начато слушаніемъ въ семь часовъ вечера. При-

сяжные были уже, очевидно, утомлены, а на перекрестномъ допросѣ доказательства обвиненія разваливались одно за другимъ. Я рѣшилъ отказаться отъ обвиненія и заявилъ объ этомъ суду, въ сжатомъ изложеніи сопоставивъ данныя обвинительнаго акта съ ихъ существеннымъ измѣненіемъ на судѣ. Къ несчастью для подсудимаго, защитникомъ былъ кандидатъ на судебныя должности, весьма добросовѣстный и знающій человѣкъ, но обладавшій тѣмъ, что называется суконнымъ языкомъ. Это была его первая защитительная рѣчь, очевидно, написанная заранѣе и неоднократно просмотрѣнная. Вѣроятно, уже за нѣсколько дней до засѣданія онъ училъ ее наизусть и даже, быть-можетъ, уподобляясь Мольеру, читалъ ее своей кухаркѣ или кому-нибудь изъ близкихъ, заранѣе волнуясь въ ожиданіи своего maiden speech. Мой отказъ отъ обвиненія разбивалъ его тревожныя надежды, и, жалѣя потраченный трудъ, онъ рѣшилъ не ограничиться присоединеніемъ къ моему заявленію. И вотъ, въ теченіе почти полутора часовъ медлительно и нудно потекла его рѣчь. Онъ не замѣчалъ невольныхъ знаковъ нетерпѣнія со стороны суда и нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ и такъ вошелъ въ свою роль, что совершенно забылъ о моемъ заявленіи: «Напрасно обвинитель силится утверждать, что подсудимый виновенъ»... процитировалъ онъ съ унылымъ паѳосомъ заранѣе написанное мѣсто своей рѣчи, обращаясь въ мою сторону послѣ того, какъ я отказался отъ обвиненія. Я едва удержался, чтобы не разсмѣяться, невольно вспомнивъ только что появившійся тогда разсказъ Щедрина, въ которомъ одинъ изъ обывателей, пришедшихъ къ новому градоначальнику на поклонъ, повѣствуетъ, какъ послѣдній, выйдя къ нимъ, крикнулъ: «пикните вы только у меня!» — и прибавляетъ: «а мы, сударь, и не пикали». Послѣ краткаго напутствія предсѣдателя, присяжные ушли совѣщаться, а черезъ четверть часа вынесли вердиктъ, гласившій: «да, виновенъ». По особой милости судьбы въ дѣлѣ нашлись кассаціонные поводы, и я принесъ протестъ, уваженный Сенатомъ. Первое время дѣятельности новыхъ судовъ высшая прокуратура относилась къ отказамъ отъ обвиненія неодобрительно. Мнѣ извѣстно нѣсколько такихъ случаевъ, и лично я долженъ

былъ, будучи товарищемъ прокурора въ Петербургѣ, давать по требованію прокурора Палаты, объясненіе основаній, по которымъ я отказался поддерживать обвиненіе, изложенное въ опредѣленіи Судебной Палаты. Бывали, впрочемъ, и обратные случаи, и мнѣ пришлось однажды по одному харьковскому дѣлу, волновавшему на мѣстѣ сословныя страсти, имѣвшія отголосокъ и въ Петербургѣ, рѣшительнымъ образомъ отклонить вліятельное служебное предложеніе принять на себя обвиненіе съ тѣмъ, чтобы на судѣ отъ него отказаться.

Обращаясь мысленно отъ пріемовъ обвиненія по *существу*, которыхъ я держался, стараясь быть послѣдовательнымъ въ своемъ взглядѣ на прокурора, какъ на говорящаго судью — къ созданію и къ выработкѣ *внѣшней* ихъ оболочки—я не могу не припомнить бесѣды съ воспитанниками выпускного класса училища Правовѣдѣнія послѣ одной изъ моихъ лекцій по уголовному процессу въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Они спрашивали меня, что имъ — готовящимся къ судебной дѣятельности — нужно дѣлать, чтобы стать краснорѣчивыми. Я отвѣчалъ имъ, что если подъ краснорѣчіемъ разумѣть даръ слова, волнующій и увлекающій слушателя красотою формы, яркостью образовъ и силою мѣткихъ выраженій, то для этого нужно имѣть особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатомъ воспитательныхъ вліяній среды, примѣровъ, чтенія и собственныхъ переживаній. Даръ краснорѣчія, по мнѣнію Бисмарка, — который хотя и не былъ краснорѣчивъ самъ, но умѣлъ цѣнить и испытывать на себѣ краснорѣчіе другихъ, — имѣетъ въ себѣ увлекающую силу, подобно музыкѣ и импровизаціи. «Въ каждомъ ораторѣ, — говорилъ онъ, — который дѣйствуетъ краснорѣчіемъ на своихъ слушателей, заключается поэтъ и только тогда, когда онъ награжденъ этимъ даромъ и когда, подобно импровизатору, онъ властно повелѣваетъ своему языку и своимъ мыслямъ, онъ овладѣваетъ тѣми, кто его слушаетъ». Поэтому невозможно преподать никакихъ совѣтовъ, исполненіе которыхъ можетъ сдѣлать человѣка краснорѣчивымъ. Иное дѣло умѣть говорить публично, т. е. быть ораторомъ. Это умѣнье достигается выполненіемъ ряда требованій, лишь при наличности

которыхъ можно его достигнуть. Этихъ требованій или условій, по моимъ наблюденіямъ и личному опыту, три: нужно знать предметъ, о которомъ говоришь, въ точности и подробности, выяснивъ себѣ вполнѣ его положительныя и отрицательныя свойства; нужно знать свой родной языкъ и умѣть пользоваться его гибкостью, богатствомъ и своеобразными оборотами, при чемъ, конечно, къ этому знанію относится и знакомство съ сокровищами родной литературы. — По поводу требованія знанія языка я нынѣ долженъ замѣтить, что приходилось слышать мнѣніе, раздѣляемое многими, что это дѣло таланта: можно знать языкъ и не умѣть владѣть имъ. Но это невѣрно. Подъ знаніемъ языка надо разумѣть не богатство Гарпагона или Скупого рыцаря, объятое «сномъ силы и покоя» на днѣ запертыхъ сундуковъ, а свободно и широко тратимыя, обильныя и даже неисчерпаемыя средства. «Когда мы проникнулись идеею, когда умъ хорошо овладѣлъ своею мыслью — говоритъ Вольтеръ — она выходитъ изъ головы вполнѣ вооруженною подходящими выраженіями, облеченными въ подходящія слова, какъ Минерва, вышедшая вся вооруженная изъ головы Юпитера». Въ запискахъ братьевъ Гонкуръ приводятся знаменательныя слова Теофиля Готье: «я бросаю мои фразы на воздухъ, какъ кошекъ, и увѣренъ, что онѣ упадутъ на ноги... Это очень просто, если знать законы своего языка». У насъ въ послѣднее время происходитъ какая-то ожесточенная порча языка, и трогательный завѣтъ Тургенева о бережливомъ отношеніи къ родному языку забывается до очевидности: въ языкъ вносятся новыя слова, противорѣчащія его духу, оскорбляющія слухъ и вкусъ и притомъ, по большей части, вовсе не нужныя, ибо въ сокровищницѣ нашего языка уже есть слова для выраженія того, чему дерзостно думаютъ служить эти новшества. Рядомъ съ этимъ протискиваются въ нашъ языкъ иностранныя слова взамѣнъ русскихъ — и, наконецъ, употребляются такія соединенія словъ, которыя, по образному выраженію Гонкура, «hurlent de se trouver ensemble». *Неточностью* слога страдаютъ рѣчи большинства судебныхъ ораторовъ. У насъ постоянно говорятъ «*внутреннее* убѣжденіе», «*внѣшняя* форма» и даже — horribile dictu — «для

проформы». При привычной небрежности рѣчи нечего и ждать правильнаго расположенія словъ, а между тѣмъ это было бы невозможно, если бы оцѣнивался вѣсъ каждаго слова въ взаимоотношеніи съ другими. Недавно въ газетахъ было напечатано объявленіе: «актеры-собаки» вмѣсто «собаки-актеры». Стоитъ переставить слова въ народномъ выраженіи «кровь съ молокомъ» и сказать «молоко съ кровью», чтобы увидѣть значеніе отдѣльнаго слова, поставленнаго на свое мѣсто. — Наконецъ, сказалъ я, — нужно *не лгать*. Человѣкъ лжетъ въ жизни вообще часто, а въ нашей русской жизни и очень часто, тройкимъ образомъ: онъ говоритъ не то, что думаетъ — это ложь по отношенію къ другимъ; онъ думаетъ не то, что чувствуетъ — это ложь самому себѣ, и, наконецъ, онъ впадаетъ въ ложь, такъ сказать, въ квадратѣ: говоритъ не то, что думаетъ, а думаетъ не то, что чувствуетъ. Присутствіе каждаго изъ этихъ видовъ лжи почти всегда чувствуется слушателями и отнимаетъ у публичной рѣчи ея силу и убѣдительность. Поэтому искренность по отношенію къ чувству и къ дѣлаемому выводу или утверждаемому положенію, должна составлять необходимую принадлежность хорошей, т. е. — претендующей на вліяніе рѣчи. Изустное слово всегда плодотворнѣе письменнаго: оно живитъ слушающаго и говорящаго. Но этой животворной силы оно лишается, когда ораторъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ, — и, утверждая, втайнѣ сомнѣвается, — или старается призвать себѣ на помощь вмѣсто зрѣлой мысли громкія слова, лишенныя въ данномъ случаѣ внутренняго содержанія. Слушатель почти всегда въ этихъ случаяхъ невольно чувствуетъ то, что говоритъ Фаустъ: wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein. Вотъ почему лучше ничего не сказать, чѣмъ сказать ничего. «Поэтому, господа, — заключилъ я нашу бесѣду, — не гонитесь за краснорѣчіемъ. Тотъ, кому данъ даръ слова, ощутитъ его, быть можетъ, внезапно, неожиданно для себя и безъ всякихъ приготовленій. Его нельзя пріобрѣсть, какъ нельзя испытать вдохновеніе, когда душа на него неспособна. Но старайтесь говорить хорошо, любите и изучайте величайшую святыню вашего народа — его языкъ. Пусть не мысль ваша ищетъ слова и въ этихъ поискахъ

теряетъ время и утомляетъ слушателей, — пусть, напротивъ, слова покорно и услужливо предстоятъ предъ вашею мыслью въ полномъ ея распоряженіи. Выступайте во всеоружіи знанія того, что относится къ вашей спеціальности и на служеніе чему вы призваны, а затѣмъ — не лгите, т. е. будьте искренни, и вы будете хорошо говорить, или, какъ гласитъ французская судебная поговорка: vous aurez l'oreille du tribunal». — Теперь, послѣ долгаго житейскаго опыта, я прибавилъ бы къ этимъ словамъ еще и указаніе на то, что ораторскіе пріемы совсѣмъ не одинаковы для всѣхъ вообще публичныхъ рѣчей, и что, напримѣръ, судебному оратору и оратору политическому приходится дѣйствовать совершенно различно. Рѣчи политическаго характера не могутъ служить образцами для судебнаго оратора, ибо политическое краснорѣчіе совсѣмъ не то, что краснорѣчіе судебное. Умѣстныя и умныя цитаты, хорошо продуманные примѣры, тонкія и остроумныя сравненія, стрѣлы ироніи и даже подъемъ на высоту общечеловѣческихъ началъ — далеко не всегда достигаютъ своей цѣли на судѣ. Въ основаніи судебнаго краснорѣчія лежитъ необходимость *доказывать* и *убѣждать*, т. е. иными словами — необходимость склонять слушателей присоединиться къ своему мнѣнію. Но политическій ораторъ немногаго достигнетъ, убѣждая и доказывая. У него та же задача, какъ и у служителя искусствъ, хотя и въ другихъ формахъ. Онъ долженъ, по выраженію Жоржъ-Зандъ, «montrer et émouvoir», т. е. освѣтить извѣстное явленіе всею силою своего слова и, умѣя уловить создающееся у большинства отношеніе къ этому явленію, придать этому отношенію дѣйствующее на чувство выраженіе. Число, количество, пространство и время, играющія такую роль въ критической оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ при разборѣ уголовнаго дѣла — только безплодно отягощаютъ рѣчь политическаго оратора. Рѣчь послѣдняго должна представлять не мозаику, не тщательно и во всѣхъ подробностяхъ выписанную картину, а рѣзкіе общіе контуры и Рембрандтовскую свѣтотѣнь. Ей надлежитъ связывать воедино чувства, возбуждаемыя яркимъ образомъ, и давать имъ воплощеніе въ легкомъ по усвоенію, полновѣсномъ по содержанію словѣ.

Искать указаній — *какъ* надо говорить — въ руководствахъ по части краснорѣчія, по большей части, совершенно безполезно. У насъ изслѣдованія о существѣ и пріемахъ краснорѣчія сводились, за исключеніемъ замѣчательнаго для своего времени труда Ломоносова «Краткое руководство къ риторикѣ на пользу любителей сладкорѣчія. — 1744 и 1748 г.г.», до конца шестидесятыхъ годовъ къ повторенію теоретическихъ положеній и примѣровъ, почерпаемыхъ преимущественно у Квинтиліана и Цицерона, при чемъ почему-то забывалось превосходное «Разсужденіе объ ораторѣ» Тацита. Попытокъ къ самостоятельной разработкѣ вопроса о краснорѣчіи вслѣдствіе отсутствія новаго, практическаго матеріала — мы въ литературѣ не встрѣчаемъ. «Златословъ или открытіе Риторскія науки» 1798 г. и «Дѣтская Риторика или благоразумный Витія» 1787 г. не могутъ итти въ сравненіе съ трудомъ Ломоносова, а «Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки», изданная въ 1797 г. Григоріемъ Глинкою, есть, въ сущности, переводъ сочиненія Гальяра, лишь снабженный довольно ядовитыми замѣчаніями переводчика. Хотя Академія Наукъ въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія «старалась сочинить логику, риторику и піитику, яко главныя основанія словесныхъ наукъ», но это стараніе разрѣшилось одними благими намѣреніями. Лишь въ 1815 году впервые на русскомъ языкѣ появилась составленная Феофилактомъ Малиновскимъ книга, посвященная «Основаніямъ краснорѣчія». Въ слѣдующемъ году тотъ же авторъ издалъ «Правила краснорѣчія, въ систематическій порядокъ науки приведенныя и Сократовымъ способомъ расположенныя». Для знакомства съ этимъ первымъ опытомъ теоріи краснорѣчія достаточно привести слѣдующій отвѣтъ автора на вопросъ о томъ, *какое качество должна имѣть рѣчь, удовлетворяющая потребности сердца*. Вотъ онъ: «сердце желаетъ съ готовою истиною войти въ храмъ своего собственнаго удовольствія, почувствовавъ къ ней какую-либо страсть, ибо единственная его потребность чувствовать, безъ сего оно терзается скукою. Изъ сего слѣдуетъ, что прекрасная рѣчь имѣетъ связь съ нашимъ серд-

цемъ; дѣло оратора открыть путь, которымъ описываемый предметъ входитъ во внутренность онаго. Тогда онъ, говоря съ нимъ и приводя его въ движеніе, побѣждаетъ самовластіе и преклоняетъ волю его безъ сопротивленія на свою сторону». Или вотъ какъ опредѣляется *смѣшное*, какъ составная часть нѣкоторыхъ видовъ ораторской рѣчи: «какъ скоро душа наша чувствуетъ ничтожное насиліе естественнаго или разумнаго, состоящее въ дѣйствіяхъ, несходныхъ съ законами природы или хорошаго про, извола, то она, будучи увѣрена внутренно въ непремѣнности и въ непоколебимости ихъ, предчувствуя, что зла для нея отъ того не воспослѣдуетъ, издѣвается надъ слабымъ усиліемъ, ничтожность коего наполняетъ его веселостью и растворяетъ духъ радостью, который влечетъ за собою физическое потрясеніе почти цѣлаго тѣла». Въ томъ же году, въ Москвѣ, въ типографіи Селивановскаго напечатана книга неизвѣстнаго автора: «Ораторъ или о трехъ главныхъ совершенствахъ краснорѣчія — ясности, важности и пріятности», вся построенная на примѣрахъ изъ Цицерона. Въ ней заслуживаетъ, однако, вниманія указаніе на «выборъ литеръ и слоговъ» для приданія рѣчи «важности», при чемъ разсужденіе о томъ, что литера R приличествуетъ матеріи печальной и страшной (terror, horror, horrendum), удивительнымъ образомъ совпадаетъ съ объясненіями Эдгара Поэ къ его знаменитому стихотворенію «Воронъ». Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Мерзляковымъ въ его разсужденіи 1824 года: «Объ истинныхъ качествахъ Поэта и Оратора» — и въ рѣчи профессора Петра Побѣдоносцева «О существенныхъ обязанностяхъ Витіи и о способахъ къ пріобрѣтенію успѣха въ Краснорѣчіи», произнесенной на годовомъ актѣ московскаго университета 3 іюля 1831 года. Наконецъ, въ 1844 году вышли «Правила высшаго краснорѣчія» Сперанскаго, представляющія систематическій обзоръ теоретическихъ правилъ о краснорѣчіи вообще, изложенныхъ прекраснымъ языкомъ, но совершенно лишенныхъ практической поучительности за отсутствіемъ примѣровъ. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій, не считая даже неудобочитаемыхъ упражненій въ элоквеціи Малиновскаго, ничего или во всякомъ случаѣ очень мало можетъ извлечь судебный ораторъ.

Правила, оставленныя Квинтиліаномъ и Цицерономъ и выводимыя исключительно изъ ихъ рѣчей, въ значительной мѣрѣ непріемлемы для современнаго оратора. Древній грекъ и древній римлянинъ выросли въ общественныхъ условіяхъ весьма отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ развиваются современный европейскій судебный ораторъ и его слушатели. И сами они и слушатели принадлежали къ другому этнографическому типу. Многое изъ того, что у этихъ ораторовъ выходило вполнѣ естественнымъ, показалось бы въ настоящее время неискренней декламаціей. При томъ, какъ судебный ораторъ, Демосфенъ гораздо ниже Цицерона и въ сущности въ своихъ рѣчахъ судебнаго характера едва ли стоитъ выше обыкновеннаго логографа. Онъ великъ въ защитѣ погибавшаго государственнаго строя противъ внѣшняго врага и внутренняго разложенія. Рѣчи его проникнуты альтруизмомъ, и слово его постоянно поднимается въ область общихъ началъ. Цѣлямъ судебнаго краснорѣчія гораздо болѣе удовлетворяютъ рѣчи Цицерона. Онъ ближе къ дѣлу, глубже въ анализѣ мелочныхъ фактовъ. Онъ болѣе на землѣ, на практической почвѣ, и въ немъ сильнѣе сказывается тотъ «esprit de combativité», который составляетъ необходимую принадлежность судебнаго оратора, стремящагося къ успѣху. Однимъ словомъ, въ его ораторскихъ пріемахъ всегда слышится прежде всего обвинитель или защитникъ. Чудесный стилистъ и діалектикъ, онъ одинаково искусно впадаетъ въ паѳосъ или предается ироніи или, наконецъ, ошеломляетъ противника яростными эпитетами. Достаточно вспомнить дѣлаемыя имъ, сыплющіяся какъ изъ рога изобилія, различныя характеристики въ рѣчахъ противъ Катилины: отравитель, разбойникъ, отцеубійца, фальсификаторъ, другъ каждой проститутки, соблазнитель и убійца. Несомнѣнно, однако, что большая часть этихъ пріемовъ непримѣнима въ современномъ судѣ.

Первымъ по времени трудомъ на русскомъ языкѣ, предназначеннымъ для *судебныхъ* ораторовъ, явилось «Руководство къ судебной защитѣ» знаменитаго Миттермайера, переведенное и изданное въ 1863 году А. М. Унковскимъ. Несмотря на общія похвалы, которыми встрѣчено было это сочиненіе у насъ, оно едва ли ока-

зало услугу кому-либо изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ. Исходя изъ мысли объ учрежденіи въ университетахъ особыхъ каѳедръ «для преподаванія руководства къ словеснымъ преніямъ», Миттермайеръ предлагаетъ вниманію лицъ, посвящающихъ себя уголовной защитѣ, свой трудъ, чрезвычайно кропотливый, въ значительной мѣрѣ чисто теоретическій и весьма несвободный отъ пріемовъ канцелярскаго производства, несмотря на то, что у автора вездѣ предполагается защита передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей. Масса параграфовъ (сто тридцать шесть), раздѣляющихся на пункты A, B, C, распадающіеся въ свою очередь на отдѣлы, обозначенные греческими буквами, производитъ при первомъ взглядѣ впечатлѣніе широкаго захвата и глубокой мысли, а въ дѣйствительности содержитъ въ себѣ элементарныя правила обмѣна мыслей, изложенныя при томъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Среди этихъ правилъ попадаются, впрочемъ, и практическіе совѣты, поражающіе своею наивностью. Такова, напримѣръ, рекомендація защитнику не утаивать отъ подсудимаго (sic!) грозящаго ему наказанія, какъ будто обвиняемый и защитникъ находятся въ отношеніяхъ больного къ врачу, при чемъ послѣдній, во избѣжаніе осложненія недуга своего паціента, иногда скрываетъ отъ него его опасное состояніе. Условіями судебнаго краснорѣчія Миттермайеръ ставитъ наличность основательныхъ доказательствъ, ясный способъ изложенія и очевидную добросовѣстность «въ соединеніи съ тѣмъ достоинствомъ выраженій, которое наиболѣе прилично случаю». Поэтому онъ совѣтуетъ говорить защитительную рѣчь по заранѣе заготовленной запискѣ, избѣгая А) выраженій плоскихъ, Б) напыщенныхъ, В) устарѣлыхъ, Г) иностранныхъ и Д) вообще всякихъ излишнихъ нововведеній, обращая при этомъ вниманіе на а) удареніе, б) разстановки, в) различные тоны рѣчи и г) тѣлодвиженія. Едва ли нужно говорить, что въ такомъ опредѣленіи краснорѣчія, оно — употребляя выраженіе Тургенева — «и не ночевало». Доказательства могутъ оказаться весьма основательными (напримѣръ, alibi, поличное, собственное признаніе), ясная мысль можетъ быть облечена въ «приличныя случаю» выраженія и не покушаться извращать истину — и тѣмъ не менѣе отъ рѣчи будетъ вѣять скукой. Нужна яркая

форма, въ которой сверкаетъ пламень мысли и искренность чувства. Наиболѣе живой отдѣлъ труда Миттермайера — это говорящій объ отношеніи защитника къ доказательствамъ, но и онъ гораздо ниже по содержанію, чѣмъ прекрасная, но, къ сожалѣнію, составляющая библіографическую рѣдкость книга нашего почтеннаго криминалиста Жиряева «Теорія уликъ», или богатое опытомъ и до сихъ поръ не устарѣвшее сочиненіе Уильза «Теорія косвенныхъ уликъ».

Съ тѣхъ поръ въ оцѣнкахъ рѣчей русскихъ судебныхъ ораторовъ, въ замѣткахъ самихъ ораторовъ и въ наставленіяхъ начинающимъ адвокатамъ въ различныхъ спеціальныхъ брошюрахъ появлялись указанія на пріемы и методы того или другого оратора или на его собственные взгляды на свою профессію. Но несмотря на цѣнность отдѣльныхъ этюдовъ все это или отрывочно или, главнымъ образомъ, сведено къ оцѣнкѣ и выясненію свойствъ, таланта и личныхъ пріемовъ опредѣленной личности. Лишь въ самое послѣднее время появилось прекрасное систематическое по судебному краснорѣчію сочиненіе П. С. Пороховщикова «Искусство рѣчи на судѣ» (1910 г.).

На первомъ планѣ я, конечно, считалъ нужнымъ ставить изученіе дѣла во всѣхъ его частяхъ, вдумываясь въ видоизмѣненіе показаній однихъ и тѣхъ же лицъ при дознаніи и слѣдствіи и знакомясь особенно тщательно съ вещественными доказательствами. Послѣдняя — скучная и кропотливая работа, казавшаяся порою безплодною, приносила, однако, во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезные результаты, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла. Вещественныя доказательства не только представляютъ собою орудія и средства, слѣды и плоды преступленія, но вдумчивое сопоставленіе ихъ между собою даетъ иногда возможность прослѣдить постепенную подготовку преступленія и даже самое зарожденіе мысли о немъ. Въ цѣляхъ правосудія это весьма важно, ибо не только даетъ опору обвиненію, но и создаетъ законную возможность отказа отъ него. Въ дѣлѣ Янсенъ и Акаръ, обвинявшихся во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, мнѣ удалось выработать крайне вѣскую улику, сопоставляя между собою номера кредитныхъ билетовъ, распо-

ложенныхъ въ двухъ партіяхъ, направленныхъ въ отдаленные одинъ отъ другого города; въ дѣлѣ о диффамаціи въ печати семирѣченскаго губернатора Аристова, по коему состоялся обвинительный приговоръ въ Судебной Палатѣ, — разборомъ официальной переписки о маленькомъ народцѣ «таранчахъ», пріобщенной, между прочимъ, къ дѣлу, удалось установить, что г. семирѣченскій губернаторъ вполнѣ заслужилъ то, что онъ называлъ диффамаціей, — и имѣть удовольствіе отказаться въ Сенатѣ отъ обвиненія. Я уже не говорю о томъ, до какой степени разборъ пріобщенныхъ къ дѣламъ переписокъ, замѣтокъ, дневниковъ и другихъ рукописей обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ даетъ возможность ознакомить судъ съ ихъ личностью иногда ихъ же собственными словами. Могу сослаться въ этомъ отношеніи на характеристики скопца Солодовникова и ростовщика Сѣдкова въ моей книгѣ «Судебныя рѣчи». Какъ предсѣдатель суда, я бывалъ не разъ свидѣтелемъ прискорбныхъ сюрпризовъ, которые создавались для сторонъ во время судебнаго засѣданія, вслѣдствіе незнакомства ихъ съ тѣмъ, что содержится въ непросмотрѣнныхъ ими пакетахъ и сверткахъ, лежащихъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Отсутствіе тщательнаго изученія дѣла не только грозитъ такими сюрпризами, но побуждаетъ обвинителя прибѣгать иногда къ пріемамъ, о нравственномъ значеніи которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Я помню одного извѣстнаго адвоката, талантливаго и знающаго, — въ частной жизни, какъ говорятъ, добраго и готоваго на дружескія услуги,—но неразборчиваго ни въ свойствѣ дѣлъ, ни въ свойствѣ пріемовъ, вносимыхъ имъ въ судебное состязаніе. По громкому, волновавшему общество, дѣлу о подлогѣ огромной важности онъ принялъ на себя обязанности гражданскаго истца и, придя ко мнѣ вечеромъ наканунѣ засѣданія, просилъ дать ему прочесть дѣло, находившееся у меня, какъ у будущаго обвинителя. «Какой томъ? спросилъ я его.—А развѣ ихъ много?—въ свою очередь спросилъ онъ.—Четырнадцать,—да семь томовъ приложеній и восемь связокъ вещественныхъ доказательствъ.—Ахъ, чортъ ихъ возьми!.. гдѣ же мнѣ все это разбирать... Но я изучилъ обвинительный актъ: мастерски напи-

санъ!—Такъ какъ мы имѣемъ во многомъ общую задачу въ дѣлѣ, то скажите, какъ вы смотрите на эпизодъ съ N. N.?—А въ чемъ онъ состоитъ?—Да вѣдь ему исключительно посвящена цѣлая глава обвинительнаго акта, который вы изучили...—По правдѣ говоря, я его только перелисталъ, но у меня будутъ *свои доказательства.*—Въ судебномъ засѣданіи, длившемся цѣлую недѣлю, онъ молчалъ все время судебнаго слѣдствія и лишь при заключеніи его потребовалъ, чтобы было прочтено письмо одного изъ умершихъ свидѣтелей, находящееся *въ такомъ-то томѣ, на такой-то страницѣ*, въ которомъ пишущій почти что сознается въ содѣйствіи къ отправленію на тотъ свѣтъ другихъ свидѣтелей, опасныхъ для богатаго и вліятельнаго подсудимаго. Это заявленіе произвело большое впечатлѣніе на присяжныхъ и на публику, такъ какъ среди послѣдней былъ пущенъ ни на чемъ не основанный слухъ, что неудобные для подсудимыхъ свидѣтели «устранены изъ дѣла навсегда», а присяжные находились подъ впечатлѣніемъ происшедшей у нихъ на глазахъ смерти одного очень волновавшагося свидѣтеля,—послѣдовавшей отъ разрыва сердца. Въ мѣстѣ, указанномъ повѣреннымъ гражданскаго истца, оказалась чистая страница. Онъ указалъ другой томъ производства, котораго, какъ мнѣ, изъ его же словъ, было извѣстно, даже не видалъ—и тамъ оказалась какая-то незначительная бумага,—а на гнѣвный вопросъ предсѣдателя, послѣ того, какъ я и защитники заявили, что такого письма ни въ дѣлѣ, ни въ вещественныхъ доказательствахъ нѣтъ, объяснилъ, что томъ и страница были у него записаны на бумажкѣ, но ее у него «кто-то стащилъ», при чемъ снова повторилъ содержаніе вымышленнаго письма. Таковы были его «свои доказательства»!

Изученіе и знаніе дѣла во всѣхъ его подробностяхъ было, по крайней мѣрѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, необходимо и для проведенія въ жизнь возможно широкимъ образомъ и въ неприкосновенности основныхъ началъ дѣятельности реформированнаго суда—устности, гласности и непосредственности. Я помню засѣданіе по одному очень сложному и серьезному дѣлу, длившееся шесть дней въ 1872 году. Въ дѣлѣ была масса протоколовъ, осмотровъ и обысковъ, показаній неявившихся свидѣ-

телей и множество документовъ, весьма нужныхъ для судебнаго состязанія. По закону, каждая изъ сторонъ могла требовать ихъ прочтенія, томительнаго и подчасъ трудно уловимаго. Мы съ К. К. Арсеньевымъ, стоявшимъ во главѣ защиты по дѣлу, молчаливымъ соглашеніемъ рѣшили почти ничего не читать на судѣ и провести весь процессъ на строгомъ началѣ устности. Поэтому, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, каждый изъ насъ съ согласія противника, просилъ разрѣшенія ссылаться на письменный матеріалъ, говоря присяжнымъ: «г-да, въ такомъ-то документѣ, протоколѣ или показаніи — есть такое-то мѣсто, выраженіе, отмѣтка, цифра; прошу удержать ихъ въ памяти; если я ошибся, мой противникъ меня поправитъ». Такимъ образомъ мы провели все засѣданіе, не *прочитавъ* присяжнымъ ничего, но разсказали очень многое. Конечно, это требовало, кромѣ знанія подробностей дѣла, большого напряженія памяти и взаимнаго уваженія сторонъ. Но первая въ то время у К. К. Арсеньева и у меня была очень сильна, а взаимное уваженіе само собою вытекало изъ одинаковаго пониманія нами задачъ правосудія.

Ознакомясь съ дѣломъ, я приступалъ прежде всего къ мысленной постройкѣ *защиты*, выдвигая передъ собою рѣзко и опредѣлительно всѣ возникающія и могущія возникнуть по дѣлу сомнѣнія, и рѣшалъ поддерживать обвиненіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти сомнѣнія бывали путемъ напряженнаго раздумья разрушены, и на развалинахъ ихъ возникало твердое убѣжденіе въ виновности. Когда эта работа была окончена, я посвящалъ вечеръ наканунѣ засѣданія исключительно мысли о предстоящемъ дѣлѣ, стараясь представить себѣ, какъ именно было *совершено* преступленіе и въ какой *обстановкѣ*. Послѣ того, какъ я пришелъ къ убѣжденію въ виновности путемъ логическихъ, житейскихъ и психологическихъ соображеній, я начиналъ мыслить образами. Они иногда возникали предо мною съ такою силой, что я какъ бы присутствовалъ невидимымъ свидѣтелемъ при самомъ совершеніи преступленія, и это безъ моего желанія, невольно, какъ мнѣ кажется, отражалось на убѣдительности моей рѣчи, обращенной къ присяжнымъ. Мнѣ особенно вспоминается въ этомъ отношеніи дѣло банщика Емельянова, утопившаго въ рѣчкѣ Ждановкѣ,

для того, чтобы сойтись съ прежней любовницей, свою тихую, молчаливую и наскучившую жену. Придя къ твердому убѣжденію въ его виновности (въ чемъ онъ и самъ послѣ суда сознался), несмотря на то, что полиція нашла, что здѣсь было самоубійство, я въ ночь передъ засѣданіемъ, обдумывая свои доводы и ходя, по тогдашней своей привычкѣ, по тремъ комнатамъ моей квартиры, изъ которыхъ лишь двѣ крайнія были освѣщены, съ такою ясностью видѣлъ, входя въ среднюю темную комнату, лежащую въ водѣ ничкомъ, съ распущенными волосами несчастную Лукерью Емельянову, что мнѣ, наконецъ, стало жутко.

Рѣчей своихъ я никогда не писалъ. Раза два пробовалъ я набросать вступленіе, но убѣдился, что судебное слѣдствіе даетъ такія житейскія краски и такъ перемѣщаетъ иногда центръ тяжести изложенія, что даже нѣсколько словъ вступленія, заготовленнаго заранѣе, оказываются вовсе не той *увертюрой*, выражаясь музыкальнымъ языкомъ, съ которой должна бы начинаться рѣчь. Поэтому, въ отношеніи къ началу и заключенію рѣчи, я держался поговорки: «какъ Богъ на душу положитъ». Самую сущность рѣчи я никогда не писалъ и даже не излагалъ въ видѣ конспекта, отмѣчая лишь для памяти отдѣльныя мысли и соображенія, приходившія мнѣ въ голову во время судебнаго слѣдствія, и набрасывая схему рѣчи, предъ самымъ ея произнесеніемъ, отдѣльными словами или условными знаками, значенія которыхъ, долженъ сознаться, черезъ два-три мѣсяца уже самъ не помнилъ и не понималъ. Я всегда чувствовалъ, что заранѣе написанная рѣчь должна стѣснять оратора, связывать свободу распоряженія матеріаломъ и смущать мыслью, что что-то имъ забыто или пропущено. Поэтому проф. Тимофеевъ въ своихъ статьяхъ объ ораторскомъ искусствѣ ошибается, говоря, что Спасовичъ и я всегда писали свои рѣчи. Это вѣрно лишь относительно Спасовича, который, дѣйствительно, подготовлялъ свои рѣчи на письмѣ, чѣмъ довольно коварно пользовались нѣкоторые его противники, ограничиваясь краткимъ изложеніемъ основаній обвиненія и выдвигая свою тяжелую артиллерію уже послѣ того, какъ Спасовичъ сказалъ свою рѣчь, при чемъ его возраженія, — конечно, относительно, — бывали слабы. Писалъ свои

рѣчи и Н. В. Муравьевъ — крупнымъ, раздѣльнымъ почеркомъ, очень искусно и почти незамѣтно читая наиболѣе выдающіяся мѣста изъ нихъ. Обвиняя подъ моимъ предсѣдательствомъ братьевъ Висленевыхъ и Кутузова, онъ, послѣ рѣчей защиты, просилъ перерыва на два часа и заперся въ моемъ служебномъ кабинетѣ, чтобы писать свое возраженіе. Не надо забывать, что не только тамъ, гдѣ личность подсудимаго и свидѣтелей изучается по предварительному слѣдствію, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель наблюдалъ за слѣдствіемъ и присутствовалъ при допросахъ у слѣдователя, судебное засѣданіе можетъ готовить для него большія неожиданности. Нужно ли говорить о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣваетъ первоначально сложившееся обвиненіе и самая сущность дѣла во время судебнаго слѣдствія? Старые свидѣтели забываютъ зачастую то, о чемъ показывали у слѣдователя, или совершенно измѣняютъ свои показанія подъ вліяніемъ принятой присяги; ихъ показанія, выходя изъ горнила перекрестнаго допроса, иногда длящагося нѣсколько часовъ, совершенно другими, пріобрѣтаютъ рѣзкіе оттѣнки, о которыхъ прежде и помину не было; — новые свидѣтели, впервые являющіеся на судъ, приносятъ новую окраску обстоятельствамъ дѣла и выясняютъ данныя, совершенно измѣняющія картину событія, его обстановки, его послѣдствій. Кромѣ того, прокуроръ, не присутствовавшій на предварительномъ слѣдствіи, видитъ подсудимаго иногда впервые — и предъ нимъ предстаетъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго онъ рисовалъ себѣ, готовясь къ обвиненію или занимаясь писаніемъ обвинительной рѣчи. «Въ губернскомъ городѣ судился учитель пѣнія за покушеніе на убійство жены, — разсказываетъ изъ своего опыта П. С. Пороховщиковъ. Это былъ мелкій деспотъ, жестоко издѣвавшійся надъ любящей, трудящейся, безупречной супругой и матерью; насколько жалкимъ представлялся онъ въ своемъ себялюбіи и самомнѣніи, настолько привлекательна была она своей простотой, искренностью. Мужъ стрѣлялъ въ нее сзади, сдѣлалъ четыре выстрѣла и всадилъ ей одну пулю въ спину, другую въ животъ. Обвинитель заранѣе разсчитывалъ на то негодованіе, которое разсказъ этой мученицы произведетъ на при-

сяжныхъ. Когда ее вызвали къ допросу и спросили, что она можетъ показать, она сказала: я виновата передъ мужемъ, мужъ виноватъ передо мной, — я его простила и ничего показывать не желаю. *Я виновата — и я простила!* Обвинитель ожидалъ другого, ничего подобнаго онъ не предполагалъ, но надо сказать, что, сколько бы онъ ни думалъ, какъ бы ни искалъ онъ сильныхъ и новыхъ эффектовъ, — такого эффекта онъ никогда бы не нашелъ». Еще большія измѣненія можетъ вносить экспертиза. Вновь вызванные свѣдущіе люди могутъ иногда дать такое объясненіе судебно-медицинской сторонѣ дѣла, внести такое неожиданное освѣщеніе смысла тѣхъ или другихъ явленій или признаковъ, что изъ-подъ заготовленной заранѣе рѣчи будутъ вынуты всѣ сваи, на которыхъ держалась постройка. Каждый старый судебный дѣятель, конечно, многократно бывалъ свидѣтелемъ такой «перемѣны декорацій». Если бы дѣйствительно существовала необходимость въ предварительномъ письменномъ изложеніи рѣчи, то возраженія обыкновенно бывали бы безцвѣтны и кратки. Между тѣмъ въ судебной практикѣ встрѣчаются возраженія, которыя сильнѣе, ярче, дѣйствительнѣе первыхъ рѣчей. Несомнѣнно, что судебный ораторъ не долженъ являться въ судъ съ пустыми руками. Изученіе дѣла во всѣхъ подробностяхъ, размышленіе надъ нѣкоторыми возникающими въ немъ вопросами, характерныя выраженія, попадающіяся въ показаніяхъ и письменныхъ вещественныхъ доказательствахъ, числовыя данныя, спеціальныя названія и т. п. должны оставить свой слѣдъ не только въ памяти оратора, но и въ его письменныхъ замѣткахъ. Вполнѣ естественно, если онъ, по сложнымъ дѣламъ, набросаетъ себѣ планъ рѣчи или ея схему, — своего рода vade mecum въ лѣсу разнородныхъ обстоятельствъ дѣла. Но отъ этого еще далеко до изготовленія рѣчи въ окончательной формѣ. Пріема неписанія рѣчей держался и извѣстный московскій прокуроръ Громницкій, говорящій въ своихъ воспоминаніяхъ о писаныхъ рѣчахъ, что онѣ «гладки и стройны», но блѣдны, безжизненны и не производятъ должнаго впечатлѣнія; это блескъ, но не свѣтъ и тепло; это красивый букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, но съ запахомъ бумаги и клея». Мой опытъ подтверждаетъ этотъ взглядъ.

Изъ отзывовъ компетентныхъ цѣнителей и изъ отношенія ко мнѣ присяжныхъ засѣдателей, — отношенія, не выражаемаго внѣшнимъ образомъ, но чувствуемаго, — я убѣдился, что мои возраженія, иногда нѣсколькимъ защитникамъ сразу, сказанныя безъ всякой предварительной подготовки и обыкновенно, по просьбѣ моей, немедленно по окончаніи рѣчей моихъ противниковъ — производили наибольшее впечатлѣніе.

Еще до вступленія въ ряды прокуратуры я интересовался судебными преніями и читалъ рѣчи выдающихся западныхъ судебныхъ ораторовъ, преимущественно французскихъ, но долженъ сознаться, что мало вынесъ изъ нихъ поучительнаго. Ихъ пріемы не подходятъ къ природѣ русскаго человѣка, которой чужда приподнятая фразеологія и полемическій задоръ. Замѣчаніе митрополита Филарета о томъ, что «народъ нашъ не настроенъ къ напряженному и продолжительному вниманію и краткое, близкое къ разумѣнію и сердцу, слово онъ беретъ и, не роняя, уноситъ», вполнѣ справедливо по отношенію къ большинству присяжныхъ засѣдателей. Этимъ объясняется частый неуспѣхъ тѣхъ, иногда весьма способныхъ, ораторовъ, которые говорятъ по нѣскольку часовъ, подвергая присяжныхъ засѣдателей своеобразному измору, при чемъ изморъ этотъ приводитъ зачастую къ неожиданнымъ результатамъ или къ знакамъ нетерпѣнія, смущающимъ говорящаго. Рѣчь обвинителя должна быть сжата и направлена на то, чтобы приковывать вниманіе слушателей, но не утомлять ихъ. Судебный ораторъ долженъ избѣгать того, что еще Аристофанъ въ своихъ «Облакахъ» называлъ «словеснымъ поносомъ», замѣчая, что «у человѣка съ короткимъ умомъ языкъ обыкновенно бываетъ слишкомъ долгій». Мнѣ вспоминается адвокатъ при одномъ изъ большихъ провинціальныхъ судовъ на Волгѣ, который любилъ начинать свои рѣчи ab ovo. По дѣлу о третьей кражѣ, предъ усталыми отъ предшествовавшихъ дѣлъ присяжными, онъ, пользуясь апатичнымъ невмѣшательствомъ предсѣдателя, посвятилъ первый часъ своей рѣчи на исторію возникновенія права собственности и на развитіе этого понятія съ древнѣйшихъ временъ въ связи съ развитіемъ культуры. «Теперь перехожу къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла», — заклю-

чилъ онъ свой обзоръ и дрожащею отъ усталости рукою сталъ наливать себѣ стаканъ воды. Присяжные засѣдатели состояли, какъ нарочно, изъ купцовъ и мелкихъ торговцевъ. Начинало смеркаться, наступало время закрывать лавки и подсчитывать выручку — и, вѣроятно, у многихъ изъ нихъ мысль невольно обращалась къ тому, что дѣлаетъ теперь «хозяйка» и какъ управился оставленный вмѣсто себя «молодецъ». Когда наступила минута общаго молчанія передъ переходомъ оратора отъ Египта, Рима и среднихъ вѣковъ къ «обстоятельствамъ дѣла», — старшина присяжныхъ съ сѣдою бородою и иконописной наружностью поднялъ давно уже опущенную голову, обвелъ страдальческимъ взглядомъ судъ и оратора и, тяжело вздохнувъ, довольно громко, съ явнымъ унынiемъ въ голосѣ, произнесъ: «эхе-хе-хе-эхе!» — и снова опустилъ голову. «Я кончилъ!» упавшимъ голосомъ сказалъ авторъ историческаго изслѣдованія. Увы! непониманіе опасности такого измора существуетъ, какъ видно, и до настоящаго времени, и еще недавно въ одномъ изъ судовъ Украйны товарищъ прокурора, какъ удостовѣрено протоколомъ судебнаго засѣданія, сказалъ: «я чувствую, что судъ недоволенъ моею рѣчью и дѣлаетъ разнаго рода жестикуляціи; я прошу отдыха и воды— я усталъ». Можете себѣ представить, какъ должны были устать и судьи, и сколько воды, сверхъ выпитой товарищемъ прокурора, оказалось въ его рѣчи.

По поводу «жестикуляцій», такъ уязвившихъ бѣднаго словоохотливаго обвинителя, я долженъ замѣтить, что всегда считалъ вполнѣ неумѣстными всякіе жесты и говорилъ свои рѣчи опираясь обѣими руками на поставленную стоймя книгу Судебныхъ Уставовъ, купленную въ 1864 году, тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ, и прошедшую со мною весь мой сорокалѣтній судебный путь. Не думаю, чтобы рѣзкіе жесты и модуляціи голоса были по душѣ русскимъ присяжнымъ засѣдателямъ, которые, по моимъ наблюденіямъ, цѣнятъ спокойствіе и простоту въ «повадкѣ» обвинителя. Я не могъ раздѣлить восхищенія нѣкоторыхъ почтительныхъ цѣнителей предъ краснорѣчивымъ судебнымъ риторомъ, который въ историческомъ процессѣ первѣйшей важности и значенія, характеризуя одного изъ подсудимыхъ съ чисто русской

фамиліей, возопилъ: «нѣтъ! нѣтъ! онъ не русскій!» и, швырнувъ предъ собою трагическимъ жестомъ длинный карандашъ, въ дѣланномъ безсиліи опустился въ кресло. Такимъ пріемамъ мѣсто на театральныхъ подмосткахъ. Обвинителю, какъ и проповѣднику, не слѣдуетъ забывать совѣта великаго Петра, въ Духовномъ Регламентѣ: «не надобно шататься вельми, будто весломъ гребетъ; не надобно руками сплескивать, въ боки упираться, смѣяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сія лишняя, и неблагообразна суть, и слушателей возмущаетъ».

Во время моего прокурорства не существовало сборниковъ судебныхъ рѣчей, по которымъ можно было бы подготовиться къ техникѣ рѣчи. Приходилось полагаться на собственныя силы. Уже впослѣдствіи, чрезъ много лѣтъ по оставленіи прокуратуры, я сталъ знакомиться съ русскимъ духовнымъ краснорѣчіемъ и нашелъ въ немъ блестящіе примѣры богатства языка и глубины мысли. Несомнѣнно, что первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ митрополиту московскому Филарету, хотя его проповѣди и не согрѣваютъ сердца, какъ нѣкоторыя чудесныя Слова архіепископа Иннокентія, напримѣръ «Слово въ Великій Пятокъ», и не блещутъ широтою взгляда митрополита Макарія. Умъ, гораздо болѣе, чѣмъ сердце, слышится въ словахъ Филарета, которыя, подобно осеннему солнцу, свѣтятъ, но не грѣютъ. Но въ нихъ нѣтъ зато ни полемическаго задора Амвросія и Никанора, ни узкой «злопыхательной» нетерпимости нѣкоторыхъ изъ современныхъ проповѣдниковъ. У Филарета поражаетъ чистота и строгость языка и отсутствіе причастій и дѣепричастій и частаго употребленія слова «который», при чемъ у него въ высшей степени проявляется то, что французы называютъ «la sobriété de la parole», и доведено до виртуозности устраненіе всего излишняго. Онъ самъ опредѣляетъ значеніе живого слова, говоря, что оно можетъ быть *изострено* какъ мечъ — и тогда оно будетъ ранить и убивать — и можетъ быть *измягчено* какъ елей— и тогда оно будетъ врачевать. Его проповѣди исполнены красивыхъ и сжатыхъ образовъ и богаты афоризмами. «*Послушалъ* бы *молчанія* Исакова», говоритъ онъ, упоминая о своемъ несбыточномъ желаніи посѣтить обитель св. Сергія при жизни пре-

подобнаго. «Да благословитъ Богъ, — восклицаетъ онъ, — и слово и молчаніе. Да не будетъ слово праздно и молчаніе безсловесно». Или вотъ еще нѣсколько афоризмовъ: «Видѣть невидимые, но подлинные грѣхи человѣку иногда мѣшаютъ видимыя, но мнимыя добродѣтели. — Язвы друга, наносимыя по братолюбію, достовѣрнѣе, чѣмъ вольныя лобзанія врага. — Изъ глубины въ день можно видѣть звѣзды — это справедливо — только глубина должна быть крута, и чѣмъ глубже человѣкъ въ своемъ смиреніи, тѣмъ яснѣе видитъ онъ небо». Читая Филарета, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ онъ въ сильной и вмѣстѣ сжатой формѣ умѣетъ употребить пріемы уподобленія, повторенія и сравненія, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ началѣ Слова на Рождество: — «Слава Христу Богу, явившемуся въ смиреніи естества нашего, да явитъ намъ образы смиренія. Онъ явился въ вертепѣ, чтобы мы довольны были кельей,—въ ясляхъ, чтобы мы не требовали мягкаго ложа, — въ пеленахъ, чтобы мы любили простую одежду, — въ *несловесіи* младенческомъ, да будемъ яко дѣти простотою и незлобіемъ и да не разрѣшаемъ языка нашего на празднословіе». Образцы истиннаго краснорѣчія находятся и въ Четьихъ-Минеяхъ Макарія. Мученики говорятъ въ нихъ Діоклетіану, Игемонамъ и Префектамъ цѣлыя рѣчи, дышащія вдохновеніемъ и исполненныя красоты сильнаго и содержательнаго слова, чему, конечно, способствуетъ и церковно-славянскій языкъ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать хотя бы на житіе св. Уара, заключающее въ себѣ настоящіе перлы краснорѣчія. Сжатость языка, скупость словъ и рядомъ съ этимъ богатство содержанія, въ нихъ влагаемаго, достойны внимательнаго изученія въ Четьихъ-Минеяхъ. Какъ много говорятъ, напримѣръ, такія выраженія, какъ «тѣсное и прискорбное житіе», — «общій естества человѣческаго смертный долгъ», — «положить человѣка въ сердцѣ своемъ», — «воевать тайнымъ коварствомъ во образѣ правды» и т. д.

О построеніи обвинительныхъ рѣчей мнѣ трудно сказать что-нибудь болѣе полное, содержательное и поучительное, чѣмъ то, что заключается въ замѣчательной книгѣ П. С. Пороховщикова: «Искусство рѣчи на судѣ». Лично о себѣ могу сказать, что никогда

не слѣдовалъ какому-либо общему и предвзятому пріему. Черпая свои доводы изъ житейскаго опыта, психологическаго анализа побужденій и сопоставленія между собою объективныхъ обстоятельствъ дѣла, я начиналъ рѣчи то съ краткаго описанія событія преступленія, то съ оцѣнки бытового значенія преступнаго дѣянія, о которомъ шло дѣло, то съ характеристики главнѣйшихъ личностей въ дѣлѣ, то, наконецъ, съ изложенія шагъ за шагомъ хода тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, результатомъ которыхъ явилось преданіе суду. Желая убѣждать присяжныхъ въ томъ, въ чемъ я самъ былъ убѣжденъ, а не производить на нихъ впечатлѣніе, я старался избѣгать дѣйствовать на ихъ воображеніе и подчасъ видя со стороны присяжныхъ довѣріе и сочувствіе къ тому, что я говорю, сознательно стиралъ слишкомъ рѣзкіе контуры вызываемыхъ мною образовъ, за что подвергался иногда строгой критикѣ прямолинейныхъ обвинителей. Сознаніе нѣкотораго дара слова, который мнѣ данъ судьбою, заставляло меня строго относиться къ себѣ, какъ къ судебному оратору и никогда не забывать предъ лицомъ человѣка, на судьбу котораго я могъ повліять, завѣта Гоголя: «со словомъ надо обращаться честно».

Еще въ юности глубоко врѣзались въ мою память прекрасныя слова Лабулэ: «Avec le pauvre, l'enfant, la femme et le coupable même — la justice doit se défier de ses forces et craindre d'avoir trop raison». Вотъ почему, черезъ тридцать шесть лѣтъ по оставленіи мною прокурорской дѣятельности, я спокойно вспоминаю свой трудъ обвинителя и думаю, что едва ли между *моими* подсудимыми были люди, уносившіе съ собою, будучи поражены судебнымъ приговоромъ, чувство злобы, негодованія или озлобленія противъ меня лично. Въ рѣчахъ моихъ я не могъ, конечно, оправдывать ихъ преступнаго дѣла и раздѣлять взглядъ, по которому tout comprendre—c'est tout pardonner, или безразлично «зрѣть на правыхъ и виновныхъ». Но я старался понять, какъ дошелъ подсудимый до своего злого дѣла, и въ анализъ совершеннаго имъ пути избѣгалъ вносить надменное самодовольство офиціальной безупречности. Я не забывалъ русской поговорки: «чужими грѣхами святъ не будешь», и мнѣ часто приходили

на память глубокія слова Альфонса Карра: «я не могу удержаться,—говоритъ онъ,—отъ упрека нѣкоторымъ судебнымъ ораторамъ въ томъ, что они иногда забираются на нравственную высоту, недоступную для большинства обыкновенныхъ смертныхъ. Мнѣ хочется чувствовать человѣка въ моемъ судьѣ и обвинителѣ и знать, что если высокая добродѣтель и оградила его отъ пропасти, въ которую я упалъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ измѣрилъ взоромъ ея глубину и знаетъ по собственнымъ наблюденіямъ, какъ легко въ нее оступиться. Если бы мнѣ приходилось быть судимымъ ангелами, то я предпочелъ бы быть осужденнымъ заочно». Я всегда находилъ, что на ряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля, вырастаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего *человѣкъ*, имѣющій право на уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Всякое поруганіе послѣдняго есть, неизбѣжно, поруганіе своей собственной души, въ ея высочайшемъ проявленіи — совѣсти. Оно не проходитъ даромъ—и рано или поздно можетъ ожить въ тяжкихъ, гнетущихъ сознаніе, образахъ. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію и нравственнаго закона. Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувство страданія, — вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и *внѣшнюю*, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе, сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ: «tat twam asi!» — *это*

тоже ты, — ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти!

Вотъ почему я не разъ считалъ себя въ правѣ просить присяжныхъ засѣдателей о признаніи подсудимыхъ заслуживающими, по обстоятельствамъ дѣла, снисхожденія. По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ, совершенномъ его племянникомъ, при чемъ мать убійцы Елизавета Штрамъ обвинялась въ укрывательствѣ, я сказалъ о ней въ концѣ своей рѣчи: «Невольная свидѣтельница злодѣянія своего сына, забитая нуждою и жизнью, она сдѣлалась укрывательницей его дѣйствій потому, что не могла найти въ себѣ силы изобличать его... Трепещущія и безсильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія своего сына потому, что сердце матери по праву, данному ему природой, укрывало самого преступника. Поэтому вы, господа присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія». Гдѣ было возможно отыскать въ дѣлѣ проблески совѣсти въ подсудимомъ или указаніе на то, что онъ упалъ нравственно, но не погибъ безповоротно, я всегда подчеркивалъ это передъ присяжными въ такихъ выраженіяхъ, которыя говорили подсудимому, особливо, если онъ былъ еще молодъ, что предъ нимъ еще цѣлая жизнь и что есть время исправиться и честной жизнью загладить и заставить забыть свой поступокъ. Я никогда не сочувствовалъ, однако, той *жестокой чувствительности*, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершонное, а на скамьѣ сидятъ отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно *средою*, *порядкомъ вещей*, *темпераментомъ*, *страстью*, *увлеченіемъ*. Я находилъ, что страсть многое объясняетъ и ничего не оправдываетъ; что никакой политическій строй не можетъ извинить попранія въ себѣ и въ другихъ нравственнаго начала; что излишнее довѣріе, отсутствіе или слабость надзора не уменьшаютъ вины того, кто этимъ пользуется. Увлекаясь чувствительностью въ отношеніи къ виновному, нельзя становиться жестокимъ къ потерпѣвшему, къ пострадавшему—и къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, при-

соединять еще и обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что за это ни кары, ни порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, который грозитъ спасительнымъ страхомъ слабому и колеблющемуся, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія. Но тамъ, гдѣ на ряду со строгимъ словомъ осужденія умѣстно было слово милости и снисхожденія, я ему давалъ звучать въ своей рѣчи. Такое отношеніе къ подсудимымъ по одному дѣлу оставило во мнѣ своеобразныя воспоминанія. Помѣщикъ одной изъ сѣверныхъ губерній, брачная жизнь котораго сложилась неудачно, былъ дружески принятъ въ семьѣ другого мѣстнаго помѣщика, и изливалъ скорбь по поводу своихъ житейскихъ невзгодъ передъ сестрой этого помѣщика, молодой впечатлительной дѣвушкой, только что окончившей воспитаніе въ институтѣ. Она стала его жалѣть, и эта жалость, какъ часто бываетъ у русской женщины, перешла въ любовь, которою и воспользовался сладкорѣчивый неудачникъ. Черезъ нѣкоторое время, замѣтивъ, что она нравится мѣстному энергичному земскому дѣятелю, онъ, пустивъ въ ходъ свое неотразимое на нее вліяніе, уговорилъ ее выйти замужъ, предложивъ себя, съ циничеcкой самоувѣренностью, въ ея посаженые отцы. Бѣдная дѣвушка, внявшая его настойчивымъ совѣтамъ, вскорѣ убѣдилась, что нашла въ мужѣ довѣрчиваго, благороднаго и горячо любящаго человѣка, видящаго въ ней утѣшеніе и поддержку въ своей тревожной, полной борьбы, общественной дѣятельности. Такъ прошло семь лѣтъ, и однажды, когда, вернувшись въ свою усадьбу изъ уѣзднаго города, мужъ сталъ разсказывать про происки и вражду своихъ противниковъ и высказалъ женѣ, какое огромное нравственное значеніе имѣетъ для него непоколебимая вѣра въ ея любовь и чистоту, она почувствовала, что не можетъ и не должна скрывать отъ него истину о своемъ прошломъ, и разсказала ему все. Это запоздалое признаніе ошеломило несчастнаго человѣка, разрушило и осквернило въ его глазахъ счастіе его многихъ лѣтъ и возбудило въ немъ, на почвѣ оскорбленнаго самолюбія, ревность, которая стала питать сама себя болѣзненными представленіями и приводившими его въ ярость подозрѣніями. Заставляя жену почти ежедневно терзать его и терзаться самое

подробнымъ разсказомъ о своемъ «паденіи», онъ, наконецъ, потребовалъ, чтобы она повторила въ лицо своему соблазнителю все то, что разсказала мужу, — и затѣмъ сталъ его преслѣдовать настойчивыми требованіями «сойти со сцены». Посаженый отецъ бѣжалъ за границу, но оскорбленный мужъ, въ сопровожденіи почти обезумѣвшей отъ страданій жены, бросился за нимъ въ погоню, искалъ его по всей Европѣ и, наконецъ, настигъ, вернувшись вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, гдѣ ворвался въ его квартиру и убилъ его ударами кинжала, приказавъ при этомъ женѣ стрѣлять въ него изъ револьвера. Оба были преданы суду— онъ за убійство, она за покушеніе: Обвиняя по этому дѣлу, обратившему на себя особое общественное вниманіе, и изображая на основаніи объективныхъ данныхъ послѣдовательное развитіе преступной рѣшимости у подсудимаго, я не могъ не указать присяжнымъ на глубину душевныхъ страданій, перенесенныхъ имъ, и не обратить ихъ вниманія на несчастную судьбу молодой женщины, не сумѣвшей заглушить въ себѣ вопля совѣсти, уставшей скрывать истину отъ любимаго и достойнаго уваженія человѣка. Присяжные дали ему снисхожденіе, а жену его, потерявшую голову въ поднятой ею бурѣ и ставшую слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своего мужа, оправдали. Она пошла за мужемъ въ ссылку на поселеніе въ Сибирь. Я не терялъ ихъ изъ виду и, когда представился случай, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ управляющаго департаментомъ министерства юстиціи, помогъ облегченію ихъ участи.

Этотъ процессъ былъ долгое время причиной непечатанія мною сборника моихъ судебныхъ рѣчей, такъ какъ безъ него послѣдній былъ бы не полонъ, а мнѣ не хотѣлось давать поводъ случайнымъ читателямъ моей книги растравлять своимъ любопытствомъ, намеками или безтактными вопросами начавшія заживать у подсудимыхъ раны прошлаго. Между тѣмъ изданіе такого сборника представлялось мнѣ необходимымъ, такъ какъ въ прокуратурѣ начинали водворяться нежелательные пріемы, отъ которыхъ я хотѣлъ отвратить примѣрами моей дѣятельности, какъ *говорящаго судьи*. Послѣ долгихъ колебаній я нашелъ исходъ въ томъ, что, печатая отчетъ объ этомъ процессѣ, ни разу

не упомянулъ объ именахъ и фамиліи подсудимыхъ, замѣнивъ ихъ словами «обвиняемый», «обвиняемая», «подсудимый», «подсудимая». Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія «Судебныхъ рѣчей», я получилъ письма отъ моихъ бывшихъ подсудимыхъ, въ которыхъ сквозило чувство признательности за употребленный мною пріемъ умолчанія, и съ тѣхъ поръ между мною и этими прекрасными въ существѣ своемъ людьми установилась переписка. Онъ сообщалъ мнѣ о своихъ взглядахъ на разныя общественныя дѣла и событія, она съ трогательнымъ довѣріемъ писала мнѣ о своей счастливой семейной жизни и дѣтяхъ, горячо принимая къ сердцу мои личныя и общественныя скорби и радости. Нѣсколько лѣтъ назадъ, давно прощенный и принятый на службу, онъ умеръ, пользуясь уваженіемъ окружающихъ, а я и до сихъ поръ нѣсколько разъ въ годъ получаю съ далекаго юга письма отъ нея, исполненныя благоговѣйныхъ воспоминаній о мужѣ и нѣжной тревоги о моемъ пошатнувшемся здоровьѣ... Невольно вспоминаются мнѣ по этому поводу упреки Герцена нашей привычкѣ налѣплять на людей заранѣе сдѣланные ярлыки, изъ-за которыхъ не желаютъ видѣть настоящаго человѣка. Извѣстенъ взглядъ, связанный въ нашемъ обществѣ со словомъ «жандармъ», а между тѣмъ я зналъ въ моей провинціальной жизни жандармскаго генерала Коваленскаго въ Харьковѣ—человѣка исключительной доброты и благородства — и полковника Ларіонова въ Казани, гробъ котораго студенты несли на рукахъ до кладбища. «*Душѣ* все внѣшнее подвластно» — говоритъ Лермонтовъ. Иногда, получая письма, о которыхъ я только что говорилъ, я переношусь въ дни, послѣдовавшіе за судебнымъ засѣданіемъ по этому дѣлу, когда различныя дамы изъ общества удивлялись моему «непозволительно-мягкому» отношенію къ подсудимой и, негодуя на оправдательный приговоръ, находили, что ее-то и слѣдовало наказать особенно строго за ея неумѣстную откровенность. «Кто ее тянулъ за языкъ?» спрашивали меня нѣкоторыя чувствительныя особы съ нескрываемымъ къ ней презрѣніемъ. Я получилъ и нѣсколько открытыхъ анонимныхъ писемъ съ намеками на то, что мое снисходительное къ ней отношеніе, конечно, не чѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено, какъ

влюбчивостью, столь неумѣстною въ прокурорѣ. Такое вольное и невольное непониманіе роли прокурора съ особенной силой проявилось въ нашумѣвшемъ въ свое время дѣлѣ Мясниковыхъ, обвиняемыхъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени разбогатѣвшаго приказчика ихъ отца Бѣляева, коимъ все его очень большое, но запутанное состояніе, заключавшееся въ разныхъ предпріятіяхъ, лѣсныхъ дачахъ, пріискахъ, паяхъ и т. п. было будто бы оставлено имъ своей женѣ, которая не замедлила по договору передать его подсудимымъ за 392 тысячи, чѣмъ были нарушены права законныхъ наслѣдниковъ, очень отдаленныхъ родственниковъ мнимаго завѣщателя.

Отсутствіе здоровой политической жизни въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ сказывалось въ томъ страстномъ отношеніи, которое проявляли различные круги къ процессамъ, выдающимся или по свойству преступленія или по общественному положенію обвиняемыхъ. При всякаго рода стѣснительныхъ и запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ публичнымъ чтеніямъ— сравнительно свободная рѣчь могла быть услышана, за исключеніемъ рѣдкихъ публичныхъ засѣданій ученыхъ обществъ, лишь изъ проповѣднических устъ духовныхъ ораторовъ, на офиціальныхъ торжествахъ и юбилеяхъ и, наконецъ, въ судѣ. Но на духовномъ витійствѣ лежала мертвящая рука, втискивавшая живое слово въ узкія рамки предвзятыхъ и не связанныхъ съ вопросами жизни текстовъ. Этимъ, конечно, объяснялся успѣхъ такихъ ораторствующихъ богослововъ, какъ, напримѣръ, пресловутый лордъ Редстокъ, пріѣзжавшій гастролировать въ Петербургъ. Въ его развязномъ обращеніи съ Евангеліемъ и въ великосвѣтской проповѣди «вѣры безъ дѣлъ» слышалось все-таки независимое слово, и это невольно плѣняло слушателей, давно мучимыхъ духовнымъ голодомъ.

Такъ же мало удовлетворенія доставляли и разныя торжественныя, юбилейныя и застольныя рѣчи. Произносимыя въ узкихъ предѣлахъ даннаго случая, онѣ были проникнуты той условной ложью, которая заставляла звучать изображеніе дѣйствительности «октавой выше», при чемъ иногда самъ юбиляръ или иной «виновникъ торжества» долженъ былъ чувствовать себя

сконфуженнымъ отъ раздутаго превознесенія своихъ скромныхъ заслугъ предъ вѣдомствомъ, отечествомъ и даже человѣчествомъ, въ глубинѣ души, быть-можетъ, вспоминая стихъ Гаммерлинга: «Lasst uns lachen — uber die Grossen — die keine sind!» Къ тому же эти торжества бывали доступны небольшому числу лицъ. Оставались судебныя засѣданія. Здѣсь слово тоже было ограничено конкретными обстоятельствами даннаго дѣла, но оно вырабатывалось въ свободной и наглядной борьбѣ сторонъ, и въ содержаніе его вливалась неподдѣльная, настоящая жизнь съ ея скорбями, паденіями и роковыми осложненіями, при чемъ толкованіе закона открывало путь критикѣ различныхъ общественныхъ отношеній. Поэтому, въ словахъ подсудимыхъ, свидѣтелей, защитниковъ и подчасъ самихъ обвинителей и въ поведеніи публики нерѣдко слышались отголоски отдаленныхъ надеждъ, душевной неудовлетворенности, возмущеннаго чувства или сдержаннаго негодованія на тяжкія условія и обстановку официальной жизни и общественной среды. Какъ ни старался судъ иногда оградить себя отъ внѣшняго міра съ его страстями и упованіями плотиною строгихъ процессуальныхъ правилъ, напоръ бывалъ такъ силенъ, что взволнованная общественная стихія, просачиваясь сквозь послѣднюю, то тутъ, то тамъ прорывала ее и вторгалась въ спокойное отправленіе правосудія. Нашъ новый судъ долгое время былъ единственной отдушиной, въ которую неизбѣжно и неотвратимо вылетали со свистомъ и шумомъ пары повсюду пригнетаемыхъ общественныхъ вожделѣній. Это заставляло при каждомъ выходящемъ изъ ряду дѣлѣ волноваться всѣ тѣ элементы, которые, не будучи призваны судить, приходили, однако, въ соприкосновеніе съ судомъ. Понятно, какую роль при этомъ могла играть и играла ежедневная печать, отражая на себѣ это волненіе. Въ дѣлѣ Мясниковыхъ было нѣсколько поводовъ для возбужденія исключительнаго и болѣзненнаго любопытства публики. Дѣло тянулось четырнадцать лѣтъ, по большей части въ старыхъ судахъ, нѣсколько разъ кончаясь ничѣмъ и снова возникая. А суды эти не безъ основанія внушали обществу подозрительное къ себѣ отношеніе. Обвиняемые были людьми очень богатыми, и ихъ монументальный домъ

на Знаменской улицѣ въ то, еще бѣдное красивыми постройками въ Петербургѣ, время, вѣроятно, не разъ останавливалъ на себѣ завистливое вниманіе проходящихъ. Одинъ изъ Мясниковыхъ былъ адъютантомъ главнаго начальника III Отдѣленія, т.-е. состоялъ въ глазахъ общества въ ближайшемъ распоряженіи той власти, къ которой оно, въ лицѣ многихъ, относилось съ чувствомъ боязливаго и тревожнаго недружелюбія. Вокругъ наслѣдственныхъ правъ безвѣстнаго сарапульскаго мѣщанина Ижболдина, предъявившаго гражданскій искъ о признаніи завѣщанія подложнымъ, образовалась группа далеко не безкорыстныхъ радѣтелей и участниковъ будущаго дѣлежа, коихъ, конечно, лишь съ этой точки зрѣнія интересовало предстоящее «торжество правосудія», къ которому они усиленно и постоянно взывали на довѣрчивыхъ страницахъ мелкой прессы. Все это, вмѣстѣ взятое, создало напряженный интересъ къ дѣлу.

Подсудимые, Александръ и Иванъ Мясниковы, — изъ которыхъ одинъ, старшій, разбитый жестокимъ параличомъ, производилъ, лежа въ длинномъ креслѣ, очень тяжелое впечатлѣніе— виновными себя не признали,—а третій подсудимый, мѣщанинъ Амфилогій Каргановъ, сознавшійся въ поддѣлкѣ подписи Бѣляева на завѣщаніи, — имѣлъ видъ нервно-больного человѣка, очень волновался, съ трудомъ овладѣвалъ нитью разсказа и настойчиво сбивался на повѣствованіе о своей жизни на отдаленномъ заводѣ, гдѣ онъ предавался безпробудному пьянству, обрекаемый на него скукой и разладомъ съ женою, бывшею прежде «близкой знакомою» одного изъ обвиняемыхъ. Предъ судомъ прошло множество разнорѣчивыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторые, особливо со стороны гражданскаго истца, давали показанія съ чрезвычайной страстностью, — а настоящая, по моему мнѣнію, потерпѣвшая Екатерина Бѣляева, женщина уже весьма немолодыхъ лѣтъ, въ свѣтлой шляпкѣ съ розами, горячо и упорно заступалась за подсудимыхъ, считая себя вполнѣ удовлетворенной полученными отъ Мясниковыхъ деньгами. Гдѣ было нужно, она отзывалась ослабленіемъ памяти — и стойко выдержала болѣе чѣмъ двухчасовой перекрестный допросъ, вовсе не представляя изъ себя «трепетной лани», какъ ее называлъ насмѣшливо

повѣренный гражданскаго истца. Судебныя пренія были очень оживленныя и продолжительныя. Кончая свою обвинительную рѣчь, я сказалъ: «Господа присяжные! обвиненіе мое окончено:— я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить передъ вами существенныя обстоятельства этого сложнаго дѣла и тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если я упустилъ что-либо, то дополнитъ это ваша память, въ которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе отъ имени Бѣляева и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ и матеріальномъ его положеніи, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о снисходительномъ отношеніи къ его поступку: онъ виновенъ — и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что въ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи. Это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть-можетъ, молчаливаго, согласія со стороны брата,—онъ не могъ бы составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его безпрекословно приметъ всѣ послѣдствія этого, что при этомъ между ними не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе подготовляется, и не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ преступленія, не напугалъ своими угрозами. Поэтому я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Карганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу чужимъ именемъ, зная, что это дѣлается для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не замѣтить, что Каргановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, умственно и матеріально болѣе, чѣмъ онъ, сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ, и что жизнь его разбита навсегда и

непоправимо. Я прошу васъ поэтому признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ образомъ думаю я, что не будетъ несправедливымъ признать заслуживающимъ снисхожденія и Ивана Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго къ гробу и разбитаго параличомъ, вы, господа присяжные, поймете, подъ вліяніемъ какого чувства я указываю вамъ на возможность этого признанія. Излишне говорить вамъ, что приговоръ вашъ будетъ имѣть большое значеніе. Дѣло это тянется *четырнадцать* лѣтъ, и возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось по отношенію къ нему то въ одну, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противоположнымъ образомъ, разрѣшаемо. Подсудимыхъ признавали то закоренѣлыми преступниками, то жертвами судебнаго ослѣпленія. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ, свободный отъ увлеченій, общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и — или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія по этому дѣлу не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой высшій судъ, — судъ общественной совѣсти. Это — вашъ судъ, господа присяжные. Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ уклониться отъ оправданія ихъ, если вы найдете ихъ невиновными. Произнося вашъ приговоръ, вы или снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній и слуховъ, которое надъ ними тяготѣетъ издавна — или скрѣпите его вашимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ словомъ. Если вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ моими доводами и проникнетесь моимъ убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что передъ судомъ по Судебнымъ Уставамъ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны»...

Присяжные засѣдатели совѣщались пять часовъ, и среди всеобщаго напряженнаго вниманія вынесли рѣшеніе о томъ, что завѣщаніе не подложно, и тѣмъ самымъ произнесли оправ-

дательный приговоръ относительно подсудимыхъ. Приговоръ этотъ былъ понятенъ. Если съ нимъ трудно было согласиться съ точки зрѣнія тяжести и доказательности уликъ, собранныхъ по дѣлу, совокупность которыхъ должна бы привести присяжныхъ къ обвинительному отвѣту, согласному съ логикой фактовъ, то съ другой стороны, съ точки зрѣнія житейской, рѣшеніе присяжныхъ было легко объяснимо. Предъ ними были люди, выстрадавшіе четырнадцать лѣтъ мучительнаго состоянія подъ подозрѣніемъ; одинъ изъ нихъ лежалъ предъ ними безсильный и разрушенный физически, другой — Каргановъ — стоялъ полуразрушенный духовно, собирая послѣднія силы своего мерцающаго ума на защиту своихъ бывшихъ хозяевъ. Если изъ дѣла выяснилось, что путемъ подложнаго завѣщанія Мясниковы завладѣли имуществомъ Бѣляевой, то съ другой стороны было съ несомнѣнностью ясно, что все это имущество было Бѣляевымъ пріобрѣтено отъ Мясниковыхъ, благодаря участію его въ ихъ дѣлахъ. Присяжнымъ было видно, что Бѣляевъ съ преданностью вѣрнаго слуги любилъ сыновей своего стараго хозяина, какъ родныхъ дѣтей, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, какъ видно было изъ клочковъ бумаги, на которыхъ онъ пробовалъ написать проектъ завѣщанія, объ обезпеченіи своей жены, но не выразилъ этого окончательно, вѣроятно, лишь по свойственному многимъ боязливому отвращенію къ составленію завѣщанія. Затѣмъ, въ дѣлѣ не было дѣйствительно *пострадавшаго отъ преступленія* и ввергнутаго въ нищету или тяжелое матеріальное положеніе, такъ какъ та спутница жизни Бѣляева, которой онъ несомнѣнно собирался оставить часть своего имущества, признавала себя совершенно удовлетворенной и обезпеченной сдѣлкой съ Мясниковыми, доказывая своимъ поведеніемъ во время тяжелаго допроса на судѣ, что volenti non fit injuria. Наконецъ, къ этому имуществу тянулись жадныя руки цѣлой компаніи искателей золотого руна, своего рода аргонавтовъ, окружившихъ совершенно чужого для Бѣляева человѣка, ничѣмъ незаслуженное благополучіе которыхъ должно было быть построено, въ случаѣ признанія завѣщанія подложнымъ, на ссылкѣ въ Сибирь трехъ предстоявшихъ передъ судомъ людей. Все это должны были видѣть

и чувствовать присяжные засѣдатели. И они произнесли оправдательный приговоръ, отпустивъ подсудимымъ ихъ вину. Такъ же поступили черезъ полгода и присяжные засѣдатели въ Москвѣ,— куда вслѣдствіе кассаціи, согласно моему протесту, приговора, было перенесено дѣло Мясниковыхъ, — несмотря на крайнія усилія повѣреннаго гражданскихъ истцовъ, подготовлявшаго обвинительный приговоръ статьями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и усиленнымъ разысканіемъ и доставленіемъ въ Москву новыхъ свидѣтелей обвиненія, показаніе одного изъ которыхъ вызвало оригинальный вопросъ присяжнаго засѣдателя: «значитъ вы состоите у мѣщанина Ижболдина на *иждивеніи?*»

Приговоръ петербургскихъ присяжныхъ вызвалъ въ Петербургѣ ропотъ и шумные толки, искусно подогрѣваемые и питаемые матеріальнымъ разочарованіемъ «аргонавтовъ». На судъ посыпались самыя грубыя нареканія и инсинуаціи. Окончаніе моей рѣчи вызвало въ печати ядовитыя выходки. Мнѣ не хотѣли простить того, что я не представилъ изъ себя французскаго обвинителя, видящаго въ оправдательномъ приговорѣ личную для себя обиду. Не только мелкая пресса, но и нѣкоторые болѣе солидные органы — выражавшіе четыре года спустя свое крайнее сожалѣніе по поводу оставленія мною прокуратуры — нападали на меня за слабость обвиненія, а одинъ, имѣвшій крупную извѣстность въ беллетристикѣ, искусный улавливатель общественныхъ настроеній, даже назвалъ въ своемъ фельетонѣ мое обвиненіе защитительною рѣчью. Вообще вокругъ рѣшенія присяжныхъ загорѣлась страстная полемика, вызванная тѣми причинами, лежащими въ общественномъ строѣ, на которыя я указалъ выше. Тогда только что были введены открытыя письма съ исключенною впослѣдствіи надписью, что почтовое управленіе не отвѣчаетъ за содержаніе письма. И я сталъ получать ругательныя письма самаго злобнаго содержанія, при чемъ, судя по стилю, иногда по нѣсколько штукъ ихъ подъ рядъ исходили отъ одного и того же лица, которому, очевидно, доставляло особое удовольствіе дѣлиться своимъ негодованіемъ съ почтальонами и швейцарами. Я былъ молодъ, впечатлителенъ и еще недостаточно «обстрѣлянъ» въ общественной дѣятельности, и вся эта травля противъ меня, суда и присяжныхъ дѣйствовала на меня удручающимъ образомъ.

Но и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я не могу безъ грусти вспомнить о томъ ослѣпленіи, въ которое вводилось по рядовому въ сущности дѣлу общественное мнѣніе. Vivit sub pestore vulnus!— Присяжные засѣдатели, какъ форма суда, составляли одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній для безправнаго и безгласнаго русскаго общества, а въ судѣ шла творческая работа по созиданію согласныхъ съ народнымъ характеромъ и требованіями истиннаго правосудія типовъ судебныхъ дѣятелей — прокурора, защитника и судьи. Мнѣ было тяжко видѣть грубое и въ значительной степени умышленное непониманіе моего участія въ этой работѣ и искаженіе смысла моихъ словъ, въ особенности со стороны тѣхъ, кто, горделиво присваивая себѣ роль руководителей общественнаго мнѣнія, такъ мало заботился о его нравственномъ воспитаніи по отношенію къ святому дѣлу правосудія. Непосредственные результаты этой шумихи и ея практическая безплодность сказались очень скоро. И въ Москвѣ, гдѣ обвиненіе метало громы и молніи въ подсудимыхъ, а гражданскій истецъ ожесточенно копался въ интимныхъ подробностяхъ ихъ жизни, присяжные совѣщались по дѣлу лишь *полчаса*, и вынесли такой же приговоръ, какъ въ Петербургѣ.

Не избѣжала нападеній по этому дѣлу и адвокатура. Противъ К. К. Арсеньева было воздвигнуто цѣлое словесное и печатное гоненіе за то, какъ смѣлъ онъ выступить защитникомъ одного изъ Мясниковыхъ. Были забыты его научныя и литературныя заслуги, благородство его судебныхъ пріемовъ и то этическое направленіе въ адвокатурѣ, котораго онъ, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, былъ виднымъ представителемъ. Люди, знакомые съ дѣломъ лишь по случайнымъ фельетонамъ, сенсаціоннымъ замѣткамъ и заугольному шушуканію «аргонавтовъ», не хотѣли допустить мысли, что онъ могъ быть убѣжденъ въ невиновности обратившагося къ нему подсудимаго, и съ пѣной у рта вопили о полученномъ имъ за свой тяжелый и продолжительный трудъ вполнѣ законномъ вознагражденіи. Быть-можетъ, въ этихъ завистливыхъ нападкахъ лежала одна изъ причинъ того, что вскорѣ русская адвокатура утратила въ своихъ рядахъ такого безупречнаго и чистаго, какъ кристаллъ, дѣятеля.

XI.

Изъ прошлаго петербургской прокуратуры.

Изъ предыдущихъ моихъ воспоминаній о процессахъ Овсянникова, игуменьи Митрофаніи, Колемина и др., производившихся въ Петербургѣ, видно, *какъ* относилась въ мое время прокуратура къ возбужденію уголовныхъ преслѣдованій.

Это возбужденіе, возлагаемое закономъ, по ст. 297 Уст. Угол. Суд. на прокурора, должно слагаться изъ двоякаго рода дѣйствій: изъ *провѣрки* свѣдѣній, дающихъ основаніе и даже обязывающихъ начать уголовное преслѣдованіе, и изъ самого *начатія* преслѣдованія путемъ предложеній о производствѣ слѣдствія, привлеченія обвиняемаго и принятіи противъ него предупредительныхъ отъ побѣга мѣръ. Уголовное преслѣдованіе слишкомъ серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни послѣдующее оправданіе судомъ, ни даже прекращеніе дѣла до преданія суду — очень часто не могутъ изгладить матеріальнаго и нравственнаго вреда, причиненнаго человѣку поспѣшнымъ и неосновательнымъ привлеченіемъ его къ уголовному дѣлу. Знаменитый канцлеръ Дагессо называлъ осужденіе невиновнаго une calamité publique. Такое же *бѣдствіе*, только менѣе громкое, но одинаково тяжелое и далеко не всегда поправимое, вносящее скорбь, смущеніе и боль въ жизнь человѣка и окружающихъ его — составляетъ неправильное привле-

ченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Предвзятость взгляда,—малодушное желаніе «jurare in verba magistri», когда такой magister, въ лицѣ высшаго судебнаго чина, высказываетъ свое мнѣніе о «несомнѣнной» виновности того или другого лица,— и, наконецъ, хмель власти, бросающійся иногда въ молодую и непривычную къ ней голову—все это способствуетъ той поспѣшности въ привлеченіи, о которой не могутъ не пожалѣть всѣ друзья истиннаго правосудія. Отсюда необходимость самой точной провѣрки дошедшихъ до прокурора свѣдѣній о событіи преступленія и объ участіи въ немъ опредѣленнаго лица.

Средствомъ для такой провѣрки служитъ, согласно указаніямъ закона, полицейскій розыскъ и дознаніе, при чемъ производство ихъ можетъ состоять или въ «негласномъ полицейскомъ развѣдываніи» или въ разспросѣ разныхъ лицъ, не облекаемомъ въ строгія формы допроса. Каждый опытный судебный дѣятель знаетъ, какъ часто такая провѣрка обращаетъ суровыя очертанія преступленія въ простой несчастный случай, и какъ удостовѣренная дознаніемъ дѣйствительность опровергаетъ тревожную молву, разбиваетъ подозрѣнія и рисуетъ событіе въ его настоящемъ, иногда даже нѣсколько комическомъ видѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, на полуразгруженной дровяной баркѣ, стоявшей на Фонтанкѣ, обнаружены были случайно кости запястья человѣческихъ рукъ, завернутыя въ бумагу, носившую слѣды крови. Для мѣстныхъ властей было очевидно, что тутъ скрыты слѣды или убійства, — при чемъ члены лишеннаго жизни умышленно разбрасывались въ разныхъ мѣстахъ, чтобы затруднить открытіе преступленія, — или, по крайней мѣрѣ, какого-то звѣрскаго изувѣченія. Извѣстіе о страшной находкѣ проникло въ мелкую прессу, — и «пошла писать губернія». Прежде, однако, чѣмъ предлагать слѣдователю о производствѣ слѣдствія на основаніи составленнаго полиціей протокола, я поручилъ мѣстному товарищу прокурора произвести личное дознаніе — и что же оказалось?! — Онъ обратился къ профессору Ландцерту, и тотъ объяснилъ, что это дѣйствительно кости ступней и запястья, но только не человѣка, а небольшого медвѣдя, а дальнѣйшее дознаніе выяснило, что кости были выброшены изъ близлежа-

щаго магазина скорняка, приготовлявшаго мѣховую подстилку изъ шкуры только что убитаго на охотѣ медвѣдя...

Надо замѣтить, однако, что полицейскіе чины, отвлеченные обыкновенно отъ порученій судебнаго свойства массою дѣла по наружной полиціи, не всегда имѣли время и надлежащій навыкъ для успѣшнаго производства дознаній по серьезнымъ, въ смыслѣ сложности и тонкости уликъ, дѣламъ, а иногда бывали и подъ вліяніемъ предвзятыхъ или рекомендованныхъ имъ взглядовъ. Достаточно указать изъ дѣлъ, въ которыхъ я выступалъ обвинителемъ, хотя бы на то, что по собраннымъ полиціей свѣдѣніямъ — поджогъ Овсянниковской милліонной мельницы представлялся простою печальною случайностью, которой мѣсто въ «дневникѣ приключеній», и что утопленная самымъ жестокимъ образомъ своимъ мужемъ въ Ждановкѣ жена служителя номерныхъ бань Емельянова — утонула по собственной оплошности. Поэтому приходилось прибѣгать въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ производству дознаній лично или чрезъ своихъ товарищей. Не говоря уже о блестящемъ дознаніи, произведенномъ А. А. Марковымъ по дѣлу о поджогѣ Овсянниковымъ своей мельницы, не могу не вспомнить о порученныхъ мною товарищамъ моимъ — Кесселю и Гогелю — дознаніяхъ по поводу распространившихся въ обществѣ слуховъ (оказавшихся ложными) о погребеніи мнимо-умершей баронессы Ф., по которому возникло обвиненіе въ отсутствіи обращенія надлежащаго со стороны читальщика и сторожа церкви въ Сергіевой пустыни вниманія на раздававшіеся изъ запаяннаго гроба стоны, — и о камеръ-юнкерѣ Ф., задавившемъ въ Петергофѣ, во время непомѣрно быстрой ѣзды, дѣвочку и успѣвшемъ ускакать, пользуясь растерянностью свидѣтелей несчастія.

Мнѣ лично пришлось не разъ производить такія же дознанія. Изъ нихъ мнѣ памятны особенно три: о смотрителѣ Литовскаго замка, маіорѣ Н., подговаривавшемъ, по заявленію двухъ арестантовъ, нѣкоторыхъ изъ содержащихся въ замкѣ нанести побои товарищу прокурора Ш., завѣдывавшему арестантскою частью; о самоубійствѣ мѣщанки Р. и о цѣлой компаніи шантажистовъ. Въ *первомъ* случаѣ личное дознаніе было необходимо, чтобы

безпристрастною рукою закрѣпить данныя, при краснорѣчивой наличности которыхъ начальству предпріимчиваго маіора не оставалось бы ничего другого, какъ предать его суду. Во *второмъ* — дѣло шло о несчастной женщинѣ, бывшей въ связи съ однимъ изъ титулованныхъ представителей «золотой молодежи» и покинутой имъ съ выдачею, на черный день, векселя. Когда она, подвигнутая нуждою, заявила ему, что предъявитъ вексель ко взысканію, онъ обратился, съ обвиненіемъ ея въ шантажѣ, въ учрежденіе, когда-то основанное, по мысли императора Николая Павловича, «для утиранія слезъ» страждущимъ, но вскорѣ поставившее себѣ другія цѣли. Для «выясненія обстоятельствъ» былъ командированъ очень представительный и сладкорѣчивый видный чиновникъ, вызывавшій «шантажистку» въ зданіе у Цѣпного моста въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ и ежедневно державшій ее въ страхѣ и томительномъ ожиданіи своихъ уговоровъ «бросить это дѣло» по нѣсколько часовъ къ ряду. Она возвращалась домой голодная, истомленная и въ ужасѣ предъ тѣмъ, «что день грядущій ей готовитъ». Наконецъ, взвинченные нервы ея не выдержали, и она наложила на себя руки, оставивъ письмо на имя своей «жертвы» съ укорами ему за то, что вслѣдствіе его заявленій она была подвергнута такимъ испытаніямъ. Необходимо было и въ этомъ случаѣ, по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и въ предыдущемъ, произвести, внѣ всякихъ вліяній, личное дознаніе, съ разспросомъ разнородныхъ свидѣтелей прежде, чѣмъ на нихъ могло быть оказано давленіе. Узнавъ, что мною не только начато, но и продолжается дознаніе, за которымъ вырисовывается на горизонтѣ обвиненіе въ злоупотребленіи властью, побудившемъ къ самоубійству, сладкорѣчивый «уговариватель» сталъ являться въ мою камеру и осаждать меня настойчивыми просьбами выслушать его объясненія. Я это исполнилъ, но — грѣшный человѣкъ! — заставивъ его въ нѣкоторой мѣрѣ испытать на себѣ тѣ часы томительнаго ожиданія, на которые онъ такъ щедро обрекъ несчастную самоубійцу.

Третій случай представляетъ своеобразный интересъ. Уже и тогда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ, конечно,

въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ теперь, былъ распространенъ тотъ противоестественный порокъ, который въ послѣднее время, найдя себѣ яко бы научныхъ защитниковъ и апологетовъ, въ родѣ профессора Аллетрино, распустился пышнымъ махровымъ, ядовитымъ цвѣткомъ въ Берлинѣ, гдѣ «урнинги» (спеціальное названіе этихъ господъ) устраиваютъ свои балы и маскарады, имѣютъ свой клубъ и, по временамъ, всплываютъ во всей красѣ своего порочнаго недуга въ громкихъ процессахъ, какъ, напримѣръ, графа Эйленбурга и другихъ. Хотя теперь въ литературѣ по уголовному праву и проводится нѣкоторыми мысль о ненаказуемости этого порока, какъ извращенія, вложеннаго въ иные организмы самою природой, но нашъ законъ еще грозитъ строгими карами свободному упраженію въ этихъ утонченностяхъ. Онъ безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду, что обыкновенно удовлетвореніе порочныхъ наклонностей направляется съ жадностью прозелитизма на болѣе или менѣе беззащитныхъ, вслѣдствіе ихъ возраста, неразвитія, бѣдности или психопатической организаціи. Ограждая послѣднихъ, законъ не можетъ допускать, чтобы порокъ выступалъ, со всѣми своими матеріальными соблазнами, явно и съ гордо поднятымъ челомъ. Тамъ, гдѣ понятіе о *грѣхѣ* утратило свою силу, гдѣ исчезаетъ изъ общественнаго оборота понятіе о *стыдѣ*, единственной защитой общественной нравственности — является *страхъ* наказанія. Оно, это наказаніе, можетъ быть слабо и, по человѣчеству, снисходительно, но оно должно существовать, доказывая, что вопросы общественной нравственности не безразличны для государства, исполняющаго свое культурное назначеніе. Этотъ страхъ наказанія и связаннаго съ нимъ позора можетъ однако являться средствомъ для шантажа, и это обязываетъ судебную власть къ особой осторожности во всѣхъ случаяхъ, когда имѣется на лицо обвиненіе въ склоненіи кого-либо къ этому пороку. Такой именно случай и былъ въ моей практикѣ. Градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ прислалъ мнѣ въ февралѣ 1875 три протокола, составленные сыскною полиціей по заявленію пяти лицъ о любодѣйныхъ предложеніяхъ имъ со стороны людей, занимавшихъ различные служебные посты въ провинціи и временно проживавшихъ въ Петербургѣ. Каждое такое заявле-

ніе опиралось на свидѣтельскія показанія. Разсматривая внимательно эти разновременно составленные протоколы, я замѣтилъ, что обвинители и свидѣтели все одни и тѣ же лица, лишь мѣняющіяся, въ разныхъ комбинаціяхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ одномъ заявленіи о сдѣланномъ ему предложеніи и о сопровождавшихъ таковое дѣйствіяхъ обиженнымъ являлся сынъ коллежскаго регистратора Михайловъ, а свидѣтелями — мѣщанинъ Мироновъ, солдатскій сынъ Процекъ, лифляндецъ Андерсонъ и шведскій подданный Норбергъ; въ другомъ — негодующее заявленіе исходило отъ Процека, а Михайловъ и другіе были свидѣтелями, — въ третьемъ заступникомъ за свою оскорбленную стыдливость выступалъ Андерсонъ, а свидѣтелями были Процекъ и остальные и т. д.

Я вызвалъ къ себѣ этихъ «потерпѣвшихъ» для личнаго съ ними ознакомленія, и увидѣлъ молодыхъ людей, очевидно уже прошедшихъ «огонь, воду и мѣдныя трубы», съ наглыми лицами, «безпокойною ласковостью взгляда», развязными ухватками и въ очень странныхъ костюмахъ. На 17-лѣтнемъ Михайловѣ, заявившемъ, что онъ *кончилъ* гимназію, т. - е. — прибавилъ онъ — вышелъ изъ второго класса, служилъ писаремъ, состоялъ «по домовой конторѣ» и ничѣмъ опредѣленнымъ не занимается, была яркая канаусовая рубашка, съ очень низко вырѣзаннымъ воротомъ, подпоясанная серебрянымъ шнуркомъ, плисовые истертые шаровары и сапоги съ красными отворотами, — на 19-лѣтнемъ Мироновѣ, по занятіямъ пѣвчемъ и бывшемъ лакеѣ у гробовыхъ дѣлъ мастера, былъ старый сюртукъ, изъ котораго онъ давно выросъ, съ таліей на груди и рукавами, кончающимися немного ниже локтя, и длинная, не по росту, бархатная жилетка. Они путались въ объясненіяхъ, постоянно ссылаясь другъ на друга и не приготовясь подтвердить эти ссылки — и сходились лишь въ томъ, что постоянно пребываютъ въ верхней галлереѣ (тогда такая существовала) Пассажа, въ билльярдной тамъ же, и при входѣ въ циркъ — и что всѣ они отлично выпили и вкусно поужинали въ дорогомъ ресторанѣ Дюссо, подписавъ, вмѣсто уплаты, счетъ именемъ одного изъ «обидчиковъ», оставивъ при этомъ въ удостовѣреніе личности распорядителя обѣда, его офиціальную ви-

зитную карточку, взятую вмѣстѣ съ деньгами изъ бумажника, «оброненнаго» имъ, когда онъ дѣлалъ недостойныя предложенія. Я пригласилъ и злополучныхъ провинціаловъ, желавшихъ испить изъ чаши удовольствій Петербурга, посѣщая циркъ и Пассажъ, — и тамъ попадавшихъ на удочку этой темной компаніи. Оказалось, что отдѣльные члены этой шайки то просили имъ, юнымъ и неимущимъ, подарить билетъ для входа въ циркъ, то умоляли посѣтить тяжко больную мать, то взывали о помощи для уплаты въ училище, изъ котораго исключены за неплатежъ, то, заведя разговоръ въ качествѣ сосѣдей по мѣсту въ театрѣ или въ конкѣ, приглашали къ себѣ, обѣщая познакомить съ интересной и ласковой къ пріѣзжимъ дамой — и везли въ сыскное отдѣленіе или въ домъ, гдѣ помѣщаются бани или номера — и тамъ или просто на улицѣ подымали скандалъ на почвѣ своего оскорбленнаго цѣломудрія, требуя денегъ за безчестье и пользуясь оторопѣлостью своего новаго знакомаго для похищенія у него разныхъ цѣнныхъ вещей. При отказѣ или малой готовности растерявшагося и легковѣрнаго «благотворителя», они призывали полицію и составлялся протоколъ, заставлявшій послѣдняго терять голову, умолять о прекращеніи этого срама и т. д. Наиболѣе типичный изъ этихъ случаевъ былъ даже не съ провинціаломъ, а съ пользовавшимся общимъ уваженіемъ, весьма пожилымъ столичнымъ почетнымъ мировымъ судьею, который, направляясь на Михайловскую площадь, въ сельско-хозяйственный клубъ, былъ при проходѣ чрезъ роковой Пассажъ остановленъ молодымъ человѣкомъ (Процекомъ), просившимъ помощи для умирающей отъ злой чахотки матери. Они вышли на Итальянскую, и здѣсь судья далъ просителю три рубля. «Что это? — спросилъ тотъ нахально и вызывающе мѣняя тонъ. — Развѣ мнѣ три рубля слѣдуетъ? ахъ ты, старый песъ! такія гадости предлагаешь, да тремя рублями думаешь отдѣлаться! *пятьдесятъ!* и сію же минуту! — Что? да вы съ ума сошли! — А! ты такъ... эй!» — и съ противоположнаго тротуара явился другой молодой человѣкъ. «Ты слышалъ, что этотъ, старый чортъ, предлагалъ?—Да! конечно...—Ну видишь—плати сейчасъ с... с... — Да вы оба съ ума сошли! Я позову полицію! — А! полицію...

господинъ городовой! господинъ городовой! — пожалуйте сюда: вотъ этотъ господинъ и т. д.»... Начала собираться толпа. Городовой сказалъ старику: «пожалуйте въ участокъ: тамъ разберутъ»... И повелъ всѣхъ трехъ въ участокъ, въ сопровожденіи любопытныхъ. «Дай десять рублей, отпущу», вполголоса сказалъ несчастный сынъ умирающей матери. «Я ничего ему не отвѣтилъ, — объяснялъ мнѣ мировой судья, — въ глазахъ у меня ходили какіе-то зеленые круги, ноги подгибались, въ ушахъ звенѣло одно слово: — позоръ! позоръ! — а въ головѣ, когда я думалъ о семьѣ и о товарищахъ, мелькала мысль о самоубійствѣ. Такъ мы подошли къ участку. «Ну, давай хоть три рубля, чортъ съ тобой». — Я молчалъ. Мы стали подниматься на лѣстницу. «Пожалуйте хоть рубликъ!» Я отрицательно качнулъ головой, чувствуя, что готовъ зарыдать отъ этого дерзкаго надъ собой глумленія... Заявитель свистнулъ, и черезъ мигъ ни его, ни свидѣтеля около меня не было. «Идите съ Богомъ домой, господинъ», сказалъ флегматично городовой и пошелъ на свой постъ, а я сѣлъ на подоконникъ, внезапно ослабѣвъ и чувствуя, что теряю сознаніе...»

Къ концу дознанія картина организованнаго и смѣло осуществляемаго шантажа стала для меня настолько ясной, что я рѣшилъ вывернуть, такъ сказать, наизнанку сообщеніе градоначальника, обративъ обвинителей въ обвиняемыхъ — и предложилъ судебному слѣдователю приступить къ слѣдствію о мошенничествѣ и кражахъ этихъ «изъ молодыхъ да раннихъ» вымогателей, вѣроятно, къ немалому удивленію чиновъ сыскной полиціи, имя одного изъ которыхъ мелькало въ объясненіяхъ, данныхъ при дознаніи. Судебная Палата раздѣлила мой взглядъ, а присяжные признали всѣхъ ихъ виновными и даже не нашли ихъ заслуживающими снисхожденія.

Нужно ли говорить, какъ были необходимы именно личныя прокурорскія дознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны беззащитность дѣтей или безпомощность больныхъ лишала ихъ возможности принести жалобу и заставляла молча страдать отъ жестокаго или бездушнаго обращенія, а съ другой неосновательное или непродуманное вмѣшательство судебной власти

въ сокровенныя стороны семейной жизни могло лишь безплодно осложнить и усугубить тяжесть сложившагося для страждущей стороны положенія. Сколько трагическихъ признаній, горькихъ слезъ, безысходнаго горя и мрачныхъ картинъ семейной жизни и такъ называемаго «супружескаго счастія» видѣли и слышали стѣны моего прокурорскаго кабинета! Сколько разъ приходилось, начавъ дознаніе въ виду *возможности* будущаго слѣдствія, оставлять его безъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе сознанной *одними* своей неправильности и жестокости, а *другими* выраженной готовности простить и забыть! Какъ нерѣдко грозное quos ego! обращалось въ успокоенное за обѣ стороны «миръ вамъ!»...

Вообще, при возбужденіи уголовныхъ преслѣдованій, и я и товарищи мои держались строгой разборчивости въ оцѣнкѣ имѣвшихся данныхъ, не увлекаясь видимою, внѣшней убѣдительностью ихъ случайнаго иногда сцѣпленія между собою. Я помню лишь одинъ случай, когда пришлось пожалѣть о необдуманной поспѣшности одного изъ моихъ неудачныхъ товарищей, московскаго барича съ громкимъ именемъ, болѣзненное самолюбіе и обидчивость котораго были обратно пропорціональны его скуднымъ способностямъ и дѣловой неуравновѣшенности. Однажды, рано утромъ, онъ явился ко мнѣ, нервно возбужденный и, повидимому очень довольный собой. «Я провелъ всю ночь на слѣдствіи,—заявилъ онъ мнѣ,—такъ какъ на-дняхъ получилъ анонимное письмо о томъ, что чиновникъ Т. живетъ со своей сестрой, а становой приставъ, на мое требованіе, донесъ мнѣ, что «поговариваютъ». Считая, что въ такихъ дѣлахъ надо дѣйствовать быстро, я далъ предложеніе слѣдователю, и сегодня ночью мы туда, уже за городомъ, въ уединенно стоящую хибарку налетѣли и...— Застали ихъ in flagranti? спросилъ я. — Н-нѣтъ, — но при нихъ живутъ дѣти, — одинъ даже трехмѣсячный, и эта женщина предерзко заявила, что дѣти ея незаконныя, и такими въ метрикахъ записаны, а отъ кого они — она никому говорить не обязана. Это какая-то фурія! представьте, сначала она рыдала, прощаясь съ дѣтьми — мы ее отправили въ Литовскій замокъ — а потомъ схватила грудного и хотѣла разбить ему голову объ стѣну, — насилу вырвали. — Есть свидѣтели ихъ связи, оче-

видцы? — Нѣтъ! — Что же говоритъ онъ? — Да его мнѣ, признаться, жаль, — тихій такой, скромный, жалкій, — онъ служитъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Сенатѣ... Я, впрочемъ, уже написалъ оберъ-прокурору о его привлеченіи и его, вѣроятно, сегодня же уволятъ. Такъ онъ объяснилъ, что его сестра, по окончаніи курса въ институтѣ, поѣхала жить къ отцу, вдовцу-помѣщику, а у того дома цѣлый гаремъ, и ее всячески унижали и преслѣдовали. Однажды, когда отцу показалось, что она за обѣдомъ непочтительно отвѣтила его «барской барынѣ», онъ облилъ ее супомъ и надѣлъ ей миску на голову. Она ночью бѣжала и кое-какъ добралась до Петербурга, гдѣ служилъ, еще раньше выгнанный изъ дому за непочтеніе, братъ ея. Онъ ее пріютилъ, а отъ кого у нея дѣти — онъ не знаетъ и ее не спрашивалъ. Бѣдность у нихъ ужасная... — И это все, чѣмъ вы располагали, привлекая ихъ, какъ обвиняемыхъ?.. — Н-да — все!» — Мнѣ пришлось сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы, не выдавая своего негодованія, объяснить этому представителю усердія не по разуму всю неумѣстную поспѣшность его дѣйствій, которыя онъ, повидимому, считалъ достойными особой похвалы. Но дѣло уже было сдѣлано, гнѣздо двухъ гонимыхъ судьбою несчастливцевъ разворочено и разорено, они осрамлены, упрятаны въ тюрьму, а дѣти, дѣти — брошены на произволъ судьбы... Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, по приведенному уже мною прекрасному выраженію Лабулэ, la justice doit se défier de ses forces et craindre d'avoir trop raison... Пришлось писать оберъ-прокурору, прося не увольнять Т. до разсмотрѣнія Судебной Палатой вопроса о преданіи его суду — и разсказать все дѣло министру юстиціи. Супруга его, графиня Паленъ, приняла участіе въ злополучной женщинѣ и посѣтила ее въ Литовскомъ замкѣ, найдя ее въ состояніи отчаянія, доходящаго до изступленія. У нея пропало молоко, и товарищи прокурора, въ маленькую складчину, купили козу, которая, ради питанія младенца, также была подвергнута тюремному заключенію. Судебная Палата прекратила слѣдствіе за недостаткомъ уликъ.

Меня лично укрѣпляло въ моей осторожности въ пользованіи правомъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, кромѣ уже при-

веденныхъ соображеній, еще одно особое воспоминаніе. Въ 1867 году въ Харьковъ при введеніи судебной реформы были назначены товарищами прокурора я и мой покойный другъ съ университетской скамьи, сынъ извѣстнаго московскаго профессора Сергѣй Ѳедоровичъ Морошкинъ. Насъ связывали неизмѣнно всю жизнь, до его смерти въ 1900 году, несмотря на разность нашихъ темпераментовъ, самыя теплыя душевныя отношенія. Мы наняли общую квартиру, куда должна была, оправясь отъ недавнихъ родовъ, вскорѣ пріѣхать изъ Москвы жена Морошкина. Поселившись въ Харьковѣ нѣсколько ранѣе меня (я былъ сначала назначенъ въ Сумы), Морошкинъ, къ моему пріѣзду, уже успѣлъ рѣзко разойтись съ прокуроромъ суда, узкимъ и бездарнымъ человѣкомъ, относившимся съ затаенной завистью къ «московскимъ Демосѳенамъ», какъ онъ насъ называлъ. Мы изучали вмѣстѣ Судебные Уставы, но часто расходились во взглядахъ на нѣкоторыя статьи и много, и горячо спорили, что обыкновенно привлекало особое вниманіе нашего общаго слуги, глупаго и чрезвычайно любопытнаго отставного улана, который даже спросилъ меня однажды — за что мы съ бариномъ все бранимся! — Получивъ извѣстіе, что жена выѣзжаетъ въ Харьковъ, мой другъ собрался къ ней навстрѣчу. Какъ разъ въ день, предназначенный имъ для выѣзда—тогда до Тулы изъ Харькова надо было ѣхать на лошадяхъ, — мы утромъ живо и громко поспорили, какъ сейчасъ помню, объ обязательности для слѣдователя вторичныхъ предложеній прокурора по одному и тому же предмету, а затѣмъ я хотѣлъ разставлять на полкахъ шкафа, при помощи нашего Емельяна, мою маленькую библіотеку, но Морошкинъ, одержимый лихорадкой отъѣзда, потребовалъ, чтобы онъ шелъ немедленно за разными покупками, и, взявъ его шутя за плечи со словами: «иди! иди!» вывелъ его за дверь въ передней и заперъ ее за нимъ. Мы остались одни. «А ты заявилъ прокурору о своемъ отъѣздѣ или взялъ кратковременный отпускъ? — спросилъ я. — Ну вотъ еще! пойду я къ нему спрашиваться,—отвѣчалъ онъ,— а вотъ что: — надо взять револьверъ въ дорогу, — дай мнѣ, пожалуйста, твой, — мой вѣдь ты самъ называешь игрушечнымъ» — и онъ шутя привѣсилъ къ поясу свою маленькую кобуру съ ре-

вольверомъ Лефоше, который служилъ болѣе для украшенія, чѣмъ для устрашенія. Я подалъ ему свой чрезъ раздѣлявшій насъ ломберный столъ, предупредивъ, что пистолетъ заряженъ. Онъ попробовалъ вдвинуть его въ кобуру и не замѣтилъ, какъ при этомъ взвелся курокъ. Но я это ясно видѣлъ и только что хотѣлъ предупредить его, какъ онъ со словами: «нѣтъ! не входить!» приподнялъ револьверъ, чтобы возвратить мнѣ, но гладкая костяная ручка выскользнула у него изъ пальцевъ, и револьверъ полетѣлъ на полъ, ударившись о край стола. Раздался выстрѣлъ, что-то меня какъ будто тронуло за лѣвый бокъ — и удушливый дымъ наполнилъ комнату. Сквозь него я увидѣлъ искаженное ужасомъ лицо Морошкина. Блѣдный, какъ полотно, онъ бросился ко мнѣ.—«Ты живъ?! живъ?!» едва могъ онъ пролепетать. Когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что у моего домашняго сюртука съ лѣвой стороны какъ будто вырѣзана полоска сукна, а большая коническая пуля глубоко ушла въ стѣну сзади меня. Морошкинъ долго не могъ успокоиться и понять, какъ произошелъ выстрѣлъ, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относясь къ моему разсказу о видѣнномъ самолично и думая, что это я говорю, чтобы оправдать ту неосторожность, въ которой онъ себя обвинялъ. «Послушай,—сказалъ я ему, невольно задумавшись надъ происшедшимъ,—а нѣтъ ли въ этомъ случаѣ, такъ счастливо окончившемся для насъ обоихъ, особаго смысла? Намъ предстоитъ прокурорская дѣятельность, — придется возбуждать уголовныя преслѣдованія, поддерживать обвиненія на судѣ. Какъ важно здѣсь избѣжать ошибокъ, увлеченій, односторонности! — какъ легко поддаться общему впечатлѣнію, не разбирая частностей, или, наоборотъ, сдѣлать изъ частностей поспѣшный выводъ,—какъ соблазнительно, сказавъ себѣ: *вотъ* преступленіе и *вотъ* виновникъ, начать притягивать къ этому, не замѣчая логическихъ скачковъ, отдѣльныя данныя дѣла... Представь себѣ, что пуля прошла бы немного лѣвѣе. Она, по тому положенію, въ которомъ я стоялъ, могла попасть въ сердце и убить меня на мѣстѣ. Ты самъ послалъ бы или даже побѣжалъ, въ виду отсутствія Емельяна, за полиціей. Явилась бы она и судебный слѣдователь. — «Вы говорите, что это несчастный случай, но объясните, какъ же онъ произошелъ?

Не знаю, не понимаю...—Вы взвели курокъ?—тронули собачку?—Нѣтъ. — И пистолетъ самъ выстрѣлилъ? — Да! самъ. — Это вашъ револьверъ?—Нѣтъ, убитаго... Почему же онъ былъ у васъ, а не у него? — Я уѣзжалъ и хотѣлъ его взять въ дорогу. — А у васъ былъ свой револьверъ?—Да былъ, вотъ этотъ, маленькій... А вы получили отпускъ? заявили прокурору объ отъѣздѣ? вы вѣдь уѣзжали на нѣсколько дней... Нѣтъ, не заявлялъ.—Но кто-нибудь зналъ о вашемъ предполагаемомъ отъѣздѣ, напримѣръ, ваша супруга?—Нѣтъ, она не знала, я хотѣлъ ей доставить нечаянную радость встрѣчи»... Обращаются къ Емельяну. «Что жъ,—скажетъ онъ, вѣроятно, — господа были хорошіе, только промежъ себя, бывало, бранятся, когда по-русски, а когда, если видятъ, что слушаешь, такъ не по-нашему. И въ этотъ день съ утра страсть какъ бранились — все книжку какую-то смотрѣли, повернутъ страничку и давай спорить; потомъ убитый баринъ хотѣлъ со мной книги разставлять, а другой говоритъ: — иди, иди за покупками, взялъ меня за руку и вывелъ за дверь передней, да и дверь заперъ»... Спрашиваютъ экспертовъ-оружейниковъ, и тѣ, конечно, говорятъ, что пистолетъ, если не взведенъ курокъ и не тронута собачка — самъ выстрѣлить не можетъ. Мало-по-малу у слѣдователя являются вполнѣ понятныя; сначала отрывочныя мысли: люди новые здѣсь, ихъ взаимныя отношенія неизвѣстны;— жили вмѣстѣ, но при совмѣстной жизни и затаенная вражда развивается сильнѣе; — выстрѣлъ почти въ упоръ, прямо въ сердце, — не могъ же револьверъ самъ выстрѣлить; — револьверовъ два — одинъ боевой, сильный, принадлежалъ убитому, но зачѣмъ-то онъ въ рукахъ у стрѣлявшаго; — хотѣлъ уѣзжать, однако, гдѣ доказательства этого? — выстрѣлъ въ пустой квартирѣ, откуда настойчиво удаленъ единственный свидѣтель; — утромъ какіе-то раздраженные разговоры; — ужъ не умышленное ли убійство здѣсь, или не американская ли дуэль, прикрываемая довольно неискуснымъ разсказомъ о несчастной случайности?.. и т. д. On va vite dans ce chemin! И вотъ, въ одинъ прекрасный день, этотъ слѣдователь или одинъ изъ замѣнившихъ тебя и меня товарищей прокурора, можетъ-быть, и самъ, столь ненавистный тебѣ, прокуроръ (вѣдь на дѣло было бы обращено исклю-

чительное вниманіе Министерства Юстиціи и печати, а въ мѣстномъ обществѣ толкамъ и цѣлымъ легендамъ не было бы конца) сказалъ бы тебѣ: «послушайте, *господинъ* Морошкинъ, вы вѣдь занимали должность, требующую знакомства съ уложеніемъ о наказаніяхъ, и мнѣ излишне вамъ напоминать, что собственное сознаніе всегда служитъ смягчающимъ обстоятельствомъ, не исключающимъ даже и полнаго оправданія, особливо если потерпѣвшій самъ вызвалъ въ обвиняемомъ раздраженіе своими дѣйствіями. Конечно, это тяжело, но не думаете ли вы, что человѣкъ, готовившійся служить правосудію, выкажетъ уваженіе къ этому правосудію, дѣйствуя откровенно и не вступая съ нимъ, посредствомъ неправдоподобныхъ объясненій, въ борьбу, которая, къ сожалѣнію, не можетъ окончиться въ его пользу? Что если бы... подумайте-ка... Намъ больно вамъ сказать, но не скроемъ, что мы во всякомъ случаѣ, въ виду данныхъ слѣдствія, вынуждены привлечь васъ въ качествѣ обвиняемаго... и лишить васъ свободы!» — Случай этотъ произвелъ на Морошкина сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ хранилъ всю жизнь пулю, съ трудомъ вытащенную изъ стѣны, и мы оба смотрѣли на происшедшее, какъ на таинственное предупрежденіе намъ обоимъ на порогѣ нашей обвинительной дѣятельности...

Былъ, однако, случай въ моей практикѣ, когда я сознательно поспѣшилъ съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія и даже вызвалъ этимъ опредѣленіе Правительствующаго Сената о передачѣ допущенныхъ мною отступленій отъ закона на усмотрѣніе Министра Юстиціи. 20 октября 1874 года я получалъ телеграмму, въ которой предсѣдатель лужскаго уѣзднаго земскаго собранія, отъ имени собранія, извѣщалъ меня, что предсѣдатель уѣздной управы Анненскій, — о преступныхъ дѣяніяхъ котораго по должности мирового посредника мною была возбуждена еще за годъ предъ этимъ переписка съ губернаторомъ, — уличенный ревизіонною комиссіею въ растратѣ и присвоеніи свыше 14 тысячъ рублей земскихъ денегъ, скрылся изъ Луги. Вслѣдъ затѣмъ, по опредѣленію того же собранія, были мнѣ присланы и протоколы ревизіи, подтверждающіе содержаніе телеграммы, а начальникъ сыскной полиціи Путилинъ увѣдомилъ меня,

что Анненскій проживаетъ безъ прописки въ Петербургѣ и, судя по его дѣйствіямъ — выходу изъ дому лишь съ наступленіемъ сумерокъ и размѣну кредитныхъ билетовъ на золото,—собирается скрыться за границу. На основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ передача на распоряженіе судебной власти дѣйствій предсѣдателя управы дѣлается по постановленію губернскаго земскаго собранія. Но такое собраніе должно было состояться лишь въ половинѣ декабря. Поэтому мнѣ предстояло—или оставить сообщенія уѣзднаго земскаго собранія безъ послѣдствій и пребывать молчаливымъ и равнодушнымъ зрителемъ обнаруженнаго у меня на глазахъ расхищенія земскихъ денегъ — или дѣйствовать энергично, имѣя въ виду, что рѣшеніемъ Сената по дѣлу Пересыпкина было разъяснено, что возбужденіе слѣдствія помимо начальства обвиняемаго въ случаяхъ, гдѣ по закону производство слѣдствія неизбѣжно (ст. 1089 Уст. Уг. Суд.), не составляетъ нарушенія правъ начальства, такъ какъ предварительное слѣдствіе не предрѣшаетъ вопроса о виновности, а лишь служитъ къ разъясненію дѣла. Я избралъ второй путь и предложилъ судебному слѣдователю Бѣлявскому (впослѣдствіи вице-директору таможеннаго департамента) привлечь Анненскаго, который немедленно сознался въ растратѣ и подлогахъ, возвративъ значительную часть произведеннаго на него начета — и былъ, согласно постановленію губернскаго земскаго собранія, преданъ первымъ департаментомъ Сената суду Палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей... Представляя Сенату о преданіи Анненскаго суду, земское собраніе сочло, однако, необходимымъ принести жалобу на нарушеніе мною его правъ, и Сенатъ, истолковавъ по новому свое рѣшеніе по дѣлу Пересыпкина, эту жалобу уважилъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что прокурору не предоставлено никакого участія въ охраненіи хозяйственныхъ интересовъ земства. Послѣднее, конечно, справедливо, но я, очевидно, ошибочно, считалъ, что на меня была возложена обязанность охранять интересы общества своевременнымъ и цѣлесообразнымъ преслѣдованіемъ нарушителей закона, не занимаясь, по словамъ поэта, однимъ лишь «караньемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ»... И

судебная практика, и юридическая литература, и потерпѣвшіе отъ преступныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ давно уже вопіютъ о томъ, что между прокуроромъ и судомъ стоитъ всегда начальство виновныхъ, обыкновенно медлительное, а подчасъ и равнодушное до попустительства. Это больное мѣсто сознано, наконецъ, и законодательствомъ, и разсмотрѣнію Государственной Думы предлежитъ проектъ Министра Юстиціи, открывающій гораздо большее поле дѣятельности для обвинительной власти по дѣламъ о преступленіяхъ должности.

Когда наличность событія и преступная прикосновенность къ нему заподозрѣннаго бывали достаточно выяснены, прокуратура моего времени, начиная преслѣдованіе, уже не отдавалась никакимъ соображеніямъ о томъ, *чье* неудовольствіе это вызоветъ, не взирала на лица и на отголосокъ, который встрѣтятъ ея дѣйствія въ обществѣ и во вліятельныхъ кругахъ. Правило Мольтке «erst wägen — dann wagen» соблюдалось и нами. Имѣя достаточныя данныя, мы предлагали о привлеченіи заподозрѣннаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, не отодвигая этого ad calendas graecas. Съ половины восьмидесятыхъ годовъ въ судебной практикѣ сталъ, однако, довольно часто встрѣчаться достойный осужденія пріемъ по отношенію ко времени обращенія *подозрѣваемаго* въ *обвиняемаго*, пріемъ, вызываемый, къ сожалѣнію, не заботою о томъ, чтобы поспѣшнымъ привлеченіемъ не повредить человѣку, который можетъ оказаться невиновнымъ, а совсѣмъ другими цѣлями. Слѣдователемъ и прокуратурой въ этихъ случаяхъ руководитъ желаніе достигнуть *успѣха* обвиненія лишеніемъ заподозрѣннаго возможности защищаться, молчаливо и безпомощно видя и чувствуя, какъ куется противъ него цѣлая цѣпь уликъ и доказательствъ, своевременно опровергнуть или иначе освѣтить которыя онъ лишенъ возможности. Обвиняемый, по закону, имѣетъ право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и при допросѣ свидѣтелей, которые только въ случаяхъ необходимости — и то лишь *первоначально* — допрашиваются въ его отсутствіе; онъ можетъ приносить жалобы суду на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее его права. И вотъ теперь зачастую, по дѣламъ

особой важности, будущій несомнѣнный обвиняемый, противъ котораго уже есть вполнѣ достаточныя данныя, допрашивается лишь какъ свидѣтель, иногда по нѣскольку разъ въ теченіе слѣдствія. Онъ знаетъ, что дѣло ведется *о немъ*, что допрашивается рядъ свидѣтелей, противъ которыхъ онъ могъ бы выступить съ возраженіями и опроверженіями, что производятся экспертизы, результатъ которыхъ отъ него скрытъ, — наконецъ, что, можетъ-быть, слѣдствіе касается, вслѣдствіе плохого знанія слѣдователемъ гражданскаго права и процесса (такіе случаи бывали), чисто-гражданскаго дѣла, вовсе не подлежащаго разсмотрѣнію уголовнаго суда — и не можетъ жаловаться, такъ какъ онъ не *участвующее въ дѣлѣ лицо*, а простой свидѣтель. Легко себѣ представить, что переживаетъ такой псевдосвидѣтель, какіе ложные и опасные для себя шаги онъ дѣлаетъ, «оглушенный шумомъ внутренной тревоги» и измученный этой слѣдственной игрой «въ кошку и мышку». А когда, наконецъ, его привлекаютъ въ качествѣ обвиняемаго, ему предъявляютъ сразу огромное производство, иногда въ нѣсколькихъ томахъ, а на обдумываніе возраженій противъ подавляющаго иногда количества данныхъ, содержащихся въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, даютъ весьма краткій срокъ, торопясь направить дѣло къ прокурору, который, получивъ слѣдственное производство, уже не обязанъ допускать обвиняемаго къ дальнѣйшему съ нимъ ознакомленію... Эта практика представляется особенно вредной въ виду недавно состоявшагося рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента (по дѣлу Лицкевича и др.), которымъ существенно поколеблено одно изъ основныхъ правъ подсудимаго, право *молчанія*, разрѣшеніемъ прочитывать показаніе, данное имъ слѣдователю, хотя бы онъ не былъ на это согласенъ. Судебная практика моего времени встрѣтила бы такое произвольное толкованіе одного изъ принциповъ новаго процесса съ недоумѣніемъ. При обвиненіяхъ на судѣ и я, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей старались не опираться на собственное сознаніе подсудимаго, даже сдѣланное на судѣ, и строить свою рѣчь такъ, какъ бы сознанія вовсе не было, почерпая изъ дѣла объективныя доказательства и улики, не зависящія отъ того или другого настроенія подсудимаго, —

отъ его подавленности, нервности, желанія принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь въ меньшемъ, чѣмъ то, въ чемъ его обвиняютъ... Увы! Tempora mutantur...

Осторожность въ привлеченіи вещь необходимая. Это не только юридическое, но и нравственное требованіе. Но осторожность не должна быть смѣшиваема съ умышленною медлительностью, сводящею на ничто права обвиняемаго, подлежащаго рано или поздно неизбѣжному привлеченію. Медлительность, допускаемая слѣдователемъ Порфиріемъ Петровичемъ въ привлеченіи Раскольникова, находитъ себѣ оправданіе въ условіяхъ стараго слѣдственнаго порядка, когда присутствіе обвиняемаго при дѣйствіяхъ слѣдователя (въ данномъ случаѣ—пристава слѣдственныхъ дѣлъ) вовсе не допускалось, — да и наконецъ, чтобы подражать Порфирію Петровичу, надо быть и психологомъ его калибра, т.-е. калибра Достоевскаго.

Въ дѣятельности прокурорскаго надзора, какъ участвующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ, наблюдающаго за производствомъ слѣдствій и направляющаго дѣла съ обвинительными актами или заключеніями о прекращеніи слѣдствій — встрѣчается много вопросовъ, требующихъ всесторонняго обсужденія и разрѣшенія на почвѣ обдуманно выработаннаго взгляда, единообразно примѣняемаго каждымъ изъ чиновъ прокуратуры одного и того же Окружного Суда. Ставъ во главѣ прокуратуры петербургскаго Суда, я организовалъ общія собранія товарищей прокурора подъ своимъ предсѣдательствомъ. Въ нихъ обсуждались разные, возникавшіе въ нашей дѣятельности, вопросы, по которымъ представлялись подробные доклады. Послѣ обмѣна мнѣній производилось голосованіе — и результатъ его, облеченный въ форму краткаго опредѣленія, сообщался мною циркулярно къ руководству по ввѣренному мнѣ надзору. У меня сохранились нѣкоторые доклады, сдѣланные въ этихъ общихъ собраніяхъ, напримѣръ, докладъ И. С. Денисьева по вопросу о толкованіи 1460 ст. Уложенія (сокрытіе матерью тѣла мертворожденнаго младенца), К. И. Кесселя по вопросу объ обязательности для прокурорскаго надзора присутствія его членовъ въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія; —

С. А. Андреевскаго по вопросу объ обязательности для слѣдователя предложеній прокурора; — С. Ф. Платонова по вопросу объ условіяхъ допущенія гражданскаго истца въ засѣданіе по уголовному дѣлу; — В. И. Жуковскаго о содержаніи и назначеніи обвинительнаго акта. Послѣдній докладъ, крайне обстоятельный и блестяще изложенный, былъ напечатанъ затѣмъ въ «Журналѣ уголовнаго и гражданскаго права». По поводу этого доклада въ «Кіевскомъ Словѣ» 1899 года, въ некрологѣ Жуковскаго, бывшій мой товарищъ прокурора В. Г. Вильямсонъ писалъ: «я сошелся съ Владимиромъ Ивановичемъ въ періодъ незабвенныхъ дней 1871 — 75 гг., когда во главѣ петербургской прокуратуры стоялъ А. Ф. Кони. Не могу безъ слезъ вспомнить это время, когда Судебные Уставы, не вызывавшіе тогда подчистокъ и помарокъ, служили всѣмъ намъ путеводною звѣздой. Прокуратура тогда жила единою тѣсною семьею. По иниціативѣ прокурора были устроены въ его камерѣ вечернія засѣданія. На первыхъ порахъ они вызвали протестъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей прокурора и главнымъ образомъ В. И. Жуковскаго, находившаго безцѣльнымъ тратить время тамъ, гдѣ всѣ служебные вопросы могутъ, въ концѣ концовъ, разрѣшаться единоличною властью прокурора, но затѣмъ неудовольствіе улеглось, засѣданія возбудили во всѣхъ живѣйшій интересъ, и о нихъ у всѣхъ сохранилось самое свѣтлое воспоминаніе. На одномъ изъ нихъ Жуковскій прочелъ свой рефератъ, и я забыть не могу, какъ до поздней ночи, не проронивъ словечка, слушали мы его лекцію, которой могъ бы позавидовать любой юридическій факультетъ». — Опираясь на положенія, выработанныя общимъ собраніемъ, товарищи прокурора предъявляли единообразныя заключенія въ распорядительныхъ и судебныхъ засѣданіяхъ, а я имѣлъ не разъ удовольствіе заявлять въ общемъ собраніи отдѣленій суда, что въ мнѣніи своемъ я руковожусь постановленіемъ общаго собранія моихъ товарищей. Это не всегда и не всѣмъ нравилось... «Вы дали у себя конституцію», говорили мнѣ, употребляя, быть-можетъ не безъ задней мысли, запретное въ то время слово. «Да! далъ» отвѣчалъ я спокойно, въ сознаніи, что ни обвинительная власть, ни правосудіе ничего не проигрываютъ

отъ обращенія товарищей прокурора изъ механическихъ исполнителей распоряженій и циркуляровъ своего начальника въ связанныхъ общимъ обсужденіемъ и соглашеніемъ дѣятелей единаго по цѣлямъ учрежденія. — Полезность такихъ общихъ собраній сказывалась и тамъ, гдѣ почему-либо требовался отъ лицъ прокурорскаго надзора отвѣтъ по поводу того или другого общественнаго явленія. Такъ, въ 1874 году, Министерство Юстиціи, начавшее хмуриться на судъ присяжныхъ и собирать данныя противъ него, потребовало отъ товарищей прокурора сообщенія свѣдѣній о числѣ оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными, и о причинахъ таковыхъ. Можно себѣ представить, какую разноголосицу въ сообщеніяхъ могло бы вызвать это требованіе, сколько субъективнаго и односторонняго могло бы быть въ нихъ внесено — и какъ умѣли бы услужливыя канцелярскія руки «разработать» нѣкоторыя «причины оправданія» во вредъ суду общественной совѣсти. Мы посвятили нѣсколько засѣданій нашего общаго собранія на выработку системы отвѣтовъ. Результатомъ нашего совѣщанія былъ мой циркуляръ, въ которомъ, находя необходимымъ причины оправдательныхъ приговоровъ отыскивать въ фактической обстановкѣ каждаго отдѣльнаго дѣла, не входя въ оцѣнку организаціи судебныхъ учрежденій и правильности дѣятельности ихъ отдѣльныхъ органовъ, — я просилъ моихъ товарищей искать этихъ причинъ въ выясненіи на судѣ свойствъ вмѣняемаго дѣянія, въ личности и поведеніи потерпѣвшаго, въ личности и житейской обстановкѣ обвиняемаго, въ характерѣ побужденій къ преступленію, — во времени, протекшемъ со дня совершенія преступленія, —въ размѣрѣ строгости мѣръ пресѣченія, принятыхъ противъ обвиняемаго до суда, и въ несоотвѣтствіи карательнаго закона съ народнымъ или общественнымъ правосознаніемъ. Наконецъ, и для правильности кассаціонной дѣятельности прокурорскаго надзора въ Петербургѣ эти общія собранія были весьма полезны, подвергнувъ не разъ тщательному обсужденію и критическому разбору тѣ нарушенія въ производствѣ дѣла на судѣ или въ примѣненіи закона, которыя, по мнѣнію присутствовавшаго въ засѣданіи обвинителя, могли послужить основаніемъ къ отмѣнѣ состоявшагося оправдательнаго при-

говора. Благодаря этому, мы почти не знали оставленія нашихъ протестовъ Сенатомъ безъ уваженія, и кассаціонному суду, признававшему во время двѣнадцатилѣтней бытности моей его оберъ-прокуроромъ лишь 54% протестовъ правильными, не приходилось внушать намъ, что наши домогательства объ отмѣнѣ приговора лишены основаній или построены на несущественныхъ нарушеніяхъ, а иногда и на разсужденіяхъ о существѣ дѣла, или, наконецъ, на нарушеніяхъ, которыя мы же сами допустили, не оградивъ своевременно своихъ правъ. Съ моимъ уходомъ изъ прокуратуры суда — эти общія собранія, къ сожалѣнію, прекратились...

Обращаясь къ *личностямъ* изъ прокурорскаго надзора, оставившимъ наибольшій слѣдъ въ моихъ воспоминаніяхъ, я прежде всего съ глубокимъ уваженіемъ останавливаюсь на прокурорѣ московскаго Окружного Суда конца шестидесятыхъ годовъ Михаилѣ Федоровичѣ *Громницкомъ*. При открытіи новыхъ судовъ въ Москвѣ прокурорскій надзоръ былъ составленъ довольно пестро. Въ него вошли изъ чиновъ старыхъ судебныхъ установленій и изъ Сената наиболѣе способные не только писать бумаги, но и тѣ, о комъ предполагалось, что они будутъ умѣть и говорить. Въ томъ числѣ было нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ стараго порядка. Далеко не всѣ изъ нихъ оказались умѣющими «словомъ твердо править» и владѣть имъ въ сдержанномъ жару судебныхъ преній. Этому неумѣнію какъ бы противорѣчило случайное соединеніе фамилій товарищей прокурора (Костылевъ, Громницкій, Крушинскій), вызывавшее невольно представленіе о «карающей десницѣ» правосудія. Между ними оказывались весьма добросовѣстные, но очень неудачные обвинители: gute Leute, aber schlechte Musikanten. Невольно вспоминается мнѣ одинъ изъ нихъ — высокій, статный и красивый представитель одной изъ юго-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, народностей. Ему пришлось обвинять по весьма несложному дѣлу. Поздно вечеромъ, въ плохо освѣщенномъ, совершенно пустынномъ переулкѣ у прохожаго были сорваны часы. По звуку

удалявшихся шаговъ бѣгущаго ограбленный пустился въ преслѣдованіе и вскорѣ наткнулся на человѣка, упавшаго, запнувшись за что-то на дорогѣ, и разбившаго себѣ носъ. На крикъ потерпѣвшаго сбѣжался народъ, и упавшій былъ торжественно отведенъ въ участокъ. Сорванныхъ часовъ ни при немъ, ни около него не нашли, но по справкамъ оказалось, что онъ уже не разъ судился у мировыхъ судей. Величавый красавецъ — товарищъ прокурора — составилъ обвинительный актъ и выступилъ его поддерживать на судѣ. «Господа присяжные! — воскликнулъ онъ: — виновность подсудимаго настолько очевидна, что доказывать ее значило бы злоупотреблять вашимъ временемъ. Поэтому я буду кратокъ и обращу ваше вниманіе лишь на три важныхъ обстоятельства: подсудимый бѣжалъ, подсудимый упалъ, подсудимый разбилъ себѣ носъ. Въ справедливомъ негодованіи на дерзкое похищеніе, вы оцѣните эти улики. Я кончилъ...» Присяжные и оцѣнили: оправдали.

Одинъ изъ этихъ бывшихъ стряпчихъ не по примѣру своихъ товарищей сразу занялъ не только выдающееся, но и безспорно первое мѣсто въ рядахъ русской прокуратуры. Скромный, задумчивый и молчаливый, блѣдноликій, съ непокорными волосами и бородой — онъ какъ-то вдругъ, сразу—sans crier gare—выросъ на обвинительной трибунѣ, и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная желѣзной силой логики и блиставшая непревзойденною съ тѣхъ поръ суровой красотой скупого слова и щедрой мысли. Это и былъ Громницкій. Кто слышалъ въ свое время, сорокъ лѣтъ назадъ, этотъ ровный металлическій голосъ, кто вдумался въ построеніе его рѣчи и испыталъ на себѣ эти неотразимые и въ то же время простые, повидимому, доводы, обнимавшіе другъ друга, какъ звенья неразрывной цѣпи, тотъ не можетъ его позабыть. Сочетаніе силы слова съ простотою слова, отсутствіе всякихъ ненужныхъ вступленій и какого-либо паѳоса, спокойное въ своей твердости убѣжденіе и самое подробное изученіе и знаніе всѣхъ обстоятельствъ и особенностей разбираемаго преступленія — дѣлали изъ его рѣчи то неотразимое «стальное копье закона», о которомъ говоритъ король Лиръ. Почти по всѣмъ большимъ и сложнымъ дѣламъ того времени, о которомъ я говорю, Громниц-

кій выступалъ обвинителемъ, являясь не только достойнымъ, но и опаснымъ противникомъ талантливыхъ защитниковъ, которыхъ въ изобиліи выдѣляла изъ своей среды тогдашняя московская адвокатура. Иногда и самая случайная обстановка судебнаго засѣданія придавала особое значеніе его рѣчи. Я помню громкое дѣло студента Данилова, убившаго ростовщика и его служанку въ обстановкѣ, аналогичной съ описаніемъ Достоевскимъ преступленія Раскольникова и впослѣдствіи сходной съ убійствомъ, совершеннымъ Ландсбергомъ въ Петербургѣ, при чемъ надо замѣтить, что Достоевскій написалъ свой романъ до преступленія Данилова, но напечаталъ его позже. По этому дѣлу, взволновавшему всю Москву, едва Громницкій всталъ, чтобы начать свою рѣчь въ залѣ суда, которую начинали окутывать раннія зимнія сумерки, какъ совсѣмъ рядомъ, въ Чудовомъ монастырѣ, ударили къ вечернѣ, и звуки колокола съ такой силой влились въ залу, что прокуроръ могъ начать свою рѣчь лишь, когда прозвучалъ послѣдній ударъ колокола. Спокойствіе, безпристрастіе и привлекательная простота его пріемовъ оказывали несомнѣнное вліяніе на присяжныхъ. Это сказалось въ знаменитомъ процессѣ Матовыхъ, обвинявшихся въ устройствѣ въ окрестностяхъ Москвы умѣло организованной шайки для поддѣлки кредитныхъ билетовъ. Подсудимыхъ было болѣе двадцати человѣкъ и столько же защитниковъ, такъ что засѣданіе происходило въ знаменитой ротондѣ московскаго сенатскаго зданія. Засѣданіе длилось много дней, и, когда Громницкій всталъ, чтобы возражать своимъ противникамъ, всталъ и старшина присяжныхъ и отъ ихъ имени заявилъ предсѣдателю, что засѣдатели просятъ прокурора не утруждать себя возраженіемъ, такъ какъ они достаточно усвоили себѣ его обвинительную рѣчь.

Мнѣ не приходилось слышать особо выдающихся провинціальныхъ обвинителей, но мой сослуживецъ по Харькову Евгеній Федоровичъ де-Росси имѣлъ несомнѣнныя ораторскія свойства, доказанныя въ состязаніяхъ съ такими сильными защитниками, какъ Спасовичъ и Арсеньевъ. Этотъ прекрасный человѣкъ, проявившій въ званіи судьи и затѣмъ сенатора глубокое пониманіе судейскаго долга и широкій взглядъ на интересы

истиннаго правосудія, въ свои обвинительныя рѣчи вносилъ, однако, нѣкоторую желчность, вызываемую, повидимому, свойствами его личнаго темперамента. Зато петербургская прокуратура обогатила меня многими живыми воспоминаніями. Не говоря уже о томъ, что прокурорами въ столицѣ назначались люди, выдающіеся своею юридическою подготовкой, какъ первый прокуроръ Шрейберъ, спеціально изучившій постановку обвинительной власти на Западѣ, — или несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ, какъ Роде, или и тѣмъ и другимъ, какъ Баженовъ,—ряды товарищей прокурора настойчиво пополнялись всѣмъ, что можно было найти лучшаго въ провинціи, почему въ первое десятилѣтіе по введеніи реформы петербургская прокуратура могла мѣряться, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ корифеями петербургской адвокатуры. Министръ Юстиціи графъ Паленъ и прокуроры — въ томъ числѣ и я — чутко прислушивались и, если можно такъ выразиться, «причитывались» ко всѣмъ слухамъ и вѣстямъ о талантливыхъ представителяхъ обвиненія въ провинціи, переводя ихъ при первой возможности въ Петербургъ. Конечно, при этомъ бывали невольныя ошибки и разочарованія, и случалось, что «une célebrité du clocher» какого-нибудь губернскаго города, дивившая — особливо въ первые годы судебной реформы — свой муравейникъ, оказывалось добросовѣстною посредственностью или любителемъ громкихъ фразъ, плохо скрывавшихъ жидкое содержаніе, лишенное анализа и системы. Когда въ прокуратурѣ петербургской Судебной Палаты игралъ вліятельную роль В. А. Половцовъ, онъ имѣлъ обычай, по соглашенію съ прокуроромъ Окружного Суда, назначать новичковъ, только что переведенныхъ въ Петербургъ, обвинителями по дѣламъ, въ которыхъ выступали защитниками болѣе или менѣе сильные противники. Веденіе такого дѣла на судѣ было своего рода экзаменомъ для провинціальной «знаменитости», и лишь послѣ успѣшнаго выдержанія этого искуса — успѣшнаго, конечно, не въ смыслѣ непремѣннаго обвинительнаго приговора — относительно новоприбывшаго говорилось: dignus est intrare, и онъ зачислялся въ передовой рядъ боевой прокуратуры. Испыталъ это на себѣ и я, будучи переведенъ изъ Харькова въ Петербургъ

на должность товарища прокурора. Половцовъ назначилъ меня обвинителемъ по дѣлу нѣкоего Флора Францева, обвинявшагося въ приготовленіи къ убійству. Обвиненіе было построено на косвенныхъ уликахъ и отчасти на сознаніи самого Францева, отъ котораго онъ на судѣ отказался. Я сказалъ рѣчь, которая на уровнѣ харьковскихъ требованій, предъявляемыхъ въ то время къ оратору, могла бы сама по себѣ, независимо отъ исхода, считаться сильной и, пожалуй, яркой. Но противникомъ моимъ былъ К. К. Арсеньевъ, который тончайшимъ разборомъ уликъ, инымъ ихъ освѣщеніемъ и сочетаніемъ и житейской окраской отношеній между подсудимымъ и его предполагаемой жертвой, а также наглядною оцѣнкой приготовленнаго для убійства ножа — о чемъ мнѣ и въ голову не приходило — разбилъ меня и все обвиненіе въ пухъ и прахъ. Урокъ былъ чувствителенъ и поучителенъ. Оставалось опустить руки и зачислить себя въ рядовые исполнители обвинительныхъ функцій или начать переучиваться и постараться воспринять новые для меня пріемы и систему судебнаго состязанія... Я избралъ второе.

Въ Петербургѣ я засталъ еще нѣсколькихъ товарищей прокурора изъ времени первоначальныхъ назначеній. Между ними были оригиналы, которые понимали и примѣняли свое ораторское краснорѣчіе въ видѣ умѣнія сказать нѣсколько высиженныхъ не безъ труда и напряженія громкихъ и подчасъ непроизвольно-комическихъ фразъ или представить суду грозную картину преступленія, тоже не лишенную комизма по своей формѣ и содержанію. Таковъ былъ, напримѣръ, товарищъ прокурора В — ій, изъ бывшихъ секретарей гражданской Палаты, который дебютировалъ обвиненіемъ одного мѣщанина въ нанесеніи тяжкой раны въ нижнюю часть живота своей возлюбленной, служившей кухаркой въ одномъ семействѣ. Зная, что ея хозяева не любили, чтобы она принимала у себя гостей, онъ вызывалъ ее обыкновенно съ черной лѣстницы на чердакъ. Заподозривъ ее въ невѣрности и распаленный ревностью, онъ вызвалъ ее на чердакъ и въ то время, когда она хотѣла ему отдаться, нанесъ ей ножомъ жестокій ударъ. На судѣ онъ во всемъ сознался и горько каялся въ своемъ поступкѣ. Но В—ій нашелъ необходимымъ оттѣнить

всю злостность послѣдняго и сказалъ присяжнымъ: «вы только представьте себѣ, господа, всю ужасную картину злодѣянія подсудимаго: онъ пришелъ къ любящей его женщинѣ, сдѣлалъ ей заманчивое предложеніе и, когда она довѣрчиво раскрыла свои объятія, то онъ—вмѣсто обѣщаннаго—вонзилъ ей острый ножъ!!». Съ этого времени его перестали назначать обвинителемъ, а сдѣлали такъ называемымъ камернымъ товарищемъ для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ прокурорской камеры. Тамъ онъ и пребывалъ много лѣтъ, начиная свои письменныя сношенія «за прокурора» съ официальными мѣстами и лицами по разнымъ вопросамъ неизмѣнно со словъ: «опытъ показалъ, что»...

Другой товарищъ прокурора, почтенный старикъ, мрачно смотрѣвшій изъ-подъ нависшихъ бровей сквозь круглыя очки, которые во время рѣчи онъ подымалъ на лобъ, оказался вскорѣ по своемъ назначеніи непригоднымъ для обвиненій передъ присяжными засѣдателями, и его пришлось выпускать по дѣламъ о бродягахъ и о паспортныхъ нарушеніяхъ. Но и здѣсь онъ умѣлъ стать на высоту общихъ соображеній и, обвиняя какого-то несчастливца между прочимъ и въ проживаніи по просроченному виду, сказалъ торжественнымъ тономъ: «преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимый, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ кажется. При убійствѣ, при разбойномъ нападеніи, при поджогѣ — злая воля преступника напрягается единожды, и злое дѣло совершается. А затѣмъ, быть можетъ, наступаетъ и раскаяніе. Но здѣсь, господа, злая воля упорствуетъ и постоянно, въ самой себѣ, почерпаетъ новыя силы, знаменуя свою закоренѣлость: день проходитъ, наступаетъ ночь, и влечетъ за собою новый день и снова наступаетъ ночь, и опять восходитъ солнце, и съ нимъ для всѣхъ живущихъ наступаетъ новый день, а *онъ* все просрочиваетъ, все просрочиваетъ, все просрочиваетъ!»...

Несомнѣнными и большими, спеціально обвинительными дарованіями, между моими товарищами отличался покойный Владиміръ Ивановичъ *Жуковскій*, умный, блестяще образованный и опытный Мефистофель петербургской прокуратуры. Его сухая, чуждая всякихъ фразъ, пропитанная безпощадной ироніей, но всегда очень обдуманная и краткая рѣчь, какъ кельзя

болѣе, гармонировала съ его жидкой фигурой, острыми чертами худого зеленовато-блѣднаго лица, съ ядовитою улыбкою тонкихъ губъ, рѣдкою заостренною бородкой и насмѣшливо приподнятыми бровями надъ косыми глазами, изъ которыхъ свѣтился недобрымъ блескомъ критическій умъ. Вкрадчивымъ голосомъ и рѣдкимъ угловатымъ жестомъ руки съ исхудалыми пальцами вилъ онъ обвинительную, нерасторжимологическую паутину вокругъ подсудимаго и, внезапно прерывая рѣчь передъ ея обычнымъ заключеніемъ, садился, судорожно улыбаясь и никогда не удостоивая отвѣтомъ безпомощнаго жужжанія растерянаго защитника. Лучшими его рѣчами за мое время въ Петербургѣ были рѣчи по дѣлу Марквардa, обвинявшагося въ поджогѣ своего застрахованнаго имущества, и по знаменитому дѣлу Овсянникова. Въ первомъ случаѣ подсудимый — содержатель сарептскаго магазина, открытіе котораго задолго подготовлялось замысловатыми рекламами, — былъ преданъ суду Судебной Палаты вопреки заключенію прокуратуры о недостаточности уликъ (съ чѣмъ, однако, не былъ согласенъ Жуковскій), и былъ настолько увѣренъ въ своемъ оправданіи, что явился на судъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и, на предложенія предсѣдателя давать объясненія на показанія свидѣтелей, только презрительно пожималъ плечами. Жуковскій произвелъ такое дѣйствіе своею рѣчью, въ которой шагъ за шагомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ прослѣдилъ возникновеніе, развитіе и осуществленіе преступнаго замысла обвиняемаго, что Марквардъ не только былъ обвиненъ, но присяжные даже отказали ему въ снисхожденіи. Рѣчь Жуковскаго по дѣлу Овсянникова была великолѣпна по житейской наблюдательности и по изображенію убѣжденнаго въ своей безнаказанности милліонера, одинаково презиравшаго и находившуюся во власти его капитала «мелкоту» и всякаго рода начальство, къ слабымъ сторонамъ котораго онъ хорошо изучилъ доступъ. Послѣ окончанія дѣла Овсянникова Министръ Юстиціи собралъ у себя лицъ, возбудившихъ дѣло, т. е. меня (хотя я былъ уже вице-директоромъ департамента Министерства Юстиціи), подготовившихъ его до суда, т. е. товарища прокурора Маркова и слѣдователя Книрима, и про-

ведшихъ это дѣло на судѣ, т. е. Жуковскаго, для передачи о томъ, что имъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія объ ихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ и трудахъ, вызвавшихъ обвинительный приговоръ противъ подсудимаго, который по своимъ средствамъ и связямъ считалъ себя стоящимъ на недосягаемой для судебной власти высотѣ. Жуковскій остался вѣренъ себѣ и нарушилъ оптимистическое настроеніе ядовитыми словами: «да, мы вѣдь именно этимъ и отличаемся отъ администраціи: мы всегда бьемъ стоячаго, а она всегда лежачаго». Этою мыслью онъ, вѣроятно, руководился и тогда, когда прокуроръ Судебной Палаты Лопухинъ потребовалъ отъ него принятія на себя обвиненія по дѣлу Вѣры Засуличъ. Ссылаясь на то, что преступленіе Засуличъ имѣетъ политическій характеръ и потому не подлежитъ обсужденію суда присяжныхъ, онъ заявилъ, что этимъ обвиненіемъ онъ поставитъ въ непріятное и даже трудное положеніе своего брата-эмигранта, проживающаго въ Женевѣ, и наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Бывъ за этотъ отказъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Пензу, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ присяжные повѣренные. Дѣятельность защитника была, однако, не по немъ, хотя онъ имѣлъ въ ней успѣхъ. Гораздо охотнѣе выступалъ онъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Тутъ онъ былъ совсѣмъ въ своей области, блистая остроуміемъ, находчивостью и умѣніемъ сводить высокое паренiе своихъ противниковъ на каменистую почву житейской прозы.

Противоположность Жуковскому составлялъ Сергѣй Аркадьевичъ *Андреевскій*, бывшій у меня товарищемъ въ Казани и Петербургѣ. Онъ тоже былъ выдающимся по своимъ дарованіямъ обвинителемъ, но совершенно въ другомъ родѣ. Мягкій и человѣчный, литераторъ и поэтъ въ душѣ, независимый и благородный въ своихъ ораторскихъ пріемахъ, онъ былъ на обвинительной трибунѣ однимъ изъ говорящихъ судей, никогда не забывавшимъ предписанія закона не извлекать изъ дѣла одни лишь обстоятельства, уличающія подсудимаго. Изъ всѣхъ моихъ товарищей онъ былъ наиболѣе склоненъ и способенъ оцѣнивать въ дѣяніи подсудимаго то, что итальянцы именуютъ непере-

водимымъ словомъ «ambiente», что одновременно означаетъ условія, обстановку и среду того или другого явленія. Поэтому, когда за отказомъ Жуковскаго и ему было предложено то же самое обвиненіе, онъ поставилъ вопросъ о томъ, дозволено ли ему будетъ отозваться съ осужденіемъ о тѣхъ незаконныхъ распоряженіяхъ по Дому предварительнаго заключенія, которыя вызвали, по словамъ Засуличъ, ея кровавый и преступный протестъ. Дозволенія этого, необходимаго, по мнѣнію Андреевскаго для силы и достоинства самаго обвиненія, не послѣдовало, и онъ поступилъ по примѣру Жуковскаго, а затѣмъ, причисленный къ министерству, вышелъ въ отставку и вскорѣ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ петербургской адвокатурѣ.

Благодаря присутствію въ прокуратурѣ за мое время, кромѣ Жуковскаго и Андреевскаго, еще и такихъ образованныхъ, проникнутыхъ глубокимъ уваженіемъ не только къ буквѣ, но и къ духу Судебныхъ Уставовъ товарищей прокурора, какъ В. К. Случевскій, А. Ф. Масловскій, И. С. Денисьевъ, В. А. Желеховскій, Я. А. Плющевскій, В. Г. Вильямсонъ и А. А. Марковъ — представлялось возможнымъ спеціализировать обвинительныя функціи. Гдѣ нужно было оттѣнить общественную сторону преступленія — выступалъ Масловскій; — гдѣ играла роль бытовая обстановка и нужно было знаніе практическихъ условій народной жизни, выступалъ Плющевскій; — гдѣ являлась необходимость тщательной разработки уликъ и доказательствъ и стойкой борьбы за ихъ правильную оцѣнку — обвиненіе поручалось Желеховскому, Денисьеву или Маркову; — тонкій юридическій анализъ состава преступленія, изложенный въ убѣдительной и проникнутой достоинствомъ формѣ, былъ обыкновенно связанъ съ появленіемъ на каѳедрѣ В. К. Случевскаго.

И въ гражданскихъ засѣданіяхъ суда прокуратура этого времени была представлена настолько сильно, что по отношенію къ ней обычный нынѣ упрекъ въ томъ, что она ничего не вноситъ своего въ разрѣшеніе дѣла и служитъ лишь напраснымъ и отяготительнымъ привѣскомъ къ засѣданію — не былъ бы справедливъ. Мои товарищи, предъявлявшіе заключенія по граждан-

скимъ дѣламъ, являлись представителями не только солиднаго знанія гражданскаго права и процесса, но и обладателями той «цивилистической» складки мышленія, которая далеко не всегда бываетъ свойственна юристамъ по образованію. Области уголовнаго и гражданскаго права настолько обособлены — и въ преподаваніи и въ практикѣ, что нерѣдко дѣятели въ одной изъ нихъ никакъ не могутъ пріучить себя становиться на точку зрѣнія дѣятелей въ другой. Формальныя доказательства гражданскаго права и процессуальныя условія ихъ оцѣнки съ трудомъ умѣщаются въ сознаніи криминалиста, привыкшаго, не стѣсняясь предустановленными правилами, оцѣнивать улики исключительно по внутреннему убѣжденію. Съ другой стороны истинный *цивилистъ* не безъ суевѣрной боязни принимаетъ на себя, въ случаѣ необходимости, изслѣдованіе и оцѣнку мотивовъ, побужденій и цѣлей тѣхъ или другихъ, подлежащихъ его обсужденію, дѣйствій, привыкнувъ обращаться къ толкованію *намѣренія* лишь въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Я помню, какъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ предсѣдательствовавшій въ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи товарищъ министра О. В. Эссенъ съ тонкой улыбкой обращался къ младшему изъ членовъ консультаціи, имѣвшему репутацію выдающагося *криминалиста*, съ вопросомъ: «а вы, вѣроятно, не находите *достаточныхъ уликъ* для признанія за жалобщикомъ права собственности?» — Въ то время, о которомъ я вспоминаю, еще существовала превосходная школа для практиковъ-цивилистовъ: старые гражданскіе департаменты Сената. Исчезновеніе этой школы и отсутствіе въ нашемъ судебномъ устройствѣ начала roulement между личнымъ составомъ отдѣленій суда грозитъ оскудѣніемъ хорошо подготовленныхъ для гражданскихъ дѣлъ дѣятелей и возможностью нѣкотораго осуществленія того опредѣленія, которое ядовито давалъ нашимъ судьямъ покойный Лохвицкій, говорившій, что у насъ члены судовъ строго раздѣляются на криминалистовъ и цивилистовъ, при чемъ первыми считаютъ себя тѣ, кто *ничего не понимаетъ* въ гражданскомъ правѣ, а вторыми тѣ, кто тоже ничего не понимаетъ въ уголовномъ правѣ... Конечно, это чрезвычайно преувеличено, но тѣ,

кому пришлось заниматься уголовною кассаціонною практикой, знаютъ, какъ часто въ дѣлахъ, гдѣ возникаютъ преюдиціальные (предсудимые) вопросы, или преступленіе касается сдѣлокъ съ имуществомъ и договоромъ, чувствуется отсутствіе живого знакомства съ коренными началами гражданскаго права и процесса въ уголовныхъ судьяхъ.

Перейдя изъ Казани въ Петербургъ, я нашелъ, что заключенія по гражданскимъ дѣламъ предъявляетъ тотъ «камерный» товарищъ В — ій, о которомъ я уже говорилъ выше, какъ обвинителѣ. Я пошелъ послушать его — и только руками развелъ... Когда, согласно докладу, дѣло было простое и несложное, заключеніе его тоже не было сложнымъ. «Полагаю въ искѣ отказать» или «удовлетворить исковыя требованія», говорилъ онъ внушительно, не утруждая ни себя, ни судей изложеніемъ мотивовъ,—и садился. Но если дѣло было спорнымъ или мало-мальски сложнымъ, онъ величественно поднимался и съ чрезвычайною серьезностью изрекалъ: «имѣю честь заявить суду, что къ разрѣшенію этого дѣла со стороны прокурорскаго надзора препятствій не встрѣчается», при чемъ его личное мнѣніе оставалось, говоря словами И. Ѳ. Горбунова, «покрыто мракомъ неизвѣстности». Очевидно, что въ такомъ положеніи дѣло оставить было невозможно, и мнѣ удалось пріобрѣсти для предъявленія заключеній по гражданскимъ дѣламъ двухъ выдающихся цивилистовъ: С. Ф. Платонова и А. Л. Боровиковскаго, которые въ гражданскихъ отдѣленіяхъ петербургскаго Суда были не «докучными собесѣдниками», но желательными сотрудниками.

Съ *Боровиковскимъ* мы встрѣтились въ жизни еще весьма молодыми людьми: я—товарищемъ прокурора харьковскаго Окружного Суда, онъ—начинающимъ адвокатомъ. Уже тогда и вслѣдъ затѣмъ въ должности товарища прокурора симбирскаго Окружного Суда онъ заявилъ себя талантливымъ и знающимъ цивилистомъ. Несмотря на то, что въ мое время составъ гражданскихъ отдѣленій петербургскаго Окружнаго Суда былъ превосходный по познаніямъ и опыту большинства входившихъ въ нихъ товарищей предсѣдателя и членовъ, Боровиковскій почти сразу

послѣ своего перевода въ Петербургъ пріобрѣлъ среди нихъ не только общее уваженіе, но и авторитетъ. Къ его блестящимъ заключеніямъ судъ сталъ прислушиваться съ необычайнымъ вниманіемъ, а самъ онъ сдѣлался въ юридическомъ и литературныхъ кругахъ популярнымъ человѣкомъ. Это объясняется тѣмъ, что все въ его натурѣ и дѣятельности литературно-юридической и учено-учебной (онъ былъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ преподавателемъ гражданскаго судопроизводства въ Новороссійскомъ университетѣ) стояло въ противорѣчіи съ узко-формальнымъ и подьяческимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Слушая его заключенія въ судѣ и знакомясь впослѣдствіи съ его взглядами, какъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и члена различныхъ законодательныхъ комиссій, приходилось видѣть, какъ въ его устахъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. Русскій человѣкъ со всѣми его свойствами, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторой наружной небрежностью — онъ привлекалъ къ себѣ незлобивостью, отсутствіемъ всякой ходульности, умѣніемъ искренно подсмѣиваться надъ самимъ собою и большою скромностью въ оцѣнкѣ своихъ способностей и трудовъ. Наши добрыя отношенія не прерывались до самой его смерти. Издавъ свою замѣчательную книгу «Отчетъ судьи» въ 3 томахъ, онъ прислалъ мнѣ ее со слѣдующемъ посвященіемъ:

«Вы—жрецъ, а я дьячокъ, но Богъ у насъ одинъ.
(Митрополитъ въ дьячкѣ повиненъ видѣть брата).
Въ нашъ храмъ, украшенный отъ васъ вѣнкомъ изъ злата,
Несу и я свой даръ — клочокъ моихъ сѣдинъ».

Назначеніе оберъ-прокуроромъ, вполнѣ имъ заслуженное, очень его встревожило. «Я просто подавленъ смущеніемъ, — писалъ онъ мнѣ:—достаточны ли мои силы и знанія для высокаго дѣла, на которое меня зовутъ? Для меня въ этомъ отношеніи было большимъ облегченіемъ узнать, что Вы относитесь съ сер-

дечнымъ сочувствіемъ къ павшему на меня выбору. Если и Вы не считаете задачу превосходящею мои способности, то это поистинѣ окрыляетъ меня»...

Будучи «прирожденнымъ цивилистомъ», Боровиковскій захотѣлъ однако испытать себя въ уголовномъ обвиненіи. Уголовный процессъ былъ ему достаточно знакомъ по его адвокатской дѣятельности въ Харьковѣ, словомъ онъ владѣлъ прекрасно, и я, согласно его желанію, назначилъ его обвинителемъ по дѣлу объ отравленіи женою ненавистнаго ей мужа подачею ему, пьяному, вмѣсто кружки квасу — кружки наполненной мѣднымъ купоросомъ. Подсудимая говорила, что мужъ отравился самъ по неосторожности, съ пьяныхъ глазъ, перепутавъ кружки. Объясненіе это было не лишено правдоподобія, хотя нескрываемая злоба подсудимой противъ мужа и неоднократныя заочныя ея угрозы «показать себя старому пьяному чорту», удостовѣренныя рядомъ свидѣтелей, и говорили противъ нея. Желудокъ отравленнаго, прожженный и проѣденный кислотою, находился въ банкѣ со спиртомъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Предсѣдательствовалъ бездарный и тяжкодумный товарищъ предсѣдателя, отличавшійся нелѣпою постановкою вопросовъ, за редакцію которыхъ обыкновенно стоялъ горою со всѣмъ упорствомъ самолюбивой ограниченности, — и не менѣе удачными руководящими напутствіями присяжныхъ. Тоска и злость брали слушать, какъ иногда, послѣ блестящихъ рѣчей сторонъ—послѣ Спасовича или Арсеньева—онъ начиналъ жевать свои «разъясненія» и отрыгать эту жвачку въ безконечныхъ повтореніяхъ и неидущихъ къ дѣлу якобы юридическихъ примѣрахъ. Однажды, въ дѣлѣ о подлогѣ векселей, затянувшемся далеко за полночь, онъ сталъ, безъ всякой надобности и повода, объяснять присяжнымъ совершенно ясную разницу между заявленіемъ о подлогѣ и споромъ о недѣйствительности документа, да такъ объяснять, что я подъ концомъ самъ сталъ сомнѣваться, понимаю ли я эту разницу. Вотъ съ такимъ кормчимъ пришлось впервые плыть Боровиковскому между Сциллой и Харибдой обвиненія и защиты! Въ виду сомнѣнія въ наличности событія преступленія присяжнымъ долженъ былъ быть поставленъ прежде всего во-

просъ о томъ, послѣдовала ли смерть потерпѣвшаго отъ даннаго ему съ умысломъ ядовитаго вещества. Отрицательнымъ отвѣтомъ присяжные признали бы наличность собственной неосторожности отравившагося. Но мудрый кормчій ухитрился поставить вопросъ въ такой лаконической формѣ: «умеръ ли N. N. отъ даннаго ему яда?» Присяжные засѣдатели, повѣривъ объясненіямъ подсудимой и будучи обязаны отвѣчать утвердительно или отрицательно словами *да* или нѣтъ,—вынесли вердиктъ, гласившій на первый вопросъ: «нѣтъ!» и оставили прочіе вопросы безъ отвѣта... Боровиковскій, не искусившійся въ томъ, какую важность имѣетъ въ уголовномъ процессѣ редакція вопросовъ, и потому не возражавшій своевременно противъ принятой судомъ, былъ ошеломленъ и пришелъ ко мнѣ, въ прокурорскій кабинетъ, совсѣмъ разстроенный. «Помилуйте! — восклицалъ онъ: что же это такое? Предо мною, возбуждая мое отвращеніе, стоитъ банка и въ ней какіе-то грязные лоскутья, бывшіе желудкомъ потерпѣвшаго, а присяжные мнѣ говорятъ: «нѣтъ! не умеръ»... Какъ вамъ нравится это *нѣтъ*?! Ужъ увольте меня на будущее время отъ обвиненій: участвовать въ воскрешеніи мертвыхъ не желаю»... И онъ снова погрузился въ любимую имъ область гражданскихъ дѣлъ.

XII.

Прокуратура и администрація.

Лица прокурорскаго надзора не входятъ, по закону, въ составъ управленія мѣстами заключенія, но имѣютъ во всякое время безпрепятственный входъ въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства, наблюдаютъ за размѣщеніемъ послѣдственныхъ арестантовъ, слѣдятъ за ходомъ ихъ дѣлъ, провѣряютъ законность постановленій о взятіи подъ стражу и имѣютъ право, на осн. 10 и 11 ст. Уст. Угол. Судопроизводства, освобождать лицъ, содержащихся безъ постановленія уполномоченнаго на то лица или не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Кромѣ того, прокуроры (а въ мое время и всѣ товарищи прокурора въ Петербургѣ) состоятъ директорами общества попечительства о тюрьмахъ, и въ этомъ качествѣ имѣютъ надзоръ за соблюденіемъ смотрителями мѣстъ заключенія порядка въ отношеніи содержанія арестантовъ и управленія мѣстами заключенія, а также заботятся объ удовлетвореніи матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей лицъ, лишенныхъ свободы.

Эта довольно широкая область дѣятельности въ прежнее время еще расширялась въ силу обычаевъ, сохранившихся отъ должности дореформеннаго губернскаго прокурора, основанныхъ на неотмѣнной инструкціи смотрителю, дававшей прокурору право активнаго вмѣшательства въ тюремные порядки. Но мѣстъ

заключенія въ Петербургѣ сравнительно съ настоящимъ временемъ было мало. Не существовала въ своемъ современномъ видѣ одиночная тюрьма на Выборгской сторонѣ, получившая названіе «Крестовъ»,—а Домъ предварительнаго заключенія еще строился особой комиссіей, которая заботилась, между прочимъ, о томъ, чтобы по внѣшности своей это зданіе «не слишкомъ походило на тюрьму», и заказывало для этого очень дорого стоящія рамы итальянскихъ оконъ, выходящихъ на Захарьевскую, — забывая въ то же время устроить въ воздвигаемомъ громадномъ зданіи квасоварню и прачечную... Между директорами тюремнаго комитета были люди, горячо отдавшіеся своей дѣятельности и приносившіе большую пользу своимъ зоркимъ и постояннымъ надзоромъ въ предотвращеніе отступленій отъ законнаго порядка и разныхъ произвольныхъ дѣйствій смотрителей, составъ которыхъ, за исключеніемъ женскаго персонала, бывалъ очень неудаченъ и неудовлетворителенъ. Такими выдающимися директорами, много потрудившимися для упорядоченія тюремнаго дѣла въ Петербургѣ и по устройству различныхъ благотворительно-воспитательныхъ заведеній для арестованныхъ и ихъ дѣтей, были—А. П. Пятковскій и въ особенности В. Н. Никитинъ. Первый—поклонникъ глубокаго гуманиста, князя В. Ѳ. Одоевскаго, либералъ шестидесятыхъ годовъ и издатель сборника «Гражданскихъ мотивовъ»—тогда еще не обратился въ редактора убогаго «Наблюдателя», преисполненнаго безсильнаго злобствованія на то, чему Пятковскій усердно служилъ въ годы своей молодости. Второй — оставилъ цѣнные бытовые очерки «Жизнь заключенныхъ» и богатое по собраннымъ историческимъ матеріаламъ изслѣдованіе «Тюрьма и ссылка». Тюремный комитетъ былъ, однако, составленъ, особливо въ началѣ семидесятыхъ годовъ, довольно неудачно. Въ него вошло нѣсколько пустыхъ крикуновъ, не понимавшихъ дѣла и имъ не занимавшихся, не стремившихся, присосавшись къ офиціальному учрежденію, выбалтать себѣ разныя отличія. Эти «акробаты благотворительности» плотною стѣною окружали предсѣдателя комитета, глуховатаго и упрямаго артиллерійскаго генерала, относившагося къ живому дѣлу съ канцелярской неподвижностью. Заявленія и

указанія Пятковскаго и Никитина, почему-то пугавшія предсѣдателя, заглушались голосами «акробатовъ» и оставлялись безъ вниманія большинствомъ комитета, а на письменныя сообщенія прокурора слѣдовалъ или уклончивый отвѣтъ или увѣдомленіе о «принятіи къ свѣдѣнію».

По переходѣ въ Петербургъ изъ Казани, я узналъ, что мои предшественники махнули рукой на комитетъ, въ виду его состава и направленія, и туда не ѣздили. Поѣхавъ въ ближайшее засѣданіе, чтобы лично убѣдиться въ установившихся тамъ порядкахъ, я былъ встрѣченъ съ явнымъ недружелюбіемъ, какъ нежеланный гость, и, когда попытался поддержать одно изъ заявленій Никитина о нарушеніи правилъ о продовольствіи, допускаемомъ въ Литовскомъ замкѣ, то меня просто не стали слушать... На просьбу мою поставить на баллотировку вопросъ, возбуждаемый мною, предсѣдатель ничего не отвѣтилъ, а на повторенное требованіе отвѣтилъ съ раздраженіемъ: «какой вопросъ? какъ поставить?» и т. д. и когда, наконецъ, послѣ долгихъ моихъ настояній и протестовъ противъ этого большинства — онъ былъ поставленъ, то, какъ говорятъ нѣмцы, man hat kurzen Prozess gemacht—и я былъ торжественно «проваленъ» открытой подачею мнѣній, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы мнѣ и «впредь было неповадно»... Но я рѣшилъ не уступать—и, дождавшись конца засѣданія, заявилъ предсѣдателю, что всѣ мои товарищи прокурора вмѣстѣ съ тѣмъ и директора тюремнаго комитета (а у меня ихъ было 21), и что, если въ слѣдующемъ засѣданіи я не встрѣчу бо̀льшаго вниманія къ заявленіямъ представителя прокурорскаго надзора столицы, то я предложу всѣмъ, подчиненнымъ мнѣ по должности, товарищамъ-директорамъ являться въ засѣданія и буду имѣть въ своемъ распоряженіи подавляющее большинство. Эти слова имѣли довольно неожиданный успѣхъ, и, когда, вмѣсто меня, занятаго другимъ дѣломъ, къ слѣдующему засѣданію въ комитетъ прибылъ товарищъ прокурора В. И. Жуковскій, то предсѣдатель отнесся къ нему весьма предупредительно. Затѣмъ Жуковскій уже обыкновенно ѣздилъ въ комитетъ, такъ какъ завѣдывалъ, по моему порученію, надзоромъ за тюремною частью, чередуясь съ В. А. Желехов-

скимъ, и въ немъ Пятковскій и Никитинъ пріобрѣли надежнаго союзника.

Если мужской тюремный комитетъ оставлялъ желать многаго, то нельзя сказать того же про дамскій. Во главѣ его стояла просвѣщенная дѣятельница, серьезно относившаяся къ принятому на себя званію и сопряженнымъ съ нимъ обязанностямъ — принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская. Вокругъ нея группировались лица, горячо преданныя дѣлу и вносившія въ него ту сердечную заботливость, отсутствіе которой такъ чувствовалось въ рутинномъ дѣлопроизводствѣ мужского комитета. Изъ сношеній своихъ съ директриссами, завѣдывавшими отдѣльными отраслями тюремно-благотворительнаго дѣла и постоянно возбуждавшими различные вопросы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что онѣ близко принимаютъ къ сердцу не только матеріальныя нужды арестантокъ, но и необходимость поднятія ихъ нравственно, я вынесъ искреннее уваженіе къ большинству изъ нихъ.

Горячо, съ любовью и безкорыстіемъ работали онѣ въ той citta dolente, которую представляла тогдашняя тюрьма, со своимъ скуднымъ бюджетомъ и коренными недостатками въ обветшаломъ устройствѣ. Я съ умысломъ упоминаю о безкорыстіи, разумѣя подъ нимъ отсутствіе всякаго рода личныхъ видовъ или честолюбивыхъ поползновеній, отъ чего далеко не всѣ директора мужского комитета были свободны. Почти всѣ директриссы были женами людей, занимавшихъ выдающееся служебное положеніе — и среди нихъ я не помню ни одной, которая несла бы свои, подчасъ весьма тяжелыя, добровольно принятыя обязанности съ прозрачною цѣлью обратить на себя чье-либо вліятельное вниманіе или втереться въ недоступный для нея иначе общественный кругъ. Оглядываясь назадъ, на семидесятые годы, я склоняюсь предъ симпатичными образами Тимашевой, завѣдывавшей женскими арестантскими помѣщеніями при полицейскихъ частяхъ, и Зубовой и Габерзангъ, работавшихъ въ Литовскомъ замкѣ,— но въ особенности мнѣ памятна свѣтлая дѣятельность Е. А. Гернгроссъ и княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Онѣ не завѣдывали никакой опредѣленной отраслью

тюремнаго дѣла въ Петербургѣ, но, если справедливо мнѣніе, высокое назначеніе женщины въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать, то это назначеніе на моихъ глазахъ онѣ обѣ выполняли всецѣло и беззавѣтно. Блестящая свѣтская женщина, одна изъ тѣхъ, которымъ въ старину присваивалось названіе «львицы» — Е. А. Гернгроссъ потеряла нѣжно-любимаго шестнадцатилѣтняго сына, скончавшагося отъ miserere (заворота кишекъ). Говорили, что когда смерть юноши была по опредѣленію врачей неизбѣжна, но не наступала лишь потому, что онъ не прошелъ еще всей стадіи невыносимыхъ не только для него, но и для близкихъ страданій, она сама сократила ихъ, давъ ему успокоительное... *навсегда* лѣкарство. Насколько это вѣрно, извѣстно было лишь ей и Господу, но что смерть сына заставила ее пережить тяжкія душевныя муки — это несомнѣнно. Постарѣвшая сразу на много лѣтъ, она оставила навсегда свѣтъ и его суетныя радости, облекшись въ черное и замкнувшись въ тѣсномъ кругу оставшихся членовъ семьи и немногихъ друзей. Но она не погрузилась въ «нѣмое бездѣйствіе печали», а, переставъ во многихъ отношеніяхъ жить личной жизнью, стала жить для другихъ. Въ тюремномъ дѣлѣ она приняла на себя роль ходатая и заступницы за арестованныхъ, выхлопотавъ разрѣшеніе посѣщать и мѣста заключенія для мужчинъ. Благодаря ей, многіе изъ нихъ имѣли живыя вѣсти очевидицы о своихъ семьяхъ и о близкихъ сердцу людяхъ или получали выпрошенную ею у начальства возможность видѣться съ послѣдними не чрезъ рѣшетку и не въ теченіе скупо отмѣреннаго времени. Изъ большой пачки ея писемъ ко мнѣ, какъ къ прокурору, постоянно слышится неустанная просьба содѣйствовать ей въ ея домогательствахъ о смягченіи тяжести разныхъ нравственныхъ осложненій, нерѣдко связанныхъ съ лишеніемъ свободы, часто напрасныхъ, а иногда и вовсе не нужныхъ.

Нужно ли говорить о княжнѣ Дондуковой-Корсаковой, посвятившей всю жизнь свою, уже совершенно нераздѣльно, съ полнымъ забвеніемъ о себѣ, съ дѣтской вѣрой въ добро и наивнымъ довѣріемъ ко всѣмъ людямъ вообще — заботѣ о «несчастныхъ», утѣшенію ихъ горячимъ, убѣжденнымъ словомъ и облег-

ченію ихъ неустрашимымъ ни предъ какими трудностями дѣломъ? Искренняя скорбь, вызванная недавнею кончиною этой, поистинѣ святой, женщины, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ она была неизмѣнно на протяженіи почти пятидесяти лѣтъ. Неутомимая, несмотря на лѣта и тяжкіе недуги, съ суровымъ, мужественнымъ лицомъ и кроткими глазами подъ прядями сѣдыхъ волосъ, оригинальная въ походкѣ и костюмѣ, «скучная» по мнѣнію однихъ, «странная» по мнѣнію другихъ, лично скромная до крайнихъ предѣловъ и въ то же время гордо увѣренная въ правотѣ своей дѣятельности — она заслуживаетъ подробной біографіи, быть-можетъ, не менѣе, чѣмъ докторъ Гаазъ... Достаточно указать на то, что въ послѣдніе годы своей жизни, княжна Дондукова-Корсакова, зная цѣну и вліяніе на заключенныхъ слова участія и дѣла живого утѣшенія, рѣшилась посвятить остатокъ своихъ дней заботѣ о содержавшихся въ Шлиссельбургской крѣпости. Ей было поставлено условіемъ безотлучное пребываніе на жительствѣ въ крѣпости до самой смерти. Она съ радостью, безъ малѣйшихъ колебаній, несмотря на уговоры любившихъ ее и чтившихъ, принялась за осуществленіе своего намѣренія, и лишь упраздненіе Шлиссельбургской тюрьмы помѣшало этому подвигу послѣднихъ дней этой носительницы «дѣятельной любви» въ сердцѣ своемъ.

По неоднократному опыту зная, какъ иногда успокаиваетъ и примиряетъ «нарушителя закона» съ создавшимся для него положеніемъ слово утѣшенія «по человѣчеству», я высоко цѣнилъ дѣятельность Гернгроссъ и княжны Дондуковой — и нерѣдко заступался за нихъ предъ высшимъ тюремнымъ начальствомъ, которое раздражалось на ихъ «вмѣшательство». Онѣ ослабляли тотъ недугъ озлобленія, который всегда гнѣздится въ мѣстахъ заключенія и овладѣваетъ людьми иногда при одной перспективѣ лишенія свободы. Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ невольно вспоминается свиданіе съ присужденной въ 1875 году къ трехмѣсячному содержанію въ тюрьмѣ укрывательницей похищаемыхъ ея возлюбленнымъ купоновъ одного изъ большихъ кредитныхъ учрежденій, подлежавшихъ погашенію и предъявляемыхъ имъ по частямъ къ оплатѣ въ мѣняльныхъ лавкахъ. Дня черезъ два

послѣ того, какъ мой камерный товарищъ обратилъ приговоръ суда къ исполненію чрезъ полицію, ко мнѣ въ служебный кабинетъ влетѣла раскраснѣвшаяся дама среднихъ лѣтъ, въ модномъ, но небрежномъ костюмѣ, и, сильно жестикулируя, начала кричать, что *это* невозможно, что *этого* никогда не будетъ, такъ какъ она живая не дастся... На мои спокойные вопросы — кто она и что ей нужно? — она объяснила, что полиція требуетъ ея явки для препровожденія въ тюрьму и отобрала отъ нея въ этомъ подписку — и все это дѣлается по моему приказу, но что она ни за что не подчинится этому *душегубству*. Я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и спросилъ: «это я — душегубъ? — Да, вы! возопила она и стала горько плакать, судорожно всхлипывая. Я объяснилъ ей съ возможной мягкостью, что прокуроръ приводитъ въ исполненіе приговоръ суда и является лишь передаточной инстанціей. «Но помилуйте, — говорила она прерывающимся отъ слезъ голосомъ,—вѣдь *онъ* мнѣ не чужой, какъ же я могла отказать спрятать, когда *онъ* просилъ?! вѣдь я не виновата, за что же меня сажать? — Это все, вѣроятно, вашъ защитникъ объяснилъ присяжнымъ, а теперь надо подчиниться ихъ рѣшенію... — Да не могу я, не могу, понимаете ли, не могу! Вѣдь у меня хорошіе знакомые есть, — даже генеральша одна, — какъ же я имъ на глаза покажусь послѣ тюрьмы?! — Если ваша генеральша добрая женщина и васъ любитъ, то не отвернется, зная ваши отношенія къ тому, кто васъ посадилъ, втянувъ въ свое преступленіе, на скамью подсудимыхъ, — а если отвернется, то не стоитъ объ этомъ и жалѣть, — да и у всѣхъ, кто захочетъ васъ осуждать, матеріаломъ для этого будетъ не то, что вы сидѣли въ тюрьмѣ, а то, что васъ привело въ тюрьму.—Да! это такъ,—довѣрчиво взглянувъ на меня опухшими отъ слезъ глазами, сказала она,—вы повѣрите ли — *она* еще, когда только слѣдствіе началось, стала мнѣ спину показывать... — Ну, вотъ видите! — подчинитесь скорѣй приговору и черезъ годъ-другой все забудется. Я обращу на васъ вниманіе двухъ дамъ; онѣ тоже — одна генеральша, а другая княжна — и онѣ спины вамъ показывать не будутъ, а пожалѣютъ о васъ и о *немъ* вамъ разскажутъ, что съ нимъ, и какъ...—Не могу я, голубчикъ прокуроръ, — воскликнула она не-

ожиданно, положивъ мнѣ руку на плечо,—право не могу! голубчикъ! — А вы попробуйте, сядьте, это не такъ уже ужасно, да и неизбѣжно притомъ, — сказалъ я, въ свою очередь кладя ей ласково руку на плечо, — рѣшитесь-ка, знаете, какъ принимаютъ непріятное лѣкарство, — горько, противно, а выпить все-таки надо... сядьте, голубушка! — Такъ вы думаете, надо сѣсть? — сказала она упавшимъ голосомъ, вытирая слезы — и потомъ рѣшительно прибавила — ну, хорошо! только *для васъ*! Для душегуба?—Да для васъ... улыбнулась она и вышла, съ очевидной увѣренностью, что сдѣлала мнѣ большое одолженіе...

Моя прикосновенность къ петербургскимъ мѣстамъ заключенія памятна мнѣ еще по нѣсколькимъ эпизодамъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ Министръ Юстиціи, графъ Паленъ, поручилъ мнѣ, согласно волѣ покойнаго Государя Александра Второго, ознакомить съ устройствомъ и настоящимъ состояніемъ тюремныхъ помѣщеній столицы Великаго Князя Сергѣя Александровича, въ то время стройнаго, нѣсколько застѣнчиваго юношу лѣтъ восемнадцати. Предпославъ обзору продолжительную и подробную бесѣду объ общихъ задачахъ тюрьмовѣдѣнія, о системахъ тюремнаго заключенія и о типахъ тюремъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, я условился съ Великимъ Княземъ о дняхъ, когда онъ будетъ заѣзжать за мною, чтобы ѣхать на осмотръ, о которомъ я рѣшилъ никого не предупреждать. Мы выѣзжали отъ меня обыкновенно часовъ въ 10 утра и успѣли въ теченіе недѣли осмотрѣть всѣ разнообразныя тюремныя помѣщенія Петербурга, за исключеніемъ военной и военно-морской тюремъ. Оставивъ экипажъ гдѣ-нибудь за ближайшимъ угломъ, мы шли пѣшкомъ, и Великій Князь являлся въ эти помѣщенія, какъ частный человѣкъ. Какъ нарочно, я посѣтилъ многія петербургскія тюрьмы незадолго предъ этимъ съ Достоевскимъ, а потомъ съ членами японскаго посольства, между которыми находился тогда, въ скромномъ еще званіи, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ Токузиро-Нисси. Поэтому мой приходъ въ сопровожденіи молодого офицера не возбуждалъ никакихъ вопросовъ. Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, моего спутника узнали. Это было въ Литовскомъ замкѣ, внутри двора котораго, противъ воротъ, была гауптвахта, и находился воен-

ный караулъ. Дежурный часовой призналъ Великаго Князя, ударилъ въ колоколъ, вся команда выбѣжала и выстроилась, и офицеръ, приложивъ руку къ чешуѣ каски, сталъ рапортовать Сергѣю Александровичу. Вся эта церемонія, а затѣмъ уже неизбѣжное представленіе тюремнаго персонала Великому Князю заняли минутъ десять или четверть часа, и, когда мы пошли по коридорамъ тюремнаго замка, предшествуемые на нѣкоторомъ разстояніи озабоченной суетой, то все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, который увеличивался пропорціонально времени, проводимому нами въ зданіи насильственнаго гостепріимства. Въ отдаленныхъ камерахъ арестанты оказались въ новыхъ халатахъ, и пахло уксусомъ, налитымъ на горячія плитки. А когда я въ кухнѣ потребовалъ «пробу», то она оказалась по вкусу и приготовленію несомнѣнно принесенною изъ бракоразводнаго трактира «Роза», помѣщавшагося наискось противъ замка и дававшаго въ своихъ номерахъ пріютъ мужьямъ, продѣлывавшимъ недостойную и грязную комедію, необходимую для полученія развода. Мы посѣтили библіотеку, въ которой я въ 1871 году, по переводѣ моемъ изъ Казани, нашелъ, между прочимъ, такую полезную и успокоительную для заключенныхъ книгу, какъ «Исторія знаменитыхъ побѣговъ изъ тюремъ» (Lés évasions célèbres,— par Bernard), изданную въ русскомъ переводѣ. Зашли мы въ лазаретъ, гдѣ за годъ предъ тѣмъ я былъ свидѣтелемъ комической сцены. Одинъ врачъ, фамиліи котораго не помню, изобрѣтатель новаго способа переливанія человѣческой крови, просилъ разрѣшенія произвести такой опытъ надъ двумя арестантами, выразившими на то свое согласіе. Для присутствованія при этомъ опытѣ пріѣхали новый министръ Д. А. Милютинъ со своимъ высокимъ и стройнымъ адъютантомъ, въ красивой бѣлой фуражкѣ, присвоенной гвардейской тяжелой кавалеріи, — французскій военный агентъ Гальяръ и другія лица. Паціенты лежали на двухъ поставленныхъ рядомъ постеляхъ, между которыми былъ зачѣмъ-то помѣщенъ огромный тазъ съ водою. Докторъ просилъ присутствующихъ не говорить громко и не развлекать паціентовъ, предупредивъ, что всякій испугъ послѣднихъ можетъ повлечь за собою гибельныя для нихъ послѣдствія. Затѣмъ онъ вскрылъ у

обоихъ вены на рукахъ и вставилъ въ нихъ трубочки, соединенныя гуттаперчевымъ каналомъ съ краномъ и съ какими-то сложными приспособленіями. И мы всѣ, при воцарившемся глубокомъ молчаніи, увидѣли, какъ кровь здоровеннаго краснощекаго парня, рѣшившагося подвергнуться опыту, стала явственно вздувать сосуды малокровнаго и истощеннаго арестанта, и какъ мало-помалу оживился его взглядъ и щеки стали покрываться легкимъ румянцемъ. Но вдругъ раздался трескъ, что-то задребезжало, зазвенѣло и тяжело рухнуло среди насъ. Пацiенты вздрогнули и встревожились, а докторъ испуганнымъ и быстрымъ движеніемъ закрылъ кранъ и какіе-то клапаны. Опытъ не былъ доведенъ до конца. Оказалось, что спутникъ военнаго министра, изящный ротмистръ, не могъ перенести зрѣлища переливаемой крови и упалъ въ обморокъ на полъ, разбивъ при паденіи какіе-то кувшины, а бѣлая его фуражка плавно и медленно поплыла въ обширномъ тазу...

Въ другихъ мѣстахъ Великаго Князя не узнавали. Я могъ ему показать наши тюремныя помѣщенія во всей ихъ неприглядной дѣйствительности. Когда мы подошли къ зданію Коломенской части, гдѣ находилось тюремное помѣщеніе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ на краткіе сроки и не нашедшихъ поэтому себѣ мѣста въ земледѣльческой колоніи за Охтой, то ни пристава, ни смотрителя не оказалось въ зданіи. Пришлось ихъ поджидать на крыльцѣ. Мимо насъ два городовыхъ провели мертвецки-пьянаго мужика и скрылись внутри двора. Я предложилъ Великому Князю пойти за ними, чтобы увидѣть, какъ у насъ иногда обращаются съ пьяными и что такое представляютъ камеры для вытрезвленія. Отворивъ на дворѣ дверь въ отвратительную и вонючую комнату нижняго этажа, мы застали пьянаго лежащимъ на спинѣ и безсмысленно мычащимъ, а надъ нимъ наклонившимся одного изъ городовыхъ, который неистово теръ и дергалъ ему уши, что составляло, будто бы, испытанное средство противъ безчувственнаго опьянѣнія. Другой городовой съ философскимъ спокойствіемъ стоялъ у низенькаго окна, заявивъ мнѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ офицера: «а вамъ, господинъ, здѣсь быть не полагается». Вскорѣ

явился приставъ, энергичный майоръ. Онъ повелъ насъ въ камеры арестантовъ и въ школу, гдѣ былъ въ это время опытный и горячо преданный своему дѣлу учитель Песковскій. Соблюдая инкогнито Великаго Князя, я все время бесѣдовалъ съ приставомъ, предоставивъ Князю разговаривать съ Песковскимъ, при чемъ на нѣкоторые его вопросы, приставъ, чувствуя себя старшимъ въ чинѣ, отвѣчалъ довольно небрежно и свысока. Когда мы стали спускаться внизъ по довольно крутой лѣстницѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Господинъ прокуроръ, этотъ офицеръ, который съ вами,—и онъ кивнулъ головой на шедшаго сзади Великаго Князя, — желаетъ посмотрѣть мастерскія внизу: прикажете показать? — Да, господинъ приставъ, покажите, — сказалъ я, — и знаете ли что? будьте немножко полюбезнѣй съ этимъ офицеромъ: онъ, конечно, ниже васъ, но я сообщу вамъ по секрету, что это сынъ Государя Императора». Мой бѣдный майоръ чуть не свалился кубаремъ съ лѣстницы.

Мы были въ домѣ предварительнаго заключенія, тогда только что открытомъ,—посѣтили, въ день отправленія этапной партіи, пересыльную тюрьму, въ старомъ прогнившемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ, и присутствовали при тяжелыхъ сценахъ разставанія близкихъ съ уходящими, какъ говорилось въ тѣ годы, «по Владиміркѣ». Когда этапная партія выстроилась, я пересмотрѣлъ статейные списки и показалъ ихъ Сергѣю Александровичу. Въ одной и той же партіи были убійцы, разбойники и фальшивые монетчики, а также высылаемые на родину за безписьменность. По разспросу нѣкоторыхъ изъ нихъ, оказалось, что причиной невысылки паспорта двумъ или тремъ, бывшимъ въ Петербургѣ при честномъ заработкѣ, было отсутствіе взятки, посланной волостному писарю. «Вотъ посмотрите, — сказалъ я Великому Князю, — что такое наша паспортная система. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Сольскаго засѣдала комиссія, выслушавшая заявленія представителей градоначальства, министерства финансовъ и прокуратуры, а также начальниковъ адреснаго стола и сыскной полиціи о ненужности ни съ какой точки зрѣнія паспортовъ, объ ихъ вредной стѣснительности и дурномъ

вліяніи на развитіе экономической жизни. Она проектировала уничтоженіе паспортовъ, но началась «междувѣдомственная переписка», и весь вопросъ отложенъ въ долгій ящикъ (увы! къ сожалѣнію, онъ и теперь, по прошествіи 40 лѣтъ послѣ окончанія трудовъ комиссіи — продолжаетъ лежать въ томъ же ящикѣ)... Взгляните, Ваше Высочество, на этихъ высылаемыхъ. Вѣдь это, по всей вѣроятности, вполнѣ честные люди, — во всякомъ случаѣ они производятъ такое впечатлѣніе, — и вотъ, вслѣдствіе невольнаго, быть-можетъ, нарушенія «паспортной системы», дающей столько поводовъ для разныхъ злоупотребленій, они обречены многіе дни провести въ компаніи настоящихъ злодѣевъ или порочныхъ людей и притти къ себѣ домой разоренные, оторванные отъ честнаго труда и напитавшіеся ядомъ насильственнаго и безнравственнаго сообщества». При насъ партія двинулась въ путь на желѣзную дорогу, звеня цѣпями, сопровождаемая плачущими женщинами съ бѣдными дѣтьми на рукахъ— сѣрая движущаяся масса, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, торопливо влачащая свое несчастіе и позоръ средь сѣрыхъ домовъ столицы...

Чрезъ нѣсколько дней по окончаніи нашихъ поѣздокъ, Министръ Юстиціи озабоченно спросилъ меня, что именно я показывалъ моему высокому спутнику. Я разсказалъ. Оказалось, что нѣкоторыми высокопоставленными лицами, освѣдомившимися у Сергѣя Александровича о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на него многимъ изъ видѣннаго, было выражено мнѣніе, что я поступилъ неправильно, упустивъ изъ виду, что надо щадить нервы Великаго Князя и не подвергать испытанію его молодую воспріимчивость. Я могъ только подивиться на такую ретроспективную программу моихъ дѣйствій въ качествѣ руководителя въ ознакомленіи съ тюрьмами въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Для полученія же пріятныхъ ощущеній при взглядѣ на эти учрежденія, я, шутя, предложилъ бы недовольнымъ мною обратиться въ дирекцію Императорскихъ театровъ, которая поставила бы послѣдній актъ оперы «Фаустъ». Тамъ пребываніе несчастной Гретхенъ въ тюрьмѣ имѣетъ вокально-инструментальный характеръ и, въ концѣ-концовъ, особливо послѣ апо-

ѳеоза, тяжелаго впечатлѣнія оставить не можетъ... Черезъ много лѣтъ, въ 1898 году, въ Москвѣ Великій Князь, котораго я просилъ, какъ московскаго генералъ-губернатора, содѣйствовать осуществленіе мысли о постановкѣ памятника великому тюремному человѣколюбцу, «святому доктору» Ѳедору Петровичу Гаазу, вспомнилъ нашъ объѣздъ петербургскихъ мѣстъ заключенія и сказалъ мнѣ: «я много видѣлъ тяжелыхъ картинъ на своемъ вѣку, но ничто не производило на меня такого подавляющаго дѣйствія, какъ то, что вы мнѣ показали тогда, — этого нельзя забыть!» — «Я радъ это слышать, — значитъ моя цѣль представить дѣйствительность, а не офиціальную декорацію — была достигнута»... — «О да! и еще какъ!..»

Весьма важнымъ вопросомъ въ дѣятельности прокурорскаго надзора перваго десятилѣтія осуществленія судебной реформы, были взаимныя отношенія прокуратуры и высшей мѣстной администраціи. Судебныя установленія вошли клиномъ въ устарѣлый строй прежнихъ губернскихъ учрежденій, окаменѣлыхъ въ томъ положеніи, которое было начертано еще при Екатеринѣ II. Они были въ своемъ родѣ — употребляя выраженіе римскаго права — insula in fluminae nata, при чемъ эта рѣка, этотъ flumen, стѣсненная въ своемъ теченіи образовавшимся островомъ и не измѣнившимися берегами, часто прекращала свое спокойное и лѣнивое теченіе и негодующе бурлила, стараясь, гдѣ возможно, затопить заставляющій ее оставлять привычное ложе островъ. Такому положенію вещей способствовала обычная несогласованность нашихъ законовъ, дававшая возможность на многія вещи въ явленіяхъ общественной жизни и въ отношеніяхъ глядѣть съ совершенно противоположныхъ и въ то же время одинаково законныхъ съ формальной стороны точекъ зрѣнія. Отсюда обширное поле для всякаго рода недоразумѣній и столкновеній. Въ особенности это обнаружилось на первыхъ порахъ введенія судебной реформы въ губернскихъ городахъ. Губернаторъ, въ большинствѣ случаевъ, привыкалъ смотрѣть на себя не только какъ на высшаго представителя мѣстной административной власти, но и какъ на хозяина губерніи во всѣхъ отношеніяхъ,

предъ которымъ подобострастно склонялось мѣстное общество, за исключеніемъ — да и то не всегда — губернскаго предводителя дворянства и архіерея. Онъ нерѣдко приходилъ въ гнѣвное недоумѣніе, когда подъ бокомъ у него вырастала власть, мѣстные носители которой ни въ чемъ отъ него не зависѣли и отъ которыхъ онъ могъ требовать и ожидать не повиновенія, а лишь вѣжливости и *внѣшняго* уваженія, такъ какъ *внутреннее* надо было еще заслужить. Были, конечно, и тутъ счастливыя исключенія, и мнѣ отрадно вспомнить здѣсь о ярославскомъ губернаторѣ адмиралѣ Унковскомъ, который словомъ и дѣломъ доказалъ свою преданность судебной реформѣ и, понимая ея значеніе, являлся прямодушнымъ ея защитникомъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ Монарху. Не такъ поступало однако большинство сотоварищей почтеннаго адмирала по служебному положенію. Они не скупились на письменныя сообщенія въ Петербургъ о колебаніи авторитета власти со стороны чиновъ судебнаго вѣдомства, а въ личныхъ бесѣдахъ, ведомыхъ въ столицѣ, многозначительно подчеркивали каждую шероховатость, столь свойственную новому дѣлу, возводя какую-либо личную неловкость по отношенію къ себѣ изъ области анекдота въ область вопіющаго событія или, наоборотъ, облекая свое собственное служебное самодурство въ форму невиннаго и только забавнаго анекдота. Положеніе министерства юстиціи при этомъ было довольно затруднительнымъ. Люди, пользовавшіеся благами новаго суда, не имѣли поводовъ и возможности выразить, чѣмъ они ему обязаны, но голоса недовольныхъ очень быстро создали вокругъ судебнаго вѣдомства атмосферу скрытаго недоброжелательства и подозрительной недовѣрчивости. Между «потерпѣвшими отъ новаго суда» — однихъ возущала испытанная на себѣ гласность производства, — другимъ трудно было переварить равноправность на дѣлѣ, а не на словахъ только, — третьихъ раздражало то, что «судейскіе», еще недавно столь услужливые, въ лицѣ разнообразныхъ секретарей, допускавшіе брезгливо-фамильярное съ собою обращеніе, — стали «что-то такое о себѣ воображать» и все подводить подъ несносное иго «ихнихъ законовъ» и т. д. Недовольны были чиновники разныхъ вѣдомствъ особыми правами и

преимуществами судей и тѣмъ, что за такую же службу, какую несутъ и другіе, они получаютъ гораздо большее, за исключеніемъ лишь акцизныхъ чиновъ, вознагражденіе... Зависть, облеченная въ разныя формы, не хотѣла, а быть можетъ, и не могла понять, что между работою мыслящаго и способнаго чувствовать судьи и работою столоначальниковъ разныхъ ранговъ была громадная разница въ нравственной тяжести, и что составленіе «исходящихъ» по приказанію начальника не могло итти въ сравненіе съ необходимыми сомнѣніями при рѣшеніи матеріальной или личной судьбы человѣка. Отсюда настойчивое исканіе случаевъ, когда можно было въ печати или въ докладахъ по начальству высказать огорченіе и негодованіе на судебное вѣдомство, отсюда та бухгалтерія особаго рода, по которой *въ пассивъ* новыхъ судовъ преувеличенно крупнымъ шрифтомъ вписывались малѣйшіе промахи и неизбѣжныя ошибки, а *въ активъ* ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при старомъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Все это, вмѣстѣ взятое, въ концѣ семидесятыхъ годовъ нашло себѣ неожиданнаго, хотя и по другимъ мотивамъ, союзника въ Катковѣ съ его страстнымъ походомъ противъ «судебной республики».

Понятно, что Министерство Юстиціи старалось, чѣмъ могло, ослабить почти съ первыхъ же дней судебной реформы враждебный натискъ и жить въ мирѣ съ администраціей, насколько это было совмѣстимо съ задачами и достоинствомъ судебнаго вѣдомства, которыя во время, мною вспоминаемое, понимались широко и согласно съ ихъ истиннымъ смысломъ. По характеру своей дѣятельности въ наиболѣе частое дѣловое соприкосновеніе съ администраціей приходилъ прокурорскій надзоръ. По Судебнымъ Уставамъ прокурору по изслѣдованію преступленій была подчинена полиція. Надзирая за нею при производствѣ слѣдствій и дознаній, онъ имѣлъ право подвергать ея чиновъ предостереженіямъ и замѣчаніямъ и могъ передавать ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда; онъ предлагалъ губернскому правленію и полиціи объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ; онъ имѣлъ право давать и не давать ходъ жалобамъ полиціи

на приговоры мировыхъ судей; онъ облеченъ былъ особыми правами по дѣламъ казенныхъ управленій и по ряду дѣлъ, сопряженныхъ такъ или иначе съ прямой или косвенной дѣятельностью полиціи. Наконецъ, прокуроръ имѣлъ непосредственное отношеніе къ порядку, условіямъ и основаніямъ содержанія арестантовъ въ губернскихъ и полицейскихъ мѣстахъ заключенія. Все это содержало въ себѣ достаточно поводовъ для взаимнаго раздраженія служебнаго самолюбія и для разнаго рода столкновеній на почвѣ застарѣлой рутины, неисполненія долга, небрежности или опьянѣнія виномъ власти, бросившимся въ голову.

Судебная реформа въ Казанскомъ округѣ застала меня въ должности самарскаго губернскаго прокурора. Когда на предложеніе Министра Юстиціи, графа Палена, занять должность прокурора самарскаго Окружного Суда, я высказалъ желаніе быть назначеннымъ не въ Самару, а въ Казань, то графъ К. И. Паленъ, выражая свое на это согласіе, сказалъ мнѣ однако: «но вы знаете, вѣдь тамъ губернаторомъ Скарятинъ: ему новый судъ будетъ поперекъ горла, и вамъ съ нимъ будетъ очень трудно». То же самое, но только въ болѣе энергическихъ выраженіяхъ мнѣ повторили разныя лица, освѣдомленныя о казанскихъ дѣлахъ. По дорогѣ къ моему новому мѣсту служенія, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, я наслушался почти легендарныхъ разсказовъ о личности и дѣйствіяхъ казанскаго губернатора, который оказывался не только всевластнымъ распорядителемъ въ своей губерніи, но даже и нѣкоторой грозой для сосѣднихъ губернаторовъ, съ которыми никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ признать себя солидарнымъ и надъ административными мѣропріятіями которыхъ на словахъ и на дѣлѣ всячески издѣвался.

Когда я пріѣхалъ къ нему съ офиціальнымъ визитомъ, меня встрѣтилъ высокій, нѣсколько сутуловатый, пожилой человѣкъ съ сѣдою, коротко остриженною головою, большими темными усами и молодыми горящими глазами, подъ густыми бровями, на энергическомъ и умномъ лицѣ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, вызываемыхъ первымъ знакомствомъ, онъ сказалъ мнѣ съ недоброю улыбкой, что очень жалѣетъ, что наше знакомство бу-

детъ такъ непродолжительно. «Почему непродолжительно?—спросилъ я. — Да помилуйте! — внезапно покраснѣвъ, воскликнулъ онъ: — развѣ я могу оставаться на службѣ при новыхъ судахъ? Когда я пріѣхалъ сюда много лѣтъ назадъ губернаторомъ, мнѣ на другой день нѣмецъ-полицеймейстеръ докладываетъ, что все въ городѣ благополучно, всего три *тѣла* найдено. Какія *три тѣла*?—спрашиваю.—А убитыхъ, отвѣчаетъ нѣмецъ.—Какъ?—говорю,—три убитыхъ, и это благополучно?—Да,—говоритъ тотъ преспокойно,—обыкновенно бываетъ больше.—Въ одинъ день?!—Да, въ одинъ день»... Вотъ, что я засталъ въ Казани! Я перемѣнилъ всю полицію, всѣхъ училъ самъ, ѣздилъ по ночамъ повѣрять посты и «натаскалъ» своихъ такъ, что у меня первая полиція въ Россіи. Они знаютъ, что я цѣню ихъ службу, но ужъ и спуску не дамъ. Я для нихъ какъ отецъ, но отецъ строгій. И вотъ теперь новые суды, и, говорятъ, прокуроръ имѣетъ право дѣлать предостереженіе моимъ чиновникамъ и даже въ судъ ихъ тащить. Значитъ у нихъ два начальства? и я для господина прокурора трудился? Да они меня въ грошъ ставить не будутъ! Какой же я послѣ этого начальникъ губерніи? Да при такомъ порядкѣ я не могу отвѣчать за спокойствіе края. Нѣтъ, ужъ лучше въ отставку! Пусть кто-нибудь другой приспособляется къ этимъ порядкамъ, а я ужъ старъ. Покорнѣйше благодарю! — говорилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь и энергически хлопая рукою по ручкѣ кресла. — Я молчалъ. — Вы вѣдь имѣете право давать предостереженія?—спросилъ онъ меня, немного успокоясь, тономъ, въ которомъ звучала слабая надежда, что, быть можетъ, я его разувѣрю въ существованіи такого ужаснаго права. — Имѣю, — сказалъ я. — И будете давать? — Буду, если къ этому представится надобность. — Ну, вотъ видите! — снова загорѣлся онъ:—какъ же намъ,—мнѣ, старику, и вамъ — извините меня — молодому человѣку, дѣлить власть надъ полиціей? Ужъ вы и оставайтесь, а я уйду-съ, не могу! И по лицу его пробѣжала легкая судорога, а глаза затуманились. — Разъ я назначенъ, я останусь, сказалъ я ему твердо, — да и вамъ, ваше превосходительство, нѣтъ никакого основанія уходить. Сколько мнѣ извѣстно, никто не отрицаетъ образцоваго состоянія

вашей полиціи и той строгости, съ которой вы относитесь къ исполненію ею своихъ обязанностей. Къ этимъ обязанностямъ относится и исполненіе требованій судебной власти по дознаніямъ и слѣдствіямъ. Несомнѣнно, что вы пожелаете, чтобы разумная исполнительность полиціи проявлялась въ ея дѣятельности и въ этомъ отношеніи. Я настолько увѣренъ въ этомъ, что, въ случаѣ нарушенія чинами полиціи своихъ обязанностей, буду прежде всего сообщать объ этомъ вамъ, прося лишь увѣдомить меня о послѣдствіяхъ моего сообщенія. Вотъ если мои справедливыя обращенія къ вамъ не найдутъ себѣ удовлетворенія, и чины полиціи такимъ образомъ станутъ вмѣнять ни во что требованія судебныхъ властей, то я, конечно, буду вынужденъ прибѣгнуть къ осуществленію тѣхъ правъ, которыми меня вооружилъ законъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ вами будутъ приняты мѣры, которыя, не колебля ни въ чемъ вашего авторитета, пріучатъ чиновъ полиціи къ искреннему и усердному содѣйствію судебнымъ чинамъ въ ихъ тяжеломъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.—Ахъ, это будетъ такъ?—сказалъ, просвѣтлѣвъ, Скарятинъ: вы значитъ будете писать о нарушеніи не имъ, а мнѣ, а я уже буду налагать взысканія? Ну, это дѣло другое: тутъ мы всегда можемъ столковаться: я вѣдь своимъ потачки давать не намѣренъ!» На этомъ мы разстались. Полиція въ Казани, дѣйствительно, была образцовая, и въ средѣ ея былъ даже одинъ приставъ, отличавшійся выдающимися способностями по розыску слѣдовъ и доказательствъ преступленій, такъ что изъ него могъ бы выйти второй Путилинъ. Но все-таки раза два или три въ средѣ чиновъ уѣздной полиціи было допущено такое бездѣйствіе или медленность и нерадѣніе, что имѣлись на лицо побудительныя основанія къ сдѣланію предостереженія или замѣчанія. Каждый разъ я писалъ объ этомъ Скарятину съ указаніемъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать предостереженіе или замѣчаніе, я сообщаю объ обнаруженномъ нарушеніи ему, и почти немедленно получалъ отвѣтъ о наложеніи имъ на виновнаго такого дисциплинарнаго взысканія, которое далеко превосходило тѣ безобидныя увѣщанія, на которыя я былъ уполномоченъ закономъ.

Вообще надо замѣтить, что Скарятинъ, весьма ревниво относившійся къ своей власти и любившій наводить страхъ на своихъ подчиненныхъ, очень быстро призналъ въ существованіи независимаго отъ него судебнаго вѣдомства совершившійся фактъ и не только примирился съ нимъ, но и въ значительной степени ограничилъ свои самовластныя привычки, стараясь, гдѣ можно, показать, что онъ не только не противникъ, но даже другъ судебнаго вѣдомства. Онъ часто и съ большимъ интересомъ посѣщалъ судебныя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ, не мало смущая своимъ присутствіемъ полицейскихъ чиновъ, явившихся свидѣтелями; — въ виду нищенски-скудныхъ средствъ, отпущенныхъ на внутреннее устройство суда, онъ, собиравшійся выйти по поводу открытія этого суда въ отставку, устроилъ — mirabile dictu — на свой счетъ мѣста для публики въ гражданскомъ отдѣленіи суда и обилъ его полъ сукномъ, чтобы заглушить шумъ шаговъ. Всякое законное требованіе прокурорскаго надзора встрѣчало съ его стороны полнѣйшее содѣйствіе. Этому въ значительной степени способствовало — какъ это ни покажется страннымъ — только что введенное въ Казани Городовое Положеніе 1874 года. По этому Положенію протесты представителя административной власти въ городѣ и жалобы на опредѣленія Думы поступали на разрѣшеніе особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ губернатора или градоначальника, изъ вице-губернатора или помощника градоначальника, управляющаго Казенной Палатой, предсѣдателя губернской земской Управы, предсѣдателя мирового Съѣзда, городского головы и прокурора Окружного Суда. Введеніе лица судебнаго вѣдомства въ составъ этого присутствія было весьма мудрою мѣрой во многихъ отношеніяхъ и ставило этого представителя въ исключительное по своему значенію положеніе. Въ дѣйствительности три члена присутствія были «казенными» людьми и обыкновенно были одного направленія; трое другихъ были людьми выборными и, такъ сказать, земскими — и лишь седьмой, юристъ по профессіи, по роду и свойству своей дѣятельности не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой группѣ, но по отношенію къ толкованію закона обладалъ между ними наибольшей

компетенціей. А законъ, особливо въ виду новизны дѣла и спорнаго смысла нѣкоторыхъ статей Городового Положенія, на первыхъ порахъ почти постоянно требовалъ толкованія и разъясненія. Не связанной общностью службы и интересовъ ни съ казенными, ни съ земскими людьми, почти всегда дѣлившимися на два лагеря, прокуроръ своимъ голосомъ давалъ перевѣсъ той или другой сторонѣ и въ сущности являлся зачастую рѣшителемъ вопроса. Отсюда понятно, сколь цѣннымъ представлялся его голосъ губернатору, когда дѣло шло объ опротестованіи послѣднимъ постановленія Думы или когда, наоборотъ, ему хотѣлось, чтобъ постановленіе это осталось въ своей силѣ.

По отношенію къ Скарятину существовала еще одна особенность. По Городовому Положенію не полагалось особой должности секретаря особаго присутствія, и эту обязанность приходилось бы поручить кому-нибудь изъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи. Но при Скарятинѣ эта канцелярія была сведена почти на нѣтъ, и я въ теченіе всего своего пребыванія въ Казани даже никогда не слышалъ о томъ, *кто* правитель губернской канцеляріи. Правителя канцеляріи — обыкновенно столь вліятельнаго, подчасъ и зловреднаго — у энергическаго казанскаго губернатора фактически не существовало. Нетерпѣливый и рѣшительный, послѣдній все дѣлалъ самъ, начиная съ распечатыванія почты, и безвѣстные чиновники исполняли его состоявшіяся безъ всякихъ докладовъ резолюціи. Въ этомъ была его большая и рѣдкая въ то время заслуга. Поэтому открытіе засѣданій новаго и пестраго по составу учрежденія застало его, такъ сказать, врасплохъ. Тогда я, живо интересуясь новымъ дѣломъ и правильной постановкой городского самоуправленія, предложилъ фактически принять обязанности секретаря присутствія на себя, на что всѣ съ радостной готовностью согласились. Пришлось вести журналъ засѣданій и писать всѣ постановленія, изъ которыхъ многія представлялись, въ порядкѣ обжалованія, въ Сенатъ. Питая къ Сенату суевѣрный страхъ, Скарятинъ очень дорожилъ этой моею дѣятельностью и готовъ былъ на всякія уступки при разногласіяхъ по преданію суду должностныхъ лицъ и по другимъ вопросамъ, въ которыхъ администрація соприкасалась съ судомъ. Онъ бо-

ялся, что я откажусь секретарствовать, на что я ему иногда намекалъ, и онъ останется въ новомъ для него дѣлѣ, какъ въ темномъ лѣсу. Къ сожалѣнію, послѣ моего отъѣзда изъ Казани, мѣстная прокуратура не оцѣнила значенія принятой мною на себя роли, да и вообще не умѣла удержать отвоеваннаго для судебнаго вѣдомства положенія и вліянія на губернатора. Скарятинъ почувствовалъ, что тѣ, кого онъ боялся, сами плохо вѣрятъ въ свою силу, а отъ добрыхъ отношеній съ ними никакой непосредственной пользы нѣтъ. Притихшія на время замашки сатрапа и плохо скрываемое презрительное недоброжелательство къ реформамъ Александра II проснулись въ немъ и развернулись столь широко, что черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ревизіи сенатора Ковалевскаго, онъ былъ уволенъ въ отставку и не преданъ суду за возмутительныя насилія надъ правами и вѣрованіями мѣстнаго татарскаго населенія, лишь вслѣдствіе излюбленной у насъ системы поддержки авторитета власти путемъ бездѣйствія закона.

Иначе велось дѣло въ петербургскомъ столичномъ городскомъ присутствіи подъ предсѣдательствомъ петербургскаго градоначальника Ѳедора Ѳедоровича Трепова. Будучи назначенъ на эту должность въ 1866 году, онъ нашелъ петербургскую полицію въ полномъ упадкѣ. Его ближайшіе предшественники играли роль начальства, но почти не заботились о правильной организаціи полицейскаго порядка въ столицѣ и о надзорѣ за нимъ, несмотря на то, что архаическое устройство стараго городского управленія дѣлало ихъ почти полновластными хозяевами въ городѣ. Одни изъ нихъ, какъ грубоватый Галаховъ, носились по улицѣ въ сопровожденіи верхового пожарнаго солдата и, надѣвъ пожарную каску, принимали личное участіе въ тушеніи пожаровъ, внося въ окружающихъ оторопь и смуту; другіе, подобно графу Шувалову, относились высокомѣрно къ своимъ сослуживцамъ и брезгали носить полицейскій мундиръ. При этомъ ни одинъ изъ нихъ не былъ подготовленъ къ этой своей дѣятельности. Вслѣдствіе этого, петербургская полиція, въ лицѣ многихъ изъ своихъ чиновъ, дошла до крайнихъ предѣловъ распущенности и мздоимства, на что можно найти частыя указанія въ эзоповскомъ языкѣ и карикутарахъ повременныхъ изданій, несмотря на

строгость тогдашней цензуры. Для характеристики этихъ нравовъ я позволю себѣ прервать нить моихъ воспоминаній и привести факты, какъ говорится, «изъ другой оперы».

Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ жилъ талантливый художникъ Рудольфъ Жуковскій. Онъ изобразилъ между прочимъ рядъ петербургскихъ типовъ, снабдивъ свои рисунки остроумными подписями и издавъ ихъ подъ названіемъ—кажется—«Петербургъ подъ карандашомъ Жуковскаго». Онъ нарисовалъ также для «Пантеона и репертуара», журнала, издававшагося моимъ отцомъ, для разсылки подписчикамъ, въ видѣ приложенія, двѣ картины, изображавшія разъѣздъ изъ Александровскаго и Большого театровъ, составляющія нынѣ большую библіографическую рѣдкость. На одной изъ нихъ было изображено, какъ городовой тузитъ сбитенщика, замѣшкавшагося между экипажами, а на другой — городовой везетъ въ саняхъ бушевавшаго пьянаго, а такъ называемый хожалый препровождалъ «на съѣзжую» на веревочкѣ подозрительнаго субъекта въ шинели. Цензура зачеркнула нѣкоторыя фигуры, и вмѣсто одной изъ нихъ появилось изображеніе редактора «Сѣверной пчелы» Булгарина, ѣдущаго въ саняхъ съ какой-то дамой. Несмотря, однако, на это, мой отецъ получилъ слѣдующее письмо отъ Жуковскаго, характеризующее взгляды тогдашняго главы петербургской полиціи и окружавшую его служебную среду.

М. Г. Ѳедоръ Алексѣевичъ! Призывалъ меня Оберъ... и такъ былъ недоволенъ, что чуть было не вышелъ изъ границъ приличія, онъ почти, можно сказать, ругалъ меня въ присутствіи гражданскаго губернатора, который, повидимому, для того явился, чтобы на меня поглядѣть. Нажилъ я себѣ друзей! Вотъ каково у насъ! Нельзя ничего рисовать. Это такое необычайное явленіе у насъ, что Обер... ужасается—«какъ можно (говоритъ онъ), чтобы на картинкѣ возили городовые пьяныхъ, развѣ это видно гдѣлибо? Какъ можно представлять хожалыхъ, провожающихъ на веревочкѣ воришковъ. Вы въ русской службѣ и срамите русскихъ и т. д. Но развѣ я тому виноватъ, что почти ежедневно случается съ живымъ въ здѣшнемъ мірѣ. Я привыкъ это видѣть такъ обыкновеннымъ, что безъ всякаго умысла и безъ страха за отвѣтствен-

ность, нарисовалъ. Цензура дважды разсматривала оные и окончила позволеніемъ печатать, дабы по отпечатаніи 7 экземпляровъ было представлено въ цензурный комитетъ. Я чистъ какъ Христосъ предъ Пилатомъ, а полиція хочетъ меня проглотить: я боюсь за себя, ибо я человѣкъ маленькій и вчера былъ похожъ на кролика въ крокодиловой пасти. Поперемѣнно высовывались одинъ изъ-за другого непріятные, полуобритые чиновники, съ язвительною улыбкой, съ изумленіемъ смотрѣвшіе на меня. Спаси меня, Господи, видѣть ихъ когда-либо вторично! Если вы можете—разувѣрьте Обер... что эта новость очень нравится публикѣ и что въ числѣ ея и онъ тоже публика: что же ему сердиться?..

Вашъ слуга
Р. Жуковскій.

Въ противоположности своимъ предмѣстникамъ, Треповъ прошелъ въ должности варшавскаго генералъ-полицеймейстра большую практическую школу и явился въ Петербургъ съ запасомъ богатаго опыта. Онъ очистилъ составъ полиціи, переименовалъ и обставилъ ея чиновъ прилично въ матеріальномъ отношеніи, а во главѣ своей канцеляріи поставилъ просвѣщеннаго юриста С. Ф. Христіановича—человѣка «судебнаго» въ душѣ и гуманнаго по сердцу, который въ свою очередь сумѣлъ поручить отдѣльныя части управленія градоначальника лично выбраннымъ имъ дѣятелямъ, чуждымъ прежней рутины. Подвижной, энергичный, дѣятельный, во все входящій, доступный и участливый къ нуждамъ обращавшихся къ нему лицъ, Треповъ вскорѣ стяжалъ себѣ между простымъ народомъ чрезвычайную популярность. Очень мало подходя подъ типъ поверхностныхъ военныхъ бюрократовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, въ то время было немало,—обязанный своимъ положеніемъ не связямъ и происхожденію, онъ умѣлъ проявлять въ нѣсколькихъ случаяхъ значительную независимость характера. Эти его свойства, а также довѣріе къ нему Государя и широкія милости, ему оказанныя, дѣлали его бѣльмомъ на глазу многихъ представителей служебныхъ сферъ, гдѣ господствовала праздная офиціальная болтовня и топтаніе на мѣстѣ. Вообще, несмотря на нѣкоторые свои недостатки,

это былъ живой человѣкъ среди «повапленныхъ гробовъ», какими являлось большинство тогдашнихъ сановныхъ администраторовъ. Для квіетизма тѣхъ изъ нихъ, кому было суждено приходить съ нимъ въ служебное прикосновеніе, онъ былъ въ своей кипучей дѣятельности своего рода явнымъ укоромъ. Inde irae! Его не любили, боялись и злословили, распуская на его счетъ разныя некрасивыя легенды, въ которыхъ, несомнѣнно, Dichtung процвѣтала на счетъ Warhheit. Нельзя, однако, не замѣтить, что и тамъ, гдѣ Warhheit была безусловно противъ него, какъ, напримѣръ, въ томъ его самовластномъ беззаконіи, которое привело, въ концѣ-концовъ, къ извѣстному процессу Засуличъ, будущій безпристрастный историкъ долженъ будетъ возстановить правильную перспективу и поставить по меньшей мѣрѣ на одномъ ряду съ нимъ тѣхъ, гораздо болѣе просвѣщенныхъ сановниковъ, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, что ему въ данномъ случаѣ дѣлать, и которые или уклонились отъ возраженій, умывъ себѣ заранѣе руки въ томъ, что *имѣло* совершиться, или же, какъ онъ самъ повсюду утверждалъ, укрѣпили его въ его злополучномъ намѣреніи.

За все время моей службы въ прокуратурѣ Треповъ относился къ судебному вѣдомству съ большимъ уваженіемъ и предупредительностью, настойчиво, а иногда и грозно требуя того же отъ своихъ подчиненныхъ. Я не могу припомнить какихъ-либо произвольныхъ дѣйствій съ его стороны по отношенію къ судебнымъ дѣламъ. При немъ было совершенно невозможно распоряженіе одного изъ его позднѣйшихъ преемниковъ, которому вино власти до такой степени ударило въ голову, что онъ, *находя*, что домовладѣлецъ Михайловъ, приговоренный мировымъ судьею къ штрафу въ двѣсти рублей съ замѣною арестомъ на два мѣсяца, можетъ воспользоваться установленнымъ срокомъ для подачи отзыва и апелляціи, приказалъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе въ административномъ порядкѣ, лишивъ такимъ образомъ подсудимаго принадлежавшаго ему по закону права обжалованія. Наоборотъ, въ двухъ случаяхъ, которые въ слѣдующее десятилѣтіе послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ, могли бы окончиться трагически и кровопролитно,

а именно при произведенныхъ студентами безпорядкахъ во дворѣ и около Технологическаго института въ 1874 году и при нападеніи рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода на контору управленія съ ея полнымъ разгромомъ, вслѣдствіе самовольнаго удержанія управляющимъ жалованья рабочимъ передъ Пасхой, ассигнованнаго распоряженіемъ правленія, Треповъ прежде всего обратился за содѣйствіемъ къ судебной власти и отдалъ себя въ полное ея распоряженіе, благодаря чему оба дѣла окончились вполнѣ закономѣрно и мирно. Я не могу также забыть той тревоги и справедливаго осужденія, съ которыми онъ относился къ раздуванію и безконечной длительности такъ называемаго Жихаревскаго политическаго дѣла, къ коему было привлечено съ лишенною основанія поспѣшностью и неразборчивостью въ цѣляхъ и средствахъ, около тысячи человѣкъ, изъ которыхъ были впослѣдствіи признаны виновными лишь 10%. По всѣмъ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ дѣятельности судебнаго вѣдомства, Треповъ не принималъ рѣшенія, не прославъ своего помощника, генерала Козлова, посовѣтоваться со мною, и былъ всегда благодаренъ за указаніе ему пути, согласнаго съ тѣмъ, что, по его любимому выраженію, «гласитъ законъ». Я имѣю основаніе быть убѣжденнымъ, что, если бы я занималъ еще должность прокурора въ іюлѣ 1877 года, Треповъ безъ труда согласился бы отказаться отъ своего, чреватаго послѣдствіями, намѣренія, приведшаго къ процессу Вѣры Засуличъ.

У меня сохранилось нѣсколько его записокъ о томъ или другомъ видѣ помощи разнымъ несчастливцамъ, записокъ, въ которыхъ одновременно сказывалось и его участіе къ человѣческому горю, и его враждебныя отношенія съ орѳографіей, подававшія поводъ его хулителямъ утверждать, будто бы онъ умѣетъ дѣлать въ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, *четыре* ошибки (еще — ѣсчо). Среди ряда такихъ случаевъ мнѣ особенно памятно горячее участіе, принятое имъ въ бѣдной дѣвушкѣ, желавшей выйти замужъ за любимаго ею арестанта-студента, приговореннаго Сенатомъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Высшая судебно-тюремная администрація, съ которою Треповъ былъ въ боль-

шихъ — и справедливыхъ съ его стороны — неладахъ, опираясь на разныя формальности, не разрѣшила этого брака въ Петербургѣ, а рекомендовала невѣстѣ ѣхать для этого въ городъ, гдѣ будетъ водворенъ ея женихъ, т. е. обрекала ее на долгій путь въ не опредѣленное заранѣе мѣсто, въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, въ тоскѣ и мукахъ неизвѣстности. Когда мнѣ удалось повліять на рѣшеніе вопроса въ противоположномъ смыслѣ, Треповъ выражалъ искреннюю радость и предложилъ достать новобрачной даровые билеты на желѣзную дорогу и пароходы.

Введеніе въ Петербургѣ городового положенія — на годъ позже, чѣмъ въ Казани — возлагала на градоначальника, въ качествѣ предсѣдателя особаго присутствія по городскимъ дѣламъ, новыя обязанности въ обновленномъ дѣлѣ городского самоуправленія. Поэтому онъ очень цѣнилъ мое участіе въ особомъ присутствіи, въ виду моего знакомства съ дѣятельностью такого учрежденія еще по Казани. Вслѣдствіе сложной и обширной работы, лежавшей на прокуратурѣ столичнаго Окружного Суда, о моемъ секретарствѣ въ особомъ присутствіи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что Треповъ устроилъ назначеніе особаго секретаря для присутствія, человѣка весьма дѣльнаго и обстоятельнаго, г. Вырвича. Но я неуклонно посѣщалъ всѣ засѣданія и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, что обусловливалось не только интересомъ къ городскому самоуправленію, но и тѣмъ, что нашъ предсѣдатель смотрѣлъ на прокурора не какъ на простого члена присутствія, а какъ на юрисконсульта, обращаясь къ нему, немедленно послѣ доклада Вырвичемъ дѣла, съ предложеніемъ высказать свое заключеніе. Поэтому такое заключеніе приходилось подробно мотивировать, а для этого тщательно изучать и дѣла, и городовое положеніе, тогда еще представлявшее много вопросовъ, не разъясненныхъ и не истолкованныхъ Сенатомъ. Треповъ оказался весьма хорошимъ предсѣдателемъ, — велъ засѣданіе быстро и дѣловито, умѣло пресѣкая развитіе той болѣзни, которою страдаютъ у насъ многіе изъ членовъ коллегій и которую я назвалъ бы «недержаніемъ словъ». Онъ ясно и выразительно ставилъ вопросы и придавалъ разсмотрѣнію дѣла необходимый, но не всюду соблюдаемый

характеръ серьезности. Такъ проработали мы вмѣстѣ первые четыре года городского самоуправленія Петербурга. Вопросы, доходившіе до присутствія за это время, имѣли важное значеніе и сами по себѣ, и по способу разрѣшенія ихъ въ Думѣ, который, будучи признанъ правильнымъ со стороны присутствія, обращался въ узаконенный обычай для всѣхъ дальнѣйшихъ подобныхъ же случаевъ.

Между такими вопросами особенно вспоминаются мнѣ — выкупъ городомъ водопроводовъ и устройство второй линіи конножелѣзныхъ дорогъ. По первому изъ нихъ особому присутствію приходилось рѣшить, относится ли постановленіе городской Думы о выкупѣ водопроводовъ къ такимъ, для законности которыхъ необходимы двѣ трети голосовъ не менѣе половины *всего числа* гласныхъ (ст. 67 городового положенія 1874 года). Въ городской Думѣ такое постановленіе состоялось по простому большинству *наличныхъ* гласныхъ — и оно было опротестовано градоначальникомъ. Подробно разобравъ всѣ возраженія, могущія быть сдѣланными противъ голосованія, допущеннаго Думой, я высказался за законность ея дѣйствій — и Треповъ, не настаивая на своемъ протестѣ, согласился со мною. По второму дѣлу предстояло строго разграничить постановленіе Думой рѣшеній отъ ихъ исполненія, область дѣйствій Думы отъ области дѣйствій городской управы. Дума рѣшила не назначать торговъ на устройство второй сѣти столичной конки, а избрать изъ восьми коллективныхъ конкурентовъ, въ собраніи своемъ, закрытой баллотировкой одного, которому и дать концессію. Противъ этого протестовалъ гласный В. И. Лихачевъ (будущій городской голова), указавшій, что по закону выборъ концессіонера долженъ принадлежать управѣ, а не Думѣ и что избраніе въ такомъ многолюдномъ и не мотивирующемъ своихъ рѣшеній собраніи, какъ Дума, можетъ состояться подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ огласилъ три письменныхъ обязательства различныхъ конкурентовъ, коими тѣ обязывались уплатить — въ случаѣ выдачи концессіи именно имъ — «Милостивому Государю» или просто «предъявителю обязательства» — одинъ — триста рублей чрезъ мѣсяцъ послѣ балло-

тировки,—другой—четыреста на другой день, а третій—шестьсотъ рублей на третій день... Къ протесту Лихачева присоединилось еще шесть гласныхъ, въ числѣ коихъ былъ и извѣстный общественный и государственный дѣятель А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Но Дума не вняла протесту и большинствомъ 125 голосовъ противъ 48 отдала концессію Губонину и Башмакову. На такія дѣйствія Думы одною изъ группъ конкурентовъ — Рунцлеромъ и Безобразовымъ, получившею 86 голосовъ — была принесена жалоба въ особое присутствіе, остальные же конкуренты примирились съ постигшей ихъ неудачей, очевидно въ виду малаго количества голосовъ, поданныхъ въ ихъ пользу, колебавшагося отъ 9 до 33. Получивъ концессію, данную такимъ большинствомъ, Губонинъ и Башмаковъ, съ чрезвычайной энергіей приступили къ заготовкѣ и поставкѣ необходимаго для осуществленія предпріятія матеріала, съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени имѣть возможность открыть движеніе по новымъ линіямъ.

Дня за два до слушанія жалобы въ особомъ присутствіи меня посѣтилъ градоначальникъ, чтобы переговорить по дѣлу второй конки и ознакомиться съ моимъ взглядомъ на дѣйствія Думы. Я сообщилъ ему, что признаю жалобу заслуживающею уваженія, такъ какъ Дума присвоила себѣ права и обязанности управы, на которой, по силѣ 72 ст. городового положенія, лежитъ приведеніе, тѣмъ или другимъ способомъ, въ исполненіе рѣшеній Думы. Присвоивая себѣ исполнительныя дѣйствія и сливая въ одно постановку рѣшенія и осуществленіе его на практикѣ, Дума вышла изъ предѣловъ своей дѣятельности, точно намѣченной 55 ст. городового положенія. Масса гласныхъ, присутствующихъ въ засѣданіи Думы — едва ли можетъ, съ пользою, участвовать въ принятіи исполнительныхъ дѣйствій, требующихъ особаго навыка, опытности и спеціальнаго знакомства съ условіями предпринимаемаго дѣла. Выборъ концессіонера, безъ сомнѣнія, основанъ главнымъ образомъ на томъ довѣріи, которое онъ по своимъ знаніямъ, репутаціи, добросовѣстности и умѣнію внушаетъ избирателямъ въ виду принимаемой имъ на себя задачи. Но такая оцѣнка достоинствъ соискателя концессіи можетъ быть

сдѣлана, конечно, съ большею осмотрительностью, съ меньшею поспѣшностью и при наличности подробныхъ матеріаловъ и данныхъ для сужденія — городскою управою, которая состоитъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ городскимъ хозяйствомъ, почтенныхъ довѣріемъ думы и отвѣтственныхъ за свои дѣйствія, если послѣдствіемъ ихъ будетъ ущербъ для матеріальныхъ интересовъ города. Въ избраніи концессіонеровъ управою должно участвовать небольшое число лицъ, изъ которыхъ каждый можетъ и даже долженъ мотивировать свое мнѣніе, дѣйствуя съ сознаніемъ не только своей нравственной, но и юридической отвѣтственности какъ предъ своими избирателями, такъ и предъ закономъ, согласно 156, 157 и 160 ст. городового положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія должны вызывать болѣе осмотрительный и согласный съ интересами городского дѣла образъ дѣйствій со стороны ограниченнаго числа членовъ управы, чѣмъ предоставленная Думою возможность массѣ гласныхъ, не отвѣтственныхъ за свое рѣшеніе предъ какимъ-либо опредѣленнымъ собраніемъ, дѣйствовать въ спеціальномъ вопросѣ, въ качествѣ безличной, въ виду закрытой подачи голосовъ, силы.

Не отрицая юридической правильности моего взгляда — «вамъ и книги въ руки!» — мой посѣтитель, для нетерпѣливой и дѣятельной натуры котораго на первомъ планѣ стояло скорѣйшее достиженіе практическаго результата для столицы и предъ которымъ уже носился образъ новенькаго вагона новой конки, которая не нынче — завтра, весело позванивая, застучитъ по многолюднымъ улицамъ столицы, доказывалъ мнѣ, что, судя по числу полученныхъ голосовъ, концессія и управой будетъ отдана тѣмъ же лицамъ. Такимъ образомъ, все сводится лишь къ напрасной проволочкѣ времени въ дѣлѣ, имѣющемъ принести населенію Петербурга существенную пользу. Жалобщики не представляли, по мнѣнію его, серьезныхъ гарантій въ успѣхѣ постройки второй линіи, тогда какъ Губонинъ достаточно извѣстенъ своею добросовѣстностью, опытомъ и энергіей даже и въ крупномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ. Я не имѣлъ основаній спорить противъ практическихъ соображеній Трепова, но находя, что въ *принципіальномъ* во-

просѣ дѣйствія петербургской Думы должны быть безусловно правильны и не возбуждать никакихъ возраженій, такъ какъ съ нея несомнѣнно берутъ примѣръ и многія, если не всѣ, городскія Думы губернскихъ городовъ, остался при своемъ мнѣніи о необходимости отмѣнить выборы концессіонера и постановленіе Думы. Поговоривъ о разныхъ другихъ дѣлахъ, мы вышли вмѣстѣ, и тутъ глазамъ моимъ представилось одно изъ чудесъ современной моему гостю полицейской стремительной исполнительности. Хозяинъ дома, въ Басковомъ переулкѣ, въ которомъ помѣщалась моя скромная квартира, затѣялъ надстройку этажа и еще съ зимы почти совершенно заставилъ подъѣздъ штабелями кирпича, оставивши лишь узкій проходъ, въ которомъ трудно было двигаться вдвоемъ, не запачкавши верхняго платья. Протесты жильцовъ оставались безъ послѣдствій. Но вотъ пріѣхалъ Треповъ, и, конечно, немедленно объ этомъ было дано знать участковому приставу, который еще за годъ передъ тѣмъ, извиняясь, что запоздалъ исполненіемъ моего дѣлового порученія, показывалъ мнѣ лаконическую телеграмму градоначальника, относившуюся къ знаменитому «дѣланію весны»: «убрать и сколоть снѣгъ и ледъ въ три дня. Повторять не стану. Взыскать сумѣю. Треповъ». Градоначальникъ пробылъ у меня около сорока минутъ, но, когда мы вышли, передъ подъѣздомъ не только не было штабелей кирпича, но даже мѣсто, гдѣ они находились, не носило никакихъ слѣдовъ ихъ пребыванія, и на немъ свободно стояла знакомая всему столичному населенію пролетка Ѳ. Ѳ. Трепова, запряженная парою лихихъ коней въ пристяжку. Я просто диву дался.

На другой или третій день я нашелъ повѣстку, приглашавшую меня въ засѣданіе присутствія на слѣдующій день не въ три, какъ это было обычно, а въ девять часовъ утра. Это былъ, какъ оказалось, первый изъ стратегическихъ пріемовъ, употребленныхъ предсѣдателемъ присутствія для того, чтобы «формалистика» не побѣдила въ засѣданіи «насущныхъ потребностей населенія». Дѣло въ томъ, что тогдашній городской голова, человѣкъ, достойный полнаго уваженія, пріѣзжая въ обычныя засѣданія, бывалъ уже утомленъ своими сложными и хлопотливыми обязанностями и, будучи слабаго здоровья, являлся крайне усталымъ

и не всегда достаточно рѣчистымъ въ защитѣ постановленій Думы противъ письменныхъ протестовъ и горячей устной критики градоначальника. Но въ данномъ случаѣ желательно было, чтобы онъ умѣло и настойчиво оправдывалъ дѣйствія Думы, и онъ прибылъ въ засѣданіе свѣжій, бодрый и безъ малѣйшихъ признаковъ усталости. Градоначальникъ, приглашавшій насъ обыкновенно «быть запросто», на этотъ разъ вышелъ къ намъ въ полной генералъ-адъютантской формѣ, въ лентѣ и звѣздахъ, и на мой недоумѣвающій вопросъ громогласно объявилъ, что въ одиннадцать часовъ долженъ ѣхать съ докладомъ къ Государю Императору. Вслѣдъ затѣмъ было открыто засѣданіе, въ которомъ онъ проявилъ себя тонкимъ психологомъ. Когда я, по его предложенію, повторилъ то, что за нѣсколько дней высказывалъ ему лично, онъ обратился съ упреками къ городскому головѣ. «Вотъ видите, — сказалъ онъ ему, — что ваша Дума дѣлаетъ? Зачѣмъ у васъ законовъ не соблюдаютъ?! слышите, что говоритъ прокуроръ? Я съ нимъ совершенно согласенъ. Онъ говоритъ, «какъ законъ гласитъ». Только что же теперь дѣлать? Вѣдь положеніе мое очень тяжелое. Я, какъ градоначальникъ, долженъ заботиться о дешевыхъ средствахъ передвиженія для бѣднаго населенія. Губонинъ уже и рельсы готовъ класть, и парки для вагоновъ нашелъ подходящіе, и людей подыскалъ, и подвижной составъ заказалъ, а тутъ на—поди! Все можетъ на смарку пойти! И когда еще войдетъ въ дѣйствіе вторая линія — Богъ вѣсть... Вотъ сегодня часа черезъ два меня на докладѣ навѣрно спросятъ: «ну что, какъ у тебя конно-желѣзныя дороги? Скоро ли пойдутъ?»—Что я отвѣчу?! Останется сказать: «не могу знать, когда пойдутъ, потому что городской голова законъ проморгалъ!»—Ну, что скажете?» Городской голова подробно развилъ соображенія Думы и кончилъ тѣмъ, что и при отмѣнѣ постановленія Думы городская управа все-таки предпочтетъ Губонина Рунцлеру и Безобразову. «Ну да, ну да, одобрительно сказалъ Треповъ. Только одна проволочка времени выйдетъ. Право, лучше жалобу оставить безъ послѣдствій, и черезъ мѣсяцъ у насъ на Литейной зазвенятъ звонки вагоновъ! — Вы какъ думаете, Александръ Александровичъ?» Помощникъ градоначальника сказалъ,

что полагаетъ оставить безъ послѣдствій. Мое мнѣніе и мнѣніе городского головы были уже извѣстны, а остальные три члена—управляющій казенной палатой, предсѣдатель губернской земской управы и предсѣдатель мирового съѣзда заявили, что согласны съ прокуроромъ. «Большинство за отмѣну!» сказалъ, робко взглядывая на предсѣдателя, Вырвичъ. «Ахъ, господа! заговорилъ вновь послѣдній: — какъ предсѣдатель присутствія, я, конечно, согласенъ съ прокуроромъ: такъ гласитъ законъ! Но вѣдь войдите въ мое положеніе! вѣдь мнѣ, какъ градоначальнику, дороги интересы населенія» и т. д. И онъ началъ подробно объяснять, какое подспорье этому населенію окажетъ конка и какъ важно ее, какъ можно скорѣе, устроить. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока управляющій казенной палатой Касьяновъ, человѣкъ великаго добродушія, не заявилъ, что если положеніе его превосходительства, какъ градоначальника, обязаннаго пещись о нуждахъ города, будетъ такъ затруднительно въ случаѣ отмѣны постановленія Думы, то онъ готовъ отказаться отъ своего мнѣнія и согласенъ оставить жалобу безъ послѣдствій. «Теперь голоса поровну, заявилъ Вырвичъ. — Отъ вашего голоса, обратился я къ Ѳ. Ѳ. Трепову, зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса. — Но въ какое положеніе вы, господа, меня ставите! Вѣдь я готовъ быть съ прокуроромъ дорогою душой, но только подумайте, что я скажу, когда меня сегодня спросятъ: «ну что, какъ у тебя конки?»—Ну что я отвѣчу? Какъ объясню всю эту проволочку, отъ которой благодаря вамъ— и онъ сурово посмотрѣлъ на городского голову—страдаетъ столица». — «Ваше превосходительство! — воскликнулъ предсѣдатель мирового съѣзда, отставной полковникъ Веригинъ, на котораго картина предстоящихъ сегодня же утромъ объясненій Трепова при докладѣ, очевидно, стала производить гипнотизирующее дѣйствіе: ваше превосходительство! я отказываюсь отъ своего мнѣнія!» — «А-а-а, протянулъ Треповъ, густо покраснѣвъ отъ удовольствія, — такъ значитъ большинство во всякомъ случаѣ за оставленіе безъ послѣдствій? — Да, сказалъ я: кромѣ меня и члена губернской управы (Лихонина), всѣ за оставленіе безъ послѣдствій. — Ну, позвольте закрыть засѣданіе, — сказалъ

онъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ: вы, конечно, подадите особое мнѣніе? — Непремѣнно! — Пожалуйста, пришлите скорѣе, мы его внесемъ въ журналъ цѣликомъ: оно не должно пропасть. Вѣдь, какъ предсѣдатель городского присутствія, я вполнѣ согласенъ съ вами, когда вы объясняете, какъ законъ гласитъ, но, какъ градоначальникъ, не могу согласиться на эту безполезную затяжку, при которой они — и онъ кивнулъ въ сторону городского головы — снова что-нибудь напутаютъ»... И, торопливо простившись съ нами, онъ оставилъ залъ засѣданія. Жалобщики перенесли дѣло въ I департаментъ Сената, откуда, черезъ *одиннадцать мѣсяцевъ*, послѣдовалъ указъ объ оставленіи ихъ жалобы безъ послѣдствій на томъ основаніи, что при возникновеніи въ Думѣ сомнѣній, подлежитъ ли данное дѣло вѣдомству ея или управы, разрѣшеніе этого сомнѣнія принадлежитъ Думѣ.

Это дѣло было единственнымъ разногласіемъ моимъ по городскимъ дѣламъ съ популярнымъ градоначальникомъ. Перелистывая старыя служебныя бумаги, я нахожу у себя письмо его отъ 6 августа 1875 года по поводу «прискорбнаго извѣстія о незамѣнимой утратѣ», состоящей въ оставленіи мною должности прокурора. «Никто, конечно, — пишетъ мнѣ между прочимъ градоначальникъ, — не имѣлъ столько случаевъ и возможности, какъ я, видѣть и цѣнить Ваше стремленіе привить законность къ дѣятельности всѣхъ органовъ столичныхъ властей какъ общественныхъ, такъ и административныхъ».

Городскія дѣла оставили во мнѣ и еще одно далекое воспоминаніе. Когда я перешелъ въ Петербургъ прокуроромъ, до меня стали доходить слухи, что въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ Кронштадта не все обстоитъ благополучно вслѣдствіе самодурства военнаго губернатора вице-адмирала Казакевича, нелѣпаго тщеславія городского головы Коргуева и услужливаго попустительства товарища прокурора Ш-на, человѣка малосерьезнаго и несвѣдущаго. Разсказывали, что военный губернаторъ съ высоты своего административно-морского положенія обращается грубо и надменно съ городскимъ головою, презрительно относясь къ носимому послѣднимъ штурманскому званію и дѣлая

его предметомъ посмѣянія въ публичныхъ — вопреки закону — засѣданіяхъ особаго присутствія; что въ свою очередь городской голова, одержимый маніей величія, устроилъ себѣ въ городской Думѣ нѣчто въ родѣ трона подъ балдахиномъ и постоянно закрываетъ двери засѣданій для публики въ такихъ случаяхъ, когда не имѣетъ на это ни права, ни основанія; наконецъ, что секретарь Думы и особаго присутствія, человѣкъ весьма нервный и впечатлительный, вмѣшивается въ пренія и затѣмъ отказывается скрѣплять журналы, съ изложенными въ которыхъ постановленіями онъ, секретарь, не согласенъ. Я рѣшилъ поѣхать посмотрѣть все это на мѣстѣ. То, что я увидѣлъ въ особомъ присутствіи, превзошло всякія ожиданія. Зала обширнаго помѣщенія была переполнена публикой, среди которой почему-то было много офицеровъ ластоваго экипажа. Эта публика смѣялась и громко выражала свое одобреніе разнымъ выходкамъ предсѣдателя противъ городского головы, съ которымъ военный губернаторъ говорилъ, повернувшись къ нему спиной и презрительно пожимая плечами. На секретаря, который постоянно вмѣшивался въ разсужденія, вскакивая съ мѣста, онъ покрикивалъ, вступая съ нимъ въ пререканія *по существу* обсуждаемыхъ вопросовъ. Все носило характеръ не разсмотрѣнія спорныхъ городскихъ дѣлъ, а какой-то недостойной травли городского управленія со стороны военнаго губернатора и лакействующаго передъ нимъ товарища прокурора. По окончаніи засѣданія, возмущенный всѣмъ, что я видѣлъ, я объявилъ Ш — у, что онъ переводится мною въ Новую Ладогу (нѣчто въ родѣ ссылочнаго мѣста для уѣздныхъ товарищей прокурора, которые, впрочемъ, всѣ жили въ Петербургѣ), а почтенному адмиралу, который пожелалъ узнать мое мнѣніе, высказалъ свое крайнее удивленіе по поводу публичности засѣданія присутствія, поведенія публики и его отношенія къ городскому головѣ, прибавивъ, что отнынѣ я буду ѣздить лично въ каждое засѣданіе присутствія. Старый морякъ, повидимому, въ дѣлахъ сухопутныхъ «немудрый судія», былъ нѣсколько сконфуженъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «вотъ вы говорите о томъ, что не надо допускать публику. Если бы вы знали, какое у

меня множество пьянствуетъ по трактирамъ! Тутъ по крайней мѣрѣ хоть часъ-другой пробудутъ. Имъ вѣдь въ Кронштадтѣ скука смертная. А что до этого *штурмана*, то онъ другого обращенія не стоитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ городской голова, онъ вообразилъ, что онъ — китайская богородица, такъ я долженъ съ него спесь посбить. Да и что вы такого нашли въ моемъ съ нимъ обращеніи? Я вамъ скажу — прибавилъ онъ добродушно — что вѣдь нынче мы всѣ знали, что вы — прокуроръ — въ залѣ, такъ у насъ было еще тихо, а то обыкновенно я ихъ ругаю, они отругиваются, а ластовые мои смѣются. А что вы Ш—на взять хотите, такъ это напрасно! Онъ человѣкъ душевный и меня поддерживаетъ. Безъ него мнѣ съ Думой сладу не будетъ... Пожалуйте ко мнѣ сегодня откушать: очень обяжете»...

XIII.

Судебные Слѣдователи.

Мысленное обращеніе къ моей болѣе чѣмъ сорокалѣтней судебной службѣ (съ 17 апрѣля 1866 г.) вызываетъ предо мною длинный рядъ образовъ. Въ памяти проходятъ личности судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора, судей, защитниковъ, свидѣтелей, свѣдущихъ людей и различнаго ранга администраторовъ. «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten», могъ бы сказать и я... Обращусь сначала къ *судебнымъ слѣдователямъ*.

Предъ самымъ введеніемъ судебной реформы въ Казанской губерніи я былъ назначенъ прокуроромъ самарскаго Окружного Суда и, не успѣвъ еще выѣхать изъ Петербурга, былъ переведенъ въ Казань на ту же должность съ возложеніемъ на меня обязанностей и губернскаго прокурора впредь до закрытія судебныхъ мѣстъ стараго устройства. Работы было очень много, но дѣлалась она съ любовью и большимъ увлеченіемъ. Нѣкоторыя изъ лицъ казанскаго общества говорили мнѣ впослѣдствіи о томъ удивленіи, съ которымъ они замѣчали, проѣзжая далеко за полночь по пустынной Воскресенской улицѣ, свѣтъ въ окнахъ официальнаго прокурорскаго кабинета въ нижнемъ этажѣ Окружного Суда, гдѣ я работалъ почти безвыходно. Имъ было невѣдомо и непонятно то восторженное настроеніе, съ которымъ мо-

лодые судебные дѣятели приступали къ святому дѣлу реформы, когда интересовала каждая мелочь, когда волна солидарнаго одушевленія дѣлала всякую работу пріятной и когда, поэтому, говоря словами поэта, «каждый гвоздикъ вбивался съ любовью».

Одной изъ важныхъ заботъ по введенію реформы было образованіе новаго состава судебныхъ слѣдователей изъ тѣхъ, которыхъ мы нашли на мѣстахъ дѣйствующими по Наказу 1860 года.

Этотъ Наказъ составилъ несомнѣнно огромный шагъ впередъ противъ архаическихъ порядковъ производства слѣдствія по II ч. XV тома Свода Законовъ, порядковъ, пропитанныхъ насквозь безцѣльной и отяготительной канцелярской формалистикой и отражавшихъ на себѣ, въ существенныхъ частяхъ, систему предустановленныхъ доказательствъ. Слѣдователи стараго времени, т. е. полицейскіе чины, производившіе предварительное изслѣдованіе, не могли не быть связаны — даже и при доброй волѣ и желаніи вести дѣло внѣ всякихъ постороннихъ соображеній — представленіемъ о томъ, что ихъ работа будетъ обсуждаться келейно и по докладу секретарей въ цѣломъ рядѣ судебныхъ инстанцій, восходя въ нихъ по апелляціи и на ревизію, при чемъ косвеннымъ уликамъ, играющимъ такую важную роль въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, будетъ удѣлено самое малое вниманіе, оцѣнка же свидѣтельскихъ показаній будетъ произведена на основаніи правилъ о *совершенныхъ* и *несовершенныхъ* доказательствахъ. А правила эти требовали признанія негодными показаній «иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно», людей, «тайно портившихъ межевые знаки», и людей, признанныхъ по суду «*явными прелюбодѣями*». Эти слѣдователи знали, что ихъ подчасъ очень трудная работа, въ концѣ концовъ, приведетъ, въ большинствѣ случаевъ, къ явному уклоненію отъ правосуднаго рѣшенія въ формѣ *оставленія въ подозрѣніи*, которое — несмотря на вопіющую иногда обстановку преступленія и краснорѣчіе совокупности уликъ — можетъ быть обращено въ обвинительный приговоръ лишь при наличности собственнаго признанія обвиняемаго, считаемаго, по выраженію закона, «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта». Это «лучшее доказательство» слу-

жило не разъ большимъ соблазномъ для производившихъ слѣдствія и толкало ихъ на различныя злоупотребленія, о которыхъ я подробно говорилъ въ описаніи жизни и дѣятельности знаменитаго московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго [1]).

Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 г. имѣлъ большія достоинства. Онъ создавалъ новую должность, не связанную органически съ полиціей (въ столицахъ слѣдователи назывались приставами слѣдственныхъ дѣлъ), и освобождалъ дѣятельность лицъ, занимавшихъ эту должность, отъ ряда стѣснительныхъ формальностей, отнимавшихъ массу времени не только безъ пользы, но и со вредомъ для дѣла и для лишаемаго свободы обвиняемаго. Но если Наказъ составлялъ шагъ впередъ, то судъ попрежнему стоялъ на мѣстѣ, и въ этомъ ихъ несоотвѣтствіи состоялъ главный недостатокъ отправленія уголовнаго правосудія, требовавшій не палліативныхъ, а радикальныхъ мѣръ, нашедшихъ себѣ затѣмъ выраженіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ. Это особенно ясно сознавали молодые пристава слѣдственныхъ дѣлъ, къ которымъ въ Петербургѣ принадлежали многіе изъ будущихъ видныхъ дѣятелей обновленнаго суда, какъ, напримѣръ, С. Ф. Христіановичъ, П. Я. Александровъ, А. Н. Турчаниновъ и др. Они дѣятельно готовились къ воспріятію на практикѣ новыхъ судебныхъ порядковъ, и въ ихъ средѣ образовался кружокъ, послужившій зерномъ будущаго юридическаго общества. Здѣсь изучались пріемы западно-европейскаго гласнаго и устнаго процесса, свободнаго отъ предустановленныхъ доказательствъ и направленнаго къ созданію рѣшенія, основаннаго на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти. Здѣсь, между прочимъ, былъ подробно пересмотрѣнъ и освѣщенъ громкій процессъ жены инспектора студентовъ кіевскаго университета Дудниковой, обвиняемой въ убійствѣ мужа, и рѣшенъ на основаніи косвенныхъ уликъ иначе, чѣмъ это было сдѣлано отживавшимъ свой вѣкъ уголовнымъ судомъ. Въ провинціи однако старая закваска была еще довольно сильна, и поэтому введенію судебной

[1]) Очерки и воспоминанія С.-Петербургъ, 1906 г. стр. 521—64.

реформы должна была предшествовать тщательная провѣрка силъ, способностей и пріемовъ наличныхъ судебныхъ слѣдователей.

Для этого требовалась тщательная ревизія, о результатахъ которой прокуроръ Судебной Палаты долженъ былъ представить докладъ Министру Юстиціи. Производство ревизій по отдѣльнымъ уѣздамъ и участкамъ слѣдователей въ Казанской губерніи прокуроръ Палаты возложилъ на меня и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Мнѣ пришлось побывать въ теченіе сентября и октября 1870 года въ Козьмодемьянскомъ, Свіяжскомъ, Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ.

Въ общемъ — слѣдователи переходной формаціи оказались людьми добросовѣстными, знающими и трудолюбивыми. Пришлось признать неподходящими лишь двухъ, опустившихся подъ вліяніемъ жизни въ глухомъ городкѣ и засосанныхъ провинціальной тиной. Ознакомленіе съ дѣлами ихъ производства напоминало мнѣ то мѣсто изъ «Тюрьмы и ссылки» Герцена, въ которомъ онъ описываетъ заголовки дѣлъ, найденныхъ имъ въ губернаторской канцеляріи и въ губернскомъ правленіи въ Вяткѣ, между которыми оказались «дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостного правленія и объ изгрызеніи плана онаго мышами», «дѣло о потерѣ двадцати двухъ казенныхъ оброчныхъ статей (около пятнадцати верстъ)» и «дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василія въ женскій полъ». Такъ, у одного изъ обревизованныхъ мною судебныхъ слѣдователей я нашелъ дѣла: «о чародѣйствахъ крестьянина Андреева» и «о прелюбодѣяніи крестьянина Федорова съ трехмѣсячной телицей», а у другого дѣла: «о произнесеніи похвальныхъ словъ», «объ отнятіи кафтана», «о происшествіи, заключающемся изъ преждевременныхъ родовъ», «о намѣреніи крестьянина Сарафутдинова зарѣзать жену», «о сомнительномъ причиненіи смерти» и «о крестьянинѣ Василіи Шалинѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи волостному старшинѣ кулаками буйства на лицѣ». У одного изъ ревизуемыхъ слѣдователей нашлось, среди множества запущенныхъ производствъ, дѣло о дракѣ крестьянина Н. съ мѣщаниномъ М. «Что же тутъ? спросилъ я его: смерть? увѣчье? раны?» Онъ

посмотрѣлъ на меня растерянным взглядомъ и затѣмъ пытливо уставился на сидѣвшаго съ угрюмымъ видомъ за отдѣльнымъ столикомъ письмоводителя, который, очевидно, ближе былъ знакомъ съ дѣлами, чѣмъ самъ слѣдователь. «Этого обстоятельства нѣтъ, отвѣтилъ тотъ, обращаясь ко мнѣ. — Такъ почему же это дѣло въ вашемъ производствѣ?» Слѣдователь опять вопросительно посмотрѣлъ на письмоводителя. *Взломъ!* — произнесъ тотъ вразумительно. — Да, да, — заторопился слѣдователь: — драка была съ взломомъ». Удивившись такой квалификаціи преступнаго дѣянія, подсуднаго въ простомъ своемъ видѣ мировому судьѣ, а не общимъ судамъ, я сталъ разсматривать производство. Оказалось, что обвиняемый хотѣлъ побить потерпѣвшаго и приступилъ къ исполненію своего намѣренія, но послѣдній вырвался и заперся въ отхожемъ мѣстѣ, — однако вошедшій во вкусъ кулачной расправы обвиняемый выломалъ дверь «мѣста уединенныхъ размышленій» и тамъ паки побилъ укрывающагося. Слѣдователь или, вѣрнѣе, его письмоводитель нашелъ здѣсь наличность взлома, и такъ какъ кража со взломомъ подсудна общимъ судамъ, то по аналогіи призналъ, что «драка со взломомъ» должна подлежать преслѣдованію тѣмъ же путемъ.

Въ другомъ, гораздо болѣе серьезномъ случаѣ, въ одномъ приволжскомъ городѣ, у чрезвычайно развязнаго и франтоватаго слѣдователя,—«души» мѣстнаго общества,—я нашелъ огромныя залежи дѣлъ, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оставались безъ производства около четырехъ лѣтъ. Между ними оказалось озаглавленное весьма странно: «*О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ*». — «Что это за преступленіе? спросилъ я у слѣдователя. — А, право, не помню, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ обезоруживающею откровенностью:—надо посмотрѣть. Я еще не всѣ дѣла пересмотрѣлъ, принятыя отъ предмѣстника. Вѣроятно, какой-нибудь вздоръ. — Однако, позвольте, вѣдь вздоръ-то этотъ въ очень толстомъ томѣ». И я взялъ дѣло съ собою, разсмотрѣлъ его подробно и пришелъ въ ужасъ. Оказалось, что за четыре года передъ этимъ, на Волгѣ, противъ одного изъ прибрежныхъ селеній, была дѣйствительно усмотрѣна стоящая на

якорѣ кладнушка, т. е. маленькое, полупалубное судно, одно изъ тѣхъ, въ которыхъ некрупные торговцы въ то время развозили свой товаръ, имѣя въ качествѣ помощника обыкновенно одного работника. Такъ какъ на кладнушкѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было никакихъ признаковъ жизни, то нѣкоторые изъ мѣстныхъ крестьянъ поѣхали полюбопытствовать, что это значитъ,—и нашли кладнушку пустою, товаръ разграбленнымъ, мѣдныя деньги изъ сундучка, въ которомъ, очевидно, хранилась выручка, разсыпанными, а на палубѣ топоръ съ окровавленнымъ обухомъ и потоки застывшей крови. Было ясно, что совершено убійство одного или двухъ человѣкъ и ограбленіе хозяина кладнушки, и что убійца или убійцы скрылись, воспользовавшись привязаннымъ къ кладнушкѣ челнокомъ. Началось дознаніе и слѣдствіе, въ города Волги и Камы было обо всемъ дано знать, возникла обширная переписка, и черезъ два мѣсяца въ Перми была арестована женщина-укрывательница, выдавшая работника-убійцу и его сообщника, при чемъ послѣдній сознался. Всѣ трое были заключены подъ стражу въ Перми, а протоколъ ихъ допроса препровожденъ «душѣ общества», только что вступившему въ завѣдываніе слѣдственнымъ участкомъ. На дѣлѣ была сдѣлана идиллическая надпись: «О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ», и оно пролежало безъ движенія четыре года.

Самымъ слабымъ изъ тѣхъ слѣдователей, которыхъ я признавалъ необходимымъ оставить и при новыхъ судахъ, былъ старикъ Маруто-Суколъ-Краснопольскій, которому оставалось до пенсіи всего три года. Онъ съ педантической точностью исполнялъ всѣ предписанія старой слѣдственной практики, писалъ огромныя постановленія по формѣ, установленной для рѣшеній старыхъ судовъ, при чемъ обычныя слова «слушали» и «приказали» (а послѣ «приказали» снова излагалось все то, что «слушали») замѣнялъ лишь словами «разсматривалъ» и «постановилъ». Онъ велъ допросы и составлялъ по пунктамъ архаическую дневную записку. Мало даровитый, но честный труженикъ, онъ смотрѣлъ на судебную реформу, какъ на грозную тучу, способную потрясти и матеріально разрушить его личное, семейное и служебное положеніе почти наканунѣ заслуженнаго

отдыха. Это невольно сказывалось въ его тревожныхъ окольныхъ разспросахъ, въ которыхъ звучалъ затаенный страхъ не быть командированнымъ къ исполненію обязанностей слѣдователя при новомъ судѣ. Я старался его успокоить, какъ могъ, откровенно указалъ ему на «les défauts de ses vertus» и просилъ его въ остающееся до открытія новаго суда время изучить новые пріемы производства и приспособиться къ нимъ. Мы разстались оба успокоенные за его судьбу, и я въ своемъ представленіи прокурору Палаты, не скрывши нѣкоторой медлительности работы Маруто, тѣмъ не менѣе горячо рекомендовалъ его оставить и при новыхъ назначеніяхъ, съ чѣмъ первый и согласился. Человѣкъ съ тонкимъ умомъ, остроумный и обворожительный въ обращеніи, покоритель не только женскихъ, но и мужскихъ сердецъ, искусный мастеръ умѣтъ заставлять другихъ работать, знатокъ условій и отношеній провинціальной жизни, бывшій по прежней административной службѣ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ-Щедринымъ, прокуроръ Палаты не былъ однако склоненъ поступаться личными или служебными интересами во имя чужихъ нуждъ и осуществлялъ на практикѣ правило о томъ, что «la charité bien comprise commence par soi-même», облекая проведеніе этого начала въ форму изысканной любезности. Такъ случилось и по отношенію къ бѣдному Маруто. Представленіе министру о назначеніи признанныхъ по ревизіи годными слѣдователей и объ оставленіи за штатомъ непригодныхъ было уже готово къ отсылкѣ, когда пришло письмо «вліятельнаго и нужнаго» правителя канцеляріи министерства юстиціи Бурлакова, съ просьбою дать одну изъ вакансій слѣдователя по Казанской губерніи покровительствуемому имъ лицу, имѣвшему, впрочемъ, на такую должность формальныя права и оказавшемуся впослѣдствіи человѣкомъ весьма дѣльнымъ. Властною рукою прокурора Палаты бѣдный старикъ былъ перенесенъ въ списокъ оставляемыхъ за штатомъ, а на мое усиленное заступничество послѣдовалъ отвѣтъ: «Ну, что же дѣлать? Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ! Нужна вакансія». Черезъ три мѣсяца послѣ открытія судовъ мнѣ пришлось участвовать въ особомъ присутствіи губернскаго правленія при освидѣтельствованіи умственныхъ спо-

собностей бывшаго слѣдователя Маруто-Суколъ-Краснопольскаго, впавшаго въ мрачную меланхолію. Я не могъ невольно не припомнить этой тягостной картины, когда лѣтъ черезъ десять мнѣ пришлось навѣстить дровосѣка, отъ рубки котораго пострадала эта щепка, уже сенатора, умиравшаго въ мрачномъ отчужденіи отъ людей съ душевной раной, причиненной смертью любимой дочери.

Производя эту ревизію, я осматривалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тюремныя помѣщенія и въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ былъ пораженъ состояніемъ тюремнаго замка, представлявшаго собою сырую и мрачную, обветшалую каменную постройку, окруженную высокимъ тыномъ изъ заостренныхъ кольевъ. Внутри было темно, до крайности тѣсно и безъ всякихъ приспособленій для мало-мальски гигіенической обстановки. Традиціонная параша, вносимая въ камеры на ночь, составляла необходимую принадлежность послѣднихъ. Арестанты имѣли удрученный и болѣзненный видъ. Въ общей женской камерѣ воздухъ былъ таковъ, что, какъ говоритъ нашъ простой народъ, въ немъ можно было топоръ повѣсить. Всѣ жаловались на дурное качество пищи и въ особенности на ея отталкивающее однообразіе. На мои замѣчанія смотритель и исправникъ только переглядывались, а директоръ мѣстнаго тюремнаго комитета безнадежно пожималъ плечами и говорилъ вполголоса: «нѣту средствъ!» Затѣмъ пришлось посѣтить помѣщеніе для приговариваемыхъ мировыми судьями къ аресту. Старинный дворянскій домъ-особнякъ, съ тоже традиціонными львами по бокамъ воротъ, выкрашенными въ темно-зеленую краску, состоялъ изъ ряда большихъ свѣтлыхъ комнатъ, въ которыхъ просторно были размѣщены кровати со столиками, графинами для воды и прочими принадлежностями. На стѣнахъ были развѣшаны раскрашенныя литографированныя картинки изъ русской исторіи. Въ ванной комнатѣ было устроено нѣчто въ родѣ душа; на каждой постели лежалъ зимній и лѣтній халатъ и стояли двѣ пары туфель—легкихъ и теплыхъ. Но прекрасное помѣщеніе это было пусто. Мѣстное населеніе, состоявшее въ значительной части изъ луговыхъ черемисъ, жившихъ въ жалкихъ курныхъ избахъ и стра-

давшихъ отъ этого по большей части глазами, выходившихъ на охоту въ то время еще съ лукомъ и стрѣлами, давало небольшое количество арестуемыхъ. Поэтому лѣтомъ прекрасное помѣщеніе нерѣдко подолгу пустовало и принимало срочныхъ жильцовъ только съ осени. Контрастъ между обоими помѣщеніями для лишенія свободы и между послѣднимъ изъ нихъ и обычной житейской обстановкой большинства приговариваемыхъ невольно бросался въ глаза. На вопросъ мой попечителю арестнаго дома, видимо чрезвычайно довольному собою и показанною мнѣ обстановкой, о томъ, не соблазняютъ ли къ побѣгу окна нижняго этажа, отстоящія фута на два отъ земли и свободно раскрываемыя настежь, онъ отвѣчалъ мнѣ, что первоначально хотѣли сдѣлать въ окнахъ рѣшетки, но потомъ оставили эту мысль, потому что видъ рѣшетки производилъ бы непріятное впечатлѣніе на заключенныхъ, напоминая имъ, что они лишены свободы. «Помилуйте, господинъ прокуроръ, — вмѣшался смотритель, добродушный старичокъ изъ отставныхъ военныхъ — какія тутъ рѣшетки: никто и такъ не убѣжитъ! Имъ тутъ первое время точно что не по себѣ, никакъ ихъ къ этимъ нашимъ устройствамъ не пріучишь, ну, а потомъ, какъ обживутся, такъ ничѣмъ ихъ отсюда не выкуришь. Отсидитъ свой срокъ, объявишь ему, а онъ уходить и не думаетъ. Нѣкоторыхъ даже силою выдворять приходилось, особливо если въ срединѣ зимы».

Во время той же поѣздки я имѣлъ оригинальную встрѣчу. При посѣщеніи одного изъ приволжскихъ уѣздныхъ городовъ мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстнымъ исправникомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, но сохранившимъ большую физическую и умственную свѣжесть. И онъ, и его домашняя обстановка произвели на меня хорошее впечатлѣніе... Уѣзжая вечеромъ на пароходѣ, куда онъ пріѣхалъ меня проводить, я выразилъ ему удовольствіе, что имѣлъ случай лично съ нимъ познакомиться. «Да вы уже со мной знакомы, сказалъ онъ, весело улыбаясь: — вы обо мнѣ, конечно, читали». На мой вопросительный взглядъ онъ продолжалъ: «вы у Щедрина, конечно, читали въ «Губернскихъ Очеркахъ» и изволите помнить исправника Фейера? Вотъ тотъ самый, который, когда для официальнаго обѣда рыбу, под-

ходящую по росту и наружности, подобрать не могутъ, говоритъ рыбаку: «да ты рыбакъ или нѣтъ? — Да! рыбакъ, это точно.— Ну, а начальство знаешь? — Какъ не знать, знаю. — Ну, слѣдовательно... и нашлась такая рыба, какую нужно. Такъ вотъ этотъ Фейеръ — я и есть! Я прежде въ Вятской губерніи служилъ, ну, Михаилъ Евграфовичъ меня и описалъ, только фамилію чуть-чуть измѣнилъ. Давно это было, лѣтъ двадцать прошло, другія времена были. Счастливаго пути»!..

Служа въ провинціи, я вынесъ о судебныхъ слѣдователяхъ казанскаго и харьковскаго Окружныхъ Судовъ самое лучшее воспоминаніе. Судебный слѣдователь по Судебнымъ Уставамъ 1864 года облеченъ очень большою властью, поставленъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе независимаго судьи и имѣетъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ право не подчиняться предложеніямъ обвинительной власти, когда онъ съ ними несогласенъ. Все это въ связи съ тѣмъ, что должность слѣдователя поставлена въ нашей судебной іерархіи такъ, что на нее назначаются и въ особенности назначались сравнительно молодые люди, могло давать поводы не только къ упрямому проведенію непогрѣшимости своихъ взглядовъ на дѣло и на личность обвиняемаго, но и къ тому, чтобы ими овладѣвало опьянѣніе власти, какъ это случалось впослѣдствіи съ земскими начальниками въ родѣ извѣстнаго харьковскаго «кандидата правъ» Протопопова и подобныхъ ему «кандидатовъ безправія». Но ничего подобнаго однако наблюдать мнѣ въ моей практикѣ не приходилось. Способности у слѣдователей были, конечно, различныя, но, за исключеніемъ одного, — Гераклитова, о которомъ я уже говорилъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ серій, — всѣ они были безпристрастными изслѣдователями дѣла и преданными, трудолюбивыми, безъ высокомѣрія и самолюбованія, слугами Судебныхъ Уставовъ, доказывая своею дѣятельностью, какъ мало было основаній къ предпринятому Министерствомъ Юстиціи упраздненію ихъ судейской несмѣняемости. Насъ объединяла общая работа и одинаковое желаніе служить дѣлу правосудія — и только ему. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я казанскихъ слѣдователей — Г. П. Завьялова и И. В. Мѣщани-

нова (нынѣ сенатора перваго департамента), харьковскихъ — Э. П. Фальковскаго, Н. Н. Языкова (впослѣдствіи предсѣдателя курскаго Окружного Суда) и В. Е. Шопена — и благодарю судьбу, пославшую мнѣ совмѣстную съ ними работу. Не могу также не вспомнить своеобразнаго и добродушнаго судебнаго слѣдователя одного изъ маленькихъ городовъ Харьковской губерніи, человѣка уже немолодого, съ длинной бородой, тихимъ голосомъ и чрезвычайно медлительной рѣчью. Онъ былъ большой домосѣдъ, выѣзжалъ изъ дому исключительно по дѣламъ службы и производилъ слѣдствія съ сердечной вдумчивостью и щепетильной добросовѣстностью. Провинціалъ до мозга костей, онъ, повидимому, не бывалъ въ жизни нигдѣ дальше двухъ ближайшихъ губернскихъ городовъ и былъ далекъ отъ всякой злобы дня. Когда лѣтомъ 1868 года въ Харьковъ прибылъ на ревизію Министръ Юстиціи графъ Паленъ, я, по его желанію, представилъ ему подробную характеристику судебныхъ слѣдователей моего участка и обратилъ его вниманіе на этого слѣдователя, какъ на наиболѣе заслуженнаго по годамъ службы и любви къ дѣлу. Познакомившись съ нимъ лично при проѣздѣ чрезъ уѣздный городъ, Министръ раздѣлилъ мой взглядъ, и результатомъ этого было полученіе этимъ слѣдователемъ, совершенно имъ неожиданное, ордена св. Станислава, а вслѣдъ затѣмъ назначеніе членомъ вновь открытаго суда въ ближайшемъ округѣ. Черезъ пять лѣтъ, когда я былъ уже прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда, предо мною неожиданно предсталъ мой харьковскій уѣздный домосѣдъ и объявилъ мнѣ, что, вопреки своимъ привычкамъ, рѣшился пуститься въ путь, чтобы посмотрѣть Петербургъ, посовѣтоваться съ Боткинымъ и кстати прокатиться въ первый разъ въ жизни по желѣзной дорогѣ, при чемъ вся первая и значительная часть его медлительнаго разсказа состояла въ подробномъ описаніи устройства и спеціальныхъ свойствъ этого необычнаго для него способа передвиженія, а остальная была посвящена восторгамъ передъ Петербургомъ, конно-желѣзной дорогой, циркомъ съ клоунами и учеными собаками и въ особенности предъ Пассажемъ, который въ вечерніе часы производилъ на него чарующее впечатлѣніе. Я просто не узнавалъ

въ моемъ жизнерадостномъ посѣтителѣ стараго, усидчиваго и неотзывчиваго на все чуждое его спеціальности, работника.

— Вы, вѣроятно, представитесь Министру? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отвѣчалъ онъ мнѣ: я не затѣмъ пріѣхалъ сюда. Къ чему его безпокоить...

— И прекрасно дѣлаете. Ну, а у Боткина вы записались?

— Нѣтъ, зачѣмъ? такъ зайду какъ-нибудь, мимо идя...

— Ну, къ Боткину, мимо идя, заходить не приходится: у него надо записываться и иногда ждать недѣли по двѣ: до такой степени онъ занятъ.

— А у насъ въ NN это просто: зайдешь, застанешь, ну, и посмотритъ, а то, коли не пожалѣть трехъ рублей, то и къ себѣ пригласишь.

— Нѣтъ, знаете ли что — я дамъ вамъ письмо къ Сергѣю Петровичу, и онъ вамъ, если возможно, назначитъ пріемъ внѣ очереди.

— Нѣтъ, что же его безпокоить? Я лучше у насъ дома посовѣтуюсь. Путешествіе меня оживило, и я себя чувствую очень хорошо. Въ особенности эта желѣзная дорога, ну, да и Пассажъ: какіе магазины, какія нарядныя дамы!..

При разставаніи я далъ ему дружескій совѣтъ не очень, хотя бы и платонически, увлекаться Пассажемъ и собирающимся тамъ нарядным обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшить мнѣ предоставить ему возможность пріятно провести вечеръ. Съ большимъ трудомъ и за довольно высокую цѣну удалось мнѣ достать для него билетъ на кресло второго ряда въ Большомъ театрѣ, гдѣ въ то время плѣняла петербуржцевъ своимъ голосомъ итальянская дива Патти. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтился мнѣ на Невскомъ, попрежнему совершенно загипнотизированный прелестями Петербурга.

— Ну, какъ вамъ понравилась Патти?

— Какая Патти?

— Да развѣ вы не получили билета въ Большой театръ?

— Нѣтъ, какъ же! — получилъ, благодарю васъ. Какой удивительный театръ! Я себѣ представить не могъ: пять ярусовъ и

какъ отдѣланы! И какая люстра огромная! Интересно бы знать, какъ ее зажигаютъ?

— Да, интересно, но Патти-то, Патти?

— Это которая же? Такая чернявая? Хороша, надо сознаться. Но, знаете, у насъ въ городѣ, гдѣ я учился, была цыганка Стеша, такъ у той голосокъ былъ еще звонче. Я, бывало, еще гимназистомъ ходилъ ее слушать: въ дворянскомъ собраніи цыганскій хоръ пѣлъ. Нѣтъ, но я вамъ скажу, въ циркѣ!—выходитъ клоунъ въ разноцвѣтномъ парикѣ, рожа вся мѣломъ вымазана и выводитъ онъ двухъ собакъ...

— Вы, вѣроятно, уже скоро ѣдете?

— Да, да, на этихъ дняхъ. Хочу только представиться завтра Министру Юстиціи; знаете, думаю, узнаетъ онъ, что я былъ въ Петербургѣ, и скажетъ: вотъ NN я какое вниманіе оказалъ, а онъ былъ въ Петербургѣ и глазъ показать не захотѣлъ!

— Могу васъ увѣрить, что Министръ этого не скажетъ: у него много болѣе важныхъ дѣлъ и время ему дорого. Да и откуда онъ можетъ узнать, что вы были въ Петербургѣ. А если бы и узналъ, то, повѣрьте, будетъ благодаренъ, что вы не пришли отнимать у него безплодно нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, знаете, все-таки лучше пойти: а вдругъ узнаетъ!—сказалъ онъ, задумчиво разглаживая длинную до чреслъ бороду, придававшую ему библейскій видъ.

На другой день въ мой прокурорскій кабинетъ, часа въ два дня, неожиданно пришелъ онъ и поразилъ меня своимъ видомъ. Въ его походкѣ, жестахъ, голосѣ, перешедшемъ въ прерывистый шопотъ, и въ полной безнадежности взора сказывалось глубокое душевное удрученіе. При этомъ лицо его съ выраженіемъ застывшаго испуга имѣло необычный и необъяснимый, съ перваго взгляда, видъ. Я усадилъ его въ кресло, далъ ему напиться воды, и онъ со вздохами и паузами повѣдалъ мнѣ слѣдующее:—«я былъ сейчасъ у Министра... онъ вышелъ и, обойдя всѣхъ, остановился противъ меня и пристально на меня посмотрѣлъ... Я назвалъ себя... «Ахъ, вы членъ суда, — сказалъ онъ:—я попрошу васъ остаться до конца пріема и приму васъ отдѣльно»... Вотъ, подумалъ я—ужъ извините!—Анатолій Федоровичъ говорилъ, что

не нужно, а графъ мнѣ отдѣльную аудіенцію даетъ. Надо воспользоваться случаемъ, если спроситъ, не желаю ли чего? что ему сказать: товарища ли предсѣдателя или члена Палаты? Конечно, члена Судебной Палаты лучше... Только ушли всѣ представлявшіеся... Зовутъ меня въ кабинетъ министра. Вхожу, а онъ идетъ мнѣ навстрѣчу, такой сердитый, да и говоритъ: «Вы, какъ членъ суда, должны знать правила службы. Развѣ вы не знаете, что гражданскіе чиновники не имѣютъ права носить бородъ? А вы такую бороду носите, что и данные вамъ знаки отличія не видны. И вы, и ваши товарищи должны подавать примѣръ уваженія къ существующимъ правиламъ, а не нарушать ихъ. Вы не хотите подчиняться дѣйствующимъ постановленіямъ, а я изъ-за васъ получаю непріятности. Прощайте, я больше ничего не имѣю вамъ сказать»... (Оказалось, что незадолго передъ тѣмъ, при проѣздѣ Императора Александра II черезъ Динабургъ, на станцію для встрѣчи явились мѣстные мировые судьи. Государь крайне не любилъ видѣть бороды у представляющихся ему лицъ, и борода получила право гражданства въ нашемъ служебномъ быту лишь послѣ его кончины. Увидѣвъ въ средѣ динабургскихъ судей нѣсколько бородатыхъ лицъ, онъ прошелъ мимо, кратко и сильно выразивъ свое неудовольствіе, и, вѣроятно, при одномъ изъ ближайшихъ докладовъ Министра Юстиціи обратилъ его вниманіе на эту инсубординацію). — «Что же теперь дѣлать? — шепталъ умирающимъ голосомъ мой посѣтитель: — теперь все погибло: на моей службѣ поставленъ крестъ», и онъ съ огорченіемъ разводилъ руками. «Полноте, это все забудется очень скоро. Успокойтесь и поѣзжайте съ Богомъ домой. Я знаю, что вы, какъ судья, не поступитесь вашими убѣжденіями ни передъ какимъ гнѣвомъ, а тутъ такое мимолетное неудовольствіе Министра вдругъ заставляетъ васъ падать духомъ! Вамъ вреденъ петербургскій климатъ. Вотъ и у Боткина вы не успѣли побывать! Уѣзжайте-ка по-добру, по-здорову, да и въ лицѣ вы измѣнились такъ, что просто стали неузнаваемы». Тутъ я пристально взглянулъ на него, чтобы провѣрить свои слова, и что же я увидѣлъ?! Библейская борода исчезла и вмѣсто нея отъ блѣднаго и разстроеннаго лица, почти до пояса тянулись длинныя,

висячія бакенбарды, и между ними свѣтился подбородокъ съ широкой дорожкой свѣже присыпанной пудрой. «Когда это вы успѣли?» — подавляя невольную улыбку, спросилъ я несчастливца. — По выходѣ отъ Министра, — скорбно отвѣчалъ онъ. — Ужъ лучше бы до входа къ Министру», — сказалъ я. Онъ безнадежно махнулъ рукой, и мы разстались. Конечно, его предположенія о гибели служебной карьеры не оправдались, и онъ скончался въ должности товарища предсѣдателя, оставивъ по себѣ добрую память.

Въ томъ же Харьковѣ, но почти уже черезъ тридцать лѣтъ, мнѣ пришлось познакомиться и работать еще съ однимъ мѣстнымъ слѣдователемъ. Это былъ судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ Марки. Воспоминаніе о тяжелой и чрезвычайно отвѣтственной работѣ по изслѣдованію причинъ и обстоятельствъ крушенія 17 октября 1888 года Императорскаго поѣзда между станціями Борки и Тарановка связано для меня съ личностью этого почтеннаго дѣятеля. Я встрѣтилъ въ немъ не только неустаннаго работника и отличнаго знатока своего дѣла, но и нелицемѣрнаго, искренняго и стойкаго слугу Судебныхъ Уставовъ, умѣвшаго, когда нужно, безъ задора, но съ твердостью постоять за достоинство своего званія и самостоятельности своихъ дѣйствій. А это подчасъ было нелегко при той переоцѣнкѣ нравственной цѣнности судебныхъ званій, которая тогда начинала сильно развиваться и выражалась въ перемѣщеніи центра тяжести судебной дѣятельности изъ суда въ прокуратуру. Положеніе Марки, которому пришлось вести это слѣдствіе несомнѣнной и глубокой важности, особенно усложнялось еще разнообразіемъ взглядовъ вліятельныхъ сферъ и начальствующихъ лицъ на свойства и характеръ причинъ необычайнаго крушенія. Одни стремились найти въ немъ непремѣнно и во что бы то ни стало признаки политическаго преступленія, не гнушаясь чужими, иногда совершенно нелѣпыми, доносами и собственными вымыслами ad hoc, не имѣвшими *никакой* фактической подкладки; — другіе винили во всемъ исключительно людей, которые сопровождали Государя и Его семейство и властное слово которыхъ могло ускорить движеніе поѣзда до опасныхъ размѣровъ; — третьи во

всемъ обвиняли правленіе и управленіе Поляковской дороги, хищнически эксплоатировавшія все предпріятіе въ виду наступавшаго вскорѣ срока выкупа желѣзной дороги казною; — четвертые придавали всему характеръ простой несчастной случайности и, наконецъ, пятые, и въ томъ числѣ прокуроръ Судебной Палаты Закревскій, съ поспѣшной впечатлительностью переходили отъ одного взгляда къ другому, — неумѣстно, суетливо и самовластно впутывались въ распоряженія слѣдователя или, наоборотъ, въ случаяхъ, когда ихъ содѣйствіе было необходимо, не торопясь съ нимъ, кутались въ тогу оскорбленнаго самолюбія. А между тѣмъ матеріалъ накоплялся громадный, и разнообразная экспертиза открывала все новыя и новыя области, требовавшія подробнаго изслѣдованія. Въ свое время я подѣлюсь съ моими читателями подробными воспоминаніями объ изслѣдованіи причинъ крушенія 17 октября 1888 года, теперь же — такъ какъ пришлось къ слову — могу лишь сказать, что крушеніе это было послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, коренившихся въ общемъ неисполненіи своего долга должностными лицами и въ недобросовѣстности лицъ частныхъ. По выводу сложной экспертизы, произведенной цѣлой группой особо-свѣдущихъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ лицъ, крушеніе произошло отъ чрезмѣрной тяжести поѣзда при чрезмѣрной скорости на слабомъ пути, а основаніемъ къ такому заключенію послужило то, что, вопреки точнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ спеціальнымъ правиламъ о *поѣздахъ чрезвычайной важности*, потерпѣвшій крушеніе поѣздъ состоялъ вмѣсто одиннадцати изъ двадцати двухъ шестиколесныхъ вагоновъ и вѣсилъ поэтому вдвое больше, — имѣлъ неудовлетворительный и портившійся въ пути автоматическій тормозъ, не имѣлъ никакихъ приспособленій для сигнализаціи, — даже простой веревки между локомотивомъ и вагонами, — двигался со скоростью шестидесяти пяти верстъ въ часъ вмѣсто установленныхъ тридцати семи и шелъ двойной тягой, т. е. съ двумя паровозами, тоже вопреки правиламъ, разнаго типа (пассажирскимъ и товаро-пассажирскимъ). Это, стоившее многихъ жертвъ, крушеніе произошло на уклонѣ въ 0,013, тогда какъ для Европейской Россіи maximum уклона составляетъ 0,008, и въ такомъ

мѣстѣ, гдѣ гнилыя шпалы удерживали въ себѣ костыли отъ расшитыхъ поѣздомъ рельсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ четырнадцать разъ слабѣе нормальнаго.

Судебному слѣдователю Марки приходилось проявлять безпристрастіе истиннаго судебнаго дѣятеля и свою дѣловую выдержку среди разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ настроеній, вліяній, совѣтовъ, намековъ и инсинуацій. Но онъ шелъ своимъ путемъ и дѣлалъ свое дѣло. По внѣшнему виду этого скромнаго человѣка трудно было, при первомъ знакомствѣ, опредѣлить его внутреннее содержаніе. Наружность его была довольно своеобразна. На его длинное туловище съ короткими ногами природа посадила голову въ непослушныхъ вихрахъ надъ глазами, смотрѣвшими въ разныя стороны, и дала лицо добраго сатира съ длинной и рѣдкой бородкой, завершивъ свою работу тѣмъ, что вырастила у запястья рукъ еще пару кистей съ полнымъ комплектомъ маленькихъ уродливыхъ пальцевъ. Эти «дополнительныя» руки, какъ какая-то опухоль, возвышались подъ рукавами и при поспѣшныхъ и сильныхъ движеніяхъ выглядывали на свѣтъ Божій. Къ этому присоединялась особая изысканность манеръ, соотвѣтствовавшая его французской фамиліи, и глухой, замогильный голосъ. Но въ этихъ косыхъ глазахъ свѣтились живой умъ и тонкая воспріимчивость, во впалой груди билось благородное, исполненное чувства долга сердце, и ни одна изъ его четырехъ рукъ, конечно, не подписала никогда ничего, за что этотъ достойный глубокаго уваженія судебный дѣятель могъ бы покраснѣть. Величайшею мечтою этого труженика, задавленнаго постоянною громадною работою, было полученіе мѣста члена Судебной Палаты, но его постоянно обходили, оставляя изнывать чуткой душой и слабымъ тѣломъ за тяжелымъ, безпросвѣтнымъ трудомъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1902 году въ Харьковѣ во время визита его въ семью, у которой я остановился. Онъ постарѣлъ, сталъ еще менѣе красивъ, и вторая пара рукъ какъ-то еще больше торчала подъ рукавами его форменнаго сюртука. Отойдя со мною въ сторону отъ другихъ гостей, онъ разсказывалъ упавшимъ голосомъ, какъ тяжко ему производить — при наличности самыхъ без-

церемонныхъ мѣстныхъ давленій — слѣдствіе надъ несчастными въ своей темнотѣ, легковѣрномъ невѣжествѣ и нравственной одичалости крестьянами Богодуховскаго и Валковскаго уѣздовъ, привлеченными за участіе въ безпорядкахъ и уже жестоко наказанными розгами подъ личнымъ руководствомъ губернатора, князя И. М. Оболенскаго, вскорѣ завершившаго свою служебную карьеру генералъ-губернаторствомъ въ Финляндіи. Тяжелые вздохи прерывали рѣчь добраго и безпристрастнаго человѣка, и въ глазахъ его свѣтилась изстрадавшаяся душа, оставившая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ навсегда свой необычный земной футляръ.

Со слѣдователями петербургскаго Окружнаго Суда мнѣ пришлось находиться въ служебныхъ отношеніяхъ почти въ теченіе десяти лѣтъ въ качествѣ товарища прокурора и прокурора, а затѣмъ по званію предсѣдателя Суда. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, другіе давно оставили свою должность—«иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече»...—но теплое чувство уваженія къ огромному большинству этихъ почтенныхъ дѣятелей живетъ въ моей душѣ и возникаетъ съ особой силой каждый разъ, когда я вспоминаю годы нашего совмѣстнаго служенія правосудію. Слѣдователей въ Петербургѣ было много: въ одной столицѣ было въ мое время пятнадцать слѣдственныхъ участковъ, да въ уѣздахъ шестнадцать, при чемъ сосредоточеніе камеръ столичныхъ слѣдователей въ зданіи Окружнаго Суда давало возможность постоянныхъ личныхъ съ ними отношеній и освобождало отъ излишней переписки.

Петербургскіе слѣдователи были людьми различнаго темперамента, способностей и опыта, накопляемаго долголѣтней практикой. Совершенно избѣжать нѣкоторыхъ треній между ними и лицами прокурорскаго надзора было, конечно, невозможно, но я тщательно устранялъ изъ возникшихъ разногласій элементъ личной обидчивости и рѣзкаго проявленія своихъ правъ, въ забвеніи своихъ обязанностей по отношенію къ общему дѣлу. Я храню у себя письмо, присланное мнѣ при оставленіи мною должности прокурора судебнымъ слѣдователемъ К. И. Ламанскимъ, старѣйшимъ по годамъ службы и наиболѣе авторитет-

нымъ представителемъ слѣдователей, назначенныхъ при самомъ открытіи петербургскаго суда (ихъ было семь: Ламанскій, Веберъ, Штанге, Витали, Запольскій, Доморацкій, Федоровъ и Лелонгъ), — письмо, въ которомъ онъ благодаритъ меня за то, что за все время моего прокурорства (почти пять лѣтъ) я «поддерживалъ съ ними добрыя и откровенныя отношенія», и затѣмъ говоритъ, что «если и возникали иногда маленькія недоразумѣнія, то за послѣдовавшимъ съ вашей стороны ихъ устраненіемъ и разъясненіемъ мы получали только большее расположеніе и довѣріе къ вамъ». — Большинство изъ нихъ неохотно мѣняло свою живую дѣятельность на званіе члена суда или на должность товарища прокурора, сроднясь со своими участками и съ тѣсно сплоченнымъ товарищескимъ кругомъ. Нѣкоторыхъ изъ *утвержденныхъ* слѣдователей перваго года судебной реформы не могли соблазнить никакія назначенія. Достойно неся и осуществляя свою судейскую независимость, они и умерли, занимая должность именно такого слѣдователя, какого себѣ представляли и начертали составители Судебныхъ Уставовъ.

Вскорѣ послѣ введенія судебной реформы явилась необходимость въ учрежденіи сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ должности *судебнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ*. Эти слѣдователи имѣли право производить слѣдствія, по предложенію Министра Юстиціи, — какъ главы прокурорскаго надзора — на пространствѣ всей Россіи, не стѣсняясь районами Окружныхъ Судовъ, при которыхъ впослѣдствіи — уже много лѣтъ спустя—явились и судебные слѣдователи *по важнѣйшимъ дѣламъ*, но только подсуднымъ тѣмъ судамъ, въ округѣ которыхъ совершено такое «важнѣйшее» преступное дѣяніе. Учрежденіе должности слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ надо признать весьма удачнымъ. Отсутствіе участка, обыкновенно обремененнаго дѣлами, пустыми по существу, но отнимающими иногда довольно много времени, каковы, напримѣръ, дѣла о кражѣ со взломомъ и о третьихъ кражахъ, — возможность всецѣло отдаваться изслѣдованію одного или двухъ дѣлъ и сопряженная съ этимъ относительная свобода въ распоряженіи своимъ временемъ — даютъ слѣдователю возможность производить

дѣла съ особой полнотой, тщательностью и вдумчивостью, вести ихъ быстро и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ преступнымъ дѣяніемъ въ средѣ причастныхъ къ слѣдствію лицъ. Въ рукахъ такого слѣдователя съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ находиться дѣла, требующія значительной предварительной подготовки и серьезнаго изученія тѣхъ или другихъ явленій, условій или ненормальностей общественной жизни. Такія дѣла, тѣсно связанныя съ цѣлымъ строемъ вещей или сложившимися порядками, попавъ къ участковому слѣдователю, тормозили бы движеніе другихъ дѣлъ и велись бы сами безъ полнаго посвященія имъ его силъ и времени, страдая поэтому трудно поправимою неполнотой и промахами, неизбѣжными при массѣ непрерывной и мелочной текущей дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ особо-важнымъ дѣламъ, помимо обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, напримѣръ, о злоупотребленіяхъ въ акціонерныхъ обществахъ и о преступленіяхъ должности, относятся изслѣдованія выдающихся злодѣяній кроваваго или безчеловѣчнаго характера, которыя глубоко волнуютъ и смущаютъ общество. Быстрое и энергическое ихъ производство успокаиваетъ встревоженное общественное мнѣніе, а скорая передача ихъ въ судъ и публичное ихъ обсужденіе кладетъ предѣлы разнорѣчивымъ толкованіямъ, вреднымъ, по своему возможному вліянію на присяжныхъ, для постановки спокойнаго и безпристрастнаго рѣшенія.

Первымъ судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ при петербургскомъ Окружномъ Судѣ былъ назначенъ П. К. Гераковъ, опытный юристъ, соединявшій большія правовыя свѣдѣнія со спокойной твердостью своихъ всегда глубоко-обдуманныхъ и строго-безпристрастныхъ дѣйствій. Почти одновременно съ моимъ переходомъ изъ Казани въ Петербургъ на должность прокурора онъ былъ назначенъ членомъ петербургской Судебной Палаты, и мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось на первыхъ порахъ познакомиться съ двумя слѣдователями по особо-важнымъ дѣламъ совсѣмъ другого типа.

Въ одинъ февральскій день 1872 года ко мнѣ въ Окружной Судъ пожаловалъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ московскаго Окружного Суда Реутскій, считавшійся боль-

шимъ спеціалистомъ по дѣламъ о сектантахъ и глубокимъ знатокомъ ученія, обрядовъ и своеобразной писаной литературы «особо-вредныхъ» сектъ, къ каковымъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, скопцы и хлысты съ ихъ различными развѣтвленіями. Его знанія по этой части были несомнѣнно велики по объему, но едва ли были глубоки, существуя въ сыромъ видѣ, безъ яснаго ихъ анализа и вдумчиваго синтеза. Они пріобрѣтались урывками, по случайнымъ поводамъ и не были приведены въ систему. Изданная имъ книга «Люди Божьи и скопцы» лучше всего это доказываетъ, представляя оригинальное соединеніе историческихъ данныхъ, офиціальныхъ свѣдѣній, матеріаловъ судебнаго производства и собственныхъ измышленій, изложенныхъ въ беллетристической формѣ, въ видѣ бытовыхъ сценъ, разсказовъ и подробныхъ бесѣдъ основателей и главарей сектъ между собою, слышать которыя авторъ въ дѣйствительности, по времени и мѣсту, не могъ. Все это изложено безъ всякой внутренней перспективы, съ изображеніемъ на первомъ планѣ и существеннаго и мелочного, а потому не оставляетъ въ читателѣ никакого цѣлостнаго представленія. Маленькій и сухой, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и впалыми глазами, со складомъ рѣчи, въ которомъ слышалась большая нервность, вѣчно занятый своею спеціальностью и только о ней и говорящій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, для котораго изслѣдованіе дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ обратилось въ своего рода охоту за этими сектантами. Въ сущности въ немъ судебный слѣдователь переродился въ горячаго и односторонняго обвинителя, ревниво охранявшаго непогрѣшимость своихъ выводовъ и ихъ практическаго приложенія.

Имѣвъ не разъ случай усомниться въ соотвѣтствіи его дѣйствій и распоряженій съ требованіями истиннаго правосудія, я неоднократно убѣждался въ его чрезвычайной любви къ дѣлу въ смыслѣ работы, въ которой онъ былъ неустаненъ, отдавая ей все свое время и не преслѣдуя—насколько я его понималъ—никакихъ личныхъ цѣлей. При нашихъ разговорахъ о дѣлахъ его спеціальности онъ со страстной настойчивостью высказывалъ такіе взгляды, что, мнѣ думается—рѣшись я назвать его въ глаза фа-

натикомъ, онъ съ напускною скромностью сказалъ бы, подобно Тургеневскому Михалевичу въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»: «увы! я еще не заслужилъ такого высокаго наименованія». — Онъ прибылъ въ Петербургъ потому, что содержавшійся въ московскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Холоповъ оговорилъ цѣлый рядъ лицъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, а также въ Петербургѣ въ принадлежности къ скопческой ереси, разсказывая, что, завлеченный въ эту секту, онъ присутствовалъ при радѣніяхъ скопцовъ и даже при наложеніи «большой и малой печати». Многое изъ этого, по словамъ Холопова, происходило и въ знаменитомъ въ первой половинѣ XIX вѣка скопческомъ «кораблѣ», въ домѣ на углу Озернаго переулка и Знаменской улицы въ Петербургѣ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ жилъ основатель секты «батюшка-искупитель» Селивановъ, и гдѣ его посѣщали, подъ вліяніемъ увлеченія Александра I мистицизмомъ, самые высшіе петербургскіе сановники. Производя обширное слѣдствіе по заявленію Холопова и сосредоточивъ слѣдственныя дѣйствія въ Москвѣ, Реутскій находилъ необходимымъ лично произвести обыски въ Петербургѣ у цѣлаго ряда лицъ, содержавшихъ, главнымъ образомъ, мѣняльныя конторы. Эти обыски должны были подтвердить указаніе Холопова на то, что обыскиваемые не только оскоплены, но и горячо распространяютъ свои вредныя заблужденія, пріобрѣтая угрозами и лаской, деньгами и обѣщаніемъ выгодъ новыхъ адептовъ, надъ которыми совершаютъ свои изувѣрные обряды. Обыски эти представлялись дѣломъ сложнымъ, требовали содѣйствія полиціи и, по настойчивому желанію Реутскаго, присутствія лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора. Каждый разъ, когда онъ лично обращался ко мнѣ о командированіи товарища прокурора, я спрашивалъ его о результатахъ произведеннаго обыкновенно наканунѣ обыска. «Самые блестящіе,—говорилъ онъ мнѣ съ особымъ удовольствіемъ—улики несомнѣнныя.—Что же найдено?—Да все, что нужно, всѣ доказательства принадлежности къ ереси: портреты Петра III, изображеніе Іоанна Крестителя съ агнцемъ, иконы съ «безбородыми» угодниками, платочки съ крапинками, песокъ съ могилъ Селиванова и Шилова и т. п.—Ну, а что далъ вчерашній обыскъ? спро-

силъ я его однажды.—О! это несомнѣнный скопецъ,—уклончиво отвѣчалъ онъ—и изъ самыхъ вредныхъ.—Что же вы нашли у него?—Ничего не нашли.—Чѣмъ же онъ, въ такомъ случаѣ, изобличается, если у него ничего не найдено?—Если ничего не найдено,—наставительно сказалъ мнѣ Реутскій,—это еще не имѣетъ рѣшающаго значенія: это только значитъ, что онъ хорошо спряталъ то, что его изобличаетъ»... Мнѣ невольно вспомнился при этомъ выступъ на Базельскомъ мосту черезъ Рейнъ, съ котораго, по рецепту знаменитаго «Malleus maleficorum», бросали въ воду, со связанными руками, женщинъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ Сатаною, при чемъ, если таковыя выплывали, то это служило доказательствомъ ихъ связи съ дьяволомъ и влекло ихъ на костеръ, а если не выплывали, то... не выплывали.

За обысками послѣдовали привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ, очныя ставки съ привезеннымъ изъ Москвы Холоповымъ,—чахоточнымъ человѣкомъ, съ довольно подозрительною и чрезвычайно однообразной подробностью повторявшаго свои заявленія и никогда не смотрѣвшаго въ глаза,—и, наконецъ, цѣлый рядъ освидѣтельствованій мужчинъ и женщинъ на предметъ опредѣленія, есть ли печать и какая—малая или большая. По поводу послѣднихъ дѣйствій я вынужденъ былъ причинить Реутскому большое огорченіе. Ободренный предполагаемой имъ *успѣшностью* обысковъ и исчерпавъ въ этомъ отношеніи все, что можно, онъ со страстностью и, если можно такъ выразиться, дѣловою ненасытностью перешелъ къ освидѣтельствованіямъ. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой дать ему предложеніе о производствѣ освидѣтельствованія всѣхъ женщинъ, проживавшихъ въ большомъ трехъ-этажномъ домѣ, на одномъ изъ угловъ тогдашней Ямской улицы около Лиговки, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, по нѣкоторымъ намекамъ и неопредѣленнымъ воспоминаніямъ Холопова, что въ этомъ домѣ помѣщается тоже скопческій корабль или нѣчто въ родѣ скопческаго женскаго монастыря. Напомнивъ ему, что онъ совершаетъ отдѣльныя дѣйствія по слѣдствію, возникшему и производящемуся въ Москвѣ, куда и можетъ обращаться за прокурорскими предложеніями, я отказалъ ему въ моемъ починѣ для

осуществленія его чудовищнаго слѣдственнаго замысла по отношенію къ женщинамъ, ни именъ, ни званій, ни числа которыхъ онъ мнѣ даже привести не могъ. Но онъ усиленно настаивалъ на моемъ предложеніи, ссылаясь на то, что безъ него не рѣшается приступить, хотя и имѣетъ на то право, къ такому важному и несомнѣнно богатому успѣшными результатами дѣйствію. Мой повторный отказъ очень раздражилъ его, и онъ — привыкшій играть роль «излюбленнаго лица» въ Министерствѣ Юстиціи — съ высокомѣрнымъ самообольщеніемъ сказалъ мнѣ, что вынужденъ будетъ доложить Министру Юстиціи о томъ, что онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ необходимаго сочувствія и поддержки со стороны петербургской прокуратуры. На это и мнѣ въ свою очередь пришлось ему указать, что и я не лишенъ возможности попросить Министра освободить меня или отъ всякихъ бесѣдъ съ московскимъ слѣдователемъ по сектантскимъ дѣламъ или отъ должности прокурора петербургскаго Окружного Суда. На этомъ мы и разстались. Я не предполагалъ тогда, что черезъ двадцать лѣтъ мнѣ, въ качествѣ сенатора-докладчика по апелляціоннымъ дѣламъ, придется встрѣтиться съ осуществленіемъ слѣдственнаго пріема, задуманнаго Реутскимъ, но только въ другой мѣстности и обстановкѣ. Гакенрихтеръ Вейсенштейнскаго уѣзда баронъ Штакельбергъ, заподозривъ въ убійствѣ новорожденнаго ребенка, найденнаго въ лѣсу, кого-либо изъ крестьянокъ деревни Рама и находя, что дѣвушки этой деревни «не отличаются нравственностью», подвергъ ихъ, въ числѣ четырнадцати, освидѣтельствованію черезъ врача, при чемъ всѣ онѣ оказались ни разу не рожавшими, а три изъ нихъ совершенно дѣвственными.

По отъѣздѣ Реутскаго въ Москву продолженіе начатыхъ имъ слѣдственныхъ дѣйствій по Петербургу было возложено, по распоряженію Министра Юстиціи, на судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при петербургскомъ Окружномъ Судѣ Жуковскаго. Этотъ слѣдователь представлялъ полную противоположность Реутскому. Послѣдній имѣлъ за собой довольно долгіе годы службы, массу труда, большую техническую опытность и всецѣло отдавался излюбленному, хотя и односторонне

понимаемому дѣлу. Въ немъ не было ничего безстрастно-чиновничьяго и, наконецъ, онъ все-таки сдѣлалъ свой, хотя и далеко не совершенный, вкладъ въ нашу бѣдную въ то время литературу о сектантствѣ. Жуковскій — сынъ губернатора и затѣмъ сенатора — всплылъ на поверхность какъ-то совершенно неожиданно на мѣсто П. К. Геракова. За нимъ не было ни опыта, ни упорнаго труда, ни горячаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Зная, что въ судебномъ вѣдомствѣ во время пребыванія Министромъ Юстиціи графа Палена протекція была немыслима, я и до сихъ поръ, по прошествіи сорока лѣтъ, не могу себѣ объяснить назначеніе такого малосвѣдущаго человѣка на важную должность въ столицѣ, такъ высоко поднятую его достойнымъ предшественникомъ Гераковымъ. И по наружности и по манерамъ — изящный, франтоватый, высокій и красивый Жуковскій былъ полной противоположностью Реутскаго. Первыя же слѣдственныя его дѣйствія по громкому и сложному дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской дороги, къ которому, въ качествѣ обвиняемыхъ, были привлечены акушеръ Колосовъ, библіотекарь медико-хирургической академіи докторъ Никитинъ и дворянинъ Ярошевичъ, при чемъ двое послѣднихъ обвинялись еще въ приготовленіи къ отравленію своего сообщника по поддѣлкѣ Колосова [1]), обнаружили въ новомъ судебномъ слѣдователѣ по особоважнымъ дѣламъ полное отсутствіе способности установлять точныя и опредѣленныя границы производимому слѣдствію съ яснымъ сознаніемъ его цѣлей и практическаго значенія каждаго изъ предпринимаемыхъ дѣйствій. Его никакъ нельзя было назвать хозяиномъ дѣла, обдумавшихъ свойство и житейскую обстановку изслѣдуемаго преступленія и безпристрастно, но полно и обстоятельно разъясняющимъ какъ фактическую его сторону, такъ и нравственную его подкладку.

Дальнѣйшія произведенныя имъ слѣдствія лишь подтвердили первое впечатлѣніе, имъ оставленное. Полное отсутствіе общей мысли, связующей всѣ частности дѣла, и правильнаго, согласнаго съ закономъ, пониманія состава преступленія, —

---

[1]) Судебныя рѣчи. А. Ѳ. Кони, изд. 3. 1906.

склонность къ механическому подбору фактовъ, благодаря чему слѣдствія расплывались до безграничности и длились многіе мѣсяцы, — длиннѣйшіе, чрезвычайно отяготительные для свидѣтелей, допросы о самыхъ мелочныхъ и не имѣющихъ значенія для дѣла обстоятельствахъ,—рѣзкое и надменное обращеніе съ вызываемыми къ слѣдствію, и, наконецъ, чрезвычайная и упорная щедрость на лишеніе заподозрѣнныхъ свободы безъ достаточныхъ основаній—таковы были характерныя черты этихъ слѣдствій и свойства этого слѣдователя. Съ особенною силою все это проявилось въ дѣлѣ о скопцахъ, начатомъ Реутскимъ. Весною 1872 года, вслѣдствіе сильнаго нездоровья, я долженъ былъ взять четырехмѣсячный отпускъ за границу. Вернувшись и покончивъ съ накопившимися неотложными вопросами и работами, я получилъ, наконецъ, уже въ октябрѣ, возможность ознакомиться со слѣдствіемъ, производимымъ Жуковскимъ, и пришелъ въ большое смущеніе, чтобы не сказать болѣе. Оказалось, что, не озаботясь пріобрѣтеніемъ точныхъ и научно-провѣренныхъ свѣдѣній о существенныхъ признакахъ скопчества, онъ приступилъ къ широко раскинутой Реутскимъ уголовной паутинѣ, дѣйствуя ощупью, безъ всякаго плана, и сталъ плодить непроизводительную и безцѣльную переписку, содержа подъ стражею по году людей, о которыхъ потомъ Судебной Палатѣ пришлось прекращать слѣдствіе по *отсутствію признаковъ преступленія*. При этомъ онъ путался въ совершенно чуждыхъ ему судебно-медицинскихъ вопросахъ, предаваясь сомнѣніямъ въ случаяхъ, вполнѣ ясныхъ, и нагромождая, безъ системы и связи, протоколъ на протоколѣ, очевидно, потерявшись въ массѣ сырого матеріала. Достаточно сказать, что изъ *сорока* привлеченныхъ къ слѣдствію человѣкъ только *одного* Судебная Палата признала возможнымъ предать суду, да и тотъ не былъ самъ скопцомъ. Изъ этихъ сорока человѣкъ часть, особенно престарѣлыхъ, оказалась освобожденною отъ суда по Высочайше утвержденному еще въ 1849 году положенію комитета министровъ, какъ оскопленныхъ до 1816 года,—противъ двухъ (женщинъ) не обнаружено никакихъ уликъ,—а остальные еще въ 1854 году были оправданы рѣшеніемъ Сената, какъ въ самооскопленіи или допущеніи оско-

пить себя во время совершеннолѣтія, такъ и въ распространеніи своей ереси «къ соблазну другихъ».

Какихъ-либо признаковъ послѣдняго обвиненія не нашла и Судебная Палата, разсмотрѣвшая по подробному докладу П. К. Гераковa все огромное производство Реутскаго и Жуковскаго и не нашедшая возможнымъ придать значеніе противорѣчивымъ и возбуждающимъ основательныя сомнѣнія доносамъ Холопова. Это производство, потребовавшее отъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ властей большой, по дознаніямъ и собиранію справокъ, подготовительной работы, и сопряженное съ значительными денежными расходами для казны — оказалось совершеннымъ пустоцвѣтомъ, возбудивъ однако многія справедливыя жалобы и обнаруживъ полную несостоятельность Жуковскаго для производства «особо-важныхъ дѣлъ». Для характеристики произвольности и шаткости его взглядовъ не могу не припомнить, что онъ постоянно и безъ всякаго основанія относился критически къ заключеніямъ врачей—Мержеевскаго и Баталина, работавшихъ подъ руководствомъ великаго знатока скопчества въ судебно-медицинскомъ отношеніи, автора цѣннаго и обширнаго по этому предмету сочиненія [1]), профессора и директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана, и подвергалъ поэтому привлеченныхъ имъ къ слѣдствію, по большей части стариковъ и старухъ, повторнымъ, ненужнымъ и унизительнымъ освидѣтельствованіямъ. Въ то же время, на основаніи одного лишь полуграмотнаго свидѣтельства провинціальнаго уѣзднаго врача, онъ содержалъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подъ стражей въ качествѣ скопца — цвѣтущаго здоровьемъ торговца изъ Орловской губерніи, который тщетно слезно ссылался на то, что онъ женатъ и имѣетъ ребенка. При освидѣтельствованіи его, по требованію прокурорскаго надзора, оказалось, что несчастный псевдо-скопецъ просто тестикондъ (по народному выраженію «нутрецъ») и что указанный врачъ или грубо ошибся или смастерилъ свое свидѣтельство, не ознакомившись вовсе съ физической природой этого человѣка.

---

[1]) Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества. Е. Пеликана, 1872.

Дѣло Григорія Горшкова, «духовнаго скопца», несомнѣнно, связаннаго многими узами съ воинствующимъ скопчествомъ и обвиняемаго въ оскопленіи родного сына, неизвѣстно куда скрывшагося, слушалось въ іюлѣ 1873 года въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ. Обвиненіе, которое я энергически поддерживалъ, будучи глубоко убѣжденъ въ виновности подсудимаго, было, какъ оно и понятно, построено на совокупности косвенныхъ уликъ. Оно встрѣтило талантливое возраженіе со стороны защитника, князя Кейкуатова, который указалъ, между прочимъ, присяжнымъ засѣдателямъ на то, что дѣло Горшкова представляетъ лишь маленькій обломокъ отъ непрочнаго и развалившагося зданія, построеннаго руками двухъ слѣдователей по особо-важнымъ дѣламъ — одного слѣпо-усерднаго, а другого «невѣдавшаго, что творитъ» — и просилъ присоединить своего кліента къ остальнымъ тридцати девяти, привлеченнымъ неосновательно. Это не могло не повліять на присяжныхъ, и они оправдали Горшкова.

Въ 1874 году Жуковскаго замѣнилъ Иванъ Ѳедоровичъ Книримъ, и я узналъ въ немъ «настоящаго человѣка на настоящемъ мѣстѣ», какъ говорятъ англичане. Очень высокаго роста, съ ясными голубыми глазами на умномъ и спокойномъ лицѣ германскаго типа, онъ представлялъ собою соединеніе всѣхъ свойствъ и качествъ, необходимыхъ для слѣдственнаго судьи, въ рукахъ котораго такъ часто находятся свобода, честь и въ значительной степени матеріальное положеніе не только обвиняемаго, но иногда и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и отъ котораго, какъ отъ врача и священника, не могутъ быть скрыты подробности частной жизни, иногда въ самыхъ сокровенныхъ ея проявленіяхъ. Достаточно подумать, сколько зла, несчастія, позора и разоренія могутъ иногда причинить — легковѣрное и непровѣренное отношеніе къ разнымъ заявленіямъ и доносамъ, — поспѣшный и непродуманный приступъ къ слѣдствіямъ объ учрежденіяхъ и лицахъ, въ дѣятельности которыхъ играетъ существенную роль торговый или общественный кредитъ, — недостаточно обоснованное привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ нравственности и противъ

цѣломудрія женщинъ, въ которыхъ такъ часто пышно распускается ядовитый цвѣтокъ, называемый шантажемъ. Я уже говорилъ о Книримѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлахъ игумена Митрофанія и о поджогѣ мельницы Овсянникова. Здѣсь могу лишь добавить одинъ эпизодъ, когда я видѣлъ обычно очень сдержаннаго и хладнокровнаго Книрима въ состояніи крайняго возбужденія и негодованія. Въ ноябрѣ 1874 года онъ производилъ очень серьезное слѣдствіе по дѣлу о подлогѣ завѣщанія, совершенномъ нѣсколькими лицами, принадлежавшими къ такъ называемой интеллигенціи и постепенно исчерпывавшими всѣ доступныя имъ средства для отклоненія отъ себя тяжелаго обвиненія. Слѣдствіе уже приходило къ концу, и Книримъ вызвалъ одного изъ главныхъ обвиняемыхъ для предъявленія ему слѣдственнаго производства и предложенія традиціоннаго вопроса—не желаетъ ли онъ чѣмъ-нибудь таковое дополнить въ свое оправданіе? Обвиняемый, уже имѣвшій въ рукахъ копіи со всего производства, не пожелалъ съ нимъ знакомиться, а на вопросъ Книрима указалъ, справясь въ принесенной имъ записочкѣ, на нѣсколькихъ свидѣтелей и нѣкоторые документы, а затѣмъ, оглянувшись по сторонамъ и видя, что письмоводитель и кандидаты на судебныя должности заняты своимъ дѣломъ въ обширной камерѣ слѣдователя, подалъ эту записочку Книриму и вмѣстѣ съ нею открытый пакетъ, прибавивъ вполголоса: «да вотъ еще и это»... «Der lange Friedrich», какъ почему-то называли въ шутку Книрима сослуживцы, взявъ записку и пакетъ и увидѣвъ, что въ немъ лежатъ кредитные билеты, вскочилъ, какъ ужаленный, и устремился черезъ длинные коридоры и пріемныя слѣдователей и коридоръ товарищей прокурора ко мнѣ въ кабинетъ. «Этого такъ оставить нельзя,—говорилъ онъ, задыхаясь и совершенно внѣ себя, весь красный отъ волненія: — за что такое оскорбленіе! Я васъ прошу принять отъ меня объ этомъ официальное заявленіе, и нельзя ли возбудить преслѣдованіе противъ этого негодяя?» Стараясь его успокоить, я обратилъ его вниманіе на трудность уголовнаго преслѣдованія лиходателей и на то, что всякое оглашеніе о предложенной и отвергнутой взяткѣ всегда вызываетъ въ обществѣ лукавое предположеніе,

что отвергнувшій даръ желаетъ порисоваться своею неподкупностью. «Однакоже нельзя такъ тяжко оскорблять безнаказанно,—волновался Книримъ:—до сихъ поръ никто не выражалъ сомнѣнія въ моей честности, и *онъ*, человѣкъ образованный и самъ служившій, не могъ не видѣть, что я охотно предоставляю обвиняемымъ полную возможность приводить всевозможныя доказательства своей невиновности. Онъ не могъ не понимать, какой обидный смыслъ имѣетъ этотъ гнусный пакетъ!—Мы его за это и накажемъ безъ всякой огласки,—сказалъ я и приказалъ пригласить лиходателя изъ камеры слѣдователя въ мой кабинетъ и тутъ, въ присутствіи разстроеннаго Книрима, сказалъ ему: «Г. судебный слѣдователь сообщилъ мнѣ, что вы передали ему вотъ этотъ пакетъ съ деньгами. Не желая допускать мысли, что вы могли это сдѣлать съ безплодной цѣлью повліять на ходъ слѣдствія, я высказалъ ему мнѣніе, что вы, вѣроятно, желали воспользоваться случаемъ просить его передать ваше пожертвованіе въ недавно учрежденное общество попеченія объ арестантскихъ дѣтяхъ, объ открытіи для которыхъ пріюта вы, конечно, читали въ газетахъ. Не такъ ли?» — Д-д-д-а, пролепеталъ тотъ... «Позвольте васъ искренно поблагодарить за это доброе дѣло: пріютъ очень нуждается въ средствахъ... Потрудитесь пересчитать деньги и получить временную расписку»... Книримъ облегченно вздохнулъ, улыбнулся и, уходя, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а пріютъ арестантскихъ дѣтей неожиданно обогатился пятьюстами рублями.

Со времени оставленія мною совмѣстной службы со слѣдователями въ Петербургѣ прошло почти тридцать лѣтъ. Многое въ судебной практикѣ съ тѣхъ поръ измѣнилось и едва ли къ лучшему. По дѣламъ, проходившимъ черезъ мои руки по должности оберъ-прокурора уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, я видѣлъ, какъ постепенно и нерѣдко при явномъ вліяніи и внушеніи, идущемъ съ іерархическихъ высотъ, вторгалось въ слѣдственную практику одностороннее обвинительное творчество. Оно проявлялось въ расширеніи изслѣдованія далеко за предѣлы состава и свойства преступленія и движущихъ къ нему побужденій,—въ производствѣ ненужныхъ и напрасныхъ экспер-

тизъ по вопросамъ, изъ которыхъ фантазія играла гораздо большую роль, чѣмъ разумная потребность, — въ пріемахъ, облегчающихъ обвинителю на судѣ обходъ прямыхъ запрещеній закона и, наконецъ, въ привлеченіи къ слѣдствію *заподозрѣннаго* въ качествѣ *обвиняемаго* лишь въ самомъ концѣ всего иногда многотомнаго производства, почти наканунѣ его отсылки къ прокурору, когда на привлеченнаго сразу обрушивалась масса направленныхъ противъ него данныхъ, своевременно и лично защищаться противъ которыхъ и, быть-можетъ, разрушить предубѣжденіе слѣдователя онъ былъ уже лишенъ возможности. Такъ, среди многихъ подобныхъ дѣлъ, мнѣ вспоминается московское слѣдствіе о покушеніи на растленіе экзальтированной молодой дѣвушки «красавцемъ-мужчиной», во время ужина въ отдѣльномъ кабинетѣ, послѣ ея успѣшнаго дебюта въ клубномъ спектаклѣ, — по которому судебный слѣдователь, — человѣкъ въ высокой степени благородный, но увлекающійся, — озаглавилъ каждый томъ производства, какъ главы романа:—«событіе преступленія», «личность потерпѣвшей», «личность обвиняемаго» и т. д. — при чемъ между прочимъ были произведены допросы разныхъ лицъ о поведеніи *отца* обвиняемаго и о томъ, велъ ли онъ нечистую картежную игру, и спрошены, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, три выдающихся артистки Императорскихъ театровъ о томъ, что онѣ чувствовали послѣ перваго дебюта, и были ли бы онѣ въ состояніи послѣ этого противостоять дерзкому и неожиданному нападенію на свое цѣломудріе. — Вспоминается также петербургское дѣло Ольги Палемъ, убившей студента Довнара, не желавшаго продолжать съ ней любовную связь, по которому, несмотря на признаніе обвиняемою своей виновности въ сознательномъ убійствѣ подъ вліяніемъ раздраженія, было произведено изслѣдованіе всѣхъ ея связей за десять лѣтъ до совершенія преступленія, при чемъ, въ явное нарушеніе торговой тайны, были разсмотрѣны и оглашены расходы на нее, записанные въ торговыхъ книгахъ ея «покровителя» въ Одессѣ.— Наконецъ, я не могу забыть слѣдствіе о графинѣ Н..., обвинявшейся въ присвоеніи чужому ребенку титула, фамиліи и правъ состоянія своего мужа, жившаго и умершаго въ другомъ городѣ

въ разслабленномъ физическомъ и душевномъ состояніи. На дѣло было обращено исключительное вниманіе, но несмотря на то, что виновность подсудимой во взводимомъ на нее преступленіи представлялась несомнѣнной, присяжные вынесли ей оправдательный приговоръ, причину чего главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ томъ особомъ пріемѣ для успѣха обвиненія, который былъ употребленъ при слѣдствіи. По закону прокуроръ не имѣетъ права ссылаться на судѣ на полицейскія дознанія, не имѣющія формы и силы слѣдственныхъ актовъ, но ему не можетъ быть отказано въ прочтеніи протоколовъ осмотровъ, произведенныхъ слѣдователемъ. Невзирая на совершенно ясный составъ преступленія графини Н. и на моральную ея цѣль — полученіе въ свое управленіе слѣдуемаго малолѣтнему сыну маіората — и несмотря на ея письменное сознаніе въ этомъ, судебный слѣдователь, широко разработывая дознаніе и свѣдѣнія сыскной и секретной полиціи о поведеніи обвиняемой съ 16-лѣтняго возраста, занялся изслѣдованіемъ ея нравственности за свыше чѣмъ двадцатилѣтній періодъ ея жизни. Поэтому для обвинителя явилась возможность вызвать на судъ семнадцать допрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей, подведенныхъ подъ двѣ рубрики: о *прошломъ подсудимой* и о ея *характеристикѣ*; при чемъ предъ присяжными развертывалась картина ряда романическихъ приключеній и любовныхъ связей обвиняемой, — ея знакомства съ дамой, занимающейся «устройствомъ продажной любви», — ея нездоровья, требовавшаго лѣченія ртутью, и ея покушеній на самоубійство... Предъ присяжными была женщина уже далеко не молодая (42 лѣтъ), и они присутствовали въ теченіе семи дней при публичномъ обливаніи ея грязью изъ ея прошлой, не безупречной жизни. — Они могли себѣ представить все, что она должна была при этомъ переживать... и пожалѣли ее...

XIV.

Дѣло Гулакъ-Артемовской.

Въ 1875 году, въ началѣ января, ко мнѣ въ прокурорскую камеру пришла молодая, кокетливо одѣтая (помнится, на ней было нѣчто въ родѣ мантильи изъ птичьихъ перьевъ, что придавало ей особую оригинальность) женщина и разсказала мнѣ, что ея горничная, молодая дѣвушка, взятая ею изъ деревни, была обольщена однимъ изъ очень расплодившихся тогда въ Петербургѣ мелкихъ «невскихъ банкировъ» и нынѣ находится въ ужасномъ положеніи, готовясь быть матерью, при чемъ обольститель не только не желаетъ войти въ ея положеніе, но даже приказалъ своему лакею выгнать ее въ шею. Осталось обратиться къ судебной власти за защитой. Но, въ виду запуганности своей горничной, она—госпожа Гулакъ-Артемовская—рѣшилась замѣнить ее и притти ко мнѣ, прося заступничества за бѣдную дѣвушку. Я объяснилъ заступницѣ, что до рожденія ребенка я ничего сдѣлать не могу, такъ какъ сожитіе неженатаго съ незамужней подсудно свѣтскому суду лишь при рожденіи ребенка, если мать требуетъ обезпеченія себѣ и дитяти.—«Но Боже мой!—воскликнула она: вѣдь онъ можетъ уѣхать за границу или подкупить свидѣтелей, и тогда бѣдная дѣвушка погибла: кто же станетъ ее держать съ ребенкомъ? Ради Бога, помогите! Не можете ли вы все-таки принять отъ нея жалобу и поговорить съ

нимъ: можетъ-быть, это на него подѣйствуетъ. Она и въ деревню уѣхать не можетъ: у нея очень строгій отецъ—онъ и ее и ребенка со свѣту сживетъ»... Мнѣ стало жаль бѣдную дѣвушку, и я обѣщалъ попробовать облегчить ея горе.

Я распорядился вызвать на другой день ко мнѣ «банкира» и получасомъ раньше его возлюбленную. Разсказъ послѣдней, ея слезы и неподдѣльное отчаяніе не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что это не шантажистка, и что она дѣйствительно послужила лишь предметомъ бездушной и надоѣвшей затѣмъ забавы для Донъ-Жуана низкой пробы. Она принесла мнѣ жалобу съ указаніемъ на свидѣтелей своей связи. Я просилъ ее подождать нѣсколько времени въ одной изъ свободныхъ камеръ товарищей прокурора, а черезъ четверть часа ко мнѣ вошелъ съ величавымъ видомъ упитанный господинъ съ мясистымъ лицомъ, представлявшій изъ себя цѣлый ювелирный магазинъ: на груди его блистали брилліантовыя запонки, руки были унизаны массивными перстнями съ драгоцѣнными камнями, на толстой часовой цѣпочкѣ висѣли въ большомъ количествѣ брелоки и жетоны, осыпанные тоже брилліантами. Отъ всей его фигуры вѣяло чрезвычайнымъ самодовольствомъ. Я извинился, что потревожилъ его, принявъ участіе въ бѣдной дѣвушкѣ, и, давъ ему прочесть ея жалобу, объяснилъ, что хотя до рожденія ребенка начать слѣдствіе нельзя, но что оно будетъ начато тотчасъ же по его рожденіи, при чемъ путемъ дознанія можно нынѣ же провѣрить справедливость заявленія дѣвушки. «Помилуйте, — заволновался мой банкиръ, — это шантажъ со стороны какой-то мерзавки, которой и никогда въ глаза не видѣлъ. Я самъ принесу вамъ жалобу на то, что она своимъ заявленіемъ меня порочитъ. Я никогда ни съ кѣмъ въ связи не былъ, а тѣмъ болѣе съ какой-нибудь горничной. Пфуй! abscheulich» — «Можетъ-быть, вы не откажетесь объявить ей при мнѣ, что вы ея не знаете, и мнѣ станетъ ясно, какое значеніе можетъ имѣть ея жалоба», — сказалъ я и, позвонивъ, приказалъ пригласить дѣвушку. Едва она показалась на верхней площадкѣ лѣстницы, ведущей въ кабинетъ, и увидѣла моего собесѣдника, какъ вся ея фигура преобразилась, лицо покрылось румянцемъ, по щекамъ потекли обильныя слезы,

она всплеснула руками и, не обращая на меня никакого вниманія, почти съ крикомъ: «батюшка, голубчикъ!» бросилась къ нему и стала цѣловать его руки, говоря прерывающимся голосомъ: «дорогой, милый, желанный!» «Голубчикъ», очевидно, не ждалъ такого coup de théâtre; онъ измѣнился въ лицѣ, сталъ бормотать: «ну, и что? ну, и зачѣмъ? ну, для чего?» — Вы ея никогда не видали? — спросилъ я. — Позвольте мнѣ переговорить наединѣ съ Машей... съ нею, поправляясь, сказалъ онъ мнѣ вмѣсто отвѣта. Я предложилъ имъ отправиться въ тотъ же пустой кабинетъ товарища прокурора и занялся своимъ дѣломъ. Черезъ четверть часа они снова вошли ко мнѣ. Мой банкиръ имѣлъ еще болѣе величественный видъ, а «Маша» смотрѣла на него восторженными глазами. «Она не имѣетъ болѣе претензій, — сказалъ онъ мнѣ: — я дамъ ей и *моему* ребенку достаточное обезпеченіе. Я не ожидалъ, что она обратится сюда, но теперь она довольна. — Вы довольны? — спросилъ я дѣвушку. — Ахъ, — воскликнула она: — еще бы! они такіе добрые: обѣщались мнѣ давать по десяти рублей въ мѣсяцъ, когда родится дитё. — И этого вамъ достаточно?» — Но она даже не отвѣчала на этотъ вопросъ, впиваясь влюбленными глазами въ «ювелирный магазинъ» и снова плача отъ радости, что повидалась съ любимымъ человѣкомъ. Мой банкиръ, снисходительно улыбаясь, благосклонно подалъ мнѣ руку, и оба удалились.

На другой день ко мнѣ опять влетѣла г-жа Гулакъ-Артемовская съ выраженіемъ благодарности за свою дѣвушку, говоря, что счастью послѣдней нѣтъ границъ и не столько потому, что великодушный банкиръ выдалъ ей обязательство, выторговавъ при этомъ два рубля въ мѣсяцъ, сколько потому, что онъ даже позволилъ ей приходить къ себѣ иногда по воскресеньямъ утромъ. «Но вы знаете, — продолжала она, — l'appétit vient en mangeant, и у меня есть къ вамъ другая просьба — очень большая. Обѣщайте ее исполнить, пожалуйста. Я вдова, у меня прекрасныя средства, и я доставляю себѣ удовольствіе собирать у себя кружокъ хорошихъ знакомыхъ. Вы встрѣтите у меня С., Т., А...» и она назвала нѣсколько громкихъ титулованныхъ фамилій, принадлежащихъ людямъ, занимавшимъ очень видное офиціальное и обще-

ственное положеніе. Я отвѣтилъ уклончиво, что постараюсь исполнить ея желаніе, но обѣщать навѣрное не могу, такъ какъ очень занятъ и не имѣю времени бывать даже у своихъ старыхъ знакомыхъ. «Я все-таки буду надѣяться,—сказала Гулакъ-Артемовская,—и никакихъ отговорокъ не принимаю».—На этомъ мы разстались. Я, конечно, не поѣхалъ къ совершенно незнакомой мнѣ дамѣ и думалъ, что она пойметъ мой вѣжливый отказъ. Но черезъ недѣлю она явилась вновь и, подойдя рѣшительными шагами къ моему столу, заявила, что пришла требовать у меня объясненій, по какому праву я ее оскорбляю: не потому ли, что она одинокая женщина и что за нее некому заступиться? Она сказала своимъ друзьямъ, что я у нея буду, и ждала меня цѣлую недѣлю, никакъ не ожидая отъ меня—человѣка, какъ ей казалось, воспитаннаго,—такого явнаго пренебреженія, ставящаго ее въ крайне фальшивое положеніе передъ ея друзьями. На эту наивную выходку я отвѣчалъ указаніемъ на то, что камера прокурора не мѣсто для объясненій по поводу свѣтскихъ визитовъ и что, если я въ первый разъ не отказалъ ей категорически, то послѣ настоящаго разговора прямо заявляю ей, что быть у нея вовсе не намѣренъ. Тогда, надувая губки, какъ маленькій обиженный ребенокъ, она начала меня просить не сердиться и понять ея положеніе, которое очень неловко послѣ того, какъ она наговорила своимъ друзьямъ, что я у нея буду, но что я все это могу изгладить, если дамъ ей свою фотографическую карточку съ надписью. «Извините меня,—сказалъ я ей,—я карточки даю только своимъ друзьямъ.—Ну, такъ будемте друзьями,—кокетливо сказала она.—Сударыня, я очень занятъ.—Ахъ, какой вы несносный. Ну, такъ дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, вашу простую визитную карточку.—Зачѣмъ же это?—Я загну уголокъ и скажу друзьямъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, что вы были и не застали меня дома.—Зачѣмъ же мнѣ содѣйствовать такому обману? Простите меня, я занятъ». Она ушла, презрительно пожавъ плечами...

Осенью 1878 года мнѣ пришлось, уже въ качествѣ предсѣдателя Окружного Суда, засѣдать по двумъ выдающимся дѣламъ: француженки-гувернантки Маргариты Жюжанъ и этой самой Гулакъ-Артемовской. Оказалось, что моя изящная посѣтитель-

ница, осенью 1875 года, познакомилась чрезъ одного писателя съ богатымъ купцомъ Николаемъ Пастуховымъ и, пользуясь его слабохарактерностью и влюбленностью, выиграла у него, какъ это доказывали наслѣдники его записями въ его денежныхъ книгахъ, свыше ста шестидесяти тысячъ рублей въ *дурачки*, а затѣмъ, когда онъ умеръ, составила отъ его имени на свое подложныхъ векселей на 58 тысячъ, утверждая, что, будто бы, эти векселя были ей выданы Пастуховымъ по расчетамъ съ нею, что, однако, опровергалось точно установленнымъ балансомъ его состоянія. Гулакъ-Артемовская, въ подтвержденіе своей порядочности, ссылалась при слѣдствіи на разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя ее посѣщали и дали самые лестные о ней отзывы въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ судебному слѣдователю. Одно изъ нихъ даже взяло ее на поруки во время предварительнаго слѣдствія. Когда дѣло поступило въ судъ, этотъ сановникъ пришелъ ко мнѣ выражать свое негодованіе на судебнаго слѣдователя Русинова, доказывая, что все это дѣло есть гнусная интрига противъ беззащитной и ни въ чемъ не повинной женщины. Я приказалъ подать дѣло и далъ ему прочесть обвинительный актъ, составленный очень обстоятельно. По мѣрѣ чтенія выраженіе восторженнаго отношенія къ неповинной женщинѣ и вызываемаго дѣломъ негодованія замѣнялось у читавшаго выраженіемъ замѣшательства и даже испуга. По окончаніи чтенія, мой посѣтитель совершенно неожиданно заявилъ мнѣ, что не желаетъ болѣе имѣть *такую женщину* на порукахъ, и просилъ моего указанія, какъ освободиться отъ своего поручительства.

Дня черезъ два ко мнѣ въ служебный кабинетъ влетѣла въ состояніи крайняго раздраженія Гулакъ-Артемовская, заявившая, негодуя и плача, что ее притѣсняютъ, требуя второго поручителя. «Не второго, а единственнаго, — сказалъ я, — потому что вашъ поручитель отказался. — Какъ? — удивленно воскликнула она: отказался?! да какъ онъ могъ меня поставить въ такое положеніе? Я не сяду подъ стражу, я найду другого поручителя, но онъ мнѣ дорого заплатитъ! Отказался! ну, погоди же!» И

она угрожающе подымала палецъ, а ея красивое лицо дышало неутолимымъ желаніемъ мщенія.

Судебное слѣдствіе длилось четыре дня — съ 20 по 23 октября, и обвиненіе было доказано вполнѣ. Подсудимая защищалась очень энергически и искусно. Всегда изящно одѣтая,—то чрезвычайно скромная, то патетическая въ своихъ объясненіяхъ, — она производила довольно сильное впечатлѣніе на присяжныхъ и въ особенности на разныхъ почетныхъ посѣтителей, сидѣвшихъ въ мѣстахъ за судьями. Но подавляющая совокупность уликъ и сильная рѣчь товарища прокурора князя Урусова, начатая великолѣпной картиной раззолоченнаго притона, гдѣ подъ шумокъ обдѣлываются дѣла, гдѣ, на смѣну дневныхъ высокопоставленныхъ гостей, по вечерамъ собираются темныя личности и гдѣ обыгрываютъ въ дурачки на сотни тысячъ, — произвели тоже свое впечатлѣніе. Одно время, впрочемъ, можно было думать, что подсудимую оправдаютъ, благодаря самому сильному изъ ея обличителей — тому самому писателю, который познакомилъ ее съ Пастуховымъ. Повидимому, сводя съ нею какіе-то старые интимные счеты, онъ давалъ свое показаніе съ такою нескрываемой ненавистью къ подсудимой, что, казалось, съ устъ его каплетъ дымящаяся пѣна и прожигаетъ полъ. Все, что можно сказать оскорбительнаго о женщинѣ, не употребляя ругательствъ и обидныхъ эпитетовъ, — все, что можно дать понять дурного многозначительными умолчаніями, паузами и усмѣшечками — все это было имъ сдѣлано. Я долженъ былъ два раза останавливать его, рекомендуя ему большую сдержанность въ выраженіяхъ и напоминая ему, что онъ говоритъ о женщинѣ, которая при томъ еще не признана виновной. Когда, послѣ рѣзкаго замѣчанія моего по поводу неисполненія моихъ указаній, онъ сталъ осторожнѣе въ выраженіяхъ, но остался при прежнемъ тонѣ глубокаго презрѣнія, которымъ онъ говорилъ о подсудимой, она не выдержала, вскочила со своего мѣста и съ крикомъ: «Нѣтъ, я не могу больше этого слышать! онъ меня оскорбляетъ! Я не могу, я уйду, уйду!» бросилась вонъ изъ залы. Я послалъ судебнаго пристава ее успокоить и продолжалъ, подъ доносившіеся издалека ея истерическіе крики и рыданія, вести засѣ-

даніе. А свидѣтель продолжалъ свои показанія, которыя я, согласно закону, долженъ былъ затѣмъ повторить, конечно, въ смягченной формѣ, овладѣвшей собою и вернувшейся въ залу подсудимой. На присяжныхъ это показаніе произвело, очевидно, самое тягостное впечатлѣніе, и въ нѣкоторыхъ вопросахъ, которые они просили меня предложить свидѣтелю, звучала нота раздраженія и недовѣрія. Но подсудимая сама разрушила ту невольную симпатію, которую вызвало къ ней это ожесточенное и безжалостное показаніе. Въ концѣ третьяго дня засѣданія, вечеромъ, старшина присяжныхъ Василій Аполлоновичъ Полетика, издатель газеты «Молва», вставъ съ своего мѣста, заявилъ мнѣ, что присяжные желали бы знать, откуда имѣла средства подсудимая, чтобы давать взаймы десятки тысячъ? «Угодно вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ? — спросилъ я Гулакъ-Артемовскую. — Угодно, отвѣчала она вызывающимъ тономъ: — мнѣ нечего скрывать: я *проводила дѣла*. — Присяжные желаютъ знать, что значитъ *проводить дѣла?* сказалъ Полетика. — Подсудимая, напоминаю вамъ, что по закону вы можете не отвѣчать на предложенные вамъ вопросы. Вы слышали, что желаютъ знать господа присяжные? — Какъ же, — отвѣчала она тѣмъ же тономъ, — слышала и желаю объяснить, что проводить дѣла значитъ, пользуясь знакомствомъ съ вліятельными лицами, устраивать, чтобы дѣла, въ исходѣ которыхъ кто-либо заинтересованъ, рѣшались въ ихъ пользу, а также доставать мѣста, выхлопатывать концессіи и т. п. Конечно, за это получается извѣстное вознагражденіе. Такъ вотъ этимъ я и занималась, пользуясь своими знакомствами...» Всѣ въ залѣ затаили дыханіе. Наступила такая тишина, что можно было примѣнить нѣмецкое выраженіе: «man hörte wie die Wolken ziehen». Полетика пошептался съ сосѣдями и снова всталъ: — присяжные желаютъ знать, можетъ ли представить подсудимая какія-либо доказательства своихъ словъ? — Охотно, — живо сказала Гулакъ-Артемовская, не дожидаясь моего вопроса: вотъ портфель, — и она подняла его со скамейки и показала суду, — въ немъ всѣ мои документы о проведеніи дѣлъ. Прошу васъ ихъ разсмотрѣть!»

Судебный приставъ подалъ мнѣ портфель, и въ немъ оказался рядъ домашнихъ условій, проектовъ договоровъ, справокъ изъ дѣлъ, просительныхъ писемъ и отвѣтовъ на нихъ и т. п. Первымъ лежало условіе между Гулакъ-Артемовскою и виднымъ желѣзнодорожнымъ подрядчикомъ Ю..., въ силу котораго первая должна была получить весьма крупную сумму, въ случаѣ если въ одномъ изъ высшихъ установленій состоится, по «чреватому послѣдствіями» спорному вопросу, постановленіе въ пользу этого подрядчика. Остальные документы и письма были нѣсколько меньшаго значенія, какъ по размѣрамъ, условленнаго вознагражденія, такъ и по характеру ожидавшихся, при содѣйствіи подсудимой, услугъ.

— «Гг. присяжные, — сказалъ я, — въ портфелѣ, который представленъ мнѣ подсудимой, дѣйствительно содержится рядъ документовъ, подтверждающихъ справедливость ея заявленія о полученіи ею вознагражденія за хлопоты по успѣшному окончанію нѣкоторыхъ дѣлъ въ различныхъ правительственныхъ мѣстахъ. Вы удовлетворены?»—спросилъ я Полетику. Онъ молча поклонился, и я закрылъ засѣданіе.

На другой день, рано утромъ, у меня настойчиво потребовалъ свиданія «на одну минутку» одинъ изъ сановниковъ, считавшій себя активнымъ дѣятелемъ либеральнаго кружка, окружавшаго вліятельнаго поборника почти всѣхъ великихъ реформъ Императора Александра II. Съ встревоженнымъ видомъ онъ объяснилъ мнѣ, что вчера, поздно вечеромъ, въ Англійскій клубъ пришла вѣсть о таинственномъ портфелѣ подсудимой, сопровождаемая толкованіемъ, что содержащіяся въ немъ бумаги потому не были оглашены въ подробности, что первая же изъ нихъ, будто бы, указывала на участіе въ проведеніи дѣлъ именно этого лица, чему его злобные и многочисленные враги тотчасъ же повѣрили съ ликованіемъ. Я разсказалъ моему посѣтителю о содержаніи портфеля. «Но это необходимо огласить во всеуслышаніе, — сказалъ онъ мнѣ: — иначе гнусное подозрѣніе останется и укрѣпится. — Стороны и присяжные не просили объ оглашеніи, — сказалъ я, — а запутывать дѣло подробностями побочныхъ обстоятельствъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что я при-

выкъ къ тому, что присяжные относятся къ моимъ удостовѣреніямъ съ полнымъ довѣріемъ. — А если стороны или присяжные попросятъ, — спросилъ, продолжая волноваться, мой посѣтитель: — тогда будетъ оглашенно? — и, получивъ утвердительный отвѣтъ, торопливо удалился. Очевидно, онъ спѣшилъ повидаться со сторонами. И дѣйствительно, лишь только въ 11 ч. утра я открылъ засѣданіе, какъ всталъ повѣренный гражданскаго истца В. П. Гаевскій и заявилъ просьбу объ оглашеніи главнѣйшихъ изъ документовъ, содержащихся въ роковомъ портфелѣ. Его просьбу поддержалъ товарищъ прокурора, князь Урусовъ, и къ нимъ, наконецъ, присоединился и Полетика. Тогда я прочелъ вслухъ главнѣйшіе изъ документовъ. Вслѣдъ затѣмъ сидѣвшій въ мѣстахъ за судьями мой утренній гость немедленно вышелъ изъ залы засѣданія. А вечеромъ въ тотъ же день былъ подписанъ указъ Сенату объ увольненіи бывшаго сановнаго поручителя за Гулакъ-Артемовскую отъ долголѣтней службы безъ прошенія. Оказалось, по справкамъ, что несчастный старикъ, — личная честность котораго была внѣ всякихъ сомнѣній, — поддавшись чарамъ ловкой женщины и ничего не подозрѣвая съ ея стороны корыстнаго, вѣроятно, пообѣщалъ ей заступиться въ коллегіальномъ совѣщаніи за «бѣднаго» подрядчика и на свою гибель сдержалъ свое обѣщаніе, забывая, что «la femme de César ne doit pas être soupçonnée». Всѣ, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, сознательно участвовали и не въ такихъ дѣлахъ, отвернулись отъ него. Опозоренный, разбитый физически и нравственно, онъ уѣхалъ за границу и тамъ вскорѣ умеръ. Мстительное торжество Гулакъ-Артемовской не послужило ей, однако, въ пользу, и вечеромъ на четвертый день, весь занятый преніями сторонъ и моимъ руководящимъ напутствіемъ, присяжные вынесли ей обвинительный приговоръ. Она выслушала его спокойно, поклонилась суду и потомъ, гордо выпрямившись и презрительно взглянувъ на вышеупомянутаго свидѣтеля-обвинителя, ждавшаго исхода процесса, громко, на всю залу, спросила его: «Вы довольны?!»

Обаяніе этой женщины было, очевидно, очень сильно. Достаточно сказать, что одинъ свидѣтель, молодой человѣкъ, имѣв-

шій хорошее мѣсто въ Петербургѣ и давшій столь явно лживое показаніе въ пользу подсудимой на судѣ, что Урусовъ потребовалъ занесенія такового въ протоколъ, для возбужденія уголовнаго противъ него преслѣдованія, — бросилъ службу и Петербургъ и отправился за осужденною въ Сибирь.

Вспоминая это дѣло во всей его совокупности, я не разъ съ удовольствіемъ останавливался на моемъ нелюбезномъ упорствѣ относительно визита къ Гулакъ-Артемовской и дачи ей портрета или даже простой карточки. Присутствіе прокурора Окружного Суда въ ея гостиной, автографъ на портретѣ или даже простое нахожденіе визитной карточки на столикѣ у любезной хозяйки, могли бы ей оказывать немалыя услуги, вліяя на довѣрчивость лицъ, имѣвшихъ надобность въ ея помощи по проведенію дѣлъ или могшихъ имѣть къ ней претензіи уголовнаго характера.

XV.

Ландсбергъ.

(Изъ предсѣдательской практики).

Ночью 25 мая 1879 года въ аптеку Фриндлендера у Каменнаго моста въ Петербургѣ пришелъ блѣдный и ослабѣвшій отъ потери крови офицеръ и просилъ перевязать глубокую рану на ладони правой руки съ поврежденіемъ артеріи. Утромъ 26 мая этотъ офицеръ — прапорщикъ Карлъ Ландсбергъ — заявилъ командиру лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, что получилъ телеграмму о внезапной болѣзни матери и долженъ немедленно уѣхать въ Шавельскій уѣздъ, Ковенской губерніи.

30 мая маляръ, красившій наружную стѣну дома № 14 по Гродненскому переулку, замѣтилъ черезъ окно квартиры въ третьемъ этажѣ окровавленный трупъ женщины. Жильцовъ этой квартиры — надворнаго совѣтника Власова и кухарку Семенидову — послѣдній разъ видѣли 25 мая, а съ утра 26 двери квартиры оказались наглухо запертыми, что заставляло предполагать, что Власовъ уѣхалъ на нанятую имъ дачу, а Семенидова отправилась, какъ она давно собиралась, на богомолье. По открытіи квартиры, Власовъ и Семенидова найдены зарѣзанными острымъ рѣжущимъ орудіемъ, нанесшимъ глубокія зіяющія раны. Масса круглыхъ кровяныхъ пятенъ на полу, идущихъ по направленію къ разнымъ хранилищамъ денегъ и документовъ у Власова,

къ двумъ умывальникамъ и къ выходной двери, указывала, что убійца самъ былъ раненъ, а кровяныя пятна на пустомъ портфелѣ Власова, въ которомъ хранились разныя бумаги и 14.000 рублей процентными бумагами, освѣщали и самый мотивъ убійства.

При слѣдствіи выяснилось, что послѣдній, входившій 25 мая въ квартиру Власова, былъ прапорщикъ Ландсбергъ. По осмотру, произведенному въ Шавляхъ 6 іюня, у него сверхъ поперечной раны на ладони правой руки, найдены были два свѣжихъ рубца отъ рѣзныхъ ранъ на лѣвой рукѣ, происшедшіе, по его объясненію, отъ неосторожнаго вставленія сабли въ ножны и отъ оцарапанія кошкой. Но 9 іюня онъ сознался въ предумышленномъ убійствѣ Власова, вызванномъ невозможностью уплатить 25 мая занятые у послѣдняго, безъ процентовъ, пять тысячъ рублей, при чемъ для того, чтобы безпрепятственно совершить убійство и похитить свою расписку (вмѣстѣ съ которою впослѣдствіи онъ взялъ и пачку процентныхъ бумагъ), онъ послалъ Семенидову за слабительнымъ лимонадомъ и, когда она, вернувшись, стала откупоривать бутылку, зарѣзалъ, подойдя сзади, и ее.

Послѣ допроса у слѣдователя Ландсбергъ представилъ 12 іюня подробную записку съ анализомъ своего душевнаго состоянія и тѣхъ обстоятельствъ, которыя повліяли на его рѣшимость пойти на преступленіе. Задавъ себѣ вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли онъ въ порывѣ отчаянія, вызваннаго безвыходностью положенія, или же, напротивъ, весь строй, ходъ и образъ свѣтской жизни, которую онъ велъ, незамѣтно подготовилъ его къ убѣжденію, что въ сущности въ задуманномъ имъ преступленіи нѣтъ ничего предосудительнаго при той обстановкѣ, въ которой онъ находился, — Ландсбергъ объяснилъ слѣдователю — какъ могло сложиться у него послѣднее убѣжденіе. «Съ перваго дня поступленія на военную службу, — писалъ онъ, — меня каждый день пріучали владѣть ружьемъ и револьверомъ и обучали саперным работамъ, т. е. способамъ, пользуясь прикрытіемъ изъ земли, камня и желѣза, уничтожить возможно большее число непріятелей». Постоянно занимаясь чтеніемъ и изученіемъ военной исторіи, онъ, по его словамъ, увидѣлъ, что одна треть государ-

ственнаго бюджета, идетъ на поддержаніе военнаго устройства,— что Наполенъ III, чувствуя утрату своего обаянія въ глазахъ Европы, придравшись къ удобному случаю, затѣваетъ ужасную войну съ Германіей, въ которой гибнутъ сотни тысячъ людей и которая стоитъ массѣ семействъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ, а Франціи двухъ провинцій и многихъ милліардовъ денегъ, а Германія эти милліарды опять употребляетъ на увеличеніе вооруженій для новой войны, которая опять уничтожитъ сотни тысячъ людей. Наказывается это или нѣтъ? Нѣтъ. Заводчикъ Круппъ наживаетъ милліоны на свои издѣлія, офицеры получаютъ «за храбрость» ордена, пенсіи, чины и т. д. Самъ онъ, Ландсбергъ, лично за дѣло при штурмѣ крѣпости Махрама въ Кокандскомъ ханствѣ, при чемъ мы порядочно покрошили защищавшихся, и за дѣло, въ которомъ, подъ начальствомъ Скобелева, мы истребили спасавшіеся остатки скопищъ Автобачи, былъ награжденъ двумя крестами съ мечами и бантомъ, а впослѣдствіи при возвращеніи съ баталіономъ въ столицу послѣ турецкой войны, въ которой тоже погибли десятки тысячъ людей, его, какъ и другихъ, восторженная толпа награждала лавровыми вѣнками. Англія въ Афганистанѣ и въ странѣ Зулусовъ тоже рѣжетъ и уничтожаетъ массы людей подъ предлогомъ введенія цивилизаціи, которая состоитъ въ возможности основать большое количество колоній и торговыхъ домовъ, дающихъ способъ отдѣльнымъ лицамъ наживать милліоны, чтобы довести до роскоши свою жизнь. И это не только не наказуется, но безусловно поощряется... Мы, военные, — продолжалъ далѣе Ландсбергъ, — безустанно повторяемъ слова «врагъ» и «непріятель». Но неужели можно допустить, чтобы кто-либо изъ солдатъ воюющихъ сторонъ питалъ хоть малѣйшую ненависть къ людямъ, которыхъ онъ затѣмъ убьетъ съ остервенѣніемъ, будучи при этомъ безусловно убѣжденъ, что онъ не только не дѣлаетъ дурного дѣла, а, напротивъ, совершаетъ прекраснѣйшій изъ поступковъ своей жизни, о которомъ будутъ передавать съ благоговѣніемъ даже въ потомствѣ. И вотъ мое слово, — заключилъ онъ, — ежели только допустить, что убійца можетъ давать «слово»:—въ день 25 мая я съ утра все это обдумывалъ, дабы убѣдить себя въ правильности и безупреч-

ности задуманнаго преступленія». Разсказавъ затѣмъ подробно о своей успѣшной службѣ въ Средней Азіи и о знакомствѣ тамъ съ лучшими семейными домами, «ибо холостой жизни не любилъ, ни къ какимъ кутежамъ не принадлежалъ и къ картамъ чувствовалъ отвращеніе», Ландсбергъ перешелъ къ описанію своего дѣятельнаго участія въ войнѣ съ турками въ 1877 году. Въ Санъ-Стефано отъ тоски и унынія онъ сталъ играть въ карты, при чемъ знакомство съ кружкомъ игроковъ обошлось ему около четырехъ тысячъ, въ которыя онъ «всадилъ» не только всѣ свои сбереженія, но и сдѣланные займы. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, благодаря своему общительному характеру, связямъ, воспитанію и положенію, онъ познакомился съ лучшими домами столицы, гдѣ его принимали очень охотно, какъ человѣка, который не пилъ и не курилъ и для котораго «высшимъ наслажденіемъ были танцы». Жизнь въ кругу, въ которомъ онъ вращался, влекла за собою большія издержки: нужно было имѣть прилично отдѣланную квартиру, бывать въ первыхъ рядахъ оперы, одѣваться у перваго портного и принимать у себя. На это не хватало небольшихъ средствъ, которыми онъ располагалъ. А между тѣмъ, бывая въ домѣ одного генерала съ высокимъ положеніемъ и историческимъ именемъ, онъ полюбилъ одну изъ его дочерей и, разсчитывая на ея взаимность, сталъ помышлять о бракѣ съ нею. Весьма подробно касаясь домашней жизни этого семейства и установившихся въ немъ отношеній къ искателямъ руки молодыхъ дѣвицъ, Ландсбергъ изображалъ себя жертвою тѣхъ надеждъ, которыя ему было дано питать и вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ поддерживать разорительный для себя образъ жизни въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. «Пусть просмотрятъ у меня карточки тѣхъ, кто дѣлалъ и отдавалъ мнѣ визиты!»—восклицаетъ онъ въ своей запискѣ — и, указывая на дамъ, съ которыми удостоивался танцовать, называетъ весьма вѣскія имена. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, въ виду ожидаемаго принятія его предложенія, онъ долженъ былъ сдѣлать крупный заемъ у своего стараго, еще со временъ юнкерства, знакомаго Власова, сильно его, несмотря на свой крутой нравъ и скупость, любившаго и гордившагося имъ, его положеніемъ и успѣхами въ

свѣтѣ. Пять тысячъ рублей, полученные отъ заклада билетовъ, взятыхъ у Власова, были истрачены, а въ то же время вопросъ о возможности принятія предложенія родителями нравившейся Ландсбергу дѣвушки затягивался и осложнялся. Между тѣмъ срокъ возвращенія билетовъ—25 мая—наступалъ... Ландсбергъ, по его словамъ, зналъ, что Власовъ умѣетъ быть добрымъ, ласковымъ и гостепріимнымъ, но что онъ сумѣетъ быть и злымъ, если его довѣріе будетъ обмануто; онъ можетъ поднять шумъ, написать командиру баталіона и разгласить, что блестящій гвардейскій офицеръ старался казаться богатымъ съ матримоніальными цѣлями. Тогда погибнетъ и служба и надежда на бракъ. И вотъ явилась мысль убить Власова и похитить свою расписку. Наканунѣ убійства, 24 мая вечеромъ, рука сидѣвшаго у Власова Ландсберга не поднялась на него. Но на другой день вечеромъ нужно было снова итти къ Власову и при томъ съ билетами. Ландсбергъ сталъ доказывать себѣ, что если онъ убивалъ въ походѣ людей, которые не сдѣлали ему никакого зла, то какъ же не убить человѣка, существованіе котораго грозитъ всей его жизни?! И онъ пошелъ, взявъ съ собою складной ножъ и револьверъ, чтобы въ случаѣ «малѣйшаго скандала» пустить себѣ пулю въ лобъ. Зарѣзавъ Власова и Семенидову и, положивъ послѣдней подъ голову подушку, чтобы въ нижнюю квартиру не просочилась кровь, онъ вынулъ изъ портфеля расписку и пачку банковыхъ билетовъ, которые взялъ себѣ, въ убѣжденіи, что, сдѣлавъ разъ преступленіе, глупо было бы не воспользоваться всѣми его плодами...

Записка эта, пріобщенная къ слѣдственному дѣлу, конечно, ничего существеннаго къ оцѣнкѣ дѣянія Ландсберга не прибавляла. Но надъ своеобразной и мрачной логикой ея нельзя было не призадуматься. Она открывала просвѣтъ въ міръ условныхъ отношеній, жадно искомаго внѣшняго блеска и внутренняго одичанія. Въ ней, за логическими скачками мысли, стремящейся къ самооправданію, не видѣлось ни душевнаго ужаса предъ замышленнымъ и осуществленнымъ, ни хотя бы слабаго предстательства сердца за человѣка, повиннаго лишь въ любящей довѣрчивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта записка указывала съ несо-

мнѣнностью на тотъ способъ аргументаціи въ свою защиту, котораго предполагаетъ держаться обвиняемый, выставляя себя жертвой такого положенія вещей и такихъ общественныхъ нравовъ, при которыхъ бракъ съ любимымъ существомъ возможенъ лишь при «оказательствѣ» матеріальнаго достатка, оправдывающаго жизнь безъ труда и внутренняго содержанія. Такая защита, конечно, не могла измѣнить ни юридическаго состава преступленія, ни глубокой безнравственности мотива къ нему — и съ этой точки зрѣнія она представлялась безплодной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разсказъ объ интимныхъ сторонахъ внутренняго строя жизни цѣлаго семейства, глава котораго былъ озаренъ лучами справедливо заслуженной славы, и постоянное упоминаніе имени молодой дѣвушки должны были возбудить жадное и безпощадное любопытство толпы и различныя злобныя предположенія тѣхъ, кто привыкъ черпать краски для обрисовки житейскихъ отношеній со дна своей низменной души. Мнѣ было жаль и всѣми уважаемаго старика и его ни въ чемъ не повинную дочь — и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось допустить въ судоговореніи «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто». Поэтому, когда Ландсбергъ былъ приведенъ въ судъ для врученія ему обвинительнаго акта, я, назначивъ ему защитниковъ весьма умѣлаго и серьезнаго присяжнаго повѣреннаго Войцѣховскаго, приказалъ стражѣ удалиться и, оставшись съ обвиняемымъ вдвоемъ, сказалъ ему: «Ваша записка, приложенная къ слѣдствію, даетъ мнѣ поводъ думать, что вы, быть-можетъ, будете держаться изложенныхъ въ ней доводовъ въ своей защитѣ. — Да! — Я долженъ васъ предупредить, что я не позволю вамъ касаться домашней жизни того семейства, о которомъ вы говорите, и отдавать имя бѣдной дѣвушки на бездушное любопытство публики. Но вы все-таки можете кое-что существенное успѣть сказать прежде, чѣмъ я васъ остановлю.—Что же дѣлать?! Мнѣ это необходимо для защиты. — Это вовсе не необходимо, и вашъ защитникъ вамъ, конечно, объяснитъ, что какъ бы снисходительно ни отнеслись присяжные засѣдатели къ вашей молодости, они никогда не оправдаютъ васъ *по тѣмъ основаніямъ*, которыя изложены въ вашей запискѣ. Вы совершили жестокое и кровавое

дѣло, но я не хочу думать, что въ васъ заглохло то чувство чести, которое должно вамъ подсказать всю неприглядную сторону такой защиты, которая, не будучи для васъ спасительна, въ то же время можетъ внести въ жизнь другихъ людей скорбь и боль неуловимыхъ и шипящихъ въ темнотѣ обидъ, намековъ и пересудовъ».—Ландсбергъ задумался, склонивъ голову съ красивыми и тонкими чертами лица, а я сѣлъ за свои бумаги. Прошло нѣсколько минутъ. «Я не буду говорить ни слова объ этой семьѣ и дѣвушкѣ», — сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ. Я позвалъ стражу, и его увели изъ моего кабинета.

Открытію засѣданія по дѣлу предшествовалъ еще одинъ эпизодъ. Защитникъ обвиняемаго, по истеченіи установленныхъ сроковъ для вызова свидѣтелей, просилъ судъ вызвать временно находившагося въ Петербургѣ туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана, могущаго «разъяснить обстоятельства жизни Ландсберга и бросить свѣтъ на мотивы преступленія». Судъ, въ случаѣ признанія показанія относящимся къ дѣлу, имѣлъ, по закону, право разрѣшить защитнику *представить* свидѣтеля въ засѣданіе по *соглашенію* съ нимъ — или же *вызвать* его официальной повѣсткой *отъ своего имени*. Въ объясненіяхъ со мною по этому поводу, присяжный повѣренный Войцѣховскій указывалъ на крайнюю затруднительность для него перваго изъ этихъ двухъ способовъ вызова. Нужно было просить К. П. Кауфмана отъ имени Ландсберга явиться и дать показаніе, что могло вызвать съ его стороны признаніе своего показанія излишнимъ и нежелательнымъ, — справедливое указаніе на свои многосложныя занятія при кратковременномъ пребываніи въ Петербургѣ, — и, наконецъ, прямой отказъ предстать предъ судомъ по приглашенію человѣка, обвиняемаго въ предумышленномъ убійствѣ съ цѣлью ограбленія. Все это устранялось при посылкѣ повѣстки отъ суда, когда вмѣсто *готовности* свидѣтеля явиться для дачи показанія выступала на первый планъ *обязанность* его предстать предъ судомъ.

Однако для выполненія желанія защитника представлялось большое практическое затрудненіе. Судебные Уставы 1864 года,

водворяя равенство всѣхъ передъ судомъ, не сдѣлали никакихъ различій въ способѣ и условіяхъ допроса тѣхъ или другихъ свидѣтелей. Въ первые годы судебной реформы въ камерахъ мировыхъ судей, у судебныхъ слѣдователей и въ засѣданіяхъ общихъ судовъ нерѣдко появлялись для дачи показаній лица, занимавшія высокое служебное положеніе. Но вскорѣ стали раздаваться изъ офиціальныхъ сферъ жалобы на отвлеченіе этими вызовами въ судъ отъ занятій важными государственными дѣлами, — на тягостное положеніе сановниковъ среди «всякаго сброда», являющагося свидѣтелями по уголовнымъ дѣламъ, — на необходимость особаго уваженія къ заслугамъ человѣка, поставленнаго на высокій служебный постъ и т. д. Жалобы были настойчивы и часты — и черезъ три года послѣ первоначальнаго введенія въ дѣйствіе судебной реформы — особамъ первыхъ двухъ классовъ, министрамъ, членамъ Государственнаго Совѣта, генералъ-губернаторамъ, сенаторамъ, статсъ-секретарямъ, генералъ-адъютантамъ, а также архіереямъ, дано право требовать, по полученіи повѣстки о вызовѣ, о допросѣ ихъ на дому. Такой допросъ, по дѣламъ съ присяжными засѣдателями, представлялъ много затрудненій и возбуждалъ рядъ вопросовъ. Судъ долженъ допрашивать свидѣтеля не только въ полномъ своемъ составѣ, но и въ присутствіи подсудимаго, представителей сторонъ—прокурора, защитника и гражданскаго истца—и уже допрошенныхъ свидѣтелей, на случай передопроса или очной ставки. Свидѣтелю должны быть нерѣдко предъявлены относящіяся къ его показанію вещественныя доказательства, иногда очень обширныя и громоздкія. Затѣмъ, при допросѣ *должны* присутствовать 14 присяжныхъ засѣдателей и *могутъ* пожелать воспользоваться своимъ правомъ присутствовать и всѣ остальные очередные присяжные засѣдатели, не вошедшіе въ составъ, судящій по данному дѣлу. Наконецъ, всякому засѣданію, за исключеніемъ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ, надлежитъ быть публичнымъ — и для публики, а также для представителей печати непремѣнно должно быть оставлено, хотя бы и небольшое, мѣсто. Все это до того усложняло и обставляло всякаго рода неудобствами допросъ на дому, представлявшій, сверхъ того, большую

потерю времени и тѣмъ затягивавшій разбирательство, что не только судъ, но и сами управомоченные требовать домашняго допроса, стали стараться, по возможности, избѣгать этого «нашествія иноплеменныхъ».

Тѣмъ не менѣе такое право существовало и были, впрочемъ весьма рѣдкіе, случаи пользованія имъ, преимущественно по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ. Этимъ правомъ могъ пожелать воспользоваться и генералъ Кауфманъ, чинъ и званіе котораго давали ему троякое основаніе требовать о допросѣ себя на дому. Излишне говорить, какое нарушеніе порядка и сколько напрасной суеты внесло бы это въ разсмотрѣніе дѣла.

Я объяснилъ все это защитнику, указывая на затруднительность для суда прибѣгать къ вызову генералъ-адъютанта Кауфмана повѣсткою, и онъ просилъ отложить рѣшеніе вопроса до личнаго его свиданія съ послѣднимъ. 30 іюля онъ заявилъ мнѣ, что генералъ Кауфманъ выразилъ полную готовность явиться въ судъ лично, не считая умѣстнымъ пользоваться своимъ исключительнымъ правомъ, и судъ постановилъ вручить ему повѣстку. Не такъ поступилъ, черезъ тридцать лѣтъ, другой генералъ-адъютантъ по громкому процессу, едва ли имѣвшій заслуги Кауфмана.

Дѣло слушалось въ жаркій день, 5 іюля. Наплывъ публики, несмотря на глухое лѣтнее время, былъ громадный. Она запрудила собою не только обширную salle des pas perdus въ судебномъ зданіи, но и всю лѣстницу и всѣ свободные отъ деревьевъ проходы во дворѣ. Когда старшій предсѣдатель Судебной Палаты Мордвиновъ попытался кратчайшимъ путемъ изъ своего кабинета чрезъ эту залу проникнуть въ мой предсѣдательскій кабинетъ, его до того стиснули въ толпѣ, что онъ добрался до меня лишь послѣ отчаянныхъ усилій, съ разорваннымъ лацканомъ вицъ-мундира и погнутой звѣздой. Жадная до зрѣлищъ и движимая болѣзненнымъ любопытствомъ публика буквально осаждала и по временамъ штурмовала толстые барьеры, отдѣлявшіе проходъ въ залу засѣданія и въ комнату свидѣтелей, отъ общей залы суда. Особенно отличались при этомъ дамы, т. е. та ихъ раз-

новидность, которая была въ то время извѣстна подъ названіемъ «судебныхъ дамъ», являвшихся на каждый громкій процессъ, съ алчущимъ новыхъ впечатлѣній взоромъ, въ которомъ попеременно свѣтились — то безсердечное любопытство, то истерическая сентиментальность. Одна изъ нихъ дошла до того, что больно укусила за руку судебнаго пристава, удерживавшаго дверцу барьера, сквозь которую она во что бы то ни стало хотѣла протиснуться. Полиціи пришлось составить нѣсколько протоколовъ о нарушеніи общественной тишины и объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ судебнымъ приставамъ.

По одному изъ такихъ протоколовъ, составленному по моему распоряженію, такъ какъ я былъ свидѣтелемъ возмутительнаго обращенія съ судебнымъ приставомъ, мнѣ пришлось впослѣдствіи предстать предъ мировымъ судьей въ качествѣ свидѣтеля. За мною уже было въ это время много лѣтъ судебной дѣятельности и, нося званіе столичнаго и уѣзднаго почетнаго мирового судьи, я участвовалъ нерѣдко въ засѣданіяхъ съѣзда, будучи такимъ образомъ товарищемъ по службѣ всѣмъ мировыхъ судей. Но когда я предсталъ предъ судейскимъ столомъ одного изъ нихъ въ его камерѣ, и мнѣ были предложены обычные вопросы о томъ, кто я такой и чѣмъ я занимаюсь, — не состою ли въ родствѣ и свойствѣ съ подсудимыми, — а также сдѣлано было внушеніе, что все показанное мною я долженъ буду подтвердить присягою, я почувствовалъ невольное смущеніе и на собственномъ опытѣ позналъ, въ какомъ особо-тяжеломъ психолигическомъ настроеніи находится свидѣтель при допросѣ въ судебномъ засѣданіи.

Въ мѣстахъ для публики, для представителей печати, для присяжныхъ, не вошедшихъ въ комплектъ, и для чиновъ канцеляріи — яблоку негдѣ было упасть; мѣста за судьями тоже всѣ вплотную были заняты лицами, имѣвшими право сидѣть въ нихъ, согласно наказу суда. Въ ту минуту, когда я предложилъ членамъ присутствія по дѣлу итти въ залу, чтобы открыть засѣданіе, судебный приставъ доложилъ, что меня настойчиво желаетъ и даже требуетъ видѣть одинъ господинъ, который не принимаетъ отъ него, пристава, никакихъ резоновъ, а домогается личнаго объ-

ясненія со мной. Вслѣдъ затѣмъ явился и онъ самъ. Я узналъ въ немъ довольно извѣстнаго въ то время въ Петербургѣ «акробата благочестія» и автора разныхъ брошюръ сомнительнаго литературнаго и историческаго достоинства, оплачиваемыхъ весьма несомнительною субсидіей... — «Я желаю быть помѣщеннымъ въ мѣста за судьями. — Это невозможно: они всѣ заняты, да и по наказу суда они предназначены исключительно для судебныхъ чиновъ и высшихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ. — Но я *долженъ* присутствовать на этомъ процессѣ: я считаю себя другомъ генерала Кауфмана! воскликнулъ онъ высокомѣрнымъ тономъ. — Это еще не даетъ вамъ права сидѣть въ мѣстахъ за судьями, да и вообще требовать впуска въ залу, которая уже биткомъ набита. Слѣдовало притти раньше. — Но позвольте! генералъ Кауфманъ явится давать показаніе въ совершенно необычную для него обстановку. Ему надо знать и видѣть, что въ судѣ есть близкое ему лицо;—я никакъ не могу уйти изъ суда, не получивъ мѣста!»—и онъ волновался, мѣнялся въ лицѣ и постоянно измѣнялъ тонъ: то вкрадчиво-любезный, то настойчиво-запальчивый. Оберегая свое спокойствіе, столь нужное для правильнаго веденія дѣла, и видя, что этотъ господинъ насъ задерживаетъ, я рѣшилъ отъ него отдѣлаться, хотя бы путемъ уступокъ, и сказалъ судебному приставу, что если есть возможность помѣстить этого господина въ мѣстахъ стенографовъ и представителей печати, то чтобы онъ постарался устроить его тамъ. «Очень хорошо-съ, — заявилъ пришедшій, иронически раскланиваясь,—благодарю васъ; я не забуду вашей любезности»,— и злобная усмѣшка искривила его блѣдное лицо. Открывъ засѣданіе, я видѣлъ, какъ его провели въ указанныя мною мѣста, гдѣ онъ и устроился весьма удобно.

Подсудимый, замѣтно силясь подавить въ себѣ волненіе и часто останавливая свой взглядъ на ликѣ Спасителя надъ судейскимъ столомъ, признавъ себя виновнымъ въ убійствѣ, заявилъ, что о подробностяхъ его не отдавалъ въ то время себѣ отчета, а потомъ кратко и сжато разсказалъ суду все предшествовавшее своему злодѣянію и послѣдовавшее за нимъ. Затѣмъ, онъ сдѣлался совершенно безучастнымъ ко всему происходившему, не

задавалъ никакихъ вопросовъ свидѣтелямъ и сидѣлъ, понуривъ голову. На мое предложеніе дать какія-либо разъясненія по поводу одного изъ показаній, рисовавшаго его въ очень непривлекательномъ видѣ, онъ, безъ всякой рисовки, отвѣчалъ, что жизнь его окончена и защищаться онъ не станетъ. То же повторилъ онъ и въ своемъ *послѣднемъ словѣ*, прибавивъ, что даже о снисхожденіи онъ присяжныхъ не проситъ. Онъ сдержалъ также и свое обѣщаніе и ни однимъ словомъ не коснулся тѣхъ лицъ и отношеній, упоминанія о которыхъ многіе ждали съ злорадныхъ нетерпѣніемъ.

Ровно въ три часа прибылъ въ судъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ. Дежурный судебный приставъ провелъ его въ кабинетъ предсѣдателя, гдѣ его встрѣтилъ товарищъ предсѣдателя Цухановъ, бесѣдовавшій съ нимъ, покуда стороны оканчивали допросъ дававшаго показаніе свидѣтеля. Появленіе Кауфмана въ залѣ засѣданій вызвало большое возбужденіе вниманія въ публикѣ, среди которой большинству были, конечно, извѣстны историческія заслуги предъ Россіей этого скромнаго на видъ, невысокаго человѣка, съ Георгіемъ на шеѣ. Съ достоинствомъ поклонившись суду и мелькомъ взглянувъ на подсудимаго, который при этомъ потупился и низко наклонилъ голову, Кауфманъ остановился у стола вещественныхъ доказательствъ. Мнѣ предстояло предложить ему неизбѣжные, обязательные по закону предъ допросомъ каждаго свидѣтеля, вопросы и привести его къ присягѣ. Почитая его государственную дѣятельность и цѣня отсутствіе въ немъ высокомѣрнаго отношенія къ суду, побудившее его охотно лично явиться въ засѣданіе, я постарался сдѣлать это въ наиболѣе мягкой формѣ.

— «Вы туркестантскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ? — Да! — Состоите ли вы въ какихъ-либо отношеніяхъ къ подсудимому, кромѣ служебныхъ? — Нѣтъ! — Потрудитесь принять присягу у православнаго священника; — если вы не православнаго вѣроисповѣданія, я приведу васъ къ присягѣ самъ. — Я православный». — Когда присяга была окончена, я обязанъ былъ, на основаніи 716 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства, напомнить свидѣтелю объ отвѣтственности

за лживыя показанія. «Прошу васъ разсказать суду все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу;—званія, вами носимыя, и высокое служебное положеніе, вами занимаемое, освобождаютъ меня отъ обязанности напоминать вамъ объ отвѣтственности за несогласныя съ истиною показанія...» сказалъ я—и затѣмъ Кауфманъ далъ показаніе сжатое, но точное, въ которомъ всякое слово было взвѣшено и обдумано. Касаясь исключительно личности подсудимаго, поскольку она выразилась во время службы его въ Туркестанѣ, оно было, по существу, настолько полно, что стороны отказались отъ перекрестнаго допроса и всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ, такъ что черезъ десять минутъ послѣ появленія Кауфмана въ залѣ засѣданій, я уже могъ объявить ему, что онъ свободенъ и предложилъ ему, если онъ пожелаетъ присутствовать при разборѣ дѣла, занять оставленное для него кресло въ мѣстахъ за судьями. «Я долженъ быть въ пятомъ часу въ Царскомъ Селѣ,—отвѣчалъ Кауфманъ,—и не могу, поэтому, воспользоваться вашимъ предложеніемъ», и, снова поклонившись суду, оставилъ залу засѣданія.

Судебныя пренія были довольно безцвѣтны. Незадолго назначенный прокуроръ Окружного Суда Н. Н. Сабуровъ, — человѣкъ, умѣвшій всю недолгую свою жизнь вносить истинную доброту и душевное благородство въ свою дѣятельность и въ исполненіе своихъ подчасъ очень тяжелыхъ обязанностей, — былъ весьма посредственный судебный ораторъ. Несмотря на полное признаніе Ландсберга, онъ, въ длинной рѣчи, утомительно ломился въ открытую дверь, чрезвычайно подробно описывая весь ходъ полицейскихъ розысковъ для того, чтобы доказать, что подсудимый дѣйствительно виновенъ въ томъ, что ни для кого не подлежало сомнѣнію. Трудная и неблагодарная задача защиты, стремившейся установить наличность убійства въ запальчивости и раздраженіи, а не съ предумышленіемъ, была исполнена очень добросовѣстно и съ большимъ достоинствомъ. Само собою разумѣется, что и защитникъ ни словомъ не обмолвился о той недостойной системѣ защиты, отъ которой на судѣ молчаливо отказался и самъ подсудимый. Въ виду собственнаго сознанія, даннаго въ той стадіи изслѣдованія, когда еще

можно было бороться и затруднять правосудіе, а также вслѣдствіе не показного, но несомнѣнно искренняго раскаянія подсудимаго, судъ приговорилъ его къ пятнадцати годамъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, чиновъ и знаковъ отличія, среди которыхъ были ордена святого Станислава и св. Анны съ мечами и бантами.

Дня черезъ два по окончаніи процесса, при свиданіи моемъ съ К. П. Кауфманомъ, онъ сказалъ мнѣ, что судебное засѣданіе, въ которомъ ему пришлось давать показаніе, и отношеніе къ нему суда произвели самое благопріятное на него впечатлѣніе, о чемъ онъ упомянулъ въ бесѣдѣ съ Государемъ послѣ обѣда въ Царскомъ Селѣ. Я отвѣтилъ ему, что мы въ свою очередь цѣнимъ то, что онъ не пожелалъ воспользоваться своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ и исключительнымъ правомъ требовать прибытія суда для допроса къ нему на домъ. Во время нашего разговора Константинъ Петровичъ разсказалъ мнѣ между прочимъ нѣсколько характеристическихъ подробностей, рисующихъ служебные пріемы Ландсберга, о которыхъ, какъ не относящихся непосредственно къ дѣлу и въ то же время могущихъ бросить лишній камень въ подсудимаго, ему не хотѣлось говорить на судѣ. Онъ поднялъ также очень его интересовавшій вопросъ о преобразованіи существовавшихъ въ Туркестанѣ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій стараго образца, и мы довольно долго разсуждали о томъ, съ какими наименьшими измѣненіями могъ бы быть введенъ новый судъ въ недавно завоеванномъ краѣ съ мусульманскимъ населеніемъ, съ муллами и казіями, судящими по *шаріату* и *адату*. При этомъ Кауфманъ обѣщалъ прислать мнѣ тѣ предположенія о судебномъ преобразованіи, которыя будутъ выработаны у него на мѣстѣ, и просилъ написать ему по поводу ихъ свое заключеніе.

Въ газетахъ помѣщался подробный отчетъ объ этомъ процессѣ, при чемъ въ одной изъ нихъ талантливый хроникеръ не только передавалъ сущность свидѣтельскихъ показаній, но весьма развязно описывалъ самую наружность свидѣтелей, ихъ манеру выражаться и то, какъ они держали себя на судѣ, глумясь надъ нѣкоторыми изъ нихъ и подчеркивая ихъ инородческое про-

исхожденіе. Такъ, одинъ изъ свидѣтелей Ф. представлялся ему «толстымъ, коренастымъ, съ несимпатическимъ и далеко не привлекательнымъ лицомъ»,—свидѣтельница Г., по его мнѣнію, походила «на особу въ жанрѣ петербургской кухарки двадцать четвертой руки», а свидѣтель Ш. былъ изображенъ, какъ «*армянская чэловѣка*, тучный франтъ средняго роста, съ восточнымъ носомъ» и т. д. Во время службы моей въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ этотъ хроникеръ—тогда еще совершенно чуждый журналистикѣ кавалерійскій ремонтеръ—былъ героемъ довольно печальнаго дѣла. Удаленный изъ дому однимъ изъ мѣстныхъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣвшимъ основаніе ревновать къ нему свою жену, мать двоихъ дѣтей,—онъ былъ однажды застигнутъ оскорбленнымъ мужемъ въ спальнѣ жены подъ кроватью, куда онъ спрятался, и, извлеченный оттуда, побитый рукояткой револьвера и при этомъ легко раненый въ ладонь руки, былъ вытолкнутъ на улицу въ холодную ноябрьскую ночь въ костюмѣ, носимомъ дикарями съ архипелаговъ Тихаго океана. Испуганная жена бѣжала къ сосѣдямъ и, поднявъ чрезвычайную тревогу, требовала призыва полиціи, разсказывая, что мужъ убилъ неосмотрительнаго Донъ-Жуана во время ссоры за картами. Вслѣдствіе этого возникло дѣло о покушеніи ея мужа на убійство. Нѣкоторые эпизоды этого слѣдствія отличались трагикомическимъ характеромъ. Злополучный мужъ никакъ не могъ понять, за что его же и обвиняютъ, и очень волновался. Блестящая красавица-жена, съ ангельскимъ выраженіемъ лица и бѣлокурыми пышными волосами, осыпанными брилліантовою пудрой, доказывала, что покушеніе на убійство было заранѣе предумышленно, такъ какъ поводъ къ нему вовсе не былъ неожиданностью для мужа, ибо онъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться въ ея невѣрности en flagrant délit, при чемъ она съ особенною и упорною настойчивостью стремилась подтвердить свои доводы фактическими указаніями, которыхъ никто отъ нея не требовалъ. О своемъ безконечно добромъ и слабохарактерномъ мужѣ, выведенномъ, наконецъ, изъ терпѣнія, она выражалась съ торжествующею ненавистью—и на замѣчаніе мое о томъ, что ей слѣдуетъ помнить, что она говоритъ объ отцѣ своихъ дѣтей,

которому можетъ грозить тяжкое наказаніе—каторжныя работы—отвѣчала вызывающимъ тономъ: «да развѣ у насъ есть каторжныя работы?! тамъ конверты клеятъ,—какая же это каторга?» А самъ «виновникъ торжества» при первомъ допросѣ поразилъ судебнаго слѣдователя просьбой отдать ему «на память» вынутую изъ руки пулю для ношенія ея въ видѣ брелока.

Приговоръ по дѣлу Ландсберга былъ встрѣченъ «Московскими Вѣдомостями» съ большимъ негодованіемъ. Пятнадцатилѣтняя каторга съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и поселеніемъ въ Сибири навсегда признавалась въ передовой статьѣ этой газеты наказаніемъ, непозволительнымъ по его слабости. Газета дважды указывала на «непостижимую снисходительность суда къ двойному убійцѣ Ландсбергу, который какъ бы самъ засвидѣтельствовалъ, что раскаяніе, обнаруженное имъ на судѣ, не было искреннимъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ телеграфъ сообщилъ, что онъ, повидимому, не совсѣмъ тяготится жизнью, которая, по словамъ его, для него кончена, и подалъ кассаціонную жалобу на приговоръ, по которому его постигло самое низшее изъ возможныхъ по закону наказаній, очевидно, не теряя надежды, что другой составъ присяжныхъ можетъ его и вовсе помиловать». Заявляя затѣмъ, что нѣтъ ни одной цивилизованной страны въ мірѣ, въ которой Ландсбергу не грозила бы смертная казнь, газета горько жаловалась на оскорбляющую чувство справедливости снисходительность судебной власти и доказывала, что Ландсбергъ долженъ подлежать военному суду. Эти строки, въ которыхъ судъ сводился къ роли мертваго механизма, а присужденному къ тяжкому наказанію ставилось въ укоръ принадлежащее ему по закону право кассаціоннаго обжалованія, были продолженіемъ страстныхъ, ослѣпленныхъ и озлобленныхъ выходокъ противъ новыхъ судебныхъ учрежденій, — выходокъ, шедшихъ глубоко въ разрѣзъ съ тѣми привѣтствіями и поддержкой, которыми встрѣтилъ Катковъ осуществленіе судебной реформы.

Но порицаніемъ приговора со стороны вліятельнаго органа печати дѣло не кончилось. Еще большему осужденію подвергся предсѣдатель Окружного Суда, уже больше года, послѣ надѣлав-

шаго много шума процесса, въ которомъ онъ лишь старался слѣдовать точнымъ требованіямъ Судебныхъ Уставовъ и быть слугою, а не лакеемъ правосудію, — служившій мишенью для стрѣлъ московскаго громовержца и его сотрудниковъ.

По окончаніи дѣла Ландсберга я рѣшилъ воспользоваться отпускомъ и уѣхать за границу, но наканунѣ моего отъѣзда ко мнѣ на квартиру рано утромъ пришелъ совершенно разстроенный присяжный повѣренный Войцѣховскій и показалъ мнѣ только что вышедшій номеръ газеты съ отчетомъ о процессѣ, въ которомъ вышеупомянутый хроникеръ выражалъ свое негодованіе по поводу того, что защита не пощадила скромности бѣдной дѣвушки и чувствъ ея высоко-заслуженнаго отца, а развернула предъ присяжными интимную картину жизни этого семейства и ея значенія въ жизни подсудимаго. «Такое отношеніе защитника, — писалъ хроникеръ, — къ доброй, чистой и ни въ чемъ не повинной дѣвушкѣ — совершенно безобразно, отвратительно и безчеловѣчно». Вполнѣ соглашаясь съ защитникомъ въ томъ, что онъ ничего подобнаго не говорилъ и вообще тщательно избѣгалъ касаться этой стороны объясненій Ландсберга на предварительномъ слѣдствіи, повліявъ въ этомъ смыслѣ и на послѣдняго, я увидѣлъ изъ дальнѣйшей бесѣды съ Войцѣховскимъ, что для авторитетнаго возстановленія истины, столь искаженной во вредъ его безупречной адвокатской репутаціи, ему желательно и даже необходимо видѣть печатное опроверженіе словъ хроникера съ моей стороны. Признавая всю справедливость подобнаго желанія, я написалъ въ газету письмо, въ которомъ заявлялъ о томъ, что для негодованія хроникера,—могущаго быть приписаннымъ дурному акустическому устройству залы засѣданій или довѣрію его къ невѣрной передачѣ слуховъ,— нѣтъ основанія, такъ какъ защитникъ ни о чемъ, приписываемомъ ему, ни слова не говорилъ, иначе былъ бы приглашенъ мною не касаться этого предмета. Письмо было напечатано, и я уѣхалъ въ тихое и цѣлебное Шварцвальдское мѣстечко Тейнахъ, гдѣ меня поджидалъ съ своимъ семействомъ мой товарищъ по университету и по службѣ, князь Александръ Ивановичъ Урусовъ. Но, какъ извѣстно, друзья и близкіе существуютъ между про-

чимъ и для того, чтобы спеціально мѣшать необходимому для души успокоенію и сообщать непріятныя извѣстія. Такъ случилось и со мною. Одинъ изъ моихъ *друзей*, запасшись моимъ заграничнымъ адресомъ, счелъ нужнымъ нарушить спокойствіе моего цѣлительнаго уединенія и прислать мнѣ номеръ «Московскихъ Вѣдомостей со статьею, которая начиналась такъ: «Мы давно уже обращали вниманіе нашихъ читателей на то, что въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ тѣхъ поръ, какъ предсѣдателемъ его состоитъ г. К., для отправленія уголовнаго правосудія имѣется двое вѣсовъ, при чемъ обращеніе съ лицами высокопоставленными и пользующимися особымъ уваженіемъ общества и вниманіемъ правительства, гораздо рѣзче, чтобы не сказать грубѣе, чѣмъ обращеніе даже съ подсудимыми, которыхъ предсѣдатель любезно предупреждаетъ о томъ, что они имѣютъ право не отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы и дѣлать замѣчанія по поводу каждаго дѣйствія на судѣ, какъ будто они сами этого не должны знать, въ виду того, что у насъ невѣдѣніемъ закона никто не можетъ оттовариваться. Яркую иллюстрацію, въ этомъ отношеніи, представляетъ отчетъ о процессѣ Ландсберга, въ которомъ составитель его говоритъ: «мы напечатали опроверженіе предсѣдателя суда на наше замѣчаніе о возмутившихъ насъ пріемахъ защитника. Для полнаго безпристрастія мы считаемъ нужнымъ указать на допросъ предсѣдателемъ К. П. Кауфмана. Вотъ онъ: Предсѣдатель:—введите Кауфмана. Кто вы такой?—чѣмъ занимаетесь? не состоите ли въ родствѣ и дружбѣ съ подсудимымъ?—вы конечно лютеранинъ. А! (язвительно улыбаясь и откидываясь на спинку кресла) православный?!—примите присягу, но предупреждаю васъ, что если вы станете давать ложныя показанія, то будете преданы суду и подвергнетесь строгой отвѣтственности... Приличіе и учтивость,—такъ заканчиваетъ свой отчетъ хроникеръ,—не вездѣ обязательны, но нельзя не указать на незаконность самой формы допроса, дѣлаемаго извѣстному и высокопоставленному лицу и т. д.».

Возмущенный этой статьей и упомянутымъ въ ней отчетомъ, А. И. Урусовъ, все время присутствовавшій на процессѣ Ландсберга, написалъ отъ своего лица пылкое и остроумно-язвительное

опроверженіе. Но я упросилъ его не отсылать этого въ Петербургъ. Мысль о какой бы ни было полемикѣ съ хроникеромъ, забывшимъ завѣтъ Гоголя о томъ, что со словомъ слѣдуетъ обращаться честно, была мнѣ до крайности противна.

Когда я осенью вернулся въ Петербургъ, то при первомъ свиданіи съ Министромъ Юстиціи Д. Н. Набоковымъ мы коснулись дѣла Ландсберга, и онъ, узнавъ отъ меня, какъ я былъ возмущенъ лживымъ отчетомъ газеты о характерѣ допроса Кауфмана, разсказалъ мнѣ, что еще болѣе былъ возмущенъ этимъ Кауфманъ, находившій, что извращенное изложеніе происходившаго оскорбительно лично для него. По словамъ Набокова, К. П. Кауфманъ, заявляя ему объ искреннемъ уваженіи къ суду, вынесеннымъ имъ изъ засѣданія, спрашивалъ совѣта Министра Юстиціи о томъ, не слѣдуетъ ли и возможно ли возбудить преслѣдованіе противъ лица, виновнаго въ оскорбительномъ для него искаженіи истины въ газетномъ отчетѣ. По собраннымъ по этому поводу свѣдѣніямъ оказалось, что хроникеръ передалъ не свои личныя впечатлѣнія, а разсказъ якобы возмущеннаго всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ недостовѣрнаго «друга генерала Кауфмана», столь настойчиво требовавшаго не принадлежавшаго ему мѣста въ засѣданіи... Конечно, мысль Кауфмана о судебномъ преслѣдованіи была, по совѣту Набокова, оставлена, и этому можно лишь порадоваться: трудно и почти невозможно было бы установить составъ преступленія, да и нечистоплотные литературные нравы исправляются не судебными приговорами!..

XVI.

Маргарита Жюжанъ.

(Изъ предсѣдательской практики).

У меня сохранились портреты, т. е. фотографическія карточки, нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ въ тѣхъ процессахъ, на которыхъ я присутствовалъ, какъ предсѣдатель Окружного Суда, или въ которыхъ выступалъ, какъ сторона. Когда я разсматриваю пачку этихъ портретовъ, цѣлый рой воспоминаній проходитъ передо мною. Вотъ красивая женщина, нарядно одѣтая, съ вьющимися волосами и чувственной линіей рта—и вотъ милое молодое лицо гимназиста, на которомъ, несмотря на выступившіе отроческіе годы, еще сохранился наивный и чистый отпечатокъ дѣтства. Это француженка — гувернантка Маргарита Жюжанъ и ея воспитанникъ Николай Познанскій, въ умышленномъ отравленіи котораго, изъ ревности, она обвинялась. Процессъ этотъ надѣлалъ много шуму въ Петербургѣ и привлекъ къ себѣ общее вниманіе.

Юноша шестнадцати съ половиной лѣтъ, гимназистъ шестого класса I-ой гимназіи въ Петербургѣ, сынъ начальника С.-Петербургскаго Жандармскаго Управленія желѣзныхъ дорогъ, Николай Познанскій, былъ найденъ, утромъ 18 апрѣля 1879 года, въ своей кровати мертвымъ. Оказалось, что онъ скончался отъ отравленія морфіемъ, который легко было достать въ квартирѣ Познанскихъ, такъ какъ отецъ юноши принималъ его какъ лѣкарство и хранилъ въ довольно большомъ количествѣ безъ осо-

быхъ предосторожностей, да и самъ умершій, занимаясь химіей, имѣлъ у себя шкафчикъ съ ядами, среди которыхъ былъ даже и ціанистый калій. Любовь къ жизни и молодая жезнерадостность Николая Познанскаго,—тщательная забота о своемъ здоровьи,—осмотрительность въ пріемѣ лѣкарствъ и отсутствіе въ его обстановкѣ и поведеніи поводовъ къ самоубійству—исключали, по отношенію къ нему, предположенія о томъ, что смерть его явилась результатомъ какой-нибудь неосторожности съ его стороны или была дѣломъ его собственныхъ рукъ. Установлена была также невозможность ошибки со стороны аптеки при отпускѣ ему — вслѣдствіе легкой краснухи, которою онъ страдалъ — іодистаго калія... Поэтому у обвинительной власти явилось подозрѣніе — не было ли здѣсь умышленнаго отравленія? Но такое преступленіе — всегда дѣяніе трусливое и коварное. Отравитель не имѣетъ смѣлости прямого нападенія, могущаго встрѣтить отпоръ и самозащиту и, во всякомъ случаѣ, сопряженнаго съ извѣстнымъ личнымъ рискомъ. Онъ дѣйствуетъ тайно и нерѣдко, не возбуждая никакихъ сомнѣній, спокойно удаляется, или, наоборотъ, является съ лицемѣрною и сознательно-позднею помощью въ то время, когда его невидимый союзникъ и орудіе—ядъ—началъ свое уже не поправимое дѣло. Отравленіе—продуктъ слабости, а не силы,—ненависти или корысти, но никогда не гнѣва. Поэтому въ дѣлахъ объ отравленіяхъ, какъ и о поджогахъ почти всегда отсутствуютъ прямыя доказательства. Все строится на косвенныхъ уликахъ, на данныхъ, самихъ по себѣ безразличныхъ, которыя лишь въ своей совокупности и при извѣстной группировкѣ пріобрѣтаютъ особое значеніе и силу, подкрѣпляя, подтверждая и связывая другъ друга. Эти побочныя, мелочныя обстоятельства кристаллизуются вокругъ предположенія о наличности преступленія и виновности въ немъ того или другого лица, постепенно обращая отдаленное сомнѣніе въ подозрѣніе, придавая послѣднему сначала характеръ сильной вѣроятности и затѣмъ облекая его признаками основательно сложившейся достовѣрности. Извѣстный криминалистъ и адвокатъ Спасовичъ образно выяснилъ въ своей обвинительной рѣчи (онъ былъ гражданскимъ истцомъ) по дѣлу о поджогѣ мельницы Овсянникова характеръ и значеніе косвен-

ныхъ уликъ, отвѣчая на упрекъ защитника въ томъ, что онъ строитъ все обвиненіе на «чертахъ и черточкахъ», а не на доказательствахъ. «Ну да! воскликнулъ Спасовичъ — черты и черточки, но вѣдь изъ нихъ складываются очертанія, а изъ очертаній буквы, а изъ буквъ слоги — и изъ слоговъ возникаетъ слово — и слово это *поджогъ!*»

О корысти по отношенію къ погибшему юношѣ не могло быть рѣчи. Стали искать — кто могъ бы его ненавидѣть? Оказалось, что въ послѣдній разъ лѣкарство вечеромъ предъ смертью ему давала Жюжанъ,—что она едва стояла на ногахъ и очень волновалась, утѣшая родителей, убирая гробъ умершаго цвѣтами и ночуя около него, но затѣмъ совершенно успокоилась и только, получивъ на память запонки покойнаго, впала, на послѣдней по немъ панихидѣ, въ истерику—и что, наконецъ, внесшая порывы страстной французской натуры въ среду русской добродушной распущенности, Жюжанъ ревновала и должна была ревновать юношу, любовныя отношенія ея съ которымъ разрушались подъ вліяніемъ болѣе чистыхъ и соотвѣтственныхъ его возрасту чувствъ къ встрѣченной имъ молодой дѣвушкѣ. Исходя изъ этихъ данныхъ, обвинительная власть пришла къ убѣжденію, что единственное лицо, которое могло совершить умышленное отравленіе Познанскаго — есть Маргарита Жюжанъ, и привлекла ее на скамью подсудимыхъ, довольно искусно сопоставляя добытыя слѣдствіемъ косвенныя улики. Но путь, избранный ею, былъ, по моему мнѣнію, вынесенному изъ судебнаго разбирательства, которое шло подъ моимъ предсѣдательствомъ, весьма рискованный и едва ли правильный. Несомнѣнно, что Жюжанъ подлежала уголовному преслѣдованію по 993 ст. Уложенія о наказаніяхъ, говорящей объ отвѣтственности лицъ, имѣющихъ надзоръ за малолѣтними или несовершеннолѣтними и благопріятствующихъ склонности ихъ къ непотребству или побуждающихъ ихъ къ тому своими внушеніями и обольщеніями. Такое обвиненіе не было однако противъ нея возбуждено — а ея позорныя отношенія къ своему воспитаннику вмѣсто самостоятельнаго преступнаго дѣянія были выставлены, какъ главная улика, вокругъ которой была сплетена сѣть остальныхъ. Но улики, почерпаемыя изъ поведенія

обвиняемаго, въ которомъ выражается его душевное настроеніе, послѣ совершенія приписываемаго ему преступленія, вообще всегда шатки и произвольны. Это скользкая почва. На ней возможны весьма ошибочные выводы, для которыхъ при томъ не существуетъ никакихъ границъ. Для выраженія горя нѣтъ никакихъ законовъ: — оно, какъ и радость, не подходитъ ни подъ какія, якобы психологическія правила. Здѣсь все зависитъ отъ личныхъ свойствъ, отъ темперамента, отъ нервности, обстановки, впечатлительности. Однихъ горе поражаетъ сразу и «отпускаетъ» понемножку; другіе его принимаютъ бодро и холодно, но хранятъ его въ душѣ, какъ вино, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно старше. Отъ одного и того же нравственнаго удара одинъ человѣкъ застываетъ, каменѣетъ, уходитъ въ себя — и, если бы даже желалъ, не можетъ облегчить себя слезами, тогда какъ у другого слезы льются неисчерпаемо, по выраженію народной пѣсни, какъ «горя рѣченька глубокая». Обвиненія, построенныя на подборѣ косвенныхъ уликъ къ предвзятому взгляду — обыкновенно сопряжены съ неравномѣрною оцѣнкой данныхъ и, подъ вліяніемъ невольнаго ослѣпленія, съ приданіемъ значенія несущественному и необращеніемъ вниманія — на существенное. Къ несчастію, во взглядѣ, которымъ руководятся изслѣдователи преступленія, иногда слишкомъ большое мѣсто занимаетъ авторское самолюбіе со всѣми его послѣдствіями. Такъ и въ дѣлѣ Жюжанъ — огромное значеніе было придано написанному ею доносу на кружокъ товарищей молодого Познанскаго,—доносу, который по нелѣпости своей никакихъ послѣдствій имѣть не могъ, кромѣ развѣ нѣкотораго переполоха въ средѣ юношей, благодаря которому родители Познанскаго стали бы его удерживать отъ посѣщенія товарищей, чего такъ желала Жюжанъ, боявшаяся его потерять... И вмѣстѣ съ тѣмъ не было обращено необходимаго вниманія ни на то, что въ 9 ч. утра 18 апрѣля тѣло умершаго было еще теплое, ни на показаніе свидѣтельницы, спавшей рядомъ съ комнатой умершаго и слышавшей чирканье спичками о стѣну въ седьмомъ часу утра, между тѣмъ, какъ морфій въ ложкѣ лѣкарства, принятаго имъ наканунѣ, въ десять часовъ вечера, составляетъ три грана, т. е. количество, доста-

точное для полнаго отравленія совершенно взрослаго человѣка. А это указывало, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, на одинаковую правдоподобность предположенія или о самоубійствѣ или о собственной ошибкѣ покойнаго при употребленіи почему-либо морфія.

Судебное разбирательство длилось три дня, при чемъ одинъ день происходило при закрытыхъ дверяхъ — для выясненія характера отношенія Жюжанъ къ юному Познанскому. При этомъ обнаружилось, что страстная и экзальтированная француженка начала испытывать чувственное стремленіе къ своему воспитаннику еще за нѣсколько лѣтъ до его безвременной смерти, придавая своимъ ласкамъ все возрастающій животный оттѣнокъ и возбуждая въ немъ преждевременно — и, конечно, не безъ вреда для его здоровья — чувственные инстинкты. Тягостная картина развращенія мальчика, едва вступившаго въ отрочество, нарисованная рядомъ свидѣтелей, оттѣнялась эпизодами изъ той своеобразной системы воспитанія, которая, къ несчастью, нерѣдко практикуется у насъ на Руси. Въ силу этой системы, которую правильнѣе было бы назвать воспитательной анархіей, забота о дѣтяхъ сводится къ тому, чтобы всемѣрно избѣгать причинить имъ что-либо непріятное. Отсюда—въ самомъ раннемъ возрастѣ дѣтей стремленіе поблажать всѣмъ ихъ капризамъ и желаніямъ, какъ бы нелѣпы, а иногда даже и вредны они ни были, лишь бы не огорчить дитя. Отсюда — замѣна, во многихъ случаяхъ, разумнаго и твердаго приказанія смѣшнымъ обычаемъ убѣждать ребенка и доказывать ему неосновательность его желанія въ томъ возрастѣ, когда ему непонятны не только существующія житейскія отношенія, но очень часто даже и самое значеніе окружающихъ его предметовъ. Такъ возрастаютъ маленькіе семейные деспоты, пріучаемые не знать никакихъ препонъ своимъ желаніямъ и невольно привыкающіе, съ годами, считать себя центромъ въ жизни семьи. Такъ развивается въ нихъ сознательное и упорное себялюбіе и вовсе не развивается характеръ, однимъ изъ главныхъ проявленій котораго надо признать умѣніе обуздывать свои желанія и отрекаться отъ своихъ мимолетныхъ вожделѣній. Когда такое «сокровище»

своихъ родителей вступаетъ въ отрочество, оно считаетъ обыкновенно всякое матеріальное или нравственное ограниченіе, робко предъявляемое послѣдними, за вопіющее нарушеніе своихъ правъ, и начинается то возмущеніе противъ родителей и презрительное къ нимъ отношеніе, на которое они горько жалуются, забывая, что сами создали его годами безсмысленной потачки и баловства. Но вотъ затѣмъ наступаетъ суровая жизнь со своими безпощадными требованіями и условіями, и старая родительская нѣжность, смѣнившаяся обыкновенно страдальческимъ недоумѣніемъ, уступаетъ мѣсто борьбѣ за существованіе въ ея различныхъ видахъ. Тутъ-то и сказывается отсутствіе характера, — борьба для многихъ оказывается непосильной, и на горизонтѣ ихъ существованія вырастаетъ призракъ самоубійства, съ его мрачною для слабыхъ душъ привлекательностью. Есть, конечно, и при такомъ воспитаніи многія исключенія, въ которыхъ здоровые прирожденные задатки берутъ верхъ надъ систематическою порчею со стороны родителей, но тѣмъ болѣе жаль тѣхъ жертвъ этой порчи, дѣйствіями которыхъ такъ богата хроника ненормальныхъ явленій нашей общественной и частной жизни. Разумное воспитаніе, конечно, вещь трудная: сказать любимому ребенку «не смѣй» или «нельзя» не особенно весело,—гораздо легче постоянно видѣть его веселое личико и предаваться животной радости въ созерцаніи этой дорого стоящей и хрупкой живой игрушки. Но въ такомъ чувствѣ нѣтъ настоящей дѣятельной любви къ ребенку. Это лѣнь ума и воли, порождаемая отсутствіемъ сознанія отвѣтственности предъ существомъ, которому мы осмѣлились дать жизнь; — это въ сущности грубѣйшій эгоизмъ, подготовляющій новый эгоизмъ или, въ лучшемъ даже случаѣ, подготовляющій *эготизмъ*, благодаря которому въ обиходъ нашей общественной жизни вторгается такъ много болѣзненныхъ самолюбій и безплодныхъ самомнѣній. Къ этому же желанію родителей избѣгать непріятныхъ впечатлѣній въ отношеніяхъ съ дѣтьми слѣдуетъ отнести и уклоненіе ихъ отъ откровенныхъ бесѣдъ и назиданій по вопросамъ половой жизни, именно въ то время, когда они такъ необходимы въ виду наступленія возраста, въ которомъ пробуждающійся инстинктъ заставляетъ от-

рока настойчиво искать отвѣта на эти вопросы и находить его у испорченной городской жизнью прислуги или у школьныхъ товарищей. Эти бесѣды требуютъ извѣстной обдуманности и умственнаго напряженія, но наша обычная безпечность снова вступаетъ въ свои права, и бѣдный отрокъ отдается на жертву болѣзненному и небезопасному любопытству. И это случается нерѣдко даже и тогда, когда между родителями и дѣтьми существуетъ такъ называемая *дружба*, очень часто выражающаяся лишь въ томъ, что каждый изъ родителей, закрывая глаза на недостатки, ошибки и зарождающіеся пороки дѣтей, старается ихъ завлечь на свою сторону, съ циническою откровенностью рисуя и оттѣняя слабости и непривлекательныя стороны своей «дражайшей половины».

Въ показаніяхъ отца несчастнаго мальчика содержалось, между прочимъ, указаніе на то, что еще задолго до смерти послѣдняго, онъ, войдя внезапно въ комнату сына, имѣлъ случай наглядно убѣдиться не только въ недопустимыхъ отношеніяхъ Жюжанъ къ своему воспитаннику, но даже и въ способахъ, которыми эти отношенія осуществлялись. Всѣ объясненія по этому случаю ограничились намеками отца и уклончивыми отвѣтами сына, а Жюжанъ продолжала оставаться съ послѣднимъ въ его комнатѣ, когда онъ уходилъ спать, и засиживалась тамъ до поздней ночи. На мой вопросъ, какія же послѣдствія имѣло это открытіе и почему Жюжанъ не была немедленно удалена и знакомство съ нею не было прервано навсегда, благодушный отецъ отвѣтилъ, что не рѣшился такъ поступить, «чтобы не огорчить Колю», который былъ привязанъ къ Жюжанъ. При дальнѣйшемъ допросѣ оказалось, что видя физическую перемѣну въ сынѣ и приписывая ее, быть можетъ, вліянію дурныхъ привычекъ, привитыхъ гувернанткой, отецъ умершаго, не вступая съ нимъ въ прямыя объясненія, указывалъ ему на книжку о вредѣ порочныхъ половыхъ привычекъ, вмѣсто того, чтобы точно и строго выяснить характеръ отношеній сына и Жюжанъ въ семьѣ, гдѣ свидѣтельницей ихъ могла быть одиннадцатилѣтняя дѣвочка, дочь. Всякій, однако, кому попадались подобныя, якобы научныя, книжки, знаетъ, какъ мало въ нихъ не только серьезнаго медицинскаго содержанія, но и

простого человѣколюбія по отношенію къ несчастнымъ читателямъ, попавшимъ во власть сокровеннаго порока, послѣдствія котораго изображаются въ такихъ преувеличенныхъ и устрашающихъ краскахъ, что чтеніе подобной книжки впечатлительнымъ юношей прибавляетъ къ физическому разстройству организма еще и страшную душевную подавленность и безнадежность, способныя толкнуть къ сумасшествію или на самоубійство. Не даромъ въ Германіи одно время пришлось запретить продажу книги «Der persönliche Schutz», которая своимъ преувеличеннымъ изображеніемъ результатовъ тайнаго порока доводила многихъ юношей до мрачнаго отчаянія и покушенія на свою жизнь. Указанныя Николаю Познанскому книжки едва ли, однако, въ данномъ случаѣ имѣли такое гибельное вліяніе: онъ слишкомъ любилъ жизнь, и, какъ видно изъ его дневника, изъ него вырабатывался большой себялюбецъ. Но во сколько разъ была бы умѣстнѣе откровенная бесѣда съ нимъ отца и разумное указаніе моральныхъ средствъ борьбы съ своимъ болѣзненнымъ стремленіемъ — вмѣсто нелѣпыхъ механическихъ мѣръ, рекомендуемыхъ подобными книжками на ряду съ пикантной «казуистикой».

Отецъ бѣднаго юноши разсчитывалъ, какъ онъ заявилъ на судѣ, что, когда сынъ его болѣе возмужаетъ, войдетъ въ общество товарищей и будетъ посѣщать ихъ семьи, вліяніе Жюжанъ на него ослабѣетъ. Этотъ расчетъ оказался вѣрнымъ. Съ наступленіемъ пятнадцатилѣтняго возраста сынъ его сталъ бывать въ кружкѣ товарищей и очень заинтересовался сестрою одного изъ нихъ, переписка его съ которой носила чистые слѣды того, что французы называютъ «une amitié amoureuse». Но расчетъ былъ вѣренъ не во всемъ. Съ возмужалостью появились и глубокія душевныя страданія юноши. Жизнь предстала предъ нимъ сразу многими своими неприглядными сторонами. Описывая въ своемъ дневникѣ «тайну своей жизни съ 14 лѣтъ», онъ говоритъ: «много перемѣнъ, много разочарованія, многія дурныя качества появились во мнѣ; кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе, и это повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что при воспоминаніи о нихъ холодный потъ выступаетъ у меня на лбу; мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій

близкихъ, окаменѣло; во мнѣ развилось искусственное хладнокровіе; стоя на краю гибели, я сталъ атеистомъ и дорого бы далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство; много такихъ взглядовъ получилъ я, до которыхъ врагу своему не желаю додуматься: таковъ, напримѣръ, взглядъ на отношенія къ родителямъ и къ женщинамъ». Хотя въ этихъ словахъ и есть извѣстная доля преувеличенія, свойственная вообще юношескимъ дневникамъ, но, тѣмъ не менѣе, они указываютъ на то, съ какимъ тяжелымъ душевнымъ складомъ стоялъ на порогѣ своей молодой жизни возлюбленный Маргариты Жюжанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Маргоша»—такъ звали ее въ семьѣ Познанскихъ—втерлась въ товарищескій кружокъ бѣднаго юноши, участвовала въ пирушкахъ гимназистовъ, пила со многими изъ нихъ брудершафтъ и не выпускала изъ цѣпкихъ и сладострастныхъ рукъ свою жертву. Николай Познанскій сильно заботился о своемъ здоровьѣ и явно тяготился неотступностью Жюжанъ. Дѣло доходило до ссоръ, до изступленія и угрозъ съ его стороны,—до пощечинъ, истерическихъ припадковъ и анонимныхъ доносовъ съ ея стороны.

Въ современной печати въ послѣднее время часто встрѣчаются указанія на крайнюю распущенность учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Если даже и считать, что нѣкоторые случаи систематически организованнаго пьянства и разврата, о которыхъ сообщалось въ газетахъ, описаны чрезмѣрно сгущенными красками, то все-таки приходится со скорбію признать, что, говоря словами Гамлета, «въ королевствѣ Даніи что-то гнило». Не слѣдуетъ однако писать это исключительно на счетъ молодежи. Конечно, больше всего и прежде всего въ возможности всѣхъ этихъ проявленій виновна наша семья съ ея сентиментальнымъ по внѣшности и жестокимъ по существу попустительствомъ, съ ея животной заботой о прокормленіи птенцовъ и преступнымъ пренебреженіемъ къ ихъ духовному питанію. При этомъ надо замѣтить, что эта распущенность несправедливо приписывается освободительному движенію: она началась задолго до него.

Въ засѣданіи по дѣлу Жюжанъ передъ судомъ прошелъ рядъ свидѣтелей изъ товарищей Познанскаго и юныхъ дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ семействамъ послѣднихъ. Нельзя сказать,

чтобы ихъ показанія о товарищескомъ времяпрепровожденіи производили отрадное впечатлѣніе. Пятнадцати- и шестнадцатилѣтніе мальчики развязнымъ тономъ разсказывали о пирушкахъ, свойственныхъ людямъ взрослымъ и хлебнувшимъ изъ нечистыхъ источниковъ городской жизни. «Вы пили брудершафтъ съ подсудимой?» съ трогательной наивностью спросилъ одного изъ такихъ свидѣтелей старый, добродушный членъ суда: «чѣмъ же вы пили—лимонадомъ?» — «Коньякомъ», отвѣтилъ ломающимся баскомъ юный свидѣтель. Среди свидѣтельницъ была одна еще въ короткомъ платьѣ, представшая предъ судомъ безъ всякаго смущенія. Мнѣ было жаль, что она вызвана по такому дѣлу и, если останется послѣ дачи показанія въ залѣ суда, будетъ неминуемо присутствовать при другихъ показаніяхъ, которыя могутъ наложить грязный слой на ея молодое воображеніе. Когда она окончила свое довольно безразличное для дѣла показаніе, я, съ согласія сторонъ, сказалъ ей: «Вы можете удалиться». «Но я могу остаться?» бойко спросила она. «Вы можете остаться, но я совѣтовалъ бы вамъ удалиться: вамъ здѣсь больше нечего дѣлать». Она улыбнулась, быстро направилась къ скамьѣ свидѣтелей, усѣлась на ней — и любознательно насторожилась. «Свидѣтельница,—сказалъ я ей,—когда предсѣдатель суда совѣтуетъ вамъ удалиться, онъ дѣйствуетъ въ вашемъ интересѣ, и его совѣту надо слѣдовать». Она встала съ видимымъ неудовольствіемъ и неторопливой походкой съ развальцемъ пошла изъ залы.

Слѣдующій за ней свидѣтель составилъ неожиданное и пріятное исключеніе. Это былъ высокій, блѣдный гимназистъ по фамиліи Соловьевъ. На вопросъ обвинителя о томъ, что ему извѣстно объ отношеніяхъ Познанскаго къ Жюжанъ, онъ отвѣтилъ, что покойный его товарищъ тяготился присутствіемъ ея на дружескихъ пирушкахъ, такъ какъ она его стѣсняла своимъ фамильярнымъ обращеніемъ, и онъ ее совсѣмъ не уважалъ. На просьбу обвинителя разъяснить, въ чемъ выражалось это неуваженіе, Соловьевъ сказалъ, что убѣдился въ этомъ изъ отзыва Познанскаго о своей бывшей гувернанткѣ, сдѣланнаго однажды, когда они оба шли изъ гимназіи. «Что же именно онъ сказалъ?»

Свидѣтель покраснѣлъ, замялся и отвѣтилъ вполголоса: «Я не могу этого повторить.—Даже и приблизительно?—Не умѣю, не могу»,—отвѣчалъ онъ, потупляясь. Тогда старшина присяжныхъ засѣдателей заявилъ, что присяжные желаютъ знать, что *именно* сказалъ Познанскій. Положеніе было затруднительное. Допросъ этой группы свидѣтелей, направленный къ выясненію поводовъ для ревности со стороны Жюжанъ, шелъ при открытыхъ дверяхъ. Закрывать двери засѣданія и удалять публику, среди которой яблоку некуда было упасть, для выслушанія одного или двухъ словъ, не было ни повода, ни законнаго основанія; понуждать же скромнаго юношу сказать публично то, что онъ считалъ неприличнымъ, было бы просто нравственно непозволительно, а между тѣмъ требованіе присяжныхъ засѣдателей для предсѣдателя было обязательно. Въ залѣ воцарилась напряженная тишины, и настало краснорѣчивое безмолвіе нездороваго любопытства. Я рѣшился прибѣгнуть къ необычному пріему. «Поднимитесь сюда къ судейскому столу; вотъ листъ бумаги, напишите, что вамъ сказалъ Познанскій... Г. судебный приставъ, предъявите этотъ листъ сторонамъ, подсудимой и присяжнымъ засѣдателямъ... Вамъ ясно, господа, что здѣсь написано»? Получивъ утвердительный отвѣтъ отъ всѣхъ, кому былъ показанъ листъ бумаги, на которомъ былъ написанъ лаконическій и циническій отзывъ Познанскаго о своемъ отношеніи «къ гувернанткѣ», я разорвалъ этотъ листъ въ мелкіе куски и, допросивъ еще двухъ свидѣтелей, прервалъ засѣданіе на четверть часа, приказавъ освѣжить спертый воздухъ въ залѣ, для чего обыкновенно открывались противолежащія окна.

Войдя во время перерыва въ залу засѣданій, чтобы посмотрѣть, исполнено ли мое распоряженіе, я увидѣлъ, что одинъ изъ сановниковъ, занимавшихъ, съ начала процесса, почетныя мѣста за судьями, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и представительной наружности, съ двумя звѣздами на вицъ-мундирѣ, стоялъ у судейскаго стола на самомъ сквозномъ вѣтру и на глазахъ у публики тщательно складывалъ разорванные кусочки бумаги, стараясь возстановить написанное. «Ваше превосходительство,—сказалъ я любознательному старцу,—вы подаете публикѣ дурной при-

мѣръ, столь неосмотрительно рискуя своимъ здоровьемъ. А если васъ такъ интересуетъ написанное, то напомните мнѣ объ этомъ по окончаніи процесса, и я удовлетворю ваше любопытство».

Жюжанъ ждала засѣданія по своему дѣлу съ большимъ нетерпѣніемъ. Предварительное заключеніе ее измучило. Какъ только поступилъ въ судъ обвинительный актъ, она обратилась ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ писала между прочимъ:—«Monsieur le Président, je jette le cri de mon âme toute entière—auez pitié au mon du Ciel d'une femme innocente, privée du plus grand des biens—de la liberté, pour laquelle je me consume et je meurs à chaque minute d'attente et d'incertitude;—le Très Haut Vous bènira Monsieur le Président, car Vous découvrirez plus tôt au monde l'erreur que la justice a commise en me mettant sous les verrous. Je suis tant privée — Monsieur le Président — plus d'enfants à instruire, à aimer, à entourer de mes soins et de mes caresses. Ce n'est pas vivre, pue de vivre ainsi!»

На судѣ она держала себя очень скромно, говорила съ большой нѣжностью и слезами о покойномъ, называя его «Колья», и только разъ очень взволновалась, когда мать ея воспитанника, стараясь не глядѣть на нее, стала развивать предъ присяжными и доказывать по-своему справедливость своихъ подозрѣній. Она слушала обвинительную и защитительную рѣчи, низко опустивъ голову, и, вѣроятно, зная, какое значеніе въ то время на ея родинѣ имѣетъ *резюме* президента суда, считала, что рѣшительное вліяніе и здѣсь будетъ, вѣроятно, имѣть заключительное слово предсѣдателя. Когда я его началъ, она выпрямилась, поблѣднѣла и впилась глазами въ составъ суда. Пренія велись съ большимъ достоинствомъ. Товарищъ прокурора В. Д. Шидловскій явилъ себя тонкимъ и разносторонне образованнымъ обвинителемъ, но рѣчь его, конечно, была бы еще сильнѣй, если бы преданіе суду «махровой розы» (такъ охарактеризовалъ онъ Жюжанъ) состоялось не на основаніи предположеній объ отравленіи ею Познанскаго, а на точно доказанныхъ фактахъ развращенія ею своего воспитанника. Защитникъ, присяжный повѣренный Хартулари, въ искренней и теплой рѣчи сдѣлалъ все, что было въ его силахъ для разрушенія предположеній, лег-

шихъ въ основу обвинительнаго акта. Присяжные совѣщались два часа. Когда въ залѣ, предъ застывшей въ томительномъ ожиданіи публикой, раздались слова: «нѣтъ, не виновна», — съ Жюжанъ сдѣлался истерическій припадокъ и затѣмъ она впала въ глубокій обморокъ.

Личность и дальнѣйшая судьба оправданной Жюжанъ не возбудили къ себѣ особаго интереса въ обществѣ. Ей не пришлось сразу пріобрѣсти себѣ мало завидную популярность, какъ это случилось съ Семеновой — знаменитой «психопаткой» — въ процессѣ объ убійствѣ Сарры Беккеръ — и съ Ольгой Палемъ, убійцею судента Довнара, — и тѣ кружки столичнаго общества, въ глазахъ которыхъ «пикантность» составляетъ главное качество не только женщины, но и каждаго выходящаго изъ ряду происшествія — не сдѣлали ее героинею и предметомъ своего постыдно-болѣзненнаго восхищенія. Она напомнила о себѣ лишь черезъ годъ, когда среди газетныхъ объявленій появилось извѣщеніе о томъ, что дѣвица Маргарита Жюжанъ даетъ уроки французскаго языка приходящимъ и на дому учащимся. Это продолжалось много лѣтъ — и прекратилось лишь въ концѣ девяностыхъ годовъ. Быть можетъ, она умерла здѣсь, не въ силахъ будучи разстаться съ городомъ, гдѣ она столько пережила, — быть можетъ, подъ старость лѣтъ, накопивъ что-либо тяжелой бѣготней по урокамъ, — она вернулась подъ ясное небо своей родины.

Придавая особое значеніе моему «*руководящему напутствію*» присяжнымъ и боясь его, Жюжанъ безъ сомнѣнія основывалась на слышанныхъ ею во Франціи разсказахъ о резюме французскихъ президентовъ или, быть можетъ, и на какихъ-либо личныхъ впечатлѣніяхъ. До уничтоженія во Франціи, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, заключительнаго слова президента, послѣдній почти всегда былъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ союзникомъ прокурора, чуждымъ спокойной объективности и безпристрастія. Типъ французскаго обвинителя довольно извѣстенъ — и стоитъ въ полной противоположности съ намѣченнымъ нашими Судебными Уставами типомъ обвинителя — «говорящаго судьи», который по смыслу самаго закона обязанъ не представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него однѣ лишь данныя,

говорящія противъ подсудимаго — и имѣетъ право заявить суду объ отказѣ отъ обвиненія, если по совѣсти находитъ оправданія подсудимаго уважительными. Не таковъ французскій обвинитель со своимъ страстнымъ и трескучимъ словомъ, зачастую обращающій свое участіе въ судебныхъ преніяхъ въ запальчивую травлю подсудимаго... Такимъ же, какъ онъ былъ — президентъ суда въ сущности и остался — несмотря на управленіе résumé, которое на практикѣ лишь раздѣлилось на рядъ его замѣчаній по поводу разныхъ дѣйствій на судѣ, показаній свидѣтелей и т. п. Мнѣ пришлось въ 1879 году быть въ Парижѣ въ засѣданіи при закрытыхъ дверяхъ по дѣлу торговца бакалейнымъ товаромъ (épicier), — человѣка лѣтъ пятидесяти, съ наружностью и манерами стараго русскаго дворецкаго, съ бритымъ, безкровнымъ лицомъ, — обвинявшагося въ безнравственныхъ дѣйствіяхъ (attentat à la pudeur) относительно дѣвочки лѣтъ восьми. По прочтеніи обвинительнаго акта, президентъ, апелляціонный совѣтникъ M. Petitjean рѣзко сказалъ подсудимому, не признавшему себя виновнымъ: «вы слышали, что въ этомъ актѣ упомянуты четыре свидѣтеля, которые покажутъ противъ васъ (qui vont déposer contre vous). Чѣмъ вы это объясните? — Я не знаю — въ замѣшательствѣ отвѣтилъ подсудимый. — А я тѣмъ болѣе (ni moi non plus)!» почти крикнулъ на него вопрошавшій. Затѣмъ когда предъ судомъ предстала потерпѣвшая, онъ приказалъ ей подняться къ самому судейскому столу и, ласково спросивъ ее, молится ли она Богу и знаетъ ли, что Господь Богъ очень строгъ къ тѣмъ, кто говоритъ неправду, предложилъ ей вглядѣться въ подсудимаго и сказать, тотъ ли это человѣкъ, который поступилъ съ ней нехорошо. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ уже совсѣмъ другимъ тономъ сказалъ ей: «eh bien! faites votre déposition». Когда дѣвочка окончила свой разсказъ, онъ приказалъ поставить ее передъ присяжными лицомъ къ нимъ и предложилъ ей повторить свой разсказъ, послѣ чего, выслушавъ отъ подсудимаго отрицаніе правдивости изложеннаго дѣвочкой, онъ сказалъ, обращаясь къ присяжнымъ: «господа, если она солгала, то солгала дважды — мнѣ и вамъ. Для этого надо быть *чудовищемъ* (un monstre). Въ противномъ случаѣ онъ, — указывая на подсуди-

маго, — виновенъ!» — Въ этомъ вкусѣ онъ сдѣлалъ еще нѣсколько разъясненій, постоянно сурово и видимо враждебно относясь къ подсудимому. Когда присяжные ушли совѣщаться, президентъ любезно пригласилъ меня — cher et honorable collègue (я былъ въ это время предсѣдателемъ петербургскаго Окружного Суда) — въ свой кабинетъ и тамъ пожелалъ узнать, нравятся ли мнѣ пріемы французской процедуры. Я сказалъ ему съ полной откровенностью, что любуюсь быстротой и порядкомъ производства дѣла, но думаю, что тѣ заявленія, которыя онъ дѣлаетъ взамѣнъ упраздненнаго резюме, у насъ были бы признаны неправильными, такъ какъ онъ прямо высказываетъ свое мнѣніе о виновности подсудимаго, что вызвало бы въ Россіи неодобреніе со стороны товарищей судьи и порицаніе со стороны юридической прессы. Онъ не согласился со мной и, горячо возражая, воскликнулъ: «мнѣ нѣтъ дѣла до мнѣнія моихъ товарищей! и я знать не хочу органовъ печати (je me fiche de la presse)! Я судья, принесшій присягу предъ Богомъ (j'ai prêté serment comme juge devant Dieu), а не машина: у меня сложилось мое мнѣніе, и я его свободно выражаю».

Когда я разсказалъ Тургеневу о впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ президентомъ, то Иванъ Сергѣевичъ объяснилъ мнѣ, что въ Парижѣ встрѣчаются главнымъ образомъ предсѣдатели двухъ типовъ: président grognard et président jovial. Къ послѣднему относился нашъ общій знакомый, совѣтникъ апелляціоннаго суда Charles Dezmases, авторъ очень интересныхъ изслѣдованій по исторіи правосудія во Франціи и по судебной мидицинѣ. Онъ, по словамъ Тургенева, тоже всегда являлся обвинителемъ въ тогѣ судьи, но не покрикивалъ на подсудимаго, а отпускалъ на его счетъ язвительныя шуточки. Тургеневу довелось присутствовать при разборѣ дѣла о грабежѣ, совершонномъ въ одной изъ узкихъ улицъ въ окрестностяхъ Монмартрскаго кладбища. Подсудимый — то, что французы называютъ un immense blagueur — разсказывалъ съ напускною сентиментальностью, что онъ, будто бы, въ день происшествія, въ срединѣ ноября мѣсяца, былъ на кладбищѣ, гдѣ, по обыкновенію, горько плакалъ на могилѣ своей нѣжно любимой молодой жены

и внезапно услышалъ исходившій изъ могилы голосъ покойной, сообщившій ему, что она не заслуживаетъ его слезъ, бывъ ему невѣрна и совершивъ свое паденіе съ человѣкомъ, который являлся по дѣлу потерпѣвшимъ отъ грабежа. Ошеломленный этимъ, чувствуя, что все свѣтлое прошлое у него разбито, шатаясь и не помня себя, пошелъ онъ съ кладбища и вдругъ, на улицѣ встрѣтилъ того, кто безжалостно разбилъ его семейное счастье. Внѣ себя, въ понятномъ гнѣвѣ и ярости, онъ ринулся на него и не отдаетъ себѣ отчета, какъ и почему у него въ рукахъ очутились золотые часы и цѣпочка этого человѣка...—«Какой это былъ голосъ, — участливо и вмѣстѣ ехидно спросилъ президентъ суда: — мужской или женскій? — Да вѣдь я вамъ, господинъ президентъ, уже сказалъ, что это былъ голосъ моей жены! — Ахъ! такъ это былъ голосъ вашей супруги... Что же онъ былъ глухой и неясный или звонкій и явственный? — Я не помню! — А между тѣмъ это очень важно; вѣдь дѣло было въ разгарѣ осени, — въ могилѣ не можетъ не быть въ такое время года сыро, — и ваша супруга должна была страдать насморкомъ (madame a du être enrhumée)»...

Наши Судебные Уставы придали *руководящему напутствію* особое значеніе и отвели ему видное мѣсто въ производствѣ уголовнаго дѣла съ присяжными засѣдателями. Послѣдніе зачерпываются какъ бы ковшемъ изъ всѣхъ слоевъ населенія — и, будучи безконтрольными, безотвѣтственными и не обязанными объяснять свое рѣшеніе судьями, по большей части не имѣютъ юридическаго развитія и привычки систематически комбинировать представляемыя имъ — въ двухъ совершенно противоположныхъ окраскахъ — данныя. Необходимъ руководитель, лично не заинтересованный ни морально, ни матеріально въ томъ или другомъ исходѣ дѣла и могущій спокойно и безпристрастно, не рисуясь и не гоняясь за эффектностью изложенія, напомнить присяжнымъ существенныя обстоятельства, подходящія подъ признаки того или другого преступленія или идущія съ ними въ разрѣзъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой руководитель долженъ устранить невѣрное освѣщеніе этихъ обстоятельствъ обвинителемъ и защитникомъ, возстановивъ правильную и столь часто ими

нарушаемую «уголовную перспективу». Это надо сдѣлать просто и удобопонятно, внимательно оцѣнивая доказательства, не допуская присяжныхъ уклоняться на пути логическаго мышленія въ разные закоулки и переулки, и снимая невѣрно написанныя декораціи, загораживающія трезвую правду дѣла. Наконецъ — у насъ, гдѣ по огромному большинству дѣлъ, разсматриваемыхъ въ провинціи, подсудимый не имѣетъ защитника и безоружный стоитъ противъ обвинителя, неумѣлый и подавленный непривычною судебною обстановкою, — надо притти ему на помощь и оттѣнить все, что можетъ говорить въ его пользу изъ того, что выяснено на судѣ. Это руководительство и оказаніе этой помощи законъ возлагаетъ на предсѣдателя. Онъ воспрещаетъ ему, однако, высказывать свое мнѣніе о винѣ или невиновности подсудимаго, — мнѣніе, которое, въ зависимости отъ состава присяжныхъ засѣдателей, очень часто могло бы имѣть рѣшающее и роковое для подсудимаго значеніе. Относя къ обязанностямъ предсѣдателя разъясненіе присяжнымъ общихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ, законъ однако требуетъ, чтобы они были изложены не въ видѣ непреложныхъ положеній, а лишь въ видѣ предостереженія отъ увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго, т. е., такъ сказать, въ видѣ совѣтовъ. Это не значитъ, впрочемъ, что предсѣдатель можетъ ограничиться *отвлеченными* сужденіями о доказательствахъ вообще. Онъ, конечно, вышелъ бы изъ своей роли, если бы, подобно президенту Петижану, указывая на подсудимаго, сказалъ: «этотъ человѣкъ виновенъ», или, наоборотъ, «онъ не виновенъ», но онъ несомнѣнно, если не хочетъ обратиться въ машину, имѣетъ право и даже обязанъ сказать присяжнымъ: «для сравненія чаши вѣсовъ защиты и обвиненія, вамъ даны гири — доказательства, на которыхъ прокуроръ и адвокатъ обозначили, каждый со своей точки зрѣнія, ихъ тяжесть; — разсмотримъ каждую гирю и, руководясь опытомъ, знаніемъ и безпристрастіемъ, провѣримъ ея дѣйствительный вѣсъ»... — Задача эта нелегкая и, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе тяжелая, чѣмъ, напримѣръ, преподаніе предсѣдателемъ германскаго суда объясненія присяжнымъ состава преступленія съ точки зрѣнія уголовнаго закона (Rechtsbelehrung).

Она требуетъ не только тщательнаго изученія дѣла и самаго внимательнаго отношенія ко всему, что происходитъ на судѣ, но и большого напряженія памяти въ связи съ умѣньемъ выражаться ясно, просто и кратко. Однимъ словомъ, предсѣдателю надо, по выраженію Пушкина, «словомъ твердо править и мысль держать на привязи свою»...

За время моей судебной службы (1866 — 1907 г.г.) руководящее напутствіе предсѣдателя являлось въ судебной практикѣ самою неразработанною и слабою частью уголовнаго процесса. Не думаю, чтобы въ послѣднія пять лѣтъ, при громадномъ наплывѣ въ суды уголовныхъ дѣлъ, положеніе улучшилось... Въ первые годы существованія судебной реформы неясное пониманіе предѣловъ и задачъ руководящаго напутствія создавало довольно комическія недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ небольшихъ судовъ харьковскаго судебнаго округа, предсѣдателемъ былъ человѣкъ стараго закала, бывшій выборный предсѣдатель дореформенной палаты уголовнаго суда. Приступивъ къ руководящему напутствію въ присутствіи старшаго предсѣдателя Судебной Палаты барона Торнау, пріѣхавшаго закрывать уѣздный судъ, онъ перечислилъ совершенно механически, длинно, безцвѣтно и подробно всѣ обстоятельства дѣла, начиная съ полицейскаго дознанія, и потомъ, совершенно неожиданно, сказалъ: «я же, господа присяжные, вполнѣ убѣжденъ, что подсудимые безусловно виновны и рекомендую вамъ ихъ обвинить». Выслушавъ послѣ этого мнѣніе барона Торнау о томъ, что такое руководящее напутствіе является неправильнымъ и несогласнымъ съ Судебными Уставами, такъ какъ предсѣдатель не долженъ высказывать своего мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимыхъ, а долженъ руководить присяжными лишь посредствомъ *совѣтовъ* относительно оцѣнки доказательствъ, — глава суда отвѣчалъ недоумѣніемъ, но обѣщалъ по слѣдующему дѣлу исполнить велѣніе закона. На другой день онъ, снова скучно и съ безконечными повтореніями изложивъ всѣ обстоятельства дѣла ab ovo, почти дословно повторилъ протоколы осмотровъ и обысковъ — и затѣмъ, кинувъ торжествующій взглядъ въ сторону старшаго предсѣдателя, сказалъ: «все, что я

излагалъ вамъ до сихъ поръ, какъ о *фактахъ* дѣла—есть не болѣе какъ *совѣты* съ моей стороны, — прошу это помнить!»

Въ бытность мою прокуроромъ въ одномъ изъ большихъ университетскихъ городовъ, предсѣдатель вновь открытаго Окружного Суда, — добрый и искренно преданный судебному дѣлу старикъ, — за нѣсколько дней предъ слушаніемъ перваго большого дѣла съ присяжными спросилъ меня — не приходилось ли мнѣ присутствовать при какомъ-либо прочувствованномъ обращеніи къ присяжнымъ въ концѣ руководящаго напутствія. Отвѣчая ему, я припомнилъ случай въ Харьковѣ, когда предсѣдатель суда Э. Я. Фуксъ по дѣлу о семнадцатилѣтнемъ гимназистѣ, обвиняемомъ въ похищеніи книгъ у товарищей, отпуская присяжныхъ въ совѣщательную комнату, сказалъ имъ въ заключеніе своего руководящаго напутствія: «вручаю вамъ, г-да присяжные, вопросный листъ и жду отвѣта по убѣжденію вашей, ничѣмъ не стѣсняемой, совѣсти. Разрѣшая вопросъ о виновности подсудимаго, вы припомните, что этотъ юноша стоитъ на порогѣ жизни въ обществѣ, которая начинается для него столь печально. Отъ того, что вы вашимъ примѣромъ впишете въ ея первыя страницы, можетъ зависѣть вся его дальнѣйшая судьба. Да благословитъ и укрѣпитъ васъ Господь въ исполненіи вашего долга согласно не только съ правдою, но и съ милостью—и пусть день произнесенія вашего приговора будетъ днемъ душевнаго обновленія для юнаго подсудимаго»... «Ну, знаете, — сказалъ мнѣ старикъ — это мнѣ не нравится, вѣдь это подсказаніе оправданія, — нѣтъ, я этого въ составляемое мною теперь резюме не помѣщу. — Какъ *теперь?* — удивленно спросилъ я: — да вѣдь дѣло слушается еще чрезъ недѣлю, и вы еще не вѣдаете, что выйдетъ въ судебномъ засѣданіи и выработается въ преніяхъ сторонъ. — Ахъ, нѣтъ! главное вѣдь извѣстно изъ слѣдственнаго производства и обвинительнаго акта,—да и гдѣ тогда, въ теченіе засѣданія, объ этомъ думать! — повѣрьте мнѣ,—я вѣдь хоть и служилъ прежде по государственнымъ имуществамъ, но почти три года былъ прокуроромъ,—резюме надо заготовлять впередъ... Я завелъ себѣ и книжку, куда вношу главныя мысли, которыя должны быть высказываемы мною присяжнымъ»... — Наканунѣ засѣданія

онъ неожиданно сказалъ мнѣ, что долго думалъ надъ словами Фукса, и они ему стали нравиться. И дѣйствительно, чрезъ день, въ полночь, предъ многочисленной публикой, жадно ловившей каждое новое и необычное для нея дѣйствіе или слово новаго суда, онъ окончилъ свое руководящее напутствіе по сложному и крайне трудному, вслѣдствіе разнорѣчія экспертовъ, дѣлу объ отравленіи и задушеніи старухой-женой и ея многолѣтнимъ любовникомъ вернувшагося, послѣ двадцатилѣтней отлучки, пьянаго и драчливаго мужа, — словами: «да просвѣтитъ и укрѣпитъ Господь вашъ умъ и совѣсть при разрѣшеніи сомнѣнія въ томъ, виновны ли подсудимые въ жестокомъ дѣяніи, которое имъ приписывается». Это произвело на всѣхъ и, конечно, на присяжныхъ, хорошее впечатлѣніе, прозвучавъ, какъ заключительный аккордъ въ томъ своеобразномъ священнодѣйствіи, какимъ, въ сущности, должно быть настоящее отправленіе правосудія...

Затѣмъ начались обычныя засѣданія, и потянулись рядовыя дѣла о кражахъ со взломомъ и о третьихъ кражахъ, съ собственнымъ сознаніемъ подсудимыхъ и весьма несложными обстоятельствами дѣла. Будучи очень занятъ, я не имѣлъ времени заходить въ эти засѣданія. Но недѣли черезъ двѣ одинъ изъ моихъ товарищей прокурора намекнулъ мнѣ, что было бы желательно, чтобы я послушалъ руководящія напутствія предсѣдателя — и на мой недоумѣвающій вопросъ объяснилъ мнѣ, что старикъ такъ вошелъ во вкусъ заключительныхъ словъ, сказанныхъ имъ по первому дѣлу, что повторяетъ въ каждомъ засѣданіи по нѣскольку разъ свое «да укрѣпитъ и просвѣтитъ»... иногда вызывая невольную улыбку у слушателей. Я пошелъ въ ближайшее засѣданіе—и убѣдился... «Ну, что?—спросилъ меня добродушно предсѣдатель:—какъ вы скажете? вѣдь дѣло-то, кажется, у насъ идетъ ничего себѣ?—Идетъ-то идетъ, да только не находите ли вы, что отъ постояннаго повторенія вашего заключительнаго призыва, послѣдній теряетъ свою силу и становится заурядной фразой, въ смыслъ которой уже никто не вникаетъ?—Ну, ужъ извините,—воскликнулъ онъ:—ужъ извините! сами меня научили, а теперь критикуете. Оно у меня уже и въ книжку занесено»... Эта таинственная книжка, предрѣшав-

шая содержаніе каждаго руководящаго напутствія, была своего рода Vademecum моего предсѣдателя. Она была наполнена раздѣльными періодами и единичными афоризмами — и тѣ, кому удалось заглянуть въ нее, увѣряли, что въ ней были, для оцѣнки доказательствъ, помѣщены такія изреченія: «и что же представляетъ онъ (т. е. подсудимый) въ свое оправданіе?—одно голое отрицаніе!» Послѣднюю фразу приходилось и мнѣ не разъ слышать изъ устъ предсѣдателя, о добросовѣстномъ, хотя и нѣсколько своеобразномъ отношеніи котораго къ своему дѣлу я вспоминаю съ искреннимъ уваженіемъ.

Въ большинствѣ случаевъ, отчасти впрочемъ кромѣ столицъ, руководящее напутствіе свелось къ указанію присяжнымъ подробностей порядка ихъ совѣщанія и способа отвѣта на поставленные судомъ вопросы. За время моей прокурорской службы мнѣ пришлось слушать настоящія руководящія напутствія по нѣкоторымъ дѣламъ преимущественно въ Харьковѣ отъ Э. Я. Фукса и въ Петербургѣ отъ А. А. Сабурова. Послѣдній умѣлъ облекать содержательность своего напутствія въ блестящую форму и обострять вниманіе и самодѣятельность присяжныхъ. Но многія другія напутствія, слышанныя мною, были очень и очень слабы, представляя «мѣдь звенящую и кимвалъ бряцающій» и, по правдѣ говоря, только отнимали понапрасну время у всѣхъ присутствующихъ. Особенно бывало досадно, когда безцвѣтное положеніе доводовъ обвинителя и защитника, лишенное сжатаго синтеза и самостоятельнаго анализа, слѣдовало за полными блестящей логики рѣчами Арсеньева или Потѣхина,—за исполненными огня и художественныхъ образовъ рѣчами Спасовича,—за тонкой и изворотливой діалектикой Лохвицкаго,—за обвинительными рѣчами одного изъ моихъ талантливыхъ товарищей—Случевскаго, Жуковскаго, Андреевскаго и др. Не лучше бывало и тогда, когда одинъ изъ предсѣдательствующихъ начиналъ «суконнымъ языкомъ» разъяснять въ общедоступныхъ, какъ ему казалось, выраженіяхъ юридическія понятія, давно извѣстныя присяжнымъ изъ жизни.

Бываютъ однако случаи, когда руководящее напутствіе является излишнимъ по простотѣ и житейской ясности дѣла—и

гдѣ оцѣнка доказательствъ основывается уже не на разборѣ ихъ внутренней силы, а на непосредственномъ впечатлѣніи присяжныхъ, произведенномъ на нихъ тѣмъ или другимъ показаніемъ или личностью говорившаго предъ ними. Такой случай былъ и въ моей предсѣдательской практикѣ. Вслѣдствіе болѣзни товарища предсѣдателя мнѣ пришлось спѣшно замѣнить его и сказать руководящее напутствіе по дѣлу о профессіональной воровкѣ куръ (такой спеціальный «промыселъ» существовалъ въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ,—существуетъ, вѣроятно, и теперь), судившейся въ седьмой или восьмой разъ. Зайдя во дворъ большого дома въ отдаленной части столицы, она приманила пѣтуха и, накинувъ на него, по словамъ сидѣвшей у окна въ четвертомъ этажѣ потерпѣвшей отъ кражи, мѣшокъ, быстро удалилась, но была задержана поспѣшно «скатившейся» сверху хозяйкой похищенной птицы и привлеченнымъ ея крикомъ городовымъ уже въ то время, когда продавала пѣтуха довольно далеко отъ «мѣста его жительства». На судѣ подсудимая утверждала, что зашла во дворъ «за нуждою» и лишь потомъ замѣтила, что какой-то «ласковый пѣтушокъ» упорно слѣдуетъ за ней, почему и взяла его на руки, боясь, какъ бы его не раздавили при переходѣ чрезъ улицы. Законная владѣтельница пѣтуха съ негодованіемъ отвергала эти объясненія, заявляя, что у нея «пѣтушище характерный» и ни за кѣмъ, какъ собака, не пошелъ бы. Обѣ остались при своемъ. Что можно было сказать въ руководящемъ напутствіи по такому дѣлу, кромѣ указанія, что рѣшеніе вопроса о виновности зависитъ отъ довѣрія къ одному изъ двухъ показаній о *характерѣ* пѣтуха, подкрѣпляемаго практическими воспоминаніями о свойствахъ и привычкахъ этого пернатаго. Я такъ и сдѣлалъ—и присяжные, послѣ двухминутнаго совѣщанія, признали, что пѣтухъ былъ характера гордаго и непреклоннаго. Для подобныхъ случаевъ слѣдовало бы установить необязательность руководящаго напутствія, если только самъ предсѣдательствующій не найдетъ необходимымъ его произнести, или о томъ не заявятъ желаніе присяжные засѣдатели. Но и при введеніи подобнаго правила отсутствія защитника должно вызывать неизбѣжность напутствія.

Сознаніе важнаго значенія напутствія побудило меня при веденіи большихъ и сложныхъ дѣлъ въ петербургскомъ судѣ (Юханцова,—Гулакъ-Артемовской,—Жюжанъ,—о поддѣлкѣ облигацій восточнаго займа,—Мейеновъ, — Ландсберга и другихъ) обращать на эту часть уголовнаго процесса особое вниманіе и, по мѣрѣ силъ, попробовать самостоятельно построить ее на общихъ основахъ, заложенныхъ составителями Судебныхъ Уставовъ, которые отвергли, въ свое время, установленіе какихъ-либо правилъ для оцѣнки доказательствъ, предоставивъ все дальнѣйшей дѣятельности судей и ихъ вдумчивому опыту. Почти всѣ мои руководящія напутствія были напечатаны, и я собралъ впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ въ моей книгѣ «Судебныя рѣчи». Переходя въ 1881 году на должность предсѣдателя гражданскаго департамента Судебной Палаты, я съ большимъ сожалѣніемъ разстался съ возможностью продолжать выработку пріемовъ и содержанія напутствія — и уже гораздо позже, въ качествѣ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, съ огорченіемъ имѣлъ случай неоднократно убѣждаться по большимъ дѣламъ, доходившимъ до Сената, что твердаго и точнаго понятія о границахъ и о внутреннемъ смыслѣ руководившаго напутствія все еще окончательно не установлено. И теперь еще бываютъ случаи, когда напутствія являются или безполезной, ничему не помогающей тратой времени, или проведеніемъ совершенно произвольныхъ взглядовъ и положеній, способныхъ лишь затемнить голосъ здраваго и правового сознанія и житейской правды, — или же, наконецъ, что особенно печально, носитъ на себѣ слѣды вліянія французской развязности, но только безъ тонкаго французскаго остроумія. Былъ даже и такой случай, когда предсѣдательствующій по очень сомнительному дѣлу по обвиненію студента въ тяжкомъ преступленіи противъ женской чести,—обвиненію съ довольно явной вымогательной подкладкой со стороны потерпѣвшей,—допустилъ прокурора и гражданскаго истца до совершенно недозволительныхъ заявленій, сѣющихъ племенную вражду. Въ объясненіи своемъ онъ ссылался въ свое оправданіе на то, что былъ въ то время поглощенъ «обдумываніемъ» своего резюме... поглощенъ во время преній, которыми онъ дол-

женъ руководить и сущность которыхъ ему, по закону, предстоитъ разбирать въ своемъ заключительномъ словѣ...

Задача руководящаго напутствія въ дѣлѣ Маргариты Жюжанъ была особенно трудна и отвѣтственна. Изъ раскрытыхъ на судѣ обстоятельствъ было затруднительно вынести убѣжденіе, что жизнь несчастнаго юноши пресѣклась вслѣдствіе случайности или собственнаго его желанія. Съ другой стороны улики противъ подсудимой были довольно слабы. Между доказанными чувственными ея отношеніями къ Николаю Познанскому и правдоподобнымъ заключеніемъ о возникавшей въ ея сердцѣ ревности къ расправлявшему свои молодыя крылья юношѣ — и умышленнымъ отравленіемъ недоставало нѣкоторыхъ, необходимыхъ для полнаго убѣжденія, звеньевъ. Изъ-за преступной, коварной отравительницы, принесшей развратъ и смерть въ довѣрившуюся ей семью — не разъ выглядывалъ легкомысленный образъ несчастной иностранки, не умѣвшей, въ обстановкѣ безалаберной русской семьи, сдержать порывы страстной натуры и уже достаточно за это наказанной тюремнымъ заключеніемъ и всенароднымъ позоромъ. Лично у меня возникало предположеніе, что Николай Познанскій, страдавшій краснухой и связаннымъ съ нею ослабленіемъ зрѣнія, — напуганный мрачными предсказаніями популярныхъ медицинскихъ книжекъ относительно послѣдствій преждевременной половой жизни, — желавшій, быть можетъ, вызывать въ себѣ крѣпкій сонъ, гарантирующій его отъ чувственнаго возбужденія,—клалъ въ папиросы морфій (на то, что въ папиросахъ были находимы слѣды чего-то горькаго и что на губахъ покойнаго, вокругъ котораго валялись окурки папиросъ, былъ бѣлый налетъ, смытый матерью, существовали указанія въ дѣлѣ) и, предъ тѣмъ, какъ чиркнуть спичками въ послѣдній разъ, всыпавъ въ папиросу ядъ, забылъ вложить въ нее вату и отравился вслѣдствіе этой своей неосмотрительности. Но это было лишь предположеніе, послѣдняя часть котораго была довольно бездоказательная—и я не могъ его навязывать присяжнымъ, тѣмъ болѣе что ни на судѣ, ни при преніяхъ объ этомъ не говорилось ни слова. Возбуждать сомнѣніе въ присяжныхъ слѣдуетъ обдуманно и осторожно. Я уже говорилъ, что у насъ часто встрѣчается недо-

статокъ, отмѣченный еще Кавелинымъ и названный имъ «лѣнью ума». Эта лѣнь ума, отказывающаяся проникать въ глубь вещей и пробивать себѣ дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностныхъ противорѣчій,—особенно нежелательна на судѣ потому, что въ немъ достовѣрность вырабатывается изъ правдоподобности и добывается послѣдовательнымъ устраненіемъ возникающихъ сомнѣній. Благодѣтельный и разумный обычай, почти обратившійся въ неписанный законъ, предписываетъ всякое сомнѣніе толковать въ пользу подсудимаго. Но какое это сомнѣніе? Конечно, не мимолетное, непровѣренное и соблазнительное по легко достигаемому при услужливой помощи его рѣшенію, — являющееся не плодомъ вялой работы лѣниваго ума и сонной совѣсти, а остающееся послѣ долгой, всесторонней и внимательной оцѣнки каждаго доказательства въ отдѣльности и всѣхъ въ совокупности, въ связи съ личностью и житейской обстановкой подсудимаго. Съ сомнѣніемъ надо бороться, а не открывать ему торопливо и гостепріимно двери. Надо его побѣдить или быть имъ побѣжденнымъ, такъ, чтобы, въ концѣ концовъ, не колеблясь и не смущаясь, сказать рѣшительное слово—виновенъ или нѣтъ!

Наконецъ, есть общественныя явленія, въ которыхъ легко и заманчиво найти рѣшающее слово по трудному вопросу, требующему отвѣта. Таково, напримѣръ, *самоубійство*. Человѣчество со второй половины прошлаго вѣка стало страдать въ Европѣ и Америкѣ однимъ тяжелымъ нравственнымъ недугомъ, развитіе котораго не можетъ не озабочивать всякаго мыслящаго человѣка. Извѣстіями о лишившихъ себя жизни и тридцать лѣтъ назадъ уже были полны вседневныя извѣстія газетъ. Въ этомъ явленіи была и есть одна, особенно прискорбная сторона: лишаютъ себя жизни не только люди пресыщенные, утомленные морально или физически или же матеріально измученные жизнью,—самоубійство простираетъ свое черное крыло и надъ юностью и надъ дѣтствомъ, когда ни о пресыщеніи, ни объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи. Такіе юные самоубійцы могутъ быть и въ средѣ близкихъ и знакомыхъ присяжнымъ лицъ. По большей части—какъ видно изъ обстоятельствъ, окружавшихъ ихъ дѣяніе—такіе юные самоубійцы вступали въ жизнь, предъявляя къ ней чрезмѣрныя и

нетерпѣливыя требованія, — богатые сырымъ матеріаломъ часто безполезныхъ знаній и бѣдные душевною жизнью, равнодушные къ вѣчнымъ вопросамъ духа и преждевременно разочарованные. Когда жизнь начинала наносить имъ свои удары, предъ ними сразу меркла всякая надежда, слабая воля не напрягалась на борьбу, и смущенная душа не умѣла найти ни въ чемъ опоры, быстро развивая въ себѣ безсильное отчаяніе и ненависть къ самому факту существованія... Намеки на такія настроенія были и въ дневникѣ Николая Познанскаго, при чемъ нѣкоторыя, очевидно, особенно сильныя, мѣста были тщательно зачеркнуты неизвѣстною рукой. Не удержать однако присяжныхъ отъ соблазна всецѣло и поспѣшно отдаться предположенію о томъ, что тутъ было самоубійство, безъ всякой дальнѣйшей провѣрки этого многими житейскими чертами изъ жизни умершаго и даже изъ того же дневника—было бы несогласно съ задачей, лежащей на предсѣдателѣ. Да и самый дневникъ Познанскаго, какъ доказательство вообще, подлежалъ особому разъясненію, особенно въ виду того, что онъ былъ веденъ не взрослымъ и много пожившимъ человѣкомъ, являясь плодомъ спокойнаго отношенія къ уже извѣданной жизни, а писанъ предъ неизбѣжнымъ личнымъ «Sturm und Drangperiode», когда является невольное преувеличеніе своихъ ощущеній и впечатлѣній, когда предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ навѣваютъ оттѣнокъ скорби на размышленія, ввѣренныя дневнику—и человѣкъ, правдивый въ передачѣ отдѣльныхъ фактовъ и цѣлыхъ событій, впадаетъ въ самообманъ относительно своихъ чувствъ и мнѣній. На эту сторону дневника, какъ доказательства, необходимо было тоже указать присяжнымъ и предостеречь ихъ.

Поэтому руководящее напутствіе по дѣлу Жюжанъ было сопряжено съ большимъ трудомъ не только по отношенію къ содержанію, но и къ формѣ, которая въ напутствіи должна быть въ высшей степени сжатая, гдѣ не должно быть ни одного лишняго и ни одного забытаго слова. Дѣло Жюжанъ привлекло къ себѣ вниманіе не только нашей, но и французской печати. Въ «Temps» были напечатаны извѣстія о ходѣ процесса и объ оправдательномъ приговорѣ и приведена выписка изъ парижскаго изданія

«Agence générale russe», содержащая разборъ моего напутствія.

Не могу не привести, въ заключеніе, характернаго отзыва Петра Дмитріевича Боборыкина. «Сейчасъ только окончилъ я—писалъ онъ мнѣ 18 ноября 1878 г.—чтеніе вашей заключительной рѣчи по дѣлу Жюжанъ. Она мнѣ такъ понравилась, что я не могу не выразить вамъ этого. Что, въ особенности, прельстило меня въ этомъ резюме—это не одна только форма его (на нее и нашъ братъ, писатель, былъ бы, быть можетъ, способенъ), но немыслимая для меня объективность изложенія и оцѣнки... Я — и до вашей рѣчи разсуждалъ такъ, какъ вы разсуждаете; но *повести* себя такъ, какъ вы себя повели, не былъ бы въ состояніи — темпераментъ не позволяетъ: — что-нибудь да перепустилъ бы или не взвѣсилъ бы съ такой широкой и строгой вдумчивостью, какъ это сдѣлали вы».

XVII.

Обвиняемые и свидѣтели.

Быть можетъ, ни одинъ родъ дѣятельности не представляетъ такого разнообразія живого матеріала, какъ публичная судебная дѣятельность. Она ставитъ лицомъ къ лицу съ судьею, прокуроромъ и присяжнымъ засѣдателемъ обвиняемаго и подсудимаго. Волны жизни выбрасываютъ въ судъ массу свидѣтелей со всѣмъ разнообразіемъ ихъ общественнаго положенія, міросозерцанія, образованія, темперамента и способа выражаться; — предъ судьями плачется на свои обиды потерпѣвшій, и защищаетъ свое право частный обвинитель—и, наконецъ, предъ ними вѣщаютъ техническое знаніе и наука въ лицѣ «свѣдущихъ людей».

Безъ сомнѣнія, самымъ интереснымъ изъ упомянутаго живого матеріала являются *свидѣтели*. Ихъ можно разбить на группы и классифицировать, при чемъ къ показаніямъ и личности ихъ можно относиться гораздо болѣе непосредственно и довѣрчиво, чѣмъ къ обвиняемымъ и ихъ объясненіямъ. Новизна положенія, обстановка судебнаго засѣданія и, наконецъ, отзвуки былого народнаго страха предъ судомъ оказываютъ внѣшнее и часто поверхностное вліяніе на свидѣтеля, не касаясь его показанія. Иначе обстоитъ дѣло съ *обвиняемымъ* или *подсудимымъ*. Для свидѣтеля исходъ дѣла по большей части безразличенъ; для обвиняемаго въ этомъ исходѣ заключается грозная возможность по-

тери добраго имени, общественнаго положенія и вѣроятность принудительнаго, иногда тяжкаго лишенія свободы. Поэтому понятно, что онъ волнуется, что въ большинствѣ случаевъ нервы его напряжены до крайности, что онъ нерѣдко впадаетъ въ состояніе *панофобіи*, т. е. боязни всего и всѣхъ,—и что поэтому его объясненія за очень рѣдкими исключеніями, проникнуты желаніемъ обѣлить себя съ ущербомъ для правды. Но въ рядѣ случаевъ событіе преступленія и связь съ нимъ обвиняемаго до такой степени ясны и очевидны, что отрицаніе послѣднимъ своей виновности являлось бы безцѣльною и безплодною ложью. Здѣсь сама собою возникаетъ необходимость признанія своей вины для обвиняемаго передъ слѣдователемъ и для подсудимаго предъ судомъ. Я уже говорилъ, что въ нашемъ старомъ отжившемъ уголовномъ судопроизводствѣ собственное признаніе считалось «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта» и играло рѣшающую роль при разсмотрѣніи дѣла. Нашъ новый уголовный процессъ, кладя въ основу рѣшенія внутреннее убѣжденіе судьи, выдвинулъ на первый планъ совокупность косвенныхъ уликъ и отвелъ настоящее мѣсто собственному признанію обвиняемаго, придавая ему значеніе доказательства исключительно въ томъ случаѣ, если оно подтверждается обстоятельствами дѣла. Такимъ образомъ создалась широкая возможность критическаго отношенія къ собственному признанію обвиняемаго и подсудимаго. И дѣйствительно, каждый опытный судебный дѣятель знаетъ, какъ разнородны по побужденіямъ и содержанію собственныя признанія въ совершеніи преступленія, начиная отъ явки съ повинной къ властямъ и кончая сознаніемъ, вынужденнымъ неотразимостью обвиненія. Случаи такъ называемаго чистосердечнаго и искренняго признанія въ сущности чрезвычайно рѣдки. Ихъ приходится, по большей части, наблюдать уже послѣ того, какъ произнесенъ обвинительный приговоръ.

Отрицаніе своей виновности обыкновенно выражается двояко. Если совершитель не застигнутъ съ поличнымъ, не захваченъ на мѣстѣ преступленія, не пойманъ или не найденъ со свѣжими неопровержимыми слѣдами послѣдняго или не изобличенъ въ непосредственномъ пользованіи его плодами, то онъ упорно отри-

цаетъ всякое свое отношеніе къ событію преступленія. Если же, наоборотъ, такое отношеніе слишкомъ явно и осязательно, то свои объясненія онъ строитъ такъ, чтобы этому отношенію придать наиболѣе благопріятный для себя и мягкій характеръ. Такимъ образомъ при убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и умысломъ обвиняемый сознается лишь въ умышленномъ убійствѣ, мысль о которомъ возникла у него внезапно, не давъ ему одуматься и отвергнуть ея соблазнъ; при обвиненіи въ убійствѣ умышленномъ старается придать своимъ дѣйствіямъ характеръ гнѣва, вызваннаго раздраженіемъ, виною котораго былъ самъ потерпѣвшій; обвиненію въ запальчивости противопоставляетъ простую неосторожность и, въ крайнемъ случаѣ, состояніе необходимой обороны и т. д. Этой своего рода торговлѣ съ правосудіемъ содѣйствуетъ по большей части обученіе въ такъ называемой тюремной академіи, т. е. пребываніе въ предварительномъ заключеніи среди неоднократныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ и рецидивистовъ. Тамъ проходится опытный курсъ отрицанія своей виновности, и дѣлаются ссылки на практическую и испытанную полезность его, при чемъ преподавателямъ этого предмета дается со стороны учениковъ обыкновенно болѣе вѣры, чѣмъ указаніямъ добросовѣстнаго защитника на значеніе собственнаго признанія для смягченія наказанія при несомнѣнности вины. Призванный къ слѣдствію *подозрѣваемый* обыкновенно признается въ томъ, въ чемъ сознается неизбѣжно, и тогда его привлекаютъ, какъ *обвиняемаго*. Въ этомъ положеніи, теряя надежду выпутаться изъ дѣла, онъ сознается болѣе или менѣе подробно. Затѣмъ слѣдуетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ щедро практикуемое взятіе подъ стражу. Здѣсь дѣло его, иногда задолго до судебнаго засѣданія, разсматривается бывалыми людьми, и подъ вліяніемъ ихъ совѣтовъ и ободреній предъ нимъ снова возникаетъ надежда и даже увѣренность уйти отъ осужденія. Представъ передъ судомъ въ качествѣ *подсудимаго*, онъ, по выслушаніи обвинительнаго акта, на традиціонный вопросъ предсѣдателя: «признаете ли вы себя виновнымъ?» — отвѣчаетъ уже отрицательно.

Мнѣ вспоминается, въ процессѣ о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской дороги, подсудимый акушеръ Колосовъ, злой

геній остальныхъ подсудимыхъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей по этому дѣлу, соблазнитель и глубокій развратитель довѣрившейся ему дѣвушки, съ отталкивающимъ цинизмомъ объяснявшій непонятное слово «faregatis» въ своемъ дневникѣ, — втравившій въ поддѣлку молодого поляка Ярошевича и хитраго, осторожнаго старика, доктора Никитина, библіотекаря Медико-Хирургической Академіи. Боясь, что онъ предастъ ихъ обоихъ вслѣдствіе ссоры съ Ярошевичемъ на почвѣ любовнаго соревнованія, Никитинъ затѣялъ его отравить и снабдилъ на этотъ предметъ Ярошевича ядомъ. На судѣ Колосовъ — представитель мелкой хитрости и обыденнаго опыта — не могъ отрицать своихъ поѣздокъ въ Брюссель и сношеній съ жившими тамъ лицами, съ замѣчательнымъ искусствомъ поддѣлавшими тамъ акціи, — но, сознаваясь въ этомъ, сочинилъ довольно неискусно длинный разсказъ, въ которомъ хотѣлъ приписать себѣ роль, похожую на роль современнаго намъ Азефа. Вкрадчивымъ голосомъ, прищуривая маленькіе глазки на измятомъ лицѣ, онъ увѣрялъ присяжныхъ, что ѣздилъ за границу съ цѣлью изобличить русскихъ политическихъ эмигрантовъ, при чемъ раздѣлялъ ихъ на двѣ категоріи: *шатких*, совершающихъ *политическія* преступленія, и *мошенников*, совершающихъ *соціальныя*. Въ числѣ послѣднихъ онъ собирался выслѣдить — excusez du peu! — Карла Маркса и достать откуда-то два чрезвычайно важныхъ, но довольно неопредѣленныхъ документа, названныхъ имъ «коммуной, которая хуже парижской», и «планомъ бѣгства изъ Сибири». Присяжные ему, однако, не повѣрили.

Гораздо тоньше и искуснѣе было сознаніе ряда подсудимыхъ въ дѣлѣ о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ процессѣ З—ныхъ. Въ январѣ 1873 года ко мнѣ, какъ къ прокурору петербургскаго Окружного Суда, пришла довольно пожилая женщина, съ сильной просѣдью и измученнымъ лицомъ. Это была дочь извѣстнаго въ николаевскія времена генерала П., главнаго заправилы въ дѣлахъ инвалиднаго капитала. Онъ далъ за нею очень большое приданое, но таковое затѣмъ было конфисковано, когда обнаружилось, что роскошная жизнь генерала и его большіе расходы имѣли источникомъ сумму инвалиднаго капитала. Потерявъ разжалован-

наго въ солдаты отца, застрѣлившагося подъ вліяніемъ позора, г-жа З—на потеряла и мужа, который, не привлекаемый болѣе возможностью жить на широкую ногу на краденыя у инвалидовъ деньги, сталъ отъ нея отдаляться, завелъ разныя связи и, наконецъ, бросилъ ее съ сыномъ на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ, начавъ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, требовать отъ нея развода съ принятіемъ ею вины на себя. Когда, возмущенная этимъ требованіемъ, она категорически отказалась его исполнить, — въ Консисторіи, по ходатайству ея мужа, занимавшаго видное мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ, возникло дѣло о ея прелюбодѣяніи. Свидѣтели послѣдняго, гг. Залевскій и Грохольскій, дали подъ присягой подробныя показанія о томъ, что присутствовали при той грязной картинѣ, которую къ стыду нашихъ законовъ о духовномъ судѣ, необходимо было изобразить предъ Консисторіей, чтобы расторгнуть ставшія невыносимыми или невыгодными брачныя узы. Оскорбленная и испуганная этимъ, г-жа З—на обратилась ко мнѣ за помощью. Хотя предо мною было одно лишь ея заявленіе, но видъ несчастной, опозоренной женщины, ея слезы и горячая искренность ея негодованія убѣдили меня въ правдивости ея разсказа, — и я немедленно сообщилъ въ Сѵнодъ, куда уже было переслано изъ Консисторіи дѣлопроизводство о расторженіи брака, о томъ, что мною возбуждено слѣдствіе о клятвопреступленіи свидѣтелей. Это слѣдствіе велось весьма энергично — и вскорѣ предъ присяжными предстала живая иллюстрація одного изъ частыхъ злоупотребленій, вызываемыхъ нелѣпымъ и приводящимъ къ безнравственнымъ послѣдствіямъ порядкомъ осуществленія развода вслѣдствіе прелюбодѣянія, — порядкомъ, при которомъ нерѣдко великодушіе обрекалось на позорную плотскую комедію, а низость и подлость находили себѣ «достовѣрныхъ» помощниковъ. Подсудимые—организаторъ всего Хороманскій и свидѣтели Залевскій и Грохольскій, — не смущаясь предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ, избрали для своей защиты очень ловкій маневръ. Они поняли, что внушающая къ къ себѣ довѣріе и почтительное состраданіе личность г-жи З—ой и всѣ имѣвшіяся о ней свѣдѣнія лишаютъ ихъ всякой возможности утверждать, что именно *ее*, эту пожилую, сѣдѣющую и

согбенную подъ тяжестью пережитаго женщину, видѣли они въ «бракоразводной» гостиницѣ «Роза» на фактѣ нарушенія супружеской вѣрности. И вотъ, не отрицая дѣйствительности того, что они развязно и убѣжденно показали подъ присягой въ Консисторіи, они признали себя жертвой роковой ошибки, за которую ихъ, будто бы, «наказуетъ совѣсть». Дѣло, по ихъ словамъ, произошло такъ: въ театрѣ нѣкто Карповичъ показалъ Залевскому на даму, сидѣвшую въ бель-этажѣ, и сказалъ, что это дочь знаменитаго расхитителя инвалиднаго капитала П—го, по мужу З—на; Залевскій обратилъ на нее вниманіе Грохольскаго, и подъ этимъ впечатлѣніемъ они пошли въ гостиницу «Роза», чтобы выпить и закусить. Здѣсь, по ошибкѣ, они попали въ отдѣльные номера, предназначенные для уединенныхъ свиданій, и увидѣли тамъ ту, которую въ театрѣ разсматривали, какъ З—ну, за занятіемъ, обычнымъ въ такихъ номерахъ въ полночные часы. О своемъ «открытіи» они разсказали нѣкоему Корзуну, а тотъ сообщилъ чуткому къ своей супружеской чести З—ну, и послѣднему ничего не оставалось, какъ обратиться къ «бракоразводному ходатаю» Хороманскому, который и выставилъ указанныхъ Корзуномъ свидѣтелей, — т. е. ихъ, бѣдныхъ подсудимыхъ, попавшихъ, «какъ куръ во щи», ибо, по предъявленіи имъ г-жи З—ной, они рѣшительно заявили, что она — *не та*... Оказалось, что, «къ несчастью для правосудія» — Карповичъ умеръ и не могъ предстать предъ судомъ, чтобы объяснить, на какомъ основаніи онъ ввелъ подсудимыхъ въ столь пагубное для нихъ заблужденіе. Не смущаясь этимъ, они сослались на свидѣтеля Иваницкаго, который слышалъ, какъ Карповичъ въ театрѣ указывалъ Залевскому на даму, сидѣвшую въ бель-этажѣ, и удостовѣрялъ, что это именно З—на. При этомъ подсудимые объяснили суду и свое общественное положеніе: Залевскій, какъ приготовляющійся окончить курсъ въ Технологическомъ институтѣ, Грохольскій, какъ играющій на фортепьяно въ «разныхъ мѣстахъ», и Хороманскій, какъ занимающійся тѣмъ, что *скоро собирается уѣхать изъ Петербурга*... Иваницкій, мелкій канцелярскій чиновникъ министерства путей сообщенія, подтвердилъ на судѣ, что онъ слышалъ, какъ умершій Карповичъ въ

театрѣ показывалъ одному изъ подсудимыхъ сидѣвшую въ ложѣ даму, называя ее по фамиліи невинно опозоренной женщины. Показаніе было дано опредѣленно и съ горячностью человѣка, будто бы сознающаго, что, свидѣтельствуя истину, онъ спасаетъ людей отъ гибели. Однако пришибленная судьбою наружность свидѣтеля, его засаленный вицъ-мундиръ, обтрепанные панталоны, отсутствіе видимыхъ признаковъ бѣлья и нервное перебиранье старой форменной фуражки дрожащими, повидимому, не отъ одного волненія, руками невольно вызвали съ моей стороны рядъ вопросовъ. «Что давали въ театрѣ? — Оперу. — Какую — итальянскую или русскую? — Итальянскую. — Гдѣ происходилъ слышанный разговоръ? — въ проходѣ у третьяго ряда креселъ. — А вы сами часто бываете въ оперѣ? — Да. — А въ какомъ ряду сидите — далеко или близко? — Какъ придется, такъ, во второмъ или третьемъ. — Вы абонированы? — Что-съ? — Ну, сколько платите за мѣсто? (тогда пѣла Патти, и мѣста доставались по очень дорогой цѣнѣ). — Когда рубль, а когда и полтора. — А сколько получаете по службѣ канцелярскимъ чиновникомъ? — Двадцать три рубля. — А въ какомъ театрѣ это было (итальянскія оперы давались въ Петербургѣ исключительно въ Большомъ театрѣ, гдѣ нынѣ зданіе консерваторіи): Большомъ или Маріинскомъ? — Въ *Мариновскомъ*»... Свидѣтель сѣлъ на мѣсто, бросая безпокойные взгляды на скамью подсудимыхъ, а я посовѣтовалъ присяжнымъ обойтись безъ его показанія, такъ какъ свидѣтель имѣетъ слишкомъ необыкновенныя качества, чтобы пользоваться его разсказомъ при обсужденіи обыкновеннаго дѣла: онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальнозоркости, и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ 2 или 3 ряда креселъ Маріинскаго театра онъ видитъ, кто сидитъ въ бель-этажѣ Большого...

Источникомъ собственнаго признанія на судѣ бываютъ, наконецъ, побужденія, вытекающія изъ особаго душевнаго строя. Сюда, во-первыхъ, относится та явка съ повинной, къ которой, въ великодушномъ порывѣ, прибѣгаетъ человѣкъ для того, чтобы спасти близкое или дорогое лицо, давъ ему время скрыться или бѣжать — или направивъ изслѣдованіе преступленія на ложный

путь. Такіе случаи очень рѣдки, но все-таки существуютъ, и мнѣ въ моей предсѣдательской практикѣ пришлось видѣть мать, которая принимала на себя вину своего внѣбрачнаго сына, заподозрѣннаго въ убійствѣ посредствомъ отравленія. Затѣмъ собственное признаніе можетъ быть дѣлаемо изъ личныхъ видовъ, не лишенныхъ корысти или другихъ расчетовъ, для того, чтобы, по пословицѣ «семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ», собравъ надъ своей головою рядъ поглощающихъ одно другое обвиненій, освободить отъ преслѣдованія дѣйствительно виновныхъ. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, при производствѣ слѣдствій о лицахъ, оказавшихся оскопленными, большинство послѣднихъ приводило въ объясненіе своего увѣчья одинъ и тотъ же разсказъ о томъ, какъ каждый изъ нихъ шелъ лѣсомъ въ одной изъ великорусскихъ губерній, встрѣтилъ неизвѣстнаго, разговорился съ нимъ и расположился вмѣстѣ закусить, при чемъ выпилъ предложенный тѣмъ стаканъ водки, вина, воды или съѣлъ пряникъ и тотчасъ же потерялъ сознаніе, а когда пришелъ въ себя, то почувствовалъ страшную боль и съ ужасомъ увидѣлъ, что лишенъ неизвѣстнымъ спутникомъ вполнѣ или отчасти половыхъ органовъ, т. е. невѣдомо для себя пріялъ скопческую малую или большую печать, а оскопитель скрылся. Вслѣдъ за этимъ содержавшійся въ курской тюрьмѣ арестантъ-скопецъ, обвиняемый въ рядѣ оскопленій и не только сознавшійся въ этомъ, но даже явившійся съ повинною, заявлялъ, что онъ припоминаетъ еще, что тамъ-то и тамъ-то онъ опоилъ соннымъ зельемъ или предложеннымъ отравленнымъ пряникомъ встрѣчнаго человѣка и оскопилъ его ad majorem gloriam «батюшки-искупителя Селиванова». Время преступленія совпадало обыкновенно съ временемъ несчастія, приключившагося бѣдному прохожему или проѣзжему. Между послѣднимъ и курскимъ тюремнымъ сидѣльцемъ дѣлали очную ставку, и они узнавали другъ друга. При недостаточно выработанной экспертизѣ того времени, дѣло кончалось обыкновенно оправданіемъ оскопленнаго, а принявшій вину на себя продолжалъ свои признанія, спокойно проживая въ курскомъ острогѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ не отправляясь въ Сибирь, въ виду постоянно возникавшихъ о немъ новыхъ дѣлъ. Таковъ былъ

отставной солдатъ Масловъ, сознавшійся въ 114 оскопленіяхъ. Онъ замѣстилъ мѣщанина Чернова, принесшаго разновременно повинную въ пріобщеніи къ «бѣлымъ голубямъ» 106 оскопленныхъ имъ. Есть, наконецъ, между послѣдователями крайнихъ и мрачныхъ сектантскихъ ученій, въ родѣ морельщиковъ, самосожигателей, бѣгуновъ, люди, считающіе, что Царствіе Небесное можетъ быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаніями, и потому ищущіе «пріять страданіе», возводя на себя небывалыя преступленія или обвиняя себя въ совершеніи преступленія, несомнѣнно содѣяннаго другими. Я помню одного такого старика, принадлежавшаго къ сектѣ бѣгуновъ, или странниковъ такъ называемаго сопѣлковскаго согласія, который, будучи задержанъ въ Казани, возводилъ на себя разныя преступленія, съ угрюмымъ упорствомъ отвергая твердо установленныя данныя, указывавшія на его невиновность. Внизу протоколовъ своихъ показаній онъ писалъ полууставомъ: «за истинную православную христіанскую вѣру рабъ Божій Іона Воробьевъ руку приложилъ».

Мнѣ приходилось раза два наблюдать собственное сознаніе подъ вліяніемъ отчаянія. Такъ, тотъ Ярошевичъ, о которомъ сказано выше, человѣкъ способный и въ сущности недурной, вовлеченный въ преступленіе своимъ отцомъ и Колосовымъ, упорно и весьма искусно отрицалъ свою виновность въ провозѣ поддѣльныхъ акцій и въ приготовленіи къ отравленію Колосова. Но когда ему показали переписку дѣвушки, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ, съ Колосовымъ, и онъ убѣдился, что она не только играла его чувствомъ и насмѣхалась надъ нимъ въ своихъ письмахъ, но даже состояла въ связи съ грязнымъ и подозрительнымъ Колосовымъ, онъ впалъ въ глубокое отчаяніе, и у него, вмѣстѣ со слезами горькой обиды, вылилось откровенное во всемъ признаніе, на которомъ онъ и стоялъ до конца процесса.

Отсылая моихъ читателей къ характерному поведенію подсудимыхъ по дѣламъ Овсянникова, Ландсберга, Гулакъ-Артемовской и Жюжанъ, считаю нужнымъ замѣтить, что *поведеніе* подсудимыхъ при слѣдствіи и на судѣ бываетъ различно не только въ зависимости отъ значенія ихъ объясненій, но и отъ свойствъ

ихъ характера. *Одни* махаютъ на все рукой и, какъ бы говоря: «будь, что будетъ», вяло реагируютъ на то, что передъ ними и съ ними происходитъ. *Другіе* держатъ себя вызывающе, съ извѣстнаго рода бравадой или рисовкой. *Третьи* — сравнительно рѣдкіе — принимаютъ живое участіе въ перекрестномъ допросѣ и вступаютъ въ словесную борьбу со свидѣтелями. *Четвертые* играютъ заранѣе обдуманную роль и даютъ объясненія, проникнутыя такимъ ловкимъ лицемѣріемъ, которому могъ бы позавидовать Тартюфъ. Наконецъ, *пятые*, относясь въ общемъ равнодушно или со спокойной сдержанностью къ своему положенію въ дѣлѣ, вдругъ приходятъ въ волненіе и теряютъ самообладаніе по поводу какого-либо второстепеннаго и не имѣющаго особаго значенія эпизода. Я говорю, конечно, объ общихъ преступленіяхъ, а не о людяхъ, обвиняемыхъ въ политическихъ или религіозныхъ преступленіяхъ. Тамъ ихъ душевный строй и взглядъ на значеніе содѣяннаго совсѣмъ иной, чѣмъ у обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, не расходящихся съ уголовнымъ закономъ и обществомъ во взглядѣ на преступный характеръ тѣхъ или другихъ дѣйствій. Все сводится у послѣднихъ къ отрицанію событія преступленія, или своей виновности, или, наконецъ, къ стремленію картиной собственныхъ страданій или испытаній заслонить картину своего преступнаго дѣла. Наоборотъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ политическаго или религіознаго характера, обвиняемые въ большинствѣ случаевъ отрицаютъ цѣли, требованія и самый источникъ карающаго ихъ уголовнаго закона. Они даютъ свои объясненія со страстностью убѣжденія въ своей правотѣ въ дѣлахъ перваго рода или съ оттѣнкомъ мрачнаго фанатизма, не допускающаго возможности поступить «инако» — въ дѣлахъ второго рода.

Говоря о поведеніи обвиняемаго на судѣ, я, конечно, разумѣю исключительно людей, находящихся въ здравомъ умѣ, потому что образъ дѣйствій людей, оказавшихся затѣмъ душевнобольными — такъ называемыми маніаками, т. е. страдающими первичнымъ помѣшательствомъ (параноя), внушается имъ болѣзненными представленіями. У этихъ несчастныхъ по большей части является сначала навязчивая идея, чуждая здравой оцѣнки

обстоятельствъ и дикая по своему существу. Она возникаетъ все чаще и чаще и пріобрѣтаетъ, наконецъ, насильственно-навязчивый характеръ. Затѣмъ человѣкъ мало-по-малу сживается съ нею, теряетъ способность относиться къ ней критически и отдается во власть безумному представленію. Это представленіе составляетъ ядро бреда, вокругъ котораго начинаютъ группироваться всѣ мысли больного, и создается такимъ образомъ безумный кругъ идей, т. е. цѣлое міросозерцаніе. Здѣсь изслѣдователь преступленія и обвиняемый стоятъ не только на разныхъ плоскостяхъ пониманія дѣйствій и побужденій послѣдняго, но и на разныхъ плоскостяхъ представленія о существующемъ въ окружающемъ ихъ мірѣ.

Изъ среды обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ мнѣ вспоминается Егоръ Емельяновъ — номерной банщикъ по ремеслу, утопившій свою наскучившую ему жену въ Ждановкѣ,— и мѣщанинъ Карагановъ, выдававшій себя за владѣтельнаго кавказскаго князя, женившійся на прекрасной молодой дѣвушкѣ изъ лучшаго харьковскаго общества и принятый съ большимъ вниманіемъ русскимъ посломъ въ Константинополѣ, обвинявшійся въ цѣломъ рядѣ грубѣйшихъ мошенничествъ. Оба они держали себя со свидѣтелями, такъ сказать, зубъ за зубъ; первый даже покрикивалъ на нихъ, при чемъ его очень красивое лицо блѣднѣло и искажалось отъ злобы. Замѣчательно, что защищаясь «unguibus et rostro» противъ моего обвиненія, построеннаго на косвенныхъ уликахъ, онъ, послѣ произнесенія обвинительнаго приговора, подалъ заявленіе, въ которомъ совершенно неожиданно, сознаваясь въ своемъ преступленіи, отказался отъ кассаціонной жалобы и просилъ о скорѣйшемъ приведеніи приговора въ исполненіе.

Изъ державшихъ себя съ напускною бравадой мнѣ особенно вспоминается мѣщанка Разомасцева, обвинявшаяся въ кражѣ цѣпи ордена Андрея Первозваннаго у военнаго министра Милютина и въ кражѣ нѣсколькихъ карманныхъ часовъ (между которыми находились часы, бывшіе при Александрѣ I въ день Аустерлицкаго сраженія) изъ стѣнной витрины въ кабинетѣ Великаго Князя Константина Николаевича, въ Мраморномъ Дворцѣ.

Въ оба помѣщенія она успѣла проникнуть по внутреннимъ ходамъ, никѣмъ незамѣченная, и благополучно скрыться, будучи обнаружена лишь черезъ нѣсколько дней, когда пришла продавать часы Александра I въ часовой магазинъ Буре. Бойкая дѣвушка двадцати двухъ лѣтъ, съ миловиднымъ лицомъ, большими живыми черными глазами и постоянной веселой усмѣшкой, она, улыбаясь, разсказывала про свои похожденія, остроумно описывая свое изумленіе при видѣ, какъ мало охраняются отъ постороннихъ входы и выходы «въ этакіе-то важные дома». «Ну, какъ тутъ было не взять? прибавляла она со смѣхомъ: ужъ очень оно лестно».—Во время осмотра, по ея указаніямъ, пути, которымъ она проникла въ кабинетъ Великаго Князя въ Мраморномъ Дворцѣ и въ уборную военнаго министра, ея объясненіе пожелалъ выслушать августѣйшій хозяинъ дворца, и на вопросъ его, какъ у нея хватило смѣлости проникнуть въ кабинетъ, куда онъ могъ войти каждую минуту и застать ее на кражѣ, она отвѣтила, смѣясь: «смѣлымъ Богъ владѣетъ», и пояснила: «кабы изволили войти до этихъ самыхъ часовъ, такъ я бы сказала, что заблудилась по лѣстницамъ и попросила извиненія, а если бы послѣ часовъ, такъ то же самое сказала бы, да и ушла бы съ часами. Можетъ быть, даже лакея меня проводить послали бы: вѣдь не стали бы смотрѣть на стѣну, всѣ ли тамъ часы. Ну, а когда я ихъ брала, такъ въ кабинетѣ никого не было». Эти же объясненія повторила она и въ судебномъ засѣданіи, постоянно посмѣиваясь и весело поглядывая на публику.

Напускное спокойствіе и извѣстнаго рода молодечество подсудимаго вспоминаются мнѣ и по дѣлу молодого человѣка Александра Штрама, обвиняемаго въ убійствѣ своего дяди, съ цѣлью грабежа. На судѣ онъ чрезвычайно развязно, посмѣиваясь и покручивая усики, разсказывалъ, не безъ оттѣнка комизма, выдуманную имъ исторію ссоры съ убитымъ, котораго онъ въ дѣйствительности убилъ соннаго, разрѣзалъ на куски и спряталъ въ сундукъ. Показанія свидѣтелей онъ слушалъ, иронически пожимая плечами и стараясь показать, что ему все нипочемъ. На немъ сказывалось вліяніе кружка разныхъ темныхъ личностей, между которыми особенно выдѣлялся допрошенный въ качествѣ

свидѣтеля, опустившійся «на дно» бывшій студентъ, принимавшій, по его словамъ, подъ свое покровительство развитыхъ молодыхъ людей и дававшій имъ аудіенціи въ кабакахъ, «покуда не изсякнутъ источники». А между тѣмъ, находясь въ ученьѣ у переплетнаго мастера Бремера, подсудимый былъ старательнымъ, скромнымъ и любимымъ всѣми юношей очень мягкаго характера и отличался большимъ состраданіемъ даже къ животнымъ. Въ судебномъ засѣданіи Бремеръ дрожащимъ голосомъ описалъ всѣ эти его свойства и тономъ невольной нѣжности заявилъ, что просто не можетъ повѣрить, чтобы такой добрый молодой человѣкъ могъ совершить такое злое дѣло. Подсудимый слушалъ его отзывы о себѣ съ презрительной усмѣшкой и на вопросъ предсѣдателя, желаетъ ли онъ дать какія-либо объясненія по поводу показанія свидѣтеля, отвѣтилъ, пожимая плечами: «да что жъ тутъ объяснять? Мало ли чего не наболтаетъ старикъ», и снова сѣлъ на свою скамью. Но когда судебный приставъ пошелъ за новымъ свидѣтелемъ, и въ залѣ наступило молчаніе, Штрамъ вдругъ склонилъ голову на руки и горько заплакалъ. Очевидно, что слова добраго нѣмца пробудили въ его ожесточенномъ сердцѣ лучшія чувства. И затѣмъ онъ не сразу попалъ въ тонъ прежняго молодечества... — «Принципіально, я не желалъ бы быть наказанъ, но въ данномъ конкретномъ случаѣ ничего не имѣю противъ», сказалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ одинъ изъ рисовавшихся своимъ объективнымъ отношеніемъ къ самому себѣ подсудимый, обвинявшійся въ присвоеніи себѣ чужого титула и фамиліи.—Въ дѣлѣ о расхищеніи имущества умершаго богатаго купца Солодовникова, оскопленнаго въ дѣтствѣ своимъ дядей и страдавшаго отъ этого нравственно и физически всю жизнь, подсудимый Сусленниковъ, лицемѣрно удивлявшійся своему привлеченію и повѣствовавшій съ поддѣльнымъ умиленіемъ о нѣжной любви къ себѣ покойнаго, — съ которымъ онъ однако ничего не могъ имѣть общаго въ духовномъ отношеніи,— на вопросъ о причинахъ такой дружбы отвѣчалъ, что таковая заключалась въ томъ, что у него очень мягкія руки, удобныя и пріятныя для растираній. Кончая свою обвинительную рѣчь, я выразилъ увѣренность, что присяжные признаютъ Сусленни-

кова имѣющимъ руки не только мягкія, но и длинныя,—и эта увѣренность меня не обманула.

Я говорилъ выше, что бываютъ, наконецъ, отдѣльные эпизоды во время слушанія дѣла, когда обвиняемый, державшій себя спокойно или безучастно на судѣ, вдругъ начинаетъ волноваться или раздражаться и теряетъ свое самообладаніе. Таково было уже описанное мною волненіе Гулакъ-Артемовской во время ядовитаго показанія противъ нея свидѣтеля Полевого. Нѣчто подобное произошло на моихъ глазахъ въ процессѣ Янсенъ и Акаръ, обвиняемыхъ въ привозѣ въ Россію изъ-за границы и сбытѣ фальшивыхъ десятирублевыхъ ассигнацій. Ерминія Акаръ, бойкая француженка, содержала въ Михайловской улицѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ Европейская гостиница, обширный магазинъ и мастерскую дамскихъ платьевъ и имѣла многочисленныхъ великосвѣтскихъ заказчицъ, сбывая имъ при расчетахъ, во время любезной болтовни, фальшивыя бумажки, фабрикуемыя Янсенами за границей и привозимыя курьеромъ французскаго посольства Обри. Она упорно отрицала свою вину и защищалась очень искусно, съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, такъ что могла произвести впечатлѣніе несчастной жертвы случайныхъ обстоятельствъ. Но это продолжалось лишь до того времени, когда въ залу засѣданія была введена бывшая у ней мастерицей Маргарита Дозьеръ. Послѣдняя пробыла у Акаръ три мѣсяца и, вслѣдствіе ссоры съ нею, была ею разсчитана, при чемъ молодой красивой иностранкѣ, выброшенной на улицу большого, чужого и полнаго соблазновъ города, ея бывшая хозяйка всучила въ слѣдуемые по расчету тринадцать рублей фальшивую десятирублевку. Черезъ два года послѣ этого Дозьеръ явилась въ залу суда свидѣтельствовать противъ Акаръ, блистая красотою, въ изящномъ дорогомъ нарядѣ и съ большими брилліантами въ ушахъ и на пальцахъ. Ея видъ почему-то, быть можетъ, по какимъ-нибудь воспоминаніямъ о распряхъ интимнаго свойства—до того раздражилъ подсудимую, что она потеряла все свое спокойствіе, стала усиленно жестикулировать, постоянно перебивать Дозьеръ и, задыхаясь отъ гнѣва, предлагать той вопросы оскорбительнаго характера. Дозьеръ отвѣчала ей съ бла-

годушной улыбкой и очень мягко, очевидно, давно простивъ ей эти десять рублей и, быть можетъ, даже считая ихъ первымъ толчкомъ къ своему настоящему эфемерному благополучію. Но Акаръ просто выходила изъ себя и въ своихъ длинныхъ и ненужныхъ объясненіяхъ указывала на такія условія и обстановку въ хозяйствѣ и «дѣлопроизводствѣ» своей мастерской, которыя составляли сами по себѣ улику *противъ нея самой*.—Таковъ же былъ въ своихъ показаніяхъ Амфилогій Карагановъ, привлеченный къ суду вмѣстѣ съ братьями Мясниковыми за подлогъ завѣщанія отъ имени Бѣляева, въ чемъ онъ и сознался. Кратко и безъ всякихъ подробностей признавалъ онъ свою вину въ томъ, что на предъявленномъ ему Мясниковыми бѣломъ листѣ поддѣлалъ, послѣ нѣсколькихъ пробъ, подпись Бѣляева, и апатично относился ко всему во время длившагося много дней дѣла, очень волновавшаго общество. Но лишь ему или кому-либо другому приходилось упомянуть о его семейной жизни съ хористкою, бывшею прежде на содержаніи у одного изъ его патроновъ, какъ онъ приходилъ въ крайнее волненіе, начиная со слезами и безсвязно твердить, что онъ всегда былъ человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ своимъ хозяевамъ и никогда не торговавшимъ женщинами, ни своими, ни чужими. Очевидно, что воспоминаніе о семейной жизни и предшествующемъ ей бракѣ будило въ немъ какія-то болѣзненныя и ѣдкія воспоминанія, овладѣвавшія его мыслью и словомъ.

Былъ однако и случай нѣсколько противоположнаго характера. Судился въ Петербургѣ крестьянинъ Ѳедоръ Дмитріевъ по обвиненію въ умышленномъ поджогѣ своей мелочной лавки съ цѣлью полученія страховой преміи. Какъ всегда въ дѣлахъ о поджогахъ, обвиненіе строилось на косвенныхъ уликахъ, которыя складывались противъ подсудимаго въ довольно неразрывную цѣпь. Человѣкъ робкій и повидимому большой тяжкодумъ, онъ на судѣ только вздыхалъ и крестился, а на предложенія мои, какъ предсѣдателя, дать объясненія по поводу тѣхъ или другихъ показаній говорилъ: «Не виноватъ, вотъ вамъ крестъ святой! Объяснить ничего не могу, просто словно навожденіе какое». Совершенно неожиданно одинъ изъ свидѣтелей упомянулъ о боль-

шомъ ежѣ, который жилъ у подсудимаго въ лавкѣ, и дальнѣйшими разспросами выяснилось, что ежъ былъ довольно ручной, расхаживалъ ночью по лавкѣ и забирался въ разныя пустыя хранилища. Оказалось также, что пожаръ начался на разсвѣтѣ въ запертой на ночь лавкѣ, съ того ея угла, гдѣ хранился большой запасъ пачекъ съ сѣрными спичками, и что никакихъ слѣдовъ матеріала для поджога найдено не было. Затѣмъ, чтеніемъ акта осмотра пожарища и допросомъ страхового агента было установлено, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранились сгорѣвшія и обугливіяся спички, найденъ былъ трупъ обгорѣлаго ежа. Страховой агентъ на вопросы защитника призналъ возможнымъ, что пожаръ могъ произойти отъ воспламененія спичекъ, между которыми пролѣзалъ куда-либо ежъ, задѣвая ихъ своими иглами. Съ этого момента подсудимый совершенно преобразился. Предъ нимъ мелькнула надежда на спасеніе, и онъ сталъ давать оживленныя объясненія о привычкахъ рокового для него, злополучнаго ежа. Объясненія эти создали у присяжныхъ мнѣніе о томъ, что ежъ могъ, дѣйствительно, быть виновникомъ пожара, и это послужило основаніемъ къ сомнѣнію въ виновности подсудимаго, а послѣднее привело къ оправдательному приговору.

Существуетъ мнѣніе, что поведеніе обвиняемаго на судѣ можетъ быть тоже относимо къ числу доказательствъ за или противъ него. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Никогда не должно забывать, что во время перваго допроса при слѣдствіи обвиняемый, а въ особенности человѣкъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ въ залѣ судебныхъ засѣданій, съ какимъ бы видимымъ спокойствіемъ онъ себя ни держалъ, не находится въ вполнѣ нормальномъ состояніи. Естественное волненіе послѣ долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, иногда въ полномъ одиночествѣ тюремнаго заключенія, — страхъ передъ приговоромъ, — стыдъ за себя или близкихъ и раздражающее чувство выставленности «на показъ» передъ холодно-любопытными взорами публики — на огромное число подсудимыхъ, независимо отъ содержанія ихъ объясненій, дѣйствуетъ подавляющимъ или возбуждающимъ образомъ. Начальственный, отрывистый тонъ предсѣдателя можетъ еще больше запугать или взволновать обвиняемаго. Спокойное къ нему от-

ношеніе, вниманіе къ его объясненіямъ, полное отсутствіе иронiи или насмѣшки, которыми такъ грѣшатъ французскіе президенты суда, а иногда и слово ободренія входятъ въ нравственную обязанность судьи, который долженъ умѣть безъ фарисейской гордыни представить себя въ положеніи подсудимаго человѣка. Говорить о поведеніи на судѣ, какъ объ одномъ изъ *доказательствъ*, невозможно. Иное дѣло, *житейское поведеніе* обвиняемаго, строго провѣренное но не возбуждающимъ сомнѣнія показаніямъ. Изученіе его на судѣ можетъ быть только полезно для правосудія, если имъ разъясняются такія свойства обвиняемаго, которыми вызваны движущія побужденія его преступнаго дѣянія, или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе находится въ прямомъ противорѣчіи. Поэтому, напримѣръ, вспыльчивость человѣка, не разъ проявленная имъ въ жизни, конечно, должна имѣть значеніе при обвиненіи его въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, или его чувственное, наглое и грубое отношеніе къ женщинамъ не можетъ быть упускаемо изъ виду при оцѣнкѣ обвиненія его въ насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки. Но, съ другой стороны, расточительность обвиняемаго лишена всякаго значенія при обвиненіи его въ богохуленіи — и говорить о его вспыльчивости при обвиненіи въ государственной измѣнѣ было бы по меньшей мѣрѣ излишне.

Переходя преимущественно къ *свидѣтелямъ* и *потерпѣвшимъ* отъ преступленія, я затрудняюсь часто приводить отдѣльныя ихъ показанія, несмотря на всю ихъ нерѣдкую характерность. Это заняло бы слишкомъ много мѣста и утомило бы вниманіе читателя. Поэтому приходится, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и судейскаго опыта, ограничиться лишь повтореніемъ указаній общихъ, особенныхъ и исключительныхъ свойствъ свидѣтелей, намѣченныхъ мною въ неоднократныхъ публичныхъ моихъ лекціяхъ о такъ называемой *экспериментальной психологіи*, которой придается преувеличенное и неосуществимое на практикѣ значеніе. Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ пріемовъ и методовъ этой новой науки въ примѣненіи ея къ свидѣтельскимъ показаніямъ, я нахожу, что среди *общихъ свойствъ* свидѣтелей, которыя отражаются не только на воспріятіи ими впечатлѣній,

но и на способѣ передачи послѣднихъ, видное мѣсто занимаетъ, *во-первыхъ*,—*темпераментъ* свидѣтеля, различаемый, какъ темпераментъ *чувства* (сангвинический и меланхолический) и какъ темпераментъ *дѣятельности* (холерическій и флегматическій). Для опытнаго глаза, для житейской наблюдательности эти различные темпераменты и вызываемыя ими настроенія обнаруживаются очень скоро во всемъ: въ жестѣ, тонѣ голоса, манерѣ говорить, способѣ держать себя на судѣ. Типическое настроеніе, свойственное тому и другому темпераменту, даетъ возможность представить себѣ и отношеніе свидѣтеля къ обстоятельствамъ, имъ описываемымъ, и понять, *почему* и какія именно стороны въ этихъ обстоятельствахъ должны были привлечь его вниманіе и остаться въ его памяти, когда многое другое изъ нея улетучилось.

Во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ показанія играетъ большую роль *полъ* свидѣтеля. Опытъ показываетъ, что чувствительность къ боли, обоняніе, слухъ и въ значительной степени зрѣніе у мужчинъ выше, чѣмъ у женщинъ, и что, наоборотъ, любовь къ жизни, выносливость, вкусъ и вазомоторная возбудимость у женщинъ выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у женщинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, развита потребность видѣть *конечные результаты* своихъ дѣяній и гораздо менѣе развита способность къ *сомнѣнію*, при чемъ доказательства ихъ увѣренности въ томъ или другомъ болѣе оцѣниваются чувствомъ, чѣмъ анализомъ. Отсюда преобладаніе впечатлительности передъ сознательною работою вниманія, соотвѣтственно ускоренному ритму душевной жизни женщины. Наконецъ, опытомъ установлено, что мужчинамъ время кажется длиннѣе дѣйствительнаго на 35%, женщинамъ же на 111%, а время вѣдь играетъ такую важную роль въ показаніяхъ. Въ каждомъ изъ этихъ свойствъ содержатся и основанія къ оцѣнкѣ достовѣрности показанія свидѣтелей, а также и потерпѣвшихъ отъ преступленія, которые часто подлежатъ допросу въ качествѣ свидѣтелей.

Въ-третьихъ,—*возрастъ* свидѣтеля вліяетъ на его показаніе, особенно если оно не касается чего-либо выдающагося. Вниманіе дѣтей распространяется на ограниченный кругъ предметовъ, но дѣтская память удерживаетъ иногда нѣкоторыя подробности

съ большимъ упорствомъ. Дѣтскія воспоминанія обыкновенно обратно пропорціональны — какъ и слѣдуетъ — протекшему времени, т. е. ближайшіе факты помнятся дѣтьми сильнѣе отдаленныхъ. Наоборотъ, память стариковъ слабѣетъ относительно ближайшихъ обстоятельствъ и отчетливо сохраняетъ воспоминанія отдаленныхъ лѣтъ юности и даже дѣтства. Многіе старики съ большимъ трудомъ могутъ припомнить, гдѣ они были, кого и гдѣ видѣли наканунѣ или нѣсколько дней назадъ—и отчетливо, въ подробности, способны разсказать о томъ, что имъ пришлось видѣть или пережить десятки лѣтъ назадъ.

Въ-четвертыхъ, большой осторожности при оцѣнкѣ показанія требуетъ *поведеніе свидѣтеля* на судѣ, отражающееся на способѣ передачи имъ своихъ воспоминаній. Замѣшательство его еще не доказываетъ желанія скрыть истину или боязни быть изобличеннымъ во лжи,—улыбка и даже смѣхъ при дачѣ показанія о вовсе не вызывающихъ веселости обстоятельствахъ еще не служатъ признакомъ легкомысленнаго отношенія его къ своей обязанности свидѣтельствовать правду, — наконецъ, нелѣпыя заключенія, выводимыя свидѣтелемъ изъ разсказанныхъ имъ фактовъ, еще не указываютъ на недостовѣрность этихъ фактовъ. Свидѣтель можетъ страдать *навязчивыми состояніями безъ навязчивыхъ идей*. Онъ можетъ быть не въ состояніи удержаться отъ непроизвольной и неумѣстной улыбки, отъ судорожнаго смѣха (risus sardonicus), отъ боязни покраснѣть, именно подъ вліяніемъ которой кровь бросается ему въ лицо и уши. Надо въ этихъ случаяхъ слушать, *что* говоритъ свидѣтель, совершенно исключая изъ оцѣнки сказаннаго то, *чѣмъ оно сопровождалось*. Свидѣтель можетъ быть глупъ отъ природы, а глупость отличается отъ ума лишь количественно, а не качественно — и глупецъ прежде всего является *свободнымъ отъ сомнѣній*. Но глупость надо отличить отъ *своеобразности*, которая тоже можетъ отразиться на показаніи.

Обстановка судебнаго засѣданія, ея торжественность, присутствіе публики, сознаніе своей отвѣтственности и предъ закономъ и предъ собственной совѣстью—все это можетъ иногда очень сильно отражаться на смущеніи свидѣтеля и на нѣкоторой его

растерянности или взволнованности. Но по этимъ его состояніямъ отнюдь не слѣдуетъ судить о недостовѣрности его показанія. Мнѣ пришлось самому три раза быть свидѣтелемъ — два у мирового судьи и одинъ въ Окружномъ Судѣ—и, несмотря на то, что я самъ былъ много лѣтъ почетнымъ мировымъ судьею, и одинъ изъ допрашивавшихъ меня судей былъ моимъ товарищемъ по мировому съѣзду, и на то, что мнѣ пришлось давать показаніе въ той самой залѣ Окружнаго Суда, въ которой я самъ, въ теченіе 10 лѣтъ, допрашивалъ, въ качествѣ прокурора и предсѣдателя суда огромное число свидѣтелей, — я былъ смущенъ и взволнованъ. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о нарушеніи порядка въ судѣ нѣсколькими лицами, желавшими во что бы то ни стало проникнуть въ залу судебнаго засѣданія по дѣлу офицера Ландсберга, обвиняемаго въ убійствѣ; въ другомъ я былъ свидѣтелемъ нарушенія общественной тишины и благопристойности;— въ третьемъ мнѣ пришлось, среди жаднаго любопытства публики, отвѣчать по дѣлу о плагіатѣ въ драматическомъ произведеніи на сыпавшіеся, какъ изъ рога изобилія, вопросы повѣреннаго одной изъ сторонъ, за которыми чувствовалось желаніе получить отъ меня свѣдѣнія о происхожденіи одного изъ романовъ великаго русскаго писателя. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаю я характеръ допроса по второму изъ этихъ дѣлъ, когда мое смущеніе было вызвано обращеніемъ мирового судьи, далекимъ отъ того, что мы, старые судебные дѣятели, привыкли видѣть въ лучшіе годы новаго суда.

Затѣмъ, свидѣтель, смущенный непривычною обстановкою судебнаго засѣданія или вопросами сторонъ, можетъ, въ теченіе одного и того же допроса, проявить различныя настроенія. Мнѣ пришлось обвинять въ Харьковѣ крестьянъ Лобойко и Китаева, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство содержательницы постоялаго двора Рулевой, которая заподозрѣла ихъ въ кражѣ, спрятанныхъ у нея во дворѣ двухъ воловъ, въ чемъ она была совершенно права. Одинъ изъ подсудимыхъ сталъ на стражѣ у дверей, а другой набросился на нее сзади и нанесъ ей около двадцати ранъ, послѣ которыхъ она какимъ-то чудомъ осталась жива. На судѣ она сначала испугалась, увидя подсудимыхъ, но, выпивъ

воды, ободрилась и дала толковое и точное показаніе. Защитникъ—частный ходатай съ профилемъ Шиллера, съ развязными ухватками провинціальнаго «серцеѣда» и большимъ нахальствомъ въ исполненіи своихъ обязанностей—спросилъ ее, почему она полагаетъ, что обвиняемые хотѣли ее убить? — Да какъ же, батюшка, — отвѣчала она добродушно, — не безъ причины они меня рѣзали... Но почему вы думаете, что они хотѣли именно убить?—Рулева развела руками и молчала.—Я васъ снова спрашиваю, на чемъ вы основываете ваше *умозаключеніе*, что они имѣли намѣреніе васъ убить?—Рулева смущенно оглянулась вокругъ и молча поникла головой.—Вы не отвѣчаете? Г-да присяжные, обратите вниманіе на то, что свидѣтельница на мои категорическіе вопросы не отвѣчаетъ. Вы молчите, свидѣтельница, вы упорно молчите... г-да присяжные, оцѣните это молчаніе!—Ахъ, отцы мои,—внезапно оживившись и всплеснувъ руками, воскликнула Рулева, обращаясь къ суду,—я у *этихъ* подъ ножомъ была, а *этотъ* — и она ткнула пальцемъ въ сторону Шиллеровскаго профиля — спрашиваетъ, хотѣли ли они меня убить!.. Наконецъ, смущеніе свидѣтеля можетъ вызываться и его личною деликатностью и благовоспитанностью, не позволяющими ему, несмотря на настоянія допрашивающихъ, выразиться рѣзко или въ оскорбительномъ смыслѣ о комъ-либо. Я помню дѣло объ одномъ ходатаѣ по дѣламъ, обвиняемомъ въ разныхъ корыстныхъ преступленіяхъ, который защищался самъ и вызвалъ въ качествѣ свидѣтеля въ свою пользу предводителя дворянства, графа Ш., человѣка высокой порядочности. На вопросъ подсудимаго — говорилъ ли свидѣтелю о немъ одинъ его знатный довѣритель, и что именно онъ сказалъ, графъ Ш. смутился и послѣ нѣкотораго колебанія попросилъ избавить его отъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но подсудимый настаивалъ и просилъ предсѣдателя указать свидѣтелю на его обязанность давать показанія. «Я очень просилъ бы васъ избавить меня отъ отвѣта, отвѣчалъ, все болѣе и болѣе смущаясь, графъ Ш.—Нѣтъ!—воскликнулъ подсудимый — мнѣ очень важно, чтобы присяжные знали мнѣніе обо мнѣ моего многолѣтняго довѣрителя, князя N. N. Я настаиваю, чтобы вы показали, что именно сказалъ онъ вамъ...—Онъ сказалъ—и графъ

Ш. запнулся, взглянувъ умоляюще на подсудимаго,—онъ сказалъ... но я очень прошу васъ избавить меня отъ отвѣта...»—«Нѣтъ-съ! я требую, чтобы вы сказали,—повторилъ свое настояніе въ непостижимомъ ослѣпленіи подсудимый...—Онъ сказалъ—и лицо графа Ш. залила краска—онъ сказалъ... что вы *мошенникъ*»...

Въ-пятыхъ, наконецъ, нѣкоторые *физическіе недостатки*, дѣлая показанія свидѣтеля одностороннимъ, въ то же время, такъ сказать, обостряютъ его достовѣрность въ извѣстномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что у слѣпыхъ чрезвычайно тонко развиваются слухъ и осязаніе. Поэтому все, что воспринято ими этимъ путемъ, пріобрѣтаетъ характеръ особой достовѣрности. Извѣстный окулистъ Люфуръ даже настаиваетъ на необходимости имѣть въ числѣ служащихъ на быстроходныхъ океанскихъ пароходахъ одного или двухъ слѣпорожденныхъ, которые, въ виду крайняго развитія своего слуха, могутъ, среди тумана или ночью, слышать приближеніе другого судна на громадномъ разстояніи. То же можно сказать и о болѣе рѣдкихъ показаніяхъ слѣпыхъ, основанныхъ на чувствѣ осязанія, если только оно не обращается въ болѣзненное преувеличеніе числа ощущаемыхъ предметовъ или преувеличеніе ихъ объема. Кромѣ того, опытныя изслѣдованія указываютъ на существованіе у слѣпыхъ особаго чувства, своеобразнаго и очень тонко развитаго,—*чувства препятствій*, развивающагося независимо отъ осязанія и помимо его, вслѣдствіе повышенной чувствительности головной кожи. Когда это чувство бываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполнѣ установлено, ему приходится отводить видное мѣсто по отношенію къ *топографической* части показанія слѣпыхъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ положеній къ тѣмъ *особенностямъ вниманія*, въ которыхъ выражается разность личныхъ свойствъ и духовнаго склада людей, можно отмѣтить, въ общихъ чертахъ, нѣсколько характерныхъ видовъ вниманія, знакомыхъ, конечно, всякому наблюдательному судьѣ. Отражаясь въ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ, вниманіе прежде всего можетъ быть раздѣлено на *сосредоточенное* и *разсѣянное*. Вниманіе перваго рода, въ свою очередь, представляется ими сведеннымъ почти исключительно къ собственной личности созерцателя или раз-

сказчика, или же, наоборотъ, отрѣшеннымъ отъ этой личности, которая въ ихъ передачѣ отходитъ на задній планъ. Есть люди, которые, о чемъ бы они ни думали, ни говорили, дѣлаютъ центромъ своихъ мыслей и представленій самихъ себя и проявляютъ это въ своемъ изложеніи. Для нихъ—сознательно или невольно—*все* имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку и въ чемъ оно *ихъ* касается. Ничто изъ окружающаго міра явленій не разсматривается ими иначе, какъ сквозь призму собственнаго *я*. Отъ этого маловажные сами по себѣ факты пріобрѣтаютъ въ глазахъ такихъ людей иногда чрезвычайное значеніе, а событія первостепенной важности представляются имъ лишь отрывочными строчками «изъ хроники происшествій». При этомъ житейскій размѣръ обстоятельствъ, на которое устремлено такое вниманіе, играетъ совершенно второстепенную роль. Важно лишь то, какое отношеніе имѣло оно къ личности повѣствователя. Поэтому обладатель такого вниманія нерѣдко съ большею подробностью и вкусомъ будетъ говорить о вздорѣ, дѣйствительно только его касающемся и лишь для него интереснымъ,—будь то вопросы сна, удобства костюма, домашнихъ привычекъ, тѣсноты обуви, сваренія желудка и т. п.,—чѣмъ о событіяхъ общественной важности или историческаго значенія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Изъ разсказа его всегда ускользаетъ все общее, родовое, широкое въ томъ, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать—и остается, твердо запечатлѣнное въ памяти, лишь то, что задѣло его непосредственно. Въ памяти свидѣтеля, питаемой подобнымъ вниманіемъ, напрасно искать болѣе или менѣе подробной или хотя бы только ясной картины происшедшаго или синтеза слышаннаго и видѣннаго. Но зато она можетъ сохранить иногда цѣнныя, характеристическія для личности самого свидѣтеля, мелочи. Когда такихъ свидѣтелей нѣсколько, судьѣ приходится складывать свое представленіе о томъ или другомъ обстоятельствѣ изъ ихъ показаній, постепенно приходя къ уясненію себѣ всего случившагося. При этомъ необходимо бываетъ мысленно отдѣлить картину того, что въ дѣйствительности произошло на житейской сценѣ, отъ подобной словоохотливости свидѣтелей. Надо замѣтить, что разсказчики съ такой памятью не любятъ

выводовъ и обобщеній и, въ крайнемъ случаѣ, намѣтивъ ихъ слегка, спѣшатъ перейти къ *себѣ*, къ тому, что *они сами* пережили или ощутили. «Да! ужасное несчастье, — говоритъ, напримѣръ, такой повѣствователь, — представьте себѣ, только что хотѣлъ *я* войти, какъ вижу... ну, натурально, *я* испугался, думаю, какъ бы *со мною*... да вспомнилъ, что вѣдь *я*... тогда *я* сталъ въ сторонкѣ, полагая, что, быть можетъ, здѣсь *мнѣ* безопаснѣе—и все *меня* такъ поразило, что, при моей впечатлительности, *мнѣ* стало»—и т. д., и т. д. Насчастіе, поразившее сразу рядъ людей, обыкновенно даетъ много такихъ свидѣтелей. Все сводится у нихъ къ описанію борьбы личнаго чувства самосохраненія съ внезапно надвинувшеюся опасностью — и этому описанію посвящается *все* показаніе, съ забвеніемъ о многомъ, чего, *несомнѣнно*, нельзя было не видѣть или не слышать. Таковы были почти всѣ показанія, данныя на произведенныхъ подъ моимъ наблюденіемъ слѣдствіяхъ о крушеніи Императорскаго поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1888 г. и о крушеніи парохода «Владиміръ» въ августѣ 1894 г. на пути изъ Севастополя въ Одессу. У насъ, на Руси, подъ вліяніемъ печальныхъ воспоминаній о старыхъ судахъ, когда можно было «затаскать человѣка», показаніе очень часто носитъ слишкомъ личный характеръ вслѣдствіе пугливаго отношенія свидѣтеля къ происходившему предъ нимъ и желанія избѣжать возможности видѣть и слышать то, о чемъ, можетъ быть, придется показывать потомъ на судѣ. Изложеніе обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ разсказчикъ старался *избѣжать* положенія свидѣтеля, обращается незамѣтно для него самого въ изложеніи того, что онъ дѣлалъ и думалъ, а не того, что случилось предъ нимъ.

Въ полной противоположности съ такимъ показаніемъ находится то, въ которомъ свидѣтель старается понять значеніе явленія и, не останавливаясь долго на его подробностяхъ и мелочахъ, стремится уяснить себѣ смыслъ и важность того или другого событія. Человѣкъ, дающій такого рода показаніе, зачастую совершенно не задумывается надъ тѣмъ, въ какомъ отношеніи къ нему самому находится то или другое обстоятельство, и съ большой легкостью изъ наблюдателя становится мыслителемъ по поводу созерцаемаго или услышаннаго. Такой свидѣтель,

опредѣливъ точно, вѣрно и иногда вполнѣ объективно главныя черты событія, сами собою слагающіяся въ извѣстный выводъ,— не можетъ, однако, указать времени происшествія, мѣста, гдѣ онъ самъ находился, своихъ движеній и даже словъ. Но этого нельзя объяснить простой разсѣянностью или невнимательностью свидѣтеля въ его обычной, повседневной жизни, и считать его человѣкомъ «не отъ міра сего». На простую и привычную обстановку вниманіе его распредѣляется равномѣрно, но, если событіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни и поражаетъ своею неожиданностью и богатствомъ возможныхъ послѣдствій, — живая работа мысли и чувства свидѣтеля выступаетъ на первый планъ. Способность сосредоточиваться на мелочахъ на время подавляется, и въ памяти свидѣтеля *частное* затемняется *общимъ*, характеръ событія стираетъ его подробности. Опытный судья никогда не станетъ сомнѣваться въ правдивости такого показанія изъ-за того только, что свидѣтель, изложивъ въ подробностяхъ бѣдный впечатлѣніями день, не въ состояніи припомнить многое *лично о себѣ* по отношенію ко дню, полному сильныхъ впечатлѣній. «Этотъ человѣкъ лжетъ,—скажетъ поверхностный и поспѣшный наблюдатель,—онъ съ точностью опредѣляетъ, въ которомъ часу дня и гдѣ именно онъ нанялъ извозчика, чтобы ѣхать съ визитомъ къ знакомымъ, и не можетъ опредѣлительно припомнить, отъ кого именно вечеромъ въ тотъ же день, въ которомъ часу и въ какой комнатѣ онъ услышалъ о самоубійствѣ сына или о трагической смерти жены»... «Онъ говоритъ правду, — скажетъ опытный судья, — и эта правда тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше различія между обыденнымъ фактомъ и потрясающимъ событіемъ, между обычнымъ спокойствіемъ послѣ перваго и ошеломляющимъ вихремъ второго»...

Вниманіе (и память, на немъ основанная) *разсѣянное* есть то, которое не можетъ сосредоточиться на одномъ предметѣ, а развлекается цѣлымъ рядомъ побочныхъ обстоятельствъ. Мысль и наблюденія человѣка, обладающаго такимъ вниманіемъ, никогда не имѣютъ прямого направленія, а заходятъ въ стороны, задѣваютъ второстепенныя данныя, иногда ничѣмъ не связанныя съ предметомъ, который первоначально привлекалъ вниманіе.

Нужно не мало терпѣнія и снисхожденія къ свидѣтелю, повѣствованіе котораго идетъ ломанной линіей и постоянно отвлекается въ сторону, — чтобы спокойно выслушивать все ненужное и сохранять нить Аріанды въ лабиринтѣ словесныхъ отступленій и экскурсій по сторонамъ. Таковы свидѣтели, начинающіе свое повѣствованіе «ab ovo», не упускающіе случая передать подробныя біографическія о себѣ или другихъ свѣдѣнія и вообще отдающіеся безотчетно и безгранично своимъ воспоминаніямъ; при этомъ изъ существеннаго, случайнаго и второстепеннаго получается въ ходѣ ихъ мышленія одна безформенная масса безъ всякой перспективы. Типъ подобныхъ разсказчиковъ настолько извѣстенъ и, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчается, что нѣтъ нужды приводить примѣры. Но наша русская жизнь представляетъ одну характерную особенность, на которую нельзя не указать. Это—любовь къ генеалогіи и семейнымъ свѣдѣніямъ, тягостная какъ со стороны слушателя, предлагающаго вопросы изъ этой области, такъ и со стороны разсказчика, прибѣгающаго къ ненужнымъ подробностямъ. Случается, что разсказчикъ, взволнованный какимъ-нибудь особеннымъ событіемъ, сжато и послѣдовательно передавая о немъ, бываетъ вынужденъ назвать то или другое имя. Горе ему, если среди слушателей есть человѣкъ съ разсѣяннымъ вниманіемъ... Такой человѣкъ способенъ, среди общаго напряженнаго вниманія слушателей, прервать самое существенное мѣсто повѣствованія и изложеніе внутренняго смысла событія или значенія его, какъ общественнаго явленія, и спросить: «это какой NN? тотъ, что женатъ на MM?» или: «это, вѣдь, тотъ NN, который, кажется, служилъ въ кирасирскомъ полку?» или: «а знаете, я вѣдь съ этимъ NN ѣхалъ однажды на пароходѣ. Это, вѣдь, онъ женился на племянницѣ М., который управлялъ Казенной Палатой? — гдѣ только — не помню... ахъ, да! въ Пензѣ или... нѣтъ, въ Тамбовѣ... Нѣтъ, нѣтъ!.. вспомнилъ! — именно въ Пензѣ... а братъ его»... и т. д. Когда человѣкъ съ такимъ разсѣяннымъ вниманіемъ, направленнымъ на мелкія, незначущія подробности, становится свидѣтелемъ на судѣ, онъ нерѣдко плохо отдаетъ себѣ отчетъ о сущности и центрѣ тяжести своего разсказа. Въ большинствѣ слу-

чаевъ умственно ограниченный, педантично исполнительный въ служебномъ или свѣтскомъ обиходѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полный самодовольства, такой разсказчикъ, помимо экскурсій въ область брачныхъ и родственныхъ отношеній, отличается еще особенной точностью въ названіяхъ и топографическихъ подробностяхъ. Онъ не назоветъ человѣка просто по фамиліи, а непремѣнно прибавитъ чинъ, имя и отечество, не скажетъ: Петербургъ, Нижній, «Исакій», Синодъ, конка, а всегда—Санктъ-Петербургъ, Нижній-Новгородъ, храмъ Исаакія Далматскаго, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, конно-желѣзная дорога и т. д.

Показанія подобнаго рода свидѣтелей могутъ сразу показаться полными и точными, но эта полнота лишь кажущаяся. Педантическое усвоеніе себѣ подробностей, этихъ «выпушекъ и петличекъ» свидѣтельскаго показанія, не даетъ вниманію возможности сосредоточиться на главномъ и единственно нужномъ. Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ разсказывается, что въ прежніе годы воспитанникамъ закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній подавали пирожки, которые, при большихъ размѣрахъ, оказывались внутри почти пустыми. Воспитанники прозвали ихъ «пирожками съ ничѣмъ». Съ этими «пирожками съ ничѣмъ» можно сравнить часто очень подробныя и вполнѣ корректныя показанія свидѣтелей, достигшихъ успѣха въ изощреніи разсѣянной памяти. Опытному судьѣ всегда будетъ предпочтительнѣе неполное въ подробностяхъ, съ пробѣлами и «запамятованіями» показаніе свидѣтеля, живо воспринимающаго и различно отзывающагося на впечатлѣнія не одинаковой цѣнности.

Вниманіе можетъ направляться или на процессъ дѣйствій, явленій и собственныхъ мыслей, или же на конечный ихъ результатъ,—такъ сказать, на итогъ ихъ. Способъ изложенія обыкновенно чрезвычайно ярко выражаетъ это. Одни свидѣтели, передавая видѣнное и слышанное, неизбѣжно излагаютъ все въ порядкѣ послѣдовательности; другимъ же, наоборотъ, хочется скорѣе сказать главное. Первыхъ — при допросѣ — приходится нерѣдко просить сократить свой разсказъ, вторыхъ же — приходится отъ конечнаго итога ихъ разсказа возвращать къ подробностямъ мѣста, времени, обстановки и т. п. Но, дѣлая это, не надо

забывать осторожности, особенно со свидѣтелями перваго рода, такъ какъ наклонность къ процессуальному изложенію обыкновенно бываетъ связана еще съ другими свойствами или, вѣрнѣе, привычками, при чемъ свидѣтель усиленно цѣпляется за послѣдовательность и постепенность впечатлѣній и путается въ воспоминаніяхъ, если только эта послѣдовательность нарушается чѣмъ-нибудь извнѣ. Эти же свойства и особенности разсказчика проявляются обыкновенно и въ томъ, *какъ* онъ *слушаетъ*. Есть люди, умѣющіе цѣнить логическую и психологическую нить повѣствованія, отдѣльныя части котораго, строго связанныя между собою, содѣйствуютъ нарастанію настроенія, достигающаго своего апогея въ заключеніи, въ освѣщающемъ и осмысливающемъ все событіе, картинѣ или лирическомъ порывѣ; — но есть и другіе слушатели — нетерпѣливые, жаждущіе скорѣйшей «развязки», высказывающіе о ней *догадки во всеуслышаніе* или задающіе досадные вопросы... Среди читателей, преимущественно между женщинами, есть такіе, которые, начиная чтеніе повѣсти или романа, заглядываютъ прежде всего въ послѣднюю главу, желая узнать, чѣмъ и какъ все окончилось. Бываютъ и свидѣтели, подобные такимъ читателямъ.

Есть, наконецъ, два рода вниманія сообразно со способностью души реагировать на внѣшнія впечатлѣнія. *Одни* съ полнымъ самообладаніемъ и вполнѣ объективно какъ бы регистрируютъ то, что приходится видѣть или слышать, и внутреннюю, душевную переработку всего этого начинаютъ лишь тогда, когда прекратилось внѣшнее воздѣйствіе на ихъ слухъ или зрѣніе. У такихъ людей все, воспринятое ими, сохраняетъ въ памяти большую ясность и не страдаетъ пробѣлами, являющимися результатомъ перерывовъ вниманія. Это тѣ, которые, «научившись властвовать собою», по образному выраженію великаго поэта, умѣютъ «держать мысль свою на привязи» и «усыплять или давить въ сердцѣ своемъ мгновенно прошипѣвшую змѣю». Не то бываетъ съ *другими*, которые отдаются во власть своимъ душевнымъ движеніямъ. Сразу и безусловно завладѣвая ими, эти движенія прежде всего поражаютъ вниманіе. Нельзя здѣсь говорить о забывчивости человѣка или недостаткѣ вниманія: послѣднее просто не су-

ществуетъ вовсе—оно *парализовано*. Таковы люди, по выраженію того же Пушкина, «оглашенные шумомъ внутренней тревоги», тѣмъ шумомъ, который дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на способность вдумываться въ окружающее и даже просто замѣчать его. Въ такомъ положеніи зачастую бываютъ потерпѣвшіе отъ преступленія, которыхъ допрашиваютъ въ качествѣ свидѣтелей, — бываетъ изрѣдка и подсудимый, искренно желающій быть добросовѣстнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о своемъ преступленіи, о своемъ насчастіи... Чѣмъ внезапнѣе впечатлѣніе, вызывающее сильное душевное движеніе, тѣмъ болѣе оно овладѣваетъ вниманіемъ и тѣмъ быстрѣе *внутреннія* переживанія заслоняютъ собою *внѣшнія* обстоятельства. Весьма рѣдкіе изъ подсудимыхъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ аффекта, въ состояніи изложить подробности *рѣшительнаго момента*, но это не мѣшаетъ имъ помнить быструю смѣну и перекрещиваніе въ ихъ душѣ мыслей, образовъ, чувствъ — до сдѣланнаго ими удара, до оскорбленія, выстрѣла, до расправы ножомъ.

Зачастую человѣкъ, отличающійся сильной душевной воспріимчивостью, бывающій во власти такъ называемой *вспыльчивости* (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ *запальчивостью*, являющеюся состояніемъ не внезапнымъ, а нарастающимъ, питающимъ само себя, подобно ревности), изъ *потерпѣвшаго* въ началѣ столкновенія становится *преступникомъ* въ концѣ его. Если, однако, онъ владѣлъ собою послѣ вспышки и затаеннаго гнѣва и подавилъ въ себѣ мстительное движеніе, его вниманіе тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ лишь до опредѣленнаго момента, затѣмъ являются отдѣльные проблески, не имѣющіе между собою связи. Оскорбительное слово, угрожающій жестъ, вызывающая поза, питающіе давнишнее негодованіе, тайную ненависть, прочно сложившееся презрѣніе, — заставляютъ взоръ и слухъ «вспылившаго» обращаться *внутрь* и терять способность воспринимать *внѣшнее*. Этимъ надо объяснять то, что возмущенный до послѣдней степени обиженный не тотчасъ же «выходитъ изъ себя» послѣ оскорбленія, а лишь спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго обидчикъ успѣлъ уже спокойно обратиться къ другому разговору или за-

нятію. Это затишье передъ грозой. Внезапно прорывается въ самой рѣзкой формѣ протестъ противъ словъ, движеній, личности обидчика. Не слѣдуетъ думать, что человѣкъ, промолчавшій первоначально и только черезъ извѣстный промежутокъ времени проявившій свое негодованіе крикомъ, изступленіемъ, ударами, могъ въ этотъ перерывъ наблюдать и направлять на что-либо свое вниманіе... Въ такой моментъ онъ ничего не видитъ и не слышитъ: онъ весь во власти охватившаго его вихря внутреннихъ вопросовъ: «да какъ *онъ* смѣетъ?! да что же *это* такое? да неужели *это я* перенесу?» и т. д. Но, если даже ему удастся овладѣть собою, принявъ рѣшеніе пропустить слышанное «мимо ушей» или представившись непонявшимъ изъ уваженія къ той или иной обстановкѣ или въ расчетѣ на будущую месть, требующую еще обдумыванія, потерпѣвшему все-таки требуется столько силъ на внутреннюю борьбу съ закипѣвшими въ немъ чувствами, что его вниманіе *на время* совсѣмъ подавлено. Этимъ объясняются разныя неловкости или отвѣты невпопадъ внезапно оскорбленнаго — что каждому приходилось наблюдать въ жизни. Изъ показаній такого потерпѣвшаго надо брать то, что сохранилось въ его памяти до наступленія внутренней борьбы, и не сомнѣваться въ правдивости его словъ лишь оттого, что вниманіе потомъ измѣнило ему. Но не одинъ потерпѣвшій бываетъ свидѣтелемъ, а и лицо постороннее столкновенію или печальному стеченію обстоятельствъ. Если оно не лишено впечатлительности и нервности и одарено способностью чувствовать и страдать, а слѣдовательно и сострадать, то видъ нарушеннаго душевнаго равновѣсія въ другомъ — иногда въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ—производитъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. Будучи заразительно, волненіе этого человѣка отражается на вниманіи свидѣтеля, ослабляя его или дѣлая его одностороннимъ. Кому не приходилось въ жизни быть въ такомъ положеніи, когда хочется «провалиться сквозь землю» за *другого*, и когда неожиданное душевное смущеніе кого-либо вызываетъ собственную растерянность? Въ такихъ случаяхъ человѣкъ, одаренный чуткимъ сердцемъ, страдая за другого, безсознательно *не хочетъ* быть внимательнымъ...

Сильные приливы чувства, являющіеся результатомъ сложнаго процесса душевнаго переживанія скорби, утраты, разочарованія и т. д., также нужно отнести къ числу причинъ, затемняющихъ въ памяти или устраняющихъ изъ области вниманія отдѣльныя, находящіяся между собою въ связи, части того событія, о которомъ приходится свидѣтельствовать. Обращаясь мысленно къ неуловимымъ для посторонняго взора подробностямъ отношеній къ дорогому человѣку, вспоминая невозвратно ушедшій милый образъ во всѣхъ его проявленіяхъ или переживая оказанную кому-либо и когда-либо жестокость или несправедливость—человѣкъ вынужденъ бываетъ остановиться иногда въ самомъ, *казалось бы*, безразличномъ мѣстѣ своего повѣствованія... Волненіе охватываетъ его, къ горлу подступаютъ слезы, и тоска, безысходная и жгучая, уснувшая лишь на время, вновь начинаетъ терзать сердце, а какой-нибудь звукъ или слово, вызывающіе цѣлую цѣпь воспоминаній, такъ овладѣваютъ вниманіемъ, что все послѣдующее погружается въ тѣнь и обрывается вслѣдствіе физической (слезы, дрожь голоса, судороги личныхъ мускуловъ) и нравственной невозможности продолжать разсказъ. Въ подобномъ положеніи, я помню, находилась жена весьма достойнаго человѣка Рыжова, убитаго на глазахъ ея и трехъ маленькихъ дѣтей за то, что онъ вступился за честь обольщаемой братомъ жены дѣвушки. Съ достоинствомъ и твердостью защищая честь своего мужа отъ полныхъ клеветы оправданій брата, Рыжова и при слѣдствіи и на судѣ, при повторныхъ показаніяхъ, сравнительно спокойно разсказывала про событіе, но едва она доходила до словъ покойнаго мужа: «стрѣляй, если смѣешь!» сказанныхъ въ отвѣтъ ея брату, когда онъ угрожалъ стрѣлять, какъ черты ея искажались и, несмотря на всѣ усилія овладѣть собою и не прерывать нити своихъ тяжелыхъ воспоминаній, она не могла продолжать разсказа отъ внезапно подступившихъ горькихъ слезъ и рыданій.

Къ *исключительнымъ* свойствамъ свидѣтелей нужно отнести особую склонность иныхъ людей обращать исключительное и даже болѣзненное вниманіе на какую-нибудь отдѣльную часть тѣла человѣка, въ особенности же на его *уродливость*. Нѣкото-

рые свое вниманіе направляютъ на глаза человѣка, другіе— на походку, третьи—на цвѣтъ волосъ и т. п. Случается, что люди не въ состояніи сохранить въ памяти черты чьего-либо лица, но одновременно съ этимъ съ большой отчетливостью представляютъ себѣ голосъ того же человѣка, со всѣми его особенностями въ оттѣнкахъ, вибраціи и произношеніи. Свидѣтель, вниманіе котораго привлекаютъ во всей физіономіи человѣка глаза, опишетъ съ точностью ихъ цвѣтъ, форму и выраженіе, но станетъ втупикъ или дастъ неопредѣленный отвѣтъ, если его спросить о цвѣтѣ волосъ или о ростѣ обладателя этихъ самыхъ глазъ. Разныя уродливости, какъ косоглазіе, кривоглазіе, горбъ, болѣзненные наросты на лицѣ, шестипалость, проваливающійся носъ и т. п., производятъ на многихъ особенное, гипонотизирующее впечатлѣніе. Помимо воли и даже противъ желаній взоръ направляется постоянно на этотъ прирожденный или пріобрѣтенный недостатокъ и почти не въ силахъ отъ него оторваться. Нарушеніе иногда безсознательнаго чувства эстетики и стремленія къ симметріи и гармоніи, свойственныхъ человѣку, усиливаетъ протестующее вниманіе, и тогда другія черты и свойства наблюдаемаго человѣка отходятъ на второй планъ и стушевываются. Изучивъ подробно тѣлосложеніе горбуна или отлично запомнивъ движенія человѣка съ искалѣченными, скрюченными или вообще уродливыми ногами, свидѣтель вполнѣ добросовѣстно можетъ оказаться не въ состояніи сказать что-нибудь объ одеждѣ, цвѣтѣ глазъ или волосъ тѣхъ же самыхъ людей...

Подобная же *связанность* вниманія является и тогда, когда чувство отвращенія или ужаса заставляютъ, наоборотъ, отворачиваться отъ предмета, вызывающаго такое чувство. Есть люди, которые не въ силахъ заставить себя глядѣть на трупъ вообще, а тѣмъ болѣе на трупъ обезображенный, покрытый зіяющими ранами, съ вывалившимися внутренностями и т. п. Вниманіе ихъ привлекается всѣмъ, что находится вокругъ и около предмета, наводящаго ужасъ, но съ упорствомъ обходитъ этотъ самый предметъ. Конечно, это не можетъ не отразиться на ихъ показаніяхъ. Бываетъ, наоборотъ, что такіе именно предметы производятъ на нѣкоторыхъ то гипнотизирующее вліяніе, о которомъ

упоминалось выше. Чувство ужаса и отвращенія дѣйствуютъ на нихъ такъ, что они не въ силахъ отвести взора отъ зрѣлища, отъ котораго, по народному выраженію, «тошнитъ на сердцѣ». Глаза неизмѣнно устремляются къ тягостной и отталкивающей картинѣ, и помимо воли память впитываетъ въ себя съ необыкновенной пытливостью и изощренностью подробности, отъ которыхъ возмущается душа и которыми вызывается чувство мурашекъ въ спинѣ и нервная дрожь въ конечностяхъ. Слѣдуетъ признать, примѣняя эти замѣчанія къ свидѣтельскимъ показаніямъ, что обостренность вниманія, направленнаго на картины, вызывающія отвращеніе и ужасъ, роковымъ образомъ ведетъ за собою притупленность вниманія къ побочнымъ и особенно къ послѣдующимъ впечатлѣніямъ. Это, несомнѣнно, отражается на неодинаковой полнотѣ и вѣсѣ различныхъ частей показанія. Однако, не слѣдуетъ усматривать въ этомъ неправдивость свидѣтеля или намѣренное съ его стороны умолчаніе. Часто бываетъ, что о какомъ-либо выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событіи или рѣзкомъ столкновеніи, о полномъ трагизма положеніи или несчастномъ происшествіи имѣются нѣсколько показаній разныхъ лицъ, находящихся внѣшнимъ образомъ въ одинаковыхъ условіяхъ относительно ихъ; они показываютъ каждый неполно, но всѣ вмѣстѣ даютъ, въ своей совокупности, весьма полную, соотвѣтствующую дѣйствительности картину. Одинъ изъ свидѣтелей опишетъ всѣ мелочи обстановки, въ которой найденъ трупъ, но не сумѣетъ сказать, въ какомъ положеніи лежалъ убитый, что на немъ было и т. д., другой же разскажетъ подробно про выраженіе лица убитаго, пѣну на губахъ, были ли глаза открыты или закрыты, въ какомъ направленіи шли раны, какъ расположены и въ какомъ количествѣ кровавыя пятна на бѣльѣ и одеждѣ, въ какомъ положеніи были конечности—но не сможетъ опредѣлить, висѣли ли на стѣнѣ часы, на дверяхъ портьеры, сколько оконъ было въ комнатѣ и т. д. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ, отталкивая отъ себя вниманіе перваго свидѣтеля, привлекаетъ вниманіе второго...

Къ *индивидуальнымъ* особенностямъ отдѣльныхъ свидѣтелей, отражающимся на содержаніи ихъ показаній, нужно отнести—

помимо разныхъ физическихъ недостатковъ, какъ-то: тугого слуха, близорукости, дальтонизма, амбіопліи и т. п.—также и *пробѣлы* памяти, пополненіе которыхъ невозможно даже при самомъ напряженномъ вниманіи. Прекрасная въ общемъ память бываетъ развита односторонне и можетъ давать на своей прочной и цѣльной ткани трудно объяснимые разрывы при показаніяхъ о спеціальнаго рода предметахъ. Въ эти, если можно такъ выразиться, *дыры памяти* чаще всего проваливаются числа и собственныя имена, однако нерѣдко то же самое дѣлается съ внѣшнимъ обликомъ человѣка, съ его физіономіей. Человѣкъ съ сильной, но дырявой памятью будетъ совершенно напрасно напрягать все свое вниманіе съ цѣлью удержать у себя въ умѣ число или какую-нибудь фамилію или запечатлѣть чье-либо лицо, разбирая отдѣльныя его черты и силясь представить себѣ каждую изъ нихъ отдѣльно и всѣ въ совокупности. Будучи допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля — онъ почти несомнѣнно забудетъ имена и числа, если предъ глазами у него не будетъ бумажки, на которой они записаны; въ житейскомъ же обиходѣ онъ всегда будетъ безсильно недоумѣвать, когда явится необходимость связать то или другое лицо съ опредѣленнымъ именемъ. При этомъ память двоякомъ образомъ коварно отказывается служить: или, удержавъ имя, теряетъ образъ соединенной съ нимъ личности, или, сохранивъ ясное представленіе объ обликѣ, утрачиваетъ безнадежно присвоенное ему прозваніе. Бываютъ другіе случаи, когда изъ памяти людей одновременно исчезаютъ и личность и имя, но въ то же самое время чрезвычайно отчетливо рисуются жесты, слова, тонъ и звукъ рѣчи, связанные съ этимъ именемъ и личностью. Съ перваго взгляда показаніе свидѣтеля съ такой особенностью памяти можетъ вызвать недоумѣніе и даже недовѣріе, такъ какъ, не зная подобныхъ свойствъ памяти иныхъ людей, нельзя не найти очень страннымъ — какимъ образомъ, передавая, напримѣръ, съ мельчайшими подробностями чей-либо разсказъ со всѣми оттѣнками, манерой и даже интонаціями рѣчи, человѣкъ не въ состояніи назвать имени и фамиліи говорившаго или затрудняется сказать, кто это такой, будучи поставленъ съ нимъ «съ очей на очи»... И тѣмъ не менѣе свидѣтель безусловно

правдивъ во всѣхъ подробностяхъ своего показанія и въ ссылкахъ на свою плохую память. Позволю себѣ привести личный примѣръ. Занимая много лѣтъ должность прокурора и предсѣдателя Окружного Суда въ Петербургѣ, я былъ способенъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ меня, къ самому тщательному и проницательному вниманію и, тѣмъ не менѣе, всегда былъ «безпамятный» на имена и лица. Мнѣ необходимо было видѣть много разъ подъ рядъ одно и то же лицо, чтобы при встрѣчѣ узнать его; при этомъ самая небольшая перемѣна — отпущенная борода, надѣтая шляпа, очки, другой костюмъ — дѣлали изъ этого встрѣченнаго новое и незнакомое лицо въ моихъ глазахъ. То же бывало и съ именами и фамиліями. А между тѣмъ я произносилъ безъ письменныхъ замѣтокъ большія, длившіяся по нѣсколько часовъ, обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія присяжнымъ по самымъ сложнымъ дѣламъ и лишь изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, пользовался полоскою бумажки съ разными условными знаками. Будучи обязанъ въ качествѣ предсѣдателя суда, разсказывать удаленному изъ залы засѣданія по какой-либо причинѣ подсудимому, что происходило въ его отсутствіе, я, желая, чтобы у подсудимаго были, согласно требованію Судебныхъ Уставовъ, всѣ средства къ оправданію, передавалъ ему на память *все содержаніе* прочитанныхъ въ его отсутствіе протоколовъ и документовъ и излагалъ, повторяя почти дословно, показанія свидѣтелей. И тѣмъ не менѣе я не разъ бывалъ въ неловкомъ положеніи изъ-за своей забывчивости на собственныя имена въ такіе моменты процесса, когда наводить справки въ спискѣ свидѣтелей было не только стѣснительно, но даже невозможно. Однажды, начавъ обвинительную рѣчь по обширному, длившемуся нѣсколько дней, дѣлу о подлогѣ нотаріальнаго завѣщанія Сѣдкова, я, насмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ вспомнить фамилію одного свидѣтеля, а, между тѣмъ, безъ ссылки на его показанія было невозможно обойтись, такъ какъ онъ былъ очень важнымъ изъ *впервые* вызванныхъ въ судъ, по просьбѣ защиты, свидѣтелей. У свидѣтеля на шеѣ была медаль на анненской лентѣ. За эту медаль я и ухватился. Неоднократно возвращаясь къ разбору показанія этого свидѣтеля, правдивости ко-

тораго я довѣрялъ безусловно, я сталъ ссылаться, въ самыхъ осторожныхъ и уважительныхъ выраженіяхъ, на этотъ внѣшній признакъ. Во время перерыва засѣданія, послѣ рѣчей защиты, этотъ свидѣтель обратился ко мнѣ въ залѣ для публики, выражая свою крайнюю обиду. «Я, милостивый государь, — говорилъ онъ, — имѣю чинъ, имя, отчество и фамилію; я былъ на государственной службѣ; я не «свидѣтель съ медалью на шеѣ», какъ вамъ угодно меня называть, — я этого такъ не оставлю!» Пришлось извиняться, ссылаясь на свою «дырявую» память и на невозможность справляться во время рѣчи съ дѣловыми отмѣтками. Но «свидѣтель съ медалью», иронически смѣясь, сказалъ: «ну, ужъ этому-то я никогда не повѣрю: я прослушалъ всю вашу рѣчь и видѣлъ, какая у васъ чертовская память — вы чуть не три часа цѣлыя показанія на память говорили, а передъ вами ни листочка! только мою фамилію изволили забыть! — вы меня оскорбили нарочно, и я желаю удовлетворенія»... Нашъ разговоръ былъ прерванъ возгласомъ судебнаго пристава о томъ, что «судъ идетъ!» — «Я къ вашимъ услугамъ, если вы считаете себя оскорбленнымъ, — сказалъ я, торопясь на свое мѣсто, — и во всякомъ случаѣ сейчасъ же, начиная возраженія защитѣ, публично извинюсь передъ вами и, объяснивъ, что вы считаете для себя обиднымъ имѣть медаль на шеѣ, назову ваше званіе, имя, отчество и фамилію... — То-есть, какъ же это?! Нѣтъ, ужъ лучше оставьте по-старому и пожалуйста не извиняйтесь — еще хуже, пожалуй, выйдетъ, — нѣтъ, ужъ пожалуйста, прошу васъ»... И инцидентъ, вызванный пробѣломъ памяти, разрѣшился благополучно...

Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ очень важную роль играютъ *бытовыя* и *племенныя* особенности свидѣтеля, *языкъ* той среды, въ которой онъ живетъ, и затѣмъ его обычныя *занятія*. Показанія, безусловно добросовѣстныя и точныя, данныя по одному и тому же обстоятельству свидѣтелями, принадлежащими къ разному племени, будутъ несомнѣнно сильно отличаться одно отъ другого по формѣ, яркости, сопровождающимъ ихъ жестамъ, по живости передачи. Можно представить себѣ изложеніе событія нанесенія раны «въ запальчивости и раздраженіи», свидѣтелями

котораго сдѣлались случайно обитатель «финскихъ хладныхъ скалъ» и уроженецъ пламенной Колхиды. Послѣ перекрестнаго допроса разсказъ въ отношеніи фактовъ окажется въ обоихъ случаяхъ тождественъ, но какъ велика будетъ разница въ передачѣ фактовъ, въ отношеніи къ нимъ свидѣтеля, какіе оттѣнки въ краскахъ! На сѣверянина, съ его спокойнымъ созерцаніемъ, наибольшее впечатлѣніе произведетъ смыслъ дѣйствія обвиняемаго, которое получитъ краткую и точную характеристику («ударилъ ножомъ, кинжаломъ»...); южанинъ проявитъ свою пылкую натуру въ картинномъ описаніи дѣйствія («выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его въ грудь»...); въ повѣствованіи любящаго порядокъ нѣмца-колониста или мирнаго обывателя срединной Россіи будетъ слышаться осужденіе кровавой расправѣ; — въ показаніи еврея — нервная впечатлительность передъ такимъ дѣломъ; горецъ или любящій подраться обитатель земель старыхъ «сѣверо-русскихъ народоправствъ» будетъ разсказывать не безъ нѣкотораго сочувствія «молодцу», который умѣлъ постоять за себя...

Сказываются также и бытовыя особенности, образъ жизни и родъ занятій. Тѣ, кому, какъ мнѣ, случалось имѣть дѣло со свидѣтелями въ Великороссіи и Малороссіи, несомнѣнно уловили разницу въ формѣ, свободѣ и живости показаній людей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ вѣтвямъ русскаго племени. Великоросъ обыкновенно разсказываетъ все или почти все самъ; малоросса же, въ большинствѣ случаевъ, нужно спрашивать, такъ сказать, вытягивая изъ него показаніе. Великоросъ въ своихъ показаніяхъ пользуется обыкновенно *описаніями*, — въ вяломъ и неохотно данномъ показаніи малоросса встрѣчаются зато гораздо чаще блестки тонкихъ и остроумныхъ *опредѣленій*. Въ моихъ воспоминаніяхъ о мировомъ судѣ я привожу примѣры такого остроумія и живой находчивости. Разсказъ простой великорусской женщины, въ большинствѣ случаевъ, болѣе безцвѣтенъ, чѣмъ мужской: въ немъ замѣтна иногда ея забитость и подчиненность; разсказъ же хохлушки, «жинки», всегда красочнѣе, полнѣе и опредѣленнѣе разсказа мужчины. Это особенно ярко выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ даютъ показанія мужъ и жена.

Здѣсь наглядно проявляется бытовая разница семейныхъ отношеній и характеръ взаимной подчиненности супруговъ. Въ Великороссіи жена, давая показаніе, оглядывается на мужа, сидящаго на скамьѣ свидѣтелей; — въ Малороссіи, наоборотъ— мужъ поглядываетъ тревожно и подчасъ безпомощно на жену. Стоитъ ли говорить, что городской и сельскій жители, фабричный рабочій и кустарь, чиновникъ и матросъ, поваръ и пастухъ, при разсказѣ объ одномъ и томъ же событіи, подчеркнутъ непремѣнно въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ особенности, которыя находились въ какомъ-либо отношеніи съ ихъ обычными занятіями и родомъ жизни и прошли для другихъ незамѣченными, не привлекая особеннаго вниманія, — или то, что составляетъ больное мѣсто этихъ обычныхъ занятій. Извѣстно, до какой степени у насъ часты и, къ сожалѣнію, по нашей привычной *сентиментальности на чужой счетъ*, недостаточно строго осуждаемы растраты, совершаемыя довѣренными, приказчиками, артельщиками и т. п. лицами, ссылающимися обыкновенно въ свое оправданіе на игру въ карты, на увлеченіе такою покровительствуемою у насъ, развращающею народъ мерзостью, какъ тотализаторъ и т. д.

Мнѣ вспоминается дѣло о растратѣ приказчикомъ денегъ изъ «выручки» у своего хозяина, разбиравшееся въ семидесятыхъ годахъ въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ. Какъ «свидѣтель къ оправданію» (témoin à décharge), былъ вызванъ прежній хозяинъ подсудимаго, который, по словамъ послѣдняго, долженъ былъ дать о немъ наилучшую аттестацію. Старичокъ съ сѣдою бородой, въ длинномъ кафтанѣ и въ сапогахъ «бутылками», будучи введенъ въ залу засѣданія, помолился на образъ, истово поклонился суду и сталъ ждать вопросовъ защитника.— Подсудимый служилъ у васъ?—Этотъ самый? какъ же служилъ.— Что вы можете сказать о немъ хорошаго?—Да ничего хорошаго, окромя дурного! — Подсудимый не того ожидалъ отъ васъ... — Напрасно безпокоился! — Вы, можетъ быть, находите, что молодой человѣкъ былъ немного легкомысленъ, увлекался, но служилъ въ общемъ честно? — Это вы насчетъ распутства: по этой части другихъ такихъ поискать, но мы въ это не входимъ, а что

въ выручку лапу запускалъ, такъ это точно... Можетъ быть, это были просчеты, ошибки...—Просчеты само собой, а воровалъ безъ просчетовъ.—Это все, что вы можете о немъ сказать?—Да что жъ еще? развѣ, что вотъ такихъ вѣшать мало! — отрѣзалъ старикъ съ ожесточеніемъ и прибавилъ со вздохомъ: отъ такого народу торговать становится невозможно... — Къ этой же категоріи показаній относится и разсказъ, за достовѣрность котораго я, не бывшій лично въ судѣ, однако, не ручаюсь. Къ разбирательству дѣла Кронъ и Вестфаль, въ которомъ обвиненіе было въ поддѣлкѣ французскаго шампанскаго извѣстной фирмы, Спасовичемъ былъ вызванъ въ качествѣ знатока опытный виноторговецъ, и ему было предложено испробовать спорное шампанское. — Ваше заключеніе — спросилъ его предсѣдатель. — То-есть, о чемъ же? спросилъ виноторговецъ. — О качествѣ этого шампанскаго сравнительно съ шампанскимъ, несомнѣнно принадлежащимъ французской фирмѣ. — Свидѣтель отпилъ еще, посмотрѣлъ вино на свѣтъ, задумался и потомъ успокоительнымъ тономъ сказалъ: «покупатель выпьетъ!»

Манера свидѣтелей выражаться, ихъ *стиль*, своеобразныя особенности въ пониманіи ими различныхъ словъ бываютъ источникомъ многихъ недоразумѣній и ведутъ иногда къ неправильной оцѣнкѣ добросовѣстности ихъ показаній. Судьѣ необходимо знать мѣстныя выраженія для избѣжанія роковыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заблужденій и ошибокъ. Это важно также и для судебныхъ слѣдователей, въ виду сохраненія картинности и жизненнаго колорита въ самомъ содержаніи записываемаго ими въ протоколъ показанія. Сколько сценъ, полныхъ комизма, близкаго, однако, по временамъ къ трагизму, приходилось видѣть при введеніи судебной реформы въ областяхъ харьковской и казанской Судебныхъ Палатъ! Пріѣхавшіе въ качествѣ судей и сторонъ уроженцы столицъ не понимали мѣстнаго значенія словъ «турнуть», «околѣть» (озябнуть), «пропасть» (околѣть), «отмѣниться» (отличиться), «постовать» (говѣть), «наджабить» (вдавить) и т. д.; малороссійской дѣвушкѣ торжественно предлагали вопросъ о томъ, былъ ли у нея «женихъ», и вызывали тѣмъ негодованіе ея присутствующихъ при этомъ родителей — или въ

Пермскомъ краю отказывались понимать, зачѣмъ свидѣтельница говоритъ, что у нея «пропала дочка» въ то время, какъ дѣло шло объ убитой свиньѣ, или недоумѣвали при заявленіи, что свидѣтель «убѣжалъ на пароходѣ» въ Сарапуль или Казань, когда могъ свободно *уѣхать* на пароходѣ, или же угрожали отвѣтственностью за лжеприсягу свидѣтелю, который на вопросъ о томъ, какая была погода въ день кражи, упорно отвѣчалъ, что «ни якой погоды не було».

Языкъ свидѣтеля очень часто служитъ показателемъ силы его *способности мышленія*. Нерѣдко внѣшняя словоохотливость прикрываетъ скудость соображенія и отсутствія ясности въ представленіяхъ и обратно—сдержанность, краткость слова бываютъ слѣдствіемъ честнаго къ нему отношенія и сознанія его возможныхъ послѣдствій. Въ людяхъ внѣшней культуры и полуобразованія замѣчается особенная склонность къ пустому многословію. Простой человѣкъ, попробовавшій городской жизни, любитъ выражаться вычурно и употреблять слова въ самыхъ странныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ, но свидѣтель изъ простонародья на мѣстѣ говоритъ обыкновенно языкомъ образнымъ, полнымъ силы и оригинальности. На ряду, напримѣръ, со слышанными мною выраженіями полуобразованныхъ свидѣтелей о «нанесеніи раны въ запальчивости и разгоряченіи нервныхъ членовъ», о «страданіи падучею болѣзнью въ совокупности крѣпкихъ напитковъ», о «невозможности для мѣры опьянѣнія никакого Реомюра» и о «доведеніи человѣка до краеугольныхъ лишеній и уже несомнѣнныхъ послѣдствій», мнѣ приходилось слышать въ показаніяхъ простыхъ русскихъ людей такія образныя выраженія и поговорки, какъ: «они уже и дальше ѣхать собирались, анъ тутъ и мы — *вотъ они!*» «нашего остается всего ничего», «только и осталось, что лечь на брюхо, да спиной прикрыться», «*святымъ*-то кулакомъ, да по *окаянной* шеѣ», «все пропилъ! мать ему купила теперь сюртукъ и брюки — ну вотъ, онъ и опять въ пружинахъ», «да ему, вѣдь, вѣрить нельзя — онъ человѣкъ воздушный», «онъ выпивши былъ—у насъ престольный праздникъ, ну, онъ и *напрестолился*». Обвиняемый въ убійствѣ жены, застигнутой на прелюбодѣяніи, Ларіоновъ, между прочимъ,

выразился: «какъ увидѣлъ я это, то и говорю себѣ: когда такъ— приходится повѣсить замокъ своей жизни». Наконецъ, надо отмѣтить свидѣтелей (да и подсудимыхъ), любящихъ щегольнуть иностранными или вошедшими въ моду выраженіями, искажающими нашъ языкъ. «Я убилъ фоментально», говорилъ въ Казани Нечаевъ, обвиняемый въ убійствѣ и очевидно гдѣ-то наслышавшійся слова «моментально». Въ 1888 году, въ моемъ присутствіи, въ харьковскомъ Окружномъ Судѣ сознавшійся въ убійствѣ военнаго врача хулиганъ (по-мѣстному *ракло*) разсказывалъ: «идемъ мы съ товарищемъ по Карпову саду, а *онъ* на ванечкѣ ѣдетъ одѣтый въ бѣломъ кителѣ; мѣсяцъ очень ясно свѣтитъ и все обозначаетъ. Я и говорю товарищу: вотъ бы вдарить.—Сыпь! отвѣчаетъ товарищъ.—Я и вдарилъ *его* въ спину...—Чѣмъ же вы ударили: ножомъ? спрашиваетъ предсѣдатель.—Ножомъ-съ, отвѣчаетъ подсудимый—*обязательно* ножомъ!» Не могу безъ невольной улыбки не припомнить засѣданія мирового съѣзда, въ которомъ остался очень недоволенъ моимъ прокурорскимъ заключеніемъ одинъ изъ обитателей знаменитой Вяземской лавры близъ Сѣнной. Онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію о покушеніи на «противоестественное совокупленіе», но дѣло это по недостаточности уликъ было прекращено Судебной Палатой, а затѣмъ онъ обвинялся въ двухъ кражахъ въ разныхъ мировыхъ участкахъ и обжаловалъ оба приговора въ мировой съѣздъ. Давая заключеніе въ съѣздѣ, я полагалъ оба приговора утвердить и постановить общій—согласно закону—*по совокупности*. Когда подсудимому было предоставлено слово, онъ посмотрѣлъ на меня съ мрачнымъ видомъ и сказалъ мнѣ укоризненно: «Нѣтъ, ужъ вы, ваше благородіе, эту самую совокупность оставьте: она уже въ Палатѣ прекращена».

Судебный навыкъ показываетъ, что касательно ряда свидѣтелей нужно быть весьма осторожнымъ въ довѣрчивомъ отношеніи къ ихъ показаніямъ, вслѣдствіе безсознательной лжи, которую они допускаютъ, совершенно искренно вѣря въ дѣйствительность того, что говорятъ. Напримѣръ, потерпѣвшіе отъ преступленія всегда—и при этомъ часто съ полной добросовѣстностью—склонны *преувеличивать* обстоятельства или дѣйствія, въ

которыхъ выразилось нарушеніе ихъ имущественныхъ или личныхъ правъ. Особенно часто встрѣчается это въ показаніяхъ потерпѣвшихъ преступниковъ, т. е. у тѣхъ, которые были, такъ сказать, *очевидцами* совершеннаго надъ ними преступленія. Въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ примѣнима пословица: «у страха глаза велики». Опасность, *возникшая* неожиданно, вызываетъ невольное преувеличеніе размѣровъ и формъ, въ которыхъ она явилась; опасность *прошедшая* представляется взволнованному сознанію большею, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ, отчасти подъ вліяніемъ того, что она уже прошла. На людей впечатлительныхъ, находящихся уже въ безразличномъ или безопасномъ, по ихъ мнѣнію, положеніи, дѣйствуетъ, какъ извѣстно, самымъ тяжелымъ образомъ внезапно прояснившееся пониманіе опасности и тягостныхъ послѣдствій, которыя *могли бы произойти*, и сердце ихъ сжимается отъ *возможнаго въ прошломъ ужаса* такъ же сильно, какъ въ томъ случаѣ, если бы онъ предстоялъ. Вотъ чѣмъ надо объяснить сильныя выраженія при описаніи ощущеній и впечатлѣній и преувеличенія въ опредѣленіи размѣра, быстроты, силы и т. п. Простая палка является въ показаніи дубиной, угроза пальцемъ—подъемомъ кулака, возвышенный голосъ—крикомъ, первый шагъ впередъ—нападеніемъ, всхлипываніе—рыданіемъ, и слова: «ужасно», «яростно», «оглушительно», «невыносимо» встрѣчаются на каждомъ шагу въ описаніи того, что произошло или могло произойти съ потерпѣвшимъ. Сопоставленіе этой, въ большинствѣ случаевъ, неумышленной лжи пострадавшаго съ намѣренной ложью подсудимаго, желающаго оправдать себя на фактической почвѣ или смягчить свою вину, вноситъ нерѣдко юмористическій элементъ въ отправленіе правосудія. Въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ разбиралось подъ моимъ предсѣдательствомъ дѣло о профессіональной воровкѣ куръ, судившейся уже въ седьмой или восьмой разъ. Зайдя на дворъ большого дома въ отдаленной части столицы, она приманила пѣтуха и, накинувъ, по словамъ сидѣвшей у окна въ четвертомъ этажѣ потерпѣвшей, на него мѣшокъ, быстро удалилась, но была задержана хозяйкой украденной птицы и городовымъ уже тогда, когда она продавала пѣтуха довольно да-

леко отъ мѣста похищенія. На судѣ она утверждала, что зашла во дворъ «за нуждою» и, лишь уходя, замѣтила, что какой-то «ласковый пѣтушокъ» настойчиво слѣдуетъ за нею, и тогда она взяла его на руки, опасаясь, чтобы его не раздавили при переходахъ черезъ улицы. Потерпѣвшая съ негодованіемъ стала опровергать это объясненіе, заявивъ, что у нея «пѣтушище характерный» и ни за кѣмъ бы не пошелъ, какъ собака. Обѣ такъ и стояли на своемъ. Присяжные рѣшили, что пѣтухъ былъ «характерный».

Къ той же области безсознательной лжи относится у людей, мыслящихъ преимущественно образами (а такихъ большинство), совершенно искреннее представленіе себѣ душевнаго состоянія тѣхъ лицъ, о которыхъ они говорятъ,—состоянія, сквозящаго въ кажущемся жестѣ, тонѣ голоса, выраженіи лица. Воображая, что другой думаетъ то-то и такъ-то, человѣкъ склоненъ отправляться въ своей оцѣнкѣ всего, что этотъ другой дѣлаетъ, отъ убѣжденія въ томъ, что онъ руководимъ именно такою, а не другою мыслью, что имъ владѣетъ непремѣнно такое, а не другое настроеніе. Подобное представленіе вызываетъ въ обыденной жизни извѣстную реакцію на предлагаемыя мысли другого — и вотъ является сложная и въ большинствѣ случаевъ совершенно произвольная по своему источнику формула дѣйствій: «*Я* думаю, что *онъ* думаетъ, что *я* думаю... а потому *надо* поступить *такъ*, а не иначе». Отсюда разные эпитеты и прилагательныя, далеко не всегда основывающіеся на дѣйствительности и вытекающіе исключительно изъ представленія, изъ самовнушенія говорящаго. Отсюда «презрительныя» улыбки или пожатіе плечами, «насмѣшливый» взглядъ, «вызывающій» тонъ, «ироническое» выраженіе лица и т. п., усматриваемые тамъ, гдѣ ихъ собственно вовсе и не было. Одаренный нѣкоторой живостью темперамента, свидѣтель зачастую даже наглядно представляетъ того, о комъ онъ говоритъ, и добросовѣстно выдаетъ кажущееся ему за дѣйствительность. Особенно часто бываетъ это при изображеніи тона выслушанныхъ свидѣтелемъ словъ.

Сюда же, наконецъ, надо отнести разсказы о несомнѣнныхъ фактахъ, передаваемые въ безусловно фантастической формѣ, не замѣчаемой, однако, разсказчикомъ. Такова, напримѣръ, пе-

редача простыми людьми словъ не знающихъ совершенно русскаго языка иностранцевъ при дѣйствительномъ совершеніи послѣдними тѣхъ или другихъ дѣйствій. Наши солдаты и матросы, какъ извѣстно, въ чужихъ краяхъ и въ періоды перемирій на поляхъ битвъ разговариваютъ съ иностранцами, вполнѣ понимая ихъ по-своему.

Но есть *несомнѣнно ложныя по самому своему существу показанія*, которыя надо отличать отъ показаній, данныхъ недостачно точно или отклоняющихся отъ дѣйствительности подъ вліяніемъ настроенія и увеличенія. Такія показанія по своему происхожденію весьма различны и общаго мѣрила для нихъ не существуетъ. Необходимо выдѣлить изъ нихъ, прежде всего, тѣ, которыя даются подъ вліяніемъ *гипнотическихъ внушеній*. Рядомъ съ ними можно поставить показанія, даваемыя подъ вліяніемъ *самовнушенія*. Таковы, очень часто, показанія дѣтей. Отсутствіе необходимой критики по отношенію къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ при крайней впечатлительности и живости воображенія дѣлаетъ многихъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ наплыва новыхъ ощущеній и идей, жертвами самовнушенія. Принявъ свою фантазію за дѣйствительность, незамѣтно переходя отъ «такъ *можетъ* быть» къ «такъ *должно* было быть» и затѣмъ къ «такъ *было!*» они упорно настаиваютъ на томъ, что кажется имъ совершившимся въ присутствіи ихъ фактомъ.

Есть, наконецъ, область безусловно сознательной и, если можно такъ выразиться, *здоровой* лжи, которая существенно отличается отъ *заблужденія* подъ вліяніемъ притупленія вниманія и ослабленія памяти. То, что мною разсказано выше о показаніи свидѣтеля Иваницкаго въ бракоразводномъ дѣлѣ З—ныхъ, представляетъ яркій примѣръ такой лжи. Въ заключеніе остается указать еще на одинъ видъ сознательной лжи въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, лжи беззастѣнчивой и нерѣдко наглой, нисколько не скрывающейся и не заботящейся о томъ, чтобы быть принятою за правду. Есть свидѣтели, для которыхъ явка передъ судомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, представляетъ своеобразное удовольствіе, давая возможность произвести эффектъ «pour épater le bourgeois», какъ говорятъ французы, или же по-

лучить *аванс*ъ за свое *достовѣрное* показаніе, не принявъ на себя никакого обязательства за качество его правдоподобности. Такъ, напримѣръ, свидѣтель по громкому дѣлу о подлогѣ милліоннаго завѣщанія Бѣляева—Шевелевъ могъ быть типичнѣйшимъ представителемъ сознательной и бьющей въ глаза лжи. Находясь подъ стражей по другому дѣлу, онъ самъ просилъ вызвать его въ судъ, такъ какъ могъ сообщить нѣчто чрезвычайной важности. Введенный въ залу, онъ усѣлся, ссылаясь на боль въ ногѣ, и, съ любопытствомъ разсматривая присутствовавшихъ, началъ явно лживый разсказъ, почти на каждомъ словѣ опровергаемый фактами и цифрами. Стараясь, повидимому, разсмѣшить публику и самому потѣшиться, онъ отвѣчалъ на предлагаемые обычные вопросы тономъ ироническаго почтенія, называя предсѣдателя «господиномъ президентомъ». Онъ съ удивленіемъ спрашивалъ, почему послѣдній заинтересовался вопросомъ о его *вѣроисповѣданіи*, любезно прибавляя: «православный! православный — pour vous être agréable»... — объяснилъ, что нигдѣ не *проживаетъ*, ибо «геометрически закупоренъ» въ мѣстѣ своего заключенія, и заявилъ, что судился дважды—одинъ разъ въ ковенской Уголовной Палатѣ въ качествѣ таможеннаго чиновника «за содѣйствіе къ водворенію контрабанды», при чемъ оставленъ въ «сильнѣйшемъ подозрѣніи», а въ другой — въ Версальскомъ военномъ судѣ за участіе въ возстаніи коммуны, при чемъ приговоренъ «къ разстрѣлу». «Но приговоръ,—прибавилъ онъ,—какъ, *быть можетъ*, господа присутствующіе изволятъ замѣтить—не приведенъ въ исполненіе». Въ показаніи своемъ онъ настойчиво утверждалъ, что былъ въ *два часа* дня 4 апрѣля 1866 года на Дворцовой площади, привѣтствуя, вмѣстѣ съ собравшимся народомъ, невредимаго послѣ выстрѣла Каракозова Государя. На замѣчаніе мое (я былъ обвинителемъ по дѣлу), что покушеніе было совершено въ *четвертомъ* часу, и вѣсть о немъ ранѣе четырехъ часовъ не могла облетѣть столицу, этотъ свидѣтель, хитро прищуривъ глаза и обращаясь къ предсѣдателю, сказалъ: «мнѣ кажется, господинъ президентъ, что для патріотическихъ чувствъ не должно существовать условій *мѣста и времени*».

XVIII.

Свѣдущіе люди и экспертиза.

Уголовная судебная практика очень часто заставляетъ прибѣгать къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, сосредоточивая въ нихъ центръ тяжести дѣла и обращаясь къ содѣйствію *свѣдущихъ людей*, т. е. *экспертовъ* по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ знаній, искусствъ или ремеслъ. Походя по *внѣшнему* своему положенію въ процессѣ на свидѣтеля,—подвергаясь, какъ и онъ, перекрестному допросу и отводамъ со стороны прокурора и защитника,—давая показанія подъ присягой, — по *внутреннему* значенію своихъ объясненій экспертъ очень отличается отъ свидѣтеля. Послѣдній говоритъ о томъ, что ему извѣстно по дѣлу, т. е. по обстоятельствамъ, касающимся подсудимаго и составляющимъ житейскую ткань разбираемаго случая, — экспертъ же даетъ заключеніе о томъ, что говоритъ ему его знаніе, опытъ и навыкъ о спорныхъ, сомнительныхъ или неясныхъ безъ его помощи объективныхъ данныхъ дѣла, совершенно независимо отъ ихъ отношенія къ виновности или невиновности заподозрѣннаго, обвиняемаго или подсудимаго. Поэтому, въ предѣлахъ своего показанія, онъ является научнымъ судьею того матеріала, который имъ добытъ путемъ изслѣдованія или подвергнутъ его разсмотрѣнію. Конечно, его заключеніе не можетъ быть обязательнымъ для суда и отнюдь не является преду-

становленнымъ доказательствомъ, не подлежащимъ провѣркѣ или критикѣ. Въ распоряженіи суда нерѣдко находятся житейскія данныя и свѣдѣнія, которыя могутъ не только не сливаться съ выводами экспертизы въ одно цѣлое, но даже и прямо имъ противорѣчатъ на почвѣ логики фактовъ. Но, во всякомъ случаѣ, критика экспертизы должна быть строго обоснована — и къ труду эксперта, часто очень большому и требующему траты силъ и времени, надо относиться съ особымъ вниманіемъ. Научные выводы могутъ быть разнорѣчивы подъ вліяніемъ различныхъ методовъ и точекъ зрѣнія, но изъ того, что, по словамъ латинской поговорки, «Гиппократъ твердитъ одно, а Галліенъ другое», не слѣдуетъ, чтобы каждый изъ нихъ не заслуживалъ вдумчиваго къ себѣ отношенія.

Между экспертами, которыхъ мнѣ приходилось слышать на судѣ, первое и главное мѣсто занимали *судебные врачи*, мнѣніе которыхъ очень часто имѣло рѣшающее значеніе для дѣла. По широтѣ, научности и способу изложенія своихъ мнѣній они явственно дѣлились на двѣ категоріи. Къ *первой* принадлежали уѣздные, полицейскіе и городовые врачи, старавшіеся обыкновенно вдвинуть свое заключеніе въ узкія рамки устава судебной медицины, содержащагося въ XIII томѣ Свода Законовъ. Не мудрствуя лукаво, стараясь выразиться по возможности кратко и въ терминахъ, принятыхъ въ законѣ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ отличались большой рѣшительностью выводовъ. Вызванные въ судебное засѣданіе, они упорно держались разъ высказаннаго взгляда и не любили подвергаться перекрестному допросу и въ особенности подробнымъ разспросамъ объ основаніяхъ своихъ выводовъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда такой врачъ, желая блеснуть ученостью, употреблялъ мало извѣстные или своеобразные термины, за что, если дѣло слушалось при участіи экспертовъ второй категоріи, о которыхъ я скажу ниже, ему подчасъ довольно больно доставалось отъ своихъ же ученыхъ коллегъ. Такъ, я помню, какъ былъ растерянъ и сконфуженъ Валковскій уѣздный врачъ Скиндеръ, котораго по дѣлу объ убійствѣ Тараса Свинаря совсѣмъ прижалъ къ стѣнѣ профессоръ Лямбль, допытываясь отъ него объ-

ясненія — что онъ разумѣлъ подъ словами «tonsura potatorum», употребленными имъ при описаніи твердой мозговой оболочки убитаго. Не могу, впрочемъ, не признать, что почти всегда у этихъ скромныхъ провинціальныхъ работниковъ я встрѣчалъ добросовѣстный трудъ и желаніе послужить дѣлу правосудія безъ всякой предвзятой мысли или тенденціи. У меня было лишь одно столкновеніе, при наблюденіи за слѣдствіемъ, съ такимъ экспертомъ во время бытности моей товарищемъ прокурора харьковскаго Окружного Суда, когда пришлось настоять на пощадѣ чувствъ осиротѣлой, плачущей семьи убитаго — уважительнымъ отношеніемъ къ его трупу, при производствѣ вскрытія въ крестьянской хатѣ.

Вторую категорію составляли профессора медицинскаго факультета и врачи-спеціалисты. Привычка большинства изъ нихъ къ преподаванію облегчала имъ дачу заключеній въ судебныхъ засѣданіяхъ и позволяла, не стѣсняясь въ словахъ для выраженія своей мысли, развивать ее съ научной широтой и глубиной. Очень часто, особливо въ первые годы судебной реформы, эти заключенія обращались въ цѣлыя ученыя лекціи, поучительныя для слушателей. Особеннымъ блескомъ, на моей памяти, отличались словесныя заключенія профессоровъ Харьковскаго университета, вызываемыхъ въ качествѣ экспертовъ. Я уже говорилъ, вспоминая мою прокурорскую службу въ Харьковѣ, о Душанѣ Федоровичѣ *Лямблѣ*. Слушать его образную, строго научную, богатую опытомъ и многочисленными примѣрами рѣчь было истиннымъ наслажденіемъ. Я не могу забыть его блестящихъ заключеній о признакахъ, теченіи и исходѣ сотрясенія мозга,— его глубокой, всесторонней психіатрической экспертизы по дѣлу Андрусенка, обвиняемаго въ отцеубійствѣ, длившейся, при общемъ неослабномъ вниманіи, болѣе двухъ часовъ. Не менѣе содержательны были и экспертизы Вильгельма Федоровича *Грубе* по вопросамъ о поврежденіяхъ травматическаго свойства. Мнѣ кажется, что я и сейчасъ вижу предъ собою его умное лицо, бѣлокурые съ просѣдью волосы, мягкій взоръ его голубыхъ глазъ и слышу его точное и убѣдительное слово съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Воспоминаніе о немъ связано для меня

съ дѣломъ объ убійствѣ ходатаемъ по дѣламъ Дорошенко извозчика Сѣверина, дѣломъ, которое наглядно показало разницу между нашимъ старымъ и новымъ уголовнымъ процессомъ. Жившій въ подгородномъ селѣ Григоровкѣ, Дорошенко, вернувшись изъ Харькова съ именинnаго обѣда и, находясь, по характерному показанію одного изъ свидѣтелей, «подъ фантазіей», разсердился на привезшаго его легкового извозчика Сѣверина по поводу расчетовъ за ѣзду и нанесъ ему нѣсколько сильныхъ ударовъ въ лицо. Вернувшись окровавленный въ Харьковъ, Сѣверинъ заявилъ въ полицейскомъ управленіи жалобу на Дорошенко, впалъ затѣмъ въ горячечное состояніе, при чемъ ему въ бреду казалось, что его продолжаютъ бить въ Григоровкѣ, и черезъ двѣ недѣли скончался, придя на краткое время въ сознаніе и сказавъ женѣ: «прощай, за мной пріѣхали». Вопреки просьбѣ жены, полицейскимъ врачомъ Щелкуновымъ было произведено вскрытіе трупа умершаго и заявлено присутствовавшимъ при осмотрѣ понятымъ, что «покойникъ умеръ отъ водочки». Уѣздный исправникъ Танковъ посовѣтовалъ вдовѣ Сѣверина отправиться съ даннымъ ей письмомъ къ Дорошенкѣ и просить пособія, «если милость его на то будетъ», а архивъ полицейскаго управленія обогатился новымъ дѣломъ о *скоропостижной* смерти Сѣверина, заключающимъ въ себѣ актъ вскрытія трупа и заключеніе врача съ обозначеніемъ, что покойному было шестьдесятъ лѣтъ, тѣлосложенія онъ былъ слабаго, различныя части мозга, мозговыя оболочки и сосуды были найдены переполненными кровью, при чемъ существо мозга при разрѣзѣ представляло множество кровяныхъ точекъ,— въ виду чего и принимая во вниманіе истощенныя стѣнки сердца, врачъ призналъ причиной смерти порокъ сердца. Такъ дѣло о «скоропостижной смерти» послѣ *двухнедѣльной* болѣзни и заглохло, и Дорошенко, имѣвшій связи и покровителей въ нѣкоторыхъ кругахъ Харькова, продолжалъ пользоваться возможностью «бить всѣхъ извозчиковъ безъ исключенія», какъ онъ самъ заявилъ одному изъ свидѣтелей по дѣлу. Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Сѣверина въ Харьковской губерніи была введена судебная реформа, и въ концѣ января 1868 года по «совѣту доб-

рыхъ людей» вдова покойнаго обратилась къ мѣстному прокурорскому надзору, принесла пропитанную засохшею кровью шапку мужа и заявила, что по словамъ понятыхъ врачъ Щелкуновъ ограничился лишь разрѣзомъ «живота», а на замѣчаніе ихъ, что «коли потрошить, такъ ужъ всего», крикнулъ: «молчать!» и пригрозилъ арестомъ. Хотя очевидной связи между побоями, нанесенными Сѣверину, и результатомъ вскрытія, повидимому, не было, но намъ, молодымъ товарищамъ прокурора (покойному Морошкину и мнѣ), все это дѣло показалось подозрительнымъ, а разсказъ Сѣвериной представился заслуживающимъ довѣрія, и, по нашему общему соглашенію, рѣшено было начать слѣдствіе и вырыть изъ земли трупъ Сѣверина. Непосредственный результатъ этого произошелъ наши ожиданія. Оказалось, что покойному было около тридцати лѣтъ, что онъ былъ умѣреннаго тѣлосложенія и что голова его вовсе вскрыта не была, мозгъ никакихъ кровоизліяній не представлялъ, сердце оказалось разрѣзаннымъ на нѣсколько кусковъ, носовая кость надломлена и расколота, а въ легкихъ чахоточные бугорки. Допросъ многочисленныхъ свидѣтелей при слѣдствіи установилъ причинную связь между побоями, болѣзнью и смертью—и я составилъ обвинительный актъ о преданіи Дорошенко суду за нанесеніе Сѣверину, безъ намѣренія причинить ему смерть, побоевъ, вызвавшихъ таковую (1464 ст. Улож. о наказ.).

Грозившая Дорошенкѣ возможность осужденія и вѣроятность возникновенія вслѣдъ затѣмъ вопроса объ отвѣтственности исправника Танкова и врача Щелкунова очень взволновали ихъ многочисленныхъ друзей и создали цѣлую легенду о раздуваніи мною дѣла о невинномъ въ сущности человѣкѣ. Эта легенда, къ удивленію моему, повліяла и на вновь назначеннаго прокурора Судебной Палаты Писарева, который въ засѣданіи обвинительной камеры съ горячностью опровергалъ мой обвинительный актъ и предлагалъ прекратить дѣло. Но Судебная Палата съ этимъ не согласилась и предала Дорошенко суду присяжныхъ засѣдателей. Въ судебномъ засѣданіи въ защиту Дорошенко выступилъ цѣлый рядъ «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей», изъ показаній которыхъ явствовало, что чуть ли не самъ Сѣверинъ

побилъ Дорошенка, и что найденное у послѣдняго при обыскѣ большое и тяжелое чугунное кольцо, которымъ могъ быть вооруженъ указательный палецъ кулака, нанесшаго поврежденіе носовой кости Сѣверина, обвиняемый носилъ не на правой, а на лѣвой рукѣ. Эксперты-профессора университета Питра, Лямбль и Грубе, признавая причинную связь между болѣзнью Сѣверина и полученными имъ побоями, нѣсколько разошлись во взглядахъ на причину смерти. Первый находилъ, что она вызвана ослабленіемъ организма подъ вліяніемъ горячечнаго состоянія, — второй развилъ блестящую картину сотрясенія мозга, — а третій призналъ, что ударъ, сопровождавшійся переломомъ носовыхъ костей и обильнымъ кровотеченіемъ, причиненное имъ сильное душевное потрясеніе и быстро развившееся малокровіе должны были вызвать, какъ это показываетъ неоднократный научный опытъ, скоротечную просовидную бугорчатку и смерть. На это разнорѣчіе экспертовъ особенно указывалъ въ своихъ объясненіяхъ защитникъ Дорошенко Боровиковскій, доказывая присяжнымъ, что экспертиза противорѣчитъ элементарнымъ правиламъ ариѳметики, по которымъ дважды два всегда есть четыре, а не пять и не три. Это заставило меня въ возраженіи своемъ просить присяжныхъ обратиться къ другому предмету школьнаго преподаванія — не къ ариѳметикѣ, а къ географіи — и припомнить, что круглоту земли доказываютъ нѣсколькими способами, указывая на появленіе на горизонтѣ корабля, на затменіе луны и т. п., изъ чего однако не слѣдуетъ, что доказывающіе неправы. И въ этомъ дѣлѣ эксперты одинаково признаютъ смерть Сѣверина отъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ Григоровкѣ, но только приходятъ къ своему единогласному выводу путемъ различныхъ соображеній, дѣлая его тѣмъ самымъ болѣе прочнымъ.

Я опасался, однако, что такое частичное разногласіе экспертовъ можетъ смутить присяжныхъ, и когда судебное слѣдствіе подходило къ концу, не чувствовалъ нѣкоторой увѣренности въ томъ, что присяжные раздѣлятъ мой взглядъ и тѣмъ самымъ оправдаютъ то направленіе, которое я далъ слѣдствію по дѣлу. Въ моей впечатлительной молодой душѣ начинала возникать мысль

о выходѣ въ отставку, такъ какъ оправдательный приговоръ присяжныхъ лишь послужилъ бы подтвержденіемъ мнѣнія главы прокуратуры, которой я былъ младшимъ членомъ, о томъ, что я «раздулъ» дѣло, т. е. злоупотребилъ своимъ служебнымъ положеніемъ. Заключая судебное слѣдствіе, предсѣдатель суда Фуксъ обратился къ сторонамъ съ обычнымъ вопросомъ о томъ, чѣмъ желали бы онѣ дополнить дѣло. Вспомнивъ, что чугунное кольцо лежало предъ судомъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, я просилъ предъявить его подсудимому и предложить ему надѣть таковое на руку. Обвиняемый снисходительно улыбнулся и, взявъ изъ рукъ судебнаго пристава кольцо, съ особыми усиліями и видимой натугой сталъ надвигать его на правый и лѣвый указательные пальцы. Кольцо не шло дальше второй фаланги лѣваго пальца и первой фаланги праваго. «Я очень пополнѣлъ послѣдніе годы, сказалъ Дорошенко, — и кольцо уже давно долженъ былъ снять».—«Не могутъ ли эксперты,—сказалъ я—опредѣлить, нѣтъ ли на рукахъ подсудимаго слѣдовъ недавняго ношенія кольца въ видѣ полоски, обыкновенно остающейся еще нѣкоторое время послѣ того, какъ кольцо снято?»—Дорошенко, по приказанію предсѣдателя, оставилъ скамью подсудимыхъ и вышелъ на середину залы передъ судейскимъ столомъ. Его окружили эксперты, защитникъ и судебный приставъ. Вдругъ на умномъ и красивомъ лицѣ Фукса выразилось изумленіе, онъ широко раскрылъ глаза, а затѣмъ многозначительно взглянулъ на меня. «Не угодно ли одному изъ экспертовъ дать заключеніе?» сказалъ онъ—и передъ судейскимъ столомъ остались подсудимый, съ низко опущенной головой, и профессоръ Грубе.—«Прежде, чѣмъ искать полоски отъ кольца,—произнесъ своимъ спокойнымъ тономъ Грубе, — мы попробовали надѣть кольцо на руку г. Дорошенко и нашли, что оно при медленномъ поворачиваніи свободно входитъ на весь указательный палецъ его правой руки, на которой есть еще слегка замѣтные слѣды пребыванія кольца». И съ этими словами онъ взялъ правую руку Дорошенко и поднялъ ее вверхъ. На третьей фалангѣ указательнаго пальца правой руки чернѣлъ крупный чугунный перстень... Присяжные переглянулись между собою, и по лицамъ ихъ я

увидѣлъ, что пренія сторонъ могли быть излишни. Дѣло было рѣшено въ обвинительномъ смыслѣ безповоротно...

Ученая экспертиза на судѣ имѣла, однако, въ мое время двѣ нежелательныя особенности. *Первая* состояла въ томъ, что существовавшія внутри медицинскаго факультета разногласія и ученыя распри, вольно или невольно со стороны экспертовъ, находили себѣ отраженіе въ ихъ объясненіяхъ на судѣ. Это особенно проявлялось въ Харьковѣ, гдѣ въ совѣтѣ медицинскаго факультета рѣзко обозначались разногласія между профессорами по вопросамъ, входившимъ между прочимъ и въ область судебной медицины. Въ провинціальномъ городѣ, въ то время (конецъ шестидесятыхъ годовъ), не имѣвшемъ и половины теперешняго числа обитателей, внутренняя жизнь университетской коллегіи легко становилась достояніемъ городскихъ слуховъ, — и свѣдѣніями о взаимныхъ отношеніяхъ профессоровъ пользовались обыкновенно защитники, прося судъ о вызовѣ такихъ экспертовъ, про которыхъ можно было предположить, что они, если только будетъ какая-либо возможность, не согласятся съ экспертами, вызванными со стороны обвинительной власти. Такъ, напримѣръ, Лямблю и Грубе обыкновенно противопоставлялись два ихъ завѣдомыхъ противника—и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соперника. Такъ какъ экспертовъ не удаляли, какъ свидѣтелей, изъ залы засѣданія до допроса, а предоставляли имъ, съ согласія сторонъ, оставаться въ ней все время, почему они давали свои объясненія въ присутствіи товарищей, то на судѣ иногда происходили эпизоды, оставлявшіе довольно тягостное впечатлѣніе. Я помню, какъ однажды профессоръ Питра отказался отвѣчать на предлагаемые ему его же товарищемъ-оппонентомъ вопросы, якобы для выясненія его взгляда на дѣло, сказавъ: «Господинъ предсѣдатель, я пришелъ сюда давать заключеніе по судебно-медицинскимъ вопросамъ, но не держать вновь экзаменъ».

Весьма страстную критику встрѣчали со стороны одного изъ профессоровъ, постоянно пререкавшагося съ Лямблемъ, экспертизы послѣдняго; не оставалось безъ острыхъ возраженій и начертаніе послѣднимъ, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ случаямъ,

картины сотрясенія мозга. По этому поводу мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Занимаясь еще на университетской скамьѣ съ особенной любовью судебной медициной и слушая не только преподаваніе этой науки на юридическомъ факультетѣ, но и посѣщая вмѣстѣ со студентами-медиками лекція профессора Мина (извѣстнаго переводчика Данте), я постоянно слѣдилъ за спеціальной литературой, поскольку она касалась судебной медицины и психіатріи. Наканунѣ слушанія дѣла о нанесеніи смертельныхъ ударовъ въ голову крестьянину Павлу Калитѣ его братомъ Иваномъ Калитою, я купилъ только-что полученный въ Харьковѣ выпускъ «клиническихъ лекцій Труссо» со статьею о лѣченіи кровоизліяній въ мозгъ посредствомъ кровопусканія. Въ этой статьѣ говорилось о коварномъ ходѣ сотрясенія мозга, дающемъ вначалѣ поводъ думать, что нанесеніе удара или ушибъ не повлекутъ за собою вредныхъ послѣдствій, такъ какъ получившій ихъ вскорѣ возвращается къ обычнымъ занятіямъ, жалуясь лишь на недомоганіе, которое, однако, затѣмъ постепенно усиливается и оканчивается смертью, какъ прямымъ послѣдствіемъ происшедшаго сотрясенія мозга. «Бываетъ, — говоритъ Труссо, — что во время сраженія воинъ, контуженный или оглушенный ударомъ, быстро приходитъ въ себя и продолжаетъ нести свои обязанности и лишь гораздо позже начинаетъ являть болѣзненные признаки и, наконецъ, погибаетъ. Только *неопытный хирургъ* не усмотритъ въ данномъ случаѣ несомнѣннаго сотрясенія мозга». Я взялъ эту статью съ собою въ судебное засѣданіе и, когда на Лямбля, изложившаго свой обычный взглядъ на commotio cerebri, напалъ нарочито вызванный защитой его противникъ, спеціалистъ по хирургіи, доказывая неосновательность и ненаучность его мнѣнія о коварномъ ходѣ этого поврежденія, я попросилъ его сообщить суду—извѣстенъ ли ему взглядъ на ходъ сотрясенія мозга такихъ великихъ хирурговъ, какъ Пироговъ и Нелатонъ. «Мнѣ не приходилось встрѣчаться съ ихъ мнѣніемъ, но я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что они не согласились бы съ мнѣніемъ профессора Лямбля. — А признаете ли вы авторитетнымъ мнѣніе Труссо? не безъ умысла спросилъ я.— О, да, конечно! — Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ, съ разрѣ-

шенія суда, прочесть одну страничку изъ его клиническихъ лекцій.—И я прочелъ. При словахъ *неопытный хирургъ* ученый свѣдущій человѣкъ вспыхнулъ и съ раздраженіемъ воскликнулъ: «Послѣ этого я вамъ скажу, что самъ Труссо—неопытный хирургъ!» — Присяжные, однако, согласились съ Лямблемъ... и съ Труссо.

Другая особенность состояла въ томъ, что большая часть экспертовъ знала по опыту или по наслышкѣ старый дореформенный уголовный судъ, его бумажное производство и главныхъ двигателей въ рѣшеніи каждаго дѣла — секретарей разныхъ ранговъ, — которые въ вопросахъ судебной медицины не только ничего не понимали, но и вовсе не интересовались таковыми, особенно при доказанности событія преступленія. По отношенію къ виновнику въ ихъ распоряженіи былъ цѣлый арсеналъ совершенныхъ и несовершенныхъ формальныхъ доказательствъ, пользуясь которыми они всегда могли свести судьбу обвиняемаго на «оставленіе въ подозрѣніи». Поэтому появленіе молодыхъ юристовъ, знакомыхъ съ судебно-медицинской литературой и имѣющихъ смѣлость не соглашаться, спорить и относиться въ публичной рѣчи отрицательно къ выводамъ экспертизы, вызывало въ свѣдущихъ по судебной медицинѣ людяхъ, въ первое время послѣ введенія судебной реформы, нѣкоторое непріятное впечатлѣніе и высокомѣрное недоумѣніе. Для послѣдняго, впрочемъ, нерѣдко подавали поводъ и молодые дѣятели обновленнаго суда, приступавшіе къ судебной практикѣ не только со скуднымъ багажемъ знаній по части судебной медицины, но и съ поразительнымъ невѣжествомъ относительно строенія человѣческаго тѣла. Въ университетахъ большинство студентовъ юридическаго факультета относилось небрежно къ судебной медицинѣ, которая, по какому-то недоразумѣнію, не считалась въ числѣ главныхъ предметовъ юридическаго курса;—въ Училищѣ Правовѣдѣнія эта наука долгое время находилась въ загонѣ, и мнѣ, при чтеніи лекцій уголовнаго судопроизводства въ этомъ училищѣ съ 1876 по 1883 г., приходилось посвящать значительную часть курса ознакомленію моихъ слушателей съ элементарными судебно-медицинскими вопросами, которые ихъ

ждали тотчасъ по поступленіи на службу;—въ Александровскомъ лицеѣ, откуда тоже нерѣдко поступаютъ на судебную службу, судебная медицина не читается вовсе, и я знакомлю съ нею слушателей въ моемъ курсѣ уголовнаго судопроизводства. Въ моей практикѣ встрѣчались случаи, когда эксперты первой категоріи, о которыхъ я говорилъ выше, вынуждены были признавать свое категорическое мнѣніе не только условнымъ, но и лишеннымъ твердыхъ основаній. Помню, какъ въ одномъ дѣлѣ экспертъ—полицейскій врачъ, на вопросъ мой: «почему при вскрытіи не были перевязаны имъ большіе сосуды сердца?» наставительно сказалъ мнѣ, что это дѣлается исключительно при операціяхъ надъ живыми, на что долженъ былъ выслушать указаніе на Уставъ Судебной Медицины, въ которомъ это перевязываніе предписывается въ главѣ о судебномъ осмотрѣ *мертвыхъ* тѣлъ, такъ какъ, будучи произведено на живомъ, несомнѣнно обратитъ его въ мертвое тѣло.

Такое же отношеніе къ прокурору, какъ къ чиновнику, которому нечего совать носъ въ область судебной медицины, гдѣ онъ ничего не можетъ понимать, встрѣтилъ я въ Казани въ первый годъ судебной реформы въ казанскомъ судебномъ округѣ. Первымъ дѣломъ, назначеннымъ къ слушанію съ присяжными, было дѣло объ убійствѣ посредствомъ отравленія и задушенія отставного рядового Бѣлова его женой и ея сожителемъ Каляшинымъ. Обвиненіе было построено на очень вѣскихъ косвенныхъ уликахъ и на томъ, что отъ дома убитаго до мѣста, гдѣ былъ найденъ его трупъ, шли явные слѣды перетаскиванія послѣдняго; въ желудкѣ же его былъ найденъ мышьякъ, а на шеѣ несомнѣнные слѣды удавленія. Всѣ эти данныя подкрѣплялись еще соображеніемъ, что Бѣловъ, много лѣтъ проведшій на военной службѣ и потомъ сидѣвшій за кражу въ острогѣ, вернувшись домой, стѣснялъ и даже дѣлалъ невозможнымъ образовавшееся между отвыкшей отъ него женой и принятымъ ею въ домъ Каляшинымъ прочное сожительство. На судѣ было два эксперта: уѣздный врачъ, производившій вскрытіе трупа Бѣлова, и профессоръ судебной медицины И. М. Гвоздевъ. Въ мнѣніяхъ своихъ они разошлись. Гвоздевъ подробно высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы въ

данномъ случаѣ было отравленіе и задушеніе, потому что въ трупѣ было найдено чрезмѣрно большое количество мышьяку — 18 гранъ, а явленія, характеризующія задушеніе, могли произойти и отъ замерзанія и отъ смерти, вслѣдствіе крайняго опьянѣнія. Мнѣ пришлось вступить съ нимъ въ споръ, доказывая, что Бѣловъ, выпившій на чужой счетъ въ кабакѣ, но пришедшій домой и сѣвшій къ женѣ на лавочку, чтобы покурить, не могъ считаться мертвецки-пьянымъ, а въ разгарѣ лѣта, въ жаркіе іюльскіе дни, замерзнуть невозможно. Что же касается до чрезмѣрнаго количества мышьяку, то противъ моей ссылки на Каспера, Бухнера и Орфилу, находившихъ въ трупахъ отравленныхъ не только 16 гранъ мышьяку, но гораздо большее количество, въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 180 гранъ, — Гвоздевъ не возражалъ. Обвинительный приговоръ присяжныхъ, — среди которыхъ находились два профессора медицинскаго факультета, — произвелъ въ городѣ большое впечатлѣніе, а въ мѣстномъ медицинскомъ обществѣ вызвалъ цѣлую бурю негодованія противъ какого-то прокурора, который, забывъ поговорку: «знай сверчокъ свой шестокъ», позволилъ себѣ не соглашаться съ авторитетнымъ мнѣніемъ научнаго спеціалиста. Я прислушивался къ шуму этой бури спокойно, приписывая ее непониманію значенія эксперта на судѣ и зная, что въ концѣ концовъ былъ правъ я, а не мой ученый противникъ, такъ какъ на другой день послѣ приговора осужденные сознались товарищу прокурора, завѣдывавшему мѣстами заключенія, въ отравленіи Бѣлова и въ послѣдовавшемъ его задушеніи, такъ какъ отъ даннаго ему въ квасѣ яда онъ умиралъ слишкомъ медленно — и просили лишь отправить ихъ въ ссылку одновременно.

Съ тѣхъ поръ судьба судила мнѣ не разъ не соглашаться съ Гвоздевымъ. Добрый и прекрасный по душѣ человѣкъ, авторъ нѣсколькихъ интересныхъ монографій, Иванъ Михайловичъ Гвоздевъ имѣлъ своеобразный взглядъ на судебную медицину, который онъ не разъ высказывалъ и мнѣ. Эта наука обязывала, по его мнѣнію, судебнаго врача къ самымъ широкимъ сомнѣніямъ при ея практическомъ примѣненіи. «Широкія сомнѣнія умѣстны и желательны у судьи по существу дѣла, — возражалъ я, — но

экспертъ, являясь научнымъ судьею факта, совершенно безотносительно къ значенію, которое будетъ придано этому факту судомъ, призывается для дачи суду категорическаго отвѣта и не можетъ говорить: «я знаю, что я ничего не знаю». Но онъ оставался при своемъ взглядѣ и настойчиво проводилъ его въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ требовалась его экспертиза. Его настойчивый скептицизмъ оказывалъ вліяніе и на другихъ врачей, вызываемыхъ въ судебныя засѣданія. Тѣ, которые уже высказались при слѣдствіи опредѣленно, начинали колебаться, а представшіе предъ судомъ впервые нерѣдко начинали «jurare in verba magistri» или, въ отсутствіе Гвоздева, не всегда удачно и умѣло подражать ему. Такъ случилось въ дѣлѣ извозчика Ковалинскаго, обвиняемаго въ убійствѣ, въ запальчивости и раздраженіи, своей любовницы Прасковьи Федоровой. По характерному показанію обвиняемаго, послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ его связи съ Федоровой, онъ задумалъ жениться на знакомой дѣвушкѣ и «въ знакъ согласія» получилъ отъ нея платокъ, который, будучи хмеленъ, показалъ Прасковьѣ, съ объясненіемъ его значенія. На другой день она дала ему «опохмелиться» стаканъ мутной водки, отъ которой онъ почувствовалъ «лютую тоску» и сталъ постоянно плакать, будучи «не радъ вольному свѣту» до такой степени, что хотѣлъ зарѣзаться. Внявъ затѣмъ уговору Прасковьи, онъ отослалъ платокъ назадъ, уплатилъ «за убытки отъ приготовленій къ свадьбѣ» два рубля и, поклявшись предъ образомъ не разлучаться съ Федоровой, сталъ ее любить до крайности, тосковать по ней и «при каждомъ ея сердитомъ словѣ чебурахаться ей въ ноги». Но по прошествіи четырехъ лѣтъ она стала, по его выраженію, «тумашиться и громоздиться», гулять съ солдатами и ходить въ «дешевку». Послѣ цѣлаго дня ссоръ, примиреній и попойки въ кабакѣ, содержимомъ мѣщаниномъ Анонимовымъ (sic!), Ковалинскій усадилъ Прасковью въ свои дрожки и повезъ домой. Она рвалась къ звавшимъ ее солдатамъ, ссорилась съ нимъ. Такъ они выѣхали въ поле за полверсты отъ Казани, и здѣсь, выпавъ вмѣстѣ съ нею изъ опрокинувшейся отъ крутого поворота пролетки, Ковалинскій, у котораго «загорѣлось сердце», тяжелымъ желѣзнымъ колеснымъ ключомъ

нанесъ ей страшные удары въ голову, размозжившіе черепъ на 50 осколковъ и разбросавшіе мозгъ, переломалъ всѣ ребра и ключицу, сломалъ подъязычную кость и т. д. — На судѣ обвиняемый угрюмо и кратко призналъ себя виновнымъ, сказавъ: «мой грѣхъ», но одинъ изъ приглашенныхъ врачей, забывая очевидно, что «quod licet Jovi — non licet bovi», совершенно неожиданно сталъ объяснять, что сомнѣвается въ томъ, чтобы Ковалинскій наносилъ ударъ живой женщинѣ, а не трупу, такъ какъ онъ предполагаетъ, что, упавши съ пролетки, она такъ сильно ударилась головою о мерзлую землю, что тутъ же лишилась жизни, а Ковалинскій неистовствовалъ уже надъ трупомъ. На обычное обращеніе предсѣдателя къ подсудимому о томъ, что имѣетъ онъ сказать по поводу показанія эксперта, Ковалинскій вдругъ оживился и, обращаясь къ эксперту, сказалъ: «Ну, ужъ это вы напрасно изволите говорить, что я мертвую билъ: я на такое надругательство не согласенъ. А билъ я живую, потому что она всякую совѣсть потеряла и распутницей стала. Когда я первый разъ ее ударилъ, она завизжала и меня за палецъ больно укусила, тогда я ее въ другой разъ, а сколько разъ потомъ — ужъ и вспомнить не могу: сильно выпивши былъ».

При встрѣчѣ съ Гвоздевымъ, мы разговорились объ этомъ случаѣ, и я шутливо замѣтилъ ему, что благодаря его постояннымъ сомнѣніямъ, соблазняющимъ подражать ему, скоро по каждому дѣлу придется неизбѣжно имѣть двухъ противниковъ: эксперта и защитника. «Вы увидите когда-нибудь, — сказалъ онъ мнѣ, — что вы неправы, приписывая мнѣ односторонній взглядъ на мою задачу и возражая на высказываемыя мною сомнѣнія. Тамъ, гдѣ я буду убѣжденъ въ виновности, я не затруднюсь высказать категорическое мнѣніе».—Вскорѣ намъ пришлось встрѣтиться на дѣлѣ, гдѣ самое событіе преступленія могло подвергаться сомнѣнію, такъ какъ можно было съ одинаковой правдоподобностью видѣть въ немъ убійство или самоубійство. Данныя въ пользу того и другого рѣшенія были довольно шатки. Одна и та же семейная обстановка лица, лишеннаго жизни, давала поводъ предполагать и корыстное лишеніе жизни съ цѣлью скорѣйшаго полученія наслѣдства и самоубійство вслѣдствіе

отвращенія къ жизни, отравленной домашними дрязгами. Данныя судебно-медицинскаго осмотра были вполнѣ объективны и указывали лишь на способъ лишенія жизни, который одинаково могъ быть употребленъ какъ своею, такъ и постороннею рукою. На впечатлительнаго Гвоздева, очевидно, подѣйствовала въ пользу предположенія объ убійствѣ развернувшаяся предъ нимъ на судѣ картина затаенной семейной ненависти, той усиленной и безпощадной ненависти, которая возникаетъ иногда между родными, какъ бы старающимися оправдать слова Писанія, рисующаго первое умышленное лишеніе жизни именно какъ братоубійство — и она склонила вѣсы его заключенія въ пользу убійства, что было, конечно, тяжело его доброму сердцу. Но я не находилъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы видѣть въ этомъ случаѣ убійство, и, стараясь всегда очень осторожно обходиться съ косвенными уликами, не чувствовалъ себя убѣжденнымъ въ виновности подсудимаго и потому, согласно 740 ст. Уст. Угол. Судопр., заявилъ суду, что отказываюсь поддерживать обвиненіе. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ. Такъ и не пришлось намъ ни разу сойтись съ Гвоздевымъ во взглядѣ на дѣло, но тѣмъ не менѣе я сохранилъ теплыя воспоминанія о его благородствѣ, о чистотѣ его побужденій и о его обширныхъ познаніяхъ. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ по оставленіи мною Казани, мы встрѣтились съ нимъ на Кавказѣ, въ Ессентукахъ, и, какъ это иногда бываетъ между старыми противниками, сердечно обрадовались другъ другу и много часовъ провели вмѣстѣ, съ улыбкой вспоминая наши былые споры, которые лишь способствовали всестороннему освѣщенію дѣла передъ присяжными. Съ грустью пришелъ я потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, поклониться его праху, праху живого свидѣтеля и участника свѣтлыхъ и счастливыхъ дней введенія судебной реформы, когда новая дѣятельность до глубины души захватывала тѣхъ, кто такъ или иначе проходилъ на служеніе русскому правосудію...

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ я буду говорить о психіатрической экспертизѣ. Воспоминанія эти довольно неутѣшительны, но было бы несправедливо думать, что у меня не сохранилось въ памяти и по этой части

заслуживающихъ уваженія свѣтлыхъ образовъ. При экспертизахъ по дѣламъ, гдѣ у суда возникало сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго, приходилось не только съ особымъ вниманіемъ прислушиваться къ объясненіямъ отца русской психіатріи Балинскаго и его учениковъ Дюкова, Мержеевскаго, Черемшанскаго, Четотта и Сикорскаго, но и многому отъ нихъ поучаться. Глубокое знаніе не только своего предмета, но и жизни въ ея сложныхъ проявленіяхъ, всегда отличало экспертизу Балинскаго. Я не могу забыть до сихъ поръ нѣкоторыхъ изъ этихъ блестящихъ узоровъ на строгой канвѣ глубокаго опыта и вдумчивости. Я помню, какъ поразилъ онъ присутствовавшихъ по дѣлу объ одномъ злостномъ убійцѣ неповинной дѣвушки-служанки, который представлялъ полную картину двухъ видовъ душевной болѣзни, отчетливую до мельчайшихъ подробностей. Когда освидѣтельствованіе кончилось, и обвиняемый былъ удаленъ, Балинскій необыкновенно тонко разобралъ оба его душевныхъ состоянія, указывая, что, теоретически говоря, онъ несомнѣнно страдаетъ душевнымъ разстройствомъ въ обоихъ видахъ, но что съ точки зрѣнія психіатрической практики оба эти состоянія совершенно исключаютъ одно другое и никогда не встрѣчаются вмѣстѣ, такъ что обвиняемый — чрезвычайно искусный притворщикъ, вѣроятно, изучившій по какой-нибудь книгѣ всѣ внѣшніе признаки своихъ душевныхъ болѣзней, но, на горе себѣ, въ своемъ усердіи соединившій воедино несоединимое. Осмотромъ камеры обвиняемаго было обнаружено, что у него подъ тюфякомъ хранилась извѣстная книжка «о болѣзняхъ души» Маудсли, тщательно, какъ видно было по отмѣткамъ, имъ изученная. Узнавъ о заключеніи Балинскаго и о найденной книгѣ, онъ разсмѣялся и сказалъ: «Ну, будетъ! довольно притворяться! надоѣло»... Не меньшею содержательностью, но пожалуй еще большею эрудиціей отличались заключенія Мержеевскаго. Объясняя и выясняя душевное состояніе обвиняемаго, онъ начиналъ съ широкой периферіи отдаленныхъ явленій и, постепенно суживая круги, дѣлалъ ихъ все ярче и ярче, и, наконецъ, сводилъ къ ясно выраженному и точно опредѣленному болѣзненному состоянію.

И скольких изъ нихъ уже нѣтъ! Лямбль, Грубе, Питра, Гвоздевъ, Мержеевскій, Дюковъ, Балинскій, Черемшанскій... сколько воспоминаній о прошломъ возбуждаетъ во мнѣ каждое изъ этихъ именъ! Да будетъ имъ легка земля! говорю я съ благодарнымъ чувствомъ за то безкорыстное содѣйствіе, которое каждый изъ нихъ оказывалъ тяжелому дѣлу нелицепріятнаго правосудія.

Между *не медицинскими* экспертизами, съ которыми мнѣ пришлось ознакомиться на своемъ вѣку, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ *художественная*. Я разумѣю здѣсь не то, довольно частое, заключеніе свѣдущихъ людей объ оригинальномъ происхожденіи статуй или картинъ по дѣламъ, гдѣ возникало обвиненіе лица, сбывшаго подложную картину или статую, какъ произведеніе того или другого знаменитаго художника или скульптора. Въ этихъ случаяхъ сравненіе или сличеніе обращалось на технику исполненія, на особенности, свойственныя художнику, на его подпись, на состояніе полотна и красокъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на условные знаки, употребляемые художникомъ. Не разумѣю также и экспертизы археологической, направленной на установленіе дѣйствительности давняго происхожденія предметовъ древности, столь искусно поддѣлываемыхъ въ послѣднее время для опустошенія кармановъ не только легковѣрныхъ американцевъ, но иногда и хранителей европейскихъ музеевъ, чему яркимъ примѣромъ служитъ извѣстная исторія съ тіарой скиѳскаго царя Сатаферна. Въ этихъ случаяхъ объектомъ изслѣдованія былъ неодушевленный предметъ, по поводу котораго вырастала цѣлая гора техническихъ справокъ, историческихъ данныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій. Но, во время моего пребыванія въ Берлинѣ въ 1885 году, мнѣ пришлось ознакомиться въ подробностяхъ съ дѣломъ, гдѣ огромную роль играла оцѣнка предъ судомъ *настроенія художника*, поскольку оно выражается въ его произведеніи и почерпается изъ обстановки и условій его личной жизни. Сколько мнѣ извѣстно, это былъ первый и едва ли съ тѣхъ поръ не единственный опытъ такого изслѣдованія черезъ свѣдущихъ людей. Я говорю о процессѣ извѣстнаго профессора Берлинской Академіи худо-

жествъ Грефа, — автора многихъ монументальныхъ картинъ, украшающихъ музеи Берлина, — обвинявшагося передъ присяжными въ клятвопреступленіи. Помимо спеціальнаго интереса этого дѣла, веденіе его раскрыло съ особой яркостью тѣ недостатки отправленія уголовнаго правосудія въ Германіи, которые и четверть вѣка спустя не могли не вызывать по дѣлу князя Эйленбурга суроваго осужденія со стороны каждаго юриста, въ которомъ профессія не убила человѣчности.

Профессоръ Грефъ, почти семидесятилѣтній, бодрый и отлично сохранившійся человѣкъ, съ прекраснымъ выразительнымъ лицомъ и сѣдою бородою, былъ виднымъ представителемъ нѣмецкаго художества въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Въ началѣ послѣднихъ въ Берлинѣ и въ другихъ большихъ городахъ Германіи сильное впечатлѣніе произвела его картина «Сказка» (Märchen), изображавшая болотистую прогалину въ лѣсу, въ которой, ярко освѣщенная солнцемъ, стоитъ молодая дѣвушка, устремившая восторженный взглядъ на небо, при чемъ съ ея прекраснаго дѣвственнаго тѣла спадаетъ хвостъ сирены. Картина была очевидно написана en plein air, и изображенное на ней женское тѣло отличалось цѣломудренною чистотою античныхъ статуй... Въ началѣ 1884 года художникъ Кремчмеръ просилъ Грефа взять въ натурщицы тринадцатилѣтнюю Елену Гаммерманъ, на несчастье ихъ обоихъ уже глубоко испорченную нравственно въ родной семьѣ, содержавшей балаганъ для фокусовъ. Вскорѣ Кремчмеръ и Грефъ сдѣлались предметомъ вымогательства со стороны семейства натурщицы, подъ угрозой подать жалобу на постыдныя предложенія, которыя они, будто бы, дѣлали малолѣтней Гаммерманъ. Требованія денегъ смѣнялись униженными просьбами, личныя свиданія — письмами, и дѣло кончилось тѣмъ, что по жалобѣ Кремчмера, мать Елены Гаммерманъ и ея вдохновитель и подстрекатель, частный ходатай Кришенъ, были приговорены за вымогательство на два года въ тюрьму. При разбирательствѣ этого дѣла, въ качествѣ свидѣтеля былъ допрошенъ Грефъ и нѣкая Берта Ротеръ, служившая ему моделью для «Сказки». На вопросъ предсѣдателя: — были ли между ними интимныя отношенія? — оба отвѣчали отрицательно и под-

твердили свое заявленіе присягой, которая въ германскомъ процессѣ приносится не до, а послѣ дачи показанія. Прокурорскій надзоръ нашелъ, однако, что присяга дана ложно, и возбудилъ преслѣдованіе противъ Грефа и Ротеръ. На судѣ выяснилось, что послѣдняя происходила изъ нуждавшейся семьи и уже съ 14 лѣтъ состояла подъ надзоромъ полиціи, какъ проститутка. Узнавъ, что Грефу необходима натурщица для «Сказки», она явилась къ нему въ 1878 году и служила моделью на открытомъ воздухѣ, въ особо нанятомъ лѣсномъ участкѣ на островѣ Рюгенѣ. Художникъ былъ недоволенъ своею работой и шесть разъ ее передѣлывалъ. Человѣкъ увлекающійся и идеалистъ, онъ восхищался Бертой, какъ моделью, удовлетворившей его художественный замыселъ, и радовался возможности, доставленіемъ честнаго заработка, поднять нравственно павшую, быть можетъ не по своей винѣ, дѣвушку. Онъ побуждалъ ее учиться, нанимая ей преподавателей и платя за нее на курсы новыхъ языковъ, — давалъ ей средства для путешествій, — помѣстилъ ее въ театральную школу, — добился принятія ея въ труппу драматическаго театра въ Бергѣ и съ горечью разстался съ нею, когда она сошлась за два года до процесса съ богатымъ офицеромъ. Изъ взятой при обыскахъ ихъ переписки видно было, что онъ заботился о всемъ семействѣ Ротеръ, передавалъ въ разное время матери Берты свыше двадцати тысячъ марокъ и помѣстилъ пансіонеркой на свой счетъ старшую ея сестру, страдавшую падучей болѣзнью, въ убѣжище для такихъ больныхъ. Онъ обращался къ Бертѣ на «ты», посылалъ ей много стиховъ, въ которыхъ называлъ ее «дикой розой, обвившей старый дубъ», «ароматнымъ цвѣткомъ», «бѣлокурымъ дитятей» и т. д. Она ему писала «вы» и «профессорхенъ». Просидѣвъ пять мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи, не отпущенный даже на поруки любящей женѣ и тремъ взрослымъ сыновьямъ, Грефъ предсталъ на судъ вмѣстѣ съ Бертой Ротеръ, и здѣсь въ теченіе многихъ дней ему пришлось выпивать чашу, тщательно наполненную грязью всевозможныхъ свѣдѣній, добытыхъ изъ сомнительныхъ источниковъ,— выслушать свидѣтелей, повѣствовавшихъ о своемъ подслушиваніи и подглядываніи, — присутствовать при томъ, какъ мать

любимой когда-то дѣвушки называла ее «профессорской дѣвкой», а послѣдняя именовала свою мать «хищной тварью», — изъ устъ предсѣдателя узнать, что его поэтическая вдохновительница и благоуханная роза съ 14 лѣтъ была посѣтительницею казармъ, получила билетъ на занятіе непотребствомъ и познакомилась съ секретнымъ отдѣленіемъ городской больницы — и, наконецъ, присутствовать при чтеніи своего собственнаго завѣщанія и особаго письма къ своимъ дѣтямъ, въ которомъ онъ просилъ ихъ простить ему его привязанность къ Бертѣ, отрицая въ этомъ чувствѣ низменное вожделѣніе и оправдывая его необходимостью для художника имѣть предъ собою прекрасный образъ.

Предсѣдатель ландгерихта Мюллеръ, ведя судебное засѣданіе, совершенно заслонилъ собою прокурора и предпринялъ ту «охоту на подсудимаго», которою такъ любили, а можетъ-быть любятъ и до сихъ поръ, заниматься французскіе президенты ассизовъ. Онъ — безъ французскаго остроумія, но «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой» заставилъ подсудимаго пережить и перестрадать каждое предъявленное противъ него доказательство, насмѣшливо и иронически относясь къ тѣмъ объясненіямъ, въ которыхъ тотъ отрицалъ чувственный характеръ въ своихъ стихахъ или письмахъ, адресованныхъ къ Бертѣ. Онъ безжалостно и грубо касался самыхъ сокровенныхъ сторонъ семейной жизни подсудимаго, исторгнувъ у него, наконецъ, признаніе, что его жена — женщина больная и капризная. Когда этотъ почтенный представитель правосудія замѣчалъ, что на присутствующихъ произвело хорошее впечатлѣніе то или другое заявленіе Грефа о его вѣрѣ въ искренность и душевную чистоту Берты и о его страстномъ желаніи сдѣлать изъ своей модели безупречную и честно трудящуюся женщину, онъ спѣшилъ бросить въ лицо подсудимому выписку изъ секретнаго дознанія о какомъ-либо эпизодѣ, который показывалъ, въ какомъ смрадномъ развратѣ утопала Берта до знакомства съ нимъ. Два раза со старикомъ Грефомъ дѣлалось дурно, и его истерическія рыданія оглашали залу суда...

Наиболѣе интереснымъ пунктомъ этого процесса была экспертиза.

Вызваннымъ въ судебное засѣданіе — художнику Дилицу и профессорамъ Эвальду, Вольфу, Гуссову и Юлію Лессингу — въ довольно сбивчивой формѣ предложенъ былъ рядъ вопросовъ, сводившихся въ сущности къ слѣдующимъ: а) допустимо ли, чтобы художникъ, увлеченный личностью своей натурщицы и видящій въ ней реальное осуществленіе своего творческаго идеала, находящійся при томъ съ нею въ постоянномъ, внѣ рабочаго времени, общеніи, могъ не проявить по отношенію къ ней чувственныхъ стремленій и не вступить съ нею въ связь? и б) допустимо ли предположеніе такого цѣломудреннаго отношенія Грефа къ Бертѣ Ротеръ въ виду разсмотрѣнныхъ на судѣ вещественныхъ доказательствъ и полученныхъ свѣдѣній о расходахъ, произведенныхъ имъ на Берту и ея семейство? — По первому вопросу четыре художника, съ Лессингомъ во главѣ, высказали, что подсудимый, имѣя уже большую извѣстность, какъ историческій живописецъ, во второй половинѣ своей жизни сталъ увлекаться, со свойственной ему страстностью, писаніемъ портретовъ, стремясь найти идеальное по выраженію и очертанію женское лицо, чтобы воплотить его затѣмъ въ рядѣ создаваемыхъ имъ изображеній, подобно Рубенсу, который повторилъ лицо своей жены во многихъ своихъ картинахъ [1]). Въ этомъ онъ хотѣлъ итти по слѣдамъ лучшихъ мастеровъ времени ренессанса, влагавшихъ въ свои высочайшія произведенія черты дѣйствительно существующихъ людей и писавшихъ, такимъ образомъ, такъ сказать, идеализированные портреты. Въ Бертѣ Ротеръ онъ нашелъ ту идеальную наружность, которую онъ искалъ для воспроизведенія ея въ рядѣ послѣдующихъ изображеній. Знакомство съ нею, по словамъ Лессинга, наполнило впечатлительнаго и довѣрчиваго Грефа величайшей радостью. Онъ говорилъ, что, наконецъ, достигъ того, о чемъ давно мечталъ для своихъ работъ, и восторгался при мысли о возможности писать Берту гдѣ-нибудь въ уединеніи, на открытомъ воз-

[1]) Нельзя не отмѣтить, что то же самое замѣчалось долгое время въ произведеніяхъ нашего талантливаго художника К. Е. Маковскаго, въ картинахъ котораго на самые разнообразные историко-бытовые сюжеты постоянно повторялись черты одного и того же прелестнаго лица.

духѣ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. По мнѣнію экспертовъ, присоединившихся къ Лессингу, увлеченіе натурщицей, какъ объектомъ для творчества, вовсе не связано съ чувственнымъ къ ней отношеніемъ. Работа художника, занимающагося своимъ дѣломъ, не какъ ремесломъ, а по глубокому призванію, исключаетъ для него возможность смотрѣть на обнаженное женское тѣло затуманенными чувственною страстью глазами. Гармонія линій, игра красокъ, распредѣленіе свѣтотѣни — вотъ что всецѣло привлекаетъ его взоръ. Поэтому въ большинствѣ случаевъ между художниками и ихъ постоянными натурщицами существуетъ нѣкоторая простота обращенія, отъ которой до связи еще очень далеко. Съ этимъ взглядомъ не согласился, однако, профессоръ Вольфъ, заявившій, что, не считая вообще Грефа способнымъ на клятвопреступленіе, онъ тѣмъ не менѣе думаетъ, что горячее увлеченіе художника своей натурщицей, при полной податливости съ ея стороны, должно неминуемо приводить къ интимной связи, въ особенности если этотъ художникъ обладаетъ при томъ страстнымъ темпераментомъ Грефа.

По второму вопросу тѣ же самыя лица высказали, что если натурщица въ такой степени удовлетворяла духовнымъ запросамъ творчества художника, что онъ считалъ ее средствомъ къ достиженію высшей ступени въ своемъ артистическомъ развитіи, то трудно установить мѣрило для возможныхъ на нее расходовъ, особливо въ томъ случаѣ, когда художникъ получаетъ крупное денежное вознагражденіе за свои работы и стремится развить, образовать, и нравственно облагородить ту, чья физическая внѣшность даетъ могущественный толчокъ его творчеству. При этомъ они указали, что въ Римѣ и въ Парижѣ есть художники, которые требуютъ, чтобы излюбленная ими натурщица позировала исключительно имъ однимъ, отвергая всѣ приглашенія другихъ художниковъ, и за это, конечно, расходуютъ на нее довольно большія суммы.

По настойчивому требованію защиты присяжнымъ была предъявлена и самая картина, изображающая «Сказку». Сначала этому воспротивился предсѣдатель суда, находившій, что хотя картина эта и была безпрепятственно обозрѣваема на вы-

ставкахъ, но что разсмотрѣніе ея въ присутствіи той, съ которой она написана, имѣетъ непристойный характеръ и не можетъ быть допущена въ интересахъ общественной нравственности. Въ концѣ концовъ судъ согласился съ полезностью выясненія того, какой большой трудъ и напряженіе требовались отъ Берты Ротеръ для того, чтобы позировать съ изогнутымъ назадъ станомъ, опираясь на одну лишь ногу, — а также провѣрки утвержденій Грефа, что обнаженное тѣло Берты изображено имъ съ идеальной, а не плотской точки зрѣнія. Поэтому составъ суда призналъ, что присяжные могутъ быть допущены къ осмотру картины, но «въ отдѣльной комнатѣ и въ отсутствіе допрошенныхъ свидѣтелей», при чемъ самая картина должна быть доставлена въ помѣщеніе суда и принесена въ эту особую комнату не иначе, какъ тщательно закрытая какой-либо непрозрачной тканью.

На ряду съ приведенной выше экспертизой была произведена и другая, весьма своеобразная. При прочтеніи многочисленныхъ стихотвореній подсудимаго, отобранныхъ у Берты Ротеръ и взятыхъ изъ пакета съ завѣщаніемъ Грефа, присутствовали извѣстный, недавно скончавшійся критикъ Людвигъ Пичъ и писатель Поль Линдау, могущіе, по мнѣнію суда, объяснить, насколько содержаніе этихъ поэтическихъ произведеній можетъ служить доказательствомъ интимной связи между подсудимыми. Предсѣдатель, плохо разбиравшій почеркъ Грефа, предложилъ ему самому читать эти стихотворенія, и послѣдній, блѣдный, какъ полотно, читалъ ихъ крайне волнуясь, сказавъ въ заключеніе прерывающимся голосомъ: «Ну да, я страстный человѣкъ. Но *безстрастный* человѣкъ никогда не можетъ быть художникомъ. Я умѣлъ сдерживать свои страсти и воспѣвалъ красоту не какъ реальную осязаемость, а какъ продуктъ поэтической фантазіи. Тѣхъ, къ кому влекутся съ низменнымъ животнымъ вожделѣніемъ, не воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ». При этомъ онъ прочелъ суду стихотвореніе, написанное имъ послѣ окончанія «Сказки», въ которомъ онъ благодаритъ свое искусство, пріучившее его видѣть прекрасное въ жизни, возносясь надъ ея пошлостью, итти по ступенямъ совершенствованія и поднимать изъ праха ту, которая дала свой ликъ

его картинѣ, — поднимать такъ высоко, какъ только можетъ воспрянуть его мечта. Онъ заключилъ свое чтеніе просьбою прочесть его письмо къ Бертѣ Ротеръ при посылкѣ ей крупной суммы денегъ, при чемъ эта матеріальная жертва объяснялась предположеніемъ, что Берта никогда не допуститъ себя до низменнаго паденія и что предъ житейскимъ искушеніемъ она взвѣситъ, можно ли предпочесть исполненіе легкомысленнаго желанія чувству преданности своему вѣрному и заботливому другу. Насколько сохранилось въ моей памяти — мнѣніе Пича и Линдау сводилось къ тому, что поэтическія произведенія, въ которыхъ нѣтъ точныхъ фактическихъ указаній, могутъ служить лишь показателемъ настроенія автора или его идеаловъ.

Въ концѣ десятидневнаго моральнаго истязанія Грефа, едва ли имѣвшаго что-либо общее съ цѣлями правосудія, присяжные, послѣ получасового совѣщанія, вынесли оправдательный приговоръ, несмотря на обращенную къ нимъ аллокуцію прокурора о томъ, что «если ужасно осужденіе невиннаго, то еще ужаснѣе оправданіе виновнаго». Этому оригинальному юристу и представителю государственнаго обвиненія, очевидно, была неизвѣстна совершенно противоположная великодушная резолюція, поставленная слишкомъ за сто лѣтъ до его афоризма его соотечественницей, бывшею ангальтъ-цербстской принцессой, занявшею русскій престолъ.

Вообще надо сказать, что этотъ процессъ представилъ практическое осуществленіе прусскихъ пріемовъ судопроизводства по возбуждающимъ особое вниманіе дѣламъ въ весьма печальномъ свѣтѣ. Я говорилъ уже о поведеніи предсѣдателя по отношенію къ подсудимому. Обращеніе со свидѣтелями было тоже своеобразное: они допрашивались безъ всякой системы и опредѣленнаго порядка, и предсѣдатель обращался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ увѣщаніемъ, напоминающимъ шутливый Горбуновскій разсказъ о политическомъ процессѣ, въ которомъ духовное лицо, дѣлающее передъ присягой увѣщаніе свидѣтелямъ, напоминаетъ имъ, что «не токмо законъ гражданскій, но *даже* и Господь Богъ наказываетъ за ложное показаніе». Предсѣдатель Мюллеръ говорилъ свидѣтелямъ: «подумайте о спасеніи вашей *души:* вѣдь

если вы о чемъ-нибудь умолчите или что-либо солжете, то это будетъ лжеприсяга, и вы за это отправитесь въ тюрьму».

Въ свою очередь одинъ изъ защитниковъ называлъ, не будучи останавливаемъ предсѣдателемъ, Елену Гаммерманъ, вновь допрошенную на судѣ, *«канальей»* и утверждалъ, что и отецъ ея имѣетъ тѣ же характерныя свойства, такъ какъ достаточно услышать его отвратительный голосъ, чтобы получить явное доказательство его гнуснаго характера. Наконецъ, тяжеловѣсное краснорѣчіе сторонъ и неуклюжій языкъ предсѣдательскихъ разъясненій, несмотря на недавніе патріотическіе походы противъ французскихъ словъ, пестрѣли именно этими словами, на ряду съ нѣмецкими. По свѣжей памяти я записалъ нѣкоторыя изъ нихъ: «er sollte sich schauffieren», — «ein obscures Haus», — «er giebt Feten», — «mit Rigorosität ausschliessen», — «er hat scharmiert», — «es ist sehr significant» и т. п.

Оправданіе Грефа было встрѣчено радостно его семьей и съ большимъ сочувствіемъ общественнымъ мнѣніемъ. Но испытанія его не окончились. Черезъ день послѣ его оправданія нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ сообщили съ негодованіемъ, что вслѣдъ за прибытіемъ оправданнаго домой, къ нему явился книгопродавецъ Прейсъ, заявившій, что имъ уже приготовлено изложеніе только-что оконченнаго дѣла съ весьма пикантными подробностями, портретами и картинками, но что, изъ уваженія къ чувствамъ семьи профессора, онъ готовъ отказаться отъ печатанія заготовленной книжки, если послѣдній немедленно уплатитъ ему полторы тысячи марокъ на покрытіе уже сдѣланныхъ расходовъ. Предпріимчивому и вмѣстѣ чувствительному книгоиздателю была указана дверь. Но предварительное заключеніе, возбужденіе и способъ веденія дѣла и, наконецъ, вымогательства, приведшія Грефа въ тюрьму и снова встрѣтившія его по выходѣ изъ нея, отравили его существованіе въ Берлинѣ. Онъ скоро покинулъ этотъ городъ и переселился въ Мюнхенъ, гдѣ недолго прожилъ со своимъ глубоко подорваннымъ здоровьемъ. Но передъ смертью, въ 1888 году, онъ выставилъ картину, представлявшую высоко художественный протестъ противъ того, чему его подвергли въ Берлинѣ, и въ защиту творческаго во-

ображенія. Она называлась «Преслѣдуемая фантазія» (Die verfolgte Phantasie). Въ ясное надъ сгустившеюся темнотою небо, изогнувъ назадъ свой изящный станъ, улетаетъ стройная молодая женщина, съ восторженно распростертыми руками и устремленнымъ въ высь взоромъ. Какія-то мегеры съ искаженными злобой лицами безсильно стараются ее удержать за легкое, раздираемое ими, покрывало. Судья читаетъ ей смертный приговоръ, палачъ потрясаетъ цѣпями, куски грязи и навоза летятъ ей вслѣдъ...

Черезъ десять лѣтъ послѣ процесса, проѣзжая лѣтомъ черезъ Висбаденъ, я прочелъ въ мѣстныхъ объявленіяхъ о развлеченіяхъ, что въ маленькомъ театрикѣ Reichshallen представляются пластическія копіи съ извѣстныхъ картинъ и что въ «Сказкѣ» Грефа позируетъ дѣвица Берта Ротеръ...

Нужно ли говорить о крайней шаткости и даже опасности второй изъ экспертизъ, которая была допущена по дѣлу Грефа. Самая отправная ея точка непріемлема уже потому, что опредѣленіе реальности фактовъ, содержащихся въ поэтическомъ произведеніи обвиняемаго, и выводъ изъ нихъ о его виновности — немыслимы, ибо при этомъ необходимо совершенно забыть о роли фантазіи и эстетическаго настроенія. Когда «божественный глаголъ» коснется чуткаго слуха поэта, онъ, по словамъ Пушкина, становится «смятенія и звуковъ полнъ». Судить о впечатлѣніи поэтическаго произведенія, конечно, можетъ всякій одаренный чувствомъ и умѣющій ясно о немъ мыслить, но отдѣлить фантазію отъ дѣйствительности не можетъ никакой экспертъ. Да экспертиза тутъ и не нужна. Если судья можетъ судить о томъ, оскорбляетъ ли какое-нибудь произведеніе чью-либо честь или доброе имя, не нуждаясь въ помощи экспертовъ, — если онъ призванъ судить о безнравственности произведенія, то и о содержаніи поэтическаго произведенія онъ можетъ судить самъ. Въ предсмертномъ стихотвореніи, въ строфѣ: «О, муза, ты была мнѣ другомъ»... Некрасовъ говоритъ о «волшебныхъ грезахъ». Какъ же можно втиснуть эти «волшебныя грезы» въ предѣлы экспертизы? Если по отдѣльнымъ стихамъ судить о самомъ поэтѣ, то противъ каждаго изъ нихъ можно легко составить цѣлый обвинительный

актъ. Допускать такую экспертизу нельзя. Она невозможна и по субъективности выбора экспертовъ. Какой поэтъ можетъ быть компетентнымъ судьей другого поэта? Разсѣканіе поэтическихъ образовъ и мысли холоднымъ оружіемъ судейскаго анализа принесъ только вредъ истинному правосудію.

Долгое время наиболѣе прочно поставленной экспертизой послѣ медицинской считалась экспертиза *каллиграфическая*. Она и встрѣчалась чаще всего, — главнымъ образомъ по дѣламъ о подлогахъ различныхъ документовъ,—и играла нерѣдко рѣшающую роль. Иностранная практика представляетъ блестящіе примѣры такой экспертизы. Достаточно вспомнить громкое дѣло о вымогательствѣ эмигрантомъ, княземъ Петромъ Долгорукимъ, пятидесяти тысячъ франковъ у князя Воронцова подъ угрозой въ сочиненіи о русскомъ дворянствѣ произвести его родъ отъ какого-то проходимца, жившаго въ XVIII вѣкѣ. Вымогательное требованіе было написано въ третьемъ лицѣ, на отдѣльномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо самаго корректнаго содержанія, подписанное Долгорукимъ. Оба документа были написаны на разной бумагѣ, разными чернилами и совершенно различнымъ почеркомъ. Но каллиграфическая экспертиза при парижскомъ судѣ въ окончательномъ своемъ выводѣ признала, что и тотъ и другой исходятъ отъ князя Долгорукаго. Искаженіе почерка въ вымогательной запискѣ было произведено въ совершенствѣ, но привычка писать А съ ушками, на подобіе нѣмецкаго готическаго, свойственная Долгорукому, взяла свое, и въ концѣ записки нѣсколько разъ появились предательскія ушки, за которыя и самъ писавшій былъ вытащенъ на свѣтъ Божій. Въ моей практикѣ такая экспертиза встрѣчалась нѣсколько разъ. Въ дѣлахъ игуменьи Митрофаніи, княгини Щербатовой и Маргариты Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи своего воспитанника, она играла очень важную роль. Въ послѣднемъ дѣлѣ имѣлъ нѣкоторое значеніе анонимный доносъ, приписываемый обвиняемой и адресованный градоначальнику, съ извѣтомъ на семью Познанскихъ, въ которой Жюжанъ была воспитательницей. Экспертъ, учитель чистописанія Буевскій, изучая строки этого доноса, оставилъ старый способъ сличенія *очертанія буквъ* и, путемъ

сравненія съ несомнѣннымъ почеркомъ Жюжанъ, представилъ блестящую характеристику *привычекъ* писанія — одинаковыхъ у нея и у автора доноса. Иногда такая экспертиза направлялась на изученіе свойства почерка, какъ это было, напримѣръ, по громкому дѣлу Мясниковыхъ, обвиняемыхъ въ подлогѣ милліоннаго завѣщанія отъ имени купца Бѣляева. Свѣдущіе люди высказали, что дрожащій подчеркъ, которымъ сдѣлана подпись Бѣляева на завѣщаніи, не можетъ принадлежать обвиняемому въ этомъ Караганову, имѣющему почеркъ твердый. Съ такимъ заключеніемъ я, исполняя обязанности обвинителя, не могъ согласиться, находя, что дрожащій почеркъ можетъ явиться результатомъ вполнѣ понятнаго волненія и тревоги у лица, изготовляющаго своею рукою подложную подпись и сознающаго, что совершаетъ преступленіе. Въ этомъ случаѣ твердость обычнаго почерка—ни при чемъ. Наоборотъ, трудно предположить, чтобы человѣкъ, пишущій постоянно дрожащимъ почеркомъ, могъ на время такъ дисциплинировать свои физическія и духовныя силы, чтобы совершить подлогъ твердымъ почеркомъ.

Нынѣ каллиграфическая экспертиза все болѣе и болѣе вытѣсняется *фотографической* экспертизой, достигающей иногда поразительныхъ результатовъ. Фотографическій снимокъ передаетъ такія тонкія и разностороннія подробности, которыхъ никакое увеличительное стекло свѣдущихъ каллиграфовъ обнаружить не въ состояніи. Но обоимъ послѣднимъ видамъ экспертизы грозитъ въ будущемъ опасность: даже фотографическій снимокъ окажется безсильнымъ, когда въ общее и повсемѣстное употребленіе войдутъ пишущія машины и для сличенія останутся лишь подписи, а не самый текстъ разныхъ документовъ и записокъ, писанныхъ заподозрѣннымъ лицомъ. Тогда наступитъ особое развитіе изслѣдованія слога, стиля и соблюденія правилъ правописанія, изслѣдованія очень сложнаго и весьма отвѣтственнаго характера.

Въ смыслѣ послѣдняго уже начинаютъ появляться, довольно еще рѣдкія, работы. Изъ извѣстныхъ мнѣ самая замѣчательная была произведена въ 1886 году, по дѣлу объ убійствѣ Петина. Въ 1885 году, около Лицецка, въ своемъ имѣніи скоропостижно

вѣчать, такъ какъ бывать въ присутствіи ей стало совершенно невыносимо. Когда онѣ удалились, докторъ Б. обычнымъ небрежнымъ тономъ лаконически сказалъ: «больна», а старшій врачъ полиціи подтвердилъ это кивкомъ головы. «Изъ чего же это видно?» — спросилъ я. «Меланхолія», — лаконически отвѣчалъ докторъ Б. и тутъ же написалъ на печатномъ бланкѣ резолюціи это слово, поставивъ сверху: «упорно молчитъ». — Она у насъ уже не въ первый разъ,—сказалъ мнѣ губернаторъ,— господа врачи находятъ, что она не въ своемъ умѣ, и нынѣшнее ея поведеніе дѣйствительно это доказываетъ. Такъ согласны, господа?»—обратился онъ къ присутствующимъ.—«Я не могу согласиться,—сказалъ я,—по закону мы должны судить о состояніи здоровья свидѣтельствуемаго по его отвѣтамъ на обыкновенные вопросы, а здѣсь отвѣтовъ нѣтъ, и Сенатъ, конечно, не признаетъ нашего заключенія основаннымъ на достаточномъ матеріалѣ». Врачи переглянулись между собою съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что какой-то профанъ не соглашается съ ихъ безапелляціоннымъ рѣшеніемъ. Но добрый старикъ О. В. Лутковскій спросилъ меня: «Да что же намъ дѣлать?»—«Освидѣтельствовать еще разъ и, если возможно, въ другой обстановкѣ».—«А если она и тогда будетъ молчать?»—«Тогда, быть можетъ, если предварительныя свѣдѣнія меня въ томъ убѣдятъ, и я соглашусь съ вами. Теперь же мнѣ ничего не остается, какъ подать особое мнѣніе и просить васъ представить его въ Сенатъ».—«Хорошо,—сказалъ губернаторъ,—мы повторимъ освидѣтельствованіе недѣли черезъ три, но тогда, если она опять будетъ молчать, вы сами, конечно, убѣдитесь, что она больна».—«И при томъ давно и безнадежно», — прибавилъ недовольнымъ тономъ старшій врачъ полиціи. По окончаніи засѣданія я попросилъ дать мнѣ всю переписку о больной, и вотъ что я узналъ изъ нея.

Окончивъ лѣтъ шесть назадъ курсъ въ Маріинскомъ институтѣ, Б. вернулась въ домъ своихъ родителей, жившихъ скромно и даже бѣдно. Но здѣсь она встрѣтила враждебное отношеніе къ себѣ со стороны сестеръ, которыя ее не взлюбили и стали возстановлять противъ нея родителей. Затѣмъ одинъ негодяй,

нѣкто Д — новъ, пользуясь ея довѣрчивостью, далъ ей поводъ думать, что сдѣлалъ ей предложеніе. Хотя онъ и объяснилъ затѣмъ, что эта была шутка, но сердце бѣдной дѣвушки отказывалось вѣрить въ возможность такой жестокой забавы. Вѣроятно, она сдѣлала какіе-либо безтактные шаги, которые возбудили крайнее неудовольствіе родителей, переселившихся въ Выборгъ, и они потребовали, чтобы она пріискала себѣ какое-либо занятіе и жила отдѣльно. Тогда въ ней приняла участіе одна изъ ея тетокъ, очень богатая женщина,—взяла ее къ себѣ и заявила, что хочетъ ее удержать навсегда вмѣсто дочери. Счастливые дни у тетки продолжались, однако, недолго. Встревоженные привязанностью старухи къ своей пріемной дочери и чуя въ этомъ опасность для себя, какъ для наслѣдниковъ, родные Б. сами и черезъ разныхъ лицъ стали возстановлять впечатлительную старушку противъ нея, эксплоатируя и извращая исторію съ шуточнымъ предложеніемъ и распространяя разныя злобныя на счетъ бѣдной дѣвушки измышленія. Мнительная женщина, наконецъ, захворала въ этой удушливой атмосферѣ клеветы и сплетенъ и перемѣнилась въ отношеніяхъ къ пріемной дочери до такой степени, что та должна была оставить ея домъ и, найдя кратковременное пристанище у другой тетки, жившей въ богадѣльнѣ, стала усиленно искать мѣста. Но мѣста не находилось, и она снова вынуждена была вернуться къ родителямъ въ Выборгъ, гдѣ, вслѣдствіе наговоровъ и сплетенъ родныхъ, была встрѣчена крайне недружелюбно. Въ этой тяжелой обстановкѣ она прожила нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, получила предложеніе занять мѣсто классной дамы въ далекомъ провинціальномъ институтѣ. Она прибыла туда, не зная, что начальница института находится въ отпуску въ Петербургѣ, гдѣ ей успѣли тоже отрекомендовать беззащитную дѣвушку съ дурной стороны. Результатомъ этого, по возвращеніи начальницы въ институтъ, были недовѣріе и придирки къ Б., крайне отяготившія и безъ того безрадостную жизнь послѣдней. Кончилось тѣмъ, что начальница потребовала отъ Б., чтобы она подала въ отставку, а на заявленіе ея о трудности отказаться отъ мѣста, на которое она пріѣхала за 2.000 верстъ, было отвѣчено посылкой въ Пе-

тербургъ рапорта о томъ, что она душевно-больная. Тогда поневолѣ пришлось оставить институтъ и съ трудомъ добраться до Петербурга. Здѣсь, по заявленію матери градоначальнику, Б. была осмотрѣна старшимъ врачемъ полиціи Ш. и 15 января 1869 года помѣщена, по распоряженію его, въ отдѣленіе душевнобольныхъ при исправительномъ заведеніи, куда и былъ переданъ рапортъ ея институтскаго начальства, въ которомъ кратко сказано, что она уволена отъ должности, потому что «помѣшана и одержима хандрой». 31-го января она была освидѣтельствована въ петербургскомъ губернскомъ правленіи, которое, «принимая во вниманіе правильные и совершенно логическіе отвѣты свидѣтельствуемой, послѣдовательность и ясность въ разсказѣ объ обстоятельствахъ ея жизни, здравыя сужденія объ отношеніяхъ къ окружающему ее міру и удостовѣреніе больницы о томъ, что въ теченіе двухнедѣльнаго наблюденія у нея не замѣчено никакихъ положительныхъ признаковъ умственнаго разстройства»—признало ее здоровой. При этомъ ей предложено было списаться со своими знакомыми, не пріютитъ ли кто изъ нихъ ее у себя, такъ какъ ея мать просила градоначальника обязать ее подпиской не являться къ ней въ домъ. 10-го февраля 1870 г. директриса филантропическаго общества Ш. взяла ее на свое попеченіе и нашла ей мѣсто гувернантки у купца Е. Однажды она отправилась съ дѣтьми на выставку въ академію художествъ, гдѣ находилась очень популярная въ то время картина Брянскаго «Возвращенное кольцо». Изображенная на ней дѣвушка, плачущая надъ письмомъ съ лежащимъ на немъ обручальнымъ кольцомъ, была, по роковой случайности, до крайности похожа на Б. Дѣти это замѣтили, и ихъ шумное указаніе растравило въ ея сердцѣ еще не зажившую рану. Когда затѣмъ ей пришлось быть въ фотографіи Бранденбурга, онъ сказалъ ей, что картина Брянскаго списана, конечно, съ нея, и объяснилъ, что ея сестры, мужъ одной изъ которыхъ служитъ въ канцеляріи градоначальника, снимались въ его фотографіи. Въ измученной душѣ бѣдной дѣвушки злая шутка Д—а, имѣвшая мѣсто въ квартирѣ этого мужа сестры, провинціальныя гоненія въ институтѣ, ненависть сестеръ, сидѣніе въ сумасшедшемъ домѣ при исправительномъ заведеніи и кар-

тина Брянскаго сплелись въ одинъ неразрывный клубокъ, и все это такъ потрясло ее, что она захворала и должна была оставить мѣсто у Е. У нея оставался лишь одинъ близкій и родной человѣкъ—братъ-морякъ, бывшій не въ ладахъ съ родными и служившій въ Кронштадтѣ. Онъ принялъ горячее участіе въ сестрѣ, все ему разсказавшей, — потребовалъ, чтобы она написала ему письмо о предложеніи Д—а, и съ этимъ письмомъ въ рукахъ рѣшился добиться удовлетворенія отъ него и хозяина дома, въ которомъ оперировалъ милый шутникъ. Какія именно дѣйствія онъ предпринялъ — неизвѣстно, но въ одинъ прекрасный день онъ былъ подвергнутъ докторомъ Ш., по жалобѣ сестеръ, освидѣтельствованію и помѣщенъ на цѣлую недѣлю въ пріемный покой полицейской части, при чемъ, при освобожденіи, отъ него была отобрана подписка, что онъ признаетъ дѣйствія полиціи законными и никакихъ претензій не имѣетъ. Братъ былъ человѣкъ слабаго характера. У него были долги, и угроза быть объявленнымъ несостоятельнымъ заставила его оставить службу и искать частныхъ занятій. Но занятій не находилось, и они жили съ сестрой на ея пенсію въ 23 руб. въ мѣсяцъ, покинутые всѣми. Наконецъ, нищета дошла до того, что они питались однимъ чаемъ и чернымъ хлѣбомъ. Тогда, 11-го декабря 1870 года, быть можетъ, по чьему-либо коварному наущенію, она пришла въ губернское правленіе и стала настойчиво добиваться видѣть губернатора, чтобы просить его дать какое-либо мѣсто несчастному брату, которому не въ чемъ было выйти изъ дому и явиться самому. Она, вѣроятно, разсчитывала увидѣть добраго Лутковскаго, который предсѣдательствовалъ за губернатора годъ тому назадъ въ особомъ присутствіи. Но дѣйствительнымъ губернаторомъ былъ грубый, надменный и дерзкій графъ Левашовъ. По его распоряженію, было сдѣлано нѣчто неслыханное. Въ этотъ день происходило освидѣтельствованіе сумасшедшихъ.— Б. была введена въ присутствіе и подвергнута допросу, во время котораго, плача и растерянно отвѣчая на ироническіе и язвительные вопросы губернатора, объяснила свою просьбу о братѣ и дала, какъ она выразилась, «разгадку несчастій своей жизни», т. е. разсказала о предложеніи Д., о портретѣ и преслѣдованіяхъ

со стороны сестры. Особое присутствіе, вопреки точному смыслу закона, признало себя въ правѣ счесть всю эту процедуру за освидѣтельствованіе по 533 ст. I ч. II тома Свода Законовъ—и при благосклонномъ содѣйствіи ученой коллегіи, найдя въ отвѣтахъ Б. «быструю смѣну идей, безсвязность и непослѣдовательность»,—признало ее одержимою помѣшательствомъ и отправило въ сумасшедшій домъ. Съ этимъ возмутительнымъ постановленіемъ не согласились вице-губернаторъ Лутковскій и товарищъ прокурора Шуйскій. Но оно все-таки было приведено въ исполненіе, и самое постановленіе представлено въ Правительствующій Сенатъ. Тамъ оно лежало до 26 мая 1871 года, когда Сенатъ, не обративъ никакого вниманія на незаконность повода къ освидѣтельствованію, но затрудняясь вынести правильное заключеніе о состояніи умственныхъ способностей Б., предписалъ содержать ее въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ *на испытаніи*. Но еще раньше этого, 13 мая 1871 года, контора исправительнаго заведенія увѣдомила губернское правленіе, что Б. могла бы быть выписана, такъ какъ «ведетъ себя спокойно, съ окружающими обращается дружески, занимается кое-какими работами и только въ послѣдніе дни, озабоченная мыслью о выходѣ изъ больницы и видя себя одинокою, безпомощною, почти брошенною родными при весьма ограниченныхъ средствахъ и то, быть можетъ, временныхъ, сильно груститъ, весьма мало ѣстъ, молчалива и довольно слаба физически». Вслѣдствіе этого, 21 мая Б. была освидѣтельствована въ исправительномъ заведеніи при участіи всѣхъ лицъ, составляющихъ особое присутствіе. Она была оскорблена этимъ нашествіемъ и, заявивъ больничнымъ докторамъ, что она не арестантка, которую можно свидѣтельствовать публично, не отвѣчала на вопросы, не хотѣла вставать съ кровати и закрывала платкомъ лицо. Поэтому присутствіе рѣшило оставить ее въ больницѣ *до излѣченія*. Такимъ образомъ, доведенная до отчаянія, несчастная дѣвушка была водворена на неопредѣленное время въ больницу. Для нея потекли дни мрачной тоски и угнетенія чувствъ. По донесенію больницы,—въ теченіе трехъ мѣсяцевъ до 26 августа,—она проводила время въ полномъ одиночествѣ, ни съ кѣмъ не говоря ни слова и почти не принимая

ницы. 27 августа 1871 года она была освидѣтельствована вновь, при чемъ присутствіе нашло, повидимому, къ немалому своему удивленію, что она на вопросы отвѣчаетъ тихо, вяло и весьма неохотно. Хотя отвѣты ея были совершенно ясны и выражали настойчивое желаніе оставить больницу и жить на свободѣ пенсіей и своимъ трудомъ, присутствіе, очевидно ожидавшее встрѣтить въ ней, на основаніи всего предшествовавшаго, жизнерадостную словоохотливость, постановило, «въ виду неопредѣленности ея отвѣтовъ», оставить ее въ больницѣ еще на три мѣсяца. И вотъ черезъ три мѣсяца, 26 ноября, произошло то освидѣтельствованіе, въ которомъ впервые участвовалъ и я. Было ясно, что, вслѣдствіе бездушнаго къ себѣ отношенія, несчастная дѣвушка, съ измученной нервной системой, пришла къ убѣжденію, что она совершенно безпомощна бороться со своей жестокой судьбой и покорилась ей, медленно, но вѣрно идя къ окончательной гибели путемъ полнаго истощенія физическихъ и нравственныхъ силъ...

Прокуроромъ Судебной Палаты въ это время былъ Валеріанъ Александровичъ Половцовъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей судебнаго вѣдомства, какихъ я встрѣчалъ. Человѣкъ во многихъ отношеніяхъ своеобразный, съ лицомъ, удивительно напоминавшимъ Наполеона I, съ точнымъ и содержательнымъ словомъ и твердой волей, онъ отличался огромнымъ трудолюбіемъ и былъ горячо преданъ судебному дѣлу. Это былъ настоящій прокуроръ Судебной Палаты въ томъ смыслѣ, какъ это званіе понимали составители Судебныхъ Уставовъ. Онъ былъ совершенно чуждъ услужливой бѣготни въ канцелярію министерства юстиціи и не искалъ жадно, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ преемниковъ, случая отличиться въ глазахъ властей предержащихъ и тѣмъ снискать себѣ матеріально выгодное положеніе начальника явной и тайной полиціи. Но ни одно дѣло въ Палатѣ не проходило безъ его вѣдома и, во многихъ случаяхъ, изученія даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, при чемъ онъ слѣдилъ за ходомъ и судьбою этихъ дѣлъ въ Окружныхъ Судахъ, часто посѣщая судебныя засѣданія и даже выбирая обвинителей въ соотвѣтствіи съ ихъ способностями и съ характеромъ дѣлъ. Огромный

трудъ обвиненія по такъ называемому Нечаевскому дѣлу въ 1871 г. былъ совершенъ имъ съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ, которое вызывалось истинными интересами правосудія и создало уваженіе къ обвинителю даже и въ средѣ его противниковъ. Моя служба съ нимъ оставила во мнѣ свѣтлое воспоминаніе, а его самоотверженная дѣятельность въ защиту правъ судебнаго вѣдомства, столь еще непонятныхъ въ то время многимъ высшимъ представителямъ «усмотрѣнія», сдѣлала его для всѣхъ его знавшихъ особенно дорогимъ. Къ сожалѣнію, намъ недолго пришлось служить вмѣстѣ. Самостоятельный и рѣшительный образъ дѣйствій его по отношенію къ товарищу шефа жандармовъ графу Левашову, — тому самому, который за два года предъ тѣмъ свидѣтельствовалъ Б., — представленный и истолкованный въ ложномъ свѣтѣ, вызвалъ служебную опалу и назначеніе его предсѣдателемъ гражданскаго департамента Палаты, сопровождаемое словеснымъ выговоромъ при общемъ служебномъ представленіи. Такимъ образомъ, и наши взгляды на судебное дѣло, и наша судьба во многихъ отношеніяхъ были тождественны... И я, тѣснимый за приговоръ присяжныхъ по одному громкому дѣлу и занимавшійся всю жизнь уголовными дѣлами, былъ назначенъ предсѣдателемъ того же гражданскаго департамента Палаты, и мнѣ пришлось, при назначеніи оберъ-прокуроромъ, выслушать тягостный отзывъ о своей дѣятельности въ качествѣ судьи.

Манеры и оригинальный подчасъ способъ выраженій Половцова давали иногда людямъ, не знавшимъ его ближе, поводъ составлять себѣ о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ сухомъ и рѣзкомъ. Казалось, что ему, по своеобразности его натуры, даже нравилось создавать о себѣ такое мнѣніе. Но я зналъ, что подъ этой наружной холодностью и нерѣдкой ироніей скрывалось теплое и отзывчивое сердце. Въ одну изъ нашихъ долгихъ бесѣдъ въ его служебномъ кабинетѣ въ поздній часъ, когда всѣ служащіе уже разошлись, а онъ сидѣлъ надъ обвинительными актами, дѣлая на нихъ замѣтки своимъ своеобразнымъ крючковатымъ почеркомъ, при чемъ строки неудержимо уходили вверхъ, я разсказалъ ему о дѣлѣ Б. и сообщилъ мои опасенія, что она и вновь не захочетъ говорить. Половцовъ, повидимому, отнесся

къ ея судьбѣ равнодушно, назвавъ ее при этомъ дурой. Это было 12 декабря. На дворѣ стоялъ жестокій морозъ, и сильная вьюга слѣпила глаза. Мы разстались въ восьмомъ часу вечера, а въ двѣнадцатомъ мой слуга сказалъ мнѣ, что пришелъ господинъ Половцовъ и желаетъ меня видѣть. Валеріанъ Александровичъ вошелъ въ переднюю въ своемъ обычномъ легкомъ ватномъ пальто, окоченѣлый и весь засыпанный снѣгомъ. Со своимъ типическимъ лицомъ онъ представился мнѣ Наполеономъ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ его отступленія изъ Россіи. На мой удивленный вопросъ о столь позднемъ и необыкновенномъ посѣщеніи онъ отвѣчалъ просьбою дать ему стаканъ чаю и сказалъ мнѣ затѣмъ слѣдующее: «когда вы ушли отъ меня, разсказавъ объ этой дурѣ, я раздѣлилъ ваши опасенія, что она и опять не захочетъ говорить, и рѣшилъ поѣхать къ ней. Меня сначала не хотѣли пускать вечеромъ въ исправительное заведеніе, но я настоялъ, ссылаясь на свое званіе, и былъ проведенъ къ этой дурѣ. Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ и ничего не хотѣла отвѣчать. Я сѣлъ возлѣ ея кровати и, попросивъ оставить насъ вдвоемъ, сталъ ей говорить о томъ, что вы разсказали мнѣ объ ея жизни, и просить ее не упорствовать болѣе, обнадеживая, что въ васъ и во мнѣ она найдетъ заступниковъ. Она долго отмалчивалась, и я опять сталъ просить и уговаривать, доказывая, что не всѣ на свѣтѣ противъ нея. Она стала плакать и, наконецъ, отвернулась отъ стѣны и вступила со мной въ разговоръ. Я ее старался ободрить и утѣшить. Ну, да что много разсказывать! Я просидѣлъ съ нею весь вечеръ, и она *будетъ говорить* въ присутствіи: она мнѣ обѣщала. Я сегодня же напишу губернатору, прося поскорѣе назначить освидѣтельствованіе, а вы уже позаботьтесь, чтобы снова не обидѣли эту дуру. Ну, вотъ и все. Прощайте, другъ мой. Я согрѣлся и чаю не хочу, а поѣду домой: я сегодня не обѣдалъ». Въ письмѣ, полученномъ губернаторомъ на другой день, Половцовъ писалъ Лутковскому: «Изъ продолжительнаго разговора, который я имѣлъ сегодня съ дѣвицей Б., нельзя было не убѣдиться, что при всей тяжести обрушившихся на нее несчастій, которыя не могли не отозваться на общемъ настроеніи ея духа, она сохранила совершенно ясныя и опредѣленныя поня-

тія о всемъ, что составляетъ нашу мыслительную и нравственную сферу, и что ни во всемъ внутреннемъ строѣ ея мыслей, ни во внѣшней передачѣ отдѣльныхъ ея впечатлѣній не можетъ быть замѣчено ничего анормальнаго; напротивъ того, все сказанное ею носитъ на себѣ явный отпечатокъ свѣтлой души и образованнаго ума». Прося затѣмъ поспѣшить назначеніемъ новаго освидѣтельствованія Б., Половцовъ указывалъ, что это необходимо, чтобы окончательно убѣдиться въ истинномъ состояніи ея умственныхъ способностей тѣми объясненіями, которыя она имѣетъ представить. «Вы поймете и раздѣлите, — писалъ онъ, — со мною то глубокое чувство состраданія, которое внушило мнѣ несчастное существо, столь давно испытывающее жестокія для каждаго мыслящаго и чувствующаго человѣка страданія и уже готовое почти разстаться съ мыслью быть когда-либо освобожденной изъ той ужасной среды, въ которой оно теперь находится. Если я не ошибусь въ этомъ ожиданіи, мнѣ останется лишь благодарить Провидѣніе за ниспосланный имъ намъ обоимъ случай сдѣлать доброе, хорошее дѣло».

7 января 1872 года состоялось послѣднее освидѣтельствованіе Б. Когда я пріѣхалъ нѣсколько раньше начала засѣданія и проходилъ черезъ пріемную комнату, я нашелъ тамъ разныхъ лицъ, приведенныхъ для испытанія. Между ними была и Б. въ сопровожденіи представительной надзирательницы. Я подошелъ къ ней. «А. К. — вы меня знаете? — Да, вы прокуроръ. — Вы будете намъ отвѣчать? вы, вѣдь, это обѣщали. — Да! отвѣчала она, смотря добрымъ и ласковымъ, уже непотупляемымъ взглядомъ. — О! прибавила надзирательница, — она станетъ говорить: она стала совсѣмъ неузнаваема». И дѣйствительно, черезъ полчаса, я съ радостнымъ чувствомъ подписалъ протоколъ, на которомъ тою же врачебною рукою, которая такъ долго выставляла подъ именемъ Б. роковыя слова «мрачная меланхолія», было написано: «здорова». Бѣдную дѣвушку взяла къ себѣ изъ больницы вдова тайнаго совѣтника Пейкеръ.

Вспоминается мнѣ, между прочимъ, дочь коллежскаго ассесора Екатерина С — ва. «Похоронила меня мать, — говорила она, — вотъ я и подурнѣла, а была красавица. Что же мнѣ дѣ-

лать: и отецъ ругается, и кухарка ругается, и мать ругается, а я въ монахини пойти не могу. Папенька служили въ департаментѣ, а маменька вѣдь какой человѣкъ, вѣдь какой человѣкъ, я безъ нея жить не могу,, а она все ругается, день-денской ругается, вотъ вѣдь какой человѣкъ!» По блѣдному лицу ея текли слезы, и по временамъ она дергалась всѣмъ тѣломъ въ сторону, какъ бы сторонясь отъ удара. У нея были несомнѣнныя бредовыя идеи, но невольно чувствовалось, что въ потерѣ ею душевнаго равновѣсія сыграла роль тяжелая семейная обстановка.

Извѣстно, что многіе душевно-больные, отправляясь отъ бредовой идеи, развиваютъ ее затѣмъ съ большой логикой или помѣщаютъ тонкія и вѣрныя соображенія внутри круга безумныхъ идей. Сюда же надо отнести живой юморъ и находчивые остроумные отвѣты. Мнѣ пришлось участвовать въ Казани, въ 1870 году, въ освидѣтельствованіи чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, проявившаго признаки сумасшествія во время поѣздки на пароходѣ по Волгѣ. Утонченно-вѣжливый и изящный молодой человѣкъ держалъ себя въ присутствіи, какъ въ свѣтской гостиной, хотя и заявилъ, что знаетъ, гдѣ онъ находится и зачѣмъ. «Я душевно-больной, — объяснилъ онъ, — и болѣзнь моя состоитъ въ томъ, что я нахожусь въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Богомъ, который меня весьма стѣсняетъ въ моей личной жизни своимъ присутствіемъ и вмѣшательствомъ. Мнѣ стоитъ, напримѣръ, подумать о женщинахъ и объ ихъ ласкахъ, какъ Богъ ужъ тутъ-какъ-тутъ и говоритъ: «А вы, милостивый государь, зачѣмъ объ этомъ думаете?» а затѣмъ возьметъ да и срѣжетъ у меня въ наказаніе тонкій слой разсудка. Вотъ еще недавно я игралъ «Лунную сонату» Бетховена и сталъ думать о женщинахъ, знаете эдакъ... немножко фривольно. Обернулся, а Богъ стоитъ уже сзади и говоритъ: «вы опять?» и снова уменьшилъ мой разсудокъ. А то въ другой разъ я ѣхалъ съ нимъ въ саняхъ по Воскресенской улицѣ. Онъ говоритъ: «вы теперь, милостивый государь, куда?—Въ клубъ.—Прекрасно, и я съ вами.— Но, вѣдь, ты не членъ клуба, говорю я. — Это не важность, отвѣчаетъ онъ, я вѣдь вездѣсущій». У подъѣзда клуба мы разстались. Тамъ я сѣлъ за карты, держу въ рукахъ двѣ дамы,

мнѣ и пришли въ голову женщины. Вдругъ подходитъ Богъ, положилъ мнѣ руку на плечо, да и говоритъ: «такъ, милостивый государь, нельзя!» и снова уменьшилъ мой разсудокъ. Онъ меня бралъ съ собой и на небо, и я видѣлъ рай и адъ...»

Губернаторъ Скарятинъ, грубый насильникъ и человѣкъ мало образованный, спросилъ свидѣтельствуемаго: «Что же тамъ, сковороды вѣрно лижутъ и въ огнѣ горятъ? — Нѣтъ, ваше превосходительство,—вѣжливо отвѣчалъ тотъ,—сковороды существуютъ въ грубомъ воображеніи темнаго народа, а душа сгораетъ внутреннимъ огнемъ и страдаетъ. Вотъ, напримѣръ, въ фонарѣ горитъ огонь и освѣщаетъ ночью всякій развратъ и мерзость, а, можетъ-быть, это чья-нибудь душа пылаетъ и мучится, видя всю здѣшнюю неправду и преступленія...—Значитъ, вы признаете, что у васъ страданіе мозга?—Нѣтъ, не признаю; у меня душевная болѣзнь, состоящая въ томъ, что я, въ противоположность другимъ людямъ, могу разговаривать съ Богомъ. Это — душевная болѣзнь, а не страданіе мозга. — Это все равно, рѣзко замѣтилъ начальникъ губерніи.—Извините меня, ваше превосходительство, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что это все равно. Вы, повидимому, матеріалистъ и не признаете души или считаете, что душа зависитъ во всемъ отъ тѣла. Мнѣ васъ жаль, искренно жаль, потому что въ дѣйствительности это совершенно наоборотъ. Позвольте привести вамъ примѣръ: вы вотъ, положимъ, придумаете какой-нибудь проектъ и, не спросясь, его осуществите, или примите какую-нибудь мѣру, а вамъ изъ Петербурга нахлобучка! нахлобучка! Получите ее, когда пьете утренній кофе, вамъ и кофе покажется противнымъ, и желудокъ разстроится, а къ ночи сонъ пропадетъ. А отчего все это? Отъ душевнаго огорченія. Что же повліяло: тѣло на душу или душа на тѣло? Или вотъ еще другой примѣръ...—Довольно! нетерпѣливо сказалъ Скарятинъ. Уведите его...»

Помню я въ Петербургѣ освидѣтельствованіе надворнаго совѣтника Лазаря Серебрякова, который считалъ себя сыномъ императора Николая I и ни за что не хотѣлъ имѣть паспорта для отъѣзда за границу за подписью «п... Тимашева», котораго онъ обвинялъ во всѣхъ несчастіяхъ Россіи и даже въ смерти

императора Николая. «Почему же вы не хотите имѣть паспортъ за подписью, которую требуетъ законъ?» — спросилъ его губернаторъ.—«А развѣ законъ требуетъ, чтобы господинъ Тимашевъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ?» — въ свою очередь спросилъ Серебряковъ.

Саксонскій подданный Карлъ Барнбекъ, переведенный изъ богадѣльни въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ, вслѣдствіе ссоръ съ призрѣваемыми и совершенно безумныхъ, крайне нечистоплотныхъ поступковъ, не совсѣмъ оправдалъ свое старческое слабоуміе (marasmus senilis) своими отвѣтами. «Я баронъ Бекъ, — заявилъ онъ. — Т. е. Барнбекъ, поправляетъ губернаторъ. — Нѣтъ, баронъ Бекъ. Вѣдь, говорятъ, что Трепова нашли на лѣстницѣ и назвали trepp auf, и вышелъ Треповъ. Такъ и я: баронъ Бекъ, а выходитъ Барнбекъ.—Что вы дѣлаете? — Ich singe wie der Vogel singt! Я исполняю волю Божью, потому что и воробей на крышѣ поетъ по волѣ Божьей. — Гдѣ вамъ болѣе нравится: въ богадѣльнѣ или здѣсь? Ich habe ein weiches Gemuth. Ubi bene ibi patria. — Зачѣмъ вы ссорились и не держали себя спокойно? — Stillstand ist Rückgang. — Разскажите обстоятельства вашей жизни. — Молчаніе. — Отчего вы не отвѣчаете? — Ein Narr kann mehr fragen, als zehn Weise antworten!»

Такъ, дворянинъ Богдановичъ, отвѣчая на обыкновенные, общежитейскіе вопросы, внезапно заявилъ: «а царемъ я быть не хочу, потому что не царь—царь, а тотъ, кто надъ собою царь, т. е. надъ своими страстями». Титулярный совѣтникъ Прозоровскій, переставшій ходить на службу потому, что хочетъ служить одному Богу, и кромѣ того знаетъ, что близко свѣтопреставленіе, объяснилъ: «у меня нѣтъ расположенія духа, чтобы служить, какъ всѣ служатъ, а если я пойду на службу, то это будетъ тѣло безъ души. Ну, а хорошо ли служить безъ души?»

Отставной штабсъ-капитанъ Николай Х—въ, 76-лѣтній, преданный порочной привычкѣ и лѣчащійся отъ безсилія и «натужности въ нижнихъ частяхъ» леденцомъ, объяснилъ, что у него 22.000 десятинъ въ Новгородской губерніи и что онъ хочетъ ихъ отказать Государственному Совѣту для усиленія его

дѣятельности. Его только смущаетъ, что всѣ члены этого учрежденія въ двоюродномъ родствѣ между собою, которое они скрываютъ тѣмъ, что для вида спорятъ. Самъ же онъ чувствуетъ себя очень хорошо, ибо давно уже понялъ, что главная независимость въ жизни — никогда не думать о своемъ здоровьѣ. — Такъ, отставной подполковникъ Ассѣевъ, служившій до 1872 года въ Западномъ краѣ, заявилъ, что онъ убитъ и даже выскобленъ, и убитъ при томъ брошенной въ него птицей, почему не можетъ болѣе служить и проводить «политику», а «политика» состоитъ въ томъ, что есть католическіе дворяне и центральные хамы, и губернатору надо между ними лавировать. — Отставной же коллежскій секретарь Андрей Фирсовъ объяснилъ, что до 1870 года былъ сыномъ Божьимъ, а потомъ Духъ Святой не приказалъ его брать на службу въ придворное вѣдомство, и онъ сталъ ловить птицъ и «заниматься клѣтками», при чемъ убѣдился, что люди имѣютъ очень много себѣ подобныхъ: — это такъ называемые идіоты: они совсѣмъ, какъ люди, и бываютъ очень важны, всѣ въ звѣздахъ, а въ сущности идіоты, и это потому, что они сотворены не Духомъ Святымъ, а сдѣланы химически... и т. д.

Наконецъ, отставной прапорщикъ Садомцевъ находилъ, что одинъ очень высокій сановникъ назначенъ для смѣха, ибо онъ лысый и «для письмоводства не годится», и жаловался на неправильное заявленіе о своей болѣзни со стороны старшаго врача полиціи. «Да вы, можетъ-быть, вправду больны?—спросилъ его губернаторъ. — Не болѣе, чѣмъ всѣ другіе, — отвѣчалъ онъ: — развѣ вы не знаете въ какомъ жалкомъ состояніи находятся, напримѣръ, умственныя способности у гуляющихъ въ Лѣтнемъ саду и при томъ съ вѣдома правительства»!

Разбирая мои замѣтки, я вижу, что наибольшее число душевныхъ разстройствъ выражалось *въ маніи величія* и *въ религіозномъ бредѣ*, при чемъ послѣдній, какъ это обыкновенно бываетъ, часто переплетался съ эротическими представленіями и циническими поступками. Такъ, напримѣръ, хорошенькая и сильно раскрашенная молодая женщина К—дзе, страдавшая маніей величія и тягостными галлюцинаціями обоняніи, считала себя

великой княжной Маріей Ѳеодоровной, вызванной царской фамиліей въ Петербургъ изъ Тифлиса для водворенія порядка, здравія и спокойствія, что и совершила съ блестящимъ успѣхомъ и за это должна быть коронована. Такъ, коллежскій регистраторъ Козловскій, состоящій генералъ-адъютантомъ второго императора, о чемъ можно узнать у градоначальника, былъ очень занятъ разсмотрѣніемъ своихъ орденовъ, которыхъ такъ много, что ихъ пришлось оставить на вокзалѣ. Однихъ крестовъ на шею девять штукъ... — Отставной генералъ-маіоръ Сонинъ пріѣхалъ въ присутствіе на охоту, живетъ во дворцахъ, потому что онъ императоръ и Суворовъ; дѣтей у него учитъ султанша, и ему принадлежатъ соловей и Бразильская императрица. — У отставного надворнаго совѣтника Бережкова, графа и тайнаго совѣтника 1-ой степени, стальная грудь, и съ него рисуютъ портреты государя.—Поручикъ Иванъ Побуковскій—сынъ Наполеона перваго, Богъ и ангелъ-хранитель, императоръ французскій и всего міра, за исключеніемъ двадцати государствъ, изъ коихъ пять державъ республиканскихъ, а доходу у него 6.000.000 милліоновъ.—Жена штабсъ-капитана Лепницкая, императрица великобританская, а можетъ-быть, и всероссійская, и мужъ-императоръ, но какой страны не знаетъ, а состоянія 2 милліона.—Отставного прапорщика Кащеева, князя Пожарскаго или Финляндскаго, урожденнаго Долгорукова, сама императрица просила быть спокойнымъ и пріѣзжала для этого въ Кронштадтъ. — Крестьянинъ Андрей Кудрявцевъ, имѣвшій чрезвычайно величественную осанку и повелительную рѣчь, оказался избранникомъ Бога, генералъ-фельдмаршаломъ, министромъ Синода, княземъ прославленнымъ и святѣйшимъ, наказнымъ атаманомъ и камергеромъ, получающимъ отъ государя 4.800 телеграммъ въ недѣлю.—Архитекторъ Егоръ Киселевъ предполагалъ, что онъ Георгій Мономахъ и во всякомъ случаѣ святой человѣкъ и «при томъ довольно умный мужчина», великій силачъ и богачъ, ибо съѣдаетъ въ день десять тысячъ яицъ, выпиваетъ двѣ тысячи бутылокъ пива и одного бѣлья имѣетъ на 20.000 р., такъ что можетъ каждаго согнуть въ бараній рогъ.—Жена коллежскаго совѣтника Гейне—императрица всѣхъ государствъ и при томъ отъ сотворенія міра.—Дочь

чиновника Ѳедорова скромнѣе: она только Португальская императрица. — Коллежскій секретарь Яковлевъ — царь царей, избранный въ это званіе уже три года, при чемъ получилъ всемірное знамя.

Большинство этого рода больныхъ имѣло весьма довольный — то горделивый, то снисходительный видъ,—при чемъ одинъ изъ нихъ внезапно стукнулъ кулакомъ по столу и повелительно закричалъ: «встать! я—вашъ императоръ». Ихъ довольство судьбою объяснялось не только высокимъ положеніемъ, но и огромнымъ богатствомъ и необыкновенной семейной жизнью. Такъ, у дворянина Козубовскаго оказалось 200.000 милліоновъ и 18.878 женъ, у купца Іосифа Зеленскаго — 9 милліоновъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и 2.712 женъ. Дворянинъ Кржижановскій получилъ въ подарокъ отъ всѣхъ царей 11 милліоновъ за открытіе чуда и графскій титулъ, вслѣдствіе чего собирался ѣхать съ царемъ за покупками въ Римъ. Генералъ-маіоръ Суриновъ, «человѣкъ не простой, а символическій», умѣющій летать, хотя крылья свои забылъ въ Воронежѣ, очень богатъ, потому что всѣ клады ему принадлежатъ, и онъ даетъ ихъ государямъ, начиная съ шестилѣтняго возраста. Дворянинъ Петръ Сашенскій, хотя и злоупотреблялъ дурными привычками, но надѣется на открытое имъ вѣчное движеніе, за которое получитъ 4 милліона отъ всѣхъ государствъ. Наконецъ, отставной поручикъ Поярковъ заявилъ, что вовсе не богатъ, ибо «помилуйте! всего шестнадцать милліоновъ. Какое же это богатство»? А мѣщанинъ Скулихинъ выигралъ послѣдовательно во внутреннемъ займѣ 10, 40, 75 и 200 тысячъ, «но это такой вздоръ, что и говорить не стоитъ».

Религіозный бредъ помѣшанныхъ тоже бывалъ очень характеренъ. Такъ, отставной учитель Годжелло видѣлъ Бога-Отца въ Кіевѣ въ коляскѣ, въ видѣ старца, съ длинной бородой, какъ въ церкви пишутъ. Онъ, Годжелло, не отдалъ ему поклона, ибо Богъ есть смерть и приближаться къ нему опасно, если «не заручиться прибавкой лѣтъ». Съ Іисусомъ Христомъ онъ обѣдалъ, а на Васильевскомъ островѣ встрѣтилъ и чорта, который ему объяснилъ, что и въ будущей жизни есть служба и существуютъ всѣ министерства.—Подполковникъ Козловскій—старшій Богъ и

архангелъ, женатый на Варварѣ Великомученицѣ, долгое время былъ купидономъ и лишь черезъ 100 лѣтъ станетъ совсѣмъ самостоятельнымъ. — Купецъ Зеленковъ летаетъ къ Богу и друженъ съ царемъ, который назначилъ его къ Богу, при чемъ онъ имѣлъ случай побывать въ раю, гдѣ прелестныя комнаты, библіотека и хорошо кормятъ и гдѣ живутъ Богъ, ангелы и райскіе скоты.— Наоборотъ, поручикъ Корчакъ-Новицкій, президентъ россійской республики и свѣтлѣйшій князь, былъ въ сатанинскомъ отдѣленіи ада, которое помѣщается въ нижнемъ этажѣ. Тамъ у него въ правомъ ухѣ выросъ бѣлый сатаненокъ, потомъ вылѣзъ и сказалъ: «Александръ Григорьевичъ, я къ тебѣ опять влѣзу», но онъ его не пустилъ, и тогда за лѣвымъ ухомъ поселился черный сатаненокъ, давшій ему всевѣдѣніе. — Отставной поручикъ баронъ Пелленбергъ, клавшій, по увѣдомленію больницы, поклоны до опухоли на лбу, «имѣлъ откровеніе ясное, какъ дважды два— четыре, при чемъ ему явились Спаситель съ черными волосами и Царица Небесная съ глазами, какъ смородина, и съ насупленными бровями, среди облаковъ изъ драгоцѣнныхъ камней, между которыми золотой рѣкой текла благодать,—но вдругъ упалъ камень, и прилетѣлъ легіонъ бѣсовъ, а дѣвица сказала: «вотъ и свѣтопреставленіе». — Крестьянинъ Акимъ Стульцевъ, старшій сынъ Бога, очень страдалъ оттого, что у него въ головѣ сидятъ два человѣка, говорящіе противоположныя вещи, а въ него влѣзъ дьяволъ при желудочныхъ припадкахъ и высовываетъ свои хвостики, при чемъ лукавый змій опуталъ его пальцы такъ, что мѣшаетъ креститься, а данный ему какимъ-то арестантомъ въ Казанской части опрѣснокъ вызвалъ чрезвычайный ростъ головы, которая сдѣлалась похожей на ослиную. — Наконецъ, телеграфный ревизоръ Лобанцевъ, «понявшій тайну творенія міра», составилъ сочиненіе, которое «было объявлено во многихъ народахъ по уставу святой церкви и доказательства котораго ясны и смертоносны, почему онъ требуетъ вознагражденія и документа на званіе законодательства».

Проходятъ въ моей памяти многіе больные, у которыхъ возвышенныя представленія о религіозныхъ предметахъ и о своихъ сношеніяхъ съ Богомъ переплетались съ площадными ругатель-

ствами и заявленіями, въ которыхъ слышался безсознательный откликъ былыхъ развратныхъ мыслей. Особенно тяжкое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи производилъ статскій совѣтникъ Валеріанъ А., который то крестился и цитировалъ псалмы, то извергалъ цѣлый потокъ ужасающихъ ругательствъ вперемежку съ картинами самой необузданной и извращенной чувственности. Не могу забыть также инспектора студентовъ одного изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, который, при освидѣтельствованіи его въ клиникѣ, въ присутствіи молодой жены и ея сестры, юной дѣвицы, послѣ ряда благочестивыхъ заявленій, сталъ плакать, говоря, что является ослушникомъ Бога, такъ какъ послѣдній поручилъ ему населить дѣтьми весь міръ, «а меня,—прибавилъ онъ, обливаясь слезами и внезапно сорвавъ съ себя одѣяло и обнаживъ свое тѣло — и на полъ-Европы не хватитъ».

Вторую большую категорію больныхъ составляли несчастные, страждущіе идеями преслѣдованія. Ихъ подавленный видъ, блуждающій взоръ, пугливое озираніе по сторонамъ и нерѣдкое выраженіе ужаса и безвыходнаго отчаянія на лицѣ производили самое тяжелое впечатлѣніе, невольно напоминая «citta dolente» и «perdutto gente» Дантова ада. Я помню коллежскаго секретаря Александрова, покушавшагося неоднократно на самоубійство, потому что онъ считалъ себя политическимъ убійцей. Когда ему предложили садиться, онъ отказался. «Не могу: я преступникъ», — сказалъ онъ и поникъ головой, вздохнувъ такъ тяжело, какъ должна была вздыхать лэди Макбетъ. Затѣмъ, съ видомъ отчаянія, дрожащимъ голосомъ и задыхаясь отъ волненія, онъ заявилъ: — «я совсѣмъ здоровъ, но всѣ слышатъ мои мысли, а какимъ образомъ — я понять не могу. Мысли же у меня, вѣроятно, грязныя, потому что, услыша ихъ, всѣ начинаютъ плевать. Ахъ, я хочу поскорѣй умереть! Это, вѣдь я — убійца князя Крапоткина и Мезенцова». — Губернскій секретарь Э—чъ призналъ, что заболѣлъ, потому что, будучи честнымъ человѣкомъ, взялъ взятку, а когда въ Могилевѣ пришелъ послушать дѣло о лихоимствѣ какого-то чиновника, то увидѣлъ, что судьи смотрятъ на него, читая его мысли. Это его преслѣдуетъ, а также и то, что онъ совершилъ много прелюбодѣяній, о которыхъ никто

не знаетъ, и это тѣмъ тяжелѣе, что теперь люди нравственно переродились, а онъ одинъ остался на старомъ положеніи, почему онъ ищетъ смерти, такъ какъ, лишь умеревъ, онъ засвидѣтельствуетъ существованіе справедливости и царствія Божія.

Большинству страдавшихъ слышались голоса. Такъ, телеграфисту Функе голоса говорили на всѣхъ языкахъ и даже въ присутствіи онъ слышалъ голосъ, изрекавшій: «ein Schwein hat auch разумъ». Иногда къ голосамъ присоединяются «миражи», т. е. галлюцинаціи зрѣнія, отъ которыхъ «очень болитъ голова» (коллежскій совѣтникъ Бочкаревъ). Эти голоса говорятъ о вѣчности и безконечности (крестьянинъ Постояновъ). Въ нихъ слышатся и лесть и брань, вызывающія раздраженіе, но иногда отъ нихъ становится весело, отъ «юмора голосовъ». «Но все-таки тяжело жить, окруженной невидимыми шпіонами и быть постоянно выставляемой въ романахъ въ дурномъ свѣтѣ» (жена подпоручика Кульчицкая).

Огромную роль въ несчастіи больныхъ играютъ телефоны и электричество. Такъ, мѣщанинъ Езерскій очень страдалъ отъ тайнаго общества, которое при помощи гальванизма, но не всегда удачно, исправляетъ политическія убѣжденія, при чемъ гальванизмъ даютъ кухарки въ пищѣ. Дворянинъ Максимовъ достовѣрно зналъ, что евреи, въ составѣ особаго комитета, исключительно занимаются пусканіемъ на людей электричества, чего многіе не выдерживаютъ. То же дѣлаютъ они и со звѣздами на небѣ, чтобы ихъ было поменьше. Покушавшійся на самоубійство студентъ М. считалъ себя гальванизированнымъ товарищами изъ вражды. Штабсъ-капитанъ Филатовъ былъ глубоко убѣжденъ въ существованіи подземныхъ ходовъ, гдѣ расположены огромныя электрическія машины для порчи людей, производящія страшный шумъ. Поручикъ Томашевичъ сдѣлался «весьма слабъ душою, потому что голова его была притуплена посредствомъ магнитнаго сношенія и сдѣлалась открытой для всѣхъ—tout à fait ouverte»! Поручикъ Козловскій, страдавшій горделивымъ бредомъ, прочитавъ «Пѣснь торжествующей любви» Тургенева, увидѣлъ, что онъ — Фабій, и что Муцій, а затѣмъ и всѣ остальные, хотятъ его отравить и навести на него проказу, т. е. такое состояніе, при которомъ «внѣшняя форма не соотвѣтствуетъ содержанію».

Горестныя впечатлѣнія оставили во мнѣ несчастныя женщины, страдавшія эротическимъ помѣшательствомъ (нимфоманіей) и заставлявшія невольно задуматься надъ голосомъ природы, идущимъ въ разрѣзъ съ условіями современной жизни. Тихія, скромныя и молчаливыя, державшія себя въ началѣ разспроса сдержанно, онѣ постепенно мѣнялись въ лицѣ, блѣднѣли или чрезвычайно краснѣли, глаза ихъ меркли или загорались огнемъ животной страсти, отвѣты становились веселыми и черезчуръ любезными, а спустя нѣсколько минутъ наступало возбужденное состояніе съ безстыдными жестами, разстегиваніемъ лифа, поднятіемъ юбокъ и самыми циническими словами, которыя особенно ужасно звучали въ устахъ дѣвушекъ. Первый такой случай мнѣ пришлось видѣть еще въ Харьковѣ въ 1870 году, когда молодая дѣвушка, бывшая классная дама института, отвѣтивъ совершенно разумно на нѣсколько вопросовъ, вдругъ стала волноваться и спрашивать, нѣтъ ли между присутствующими нѣкоего Щ. Затѣмъ лицо ея и взоръ приняли опьянѣлый видъ, она быстрымъ движеніемъ разстегнула свое платье и обнажилась почти до пояса, а изъ устъ ея полились безсвязныя, но совершенно откровенныя рѣчи объ интимныхъ отношеніяхъ, вперемежку съ ласковыми уменьшительными именами и короткими взрывами смѣха. Когда ее уводили изъ комнаты лѣчебницы (Сабуровой дачи), гдѣ происходило освидѣтельствованіе, она бросилась на шею стоявшему у дверей сторожу и стала его цѣловать, потомъ вскрикнувъ: «нѣтъ, ты не Щ.!» съ хохотомъ и слезами побѣжала по коридору. Несчастная дѣвушка жила со своей сестрой, старой дѣвой, въ одномъ изъ южныхъ городовъ. Къ нимъ сталъ ходить молодой человѣкъ Щ. Молодые люди полюбили другъ друга, Щ. сталъ считаться женихомъ, и начались приготовленія къ свадьбѣ. Но въ это время, старшая сестра выиграла на билетъ внутренняго займа 40 тысячъ, и молодой человѣкъ, сдѣлавъ volte-face, объявилъ старшей сестрѣ, что ошибся въ своемъ чувствѣ и что любитъ не младшую сестру, а ее, и желаетъ быть ея мужемъ. Старая дѣва не выдержала искушенія и приняла предложеніе. Начались семейныя сцены, настало какое-то вмѣша-

тельство брата не въ пользу младшей сестры, и бѣдная дѣвушка стала задумываться, уединяться и кончила нимфоманіей.

Иногда такими несчастными являлись молодыя жены стариковъ. Здѣсь разность лѣтъ и ненормальныя условія супружескаго сожитія, болѣзненно распаляя воображеніе и разстраивая нервную систему молодого существа, влекли его роковымъ образомъ къ нарушенному равновѣсію физическихъ и духовныхъ силъ. То же, хотя и по другой причинѣ, сказывалось и въ душевномъ состояніи нѣкоторыхъ молодыхъ вдовъ. Конечно, и тутъ и тамъ играла значительную долю невропатическая наслѣдственность, и существовала ярко выраженная наклонность къ разрушительнымъ для здоровья привычкамъ. Обыкновенно такія свидѣтельствуемыя, по большей части бездѣтныя, любили разсказывать о своемъ бракѣ и о большомъ количествѣ дѣтей. Такъ, купеческой дочери Л. оказалось, по ея словамъ, всего 4 года отъ роду, но она 80 лѣтъ уже какъ вышла замужъ за мальчика, отъ котораго родила 200 дѣтей, сотню Сашенекъ и сотню Гришенекъ; — кронштадтская мѣщанка В. имѣла отъ роду 100 и даже двѣсти лѣтъ, родивъ свыше тысячи дѣтей, такъ что и именъ ихъ не знаетъ; — у вдовы дворянина Л—ой двѣ «утробы» и изъ каждой должно родиться по 19 дѣтей, за что ей слѣдуетъ получить 200 т. р. Всѣ подобнаго рода свидѣтельствуемыя были говорливы и наивно кокетничали съ присутствующими. Только одна, жена купца К., среди разспросовъ, на которые отвѣчала словоохотливо, вдругъ замолчала и, когда губернаторъ спросилъ ее (дѣло было въ Петербургѣ), отчего она не отвѣчаетъ, сказала ему, показывая на весь синклитъ: «ахъ, душенька, да мнѣ тошно говорить со всѣми вами»!..

Рѣдко кто изъ изслѣдуемыхъ сознавалъ, что онъ содержится въ больницѣ душевно-больныхъ. Большинство заявляло, что сидитъ въ тюрьмѣ, или въ «домѣ съ рѣшетками», или въ монастырѣ; одной казалось, что она живетъ въ домѣ, гдѣ «смѣшные, умные и неумные спириты»; то же полагалъ и высокій, представительный старикъ, коллежскій совѣтникъ Кузьминъ, проживая «въ домѣ, наполненномъ спиритами, составляющими подъ руководствомъ Стасюлевича, Полонскаго и Аксакова, партію соціали-

стовъ, желающихъ овладѣть чужимъ имуществомъ, при чемъ Краевскій, однако, не съ ними, а ихъ въ Россіи 6 милліоновъ, а въ Европѣ—66». Одна изъ свидѣтельствуемыхъ находила, что въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ ее поселили, «все какіе-то пьяные, нѣтъ ни одного умнаго человѣка, такъ что люди они или черти, самъ чортъ не разберетъ»; другой не имѣлъ охоты жить въ «такомъ странномъ помѣщеніи»; третій находилъ, что содержится въ Петропавловской крѣпости, гдѣ всѣхъ больныхъ выучилъ говорить... Никто на моей памяти, не называлъ больницы «домомъ сумасшедшихъ» и никто (кромѣ дѣвицы Б.) не протестовалъ противъ вызова въ особое присутствіе губернскаго правленія. Только жена почетнаго гражданина Иванова, страдавшая бредомъ преслѣдованія, съ угрюмымъ видомъ, заявила, что «она не картина, чтобы ее возить на выставку», да отставной капитанъ Янушкевичъ на вопросъ губернатора, извѣстно ли ему, гдѣ онъ находится, сказалъ съ надменнымъ видомъ, что находится тамъ, гдѣ нужно, а на вопросъ о здоровьѣ вызывающе отвѣтилъ: «мое-то хорошо, и какъ-то ваше?» и затѣмъ сталъ кричать: «вы нарушаете законы приличія, я членъ общества, васъ научатъ» и т. д.

Изъ освидѣтельствованій, произведенныхъ въ Петербургѣ *на дому*, мнѣ особенно памятны три: старика, бывшаго харьковскаго профессора, Демьяна Адамовича, — богатаго домовладѣльца Суслова и одного сановнаго извѣстнаго писателя сороковыхъ годовъ. Вообще, освидѣтельствованія на дому бывали довольно непріятны. Приходилось встрѣчать враждебно-настроенныя лица, видѣть нерѣдко грязную и очень неприглядную обстановку и, самое тяжелое, дышать иногда ужаснымъ, спертымъ и испорченнымъ воздухомъ. Такой прямо невыносимый, вызывающій тошноту воздухъ былъ въ крайне холодной квартирѣ Суслова, куда мы прошли черезъ кухню, гдѣ насъ очень недружелюбно приняли двѣ грязныя бабы, и черезъ загроможденный разнымъ хламомъ коридоръ. Насъ встрѣтилъ видный мужчина съ румянцемъ во всю щеку. Это былъ владѣлецъ огромнаго дома № 22, выходящаго на Екатерининскій каналъ и на Думскую улицу и приносившаго 20 тыс. руб. чистаго дохода. Ему принадлежалъ и еще другой, тоже большой домъ. Вдовецъ, отдалившій отъ себя сына и дочь и державшій ихъ

въ черномъ тѣлѣ, Сусловъ, вступивъ за 12 лѣтъ до освидѣтельствованія въ права наслѣдства послѣ отца, оставилъ нетронутыми наложенныя судебнымъ приставомъ печати на дверяхъ и мебели и поселился въ одной комнатѣ, изъ которой вскорѣ пересталъ выходить на воздухъ. Потомъ онъ прекратилъ ходить въ баню и перемѣнять бѣлье, жалѣя денегъ на мыло, а также не сталъ разуваться. Такъ прошло девять лѣтъ. Чулки его истлѣли, ногти ножныхъ пальцевъ прорѣзали полусгнившіе сапоги и торчали наружу. Онъ много лѣтъ не снималъ грязнаго, засаленнаго халата, надѣваемаго на голое тѣло, и спалъ въ креслѣ, находя, что такъ удобнѣе на случай пожара или прихода воровъ, заваливъ дверь и стоявшій въ комнатѣ диванъ старыми газетами. У него оказалось въ банкѣ на храненіи на 175 тыс. руб. облигацій городского кредитнаго общества, о выходѣ коихъ въ тиражъ онъ никогда не спрашивалъ и процентовъ по которымъ не получалъ, неся, такимъ образомъ, большія потери. Но на пыльномъ комодѣ въ его комнатѣ лежали въ бумагѣ черствые, почти обратившіеся въ камень калачи. Это были подношенія дворниковъ на Пасху и Новый годъ, накопившіяся за много лѣтъ, потому что, какъ объяснялъ Сусловъ, «всего сразу съѣсть невозможно». Онъ держалъ себя очень привѣтливо, отвѣчалъ охотно и связно, смущенно улыбаясь, и всю свою невозможную обстановку и образъ жизни объясняя тѣмъ, что онъ постоянно занятъ, хлопочетъ и ему нѣтъ ни на что времени, да и надобности ни къ чему не представляется. На вопросъ о томъ, чѣмъ же онъ такъ занятъ? онъ отвѣчалъ: «да какъ же, помилуйте, вотъ утромъ встану, умоюсь, какъ русскій человѣкъ, а тамъ чай, газета, времени и нѣтъ!» Можно себѣ представить, какую приманку для разнаго рода темныхъ дѣльцовъ представлялъ подобный человѣкъ, совершенно лишенный воли и соединявшій съ отвратительною скупостью расточительную небрежность относительно своихъ средствъ... Сенатъ, согласно заключенію особаго присутствія, учредилъ надъ Сусловымъ опеку.

Еще болѣе поразительное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ насъ, составлявшихъ особое присутствіе, восьмидесятипятилѣтній старикъ Адамовичъ. Судебный слѣдователь, производившій

дѣло о кражѣ у отставного надворнаго совѣтника Демьяна Адамовича 16 тыс. руб. и о мошенническомъ полученіи отъ него подъ залогъ разной ничего не стоящей дряни 60 тыс. руб., сообщилъ мнѣ, что обстановка и условія жизни потерпѣвшаго внушаютъ ему подозрѣніе въ ненормальности его умственныхъ способностей. Такъ какъ въ порядкѣ судебнаго производства можно свидѣтельствовать только обвиняемыхъ, а не потерпѣвшихъ и жалобщиковъ, то я поручилъ начальнику сыскной полиціи Путилину провѣрить подозрѣнія слѣдователя. То, что сообщилъ мнѣ Путилинъ, было такого свойства, что я официально обратился къ губернатору съ просьбою освидѣтельствовать Адамовича на дому 25-го января 1874 года мы вошли во второй дворъ одного изъ большихъ домовъ въ Моховой улицѣ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ обветшалаго флигеля, противъ выгребной ямы, находилось жилище Адамовича, состоявшее изъ четырехъ комнатъ и кухни съ окнами въ уровень съ землею. Въ кухнѣ и прилегающей къ ней свѣтлой и довольно чистой комнатѣ насъ встрѣтили, съ грубыми протестами, двѣ женщины и солдатъ, заявляя, что хозяина видѣть «никакъ невозможно» и что онъ находится на ихъ попеченіи. Но то, что представляли остальные комнаты, почти не поддается описанію. Полутемныя, грязныя, съ окнами, завѣшенными какими-то рваными тряпками, съ просочившеюся со двора водою, пропитанныя запахомъ гнили и сырости, онѣ были загромождены всякаго рода вещами и хламомъ. Наложенная одна на другую мебель оставляла вездѣ лишь узкій проходъ, вездѣ стояли деревянные, полуразвалившіеся ящики, корзины, картонки, и въ нихъ въ полномъ безпорядкѣ были навалены иконы, мѣдные и желѣзные приборы, посуда, веревки, пустыя бутылки, старые ковры, разрозненные тома старыхъ дѣлъ, прорванныя картины, покрытыя плѣсенью книги, гвозди, пробки, пустыя рамы, битыя стекла и т. д. Все это было покрыто толстымъ слоемъ пыли, которая размазывалась при прикосновеніи, подъ вліяніемъ сырости. Въ комнатахъ было очень холодно. Среди всего этого хаоса маленькими шажками двигался ветхій старикъ, съ выцвѣтшими голубыми глазами и рѣдкими сѣдыми волосами, на которыхъ плотно лежала цѣлая корка

засохшей грязи, очевидно, никогда не смываемой. Дрожащія, съ длинными крючковатыми ногтями, руки его запахивали просиженный, засаленный и разорванный на локтяхъ халатъ, подъ которымъ виднѣлась до невозможности грязная рубашка, открывавшая желтую, запачканную и мѣстами расцарапанную, въ борьбѣ съ насѣкомыми, грудь. Оказалось, что старикъ живетъ въ этой квартирѣ уже девять лѣтъ, не топитъ ее потому, что «печка дымитъ», не перемѣняетъ по полугоду бѣлья на кровати, потому что «это отнимаетъ время», и ѣстъ ежедневно лишь супъ, макая въ него черный хлѣбъ. Супъ этотъ варится разъ въ мѣсяцъ, «чтобы не посылать прислугу часто на рынокъ», и наливается въ жестяное ведро, издающее отвратительное зловоніе. Изъ одежды у него, кромѣ халата, было еще старое пальто, обувался онъ въ истоптанныя резиновыя галоши. Прислугой у него были двѣ женщины, встрѣтившія насъ, получавшія по 5 руб. въ мѣсяцъ на своемъ столѣ. Адамовичъ ихъ, по его словамъ, боялся и подозрѣвалъ, что сынъ одной изъ нихъ укралъ у него 16 тыс. руб. На разспросы о средствахъ, онъ объяснилъ, что имѣлъ 300 тыс., но часть взята обманомъ, а часть расхищена, такъ что осталось лишь 175 тыс. или болѣе, изъ которыхъ 75 тыс. хранятся въ банкѣ, а слишкомъ 100 тыс. онъ держитъ дома въ картонкѣ и въ столѣ, такъ какъ онѣ ему нужны, чтобы «выдавать ссуды», чѣмъ онъ занимается съ 1839 г., когда выигралъ большой процессъ о наслѣдствѣ. Книгъ по ссудамъ онъ не ведетъ и кто его должники—припомнить не можетъ, знаетъ только, что въ послѣднее время стали къ нему, съ парадная хода, минуя прислугу, ходить какіе-то «голландцы», очень добрые и ласковые, приносящіе ему пиво и предлагающіе очень выгодное дѣло. Родственниковъ и знакомыхъ у него нѣтъ, были двѣ племянницы, да уже давно умерли, а племянниковъ у него нѣтъ, и живетъ онъ скромно, «по-студенчески», потому что у него былъ братъ и сталъ жить широко, да и прожился...

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ имъ о себѣ и собранныхъ о немъ, оказалось, что онъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, былъ секретаремъ совѣта харьковскаго университета и профессоромъ всеобщей исторіи тамъ же, затѣмъ, въ 1818 году пере-

селился въ Петербургъ и поступилъ въ комитетъ человѣколюбиваго общества и въ министерство путей сообщенія, гдѣ состоялъ переводчикомъ «при его высочествѣ» (т. е. принцѣ Вюртембергскомъ) съ латинскаго и европейскихъ языковъ. Выйдя въ отставку въ 1839 году, онъ сталъ заниматься ростовщичествомъ...

Чѣмъ-то щемящимъ сердце вѣяло отъ этого старика. И это была не жалость о немъ. Вся обстановка его слишкомъ громко кричала о томъ безсердечіи, скаредности и алчности, которыя проходили красной нитью черезъ всю жизнь этого новаго, подлиннаго Плюшкина. Но было больно за человѣка... Вѣдь это былъ профессоръ, ученый и обезпеченный судьбою человѣкъ. Старыя иконы въ потемнѣвшихъ ризахъ, лежавшія тамъ и сямъ, свидѣтельствовали, какой острой нуждѣ и какимъ способомъ помогалъ онъ, прежде, чѣмъ дожить до своей заброшенности и ведра съ супомъ, — прежде, чѣмъ дойти до старческаго слабоумія, обращающаго въ ничто накопленное богатство и дѣлающее его легкою добычею «лихихъ людей»... Признанный слабоумнымъ, онъ былъ порученъ добросовѣстнымъ опекунамъ. Они привели въ извѣстность его состояніе, превышавшее 200 тыс.,—извлекли его изъ его мрачнаго логовища и помѣстили въ свѣтлой, теплой, небольшой квартирѣ. Первое время,—отмытый отъ грязи, чисто одѣтый и окруженный нѣкоторой заботливостью, онъ былъ, повидимому, доволенъ, но затѣмъ затосковалъ по своей старой обстановкѣ и таинственнымъ посѣтителямъ и сталъ быстро угасать. Мало-по-малу слухи о немъ проникли въ печать — и вдругъ явилось довольно много отдаленныхъ родственниковъ, пожелавшихъ въ рядѣ писемъ и прошеній къ властямъ «принять сердечное участіе въ почтенномъ и несчастномъ старцѣ», о которомъ никто изъ нихъ прежде не далъ себѣ труда вспомнить... Но было уже поздно: Адамовичъ скончался черезъ мѣсяцъ послѣ учрежденія опеки.

Высоко-талантливый писатель сороковыхъ годовъ мелькнулъ предо мною вскорѣ послѣ возбужденія мною дѣла штабъ-ротмистра Колемина, обвиняемаго въ содержаніи игорнаго дома. Тогда онъ пришелъ ко мнѣ въ качествѣ заступника за Колемина

и произвелъ на меня крайне тягостное впечатлѣніе смысломъ и манерой своей защиты въ пользу вреднаго хищника... Мнѣ было больно видѣть его въ этой роли... Зимою 1882 г. мнѣ пришлось, въ качествѣ почетнаго мирового судьи, участвовать въ освидѣтельствованіи его на дому. Онъ — неопрятный и огромный, съ всклокоченною головою — лежалъ на кровати въ роскошной спальнѣ и говорилъ разный циническій, явно бредоваго характера, вздоръ. Но, по временамъ въ его безсвязную рѣчь вторгались выраженія, въ которыхъ звучало искреннее чувство и просыпался художникъ. На него произвела, очевидно, сильное впечатлѣніе трагическая кончина императора Александра II. «Вы представьте себѣ, — говорилъ онъ,—русскій царь лежитъ, прислонившись головою къ рѣшеткѣ Екатерининскаго канала, и изъ раздробленныхъ ногъ его льется широкой струею кровь... и онъ говоритъ раненому казаку:—«помоги мнѣ», — а?—«помоги мнѣ»!—и это говоритъ всемогущій государь своему бѣдному, тоже пораженному подданному. Онъ, такъ много сдѣлавшій для своего народа, говоритъ представителю этого народа:—«помоги мнѣ»,—какой глубокій въ этомъ смыслъ, — какой урокъ смиренія. Я это хочу написать, я это долженъ написать... Извините—я плачу, я не могу не плакать... «помоги мнѣ!»

Остается сказать о письменныхъ заявленіяхъ мнѣ различныхъ душевно-больныхъ, бывшихъ предметомъ освидѣтельствованія. Я получалъ ихъ очень много, но къ сожалѣнію, очень малое число ихъ у меня сохранилось. Обыкновенно бывали жалобы на противозаконное задержаніе съ требованіемъ немедленнаго освобожденія и явки въ домъ умалишенныхъ для выслушиванія претензій. Я это и дѣлалъ во всѣхъ случаяхъ, когда было какое-либо, хотя бы отдаленное основаніе предполагать злоупотребленіе или простое ослѣпленіе или, наконецъ, небрежность со стороны власть имущихъ. Но иногда самая просьба заключала въ себѣ явное указаніе на ненормальность умственныхъ способностей. У меня сохранилось, однако, лишь немного такихъ.

Такъ—«сотрудникъ нѣсколькихъ газетъ, оглашенный редакторъ религіозно-политическаго журнала, человѣкъ, извѣстный по уму своему всей Россіи, адвокатъ и спиритъ, Руденко», признанный особымъ присутствіемъ въ Казани одержимымъ бредомъ величія, на почвѣ сифилитическаго перерожденія мозга, требовалъ моей явки въ центральный домъ умалишенныхъ для составленія протокола и немедленной отправки его къ государю «по политическому поводу», и писалъ мнѣ: «вызываю прокурора и буду вызывать его криками на всю больницу въ присутствіи постороннихъ, чѣмъ произведу волненіе умовъ въ Казани, за что головою будетъ отвѣчать прокуроръ; угрозу приведу въ исполненіе, ибо ожидать отъ меня другого не только смѣшно и не вѣроятно, но даже глупо и невозможно»... Въ слѣдующемъ прошеніи, озаглавленномъ «по государственному дѣлу», онъ уже писалъ: «подтверждаю вамъ, прокуроръ, что я буду вызывать васъ неистовыми криками до тѣхъ поръ, пока вы не явитесь. Члены губернскаго правленія по сумасшедшей части—воры и мошенники, ихъ слѣдуетъ бить на всякомъ мѣстѣ, по указу Его Величества, какъ свиней! чему они учились, распротоканальи? Плевка они не стоятъ;—чтобы проглотилъ ихъ сатана со всѣми семействами,—этихъ выкидышей рода человѣческаго! Прокуроръ! помни, братецъ, Бога! Если въ тебѣ есть хоть капля совѣсти, свойственная даже собакамъ, какъ показываетъ ихъ привязанность къ хозяину,—приди ко мнѣ и отправь меня въ Зимній дворецъ, дабы ты могъ легко вздохнуть въ послѣдній часъ... Моей судьбой заинтересована вся Европа, а Государю я сообщу такое, отъ чего онъ возликуетъ»...

Въ 1882 году дѣвица К. вызывала меня въ больницу съ тѣмъ, чтобы «открыть мнѣ тайну о томъ, что, вслѣдствіе вмѣшательства одного изъ Великихъ Князей, нѣмецкихъ безобразій стало меньше, но что все-таки у нотаріуса Серебрякова собираются нѣмцы и нѣмки и дѣйствуютъ посредствомъ телеграфа, электричества и спиритизма и въ особенности одна гадальщица-чухна, съ красной бородавкой на самомъ кончикѣ носа, увидѣть которую въ креслахъ въ театрѣ значитъ ужаснуться и придти въ омерзѣніе». Сохранилось у меня и длинное прошеніе въ стихахъ—и очень

недурныхъ—надворнаго совѣтника Владыкина, страдавшаго параличемъ помѣшанныхъ и требовавшаго, чтобы я сдѣлалъ немедленное распоряженіе о погребеніе его «во всѣхъ орденахъ и въ мундирѣ, а не въ больничномъ балахонѣ».

Говоря о психіатрической экспертизѣ, я обращаюсь къ своимъ личнымъ, довольно неутѣшительнымъ воспоминаніямъ. Но было бы несправедливо думать, что жизнь оставила во мнѣ только такія. Нѣтъ! въ нихъ возстаютъ два свѣтлыхъ образа людей, посвятившихъ свою жизнь страждущему человѣчеству. Въ нашей, въ общемъ довольно безцвѣтной, праздно-суетливой и почти всецѣло отданной преходящей «злобѣ дня» жизни—встрѣчаются люди особаго склада. Когда все у насъ лично идетъ спокойно и хорошо, когда среди размѣренной работы наступаютъ періоды отдыха и досуга—эти люди чрезвычайно пріятны. Ихъ бесѣда интересна, ихъ умъ просвѣщенъ, ихъ характеръ ровенъ. Но когда наступаютъ въ нашей жизни періоды тяжелой борьбы, непосильнаго труда, горя и скорби — эти люди умѣютъ почти всегда благоразумно и сдержанно отсутствовать, не желая «мѣшать», остерегаясь «растравлять выраженіями своего сочувствія душевныя раны»... Но есть другіе, немногіе, тѣ, чье присутствіе, участіе и чуткое вниманіе особенно и цѣлительно даютъ себя чувствовать среди житейскихъ испытаній. Это настоящіе *сотрудники жизни*. Иногда ихъ можно подолгу не видѣть, но отрадно знать, что они есть, что они существуютъ, что къ нимъ можно обратиться за совѣтомъ, за нравственной помощью, за тепломъ, согрѣвающимъ замерзающую душу. Это живое, бодрящее сознаніе исчезаетъ, когда они уходятъ «за грань земного кругозора», и замѣняется лишь благодарнымъ воспоминаніемъ. Такимъ *сотрудникомъ жизни* былъ *Иванъ Михайловичъ Балинскій*, со своею рѣшительною походкой, умнымъ, блѣднымъ, узкимъ лицомъ и удивительными темными глазами, въ которыхъ виднѣлась неустанно работающая мысль, всегда глубокая и—какъ сказалъ бы Достоевскій—«проникновенная»,—и блистало чувство, то гнѣвное и жгучее, то мягкое и сострадательное. Такимъ же былъ и его уче-

никъ и ближайшій преемникъ—*Иванъ Павловичъ Мержеевскій*, со своей исполненной изящества фигурой, манерами истиннаго джентльмена (a perfect gentleman — какъ говорятъ англичане) и блестящею, обличающею многостороннее образованіе, рѣчью.

Когда И. М. Балинскій выступилъ на свое учено-практическое поприще учителя и врача душевныхъ болѣзней, отдѣленіе для жертвъ послѣднихъ при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ—такъ называемый *шестой корпусъ*—было филіальнымъ отдѣленіемъ Дантова Ада. Въ него не заглядывало высшее начальство, ссылая туда подчиненныхъ военныхъ врачей въ возмездіе и на исправленіе, а практиковавшіеся въ немъ содержаніе и способы лѣченія—усиленные пріемы рвотнаго, для «отвлеченія отъ безумныхъ мыслей», смирительная рубашка, изобильно снабженная мушками «для успокоенія», постоянное голоданіе, вызывавшее драки за скудно отпускаемую пищу, побои со стороны служительскаго персонала—далеко превосходили то, что воображеніе Гоголя вложило въ послѣднюю страницу «Записокъ сумасшедшаго». При этомъ, конечно, наука, допускавшая все то, что уже давно и навсегда было осуждено и отвергнуто великимъ Пинелемъ, находилась на соотвѣтствующей высотѣ, представляя рядъ не связанныхъ общей идеей эмпирическихъ наблюденій, втиснутыхъ въ случайную и часто внѣшнюю классификацію. По петербургскому образцу можно судить о томъ, что дѣлалось въ провинціи и въ Москвѣ, гдѣ святому доктору Гаазу не разъ приходилось вопіять, грозя и умоляя, противъ бездушнаго обращенія съ душевно-больными. Балинскому предстояло все найденное имъ пересоздать, вырвать съ корнемъ застарѣлые взгляды и придать своему дѣлу научный характеръ, отражающійся и на общемъ направленіи, и на мелочахъ повседневной больничной жизни. Существуетъ много данныхъ о его плодотворной работѣ въ этомъ отношеніи и о его вліяніи на улучшеніе условій жизни душевно-больныхъ въ сооруженныхъ, по его указаніямъ и планамъ, новыхъ лѣчебницахъ въ разныхъ уголкахъ русской земли. Хотя уже одного того, что онъ успѣлъ сдѣлать въ Петербургѣ, и нравственнаго вліянія, лучами расходившагося отъ него, достаточно, чтобы признать его громадныя заслуги, но тѣ,

кому не пришлось, какъ Балинскому, «собирать — выражаясь словами великаго Петра—разсыпанную храмину», находили его труды недостаточными, ибо онъ не оставилъ по себѣ научныхъ памятниковъ, т. е. такихъ томовъ искусныхъ компиляцій, которые отъ памятниковъ въ мраморѣ и бронзѣ отличаются тѣмъ, что ими любуются, и безъ большой потери для человѣчества поѣдаютъ ихъ... мыши. Человѣкъ здоровой умственной и волевой наслѣдственности, питомецъ старой культуры, Балинскій принадлежалъ къ людямъ, обращающимся честно не только со словомъ, но и съ научной мыслью. Онъ не любилъ поспѣшныхъ обобщеній и скоропалительныхъ открытій, кончающихся зачастую общимъ недоумѣніемъ и разочарованіемъ, и не хотѣлъ пускать въ общество быстро стирающуюся размѣнную монету знанія.

Бэконъ весьма образно раздѣлялъ ученыхъ на *муравьевъ* и *пчелъ*. Первые собираютъ научный матеріалъ, какъ муравьи—вторые распредѣляютъ его, какъ пчелы. Такимъ собирателемъ живого, поучительнаго матеріала былъ Балинскій, соединявшій вокругъ себя, около образцоваго преподаванія и практическаго наученія, цѣлую плеяду учениковъ. Эти ученики — отшедшіе Чеховъ и Дюковъ, Мержеевскій и Черемшанскій, еще здравствующіе Чечоттъ и Сикорскій и др. — были пчелами. Они распредѣлили и разработали тотъ матеріалъ, значеніе котораго имъ выяснилъ ихъ учитель. Въ теченіе трехъ десятилѣтій на каѳедрѣ римскаго права въ московскомъ университетѣ блисталъ Никита Ивановичъ Крыловъ. Онъ тоже никакихъ «книжекъ» не оставилъ—и за это подвергался не разъ близорукимъ упрекамъ. Но онъ *жилъ* на каѳедрѣ и оставался жить въ душѣ своихъ слушателей, которые, раскинутые въ далекіе и глухіе уголки Россіи, чрезъ много лѣтъ по оставленіи университета, умилялись сердцемъ при одномъ упоминаніи имени «Никиты»... Такъ же—я въ этомъ увѣренъ—живетъ въ сердцѣ своихъ учениковъ и Балинскій. Я имѣлъ счастье ходить въ 1868-мъ году на его—тогда легко доступныя постороннему — лекціи въ одноэтажномъ длинномъ деревянномъ зданіи при медико-хирургической академіи. Онъ обходилъ хронически-больныхъ и у кровати нѣкоторыхъ,

по временамъ присаживаясь на нее, читалъ свои лекціи, совершенно зачаровывая своихъ молодыхъ слушателей. Когда лекція кончалась, не хотѣлось и было больно уходить, до того образно, остроумно и полно нагляднаго, животрепещущаго интереса было ея содержаніе, и такъ сверкало пламя вдохновенія и любви къ людямъ на одухотворенномъ лицѣ Балинскаго. Такимъ же полнымъ знанія не только своего предмета, но и жизни, въ ея сложныхъ проявленіяхъ, приходилось мнѣ видѣть его въ Совѣтѣ учрежденія Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ мы засѣдали вмѣстѣ много лѣтъ,—на докладахъ въ Медицинскомъ Совѣтѣ и, наконецъ, въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ, куда я, предсѣдательствуя при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемыхъ, въ особо важныхъ случаяхъ приглашалъ его для дачи заключенія. Я не могу забыть до сихъ поръ нѣкоторыхъ изъ этихъ блестящихъ узоровъ на строгой канвѣ глубокаго опыта и вдумчивости. Я уже говорилъ, какъ поразилъ онъ присутствовавшихъ по дѣлу о вышеупомянутомъ Августовскомъ, убійцѣ неповинной дѣвушки-служанки, который представлялъ полную картину двухъ видовъ душевной болѣзни, отчетливую до мельчайшихъ подробностей. И религіозно-бытовыя явленія, доходившія до суда, привлекали къ себѣ вниманіе Балинскаго, подобно тому, какъ нынѣ они интересуютъ И. А. Сикорскаго. Важный вопросъ объ отличіи невѣжественнаго фанатизма отъ душевнаго разстройства былъ разработанъ Балинскимъ съ особенной подробностью по отношенію къ скопчеству. Его письменное мнѣніе изобилуетъ тонкой наблюдательностью и анализомъ производящихъ причинъ, проявленій и внутренняго построенія какъ психическаго бреда, такъ и фанатической теоріи. Это мнѣніе положено въ основу заключительныхъ выводовъ Пеликана въ его замѣчательной и рѣдкой книгѣ: «Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества», и отличается гораздо большей широтой и глубиной, чѣмъ извѣстное сочиненіе Иделера: «Versuch einer Theorie des religiosen Wahnsinns».

Но если Балинскій заложилъ и укрѣпилъ цитадель русской психіатрической науки, то И. П. Мержеевскій — современникъ и сотоварищъ по научнымъ работамъ Шарко и Крафтъ-Эбинга—

выступилъ изъ нея во всеоружіи глубокаго медицинскаго образованія и совершилъ новыя завоеванія въ области изученія душевныхъ болѣзней. Пятидесятью двумя заглавіями своихъ сочиненій онъ доказалъ, какъ ревностно и успѣшно исполнялъ онъ свою задачу *пчелы*. Слѣды его заботъ о развитіи русской психіатріи на лицо: по его указаніямъ и подъ его руководствомъ построена образцовая и величественная клиника для душевныхъ болѣзней при военно-медицинской академіи; имъ былъ основанъ и редактируемъ въ теченіе многихъ лѣтъ превосходный по содержанію «Журналъ Психіатріи и Неврологіи», и онъ же, вмѣстѣ съ Балинскимъ, возродилъ къ жизни петербургское общество психіатровъ, котораго и оставался предсѣдателемъ до самой смерти, дѣлая блестящія заключенія послѣ докладовъ и представляя яркіе примѣры того, какъ можно и какъ слѣдуетъ облекать твердо обоснованные научные доводы въ красивую, доступную и подчасъ остроумную форму. И онъ былъ не разъ желаннымъ и надежнымъ помощникомъ правосудію въ трудной и темной области вмѣненія. Но главное его свойство, которымъ и оттѣнялись и его знанія, и его житейскія отношенія, была доброта—разумная и деликатная. Онъ слѣдовалъ въ жизни завѣту великаго польскаго поэта: «имѣй сердце и смотри въ сердце». Отсюда его восхищеніе Говардомъ и докторомъ Газомъ, біографію котораго онъ назвалъ въ письмѣ ко мнѣ «эпопеей подвиговъ человѣческаго сердца»; отсюда дѣятельная, хотя и не крикливая забота объ улучшеніи будущей обстановки выпускаемыхъ изъ лѣчебницъ по выздоровленіи; отсюда, наконецъ, его нелюбовь къ вивисекціи. Печальная и весьма сомнительная необходимость послѣдней никогда не находила въ немъ сторонника. Если стать на точку зрѣнія извѣстнаго Бирда, который считаетъ *антививисекціонизмъ* однимъ изъ видовъ неврастеніи, то Мержеевскій могъ бы считаться въ этомъ отношеніи неврастеникомъ. Но не надо забывать, что и Николай Ивановичъ Пироговъ, подводя въ своемъ дневникѣ итоги своей жизни, сожалѣлъ, что не можетъ изъ нея вычеркнуть тяготившее его воспоминаніе о человѣческомъ, страдальческомъ и укоризненномъ взглядѣ собаки, медленно агонизировавшей подъ его ножомъ.

Балинскій былъ чистый психіатръ, безъ примѣси невропатолога, а Мержеевскій пошелъ далѣе и, въ значительной степени, въ своей работѣ соединилъ психіатрическій опытъ съ невропатологическими изслѣдованіями. Но оба они были глубокими *психологами*. Въ разспросахъ, замѣчаніяхъ и совѣтахъ ихъ всегда виденъ былъ ученый, не только интересовавшійся *субъектомъ* изслѣдованія, но и сострадущій человѣку и понимающій, что передъ нимъ не только патологическій случай, но по большей части и сложное сплетеніе тяжелыхъ воспоминаній, скорбныхъ утратъ, разбитыхъ надеждъ и безплодныхъ усилій. Оба они, объясняя и выясняя болѣзнь, начинали съ широкой периферіи отдаленныхъ явленій и постепенно суживали эти круги, дѣлая ихъ все ярче и ярче, и, наконецъ, сводили все къ ясно выраженному и точно опредѣленному болѣзненному состоянію. Мержеевскій былъ, кромѣ того, энциклопедистомъ не только въ медицинѣ, но и въ широкой области человѣческихъ знаній вообще. Въ этомъ отношеніи его бесѣда была очень поучительна, блистая историческими ссылками и философскими обобщеніями. Онъ умѣлъ находить связь между весьма, повидимому, различными явленіями общественной жизни и эту разносторонность вносилъ въ свой разговоръ съ больнымъ и о больномъ, оставляя послѣ себя впечатлѣніе мудраго врача и врачующаго мудреца.

Оба они были представителями и исполнителями долга, какъ бы осуществляя прекрасныя слова Пастёра: «le devoir finit où commence l'impossibilité». Балинскій доказалъ свое строгое отношеніе къ своему научному долгу еще и тѣмъ, что когда исполнилось 25-лѣтіе его службы, онъ въ полной силѣ, 47 лѣтъ отъ роду, подъ предлогомъ какой-то допущенной имъ ошибки, оставилъ свою каѳедру и клинику, находя, что надо уступать мѣсто молодымъ силамъ. И къ смерти оба они отнеслись достойнымъ образомъ: они понимали, что не только «Caesarem licet stantem mori», но и всякому общественному дѣятелю надо стоять на боевомъ посту до конца, какъ бы тяжелы ни были его физическія страданія или душевныя раны. Несмотря на то, что первыя — въ видѣ атактическихъ стрѣляющихъ болей — отравляли послѣдній годъ жизни Балинскаго, онъ въ промежуткѣ своихъ

страданій до конца продолжалъ интересоваться любимымъ дѣломъ и живо къ нему относиться. Кончина Мержеевскаго была неожиданна и скоропостижна. Но тѣ, кто имѣлъ возможность узнать его ближе, кто зналъ о тяжкихъ испытаніяхъ, посланныхъ ему судьбою, и объ оскорбленіяхъ его законнаго самолюбія, — кто въ послѣдніе годы не безъ тревоги вглядывался въ его похудѣвшее и поблѣднѣвшее лицо и подернутые дымкой непреходящей грусти глаза, понимали, что можно было ждать его скорой кончины. Несмотря на сдержанность и самообладаніе покойнаго, въ бесѣдѣ съ нимъ, въ наблюденіи за нимъ со стороны чувствовалось, что у него «vivit sub pectore vulnus» и что рана не заживаетъ, а все увеличивается вглубь и вширь.

Передъ смертью Балинскій начерталъ надпись, которую онъ желалъ видѣть на своемъ надгробномъ камнѣ: «Mente insanorum amicus et servus» — слуга и другъ страждущихъ разсудкомъ. Такую надпись съ полнымъ правомъ могъ бы пожелать видѣть на своемъ надгробномъ камнѣ и Мержеевскій. Но я нахожу, что оба они не только дружески служили душевно-больнымъ, но были истинными друзьями и сотрудниками жизни для многихъ здоровыхъ. Поэтому къ прекраснымъ въ своей скромности словамъ Балинскаго слѣдовало бы для каждаго изъ покойныхъ прибавить еще: «generis humani delicium ac decus!..»

XX.

Гражданскія дѣла.

Дѣятельность предсѣдателя столичнаго Окружного Суда въ мое время (1878 — 1881) представляла и, конечно, представляетъ до сихъ поръ много сторонъ, дѣлающихъ ее не только чрезвычайно отвѣтственной, но подчасъ и тягостной. Управленіе сложнымъ судебнымъ учрежденіемъ, на *правахъ* «перваго между равными» среди лицъ судейскаго званія и съ *обязанностями* контроля и надзора за многочисленными подчиненными, служебную работу которыхъ надо направлять и регулировать, обширная переписка съ министерствомъ юстиціи и разными вѣдомствами, пріемъ просителей и т. п. — въ значительной мѣрѣ обращаютъ предсѣдателя въ администратора, при чемъ послѣдній нерѣдко совершенно заслоняетъ въ немъ собою судью. Даже предсѣдательствованіе въ общихъ собраніяхъ отдѣленій Суда съ многоразличными вопросами, подлежащими его вѣдѣнію, носитъ, по большинству изъ нихъ, скорѣе распорядительно-дисциплинарный, чѣмъ судебный характеръ. Въ мое время въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ было семь отдѣленій и въ нихъ семь товарищей предсѣдателя и 20 членовъ, — было 7 секретарей, 27 помощниковъ секретаря и 41 судебный приставъ, не считая состоявшихъ при Судѣ судебныхъ слѣдователей, нотаріусовъ и кандидатовъ на судебныя должности. Теперь общее число этихъ лицъ возросло болѣе чѣмъ вдвое и по прежнему на предсѣдателѣ лежитъ тяжкая, чреватая крайними непріятностями обуза—*денежная часть Суда*,

которою въ мое время завѣдывали бухгалтеръ и помощникъ секретаря. Оба они получали содержанія не болѣе 1.000 р. въ годъ каждый, а оборотъ кассы выражался въ десяткахъ, а иногда и сотняхъ тысячъ рублей, — и предсѣдателю приходилось, среди массы всякаго другого дѣла, подписывать ассигновки на огромныя суммы. Мой предмѣстникъ,—человѣкъ жизнерадостный и довольно беззаботный,—шутя говорилъ мнѣ: «да! касса—это своего рода вулканъ, но я смотрю на это такъ: ассигновки на малыя суммы провѣряю съ документами, а какъ перевалитъ тысячъ за десять, такъ уже и не провѣряю: во-первыхъ некогда, а во-вторыхъ, все равно мнѣ нечѣмъ будетъ заплатить начетъ»... Но я не могъ раздѣлить этого шутливаго взгляда и не разъ тревожился, когда въ «вулканъ» поступали очень большія суммы, какъ, напримѣръ, по расчетамъ Грегера, Горвица и К⁰ съ военнымъ министерствомъ послѣ Восточной войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ на предсѣдателѣ лежитъ, по моему мнѣнію, нравственная обязанность веденія дѣлъ, особо-выдающихся по общественному значенію или по сложности возникающихъ въ нихъ юридическихъ вопросовъ. Ему слѣдуетъ принимать по такимъ дѣламъ на себя, предъ лицомъ общества и кассаціоннаго Суда, отвѣтственность за правильное, согласно съ закономъ, руководительство присяжными. Такъ смотрѣли, предсѣдательствуя въ разныхъ громкихъ процессахъ, почти всѣ предсѣдатели петербургскаго Окружного Суда, такъ дѣлалъ и я, совлекая съ себя на время администратора и погружаясь въ болѣе мнѣ свойственную область судейской дѣятельности. По многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, на которыя я указывалъ въ предыдущихъ моихъ «замѣткахъ и воспоминаніяхъ», этотъ своеобразный отдыхъ отъ административной дѣятельности былъ, однако, въ то время сопряженъ съ тягостными впечатлѣніями и испытаніями, дѣйствовавшими, въ концѣ концовъ, утомляющимъ и раздражающимъ образомъ. Поэтому, когда, въ концѣ четвертаго года пребыванія въ должности предсѣдателя, я получилъ за границею, осенью 1881 года, телеграмму министра юстиціи съ предложеніемъ занять мѣсто предсѣдателя департамента Судебной Палаты въ Петербургѣ, я охотно согласился на это предложеніе. Постоянная чисто судебныя работа, съ очень малымъ кругомъ сотоварищей

и подчиненныхъ, поставленная въ строго опредѣленныя рамки разсмотрѣнія вопросовъ о преданіи суду и жалобъ на приговоры первой инстанціи, обѣщала мнѣ то спокойствіе, въ которомъ я очень нуждался.

Но, вернувшись въ Петербургъ, я съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что назначенъ предсѣдателемъ *гражданскаго* департамента Судебной Палаты. Всю жизнь дотолѣ я занимался уголовной дѣятельностью въ качествѣ прокурора и предсѣдателя уголовнаго Суда, писалъ статьи и дѣлалъ доклады въ юридическомъ обществѣ по вопросамъ уголовнаго права и процесса, и только лишь въ Казани, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, давалъ въ Окружномъ Судѣ заключенія по гражданскимъ дѣламъ. Но дѣла эти были весьма несложны, да и поводы для прокурорскихъ заключеній возникали рѣдко. А тутъ мнѣ предстояло руководить засѣданіемъ и подавать свой голосъ въ столичной апелляціонной инстанціи по огромнымъ и сложнымъ дѣламъ, въ которыхъ бывали затронуты обширные частные и общественные интересы. При этомъ нѣкоторая способность къ публичной судебной рѣчи и навыкъ къ ней, пріобрѣтенный при произнесеніи обвинительныхъ рѣчей и руководящихъ напутствій присяжнымъ засѣдателямъ, оказывались совершенно излишними, а привычка разбираться въ уликахъ и доказательствахъ должна была быть сведена въ большинствѣ случаевъ въ оцѣнкѣ формальныхъ, предустановленныхъ основаній правильности исковыхъ требованій или возраженій отвѣтчика. Въ смыслѣ знаній и опыта я видѣлъ себя перенесеннымъ на совсѣмъ другую плоскость и сознавалъ, что изъ человѣка, привычнаго къ своему, такъ сказать, мастерству, мнѣ предстоитъ обратиться въ лучшемъ случаѣ лишь въ прилежнаго ученика. Подъ первымъ впечатлѣніемъ я сталъ думать объ отставкѣ. Министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ, которому я высказалъ свое удивленіе по поводу такого моего назначенія и сомнѣніе въ моей для него пригодности, пытался меня успокоить указаніемъ на существующее во французскихъ судахъ roulement, въ силу котораго члены уголовныхъ отдѣленій переходятъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по заранѣе установленной очереди, въ члены гражданскихъ отдѣленій и наоборотъ.

Существованіе такого обычая во Франціи мало меня утѣшало, такъ какъ въ Россіи мнѣ предстояло сдѣлаться не простымъ членомъ коллегіи, а стать въ ея главѣ. Но и выходъ въ отставку представлялъ мало привлекательнаго. Я узналъ, что моя, если можно такъ выразиться, «уголовная репутація» и долгая судебная служба широко откроютъ мнѣ двери адвокатуры, въ которой, въ качествѣ защитника, я, вѣроятно, займу не послѣднее мѣсто. Но я привыкъ быть слугою государства и представителемъ судебной его власти, при томъ мнѣ было 37 лѣтъ, и переходить на другіе рельсы слѣдовало лишь при неотвратимыхъ обстоятельствахъ. Поэтому я рѣшилъ попробовать оріентироваться въ моемъ новомъ положеніи и постараться путемъ усиленнаго труда возмѣстить себѣ недостатокъ опыта. Въ этомъ отношеніи законъ, предоставляющій лицу, назначенному въ должность судьи, мѣсячный срокъ для вступленія въ нее, не считая поверстнаго, оказался для меня благодѣтельнымъ. При начертаніи этого закона несомнѣнно имѣлось въ виду дать судьѣ время покончить съ мелочными житейскими вопросами своего устройства въ новомъ мѣстѣ и положеніи, чтобы затѣмъ всецѣло отдаться служенію правосудію. Составители Судебныхъ Уставовъ, очевидно, смотрѣли на должность судьи съ возвышенной точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе былъ я, чрезъ много лѣтъ, тягостно изумленъ, когда въ комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, Высочайше учрежденной для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, было предложено уничтожить этотъ мѣсячный срокъ, какъ несуществующій въ другихъ вѣдомствахъ, и это предложеніе, приравнивавшее судью къ почтово-телеграфному чиновнику, переводимому съ низшаго оклада на высшій, или къ помощнику столоначальника, милостью начальства возводимому въ санъ столоначальника, было принято, несмотря на мои возраженія, большинствомъ комиссіи. Итакъ, я рѣшилъ воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ и сверхъ того попросилъ себѣ у общаго собранія Палаты еще мѣсячный отпускъ.

Эти два мѣсяца я провелъ въ неусыпномъ трудѣ по ознакомленію со взятыми изъ Палаты дѣлами, законами, кассаціонными рѣшеніями и юридической литературой по гражданскому

праву. Сначала мнѣ казалось, будто бы я, подобно Данту, могу сказать про себя, что «посединѣ нашей жизни я очутился въ дремучемъ лѣсу, потерявъ прямую дорогу». Но вскорѣ однако я почувствовалъ, что «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», и что въ моемъ сознаніи уцѣлѣли всѣ основныя начала и институты римскаго права, которые съ такимъ блескомъ и жизненностью преподавалъ во время моего студенчества въ московскомъ университетѣ незабвенный Никита Ивановичъ Крыловъ. Я увидѣлъ, что спускъ съ Альпійскихъ вершинъ римскаго права въ долину дѣйствующаго законодательства, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіей русскаго права, не такъ уже труденъ. Просиживая за работой по 15 и 16 часовъ, никого не посѣщая и не принимая, я чрезъ два мѣсяца созналъ себя не только въ извѣстной мѣрѣ подготовленнымъ теоретически, но и вкусившимъ послѣ тревогъ и сомнѣній, возбуждаемыхъ вопросами о вмѣненіи и о соотвѣтствіи карательнаго закона житейской правды, своеобразную прелесть спокойнаго и твердо установленнаго ученія о договорахъ, о наслѣдованіи, о правѣ собственности. Мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ стало казаться, что ядовитое изреченіе покойнаго А. В. Лохвицкаго о томъ, что въ Россіи *криминалистами* принято считать тѣхъ, кто ничего не понимаетъ въ гражданскомъ правѣ и процессѣ, а *цивилистами* тѣхъ, кто ничего не смыслитъ въ уголовныхъ законахъ — ко мнѣ уже непримѣнимо. Конечно, недоставало опыта, но въ этомъ отношеніи я разсчитывалъ на помощь своихъ товарищей по коллегіи, надѣясь, что они мнѣ укажутъ, какъ разрѣшены путемъ давняго опыта тѣ вопросы, на которые я не находилъ отвѣта ни въ законѣ, ни въ рѣшеніяхъ Сената. Увы! на первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что иные вопросы, которые, казалось, давно должны были быть разрѣшены практикой, оставались открытыми, потому что ихъ постоянно обходили по тѣмъ или другимъ формальнымъ поводамъ. Такимъ былъ, напримѣръ, вопросъ объ отвѣтственности пожизненнаго владѣльца завѣщаннымъ имуществомъ за долги наслѣдодателя. Онъ возникалъ по одному изъ первыхъ дѣлъ, по которому мнѣ приходилось участвовать въ роли предсѣдателя департамента. Товарищи мои колебались и были не прочь услышать

чье-либо авторитетное указаніе. Я обратился къ одному изъ тогдашнихъ свѣтилъ нашего судебнаго міра, разсказалъ ему, въ чемъ состоитъ вопросъ, и какія у насъ возникаютъ недоумѣнія. Свѣтило озарило меня благосклонной улыбкой и любезно спросило: «Какъ же вы думаете рѣшить?» — Да вотъ, я хотѣлъ спросить вашего мнѣнія по этому вопросу. — «Знаете, это вопросъ очень сложный, но мнѣ во всякомъ случаѣ будетъ очень интересно узнать, какъ вы его разрѣшите», отвѣтило, ласково улыбаясь, свѣтило. Зайдя съ тѣмъ же вопросомъ къ Сергѣю Ивановичу Зарудному, я поставилъ его въ большое затрудненіе. Этотъ выдающійся и въ высшей степени симпатичный и оригинальный юристъ и человѣкъ однако откровенно сознался, что въ послѣдніе годы занимался больше гражданскимъ уложеніемъ итальянскаго королевства, и что такъ какъ тамъ подобнаго постановленія нѣтъ, то какъ поступить въ данномъ случаѣ, онъ не знаетъ. «Надо подумать, очень подумать. Да! но вотъ кто можетъ помочь намъ,— воскликнулъ онъ, увидя входящаго въ кабинетъ К. П. Побѣдоносцева, — онъ-то, конечно, знаетъ». Но знаменитый цивилистъ и мой бывшій профессоръ по московскому университету, къ великому моему удивленію, сказалъ: «Охота вамъ возиться съ этимъ вопросомъ. Да отрубите ему голову, вотъ и все». На мои слова, что я и мои товарищи именно боимся по ошибкѣ вмѣсто головы отрубить ноги, Побѣдоносцевъ обѣщалъ подумать и прислать отвѣтъ. Черезъ два дня я получилъ отъ него открытку, на которой было написано: «Совѣтую посмотрѣть у Даллоза въ «Dictionnaire de jurisprudence générale». Надо замѣтить, что сборникъ Даллоза состоитъ, кажется, не менѣе какъ изъ ста томовъ, стоитъ болѣе тысячи рублей и поэтому весьма рѣдокъ и мало доступенъ. Я самъ купилъ его послѣ сношеній съ лейпцигскими антикваріями по случаю за девятьсотъ рублей для библіотеки министерства юстиціи. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи долженъ былъ бы находиться на моемъ мѣстѣ провинціальный судебный дѣятель. И такихъ случаевъ было нѣсколько.

Тоже на первыхъ порахъ пришлось встрѣтиться съ вопросами, которые, казалось бы, въ виду существованія новыхъ судовъ въ

теченіе пятнадцати лѣтъ давнымъ-давно должны были быть разрѣшены. Такъ постоянно возникали дѣла о требованіи женою обезпеченія отъ мужа, согласно 106 ст. I части X тома свода законовъ, гласящей, что мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе по состоянію своему и возможности. Несмотря на то, что при толкованіи слова «состояніе» въ смыслѣ имущественной обезпеченности, слово «возможность» является недопустимой въ законѣ тавтологіей, точное понятіе о *состояніи* оказалось совершенно неразработаннымъ, и суды обыкновенно задавались вопросомъ лишь о томъ, какъ великъ матеріальный достатокъ мужа, чтобы опредѣлить затѣмъ, какую долю изъ него и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ присудить женѣ. Мнѣ удалось склонить моихъ сотоварищей къ признанію, что подъ словомъ «состояніе» слѣдуетъ разумѣть *права* состоянія, которыми должна опредѣляться необходимая бытовая обстановка жены, домогающейся обезпеченія отъ мужа. Въ этомъ смыслѣ состоялось у насъ рѣшеніе по дѣлу Трапезниковой, которая домогалась отъ опекунскаго управленія надъ дѣлами и личностью ея умалишеннаго мужа выдачи ей ежегодно $^1/_4$ части всѣхъ доходовъ по соотвѣтствію съ указной частью, утверждая, что если по смерти мужа безъ завѣщанія она имѣетъ право на указную ($^1/_4$) часть изъ его движимаго имущества, то и послѣ его духовной смерти отъ потери разсудка ея право на полученіе обезпеченія «по состоянію и возможности» мужа должно осуществляться полученіемъ четвертой части доходовъ съ его огромнаго имущества. Мы нашли, что право жены на содержаніе отъ мужа есть право *личное*, а не *имущественное*, и размѣръ этого содержанія—такъ называемыхъ *алиментовъ*—долженъ опредѣляться соображеніемъ имущественной *возможности* для мужа и общественнымъ и сословнымъ *положеніемъ*, которое создано для жены вступленіемъ ея въ бракъ; назначеніе же содержанія какъ $^1/_4$ доли доходовъ съ имущества мужа влекло бы собой право жены контролировать эти доходы, постоянно измѣняя размѣры слѣдуемой ей четвертой доли и требуя отъ мужа отчета въ его дѣлахъ и оборотахъ, что шло бы совершенно въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства, твердо устанавливающаго, въ противоположность западному, —

начало полной имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ. Поэтому, находя, что 6.000 р. ежегоднаго содержанія, предложеннаго опекунскимъ управленіемъ потомственной почетной гражданкѣ, не представляется несоотвѣтствующимъ ея общественному положенію, мы отказали въ искѣ Трапезниковой, и нашъ взглядъ былъ раздѣленъ гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ.

Эту точку зрѣнія на присужденіе алиментовъ приходилось затѣмъ примѣнять не разъ, такъ какъ такихъ дѣлъ было довольно много, при чемъ въ нихъ нерѣдко раскрывались не только мрачныя, но и трагическія стороны жизни супруговъ. Наше брачное право страдаетъ многими недомолвками и неясностями. Юридическій элементъ въ немъ разработанъ слабо, и его замѣняютъ дидактическія и нравоучительныя сентенціи расплывчатаго характера, дающія поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Достаточно сказать, что нашъ законъ вмѣняетъ мужу въ *обязанность* «любить свою жену, какъ собственное тѣло», а жену *обязываетъ* «пребывать къ нему въ любви и неограниченномъ послушаніи и оказывать ему *всякое* угожденіе и привязанность». Установляя расторженіе браковъ исключительно формальнымъ судомъ по одному изъ четырехъ поводовъ для развода, онъ однако *забываетъ* сказать, у кого же изъ разведенныхъ родителей должны оставаться дѣти, такъ какъ личная родительская власть въ силу закона прекращается единственно смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Такимъ образомъ, напримѣръ, когда жена, дойдя въ неограниченномъ послушаніи до крайняго предѣла въ оказываніи развратному мужу всякаго угожденія, вынуждена будетъ обратиться къ суду съ жалобой о разводѣ, и эта просьба будетъ уважена, мужъ можетъ сохранить личную власть надъ дѣтьми и не лишиться юридической возможности ее проявлять. Точно такъ же и жена, ведущая распутную жизнь, поступившая «на содержаніе» и позорящая имя мужа своимъ поведеніемъ, даже и въ случаѣ признанія ея виновной въ прелюбодѣяніи и послѣдовавшаго вслѣдствіи этого развода съ мужемъ, можетъ осуществлять свою власть надъ дѣтьми, вліяя на нихъ тлетворнымъ примѣ-

ромъ и ядовитыми въ нравственномъ отношеніи внушеніями. За отсутствіемъ какихъ-либо указаній закона на способъ огражденія душевной жизни дѣтей и защиты родительскихъ чувствъ оскорбленнаго супруга — судебная власть оказывается въ подобныхъ случаяхъ совершенно безсильной... Почти такой же характеръ имѣютъ и дѣла о томъ, кому изъ не живущихъ совмѣстно супруговъ принадлежитъ право оставить при себѣ дѣтей и руководить ихъ воспитаніемъ? И въ этихъ случаяхъ взаимныя недоразумѣнія, пререканія и разладъ родителей часто гибельно отражаются на дѣтяхъ, которыхъ, при помощи обмана и насилія, перебрасываютъ изъ рукъ въ руки осыпающіе другъ друга упреками и обвиненіями родители...

Намъ пришлось, напримѣръ, разсматривать дѣло по взаимнымъ жалобамъ статскаго совѣтника С. и его жены, изъ котораго было видно, что между супругами происходили постоянныя пререканія по вопросу о воспитаніи двухъ дочерей, десяти и двѣнадцати лѣтъ. Мужъ хотѣлъ ихъ помѣстить въ Смольный и Еленинскій институты, при чемъ, по условіямъ его службы, старшая могла быть принята на казенный счетъ. Жена же его находила, что лучшую карьеру въ смыслѣ успѣха и матеріальнаго обезпеченія составляетъ поступленіе въ балетную труппу, къ которому она и хотѣла подготовить своихъ дочерей сначала дома, а потомъ въ театральномъ училищѣ. Пререканія кончились тѣмъ, что жена, пользуясь служебной отлучкой мужа, уѣхала изъ его квартиры и увезла съ собой дѣтей. На судѣ мужъ требовалъ водворенія дѣтей къ нему обратно для осуществленія своего намѣренія отдать ихъ въ институтъ и тѣмъ избавить ихъ отъ вліянія матери. Свидѣтели, допрошенные по его ссылкѣ, нарисовали весьма неприглядную картину жизни этихъ дѣтей: неряшливыя, оборванныя и блѣдныя дѣвочки живутъ съ матерью въ двухъ грязно содержимыхъ комнатахъ; тутъ же съ ними, именуясь учителемъ, проживаетъ студентъ, дерзко относящійся къ ихъ матери, постоянно съ нею ругающійся и не имѣющій никакого авторитета у дѣтей, которыя ведутъ праздную и веселую жизнь, интересуясь исключительно балетными тан-

щами. Судебная Палата нашла, что раздѣльное жительство супруговъ, чѣмъ бы оно ни было вызвано или обусловлено, не можетъ служить основаніемъ къ измѣненію взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ по отношенію къ дѣтямъ, въ силу которыхъ жена не освобождается отъ повиновенія волѣ мужа относительно воспитанія дѣтей, если только не докажетъ, что направленіе, даваемое имъ этому воспитанію, несомнѣнно противорѣчитъ требованію закона о томъ, чтобы оно было «добрымъ и честнымъ» (ст. 172 и 173, I ч. X. т.) и можетъ, поэтому, гибельно отразиться на ихъ нравственности. Поэтому, рѣшеніемъ своимъ она обязала госпожу С. возвратить своихъ дочерей ихъ отцу для помѣщеніе въ соотвѣтственное учебное заведеніе. Это дѣло было однимъ изъ рѣдкихъ подобнаго рода, въ которыхъ исполнительный листъ дѣйствительно осуществленъ на дѣлѣ, и дѣти водворены для дальнѣйшаго образованія въ Смольномъ институтѣ въ присутствіи родителей, повѣреннаго истца, судебнаго пристава и начальницы института, расписавшейся на журналѣ пристава въ принятіи дѣтей.

Въ дѣлахъ объ истребованіи женою средствъ на пропитаніе и содержаніе Палата выработала себѣ за мое время опредѣленный взглядъ, нашедшій себѣ поддержку и въ рѣшеніяхъ Сената. Согласно этому взгляду, удовлетвореніе требованія алиментовъ можетъ воспослѣдствовать лишь въ случаѣ признанія, что совмѣстная жизнь супруговъ не осуществляется по винѣ отвѣтчика. По условіямъ семейной жизни вина этого рода можетъ выражаться не только въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ жены и оскорбленіяхъ ея чести, но въ установленіи такихъ внутреннихъ семейныхъ отношеній и такой обстановки домашняго быта, при которыхъ продолженіе совмѣстной жизни дѣлается невыносимымъ, будучи соединено съ оскорбленіемъ нравственнаго чувства жены и проявленія супружеской власти мужа, чуждыми указаннымъ въ законѣ чувствамъ любви и снисхожденія. Наличность этой вины, дѣлающей совмѣстное пребываніе съ мужемъ *физически или нравственно* невозможнымъ, даетъ право признать мужа уклоняющимся отъ совмѣстнаго жительства съ женою. При этомъ, для освобожденія его отъ обязанности вы-

давать женѣ содержаніе, недостаточно простого съ его стороны заявленія о согласіи принять жену въ домъ обратно, такъ какъ въ такомъ заявленіи не содержится еще никакихъ указаній на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются и всѣ условія, повліявшія на разлуку супруговъ и вынудившія ее. Одно заявленіе желанія возвращенія жены къ супружескому очагу, не будучи соединено ни съ какими гарантіями и нелишающее мужа возможности сохранить ей прежнюю обстановку жизни и даже, быть можетъ, пріуготовить худшую — являлось бы слишкомъ легкимъ средствомъ для прекращенія всякихъ исковыхъ домогательствъ жены и, уничтожая, въ каждый данный моментъ, производство дѣла, обрекло бы жену на новое несеніе тягостныхъ условій, картина коихъ такъ часто развертывается предъ судомъ — или же на нищету, въ случаѣ невозможности примириться съ этими условіями цѣною матеріальнаго обезпеченнаго супружескаго крова! Поэтому, одного выраженія мужемъ желанія взять жену обратно недостаточно для отказа въ искѣ о содержаніи, если изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что условія совмѣстной жизни съ супругомъ давали ей основаніе къ удаленію изъ супружескаго помѣщенія, и если, при томъ, отвѣтчикомъ ничѣмъ не доказано желанія и готовности устранить, на будущее время, эти условія.

Между этими дѣлами было одно, при воспоминаніи о которомъ я не могу удержаться отъ улыбки. Предъ Судебной Палатой предсталъ канцелярскій чиновникъ капитула орденовъ, женѣ котораго были присуждены съ него алименты по 8 рублей въ мѣсяцъ. Жалуясь на это рѣшеніе, онъ объяснялъ въ своемъ отзывѣ: «Жена моя, проживъ со мной почти полвѣка, на старости лѣтъ вздумала заниматься своевольствомъ и жить въ свое удовольствіе, почему никакого права на полученіе отъ меня содержанія не имѣетъ». Маленькій, сѣдой, съ краснымъ носомъ и слезящимися глазами, онъ повторилъ то же самое и въ судебномъ засѣданіи, упирая особенно на жизнь жены «въ свое удовольствіе». Жена, чрезвычайно худая, безкровная, сѣдая женщина, очень бѣдно одѣтая, возражала на его заявленія и, наконецъ, расплакавшись, сказала намъ: «вѣрьте Богу, господа

судьи, ничего этого не было и никакимъ своевольствомъ я не занималась, а только, дѣйствительно, прожилъ онъ со мною полстолѣтія, да и сталъ амурничать съ кухаркой и, чѣмъ больше онъ амурничаетъ, тѣмъ она больше мнѣ дерзитъ: совсѣмъ меня въ грошъ не ставитъ. Разъ я ушла вечеромъ къ старымъ знакомымъ, «душу отвести», возвращаюсь поздно вечеромъ, а кухарка мнѣ отворила дверь и говоритъ: «вамъ здѣсь больше быть не полагается», да передъ носомъ дверь и захлопнула. Сколько я ни звонила — не отпираютъ. Такъ всю ночь на лѣстницѣ, на подоконникѣ и просидѣла... Утромъ вышелъ онъ на службу и на меня даже и не взглянулъ, а кухарка выбросила мнѣ узелъ съ моимъ платьемъ, бѣльемъ и образомъ и снова дверь заперла. Такъ вотъ какое мое *своевольство!* И нанимаю я теперь уголъ на Пескахъ, у маляровъ, а уголъ сырой, и у меня теперь во всѣхъ членахъ ревматизмъ. Вотъ все мое *удовольствіе».* — Не желаете ли вы взять вашу супругу къ себѣ въ совмѣстное жительство? — спросилъ я супруга. — «Нѣтъ-съ,— отвѣчалъ тотъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства:—вы сами изволили слышать: какъ же я ее послѣ *этого* возьму?» Мы присудили ей по 12 рублей въ мѣсяцъ и приступили къ слушанію другихъ дѣлъ. Она не ушла и осталась до конца засѣданія, т. е. до девяти часовъ вечера. Въ слѣдующее засѣданіе она пришла опять и, въ опустѣвшемъ послѣ трехъ часовъ залѣ, просидѣла до конца; въ слѣдующее засѣданіе повторялось то же самое. Ея одинокое присутствіе насъ чрезвычайно стѣсняло, такъ какъ вынуждало, несмотря на отсутствіе сторонъ и публики, продѣлывать всѣ формальности публичнаго засѣданія вмѣсто разсмотрѣнія дѣла въ совѣщательной комнатѣ. Я поручилъ судебному приставу спросить ее о причинахъ ея явки въ засѣданіе. «А причина та, — сказала она приставу, — что я очень довольна рѣшеніемъ, и хочется мнѣ на справедливыхъ судей насмотрѣться». — «Объясните ей, сказалъ я приставу, что она насъ очень стѣсняетъ, да и мужъ, пожалуй, станетъ снова ее обвинять, что она живетъ въ свое удовольствіе».

Къ дѣламъ, въ которыхъ суду невольно приходится заглядывать въ нѣдра чужой семейной жизни, относились и дѣла

о законности рожденія. И тутъ нашъ законъ, особливо въ то время, о которомъ я пишу, представлялъ обширное поле для возникновенія спорныхъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ положительнымъ образомъ. Излишне говорить, какую благопріятную почву создавала эта неясность съ одной стороны для введенія въ законную семью, путемъ разныхъ обмановъ и ухищреній, дѣтей, въ появленіи которыхъ на свѣтъ менѣе всего былъ виновенъ законный супругъ, а съ другой стороны къ мстительнымъ выходкамъ считающаго себя обманутымъ мужа, сопровождаемымъ подчасъ весьма грязными подробностями альковной жизни. Сердце невольно сжималось при мысли о бѣдныхъ дѣтяхъ, являвшихся неповинной жертвой въ этомъ столкновеніи уязвленныхъ самолюбій, поруганнаго довѣрія и безоглядныхъ увлеченій страстью. Иногда, при особо-сложившихся обстоятельствахъ, жертвою являлось и третье лицо, въ душевную жизнь котораго вторгалось отчаяніе. Мнѣ вспоминается по этому поводу одинъ характерный случай, связанный съ вопросомъ объ усыновленіи. Служебныя отношенія вызвали мое знакомство съ начальникомъ одной изъ частей столичнаго гражданскаго управленія — старымъ холостякомъ, человѣкомъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Мы встрѣчались очень дружелюбно, но, занятые своимъ дѣломъ, не имѣли времени бывать другъ у друга. Но однажды онъ пришелъ ко мнѣ, заявилъ настойчивое желаніе меня видѣть, сѣлъ въ кресло, низко опустилъ свою сѣдѣющую голову, съ видомъ безнадежнаго уныніе закрылъ свои добрые, воспаленные отъ безсонницы глаза... На мой тревожный вопросъ, что съ нимъ, — онъ, волнуясь и глотая слезы, сказалъ мнѣ слѣдующее: «вы видите предъ собою человѣка, вся жизнь котораго не нынче—завтра можетъ быть разбита. У меня былъ пріятель — товарищъ моей молодости. У него служилъ лакеемъ человѣкъ дерзкій и нечистый на руку. Однажды, когда эти его свойства проявились въ особенно очевидной и рѣзкой формѣ, мой пріятель потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отказалъ ему отъ мѣста. Черезъ нѣсколько дней разсчитанный слуга явился съ заявленіемъ, что поѣдетъ искать счастья «въ провинцію» и съ мольбою взять

временно вмѣсто него въ услуженіе его жену, такъ какъ ѣхать вдвоемъ на неизвѣстность будетъ слишкомъ «накладно». Эта просьба была исполнена, и у моего пріятеля поселилась молодая, скромная и услужливая хорошенькая женщина. Мужъ ея не возвращался и не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей. Такъ прошло почти три года... Но «врагъ силенъ», и на четвертый годъ у нея родилась дочь, которую она, по требованію моего пріятеля, отдала въ воспитательный домъ. Однако, материнское чувство проснулось въ ней съ такою силой, что она стала тосковать и чахнуть безъ ребенка и, наконецъ, въ виду ея слезъ и горя, ей было разрѣшено взять ребенка назадъ. Но скоротечная чахотка уже подтачивала ея силы, и вскорѣ она умерла. Дѣвочка осталась у моего пріятеля — своего отца — и оказалась прелестнымъ, живымъ и умнымъ ребенкомъ, особенно полюбившимъ меня. «Дядя Вася! Дядя Вася!» кричала она, хлопая ручонками, когда я приходилъ, лѣзла ко мнѣ на колѣна, цѣловала меня и обнимала и, наконецъ, при моей помощи, усаживалась ко мнѣ на плечо, и я, къ великому ея восторгу, начиналъ ее «возить» по комнатамъ. Я очень полюбилъ маленькую Катю, носилъ ей игрушки и лакомства и часто ловилъ себя на томъ, что иду къ пріятелю не для него, а ради чистыхъ дѣтскихъ ласкъ и невиннаго взора ясныхъ голубыхъ глазокъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ разстроенный и повѣдалъ, что рѣшилъ жениться, сдѣлавъ предложеніе свѣтской дѣвушкѣ, которая и приняла таковое, но, узнавъ отъ него о существованіи маленькой Кати, рѣшительно объявила ему, что ея нога не переступитъ его порога до тѣхъ поръ, покуда онъ не разстанется безповоротно и навсегда съ этимъ ребенкомъ. «День нашей свадьбы намѣченъ, — сказалъ онъ, — распоряженія о приданомъ сдѣланы, и несостоявшійся бракъ нашъ произведетъ цѣлый скандалъ. Да, при томъ, я люблю мою невѣсту, несмотря на черствость этого ея требованія. Ты любишь Катю, а она къ тебѣ привязана, какъ къ родному отцу. Возьми ее къ себѣ, облегчи меня!» Я не заставилъ повторять себѣ это предложеніе и съ радостью водворилъ у себя Катю, которой уже было четыре года. Она вскорѣ освоилась съ новой обстановкой и внесла въ мою уны-

лую холостую квартиру жизнь, тепло и свѣтъ. Я тутъ узналъ, какое это счастье о комъ-нибудь заботиться не во исполненіе поставленнаго себѣ долга, а по горячей привязанности,—узналъ, какое невыразимое наслажденіе испытываешь, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ ума и сердца ребенка. Я водилъ ее гулять, сидѣлъ у ея постельки, когда она засыпала, умиралъ душевно и воскресалъ, слѣдя за ходомъ ея дѣтскихъ болѣзней, и нетерпѣливо работалъ въ своемъ присутствіи, подбодряя себя мыслью, что вотъ-вотъ служебные часы окончатся, и я снова услышу топотъ ея маленькихъ ножекъ, радостный смѣхъ и восклицаніе: «папа! ахъ, папа!» Да! она незамѣтно перешла отъ «дяди» къ «папѣ». Мужъ ея матери пропалъ безъ вѣсти, какъ въ воду канулъ. Между тѣмъ, былъ обнародованъ новый порядокъ усыновленія, и я, конечно, поспѣшилъ удочерить Катю, а, затѣмъ, когда она подросла, отдалъ ее въ институтъ. Я жилъ только ею и для нея... Съ понедѣльника до четверга и съ пятницы до воскресенья для меня тянулись сѣрые, безцвѣтные дни. Но зато въ четвергъ и въ воскресенье я уже съ утра съ волненіемъ ждалъ часа, когда я могу явиться въ институтъ для свиданія съ моей ненаглядной. Во время праздничныхъ и лѣтнихъ вакацій мы съ ней путешествовали, и такъ постепенно изъ нея выработалась очаровательная дѣвушка. Ей осталось пребывать въ институтѣ годъ. Но вотъ — недѣли двѣ тому назадъ мнѣ сказали, что на кухню пришелъ неизвѣстный человѣкъ и настойчиво желаетъ меня видѣть по дѣлу. Грязно одѣтый, съ опухшимъ лицомъ и легкимъ запахомъ спирта, незнакомецъ нагло спросилъ меня: «не узнаете-съ?» — Нѣтъ! — «Лакей вашего пріятеля, можетъ, изволите вспомнить?» — Ахъ, это вы?!. Гдѣ же вы были болѣе двадцати лѣтъ? — «Я-то-съ?! Вы спросите, гдѣ я не былъ! И въ Симферополѣ былъ, и въ Курскѣ пожарнымъ состоялъ, и въ Ташкентѣ при клубѣ служилъ, и съ острогомъ знакомство получилъ. А нынѣ вотъ прибылъ въ столицу». — Какое же у васъ ко мнѣ дѣло? — У меня-то-съ? Да вотъ на счетъ моей дочки. — Какой дочери?! — А вотъ этой самой, что вы воспитываете. Я это все доподлинно узналъ и очень васъ благодарствую за попеченіе объ ней. А теперь же-

лаю ее видѣть, такъ какъ я — родитель. — Какой же вы родитель? — сказалъ я ему, уведя его въ кабинетъ: — вѣдь, дѣвочка родилась почти черезъ четыре года послѣ того, какъ вы скрылись изъ Петербурга. — Да, это точно, что супруга моя забыла, что въ законѣ должна жить и вела себя — извините — распутно, да только я ее — покойницу — прощаю и поминать стараго не желаю, а дочка — моя по всѣмъ правамъ. Она, вѣдь, и записана была въ метрикѣ, какъ рожденная женой кронштадтскаго мѣщанина, состоящей въ законномъ бракѣ и фамилію мою должна носить. Такъ тому, значитъ, и быть!.. А я покойницу прощаю!» вновь повторилъ онъ мнѣ, нагло смотря мнѣ въ лицо. — Она мной удочерена, — отвѣтилъ я, — и нынѣ считается дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника и носитъ *мою* фамилію. — Да, это точно, что вы все это изволили исхлопотать, а только, вѣдь, для усыновленія нужно согласіе родителей, а вы меня, осмѣлюсь спросить, о моемъ согласіи спрашивали? Да я бы его и не далъ, потому что послѣ моей горемычной жизни очень мнѣ лестно дочку имѣть, которая мою старость покоить будетъ. — Да вы съ ума сошли?! Между нею и вами ничего нѣтъ общаго! — «Ну, это уже судъ разсудитъ промежъ насъ. Я, хотя человѣкъ и необразованный, но понятіе о себѣ тоже имѣю, да и повѣренный у меня есть, человѣкъ знающій и дѣло мое поведетъ, что какъ, значитъ, мою дочь удочерили безъ моего согласія. Ну, да это еще потомъ видно будетъ, а теперь, ваше превосходительство, дозвольте узнать, гдѣ находится моя дочь: у васъ или въ какомъ другомъ мѣстѣ? Очень желаю ей объявиться и разговоръ съ ней имѣть по-родительски. Впрочемъ, коли для васъ это безпокойно — вонъ вы какъ въ лицѣ изволили перемѣниться — такъ вы сейчасъ не безпокойтесь: я и черезъ недѣльку могу зайти. Только занятій-то я себѣ не могу найти, покуда еще не знаю, какъ съ дочкой намъ быть; проживаешься очень въ Петербургѣ. Можетъ, вы, какъ благодѣтель моей дочери, и мнѣ малость поможете»... Я далъ этому мерзавцу денегъ, но вчера онъ пришелъ опять и уже прямо требуетъ денегъ и грозитъ предъявить искъ, употребляя разныя техническія выраженія, изъ которыхъ я вижу, что за нимъ стоитъ

какой-нибудь кляузникъ и что этимъ вымогательствамъ не будетъ конца. Вѣдь не могу же я допустить, чтобы этотъ грязный и полупьяный бродяга пришелъ въ институтъ и полѣзъ съ объятіями къ моей чистой дѣвочкѣ, считающей себя моей дочерью. Вы только представьте себѣ ея испугъ и отвращеніе! Вы представьте, что произойдетъ въ ея душѣ! Ахъ, я этого не перенесу! Я, кажется, съ ума сойду!»... — И онъ всплеснулъ руками и горько заплакалъ. «А знаешь ты, что значитъ — когда мужчина плачетъ?» спрашиваетъ Лермонтовъ.

Если семейныя дѣла приподняли для насъ во многихъ случаяхъ завѣсу наружнаго мира и согласія въ семьѣ, за которой часто таились жестокость и насиліе, надругательство и бездушіе, то съ другой стороны дѣла о наслѣдствахъ нерѣдко являли собою картину человѣческаго легкомыслія, непредусмотрительности и даже прямой глупости. Къ нимъ прежде всего относились тѣ случаи, когда на-лицо вовсе не было завѣщательныхъ распоряженій и наслѣдниками являлись отдаленные, часто завѣщателю лично совершенно незнакомые родственники, выползавшіе изъ какой-нибудь провинціальной глуши и предъявлявшіе свои права въ то время, когда послѣ покойнаго оставались внѣбрачныя дѣти и ихъ мать, отдавшая ему всю жизнь и подчасъ свое доброе имя и стоявшая по отношенію къ нему въ положеніи супруги, лишь по какимъ-нибудь случайнымъ или неотвратимымъ причинамъ не могшей освятить свой союзъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Такая женщина и ея дѣти или другіе близкіе къ покойному люди, представлявшіе его истинное душевное родство — ту Wahlverwandschaft, которая такъ ярко обрисована Гёте — оказывались безъ куска хлѣба, сразу лишенными привычной обстановки и средствъ на образованіе и воспитаніе въ пользу отдаленныхъ законныхъ наслѣдниковъ, «томимыхъ стяжанья лихорадкой».

По одному изъ такихъ дѣлъ ко мнѣ, какъ предсѣдателю департамента Палаты, съ просьбой о скорѣйшемъ назначеніи его къ слушанію, явилась раскрашенная дама, съ ухватками «жертвы общественнаго темперамента» высшаго полета и нестерпимымъ запахомъ духовъ, развязно заявившая мнѣ, что она

совсѣмъ не знаетъ того, кому она наслѣдуетъ, и лишь слышала о немъ, что онъ жилъ съ какой-то женщиной и имѣетъ отъ нея четверыхъ дѣтей. «Придется, сказала она съ наглой усмѣшкой, отвалить имъ сотняжки три на бѣдность». Настоящая «meretrix gaudens» надъ «flens matrona». И происходило все это отъ легкомысленнаго откладыванія составленія завѣщанія и нежеланія утруждать себя скучнымъ вопросомъ о его писаніи, приглашеніемъ свидѣтелей или путешествіемъ къ потаріусу. «Завтра... успѣю»..., говорится обыкновенно въ этихъ случаяхъ въ забвеніи, что смерть приходитъ, «яко тать въ нощи»,—или въ томъ состояніи тупоумаго самодовольства, которое такъ прекрасно изображено Толстымъ въ «Смерти Ивана Ильича», въ разсужденіяхъ пріѣхавшихъ на панихиду, что *это* могло случиться только съ Иваномъ Ильичомъ. Затѣмъ здѣсь часто играетъ роковую роль суевѣрная боязнь составить завѣщаніе, за которымъ, будто бы, обыкновенно слѣдуетъ кончина. Это эгоистическое малодушіе бываетъ причиной горькихъ слезъ и невольныхъ упрековъ, обращенныхъ къ памяти покойнаго. Замѣчательно, что эта суевѣрная боязнь существуетъ и у людей, принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи. Не вѣруя, какъ выражается былина о Васькѣ Буслаевѣ, «ни въ сонъ, ни въ чохъ, ни въ птичій грай», и заявляя объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ втайнѣ думаютъ, что смерть только и ждетъ того момента, когда они «разсудятъ за благо изъявить свою послѣднюю волю»... Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ не разъ говаривалъ: «Я понимаю, что можно *умереть* безъ завѣщанія, но я не понимаю, какъ можно *жить* безъ завѣщанія». Наконецъ, третьей причиной обездоленія дѣйствительно близкихъ людей является наклонность многихъ, даже составляющихъ завѣщаніе, хранить это въ строжайшемъ секретѣ, даже отъ тѣхъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, которые, въ качествѣ юристовъ, могли бы дать добрый совѣтъ относительно формы и существенныхъ условій завѣщанія. Отсюда нарушеніе безусловныхъ требованій закона въ изложеніи завѣщанія, отсутствіе необходимыхъ оговорокъ или недостаточное число свидѣтелей, или приглашеніе въ свидѣтели тѣхъ

лицъ, которымъ завѣщается имущество, или несогласное съ закономъ распоряженіе этимъ имуществомъ, или, наконецъ, воспрещенная закономъ *субституція*, т. е. обязаніе наслѣдника въ свою очередь назначить наслѣдниками по тому же имуществу указанныхъ завѣщателемъ лицъ. Многіе не знаютъ, что можно одно и то же имущество оставить въ собственность одному лицу и въ пожизненное владѣніе другому, и вмѣсто такого вполнѣ законнаго распоряженія оставляютъ имущество въ собственность, обязывая собственника въ свою очередь завѣщать это имущество опредѣленному лицу, т. е. установляютъ субституцію, противорѣчащую самой идеѣ однократнаго перехода наслѣдственнаго имущества и потому недопустимую. Очень часто такія завѣщанія, бѣглый просмотръ которыхъ свѣдущимъ лицомъ устранилъ бы всѣ эти недостатки, бываютъ наполнены разными лирическими отступленіями или заявленіями и наставленіями, совершенно неумѣстными въ строгомъ и точномъ актѣ изъявленія послѣдней воли. Мнѣ приходилось видѣть завѣщанія съ длинными объясненіями, почему отъ наслѣдства устраняются ближайшіе по закону родственники, наполненными упреками, укорами и сведеніемъ разныхъ личныхъ счетовъ; и завѣщанія, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ въ середину своихъ имущественныхъ распоряженій вставлялъ покаяніе предъ оставшимся въ живыхъ супругомъ въ томъ, что былъ ему не вѣренъ, объясняя это разными моральными и физіологическими основаніями. Практика кассаціоннаго суда въ мое время очень, чтобы не сказать чрезмѣрно, строго относилась къ соблюденію всѣхъ формальностей въ текстѣ и внѣшнемъ видѣ завѣщанія, и часто приходилось предвидѣть, что «послѣдняя воля», неумѣло выраженная или облеченная въ произвольную форму, можетъ оказаться безсильной противъ наслѣдованія по закону, котораго именно и не желаетъ завѣщатель. Я уже не говорю объ отсутствіи точности въ именованіи наслѣдниковъ или различныхъ учрежденій, о которыхъ приходится догадываться. Однимъ изъ выдающихся примѣровъ такого рода неточности служитъ завѣщаніе вдовы заслуженнаго сенатора, оставившей крупный капиталъ «юридическому обществу» (въ Россіи таковыхъ

двѣнадцать!) для выдачи изъ % съ него недостаточнымъ дочерямъ лицъ судебнаго вѣдомства приданаго при выходѣ ихъ замужъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣлось «Благотворительное общество судебнаго вѣдомства», которое въ концѣ концовъ и получило этотъ капиталъ въ свое распоряженіе.

По закону наслѣдникамъ по завѣщанію предоставляется право отказаться отъ наслѣдства. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ отказъ долженъ дѣлаться во множествѣ случаевъ совершенно гадательно. Въ Западной Европѣ и въ особенности во Франціи существуетъ возможность по особымъ книгамъ и записямъ въ точности опредѣлить размѣръ долговъ умершаго и сообразно съ этимъ видѣть, насколько выгодно получить завѣщанное имъ имущество, потому что наслѣдникъ, принявшій завѣщанное имущество, обязанъ отвѣчать за долги наслѣдователя. Эта обязанность существуетъ и у насъ. Но, рядомъ съ нею, нѣтъ никакой законной возможности удостовѣриться въ числѣ, родѣ и размѣрѣ долговъ наслѣдователя, почему приходится принимать наслѣдство, слѣпо довѣряя, что съ нимъ не связанъ иногда очень большой матеріальный ущербъ вслѣдствіе скрытности умершаго или тайны, въ которую онъ облекалъ свои денежныя сдѣлки. Мнѣ вспоминается дѣло потомковъ одного маркиза, занимавшаго очень видное мѣсто въ русской службѣ и даже, какъ говоритъ преданіе, давшаго своеобразное названіе прилегающей къ Петербургу части Финскаго залива. Одинъ изъ ближайшихъ его потомковъ оставилъ малолѣтнихъ дѣтей, надъ которыми учреждена была обычная у насъ, столь часто небрежная, опека. Она приняла завѣщанное недвижимое имущество, а затѣмъ, когда дѣти достигли совершеннаго возраста, на нихъ, торопясь не пропустить десятилѣтней давности, набросились притаившіеся кредиторы покойнаго и не только отобрали у нихъ небольшое имущество, которое имъ досталось, но, предъявивъ исполнительные листы по мѣсту ихъ служенія, стали забирать значительную часть изъ ихъ содержанія.

Изъ дѣлъ о наслѣдованіи по закону у меня осталось въ памяти оригинальное дѣло объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имуществу извѣстнаго директора Николаевской желѣз-

ной дороги Ивана Ѳедоровича Кенига — брата его Іосифа Ѳеофиловича Кенига. Когда, входя въ вагонъ, Иванъ Ѳедоровичъ упалъ и умеръ отъ разрыва сердца, полицейскою властью былъ составленъ протоколъ, а судебнымъ приставомъ охранено имущество покойнаго, представлявшее большую цѣнность въ деньгахъ, процентныхъ бумагахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Кенигъ былъ холостой и жилъ одиноко. Мировой судья сдѣлалъ установленный вызовъ наслѣдниковъ, для явки которыхъ положенъ шестимѣсячный срокъ. До истеченія этого срока въ Окружной Судъ поступило ходатайство краковскаго жителя Іосифа Ѳеофиловича Кенига, въ которомъ онъ, доказывая предъявленіемъ надлежащей метрической выписки изъ мѣстной римско-католической консисторіи, что у Ѳеофила Кенига, переселившагося въ Галицію послѣ польскаго возстанія 1831 года, было два сына — Иванъ и онъ, Іосифъ, объяснялъ, что умершій Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ дѣйствительности его братомъ Иваномъ Ѳеофиловичемъ. Измѣненіе отчества Ивана произошло, по объясненію просителя, слѣдующимъ образомъ: замѣшанный въ возстаніи Ѳеофилъ долженъ былъ эмигрировать, но, памятуя доброе къ себѣ расположеніе принца Виртембергскаго, стоявшаго во главѣ управленія путями сообщенія, онъ рѣшился отправить своего старшаго сына въ Петербургъ для поступленія во вновь открытый институтъ инженеровъ путей сообщенія, при чемъ, во избѣжаніе недружелюбнаго отношенія къ сыну, просилъ принца приказать именовать сына не Ѳеофиловичемъ, а Ѳедоровичемъ, что и было благосклонно исполнено. Такъ въ качествѣ Ивана Ѳедоровича будущій директоръ Николаевской желѣзной дороги и окончилъ курсъ. Окружной Судъ, находя недоказаннымъ тождество Ивана Ѳедоровича съ Иваномъ Ѳеофиловичемъ, въ ходатайствѣ Іосифа Кенига объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства отказалъ. При разсмотрѣніи въ Судебной Палатѣ апелляціоннаго отзыва просителя его повѣренный просилъ выдать ему свидѣтельство на полученіе изъ архива института путей сообщенія прошенія Ѳеофила Кенига объ опредѣленіи его сына Ивана въ число воспитанниковъ. Мы выдали свидѣтельство, но оказалось, что архивъ института сгорѣлъ въ 1849 году. Тогда было постановлено вызвать

духовника Ивана Ѳедоровича Кенига, ксендза Жолтека, настоятеля церкви Св. Екатерины на Невскомъ, который, по словамъ повѣреннаго, долженъ былъ удостовѣрить тождество Ѳеофиловича и Ѳедоровича. Оказалось, что за нѣсколько дней до засѣданія, въ которомъ предстоялъ его допросъ, ксендзъ Жолтекъ умеръ. Тогда повѣренному было выдано свидѣтельство на представленіе исповѣдныхъ книгъ, гдѣ должны были быть записи Жолтека съ именованіемъ Ивана Ѳедоровича по его дѣйствительному отчеству. Судьба, однако, и тутъ была противъ просителя: исповѣдныя книги оказались сгорѣвшими. Оставалось утвердить рѣшеніе Окружного Суда. Но тутъ повѣренный, какъ утопающій, схватился за соломинку: ему пришло въ голову, что Жолтекъ, завѣдывавшій хозяйственной администраціей церкви, могъ сдѣлать разныя распоряженія по поводу торжественныхъ похоронъ виднаго прихожанина, всѣми любимаго и уважаемаго директора Николаевской желѣзной дороги. И дѣйствительно, ему удалось представить въ Палату письменное распоряженіе Жолтека объ убранствѣ храма чернымъ сукномъ по случаю торжественной церемоніи похоронъ Ивана *Ѳеофиловича* Кенига, каковая совпала день въ день и часъ въ часъ съ похоронами Ивана Ѳедоровича Кенига. Мы вызвали экспертовъ, которые единогласно удостовѣрили, что распоряженіе писано несомнѣннымъ почеркомъ ксендза Жолтека. Тогда Палата утвердила Іосифа Кенига въ правахъ наслѣдства къ его брату. Но судьба продолжала иронизировать надъ счастливымъ наслѣдникомъ, очевидно, желая до конца испытать его терпѣніе, прежде чѣмъ дать ему возможность осуществить свои права. Недѣли черезъ двѣ послѣ рѣшенія Палаты онъ пришелъ въ неё съ растерянным видомъ и съ заявленіемъ, что ему наслѣдства не выдаютъ. Оказалось, что мировой судья, къ которому онъ обратился съ просьбою о снятіи охраны и о передачѣ ему имущества брата, отказалъ въ этомъ, ссылаясь совершенно правильно на то, что онъ вызывалъ въ шестимѣсячный срокъ наслѣдниковъ къ Ивану Ѳедоровичу Кенигу, теперь же оказывается, что скончался не Иванъ Ѳедоровичъ, а Иванъ Ѳеофиловичъ Кенигъ, къ имуществу котораго онъ долженъ вызвать наслѣдниковъ въ новый шестимѣсячный срокъ и лишь по истеченіи та-

кового имущество можетъ быть передано краковскому обывателю.

Обширную группу дѣлъ, сосредоточенныхъ въ первомъ департаментѣ Палаты, составляли иски лицъ, потерпѣвшихъ вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти своихъ близкихъ или поврежденія своего здоровья, причиненныхъ при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. При свойственныхъ намъ вообще небрежности и «рукавоспустіи» въ исполненіи своихъ обязанностей — съ одной стороны, и поразительной неосторожности и непредусмотрительности — съ другой, несчастные случаи на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ давали и даютъ обильный матеріалъ для подобныхъ дѣлъ, въ которыхъ, въ особенности къ дѣйствіямъ низшихъ агентовъ, имѣютъ особое примѣненіе знаменитыя «авось» и «кое-какъ». Изъ дѣлъ этого рода приходилось убѣждаться, что разные низшіе служащіе, преимущественно на желѣзныхъ дорогахъ, — смазчики, сцѣпщики, кочегары, путевые сторожа и кондукторы зачастую ради ускоренія работы, а иногда и по лѣни, дѣйствуютъ съ невѣроятной неосторожностью; не ждутъ полной остановки поѣзда, вскакиваютъ и выскакиваютъ на ходу, пролѣзаютъ подъ готовыми двинуться вагонами, чтобы избѣжать обхода ихъ для смазки колесъ съ другой стороны, относятся съ безоглядной безпечностью къ маневрирующему локомотиву и т. п. А отсюда многочисленные случаи увѣчій и даже смерти. Истцы по этимъ дѣламъ поставлены однако въ исключительное положеніе. Согласно общему правилу гражданскаго процесса, истецъ долженъ доказать свой искъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отыскиваетъ убытки и ущербы, привести данныя, свидѣтельствующія о томъ, что таковые причинены дѣйствіемъ или упущеніемъ отвѣтчика, на которомъ лежитъ лишь обязанность доказать, что онъ исполнялъ предписанія закона или требованіе власти, находился въ состояніи необходимой обороны или, наконецъ, былъ подъ давленіемъ непреодолимой силы. Иными словами, тяжесть доказыванія, такъ называемой onus probandi, лежитъ на истцѣ. Но по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ этотъ onus probandi перемѣщенъ на отвѣтчика, и на управленіе желѣзной дороги или пароходнаго общества воз-

ложена очень трудно осуществимая обязанность доказывать, что смерть или увѣчье произошли по собственной винѣ погибшаго или изувѣченнаго. Понятно, что при такихъ условіяхъ, когда виновность желѣзной дороги или пароходнаго общества, такъ сказать, предполагается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возможность получить единовременное или періодическое вознагражденіе со стороны общества представляетъ не малый соблазнъ даже и для тѣхъ пострадавшихъ, которые не могутъ не сознавать, что несчастье произошло съ ними по ихъ собственной оплошности, но въ то же время знающихъ, что главнымъ и часто единственнымъ свидѣтелемъ этой оплошности были лишь они сами. Легкость предъявленія такихъ исковъ и расчетъ на ихъ почти несомнѣнный выигрышъ создали особую профессію ходатаевъ по подобнаго рода дѣламъ. Эти господа, сами и чрезъ своихъ агентовъ, собирали свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода несчастіяхъ и предлагали свои услуги для начатія дѣлъ, нерѣдко обольщая неграмотнаго и темнаго потерпѣвшаго перспективой огромнаго вознагражденія. Въ Москвѣ и Петербургѣ заведены были даже спеціальныя конторы для предъявленія подобныхъ исковъ, при чемъ, конечно, львиную долю присужденной суммы за свою, въ сущности весьма несложную, работу получали «благодѣтели человѣчества», богатѣвшіе на чужомъ несчастіи. Изъ многихъ дѣлъ было видно, что даже въ случаяхъ явной неосторожности со стороны потерпѣвшаго управленіе дороги, если онъ принадлежалъ къ числу низшихъ служащихъ, во избѣжаніе процесса, исходъ котораго предугадать было трудно, давало ему иныя, обезпечивающія его, служебныя обязанности на дорогѣ, исполнять которыя полученное имъ поврежденіе не препятствовало. Но въ одинъ прекрасный день, предъ истеченіемъ давностнаго срока, къ вполнѣ довольному своимъ положеніемъ являлся искуситель въ лицѣ ходатая, сулилъ ему золотыя горы и убѣждалъ начать дѣло, что влекло за собою обыкновенно увольненіе истца со службы, такъ какъ управленіе желѣзной дороги не желало становиться тѣмъ воломъ, съ котораго деруть двѣ шкуры. По дѣлу же, дошедшему до суда, обнаруживались обстоятельства, по которымъ искъ не могъ быть удовлетворенъ, несмотря на кро-

кодиловы слезы повѣреннаго о жертвѣ нашихъ порядковъ. Потерпѣвшій оказывался лишившимся мѣста и присужденнымъ къ судебнымъ издержкамъ, а у его повѣреннаго, особливо, если онъ былъ «ходатай по чужимъ дѣламъ», оставалось въ рукахъ обязательство объ уплатѣ ему за веденіе дѣла — иногда даже полученной впередъ — съ предусмотрительнымъ опущеніемъ оговорки о томъ, что эта плата получается съ *присужденной* суммы.

По этимъ дѣламъ возникалъ весьма важный вопросъ о томъ, какъ толковать слово «*эксплоатація*» желѣзной дороги или пароходнаго общества. Это иностранное слово чуждо русскому языку и имѣетъ нѣсколько значеній, при чемъ главное изъ нихъ, состоящее въ понятіи извлеченія выгодъ, въ разговорномъ языкѣ одинаково примѣняется къ разработкѣ или пусканію въ ходъ какого-либо изобрѣтенія, — къ пользованію своимъ имуществомъ, — къ корыстному или психическому насилію надъ чувствами близкихъ и любящихъ и, наконецъ, къ преступному вымогательству путемъ угрозъ разоблаченіями, именуемымъ шантажемъ. Практика кассаціоннаго суда была и остается, повидимому, до сихъ поръ крайне неустойчивой: въ ней эксплоатація желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій то толкуется какъ дѣятельность, направленная къ извлеченію дохода изъ всего предпріятія, т. е. и изъ принадлежащихъ желѣзной дорогѣ заводовъ, мастерскихъ и другихъ имуществъ, то — какъ дѣятельность, направленная къ перевозкѣ пассажировъ, багажа, почты и грузовъ, то — какъ дѣятельность, состоящая не въ извлеченіи выгодъ, а въ тѣсной связи съ перевозкой, то — какъ осуществленіе *хозяйственной* стороны предпріятія и т. д. Поэтому къ эксплоатаціи желѣзной дороги то относились заводы и мастерскія, то исключались изъ нея зданія и помѣщенія для рабочихъ, служащихъ на дорогѣ, и желѣзно-дорожныя больницы, а также каменоломни, хотя бы камень изъ нихъ добывался для нуждъ дороги. Очевидно, что при этой путаницѣ понятій представлялось необходимымъ установить опредѣленную точку зрѣнія на значеніе слова эксплоатація, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависѣло признаніе въ каждомъ дѣлѣ, на комъ должна лежать тяжесть доказыванія. Мы остановились на томъ соображеніи, что извле-

ченіе выгодъ изъ заводовъ, мастерскихъ и всѣхъ подобнаго рода учрежденій совершенно одинаково по своимъ свойствамъ и условіямъ для всякаго владѣльца этихъ учрежденій и что не представляется никакихъ разумныхъ основаній къ тому, чтобы хозяинъ паровознаго завода или мастерской для желѣзнодорожныхъ принадлежностей вообще отвѣчалъ и защищался иначе, чѣмъ желѣзная дорога, имѣющая такую мастерскую или такой заводъ, и чтобы рабочій, потерпѣвшій увѣчья отъ упавшей тяжести на частномъ заводѣ, обязанъ былъ доказывать, что это произошло по винѣ завѣдующихъ заводомъ, а на заводѣ, принадлежащемъ желѣзной дорогѣ, иногда отстоящемъ на нѣсколько верстъ отъ рельсоваго пути, этой обязанности на немъ не лежало. Справедливость и послѣдовательность требуютъ, чтобы въ обоихъ случаяхъ примѣнялась одинаковая обязанность доказывать, возлагаемая или на истца, или на отвѣтчика. Намъ казалось несомнѣннымъ, что исключительно выгодное положеніе, въ которое поставленъ потерпѣвшій увѣчье или родные лишившагося жизни, вызваны той особой опасностью, которая обусловливается движеніемъ по рельсамъ и дѣйствіями, сопровождающими нагрузку, выгрузку, сцѣпку, смазку и т. п., а также входомъ въ вагоны, выходомъ изъ нихъ при быстротѣ и срочности движеній и т. д. и что поэтому подъ эксплоатаціей надо понимать исключительно пользованіе рельсовымъ путемъ и тѣсно связанными съ движеніемъ по нему мѣстами остановокъ, храненія кладей и переѣздовъ. Въ этомъ смыслѣ у насъ состоялся цѣлый рядъ рѣшеній, не встрѣтившихъ отмѣны со стороны Сената, одно время признававшаго наше толкованіе правильнымъ.

Изъ дѣлъ, вызвавшихъ особое общественное вниманіе и потребовавшихъ отъ насъ большого труда, мнѣ вспоминаются въ особенности дѣло общества водопроводовъ объ устройствѣ фильтра и дѣло учредителей Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ съ этимъ обществомъ. Въ 1858 году учредилось въ Петербургѣ акціонерное общество водопроводовъ, «для доставленія — какъ значилось въ ст. 81 его устава — жителямъ Петербурга средства пользоваться во всякое время свѣжею и чистою водою посредствомъ особаго гидротехническаго устройства». Такимъ устрой-

ствомъ является фильтръ для просачиванія невской воды, давно уже загрязняемой всякими отбросами. Его надлежало устроить и соорудить въ такъ называемомъ «Ковшѣ» около водопроводной башни на берегу Невы, противъ нынѣшняго помѣщенія Государственной Думы въ Таврическомъ дворцѣ. Это являлось обязательнымъ для общества водопроводовъ на основаніи 1, 10 и 14 ст. его устава. Но общество, во главѣ котораго стоялъ будущій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, считая, что устройствомъ небольшого фильтра въ 1863 году, оказавшагося при томъ неудачнымъ для пропуска воды вслѣдствіе своего замерзанія, и устройствомъ затѣмъ цистернъ для процѣживанія воды, — оно выполнило свои обязанности, отказывалось устроить фильтры. А они были крайне нужны, по заключенію свѣдущихъ людей, въ цѣляхъ гигіеническихъ, и не для пропуска и процѣживанія невской воды съ вредными примѣсями, а для ея просачиванія и очищенія. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ городского управленія съ обществомъ, дума рѣшилась вслѣдствіе неустанныхъ и упорныхъ настояній своего гласнаго Стасюлевича, предъявить въ защиту своихъ правъ искъ противъ общества и возложила на него спеціальное веденіе этого дѣла. Въ виду многихъ привходящихъ вопросовъ, наросшихъ на дѣлѣ по бездѣятельности городской думы въ первое десятилѣтіе существованія общества, существо спора представлялось очень сложнымъ и запутаннымъ, отчего могло возникать искреннее мнѣніе о правотѣ общества со строго-цивилистической точки зрѣнія. Такой взглядъ имѣлъ одинъ изъ выдающихся гласныхъ думы, талантливый юристъ П. А. Потѣхинъ, сложившій съ себя званіе гласнаго, чтобы выступить повѣреннымъ со стороны общества. Къ нему присоединился извѣстный адвокатъ Спасовичъ, вообще строго и рѣзко отдѣлявшій въ дѣятельности своей въ области гражданской практики публичное право отъ частнаго и не любившій переходить отъ узкихъ рамокъ договорнаго спора къ общимъ соображеніямъ на почвѣ общественной пользы, столь сильно однако затронутой именно въ этомъ дѣлѣ. Городская дума вынуждена была призвать на помощь Стасюлевичу К. К. Арсень-

ева, вступившаго для веденія этого дѣла временно въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Проигравъ дѣло въ Окружномъ Судѣ, общество перенесло споръ въ Судебную Палату. Засѣданіе Палаты осенью 1884 г., при переполненной залѣ, заняло цѣлый день до поздняго вечера и представляло огромный юридическій интересъ. Рѣчи Потѣхина и Арсеньева явили собою *подробнѣйшій* разборъ вопроса во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Стасюлевичъ, отъ котораго многіе ожидали лишь общихъ соображеній общественнаго характера, удивилъ всѣхъ обширными экскурсіями въ чисто-правовую область, а Спасовичъ, быть можетъ, взволнованный тѣмъ, что долженъ былъ сражаться противъ сильныхъ и убѣжденныхъ противниковъ, которые въ то же время были его старыми друзьями, говорилъ страстно, жестикулируя болѣе обыкновеннаго, и окончилъ послѣднюю свою рѣчь даже не совсѣмъ умѣстнымъ обращеніемъ къ палатѣ съ указаніемъ на его увѣренность въ томъ «qu'il y a des juges à Berlin». Судебная Палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесла единогласное рѣшеніе, которымъ признала общество водопроводовъ обязаннымъ устроить требуемый городомъ фильтръ въ теченіе четырехъ лѣтъ...

Въ дѣлѣ Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ возникалъ весьма важный вопросъ о правахъ его учредителей на полученіе 6% изъ чистаго дохода общества. На основаніи устава общества 1861 года послѣ того, какъ оно было освобождено отъ обязанности построить Ѳеодосійско-Либавскую желѣзную дорогу, учредителямъ было представлено право на полученіе 6% изъ чистаго дохода, остающагося за вычетомъ всѣхъ годовыхъ издержекъ по содержанію и дѣйствію всѣхъ *уступленныхъ* обществу желѣзныхъ дорогъ. Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ правительство смотрѣло на желѣзныя дороги, какъ на частное предпріятіе хозяйственнаго характера, т. е. совершенно обратно тому, какъ стало смотрѣть въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда оно усиленно выкупало большую часть желѣзнодорожныхъ линій. Дѣйствуя въ первомъ настроеніи, оно рѣшилось уступить Николаевскую дорогу частному обществу и, остановившись на двухъ главныхъ конкурентахъ: — Товари-

ществѣ московскихъ капиталистовъ и Главномъ обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ главныхъ хозяиномъ по количеству имѣвшихся акцій былъ американецъ Уайненсъ,— оно послѣ разныхъ перипетій, ожидающихъ своего спеціальнаго историка, отдало предпочтеніе послѣднему. Въ рукахъ энергичнаго американца дорога тотчасъ же стала приносить огромный доходъ, тогда какъ по двумъ другимъ своимъ предпріятіямъ — Варшавской и Нижегородской дорогамъ—общество имѣло сравнительно ничтожную прибыль. Вслѣдствіе этого учредители общества, въ числѣ коихъ состояли французскій Crédit Mobilier, испанскій движимый кредитъ и разныя другія лица, основавшія это общество въ 1857 году, потребовали выдачи имъ 6% съ чистаго дохода, принесеннаго Николаевской желѣзной дорогой въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, и, не получивъ удовлетворенія, предъявили искъ въ суммѣ около пяти милліоновъ. Общество возражало, что учредители къ передачѣ ему Николаевской желѣзной дороги никакого отношенія не имѣютъ, и что дорога передана правительствомъ собранію акціонеровъ Главнаго общества, которые представляютъ *собою особливое* акціонерное предпріятіе. Повѣренными сторонъ явились большія юридическія силы: со стороны истцовъ—присяжный повѣренный Банкъ, тонкій и ученый цивилистъ, а со стороны отвѣтчика — извѣстный своимъ талантомъ, искусствомъ и блескомъ юридическихъ соображеній адвокатъ Пассоверъ, одна изъ крупнѣйшихъ величинъ въ русской адвокатурѣ. Засѣданіе происходило два дня — 18 и 25 октября 1884 года. Въ первомъ изъ нихъ были единогласно разрѣшены очень сложные вопросы о постановкѣ исковыхъ требованій, о полномочіяхъ истцовъ и о давности, а во второмъ дѣло разсмотрѣно по существу. Засѣданіе продолжалось почти до полуночи. Повѣренные проявили огромную силу знанія и діалектики. Докладъ члена Палаты Гуляева по своей системѣ и полнотѣ былъ образцовымъ. Мы совѣщались болѣе трехъ часовъ, при чемъ я разошелся во взглядахъ съ четырьмя моими товарищами, признавшими исковыя требованія не подлежащими удовлетворенію.

Я находилъ, что существенный вопросъ въ дѣлѣ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о сущности учредительской дѣ-

ятельности вообще, которая состоитъ въ выработкѣ идеи предпріятія, въ разработкѣ плана ея осуществленія на практикѣ, въ собраніи средствъ для устройства предпріятія и въ привлеченіи, путемъ возбуждаемаго учредителями довѣрія, матеріальныхъ силъ, необходимыхъ для правильной постановки и успѣха дѣла. Эта дѣятельность прекращается съ момента окончательнаго устройства предпріятія и вступленія въ силу устава, опредѣляющаго внутреннюю его организацію и порядокъ управленія имъ. Съ прекращеніемъ этой дѣятельности наступаютъ ея плоды — возмѣщеніе за потраченныя силы, время, средства. Это возмѣщеніе можетъ, между прочимъ, выражаться въ участіи въ прибыляхъ предпріятія, въ полученіи извѣстной части чистаго дохода съ него. Участіе учредителей въ прибыляхъ, *если оно прямо не ограничено напередъ опредѣленными условіями или срокомъ*, можетъ продолжаться во все время существованія устроеннаго ими предпріятія. У людей, положившихъ въ дѣло свои идею, трудъ, капиталъ или имя, нельзя отрицать права на пользованіе результатами, которые дали эти идеи, труды и средства, если только результаты эти явились послѣдствіемъ развитія предпріятія въ томъ именно видѣ и направленіи, въ какомъ оно было учреждено. Неоспоримое право учредителей на участіе въ прибыляхъ предпріятія *вообще* содержитъ въ себѣ и основаніе для участія въ прибыляхъ развившагося въ *ширину*, но оставшагося неизмѣннымъ по *существу* и *цѣлямъ* предпріятія, ибо нельзя предполагать, чтобы учредители, основывая новое дѣло и выговаривая себѣ участіе въ доходахъ съ него, не разсчитывали на его развитіе и процвѣтаніе, а имѣли въ виду, что предпріятіе останется въ состояніи косности. Несомнѣнно, что учредители могутъ получить вознагражденіе лишь за то именно, что они задумали и привели въ исполненіе, а не за достиженіе постороннихъ предпріятію цѣлей, которыя вовсе не входили въ первоначальный планъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ учредители получили бы вознагражденіе за то, чего они вовсе не имѣли въ виду, собирая средства, теряя время, вырабатывая основанія и выясняя цѣли предпріятія. Поэтому, напримѣръ, учредители страхового отъ огня общества не могутъ

участвовать въ прибыляхъ отъ операціи по страхованію отъ градобитія или страхованія жизни, — или учредители общества пароходнаго пассажирскаго сообщенія не могутъ раздѣлять прибыль по принятой тѣмъ же обществомъ на себя водолазной операціи или по работамъ для углубленія фарватера. Но покуда предпріятіе движется по пути, начертанному учредителями, не измѣняя ни свойствъ, ни цѣлей, ни направленія, ни пріемовъ своей дѣятельности, до тѣхъ поръ, какъ бы широко ни развилась эта дѣятельность — учредители имѣютъ право на участіе въ прибыляхъ. Отдавая въ 1868 году дорогу Главному обществу и обезпечивая стоимость его акцій и облигацій, правительство, конечно, имѣло въ виду не случайное собраніе неизвѣстныхъ и вѣчно измѣняющихся лицъ, владѣющихъ акціями Главнаго общества, а цѣлую организацію, именуемую Главнымъ обществомъ, имѣющую свой спеціальный уставъ. Передача желѣзной дороги изъ казенныхъ въ частныя руки знаменуетъ собою довѣріе правительства къ Главному обществу, обязанному этимъ правильному развитію началъ, положенныхъ въ его основу при учрежденіи его, и цѣлесообразному употребленію средствъ, на которыя оно основано. Но и начала эти и средства суть дѣло учредителей. Безъ нихъ общество не существовало бы и не могло бы никогда явиться конкурентомъ на пріобрѣтеніе столь важнаго во всѣхъ смыслахъ пути, какъ Николаевская желѣзная дорога. Поэтому, участіе ихъ въ прибыляхъ отъ расширенія дѣятельности созданнаго ими предпріятія представляется вполнѣ справедливымъ.

Въ этомъ смыслѣ мною было написано обширное «особое мнѣніе», приложенное къ весьма объемистому рѣшенію Палаты. Дѣло поступило въ кассаціонный департаментъ Сената, и Пассоверъ — мой товарищъ по университету и сослуживецъ по московской прокуратурѣ Судебной Палаты, — ознакомившись съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ мнѣ при встрѣчѣ, что находитъ его настолько убѣдительнымъ, что жалѣетъ о томъ, что не былъ повѣреннымъ учредителей, такъ какъ онъ убѣжденъ, что кассаціонный судъ согласится со мною. Мѣсяца черезъ три, встрѣтя меня въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ мнѣ, что, получивъ свѣдѣ-

нія о взглядахъ на это дѣло нѣкоторыхъ изъ сенаторовъ и оберъ-прокурора, правленіе Главнаго общества, испытывая серьезныя описанія, что дѣло будетъ рѣшено согласно съ началами, изложенными въ моемъ «особомъ мнѣніи», признало необходимымъ пойти съ учредителями на мировую, предложивъ имъ половину искомой суммы, на что тѣ и согласились.

Регулярность занятій въ Палатѣ и отсутствіе волнующихъ душу впечатлѣній, а также добрыя и даже сердечныя отношенія съ товарищами по коллегіи составляли особо пріятную сторону этой моей службы, а явившійся навыкъ къ разрѣшенію гражданскихъ дѣлъ давалъ мнѣ небольшой досугъ для разработки практическихъ вопросовъ уголовнаго судопроизводства на основаніи опыта, вынесеннаго изъ дѣятельности въ Окружномъ Судѣ, при чемъ эти вопросы, на нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣдней, представлялись «изъ моего прекраснаго далёка» съ бо́льшей цѣльностью и ясностью. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я моихъ сослуживцевъ по департаменту—вдумчиваго знатока, неутомимаго работника и прекрасной души человѣка Александра Васильевича Гуляева (впослѣдствіи кассаціоннаго сенатора) и Егора Андреевича Матисена. Послѣдній былъ типичнымъ представителемъ того поколѣнія цивилистовъ-практиковъ, богатой школой для которыхъ были старые гражданскіе департаменты Сената, нынѣ упраздненные. Если эти департаменты, какъ судебныя учрежденія, оставляли желать многаго, по личному составу сенаторовъ и по условіямъ дѣлопроизводства, то, какъ школа для молодыхъ юристовъ, они представляли неоцѣненныя достоинства. Далеко не всѣ сенаторы бывали знакомы съ гражданскимъ правомъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Званіе сенатора служило наградой за долгую службу, очень часто не имѣвшую никакого отношенія къ юстиціи. Заслуженные военные генералы, усталые директора департаментовъ, не поладившіе съ министрами товарищи министра, придворные чины, мѣсто которыхъ понадобилось очистить для другихъ путемъ созданія такъ называемаго золотого моста, безсильно и безплодно могли заблудиться въ дебряхъ десятаго тома и дополнительныхъ къ нему узаконеній, если бы на помощь къ нимъ не

приходила прекрасно составленная канцелярія въ лицѣ оберъ-прокуроровъ, оберъ-секретарей и секретарей. При томъ это были по большой части люди преклонныхъ лѣтъ, значительно перешедшіе за тотъ «mezzo camin di nostra vita», о которомъ говоритъ Дантъ, очутившійся въ лѣсу, и потому не менѣе его нуждавшіеся въ своемъ Виргиліи. Этимъ Виргиліемъ и являлась канцелярія старыхъ департаментовъ Сената. Въ ней, за ежедневнымъ напряженнымъ трудомъ, вырабатывались тѣ знатоки русскаго гражданскаго права, которые дали потомъ при введеніи судебной реформы контингентъ достойныхъ дѣятелей, поставившихъ нашъ гражданскій судъ по Судебнымъ Уставамъ сразу на довлѣющую его высоту. Въ то время, когда по новизнѣ дѣла и гораздо большой сложности уголовнаго судопроизводства, въ уголовныхъ дѣлахъ сказывалось отсутствіе опыта и неизбѣжность первое время по нѣкоторымъ вопросамъ бродить, такъ сказать, ощупью, — практика гражданскихъ судовъ съ первыхъ же шаговъ стала принимать опредѣленныя формы. Уголовному кассаціонному суду приходилось первые два-три года послѣ введенія реформы разъяснять коренные вопросы процесса, — гражданскому кассаціонному суду пришлось давать лишь авторитетныя указанія относительно толкованія матеріальнаго права. Въ настоящее время обширные сборники кассаціонныхъ рѣшеній, конечно, могутъ служить для людей, получившихъ высшее юридическое образованіе, цѣннымъ практическимъ пособіемъ, но они не въ состояніи замѣнить старую школу сенатской канцеляріи. Теперь судьи гражданскихъ отдѣленій вербуются изъ секретарей Судебныхъ Палатъ и Окружныхъ Судовъ, изъ слѣдователей и городскихъ судей, а также — въ рѣдкихъ случаяхъ — и мировыхъ судей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдніе еще остались послѣ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ въ 1889 г. мировому институту. Но секретари общихъ судебныхъ мѣстъ и даже оберъ-секретари гражданскаго кассаціоннаго суда имѣютъ очень мало общаго съ чинами старыхъ сенатскихъ канцелярій. Въ лучшемъ случаѣ они *созерцаютъ* работу судей, присутствуя при ней и ведя протоколы судебныхъ засѣданій, но не готовятъ дѣлъ для разрѣшенія ихъ по существу и не составляютъ

проектовъ рѣшеній. Ихъ роль слишкомъ пассивна. Судебные слѣдователи и товарищи прокурора въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они попадаютъ въ члены суда, почти совсѣмъ не встрѣчаются въ своей предыдущей дѣятельности съ вопросами гражданскаго права, а кругъ дѣятельности мировыхъ и городскихъ судей по гражданскимъ дѣламъ слишкомъ узокъ и отличается однообразіемъ своего содержанія. Поэтому невольно возникаетъ тревога за будущее нашего гражданскаго суда, у котораго почти не оказывается необходимаго питомника.

До назначенія своего членомъ петербургской Судебной Палаты Матисенъ провелъ долгіе годы службы въ московскихъ и петербургскихъ департаментахъ Сената. Я засталъ его уже 68-лѣтнимъ старикомъ съ тонкими чертами лица нѣмецкаго типа и добрыми голубоватыми старчески-выцвѣтшими глазами. Онъ былъ воплощенная аккуратность и добросовѣстность. Несмотря на свои годы, онъ работалъ усидчиво и непрерывно, съ тѣмъ сознаніемъ своего долга, въ которомъ сказывалось его происхожденіе. Доклады его отличались точностью и пунктуальностью, а въ рѣшеніяхъ, написанныхъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, онъ не обходилъ ни одного затронутаго въ дѣлѣ вопроса безъ разрѣшенія, хотя бы ихъ можно было и оставить, отвѣтивъ въ томъ или иномъ смыслѣ на коренной вопросъ дѣла. Если къ этимъ свойствамъ присоединить вниманіе, удѣляемое имъ юридической литературѣ (его особенно интересовало право литературной собственности, и у меня хранится его книга «Das geistige Eigenthum» Клостермана, испещренная на поляхъ рядомъ замѣтокъ), то можно было бы сказать, что въ его лицѣ я встрѣтилъ образцоваго судью-цивилиста. Но у него были les défauts de ses qualités. Его добросовѣстность подчасъ переходила въ безконечныя сомнѣнія, заставлявшія его иногда по нѣсколько разъ возвращаться къ уже рѣшенному вопросу и, какъ я шутливо выражался, «вступать въ пререканія съ самимъ собою». Это чрезвычайно затягивало разсмотрѣніе дѣлъ и было особенно тягостно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенію по существу должно было предшествовать обсужденіе предварительныхъ вопросовъ о подсудности, давности, смѣшеніи и соединеніи исковъ и т. п.

Иногда этимъ вопросамъ посвящалось цѣлое засѣданіе съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ за нимъ рѣшить дѣло по существу. Послѣ долгихъ и упорныхъ споровъ Матисенъ, наконецъ, соглашался съ мнѣніемъ товарищей (онъ не любилъ оставаться «при особомъ мнѣніи»), но въ слѣдующемъ засѣданіи снова подымалъ уже рѣшенный вопросъ, вызывая почтительный гнѣвъ этихъ же товарищей. По дѣлу общества взаимнаго поземельнаго кредита съ членами правленія, являвшимися отвѣтственными за двухмилліонную растрату, совершенную Юханцевымъ, эти пререканія Матисена съ самимъ собою дошли до того, что мы проектировали напечатать для него особые бланки, въ которыхъ говорилось бы: «по вопросу о... нахожу, что... и даю сію подписку въ томъ, что при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла болѣе спорить и прекословить не буду».

Лютеранинъ, въ рѣчи котораго слышались германизмы (онъ говорилъ: инженьéръ, ефангеліумъ и т. п.), онъ былъ горячимъ русскимъ патріотомъ, чему вѣроятно способствовалъ его бракъ съ прекрасной русской женщиной, разливавшей вокругъ себя тихій свѣтъ и тепло. Его перу принадлежитъ описаніе достопримѣчательностей Москвы, изложенное на французскомъ языкѣ, въ виду предстоявшей въ 1856 году коронаціи Императора Александра II, и интересное описаніе наводненія Петербурга въ 1824 году, коего онъ былъ очевидцемъ. Утонченно-вѣжливый, на старый, нынѣ забытый, манеръ, гостеріимный и немного щепетильный, онъ бывалъ особенно интересенъ въ своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Н. Н. Мясоѣдовымъ, предсѣдателемъ II гражданскаго департамента Судебной Палаты, будущимъ первоприсутствующимъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената. Выдающійся юристъ и чудесный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, Мясоѣдовъ во всей своей повадкѣ представлялъ полную противоположность Матисену и, хотя послѣдній относился къ нему съ искреннымъ уваженіемъ и пріязнью, но громкій заикающійся голосъ Мясоѣдова, рѣзкія тѣлодвиженія и нервная непосѣдливость приводили старика въ смущеніе, а иногда вызывали въ немъ даже тревогу. Я не могу забыть того изумленія, съ которымъ Матисенъ слушалъ разсказы Мясоѣдова, уже бывшаго сена-

торомъ. о своихъ приключеніяхъ и разговорахъ съ незнакомыми людьми въ вагонахъ и на имперіалѣ конокъ, при чемъ однажды, на заявленіе его, что онъ, въ качествѣ сенатора, обратитъ вниманіе на дѣло своего сосѣда по имперіалу, по словамъ послѣдняго, рѣшенное неправильно, послѣдовали недоумѣнный взоръ собесѣдника, окинувшій суровую фигуру и бѣдный нарядъ Мясоѣдова, и презрительное восклицаніе: «Сенаторъ! Акуратъ! тьфу!»

У меня сохранилось нѣсколько писемъ Матисена, исполненныхъ мысли и заботы о предстоящихъ намъ дѣлахъ и характеризующихъ его судейскую щепетильность и оригинальный взглядъ на свои права, какъ члена коллегіи. «Меня просятъ — пишетъ онъ въ ноябрѣ 1882 года, — участвовать въ консультаціи по нѣкоторымъ спорнымъ въ городской думѣ дѣламъ, но я, хотя и гласный, не считаю этого возможнымъ въ виду того, что дѣла эти, вѣроятно, дойдутъ до суда, и я хочу сохранить независимость своего сужденія». — Въ декабрѣ того же года, извѣщая меня о своемъ нездоровьѣ, онъ проситъ меня подать за него голосъ въ общемъ собраніи Палаты при избраніи члена на открывшуюся вакансію и по этому поводу прилагаетъ слѣдующій оригинальный документъ. «Не имѣя по болѣзни возможности быть лично на выборахъ 9 декабря кандидатовъ на открывшуюся вакансію члена СПБ. судебной палаты, покорнѣйше прошу Васъ подать за меня голосъ, и что Вы по сему предмету учините, въ томъ спорить и прекословить не буду. Довѣренность сія принадлежитъ Его Превосходительству Анатолію Ѳедоровичу Кони. С.-Петербургъ 9 декабря 1882 года».

Прослуживъ пятьдесятъ лѣтъ и въ служебномъ отношеніи «вкушая мало меду вкусивъ», старикъ вышелъ въ отставку и, какъ это часто бываетъ съ людьми, привыкшими къ ежедневному труду, быстро одряхлѣлъ и вскорѣ получилъ возможность сказать и вторую половину приведенной цитаты изъ Писанія: «и се азъ умираю». Онъ былъ строгимъ блюстителемъ всѣхъ мельчайшихъ предписаній закона, и я не могу безъ улыбки вспомнить того шопота ужаса, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ, даже дернувъ меня за полу мундира, чтобы остановить меня на краю пропасти, раскрывшейся, по его мнѣнію, предо мною вслѣд-

ствіе незнанія или забвенія мною правила, гласящаго, что судъ не имѣетъ права самъ возбуждать вопросъ о давности, погашающей предъявленный искъ. Повѣреннымъ одного изъ важнѣйшихъ правительственныхъ финансовыхъ учрежденій Петербурга состоялъ присяжный повѣренный, болѣе свѣдущій въ исторіи литературы, чѣмъ въ законахъ. Всегда изящно одѣтый, въ модномъ фракѣ и ослѣпительной бѣлизны бѣльѣ, съ тщательно расчесанной сѣдѣющей бородой, любезный и изысканный въ манерахъ, въ своихъ красиво построенныхъ рѣчахъ, выступая обыкновенно въ качествѣ отвѣтчика, онъ допускалъ грубые промахи, недосмотры и ошибки. Однажды до Палаты дошло дѣло о крупномъ взысканіи какимъ-то аферистомъ, по ряду передовѣрій, съ финансоваго учрежденія крупной суммы, когда-то переданной въ него при упраздненіи одного изъ кредитныхъ установленій. Предъ докладомъ дѣла, членъ палаты Гуляевъ — воплощенная рачительность и трудолюбіе — обратилъ наше вниманіе на то, что для предъявленія исковыхъ требованій истекла несомнѣнная и неопровержимая давность, и выразилъ удивленіе, что въ своихъ, весьма слабыхъ возраженіяхъ противъ иска повѣренный казны ни словомъ не упоминаетъ о такомъ коренномъ основаніи для признанія иска неподлежащимъ удовлетворенію. Вѣроятно онъ оставилъ это до засѣданія Палаты, какъ coup de grace, сказали мы себѣ и вышли слушать дѣло. Повѣренный отвѣтчика занялъ свое мѣсто за неуклюжимъ и громоздкимъ деревяннымъ пюпитромъ и мягкимъ голосомъ, въ которомъ звучало непоколебимое убѣжденіе въ своей правотѣ, произнесъ плавную рѣчь, шедшую въ разрѣзъ съ извѣстнымъ афоризмомъ о томъ, что «лучше *ничего* не сказать, чѣмъ сказать *ничего*». О давности — ни слова. Оканчивая рѣчь, онъ сталъ собирать свои бумаги въ очень красивый портфель, съ вензелемъ и серебряными застежками, очевидно считая, что болѣе говорить не придется, такъ какъ все, что нужно, имъ уже непререкаемо и побѣдоносно высказано. Повѣренный истца не могъ скрыть улыбки, заранѣе торжествуя побѣду, вслѣдствіе которой казна, т. е. народное достояніе, потерпитъ матеріальный ущербъ по явной небрежности своего повѣреннаго, имѣвшаго раздутую репутацію и получавшаго большое жалованье за

защиту интересовъ нанимавшаго его учрежденія. Оставаться равнодушнымъ зрителемъ и даже осуществителемъ этого я не могъ и, каюсь въ томъ, нарушилъ правило о процессуальномъ попустительствѣ небреженію вопреки вопіющей очевидности. «Г-нъ повѣренный отвѣтчика, сказалъ я, — для избѣжанія излишнихъ преній я просилъ бы васъ изложить въ вашей первой рѣчи всѣ ваши доводы, предоставивъ тѣмъ истцу возможность нынѣ же возразить вамъ во всемъ ихъ объемѣ. Поэтому, если вы имѣете, напримѣръ, въ виду возбудить вопросъ о давности, то я прошу васъ сдѣлать это теперь же». — Гуляевъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ, но Матисенъ, который не успѣлъ остановить меня, сдѣлалъ испуганно-укоризненное лицо. Изящный повѣренный отвѣтчика не смутился и не растерялся. «Возбуждая вопросъ объ истеченіи исковой давности, сказалъ онъ, я увѣренъ, что Палата не нуждается въ доказательствахъ этого обстоятельства и сама усмотритъ ихъ въ дѣлѣ, постановивъ затѣмъ объ отказѣ въ искѣ» — и вполнѣ довольный собою съ благосклонной улыбкой приготовился слушать своего противника.

Въ теченіе моего пребыванія въ Судебной Палатѣ мнѣ дважды пришлось быть, въ качествѣ предсѣдателя гражданскаго департамента, отвлеченнымъ отъ заурядной работы особыми порученіями, очень интересными по задачамъ и оставившими во мнѣ много оригинальныхъ воспоминаній. Это были ревизіи дѣлопроизводства провинціальныхъ судовъ.

26 октября 1882 года меня пригласилъ къ себѣ Министръ Юстиціи Набоковъ и предложилъ отправиться въ одинъ изъ губернскихъ городовъ петербургскаго судебнаго округа для немедленнаго производства ревизіи Окружного Суда. Главная цѣль ревизіи состояла въ открытіи растраты предсѣдателемъ Окружного Суда нѣкотораго числа партикулярныхъ суммъ, поступившихъ въ Судъ. О существованіи этой растраты, которая для большинства должностныхъ лицъ губерніи была, въ виду замашекъ и образа жизни предсѣдателя, несомнѣнна, сообщилъ исправляющій должность прокурора Окружного Суда. Каждый день растрата могла быть обнаружена Контролемъ или раскрыться вслѣдствіе

какихъ-либо внезапно случившихся обстоятельствъ. Надо было пойти навстрѣчу этой опасности и предупредить злорѣчивые толки о томъ, что судебное вѣдомство, призванное карать преступленія, смотритъ сквозь пальцы на то, что совершается въ его собственной средѣ. Однимъ словомъ предстояло самимъ — торжественно и, такъ сказать, всенародно—раскрыть растрату, какъ бы это ни было тяжело для достоинства судебнаго вѣдомства. Министръ настаивалъ, чтобы я выѣхалъ въ тотъ же день, но это оказалось совершенно невозможнымъ: на другой день въ гражданскомъ департаментѣ Судебной Палаты, гдѣ я предсѣдательствовалъ, было назначено засѣданіе съ моими докладами. Отложить засѣданіе безъ требованія сторонъ я не имѣлъ права. Кромѣ того, такъ какъ нельзя было производить одной ревизіи кассы Суда, а слѣдовало обревизовать всю его дѣятельность, мнѣ необходимо было пригласить опытныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Поэтому я выѣхалъ лишь черезъ день въ сопровожденіи секретаря петербургскаго Окружного Суда А. А. Макарова (нынѣ Члена Государственнаго Совѣта и недавняго министра внутреннихъ дѣлъ) и помощника секретаря Судебной Палаты Н. А. Лебедева (нынѣ члена консультаціи Министерства Юстиціи и юрисконсульта Кабинета Его Величества). Къ вечеру мы были на мѣстѣ и я немедленно отправился къ предсѣдателю и прокурору, но засталъ лишь второго, котораго нашелъ въ сильномъ огорченіи. «Все пропало!» воскликнулъ представитель обвинительной власти, которому затѣмъ предстояла блестящая служебная карьера и дѣятельная роль въ нѣкоторыхъ законодательныхъ работахъ. «*Ему* еще вчера дали знать изъ Петербурга, что вы ѣдете для ревизіи, и онъ въ эти два дня успѣлъ нахватать займовъ и все пополнить. Вы ничего не откроете!—Ну, что же, отвѣчалъ я—и прекрасно: я не найду растратъ.—Но вы будете лишены возможности наступить ему на хвостъ! волновался мой собесѣдникъ: а когда уѣдете, онъ возвратитъ занятыя деньги, и будетъ, какъ ни въ чемъ не бывало!—Противъ этого я приму свои мѣры,—сказалъ я—но если можно избѣжать скандала на все вѣдомство, которому порадуются всѣ враги послѣдняго, и не подводить несчастнаго запутавшагося старика подъ уголовный судъ, то я

лично буду очень радъ».—На этомъ мы разстались, а на другой день я и мои спутники, по заранѣе составленному плану и распредѣленію работъ, энергически принялись за ревизію, начавши съ уголовнаго и гражданскаго отдѣленій Суда.

Предсѣдатель—типическій провинціальный bon-vivant—человѣкъ уже старый и нравственно, въ денежномъ отношеніи, опустившійся, встрѣтилъ меня со спокойствіемъ человѣка, увѣреннаго въ своей неуязвимости, а когда увидѣлъ, что ревизія, сначала направилась на производства, а не на счетоводство, сталъ ходить гоголемъ и относиться ко всему, что происходило въ судѣ, съ точки зрѣнія безпечальнаго наблюдателя. Но на третій или на четвертый день ревизіи картина измѣнилась. Провѣрка состоянія кассы суда показала, что партикулярныя, т. е. относящіяся къ частнымъ дѣламъ суммы находятся на лицо, при чемъ эта наличность даже превышаетъ на сто съ чѣмъ-то рублей ту, которая въ дѣйствительности должна была находиться. Когда на это обстоятельство было указано предсѣдателю, онъ снисходительно улыбнулся и, обращаясь къ казначею, скромному чиновнику робкаго запуганнаго вида, сказалъ, строго нахмуривъ брови: «обсчитали кого-нибудь!» О найденныхъ въ порядкѣ суммахъ былъ составленъ протоколъ и предсѣдатель окончательно просіялъ. Но его ждалъ, очевидно, неожиданный имъ, ударъ. Напомнивъ ему кассовыя правила, въ силу которыхъ спеціальные сборщики не имѣютъ права держать въ кассѣ болѣе весьма ограниченныхъ въ размѣрѣ суммъ и обязаны весь излишекъ противъ нихъ вносить въ казначейство, я обратилъ его вниманіе на неправильность храненія въ кассѣ Суда большой суммы, превышающей двадцать тысячъ съ лишкомъ, и пригласилъ его передать эти деньги въ казначейство. Онъ любезно согласился сдѣлать это «на дняхъ».—Отчего не немедленно? спросилъ я.—Надо будетъ составить подробную опись съ отмѣткой дѣлъ—сказалъ онъ. Это потребуетъ нѣсколькихъ дней.—Опись и всѣ отмѣтки нами уже сдѣланы—сказалъ я, показывая эти бумаги, составленныя моими сотрудниками,—и потому я просилъ-бы васъ немедленно командировать вашего казначея въ губернское казначейство для сдачи по этимъ описямъ въ присутствіи г. Лебе-

дева всѣхъ денегъ, оставивъ лишь небольшую сумму, могущую быть хранимою въ кассѣ и деньги, подлежащія возвращенію тому, отъ кого онѣ излишне получены. Лишь послѣ этого я могу считать законченной ревизію кассы и сообщить о благопріятномъ результатѣ этой части ревизіи Министру Юстиціи. Предсѣдатель смутился, а я тутъ-же поручилъ Н. А. Лебедеву присутствовать при сдачѣ денегъ и доставить мнѣ росписку казначейства въ ихъ пріемѣ, что и было исполнено.

Въ послѣдовавшей затѣмъ бесѣдѣ, я обратилъ вниманіе предсѣдателя на то, что вообще ревизія казначейской части Суда обнаружила цѣлый рядъ безпорядковъ, упущеній и нарушеній Наказа, частые случаи его личнаго вмѣшательства въ такія распоряженія относительно денежныхъ суммъ, которыя могли бы дѣлаться лишь по постановленіямъ Суда и, наконецъ, хаотическое состояніе депозитовъ, переданныхъ въ Судъ еще семнадцать лѣтъ назадъ изъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ стараго устройства. На другой день послѣ этого разговора онъ принесъ мнѣ письмо на имя Д. Н. Набокова, въ которомъ просилъ Министра Юстиціи исходатайствовать ему увольненіе отъ должности предсѣдателя и назначеніе на другую должность по судебному вѣдомству для предоставленія ему возможности выслужить пенсію. Желаніе его было исполнено и, имѣя по мѣсту своего воспитанія усердныхъ покровителей, онъ былъ назначенъ членомъ одной изъ Судебныхъ Палатъ даже съ сохраненіемъ предсѣдательскаго содержанія. Освобожденные отъ его присутствія, порождавшаго слухи, вызвавшіе ревизію, члены Суда—люди трудолюбивые и знающіе и превосходный товарищъ предсѣдателя по уголовному отдѣленію—воспрянули духомъ, и спокойная жизнь суда вошла въ свою нормальную колею.

Я и мои спутники, жили тѣсной, дружной семьей въ единственной старомодной, но чистенькой гостинницѣ и работали усиленно, нигдѣ не бывая, и разрѣшая себѣ лишь передъ сномъ пройтись по заснувшимъ улицамъ стараго, полнаго воспоминаній о прошломъ города, озареннымъ луною, и полюбоваться снаружи какою-либо старинной церковью въ таинственномъ ночномъ освѣщеніи.

Въ одинъ изъ такихъ рабочихъ вечеровъ ко мнѣ зашелъ губернаторъ, маленькій добродушный старичекъ, и пригласилъ меня и моихъ спутниковъ къ себѣ на обѣдъ на другой день въ обществѣ мѣстныхъ «командующихъ на заставахъ». На обѣдѣ присутствовали между прочимъ предсѣдатель и прокуроръ. Губернаторъ спросилъ меня полушопотомъ: «Я слышалъ, что въ Судѣ растрата и что нашъ почтенный NN n'y est pas pour rien?»—Я нашелъ всѣ подлежащіяся моей ревизіи суммы въ цѣлости,—отвѣтилъ я.—Тс!—сказалъ губернаторъ, высоко поднявъ брови—скажите! а вѣдь какъ болтаютъ люди! Очень радъ за почтеннаго старика!». Вслѣдъ за тѣмъ онъ провозгласилъ тостъ за мое здоровье, а прокуроръ поднялъ бокалъ за здоровье «нашего уважаемаго предсѣдателя». Послѣ обѣда мы перешли въ кабинетъ, закурили и за кофе и ликеромъ нашъ милый хозяинъ отдался воспоминаніямъ о трудностяхъ административной службы и о тѣхъ сложныхъ задачахъ, которыя она представляетъ. Надо сказать, что оба мои молодые спутника, уроженцы столицы и люди университетскаго образованія, въ первый разъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ представителями офиціальнаго міра въ провинціи. При томъ одинъ изъ нихъ—Н. А. Лебедевъ, состоявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, преподавателемъ въ Парижѣ у дѣтей въ семьяхъ Бибиковыхъ и русскаго посла во Франціи князя Орлова—иниціатора вопроса объ упраздненіи тѣлесныхъ наказаній — привыкъ видѣть за обѣдами у князя избранный кругъ представителей искусства, науки и политики современной ему Франціи. Онъ слышалъ Гюго, Гамбетту и Ренана, Греви и Тэна и могъ имѣть случай видѣть Тьера.—«Да-съ,—говорилъ намъ губернаторъ—я здѣсь же былъ вице-губернаторомъ, и вдругъ въ 1863 году меня назначаютъ губернаторомъ въ одну изъ близкихъ къ Москвѣ губерній. Я ѣду, представляюсь министру Валуеву, а онъ меня спрашиваетъ: «когда вы выѣзжаете къ мѣсту вашего служенія?—Думаю чрезъ мѣсяцъ, устроивъ свои домашнія дѣла.—Какъ черезъ мѣсяцъ? воскликнулъ Валуевъ—вы должны ѣхать немедленно! какъ можно скорѣе!—Но, позвольте, говорю я: у меня даже мундиръ не заказанъ.—Вы можете заказать про-

ѣздомъ въ Москвѣ—вамъ вышлютъ. Но я настойчиво желаю, чтобы вы выѣзжали немедленно. Enfin je vous somme de partir!».—«Ну, тогда я поклонился,—продолжалъ губернаторъ, дѣлая поклонъ въ пространство и почтительно разводя руками,—и пошелъ къ директору департамента общихъ дѣлъ спросить, что все это значитъ.—Да развѣ вы не знаете, сказалъ мнѣ тотъ, — что тамъ предстоитъ на-дняхъ дворянское собраніе, а дворянство въ губерніи крайне возбуждено и раздражено дѣйствіями губернатора. А..?—Вы знаете,—прервалъ свою рѣчь губернаторъ, обращаясь ко мнѣ, другу и почитателю благороднаго старца. А...—этого извѣстнаго *краснаго*! «Тамъ—продолжалъ онъ передачу словъ директора,—и вице-губернаторъ въ такомъ же родѣ, почему и необходимо во избѣжаніе разныхъ осложненій, чтобы дворянское собраніе открылъ новый губернаторъ. Вамъ надо торопиться!»—«Ну и дѣйствительно, пріѣхавъ на мѣсто моего новаго назначенія нашелъ я положеніе! Дворяне фрондируютъ, мировые посредники, которыхъ насажалъ А..., сплошные радикалы, а въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія—хоть святыхъ вонъ выноси! Столъ былъ такой длинный, четырехугольный, такъ по партіямъ, бывало, и садятся: одни направо отъ меня, другіе—налѣво. И если правые говорятъ «да», лѣвые непремѣнно «нѣтъ», правые скажутъ—бѣлое, лѣвые—черное, и все это съ азартомъ и злостью. Засѣданіе, бывало, вести очень трудно: такъ другъ на друга и наскакиваютъ, этакъ, знаете, дзыгъ, дзыгъ, дзыгъ!..—и онъ быстрыми движеніями рукъ сталъ скрещивать и разнимать пальцы, изображая, какъ происходило это *дзыгъ-дзыгъ*.—Просто не зналъ, что дѣлать! Но потомъ нашелся и принялъ самую обыкновенную мѣру. Какъ вы думаете, что я сдѣлалъ? Догадайтесь!—Я неопытенъ по части административныхъ мѣръ и затрудняюсь отвѣтить на вашъ вопросъ.—Ну, такъ я вамъ скажу-съ. Я уже вамъ докладывалъ, что они какъ по заведенному порядку садятся—одни направо, другіе налѣво и сейчасъ видно, кто съ какой стороны сидитъ, а середина противъ меня свободна, такъ что крайніе между собою не сливаются. Я позвалъ столяра и велѣлъ ему сдѣлать... *круглый* столъ, такъ что ни правой, ни

лѣвой стороны нѣтъ!—торжествующе глядя, закончилъ губернаторъ и съ удовольствіемъ допилъ свой кофе. Наступило молчаніе... Что же — помогло? — спросилъ я.—Помогло!—спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ онъ и, помолчавъ немного, задумчиво прибавилъ: «слились!» — «Что онъ смѣялся надъ нами?—спросилъ меня по выходѣ на улицу Лебедевъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ я: онъ говорилъ серьезно.—Это точно изъ Щедрина,—замѣтилъ Лебедевъ, быть можетъ припомнивъ въ это время тѣ бесѣды, которыя онъ слыхивалъ въ домѣ русскаго посла въ Парижѣ...

Впрочемъ, не только послѣ губернаторскаго обѣда ждало удивленіе моего молодого спутника, еще смотрѣвшаго на многое сквозь очки французской культуры и кое-что позабывшаго изъ русской дѣйствительности. Ревизуя гражданское отдѣленіе Окружного Суда, я убѣдился въ необходимости обревизовать и нѣкоторыхъ нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ и для этого выѣзжалъ, между прочимъ, и въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. Воды только-что стали, и отъ бѣлаго пушистаго покрова, легшаго густымъ слоемъ на землю, еще вѣяло бодрящей свѣжестью перваго снѣга. Мы полулежали съ Н. А. Лебедевымъ въ кибиткѣ и наслаждались ѣздой по первопутку. На каждой изъ почтовыхъ станцій мой спутникъ на-скоро писалъ письма своей юной женѣ, съ которой не такъ давно былъ обвѣнчанъ. Уже подъ вечеръ мы проѣхали мимо большого монастыря, названіе котораго возничій намъ сказать не могъ, утверждая, что это «намастырь (мѣстное произношеніе), намастырь, какъ есть», и вскорѣ вокругъ насъ разостлалась на огромное пространство ровная снѣжная пелена безъ всякихъ признаковъ жилья, съ едва замѣтными слѣдами полозьевъ въ одномъ направленіи.—«Гдѣ это мы ѣдемъ?—спросилъ одинъ изъ насъ.—А по озеру,—отвѣчалъ ямщикъ:—тутъ цѣликомъ дюже ближе. Но вотъ подъ санями что-то стало мягко потрескивать и хрустѣть.—«Что это трещитъ и хруститъ?» спросилъ тревожно мой спутникъ Лебедевъ. Ямщикъ повернулъ къ намъ круглое молодое лицо и сказалъ, улыбаясь:—А ледъ трещитъ.—Какъ ледъ? почему ледъ?—Да тонокъ,—продолжалъ совершенно спокойно ямщикъ—вотъ и трещитъ. Онамнясь и такъ становой наказывалъ, чтобы озеромъ подо-

ждать ѣздить, потому какъ землемѣръ провалился и съ лошадьми, чуть не утопъ.—Такъ зачѣмъ же ты тутъ ѣдешь?—Да какъ же, помилуйте,—оживленно заговорилъ ямщикъ—дорога-то вонъ гдѣ, надо въ объѣздъ ѣхать, а тутъ не въ примѣръ ближе, прямикомъ.—Мой молодоженъ, мечтавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стать отцомъ, заволновался чрезвычайно и сталъ меня настойчиво убѣждать приказать ямщику вернуться назадъ и ѣхать по сухому пути.—А сколько озеромъ надо всего ѣхать?—спросилъ я послѣдняго.—Да верстъ шесть.—А много ли мы отъѣхали отъ берега?—Да версты три будетъ.—Вы видите,—сказалъ я тогда Лебедеву,—что если намъ суждено провалиться и окончить наши дни на днѣ этого озера, то этого никакъ не удастся избѣжать. Да, другъ мой, это вамъ не Парижъ!—Ужъ дѣйствительно не Парижъ,—безнадежно махнулъ рукой Лебедевъ и погрузился въ мрачное молчаніе...

Въ февралѣ 1883 года въ «Отечественныхъ запискахъ» появилась статья В. Кроткова «Частный повѣренный (эпизодъ изъ практики автора)». Въ ней съ живостью и въ талантливой беллетристической формѣ описывались внутренніе порядки одного изъ большихъ Окружныхъ Судовъ въ старомъ, богатомъ историческими воспоминаніями губернскомъ городѣ Московскаго судебнаго округа. Эти порядки, по описанію автора, шли не только въ разрѣзъ съ элементарными требованіями правильной внутренней организаціи судебнаго учрежденія, но на ряду съ ними укоренились и преступныя сдѣлки между тяжущимися и членами — докладчиками въ гражданскомъ отдѣленіи. Прозрачность псевдонимовъ, употребленныхъ авторомъ, описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей и указаніе на перемѣны въ личномъ составѣ административнаго и судебнаго персонала въ описываемомъ городѣ не оставляли сомнѣнія, о какомъ именно Судѣ идетъ у автора рѣчь и за какое именно время онъ рисуетъ дѣятельность послѣдняго. Простота и безъискусственность разсказа, въ связи съ обнаруженнымъ авторомъ основательнымъ знаніемъ техники веденія гражданскихъ дѣлъ, придавала даннымъ, приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, значительную степень вѣроятія. Общій выводъ изъ этихъ данныхъ былъ тотъ, что, со времени учрежденія, въ

1874 г., частныхъ повѣренныхъ, трое изъ нихъ, наиболѣе выдающіеся, образовали при описываемомъ Окружномъ Судѣ тѣсно сплоченный кружокъ, при чемъ черезъ посредство регистратора Суда установили особый порядокъ поступленія дѣлъ, поручаемыхъ каждому изъ нихъ, въ опредѣленный столъ гражданскаго отдѣленія. Завѣдующіе столомъ состояли у «приписаннаго» къ нему повѣреннаго на откупу, начиная съ писцовъ и кончая членомъ Суда, съ которымъ заключалась «аренда—пожизненная, *несмѣняемая*, прекращаемая лишь по обоюдному согласію или за *перемѣщеніемъ* одной изъ сторонъ». Во главѣ этихъ повѣренныхъ стоялъ, до послѣдняго времени, уволенный отъ службы за лихоимство бывшій секретарь Суда «Жыпинъ», который, пользуясь старыми связями въ канцеляріи Суда и имѣя въ своемъ «распоряженіи» члена Суда «де-Пижона», состоящаго ему должнымъ по векселямъ на сумму болѣе десяти тысячъ рублей, «хозяйничалъ» въ столѣ, порученномъ этому члену Суда, откуда для него выходили лишь «выигрышныя рѣшенія». Вполнѣ увѣренный въ покровительствѣ Суда, противъ членовъ котораго онъ имѣлъ въ рукахъ такіе факты, что если его «тронутъ», то у него затанцуютъ «лѣсъ и горы», Жыпинъ велъ себя съ крайнимъ нахальствомъ въ канцеляріи и позволялъ себѣ даже въ «присутствіи Суда, поощряемый одобрительными улыбками судей, недостойныя и шутовскія выходки. Не ограничиваясь веденіемъ «выигрышныхъ дѣлъ», онъ предъявлялъ иски, совершенно невозможные по своимъ основаніямъ, запугавъ предварительно неразвитыхъ или несвѣдущихъ въ законахъ отвѣтчиковъ письменными извѣщеніями съ угрозами уголовною отвѣтственностью и требовалъ при предъявленіи такихъ исковъ немедленнаго обезпеченія, которое ему всегда и давалось судомъ, при чемъ приказъ объ арестѣ имущества, осуществляемый имъ съ особымъ шумомъ и оглаской, такъ пугалъ отвѣтчиковъ-торговцевъ, что для спасенія своей коммерческой репутаціи они немедленно уплачивали ему требуемыя, безъ всякаго основанія, деньги. Увѣренность Жыпина въ томъ, что состоящій у него на откупу членъ Суда обязанъ рѣшить дѣло въ его пользу, дала ему даже смѣлость однажды публично оскорбить послѣдняго дерзкими громогла-

ными упреками въ томъ, что ему не *устроено* обезпеченіе *по дутому иску*. Огласка этого оскорбленія побудила привлечь Жыпина къ обвиненію, но дѣло окончилось слабымъ штрафомъ, при чемъ снисходительность суда была вынуждена угрозою подсудимаго протестовать векселя оскорбленнаго.

Статья Кроткова встрѣчена была съ ликованіемъ во вліятельной въ то время части прессы, которая поспѣшила воспользоваться указаніями автора для того, чтобы съ торжествомъ и «покиваніемъ главъ» заявить, что *вотъ какимъ* является «нашъ дорогой новый судъ», и «одно изъ лучшихъ наслѣдій періода реформъ» по свидѣтельству журнала, редактируемаго такимъ «столпомъ протеста», какъ Салтыковъ.

Судебное вѣдомство въ это время подвергалось усиленнымъ нападкамъ, отъ рѣзкости и клеветническихъ пріемовъ авторовъ которыхъ оно *одно* не было ограждаемо. «Судебная республика» въ лицѣ судебныхъ учрежденій и «судъ улицы» въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей были постоянною мишенью, въ которую швыряли грязью своеобразные и многочисленные добровольцы правосудія. Вокругъ новаго суда все болѣе и болѣе сгущался мракъ отчужденія и недовѣрія. Можно было себѣ ясно представить, какъ могла еще болѣе сгустить этотъ мракъ подобная статья! Нужно было выяснить какъ можно скорѣй, на сколько то злорадство, которое она вызываетъ въ услужливыхъ и поддакивающихъ сердцахъ, покоится на фактическихъ основаніяхъ. Поэтому Министръ Юстиціи Набоковъ предложилъ мнѣ отправиться въ Московскій округъ и произвести подробную ревизію дѣлопроизводства «взятаго подъ сомнѣніе» Окружного Суда. Онъ объяснилъ мнѣ, что не можетъ возложить этой ревизіи на старшаго предсѣдателя Московской Судебной Палаты, такъ какъ послѣдній—человѣкъ чрезвычайно мягкій и снисходительный—всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ произвелъ тамъ-же свою обычную періодическую ревизію и ни на какія изъ вопіющихъ злоупотребленій въ отчетѣ о ней не указалъ. Порученіе ему новой ревизіи по поводу разоблаченій «Отечественныхъ Записокъ» ставило-бы его, стараго и заслуженнаго судебнаго дѣятеля, въ крайне неловкое положеніе на мѣстѣ; неудобно было поручить провѣрять

отзывы старшаго предсѣдателя и кому-либо изъ предсѣдателей гражданскихъ департаментовъ той же Палаты, тѣмъ болѣе, что дѣла суда восходили по апелляціи въ эти самые департаменты. Нуженъ былъ свѣжій человѣкъ изъ другого округа, способный по своему положенію совершенно объективно отнестись къ предстоящему изслѣдованію. Задача, предстоявшая мнѣ, была очень трудна и сложна. Было, очевидно, что для правильнаго заключенія о нравственномъ уровнѣ значительной части личнаго состава судебнаго учрежденія необходимо пересмотрѣть всѣ дѣла, бывшія въ производствѣ гражданскаго отдѣленія суда въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ (а такихъ оказалось свыше 8500 и въ томъ числѣ исковыхъ 2600), затѣмъ ознакомиться съ дѣлами общаго собранія суда и канцеляріи предсѣдателя и изъ существа всѣхъ этихъ дѣлъ вывести характеръ отношеній членовъ суда къ частнымъ ходатаямъ. Выводъ этотъ однако, явился бы не полнымъ безъ выясненія нравственнаго облика тѣхъ изъ ходатаевъ, на которыхъ спеціально указывалъ авторъ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ именами Жыпина, Грома и Твердоблоцкаго.

Передъ началомъ этой работы пришлось испытать довольно тяжелыя впечатлѣнія. Я посѣтилъ въ Москвѣ старшаго предсѣдателя Палаты для предварительнаго ознакомленія съ его взглядомъ на личный составъ ревизуемаго суда. Почтенный старикъ былъ до крайности взволнованъ статьею Кроткова и, въ особенности, появившимися къ ней комментаріями во вліятельной московской печати. Онъ, помнившій медовый мѣсяцъ судебной реформы въ Московскомъ округѣ, съ негодованіемъ отвергалъ возможность тѣхъ порядковъ, на которые указывалось въ печати, и съ горечью называлъ «поспѣшную довѣрчивость Министра Юстиціи къ журнальной выдумкѣ» личной для себя обидой, тяжесть которой для него смягчалась лишь его довѣріемъ ко мнѣ, своему старому сотруднику въ совѣщаніи по выработкѣ въ 1876 г. общаго наказа судебнымъ учрежденіямъ. На мѣстѣ мнѣ было еще болѣе тяжело видѣть предсѣдателя Окружного Суда при неизбѣжномъ первомъ официальномъ къ нему визитѣ. Высокій, полный человѣкъ съ умнымъ лицомъ и живыми томными глазами, всегда внушавшій къ себѣ симпатію и уваженіе и тоже по-

мнившій «медовый мѣсяцъ», — онъ, конечно, зналъ о дѣйствительномъ поводѣ моей ревизіи. Сознаніе, что изслѣдованіе должно коснуться оцѣнки такой стороны дѣятельности его и его ближайшихъ сослуживцевъ, которая тѣсно связана съ вопросами чести и служебнаго долга, очевидно, не могло не дѣйствовать на него тревожнымъ образомъ, и я видѣлъ, какая душевная боль прикрывалась съ большими усиліями его, спокойной по внѣшности, выдержанностью. Старый лицеистъ и человѣкъ высокой порядочности, онъ стоялъ внѣ сомнѣній относительно своей личной непричастности къ тому, что описывалъ Кротковъ, — но онъ былъ предсѣдателемъ Суда и у него не могла не возникать мысль о допущенной имъ, быть можетъ, недостаточности надзора или объ излишнемъ довѣріи, которымъ сумѣли воспользоваться опутавшіе его паутиной своего союза недобросовѣстные люди. Мысль о томъ, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія трудно провести границу между Судомъ и его предсѣдателемъ и избѣжать слуховъ о томъ, что «у него тамъ въ Судѣ Богъ знаетъ, что дѣлается», очевидно грызла его сердце и невольно отражалась въ болѣзненномъ выраженіи его красиваго лица. Въ свою очередь, въ виду обширности матеріала, который предстояло разсмотрѣть, я сознавалъ, что рѣшительный выводъ изъ него можетъ быть сдѣланъ лишь чрезъ двѣ-три недѣли и что, слѣдовательно, все это время предсѣдателю придется быть жертвою подавляемыхъ волненій и тягостныхъ сомнѣній...

Пришлось работать «не покладая рукъ». Передо мною постепенно раскрывалась картина того, какъ отсутствіе послѣдовательности и необходимой твердости въ поддержаніи извѣстнаго порядка, вызывая сначала недоумѣніе, обращаетъ его потомъ въ подозрѣніе и, наконецъ, облекаетъ его въ форму обвинительныхъ слуховъ, въ достовѣрности которыхъ, въ значительной степени, убѣждены и самые ихъ распространители. Мнѣ не разъ приходилось говорить объ излюбленной у насъ *жестокой чувствительности*, въ силу которой изъ-за желанія помягче отнестись къ виновному въ томъ или другомъ вредномъ проявленіи своей дѣятельности, — въ особенности, если онъ умѣетъ во-время и въ надлежащей позѣ сказать «помилуйте!», — забываются

законные интересы страждущихъ отъ его дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, а иногда и цѣлыхъ группъ населенія или учрежденій. Требовать отъ человѣка строгаго исполненія его обязанностей бываетъ не всегда пріятно, и у насъ очень часто подъ внѣшней снисходительностью и слезливой добротою скрывается эгоистическое желаніе освободить себя отъ этой непріятности и переложить ее на плечи кого-нибудь въ будущемъ, который будетъ вынужденъ исполнить ее уже въ болѣе крутомъ, чѣмъ это можно было бы сдѣлать своевременно, видѣ. Это явленіе оказалось существующимъ и въ ревизуемомъ мною Судѣ. Предсѣдателемъ его до 1878 г. былъ человѣкъ, прославившійся въ свое время сдѣланной въ судебномъ засѣданіи московскаго Окружного Суда угрозой высѣчь малолѣтнюю свидѣтельницу, не говорившую, по его мнѣнію, правду. Я узналъ его — уже носящимъ званіе сенатора,—какъ человѣка, умѣвшаго даже въ краткихъ резолюціяхъ по дѣламъ проявлять грубое незнакомство съ уголовными законами и правилами процесса, излагаемое, при томъ, совершенно неудобопонятно, такъ что ближайшіе сослуживцы по очереди передокладывали его дѣла, а знаменитый Ровинскій прямо, не читая, перечеркивать его работу и лично писалъ резолюцію, въ качествѣ предсѣдателя отдѣленія департамента, вновь. Это, впрочемъ, не мѣшало «рабу лѣнивому и лукавому» при случаѣ ораторствовать о возбужденіи дисциплинарныхъ производствъ противъ предсѣдателей, кассаціонныя упущенія которыхъ были ничто въ сравненіи съ его самодовольнымъ невѣжествомъ и небрежностью. Во время своего предсѣдательства онъ завелъ въ судѣ какіе-то отеческіе способы осуществленія своей власти: не передавалъ въ общее собраніе суда случаевъ явныхъ нарушеній со стороны своихъ подчиненныхъ,—судебныхъ приставовъ, чиновъ канцеляріи и натаріусовъ—ограничиваясь отмѣткой на прошеніи потерпѣвшихъ лаконическихъ словъ «просилъ простить», или «оставить безъ движенія вслѣдствіе обѣщанія не повторять»: не оглашалъ въ общемъ собраніи свѣдѣній, рисующихъ въ крайне предосудительномъ видѣ личность и дѣйствія ищущихъ права быть частными повѣренными, собирая, въ то же время, тщательно справки о ихъ политической благонадежности. Подъ

его разслабляющимъ вліяніямъ и въ постановленіяхъ общаго собранія стала проявляться чрезмѣрно-мягкая оцѣнка поведенія вспомогательныхъ органовъ суда, требовавшаго тщательной дезинфекціи. Это выразилось, между прочимъ, и въ укоренившемся въ судѣ взглядѣ, что для оцѣнки нравственныхъ свойствъ домогающихся званія частнаго ходатая нельзя принимать въ соображеніе состоявшихся о нихъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ, на основаніи, будто бы, правила non bis in idem, вслѣдствіе чего въ составѣ частныхъ повѣренныхъ при судѣ были люди, репутація которыхъ была безусловно запятнана производившимся о нихъ уголовнымъ дѣломъ.

Новому предсѣдателю, котораго мнѣ приходилось ревизовать, пришлось получить, благодаря всему этому, крайне тяжелое и нечистоплотное наслѣдство, отъ котораго онъ, вѣроятно, отказался бы, существуй у насъ возможность принимать наслѣдство sous bénéfice d'inventaire. Въ этомъ наслѣдствѣ одну изъ главныхъ ролей игралъ частный повѣренный, выведенный Кротковымъ подъ именемъ Жыпина, бывшій помощникомъ секретаря суда въ 1870 году и затѣмъ секретаремъ съ 1873 по 1875 годъ. Ловкій и беззастѣнчивый вымогатель, наглый въ частныхъ и дерзкій въ официальныхъ отношеніяхъ, умѣло ходившій «по опушкѣ (выраженіе Спасовича въ одной изъ защитительныхъ рѣчей) между гражданскимъ полемъ и уголовнымъ лѣсомъ» — Жыпинъ заставилъ, наконецъ, лопнуть постыдное долготерпѣніе предсѣдателя. Произведенное по распоряженію суда дознаніе вполнѣ подтвердило слухи о лихоимствѣ Жыпина и обрисовало дѣятельность его въ самомъ возмутительномъ свѣтѣ, но и тутъ прежній предсѣдатель счелъ возможнымъ ограничиться совѣтомъ подать прошеніе объ отставкѣ, которому Жыпинъ послѣдовалъ послѣ ряда угрозъ по адресу свидѣтелей, дававшихъ свои показанія при дознаніи, погребенномъ въ архивѣ суда безъ всякаго дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ принятъ въ число частныхъ повѣренныхъ и дебютировалъ полнѣйшимъ разореніемъ довѣрившейся ему вдовы, совершоннымъ на «законномъ основаніи», послѣ чего на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ кражѣ, вызванной крайней нищетой, оказался ея сынъ.

Пріемы адвокатской практики Жыпина, съ которыми я ознакомился по дѣламъ и личнымъ объясненіямъ съ его «кліентами», при всемъ своемъ разнообразіи сводились къ пользованію слабыми сторонами нашего тогдашняго гражданскаго процесса, впослѣдствіи во многомъ улучшеннаго. Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства въ сущности, въ общемъ болѣе благопріятствуетъ отвѣтчику, чѣмъ истцу, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ вооружаетъ истца такими правами, опираясь на которыя и дѣйствуя формально законно, онъ можетъ ставить отвѣтчика въ почти безвыходное положеніе, особливо если послѣдній не достаточно свѣдущъ или освѣдомленъ. Наиболѣе часто практиковавшійся Жыпинымъ пріемъ состоялъ въ предъявленіи завѣдомо неосновательныхъ исковъ, обставленныхъ однако съ внѣшней стороны надлежащимъ образомъ, при чемъ онъ требовалъ отъ суда немедленнаго обезпеченія иска наложеніемъ ареста на имущество отвѣтчика. Затѣмъ постановленіе Суда объ обезпеченіи приводилось имъ въ исполненіе черезъ судебнаго пристава съ лихорадочной поспѣшностью. Въ глазахъ многихъ такое обезпеченіе представлялось аналогичнымъ съ присужденіемъ иска, а въ глазахъ купцовъ самая процедура обезпеченія и связанная съ нею огласка грозила такимъ подрывомъ кредита, что у отвѣтчика естественно могло являться желаніе помириться, заплативъ Жыпину, безъ всякихъ основаній, требуемую сумму. Поэтому, пріемъ запугиванія одною угрозой обезпеченія легко удавался Жыпину. Я нашелъ цѣлый рядъ дѣлъ, въ которыхъ послѣ полученія опредѣленія объ обезпеченіи иска этотъ господинъ входилъ въ судъ съ прошеніемъ о прекращеніи дѣла, ибо онъ «удовлетвореніе получилъ». Другой пріемъ состоялъ во вчинаніи исковъ безъ предварительнаго требованія удовлетворенія, но съ ходатайствомъ объ обезпеченіи. Такимъ путемъ онъ получалъ вознагражденіе за веденіе дѣла, для котораго не было однако никакого основанія, такъ какъ отвѣтчикъ никогда отъ платежа и не уклонялся. Обыкновенно, предъявивъ такое неосновательное ходатайство для осуществленія своего вымогательства, онъ прямо не являлся къ докладу, или, добившись заочнаго рѣшенія, сознательно отсутствовалъ при разсмотрѣніи

дѣла по отзыву противной стороны, дѣлая это въ расчетѣ, что состоявшееся заочное рѣшеніе можетъ смутить отвѣтчика или что по незнанію судопроизводственныхъ правилъ онъ пропуститъ сроки обжалованія и т. п. Кромѣ этихъ двухъ мошеническихъ пріемовъ, онъ съ явною и исключительною цѣлью полученія гонорара продолжалъ вести тяжбы вопреки желанію истцовъ, занимался скупкою векселей и путемъ безсовѣстныхъ увѣреній добивался отъ безграмотныхъ опекуншъ надъ малолѣтними крестьянами признанія болѣе чѣмъ сомнительныхъ документовъ.

Звѣзда Жыпина стала закатываться съ назначеніемъ новаго предсѣдателя. Послѣдній началъ зорко присматриваться къ его дѣятельности и при первомъ подходящемъ случаѣ возбудилъ противъ него дисциплинарное производство, настоявъ въ общемъ собраніи на исключеніи Жыпина изъ числа повѣренныхъ. Неуязвимая формально, изворотливая по пріемамъ и безнравственная по существу дѣятельность Жыпина въ связи со взглядомъ бывшаго предсѣдателя Суда на свою власть по надзору, объяснила сложившійся у мѣстнаго населенія взглядъ на характеръ отношеній его къ суду и вытекающія изъ этого взгляда предположенія. Зрѣлище явнаго лихоимца, принесшаго въ только-что открытое учрежденіе всѣ зловредные пріемы отжившаго крючкотворства и покинувшаго безнаказанно Окружной Судъ, чтобы затѣмъ съ разрѣшенія того же суда быть посредникомъ между нимъ и тяжущимися, не могло не возбуждать горестнаго недоумѣнія въ окружающихъ, которое, назрѣвая и укореняясь, нашло себѣ, наконецъ, выраженіе въ статьѣ Кроткова. Основанная на слухахъ и разсказахъ отдѣльныхъ лицъ, невольно вносившихъ въ свои повѣствованія понятное раздраженіе, эта статья страдала излишней довѣрчивостью ко всему слышанному, и авторъ, повидимому, не всегда приводилъ себѣ на память слова Гоголя: «со словомъ нужно обращаться честно». Поэтому все, что касалось стачки частныхъ повѣренныхъ съ членами суда, оказалось сплошною клеветою. Такъ — я не нашелъ никакой неравномѣрности въ распредѣленіи дѣлъ по столамъ и никакихъ признаковъ преимущественнаго поступленія дѣлъ того или другого повѣреннаго въ опредѣленный столъ, предпочтительно предъ другими. Такъ,

напримѣръ, за четыре года мною обревизованныхъ, Жыпинъ велъ въ *каждомъ* изъ трехъ столовъ отъ сорока двухъ до сорока шести дѣлъ. Точно такъ же не нашелъ я и доказательствъ того, что дѣла извѣстныхъ повѣренныхъ всегда рѣшались въ ихъ пользу: два наичище упоминаемые въ статьѣ, какъ «любимцы», повѣренные — Жыпинъ и Громъ — выиграли за разсмотрѣнный мною періодъ первый 60%, а второй 54% предъявленныхъ ими исковъ. Еще менѣе согласны съ правдой были печатные навѣты на члена суда де-Пижона, дѣятельность котораго въ судебномъ отношеніи представлялась безусловно безукоризненной. За разсмотрѣнный мною періодъ по дѣламъ, въ которыхъ участвовалъ Жыпинъ, принесено было Судебной Палатѣ одиннадцать жалобъ, и она утвердила восемь рѣшеній, по четыремъ изъ которыхъ въ искѣ Жыпину было отказано, и отмѣнила три рѣшенія, изъ которыхъ два состоялись противъ Жыпина. За это время, согласно оцѣнкѣ исковъ, Жыпину присуждено на сумму тридцати четырехъ съ половиной тысячъ, что вполнѣ нормально, такъ какъ, имѣя обширную практику, Жыпинъ естественно не могъ заниматься предъявленіемъ однихъ неосновательныхъ исковъ. Окончивъ обозрѣніе гражданскихъ дѣлъ и перейдя къ уголовному отдѣленію, гдѣ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, я вздохнулъ свободно отъ сознанія, что ни въ личности де-Пижона, представлявшей всѣ условія нравственной порядочности и развитія, ни въ дѣятельности его трудолюбивыхъ и знающихъ сотоварищей, при самой строгой провѣркѣ, нельзя было найти ни малѣйшихъ признаковъ недобросовѣстнаго отношенія къ святому дѣлу правосудія, такъ же, какъ въ личности и въ отношеніи къ своему дѣлу предсѣдателя я не нашелъ ни малѣйшихъ основаній къ предположенію, что онъ можетъ быть игралищемъ своихъ подчиненныхъ, творящихъ и у него подъ рукою беззаконія.

Сообщивъ о моихъ выводахъ Министру Юстиціи и не скрывъ ихъ въ откровенномъ разговорѣ и отъ предсѣдателя, я почувствовалъ, что у насъ обоихъ съ души свалился камень. Сказавъ свое послѣднее и рѣшительное слово о томъ, что было приблизительно вѣрнаго въ статьѣ, такъ встревожившей Д. Н.

Набокова, и что явилось въ ней плодомъ поспѣшныхъ обобщеній, основанныхъ на непровѣренныхъ провинціальныхъ сплетняхъ, я считалъ свою миссію оконченною и вскорѣ вернулся въ Петербургъ.

Вспоминая мое пребываніе въ гражданскомъ департаментѣ Палаты, я обращаюсь съ благодарнымъ чувствомъ къ судьбѣ, пославшей мнѣ эту дѣятельность. Я не только душевно отдохнулъ въ ней, но и многому научился. Это особенно сильно ощутилъ я, когда пришлось, черезъ три съ половиной года, занять постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената и принять на себя предъявленіе заключеній по большей части дѣлъ, въ которыхъ возбуждались серьезные вопросы, требовавшіе руководящаго разъясненія. Между послѣдними было много почти всецѣло относившихся къ области гражданскаго права и процесса. Практическое знакомство съ послѣдними, вынесенное изъ пребыванія и дѣятельности въ Палатѣ, очень помогло мнѣ, облегчая мнѣ трудъ и освобождая меня отъ напраснаго блужданія среди мало знакомыхъ понятій.

XXI.

Мировые судьи.

Когда была введена судебная реформа — сначала въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно въ петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ судебныхъ округахъ — въ наибольшее, непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ пришелъ мировой судья. Онъ сразу пріобрѣлъ популярность въ народѣ, и черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы сокращенное названіе «мировой» стало звучать, какъ нѣчто давно знакомое, привычное, вошедшее въ плоть и кровь бытовой жизни и въ то же время внушающее къ себѣ невольное почтеніе. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителями, приходившими знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцеляріи квартала и отъ управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію мирового судьи былъ слишкомъ осязателенъ. *Тамъ* — въ кварталѣ — широко господствовало весьма рѣшительное, — а до отмѣны тѣлесныхъ наказаній и весьма осязательное — усмотрѣніе до-реформеннаго полицейскаго чиновника, о которомъ не безъ основанія говорилось въ раскольничьей рукописи, якобы открытой И. Ѳ. Горбуновымъ: «не Богъ его сотвори, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны,

во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую», — *тамъ* — въ управѣ, въ царствѣ волокиты и просительской тоски — чувствовалось, что этотъ ближайшій судъ для многихъ изъ своихъ представителей и для ютившихся около него паразитовъ былъ «доходнымъ мѣстомъ». *Здѣсь* — у «мирового» въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личныя свойства первыхъ судей служили ручательствомъ, что онъ не только скорый, но и правый въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый.

Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ, смущали преюдиціальные вопросы гражданскаго права, — далеко не всѣ судьи получили юридическое образованіе. Но ихъ промахи тонули въ общемъ дружномъ и радостномъ подъемѣ духа, съ которымъ первые судьи, подобно первымъ мировымъ посредникамъ, принялись за новое дѣло, видя въ немъ не простую службу, но занятіе, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цѣну. Бывали случаи, когда вино новой власти бросалось нѣкоторымъ — немногимъ, впрочемъ, — въ голову. Эти случаи имѣли свою комическую сторону, но существенно отличались отъ тѣхъ превышеній власти, соединенныхъ съ грубымъ насиліемъ и надменной вѣрой въ свою безнаказанность, которыми ознаменовали свою дѣятельность, особенно при примѣненіи пресловутой 61-ой статьи Положенія, нѣкоторые земскіе начальники, въ родѣ извѣстнаго «кандидата безправія», харьковскаго земскаго начальника Протопопова. У мировыхъ судей «es war nicht bös gemeint» и вытекало скорѣе изъ чрезмѣрнаго усердія въ отправленіи своихъ обязанностей, границы которыхъ были неясно понимаемы. Такъ въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у его товарищей строгой простотѣ обстановки, надъ своимъ судейскимъ мѣстомъ нѣчто въ родѣ балдахина изъ краснаго сукна, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ огнегасительнымъ тактикомъ и стратегомъ и, надѣвъ цѣпь, сталъ распоряжаться на пожарѣ въ своемъ участкѣ и отдавать приказанія пожарнымъ. А другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь изъ Новой Деревни въ томъ настроеніи, когда «счаст-

ливые часовъ не наблюдаютъ», и, найдя Троицкій мостъ разведеннымъ ранѣе, чѣмъ, по его мнѣнію, слѣдовало, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія. Судебная Палата, однако, тотчасъ же охладила пылъ этихъ носителей мировой цѣпи некстати.

Но на ряду съ этими единичными явленіями общее направленіе мировыхъ судей сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Мѣстный обыватель увидѣлъ очены скоро, что стародавняя поговорка: «бойся не суда, а судьи», теряетъ свое значеніе правила житейской мудрости. Онъ научился замѣнять страхъ передъ судьей, не чуждый иногда затаеннаго презрѣнія, совсѣмъ другимъ чувствомъ. Иногда это отсутствіе страха выражалось въ довольно своеобразныхъ формахъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ легендарномъ, но, въ общемъ, весьма правдоподобномъ разсказѣ о мѣщанинѣ, который своимъ буйствомъ приводилъ въ смятеніе и ужасъ своихъ домашнихъ и сосѣдей, но умѣлъ устраивать свои дѣла съ мѣстнымъ полицейскимъ судомъ такъ, что всегда выходилъ сухъ изъ воды. Когда, вѣрный своимъ привычкамъ, онъ однажды получилъ повѣстку о явкѣ уже къ *мировому* судьѣ, онъ задумался, загрустилъ, сталъ сумраченъ, трезвъ и тревожно-ласковъ съ окружающими; наканунѣ засѣданія сходилъ въ баню, а въ самый день сбѣгалъ поставить свѣчку въ часовню, надѣлъ чистое бѣлье и слезно простился съ домашними, которые въ свою очередь плакали, — все ему простивъ и забывъ, — и съ трепетомъ ждали его возвращенія отъ невѣдомаго «мирового». Онъ не приходилъ цѣлый день и лишь къ ночи явился домой «пьянѣе вина» и съ шумной радостью объявилъ: «мировой! мировой! я думалъ и невѣсть что, сколько страху натерпѣлся, думалъ — съѣстъ онъ меня, а онъ, мировой-то вашъ, на цѣпи сидитъ, да и говоритъ все такъ по-хорошему! Вотъ онъ какой, мировой-то!..» Особенной виртуозностью и дѣловымъ блескомъ отличались засѣданія у мирового судьи Оскара Ильича Квиста, который былъ затѣмъ выдающимся предсѣдателемъ петербургскаго мирового съѣзда. Но несомнѣнно лучшимъ украшеніемъ петербургскаго мирового института былъ Николай Андріановичъ Неклюдовъ.

Заваленный массою дѣлъ—въ его участокъ входила между прочимъ Сѣнная площадь — онъ умѣлъ въ ихъ разбирательство вносить глубокое знаніе жизненныхъ условій и вдумчивое пониманіе и толкованіе законовъ. Подражать ему было трудно—до того онъ былъ своеобразенъ и поразительно работоспособенъ,—но учиться у него было въ высшей степени полезно. Пестрота разнообразныхъ явленій жизни, ожидавшихъ его судейскаго слова, не затемняла предъ его взоромъ общихъ основныхъ началъ и строгой системы новаго процесса. Это выразилось съ особенной силой и успѣхомъ въ его превосходномъ «Руководствѣ для мировыхъ судей», гдѣ научные комментаріи и разъясненія, не утратившія своей цѣны и до сихъ поръ, чередуются съ бытовыми картинками, живо отражающими на себѣ правовые взгляды и этическія понятія разнородныхъ обывателей столицы. А между тѣмъ Неклюдовъ не былъ юристомъ по образованію: онъ былъ математикъ по факультету, какъ и нѣкоторые изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы, напримѣръ С. И. Зарудный, Н. А. Буциковскій и другіе. Но онъ блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата правъ, а магистерская диссертація его «Уголовно-статистическіе этюды» была первымъ вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ изъ этой области въ русской научной литературѣ. Издатель и редакторъ переводовъ сочиненій философскаго характера (между прочимъ «Огюстъ Контъ и Положительная философія» Льюиса и Милля—съ пропитаннымъ тонкой ироніей надъ духовной цензурой предисловіемъ, якобы *опровергающимъ* взгляды Конта и позитивистовъ на вопросы вѣры)—и переводчикъ учебника уголовнаго права Бернера, снабдившій эту книгу столь обширными дополненіями и примѣчаніями, что нѣкоторые острили, называя ее учебникомъ Неклюдова, дополненнымъ Бернеромъ,—Неклюдовъ сразу занялъ видное мѣсто среди русскихъ ученыхъ криминалистовъ, такъ что переходъ его изъ мировыхъ судей въ старшіе юрисконсульты министерства юстиціи былъ вполнѣ естественнымъ. Работая въ послѣдней должности, онъ написалъ четыре тома особенной части уголовнаго права, носящіе печать его оригинальнаго, идущаго своимъ путемъ ума, и изобилующіе язвительными замѣчаніями по поводу противо-

рѣчивыхъ и невсегда продуманныхъ кассаціонныхъ рѣшеній. По благодушной ироніи судьбы онъ сдѣлался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ оберъ-прокуроромъ того самаго Сената, который плодилъ эти рѣшенія, не всегда заботясь объ ихъ согласованіи. Неклюдовъ поднялъ это званіе на большую высоту и былъ первымъ (послѣ М. Е. Ковалевскаго — 1866—1869) оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, къ заключеніямъ котораго стали прислушиваться, не всегда съ ними соглашаясь, общая печать и широкіе общественные круги.

За столомъ оберъ-прокурора, на каѳедрѣ военно-юридической академіи, въ многочисленныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, въ засѣданіяхъ юридическаго общества, онъ всегда останавливалъ на себѣ общее вниманіе. Очень худощавый и до крайности нервный, съ острыми чертами одухотвореннаго лица и горящими темными глазами, имѣвшими въ себѣ что-то орлиное, онъ страстно отдавался всякому дѣлу, — оригинальный въ языкѣ, рѣзкій въ выраженіяхъ и иногда совершенно неожиданный въ своихъ выводахъ. Во всей его повадкѣ складывалась огромная умственная сила и темпераментъ горячаго бойца, который въ пылу словесной битвы сыпалъ удары направо и налѣво, задѣвая при этомъ иногда своихъ союзниковъ и единомышленниковъ. Въ немъ видѣлся будущій трибунъ и вождь политической партіи, одаренный для этого всемъ необходимымъ и, между прочимъ, умѣньемъ легко и свободно внушать окружающимъ безусловное къ себѣ довѣріе. Но онъ не дожилъ до того времени, когда можно было приложить свои силы и способности на широкомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Вторая половина его жизни прошла въ тяжелое и удушливое время, и онъ оказался въ положеніи орла, вынужденнаго летать въ полусвѣтѣ низкаго и узкаго коридора, не имѣя возможности развернуть свои крылья во всю ихъ мощь и въ послѣдніе годы довольно часто не расправляя ихъ, а подгибая въ надеждѣ вырваться на жадно-желаемый просторъ. Отсюда вытекали служебные и правовые компромиссы, которые должны были дорого обходиться его гордому сердцу. Утомленное неустаннымъ трудомъ и внутренней неудовлетворенностью, оно, наконецъ, не выдержало, и онъ умеръ въ званіи

товарища министра внутреннихъ дѣлъ отъ разрыва сердца на казенной квартирѣ, въ домѣ бывшаго III-го Отдѣленія, «въ зданіи у Цѣпного моста», быть можетъ на самой границѣ той обѣтованной земли, вступивъ въ которую, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ могъ бы, наконецъ,—искушенный знаніемъ жизни,—начать широкій и смѣлый полетъ, проводя взгляды, которые съ лихвою искупили бы его временную и вынужденную въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступчивость... Во время поминокъ по немъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ В. Д. Спасовичъ, въ своей рѣчи, не безъ жестокой иронiи сравнилъ его съ тѣми гигантами, которые, напрягши сильные мускулы, поддерживаютъ... маленькій балконъ передъ входомъ въ Эрмитажъ. Но можно ли это ставить въ вину *ему* и не слѣдуетъ ли скорбѣть о томъ, что одному изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей приходилось тратить свои силы на работу, имъ несвойственную и ихъ недостойную? Балконъ, конечно, былъ маленькій, тѣсный и часто даже совершенно ненужный, но гигантъ оставался гигантомъ, и не его вина, что онъ не могъ приложить свою духовную и трудовую силу къ чему-нибудь большему, ибо этого большаго въ обиходѣ не оказывалось. Но въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ Неклюдова, кто помнитъ его трудъ на пользу науки и мировой юстиціи, кто любовался его умомъ и зналъ про порывы его добраго, великодушнаго сердца, — его энергическій и вмѣстѣ грустный образъ неизмѣнно всплываетъ въ памяти объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который и родился и умеръ слишкомъ рано.

Въ первые мѣсяцы послѣ введенія мирового суда въ Петербургѣ я иногда заходилъ въ ближайшую къ моему обиталищу камеру мирового судьи Тизделя въ Стремянной улицѣ и даже раза два исполнялъ совершенно случайно у него роль переводчика. Одинъ разъ это было въ засѣданіи по дѣлу по обвиненію француженки-хозяйки кондитерской Сгатрон въ нарушеніи санитарныхъ правилъ. Тиздель, воспитанникъ бывшаго Дворянскаго полка, высокій и молодцоватый старикъ, хотѣлъ ограничиться объявленіемъ ей предостереженія, но она по-русски не понимала, и Тиздель добродушно обратился къ публикѣ съ во-

просомъ, не найдется ли кого-нибудь, кто можетъ перевести это слово, такъ какъ онъ его тоже не знаетъ. Всѣ переглянулись и молчали, но вѣроятно, по моему лицу онъ замѣтилъ, что я ищу это слово, и воскликнулъ: «молодой человѣкъ, пожалуйте сюда къ столу!» а затѣмъ вполголоса спросилъ меня: «какъ?»—«Кажется—avertissement», отвѣчалъ я ему тихо. Онъ записалъ слово на бумажкѣ, поблагодарилъ меня и затѣмъ написалъ и торжественно произнесъ резолюцію, переведя ее съ грѣхомъ пополамъ на смѣсь французскаго съ нижегородскимъ и многозначительно повторивъ два раза слово «avertissement». Съ тѣхъ поръ онъ привѣтствовалъ меня, какъ знакомаго, и однажды разсказалъ мнѣ оригинальный случай, показывавшій, какой живой интересъ возбуждало къ себѣ разбирательство у мировыхъ судей. Два молодыхъ человѣка, желая на себѣ испытать впечатлѣніе разбирательства у мирового судьи, согласились принести одинъ противъ другого фиктивное обвиненіе въ словесной обидѣ, состоявшей будто бы въ окорбленіи бранными словами на улицѣ, съ тѣмъ, что обиженный передъ постановленіемъ приговора заявитъ, что онъ прощаетъ обидчика, и дѣло прекратится. Все произошло, какъ по писанному, но не помню хорошенько—или молодые люди обнаружили свой замыселъ слишкомъ большой веселостью, или же Тиздель узналъ о немъ изъ какого-нибудь источника, но только, выслушавъ торжественное, помпезное заявленіе потерпѣвшаго о томъ, что онъ прощаетъ оскорбителя своей чести, Тиздель, вѣроятно, тоже съ трудомъ скрывая улыбку, объявилъ, что онъ прекращаетъ дѣло объ оскорбленіи, но изъ заявленія обвинителя и признанія подсудимаго усматриваетъ ссору на улицѣ и нарушеніе общественной тишины (ст. 38 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) и привлекаетъ ихъ обоихъ къ отвѣтственности, откладывая разбирательство дѣла до слѣдующаго засѣданія. «Вы можете себѣ представить,—сказалъ мнѣ Тиздель, какъ вытянулись лица у этихъ господъ, вздумавшихъ разыграть судебную комедію. Они совсѣмъ растерялись, смотрѣли другъ на друга вопросительно и не знали, что начать. По окончаніи засѣданія я, снявъ цѣпь, отозвалъ ихъ въ сторону и сказалъ имъ: «судомъ шутить не слѣдуетъ: это забава

опасная. А теперь идите съ миромъ: я не стану васъ судить, но помните, чѣмъ вы рисковали...»

Первая моя активная встрѣча съ мировымъ судомъ произошла въ Харьковѣ послѣ открытія тамъ новыхъ судебныхъ учрежденій осенью 1867 года. Я былъ назначенъ первоначально исполнять обязанности товарища прокурора Окружного Суда по двумъ уѣздамъ Харьковской губерніи—Валковскому и Богодуховскому. Разъ въ мѣсяцъ выѣзжалъ я на перекладной изъ Харькова въ Валки, куда пріѣзжалъ обыкновенно къ ночи, если только не было распутицы, и немедленно садился за дѣла, которыя должны были слушаться на слѣдующій день въ засѣданіи, продолжавшемся обыкновенно до вечера. Слѣдующій затѣмъ день я посвящалъ просмотру дѣлъ у слѣдователя и посѣщенію арестантскихъ помѣщеній, а затѣмъ выѣзжалъ въ Богодуховъ, гдѣ повторялось то же самое. Иногда это происходило наоборотъ, и я сначала отправлялся въ Богодуховъ, а потомъ уже въ Валки. Валки въ то время были маленькимъ городкомъ съ пятью тысячами жителей, лишеннымъ всякой оригинальной физіономіи. Его скорѣе можно было принять за большое село, если бы не обычный тюремный замокъ, — сравнительно большое каменное зданіе, выкрашенное желтой краской, — домъ уѣздной земской управы и красивый особнякъ предсѣдателя мирового съѣзда А. Р. Шидловскаго. Поѣздки въ Валки лѣтомъ и позднею осенью были довольно утомительны вслѣдствіе палящихъ лучей лѣтняго солнца и непролазной осенней грязи, когда пятьдесятъ съ чѣмъ-то верстъ приходилось ѣхать иногда около сутокъ, увязая колесами въ липкомъ черноземѣ и ночуя на неопрятныхъ клеенчатыхъ диванахъ маленькихъ станцій, а иногда проводя, сверхъ того, долгіе часы томительнаго ожиданія на этихъ же станціяхъ во время Ильинской ярмарки въ Полтавѣ, вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ. Но зато весною дорога представляла картины полныя невыразимой прелести украинской природы, когда всѣ фруктовыя деревья быстро одѣвались цвѣтами, надъ вспаханной землей явственно струился живительный воздухъ, и раздавалось несмолкаемое пѣніе жаворонковъ. А ночью, надъ дышащей тепломъ землей раскидывался необъятный темно-синій сводъ съ

дрожащимъ блескомъ яркихъ звѣздъ, и то тутъ, то тамъ горѣли костры остановившихся у дороги чумаковъ. Трудно бывало оторвать глаза отъ этой картины, пока, наконецъ, усталость не заставляла улечься въ сѣно на днѣ перекладной телѣжки и заснуть, несмотря на тряску и толчки, крѣпкимъ молодымъ сномъ. Теперь это пространство пролетаетъ менѣе чѣмъ въ два часа времени поѣздъ желѣзной дороги, снабженный плацкартами и спальными мѣстами, но едва ли молодому судебному дѣятелю, сидящему въ душномъ вагонѣ, приходится испытывать то полное мысли и чувства настроеніе, которое возбуждало въ мое время неудобное и одинокое странствованіе по этимъ самымъ мѣстамъ на перекладной. Наталкиваясь совершенно неожиданно на поэтическія картины дѣйствительности, одну изъ нихъ я живо помню до сихъ поръ. Часовъ въ шесть утра, въ іюльскій день, когда еще было не очень жарко, — встрѣтивъ «Ильинскую» задержку въ лошадяхъ, — я отправился бродить по селу и, услышавъ что-то въ родѣ музыки и пѣнія, пошелъ по направленію звуковъ къ небольшой группѣ тополей сзади милыхъ малороссійскихъ бѣлыхъ хатъ. За ними, на полѣницѣ длинныхъ дровъ, сидѣли два слѣпца-кобзаря и съ ними мальчикъ, ихъ водившій. Они играли и пѣли тѣ украинскія рапсодіи, которыми такъ плѣнялъ впослѣдствіи любителей Остапъ Вересай. А кругомъ стояли, задумчиво понуривъ головы, старые хохлы въ высокихъ чоботахъ и рубахахъ съ прямымъ отложнымъ бѣлымъ воротомъ, опираясь на свои «кіи». Пѣсни кобзарей звучали торжественной грустью,— и эти поминки по быломъ, среди разгорающагося дня, при сосредоточенномъ вниманіи слушателей, производили глубокое впечатлѣніе. Не хотѣлось уходить, не хотѣлось оторваться отъ этой трогательной картины, казавшейся какимъ-то сномъ изъ далекаго, далекаго прошлаго...

Предсѣдательствовалъ на съѣздѣ и имѣлъ на судей большое вліяніе Александръ Романовичъ Шидловскій, — олицетворенное трудолюбіе, педантизмъ и корректность. Человѣкъ одинокій и богатый, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ сказать, застегнутъ на всѣ пуговицы и не только чуждъ обычной въ то время провинціальной фамильярности, но, совершенно наоборотъ, отъ

его утонченной вѣжливости вѣяло холодомъ. Дѣло онъ велъ прекрасно и пользовался общимъ уваженіемъ, хотя его обычные послѣ засѣданія обѣды для участниковъ съѣзда тяготили всѣхъ своей торжественно-натянутой обстановкой и чопорной любезностью хозяина. Изъ мировыхъ судей мнѣ наиболѣе памятенъ Николай Васильевичъ Почтеновъ, свѣдущій хозяинъ и весьма образованный человѣкъ. Онъ вносилъ въ нѣсколько формальное отношеніе членовъ съѣзда къ разбиравшимся дѣламъ живую струю впечатлительной души, не чуждой, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ большой односторонности. Но въ общемъ дѣло правосудія было поставлено хорошо, и мѣстные жители относились къ съѣзду съ довѣріемъ. Я имѣлъ случай не разъ въ этомъ убѣдиться во время бесѣдъ со многими изъ публики, наполнявшей залу засѣданій, подходившими ко мнѣ во время совѣщаній судей за совѣтами и указаніями, въ которыхъ я никогда не отказывалъ, считая, что это — одна изъ важныхъ нравственныхъ обязанностей товарища прокурора, предъявляющаго заключенія въ мировомъ съѣздѣ.

Спокойныя и дружелюбныя отношенія мирового съѣзда ко мнѣ, однако, были однажды нарушены довольно оригинальнымъ образомъ. У А. Р. Шидловскаго былъ братъ, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Романовичъ, имѣвшій званіе почетнаго мирового судьи по Валковскому уѣзду и занимавшій должность тульскаго губернатора. Злые языки говорили, что нѣкоторыя его черты не ускользнули отъ проницательной наблюдательности Салтыкова-Щедрина, бывшаго въ Тулѣ предсѣдателемъ казенной палаты, и нашли себѣ мрачно-юмористическій оттолосокъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ знаменитаго сатирика. Иногда онъ пріѣзжалъ къ брату въ Валки и принималъ участіе въ засѣданіяхъ мирового съѣзда, при чемъ братъ уступалъ ему предсѣдательство. Картина засѣданія немедленно измѣнялась: оно велось tambour battant, съ окриками на тяжущихся и повѣренныхъ и съ начальственнымъ тономъ по отношенію къ судьямъ. Въ 1868 году мнѣ впервые пришлось давать заключеніе на съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ М. Р. Шидловскаго. Публичному засѣданію предшествовало распорядительное, во время котораго я не согла-

сился съ его мнѣніемъ по какому-то процессуальному вопросу. Онъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «удивляюсь, что такихъ молодыхъ людей (мнѣ не было тогда 24 лѣтъ) назначаютъ товарищами прокурора». На выраженное мною шутливое сожалѣніе, что министръ юстиціи сдѣлалъ очевидную ошибку, назначая меня, и на увѣреніе, что я съ каждымъ днемъ стараюсь исправиться отъ моего недостатка,—онъ рѣзко отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, товарищу прокурора на съѣздѣ дѣлать нечего: судьи и безъ него знаютъ, какъ рѣшать дѣло, и ихъ нечего учить. «Вѣроятно, — сказалъ я, — составители Судебныхъ Уставовъ впали въ эту ошибку, полагая, что не вездѣ предсѣдателями съѣзда будутъ столь энергическія и свѣдущія лица, какъ ваше превосходительство». Шидловскій смѣрилъ меня съ головы до ногъ негодующимъ взоромъ, и мнѣ стало ясно, что намъ не миновать столкновеній. Какъ нарочно, по первому же уголовному дѣлу, которое слушалось въ публичномъ засѣданіи, новый непремѣнный членъ съѣзда — по забывчивости или незнанію — не вызвалъ свидѣтелей, указанныхъ еще у мирового судьи и о допросѣ которыхъ ходатайствовалъ апелляторъ. Нашъ грозный предсѣдатель повелъ дѣло безъ дальнихъ церемоній и тотчасъ послѣ доклада, нетерпѣливо выслушавъ подсудимаго, потребовалъ моего заключенія. «Полагаю дѣло отложить слушаніемъ и вызвать свидѣтелей. — Ваше заключеніе по существу? — Я затрудняюсь его дать, такъ какъ для него нѣтъ достаточнаго матеріала. Подсудимый имѣетъ право на основаніи ст. 159 У. У. С. просить о вызовѣ указанныхъ имъ мировому судьѣ свидѣтелей. Неисполненіе этой просьбы есть существенный поводъ къ отмѣнѣ приговора въ кассаціонномъ порядкѣ. — Это уже наше дѣло, а вы *должны* дать заключеніе по существу. — Я *долженъ* дѣйствовать сообразно съ закономъ, а такъ какъ на основаніи закона съѣздъ обязанъ отложить дѣло для выслушанія свидѣтелей, то я считаю несогласнымъ съ достоинствомъ носимаго мною званія давать заключеніе по невполнѣ выясненнымъ обстоятельствамъ дѣла и при томъ такое, отъ котораго мнѣ при вторичномъ разбирательствѣ, быть можетъ, пришлось бы отказаться, какъ отъ лишеннаго основанія. — Такъ вы отказываетесь дать заключеніе? — Да! — Рѣшительно?! — Я

не могъ удержаться отъ улыбки и сказалъ: рѣшительно и безусловно. — Очень хорошо-съ, очень хорошо!» почти закричалъ Шидловскій и, порывисто вставъ, удалился съ судьями въ совѣщательную комнату. Черезъ десять минутъ они вышли, и Шидловскій, посмотрѣвъ на меня внушительно и строго, провозгласилъ резолюцію: «дѣло слушаніемъ отложить, свидѣтелей вызвать, а объ отказѣ товарища прокурора дать заключеніе сообщить прокурору Окружного Суда». Какъ на грѣхъ, по слѣдующему дѣлу была допущена такая же неправильность непремѣннымъ членомъ, и я снова отказался дать заключеніе по существу. «Вы опять! съ негодующимъ изумленіемъ спросилъ Ш — ій. — Да, ваше превосходительство, опять! — Очень хорошо-съ!» — и вынесенная черезъ двѣ минуты резолюція гласила объ отсрочкѣ слушанія дѣла и о вызовѣ свидѣтелей, но съ прибавкой: «а о поступкѣ товарища прокурора довести до свѣдѣнія прокурора Судебной Палаты, прося къ слушанію сихъ дѣлъ командировать другое лицо». Въ концѣ засѣданія оказалось и третье такое дѣло, и мои дѣйствія, вѣроятно, были бы переданы уже прямо министру юстиціи, но повѣренный жалобщика, очевидно напуганный надвигавшейся бурей, поспѣшилъ заявить, что отъ вызова свидѣтелей отказывается. «Что? Что? и вы туда же?!» — закричалъ на него гнѣвный предсѣдатель, не сообразивъ его заявленія. «Я говорю, что я отказываюсь», — пролепеталъ опѣшенный повѣренный. «А-а! и прекрасно дѣлаете, и очень хорошо, что не затягиваете засѣданія по пустякамъ!» — и въ мою сторону послѣдовалъ взглядъ укоризненный и вмѣстѣ торжествующій. «Вамъ опять не угодно будетъ дать заключеніе? — Нѣтъ, на этотъ разъ я его обязанъ дать. — Наконецъ-то!» воскликнулъ Шидловскій — и вынесъ резолюцію, согласную съ моимъ заключеніемъ. Наше разногласіе въ судебномъ засѣданіи очень взволновало скудное новостями уѣздное общество и было предметомъ многихъ легендарныхъ разсказовъ. Нечего и говорить, что «поступокъ» мой былъ признанъ совершенно правильнымъ и что я продолжалъ давать заключенія на съѣздѣ въ Валкахъ. Но съ М. Р. Шидловскимъ мнѣ снова пришлось войти въ пререканія уже въ качествѣ прокурора петербургскаго Окружного

Суда и при томъ на аренѣ гораздо большаго общественнаго значенія.

По неисповѣдимымъ судьбамъ русскаго печатнаго слова генералъ Шидловскій — сколько мнѣ извѣстно, совершенно чуждый литературѣ — былъ въ 1871 году назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ іюлѣ 1871 года, занимая должность прокурора петербургскаго Окружного Суда, я получилъ сообщеніе петербургскаго цензурнаго комитета съ требованіемъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ редактора юмористическаго журнала «Искра» по обвиненію его въ кощунствѣ, выразившемся въ напечатаніи въ теченіе истекшихъ четырехъ мѣсяцевъ двухъ стихотвореній кощунственнаго содержанія. Комитетъ сообщалъ, что обращается ко мнѣ съ такимъ, очевидно запоздалымъ, требованіемъ, по указанію «высшаго начальства», и что хотя статья 182 Улож. о наказ., карающая за кощунство, и не можетъ примѣняться буквально къ поступку редактора, такъ какъ въ ней говорится о язвительныхъ насмѣшкахъ надъ обрядами церкви, къ каковымъ нельзя отнести употребленныхъ «Искрою» выраженій, но что преслѣдованіе представляется необходимымъ для поддержанія принципа недозволительности кощунственныхъ выходокъ вообще. Въ присланныхъ комитетомъ нумерахъ «Искры», — въ это время едва влачившей свое существованіе, — были помѣщены два весьма слабыхъ по формѣ стихотворенія, въ одномъ изъ которыхъ горячіе поклонники только-что возникшаго ученія о непогрѣшимости папы взывали къ Господу о сохраненіи свѣтской власти римскаго первосвященника и о недопущеніи перенесенія столицы Италіи въ Римъ, призывая въ молитвенныхъ возгласахъ всѣ муки ада на итальянское правительство, состоящее «изъ супостатовъ и чадъ ереси, дерзающихъ взять въ десницу жезлъ свѣтской власти»; — а въ другомъ, очевидно навѣянномъ недавнею франко-прусскою войною, говорилось, что духъ старины и обскурантизма воскресъ изъ праха и возобновилъ вѣкъ Скалозуба, и что, благодаря этому, опять вошелъ въ свои права милитаризмъ, высшей доктриной во главѣ всѣхъ наукъ стала пушка, а общимъ идеаломъ нѣмецкій капралъ, — при чемъ эти утвержденія оканчивались возгласомъ:

«Воистину воскресъ!» Нужна была особая и предвзятая односторонность взгляда, чтобы въ этой грубоватой дани злобѣ дня усмотрѣть поруганіе обрядовъ христіанской вѣры. Поэтому я представилъ министру юстиціи, согласно закону о печати 1866 года, о томъ, что не считаю возможнымъ возбудить преслѣдованіе противъ «Искры», такъ какъ судъ и обвинительная власть должны имѣть дѣло съ конкретнымъ преступленіемъ, точно обозначеннымъ въ законѣ, и въ задачу послѣдней не входитъ привлеченіе кого-либо къ отвѣтственности безъ фактическихъ основаній, а лишь для поддержки принципа недозволительности тѣхъ или другихъ выходокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ на то, что подобный образъ дѣйствій — ad majorem censurae gloriam — неминуемо повлечетъ за собою оправдательный приговоръ и обратитъ, путемъ судебнаго разбирательства, вниманіе общества на легковѣсныя въ сущности стихотворенія, конечно давно уже позабытыя немногочисленными читателями мало распространеннаго и давно утратившаго прежнее значеніе журнала. Копію съ моего представленія я послалъ въ цензурный комитетъ. Черезъ нѣкоторое время прокуроръ Судебной Палаты В. А. Половцовъ разсказалъ мнѣ, что при свиданіи съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати ему пришлось выслушать самыя ожесточенныя нападенія на меня со стороны генерала Шидловскаго, который доказывалъ ему, что я обязанъ начать преслѣдованіе, *не разсуждая*, и сказалъ въ заключеніе: «вашъ прокуроръ — не прокуроръ, а нигилистъ!» — «Вы, я думаю, не ожидали подобной оцѣнки? спросилъ меня, смѣясь, Половцовъ. — Напротивъ, — отвѣтилъ я, — именно ничего другого я не ожидалъ» — и я разсказалъ исторію валковскаго столкновенія и памятныхъ мнѣ словъ: вы опять?!...

Мировой съѣздъ въ Богодуховѣ имѣлъ иной характеръ, чѣмъ въ Валкахъ. Онъ былъ гораздо хуже обставленъ матеріально и вообще, повидимому, какъ и всѣ новыя судебныя учрежденія, былъ не по вкусу вліятельнымъ мѣстнымъ заправиламъ. О скучной торжественности валковскаго гостепріимства тутъ не было и рѣчи, а обстановка судебныхъ засѣданій была болѣе чѣмъ скудная, и зимой приходилось засѣдать почти что въ полутьмѣ. Осо-

бенно это сказывалось во время выѣздныхъ сессій Окружного Суда. Но составъ мировыхъ судей былъ нѣсколько другой, чѣмъ въ Валкахъ. Въ общемъ это были люди болѣе молодые, живые и воспріимчивые, да и дѣла въ этомъ уѣздѣ были болѣе сложныя и разнообразныя. Здѣсь мнѣ пришлось первый разъ въ жизни выступить публично — въ качествѣ товарища прокурора, въ началѣ января 1868 года. Наканунѣ публичнаго засѣданія было распорядительное, на которое собрались всѣ почетные и участковые судьи. Всѣ очень интересовались новымъ дѣломъ и установленіемъ правилъ внутренняго распорядка, которыя должны были составить предметъ особаго наказа. Въ числѣ присутствовавшихъ былъ почетный мировой судья С — й, старикъ съ широкимъ румянымъ лицомъ, густыми украинскими усами и шапкою сѣдыхъ курчавыхъ волосъ надъ добродушными, старческими, выцвѣтшими глазами. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то казакинъ надъ широчайшими брюками верблюжьяго сукна, и отъ всей его фигуры такъ и вѣяло Гоголевскимъ Миргородомъ. Онъ смотрѣлъ на худенькаго и очень моложаваго товарища прокурора, которому приходилось давать рядъ разъясненій по разнымъ вопросамъ, не съ высокомѣрнымъ удивленіемъ генерала Шидловскаго, но съ добродушнымъ изумленіемъ человѣка, любознательно вглядывающагося въ нѣчто, дотолѣ имъ невиданное. Онъ сопровождалъ мои заключенія одобрительными возгласами и жестами и по временамъ торжествующе смотрѣлъ на остальныхъ судей, когда они соглашались съ моими мнѣніями. Въ концѣ совѣщанія онъ всталъ съ своего мѣста, тяжелыми шагами подошелъ ко мнѣ и совершенно неожиданно погладилъ меня широкой и теплой ладонью по головѣ, какъ гладятъ маленькихъ дѣтей. Въ этомъ жестѣ было столько нѣжнаго сочувствія, что онъ меня совершенно растрогалъ. Но — увы! — я не могъ предвидѣть, предъѣстіемъ чего служило это наивное выраженіе симпатіи. На другой день на первое публичное засѣданіе съѣзда мировыхъ судей богохранимаго Богодуховскаго уѣзда собрались всѣ представители мѣстнаго «общества» и съѣхались окрестные помѣщики. Въ небольшой залѣ засѣданія яблоку негдѣ было упасть; были дамы и офицеры квартировавшаго въ городѣ 11-го одесскаго

уланскаго полка. Первымъ разбиралось дѣло по обвиненію нѣсколькихъ парубковъ въ кражѣ яблоковъ и хомутовъ изъ конюшни и погреба хозяина постоялаго двора. Товарищу прокурора было отведено мѣсто за особымъ столикомъ, въ сторонѣ отъ судейскаго стола, за которымъ съ краю, ближе всѣхъ, спиною ко мнѣ сидѣлъ С—й, замѣнившій свой просторный казакинъ широко расходившимся на могучей груди старымъ дворянскимъ мундиромъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ чуть не до ушей. Предсѣдатель, отставной военный Бискупскій, велъ засѣданіе весьма толково, но вдругъ между допросомъ двухъ свидѣтелей С—й громко и наставительно сказалъ, обращаясь къ подсудимымъ и къ публикѣ: «Э-э-эхъ! ну, яблоки — это уже Богъ проститъ, а вотъ хомутъ — это нехорошо». Я встревоженно взглянулъ на предсѣдателя, и тотъ, конечно понявъ всю неумѣстность высказыванія судьей до окончанія публичнаго разбора дѣла своего мнѣнія и при томъ въ такой своеобразной формѣ, сказалъ на ухо сосѣду нѣсколько словъ. Сосѣдъ сдѣлалъ то же самое по отношенію къ своему сосѣду, и такъ оно и пошло, покуда послѣдній изъ числа сидѣвшихъ рядомъ лицъ наклонился къ уху С—аго, благодушно разглядывавшаго публику, и что-то прошепталъ ему. «А! — возгласилъ С—й—нельзя? Ну, не буду, виноватъ, не буду... А только яблоки—вѣдь это сущіе пустяки!» Наконецъ, настало время выслушать заключеніе товарища прокурора. «Господинъ товарищъ прокурора, — обратился ко мнѣ предсѣдатель, — не угодно ли вамъ дать заключеніе по настоящему дѣлу?» Всѣ взоры обратились на меня, и въ залѣ наступила мертвая тишина. Я понялъ въ эту минуту, что значитъ нѣмецкое выраженіе: «man hört wie die Wolken ziehen». Сердце мое сжалось и затѣмъ забилось около самаго горла, руки похолодѣли и сдѣлались влажными... Я всталъ, но нѣсколько секундъ, показавшихся мнѣ часами, не могъ отъ волненія сказать ни одного слова. Наконецъ, я все-таки овладѣлъ собою и только-что почувствовалъ себя въ состояніи говорить, какъ С—й повернулся на своемъ мѣстѣ лицомъ ко мнѣ, положилъ руки на колѣни, озарился широчайшей улыбкой и, устремивъ на меня умильный взоръ, сказалъ нѣжно-поощрительнымъ тономъ: «а ну! а ну!

послушаемъ, послушаемъ!» Этимъ онъ меня окончательно выбилъ изъ сѣдла, и я снова потерялъ способность говорить. Но затѣмъ все вошло въ свою колею.

Между богодуховскими судьями былъ одинъ, теплое воспоминаніе о которомъ живетъ въ моей душѣ. Иванъ Ивановичъ Каразинъ, племянникъ знаменитаго основателя харьковскаго университета, соединялъ въ себѣ съ любящею простотою русскаго сердца чрезвычайно рѣдкую у насъ настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и упорство въ трудѣ. Эти цѣли были—благо родной земли, этотъ трудъ былъ посвященъ культурѣ и въ смыслѣ творчества и въ смыслѣ борьбы съ бытовыми невзгодами. Подъ его красивой, мужественной наружностью и мягкимъ, связаннымъ съ незлобивымъ юморомъ, обращеніемъ скрывались черты настоящаго піонера цивилизаціи. Его вѣчно тревожили мысли объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, о борьбѣ съ пожарами, объ удобной, дешевой замѣнѣ соломенныхъ «стрѣхъ» огнеупорными черепичными крышами, — и все свободное отъ этихъ тревогъ и семейныхъ заботъ время онъ посвятилъ на устройство и дальнѣйшее разведеніе въ своемъ имѣніи, близъ заштатнаго города Краснокутска, огромнаго и образцоваго ботаническаго и помологическаго сада. Кто видѣлъ этотъ садъ, гдѣ были акклиматизированы самыя разнообразныя и рѣдчайшія растенія, собранныя и расположенныя съ систематической красотой, — кому пришлось употребить нѣсколько часовъ на то, чтобы обойти этотъ очаровательный оазисъ среди степей, — и кто припомнилъ при этомъ, что все это есть дѣло самоотверженнаго и безкорыстнаго труда одного человѣка, тотъ не могъ не преклониться предъ почтеннымъ старцемъ, пышная черная борода котораго съ годами побѣлѣла и стройный станъ согнулся, но въ чьихъ глазахъ свѣтился огонь молодой энергіи и того «въ человѣцѣхъ благоволенія», которое такъ украшаетъ богатую трудомъ и чистую старость. Мы встрѣтились съ нимъ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ работали вмѣстѣ на съѣздѣ, и воспоминанія того далекаго и счастливаго времени взволновали насъ обоихъ... И отъ Судебныхъ Уставовъ, которымъ въ то время служилъ я съ беззавѣтною вѣрою въ ихъ прочность, и отъ земскихъ

учрежденій, на службѣ которымъ провелъ много лѣтъ Каразинъ, мало осталось не искалѣченнаго и не измятаго. Но Каразинъ не падалъ духомъ и среди пустыни безлюдья и обычнаго безправія продолжалъ черпать утѣшеніе въ золотыхъ снахъ шестидесятыхъ годовъ, хотя иногда и на него находили минуты горькаго разочарованія. «Я только-что вернулся въ Основянцы, — писалъ онъ мнѣ 2 іюля 1901 года,—пріѣхалъ измученный душою и разбитый, но начинаю возстановляться живительнымъ воздухомъ; право, для сосредоточенной, покойной жизни лучшаго искать не надо, ежели бы столь многое кругомъ и сверху не отравляло существованія. Какъ ни стараешься примириться съ неизбѣжнымъ, въ концѣ-концовъ беретъ злость, досада и желаніе бросить все и уйти куда-нибудь въ глушь, въ лѣса или горы, гдѣ и голоса бы человѣческаго не было слышно. Чего стоитъ одна безконтрольная отдача честныхъ и работающихъ людей въ руки плутократовъ! Я такъ возмущенъ тѣмъ, что слышалъ и видѣлъ въ городѣ, что не могу спокойно не только говорить, но и думать объ этомъ. Неужели все, что только имѣетъ возможность дѣлать зло этой несчастной Россіи, можетъ его дѣлать безпрепятственно? Ну, какъ же не противно жить среди всего этого разврата? И просто не на чемъ отдохнуть! Ну, развѣ не возмутительно постановленіе московскаго общества трезвости о Толстомъ? И это въ XX столѣтіи... И гдѣ же? Въ Москвѣ, промышленномъ и интеллигентномъ центрѣ Россіи?!...»

Черезъ два года послѣ этого слабое здоровье и лѣта взяли свое. Негодующее сердце Каразина успокоилось. Онъ лежитъ теперь въ уютномъ уголкѣ своего сада, гдѣ надъ мѣстомъ вѣчнаго покоя для малоизвѣстнаго труженика родной культуры тихо шумятъ и качаютъ вершинами взлелѣянныя имъ деревья. На простой плитѣ, среди родныхъ ему могилъ, вырѣзано:

Здѣсь нѣтъ оградъ и вычурныхъ крестовъ,
Полно все величавой простотою,
И прахъ дѣтей, и прахъ отцовъ
Съ любовью взятъ родной землею.

Чудесный садъ шумитъ кругомъ,
Вѣщая непрерывность жизни,
И смерть является лишь сномъ
Средь дорогой для нихъ отчизны.

Харьковскій городской мировой съѣздъ, имѣвшій прекрасное собственное помѣщеніе, былъ лучшимъ по отношенію къ порученному ему дѣлу изъ всѣхъ видѣнныхъ мною съѣздовъ. И составъ участковыхъ судей, и проникнутое сознаніемъ долга отношеніе къ своему званію многихъ изъ судей почетныхъ, и прекрасные предсѣдатели — все соединилось, чтобы создать изъ этого съѣзда не только мѣсто отправленія истиннаго правосудія, но и своего рода школу для нравственнаго и правового развитія мѣстнаго населенія. Благодаря этому, въ мое время засѣданія съѣзда, бывавшія по вечерамъ два раза въ недѣлю, посѣщались публикой съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ засѣданія Окружного Суда. Мнѣ пришлось давать на этомъ съѣздѣ заключенія въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ и не разъ возвращаться поздно вечеромъ домой въ приподнятомъ настроеніи духа, которое вызывалось сознаніемъ, что дорогое сердцу дѣло мировой юстиціи идетъ не только успѣшно и цѣлесообразно, но по большей части, на самый строгій взглядъ, «безъ сучка и задоринки». Оставляя Харьковъ при переходѣ на службу въ Петербургъ, я съ наибольшею скорбью разставался именно съ этимъ съѣздомъ, и до сихъ поръ скромный письменный приборъ—подарокъ мировыхъ судей, — поставленный на моемъ столикѣ въ день послѣднихъ заключеній, вызываетъ во мнѣ теплыя и ничѣмъ не омраченныя воспоминанія. Въ мое время предсѣдателями были Алексѣй Дмитріевичъ Чепелкинъ, впослѣдствіи городской голова города Харькова, и профессоръ Даніилъ Михайловичъ Деларю. Первый изъ нихъ, бывшій откупной дѣятель, умѣлъ искренно «совлечь съ себя ветхаго Адама» и съ увлеченіемъ отдаться безкорыстной и безупречной общественной дѣятельности, въ которую вносилъ свой бодрый и живой темпераментъ; второй отличался огромнымъ трудолюбіемъ и, никогда не забывая, что онъ только primus inter pares, пріобрѣлъ боль-

шой авторитетъ между судьями. При мысли о харьковскомъ съѣздѣ передо мною проходитъ рядъ именъ почетныхъ судей, вызывавшихъ въ ближайшихъ къ нимъ современникахъ чувство глубокаго уваженія. Таковъ былъ Владимиръ Акимовичъ Кочетовъ, бывшій ректоръ университета, человѣкъ выдающагося душевнаго благородства, отдавшій много времени и труда сердечнымъ заботамъ о малолѣтнихъ преступникахъ. Таковы были: ректоръ университета Щелковъ и мудрый и вмѣстѣ съ тѣмъ горячій земскій дѣятель — Егоръ Степановичъ Гордѣенко, извѣстный своею непреклонной борьбою съ злоупотребленіями и хищническими инстинктами Поляковскаго желѣзнодорожнаго строительства. Таковъ былъ, наконецъ, незабвенный докторъ Франковскій, во многомъ напоминавшій собою доктора Гааза. Никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, но я, ихъ старый и младшій по лѣтамъ сослуживецъ, оглядывая свой пройденный свыше сорокалѣтній судебный путь, благодарю судьбу за встрѣчу и общеніе съ ними и за это готовъ ей искренно простить тяжелыя минуты, пережитыя отъ встрѣчъ и вынужденнаго общенія съ людьми другого сорта.

Конечно, въ семьѣ было не безъ урода, но такихъ было мало. Нося званіе почетныхъ судей, они являлись въ засѣданія только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда имъ казалось, что ихъ голосъ можетъ дать торжество тому, что они, въ своемъ ослѣпленіи или близорукости, считали судебной правдой. Изъ нѣсколькихъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подобныхъ случаевъ мнѣ особенно памятенъ одинъ. Въ Харьковѣ завелась нѣкая дочь полковника Полѣшко, принявшая на себя любезное посредничество между такъ называемыми «мышиными жеребчиками» изъ достаточныхъ людей и несчастными дѣвочками, едва перешедшими тотъ четырнадцатилѣтній возрастъ, послѣ котораго пользованіе ихъ невѣжествомъ, легкомысліемъ или зависимостью для плотскаго сближенія переставало носить грозное названіе «растленія». Ея изящно обставленный притонъ былъ обнаруженъ полиціей, вслѣдствіе чего она предстала предъ мировымъ судьей по обвиненію въ сводничествѣ и была приговорена къ высшей мѣрѣ наказанія, т.-е. къ мѣсяцу ареста. Но по-

чтенная дѣятельница, услугами которой многіе не считали предосудительнымъ пользоваться, не сложила оружія. Она обратилась къ услугамъ молодого, талантливаго юриста, начинавшаго свою адвокатскую карьєру и ставшаго на ту опасную для защитника дорогу, на которой руководящей нитью служитъ не вопросъ о томъ, *что* защищать, а лишь то, *какъ* защищать. Она распространила, вмѣстѣ съ тѣмъ, между встревоженными посѣтителями своего мирнаго убѣжища слухъ о томъ, что, въ случаѣ утвержденія приговора мирового судьи, она будетъ такъ оскорблена этой несправедливостью, что покинетъ навсегда городъ, гдѣ ее не умѣли цѣнить. Слухъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и въ день засѣданія и въ публикѣ, и даже за судейскимъ столомъ оказались необычные посѣтители, настроенные сочувственно къ бѣдной женщинѣ, которую «преслѣдуетъ» полиція, возводя на нее раздутое обвиненіе, основанное на показаніяхъ четырехъ «дѣвчонокъ», которыя едва ли сами понимаютъ, что говорятъ. Защитникъ госпожи Полѣшко въ порывѣ наемнаго краснорѣчія, котораго онъ самъ — къ чести его надо сказать — впослѣдствіи стыдился, въ длинной рѣчи доказывалъ, что подсудимая служила потребности, предъявляемой самимъ обществомъ, и что поэтому общество не имѣетъ права ее осуждать. Въ это время уже начиналъ входить въ употребленіе недостойный пріемъ, состоящій въ приведеніи — въ качествѣ рѣшительнаго и окончательнаго аргумента — святыхъ словъ Спасителя, приплетаемыхъ къ дѣлу съ явнымъ извращеніемъ ихъ дѣйствительнаго смысла. Такой пріемъ достигъ своего апогея въ знаменитомъ процессѣ Струсберга и въ другомъ тоже громкомъ процессѣ, гдѣ защитникъ, оправдывая подсудимую — женщину, къ которой примѣнимы были слова Пушкинскаго импровизатора: «la regina haveva molto», — обвинявшуюся въ покушеніи на предумышленное убійство жены своего любовника, вернувшейся подъ супружескій кровъ по призыву мужа, — просилъ присяжныхъ поступить по примѣру Христа, который сказалъ грѣшницѣ: «прощаются тебѣ грѣхи твои мнози, зане возлюбила много», лукаво примѣняя слово «много» тамъ, гдѣ дозволительно было бы сказать лишь слово «многихъ». И рѣчь свою по дѣлу Полѣшко защит-

никъ окончилъ обращеніемъ къ судьямъ, прося у нихъ оправданія подсудимой и напоминая имъ слова Христа: «пусть тотъ, кто менѣе грѣшенъ, чѣмъ она, броситъ въ нее первый камень». Пришлось въ заключеніи по дѣлу сказать, что время, когда предъ строгимъ и нелицепріятнымъ судомъ сводни будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ виновное общество, еще не наступило, и что приходится примѣнять законъ, карающій — къ сожалѣнію непростительно слабо — людей, ввергающихъ въ погибель незрѣлую юность, по точному его смыслу и въ условіяхъ современности. А относительно цитаты изъ Евангелія я долженъ былъ напомнить съѣзду, что приведенныя защитникомъ слова Искупителя относились къ блудницѣ, а не къ сводницѣ, и что ихъ умѣстно было бы привести лишь въ томъ случаѣ, если бы по какому-либо заблужденію правосудія здѣсь судились несчастныя жертвы госпожи Полѣшко — и указать защитнику, что цитировать мѣста изъ священной и вѣчной книги надо, по крайней мѣрѣ, съ такою же точностью, какъ кассаціонныя рѣшенія, и что къ настоящему дѣлу относятся совсѣмъ другія, грозныя слова: «невозможно соблазну не притти въ міръ, но горе тѣмъ, чрезъ кого онъ приходитъ» и «аще кто изъ васъ соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, да повѣсится жерновъ осельный на выю его и потонетъ въ пучинѣ морской». Съѣздъ согласился съ моимъ заключеніемъ, и госпожа Полѣшко, отбывъ свой арестъ въ такъ называемомъ «Петиномъ домѣ», покинула Харьковъ.

Мнѣ вспоминается характерный эпизодъ по другому дѣлу, гдѣ предъ съѣздомъ предстало нѣсколько студентовъ, проявившихъ свое нетрезвое молодечество въ излюбленномъ въ старые годы видѣ буйства, называвшемся «разбитіемъ дома терпимости». Мировой судья не раздѣлилъ проводимой передъ нимъ, а впослѣдствіи и въ съѣздѣ, теоріи сентиментальнаго попустительства отвратительному проявленію насилія во имя лицемѣрнаго сочувствія въ этомъ случаѣ къ молодежи, въ которой будто бы «кровь кипитъ и силъ избытокъ». Въ засѣданіи съѣзда было много учащихся молодыхъ людей. Въ заключеніи своемъ я поддерживалъ довольно строгій приговоръ мирового судьи и, въ

виду приведенныхъ выше возраженій противъ него, сказалъ нѣсколько словъ сурового осужденія по адресу героевъ подобныхъ безчинствъ, позорящихъ званіе студента. Въ публикѣ послышался ропотъ неудовольствія, и, когда судьи ушли совѣщаться, а мнѣ пришлось пробираться сквозь тѣсную толпу къ моему маленькому кабинетику въ помѣщеніи съѣзда, я почувствовалъ толчокъ локтемъ въ бокъ. Я остановился и сказалъ, не оборачиваясь въ сторону, откуда исходилъ этотъ толчокъ, сопровождавшійся дальнѣйшимъ грубымъ нажатіемъ: «и вамъ не стыдно?» Локоть опустился, и надъ ухомъ моимъ прозвучали сказанныя вполголоса слова: «ради Бога, не оборачивайтесь: мнѣ дѣйствительно стыдно». И затѣмъ какая-то фигура двинулась впереди меня и, говоря: «господа! пропустите! пропустите, господа!» стала плечами раздвигать толпу, занятую взволнованнымъ разговоромъ, и, открывъ мнѣ дорогу до дверей, къ которымъ я направлялся, не оборачиваясь, затерялась въ публикѣ.

Между мировыми судьями перваго трехлѣтія были люди, боявшіеся ошибки въ новомъ и нравственно-отвѣтственномъ дѣлѣ, и поэтому иногда проявлявшіе мало собственнаго почина и не всегда достаточную критику по отношенію къ полицейскимъ и административнымъ актамъ въ дѣлахъ, гдѣ таковые клались въ основу обвиненія. Но съѣздъ, куда поступали такія дѣла, вносилъ въ ихъ разсмотрѣніе свѣжую мысль и широкое толкованіе закона, и приговоры его, по крайней мѣрѣ, за первое трехлѣтіе, были по большей части образцовыми по разработкѣ и проникавшему ихъ духу истинной справедливости. Задачи мировой юстиціи въ это время были очень важны и сложны. Возникшій вмѣсто полицейской расправы новый судъ въ лицѣ «мирового» долженъ былъ подчасъ уподобляться римскому претору, который и jus dicit, и jus fecit. Это было тѣмъ труднѣе, что кассаціонная практика была еще очень мало развита. Надо было не только пріучать народъ, пребывшій цѣлые вѣка въ туманѣ безсудья, къ правовымъ понятіямъ и процессуальнымъ формамъ, но и дѣлать это такъ, чтобы внушать къ себѣ довѣріе. И харьковскій мировой судъ исполнялъ эту задачу съ очевиднымъ успѣхомъ, хотя,

конечно, бывали случаи, гдѣ юридическая правда рѣшеній въ головѣ тяжущагося или обвиняемаго никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что ему казалось житейской правдой. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я услышалъ ходячій анекдотическій разсказъ объ одномъ изъ первыхъ засѣданій съѣзда, почти тотчасъ вслѣдъ за его открытіемъ, когда пришлось разсматривать апелляціонную жалобу городского пастуха (чабана) на приговоръ мирового судьи, присудившаго его къ штрафу въ десять рублей за оскорбленіе одного изъ подпасковъ, названнаго имъ дуракомъ («дурнымъ»), и котораго, очевидно, кто-то подучилъ пожаловаться на старика. Разсказывали, что представшій предъ судьями высокій и типичный старый малороссъ никакъ не могъ понять, въ чемъ его обвиняютъ, говоря, что назвалъ бы парубка разумнымъ, если бы онъ былъ такимъ, но такъ какъ онъ дуракъ, то онъ и сказалъ ему: «Тю! дурный». Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей житейской правотѣ, что когда съѣздъ вынесъ обвинительный приговоръ, смягчивъ ему штрафъ до самой низшей мѣры, то онъ изумленно спросилъ предсѣдателя по-малороссійски: «такъ мнѣ же и платить? да за что? — За то, что вы обругали. — Нѣтъ, я его не ругалъ, а я только сказалъ, что онъ «дурный». Да вѣдь онъ дуракъ какъ есть, какъ же его называть? — Не повторяйте этихъ оскорбленій,—сказалъ предсѣдатель:—можете итти: дѣло кончено». — Старикъ переступилъ съ ноги на ногу, помолчалъ и потомъ, будто бы, съ лукавой улыбкой спросилъ: «а позвольте узнать: если неразумнаго человѣка, совсѣмъ какъ есть неразумнаго, назвать разумнымъ, за это ничего не будетъ? и платить ничего не треба?» и — получивъ утвердительный отвѣтъ — низко поклонился съѣзду, почтительно сказавъ: — «ну, спасибо вамъ, разумные панове судьи, что вы меня, «дурного», научали».

Перейдя въ 1871 году въ Петербургъ изъ Казани на должность прокурора Окружного Суда, я засталъ составъ мировыхъ судей второго трехлѣтія, но, занятый своими сложными обязанностями, мало имѣлъ случая входить съ ними въ личныя отношенія. Въ общемъ составъ продолжалъ быть очень хорошимъ, но мои личныя знакомства ограничивались лишь нѣсколькими почетными мировыми судьями этого времени (Лихачевымъ, Кви-

стомъ и др.) и двумя участковыми — моимъ товарищемъ по университету и впослѣдствіи предсѣдателемъ Мирового Съѣзда К—ъ и Александромъ Ивановичемъ Барановскимъ. Лихорадочно-подвижный идеалистъ, съ чистой и нѣжной душой, довѣрчивый и нерѣдко наивный, какъ дитя, Барановскій былъ подчасъ немалымъ путаникомъ въ дѣлахъ, но очень часто, разрѣшая ихъ болѣе по естеству, чѣмъ по закону, являлся безсознательно тѣмъ, чѣмъ былъ впослѣдствіи во Франціи прославленный за то же самое французскій президентъ суда въ Château Thierry Маньянъ. Замѣчательно, что при этомъ онъ считалъ себя глубокимъ житейскимъ практикомъ и знатокомъ Судебныхъ Уставовъ, понимаемыхъ имъ нерѣдко весьма своеобразно. Но эти недостатки искупались высокой прямотой характера, всегда безусловно благородными побужденіями и горячею любовью къ общественной дѣятельности. Онъ очень дорожилъ правомъ мирового судьи самому усматривать проступки и возбуждать преслѣдованія, правомъ, которымъ у насъ начинаютъ все менѣе и менѣе пользоваться, предпочитая «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ» и ожидать, что полиція усмотритъ, что слѣдуетъ, и составитъ надлежащій протоколъ. Между тѣмъ такое право въ отношеніи нарушеній общественной нравственности и всякаго рода безстыдства даетъ судьѣ въ руки драгоцѣнное оружіе моральнаго воздѣйствія. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ мы были еще далеки отъ нынѣшнихъ: необузданной вакханаліи безвозбраннаго исполненія грязныхъ жестовъ и куплетовъ на сценѣ, — всевозможнаго оголенія подъ лицемѣрнымъ флагомъ поклоненія красотѣ, — двусмысленныхъ объявленій въ газетахъ, — теоріи и методики разврата въ quasi-медицинскихъ книгахъ и безчестной порнографіи, дерзающей себя именовать литературой. Но кое-что въ этомъ родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, существовало и тогда и пробовало свить себѣ гнѣздо въ увеселительныхъ театрахъ Берга и въ Буффѣ. Въ первомъ изъ нихъ подвизалась, грубо возбуждая чувственные инстинкты, французская безголосая куплетистка Луиза Филиппо. Не довольствуясь мало завидными лаврами, она стала выводить на сцену свою одиннадцатилѣтнюю племянницу, Викторію Филиппо, и бѣдный ребе-

нокъ началъ пѣть тѣ же куплеты, какъ и тетка, и выдѣлывать своимъ худенькимъ, несложившимся тѣльцемъ тѣ же движенія, какъ она. Часть публики возмущалась, а часть находила особый смакъ въ противоположности эротической мимики съ невинными дѣтскими глазами и тонкимъ голоскомъ, дѣлавшимъ заученныя интонаціи и паузы, быть-можетъ, въ непониманіи ихъ истиннаго смысла. Когда товарищъ прокурора Безродный вполнѣ подтвердилъ дошедшіе до меня въ этомъ отношеніи слухи и указалъ свидѣтелей, я вызвалъ къ себѣ мѣстнаго участковаго пристава и въ краткихъ, но вразумительныхъ словахъ объяснилъ ему, что при первомъ повтореніи подобнаго представленія со стороны Викторіи Филиппо, я возбужу противъ Луизы и Берга обвиненіе по 993 ст. Улож. о наказ., говорящей о развращеніи малолѣтнихъ, а о его попустительствѣ сообщу градоначальнику Трепову. Это возымѣло надлежащее дѣйствіе, и дѣвочка перестала канканировать на сценѣ, но зато «тетушка» Луиза Филиппо и другая шансонетная пѣвица Бланшъ-Гандонъ на сценѣ театра Буффъ «поддали пару». Зайдя въ этотъ театръ, А. И. Барановскій былъ справедливо возмущенъ поведеніемъ и костюмомъ этихъ госпожъ и возбудилъ противъ нихъ преслѣдованіе по 43 ст. Устава о наказ. за безстыдныя, соединенныя съ соблазномъ для другихъ, дѣйствія. «Если—говорилось въ приговорѣ судьи, присуждавшемъ «артистокъ» къ штрафамъ въ 100 и въ 50 руб.,— публичныя народныя зрѣлища, дѣйствующія только на грубые инстинкты человѣческой природы, какъ, напримѣръ, кровавыя зрѣлища борьбы людей и животныхъ, не должны допускаться въ благоустроенномъ обществѣ, то тѣмъ менѣе могутъ быть терпимы такія зрѣлища, въ которыхъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ только грубый инстинктъ половыхъ стремленій». Противъ Барановскаго въ разныхъ клубахъ и мелкой прессѣ былъ поднятъ цѣлый походъ. Его осыпали насмѣшками и рисовали на него каррикатуры. Но мировой съѣздъ и кассаціонный Сенатъ поддержали судью, имѣвшаго смѣлость проявить властное негодованіе противъ вреднаго безстыдства. Домашнія обстоятельства заставили его въ концѣ семидесятыхъ годовъ переселиться въ Москву, и

тревожные годы, проведенные имъ въ обстановкѣ, далекой отъ скромной, но богатой внутреннимъ содержаніемъ дѣятельности мирового судьи, конечно не дали ему того нравственнаго удовлетворенія, которое давала покинутая судейская служба, вспоминаемая имъ до конца дней съ любовью и сожалѣніемъ.

Въ иномъ родѣ былъ мой университетскій товарищъ. Въ высшей степени трудолюбивый и богатый опытомъ судья, онъ, не мудрствуя лукаво, добросовѣстно тянулъ свою лямку, искренно преданный дѣлу мировой юстиціи и не желавшій ее промѣнять ни на что. Это былъ настоящій *городской* мировой судья, сжившійся съ населеніемъ своего околотка, изучившій его нравы, радости и бѣды и въ общеніи съ нимъ нашедшій задачу своей жизни. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ жаловался на усталость или стремился отдохнуть. Напротивъ, мнѣ лично пришлось испытать, до какой степени даже лѣтній Петербургъ съ его лѣтомъ, похожимъ, выражаясь словами Гейне, на «выкрашенную въ зеленую краску зиму», былъ милъ и дорогъ сердцу этого коренного своего обывателя. Лѣтомъ 1873 года, встрѣтивъ меня и узнавъ, что я собираюсь съ морскихъ купаній проѣхать въ Италію, онъ просилъ меня съѣхаться съ нимъ въ Люцернѣ и предпринять дальнѣйшее — первое въ его жизни — путешествіе вмѣстѣ. Такъ мы и сдѣлали. Но уже въ Люцернѣ онъ поразилъ меня тѣмъ, что привезъ съ собою подушки и постельное бѣлье, что придало его багажу чрезвычайные и неудобные для путешествія размѣры. Мы совершили чудный переѣздъ въ почтовомъ экипажѣ чрезъ С.-Готардъ, гдѣ съ волшебной быстротой смѣнялись картины природы, начинаясь цвѣтущими садами Флюэлена на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, постепенно переходя въ голую и каменистую пустыню Hospice de St.-Gothard и быстро замѣняясь затѣмъ нарастающею прелестью Италіи. Изъ Милана мы взяли билеты на круговое путешествіе по озерамъ Комо и Лугано и по Лаго-Маджіоре, при чемъ ѣхать приходилось на пароходѣ и въ почтовомъ экипажѣ, такъ какъ тогда желѣзная дорога существовала только между Комо и Миланомъ и между Миланомъ и Ароной. Уже въ Миланѣ мой спутникъ сталъ обнаруживать признаки тоскливаго нетерпѣнія и того скептически-

насмѣшливаго отношенія къ западно-европейскимъ порядкамъ, которымъ отличаются многіе изъ русскихъ людей за границею, вдругъ начинающіе чувствовать, что *у насъ* все лучше. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что и вкусы наши совершенно различны: меня интересовали музеи, храмы и историческія воспоминанія, его — толпа, уличная торговля и народныя увеселенія, а природа не производила на него никакого впечатлѣнія. Когда въ Menaggio, при закатѣ солнца, круговые путешественники ждали на берегу голубого озера парохода для переѣзда въ Bellaggio, итальянскій вечеръ повѣялъ такимъ обаяніемъ на собравшихся, что всѣ замолчали въ нѣмомъ созерцаніи очаровательной картины и — «тихій ангелъ пролетѣлъ». И вдругъ на одномъ изъ концовъ пристани раздался, съ сѣверо-германскимъ произношеніемъ, рѣзкій голосъ, тревожно прокричавшій черезъ головы собравшихся кому-то на другомъ концѣ пристани: «Sie, nehmen Sie sich in Acht ob da nicht ein Taschendieb existiere!» Поэтическое настроеніе было разрушено, но прозаическая забота нѣмца очень смутила моего товарища: онъ сталъ подозрительно осматриваться по сторонамъ и на все путешествіе увѣровалъ, что итальянцы — чуть не сплошные ташендибы. Объѣздъ озеръ продолжался три дня, и я могъ не разъ убѣдиться, что мысли моего спутника непрестанно обращались къ Петербургу, къ его дѣламъ и къ камерѣ мирового судьи и что — не будь меня — онъ, быть можетъ, немедленно вернулся бы назадъ. Когда мы были на Лаго-Маджіоре, и я восхищался Борромейскими островами, онъ сказалъ мнѣ: «право не знаю, зачѣмъ ѣздятъ на все это смотрѣть тѣ, кому не приходится здѣсь жить; по моему мнѣнію, Крестовскій островъ въ Петербургѣ гораздо лучше». Во Флоренціи онъ сталъ явно тяготиться моими предложеніями осматривать ея художественныя сокровища въ музеяхъ и дѣлалъ это соскучающимъ выраженіемъ лица и до крайности торопливо. За годъ передъ тѣмъ я былъ во Франкфуртѣ и въ праздничный день, вмѣстѣ съ группой подгородныхъ жителей, осматривалъ Бетманскій музей съ знаменитой «Аріадной» Даннекера. Ея не показывали однако сразу, а заставляли сначала осмотрѣть нѣлый рядъ гипсовыхъ слѣпковъ съ антикомъ, посмертныхъ ма-

сокъ съ коронованныхъ особъ и другихъ подобныхъ предметовъ. Ходившая рядомъ со мною немолодая, но краснощекая женщина въ старомодномъ платьѣ, очевидно, въ первый разъ бывшая въ музеѣ, съ прилежнымъ и напряженнымъ вниманіемъ разсматривала все то, на что монотонно указывалъ смотритель музея. Но ей, видимо, было скучно, и когда, наконецъ, онъ торжественно провозгласилъ: «und hier, meine Herren, können Sie sehen die berühmte Ariadne», и отдернулъ занавѣсь, за которою скрывалась, освѣщенная сверху, миѳологическая красавица, *спокойно* полулежащая на спинѣ *идущей* пантеры, — моя нѣмка, облегченно вздохнувъ, громко спросила: «Nun? und damit ist man endlich los?»—и съ радостнымъ лицомъ быстрыми шагами удалилась. Мой спутникъ очень сильно мнѣ напоминалъ эту женщину. Путешествіе наше становилось тягостнымъ для обоихъ, и мы условились совершить его на разстояніи четырехъ дней другъ отъ друга съ тѣмъ, чтобы съѣзжаться вмѣстѣ на одинъ день и получать отъ уѣхавшаго впередъ полезныя свѣдѣнія. Впередъ уѣхалъ онъ. Мы встрѣтились въ Римѣ, затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ, сдѣлавшись жертвою нѣсколькихъ мелкихъ плутней, окончательно и безповоротно укрѣпился въ своемъ взглядѣ на то, что итальянцы—«ташендибы». Я уговорилъ его остаться здѣсь нѣсколько долѣе и не покидать Неаполя, не съѣздивъ въ Помпею, на Капри и на Везувій. Но его страшно тянуло домой, въ свою камеру, и въ день довольно утомительнаго восхожденія на Везувій онъ все-таки двинулся вечеромъ, нигдѣ не останавливаясь, въ Петербургъ.

Къ этому нашему пребыванію въ Неаполѣ относится мое воспоминаніе объ одной оригинальной встрѣчѣ. Позволю себѣ привести его—попутно. Въ гостиницѣ Victoria на Santa Lucia, гдѣ мы съѣхались съ товарищемъ, было въ виду еще ранняго осенняго сезона немного пріѣзжихъ. За однимъ концомъ табльдотнаго стола сидѣли обыкновенно мы, очень нервный англійскій пасторъ и какая-то американская супружеская чета, которая вѣчно куда-то торопилась и никогда не досиживала обѣда и завтрака до конца. А на другомъ концѣ стола сидѣло многочисленное семейство, состоявшее изъ двухъ дамъ, нѣсколькихъ

подростковъ и старика съ быстрымъ и властнымъ взглядомъ подъ хмурыми бровями, съ остро очерченнымъ носомъ, тонкими губами и выдающимся впередъ подбородкомъ. Онъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, говорилъ повелительнымъ голосомъ и постоянно былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, покрикивая на молодежь и на прислугу. Очевидно, что въ своей семьѣ и среди окружающихъ онъ привыкъ къ власти и, повидимому, къ поклоненію. Нервный пасторъ при его выходкахъ и рѣзкихъ возгласахъ ежился и начиналъ смотрѣть косо и враждебно. Американцы не обращали на него никакого вниманія, и два раза намъ пришлось на нашемъ концѣ оставаться однимъ. Разъ старикъ обратился ко мнѣ съ рядомъ вопросовъ о томъ, ѣздилъ ли я на Капри и удобно ли туда путешествіе на пароходѣ. Вопросы были заданы отрывистымъ, почти повелительнымъ тономъ, на что я отвѣтилъ также отрывисто и лаконически. На пятый день послѣ моего прибытія мы рано утромъ поѣхали въ Помпею и вернулись лишь къ обѣду. У подъѣзда стояли два ландо, и въ нихъ сидѣли старикъ и его домочадцы, окруженные мелкимъ багажомъ. Несмотря на жаркую погоду, на немъ былъ темный, кажется бархатный, беретъ, который, спускаясь на лобъ, очень гармонировалъ съ острыми чертами его лица и придавалъ имъ особенно выпуклый характеръ. «Боже мой!—сказалъ я—да вѣдь я гдѣ-то видѣлъ это лицо, если не въ дѣйствительности, то на портретѣ! Я видѣлъ его несомнѣнно, но кто это такой?» Между тѣмъ экипажи двинулись. Проѣзжая мимо, старикъ посмотрѣлъ на насъ сурово и слегка кивнулъ намъ головою. Портье смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающимъ недружелюбно. «Prego, il nome di questo straniero?» — спросилъ я его. Портье, сказавъ мнѣ съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ: «un tedesco», — лѣниво развернулъ книгу и прочелъ въ ней: — signor Richardo Wagner.

Несмотря на нѣкоторыя свои странности, товарищъ мой былъ человѣкъ весьма знающій и научно образованный. По выходѣ изъ университета онъ даже долго лелѣялъ мысль объ ученой карьерѣ и серьезно занимался уголовнымъ правомъ, а какъ предсѣдатель мирового съѣзда онъ оставилъ по себѣ прекрасную память, хотя, чуждый всякаго честолюбія и до край-

ности скромный, онъ не хлопоталъ ни объ избраніи, ни о переизбраніи на это мѣсто.

Въ 1877 году, расходясь съ министромъ юстиціи графомъ Палеѣомъ, при всемъ уваженіи къ его личнымъ свойствамъ, въ нѣкоторыхъ существенныхъ взглядахъ, — а также до крайности тяготясь службой въ центральномъ управленіи министерства юстиціи и тоскуя по работѣ въ дѣйствующей судебной арміи, я вознамѣрился баллотироваться въ столичные участковые мировые судьи и для этого пріобрѣлъ себѣ — случайно по весьма дешевой цѣнѣ — необходимый цензъ въ отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, однако, измѣненіе внутренней организаціи кассаціоннаго Сената (раздѣленіе на отдѣленія), связанное съ особымъ увеличеніемъ числа сенаторовъ, вызвало сильное движеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, и мнѣ было предложено мѣсто прокурора харьковской Судебной Палаты. Отчасти по соображеніямъ, которыя заставляли меня думать объ уходѣ въ мировые судьи, а также и въ виду моихъ педагогическихъ занятій (лекціи уголовнаго судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія) и весьма цѣнимой мною близости къ тогдашнему кружку «Вѣстника Европы», гдѣ я постоянно встрѣчался съ Гончаровымъ, Кавелинымъ, Пыпинымъ и Спасовичемъ, а иногда и съ Тургеневымъ — я отказался отъ предложеннаго мнѣ поста въ прокуратурѣ, указавъ, что моимъ наклонностямъ болѣе соотвѣтствовало бы званіе судьи. Тогда мнѣ было предложено занять должность предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда, которая должна была сдѣлаться вакантной черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Возможность стать предсѣдателемъ суда, при которомъ я такъ долго состоялъ прокуроромъ, и не покидать притомъ Петербурга, улыбалась мнѣ до крайности, и мысль объ участковомъ мировомъ судьѣ была оставлена. Но у меня оставался цензъ—1.200 десятинъ гдѣ-то «въ мѣстѣ пустѣ, мѣстѣ безплоднѣ, мѣстѣ безводнѣ», и по настоянію Неклюдова я рѣшился баллотироваться въ почетные мировые судьи города Петербурга.

Для осуществленія этого намѣренія было необходимо побывать у городского головы, заявить ему о своемъ желаніи и представить ему документы, относящіеся къ имущественному цензу.

Мы поѣхали вмѣстѣ съ Неклюдовымъ къ Н. И. Погребову, съ которымъ я былъ уже давно знакомъ по совмѣстной дѣятельности въ петербургскомъ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ. Умѣлый администраторъ, рачительный хозяинъ и прекрасный самъ по себѣ человѣкъ, Николай Ивановичъ встрѣтилъ меня очень любезно и, не сомнѣваясь въ моемъ избраніи, радостно привѣтствовалъ мое будущее вступленіе въ составъ мировыхъ судей въ столицѣ. Мнѣ тоже думалось, что избраніе должно пройти успѣшно: я лишь полтора года назадъ оставилъ должность прокурора Окружного Суда въ Петербургѣ, которую занималъ около пяти лѣтъ, выступая почти по всѣмъ выдающимся дѣламъ, отчеты о которыхъ печатались въ газетахъ;—принималъ дѣятельное участіе въ городскихъ дѣлахъ въ качествѣ члена городского присутствія;—возбудилъ нѣсколько громкихъ дѣлъ, привлекшихъ общественное вниманіе; какъ, напримѣръ, дѣло о поджогѣ мельницы Овсянникова, дѣло игуменьи Митрофаніи и др., и, наконецъ, въ моей камерѣ въ Окружномъ Судѣ перебывало множество петербургскихъ обывателей, приходившихъ за совѣтомъ или защитой. Все это, вмѣстѣ съ многочисленными печатными и общественными проявленіями сожалѣнія о моемъ уходѣ изъ прокуратуры, давало, казалось бы, мнѣ основаніе считать себя человѣкомъ, настолько извѣстнымъ въ Петербургѣ, что никакихъ особыхъ недоумѣній или колебаній при выборахъ относительно меня произойти не можетъ. Мы съ Неклюдовымъ уже собирались уходить, когда въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ явились два купца, гласныхъ Думы, состоявшихъ членами совѣта какой-то богадѣльни, пришедшихъ благодарить Погребова за участіе его въ какомъ-то торжествѣ, бывшемъ въ этой богадѣльнѣ наканунѣ, и за щедрое въ пользу ея пожертвованіе. Одинъ изъ нихъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, другой въ длинномъ сюртукѣ старинаго покроя. Когда оба они усѣлись въ довольно почтительныхъ позахъ, Погребовъ, указывая на меня и называя меня, сказалъ имъ: «Вотъ—имя рекъ—хочетъ сдѣлать намъ честь баллотироваться въ мировые судьи. Вы вѣдь избиратели, такъ позвольте его вамъ представить». Почтительныя позы немедленно исчезли, и, небрежно отклонясь на спинку кресла, фракъ ска-

залъ мнѣ: «А вы чѣмъ изволите заниматься? — Я служу въ судебномъ вѣдомствѣ. — А-а! — а по какой части? — Я вице-директоръ министерства юстиціи и пять лѣтъ былъ прокуроромъ Окружного Суда. — Такъ-съ. Это гдѣ же вы были? — Въ Петербургѣ. — Въ Петербургѣ? прокуроромъ? — и онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего спутника. — Какъ ваша фамилія будетъ?— спросилъ сюртукъ, безцеремонно разглядывая меня, и на мой отвѣтъ сказалъ, обращаясь къ фраку:—Не слыхивали что-то!— Какъ же вы не знаете, кто былъ у насъ такъ долго прокуроромъ! — раздражительно вмѣшался въ разговоръ Погребовъ.—Да помилуйте, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, принимая опять почтительную позу, фракъ:—вѣдь мало ли ихъ, господъ служащихъ, гдѣ же объ нихъ обо всѣхъ знать, кто при чемъ состоитъ!—Ну, что жъ,—покровительственно заключилъ бесѣду сюртукъ,—вотъ соберемъ о васъ справки да посудимъ. Отчего же и не выбрать, вотъ особенно, коли его превосходительство порекомендуютъ. Выбрать всегда возможно»... Погребовъ вышелъ провожать насъ въ переднюю и, горячо пожимая мнѣ руку, видимо сконфуженный, сказалъ: «Извините, пожалуйста, за этихъ..., у насъ вѣдь большинство не такіе. Мнѣ такъ совѣстно! Пожалуйста, не вздумайте отказываться отъ вашего намѣренія. — И не думаю, Николай Ивановичъ, и даже благодаренъ случаю, давшему мнѣ маленькій урокъ, чтобы, какъ говоритъ Некрасовъ, «человѣкъ не баловался», — сказалъ я.

Вслѣдъ за избраніемъ меня въ столичные почетные судьи я былъ избранъ почетнымъ судьею по Петербургскому уѣзду и по Петергофскому уѣзду съ городомъ Кронштадтомъ, такъ что, съ точки зрѣнія упомянутаго выше буйнаго обывателя, сидѣлъ сразу на трехъ цѣпяхъ. Первое же засѣданіе петербургскаго съѣзда—распорядительное—о направленіи дѣлъ по жалобамъ на мировыхъ судей въ дисциплинарномъ порядкѣ—связано для меня съ довольно тяжелымъ воспоминаніемъ. Между участковыми судьями былъ мировой судья Трофимовъ, пользовавшійся большою популярностью. Крупный старикъ воинственнаго вида, съ сѣдой курчавой головой и большими усами, въ товарищескомъ кругу онъ былъ неоцѣненнымъ разсказчикомъ и оживленнымъ собе-

сѣдникомъ на обѣдахъ, во время которыхъ декламировалъ довольно нескладные стихи собственнаго сочиненія, приличные случаю. Ходили слухи, что онъ держитъ себя чрезвычайно развязно въ судебномъ засѣданіи, шутитъ надъ свидѣтелями и подсудимыми, даетъ имъ наставленія изъ области житейской философіи и читаетъ нотаціи—и этимъ очень увеселяетъ собирающуюся въ большомъ количествѣ въ его камеру публику. Слухи эти проникали нерѣдко и въ печать, при чемъ мелкая пресса, не стѣсняясь, называла разбирательство у Трофимова «балаганомъ». Но жалобъ на такой образъ его дѣйствій не поступало, предсѣдатели же мирового съѣзда, повидимому, сами не желали возбуждать вопроса о странномъ поведеніи Трофимова, и за его камерой все болѣе и болѣе укрѣплялась репутація увеселительнаго мѣста. Наконецъ, однако, поступила и жалоба со стороны одного болгарина, при разбирательствѣ дѣла о которомъ Трофимовъ неумѣстно и довольно рѣзко прошелся на счетъ «братьевъ славянъ», за которыхъ, по его мнѣнію, не стоило вести войну съ Турціей. Въ засѣданіи съѣзда, старикъ откровенно сознался въ томъ, что у него сорвалось съ языка лишнее, и, понуривъ сѣдую голову, вышелъ изъ залы совѣщанія, гдѣ долженъ былъ разрѣшаться вопросъ о возбужденіи противъ него дисциплинарнаго производства. Старые судьи, товарищи Трофимова по нѣсколькимъ трехлѣтіямъ, стали его выгораживать, доказывая, что «предостереженіе» оскорбитъ старика, столь преданнаго своему дѣлу, и пожалуй заставитъ уйти со службы, что было бы большой потерей для мировой юстиціи Петербурга. Они не отрицали неумѣстности того, что говорилъ болгарину Трофимовъ, но стояли на томъ, что отъ неумѣстности далеко до грубости или неприличія, и что для стараго и опытнаго судьи уже одна необходимость приносить передъ товарищами повинную есть достаточное наказаніе. Я не могъ раздѣлить такого взгляда, находя, что чрезмѣрная снисходительность къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ со стороны судей можетъ легко и незамѣтно обратиться въ попустительство, которое грубо нарушитъ довѣріе, питаемое составителями Судебныхъ Уставовъ именно къ суду товарищей, призванныхъ общими силами охранять достоинство представляемаго ими учрежденія.

Указывая на то, что жалоба болгарина лишь подтверждаетъ ходящіе слухи и сложившееся представленіе о томъ, что происходитъ въ камерѣ Трофимова, я находилъ, что оставленіе съѣздомъ жалобы безъ послѣдствій можетъ дать словоохотливому судьѣ основаніе для дальнѣйшихъ выходокъ въ томъ же родѣ. Поэтому я горячо поддерживалъ меньшинство съѣзда, признававшее необходимость возбужденія дисциплинарнаго производства. Мой maiden speech убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ большинства и въ томъ числѣ предсѣдателя. Старикъ, приглашенный для участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ и узнавшій, конечно, чѣмъ рѣшено его дѣло, занялъ свое мѣсто сконфуженный и удрученный. Установленнымъ порядкомъ онъ получилъ предостереженіе.

Черезъ годъ на мою долю выпало обревизованіе его дѣлопроизводства, къ которому я приступилъ съ непріятнымъ ожиданіемъ найти разные безпорядки и упущенія. Еще до разсмотрѣнія книгъ и производствъ, я рѣшилъ нѣсколько разъ посѣтить камеру Трофимова въ качествѣ частнаго человѣка, садясь въ публикѣ, которой въ его обширной камерѣ всегда было очень много и среди которой онъ меня едва ли замѣчалъ. И что же? Вмѣсто прославленнаго балагана я увидѣлъ настоящее мировое, жизненное, чуждое бездушной формальности и равнодушной торопливости разбирательство. За судейскимъ столомъ сидѣлъ умный и трогательно-добрый человѣкъ, по-отечески журившій участвующихъ въ дѣлѣ и по-отечески входившій въ ихъ нужды и ихъ понимавшій. Не неумѣстной фамильярностью вѣяло отъ него, а той искренностью отношеній и выраженій, которыя были гораздо понятнѣе простымъ людямъ, выходившимъ предъ судейскій столъ, чѣмъ холодныя, сакраментальныя слова процессуальнаго закона. И отношеніе всѣхъ находившихся въ камерѣ къ Трофимову было особенное: между нимъ и ими чувствовалась живая связь и взаимное пониманіе. Даже словечки, которыя онъ «отпускалъ», пріобрѣтали въ его устахъ и въ этой обстановкѣ совсѣмъ особенный характеръ: они служили чуткимъ выраженіемъ чувствъ и настроенія присутствующихъ; въ нихъ, иногда въ своеобразной формѣ, выражался удовлетворяющій внутреннее чувство нравственный приговоръ надъ тѣмъ, что не умѣщалось въ узкія рамки

юридическаго опредѣленія. И въ тонѣ и способѣ произнесенія Трофимовымъ его поученій и репримандовъ не было ничего оскорбительнаго. Напротивъ, среди наполнявшаго мѣста для публики сѣраго люда порою произносилось полушопотомъ: «правильно!.. справедливо!.. это такъ!..» и т. п. А тотъ, кто вызвалъ «выходку» судьи, по большей части съ повиннымъ видомъ соглашался съ мировымъ судьей или добродушно раздѣлялъ сдержанный смѣхъ аудиторіи. По существу же всѣ дѣла, при разборѣ которыхъ я присутствовалъ, были рѣшены, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно, и подъ каждымъ изъ этихъ рѣшеній я подписался бы обѣими руками. Не въ первый разъ увидѣлъ я при этомъ, какъ необходимо для того, чтобы судить о томъ, что происходитъ въ судебномъ засѣданіи, быть въ немъ самому и воочію познакомиться съ тѣми оттѣнками въ словахъ и дѣйствіяхъ участвующихъ лицъ, передать которые ни печать, ни обыкновенный разсказъ не въ состояніи. Мнѣ съ душевной болью вспомнилось, что я былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ возбужденія дисциплинарнаго производства о Трофимовѣ, во время котораго этотъ истинный народный судья пережилъ, конечно, не мало тяжелыхъ минутъ. Послѣ третьяго или четвертаго посѣщенія его камеры съ пребываніемъ въ публикѣ, я въ перерывъ засѣданія пошелъ къ нему въ кабинетъ и, объявивъ о возложенной на меня задачѣ, сказалъ ему: «Александръ Ивановичъ, я уже четвертый разъ сижу въ вашей камерѣ и смотрю, какъ вы рѣшаете дѣла»... Старикъ вопросительно приподнялъ брови, пошевелилъ усами, и на лицѣ его появилось выраженіе ожиданія какихъ-нибудь критическихъ съ моей стороны замѣчаній... «Я пришелъ вамъ сказать, что мнѣ больно и стыдно вспомнить, что я настоялъ на дисциплинарномъ судѣ надъ вами: я не зналъ васъ и понималъ васъ слишкомъ формально. Теперь я вижу, какъ ошибался»... Трофимовъ вдругъ покраснѣлъ и глаза его наполнились слезами. «Голубчикъ!—воскликнулъ онъ—да что вы! да Богъ съ вами! да вѣдь я дѣйствительно иногда этакъ — знаете — за постромки заступаю! да что вы!» И онъ взволнованно подошелъ ко мнѣ вплотную и, прижавъ мою голову къ своей широкой груди, поцѣловалъ меня.

Года черезъ два онъ умеръ. Огромная толпа простыхъ людей проводила его до могилы на кладбище Александро-Невской лавры. Черезъ нѣсколько недѣль, бывши въ лаврѣ и посѣтивъ эту могилу, я нашелъ на ней много дешевыхъ вѣнковъ изъ ельника и бумажныхъ цвѣтовъ — эту настоящую «лепту вдовицы», — а бѣлый крестъ надъ насыпью оказался весь исписаннымъ вдоль и поперекъ различными надписями. «Добрый человѣкъ, тебя нельзя забыть», значилось на одной; «честный судья, другъ и учитель бѣдныхъ, спи спокойно!» — говорилось въ другой...

Несмотря на обиліе дѣлъ, поступавшихъ въ петербургскій столичный съѣздъ, и на небольшое число столичныхъ мировыхъ судей, сравнительно съ тѣмъ, которое существуетъ нынѣ, засѣданія всѣхъ отдѣленій съѣзда велись всегда въ образцовомъ порядкѣ и съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ и вниманіемъ, которое довлѣетъ дѣлу правосудія. Этихъ свойствъ я, къ удивленію моему, не нашелъ въ засѣданіяхъ Tribunal de police correctionnelle въ Парижѣ. Особенно памятно мнѣ засѣданіе этого суда, при которомъ я присутствовалъ въ 1879 году. Въ полчаса было разсмотрѣно и рѣшено девять дѣлъ. Принималъ участіе въ ихъ разборѣ одинъ президентъ, съ крикливымъ словомъ и нетерпѣливыми движеніями. Подсудимые по разнымъ дѣламъ сидѣли рядомъ на длинной скамьѣ, сзади которой были двѣ двери. Въ одну ихъ вводилъ дежурный жандармъ, въ другую выводилъ. Судился крайній или крайняя, ближайшіе къ судейскому столу. По провозглашеніи резолюціи отворялись обѣ двери,—осужденный уходилъ—всѣ остальные подсудимые, не поднимаясь на ноги, а лишь довольно комично ритмически привставая, передвигались, и скамья принимала новаго обвиняемаго. — За судейскимъ столомъ сидѣло два «совѣтника»; одинъ относился ко всему безучастно и повидимому дремалъ, другой, нисколько не стѣсняясь, читалъ газету, по временамъ широко ее развертывая или перегибая. Прокуроръ, на молчаливое обращеніе къ нему президента, повторялъ одно неизмѣнное: «я ходатайствую» (je requiers). «Дѣло Матье! — провозглашалъ президентъ: — Матье? — Здѣсь, господинъ президентъ!—отвѣчаетъ крайній на скамьѣ подсудимыхъ. — Вы обвиняетесь въ нанесеніи удара полицейскому.

Признаете ли себя виновнымъ (plaidez-vous coupable ou non)?— Да, помилуйте! это онъ меня ударилъ. — Молчать! это всегда у васъ — *васъ* бьетъ полиція... (Taisez-vous! Ah, c'est toujours la police qui vous frappe). Есть свидѣтели? — Судебный приставъ отвѣчаетъ, что есть муниципальный сержантъ Андріе.—Андріе, подойдите! поднимите руку! вы клянетесь говорить правду, одну лишь правду... Опустите руку! *Онъ* васъ ударилъ? — Да, господинъ президентъ.—Можете итти.—Ну (обращаясь къ подсудимому), что вы можете сказать въ свою защиту? — Да, помилуйте! вѣдь не я его, а онъ меня...—Хорошо! (смотритъ въ сторону прокурора, который повторяетъ свою неизмѣнную фразу) — судъ, выслушавъ... приговариваетъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ судебнымъ издержкамъ. Уведите! (Faites sortir!)»— Подсудимый кланяется, исчезаетъ — и начинается новое дѣло, ведущееся тѣмъ же способомъ. Когда предсѣдатель, съ которымъ я познакомился во время перерыва засѣданія, спросилъ о моемъ впечатлѣніи, я не могъ скрыть отъ него, что такое отправленіе правосудія представляется мнѣ черезчуръ поспѣшнымъ (trop expéditif), и онъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ: «о! я знаю *ихъ* (je connais mon monde) и они *меня* знаютъ!»

Я носилъ званіе почетнаго мирового судьи въ теченіе восьми лѣтъ и не разъ предсѣдательствовалъ въ одномъ изъ отдѣленій столичнаго мирового съѣзда. Но главная обязанность, связанная съ этимъ званіемъ, и которая за все это время всецѣло лежала на мнѣ, было еженедѣльное, кромѣ лѣта, участіе въ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія. Въ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда приходилось бывать рѣдко — обыкновенно въ лѣтнее время. Уѣзднымъ петербургскимъ съѣздомъ я былъ избранъ предсѣдателемъ комиссіи по составленію особаго наказа и тутъ имѣлъ случай ближе узнать прекраснаго судью и человѣка, Евгенія Александровича Шакѣева, отчасти напоминавшаго своей судьбою Неклюдова и тоже не дожившаго до времени, когда его даръ слова и пониманіе общественныхъ интересовъ могли бы себѣ найти гораздо болѣе широкое примѣненіе. Оба съѣзда — и петергофскій, и уѣздный петербургскій—были составлены очень удачно, особенно послѣд-

ній. Будучи въ 1885 году назначенъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, я долженъ былъ сложить съ себя по несовмѣстимости званіе почетнаго мирового судьи. Съ грустью разстался я съ мировыми учрежденіями, сохранивъ о нихъ самыя лучшія воспоминанія и искренно тронутый добрыми чувствами, высказанными мнѣ моими товарищами на прощаніе. По новой должности моей и затѣмъ по званію сенатора черезъ мои руки прошло великое множество дѣлъ съ рѣшеніями и приговорами мировыхъ съѣздовъ со всѣхъ концовъ Россіи, и они свидѣтельствовали, что im Grossen und Ganzen мировая юстиція находилась въ Россіи въ добросовѣстныхъ рукахъ и исполняла свое назначеніе. Конечно, встрѣчались промахи и ошибки, но они были немногочисленны, — кассировать приговоры приходилось сравнительно рѣдко, и если встрѣчалось завѣдомо узкое или тенденціозное примѣненіе закона, то эти рѣдкіе случаи имѣли мѣсто главнымъ образомъ среди мировыхъ судей *по назначенію*, въ Польшѣ и Западномъ краѣ, по отношенію къ дѣламъ о штундистахъ и уніатахъ, — или въ Прибалтійскомъ краѣ по примѣненію къ нѣмцамъ ст. 29 Уст. о нак., нал. мир. суд., гласящей о неисполненіи законныхъ распоряженій и требованій полиціи. Въ дѣлахъ перваго рода мировые судьи и съѣзды подчинялись властнымъ требованіямъ мѣстной администраціи и представителей православнаго вѣдомства, забывшихъ про мечъ духовный и настойчиво взывавшихъ къ укрѣпленію господствующей церкви мечомъ свѣтскимъ въ рукахъ чиновъ полиціи и мировыхъ судей. Но и тутъ встрѣчались герои судейскаго долга. Таковъ былъ мировой судья Чигиринскаго уѣзда Кіевской губерніи, Меѳодій Филипповичъ Тетеря, отказавшійся въ эпоху усиленнаго гоненія на штундистовъ осудить нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся помолиться надъ умершимъ штундистомъ, своимъ родственникомъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ полиція усматривала нарушеніе циркуляра генералъ-губернатора, воспретившаго штундистамъ — въ явное нарушеніе великодушнаго закона 3-го мая 1883-го года — всякія молитвенныя собранія. Этотъ судья, будучи «назначеннымъ», т.-е. смѣняемымъ, имѣлъ гражданское мужество признать распоряженіе графа Игнатьева лишеннымъ законнаго осно-

ванія — и Сенатъ, въ общемъ собраніи кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, раздѣлилъ его взглядъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ такіе приговоры были результатомъ ложнаго взгляда на задачи мѣстныхъ мировыхъ судей, въ которыя будто бы входило не одно отправленіе нелицемѣрнаго правосудія, а и посильная руссификація, достигавшая, впрочемъ, совершенно обратныхъ результатовъ. Таково, напримѣръ, было дѣло о нѣсколькихъ врачахъ города Риги, обвинявшихся въ неисполненіи распоряженія губернатора о томъ, чтобы всѣ «торгово-промышленныя заведенія имѣли вывѣски на русскомъ языкѣ», при чемъ подъ понятіе этихъ вывѣсокъ не въ мѣру усердная полиція подводила дверныя дощечки врачей на нѣмецкомъ языкѣ и, сорвавъ ихъ или разбивъ, привлекала врачей къ отвѣтственности по 29 ст. Но, повторяю, эти дѣла были рѣдкими исключеніями и, конечно, не они были причиной разразившейся внезапно, въ 1889 году, бури, которая смела съ лица русской земли, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, мировыя судебныя учрежденія и обратила въ ничто ихъ многолѣтнюю работу по воспитанію народа въ чувствахъ законности. На опустошенной судебной нивѣ выросли земскіе начальники и распустились пышнымъ цвѣтомъ узаконеннаго произвола и смѣшенія понятій о личномъ распоряженіи и о судебномъ рѣшеніи. Въ широковѣщательной комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, занимавшейся искаженіемъ ихъ основныхъ началъ съ 1894 по 1900 годъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, нѣкоторые члены пытались предложить вернуться къ упраздненнымъ мировымъ судьямъ, и даже министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, устами своего товарища Неклюдова, выразилъ согласіе на отмѣну *судебной власти* земскихъ начальниковъ. Но предположенія эти встрѣтили категорическій и рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя комиссіи, статсъ-секретаря Муравьева. Наивнымъ людямъ, мечтавшимъ въ «новизнѣ» предпринятой работы услышать свою «старину», было вразумительно объяснено, что возстановленіе мировыхъ судей «не входитъ въ виды правительства» и что вопросъ объ этомъ не будетъ даже допущенъ къ обсужденію.

Такимъ образомъ былъ закрѣпленъ *судебный* институтъ земскихъ начальниковъ, повидимому — къ счастію, только повидимому — на много лѣтъ, такъ какъ предполагалось, что работа комиссіи должна облагодѣтельствовать Россію не на одно десятилѣтіе: нельзя же пересматривать Судебные Уставы для каждаго новаго министра юстиціи. Судебная власть, близкая къ народу и связанная при томъ, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ, съ правомъ безконтрольнаго усмотрѣнія, осталась сосредоточенною надъ большею частью русскаго населенія въ рукахъ людей, иногда очень молодыхъ, возрастный и образовательный цензъ которыхъ былъ пониженъ до послѣднихъ предѣловъ, — людей часто совершенно чуждыхъ данной мѣстности, назначаемыхъ не по выбору, а по представленію администраціи, ей подчиненныхъ и увольняемыхъ ея же простымъ распоряженіемъ. Правда, комиссія подъ руководствомъ статсъ-секретаря Муравьева проектировала для тѣхъ мѣстностей — въ Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и т. д., — гдѣ не существовало еще земскихъ начальниковъ и на ряду съ ними жалкихъ обломковъ мирового института, называемыхъ городскими судьями,—должность участковаго судьи, съ огромной подсудностью и обязанностями по производству слѣдствій и по исполненію нотаріальныхъ дѣйствій; но судья этотъ во многихъ отношеніяхъ былъ поставленъ въ худшее положеніе, чѣмъ старый мировой судья. Достаточно сказать, что ему не было присвоено несмѣняемости, еще гораздо болѣе необходимой единоличному судьѣ, чѣмъ члену коллегіи. Былъ также проектированъ особый почетный судья, назначаемый министромъ юстиціи (а не утверждаемый Сенатомъ, какъ старый выборный почетный мировой судья) изъ всякаго званія людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и прослужившихъ три года на практическихъ судебныхъ должностяхъ. Земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ было однако предоставлено право представлять о назначеніи почетными судьями лицъ, обладающихъ извѣстнымъ цензомъ и кончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, если только они мѣстные потомственные дворяне. Но тамъ, гдѣ введены земскіе началь-

ники, такіе судьи никакого отношенія къ мѣстному, близкому къ народу, суду не имѣли.

Вопросъ о несмѣняемости мѣстныхъ судей тянулся въ комиссіи три года, въ ежегодныхъ засѣданіяхъ разнаго состава. Обсужденіе его въ комиссіи оставило во мнѣ самыя тягостныя воспоминанія. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаю я покорную услужливость многихъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, подчинившихся въ этомъ вопросѣ предуказанному настроенію— и въ особенности одного причастнаго къ большимъ историческимъ событіямъ конца 70-хъ годовъ судебнаго сановника, участвовавшаго во всѣхъ этихъ засѣданіяхъ и измѣнявшаго свой взглядъ по мѣрѣ того, какъ онъ лично повышался и украшался. Въ первомъ засѣданіи онъ ворчливо и угрюмо стоялъ за несмѣняемость и подписалъ особое мнѣніе, поданное мною въ защиту этого принципа; чрезъ годъ—онъ уже молчалъ и не присоединился ко мнѣ, а чрезъ годъ еще, въ окончательномъ, многолюдномъ, хотя и нарочито замкнутомъ засѣданіи, состоявшемъ изъ особо приглашенныхъ высокопоставленныхъ особъ, уже невнятно прорицалъ что-то противъ несмѣняемости и присоединился къ огромному большинству противъ пяти членовъ комиссіи, безплодно отстаивавшихъ эту необходимую принадлежность самостоятельныхъ судей, въ томъ видѣ, какъ она существовала даже по ограничительному закону 1885 года. Здѣсь не мѣсто описывать это знаменательное засѣданіе со всѣми его перипетіями, поучительными для будущаго историка судебной реформы, но надо надѣяться, что мировые судьи, хотя, быть можетъ, и подъ другими названіями, будутъ возстановлены совокупной работой нашихъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, при обсужденіи вопроса о мѣстномъ судѣ. Это возрожденіе изъ пепла не застанетъ, конечно, въ живыхъ почти никого изъ тѣхъ первоначальныхъ дѣятелей мировой юстиціи, которые были преемственно связаны съ мировыми посредниками и многіе изъ которыхъ еще помнили то время, когда на русскомъ общественномъ горизонтѣ засіяли Судебные Уставы, разгоняя тьму безсудія и лихоимства. Быть можетъ, и мнѣ, съ болью въ сердцѣ созерцавшему постепенное изувѣченіе этихъ Уставовъ, не придется дожить до этихъ дней,

но, привѣтствуя ихъ уже теперь, я съ чувствомъ сердечнаго уваженія обращаюсь къ памяти ушедшихъ, съ которыми мнѣ пришлось работать въ мировыхъ учрежденіяхъ. Изъ нихъ тоже остались очень немногіе, да и жизнь повела насъ разными путями, такъ что встрѣчаться приходилось очень рѣдко, мимолетно и иногда въ совершенно неожиданныхъ условіяхъ. Воспоминаніемъ объ одной такой встрѣчѣ съ мировымъ судьею Ц., моимъ сослуживцемъ по одному изъ уѣздныхъ съѣздовъ, я и закончу мое повѣствованіе.

Каждый вдумчивый судья, врачъ и священникъ должны знать по опыту своей профессіи, что жизнь представляетъ такія драмы и трагедіи, которыя нерѣдко превосходятъ самый смѣлый полетъ фантазіи. Но въ жизни бываютъ не однѣ драмы и высокія комедіи, а и происшествія чисто-водевильнаго характера. Такимъ характеромъ отличалась и упомянутая мною встрѣча съ Ц. Въ 1889 году я былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, и мнѣ предстояло сдѣлать всѣмъ двадцати шести членамъ совѣта визиты, чтобы поблагодарить ихъ за честь избранія. Я исполнялъ эту скучную процедуру по списку, данному мнѣ изъ канцеляріи совѣта, исполнялъ, не торопясь, между дѣломъ, и моля судьбу не дать мнѣ заставать моихъ будущихъ товарищей, такъ какъ въ это время я былъ въ самомъ разгарѣ моей оберъ-прокурорской дѣятельности и дорожилъ каждымъ часомъ, да и предпочиталъ познакомиться съ ними за общимъ дѣломъ. По большей части судьба была ко мнѣ милостива, но такъ какъ въ то время между членами медицинскаго совѣта было много такихъ, которые въ сущности давно уже умерли и представляли то, что Бисмаркъ называлъ «уволеннымъ въ отпускъ мертвецомъ» (eine beurlaubte Leiche), то этихъ-то именно я и заставалъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ долго пришлось прождать, покуда ко мнѣ вышелъ поддерживаемый лакеемъ, едва передвигая ноги, съ отвислыми губами беззубаго рта и безсмысленнымъ взглядомъ оловянныхъ глазъ, одинъ изъ «лейбъ-врачей», начавшій свою практику еще въ царствованіе Александра I-го. Однажды, въ началѣ января, я отправился сдѣлать визитъ профессорамъ Траппу и Мерклину, жив-

шимъ недалеко отъ меня на Литейной и въ Симеоновскомъ переулкѣ. Начинало смеркаться. На мнѣ было любимое старенькое пальто, про которое моя долголѣтняя домоправительница говаривала: «ну ужъ и пальто! стыдно на улицу выйти: кончится тѣмъ, что, посмотрѣвъ на него, вамъ когда-нибудь *подадутъ*». Домъ, въ которомъ, согласно списку, жилъ Траппъ, былъ двухъэтажный барскій особнякъ съ лѣпнымъ гербомъ на фронтонѣ. У подъѣзда стоялъ величественный швейцаръ, бесѣдовавшій съ лакеемъ въ гороховыхъ штиблетахъ. «Дома Траппъ?» спросилъ я его, не доходя трехъ шаговъ. Швейцаръ, не прерывая бесѣды, отвѣтилъ утвердительно. «Принимаютъ?» Онъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и высокомѣрно спросилъ: «Да вы кто такой?»— «Я спрашиваю, принимаютъ ли?» — «А я — отвѣтилъ онъ наглымъ тономъ—*васъ* спрашиваю, кто вы такой? Вотъ когда узнаю, кто вы, то и увижу, можно ли васъ принять. Много тутъ всякихъ шляется». Лакей въ гороховыхъ штиблетахъ радостно хихикнулъ. Я вспылилъ и, отдавая швейцару мою официальную карточку, сказалъ, что совѣтовалъ бы его хозяину не держать такихъ невѣжливыхъ слугъ. Чрезъ нѣсколько домовъ на мой звонокъ у квартиры Мерклина мнѣ отворилъ старичокъ-слуга нѣмецъ и заявилъ, что хозяина нѣтъ дома. «Отдайте карточку, скажите, что я, вновь избранный членъ медицинскаго совѣта, приходилъ благодарить за оказанную мнѣ честь и познакомиться».—«Ахъ, Боже мой! — засуетился старый слуга; — они будутъ такъ жалѣлъ, они пошель тутъ возлѣ къ своей Schwager, профессоръ Траппъ. Я могу ихъ сейчасъ hohlen». «Ну вотъ, — сказалъ я, —а я былъ у Траппа, и меня швейцаръ самымъ грубымъ образомъ не пустилъ».

Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, когда я вернулся изъ какого-то засѣданія домой, швейцаръ того дома, гдѣ я жилъ, подалъ мнѣ карточку почетнаго мирового судьи Ц., на которой было написано, что онъ убѣдительно проситъ меня принять его на другой день рано утромъ по весьма важному и неотложному дѣлу. При этомъ швейцаръ объяснилъ мнѣ, что Ц. въ теченіе вечера заходилъ три раза въ надеждѣ меня застать. На другой день утромъ между нами зашелъ слѣдующій разговоръ: «Почетный мировой

судья Ц. — Очень радъ возобновить знакомство. — Я управляю дѣлами графа Апраксина. — Молчаніе. — Я управляю дѣлами графа Апраксина. — Поздравляю васъ: это, вѣроятно, очень хорошее мѣсто. Но что вамъ отъ меня угодно? — Что *вамъ* угодно отъ графа Апраксина?—Я никакого графа Апраксина не знаю.— То-есть, какъ же это? вы у него вчера были и оставили карточку.—Извините меня, тутъ какое-то недоразумѣніе: я ни у какого Апраксина карточки не оставлялъ. Повторяю, я его не знаю и дѣла къ нему никакого не имѣю.—Но позвольте! Вчера, часовъ въ шесть, графъ Апраксинъ послалъ за мной въ Мурзинку, гдѣ я живу, требуя немедленнаго прибытія. Я засталъ его крайне взволнованнымъ, и онъ съ ужасомъ показалъ мнѣ вашу карточку. Онъ — человѣкъ старый, больной и очень мнительный. «Помилуйте, — говорилъ онъ мнѣ, — я, вѣроятно, запутанъ въ какое-нибудь важное дѣло, можетъ быть, даже политическое. Видите, что тутъ написано: оберъ-прокуроръ, да еще уголовнаго, да еще кассаціоннаго, да еще Правительствующаго Сената. У меня сердце не на мѣстѣ. Ради Бога, поѣзжайте сейчасъ, узнайте, въ чемъ дѣло: что ему отъ меня надо. Скажите, что я человѣкъ смирный и ни въ какихъ дѣлахъ никогда замѣшанъ не былъ. Это просто ужасно»... Я поѣхалъ къ вамъ, не засталъ, а когда вернулся, то нашелъ графа въ еще большемъ волненіи. Оказалось, что швейцаръ, увидѣвъ суматоху, вызванную вашей карточкой, явился къ графу и повинился въ томъ, что онъ вамъ нагрубилъ, и просилъ его не увольнять». — Тогда мнѣ стало ясно, въ чемъ дѣло. Швейцаръ, очевидно, ослышался, и мой вопросъ: «дома Траппъ?» принялъ за «дома графъ?» Я успокоилъ моего посѣтителя, при чемъ онъ объяснилъ мнѣ, что нумеръ дома, указанный канцеляріей, существовалъ нѣсколько лѣтъ назадъ; нынѣ же нумерація измѣнена, и домъ, гдѣ живетъ Траппъ, имѣетъ другой нумеръ, а его старый нумеръ перешелъ на домъ графа Апраксина, разгуливавшаго въ пальто еще худшемъ, чѣмъ мое, и стяжавшаго себѣ извѣстность ретивой стрѣльбою въ крестьянъ при объявленіи въ 1861 году воли въ селеніи Бездна.

Но водевиль не кончился этимъ. Черезъ нѣсколько дней я явился въ первый разъ въ засѣданіе медицинскаго совѣта. Пред-

сѣдатель, почтенный старикъ профессоръ Здекауеръ, сказалъ мнѣ привѣтственное слово, и члены совѣта стали подходить ко мнѣ для личнаго знакомства и рукопожатія. Подошелъ ко мнѣ и сѣдой старичокъ благообразнаго вида, сказавшій съ нѣмецкимъ акцентомъ: «Ахъ, ваше превосходительство, мнѣ такъ непріятно, вы были у меня, и мой швейцаръ васъ грубо не принялъ. Мнѣ разсказалъ объ этомъ мой родственникъ, и, представьте, я позвалъ швейцара и выговаривалъ ему, а онъ говоритъ, что этого никогда не было и что онъ образъ со стѣны въ подтвержденіе этого готовъ снять. Я ему сказалъ: ты безсовѣстный человѣкъ! этотъ господинъ не такой, чтобы напрасно обвинять. Ach! diese Leute sind ja unverschämt! Я—профессоръ Траппъ».—Ну, представьте,—вашъ швейцаръ совершенно правъ,—отвѣтилъ я и разсказалъ ему всю исторію...

Стоило вплести во все это какую-нибудь романическую интригу — и довольно неправдоподобный водевиль былъ бы готовъ.

XXII.

Александръ Ивановичъ Урусовъ.

Обращаясь воспоминаніемъ къ людямъ, встрѣченнымъ мною на моемъ судебномъ поприщѣ въ разные его періоды, я невольно останавливаюсь на крупной во всѣхъ отношеніяхъ фигурѣ князя Александра Ивановича Урусова, создавшаго себѣ и оставившаго въ русской адвокатурѣ громкое имя.

Я не помню Александра Ивановича въ университетѣ. Между нами былъ годъ разницы, и мнѣ его не приходилось встрѣчать. Въ январѣ 1867 года я былъ назначенъ секретаремъ прокурора московской Судебной Палаты Ровинскаго и, впервые, отъ судебной молодежи услышалъ про Урусова, какъ про одного изъ защитниковъ по дѣлу Розенштейна и Цаплина, обвинявшихся въ сбытѣ мѣдныхъ опилокъ за золотой песокъ. Вскорѣ я увидѣлъ его самого. Онъ приходилъ къ Ровинскому просить предоставленія ему должности судебнаго слѣдователя въ захолустномъ городѣ Меленкахъ, Владимірской губерніи. Ровинскій находилъ однако, что Урусова, въ виду его молодости и недостаточной опытности, невозможно назначить на просимую должность и считалъ, что ему надо еще попрактиковаться и подождать.

Такъ Урусовъ и продолжалъ тянуть свою кандидатскую лямку, пока въ одинъ прекрасный день, въ февралѣ или мартѣ

1867 года, ему не пришлось быть назначеннымъ защищать крестьянку Мавру Волохову, обвинявшуюся, на основаніи косвенныхъ уликъ, въ убійствѣ мужа, разрѣзанное на куски тѣло котораго затѣмъ было брошено въ колодецъ. Я былъ въ засѣданіи по этому дѣлу и видѣлъ, какъ эта лямка кандидатской службы, которую былъ обреченъ тянуть Урусовъ, сразу преобразилась въ побѣдный лавровый вѣнокъ. Несмотря на сильное обвиненіе, на искусно поставленныя улики и на трудность иного объясненія убійства, чѣмъ то, которое давалось въ обвинительномъ актѣ, Урусовъ восторжествовалъ на всѣхъ пунктахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ему приходилось во время его долгой адвокатской карьеры говорить рѣчи, не менѣе удачныя и, быть можетъ, гораздо болѣе обработанныя. Но, конечно, никогда не производилъ онъ своимъ чарующимъ голосомъ, изящной простотою рѣчи, искренностью тона и силою критическаго анализа уликъ болѣе сильнаго впечатлѣнія. Имъ овладѣло вдохновеніе судебной борьбы, развитое и обостренное глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла. Это слышалось, это чувствовалось. Умное, но некрасивое лицо его, съ широкимъ носомъ, засвѣтилось внутреннею красотою, а сознаніе своей силы и вліянія на слушателей окрылило Урусова, и рѣчь его летѣла, ширясь, развиваясь и блистая яркими вспышками находчивости и остроумія. Когда онъ кончилъ, и судъ объявилъ перерывъ, публика довольно долго сидѣла тихо и молчаливо, какъ будто зачарованная. Прокуроръ не возражалъ, предсѣдательское слово было кратко, и присяжные недолго совѣщались, чтобы произнести оправдательный приговоръ. Когда подсудимая была объявлена свободной, публика дала волю своему восторгу. Волохову окружили, давали ей деньги, поздравляли. На Урусова сыпались ласковыя слова, привѣты, къ нему протягивались руки, искавшія его рукопожатія, и я самъ видѣлъ простыхъ людей, цѣловавшихъ его руку: вчерашній скромный аспирантъ на должность слѣдователя въ медвѣжьемъ уголкѣ съ ея разъѣздами, ночевками въ волостныхъ правленіяхъ или у станового, съ ея невидимой кропотливой работой и однообразіемъ, со вскрытіями и осмотрами, не глядя ни на какую погоду, сразу занялъ выдающееся — и надолго первое въ Москвѣ — мѣсто въ

передовыхъ рядахъ русской адвокатуры, которая праздновала тогда свой медовый мѣсяцъ.

Мнѣ приходилось присутствовать не разъ при проявленіяхъ восторга слушателей, увлеченныхъ рѣчью оратора, но обыкновенно такое настроеніе являлось непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ рѣчи, подъ первымъ впечатлѣніемъ. Такъ было, напримѣръ, послѣ рѣчи П. Я. Александрова въ дѣлѣ Засуличъ. Такъ было при Пушкинскихъ празднествахъ въ Москвѣ въ 1881 году послѣ знаменитой рѣчи Достоевскаго въ Обществѣ любителей россійской словесности. Въ этихъ случаяхъ конецъ рѣчи разряжалъ электричество настроенія, и оно выражалось шумными знаками одобренія, восклицаніями радости и слезами. Но рѣчь Урусова по дѣлу Волоховой имѣла другой характеръ, она уподобилась звукамъ индійскаго гонга, которые растутъ и усиливаются по мѣрѣ того, какъ расширяется объемъ ихъ волнообразнаго движенія. Впечатлѣніе отъ нея, вызываемыя ею мысли о невиновности подсудимой и страстное желаніе ея оправданія нарастали все болѣе и болѣе во время судебной процедуры, слѣдовавшей за рѣчью, и накоплялись, какъ электрическій зарядъ въ огромной Лейденской банкѣ. Слова: «нѣтъ, не виновна!»— разрядили эту банку въ одномъ общемъ взрывѣ восторга и умиленія. На другой день весь городъ говорилъ объ успѣхѣ Урусова, и основаніе его славы было положено.

Дѣла одно другого интереснѣе посыпались, какъ изъ рога изобилія—и Урусовъ сталъ часто выѣзжать въ провинцію для уголовныхъ защитъ. Изъ московскихъ его дѣлъ въ первые мѣсяцы его дѣятельности мнѣ осталось памятнымъ дѣло о сопротивленіи и противодѣйствіи властямъ, по которому обвинялся кондитеръ Морозкинъ, не хотѣвшій допустить полицейскихъ чиновъ въ торговое помѣщеніе къ осмотру, который онъ считалъ несогласнымъ съ закономъ. Дѣло, въ сущности, сводилось къ оскорбленію на словахъ, но ему почему-то была придана суровая окраска и значеніе «признака времени», будто бы состоявшаго въ колебаніи авторитета власти. Урусовъ необыкновенно искусно воспользовался присущимъ ему юморомъ,—подъ мягкимъ по формѣ прикосновеніемъ котораго иногда чувствовалось острое

жало, — чтобы обратить въ шутку грозныя очертанія обвиненія противъ Морозкина. Сказавъ въ самомъ приступѣ къ своей рѣчи: «Господа присяжные! Такого-то числа въ Москвѣ случилось необыкновенное происшествіе: кондитеръ Морозкинъ арестовалъ почти всю московскую полицію!» и т. д., онъ продолжалъ все въ томъ же строго выдержанномъ тонѣ, и «l'accusation croula malgré l'appoint du président», какъ было бы сказано во французскихъ судебныхъ отчетахъ. «L'appoint du président» встрѣчался въ это время впрочемъ очень рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ судьи относились съ особымъ вниманіемъ къ рѣчамъ Урусова и признавали, что талантъ имѣетъ право иногда расправить свои крылья за предѣлы условныхъ и формальныхъ рамокъ. Поэтому, за исключеніемъ случая, когда безтактный товарищъ предсѣдателя, прославившійся столкновеніями съ секретаремъ и нелѣпыми угрозами малолѣтней свидѣтельницѣ, пригрозилъ Урусову удаленіемъ его изъ залы засѣданія,—послѣдній всегда могъ сказать словами старинной французской судебной поговорки: «qu'il a l'oreille du tribunal». Особенно сочувственно относился къ нему прекрасный человѣкъ и судья, товарищъ предсѣдателя Окружного Суда Щепкинъ, умѣвшій нѣжно цѣнить замѣчательный даръ и образованіе молодого адвоката.

Надо замѣтить, что Урусовъ, благодаря своему воспитанію и эстетическимъ наклонностямъ, выгодно отличался отъ многихъ изъ своихъ товарищей. Во главѣ московской адвокатуры стоялъ всѣми уважаемый, знающій и опытный М. И. Доброхотовъ. Въ ея рядахъ свѣтился тихимъ примирительнымъ свѣтомъ глубоко ученый и благородный Я. И. Любимцевъ, и начиналъ блистать своимъ неподражаемымъ словомъ Ѳ. Н. Плевако. Были и другіе почтенные и способные дѣятели, но весьма большую практику имѣли также лучшіе изъ дѣльцовъ старыхъ судовъ. На нихъ новая дѣятельность съ ея осязательными успѣхами и съ богатымъ вознагражденіемъ дѣйствовала нѣсколько опьяняющимъ образомъ, вызывая приподнятое настроеніе, выражавшееся въ пирахъ и развлеченіяхъ, сопутствовавшихъ громкимъ дѣламъ. Мнѣ помнится, что по одному изъ такихъ дѣлъ, одинъ изъ выдающихся защитниковъ того времени, человѣкъ знающій и даро-

витый, хотя и очень вульгарный въ своихъ рѣчахъ, съ наивной откровенностью разсказывалъ, что нѣсколько дней кутилъ съ оправданнымъ имъ купцомъ, на счетъ послѣдняго, какъ о томъ было договорено заранѣе. Урусовъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ кружка такихъ покладистыхъ защитниковъ, оставаясь всегда тѣмъ, что англичане называютъ «a perfect gentleman», и погружаясь во всѣ свободныя минуты съ упоеніемъ въ чтеніе литературныхъ произведеній, которыя онъ умѣлъ истолковывать съ чрезвычайнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Огромный заработокъ измѣнилъ его матеріальное положеніе, а всероссійская извѣстность наполняла его нескрываемой радостью. Но ни то, ни другое не измѣнили ни его милой простоты, ни его утонченной вѣжливости свѣтскаго человѣка. Онъ сохранилъ деликатное умѣнье широко ощущать «радость жизни», не внося этимъ диссонанса въ скромную и нерадостную жизнь другихъ. Такимъ именно я помню его въ моей меблированной комнаткѣ въ Кисельномъ переулкѣ предъ разлукой на много лѣтъ, незадолго до моего переѣзда въ Харьковъ. Урусовъ опоздалъ меня увидѣть въ канцеляріи прокурора палаты и пріѣхалъ ко мнѣ на домъ, по дорогѣ на званый обѣдъ. Мы уже прощались, когда разговоръ коснулся Эдгара Поэ, которымъ онъ увлекался такъ же, какъ впослѣдствіи Флоберомъ. Въ пальто моего гостя оказался томикъ этого автора въ переводѣ Боделэра, и онъ присѣлъ, чтобы прочесть мнѣ нѣсколько строкъ, но такъ увлекся, что чтеніе (онъ превосходно говорилъ и читалъ по-французски) затянулось часа на два. Званый обѣдъ былъ пропущенъ, и Урусовъ, восхищенный удивительной манерой и образами геніальнаго американца и заразившій этимъ восхищеніемъ и меня, весело раздѣлилъ мою скромную трапезу «отъ хозяевъ».

Мы встрѣтились затѣмъ черезъ четыре съ половиной года въ Петербургѣ, куда я пріѣхалъ прокуроромъ Окружного Суда и гдѣ онъ игралъ въ это время видную роль въ блестящей плеядѣ защитниковъ по извѣстному Нечаевскому процессу. За этотъ промежутокъ времени я мало слѣдилъ за его дѣятельностью, но не могъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на его защитительной рѣчи въ рязанскомъ Окружномъ Судѣ по дѣлу Ко-

струбо-Корицкаго и Дмитріевой, обвиняемыхъ въ дѣтоубійствѣ, при чемъ онъ встрѣтилъ себѣ достойнаго и равносильнаго противника въ Ѳ. Н. Плевако. Здѣсь талантъ его достигъ своего полнаго развитія, и въ немъ появилось не бывшее прежде свойство — горячій и неподдѣльный паѳосъ. Въ концѣ его рѣчи съ призывомъ присяжныхъ «согнуть выю» человѣка, развратившаго и погубившаго подсудимую — и на судѣ все валившаго на нее,— «подъ суровое ярмо закона» послышался будущій талантливый обвинитель. Къ этому же времени относится рядъ его выдающихся защитъ. Такова рѣчь въ Петербургѣ по дѣлу Александра Левицкаго, обвиняемаго въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ, въ которой содержался превосходный очеркъ значенія судебныхъ преній предъ присяжными, тонкій анализъ «самаго драгоцѣннаго дара, приносимаго защитой уголовному правосудію—сознанія и раскаянія подсудимаго» и характеристика неразборчиваго уваженія къ обогатившемуся человѣку, «которое зачастую дается въ средѣ, не воспитавшей въ себѣ политической нравственности подъ вліяніемъ полной внутренней солидарности». Такова рѣчь въ тульскомъ судѣ по дѣлу крестьянъ села Сенакова, обвиняемыхъ въ неисполненіи, по уговору, законныхъ требованій власти,—полная житейскаго юмора, благодаря которому къ горѣ грозныхъ обвиненій осталось примѣнить изреченіе «nascitur ridiculus mus»,— рѣчь, окончившаяся оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ и заявленіемъ ихъ о желаніи отслужить молебенъ за Царя, давшаго имъ «правый судъ». Такова блестящая защита въ нижегородскомъ судѣ Аттиля (внѣбрачнаго сына графа Литты), обвиняемаго въ двоебрачіи, съ анализомъ душевнаго состоянія незаконнорожденнаго среди лицемѣрно-нравственнаго общества и съ прекраснымъ объясненіемъ присяжнымъ содержанія понятія «не виновенъ». Наконецъ, въ этотъ періодъ своей дѣятельности кн. Урусовъ выступилъ, съ блестящимъ успѣхомъ, въ соединенномъ присутствіи I-го и гражданскаго касс. департаментовъ Сената, какъ повѣренный по иску объ убыткахъ, причиненныхъ его довѣрителямъ неправильными дѣйствіями московскаго полицеймейстера Поля и его подчиненныхъ. Начались также и его защиты въ военно-окружномъ судѣ, во время одной изъ которыхъ

онъ сказалъ надѣлавшій шума афоризмъ: «армія безъ дисциплины — есть опасное для общества скопище вооруженныхъ людей».

Въ Петербургѣ онъ былъ все тѣмъ же милымъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ. Отъ него вѣяло спокойнымъ сознаніемъ своей силы и свѣтлыми надеждами на широкую дѣятельность въ будущемъ. И вдругъ все это сразу подломилось. Едва вернувшись въ Москву изъ своей первой заграничной поѣздки, Урусовъ,— по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, которыхъ впослѣдствіи въ разговорахъ онъ касался вскользь и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—былъ оченью 1872 года высланъ въ маленькій городокъ Лифляндской губерніи — Веденъ. Въ этихъ Меленкахъ своего рода онъ провелъ три съ половиною года безъ практики и обычной товарищеской среды. По собственному признанію, онъ много читалъ въ это время и усердно занимался математическими и физическими науками, но тоска грызла, и онъ сознавалъ, что покуда тянется медлительно и безплодно это принудительное житье вдали отъ умственныхъ центровъ, уходятъ лучшіе годы его жизни. Съ этого именно времени въ его письмахъ и разговорахъ стала звучать нота сарказма и личнаго негодованія, прежде столь мало ему свойственная. Лишь въ 1876 году опала была съ него снята, но только отчасти. Назначенный товарищемъ прокурора Окружного Суда въ Варшаву, онъ, такъ властно дѣйствовавшій на сердца присяжныхъ, покорявшій себѣ смѣлымъ словомъ свободныхъ представителей общественной совѣсти, вынужденъ былъ дѣйствовать на судѣ, гдѣ свидѣтели говорятъ черезъ переводчика и гдѣ присяжныхъ замѣняютъ коронные судьи, приговоръ которыхъ, постановленный подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, обреченъ на выцвѣтаніе въ апелляціонной инстанціи. Коронный судъ, хотя и не связанный теоріей формальныхъ доказательствъ, все-таки всегда стѣсняетъ полетъ мысли и слова сторонъ. Изъ- за почтеннаго облика труженика-судьи, заваленнаго ежедневной дѣловой работой, всегда невольно виднѣется «дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый», и этотъ образъ налагаетъ свою руку на вдохновеніе, на блескъ красокъ и игру ума, которые такъ дѣйствуютъ на простого обывателя, дѣлающагося въ ка-

чествѣ присяжнаго засѣдателя не просто «спокойнымъ зрителемъ», но воспріимчивымъ и отзывчивымъ участникомъ всего происходящаго на судѣ. При томъ, широкая натура и родовитое происхожденіе Урусова не легко укладывались въ дисциплинарно-іерархическія рамки служебной жизни. Онъ, повидимому, нерѣдко выходилъ изъ этихъ рамокъ, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ воспоминаній о своей блестящей прошлой дѣятельности и о печати молчанія, столь жестоко наложенной на его уста, онъ считалъ себя въ правѣ встрѣчать большее къ себѣ вниманіе. Но мѣстное начальство ввело его въ общую колею и, повидимому, смотрѣло на его службу въ прокурорскомъ надзорѣ, какъ на нѣкотораго рода «переводъ въ разрядъ исправляющихся» по уставу о ссыльныхъ. А между тѣмъ онъ съ большимъ интересомъ отнесся къ своей новой дѣятельности, смотря на нее не какъ на прохожденіе службы, а какъ на общественное служеніе и считая въ будущемъ «наградою и отдыхомъ» мѣсто товарища предсѣдателя Окружного Суда въ родной ему Москвѣ.

Онъ писалъ мнѣ 2-го марта 1877 года:

«... Я всегда съ нѣкоторою брезгливостью относился къ торгашескому элементу въ адвокатурѣ. Я искалъ въ ней идеальныя цѣли и въ этихъ поискахъ нерѣдко заблуждался и натыкался на пни или попадалъ въ дебри. Меня упрекали въ томъ, что я былъ слишкомъ надменъ съ кліентами. И теперь, вышедши изъ сферы, гдѣ многіе торгуютъ словомъ, я какъ-то внутренно ежусь, какъ-то коробитъ меня при мысли о возвращеніи въ оную, но я не могу не признать, что государственная служба хороша или для людей обезпеченныхъ или при особо счастливыхъ условіяхъ. Будь я матеріально обезпеченъ, знай я, что могу умереть спокойно, оставивъ семьѣ безбѣдное существованіе, я съ радостью служилъ бы въ судебномъ вѣдомствѣ, медленно переходя по ступенькамъ широкой лѣстницы, гдѣ есть мѣсто всякому дарованію, и чувствовалъ бы въ душѣ то внутреннее удовлетвореніе, которое дается только общественною дѣятельностью»...

Немного позже, описывая въ письмѣ отъ 19-го марта того же года первыя дѣла, по которымъ ему приходилось выступать обвинителемъ, онъ говоритъ: ...«Пишу такъ длинно, чтобы дать

Вамъ понятіе о томъ, какъ во мнѣ крѣпнетъ любовь къ дѣлу и дѣловое къ нему отношеніе. Надолго ли это и не явится ли тутъ пресыщеніе — не знаю. Но теперь я чувствую, что перевѣсъ достоинства и важности защищаемыхъ интересовъ на сторонѣ государственнаго обвиненія. Оно — втрое, иногда вдесятеро труднѣе защиты, сидящей и гарцующей на легконогомъ скакунѣ сомнѣнія».

Работать ему приходилось вообще въ довольно необычной для него обстановкѣ. Привыкшій въ свѣтлые московскіе дни видѣть сочувственное къ себѣ отношеніе и въ обществѣ, и въ судебномъ вѣдомствѣ, онъ чувствовалъ себя двояко изолированнымъ—и какъ представитель русской власти, и какъ должностное лицо. Въ качествѣ перваго, онъ былъ предметомъ довольно непріятныхъ выходокъ. «...Настроеніе здѣсь къ намъ — пишетъ онъ 24 апрѣля 1877 года — вообще враждебное. Писалъ ли я Вамъ, какое анонимное письмо съ угрозами я получилъ изъ Львова? Здѣсь эти шутки — обѣщанія убійства въ большомъ ходу. Впрочемъ, если вы прочли то, что «Blue Book» сообщаетъ изъ донесеній Stanfield'a изъ Варшавы, то удивляться враждебности нельзя...»

Съ другой стороны, его рѣчи, чуждыя узкой національностической окраски, не нравились нѣкоторой части русскаго общества въ Варшавѣ, и это недовольство, повидимому, отражалось и на оцѣнкѣ непосредственнымъ начальствомъ его удѣльнаго вѣса въ нѣдрахъ прокуратуры. Особенное порицаніе вызвали его заключительныя слова въ рѣчи объ убійствѣ Гирштовта, въ которыхъ онъ упомянулъ, въ виду ожидающаго подсудимаго наказанія, о ледяномъ небосклонѣ Сибири и о ясныхъ небесахъ Польши. Онъ писалъ мнѣ 18-го декабря 1877 года по поводу этой невинной и справедливой экскурсіи въ область географіи и метеорологіи: «... Я пришлю Вамъ оттискъ моей рѣчи по дѣлу убійства Гирштовта съ просьбою на поляхъ сдѣлать отмѣтки и не отказать въ критическихъ примѣчаніяхъ. Это, говоря искренно, было бы мнѣ дороже всего. Она возбудила самые разнообразные толки и кругомъ меня,—и во мнѣ самомъ. Корреспондентъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей приписалъ мнѣ безсмысленную

собственную элукубрацію, которая, къ ужасу моему, пошла гулять какъ перепечатка и проникла даже въ Москву: «самое строгое наказаніе не будетъ для него достаточно строгимъ». Я просто возопилъ, прочитавъ такую неистовую ерунду, но, питая отвращеніе къ газетной полемикѣ о себѣ, хотя бы въ видѣ поправокъ, я молча обругалъ корреспондента, котораго «величайшая глупость не кажется еще достаточно глупою». Кажется, что польское общество, относившееся къ намъ до сихъ поръ холодно и утверждавшее, что оно по-русски не понимаетъ, убѣдилось, что понимаетъ достаточно, чтобы сознать, что судебная реформа носитъ на себѣ печать примиренія. Какъ взрывъ гремучаго газа соединяетъ моментально два пая водорода съ однимъ кислорода, такъ публичность слила (надолго ли?) публику съ судомъ. Но ультра-русскіе патріоты порицали выраженіе «ясныя небеса Польши» и находили, что антитеза «ледяного небосклона Сибири» — не патріотична. Я скромно возражалъ, что признаю свою оплошность: слѣдовало сказать: «небеса Привислинскаго края». Но за то я отстаивалъ антитезу, ибо термометръ не имѣетъ патріотизма... Другое порицаніе вызвало слово «отчизна». — «Отчего не сказать *сама родина?*» вопрошалъ патріотъ. Я объяснилъ, что «с'ма-родина выходитъ не хорошо».

Еще ранѣе пришлось ему вызвать неудовольствіе начальства вслѣдствіе «неумѣренныхъ» просьбъ объ отпускахъ, при чемъ просимый имъ отпускъ за границу для лѣченія не былъ ему разрѣшенъ, и представленное имъ медицинское свидѣтельство возвращено ему обратно. «...Какъ на зло, — пишетъ онъ 19 іюня 1877 года — въ ночь съ 17 на 18 іюня у меня сдѣлался сильный припадокъ невральгіи и я прокричалъ полсутокъ, несмотря на хлоралъ и впрыскиванія морфія. Не знаю, отъ умиротворяющаго ли вліянія наркотиковъ—или отъ жары—но я не умѣю выразить всего негодованія, возбуждаемаго во мнѣ начальническимъ отношеніемъ ко мнѣ «отцовъ-командировъ»! Я въ ихъ глазахъ не болѣе, какъ «подчиненный», которому и болѣть-то не позволяется, не говоря уже о лѣченіи. Не напоминаетъ ли это г-жу Простакову: «бредитъ? какъ смѣетъ бредить? — точно благородная!» Что же мнѣ остается дѣлать?»...

Можно бы подумать, что такое суровое отношеніе къ талантливому человѣку, не по собственному желанію вытащенному изъ той стихіи, гдѣ онъ плавалъ, какъ рыба въ водѣ въ роли защитника, на непріютный берегъ прокуратуры, вызывалось желаніемъ использовать этотъ талантъ въ возможно большемъ рядѣ особо-важныхъ дѣлъ. Но въ іюлѣ 1877 года онъ уже начинаетъ чувствовать, что его не цѣнятъ, и пишетъ: «...Здѣсь мнѣ рѣшительно дѣлать нечего. Обвинять по дѣламъ о покушеніяхъ на кражу со взломомъ и давать заключенія о присвоеніи неизвѣстно кому принадлежащихъ пѣтуховъ, о неявкѣ къ врачебно-полицейскому осмотру и т. п.? — и скучно, и противно». А 12-го ноября того же года онъ подводитъ грустный итогъ своему положенію въ Варшавѣ. «...Одиночество, Вы знаете, невольно располагаетъ къ размышленіямъ и окрашиваетъ ихъ сообразно тѣмъ условіямъ, среди которыхъ слагается жизнь. Мои размышленія приняли въ послѣднее время тѣмъ болѣе меланхолическій оттѣнокъ, что условія моей жизни могутъ быть формулированы словами: болѣзнь, бездомность, порабощеніе способностей и — нужда. О будущности своей семьи я уже стараюсь не думать, благодаря тому удивительному легкомыслію, съ которымъ мы, какъ говоритъ де-Местръ, считаемъ чужую смерть явленіемъ понятнымъ и обыкновеннымъ, а свою—какимъ-то невѣроятнымъ событіемъ... Но, можетъ быть, Вамъ показалось преувеличеннымъ выраженіе моей пессимистической формулы: порабощеніе способностей. Можетъ быть, слѣдовало замѣнить ее болѣе мягкимъ выраженіемъ «субалтернатъ»? Но въ сущности это выйдетъ одно и то же: не одинаково ли безотрадно мое положеніе какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи? Я служу здѣсь полтора года. Въ теченіе этого времни мнѣ поручено счетомъ два крупныхъ дѣла и оба я провелъ недурно. Но что же? Меня съ тѣхъ поръ систематически ставятъ на послѣдній планъ. Крупныя обвиненія меня обходятъ и нельзя сказать, чтобы интересы прокуратуры, поставленные лицомъ къ лицу съ даровитыми адвокатами, особенно отъ этого выигрывали. Мои способности судебнаго обвинителя вызываютъ лишь закулисное недоброжелательство и при отсутствіи свободы въ выборѣ и

направленіи выдающихся дѣлъ, создаютъ только фальшивое положеніе, похожее на положеніе прикащика, имѣющаго капиталъ хотя и небольшой, но большій, чѣмъ у хозяина. Ни мои лѣта (мнѣ идетъ 35-й годъ), ни моя десятилѣтняя судебная практика, ни мое бывшее положеніе, ни мой характеръ не даютъ мнѣ возможности быть въ подчиненіи у юношей, можетъ быть и весьма симпатичныхъ, какъ товарищей, но не могущихъ понять, что я едва ли гожусь кому-либо изъ нихъ въ подчиненные»...

Въ 1879 году состоялся, не безъ затрудненій, переводъ князя Урусова въ Петербургъ, на ту же должность. Здѣсь условія его дѣятельности измѣнились къ лучшему. Онъ нашелъ среду, цѣнящую его и не ставящую ему, въ смыслѣ маленькихъ профессіональныхъ упущеній, «всякое лыко въ строку». Въ этой средѣ были его соратники конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. Съ ними онъ могъ вспоминать «минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они». Въ ней были и служилые люди, цѣнившіе его широкое образованіе и радовавшіеся возможности дать ему случаи проявлять его талантъ и избавить его отъ необходимости восклицать, подобно Мирабо: «Mon Dieu! Donnez-moi la médiocrité!» Въ Петербургѣ онъ нашелъ старыхъ пріятелей, артистическіе и художественные кружки, къ участію въ которыхъ всегда былъ склоненъ, — и, наконецъ, снова предсталъ предъ присяжными засѣдателями. Первые его шаги предъ ними, въ качествѣ обвинителя, были блистательны. Онъ не былъ, по природѣ, художникомъ, подобно Спасовичу или Плевако, — и изъ его рѣчей, какъ адвокатскихъ, такъ и прокурорскихъ, не приходилось выносить яркихъ образовъ, указывающихъ путь мышленію или отбрасывающихъ на этотъ путь свою тѣнь. Но строго логическій и систематическій умъ его былъ одинаково силенъ и въ анализѣ и въ синтезѣ разбираемыхъ явленій. Умѣнье подмѣтить и очертить спеціальныя особенности тѣхъ или другихъ житейскихъ данныхъ соединялось у него со способностью къ широкимъ обобщеніямъ, сдѣланнымъ сочною и смѣлою кистью или выработаннымъ въ яркихъ и остроумныхъ афоризмахъ, на которые онъ былъ большой мастеръ. Годы безплоднаго «грызенья

удилъ» взяли свое: въ рѣчахъ его было меньше блеску и внутренняго подъема, заразительно дѣйствовавшихъ на слушателей въ первые годы его дѣятельности, но было больше глубины и отдѣлки въ подробностяхъ. Мнѣ пришлось предсѣдательствовать почти по всѣмъ большимъ дѣламъ, гдѣ онъ выступалъ какъ обвинитель, вступая въ состязаніе съ крупными величинами петербургской адвокатуры — и почти всегда выходя побѣдителемъ. Таковы были, напримѣръ, дѣло — Гулакъ-Артемовской, обвинявшейся въ поддѣлкѣ векселей,—дѣло Юханцева, обвинявшагося въ двухмилліонной растратѣ по кассѣ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, и др.

Слушать его было истиннымъ наслажденіемъ. Его крупная фигура, превосходная дикція и необыкновенно симпатичный голосъ приковывали къ себѣ вниманіе по цѣлымъ часамъ. Онъ начиналъ, обыкновенно, съ краткой характеристики дѣла, его значенія и условій его возникновенія, обрисовывалъ бытовой и общественный смыслъ отношеній, вылившихся въ форму разсматриваемаго преступленія, и намѣчалъ, точно и увѣренно, путь, по которому пойдетъ обвиненіе. Затѣмъ онъ размѣщалъ свои доказательства по широкой периферіи и по мѣрѣ разсмотрѣнія ихъ начиналъ сужать ее, образуя концентрическіе круги, пока не подходилъ къ центру, гдѣ снова, какъ уже доказанный, повторялъ мотивъ, взятый вначалѣ. Онъ любилъ составлять схематическія таблицы доказательствъ, въ порядкѣ постепенности, отъ частнаго къ общему. Его правовое развитіе очень подвинулось впередъ за время его службы — и рядъ уваженныхъ Сенатомъ протестовъ его по вопросамъ уголовной квалификаціи служитъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Но въ знаніи процесса онъ былъ гораздо слабѣе. Его стѣсняла мелочная и условная сторона судопроизводственныхъ правилъ, и онъ относился къ нимъ подчасъ съ нетерпѣливою небрежностью. Недаромъ вспоминалъ онъ не разъ мое шутливое дружеское замѣчаніе по окончаніи одного громкаго уголовнаго процесса: «поменьше бы таблицъ, побольше бы Уставовъ». Развивавшаяся въ немъ, во время его пребыванія со скованными устами въ прибалтійской глуши, любовь къ точнымъ наукамъ сказывалась

въ постройкѣ и содержаніи многихъ его рѣчей. Въ этомъ онъ походилъ на Спасовича. Но, влагая одинаковый трудъ въ разработку матеріала для своихъ рѣчей, онъ вносилъ въ нихъ бо̀льшую страстность и меньшую объективность. Поэтому онъ не былъ «говорящимъ судьею», а борющеюся стороною, въ полномъ смыслѣ слова. Онъ самъ любилъ называть себя въ своихъ рѣчахъ — государственнымъ обвинителемъ. Его темпераментъ, его «esprit de combativité» мѣшали ему войти въ безстрастную роль судьи, спокойно и безъ увлеченія приходящаго къ извѣстному выводу. Логика доказательствъ, ихъ генетическая связь увлекали его и оживляли его рѣчь. Онъ былъ, поэтому, очень горячъ и остроуменъ въ своихъ возраженіяхъ, хотя всегда умѣлъ соблюсти чувство мѣры и порядочности въ пріемахъ. Я помню, какъ, возражая защитнику, усиленно напиравшему на безвыходность денежнаго положенія подсудимаго, внушившаго ему мысль зарѣзать своего спутника, Урусовъ вдругъ, въ разгарѣ рѣчи, остановился, оборвалъ свои соображенія, замолкъ въ какомъ-то колебаніи — и перешелъ къ другой сторонѣ дѣла. Во время перерыва засѣданія, на мой вопросъ о томъ, что значила эта внезапная пауза, не почувствовалъ ли онъ себя дурно, — онъ отвѣчалъ:—«нѣтъ! не то,—но мнѣ вдругъ чрезвычайно захотѣлось сказать, что я совершенно согласенъ съ защитникомъ въ томъ, что подсудимому деньги были нужны до зарѣзу,—и я не сразу справился съ собою, чтобы не допустить себя до этой неумѣстной игры словъ»...

Въ Петербургѣ личная жизнь Урусова сложилась довольно удачно. Онъ много бывалъ въ обществѣ, куда вносилъ, вмѣстѣ съ разумнымъ оживленіемъ, умственный интересъ къ серьезнымъ вопросамъ общественной жизни, разрѣшаемымъ имъ всегда самостоятельно, а нерѣдко и очень своеобразно. Въ немъ можно было съ первыхъ же его словъ, даже среди мало знакомыхъ ему людей, почувствовать силу мысли и силу рѣчи. Вокругъ него образовался кружокъ артистовъ, писателей и вообще людей, не чуждыхъ интересамъ искусства. Этотъ кружокъ собирался обыкновенно у него по субботнимъ вечерамъ, которые протекали занимательно и содержательно, оставляя по себѣ впечатлѣніе ма-

ленькихъ духовныхъ пиршествъ, гдѣ радушный хозяинъ умѣлъ дать испытать своимъ гостямъ то, что называется «гостепріимствомъ мысли». За скромнымъ ужиномъ просиживалось иногда далеко за полночь въ оживленной бесѣдѣ, обыкновенно заканчивавшейся чтеніемъ постоянно пополняемаго хозяиномъ сборника печатныхъ нелѣпостей и курьезовъ, въ которыхъ человѣческая глупость и самодовольство являлись въ полномъ своемъ блескѣ. «Посылаю вамъ — пишетъ онъ 6-го марта 1880-го года — мой «смѣховозбудитель» и прошу, если можно, вернуть мнѣ его къ слѣдующей субботѣ. Вчерашній вечеръ... вышелъ необыкновенно удачнымъ. Я давно не запомню, чтобы такъ много смѣялись, хотя вообще смѣхъ какъ-то исчезаетъ». Его квартира становилась понемногу маленькимъ музеемъ рѣдкихъ книгъ, картинъ, гравюръ, автографовъ и старинныхъ вещей. Все это собиралось съ большимъ знаніемъ дѣла и любовью, несмотря на его крайне ограниченныя въ то время средства. Онъ любовался вещами изъ своей любимой коллекціи съ радостью ребенка и тонкимъ вкусомъ цѣнителя. Я подарилъ ему какъ-то настоящій японскій подносъ, привезенный мнѣ пріятелемъ-морякомъ изъ кругосвѣтнаго плаванія. «Отъ души благодарю Васъ — писалъ онъ — за прелестный подносъ. На немъ точно застылъ солнечный лучъ и та сіяющая пыль, которая играетъ въ немъ, когда онъ сквозь щель прорывается въ темную комнату. Какіе художники эти японцы! Я очень люблю восточныя вещи съ ихъ яркими цвѣтами. Отъ нихъ мнѣ веселѣе на душѣ становится... Отнынѣ подносъ этотъ дѣлается офиціальнымъ посредникомъ между моими знакомыми и мною. О томъ, чтобы всѣ вновь прибывающія карточки поступали въ его лакированные предѣлы, отданъ надлежащій приказъ всѣмъ подлежащимъ вѣдомствамъ».

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Урусовъ сталъ сотрудничать по временамъ въ газетахъ, а когда, въ 1881 году, былъ основанъ М. М. Стасюлевичемъ безвременно затѣмъ скончавшійся «Порядокъ», онъ сталъ вести въ немъ еженедѣльную театральную хронику, въ высшей степени интересную по сообщаемымъ свѣдѣніямъ о драматической литературѣ Запада и по исторіи театра, а также по своимъ научнымъ пріемамъ художественной критики.

Въ эти годы мы видались довольно часто и лѣто 1879 года провели вмѣстѣ въ Вюртембергскомъ Шварцвальдѣ, въ мѣстечкѣ Тейнахъ. Два мѣсяца, прожитые мною въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Урусовымъ, составляютъ одно изъ весьма пріятныхъ воспоминаній моей жизни. Возможность снова быть за границей, сознаніе своей относительной свободы и присущая ему общительность одушевляли его и вскорѣ сдѣлали любимцемъ всего маленькаго курорта. Несмотря на признаки роковой болѣзни, мало замѣтно, но настойчиво приближавшей его къ могилѣ, и, быть можетъ, даже вопреки имъ, онъ всѣмъ своимъ существомъ наслаждался жизнью, красотой и природой. Нашъ уголокъ за общимъ обѣденнымъ столомъ, гдѣ раздавались смѣхъ, остроты и каламбуры Урусова, гдѣ импровизировались quasi-научные доклады и безобидныя пародіи на ораторскія рѣчи и поэтическія произведенія, внушалъ окружающимъ добродушную зависть. Письма, которыя писалъ мнѣ Урусовъ изъ Тейнаха по отъѣздѣ моемъ оттуда, полны юмора; жизнь такъ и брызжетъ со всѣхъ ихъ строчекъ... Къ сожалѣнію, въ виду ихъ интимнаго характера, я затрудняюсь ихъ привести здѣсь. Въ концѣ августа онъ отправился «въ мѣстечко Парижъ». «Тяготѣніе къ Парижу — писалъ онъ мнѣ 23-го августа 1879 года—начинаетъ дѣйствовать неотразимо. Хороши вы, тейнахскія феи! Но... нервы приходятъ въ какое-то вяло-мочальное настроеніе отъ однообразной пріятности. Нервы просятъ возбужденія, парижскаго асфальта, бульварнаго духа, парижскаго солнца. Жалкими кажутся мнѣ нѣмцы со всею ихъ «гемютлихкейтъ» и «геніалитетъ» при сравненіи съ умною латинскою расою. Провинціаленъ нѣмецъ и неуклюжъ, а амбицію такую въ себѣ имѣетъ, что первымъ въ мірѣ себя почитаетъ. Въ сущности—повальная посредственность. Размышленія эти навѣяны мнѣ не однимъ Тейнахомъ, но и всѣмъ моимъ долголѣтнимъ знакомствомъ, якшаніемъ и запанибратствомъ съ нашими культуртрегерами. Моя галломанія росла со мною съ пеленокъ до настоящихъ прокурорскихъ брюкъ. Я ношу ее въ себѣ. Даже Бедекера «Paris» читаю съ умиленіемъ — именно съ умиленіемъ—и восторгомъ, безъ критики и рефлексіи. Только мѣста, гдѣ повѣствуется о нѣмецкихъ побѣдахъ 1870—71 годовъ, я вы-

маралъ съ ожесточеніемъ, какъ посягательство варваровъ на городъ, вмѣстившій въ себѣ Римъ, Аѳины и Ерусалимъ!»

Въ Парижѣ, гдѣ мы встрѣтились снова, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ обновленнымъ, былъ чрезвычайно оживленъ и впивалъ, если можно такъ выразиться, въ себя Парижъ всѣми своими порами. Онъ поселился очень удобно и недорого въ скромномъ Hôtel Richmond въ rue Helder и съ восторгомъ относился къ кипѣвшей вокругъ него жизни. Мы ходили вмѣстѣ въ судъ, въ музеи, на лекціи. Иногда онъ увлекалъ меня въ свою любимую поѣздку на имперіалѣ омнибуса съ одного конца Парижа на другой, при помощи пересадочныхъ билетовъ, иллюстрируя такія прогулки разсказами изъ исторіи Парижа, которую зналъ въ совершенствѣ. Черезъ два года, извѣщая меня о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы за границу, онъ восклицалъ: «Въ Парижъ! въ Парижъ!» — и звалъ меня «вдохнуть электризованный кислородъ и упоительное оживленіе этого города», прибавляя: «прекращаю болтовню, закрывая клапанъ, но прежде выпускаю остатокъ пара и дерзновеннымъ посвистомъ кричу Вамъ: ... ффф... Парижъ!».

Между тѣмъ его болѣзнь дѣлала свое дѣло, ведя медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ его сильный организмъ къ разрушенію. Еще въ апрѣлѣ 1877 года онъ писалъ мнѣ, что неврологъ Эйленбургъ нашелъ у него начало tabes dorsalis и прописалъ въ случаѣ продолженія болей ferrum candens, такъ что, — прибавлялъ онъ, «заплативъ ему десять марокъ, я могъ примѣнить къ себѣ надпись на прусской патріотической медали 1813 года: «ich gab Gold für Eisen»... По возвращеніи его изъ-за границы, боли усилились до крайности. «Я болѣю, и кричу, и лихоражу (или лихорадю — что ли?), и морфинируюсь, и ѣмъ хлоралъ-гидратъ, и прикладываю горячіе кувшины, и бѣгаю, и лежу вродѣ безпамятства, и конвульсирую. Исхіадическій собачій сынъ нервъ болитъ адски, такъ и сводитъ всю половину тѣла. Зайдите, будьте добры, — успокойте бѣснующагося, ибо Ischiadicus sinistris—это бѣсъ почище старыхъ бѣсовъ». Когда припадки стихали, онъ оживалъ, и только желтизна лица и увеличивающаяся послѣ каждаго раза сѣдина указывали на перене-

сенныя страданія, да невѣрная походка широко разставленныхъ ногъ продолжала служить показателемъ коренного недуга, носящаго звучное названіе Ataxia locomotrica progressiva...

Старыя воспоминанія, глубокое призваніе преимущественно къ дѣятельности защитника, общеніе съ петербургскими корифеями адвокатуры — *манили* на старый, насильственно покинутый постъ этого «обвинителя по неволѣ», какъ онъ иногда шутливо подписывался, — а недостаточность средствъ и тѣ «одинокія размышленія» о будущности семьи, о которыхъ онъ писалъ мнѣ еще изъ Варшавы — *толкали* его на этотъ путь. Препятствія къ покинутію служебнаго чистилища были, наконецъ, устранены — и въ концѣ 1880 года князь Урусовъ снова надѣлъ адвокатскій значокъ, который за десять лѣтъ передъ этимъ такъ недолго, но такъ ярко блисталъ на его груди. Новая дѣятельность всецѣло захватила его — и мы встрѣчались рѣже, тѣмъ болѣе, что я сдѣлался предсѣдателемъ гражданскаго департамента Палаты, а онъ почти не велъ исковыхъ дѣлъ. Но доброе его ко мнѣ отношеніе не измѣнилось. Лѣтомъ 1881 года погибъ трагическою смертью на Иматрѣ мой старый, испытанный другъ— докторъ Левковичъ. Кончина его поразила меня до глубины души. «Новый ударъ судьбы—писалъ мнѣ Урусовъ,—лишившей Васъ любимаго человѣка, налагаетъ на Вашихъ друзей обязанность постараться, если можно, еще болѣе любить Васъ. Среди многихъ несчастій, поражавшихъ Васъ съ такою послѣдовательностью (которая одна могла бы заставить усомниться въ провиденціализмѣ оптимистовъ), послѣднее несчастіе — смерть бѣднаго Левковича привязываетъ къ Вамъ — и заставляетъ ихъ надѣяться, что мужественный складъ Вашего характера и драгоцѣнная эластичность Вашего нрава спасутъ Васъ и на этотъ разъ отъ меланхолическихъ терзаній».

Когда онъ переселился въ Москву, мы видѣлись въ каждый мой пріѣздъ туда. Но встрѣчи эти были кратковременны и посвящались, обыкновенно, воспоминаніямъ о прошломъ или попыткамъ его — по большей части удачнымъ—обратить меня во «Флоберовскую вѣру». Я не могу судить о характерѣ его дѣятельности за это время и не знаю, не отразились ли годы, болѣзнь и уси-

ленная работа на свойствахъ его таланта. Тѣ немногія дѣла, по которымъ онъ выступалъ въ нашемъ уголовномъ кассаціонномъ судѣ, не давали достаточнаго матеріала для сужденія объ этомъ. Между ними было одно, по которому я предпочелъ бы не видѣть его въ роли защитника и не давать рѣшительнаго заключенія объ оставленіи *его* жалобы на приговоръ присяжныхъ безъ послѣдствій. Это, какъ мнѣ казалось, набросило нѣкоторый оттѣнокъ отчужденности на наши старыя добрыя отношенія. Но это продолжалось недолго. Когда вышла въ 1896 г. моя книга «За послѣдніе годы», гдѣ была помѣщена рѣчь «Новое вино и новые мѣхи», посвященная первымъ годамъ судебной реформы, онъ прислалъ мнѣ письмо, гдѣ въ теплыхъ словахъ отзывался о временахъ нашей молодости и совмѣстной службы и называлъ эту рѣчь министерскою программой, быть можетъ, недалекаго будущаго, обнимающею собою возрожденіе правосудія и достоинства суда. Въ предпослѣдній разъ я видѣлъ его во дворѣ его дома, въ сентябрѣ 1897 года, въ ясный осенній день. Онъ былъ полный плановъ объ изданіи Пушкинскаго словаря, былъ какъ-то особенно бодръ и съ увлеченіемъ разсказывалъ мнѣ о своемъ хозяйствѣ въ имѣніи... Это увлеченіе не было мимолетнымъ: «я по прежнему—писалъ онъ въ 1898 году—влюбленъ въ свою Марьинку и какъ новобрачный любуюсь землею, — заросъ сѣдинами и омужиковѣлъ».

Осенью слѣдующаго года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и писалъ мнѣ, прося зайти къ нему въ гостиницу Пале-Рояль. Я едва удержалъ слезы и крикъ душевной боли, увидѣвъ его: до того его измѣнила, до того его состарила болѣзнь. Онъ ходилъ съ чрезвычайнымъ трудомъ, слышалъ лишь однимъ ухомъ и при томъ неясно, и то безпомощно озирался на свою преданную и заботливую жену, то пытливо вглядывался въ лицо собесѣдника, какъ будто силясь прочесть на немъ скрываемое впечатлѣніе. Зимою, прочитавъ въ одной изъ медицинскихъ газетъ замѣтку о новомъ способѣ лѣченія глухоты нервнаго происхожденія, я послалъ ее Урусову. Онъ мнѣ отвѣчалъ — 18 февраля 1900 года, — что знаетъ объ этомъ средствѣ, но не придаетъ ему никакого значенія, а замѣтку считаетъ лишь беззастѣнчивой рекламой, облеченной

въ quasi-научную форму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, спрашивая о состояніи моего здоровья, въ томъ году сильно пошатнувшагося, онъ обращался снова къ нашему прошлому... «Да,—писалъ онъ,— мои лучшія воспоминанія связаны съ Вами: какъ Вы меня выручили у Палена (министра юстиціи), когда «добрый» Т. уже махнулъ на меня рукой; какъ Вы меня поддерживали въ прокуратурѣ. Я помню всѣ Ваши слова... «Поменьше бы таблицъ, побольше бы Уставовъ» — помните? когда я въ дѣлѣ Юханцева демонстрировалъ абсциссы и координаты растраты? А Тейнахъ? А помните, какъ я составилъ ликеръ изъ горькихъ травъ и угощалъ имъ знакомыхъ, которые, однако, морщились, не знаю почему, такъ какъ ликеръ былъ — или *могъ быть* очень хорошъ... Симпатія—вотъ то главное, что ничѣмъ не можетъ быть замѣнено. А расходиться во мнѣніяхъ... да съ кѣмъ же этого не бываетъ? Развѣ есть возможность сходиться всегда и во всемъ? А симпатія—сила, которую не замѣнить никакими разсужденіями. Кромѣ того я, признаться, всегда въ Васъ почиталъ старшаго—не по лѣтамъ, а по серьезности жизненнаго опыта и глубокой мысли. Мое же легкомысліе Вы добродушно извиняли и до послѣдней минуты были добры ко всѣмъ намъ»... Въ мартѣ онъ снова прислалъ мнѣ письмо, написанное уже чужою рукою и имъ лишь подписанное. Въ немъ, наряду съ невольными стонами страданія, виднѣлся неослабѣвшій интересъ къ явленіямъ въ области искусства и литературы и слышался юморъ, но на этотъ разъ мрачный и зловѣщій. «Мнѣ только что принесли отъ переплетчика — писалъ онъ 21 марта — четыре тома Словаря гравированныхъ портретовъ — Ровинскаго — и мнѣ бы чрезвычайно хотѣлось приложить къ этому цѣнному изданію автографъ Дмитрія Александровича. Не найдется ли у Васъ какая-нибудь, хотя бы самая ничтожная бумажка? О своемъ здоровьѣ ничего сказать не могу: у меня его давно нѣтъ. Я кое-какъ живу, переходя отъ одной формы болѣзни къ другой. Теперь съ перваго марта я лишился ногъ или вѣрнѣе потерялъ чувство равновѣсія и меня катаютъ въ креслахъ. Глухота совершенная и окончательная; не утрачена надежда на воспаленіе мозга. Пока мнѣ только что начали дѣлать впрыскиванія пи-

локарпина, а казнь посредствомъ трепанаціи отсрочили до мая. Прилагаю Вамъ невинную статейку своего сочиненія и собираюсь Вамъ прислать другую «Судебные протесты противъ «Воскресенія», которая вышла въ «Новостяхъ дня». Думаю собрать эти статьи подъ заглавіемъ «Наканунѣ трепанаціи».

Статью, названную «невинною»—онъ прислалъ мнѣ, однако, гораздо позже — 6 іюня. Это было письмо въ редакцію «Міра искусства» о памятникѣ Гоголю, исполненное блеска, остроумія и оригинальности. Свойства ума Урусова, какъ огонь погасающей лампады, вспыхнули въ немъ въ послѣдній разъ съ особой силой и яркостью. Рядъ тонкихъ замѣчаній по поводу направленія нашей «монументальной» скульптуры въ сторону «идей утилитаризма», разборъ достоинствъ и недостатковъ главнѣйшихъ памятниковъ и глубокіе по мысли совѣты относительно будущаго памятника Гоголю— придаютъ этой статьѣ, написанной въ мукахъ, среди нарастающей болѣзненной тишины вокругъ, особое значеніе. Она служитъ лучшимъ показателемъ духовной живучести Александра Ивановича... — «Судебные протесты противъ «Воскресенія» такъ и не дошли до меня...

На посланный Урусову заглавный листъ «Русскихъ гравированныхъ портретовъ», подаренныхъ мнѣ Ровинскимъ (моимъ старымъ начальникомъ по московской прокуратурѣ и сослуживцемъ по Сенату), съ его собственноручной надписью, я получилъ отъ 7 мая слѣдующее скорбное письмо:

...«Меня просто взволновала и растрогала добрая память Ваша: этотъ листокъ будетъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ... Не только автографъ Ровинскаго, но и Ваше имя на немъ. Я тотчасъ же вклеилъ его въ мой словарь, роскошно, но просто облеченный въ сафьянъ... Что сказать Вамъ о себѣ? Только что уѣхалъ отъ меня (я пишу вечеромъ, въ 10 часовъ) ушной врачъ Никольскій; катетеризовалъ оба уха, продулъ и прополоскалъ ихъ. У меня опухли околоушныя шейныя железы и болятъ по ночамъ, но инфильтрата нѣтъ, — церебральныхъ явленій, повышенія температуры, опасности тоже нѣтъ. Другой докторъ, Богушъ, сейчасъ пріѣдетъ. Онъ черезъ день дѣлаетъ мнѣ подкожныя впрыскиванія пилокарпина, по $^1/_4$ грана: сегодня уже 18 впры-

скиваніе, всѣхъ по предписанію Полицера (онъ написалъ мнѣ изъ Вѣны — операціи не дѣлать, а пробовать пилокарпинъ) всѣхъ будетъ 20. Пользы отъ нихъ я не вижу: глухота абсолютная, шаткость въ ногахъ — остались тѣ же. Я хожу или съ помощью поддерживающаго, или толкая передъ собою стулъ. При неосторожности, я падаю. Вотъ 2-й мѣсяцъ, какъ я не выхожу и не выѣзжаю — движеніе экипажа, тряска — невыносимы. Лошадей и экипажи я продалъ и, точно въ осажденномъ городѣ, проѣдаю ихъ. Грустить и скучать положительно некогда: сегодня одно болитъ, завтра другое, а вѣчный шумъ въ ушахъ, поддерживая иллюзію слуха, содѣйствуетъ развлеченію: точно въ аду. Я много читаю (Sainte-Beuve, Chateaubriand, — чудные Mémoires d'outre-tombe, массу журналовъ и газетъ). Пишу немножко: гонорара получилъ за полное собраніе моихъ сочиненій 161 рубль. Жена и Саша при мнѣ. Въ саду у меня цвѣтутъ гіацинты, крокусы — чего же еще?»...

Если въ этомъ письмѣ еще теплилась кое-какая надежда на жизнь, то слѣдующее и послѣднее письмо проникнуто уже сознаніемъ близкой смерти, и его невозможно читать хладнокровно. Но истерзанный, умирающій Урусовъ остается и въ немъ вѣренъ себѣ. Въ виду отверстой могилы его не покидаетъ отзывчивость на духовную красоту, на сильную и яркую мысль, не покидаетъ даже и юморъ. Онъ встрѣчаетъ смерть «лицомъ къ лицу, какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу». Вотъ это письмо, написанное нетвердымъ почеркомъ, съ перерывами. Я опускаю изъ него трогательные вопросы о тревожившемъ его состояніи моего здоровья и почерпнутые имъ изъ опыта медицинскіе совѣты относительно сердечныхъ припадковъ.

Все еще Москва! 22 іюня 1900.
Арбатъ. Никольскій пер. 19.

Дорогой и многоуважаемый Анатолій Ѳеодоровичъ!

Сейчасъ, лежа въ постели (у меня 11 дней жесточайшія мигрени — все отъ уха, и я уже 4 раза въ это время впрыскивалъ морфій. Доктора бываютъ черезъ день, а теперь и ежедневно)

получилъ Ваше доброе письмо, доставившее мнѣ, какъ всегда, приливъ бодрости и удовольствія...

. . . . . .

...Мнѣ теперь опять стало такъ плохо, что не могу ни работать, ни ѣхать въ деревню. Боли съ утра и до утра съ небольшою передышкою. Я не падаю духомъ, но можетъ быть это есть упадокъ? Не разъ подумывалъ: «а хорошо бы все это кончить!» Пожилъ и достаточно. Ничего хорошаго изъ остатка дней не сдѣлаю. Самъ мучусь, другимъ въ тягость. Надѣюсь на «смертіе души» и на отдыхъ въ Нирванѣ. Да, 4 тома «Correspondance» Флобера—одна изъ лучшихъ книгъ нашего вѣка. Герой—художникъ, простодушный геній и чистая душа, какъ горный хрусталь. Французскіе критики (Brunetière, Faguet и др.) считаютъ его глуповатымъ, но Madame Bovary, Education, Bouvard, Contes можно перечитывать всю жизнь и не скучать. Перечитываю Montaigne. За 10 франковъ удалось купить въ Парижѣ прекрасный экземпляръ 1608 года.

. . . . . .

Вчера вынужденъ былъ прервать письмо. Всѣ эти дни я очень страдаю. Боли вынуждаютъ дикія мѣры: компрессы изъ хлороформа, которые отравляютъ вдыхаемый воздухъ, наложеніе на голову кипятку въ резиновомъ мѣшкѣ до обжога. И безсонница. Я кромѣ слуха похоронилъ еще вкусъ: ни хлѣбъ, ни клубника, ни мясо — мнѣ не вкусны и глотаю съ величайшимъ трудомъ. Остались: зрѣніе, обоняніе, осязаніе. На $^3/_5$ еще живъ, на $^2/_5$ мертвъ. И то осязаніе въ смыслѣ равновѣсія наполовину утрачено... Нѣтъ, не сочувствую Вашему желанію уйти изъ Петербурга... Да Вы со скуки умрете въ Москвѣ!.. Лучше Одесса, Кіевъ, Варшава. А здѣсь ни климата, ни даже библіотеки. Я бы уѣхалъ совсѣмъ за границу на Вашемъ мѣстѣ. Лишь изрѣдка заѣзжалъ бы въ гнусный Питеръ: «а! вотъ вы гдѣ, голубчики!»...

Чрезъ три недѣли по полученіи мною этого письма, я прочелъ въ телеграммахъ рижскихъ нѣмецкихъ газетъ, что полные ума и жизни, выразительные глаза Урусова закрылись навѣки... «Ausgelitten hast du, ausgerotten!» хотѣлось ему сказать словами

великаго поэта — и онъ предсталъ предо мною такимъ, какимъ я зналъ его во всей красѣ его только-что развернувшихся силъ, съ его видной фигурой, чисто русскимъ лицомъ, изящною «повадкою», добродушною усмѣшкою осмысленныхъ устъ,—съ его деликатностью къ слабымъ и обремененнымъ и независимостью предъ сильными и самодовольными, — съ музыкой его рѣчей и убѣдительностью ихъ содержанія... Личная жизнь человѣка представляетъ собою пеструю ткань различныхъ отношеній. Въ ней есть нити, выдергиваемыя легко и безслѣдно, безъ искаженія рисунка этой ткани, безъ измѣненія ея цѣльности. Но есть и такія, съ которыми изъ нея уносятся краски, уносится одновременно и ея цѣлость, ея разнообразіе. И я почувствовалъ, въ яркій лѣтній день на берегу моря, когда кругомъ «равнодушная природа» продолжала «сіять вѣчною красою», что изъ моей жизни выдернута дорогая нить, такъ тѣсно, такъ красиво переплетенная съ общественными и личными воспоминаніями о незабвенныхъ годахъ, пережитыхъ людьми нашего поколѣнія...

XXIII.

А. Л. Боровиковскій и Н. Н. Мясоѣдовъ.

Прошло пять лѣтъ со смерти *Александра Львовича Боровиковскаго*, моего стараго сослуживца по прокуратурѣ. Многіе изъ его сверстниковъ, знавшихъ его близко, ушли изъ жизни — и имя его начинаетъ, при нашемъ отсутствіи «вчерашняго дня», тускнѣть и забываться. А между тѣмъ сошелъ въ могилу оригинальный и богато-одаренный человѣкъ, соединявшій съ живымъ пониманіемъ духа Судебныхъ Уставовъ 1864 г. вѣрное имъ служеніе словомъ и дѣломъ. Онъ былъ сотрудникомъ и помощникомъ многаго множества русскихъ цивилистовъ въ ихъ практической дѣятельности. Можно сказать, что безъ его помощи и руководства, въ дремучемъ лѣсу нашихъ кассаціонныхъ рѣшеній, не обходился за послѣднія 20 лѣтъ ни одинъ юристъ-практикъ, постоянно прибѣгая къ его «Законамъ гражданскимъ» и «Уставу гражданскаго судопроизводства», вдумываясь и вчитываясь въ ихъ богатые подстатейные тезисы. За нимъ, однако, не одна заслуга кропотливаго и усидчиваго труда, вложеннаго въ эти книги. Онъ былъ не только комментаторомъ и толкователемъ нашихъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и остроумнымъ, проницательнымъ критикомъ нашего гражданскаго права и проектовъ его улучшенія, но онъ былъ судьею, отзывчивымъ на нужды и скорби практической жизни.

Все въ его натурѣ и дѣятельности стояло въ противорѣчіи съ узко-формальнымъ и подьяческимъ отношеніемъ къ живой дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Читая написанныя имъ рѣшенія или тонкія критическія замѣтки, слушая его заключенія, приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. При этомъ нельзя было съ обычной у насъ презрительной или снисходительной усмѣшкой сказать: «да, но какой же это юристъ?» — ибо это былъ настоящій, — «всамдѣлѣшный» юристъ, не только по праву службы, но и по праву опыта и знанія занимавшій должности члена Судебной Палаты, оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и сенатора.

У насъ было время, когда звѣздами первой величины между цивилистами нерѣдко считались люди приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать предъ своимъ мертвымъ глаголомъ. Такого рода цивилистамъ, конечно, казалось, что не юридическія нормы должны расширяться и принимать въ себя жизнь, но что самую жизнь можно втолкнуть болѣзненно и насильственно въ ихъ узкія рамки. Отсюда вытекали тѣ толкованія, которыя исходили отъ «духомъ хладныхъ скопцовъ» и, восхищая подобныхъ имъ, оставляли въ недоумѣніи здравомыслящихъ людей. Послѣднимъ трудно было забыть, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка», и что слова одного изъ героевъ Щедрина: «по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ этого не написано — ну и попался!» — были остроумной шуткой, а не торжественно провозглашеннымъ мнѣніемъ патентованныхъ юристовъ. Противъ этой-то бездушной узкости и казуистичности всѣми силами своего ума и знанія вооружался Боровиковскій. Его замѣчательная книга — «Отчетъ судьи», — лучше всего показываетъ, какъ далекъ онъ былъ отъ формальнаго отношенія къ праву. Особенно въ этомъ отношеніи

заслуживаетъ вниманія III томъ «Отчета судьи», названный авторомъ: «Дѣла мужичьи».

Нигдѣ въ области гражданскаго права и процесса «summum jus» не обращается въ «summa injuria» такъ легко, какъ въ дѣлахъ сельскихъ обывателей, несвѣдущихъ въ законѣ, не отдающихъ себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствительныхъ правахъ и обязанностяхъ и часто дѣлающихся жертвою корысти заугольныхъ адвокатовъ;—нигдѣ такъ не противно справедливости безучастное положеніе судьи, который только разсматриваетъ представленныя сторонами доказательства и, «спокойно зря на правыхъ и виновныхъ», не снисходитъ въ своемъ олимпійскомъ величіи до разъясненія темному человѣку, какія доказательства отъ него требуются по существу дѣла и какимъ способомъ ихъ добыть. «Предметъ мужичьяго иска,—говоритъ Боровиковскій, — десятина-другая полевой земли или нѣсколько квадратныхъ саженъ земли усадебной; обычная цѣна иска — какіе-нибудь 150—200 р. «*Какіе-нибудь*»...—такъ говоримъ мы. А они, истцы и отвѣтчики, навѣрное выражаются иначе: «цѣлые 150 р.», «цѣлые 200 р.!» Ничтожный клочокъ земли — тамъ все достояніе семьи — драгоцѣнная «батьковщина», либо пріобрѣтенія на «капиталъ», сколоченный многолѣтними трудами. Рѣдко въ крупныхъ процессахъ рѣшаются столь важные для сторонъ интересы, какъ здѣсь. Эти мелкіе «споры о правѣ гражданскомъ» вѣрнѣе было бы назвать «спорами о хлѣбѣ насущномъ»...— Отмѣчая, что строгое примѣненіе правила 367-ой статьи Уст. Гр. Суд. о несобираніи судомъ самимъ ни въ какомъ случаѣ доказательствъ и справокъ — имѣетъ практическое удобство, состоящее въ томъ, что для безучастнаго слушанія состязанія сторонъ не нужно даже знать дѣло, а достаточно лишь имѣть терпѣливый нравъ, Боровиковскій восклицаетъ: «нѣтъ, судья, отличай *нежелающаго* отъ *неумѣющаго* отстаивать свое право! Къ нежелающему будь равнодушенъ, а неумѣющему помоги. Это — святая обязанность судьи. Этого требуетъ отъ судьи законъ, — тотъ самый законъ, который проникнутъ принципомъ состязательности гражданскаго процесса. Не навязывать судебной защиты нежелающему — вотъ это состязательность; оста-

ваться же безучастнымъ къ желающему, но неумѣющему защищаться — это не «состязательность», а неправосудіе. Правосудіе должно склоняться въ пользу того, кто правъ, а не того, кто лучше говоритъ, кто смышленѣе и хитрѣе». И въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ рядъ примѣровъ. Человѣкъ пришелъ на судъ; противникъ говоритъ, а онъ молчитъ. Развѣ это непремѣнно молчаливое признаніе? Быть можетъ, онъ молчитъ вовсе не потому, что сознаетъ правоту противника, а просто потому, что *не умѣетъ* говорить. «Подзовите его къ судейскому столу, — говоритъ Боровиковскій, — помогите оправиться отъ смущенія, предложите въ понятной для него формѣ вопросъ». Или — простая женщина говоритъ слова, которыя можно счесть «признаніемъ»; но въ сущности она просто болтаетъ, не понимая смысла своихъ словъ. «Не лови ее на безсознательномъ словѣ,—совѣтуетъ Боровиковскій судьѣ,—а разспроси, растолкуй и, если по совѣсти убѣдишься, что это было не признаніе, а лишь бабья болтовня (быть можетъ, обусловленная смущеніемъ отъ обстановки судебнаго засѣданія), и что когда «тяжущейся» объяснили нелѣпость ея словъ, она пришла въ ужасъ и отъ нихъ отрекается,—закрой законы о признаніи: они отнюдь не желаютъ, чтобы эта баба была изловлена на глупомъ словѣ и изъ-за этого лишилась хлѣба насущнаго. Ты не исполнишь законъ, а оскорбишь его». Такъ относился Боровиковскій къ дѣламъ мужичьимъ.

Съ трогательною откровенностью, которою проникнута вся его прекрасная книга, онъ сознается, что несмотря на то, что дѣла мужичьи самыя легкія для доклада и изложенія рѣшенія, тѣмъ не менѣе въ нихъ есть очень непріятная сторона, а именно— сомнѣніе въ правосудности постановленнаго рѣшенія, вслѣдствіе безсилія суда вполнѣ выяснить обстоятельства дѣла. «Ясно сознаешь, — говоритъ Боровиковскій, — что для выясненія истины тутъ нужны были бы совсѣмъ другіе пріемы, да и споръ надлежало бы рѣшить вовсе не тѣми нормами, какими обязанъ руководствоваться гражданскій судъ. Конечно, у насъ есть оправданіе: доказательства представлялись (либо не представлялись) въ порядкѣ, указанномъ Уставомъ; истецъ долженъ доказать

свой искъ, отвѣтчикъ свои возраженія; недоказанное считается несуществующимъ; — мы такъ и поступили, а затѣмъ къ установленнымъ такимъ образомъ фактамъ примѣнили законъ. И все-таки чувствуешь себя какъ бы невольнымъ пособникомъ какого-то грѣха»...

Во всѣхъ отдѣлахъ этой недостаточно оцѣненной и мало извѣстной у насъ книги — говоритъ ли авторъ о давности, о чинш евомъ правѣ, о третьихъ лицахъ въ процессѣ, о судѣ и семьѣ или, наконецъ, о законѣ и судейской совѣсти—въ его словахъ звучитъ участливое отношеніе къ человѣку и стараніе вложить въ дѣятельность судьи стремленіе къ истинному правосудію, а не къ формальному только его отправленію. Онъ даетъ глубокіе и вдумчивые совѣты по вопросамъ объ аналогіи и о толкованіи законовъ, — съ ироніей рисуетъ развившееся у насъ «скоросудіе», идущее въ разрѣзъ съ правильнымъ понятіемъ о скоромъ судѣ, и горой стоитъ за гласность суда, требуя соблюденія ея съ педантическою ортодоксальностью. «Я не сочувствую, — говоритъ онъ, — обычаю рѣшать дѣла, не выходя изъ комнаты, если нѣтъ ни сторонъ, ни публики. Когда въ церкви молящихся нѣтъ, служба совершается сполна, согласно съ церковнымъ Уставомъ. Трудно поставить точную границу между опущеніемъ пустыхъ формальностей — и халатностью. Я бы счелъ желательною даже гласность совѣщанія судей. Говорятъ — тайна совѣщаній ограждаетъ свободу мнѣній судей;—да у судей нѣтъ такой «свободы» мнѣній, для проявленія которой нужно «удаленіе въ особую комнату». Судья обязанъ рѣшить дѣло сообразно установленнымъ фактамъ и велѣніямъ закона. Если бы было введено гласное совѣщаніе, судьи стѣснялись бы этимъ развѣ на первое время, съ непривычки. На первыхъ порахъ я, послѣ рѣшеній, постановленныхъ безъ публичнаго доклада, въ совѣщательной комнатѣ, испытывалъ смущеніе, которое уподобляю именно тому, какое испыталъ бы священникъ, если бы вмѣсто провозглашенія молитвы среди церкви, какъ требуется церковнымъ Уставомъ, прочелъ молитву вполголоса, не выходя изъ алтаря и не облачаясь... Скоро я къ этому порядку привыкъ, и *тѣмъ хуже для меня!*»

Особенною содержательностью отличаются его работы объ участіи судебной власти въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ признаетъ, что гражданскій законъ можетъ охранять лишь внѣшній миръ семьи, но не предписывать почтеніе и любовь, какъ это онъ дѣлаетъ. Въ семейной распрѣ гораздо полезнѣе помощь и посредничество нравственнаго авторитета родственника, друга, духовника, но обращеніе къ суду только еще пуще расшатываетъ семью. По образному выраженію Боровиковскаго, «исполнительный листъ является въ семью не вѣткой мира: онъ, напротивъ, закрѣпляетъ вражду казенной печатью!» — Въ распоряженіи судебной власти нѣтъ цемента, которымъ можно замѣнить единственную связующую супруговъ силу — любовь. «Замѣна любви принужденіемъ, замѣна священныхъ узъ брака веревочными путами явилась бы кощунственной каррикатурой. Судъ безсиленъ *присудить семьѣ счастье*: онъ долженъ ясно сознавать предѣлы той помощи, которую въ состояніи оказать». Свои взгляды на судъ и семью Боровиковскій подробно развилъ въ двухъ блестящихъ статьяхъ (1902 г.): «Конституція семьи» и «Бракъ и разводъ», въ которыхъ подвергаетъ суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ полной юмора критикѣ проектъ новаго гражданскаго уложенія съ его стремленіемъ замѣнить въ семейномъ правѣ юридическія начала — педагогическими, дидактическими и экономическими соображеніями. На множество вопросовъ, гдѣ жизнь приходитъ въ столкновеніе съ буквой закона, отозвался онъ статьями, полными чуткой и жизненной критики, чуждой педантической авторитетности, но сильной внутреннимъ содержаніемъ. Таковы его статьи въ юридическихъ журналахъ: «О правѣ и фактѣ», «О семейномъ правѣ раскольниковъ», «О проектѣ устава объ опекахъ», «Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ», «О правахъ женщинъ по литовскому статуту», «О существѣ дѣлъ» и, наконецъ, «О печатномъ листѣ», которая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ приглашенію его въ члены комиссіи о пересмотрѣ законовъ о печати подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко.

Мы оба встрѣтились въ жизни весьма еще молодыми людьми: я—товарищемъ прокурора харьковскаго Окружного Суда, онъ—начинающимъ адвокатомъ, но познакомились ближе и сошлись,

когда я, назначенный прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда, пригласилъ его, какъ талантливаго цивилиста, въ мои товарищи для дачи заключеній по гражданскимъ дѣламъ. Несмотря на то, что въ мое время (1871—1875 гг.) составъ гражданскихъ отдѣленій суда былъ превосходный по знаніямъ, опыту и талантливости большинства входившихъ въ нихъ товарищей предсѣдателя и членовъ — Боровиковскій почти сразу пріобрѣлъ авторитетъ и уваженіе. Къ его блестящимъ заключеніямъ судъ сталъ прислушиваться съ необычнымъ по отношенію къ выступленіямъ прокуратуры въ гражданскихъ дѣлахъ вниманіемъ, а самъ онъ сдѣлался въ юридическихъ и литературныхъ кругахъ популярнымъ человѣкомъ. Но самъ онъ относился къ себѣ съ большою скромностью. Назначеніе оберъ-прокуроромъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, вполнѣ имъ заслуженное, очень его встревожило. «Я просто подавленъ смущеніемъ,—писалъ онъ мнѣ 12 марта 1895 года, — достаточны ли мои силы и знанія для высокаго дѣла, на которое меня зовутъ; для меня въ этомъ отношеніи было *большимъ облегченіемъ* узнать, что *Вы* относитесь съ сердечнымъ сочувствіемъ къ павшему на меня выбору. Если и Вы не считаете задачу превосходящею мои способности, то это поистинѣ окрыляетъ меня. Итакъ: да поможетъ мнѣ Богъ!»

Это былъ человѣкъ оригинальный во всемъ, съ живою и остроумной рѣчью, проникнутой милымъ малороссійскимъ юморомъ. Съ нимъ можно было не соглашаться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, но никогда нельзя было не отдать справедливости самостоятельности и независимости его взглядовъ. Русскій человѣкъ во всемъ, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторою наружной небрежностью, онъ привлекалъ къ себѣ незлобивостью, отсутствіемъ всякой ходульности и умѣньемъ иногда искренно подсмѣиваться и надъ самимъ собою. Такимъ онъ былъ въ старые годы своихъ первыхъ шаговъ на судебномъ поприщѣ, такимъ остался и на каѳедрѣ новороссійскаго университета и во всей своей дальнѣйшей широкой служебной дѣятельности.

Будучи назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, онъ писалъ мнѣ въ ноябрѣ 1894 года: «Сегодня

переѣзжаю на казенную квартиру. Я — на казенной квартирѣ! Дивны дѣла Твои, Господи! и во снѣ не снилось! Того и гляди окажусь смотрителемъ хлѣбнаго магазина. Конечно, не смотрителемъ, а *помощникомъ* смотрителя. Поздравьте меня: вчера, во время *невыносимой скуки* нашихъ «совѣщаній» по кодификаціи, мнѣ удалось заставить Кронида Малышева хохотать до слезъ. Вѣдь это больше, чѣмъ заставить бѣлаго медвѣдя плясать мазурку. Какъ видите «я по службѣ счастливъ».

Онъ былъ не только выдающимся юристомъ, но и поэтомъ. Это его свойство сказалось еще въ его первомъ литературномъ трудѣ: «О женской долѣ по малороссійскимъ пѣснямъ», а многія его стихотворенія, не могшія попасть въ печать, ходили по рукамъ, доставляя истинное наслажденіе красотой стиха и сжатостью, а также сердечностью сквозившаго въ нихъ чувства. Между ними почти нѣтъ лирическихъ, но въ области такъ называемыхъ «гражданскихъ мотивовъ» они являются зрѣлой сатирой или проникнуты трогательными образами. Онъ самъ иронизировалъ надъ этими мотивами, спрашивая себя:

За свои стихотворенья
Ты куда же мнишь попасть:
Въ олимпійскія ль селенья?
Въ полицейскую ли часть?»

Посылая мнѣ свой «Отчетъ судьи», онъ написалъ на книгѣ:

«Вы жрецъ, а я дьячокъ; но Богъ у насъ одинъ
(Митрополитъ въ дьячкѣ повиненъ видѣть брата);
Въ нашъ храмъ, украшенный отъ Васъ вѣнкомъ изъ
злата,
Несу и я свой даръ — клочокъ моихъ сѣдинъ».

Онъ умеръ, однако, хотя и не молодымъ, но и не состарившимся человѣкомъ, внезапно, среди оживленной дѣятельности. Память о немъ будетъ долго жить среди знавшихъ его, а будущимъ юристамъ надо будетъ учиться у него умѣнью примирять толкованія холоднаго закона съ сострадательнымъ отношеніемъ

къ условіямъ и тягостямъ гражданскаго быта. Въ одномъ изъ своихъ шутливыхъ стихотвореній онъ сказалъ:

«Вчера гулялъ я по кладбищу,
Читая надписи могилъ.
Двумъ-тремъ сказалъ: зачѣмъ ты умеръ?
А остальнымъ: зачѣмъ ты жилъ?»

Теперь и онъ лежитъ на кладбищѣ, но каждый, кто зналъ или читалъ его, не задастъ себѣ вопроса: зачѣмъ онъ жилъ? и въ наше, бѣдное людьми, время съ грустью, быть можетъ, спроситъ: зачѣмъ онъ умеръ?

Воспоминанія о Боровиковскомъ заставляютъ меня остановиться и на другомъ цивилистѣ, Мясоѣдовѣ, недавно сошедшемъ въ могилу. — Николай Николаевичъ Мясоѣдовъ былъ не только глубоко знающимъ юристомъ, съ удивительною, «двужильною»—по народному выраженію — трудоспособностью, но и выдающеюся личностью во многихъ другихъ отношеніяхъ. Питомецъ московскаго университета и одинъ изъ немногихъ остававшихся ветерановъ судебной реформы 1866 года, онъ пребывалъ вѣренъ ея завѣтамъ до конца, внося въ свою дѣятельность пониманіе духа Судебныхъ Уставовъ, а не одной ихъ, нерѣдко измѣняемой, буквы. Отзывчивый на запросы жизни, чуткій къ немощамъ и чаяніямъ нуждающихся въ правосудіи, онъ умѣлъ укладывать отвѣтъ на все это въ вырабатываемыя имъ рѣшенія. Въ узкія рамки цивилистическихъ разсужденій онъ вводилъ не только живое, но и жизнеспособное содержаніе. Его безпристрастіе и истинная справедливость, чуждая предустановленныхъ рамокъ — были всѣми признаны. О немъ говорили: «хоть и проиграешь дѣло, но не обидно: судилъ Мясоѣдовъ, значитъ рѣшеніе правильно...» И въ законодательныхъ работахъ, когда ему приходилось въ нихъ участвовать, онъ держался широкихъ и смѣлыхъ взглядовъ. Такъ, въ вопросѣ о преобразованіи адвокатуры онъ рѣшительно высказался за предоставленіе женщинамъ права быть защитниками и повѣренными въ дѣлахъ. Въ печальной памяти комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ,

подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева, онъ былъ стойкимъ заступникомъ за этотъ памятникъ великихъ реформъ Александра II, который былъ во многихъ своихъ частяхъ услужливо подвергаемъ существенному искаженію подъ видомъ исправленія. Онъ былъ также однимъ изъ *трехъ* изъ числа *двадцати двухъ* членовъ комиссіи, которые не нашли въ себѣ достаточной податливости, чтобы согласиться на лишеніе будущихъ участковыхъ судей права судейской несмѣняемости и связанной съ нею самостоятельности.

Не одна практическая юриспруденція интересовала Мясоѣдова. Занявъ по праву и общему признанію выдающійся постъ первоприсутствующаго гражданскаго кассаціоннаго департамента и высоко держа знамя судьи, онъ не былъ, однако, узкимъ спеціалистомъ. Его привлекала къ себѣ литература во всѣхъ ея видахъ; его вниманіе останавливали на себѣ вопросы русскаго языка и этимологіи и, наконецъ, онъ былъ страстно и талантливо преданъ музыкѣ. Можно было часами слушать его блестящія импровизаціи... Онъ написалъ нѣсколько изящныхъ романсовъ и большую музыкальную картину «На Волгѣ», — былъ незамѣнимымъ сотрудникомъ для мелодекламаціи, которою занимался и самъ, а исполненіе имъ классическихъ вещей было проникнуто глубиною пониманія и оригинальностью въ передачѣ.

Заботливый семьянинъ и вѣрный другъ своихъ друзей, онъ былъ преисполненъ безграничною готовностью помогать всѣмъ, кому могъ, «не взирая на лица», какъ въ отношеніи тѣхъ, кто въ немъ нуждался, такъ и въ отношеніи тѣхъ, кого онъ, не жалѣя времени и своего спокойствія, шелъ просить за другихъ. Онъ зналъ, что его часто встрѣтятъ—худо скрываемое неудовольствіе, нетерпѣливое посматриваніе на часы или плохо замаскированный отказъ. Но это его не останавливало, и можно съ твердостью сказать, что не только въ околоткахъ, гдѣ онъ проживалъ, дѣлаясь вскорѣ послѣ своего поселенія въ нихъ популярнымъ человѣкомъ, но и въ разныхъ другихъ уголкахъ Петербурга и русской провинціи вѣсть о его кончинѣ вызвала горькое чувство и благодарную память о человѣкѣ, который умѣлъ встрепенуться при первой вѣсти объ общественномъ бѣдствіи и притти на помощь

неустанными хлопотами, трудомъ, настойчивостью. Болѣе десятка тысячъ собралъ онъ концертами въ Пензѣ и Саратовѣ въ пользу голодающихъ въ началѣ девяностыхъ годовъ. Его отзывчивая душа съ особой любовью относилась къ дѣтямъ. Въ ней самой было много хорошаго, дѣтскаго. Отрадно было смотрѣть на его радостное лицо во время ежегодно устраиваемой имъ въ послѣдніе годы въ Сенатѣ елки для дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ и сторожей.

Въ обычныхъ у насъ трафаретныхъ некрологахъ о немъ должно быть сказано, что онъ достигъ званія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и имѣлъ всѣ ордена до Александра Невскаго включительно. Но не это надо отмѣтить въ немъ. Претендентовъ на такіе некрологи у насъ достаточно, но не у всѣхъ изъ нихъ можно подмѣтить ту милую и сердечную простоту, которою отличался покойный. Онъ какъ бы стѣснялся своего высокаго званія и забывалъ о немъ при всякомъ удобномъ случаѣ, отличаясь необыкновенною скромностью въ своемъ нарядѣ и обиходѣ. Однажды, ѣдучи на имперіалѣ конки, онъ долго слушалъ брань своего сосѣда въ чуйкѣ противъ Судебной Палаты за ея будто бы несправедливое рѣшеніе, очень для него обидное. — А въ чемъ ваше дѣло?—спросилъ Мясоѣдовъ.—Да вамъ-то что?—отвѣтила раздражительно чуйка,—вѣдь вы не можете помочь!—Отчего же?—сказалъ Мясоѣдовъ,—если вы подадите кассаціонную жалобу, я могу обратить вниманіе на ваше дѣло: можетъ быть, вы и правы.—Это какъ же вы можете обратить вниманіе?—недовѣрчиво спросилъ собесѣдникъ. — Я — сенаторъ... — Сенаторъ?!—воскликнулъ тотъ, оглядѣлъ Мясоѣдова съ ногъ до головы, язвительно засмѣялся и, презрительно сказавъ: «акуратъ!» плюнулъ и отвернулся. Мнѣ пришлось быть въ концертѣ, который въ послѣдній годъ своей жизни давала впавшая въ бѣдность, когда-то извѣстная пѣвица Дарья Михайловна Леонова. Ей трудно было справляться со своей задачей. Ея голосъ старчески дребезжалъ... А аккомпаніаторъ былъ неумѣлый или неопытный и еще болѣе затруднялъ ее. Мясоѣдовъ сидѣлъ въ первомъ ряду и нервно двигался. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, шагнулъ на невысокую эстраду, шепнулъ что-то аккомпаніатору, сѣлъ вмѣ-

сто него за рояль и весь вечеръ придавалъ бодрости и силы бѣдной женщинѣ. Въ его добромъ сердцѣ въ эти минуты, очевидно, не прозвучали излюбленныя слова многихъ изъ нашихъ сановниковъ: «Ловко ли? удобно ли?»

Высокаго роста, съ порывистыми движеніями, съ нервной непосѣдливостью, съ крупными, рѣзкими чертами лица восточнаго типа, съ отрывистою рѣчью, прерываемою легкимъ заиканіемъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, въ которомъ не только большой запасъ, но даже избытокъ физическихъ силъ. Тяжелыя житейскія испытанія и многолѣтняя неустанная работа подорвали эти силы, но въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ случай узнать его ближе, его оригинальный, симпатичный образъ не изгладится никогда.

XXIV.

Уніатскія дѣла.

Во время пребыванія моего въ рядахъ «дѣйствующей арміи» судебнаго вѣдомства — въ должностяхъ прокурора и предсѣдателя Окружного Суда — мнѣ почти не приходилось встрѣчать въ своей практикѣ дѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры. Сравнительно съ послѣдующими годами, ихъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ возникало вообще мало—и они касались почти исключительно тѣхъ сектъ, которыя нашъ уголовный законъ (Уложеніе о наказаніяхъ ст. 203) характеризуетъ, какъ соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонравственными гнусными дѣйствіями. Но съ переходомъ на постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, мнѣ пришлось ознакомиться съ весьма большимъ числомъ дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ, поступавшихъ въ Сенатъ со всѣхъ концовъ Россіи. Весь раздѣлъ второй нашего Уложенія — «о преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограждающихъ оную постановленій» — прошелъ предо мною во множествѣ разнородныхъ случаевъ, удостовѣренныхъ слѣдственными актами и закрѣпленныхъ приговорами, вызывавшими кассаціонные протесты прокурорскаго надзора и жалобы осужденныхъ. Тутъ были—независимо отъ дѣлъ о бого-

хуленіи и порицаніи вѣры, — дѣла о штундистахъ, уніатахъ, разнаго рода сектантахъ и лютеранскихъ пасторахъ. Длинною вереницею проходятъ они въ моихъ, иногда довольно тягостныхъ воспоминаніяхъ, въ концѣ которыхъ примирительно звучатъ возвышенныя слова Высочайшаго указа Сенату отъ 17-го апрѣля 1905 года о вѣротерпимости.

Въ свѣтлые дни оживленія общественной жизни и мысли, наступившіе вслѣдъ за воцареніемъ императора Александра II, — въ пользовавшемся, въ первые годы своего существованія, большимъ нравственнымъ вліяніемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» появился рядъ статей, обратившихъ на себя общее вниманіе, какъ новизною и смѣлостью содержанія, такъ и личностью автора. Онѣ назывались «О полиціи внѣ полиціи» и принадлежали перу полковника корпуса жандармовъ С. С. Громеки. Теперь, по прошествіи почти пятидесяти лѣтъ, статьи эти представляются упражненіями малосодержательнаго, но бойкаго пера по поводу истинъ, которыя можно назвать азбучными. Но тогда онѣ казались многимъ чуть не гражданскимъ подвигомъ, высота и глубина котораго усиливались недавнимъ служебнымъ положеніемъ автора. Всѣми, читавшими эти статьи, ожидалось, что мысли о закономѣрной свободѣ и достоинствѣ человѣческой личности, мелькавшія въ нихъ, найдутъ себѣ дальнѣйшее и широкое развитіе въ трудахъ и дѣятельности автора. Казалось, что не напрасно Добролюбовъ, въ шутливомъ подражаніи извѣстной Лермонтовской передѣлкѣ стихотворенія Гете, предсказывалъ въ «Свисткѣ»: «погоди, Громека, свистнешь, братъ, и ты!»

Громека дѣйствительно и свистнулъ, но только совсѣмъ въ другомъ направленіи, чѣмъ это предполагалъ Добролюбовъ. Въ разгаръ польскаго возстанія онъ перешелъ изъ центральнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ на службу въ Царство Польское, и здѣсь, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оказался сѣдлецкимъ губернаторомъ и самъ явился представителемъ «полиціи внѣ полиціи», и притомъ въ области свободы совѣсти.

Сѣдлецкая губернія была образована изъ части Люблинской въ 1866 году. Населенная трудолюбивымъ, хотя и бѣднымъ по условіямъ почвы населеніемъ, чуждымъ всякихъ безпокойствъ въ тревожное время 1863 года, преданнымъ вѣрѣ отцовъ, — эта губернія, безъ земства и городского самоуправленія, не могла давать поводовъ для особыхъ безпокойствъ или затрудненій мѣстному губернатору, если только онъ самъ «мятежный не искалъ бури» и не сѣялъ производящій ее вѣтеръ. Три уѣзда этой губерніи — Сокольскій, Радинскій и Бѣльскій — были довольно густо населены уніатами, уцѣлѣвшими въ качествѣ официально признаваемыхъ греко-уніатовъ при рѣшительномъ и широкомъ возсоединеніи въ 1839 г. православнаго духовенства съ греко-уніатскимъ. Это были по большей части люди малообщительнаго и медлительнаго нрава, угрюмые на видъ, твердо держащіеся старины и цѣнившіе въ ней особенно обряды исповѣданія, въ которомъ родились и умирали ихъ отцы и дѣды. Въ 1873 и 1874 годахъ, сначала спорадически, а потомъ, такъ сказать, эпидемически — уніаты начали обнаруживать настойчивое желаніе присоединиться къ православію, такъ что гминные войты стали представлять губернскому начальству массу приговоровъ о сознательномъ желаніи обитателей гминъ оставить унію. Всемѣрно способствуя поступленію такихъ приговоровъ, Громека энергически содѣйствовалъ возбужденію вопроса о возсоединеніи уніатскаго населенія трехъ упомянутыхъ уѣздовъ съ православной церковью. Представленія его въ этомъ отношеніи нашли себѣ благодарную почву въ Петербургѣ, гдѣ вліятельный союзникъ сѣдлецкаго губернатора, правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и будущій министръ Маковъ началъ горячо ратовать за осуществленіе этихъ предположеній. Такимъ образомъ произошло въ 1875 году возсоединеніе, отпразднованное съ особою торжественностью молебствіями, краснорѣчивыми реляціями въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и наградами разнымъ лицамъ за усердіе въ этомъ благомъ дѣлѣ. Казалось, что перемѣна вѣроисповѣдныхъ симпатій мѣстнаго населенія прошла не только благополучно, но и съ блестящимъ успѣхомъ, при чемъ въ этомъ церковномъ вопросѣ энергія гра-

жданскихъ властей и неожиданный взрывъ душевной потребности мѣстнаго населенія гармонически слились воедино ad majorem ecclesiae gloriam. Уніатскія церкви были обращены въ православныя, — Маковъ вскорѣ сдѣланъ товарищемъ министра, а Громека произведенъ въ тайные совѣтники.

Около этого же самаго времени, съ половины 1876 года, въ Царствѣ Польскомъ была введена судебная реформа. Однако еще въ концѣ 1875 года изъ объясненій старшаго предсѣдателя варшавской Судебной Палаты Н. Н. Герарда и прокурора той же палаты Трахимовскаго стало обнаруживаться, что все это блестящее возсоединеніе уніатовъ есть не что иное, какъ созданный довольно беззастѣнчивыми руками административный миражъ, — одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые такъ долго извращали и жизнь и нравственный смыслъ русскаго общества. Оба высшіе представителя судебнаго вѣдомства въ краѣ начали выражать серьезное сомнѣніе въ возможности избѣжать—при публичномъ разбирательствѣ дѣлъ о сопротивленіи бывшихъ уніатовъ властямъ — разоблаченій крайне грустныхъ подробностей возникновенія и дальнѣйшаго укрѣпленія добровольнаго возсоединенія уніатовъ съ господствующею церковью. Они находили, что открывать дѣятельность новаго суда въ Сѣдлецкой губерніи длиннымъ рядомъ такихъ процессовъ значило бы подорвать не только въ глазахъ мѣстнаго общества, но и за границей и безъ того невысокій нравственный авторитетъ мѣстныхъ правительственныхъ властей, показавъ воочію, какимъ недостойнымъ и незаконнымъ путемъ была вспахана и засѣяна та почва, на которой выросли эти сопротивленія. Слушать этого рода дѣла при закрытыхъ дверяхъ по закону было невозможно... Тогда министру юстиціи еще не было предоставлено права по собственному усмотрѣнію (Уставъ Угол. Судопр., ст. 621[1]) уничтожать публичность, и закрытіе дверей не могло практиковаться съ тою— иногда основанною на личныхъ просьбахъ «великихъ міра сего» — развязностью, съ какою это совершалось на моей памяти, какъ видно было изъ доходившихъ до Сената дѣлъ, до половины перваго десятилѣтія текущаго вѣка. А съ мнѣніемъ «гнилого Запада» въ то время у насъ въ обществѣ считались, не

начавъ относиться къ нему съ самодовлѣющимъ высокомѣріемъ.

По распоряженію министра юстиціи графа К. И. Палена, дѣла о сопротивленіи властямъ уніатовъ были вытребованы въ Петербургъ, и мнѣ, какъ вице-директору департамента министерства юстиціи, выпало на долю всѣ ихъ подробно разсмотрѣть и составить изъ нихъ общій сводъ. Изъ этихъ дѣлъ оказалось, что гминные приговоры были составлены не только не добровольно, но явились результатомъ настойчиваго давленія и всяческаго воздѣйствія, до угрозъ включительно, со стороны ближайшаго полицейскаго начальства, руководимаго, въ іерархическомъ порядкѣ, приказаніями и настояніями высшей губернской власти. Старое ироническое выраженіе «честью просить!» было примѣнено и здѣсь. Населеніе было смущено и встревожено, а когда уніатскіе храмы стали передѣлывать подъ русскія церкви, и за недостаткомъ православныхъ священниковъ, могущихъ быть переведенными изъ Россіи, стали выписывать таковыхъ изъ Галиціи, смущеніе перешло въ явное недовольство, и возсоединенные перестали посѣщать церковь. Но у нихъ рождались дѣти, а смерть дѣлала свое дѣло. Дѣтей слѣдовало крестить, а умершихъ хоронить по обрядамъ той церкви, къ которой они офиціально принадлежали. Однако, бывшіе уніаты не хотѣли къ ней принадлежать и играть пассивно-услужливую роль въ той комедіи лицемѣрія и честолюбія, которая надъ ними была разыграна: они желали оставаться уніатами. И вотъ началось уклоненіе отъ крещенія дѣтей по новому обряду и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказъ хоронить по нему своихъ покойниковъ. Казалось бы, что это одно уже должно было показать не въ мѣру усерднымъ ревнителямъ возсоединенія весь лживый характеръ тѣхъ условій, въ которыхъ оно совершалось. Для простого человѣка—крестины, свадьба и похороны представляютъ торжественныя событія, выдѣляющіяся изъ однообразія ежедневности, а между тѣмъ отъ двухъ изъ этихъ торжествъ населеніе добровольно и, конечно, съ болью начало отказываться. Но, какъ это часто у насъ встрѣчалось, вмѣсто изслѣдованія причинъ такого необычнаго въ сельской средѣ явленія, его

«ничто же сумняся» начали искоренять суровыми мѣрами принужденія и наказанія.

Пользуясь широкимъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій, губернаторъ Громека выработалъ и преподалъ подчиненнымъ властямъ цѣлую систему взысканій, замѣнявшихъ собою тѣ увѣщанія, къ которымъ, казалось бы, всего умѣстнѣе было прибѣгать представителямъ господствующей церкви, на лоно которой еще такъ недавно, будто бы, усиленно стремились уніаты. За каждый случай *неокрещенія дѣтей* въ теченіе недѣли начальникъ уѣзда обязанъ былъ подвергать каждаго изъ виновныхъ родителей штрафу не менѣе одного рубля и не свыше семи рублей. Взысканіе штрафовъ было возложено на гминныхъ войтовъ, которые, получивъ свѣдѣніе о рожденіи младенца, обязаны были требовать отъ родителей представленія выписи изъ метрическихъ книгъ приходской православной церкви и при отсутствіи такой выписи взыскивать штрафъ, соотвѣтственно времени, прошедшему со дня рожденія младенца. Каждую недѣлю штрафъ повторялся въ томъ же размѣрѣ впредь до предъявленія метрической выписи. Такимъ образомъ при упорствѣ бывшаго уніата штрафъ все возрасталъ и иногда доходилъ до такого размѣра, что всего имущества крестьянина не хватило бы на его уплату, тѣмъ болѣе, что штрафы въ *пять*, *шесть* или даже *семь рублей* въ недѣлю съ каждаго изъ супруговъ были далеко не рѣдкимъ явленіемъ, и, кромѣ того, при наложеніи перваго штрафа, съ упорствующихъ требовалось еще внесеніе особаго обезпеченія въ исправности уплаты будущихъ штрафовъ, такъ называемаго «фанта». За *самовольное* погребеніе бывшихъ уніатовъ не по обряду православной церкви штрафъ назначался единовременно и былъ опредѣленъ Громекою въ *десять* рублей.

Наложеніе этихъ штрафовъ не оказывало однако ожидаемаго дѣйствія. Только самые бѣдные крестьяне подчинялись требованію гминныхъ войтовъ. Всѣ же, имѣвшіе хоть какой-либо достатокъ, безусловно отказывались платить и предпочитали полное разореніе своего хозяйства крещенію дѣтей не по вѣрѣ своихъ отцовъ. Разореніе это осуществлялось въ видѣ публич-

ной продажи движимаго имущества упорствующихъ для уплаты накопившихся на нихъ штрафовъ, въ число которыхъ поступали и отобранные у нихъ въ видѣ залоговъ «фанты». Преимущественно продавался скотъ, а если вырученная сумма превышала сумму слѣдуемаго по штрафу взысканія, то излишекъ все-таки не выдавался хозяину проданнаго, а хранился въ гминной конторѣ «*на пополненіе будущихъ штрафовъ*». Покупателями являлись исключительно мѣстные скупщики, дававшіе, по соглашенію между собою, крайне низкія цѣны, что было особенно удобно потому, что гминное начальство не было заинтересовано въ соблюденіи при продажѣ интересовъ «упорствующаго», а самихъ владѣльцевъ продаваемыхъ предметовъ, по распоряженію нѣкоторыхъ ретивыхъ уѣздныхъ начальниковъ, воспрещено было допускать къ личной продажѣ своего имущества.

Послѣдствія этой системы сказались немедленно. Подвергая мѣстныхъ крестьянъ разоренію и насилуя ихъ совѣсть, она вызвала цѣлый рядъ противодѣйствій властямъ и ожесточеніе противъ администраціи, которое было тѣмъ сильнѣе, что «добровольное присоединеніе» сопровождалось высылкою многихъ «упорствующихъ» въ восточныя губерніи Россіи, гдѣ они — вдали отъ родины и отъ семействъ, подъ строжайшимъ надзоромъ урядниковъ—прозябали въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова. Такъ, согласно офиціальнымъ свѣдѣніямъ, было выслано, по распоряженію главнаго начальства Привислинскаго края, по сношенію съ консисторіей и на основаніи особаго полномочія, изъ Сѣдлецкой въ Оренбургскую губернію 47 семействъ, въ коихъ состояло 192 бывшихъ уніата... Эти высылки не помѣшали проявленію въ мѣстномъ населеніи сначала глухого, а потомъ и открытаго протеста противъ неожиданныхъ фискальныхъ послѣдствій неприсоединенія.—Стали, какъ грибы, расти дѣла о сопротивленіяхъ полиціи, объ оскорбленіяхъ стражниковъ, и неожиданная *эволюція* въ дѣятельности почтеннаго автора «Полиціи внѣ полиціи» привела къ не менѣе неожиданной *революціи* въ вѣроисповѣдной жизни мѣстнаго населенія. Уже черезъ годъ послѣ торжественнаго объявленія «urbi et orbi» о возсоединеніи уніатовъ, населеніе *четвер-*

той части бывшихъ уніатскихъ приходовъ въ Сѣдлецкой губерніи, въ количествѣ около 120.000 человѣкъ, стало въ явно враждебное отношеніе къ обрядамъ православной вѣры, а во всѣхъ остальныхъ приходахъ начало открыто уклоняться отъ ихъ исполненія.

Всѣ возникавшія въ этихъ приходахъ дѣла имѣли одинаковый характеръ. Начиналось съ неокрещенія младенца или съ тайныхъ похоронъ покойника, за что налагался штрафъ. Младенецъ продолжалъ оставаться неокрещеннымъ, покойникъ лежалъ спокойно въ землѣ, свободный отъ всякихъ посягательствъ на свои религіозныя убѣжденія, но такъ какъ младенецъ не слѣдовалъ его примѣру, то штрафъ росъ да росъ... Каждая недѣля упорства и желанія оставаться въ вѣрѣ отцовъ—невидимо, но неизбѣжно, какъ скрытая болѣзнь, подтачивала хозяйство... Въ одинъ прекрасный день въ деревню являлись войтъ, солтысы и стражники. Чаша терпѣнія мѣстнаго начальства оказывалась переполненною — и начинался выводъ скота изъ хлѣвовъ, выносъ одежды и хозяйственныхъ продуктовъ изъ домовъ, среди мрачнаго молчанія мужчинъ, подъ слезы и вопли женщинъ. Иногда вещами нагружались цѣлые возы и, въ сопровожденіи забранныхъ воловъ и овецъ, торжественно отправлялись на ближайшій базаръ. Тамъ, на глазахъ взволнованныхъ владѣльцевъ, все продавалось за безцѣнокъ при содѣйствіи мѣстнаго фактора, котораго сельскія власти иногда даже нанимали для устройства продажи и указаній въ домахъ крестьянъ вещей, которыя скорѣе могутъ быть сбыты съ рукъ. Но продажа удавалась не всегда... Причитанія и жалобы женщинъ, — у иныхъ изъ которыхъ мужья, послѣ тѣлеснаго увѣщанія и долгаго пребыванія въ острогѣ, были сосланы внутрь Россіи, — рѣзкія дѣйствія сельской полиціи и, наконецъ, внезапно прорвавшееся, долго накипавшее негодованіе въ томъ или другомъ изъ возсоединенныхъ — вдругъ совершенно измѣняли картину. Начиналось наступленіе на стражниковъ, возы и скотъ отнимались, вещи разбирались по домамъ, и на время наступало торжество оштрафованныхъ. Но только на время... Вскорѣ на помощь стражникамъ являлась вооруженная сила, а въ защиту ихъ начиналось уголовное дѣло.

Не было почти ни одной гмины, гдѣ совершилось возсоединеніе, въ которой не произошло бы какой-нибудь печальной исторіи въ этомъ родѣ. Такъ, въ 1876 г. въ гминѣ Любенкахъ (Бѣльскаго уѣзда) произошла драка между стражниками, увозившими на возу имущество, и толпою крестьянъ, при чемъ пущены были въ дѣло палки, кочерги и даже помазокъ съ горячимъ дегтемъ. Главное участіе въ этомъ столкновеніи приняли три крестьянки, мужья которыхъ были высланы передъ тѣмъ въ сѣверныя губерніи Россіи, оставивъ безъ призора хозяйство и четырнадцать человѣкъ дѣтей. Такія же столкновенія произошли въ деревняхъ Рагозницы и Савки (Радинскаго уѣзда), гдѣ толпа приступила къ явному сопротивленію, въ особенности раздраженная участіемъ въ отобраніи вещей мѣстнаго скупщика и ростовщика. Многія слѣдственныя производства рисовали грустную картину столкновенія чрезмѣрнаго штрафа и настойчиваго его требованія съ одной стороны,—бѣдности и отчаянія съ другой. То крестьянинъ, у котораго хотятъ отобрать сундукъ съ приданымъ жены, хватаетъ за грудь солтыса, — то берутъ корову и вмѣстѣ съ нею недопускавшаго ее взять крестьянина и оставляютъ обоихъ лишь потому, что пришедшая въ изступленіе жена послѣдняго грозитъ лишить себя жизни,—то въ уѣздной больницѣ лежитъ семидесятилѣтній крестьянинъ, избитый стражникомъ за то, что не хотѣлъ отдавать корову, назначенную въ продажу на возмѣщеніе штрафа, наложеннаго на его *совершеннолѣтняго* сына, — то, наконецъ, *крестьянинъ-вдовецъ* наноситъ стражнику побои, отнимая корову, описанную за 6-рублевый штрафъ, и объясняя, что ему лучше умереть, чѣмъ лишиться кормилицы своихъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей. И такихъ случаевъ было очень много... Мирное, спокойное населеніе начало смотрѣть мрачно и озлобленно; — полиція, жившая въ добрыхъ отношеніяхъ съ этимъ населеніемъ, стала подвергаться оскорбленіямъ;—начали быстро возникать уголовныя дѣла и наполняться остроги.

Въ такомъ положеніи застала Сѣдлецкую губернію судебная реформа. Несмотря на свою односторонность и урѣзанность, она несла за собою струю свѣжаго воздуха. Новые судебные

дѣятели, независимые отъ администраціи, пріѣхавшіе со введеніемъ реформы въ тотъ край, не могли не обратить вниманія на истинное положеніе уніатскихъ дѣлъ. Стоило посѣтить тюремный замокъ, чтобы увидѣть, къ какимъ результатамъ привело многихъ то возсоединеніе, которое въ Петербургѣ изображали какъ мирное, безобидное и свободное религіозное торжество.

Къ половинѣ 1876 года въ Сѣдлецкой губерніи, подъ вліяніемъ описаннаго порядка вещей, въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, по распоряженію мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей, содержалось около 200 арестантовъ, возсоединенныхъ изъ бывшихъ уніатовъ, а въ производствѣ общихъ судовъ находилось 43 дѣла о сопротивленіяхъ власти и о насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ чиновъ полиціи.

Статьи Уложенія о наказаніяхъ, по коимъ въ этихъ дѣлахъ бывшіе уніаты обвинялись, грозили наказаніемъ, доходящимъ до лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ. Всего по этимъ дѣламъ было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 52 человѣка (27 мужчинъ и 25 женщинъ). Изъ нихъ одна четвертая часть тоже содержалась подъ стражей въ виду важности упадавшаго на нихъ обвиненія. Изъ этихъ 52 человѣкъ—51 прежде никогда ни къ какой отвѣтственности не привлекались, а 32 человѣка изъ нихъ имѣли, въ совокупности, *сто одного малолѣтняго ребенка.*

Всѣ эти обстоятельства побудили министра юстиціи графа Палена представить рядъ всеподданнѣйшихъ докладовъ съ изложеніемъ наиболѣе выдающихся случаевъ преслѣдованія возсоединенныхъ уніатовъ и съ ходатайствомъ о помилованіи послѣднихъ и о прекращеніи уголовнаго о нихъ производства. По Высочайшему повелѣнію всѣ эти лица были освобождены отъ суда и слѣдствія, а для подробнаго разсмотрѣнія возбужденнаго графомъ Паленомъ вопроса было образовано особое совѣщаніе, въ которое, кромѣ гр. Палена, вошли шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Потаповъ и министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ. 23 апрѣля 1876 года состоялось засѣданіе этого совѣщанія, при чемъ участники его объединились во взглядѣ на то, что къ бывшему греко-уніатскому населенію

должны быть примѣнены начала вѣротерпимости на широкихъ основаніяхъ, вслѣдствіе чего преслѣдованіе ихъ не должно имѣть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе находило нужнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ снестись съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ считалъ бы нужнымъ принять для побужденія бывшихъ уніатовъ, не *подвергая ихъ преслѣдованію,* къ исполненію обрядовъ православной церкви. Мнѣніе совѣщанія было Высочайше утверждено. Такимъ образомъ, казалось бы, тѣмъ преслѣдованіямъ за привязанность къ вѣрѣ отцовъ, которыя вызвали столько горя и слезъ у обитателей Сѣдлецкой губерніи, былъ положенъ конецъ. Варшавскому генералъ-губернатору оставалось лишь обсудить, какими мѣрами, исключая карательныхъ, можетъ административная власть помочь мирному исходу, лишеннаго фактическаго и нравственнаго основанія, предпріятія возсоединенія.

Но на дѣлѣ вышло иначе. Въ маѣ 1876 года генералъ-адъютантъ Тимашевъ препроводилъ министру юстиціи выработанныя графомъ Коцебу правила о «мѣрахъ побужденія», приведшія министерство юстиціи въ крайнее изумленіе. Графъ Коцебу соглашался на изъятіе дѣлъ о бывшихъ уніатахъ изъ вѣдѣнія судебныхъ учрежденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ вооружить карательною властью — по отношенію къ упорствующимъ и уклоняющимся отъ окрещенія дѣтей — войтовъ гминъ, бургомистровъ городовъ, уѣздныхъ начальниковъ и губернаторовъ, въ порядкѣ постепенности, по мѣрѣ упорства виновныхъ, при чемъ взысканія должны были состоять изъ штрафовъ въ размѣрѣ отъ 1 до 10 рублей, въ арестѣ на 5 дней, въ заключеніи въ тюрьму на болѣе продолжительное время, сопровождаемомъ духовными увѣщаніями, и, наконецъ, въ удаленіи «совершенно безнадежныхъ» съ мѣста жительства въ Имперію, подъ надзоръ полиціи. Графъ Паленъ, разсмотрѣвъ эти правила, сообщилъ Тимашеву, что мѣры, въ нихъ содержащіяся, не соотвѣтствуя началамъ вѣротерпимости, принятымъ особымъ совѣщаніемъ, и передавая карательную власть такимъ лицамъ, которыя ни по существу своихъ правъ, ни по свойству своихъ обязанностей имѣть ее не могутъ, ни въ какомъ случаѣ не приведутъ «упор-

ствующихъ» къ православію, а лишь дадутъ имъ поводъ считать себя страдальцами за религіозныя убѣжденія. Однако генералъ Тимашевъ сообщилъ министру юстиціи, что, по его мнѣнію, мѣры эти вполнѣ цѣлесообразны и не противорѣчатъ мнѣнію особаго совѣщанія. Тогда графъ Паленъ въ официальномъ сообщеніи заявилъ ему, что не считаетъ возможнымъ въ чемъ-либо измѣнить уже высказанное мнѣніе и, будучи глубоко убѣжденъ, что въ дѣлахъ вѣры принудительныя и насильственныя мѣры достигаютъ всегда обратнаго результата — находитъ, что лишеніе греко-уніатовъ средствъ судебной защиты изъятіемъ ихъ дѣлъ изъ судовъ, на ряду съ наложеніемъ на нихъ строгихъ административныхъ взысканій, не только противорѣчитъ политическимъ видамъ правительства, но и совершенно не соотвѣтствуетъ общимъ началамъ справедливости. Но министръ внутреннихъ дѣлъ остался при своемъ. Онъ не раздѣлялъ, очевидно, мнѣнія московскаго митрополита Филарета, писавшаго еще въ пятидесятыхъ годахъ: «надобно, чтобы обращеніе иновѣрныхъ созрѣвало подъ дѣйствіемъ силы слова и духа, а не тогда, когда рукою плоти совершается». Такимъ образомъ, благодаря генералу Тимашеву, очевидно, имѣвшему болѣе ясное понятіе объ искусствѣ дѣлать статуэтки, которымъ онъ, въ свободное отъ занятій внутренними дѣлами Россіи время, плѣнялъ петербургскіе салоны, чѣмъ о смыслѣ слова «вѣротерпимость»,—принципіально вопросъ разрѣшенъ не былъ.

Начало новаго царствованія ознаменовалось образованіемъ новаго совѣщанія министровъ, которое должно было *устранить* вмѣшательство административной власти въ дѣло неисполненія бывшими уніатами уставовъ церкви и возстановить порядокъ въ составленіи актовъ о рожденіи у нихъ дѣтей. Результатомъ этого совѣщанія было Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго за необъявленіе мѣстному православному священнику о рожденіи дитяти, для составленія надлежащаго акта, согласно правиламъ гражданскаго уложенія, виновные должны подвергаться единовременному штрафу въ рубль серебромъ, а за погребеніе умершихъ безъ надлежащаго разрѣшенія — штрафу или аресту. Что же касается до уклоненія греко-уніатовъ отъ совершенія

надъ ихъ дѣтьми таинства крещенія или отъ совершенія погребенія умершихъ при участіи православнаго священника, а равно за другіе собственно-религіозные проступки, какъ-то: нарушеніе праздничныхъ дней, нехожденіе въ православную церковь, небытіе у исповѣди и тому подобное уклоненіе отъ исполненія уставовъ православной церкви — то за это никакихъ взысканій не допускалось. Этимъ положенъ былъ, казалось бы, наконецъ, предѣлъ всякимъ преслѣдованіямъ «упорствующихъ» уніатовъ тѣмъ болѣе, что проектируемыя маловажныя взысканія за неисполненіе обязанности по отношенію къ актамъ гражданскаго состоянія и къ обще-полицейскимъ правиламъ о погребеніи умершихъ особенно оттѣняли ненаказуемость уклоненій въ области офиціальнаго вѣроисповѣданія, не раздѣляемаго убѣжденіемъ совѣсти и семейными традиціями. Участіе въ совѣщаніи такихъ вліятельныхъ въ то время лицъ, какъ графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ, служило, повидимому, твердымъ ручательствомъ тому, что основная умиротворительная мысль Высочайшаго повелѣнія будетъ проведена въ жизнь настойчиво и неуклонно. И дѣйствительно вопросъ объ уніатахъ замолкъ, — но, къ сожалѣнію, только на время. Тѣ, кто думалъ найти въ прекращеніи преслѣдованія уніатовъ нѣкоторое нравственное успокоеніе и увидѣть въ немъ зарю вѣротерпимости, весьма ошибались. Извѣстно, что въ одну изъ минутъ горькаго разочарованія императоръ Николай I сказалъ, что Россія «управляется столоначальниками»... Повидимому, и въ данномъ случаѣ нужно было, чтобы гг. столоначальники въ разныхъ видахъ и на разныхъ ступеняхъ служебной лѣстницы признали возможнымъ и желательнымъ для себя осуществленіе Высочайшаго повелѣнія по уніатскимъ дѣламъ. На мѣстѣ, въ Сѣдлецкой губерніи, у нихъ явился и энергическій союзникъ въ лицѣ архіепископа Леонтія, въ узкомъ, одностороннемъ и постепенно потухающемъ умѣ котораго свило себѣ гнѣздо нѣкоторое церковно-юридическое крючкотворство.

Осенью 1887 года въ Правительствующій Сенатъ, по уголовному кассаціонному департаменту, поступило нѣсколько кассаціонныхъ жалобъ на приговоры сѣдлецкаго мирового съѣзда

второго округа, въ который входятъ Радинскій, Сокольскій и Бѣльскій уѣзды. Этими приговорами крестьяне, считающіе себя состоящими въ бракѣ, были приговорены гминнымъ судомъ и мировымъ съѣздомъ къ 50 рублямъ штрафа каждый или къ аресту на два мѣсяца. Это были дѣла о такъ называемыхъ *краковскихъ бракахъ*. Изъ нихъ было видно, что мѣстныя судебныя власти не только не отказались, согласно духу и смыслу Высочайшаго повелѣнія 1882 года, отъ вмѣшательства въ вѣроисповѣдныя отношенія уніатовъ, но съ услужливой готовностью отдали себя въ распоряженіе иниціаторовъ возсоединенія и ихъ сотрудниковъ, осуществляя ихъ виды и рабски слѣдуя ихъ толкованіямъ. Оказалось, что бывшіе уніаты и третій видъ упомянутыхъ выше церковныхъ обрядовъ — *бракосочетаніе* — продолжали совершать въ формахъ, близкихъ ихъ душѣ, а не чуждыхъ ей дотолѣ. Близорукое въ политическомъ отношеніи предпріятіе *добровольнаго* возсоединенія создало, какъ и слѣдовало ожидать, благопріятную почву для религіозно-политической пропаганды со стороны воинствующаго католицизма, который, давая способы удовлетворять душевныя потребности мѣстнаго населенія, въ то же время возбуждалъ въ немъ и обострялъ національное чувство указаніемъ на притѣснительный въ дѣлахъ вѣры образъ дѣйствій русскихъ властей. Въ Сѣдлецкой и части Люблинской губерніи появились бродячіе католическіе священники-миссіонеры и стали втайнѣ крестить младенцевъ и вѣнчать взрослыхъ. Чтобы поддержать ихъ дѣятельность, въ Краковѣ была учреждена особая миссія съ цѣлью противодѣйствія оставленію народомъ уніи. Для удостовѣренія состоявшагося обряда, эти тайные миссіонеры выдавали особые метрическіе акты на бланкахъ, подписанныхъ лицами краковскаго духовенства. Съ теченіемъ времени устройство этихъ *краковскихъ браковъ* перешло и въ руки частныхъ лицъ, которыя подняли плату за формальное содѣйствіе такому браку — при посредствѣ заранѣе приготовленнаго бланка — до довольно большихъ размѣровъ. Состояніе въ такомъ бракѣ нельзя было скрыть ни отъ мѣстнаго духовенства, ни отъ гминнаго начальства, — и представители того и другого стали составлять списки считающихъ себя состоящими въ краков-

скомъ бракѣ лицъ, препровождаемые за симъ холмско-варшавскому епархіальному начальству. По распоряженію послѣдняго, духовная консисторія начала признавать браки по католическому обряду, заключенные лицами, исповѣдующими (?) православную вѣру, *незаконными,* а потому и *недѣйствительными* и стала входить съ мѣстной администраціей, на основаніи 39 ст. Уст. о пред. и прес. прест., въ сношенія о принятіи «надлежащихъ» мѣръ. А эти надлежащія мѣры должны были, согласно буквѣ закона, состоять въ распоряженіи о раздѣленіи лицъ, состоящихъ въ незаконномъ и недѣйствительномъ бракѣ, отъ совмѣстнаго сожительства. Если эти лица отказывались разойтись и не жить вмѣстѣ или, давши подписку съ обязательствомъ разойтись, въ дѣйствительности продолжали свое сожительство, то противъ нихъ возбуждалось уголовное преслѣдованіе по 29 ст. мирового устава, говорящей о неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти. Гминный судъ присуждалъ изъ нихъ каждаго къ штрафу въ 25 рублей или къ аресту на мѣсяцъ, а когда, отбывъ наказаніе, они продолжали «упорствовать» въ своемъ сожитіи, то объ этомъ составлялся протоколъ, и они вновь подвергались суду, назначавшему уже высшую мѣру наказанія въ размѣрѣ 50 рублей штрафа съ каждаго или двухъ мѣсяцевъ ареста, при чемъ этотъ приговоръ безусловно утверждался мировымъ съѣздомъ.

Первая жалоба была принесена крестьяниномъ Степаномъ Панасюкомъ и крестьянкой Маріей Казачукъ и представляла характерный образчикъ всѣхъ подобныхъ дѣлъ. Дѣло это начиналось съ предписанія начальника Радинскаго уѣзда войту гмины о томъ, что холмско-варшавская духовная консисторія проситъ сдѣлать распоряженіе брачившихся по римско-католическому обряду разлучить отъ «купножительства», вслѣдствіе чего на войта возлагается обязанность взять съ Панасюка и Казачукъ подписку, что они обязуются не жить болѣе купно, и имѣть строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не сходились въ «купножительствѣ», а въ случаѣ нарушенія этого — привлечь ихъ къ отвѣтственности по 29 ст. Уст. о наказ., нал. мир. суд. — Подписку эту они отказались дать и были осуждены гминнымъ судомъ, но

и затѣмъ—имѣя уже двухъ дѣтей—не разстались и продолжали жить вмѣстѣ, считая себя состоящими въ бракѣ, почему гминный судъ осудилъ ихъ вторично—за повтореніе преступленія—и назначилъ имъ высшую мѣру наказанія, что составило съ прежде взысканными по 75 рублей штрафа на человѣка. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ съѣздомъ мировыхъ судей. Въ подробно мотивированномъ приговорѣ съѣзда были приведены длинныя разсужденія о томъ, что преступное дѣяніе обвиняемыхъ составляетъ нарушеніе порядка управленія (?!), подлежащее пресѣченію со стороны полиціи, согласно закону 1875 года о возсоединеніи бывшихъ греко-уніатовъ, при чемъ *полиція не входитъ въ сферу религіозныхъ вѣрованій, а также не вступаетъ и въ сферу нравственности, ибо никого не обязываетъ заключать брачныя узы.* Разсужденія съѣзда заключались признаніемъ неуважительными указаній жалобщиковъ на то, что они, даже и при признаніи ихъ брака незаконнымъ, могутъ быть признаны только сожительствующими, какъ неженатый съ незамужней. Разсужденія эти въ существѣ своемъ указывали прежде всего, что и съѣздъ нѣсколько чуждался «сферы нравственности». «Таковыми подсудимые могли бы быть признаны — говорилъ его приговоръ, — лишь тогда, когда, исполнивъ требованіе полиціи о разлукѣ, они потомъ уже сошлись бы на внѣбрачное сожительство *на иномъ основаніи...*»

Этотъ приговоръ, какъ и всѣ по послѣдующимъ 22 дѣламъ о «краковскихъ» бракахъ, поступившимъ въ Сенатъ, былъ изложенъ совершенно однообразно и даже, если память мнѣ не измѣняетъ, литографированъ, съ оставленіемъ пустыхъ мѣстъ для вписанія именъ обвиняемыхъ. Прокуроръ варшавской Судебной Палаты, одновременно съ поступленіемъ первыхъ дѣлъ о «краковскихъ» бракахъ, сообщилъ мнѣ офиціально о томъ, что въ производствѣ ихъ имѣется еще довольно много и что по вошедшимъ въ силу приговорамъ большая часть осужденныхъ, вслѣдствіе несостоятельности, подвергнута лишенію свободы на два мѣсяца, а также, что мѣстныя власти и мѣстное населеніе съ одинаковымъ нетерпѣніемъ, хотя и по разнымъ основаніямъ, ожидаютъ рѣшенія Правительствующаго Сената. Къ сообщенію

прокурора было приложено отношеніе благочиннаго Радинскаго округа къ предсѣдателю мирового съѣзда второго округа, въ которомъ онъ, препровождая вѣдомость о незаконныхъ бракахъ бывшихъ уніатовъ, заявлялъ, что «судебное преслѣдованіе въ данномъ случаѣ производитъ самое благое вліяніе на «упорствующихъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ большую пользу, уменьшая число этихъ браковъ и побуждая «упорствующихъ», за малымъ исключеніемъ, начинать праздновать православные праздники, такъ что все духовенство Радинскаго округа изъявляетъ свою искреннюю благодарность судамъ за ихъ дѣятельность и молитъ Господа, чтобы благотворное дѣйствіе суда продолжалось и на будущее время, пока не искоренится упорство заблуждающихся несчастныхъ православныхъ прихожанъ, которые, благодаря непостоянству распоряженій администраціи, коснѣютъ въ убѣжденіи, что начальство не имѣетъ надъ ними ни власти, ни права».

Не нужно было особыхъ усилій воображенія, чтобы представить себѣ картину этого трогательнаго возсоединенія мирового съѣзда съ духовной консисторіей во всѣхъ ея характерныхъ и смущающихъ душу подробностяхъ. Не трудно было и задаться вопросомъ: что же дѣлается съ дѣтьми насильственно разлученныхъ родителей? куда дѣваются они? на чьемъ попеченіи они находятся, если «упорствующіе» не станутъ бросать другъ друга въ угоду духовному и уѣздному начальству и — разоренные штрафами — будутъ постоянно, черезъ небольшіе промежутки, водворяемы въ тюремный замокъ за повтореніе своего глодѣянія? Самъ собою возникалъ и другой вопросъ: дѣйствительно ли, въ случаѣ признанія такихъ браковъ незаконными, на свѣтской власти лежитъ обязанность, по первому требованію консисторіи, *разлучать* считающихъ себя супругами и авторитетнымъ словомъ суда рекомендовать, вмѣсто брака, блудное сожитіе, но только на какомъ-то «иномъ основаніи»? Статья 37 I ч. X тома свода законовъ несомнѣнно относится къ бракамъ (въ томъ числѣ и смѣшаннымъ), *заключеннымъ по обрядамъ того вѣроисповѣданія,* къ которому принадлежатъ брачущіеся. Всѣ семь пунктовъ этой статьи совершенно ясно указываютъ, что такой

бракъ — законный и дѣйствительный самъ по себѣ — становится незаконнымъ и недѣйствительнымъ, только вслѣдствіе свойствъ, заключающихся не въ вѣроисповѣданіи, а въ личности одного или обоихъ брачущихся—въ ихъ сумасшествіи, родствѣ или свойствѣ, состояніи уже въ бракѣ, нахожденіи подъ запрещеніемъ вступать въ бракъ, недостиженіи брачнаго возраста или переходѣ за предѣлы его и т. п. Поэтому и 38 ст. I ч. X тома, предписывающая немедленное разлученіе такихъ брачущихся — вслѣдствіе соображеній нравственнаго порядка или требованій народнаго здравія — отъ дальнѣйшаго сожительства, относится исключительно къ бракамъ, заключеннымъ по обрядамъ офиціальнаго вѣроисповѣданія разлучаемыхъ. Поэтому два лица православнаго вѣроисповѣданія могутъ вступить между собою *въ бракъ* только по обрядамъ православнаго вѣроисповѣданія, всякое же другое ихъ сожитіе, хотя бы и имѣющее видъ и аттрибуты брачнаго, есть конкубинатъ съ точки зрѣнія закона гражданскаго, не говоря уже о правилахъ церковныхъ. Въ виду этого Панасюкъ и Казачукъ и всѣ пострадавшіе за то же — «имена ихъ Ты, Господи, вѣси»—ни въ какомъ случаѣ не могли считаться состоящими въ незаконномъ бракѣ. Поэтому требованіе о разлученіи ихъ оказывалось совершенно произвольнымъ и лишеннымъ всякаго основанія. Сожитіе неженатаго съ незамужней влечетъ въ Россіи уголовное преслѣдованіе лишь при требованіи матерью ребенка, родившагося отъ этой связи, обезпеченія себѣ и ему, согласно 994 ст. Улож. о наказ. Въ Царствѣ же Польскомъ виновные въ блудѣ преслѣдуются прокурорскимъ надзоромъ предъ Окружнымъ Судомъ и наказываются церковнымъ покаяніемъ, независимо отъ рожденія ребенка. Поэтому, разсматривая приговоръ гминнаго суда, мировой съѣздъ былъ обязанъ отмѣнить и этотъ приговоръ и все производство по дѣлу, признавъ, что требованіе консисторіи и уѣзднаго начальника, идущее въ разрѣзъ съ точнымъ смысломъ 37 статьи X тома, незаконно и что подсудимые могли бы подвергнуться лишь обвиненію въ незаконномъ сожитіи, если бы прокурорскій надзоръ нашелъ возбужденіе такого обвиненія цѣлесообразнымъ и разумнымъ по бытовымъ условіямъ жизни.

Оставленіе въ силѣ подобныхъ приговоровъ съѣзда было бы равносильно упроченію въ Сѣдлецкой губерніи явнаго неправосудія, и я счелъ себя обязаннымъ высказать предъ Сенатомъ по дѣлу Панасюкъ-Казачукъ мнѣніе о необходимости отмѣны состоявшагося приговора со всѣми послѣдствіями, за неправильнымъ примѣненіемъ 29 ст. Уст. о наказ., и съ разъясненіемъ неосновательности толкованія, даннаго мѣстными властями статьѣ гражданскихъ законовъ о недѣйствительныхъ и незаконныхъ бракахъ.

Предвидя, что въ случаѣ, если Сенатъ раздѣлитъ — какъ я имѣлъ основаніе предполагать — мой взглядъ, въ правящихъ кругахъ Сѣдлецкой губерніи и въ самой Варшавѣ поднимется нѣкоторый шумъ, и въ Петербургъ полетятъ нареканія на Сенатъ за то, что рѣшенія его колеблютъ и разрушаютъ дѣло возсоединенія, я словесно предупредилъ министра юстиціи Манасеина объ этихъ весьма возможныхъ и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ будущаго сенатскаго разъясненія.

Николай Авксентьевичъ Манасеинъ,—нервный и впечатлительный человѣкъ, не могъ считаться вполнѣ соотвѣтствующимъ званію министра юстиціи въ трудное время восьмидесятыхъ годовъ, когда на судебное вѣдомство установился у многихъ вліятельныхъ высшихъ сановниковъ взглядъ, полный недоброжелательства и недовѣрія. Кропотливый въ работѣ и входившій во всякія мелочи, — страстный и подчасъ рѣзкій, — то слишкомъ замкнутый, то черезчуръ и не безопасно для себя откровенный,— неровный и нерѣшительный, — способный приниматься за какой-нибудь вопросъ съ чрезвычайной энергіей и совершенно утрачивать ее на полпути, Манасеинъ, какъ министръ юстиціи, далъ поводъ ко многимъ довольно справедливымъ упрекамъ и нажилъ себѣ много враговъ. Онъ былъ гораздо болѣе на мѣстѣ, какъ прокуроръ московской Судебной Палаты,—въ должности, гдѣ нужно было лишь честное и горячее служеніе Судебнымъ Уставамъ и гдѣ не требовалось широкихъ государственныхъ взглядовъ. Уже во время ревизіи имъ, въ качествѣ сенатора, губерній Прибалтійскаго края, отсутствіе этой широты, въ связи съ большою страстностью, сказалось въ рядѣ дѣйствій, поселив-

шихъ много напраснаго раздраженія и обострившихъ мѣстную племенную рознь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ несомнѣнной доброты и благородства, — чуждый интригъ и лукавства, — прямодушный въ выраженіи своихъ симпатій и антипатій, — понимавшій цѣну труда, — способный сознавать и даже оплакивать свои ошибки, — далекій отъ суетнаго честолюбія и смотрѣвшій на свое званіе не какъ на ступеньку къ матеріальному или властному возвышенію, а какъ на тяжкое служеніе, которое и поглотило всѣ его духовныя и физическія силы. Въ душевномъ складѣ и вкусахъ его жилъ мировой посредникъ перваго призыва, и этимъ, конечно, объясняется та смѣлая оппозиція, которую онъ проявилъ при возникновеніи закона о земскихъ начальникахъ, пока нервное отсутствіе стойкаго напряженія воли не толкнуло его на уступки, обрадовавшія его враговъ и недовѣрчиво принятыя тѣми, въ согласіи съ кѣмъ онъ ихъ сдѣлалъ. Одинокій въ общественномъ смыслѣ, многими оставленный и позабытый, сошелъ онъ въ тяжкихъ физическихъ страданіяхъ въ могилу, вскорѣ послѣ давно желаннаго имъ увольненія отъ должности министра.

Личныя наши отношенія были довольно холодны и офиціальны, но я считалъ нужнымъ предупреждать его заранѣе о предвидимыхъ мною поводахъ къ несправедливому раздраженію на судебное вѣдомство или на Сенатъ для того, чтобы онъ могъ своевременно приготовиться къ отклоненію нападеній и къ разъясненію недоумѣній. Съ удовольствіемъ вспоминаю я нѣкоторыя изъ нашихъ бесѣдъ по этимъ поводамъ и, какъ сейчасъ, вижу его оживленное, красивое лицо и прекрасные глаза. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопросовъ о свободѣ совѣсти, Манасеинъ обнаруживалъ ясность мысли и отсутствіе душевной черствости, проявляя не разъ смѣлость рѣшеній, не совсѣмъ обычную въ то время уклончивости и компромиссовъ. Онъ искренно возмутился представленными ему мною данными дѣла и вполнѣ согласился съ тѣмъ, что приговоры Сѣдлецкаго съѣзда не могутъ оставаться въ силѣ, несмотря на то, что, незадолго передъ тѣмъ, этотъ съѣздъ получилъ общее одобреніе своей, особо оттѣненной въ отчетѣ синодальнаго оберъ-проку-

рора, усердной дѣятельности. Я просилъ Манасеина вызвать предсѣдателя съѣзда и предложить ему представить подробныя свѣдѣнія о всѣхъ другихъ преслѣдованіяхъ, возбужденныхъ противъ уніатовъ. Манасеинъ согласился на это, прибавивъ, что вызоветъ и прокурора Судебной Палаты. Дня черезъ три я получилъ отъ него записку, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что говорилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода о томъ заключеніи, которое будетъ мною дано по дѣламъ о «краковскихъ» бракахъ, и что К. П. Побѣдоносцевъ очень проситъ меня повидаться съ нимъ, надѣясь разъяснить мнѣ неправильность моего взгляда.

«Помилуйте, что вы хотите сдѣлать! — сказалъ мнѣ при свиданіи Побѣдоносцевъ:—мы съ такимъ трудомъ налаживаемъ церковное дѣло въ Польшѣ, а вашъ Сенатъ собирается намъ въ колеса палки вставлять... Тутъ вѣдь не одно нарушеніе церковныхъ правилъ. Эти бывшіе уніаты вызываютъ путаницу въ актахъ состоянія и, не желая знать православнаго священника, хоронятъ мертвыхъ кое-какъ и раньше срока. Судебные приговоры произвели на нихъ отличное дѣйствіе: мнѣ писали объ этомъ и предсѣдатель съѣзда и мѣстный преосвященный, а у васъ все это собираются испортить»... Онъ ходилъ большими шагами по кабинету и, видимо, все болѣе и болѣе раздражался. Я далъ ему все высказать и, зная, что въ немъ формальный ревнитель интересовъ духовнаго вѣдомства не могъ совершенно заставить замолчать тонкій и логическій умъ свѣдущаго и извѣстнаго цивилиста, спокойно изложилъ ему, какое явное искаженіе нашихъ *гражданскихъ* законовъ представляютъ собою рѣшенія съѣзда, указавъ ему на то, что самъ же онъ вмѣстѣ съ двумя другими министрами выработалъ Высочайшее повелѣніе 1882 года, въ силу котораго незаписаніе новорожденныхъ дѣтей въ акты состоянія и погребеніе съ нарушеніемъ полицейскихъ правилъ наказываются въ административномъ порядкѣ маленькимъ единовременнымъ штрафомъ. Но между такимъ штрафомъ, если бы онъ назначался за незанесеніе рожденія ребенка въ акты гражданскаго состоянія, и насильственнымъ разлученіемъ людей, считающихъ себя супругами и не желающихъ жить въ

блудной связи, есть огромная разница. Сенатъ не можетъ покрывать своимъ авторитетомъ приговоры, въ которыхъ законность дѣйствій полиціи доказывается съ вопіющими натяжками и съ рекомендаціей искренно вѣрующимъ людямъ вступать въ внѣбрачную связь «на другомъ основаніи», какъ выразился съѣздъ. Эти доводы подѣйствовали, и въ концѣ-концовъ К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ, что онъ не будетъ протестовать противъ рѣшенія Сената въ указанномъ мною смыслѣ, но думаетъ, что такой протестъ неминуемо послѣдуетъ со стороны варшавскаго генералъ-губернатора, такъ что, если Сенатъ не желаетъ, чтобы это рѣшеніе вызвало, по жалобамъ послѣдняго, какія-нибудь крутыя общія распоряженія или неожиданныя законодательныя мѣры противъ бывшихъ уніатовъ, которыя еще болѣе ухудшатъ ихъ положеніе, то мнѣ слѣдовало бы переговорить съ генералъ-губернаторомъ, который кстати находится въ Петербургѣ. «И что это они тамъ дѣлаютъ!—прибавилъ онъ тоже довольно неожиданно:—и чего они путаютъ? Вотъ ужъ усердіе не по разуму! Ахъ, Боже мой, Боже мой!»

Желая исчерпать вопросъ въ смыслѣ наибольшей законченности для достаточно настрадавшихся возсоединенныхъ, я отправился къ генералъ-адъютанту Гурко и, вопреки предположенію Побѣдоносцева, встрѣтилъ въ немъ человѣка, глубоко не сочувствующаго уніатской эпопеѣ. Онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько случаевъ злоупотребленія военной силой для принужденія бывшихъ уніатовъ подчиниться исполненію обрядовъ господствующей церкви, въ родѣ, напримѣръ, испрошенія приходскимъ священникомъ — подъ предлогомъ опасенія насилій при напутствованіи умирающаго — команды нижнихъ чиновъ и обхода съ ними цѣлой деревни, съ цѣлью окрещенія, подъ ихъ прикрытіемъ, всѣхъ младенцевъ у бывшихъ уніатовъ по православному обряду. Поэтому онъ привѣтствовалъ могущее состояться рѣшеніе Сената, но выразилъ сомнѣніе, чтобы оно не вызвало самаго горячаго протестующаго представленія со стороны оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, вслѣдствіе несомнѣнныхъ будущихъ жалобъ варшавскаго архіепископа. Я передалъ ему мой разговоръ съ Побѣдоносцевымъ, и генералъ-адъютантъ Гурко ска-

залъ мнѣ, что при докладѣ о положеніи уніатскихъ дѣлъ онъ выскажется противъ практикуемыхъ судебныхъ преслѣдованій. Дня черезъ два, онъ объяснилъ мнѣ, что докладъ его относительно судебныхъ преслѣдованій встрѣченъ былъ вполнѣ сочувственно. Одновременно съ этимъ дѣло Панасюкъ-Казачукъ было доложено въ Сенатѣ, и въ резолюціи всѣ основанія для отмѣны приговора съѣзда были изложены съ особой ясностью и опредѣленностью. Такая же участь постигла и всѣ остальныя дѣла этого рода.

Я присутствовалъ при докладѣ министру вызваннаго въ Петербургъ предсѣдателя съѣзда Логанова о характерѣ и свойствѣ уголовныхъ преслѣдованій уніатовъ, при чемъ оказалось, что работа бывшихъ уніатовъ въ полѣ или на дорогѣ въ православные праздники преслѣдовалась, какъ ослушаніе полиціи (ст. 30 уст. о наказ.), или какъ соединенное съ соблазномъ дѣйствіе (ст. 43 уст. о наказ.), или, наконецъ, какъ не исполненіе законныхъ требованій власти (ст. 29 уст. о наказ.), выражающееся въ несоблюденіи отобранной подписки съ обязательствомъ святить православные праздники; — что по 38 ст. уст. о наказ. (нарушеніе общественнаго спокойствія и тишины) преслѣдовалось *колядованіе* въ Рождественскіе праздники—не вообще,—согласно ст. 30 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, нигдѣ впрочемъ не примѣняемой, — а лишь *по новому стилю*, и что по той же статьѣ, вопреки разъясненіямъ Сената, преслѣдовался отказъ отъ принятія свидѣтельской присяги по православному обряду, а также несоблюденіе отобранной полиціей подписки *не посѣщать католическія церкви для молитвъ*. Выслушавъ подробный разборъ и оцѣнку юридическихъ основаній для такихъ преслѣдованій и справку изъ практики Правительствующаго Сената по аналогичнымъ дѣламъ, Н. А. Манасеинъ далъ соотвѣтствующія указанія предсѣдателю съѣзда и поручилъ принять мѣры, чтобы впредь преслѣдованія, роняющія достоинство судебной власти и лишенныя законнаго основанія, не возбуждались. Такимъ образомъ, казалось, что послѣдній актъ искусственнаго возсоединенія, совершеннаго въ 1875 году, былъ доигранъ, и что на этихъ печальныхъ страницахъ можно было

закрыть книгу, содержащую въ себѣ поучительную повѣсть о томъ, къ какимъ уродливымъ послѣдствіямъ приводитъ не стѣсняющееся въ дѣйствіяхъ усердіе въ дѣлахъ вѣры, въ особенности, когда къ нему примѣшивается устройство административныхъ миражей. Министръ юстиціи, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и варшавскій генералъ-губернаторъ — каждый въ отдѣльности — согласились съ необходимостью прекратить уголовное преслѣдованіе бывшихъ уніатовъ по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, — Сенатъ авторитетно и рѣшительно указалъ на юридическую тщету подобныхъ преслѣдованій, — и, наконецъ, этотъ взглядъ не встрѣтилъ повелительнаго возраженія.

Чего же больше?

Но неуловимый «столоначальникъ» не дремалъ. *Онъ* находилъ, что оставлять уніатовъ свободными отъ преслѣдованія невозможно, что если нельзя «поражать ихъ ранами», то можно «поразить ихъ скорпіонами». *Его* духъ виталъ надъ тремя злополучными уѣздами Сѣдлецкой губерніи и вскорѣ далъ себя почувствовать. Въ 1890 году въ уголовный кассаціонный департаментъ поступило нѣсколько дѣлъ изъ Сѣдлецкаго съѣзда второго округа, напоминавшихъ недавнее, но, какъ къ сожалѣнію оказалось, не прошедшее время. У лицъ, вступившихъ въ «краковскіе» браки, рождались дѣти. Не считая себя православными, родители крестили дѣтей у католическихъ миссіонеровъ. Тогда должностныя лица, ведущія акты гражданскаго состоянія,—бургомистры и равнозначащіе имъ чины въ гминахъ,—получивъ списки такихъ родителей, стали вызывать послѣднихъ къ себѣ и требовать метрическихъ свидѣтельствъ дѣтей, удостовѣряющихъ о крещеніи ихъ по православному обряду, для отмѣтки ихъ въ графѣ документовъ, подтверждающихъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ записи актовъ состоянія. Метрики, конечно, не оказывалось, и тогда отъ вызванныхъ отбиралась подписка о томъ, что они въ трехдневный срокъ ее представятъ. Одни давали такую подписку и не представляли метрики, другіе прямо отказывались давать подписку. О томъ и другомъ составлялся протоколъ, направлялся въ гминный судъ по 29 ст. уст. о наказ., и начиналась старая процедура съ разорительными штрафами

и лишеніемъ свободы. И на этотъ разъ Сенатъ, не усматривая въ положеніи о веденіи актовъ гражданскаго состоянія законныхъ основаній для предъявленія подобныхъ требованій, отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями всѣ дошедшіе до него приговоры, составлявшіе лишь часть изъ ста слишкомъ дѣлъ, накопившихся по Сѣдлецкой губерніи къ марту 1890 года. Сенатъ согласился съ заключеніемъ оберъ-прокурора, что недоставленіе частными лицами метрическихъ свидѣтельствъ для провѣрки правильности книгъ народонаселенія не составляетъ ни преступленія, ни проступка, караемаго уголовными законами, такъ какъ такое доставленіе никому въ обязанность не вмѣнено, а въ примѣчаніяхъ къ инструкціи 1861 года въ точности указанъ порядокъ, который долженъ быть соблюдаемъ при отсутствіи или недостаткѣ метрикъ. Такъ окончились судебныя преслѣдованія уніатовъ. И снова были освобождены изъ тюремъ и изъ-подъ угрозы разоренiемъ хозяйства многія семейства *добровольно* присоединившихся.

На этомъ прекратились *судебныя* дѣла объ упорствующихъ изъ возсоединенныхъ. Продолжались ли административныя мѣропріятія въ этомъ отношеніи—мнѣ неизвѣстно. Но единственно правильная и согласная съ назначеніемъ и достоинствомъ церкви борьба съ отпаденіями отъ православія оружіемъ духовнымъ, очевидно, не стояла на первомъ планѣ, такъ какъ еще въ 1904 году въ Комитетѣ Министровъ было сдѣлано заявленіе, что «принадлежность колеблющихся къ православію, являющаяся благомъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для Церкви, *при нѣкоторыхъ, уже начатыхъ теперь, усиліяхъ просвѣтительнаго характера* со стороны духовенства, могла бы быть со временемъ обезпечена». Такимъ образомъ оказывалось, что черезъ двадцать девять лѣтъ послѣ возсоединенія только что начались усилія «просвѣтительнаго характера», т.-е. что взялись, наконецъ, за мечъ духовный послѣ того, какъ мечъ свѣтскій, иногда даже въ рукахъ военныхъ властей, зазубрился и притупился совершенно безплодно. Отчеты оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода въ концѣ девяностыхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ, въ Холмской епархіи въ 1895

году было *упорствующихъ*—73.000, а въ 1897 году уже 83.000; такъ, на общее число возсоединенныхъ по одной Сѣдлецкой губерніи въ числѣ 153.000 человѣкъ (въ 1897 году)—въ 1899 г. было *упорствующихъ* свыше 62.000 и *колеблющихся* болѣе 55.000 человѣкъ; они имѣли 26.000 некрещеныхъ дѣтей и между ними было 9.800 паръ, находящихся, за нежеланіемъ совершить бракъ по православному обряду, въ блудномъ сожитіи. Съ 1896 года по 1897 число упорствующихъ въ Холмской епархіи вообще увеличилось на 6.000 человѣкъ, а колеблющихся на 1.350,—число некрещеныхъ дѣтей—на 6.000 и незаконныхъ сожительствъ—на 770 паръ. Въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1897 годъ обрисованы результаты этого безплоднаго воздѣйствія на людей, которые хотѣли жить по вѣрѣ своихъ предковъ. «Состояніе упорствующихъ бывшихъ греко-уніатовъ — говорится въ отчетѣ—до крайности печально. У исповѣди они не бываютъ, дѣтей не крестятъ, браковъ не вѣнчаютъ, умершихъ погребаютъ самовольно. Забывши всѣ обязанности, налагаемыя на христіанъ религіей, они совершенно очерствѣли душой. Отъ незаконныхъ, некрещеныхъ родителей родились дѣти, тоже остающіяся некрещеными. Къ православію упорствующіе относятся съ озлобленіемъ, съ духовенствомъ избѣгаютъ встрѣчъ и бесѣдъ, къ умершимъ православныхъ священниковъ вовсе не допускаютъ; на убѣжденія крестить дѣтей многіе отвѣчаютъ: «скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ вашей Церкви». Среди нихъ не прекращается пропаганда католическихъ ксендзовъ, тайное совершеніе ими требъ и исповѣди».

Этотъ отчетъ подписанъ человѣкомъ большого ума... Невольно спрашиваешь себя, какъ нелогичность всего высказаннаго не бросилась прежде всего ему самому въ глаза? Какимъ образомъ люди, ищущіе,—съ ущербомъ для своихъ гражданскихъ правъ, — утѣшенія въ требахъ и жаждущіе покаянія по обрядамъ, унаслѣдованнымъ отъ отцовъ, могутъ считаться «совершенно очерствѣлыми душою и забывшими всѣ обязанности христіанина?!» Какъ было не задуматься надъ дѣйствительно «крайне печальнымъ состояніемъ» 83.000 человѣкъ, лишенныхъ послѣ десятка лѣтъ всякаго рода стѣсненій, разоренія, административ-

ныхъ и судебныхъ преслѣдованій, радости открыто исповѣдывать за себя и за своихъ 26.000 дѣтей свою выстраданную вѣру, не прибѣгая къ тайнѣ и къ укрывательству?—Какъ было не остановиться мыслью на исканіи изъ такого положенія достойнаго христіанской любви выхода? — Вмѣсто такого исканія — столь естественнаго самого по себѣ, а съ точки зрѣнія элементарной предусмотрительности даже обязательнаго для государственныхъ людей — было признано возможнымъ лишь пересмотрѣть правила для рѣшенія вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о возсоединенныхъ и во главу этихъ правилъ, закрѣпляя горестное нравственное и общественное положеніе бывшихъ уніатовъ, поставить указанія на то, что, *во-первыхъ*, всѣ бывшіе греко-уніаты, въ силу акта возсоединенія ихъ съ православною церковью въ 1875 году, почитаются православными, и *во-вторыхъ*, — лица, происходящія отъ родителей, бывшихъ греко-уніатовъ, признаются православными, хотя бы и были крещены до 1875 г. въ костелѣ... Невольно припоминаешь при этомъ — не безъ крайняго изумленія предъ непослѣдовательностью К. П. Побѣдоносцева — его же собственныя слова въ одномъ изъ «изданныхъ» имъ сочиненій:

«Вдумываясь въ жизнь, приходишь къ тому заключенію, что для каждаго человѣка въ ходѣ его духовнаго развитія всего дороже, всего необходимѣе сохранить въ себѣ неприкосновеннымъ простое, природное чувство человѣческаго отношенія къ людямъ, правду и свободу духовнаго представленія и движенія. Это — неприкосновенный капиталъ духовной природы, въ которомъ душа охраняется и обезпечивается отъ дѣйствія всякихъ *чиновныхъ* формъ и искусственныхъ теорій, растлѣвающихъ незамѣтно простое нравственное чувство».

Такъ шло дѣло до 1905 года, когда, къ великому облегченію всѣхъ, кому дороги святыя права человѣческаго духа, Комитетъ Министровъ призналъ, наконецъ, что въ области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо, и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ, ни съ точки зрѣнія православной церкви, ни съ точки зрѣнія государственной

По мнѣнію Комитета, однимъ изъ самыхъ нежелательныхъ элементовъ въ государствѣ являются подданные безъ религіи, какъ главнаго устоя нравственности, а отсутствіе законной семьи, нарушая правильное отношеніе между родителями и дѣтьми, затрудняетъ нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Насажденіемъ этого *нежелательнаго элемента* и препятствованіемъ возникновенію законной семьи можетъ быть по справедливости названо преслѣдованіе возсоединившихся въ Сѣдлецкой губерніи, продолжавшееся съ разными измѣненіями, то усиливаясь, то ослабѣвая, около тридцати лѣтъ, пока Высочайшій указъ Сенату отъ 17 апрѣля 1905 года не явился торжественнымъ подтвержденіемъ словъ забытаго закона о томъ, что «вѣра порождается исключительно благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами»...

XXV

Штундисты.

Первые годы царствованія покойнаго Государя были ознаменованы мягкимъ и человѣколюбивымъ взглядомъ на *расколъ*. Почти передъ самымъ его коронованіемъ, 3 мая 1883 г., послѣдовало обнародованіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и о разрѣшеніи имъ, по отправленію духовныхъ требъ, совершать богослуженія по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для этого зданіяхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка. Эти льготы не были распространены лишь на скопцовъ и на тѣхъ сектантовъ, которые принадлежатъ къ изувѣрнымъ сектамъ, т.-е. такимъ, которыя соединены, по выраженію закона, «съ фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или чужую и съ противонравственными, гнусными дѣйствіями».

Такъ какъ ни наши — полицейскій, сельскій и бывшій рекрутскій—уставы, ни наши уголовные законы, ни, наконецъ, рядъ Высочайшихъ повелѣній съ 1840 по 1859 гг. не дѣлали и не дѣлаютъ никакого, по существу своему, различія между тѣмъ, что называлось *расколомъ*, и что именуется *ересью*,—льготы эти считались касающимися всѣхъ видовъ русскаго сектантства, за

исключеніемъ скопчества и такихъ сектъ, самое ученіе коихъ по грубому оскорбленію нравственности—будетъ ли то Moralitaet или Sittlichkeit — представляется нарушающимъ основы и условія общественной жизни и устройства.—Это торжественное признаніе осуществленія въ религіозной жизни русскаго народа возвышеннаго начала, выраженнаго въ словахъ основныхъ законовъ о «повсемѣстномъ свободномъ отправленіи вѣры и богослуженія», было встрѣчено вздохомъ радостнаго облегченія не только тѣми злополучными, которые должны были молиться по секрету отъ мѣстной власти, могущей «тащить и не пущать»,—но и всѣми, кому дороги были священныя права духовной природы человѣка, и кто не безъ основанія видѣлъ въ новомъ законѣ зарю грядущей свободы совѣсти.

Но отмѣченная еще Императоромъ Николаемъ I подмѣна широкихъ велѣній Монарха, въ практическомъ ихъ исполненіи, узкими личными взглядами и вкусами «столоначальниковъ» — иногда весьма высокаго ранга—нашла себѣ примѣненіе и здѣсь. Началось съ формальнаго вопроса о *мѣстахъ для частнаго и общественнаго богомоленія*. Ограничительное толкованіе и даже полное оставленіе втуне новой льготы направилось прежде всего на *старообрядцевъ*, въ которыхъ, судя по отчетамъ синодальнаго оберъ-прокурора Побѣдоносцева за восьмидесятые и девяностые годы, православное вѣдомство видѣло наиболѣе опасныхъ изъ отпавшихъ отъ офиціальной церкви чадъ. Несмотря на то, что статья полицейскаго устава, запрещавшая обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя молельни, послѣ закона 1883 г. была установленнымъ порядкомъ отмѣнена, были предприняты, по требованіямъ епархіальныхъ властей, уголовныя преслѣдованія противъ старообрядцевъ, въ домахъ которыхъ уже существовали до закона 1883 г. молельни, обращенныя затѣмъ въ мѣста разрѣшенныхъ этимъ закономъ общественныхъ богомоленій. Подчиняясь толкованію духовныхъ властей, что допущеніе единомышленныхъ по вѣрѣ людей молиться въ частномъ домѣ—равносильно устройству *особо-предназначеннаго* для этого зданія, каковое влечетъ за собою уголовную кару, если для этого не испрошено разрѣшенія подлежащаго начальства, — толкованію, обращавшему въ

ничто законъ 1883 года, строго разграничивавшій *частные дома* и *особо-предназначенныя* для богослуженія зданія,—судебныя власти начинали «дѣло», которое обыкновенно оканчивалось въ апелляціонной инстанціи обвинительнымъ приговоромъ со всѣми свойственными подобнымъ дѣламъ «онёрами», т.-е. съ постановленіемъ объ уничтоженіи всего устроеннаго для молитвы и съ препровожденіемъ отобранныхъ иконъ, книгъ, лампадъ, ризъ и т. п. въ мѣстную консисторію.

Сомнительно, чтобы послѣднее постановленіе соблюдалось съ точностью и необходимымъ уваженіемъ къ предметамъ, священнымъ въ глазахъ старообрядцевъ. Я не могу не припомнить здѣсь посѣщенія мною въ 1877 г. вмѣстѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ петербургской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ на Охтѣ, за Пороховыми заводами. Мы зашли въ церковь колоніи, довольно обширную, съ простыми деревянными, ничѣмъ не обшитыми внутри стѣнами, почти сплошь увѣшанными иконами стараго письма въ потускнѣвшихъ ризахъ и безъ нихъ. Такое чрезмѣрное обиліе иконъ не понравилось Достоевскому. «Это какой-то музей, а не храмъ», — сказалъ онъ: «и къ чему столько образовъ?!» Оказалось, что сенаторъ Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій [1]), основатель колоніи и горячо преданный ей ея попечитель, зная, по старой своей должности предсѣдателя петербургской уголовной палаты, что въ кладовыхъ послѣдней хранятся въ теченіе десятилѣтій, безъ всякаго порядка, въ пыли и паутинѣ, часто безъ всякихъ описей, многія иконы, отобранныя у раскольниковъ, выпросилъ отдачу ихъ на «украшеніе храма», сооружаемаго въ колоніи. Хорошо, что *малолѣтніе преступники*, по всѣмъ вѣроятіямъ, не вѣдали происхожденія иконъ, со всѣхъ сторонъ глядѣвшихъ на нихъ со стѣнъ, и не знали, что онѣ отобраны также у *преступниковъ* и при томъ *взрослыхъ* и даже сѣдыхъ, преступленіе которыхъ состояло лишь въ томъ, что они молились предъ этими священными и для православныхъ изображеніями, но только не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ, въ которое входили съ умиленіемъ и вѣрою. Пожалуй, юноши эти полу-

---

[1]) См. «Очерки и воспоминанія», изд. 1906 год , стр. 725.

чили бы довольно странное представленіе о томъ, *что* иногда называется преступленіемъ.

Когда первое изъ такихъ *дѣлъ о моленьяхъ* дошло, наконецъ, до уголовнаго кассаціоннаго департамента, Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Рябинина, возстановилъ истинный смыслъ закона 3 мая 1883 года, и, согласно съ моимъ оберъ-прокурорскимъ заключеніемъ, отмѣнилъ приговоръ казанской Судебной Палаты. Въ то время, начиная съ 1886 г., по соглашенію моему съ главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника» Г. П. Данилевскимъ, въ этой газетѣ стали печататься составляемые оберъ-секретарями подробные тезисы, извлеченные изъ уголовныхъ кассаціонныхъ рѣшеній. Это было не только полезно, но и необходимо, въ виду того, что подробныя кассаціонныя рѣшенія печатались очень медленно, иногда черезъ годъ и болѣе послѣ того, какъ они состоялись, при чемъ о нихъ совершенно ничего не вѣдали широкіе общественные круги. Изъ «Правительственнаго Вѣстника» ихъ перепечатывали газеты, и такимъ образомъ руководящія разъясненія высшаго суда дѣлались общимъ достояніемъ немедленно и переставали быть извѣстными однимъ лишь профессіональнымъ юристамъ-криминалистамъ. Такъ, къ общему удовольствію, продолжалось нѣсколько лѣтъ. Но когда тезисъ, выведенный изъ рѣшенія по дѣлу Рябинина, былъ, по дошедшей очереди, напечатанъ, — со стороны синодальнаго оберъ-прокурора послѣдовала *настоятельная* просьба не печатать болѣе никакихъ тезисовъ по раскольничьимъ дѣламъ. На мои указанія относительно полезности подобнаго печатанія для устраненія множества житейскихъ и судебныхъ недоразумѣній и на то, что рѣшеніе по дѣлу Рябинина вполнѣ согласно съ мотивами, положенными Государственнымъ Совѣтомъ въ основу закона 1883 г., К. П. Побѣдоносцевъ отвѣчалъ весьма нелестными отзывами о нашемъ законосовѣщательномъ учрежденіи и утвержденіемъ, что это рѣшеніе, сдѣлавшись общеизвѣстнымъ, принесетъ великій вредъ православному вѣдомству. Вскорѣ затѣмъ редакція «Правительственнаго Вѣстника» увѣдомила меня, что признаетъ затруднительнымъ печатаніе нашихъ тезисовъ. Такимъ образомъ о взглядахъ Сената по раскольничьимъ

дѣламъ осталось—и то по прошествіи долгаго срока—узнавать лишь изъ сборника кассаціонныхъ рѣшеній, издаваемаго при Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Да и узнавать приходилось мало, чтобы не сказать ничего, вслѣдствіе усвоеннаго нѣкоторыми первоприсутствующими уголовнаго кассаціоннаго департамента, не находящаго себѣ никакого оправданія въ Судебныхъ Уставахъ, обычая писать на рѣшеніяхъ по «щекотливымъ» дѣламъ (а такими прежде всего считались дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры): «не подлежитъ печатанію». Благодаря всему этому, извращеніе закона 1883 г. по отношенію къ старообрядцамъ продолжалось еще многіе годы, и мнѣ, чрезъ девять лѣтъ послѣ его изданія, еще пришлось докладывать о кассаціи приговора харьковской Судебной Палаты по дѣлу Тулупова, совершенно однородному съ дѣломъ Рябинина.

Не могу не привести здѣсь и доходившаго до Сената въ 1894 г. случая, гдѣ къ обвиненію въ устройствѣ «молитвеннаго дома» были привлечены московской городской полиціей даже и не старообрядцы или сектанты, а хозяинъ кондитерской фабрики, православный мѣщанинъ Савельевъ, обвиняемый въ томъ, что,—какъ говорилось въ полицейскомъ протоколѣ,—у него въ воскресный день «было обнаружено собраніе народу, которые были застаны стоящими на колѣняхъ, опустивъ голову, при чемъ Савельевъ читалъ Евангеліе и тутъ же на столѣ лежала Библія и десять Евангелій, а на стѣнѣ оказались три текста изъ священнаго писанія, на картонѣ напечатанные, каковые книги и тексты отобраны и доставлены въ управленіе участка». Мировой съѣздъ соглашаясь съ подсудимымъ, что по ст. 23 полицейскаго устава воскресные дни слѣдуетъ посвящать «отдохновенію отъ трудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ набожному благоговѣнію», нашелъ, однако, умѣстнымъ примѣнить къ нему ст. 116 о тайныхъ обществахъ, въ силу которой запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общества, товарищества, братства или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства. Сенатъ отмѣнилъ это мудрое рѣшеніе.

Дѣло не обошлось, однако, *ограничительнымъ*, вопреки его духу, толкованіемъ закона 3 мая 1883 года. Предприняты были

шаги и къ упраздненію его *по существу*, къ открытію торжественно даннаго Верховной властью права собираться для богомоленій не только въ особо-предназначенныхъ зданіяхъ, но даже и въ частныхъ домахъ. На этотъ разъ ударъ направленъ былъ на *штундистовъ*.

Явленіе сравнительно новое, обратившее на себя вниманіе лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ, штундизмъ (отъ слова Stunde—часъ собесѣдованія) возникъ подъ вліяніемъ энергической печатной и устной проповѣди нѣсколько видоизмѣненныхъ началъ протестантства среди южно-русскаго населенія. Это не раціоналистическая секта, и ей не свойственны ни аскетизмъ, ни религіозный экстазъ. Центръ тяжести ея лежитъ въ отрицаніи всякой обрядности и внѣшняго оказательства своей вѣры, по существу же она проникнута глубокимъ піетизмомъ. Ближе всего ученіе ея подходитъ къ вѣроученію отдѣлившихся отъ лютеранства баптистовъ, при чемъ русскіе послѣдователи баптизма именуютъ себя на югѣ Россіи и на Волгѣ «евангельскими христіанами» и употребляютъ на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ тѣ же сборники духовныхъ пѣсенъ, какъ и баптисты. Бесѣды ихъ и собранія прежде всего характеризуются чтеніемъ Евангелія, которое, по мнѣнію многихъ изъ нихъ, было издано Синодомъ на русскомъ языкѣ и продается по дешевой цѣнѣ по повелѣнію Государя, дабы «русскій народъ позналъ истинную вѣру». Здѣсь не мѣсто подробно разбирать это вѣроученіе, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ въ различныхъ мѣстностяхъ нѣкоторые, не существенные впрочемъ, оттѣнки.

Почти въ каждомъ дѣлѣ о штундистахъ, доходившемъ до судебнаго разбирательства, встрѣчается въ той или иной формѣ изложеніе этого вѣроученія. Типическимъ можетъ служить таковое, пріобщенное въ 1895 году, по распоряженію наказного атамана Войска Донского, къ дѣлу Бураковыхъ. Вотъ оно: «1) Мы вѣруемъ, что есть только Единый Животворящій Истинный и Вѣчный Богъ и что Богъ есть Троица Святая: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Христосъ Сынъ Божій есть истинный Богъ, Духомъ Святымъ зачатый во чревѣ Дѣвы Маріи и отъ нея рожденный. Онъ Единый посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, отдавшій себя

для искупленія всѣхъ. Безъ вѣры Богу угодить невозможно. Вѣра основывается на словахъ Божіихъ; исполненіе ихъ есть соблюденіе воли Божіей и влечетъ за собою любовь Бога и благословеніе Его, а нарушеніе какого-нибудь слова Божія и невѣріе есть смертный грѣхъ и навлекаетъ на человѣка гнѣвъ Божій. 2) Бракъ учрежденъ Богомъ и цѣль его: а) сохраненіе цѣломудрія, б) положить преграду потоку зла — блуду. При сочетаніи у брачущихся спрашивается о взаимномъ ихъ согласіи на вступленіе въ бракъ и о томъ свидѣтельствуется предъ Церковью. Брачущіеся даютъ передъ Богомъ другъ другу обѣщаніе жить вѣрно, неразлучными, хранить бракъ въ чести и святости до скончанія жизни. Сочетающимъ бракъ читаются обязанности о взаимной любви изъ Слова Божія. Совершается молитва и пѣснопѣніе, но поѣздовъ съ пѣніемъ по улицѣ не признаемъ. 3) Надъ новорожденными дѣтьми, при нареченіи имени, совершается молитва. 4) Святое Крещеніе, согласно яснымъ изреченіямъ Новаго Завѣта, состоитъ въ томъ, что рукоположенный служитель Господа и Церкви погружаетъ принимающаго крещеніе во Имя Единаго Бога, въ трехъ лицахъ. Крещеніе совершается въ открытой водѣ съ молитвой, пѣснопѣніемъ и проповѣдью Слова Господня. 5) Обрядность молитвъ и Богослуженія совершается отъ сердечнаго и живого чувства къ Богу: молитва во Имя Іисуса Христа, за всю Церковь, за Царя, Царствующій Домъ, за Начальствующихъ, за Отечество и за всѣхъ человѣковъ, — проповѣдуется Слово Божіе Ветхаго и Новаго Завѣта. Совершается преломленіе хлѣба. Пресвитеръ беретъ хлѣбъ и въ воспоминаніе смерти и страданій нашего Спасителя Іисуса Христа въ молитвѣ, возблагодаривъ, преломляетъ, подаетъ членамъ Церкви, также и чашу съ виномъ. Заканчивается пѣніемъ и молитвою. 6) О погребеніи: тамъ, гдѣ лежитъ тѣло усопшаго, назначается молитвенное собраніе, творимъ пѣніе, молитвы, проповѣдуется Слово Божіе, во утѣшеніе всего собранія, въ особенности родству умершаго;—сопровождая тѣло усопшаго, поемъ. На кладбищѣ также поемъ и говорится надгробная рѣчь изъ священнаго писанія; заканчивается молитвою. 7) Праздники чтимъ: 1) Воскресенье, или день недѣльный, мы празднуемъ по примѣру учениковъ Господа; 2) Рождество

Іисуса Христа; 3) Новый Годъ; 4) Крещеніе Господне; 5) Благовѣщеніе; 6) Пасху Господню; 7) Вознесеніе Господа на небо; 8) Пятидесятницу и 9) Преображеніе. Кромѣ вышесказанныхъ дней, чтимъ дни Ихъ Императорскихъ Величествъ, творимъ торжества и молимся о здравіи и долгоденствіи Царя и Царственнаго Дома. 8) О гражданскомъ порядкѣ: вѣримъ, что правительство установлено Богомъ, что оно облечено властію, для защиты добрыхъ и для наказанія злодѣевъ. Мы признаемъ себя обязанными оказывать безусловное повиновеніе всѣмъ его законамъ, если только они не ограничиваютъ свободнаго исполненія и обязанности нашей христіанской вѣры, и тихою безмятежною жизнью во всякомъ благочестіи должны облегчать ему его трудную задачу. Мы признаемъ себя также обязанными, по повелѣнію Божію, молиться за властей и правительство, чтобы оно, по Его Волѣ и подъ Его милостивымъ покровительствомъ и защитой, ввѣренной ему властію, могло управлять такъ, чтобы сохранить во всемъ государствѣ миръ и правосудіе. Мы признаемъ, что клятва Всемогущимъ Богомъ воспрещена христіанамъ; вмѣсто «клянусь» можемъ произносить: «обѣщаюсь», «да», «сохраню»; также призываніе наше Бога во свидѣтели истины есть только молитва въ необыкновенной формѣ. Мы вѣримъ, что правительство и въ Новомъ Завѣтѣ не напрасно носитъ мечъ, но имѣетъ право и обязанность наказывать преступниковъ и употреблять мечъ противъ враговъ отечества, въ защиту подданныхъ его. А потому мы считаемъ себя обязанными, когда потребуетъ насъ къ тому начальство, нести повинности военной и гражданской службы. Мы не видимъ себѣ препятствія со стороны нашей вѣры принимать на себя правительственныя должности».

Появленіе штундизма, грозя уменьшеніемъ православной паствы, встревожило мѣстное духовенство, а нѣкоторыхъ его членовъ, которые, выражаясь словами Четьихъ-Миней, «*корчемствовали* Божію благодать», разгнѣвало тѣмъ, что могло чувствительно отразиться и на матеріальномъ ихъ положеніи. Но мѣстныя, а вслѣдъ затѣмъ и болѣе высокія духовныя власти не прибѣгали къ тому, единственно свойственному церкви оружію, которое впослѣдствіи, въ 1905 году, было съ точностью опре-

дѣлено словами Высочайшаго указа, какъ «поученіе, кротость и добрые примѣры». Они забыли слова великаго Петра: «съ противниками церкви надлежитъ поступать съ кротостью и разумомъ—по Апостолу—а не жестокими словами и отчужденіемъ», и стали вопіять о помощи къ «мечу свѣтскому». Между тѣмъ еще въ 1864 г. въ комиссіи по раскольничьимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, тайный совѣтникъ Лазаревскій, видя причину возникновенія и распространенія штундизма въ томъ, что страстное исканіе народомъ обновленія духовнаго послѣ того, какъ онъ позналъ въ 1861 году обновленіе гражданское, встрѣтило на пути религіозной восторженности равнодушіе, неразвитость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безнравственность своихъ пастырей, рекомендовалъ не преслѣдованіе отпадающихъ, а настояніе, чтобы пастырь преобладалъ надъ паствой «во весь ростъ своего духовнаго значенія», соединяя съ хорошей проповѣдью нравственности начала и христіанское сердце. Лазаревскій приводилъ рядъ вопіющихъ примѣровъ объ отказахъ въ крещеніи, отпѣваніи или повѣнчаніи вслѣдствіе нежеланія мѣстнаго священника уступить хоть грошъ изъ объявленной цѣны. Отъ этого, по его заявленію, сердце у обѣихъ сторонъ распаляется,—а тутъ находится грамотный человѣкъ, знающій, *что* и *какъ* полагается въ данномъ случаѣ прочесть — и первый шагъ къ отпаденію въ штундизмъ, съ его отрицаніемъ обрядовъ, сдѣланъ... Горестная для церкви справедливость этого мнѣнія, не утратившаго своего значенія и до настоящаго времени, подтверждается по временамъ проникающими въ печать отрывками изъ отзывовъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ, посѣщавшихъ свои епархіи. Подтверждается она и словами «Московскаго Сборника», изданнаго К. П. Побѣдоносцевымъ, о «множествѣ, затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей, нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика, при чемъ не церковь повинна въ этой тупости и не бѣдный народъ повиненъ: — повиненъ лѣнивый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви, повинна по мѣстамъ скудость и безпомощность народная». — Су-

дебныя дѣла о штундистахъ содержали не мало иллюстрацій ко всему этому. Вотъ что, напримѣръ, написалъ собственноручно у слѣдователя запасный унтеръ-офицеръ Воробьевъ: «я вѣры евангельской и поясняю, что причиной отпаденія послужило слѣдующее: до прошлаго года я велъ развратную жизнь и рѣдко когда былъ трезвъ, хотя былъ усердный христіанинъ и посѣщалъ церковь, причемъ по десяти рублей платилъ священникамъ села К., по пяти рублей села П. и села С. по три рубля для замаливанія моихъ грѣховъ, чтобы Господь Богъ далъ мнѣ облегченіе въ пьянствѣ и грѣхѣ, — и сто рублей пожертвовалъ на колоколъ, но все же облегченія не послѣдовало и я дѣлался все развратнѣе. Къ моему счастью услышалъ я, что единственное спасеніе отъ пьянства чтеніе Евангелія, вслѣдствіе чего я сталъ его читать, и Господь нашъ Іисусъ мнѣ открылъ истину, которая заключается... (здѣсь идетъ изложеніе вѣроученія штундистовъ). — Въ виду того, что когда я приходилъ насчетъ моихъ непониманій къ нашему священнику, то бесѣды наши всегда кончались водкой, то я отпалъ и сталъ жить по Евангелію, пересталъ пьянствовать и живу съ семьею дружно». — Жена Воробьева, допрошенная еще ранѣе мужа, объяснила, что «они» священниковъ не признаютъ потому, что никакого наставленія отъ нихъ нѣтъ, и правду, которая изображена въ Евангеліи, пришлось искать самимъ, а священникъ ничего объ Евангеліи никогда не говорилъ, а только взялъ съ мужа, бывшаго въ пьяномъ видѣ, на колоколъ сто рублей, которые она проситъ взыскать обратно, такъ какъ мужъ, въ новой вѣрѣ, пить вовсе пересталъ.— Иногда къ подобному отношенію къ своему пастырскому долгу присоединялись и личные раздоры между членами причта, что мѣшало «утвержденію православныхъ въ истинной вѣрѣ и увѣщанію заблудшихъ». Такъ, по дѣлу Бѣлоконя благочинный, побуждаемый ходатайствами мѣстнаго священника о скорѣйшемъ назначеніи суда и слѣдствія надъ штундистами, вернувшимися было въ православіе и вновь отпавшими, доноситъ консисторіи, что успѣшная борьба со штундою затрудняется постоянною личною враждою между членами причта и тѣмъ, что священникъ не желаетъ видѣть учителемъ школы сына псаломщика, а кре-

стьяне не желаютъ имѣть назначенную по его просьбѣ учительницу...

Когда былъ обнародованъ законъ 3 мая 1883 года, штундисты юго-западнаго генералъ-губернаторства, преимущественно въ предѣлахъ Кіевской губерніи, рѣшились пользоваться предоставленной имъ, наравнѣ съ прочими раскольниками, льготой. Но этого достигнуть было не такъ-то легко. Мѣстныя полицейскія власти, не обращая — конечно съ разрѣшенія и по наставленію представителей высшей мѣстной администраціи — вниманія на этотъ законъ, стали требовать прекращенія молитвенныхъ собраній штундистовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разгоняя молящихся силою и представляя составленные акты мировымъ судьямъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, постановляли обвинительные приговоры «за неисполненіе *законныхъ* (?) требованій и распоряженій полиціи». Когда, наконецъ, одинъ изъ такихъ приговоровъ (по дѣлу крестьянина Стремаля) дошелъ въ маѣ 1888 года до Сената, то послѣдній, найдя лишеннымъ законнаго основанія требованіе полицейской власти не совершать совокупной молитвы въ частномъ жилищѣ, не имѣющемъ ни по наружному виду, ни по внутреннему устройству характера молитвеннаго зданія, — отмѣнилъ обвинительный приговоръ и все производство по дѣлу, указавъ тѣмъ самымъ, *какъ* онъ будетъ относиться къ возбужденію такихъ дѣлъ на будущее время. Преслѣдованіе штундистовъ за пользованіе закономъ 3 мая послѣ этого, повидимому, затихло, но лишь на время. Вскорѣ найдено было *другое основаніе* для преслѣдованія молитвенныхъ собраній. Въ январѣ 1890 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ изданъ, на имя начальниковъ губерній, циркуляръ, въ которомъ говорилось, что «нѣкоторые изъ коноводовъ раскола дозволяютъ себѣ созывать какіе-то мнимые *соборы*, приглашая къ участію въ оныхъ своихъ требоисправителей, лжеепископовъ, а также и проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ послѣдователей ихъ секты, и на этихъ совѣщаніяхъ, безпрепятственно занимаясь обсужденіемъ произвольно возбуждаемыхъ ими вопросовъ, составляютъ постановленія, направленныя къ упроченію своихъ лжевѣрованій, клонящихся нерѣдко къ нарушенію основныхъ государственныхъ постановле-

ній». Въ виду такихъ «самопроизвольныхъ, служащихъ къ соблазну для православныхъ, вредныхъ и клонящихся къ нарушенію основныхъ государственныхъ постановленій дѣйствій, воспрещенныхъ ст. 128 Полицейскаго Устава», губернаторамъ предложено было поручить полиціи строго наблюдать, чтобы нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ подобныхъ собраній раскольниковъ, именуемыхъ *соборами*, не было допускаемо, — и привлекать къ уголовной отвѣтственности виновныхъ въ ихъ устройствѣ. Этимъ циркуляромъ воспользовались въ Юго-Западномъ краѣ противъ штундистовъ, обвиняя участниковъ молитвенныхъ собраній въ частныхъ домахъ—въ неисполненіи основаннаго на немъ требованія полиціи. Постепенно и такія дѣла стали доходить до Сената, который въ мартѣ 1892 года, отмѣнивъ обвинительный приговоръ по дѣлу Яценко и разъясняя истинный смыслъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ о соборахъ, нашелъ, что примѣненіе послѣдняго къ молитвенному собранію, въ которомъ, по удостовѣренію полицейскаго протокола, происходило лишь чтеніе и слушаніе святого Евангелія и принесеніе Господу Богу молитвъ объ укрѣпленіи собравшихся въ вѣрѣ и о ниспосланіи благоденствія Государю Императору,—лишено всякаго основанія.

Казалось бы, что этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ законъ 3 мая 1883 г. по отношенію къ штундистамъ былъ возстановленъ въ своей силѣ. Но это лишь казалось, ибо, вопреки разъясненію Правительствующаго Сената и совершенно независимо отъ него, состоялось распоряженіе генералъ-губернатора Юго-Западнаго края о воспрещеніи штундистамъ общественныхъ богомоленій на основаніи правилъ положенія объ усиленной охранѣ, съ привлеченіемъ виновныхъ въ неисполненіи этого распоряженія по 29 ст. Уст. о наказ., нал. миров. судьями. «Такой порядокъ привлеченія виновныхъ, — сообщалъ графъ А. П. Игнатьевъ министру юстиціи Манасеину — признанъ правильнымъ большинствомъ мировыхъ судей, обвинительные приговоры которыхъ производятъ благотворное вліяніе не только на мѣстное православное населеніе, но и на самихъ штундистовъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ большинства мировыхъ судей не раздѣляется нѣкоторыми изъ нихъ, напр., мировымъ судьею Чигиринскаго

уѣзда г. Тетерей[1]), который, основываясь на указѣ Сената по дѣлу Яценко, постановляетъ оправдательные приговоры, что не только парализуетъ дѣятельность мѣстныхъ полицейскихъ органовъ въ борьбѣ со штундой, но и ободряетъ самихъ штундистовъ, поддерживая въ нихъ убѣжденіе въ незаконности предпринимаемыхъ противъ нихъ полицейскихъ мѣропріятій». Поэтому графъ Игнатьевъ просилъ министра юстиціи принять мѣры къ установленію единообразнаго взгляда мировыхъ судей на вопросъ о штундистскихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Это, конечно, могло быть достигнуто лишь предложеніемъ кассаціонному Сенату, на основаніи 259[1] ст. Учр. Суд. Уст., разсмотрѣть вопросъ и дать руководящія указанія для единообразнаго примѣненія ихъ на практикѣ.

Такъ какъ въ это время мнѣ предстояло замѣстить моего недолговременнаго преемника по званію оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, Н. В. Муравьева, то Н. А. Манасеинъ, передавъ мнѣ письмо графа Игнатьева, пожелалъ знать мое мнѣніе о томъ, какого разъясненія можно ожидать отъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, если я внесу, по ордеру министра, этотъ вопросъ на разрѣшеніе послѣдняго. Очертивъ исторію доходившихъ до Сената дѣлъ объ отвѣтственности штундистовъ за пользованіе благами закона 3 мая 1883 года, я высказался въ томъ смыслѣ, что распоряженіе генералъ-губернатора, объ укрѣпленіи котораго авторитетомъ Сената шла рѣчь, должно быть признано вполнѣ несогласнымъ съ закономъ, такъ что нарушеніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ влечь отвѣтственности за неисполненіе *законныхъ* требованій усиленной административной власти. Изданіе положенія объ охранѣ вызвано, по словамъ Именного указа Сенату 4 сент. 1881 г., печальною необходимостью допустить *на время* чрезвычайныя мѣры *преходящаго свойства* для водворенія *полнаго спокойствія* и *искорененія крамолы*, при чемъ предѣлы власти высшаго мѣстнаго начальства ограничены предме-

---

[1]) Меѳодій Филипповичъ Тетеря, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, † 19 февраля 1910 года 66 лѣтъ отъ роду.

тами, точно указанными въ правилахъ объ охранѣ. Хотя въ силу этихъ правилъ такому мѣстному начальству разрѣшено воспрещать всякаго рода собранія, но однако исключительно съ дѣлью охраненія *государственнаго порядка* отъ преступныхъ на него посягательствъ. На это указываетъ не только смыслъ всего положенія объ усиленной охранѣ, но и событія, вызвавшія его изданіе. Издавать правила о воспрещеніи штундистамъ всякихъ собраній, послѣ дарованной имъ Верховной властью въ 1883 году наравнѣ съ другими раскольниками льготы,—значитъ не исполнять положеніе объ усиленной охранѣ, а самоуправно его нарушать. Случаи такого нарушенія, къ сожалѣнію, часты, но расчетъ на то, что Сенатъ ихъ можетъ одобрить, можетъ оказаться весьма непрочнымъ. При томъ составѣ уголовнаго кассаціоннаго департамента, съ которымъ я могъ близко ознакомиться, пробывъ при немъ шесть съ половиною лѣтъ оберъ-прокуроромъ и болѣе года сенаторомъ, можно было почти съ полной увѣренностью сказать, что мнѣніе безвѣстнаго, но истиннаго судьи, имѣвшаго смѣлость стать на защиту закона въ Чигиринѣ, будетъ раздѣлено и Сенатомъ. При этомъ я счелъ своею нравственною обязанностью предупредить министра, что, въ случаѣ полученія ордера по 259[1] ст. У. У. С., я дамъ заключеніе о признаніи распоряженія юго-западнаго генералъ-губернатора незаконнымъ и о разъясненіи мировымъ судьямъ непримѣнимости въ данномъ случаѣ ст. 29 Устава о наказаніяхъ. Манасеинъ задумался — и больше между нами рѣчи объ этомъ не было. Но, должно быть, на него было оказано, по этому вопросу, сильное давленіе, или же оберъ-прокуроръ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Неклюдовъ высказалъ ему мнѣніе, противоположное моему, но только въ октябрѣ 1892 года онъ далъ послѣднему ордеръ о предложеніи общему собранію постановить опредѣленіе въ разъясненіе возбужденнаго графомъ Игнатьевымъ вопроса о молитвенныхъ собраніяхъ штундистовъ.

Засѣданіе состоялось 23 ноября. Я участвовалъ въ немъ лишь какъ слушатель, ибо уже съ октября былъ неприсутствующимъ сенаторомъ, исполняющимъ обязанности уголовнаго кас-

саціоннаго оберъ-прокурора. Оно было очень оживленно, чтобы не сказать бурно.

Этому, въ значительной степени, содѣйствовало оберъ-прокурорское заключеніе Николая Адріановича Неклюдова.

Я уже характеризовалъ его въ моихъ воспоминаніяхъ о Мировыхъ Судьяхъ. Это былъ человѣкъ съ орлинымъ выраженіемъ лица и глазъ, съ могучимъ полетомъ смѣлой мысли, съ добрыми порывами великодушнаго сердца, съ богатѣйшимъ запасомъ серьезныхъ знаній. Судьба дала ему и крылья орлиныя, но не пустила его въ поднебесье, а заставила летать низко, въ упорной надеждѣ вырваться на жадно желаемый просторъ. Отсюда вытекали служебные и правовые компромиссы, предшествовавшіе тому времени, когда онъ подошелъ почти къ самому порогу обширной, властной и могшей быть очень благотворной дѣятельности, у котораго его встрѣтила внезапная смерть съ ея risus sardonicus надъ мечтами и душевными жертвами одинаково безплодными.

Неклюдовъ построилъ свое заключеніе, сказанное съ обычною сдержанною страстностью, на странномъ началѣ. Онъ уклонился отъ оцѣнки закономѣрности распоряженія генералъ-губернатора по отношенію къ молитвеннымъ собраніямъ штундистовъ, а сталъ доказывать, что на основаніи положенія объ усиленной охранѣ начальникъ края могъ бы просто выслать административно кажущихся ему вредными штундистовъ, а не обращаться, отдавая должное уваженіе судебной власти, за ея содѣйствіемъ, при чемъ приговоръ послѣдней, конечно, все-таки гораздо мягче, чѣмъ насильственное «выдвореніе» человѣка изъ семьи и изъ мѣста его жительства съ запрещеніемъ возвращаться. Эта теорія, въ которой право приносилось въ жертву болѣе чѣмъ сомнительной цѣлесообразности, и меньшее беззаконіе узаконялось изъ страха передъ еще большимъ, вызвала протесты со стороны многихъ изъ сенаторовъ и встрѣтила сочувствіе весьма немногихъ.

Изъ послѣднихъ особенно горячо ратовалъ противъ штундистовъ одинъ, связавшій въ недалекомъ будущемъ свое управленіе цѣлымъ краемъ съ допущеніемъ дѣйствій, вызвавшихъ огромное

дѣло о сопротивленіи властямъ на религіозной подкладкѣ,— дѣло, по которому Судебная Палата постановила ходатайствовать о полномъ помилованіи всѣхъ обвиняемыхъ, въ виду допущенныхъ относительно нихъ возмутительныхъ жестокостей. — Онъ горячо увѣрялъ, что ему, по его прежней высшей полицейской дѣятельности, достовѣрно извѣстно, что штундисты гораздо опаснѣе для Россіи всякихъ анархистовъ и террористовъ, и «умолялъ» своихъ товарищей по курульнымъ кресламъ сломить вью «инако мыслящимъ» судьямъ. Но товарищи вняли не ему, а возвышеннымъ, достойнымъ Сената, рѣчамъ убѣленнаго почтенной сѣдиною покойнаго старика Виктора Антоновича Арцымовича и нѣкоторыхъ другихъ, еще и нынѣ здравствующихъ сенаторовъ. Большинствомъ голосовъ было признано, что неисполненіе послѣдовавшаго, на основаніи правилъ объ усиленной охранѣ, распоряженія генералъ-губернатора о воспрещеніи штундистамъ общественныхъ богомоленныхъ собраній не можетъ влечь за собою отвѣтственности по 29 ст. Устава о наказ.

Въ опредѣленіи по этому дѣлу, Сенатъ, исходя изъ тѣхъ же соображеній, изъ которыхъ исходилъ и я при объясненіи съ министромъ по поводу предполагавшагося ордера, привелъ еще и то, что для предупрежденія распространенія раскола и совращенія въ него существуютъ спеціальныя постановленія въ рядѣ статей полицейскаго устава и Уложенія о наказаніяхъ, почему примѣненіе къ предотвращенію такихъ случаевъ правилъ усиленной охраны представляется неумѣстнымъ. — Несмотря на то, что это опредѣленіе состоялось *для установленія единства въ судебной практикѣ*, оно не только не было напечатано въ сборникѣ рѣшеній общаго собранія кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, но даже и министерству юстиціи официально сообщено было лишь черезъ годъ съ четвертью. Однако, вопреки этому услужливому замалчиванію, свѣдѣнія о взглядѣ Сената, высказанномъ въ этомъ опредѣленіи, дошли, конечно, до высшей администраціи Юго-Западнаго края и до главъ православнаго вѣдомства. Проникли они и въ среду штундистовъ. Результатомъ освѣдомленности мѣстнаго начальства явилось прекращеніе возбужденія дѣлъ у мировыхъ судей, какъ въ концѣ-концовъ

нецѣлесообразнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ со средины 1894 года стало въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи особенно широко примѣняться положеніе объ усиленной охранѣ въ видѣ обязательныхъ постановленій о воспрещеніи собраній штундистовъ,— даже безъ опубликованія во *всеобщее* свѣдѣніе, хотя и съ угрозой, въ случаѣ его нарушенія, административнымъ штрафомъ въ 50 руб. или арестомъ на 15 дней, по распоряженію кіевскаго губернатора.

Создавшееся такимъ образомъ положеніе было затруднительно. Примѣнять правила объ усиленной охранѣ къ штундистамъ, когда существовало опредѣленіе Правительствующаго Сената, признавшее это незаконнымъ, было неловко, да пожалуй и чревато послѣдствіями, если пойдутъ жалобы и кто-нибудь изъ вліятельныхъ людей въ области бюрократическихъ «минъ и контрминъ» вздумаетъ въ надлежащемъ освѣщеніи сопоставить кіевскія обязательныя постановленія о штундистахъ съ категорическими указаніями Сената, поставленнаго для отправленія «нелицемѣрнаго правосудія» и для охраненія силы закона. Кромѣ того, было, конечно, желательно поднять духъ большинства покладливыхъ судей и сломить гордыню «мнящихъ о себѣ», обративъ ихъ всѣхъ изъ критиковъ въ пособники. Изъ этого положенія надо было найти выходъ... Онъ и нашелся въ видѣ внесенной въ маѣ 1894 года въ Комитетъ Министровъ записки министра внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ «о признаніи штунды болѣе вредной сектой и объ отсутствіи въ борьбѣ съ нею единства между дѣйствіями администраціи и суда». Комитетъ не сталъ затруднять себя, подобно Сенату, разборомъ такихъ несущественныхъ понятій, какъ истинный смыслъ, предѣлы и условія примѣненія правилъ усиленной охраны, а, согласившись—съ И. Н. Дурново въ томъ, что молитвенныя собранія штундистовъ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходовъ, служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія лжеученія среди православныхъ, — съ графомъ Игнатьевымъ въ томъ, что запрещеніемъ этихъ молитвенныхъ собраній достигнуты весьма благопріятные результаты,—и съ Н. А. Неклюдовымъ (уже въ званіи товарища государственнаго секретаря) въ томъ, что со времени изданія

обязательнаго постановленія генералъ-губернатора собранія штундистовъ преслѣдуются уже не какъ общественная молитва раскольниковъ, а какъ сборища, вредныя въ политическомъ отношеніи,—пришелъ, подъ руководствомъ своего предсѣдателя, къ убѣжденію въ необходимости примѣненія къ штундѣ общихъ мѣръ, не ограничивающихся мѣстностями, подлежащими усиленной охранѣ. Поэтому, признавая вполнѣ выясненнымъ особо вредное значеніе штунды, при чемъ главнымъ источникомъ распространенія ея являются именно молитвенныя собранія, Комитетъ Министровъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, объявить секту штундистовъ *болѣе вредною* съ воспрещеніемъ имъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Это положеніе пріобрѣло силу закона 4 іюля 1894 года. Такъ произошла легальная по формѣ отмѣна льготы, дарованной штундистамъ закономъ 3 мая 1883 г. Для радикальнаго осуществленія этой отмѣны на практикѣ былъ изданъ 3 сентября 1894 г. циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, въ которыхъ, разъясняя, что по свѣдѣніямъ министерства и духовнаго вѣдомства — послѣдователи секты штундъ отвергаютъ *всѣ* церковные обряды и таинства, не признаютъ *никакихъ* властей, возстаютъ противъ присяги и военной службы, проповѣдуютъ соціалистическіе принципы, какъ, напр., общее равенство, раздѣлъ имуществъ и т. п., почему ученіе ихъ подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности, — статсъ-секретарь И. Н. Дурново заявлялъ, что со своей стороны признаетъ секту штундъ одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи, и что поэтому никакія общественныя молитвенныя собранія штундистовъ впредь не должны быть допускаемы, подъ опасеніемъ привлеченія виновныхъ къ строгой судебной отвѣтственности, о чемъ и сообщено министру юстиціи для соотвѣтствующаго распоряженія.

Нельзя не сопоставить сдѣланное такимъ образомъ опредѣленіе штундизма съ тѣми о немъ свѣдѣніями, которыя приведены выше, и съ мнѣніемъ такого знатока раскола, какъ знаменитый авторъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» Мельниковъ, находившій,

что сами по себѣ штундисты не вредны ни въ государственномъ, ни въ гражданскомъ отношеніяхъ, ибо ихъ секта — родная сестра лютеранъ-реформатовъ и менонитовъ, почему вся задача правительства относительно ихъ заключается въ томъ, чтобы не возбуждать въ нихъ фанатизмъ, который вызывается единственно преслѣдованіями, стѣсненіемъ богослуженія и ограниченіемъ правъ.—Поэтому можно лишь удивляться поспѣшности и фактической безпочвенности обобщеній, столь щедро разсыпанныхъ И. Н. Дурново, несмотря на то, что дѣло шло о вѣроученіи значительнаго числа людей. Конечно, «заблуждающіеся, впавшіе въ лжеученіе, повреждающее вѣру», могли не ждать отъ представителей и оберегателей господствующей церкви снисходительнаго къ себѣ отношенія, но и за ними нельзя было отрицать права встрѣтить со стороны, осуждающей ихъ, точное и согласное съ истиной указаніе на сущность и размѣры вреда ихъ пагубнаго вѣроученія. Между тѣмъ даже въ дѣлахъ, по которымъ состоялись обвинительные приговоры на основаніи *экспертизы* представителей духовнаго вѣдомства, нигдѣ не было фактическихъ данныхъ, указывающихъ на непризнаніе штундистами никакихъ властей, на возставаніе противъ военной службы, на отрицаніе *всѣхъ* таинствъ и т. д. Изъ этихъ дѣлъ видно, что, «претерпѣвая», штундисты исполняли всѣ приказанія мѣстнаго начальства по уплатѣ штрафовъ и исполненію незаконно возлагаемыхъ на нихъ особыхъ повинностей. Весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее письмо, пріобщенное къ дѣлу 1892 года и отобранное при «разсѣяніи» штундистскаго богомоленія въ одномъ изъ селъ Сквирскаго уѣзда: «По распоряженію исправника каждый день на работу всѣ, кто только есть въ хатѣ. А придемъ съ работы, то сейчасъ на обходъ. А женщины съ дѣтьми остаются у домахъ. Мы на обходѣ, мущины, ночью, а до нашихъ женъ и дѣтей пріѣзжаютъ волостной старшина и урядникъ и набираютъ съ собой пьянаго народа и ходятъ по домамъ по нашимъ, згнушаются надъ нашими женами и дѣтьми, бьютъ окошки у домахъ и посудину хатнюю выбиваютъ, да сильно ругаются. Хустки женскія съ головъ срываютъ. Курятъ папиросы, затыкаютъ у хати дымопроходныя трубы и накуриваютъ у хати

Трамаютъ женъ и дѣтей, не пускаютъ изъ хаты. Поутру мы сейчасъ на работу у одну сторону, а женщинъ съ дѣтьми гонятъ у другое мѣсто на работу. Постоянно безъ очереди, каждый день, каждую ночь это совершается. И у котораго остались лошади, то каждый день лошадьми ѣдь на работу. И нельзя ни купить, ни продать, ни пищи для себя уготовить. И все это намъ дѣлаютъ за вѣру Евангельскую. И наливаютъ воду у хатъ гдѣ бы мы ни были, на обходѣ или на работѣ. Крайнее несчастіе. Боже сохрани, что такое нынѣ совершается. Возлюбленные въ Господѣ Іисусѣ Христѣ братья! Просимъ васъ сердечно со слезами, возьмите эту бумагу вы или нехай возьметъ кто-либо другой, кто можетъ сильно кричать, можетъ кто услышалъ бы нашу страшную минуту. Ибо мы въ сіе время сдавленные за горло и не можемъ крикнуть, чтобы кто услышалъ. И книги у насъ отняли до послѣдней книжечки, какія у насъ только были. Страшное и грозное несчастіе наступило нынѣ»... Точно такъ же ни изъ одного изъ дѣлъ, доходившихъ въ большомъ числѣ до Сената, не было видно, чтобы штундисты отрицали свою обязанность защищать родину, неся военную службу. Циркуляръ, очевидно, смѣшивалъ штундистовъ съ духоборами, отъ которыхъ они, однако, существенно отличаются. Наконецъ, бойкую руку редактора этого циркуляра, очевидно, не остановила мысль, что̀ надо понимать подъ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ «общее равенство». Равенство — предъ чѣмъ или кѣмъ? — Предъ закономъ? предъ Богомъ? Но такое же лжеученіе проповѣдывалось и въ манифестѣ, зажегшемъ зарю Судебныхъ Уставовъ, обѣщаніемъ даровать судъ скорый, милостивый и равный для всѣхъ; да и та высокая среда, изъ которой исходило обличеніе и преслѣдованіе штундистовъ, конечно не рѣшилась бы отрицать равенства «человѣковъ» предъ лицомъ Господа...

Положеніе Комитета Министровъ и приведенный циркуляръ открыли всѣ шлюзы для преслѣдованія штундистовъ, и обвиненія противъ нихъ хлынули неудержимымъ потокомъ, наводняя мѣстныя судебныя и судебно-административныя учрежденія. Въ дѣлахъ этихъ, сравнительно съ прежде возникавшими, проявились характерныя особенности и въ основаніяхъ, и пріемахъ

преслѣдованія, и въ заключеніяхъ свѣдущихъ людей. Въ *первомъ* отношеніи, вопреки ст. 65 Основныхъ Законовъ, предписывающихъ исполнять законъ по точному и буквальному его смыслу, безъ всякаго измѣненія и распространенія, не перемѣняя въ словахъ его ни единой буквы и не допуская самопроизвольныхъ толкованій, — началось именно распространительное толкованіе словъ положенія Комитета Министровъ объ *общественныхъ* собраніяхъ. Такъ, во многихъ случаяхъ стали, напримѣръ, считаться *общественнымъ богомоленіемъ:* частная молитва штундистовъ у себя, на дому, въ присутствіи близкихъ лицъ; собраніе нѣсколькихъ родственниковъ штундиста въ его домѣ для погребенія его умершей дочери, безъ всякаго при томъ внѣшняго оказательства ереси; простое чтеніе вслухъ священнаго писанія и пѣніе псалмовъ, или присутствіе трехъ гостей въ семьѣ штундиста для бесѣды «съ братомъ о Господѣ и словѣ Божьемъ». Въ одномъ изъ дѣлъ оказался протоколъ урядника о томъ, что, проходя мимо хаты крестьянина и замѣтивъ въ ней свѣтъ, онъ нашелъ, войдя, хозяина и его свояка читавшими священное писаніе, о чемъ и составленъ имъ надлежащій актъ, съ пріобщеніемъ къ нему книги, «именуемой Евангеліе». Въ другомъ дѣлѣ урядникъ доносилъ становому приставу, что «съ заходомъ солнца сотскимъ замѣчены вошедшіе въ квартиру Солодкаго два крестьянина, но они однако еще не успѣли начать какихъ-либо толкованій, ибо были тотчасъ же сотскимъ устранены, а на другой день онъ, урядникъ, подозрѣвая Солодкаго въ штундистскомъ *настроеніи*, посѣтилъ его и нашелъ у него Евангеліе Новаго Завѣта и какую-то писаную молитву». Подозрѣніе свое урядникъ основывалъ на томъ, что, разговаривая съ предполагаемыми штундистами и «примѣняясь къ упоминаемымъ ими главамъ и стихамъ изъ Евангелія, онъ вполнѣ убѣдился, то, они, читая съ углубленіемъ Евангеліе Новаго Завѣта, съ твердостью стали понимать и относить все къ теперешнему духовенству, примѣняя таковое къ книжникамъ и фарисеямъ, ибо учитель—одинъ Христосъ— и хоть строгими наблюденіями сборища ихъ положительно пресѣчены и въ домахъ своихъ имѣютъ образа, также для *близира* и изъ *боязни* посѣщаютъ церковь, но все-таки въ тайнѣ остаются

при своемъ заблудшемъ мнѣніи». Въ третьемъ дѣлѣ урядникъ отобралъ у подозрѣваемаго въ штундизмѣ Бухарова Новый Завѣтъ, изд. Синодальной типографіи, ключъ къ Новому Завѣту и пособіе къ чтенію Новаго Завѣта, изданія Балашова, и девять брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, изданныхъ Троице-Сергіевою лаврою въ Москвѣ.

Все это приподымаетъ кончикъ завѣсы надъ тѣмъ рядомъ мелочныхъ и совершенно произвольныхъ преслѣдованій, которымъ, во имя борьбы со штундизмомъ, могъ подвергнуться всякій, имѣвшій неосторожность часто прибѣгать къ Евангелію или разсуждать «отъ писанія». Достаточно было рисующемуся своимъ полуобразованіемъ невѣжественному полицейскому уряднику прочесть въ сердцахъ заподозрѣнныхъ имъ «близиръ» и «страхъ», чтобы установить произвольный за ними надзоръ, «устранять» и «накрывать» ихъ посѣтителей и «посѣщать» ихъ для отобранія святой и вѣчной книги.

Не лучше была и *экспертиза*, представляемая всегда стороною, заинтересованною въ дѣлѣ, такъ какъ для производства ея вызывались мѣстные священники и миссіонеры, командировались состоящіе при оберъ-прокурорѣ чиновники или требовалось заключеніе консисторіи. Эта сомнительная въ своемъ безпристрастіи экспертиза должна была доказать въ каждомъ данномъ случаѣ, что имѣлось дѣло съ «доподлиннымъ штундистомъ». Я не помню, однако, почти ни одного судебнаго производства, въ которомъ экспертиза была произведена согласно съ указаніями Комитета Министровъ, т. е. такъ, чтобы изъ ряда фактическихъ данныхъ по дѣлу было выведено заключеніе, что обвиняемые исповѣдуютъ и распространяютъ именно то ученіе, которое «подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности» и является «однимъ изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ». Все ограничивалось обыкновенно голословнымъ повтореніемъ приведенныхъ цитатъ безъ всякаго соотношенія съ обстоятельствами дѣла или перечисленіемъ задержанныхъ книгъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ, которыя, по мнѣнію экспертовъ,

служатъ несомнѣннымъ признакомъ штундизма тѣхъ, кто ихъ имѣетъ въ рукахъ. Къ послѣднимъ очень часто сверхъ книги, «именуемой Евангеліе», особливо, если въ немъ подчеркнуты или чѣмъ-нибудь отмѣчены 5, 10, 13, 15, 18, 20 и 23 главы отъ Матѳея, 8 и 12 отъ Марка, 4 отъ Іоанна, 2, 17 и 20 Дѣяній Апостольскихъ, 6 глава 1 посланія къ Тимоѳею и 1-ая изъ посланія къ Титу, были относимы — «Сборникъ духовныхъ пѣсенъ для христіанъ Евангелическо-Лютеранскаго вѣроисповѣданія» (при чемъ мировой съѣздъ на основаніи мнѣнія эксперта—протоіерея, что подобная книга, несмотря на цензурное разрѣшеніе, не должна быть въ обращеніи, оправдавъ подсудимыхъ въ молитвенномъ собраніи, тѣмъ не менѣе книгу постановилъ уничтожить), брошюра Толстого «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ», писаная молитва: «благослови, Господь Отецъ, на сей трапезѣ Святой даръ, кой Ты, Благой Творецъ, подалъ для пищи плоти земной, и удостой вкусить его въ подкрѣпленье и чтобъ крестъ во слѣдъ Христа носить—излей Свое благословенье», письмо къ заподозрѣнному штундисту, въ которомъ говорится: «брось ты свое Евангеліе, а держи вѣру христіанскую, а иначе и на поселеніе угодить можешь»... и т. п. Наконецъ, нерѣдко, какъ основаніе къ признанію наличности штундизма, экспертами изъ духовенства приводились ходящіе въ народѣ слухи и ихъ личное убѣжденіе, подчасъ мотивированное довольно своеобразно. Такъ, въ *одномъ* дѣлѣ такой экспертъ, въ числѣ доказательствъ штундизма обвиняемыхъ, привелъ то, что нѣкоторые изъ послѣднихъ считаютъ Петербургъ великимъ Вавилономъ, гдѣ живутъ поклоняющіеся Валааму, и, говоря противъ міроправителей тьмы вѣка сего и противъ духовъ злобы поднебесной, подъ первыми, очевидно (?), понимаютъ полицію, а подъ вторыми духовенство и т. д.; въ *другомъ* — какъ на признакъ штундизма было указано на сомнѣніе обвиняемаго въ цѣлительной отъ болѣзни силѣ молитвы св. Пантелеймону; въ *третьемъ* — такое же значеніе придано заявленію прихожанки: «если бы ты послушалъ чтеніе Бѣлоконя объ Іисусѣ Христѣ, ты заплакалъ бы»; въ *четвертомъ*—при полномъ забвеніи, что еще въ началѣ прошлаго столѣтія Сперанскій писалъ А. Н. Голицыну по поводу предпри-

нятаго имъ ознакомленія съ духоборами: «въ одномъ могу васъ увѣрить, что не допущу никакой опрометчивости и не дозволю себѣ осуждать мысль, когда найду дѣла добрыми», уликой въ штундизмѣ признано «фарисейское *воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ и* повиновеніе правительству и закону не за совѣсть, а страха ради»; въ *пятомъ*—основаніемъ для обвиненія приведено предположеніе, что принятіе къ себѣ въ дома во время церковныхъ праздниковъ священнослужителей съ крестомъ и св. иконами, нахожденіе послѣднихъ въ комнатахъ и хожденіе въ церковь дѣлается этими богоотступниками лишь изъ «притворства» и желанія прикрыть себя отъ преслѣдованій и обнаруженія ихъ богопротивныхъ заблужденій. Замѣчательно, что штундистовъ нерѣдко обвиняли въ томъ, что они держатся Пашковскаго лжеученія о томъ, что достаточно одной любви къ Христу, а остальное все приложится. Ихъ преслѣдовали за ученіе о *вѣрѣ безъ дѣлъ*, свободно проповѣдывавшейся въ гостиныхъ петербургской знати лордомъ Редстокомъ, а если они хотѣли оправдать себя дѣлами, то это признавалось фарисействомъ. Невольно съ грустною усмѣшкою вспомнишь при этомъ малороссійскую поговорку (недаромъ большинство штундистовъ—хохлы): «перевернишься—бьютъ, не довернишься—бьютъ». Бывали случаи и такихъ показаній «свѣдущаго лица»: «ученіе этой секты,—говорилъ священникъ одной изъ мѣстностей средней Россіи,—заключается въ признаніи одного только Новаго Завѣта, при чемъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія подчеркиваются фіолетовыми (sic!) чернилами. Отрицая святость креста и иконъ, они считаютъ излишнимъ посѣщать церковь. *Въ чемъ заключается вредъ этой секты*, я передать не могу, но знаю, что она считается повреждающей вѣру». Очевидно, что этотъ добродушный экспертъ еще не усвоилъ себѣ твердаго міросозерцанія того іерея, съ вѣдома и согласія котораго, какъ это было оглашено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ въ 1901 г. М. А. Стаховичемъ, заподозрѣнныхъ въ штундизмѣ насильно заставляли прикладываться къ иконѣ и пороли, въ случаѣ отказа, до четырехъ разъ;—или того, который заявлялъ, что изъ села Глыбочка «милостью Божьею сослано въ Сибирь и Закавказье изъ сорока семей штундистовъ тридцать шесть...».

Къ отсутствію ясности и точности въ опредѣленіи догматики штундизма, ярко выраженному уже въ циркулярѣ И. Н. Дурново, какъ необходимое послѣдствіе, присоединялось нерѣдко и вносившее еще большую путаницу въ дѣло смѣшеніе его съ другими ученіями. Штундистовъ спутывали съ молоканами, духоборами и адвентистами, на которыхъ они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ походили лишь осужденіемъ употребленія табаку, спиртныхъ напитковъ и сквернословія,—и даже съ хлыстами! Такія ошибки дѣлались иногда и консисторіями, возбуждавшими дѣла у прокурорскаго надзора. Результатомъ этого, по почину печальной памяти третьяго миссіонерскаго съѣзда въ Казани въ 1897 г., признавшаго, что къ штундѣ относится и баптизмъ, и пашковщина, явилось созданіе на практикѣ понятія о какой-то новой «сектѣ штундо-баптизма». Такъ какъ вѣроученіе штундистовъ, что мною уже выше замѣчено, въ нѣкоторомъ отношеніи подходитъ къ баптизму, то тѣхъ штундистовъ, которые, желая избѣжать воспрещенія молитвенныхъ собраній, стали именовать себя баптистами, начали считать принадлежащими къ этой новой сектѣ, при чемъ въ судебной практикѣ появились приговоры о совращеніи въ «штундо-баптизмъ». Это было двояко неправильно. Баптизмъ есть признанная нашимъ закономъ, терпимая и организованная секта, отдѣлившаяся отъ лютеранства и составляющая въ сущности одну изъ вѣтвей его. Поэтому, какъ это и было разъяснено Сенатомъ, вступленіе числящагося православнымъ въ эту секту есть уклоненіе отъ православія въ инославіе, а не въ раскольничій толкъ или ересь, къ которымъ отнесенъ закономъ штундизмъ. Кромѣ того, какъ ни неопредѣлительна была редакція положенія Комитета Министровъ относительно штундизма и какъ, съ другой стороны, ни поспѣшно и непродуманно были втиснуты въ циркуляръ И. Н. Дурново признаки разнородныхъ ересей въ одно общее понятіе штундизма, но все-таки тамъ дѣло шло о *штундизмѣ*, и это вѣроученіе, именно оно, было признано *особо вреднымъ*. Поэтому распространять запрещеніе молитвенныхъ общественныхъ собраній на другія секты, кромѣ штундистовъ, никому не было предоставлено права. Между тѣмъ постепенно слово «штунда» стало пристегиваться къ самымъ разновиднымъ

вѣроученіямъ и служить основаніемъ къ привлеченію ихъ послѣдователей, въ случаѣ собранія, согласно закону 3 мая 1883 г., для общей молитвы, къ суду, который, запутываясь въ свою очередь, сталъ осуждать сектантовъ, выражаясь словами Гоголя, «и на Онуфрія, и на Антона». Особенно характернымъ и во многомъ поучительнымъ является въ этомъ отношеніи разбиравшееся «въ 1898 году, въ уѣздномъ городкѣ Нижегородской губерніи дѣло о четырехъ крестьянахъ, обвиняемыхъ въ устройствѣ молитвенныхъ собраній и раздачѣ книжекъ духовнаго содержанія, послѣдствіемъ чего было отпаденіе нѣсколькихъ человѣкъ въ штунду. Во всемъ производствѣ этого дѣла обвиняемымъ поперемѣнно приписывалась, то вмѣстѣ, то порознь, принадлежность къ баптизму, къ пашковской ереси, къ духовной штундѣ и, наконецъ, къ штундо-баптизму. Длившееся четыре часа заключеніе чиновнаго эксперта, присланнаго Побѣдоносцевымъ изъ Петербурга, допущеннаго судомъ къ непосредственному допросу свидѣтелей и говорившаго предъ присяжными, преимущественно изъ крестьянъ, съ особаго возвышенія рядомъ съ судейскимъ столомъ, — было не столько научнымъ мнѣніемъ о догматической сторонѣ штундо-баптизма въ примѣненіи къ обстоятельствамъ дѣла, сколько настоящею обвинительною рѣчью. Эту рѣчь экспертъ, стремясь незаконно и авторитетно повліять на рѣшеніе присяжныхъ и присваивая себѣ — при услужливомъ попустительствѣ предсѣдательствующаго — роль прокурора, заключилъ воззваніемъ къ присяжнымъ о томъ, что подсудимые, подрывая религію, подрываютъ и государство, и выраженіемъ увѣренности правительства, что они встанутъ на защиту церкви, памятуя, что ихъ приговора ждетъ съ нетерпѣніемъ вся Россія. Уголовный кассаціонный департаментъ, по моему докладу, отмѣнилъ приговоръ, постановленный съ такими вопіющими нарушеніями правилъ судопроизводства и, усматривая, что нарушенія эти установлены не судомъ, а рапортомъ помощника секретаря предсѣдателю о томъ, что они не внесены въ протоколъ по приказанію его непосредственнаго начальства, передалъ дѣйствія суда на распоряженіе соединеннаго присутствія, которое разъяснило, кому слѣдуетъ, неправильность ихъ дѣйствій. Дозволитель-

но думать, что въ Уложеніи о наказаніяхъ могли бы найтись болѣе громкіе перуны, подходящіе къ такому постыдному случаю... Во всякомъ случаѣ, отдыхая умственнымъ взоромъ, ищущимъ правильнаго отправленія правосудія, на пониманіи своего долга этимъ скромнымъ помощникомъ секретаря, присоединяю къ названному выше имени мирового судьи Тетери и его имя: его звали — Калининъ....

Становилось очевидно, что лишь департаментское рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго суда, дающее авторитетное руководящее разъясненіе, можетъ—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ судебнаго вѣдомства—указать судьямъ соотвѣтствующій ихъ обязанностямъ путь, избавить ихъ отъ недоумѣній и положить предѣлъ незаконномѣрнымъ преслѣдованіямъ, прибѣгая къ которымъ можно было осуществлять, подъ флагомъ «ревнованія о вѣрѣ», бездушный формализмъ и своекорыстные расчеты. Это соображеніе побудило меня перенести на уваженіе присутствія департамента такъ часто затѣмъ упоминаемое дѣло Головко, по которому владикавказскою духовною консисторіей, признавшей, что баптизмъ и штундизмъ совершенно тождественны, возбуждено было противъ восемнадцати казаковъ станицы Прохладной, собиравшихся вмѣстѣ пѣть духовные стихи и пѣсни, уголовное преслѣдованіе, окончившееся у мирового судьи присужденіемъ Матвѣя Головко къ штрафу въ 20 р., а остальныхъ въ 10 р. каждаго. Дѣло докладывалось мною въ составѣ 18 сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева 18 января 1900 г. Ходъ и смыслъ сужденій, содержавшихся въ моемъ докладѣ и въ заключеніи оберъ-прокурора В. К. Случевскаго, былъ таковъ: воспрещеніе штундистамъ общественныхъ богомоленій, отмѣнившее въ 1894 году состоявшееся въ 1883 году дозволеніе этихъ богомоленій, есть законъ и, какъ таковой, подлежитъ точному исполненію;—этимъ закономъ, вслѣдствіе полной выясненности особо вреднаго характера штунды, министръ внутреннихъ дѣлъ уполномоченъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, объявить секту штундистовъ болѣе вредною;—въ силу этого уполномочія министръ призналъ штунду одною изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ въ государственномъ и церков-

номъ отношеніяхъ сектъ, установивъ существенныя, по его мнѣнію, черты вѣроученія штундистовъ; — поэтому въ отношеніи этой ереси значеніе имѣютъ не различныя названія, которыя ей и себѣ присвоиваютъ ея послѣдователи, а эти существенныя черты свойственнаго ей, по заключенію министра внутреннихъ дѣлъ, вѣроученія, вслѣдствіе чего въ каждомъ случаѣ привлеченія тѣхъ или другихъ сектантовъ къ отвѣтственности за нарушеніе существующаго относительно штундистовъ воспрещенія сходиться для общественныхъ богомоленій, на судѣ прежде всего лежитъ обязанность выяснить и установить, на основаніи точно провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла, принадлежатъ ли обвиняемые, по существу основныхъ положеній исповѣдуемой ими ереси или расколоученія, именно къ штундизму и соотвѣтствуютъ ли эти основныя положенія указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ силу коихъ штундизмъ выражается въ отрицаніи *всѣхъ* таинствъ и обрядовъ, непризнаваніи *никакихъ* властей и отрицаніи присяги и военной службы и направляется на подрывъ основныхъ началъ православной вѣры и государственнаго строя.

Большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ трехъ эти соображенія были раздѣлены присутствующими, — и колебаніямъ судебныхъ властей, какъ при возбужденіи подобныхъ дѣлъ, такъ и при разрѣшеніи ихъ, положенъ предѣлъ. Значеніе рѣшенія по дѣлу Головко сказалось очень скоро. Много искусственно раздутыхъ дѣлъ о штундо-баптизмѣ было окончено оправдательными приговорами, а новыя стали возбуждаться съ большею осмотрительностью. Серьезнѣе сдѣлалась и экспертиза, которой пришлось считаться съ обстоятельствами каждаго дѣла, отыскивая въ нихъ подтвержденіе своихъ теоретическихъ положеній о штундизмѣ. Рѣшеніе по дѣлу Головко было надлежащимъ образомъ понято не одними судебными учрежденіями, принявшими его къ руководству. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду во всеподданнѣйшихъ отчетахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода было помѣщаемо настойчивое указаніе на то, что, въ виду рѣшенія по дѣлу Головко, благодѣтельный законъ 1894 года потерялъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи, всякое значеніе и силу. Изъ

компетентныхъ источниковъ мнѣ передавали, что мой старый профессоръ гражданскаго судопроизводства по московскому университету, стоявшій у руля духовнаго вѣдомства, сталъ «скорбѣть» обо мнѣ, какъ докладчикѣ по дѣлу Головко, и негодовать на редакцію рѣшенія Сената. Но и я тоже вскорѣ сталъ «скорбѣть», но только по другому поводу. Упраздненіе мировой юстиціи, начатое въ 1889 году введеніемъ института земскихъ начальниковъ съ предоставленіемъ имъ судебной власти, расширялось съ каждымъ годомъ территоріально. Область нравственнаго и юридическаго воздѣйствія кассаціоннаго Сената становилась все меньше и меньше, неотвратимо идя къ своему ограниченію столицами, тремя-четырьмя губернскими городами съ большимъ населеніемъ, да Прибалтійскимъ краемъ, гдѣ о штундизмѣ не было и слуху, но гдѣ зато прочно укрѣпилось гонимое старообрядчество. Земскіе начальники не подвѣдомы Сенату, и кассаціонною инстанціею для ихъ приговоровъ служитъ губернское присутствіе, благодаря чему созданный великимъ Петромъ единый на всю имперію Сенатъ, стяжавшій себѣ своею двухвѣковою дѣятельностью несомнѣнное довѣріе и уваженіе народа, оказывается замѣненнымъ множествомъ, по числу губерній, маленькихъ кассаціонныхъ судовъ, съ пестрымъ, въ значительной степени зависимымъ, личнымъ составомъ, — не имѣющимъ ни связи между собою, ни надлежащаго юридическаго авторитета и рѣшающихъ окончательно вопросы о толкованіи и правильности примѣненія закона. Вслѣдствіе этого — сѣтованія отчетовъ К. П. Побѣдоносцева на рѣшеніе по дѣлу Головко, ослабившее благодѣянія закона 1894 года, не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей. Весьма многіе земскіе начальники, «ничто же сумняся», разсматривали пагубное рѣшеніе, если только они знали о его существованіи, какъ до нихъ не относящееся и подвергали «штундо-баптистовъ» взысканіямъ и лишенію свободы, не затрудняя себя преподанной Сенатомъ экспертизой. Хотя такія карательныя постановленія административныхъ чиновниковъ и не могли доходить до Сената, но въ печати за время съ 1900 по 1905 г. встрѣчается рядъ корреспонденцій и свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ о неукоснительномъ и строгомъ примѣненіи

наказаній къ сектантамъ, безъ обременительнаго опредѣленія сущности ихъ вѣроученія. Даже Высочайшій манифестъ 26 февраля 1903 г., въ которомъ было выражено «неуклонное душевное желаніе охранять освященную основными законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры», не оказалъ осязательнаго вліянія на уменьшеніе случаевъ примѣненія карательныхъ мѣръ къ заподозрѣннымъ въ штундизмѣ. Ознакомленіе съ высказаннымъ въ немъ великодушнымъ желаніемъ оказывалось даже не всегда безопаснымъ и приводило къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Такъ, въ мартѣ 1903 г. тридцать «евангелическихъ христіанъ», подвергнутыхъ за собранія для чтенія Евангелія и пѣнія псалмовъ неоднократнымъ штрафамъ, доходившимъ до 50 р. съ одного лица, рѣшились, черезъ харьковскаго губернатора, подать на имя министра внутреннихъ дѣлъ прошеніе, въ которомъ, «выражая свою великую радость и глубокую благодарность Государю Императору за даруемыя манифестомъ 1903 года блага, просили разрѣшить имъ служить Богу по своему разумѣнію и установить законныя формы для ихъ браковъ». Ближайшимъ результатомъ этого ходатайства было, вмѣсто отвѣта, полицейское дознаніе надъ просителями, о которомъ, уже въ жалобѣ на имя того же министра, поданной въ 1904 году, они говорятъ: «Полицейскіе чины разъяснили намъ, что мы прежде всего не имѣемъ права сами понимать никакой бумаги отъ высшаго начальства, а тѣмъ болѣе манифеста Государя, а если намъ желательно понять смыслъ такового, то мы обязаны обратиться за разъясненіями къ земскому начальнику или иному изъ ближайшихъ начальствующихъ лицъ, безъ вѣдома которыхъ мы не можемъ даже разсуждать о такихъ высокихъ документахъ. А такъ какъ мы совершили беззаконіе, то и впали въ ошибку, такъ какъ Государевъ манифестъ никакого отношенія къ намъ не имѣетъ, такъ какъ манифестомъ этимъ существующіе законы не отмѣняются, а въ силу существующихъ законовъ мы причисляемся къ казенной вѣрѣ и обязаны молиться Богу только по казенному, а другимъ порядкомъ вѣрить и молиться Богу намъ строго воспрещается подъ страхомъ уголовной отвѣтственности; если же мы не будемъ вѣрить и молиться по казенному, то признаемся людьми безъ вѣры

и богослуженія, а потому никакого разрѣшенія свободы отправленія таковыхъ для насъ быть не можетъ». Когда же въ маѣ 1904 года, одинъ изъ подписавшихъ прошеніе 1903 года, Бодянскій, уполномоченный на подачу его губернатору, былъ высланъ административно изъ губерніи на три года, сектанты приняли это за «указательный отвѣтъ» и на этомъ, какъ они писали министру, «безнадежно и успокоились»,—тѣмъ болѣе, что преслѣдованія за религіозныя собранія съ тѣхъ поръ не только не уменьшились, но разрослись до того, что, напримѣръ, въ селѣ Хотомлѣ Волчанскаго уѣзда за одинъ 1904 годъ съ шести сектантскихъ семей было взыскано за участіе въ религіозныхъ собраніяхъ, кромѣ арестовъ, 267 рублей, и въ нѣсколькихъ случаяхъ приговоры приводились въ исполненіе помимо всякой законности и невзирая ни на какіе протесты. Такъ, у крестьянина того же села Митрофана Маяцкаго, человѣка многосемейнаго, — у него четверо малолѣтнихъ и жена-калѣка,—продали единственную корову черезъ четыре дня послѣ приговора земскаго начальника и несмотря на заявленное обвиненнымъ недовольство рѣшеніемъ.

Вотъ почему нельзя было не «скорбѣть», что толкованіе высшаго судилища имперіи, призваннаго къ разъясненію истиннаго смысла закона, журчало, какъ узкій, стѣсненный крутыми берегами, ручеекъ, въ то время, когда по сторонамъ его широкою рѣкой разливалось торжествующее нежеланіе его знать и съ нимъ считаться. Вотъ почему и оберъ-прокуроръ Синода преждевременно впадалъ въ своихъ отчетахъ Монарху въ уныніе, находя, что Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ проводитъ взгляды, дающіе силу «врагамъ православія». Но время для такого унынія все-таки наступило въ дѣйствительности, когда тѣмъ же Комитетомъ Министровъ, который объявилъ въ 1894 году штунду — особо вредной сектой, было въ 1905 году признано, что относиться къ сектантству надо сознательно и съ серьезнымъ вниманіемъ и что взглядъ Сената на обязанность суда выяснять и установлять существо основныхъ положеній вѣроученія обвиняемыхъ въ общественныхъ богомоленіяхъ—вполнѣ правиленъ. Уныніе должно было еще усугубиться, когда оказалось, что митрополитъ петер-

бургскій и ладожскій Антоній и самъ товарищъ оберъ-прокурора Саблеръ, которыхъ, конечно, нельзя было заподозрѣть въ сочувствіи «врагамъ православія», удостовѣрили въ засѣданіи Комитета, что положеніе 1894 года не достигло своей цѣли, а лишь внесло въ жизнь мѣстнаго населенія значительную рознь, а иногда и вражду между односельчанами, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны православнаго духовенства чрезмѣрное въ иныхъ случаяхъ стремленіе къ охраненію своей силы и значенія, привлекая священниковъ къ дѣятельности, не соотвѣтствующей ни призванію ихъ, ни носимому ими сану.

Въ свѣтлый во внутренней исторіи Россіи день 17 апрѣля 1905 года высказанныя Комитетомъ Министровъ мнѣнія получили торжественную санкцію въ Высочайшемъ указѣ Сенату, шестымъ пунктомъ котораго опредѣлено: «признать, что постановленія закона, дарующія право совершенія общественныхъ богомоленій, объемлютъ послѣдователей какъ старообрядческихъ согласій, такъ и сектантскихъ толковъ».—Этимъ положенъ конецъ преслѣдованіямъ штундистовъ и возмущавшему моральное чувство постановленію на одну доску людей, изучающихъ и толкующихъ Евангеліе, при осуществленіи даннаго въ 1883 году права молитвенныхъ собраній, со скопцами и другими изувѣрами, посягающими на свою и чужую жизнь или прибѣгающими къ гнуснымъ противонравственнымъ дѣйствіямъ въ родѣ свальнаго грѣха. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ слишкомъ... и ни одна изъ пагубъ, которыя пятнадцать лѣтъ назадъ трепетно предвидѣлъ въ церковномъ, государственномъ и общественномъ отношеніяхъ Комитетъ Министровъ, поручая И. Н. Дурново соорудить свою собственную догму штундизма — не осуществилась...

XXVI.

Пасторскія дѣла.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1908 года въ Берлинѣ засѣдалъ *конгрессъ историковъ*. Членамъ его былъ, между прочимъ, показанъ секретный архивъ Прусской монархіи, и предъявлены нѣкоторые документы, пріобрѣвшіе историческую извѣстность. Между ними было и представленіе королю отъ 22 іюня 1740 года, въ которомъ государственный министръ фонъ-Брандъ и президентъ лютеранской консисторіи фонъ-Рейхенбахъ, находя, что существованіе католическихъ школъ угрожаетъ возможностью отпаденія лютеранъ отъ религіи, къ которой они офиціально принадлежатъ, возбуждали вопросъ о томъ, могутъ ли эти школы продолжать существовать. На поляхъ этого представленія написана рукою Фридриха II слѣдующая знаменательная, хотя и не совсѣмъ грамотная резолюція: «Die Religionen müssen alle Tolleriret werden und man muss mehr das Auge darauf haben das keine der andren abrug (abbruch) Tuhe *den hier mus ein jeder nach Seiner Fasson Selich werden*».

Несмотря на 170 протекшихъ лѣтъ, взглядъ, высказанный великимъ королемъ, до сихъ поръ не утратилъ значенія по отношенію къ текущей дѣйствительности. Еще семь лѣтъ назадъ правильность такого взгляда у насъ безусловно отрицалась законодательствомъ, подъ игомъ котораго обязаны были дѣйствовать суды, да и въ настоящее время, несмотря на Высочайшій указъ

Сенату отъ 17 апрѣля 1905 года, часто и увѣренно раздаются голоса людей, которые думаютъ, что «обезпеченіе каждому изъ русскихъ подданныхъ свободы вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти» идетъ въ разрѣзъ съ кореннными устоями нашей родины и является совершенно непріемлемымъ на практикѣ.

Я говорилъ уже о томъ, какъ повліяли подобные взгляды на возбужденіе преслѣдованій противъ уніатовъ и штундистовъ; продолжаю длинную вереницу моихъ воспоминаній по другимъ дѣламъ, въ которыхъ возникали вопросы вѣротерпимости и свободы совѣсти. Къ такимъ относились, между прочими, и такъ называемыя *пасторскія дѣла.*

Различныя бытовыя, экономическія и правовыя причины, въ связи съ народнымъ бѣдствіемъ—голодомъ, вслѣдствіе двухлѣтняго полнаго неурожая — вызвали въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края, населенныхъ эстами и латышами, усиленное стремленіе крестьянъ къ переходу въ православную вѣру. Послѣдніе были увѣрены, что такой переходъ вызоветъ значительное улучшеніе ихъ матеріальной судьбы, и надѣялись, что правительство, придавъ особую цѣну ихъ добровольному присоединенію, отвѣтитъ на него съ своей стороны улучшеніемъ ихъ участи и заботой объ упорядоченіи ихъ быта. Но «spes est incerta et dubia»—внушаетъ еще старикъ Кюнеръ, и когда новообратившіеся убѣдились въ тщетѣ своихъ упованій, и ихъ безчисленныя обращенія къ своимъ новымъ пастырямъ о помощи и защитѣ возымѣли такой же отрицательный результатъ, какъ и жалобы властямъ свѣтскимъ, началось обратное движеніе въ лютеранство. Оно вскорѣ дошло до того, что изъ ста тысячъ, принявшихъ православіе въ концѣ сороковыхъ годовъ, считали себя православными лишь около тридцати тысячъ, да и это число замѣтно таяло съ каждымъ годомъ, ибо дѣти родителей, православныхъ только по имени, настойчиво продолжали посѣщать лютеранскія церкви и не числить себя въ «русской вѣрѣ», какъ принято было между ихъ отцами называть православное исповѣданіе. Такимъ образомъ, значительная часть мѣстнаго крестьянскаго населенія оказывалась въ состояніи безправія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда юриди-

ческое положеніе ихъ должно было опредѣляться ихъ вѣроисповѣднымъ состояніемъ. Временно отпавшіе отъ «Лютеровой ереси» и снова въ глубинѣ души вернувшіеся къ вѣрѣ отцовъ, они очутились между двумя берегами и ни къ одному пристать не могли. Отсутствіе внутренняго убѣжденія не позволяло итти за необходимыми требами къ православному священнику, не умѣвшему или не имѣвшему возможности пріобрѣсти нравственное вліяніе на свою фиктивную паству, а къ пастору обращаться за этимъ воспрещалъ законъ. Такимъ образомъ создался особый классъ населенія, который на официальномъ языкѣ сталъ носить названіе «колеблющихся», изъ коихъ обыкновенно выдѣлялась еще часть, названная «упорствующими», при чемъ выходило, что, отпавъ отъ лютеранства, они какъ бы упорствуютъ присоединиться къ православію. Мѣры начальственнаго вразумленія—не встрѣтившія при томъ, что и весьма понятно, никакой поддержки со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ-лютеранъ,—административныя взысканія и разныя ограниченія не достигали своей цѣли. Напротивъ, въ «колеблющихся» они укореняли религіозный индифферентизмъ, и безъ того довольно сильный среди эстовъ и латышей, а въ «упорствующихъ» вселяли озлобленіе и вражду къ господствующей церкви, немногіе храмы которой были разбросаны на огромныхъ пространствахъ и нерѣдко пустовали за недостаткомъ священнослужителей.

При массовомъ переходѣ мѣстныхъ жителей въ православіе представители лютеранской церкви, повидимому предвидя безплодность такого перехода по результату и его безпочвенность по существу, не сложили оружія, а заняли лишь выжидательное положеніе, конечно, при случаѣ разъясняя отпавшимъ и колеблющимся практическое и нравственное значеніе сдѣланной ими или ихъ отцами ошибки. Когда же послѣдніе, желая выйти изъ своего двойственнаго положенія, заявляли пасторамъ, что по совѣсти считаютъ себя лютеранами и просятъ совершить надъ ними тотъ или другой религіозный обрядъ, они имъ въ этомъ не отказывали. Такимъ путемъ явился въ краѣ рядъ официально православныхъ людей, которые оказались допущенными къ покаянію или причастію или повѣнчаны по лютеранскому

обряду, при чемъ ихъ исповѣди и причащенію всегда предшествовала и *конфирмація*. Отсюда возникли дѣла объ уголовномъ преслѣдованіи противъ евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ (пасторовъ) за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія. Дѣла эти производились медленно, старымъ порядкомъ обветшавшаго сословнаго суда и, заканчиваясь нерѣдко оправдательными приговорами, въ остальныхъ случаяхъ обыкновенно сопровождались ходатайствами о смягченіи наказанія. Практическихъ результатовъ въ смыслѣ укрѣпленія православія въ краѣ это не имѣло, и 22 іюля 1874 года Высочайше было повелѣно прекратить всѣ подобныя дѣла, возникшія или начатыя производствомъ. Подъ вліяніемъ распространительнаго толкованія этого повелѣнія, дѣла этого рода перестали и возникать.

Такъ продолжалось до начала восьмидесятыхъ годовъ, когда при производствѣ памятной сенаторской ревизіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ было высказано мнѣніе, что указываемое мѣстною высшею епархіальною властью вредное участіе пасторовъ въ совершеніи требъ только тогда подходитъ подъ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 1874 года, когда не содержитъ въ себѣ признаковъ спеціальнаго преступленія, т.-е., напримѣръ, *совращенія*, совершенія брака православнаго съ лютераниномъ, прежде совершенія такового православнымъ священникомъ и т. д. Это указаніе, совпадавшее съ общимъ направленіемъ нашей внутренней политики того времени относительно окраинъ, было принято къ свѣдѣнію и руководству мѣстной администраціей, когда во главѣ ея сталъ бывшій сѣдлецкій губернаторъ Зиновьевъ. Найдя у себя въ Лифляндской губерніи около 18.800 «уклоняющихся», онъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ пасторовъ въ 90 приходахъ ($^3/_5$ всего числа) по 130 дѣламъ о *совращеніи* изъ православія путемъ *совершенія требъ*. При слѣдствіи обнаруживалось обыкновенно, что дѣйствіе, совершеніе котораго вмѣнялось въ вину пастору, состояло въ конфирмаціи, какъ неизбѣжной принадлежности допущенія къ покаянію и причастію, каковыя въ свою очередь были необходимы для вступленія въ бракъ. Къ пастору являлись по большей части молодые люди—

крестьянскій парень и дѣвушка—и просили ихъ обвѣнчать. При разспросахъ пастора оказывалось, что они крещены въ православной вѣрѣ или записаны въ православныя метрики. Тогда пасторъ объяснялъ, что имъ, какъ православнымъ, слѣдуетъ вѣнчаться у православнаго священника, и на просьбы ихъ о конфирмаціи отвѣчалъ отказомъ. Молодые люди, заявивъ ему, что они себя православными не считаютъ, никогда въ православной церкви не были и ея обрядовъ не исполняли, уходили опечаленные, но по прошествіи нѣкотораго времени возвращались съ тѣми же просьбами вновь. Иногда это доходило до трехъ разъ, при чемъ на окончательный отказъ пастора они заявляли ему, что если такъ, то они все-таки не пойдутъ въ православную церковь, а будутъ жить блудно. Для пасторовъ, какъ они объясняли, являлась, вслѣдствіе этого, такая альтернатива: или попустить возникновенію грѣховной связи или же подвергнуться отвѣтственности по 193 ст. Улож. о наказ., въ силу которой священнослужители другихъ (кромѣ православнаго) христіанскихъ вѣроисповѣданій, которые завѣдомо допустятъ православныхъ къ исповѣди, причащенію или елеосвященію, или же дѣтей ихъ къ крещенію или миропомазанію по своимъ обрядамъ, подвергаются въ первый разъ удаленію отъ мѣстъ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а во второй—лишенію духовнаго сана и отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Обвиняемые пасторы избирали второй исходъ, заранѣе соглашаясь претерпѣть указанныя въ ст. 193 взысканія. Въ томъ, что къ нимъ должна примѣняться именно эта статья, у нихъ не могло быть сомнѣній, ибо въ Уложеніи о наказаніяхъ въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ вторымъ отдѣленіемъ канцеляріи Е. И. В. для употребленія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ перечисленіи требъ прямо значилось: «und Confirmation». Прокурорскій надзоръ вновь введенныхъ судовъ посмотрѣлъ на это иначе, и взглядъ его раздѣленъ былъ и рижскимъ Окружнымъ Судомъ. Они нашли возможнымъ не придавать никакого значенія слову «конфирмація», помѣщенному въ нѣмецкомъ текстѣ, а самое дѣйствіе конфирмаціи, т.-е. наставленіе и испытаніе въ законѣ Божіемъ, признали совращеніемъ.

Въ 1890 году первымъ изъ осужденныхъ по этому «цовому курсу» оказался 70-лѣтній пасторъ Вильгельмъ Гриммъ, обвиняемый въ томъ, что за *десять лѣтъ* назадъ, выслушавъ крещеную въ православную вѣру крестьянку Вассиловскую, явившуюся къ нему вмѣстѣ со своимъ женихомъ Юргенсомъ и просившую о принятіи ея на конфирмацію, посовѣтовалъ ей предварительно отказаться отъ этой мысли, но впослѣдствіи согласился, по ея упорнымъ настояніямъ, конфирмовать ее и записалъ ее въ церковныя книги своего прихода. Рижскій Окружной Судъ призналъ его совратителемъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Судебная Палата, разсмотрѣвъ жалобу Гримма на этотъ приговоръ, не нашла признаковъ совращенія въ дѣяніи осужденнаго и приговорила его на основаніи 193 ст. къ удаленію отъ мѣста на 6 мѣсяцевъ, но за пятикратнымъ истеченіемъ двухлѣтней давности, постановила никакому взысканію его не подвергать.

Прокуратура петербургской Судебной Палаты, признавая такой приговоръ колеблющимъ интересы православія въ Прибалтійскомъ краѣ и явно нарушающимъ законъ, рѣшилась опротестовать его передъ кассаціоннымъ судомъ. Но предварительно подачи протеста главный изъ дѣятелей этой прокуратуры посѣтилъ меня и объяснилъ мнѣ, что какъ министръ юстиціи, такъ и рижскій преосвященный находятъ приговоръ Палаты совершенно неправильнымъ въ виду того, что дѣйствія Гримма составляютъ несомнѣнное совращеніе. Я зналъ уже объ этомъ дѣлѣ и о приговорѣ Палаты и, составивъ себѣ на этотъ счетъ опредѣленное мнѣніе, заявилъ моему собесѣднику, что считаю взглядъ Судебной Палаты совершенно правильнымъ, такъ какъ подъ совращеніемъ необходимо понимать активную дѣятельность обвиняемаго. Эта дѣятельность, очерченная въ 184 ст. Уложенія, можетъ быть не насильственной и насильственной. Въ *первомъ* случаѣ она выразится въ своего рода заманиваніи и завлеченіи въ вѣру совратителя. Это будутъ тѣ подговоры, обольщенія или иные способы, о которыхъ говорится въ законѣ. Характеризуя подговоръ, уголовный законъ въ ст. 13 Уложенія называетъ подговорщиками

тѣхъ лицъ, которыя употребляютъ для достиженія своихъ цѣлей просьбы, убѣжденія, подкупъ, обѣщаніе выгодъ, обольщенія или обманъ. Во *второмъ* случаѣ это будутъ разные виды психическаго принужденія и угрозы. Поэтому дѣятельность совратителя по самой этимологіи этого слова должна быть направлена на то, чтобы лицо, идущее въ дѣлѣ вѣры по прямому, съ точки зрѣнія господствующей церкви, пути или стоящее, съ той же точки зрѣнія, въ вѣрномъ положеніи, сбить съ этого пути и сдвинуть съ этого положенія посредствомъ воздѣйствія на его духовную сторону, или на его эгоистическія чувства, или, наконецъ, на его физическую природу. Воздѣйствіе перваго рода выражается въ просьбахъ, убѣжденіяхъ, обманахъ и обольщеніяхъ, а также въ подкупахъ и обѣщаніи выгодъ, а второго рода—въ угрозахъ, принужденіи и насиліи. Поэтому дѣйствія совратителя должны состоять въ употребленіи средствъ, подъ давленіемъ которыхъ осуществляется его намѣреніе отвлечь отъ одной вѣры и совратить въ другую, при чемъ судомъ должно быть установлено, что обвиняемый настаивалъ на отступленіи отъ вѣры, и дѣйствія его, по свойству своему, должны были имѣть на совращеннаго рѣшительное вліяніе, побудившее его къ отпаденію. Очевидно, что всѣ дѣйствія должны быть активны и, хотя ихъ нельзя предустановить и заключить въ рамки точныхъ указаній закона, но всѣ они требуютъ почина совратителя. Законъ о совращеніи, какъ идущій въ разрѣзъ съ общимъ началомъ вѣротерпимости, выраженнымъ въ ст. 45 Основныхъ Законовъ, не можетъ быть толкуемъ распространительно,—но даже, если и прибѣгнуть къ такому толкованію, то надо признать, что, говоря о совращеніи, законъ имѣетъ въ виду тотъ случай, когда въ душѣ православнаго, дотолѣ не смущаемой никакими сомнѣніями, инославный сѣетъ сѣмена сомнѣнія и, содѣйствуя ихъ росту своими уговорами и увѣщаніями, толкаетъ православнаго на дорогу инославія, при чемъ плодомъ этого является отреченіе отъ родной церкви. Но если сомнѣніе возникло безъ содѣйствія обвиняемаго, если пасторъ лишь уступилъ просьбамъ отрекающагося отъ своей церкви и принялъ его въ свою паству послѣ увѣщаній обдумать свое намѣреніе, тогда наличности совращенія не суще-

ствуетъ. Еще въ 1888 году Сенатъ по дѣлу Гребенюка—въ случаѣ гораздо болѣе остромъ (было совершено вторичное крещеніе надъ нѣсколькими лицами)—призналъ, согласно съ моимъ заключеніемъ, что совершеніе сектантомъ обряда, знаменующаго присоединеніе къ какой-либо сектѣ или толку надъ лицомъ, находящимся въ такомъ возрастѣ, когда оно сознавало значеніе совершаемыхъ надъ нимъ дѣйствій, служа знакомъ совершившагося отпаденія, не даетъ основанія видѣть въ совершителѣ обряда совратителя, покуда не будетъ установлено, что согласіе присоединяющагося на совершеніе обряда было послѣдствіемъ дѣятельности или проповѣди обвиняющагося въ совращеніи.

Затѣмъ, по поводу дальнѣйшихъ между нами разномыслій, я высказалъ моему посѣтителю, что съ точки зрѣнія догматической—конфирмація, въ силу которой юноши и дѣвицы въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ должны быть, до пріобщенія св. Таинъ, наставляемы въ законѣ Божіемъ — есть простой обрядъ, а не таинство, такъ какъ лютеранство, кромѣ крещенія и причащенія другихъ таинствъ не признаетъ. Обрядъ этотъ не выходитъ по своей важности изъ предѣловъ обрядовъ, указанныхъ въ 193 ст. Улож. о наказ., такъ какъ, конечно, упомянутые въ ней — изъ коихъ два послѣдніе и у лютеранъ являются таинствами,—несомнѣнно важнѣе, чѣмъ экзаменъ изъ закона Божія, удостовѣряющій, что достигшіе сознательнаго возраста молодые люди приступаютъ къ таинству причащенія съ пониманіемъ его святости и значенія. Очевидно, что и законъ не можетъ признать конфирмацію ни въ какомъ случаѣ за совращеніе, такъ какъ иначе онъ впалъ бы въ непримиримое противорѣчіе самъ съ собою, т.-е. каралъ бы удаленіемъ отъ мѣста за совершеніе надъ православнымъ таинства крещенія и причащенія и въ то же время ссылалъ бы въ Сибирь за совершеніе обряда, безъ котораго самое причащеніе невозможно. Оказалось бы, что, разрѣшивъ каяться по обрядамъ своей вѣры и допустивъ къ причащенію, лютеранскій священникъ совершалъ бы меньшее вторженіе въ область православія, чѣмъ провѣривъ знаніе закона Божія у причащаемаго. Сверхъ того, наконецъ, существуетъ ст. 190, говорящая о наказаніи родителей, которые, бывъ по закону обязаны

воспитывать своихъ дѣтей по вѣрѣ православной, будутъ крестить или приводить ихъ къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія. Однако эти родители не считаются совратителями, точно такъ же, какъ и священники инославныхъ исповѣданій, изобличенные въ преподаваніи катихизиса малолѣтнимъ православнымъ или въ дѣланіи имъ противныхъ православію внушеній (ст. 194 Улож.), между тѣмъ какъ подводить эти случаи подъ понятіе совращенія было бы, конечно, несравненно легче и логичнѣе. Я закончилъ нашу бесѣду указаніемъ на то, что по отношенію къ юридическому толкованію понятія о совращеніи для меня большой авторитетъ имѣли бы взгляды Спасовича, Неклюдова или Таганцева, и я задумался бы надъ основательностью моего взгляда, если бы ими былъ высказанъ противоположный, но ни рижскій преосвященный, ни Н. А. Манасеинъ такимъ авторитетомъ для меня не являются, такъ какъ глубина юридическихъ познаній перваго мнѣ неизвѣстна, а во второмъ я признаю дѣятельнаго и энергическаго представителя судебнаго управленія, но не имѣлъ случая ознакомиться съ его научными познаніями въ уголовномъ правѣ. При этомъ, такъ какъ мой собесѣдникъ придавалъ взгляду министра юстиціи характеръ указанія, сообщаемаго мнѣ къ руководству, я обратилъ его вниманіе на то, что руководствомъ для оберъ-прокурора, призваннаго истолковывать законъ передъ кассаціонными судьями, являются исключительно—этотъ законъ въ его истинномъ смыслѣ и убѣжденіе совѣсти, но не мнѣніе министра, передаваемое при томъ чрезъ представителя одной изъ сторонъ въ дѣлѣ.

На другой день я счелъ однако нужнымъ объясниться по этому поводу съ министромъ юстиціи и высказать ему, что я не могу раздѣлить его взгляда, переданнаго мнѣ довольно необычнымъ въ нашихъ отношеніяхъ образомъ, и предъявлю заключеніе объ оставленіи протеста, если онъ будетъ принесенъ, безъ послѣдствій. При этомъ, изложивъ ему приведенныя выше юридическія соображенія, я остановился на нравственной и политической сторонѣ пасторскихъ дѣлъ.—«Наше законодательство,—говорилъ я,—не допуская въ принципѣ отступленія отъ православія, не-

вмѣшивается вмѣстѣ съ тѣмъ въ догматическую и обрядовую сторону инославныхъ вѣроученій, предоставляя упорядоченіе этой области надзору и наблюденію духовныхъ установленій этихъ исповѣданій. При недопустимости, по толкованію нашей церкви, окончательнаго отступленія отъ православія и при взглядѣ церкви на отступившихъ, какъ на близкихъ и родныхъ, хотя и заблудшихъ чадъ, законъ гражданскій озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы инославные пастыри, обязанные вести акты гражданскаго состоянія, не вносили въ нихъ своими дѣйствіями безпорядка. Поэтому въ глазахъ гражданской власти инославный священникъ, совершающій надъ православными обряды, съ которыми связаны измѣненія или отмѣтки въ документахъ, входящихъ въ составъ актовъ гражданскаго состоянія, является нерадивымъ или сознательно нарушающимъ свои обязанности должностнымъ лицомъ, ведущимъ акты послѣдняго рода. Вотъ почему въ первой части 193 ст. Улож. указаны служебныя, а не исправительныя или уголовныя наказанія — срочное удаленіе отъ мѣста и лишеніе духовнаго званія,—а для совершающихъ указанныя въ ней нарушенія по невѣдѣнію—строгій выговоръ «за несогласную съ важностью духовнаго званія неосмотрительность». Можно быть разнаго мнѣнія о справедливости и цѣлесообразности такого взысканія, но нельзя отрицать за государствомъ права подвергать своихъ агентовъ взысканію за преступленія должности. Поэтому принципіально возражать противъ примѣненія 193 ст. до тѣхъ поръ, покуда у насъ существуетъ формальная вѣротерпимость и не существуетъ свободы совѣсти, — нельзя. Но иначе будетъ обстоять дѣло при признаніи Гримма и слѣдующей за нимъ вереницы пасторовъ виновными въ совращеніи. Здѣсь вопросъ переносится уже на религіозную почву и долженъ вызывать къ себѣ совсѣмъ другое отношеніе со стороны мѣстнаго населенія, не желающаго принадлежать къ православной церкви. Пасторъ, совершающій конфирмацію по настойчивой просьбѣ фиктивныхъ православныхъ, находится здѣсь подъ угрозой не только служебныхъ непріятностей и потери мѣста, но и ссылки въ Сибирь, потери правъ состоянія и разбитія всей его личной жизни. Нерадивое должностное лицо

обращается въ жертву исполненія своего религіозно-нравственнаго долга, въ пастыря церкви, идущаго въ Сибирь искупать вину, состоящую въ томъ, что онъ не остался глухъ къ духовной потребности темныхъ людей и, наставивъ ихъ въ словѣ и ученіи Господнемъ, не подалъ имъ «вмѣсто хлѣба камень». Всѣхъ пасторовъ привлечено за *совращеніе* свыше 50 человѣкъ; осужденіе Гримма равносильно осужденію ихъ всѣхъ. Ссылка ихъ въ Сибирь была бы не только юридической несправедливостью и результатомъ судебной натяжки, но была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и большой политической ошибкой, которая одновременно вызвала бы, вѣроятно, негодованіе и въ культурныхъ, и въ народныхъ слояхъ населенія Лифляндской губерніи».

Н. А. Манасеинъ выразилъ полное согласіе съ моими доводами, добавивъ, что вовсе не думалъ навязывать мнѣ свои взгляды, отъ которыхъ безъ затрудненія отказывается, а лишь посовѣтовалъ лицу, бывшему у меня, узнать мое мнѣніе по дѣлу. Тѣмъ не менѣе протестъ былъ принесенъ, и по соглашенію моему съ первоприсутствующимъ сенаторомъ Розингомъ дѣло Гримма было назначено къ слушанію на 12 марта 1891 года. Членомъ-докладчикомъ первоприсутствующій хотѣлъ избрать сенатора А. В. Волкова, человѣка весьма трудолюбиваго, но больного, и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ и узнать отъ него, согласится ли онъ, въ виду состоянія его здоровья, принять на себя докладъ по этому сложному и важному дѣлу, требующему изученія источниковъ закона и затѣмъ большой письменной работы. Волковъ, ознакомясь съ дѣломъ изъ моего подробнаго разсказа, изъявилъ полное согласіе и въ то же время выразилъ, что вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ на неуважительность протеста противъ приговора Палаты. Передъ слушаніемъ дѣла на имя первоприсутствующаго поступило письмо отъ К. П. Побѣдоносцева, въ которомъ, въ виду важности дѣла Гримма, разбирался вопросъ о значеніи конфирмаціи и указывалось на то, что она не имѣетъ значенія духовной требы, ибо 193 ст. Улож., говорящая о допущеніи къ причащенію, должна быть толкуема въ смыслѣ исключительнаго, хотя и возможнаго случая, когда пасторъ допуститъ къ этому таинству православнаго безъ пред-

варительной конфирмаціи. Считая затѣмъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, имѣло ли мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ *совращеніе* православнаго, принадлежитъ суду, Побѣдоносцевъ указывалъ на то, что всякое присоединеніе православнаго къ лютеранству предусмотрѣно 389 ст. Устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ которой говорится о немедленномъ отрѣшеніи отъ должности и сана евангелическо-лютеранскаго проповѣдника, присоединившаго къ своей церкви члена православной церкви. Этотъ взглядъ оберъ-прокурора Св. Синода, несмотря на весь авторитетъ К. П. Побѣдоносцева въ каноническихъ вопросахъ, не поколебалъ моего мнѣнія. Слѣдуя этому взгляду, надлежало примѣнить къ пастору Гримму уже не статью Уложенія о наказаніяхъ, а постановленіе, не имѣющее соотвѣтственной статьи въ уголовномъ законѣ и слѣдовательно самостоятельнаго карательнаго значенія, такъ какъ по закону уголовно-наказуемыми дѣяніями признаются лишь воспрещенныя подъ страхомъ наказанія Уложеніемъ и Уставомъ о наказаніяхъ въ силу принципа nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege. Кромѣ того, этотъ взглядъ страдалъ и внутреннимъ противорѣчіемъ. Какъ уже указано, по ученію нашихъ богослововъ и по смыслу Уложенія о наказаніяхъ окончательнаго и рѣшительнаго отпаденія отъ православія существовать не можетъ, и церковь постоянно уповаетъ на возвращеніе въ ея нѣдра заблудшихъ, не исключая ихъ изъ своихъ метрическихъ списковъ и не разрѣшая вносить въ списки другихъ исповѣданій, какъ это неоднократно разъяснялъ и К. П. Побѣдоносцевъ. Но о какомъ же *присоединеніи* въ такомъ случаѣ можетъ итти рѣчь? Вотъ почему наше Уложеніе, конечно, вполнѣ сознательно, нигдѣ и не говоритъ о совершеніи присоединенія, какъ о наказуемомъ дѣяніи. Наконецъ, этотъ взглядъ опровергается и тѣмъ, что постановленія, содержащагося въ ст. 389 Устава евангелическо-лютеранской церкви, *не содержится* въ уставахъ другихъ не православныхъ церквей, и что такимъ образомъ пасторы подлежали бы исключительному наказанію за такое дѣяніе, которое сопровождалось бы для католическихъ и армяно-грегоріанскихъ священниковъ безнаказанностью. Я сообщилъ эти мои соображенія министру

юстиціи, вслѣдствіе запроса его, вызваннаго письмомъ къ нему Побѣдоносцева.

За нѣсколько дней до засѣданія дѣло приняло, однако, болѣе острый оборотъ. По порученію Манасеина вице-директоръ департамента министерства юстиціи привезъ мнѣ показать сообщеніе Комитета Министровъ министру юстиціи «къ надлежащему исполненію». Это сообщеніе содержало въ себѣ слѣдующее мѣсто изъ всеподданнѣйшаго отчета лифляндскаго губернатора Зиновьева за 1889 годъ: «Съ преобразованіемъ судебныхъ учрежденій получили, наконецъ, свое законное теченіе многочисленныя, возникшія въ Лифляндской губерніи, дѣла о совращеніяхъ православныхъ въ лютеранство, о совершеніи надъ православными требъ по лютеранскому обряду и т. п., искусственно до сихъ поръ задерживаемыя прежними судами. Вслѣдствіе этого, страшась уголовной отвѣтственности, пасторы временно пріостановили нѣсколько свою дѣятельность по совершенію преступленій, предусмотрѣнныхъ Отд. 2, Гл. 2, Разд. II, Улож. о наказ. Рижскій Окружный Судъ уже разобралъ множество такихъ дѣлъ, постановивъ виновнымъ строгія по закону наказанія, но мѣстная консисторія, какъ слышно, дала всѣмъ состоящимъ подъ судомъ пасторамъ предписаніе апеллировать на приговоры въ Судебную Палату, что пасторы и исполнили. Если Судебною Палатою и Сенатомъ, куда дѣла эти могутъ перейти по протестамъ прокурора, приговоры эти не будутъ оставлены въ силѣ, то пріостановившіяся на время совращенія православныхъ, по всей вѣроятности, начнутся съ прежнею силою, и тогда придется отказаться отъ надежды при помощи суда прекратить то повальное нарушеніе пасторами законовъ объ охраненіи православной вѣры, которое имѣетъ нынѣ мѣсто въ Лифляндской губерніи». На этомъ мѣстѣ отчета имѣлось Высочайшая помѣта: «Обратить вниманіе министра юстиціи». Я объяснилъ г. вице-директору, что это уже исполнено и что какъ министромъ юстиціи, такъ и мною своевременно было обращено особое вниманіе на это дѣло, которое въ виду его важности назначено къ слушанію не въ отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго департамента, а прямо при участіи всѣхъ членовъ департамента. Вслѣдъ затѣмъ, я немедленно на-

писалъ Манасеину письмо, въ которомъ, вновь излагая письменно всѣ мои соображенія по дѣлу, заявлялъ, что, несмотря на пріемъ, употребленный лифляндскимъ губернаторомъ для полученія желаемаго имъ рѣшенія Сената, я не могу дать иного заключенія, какъ то, о которомъ его давно уже предупредилъ. Если онъ находитъ неизбѣжнымъ разрѣшеніе дѣла въ смыслѣ, желательномъ для лифляндскаго губернатора и петербургской прокуратуры, то у него еще есть время воспользоваться принадлежащимъ ему по закону правомъ поручить дать заключеніе по этому дѣлу одному изъ двухъ другихъ кассаціонныхъ оберъ-прокуроровъ — гражданскаго департамента или общаго собранія. Я закончилъ письмо указаніемъ на то, что содѣйствіемъ къ отмѣнѣ приговора петербургской Палаты я, съ моей точки зрѣнія, совершилъ бы нарушеніе своихъ обязанностей толкователя закона и гражданина, для котораго не можетъ быть безразличной ошибочная и пагубная политика на окраинѣ государства, и который не можетъ ей содѣйствовать услужливымъ извращеніемъ истиннаго смысла законовъ.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ приглашеніе министра на слѣдующее утро. «Я не могу послѣдовать вашему указанію на возможность замѣны васъ другимъ оберъ-прокуроромъ», сказалъ мнѣ Манасеинъ.—Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ я ему,—такъ какъ дѣло идетъ о лютеранахъ, то придется повторить историческія слова: «hier stehe ich, ich kann nicht anders, Gott helfe mir, amen!»— Я объ этомъ-то и хотѣлъ поговорить съ вами, — продолжалъ Манасеинъ:—я рѣшился доложить о вашемъ взглядѣ и заявить, что вполнѣ присоединяюсь къ нему. Если, однако, послѣдуетъ несогласіе, то я извѣщу васъ и попрошу васъ и Розинга отложить засѣданіе, чтобы обдумать, какъ поступить. Увѣрены ли вы, что Сенатъ съ вами согласится?—Быть безусловно увѣреннымъ трудно,—отвѣчалъ я,—но есть много основаній думать, что послѣдуетъ согласіе, такъ какъ и первоприсутствующій и членъ-докладчикъ оба за оставленіе протеста прокурора безъ послѣдствій. — Но какъ доложить о могущемъ состояться рѣшеніи? — вопросительно отнесся ко мнѣ Манасеинъ:—того, о чемъ мы говоримъ, вѣдь нельзя облечь въ форму всеподданнѣйшей записки.—Доложите,—

отвѣчалъ я,—мое письмо къ вамъ и объясните, что возникаетъ возможность согласія Сената со мной.—Я такъ и сдѣлаю,—сказалъ Манасеинъ своимъ рѣшительнымъ тономъ, оставляя меня подъ отраднымъ впечатлѣніемъ, такъ какъ на то, чтобы возымѣть подобную рѣшимость отказаться отъ своего мнѣнія, убѣдившись въ его неправильности, и прямодушно заявить объ этомъ Монарху, былъ бы способенъ далеко не каждый русскій министръ въ то время. Черезъ три дня онъ разсказалъ мнѣ о своемъ докладѣ, при чемъ, по его словамъ, онъ прочелъ большія выдержки изъ моего письма и съ радостью выслушалъ, что если оберъ-прокуроръ находитъ, что приговоръ Палаты правиленъ и согласенъ со смысломъ закона, и онъ, Манасеинъ, раздѣляетъ такое мнѣніе, то и Сенату, конечно, слѣдуетъ съ этимъ согласиться.

Насталъ день засѣданія, привлекшаго массу посѣтителей, такъ что большая зала департаментскихъ засѣданій Сената была переполнена. Въ публикѣ было много духовныхъ лицъ различныхъ исповѣданій, а также и чиновниковъ православнаго вѣдомства Но при самомъ открытіи засѣданія явилось новое и совершенно неожиданное препятствіе къ правильному, по моему мнѣнію, разрѣшенію дѣла. Ко мнѣ въ кабинетъ пришелъ Волковъ и совершенно неожиданно сообщилъ мнѣ, что послѣ тщательнаго изученія дѣла онъ измѣнилъ свой взглядъ на него и будетъ стоять за отмѣну приговора Палаты. Это сообщеніе, сдѣланное, какъ выразился Волковъ, «de bonne guerre», за двадцать минутъ до открытія засѣданія, имѣло зловѣщее значеніе. Докладчикъ, по самому существу своихъ обязанностей, всегда имѣетъ вліяніе на членовъ коллегіи, въ особенности если въ ней нѣтъ другого лица, которое точно такъ же изучило бы предметъ доклада во всѣхъ подробностяхъ. Въ практикѣ отдѣленій нашего кассаціоннаго суда придается согласію товарища оберъ-прокурора, дающаго заключеніе, съ сенаторомъ-докладчикомъ почти всегда предрѣшающее исходъ дѣла значеніе. Во многихъ случаяхъ такое значеніе получало это согласіе и при слушаніи дѣлъ въ составѣ всего департамента, когда и заключеніе оберъ-прокурора и докладъ, подробно разъясняемый и дополняемый при совѣщаніи, представляли всестороннюю разработку матеріала, изложеннаго въ

печатной запискѣ. По дѣлу Гримма оказывалось, что мое заключеніе встрѣтитъ въ совѣщаніи сильное противодѣйствіе въ лицѣ докладчика, котораго, конечно, будутъ поддерживать поборники суровой защиты исключительныхъ правъ господствующей церкви и возражать которымъ я буду лишенъ возможности. Отмѣна приговора Судебной Палаты, помимо своихъ послѣдствій по отношенію къ пятидесяти слишкомъ пасторамъ, авторитетно и непререкаемо увеличивала бы размѣры понятія о совращеніи до самыхъ крайнихъ, претящихъ правовому чувству предѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она ставила бы министра юстиціи, въ виду сдѣланнаго имъ доклада, въ крайне щекотливое положеніе въ вопросѣ, къ которому онъ отнесся съ такой благородной широтой воззрѣній и дѣйствій.

Не скажу, чтобы у меня не было тревожно на душѣ, когда я приступилъ къ дачѣ моего длиннаго, почти двухчасового заключенія передъ 16 сенаторами, въ торжественной обстановкѣ публичнаго департаментскаго засѣданія. Сенаторы совѣщались четыре часа и послѣ долгихъ и оживленныхъ преній вынесли резолюцію объ оставленіи протеста безъ послѣдствій, состоявшуюся большинствомъ 11 голосовъ противъ 5. Эти послѣдніе подали обширное особое мнѣніе, составленное Волковымъ. Въ этомъ особомъ мнѣніи было высказано между прочимъ, что Гриммъ, допустивъ Вассиловскую къ конфирмаціи, упоминаніе о которой въ 193 ст. Улож. касается будто бы исключительно дѣтей, совершилъ присоединеніе, т.-е. преступленіе не менѣе важное, чѣмъ совращеніе, послѣдствіемъ котораго должно явиться признаніе брака Вассиловской съ лютераниномъ Юргенсомъ незаконнымъ, что указываетъ на особо-преступную дѣятельность Гримма, хотя въ совершеніи этого брака онъ и былъ признанъ невиновнымъ, и оправдательный приговоръ Палаты не опротестованъ.

Рѣшеніе Сената по дѣлу Гримма произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ или другомъ разрѣшеніи вопроса лицъ. Оно вызвало даже ходатайство лифляндскаго губернскаго предводителя дворянства предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи разъ навсегда покончить съ во-

просомъ объ «уклоняющихся», перечисливъ ихъ въ лютеранское исповѣданіе, и тѣмъ прекратить «пасторскія дѣла», вносящія столько скорби и раздраженія въ мѣстное населеніе. Противъ этого предположенія съ особенною силою возсталъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ Зиновьевъ. Онъ находилъ, что это перечисленіе придется основывать исключительно на заявленіи «уклоняющихся» о томъ, къ какой церкви желаютъ они принадлежать. Но это было бы равносильно отказу правительства отъ своей, исторіей завѣщанной, обязанности, а также провозглашенію полной равноправности христіанскихъ исповѣданій и полной вѣротерпимости. «Въ жизни каждаго государства могутъ быть историческіе моменты, — писалъ лифляндскій губернаторъ,—когда въ силу роковыхъ событій оно ставится въ необходимость отречься отъ своихъ традицій и поступиться коренными чертами своего законодательства. Но существованіе уклоняющихся въ Лифляндіи такого момента не представляетъ. Бывали періоды, когда такіе важные вопросы съ особой остротой выдвигались впередъ. Такъ, въ XVII столѣтіи сотни тысячъ коренныхъ русскихъ людей, разорвавъ связь съ господствующей государственной церковью, перешли въ *расколъ*. Упорно держась своихъ ложныхъ вѣроученій и не захотѣвъ подчиниться волѣ правительства, эти сотни тысячъ, съ пожертвованіемъ всѣхъ экономическихъ условій своего быта, бѣжали въ лѣса сѣверныхъ губерній, оставляя навсегда свое отечество, и селились на берегахъ Дуная, въ старинной Ливоніи, въ Малой Азіи и т. п. Съ начала нынѣшняго столѣтія возникъ *уніатскій вопросъ*, тревожащій Холмскую Русь и дающій поводъ къ немалымъ замѣшательствамъ въ отправленіяхъ гражданской жизни. Въ этихъ случаяхъ русское правительство, слѣдуя вѣковымъ традиціямъ и твердо держась одной системы, не дѣлало и не дѣлаетъ какихъ-либо уступокъ. Принимаемыя по отношенію къ этимъ вопросамъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣры, можетъ быть, и были ошибочны, но не противорѣча разъ принятой системѣ, онѣ во всякомъ случаѣ были послѣдовательны». — Критикуя затѣмъ рѣшеніе Сената по дѣлу Гримма, называя его *случайнымъ* и позволяя себѣ удостовѣрять передъ Монархомъ, что голоса сенаторовъ раздѣ-

лились поровну, и лишь голосъ первоприсутствующаго далъ перевѣсъ, губернаторъ указывалъ, что необходимо начертаніе особой спеціальной статьи Уложенія, карающей за конфирмацію, такъ какъ вся система дѣйствій правительства въ Лифляндской губерніи для возстановленія нарушеннаго религіознаго мира преимущественно основана на удержаніи пасторовъ страхомъ наказанія отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла уклоняющихся. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что, за возстановленіемъ въ губерніи полнаго спокойствія, лютеранское духовенство составляетъ *единственный* элементъ безпорядка въ странѣ, и только качествамъ населенія надо приписать, что безпорядки эти не принимаютъ большихъ размѣровъ, генералъ Зиновьевъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что возстановленію религіознаго мира, кромѣ наказаній за конфирмацію, будутъ содѣйствовать — назначеніе президентовъ лютеранскихъ консисторій отъ правительства, а не по выборамъ дворянства, и коренное преобразованіе Дерптскаго университета, какъ питомника для исключительнаго комплектованія мѣстныхъ проповѣдниковъ... Оригинальные взгляды лифляндскаго губернатора на способы поддержанія религіознаго мира и его тревожныя опасенія, какъ бы—чего Боже сохрани — правительство не заразилось вѣротерпимостью, нашли себѣ законодательный отголосокъ. Въ 1892 году, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, ст. 193 Улож. была дополнена ст. 194[1], въ которой сказано, что «священнослужители иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, которые совершатъ по своимъ обрядамъ надъ православнымъ конфирмацію, миропомазаніе или иное священнодѣйствіе, знаменующее принятіе въ исповѣданіе иновѣрной христіанской церкви, или же допустятъ совершить или совершатъ по своимъ обрядамъ крещеніе надъ дѣтьми православныхъ, подвергаются за сіе отрѣшенію отъ должности или лишенію духовнаго сана», т.-е. наказанію значительно болѣе строгому, чѣмъ то, которое опредѣлялось въ прежней 193 ст.

Затѣмъ за время пребыванія моего въ составѣ кассаціоннаго департамента вопросъ о примѣненіи 193 и новой 194[1] статей возникалъ два раза. Въ 1893 году пасторъ Лютеръ былъ осужденъ

за окрещеніе по лютеранскому обряду дочери крестьянина Вольмара, женатаго на православной. Изъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что до 19 марта 1865 года въ Остзейскомъ краѣ строго примѣнялась 67 ст. т. X, ч. I законовъ гражданскихъ объ отобраніи у вступающихъ въ смѣшанный бракъ подписки о непремѣнномъ крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православной вѣрѣ. Затѣмъ Императоръ Александръ II повелѣлъ не требовать такихъ подписокъ отъ брачущихся, предоставивъ имъ свободный выборъ вѣроисповѣданія для дѣтей. Но 8 августа 1885 года правило объ отобраніи подписки было возстановлено во всей силѣ. Однако и въ предшествующій періодъ нѣкоторые православные священники при совершеніи смѣшанныхъ браковъ продолжали отбирать такія недѣйствительныя подписки, и, когда Вольмаръ, давши такую подписку, не сознавая ея недѣйствительности,— принесъ впослѣдствіи свою дочь пастору Лютеру, и тотъ ее окрестилъ по лютеранскому обряду, то послѣдняго привлекли къ отвѣтственности по 193 ст. Само собою разумѣется, что Сенатъ отмѣнилъ этотъ приговоръ.

Въ 1900 году на разсмотрѣніе Сената поступило дѣло по обвиненію пастора Роберта Гольста въ томъ, что онъ допустилъ крестьянку Алиду Таухвальдъ къ причащенію и конфирмаціи по лютеранскому обряду, зная, что она происходитъ отъ православныхъ родителей и должна воспитываться въ православной вѣрѣ. Оказалось, что родители Алиды, принадлежавшіе къ «уклоняющимся», были въ 1894 году осуждены за то, что крестили дочь по лютеранскому обряду, при чемъ она была, по опредѣленію суда, у нихъ отобрана и отдана одному изъ родственниковъ, несомнѣнно не «уклоняющемуся», на воспитаніе въ духѣ православной вѣры. Воспитаніе это было, повидимому, не вполнѣ успѣшно, такъ какъ Алида, достигнувъ вполнѣ сознательнаго возраста, обратилась къ пастору Гольсту съ просьбой конфирмовать ее и причастить. Послѣдній, имѣя въ виду, что Алида *по метрическому свидѣтельству* значится лютеранкой, исполнилъ ея желаніе. Сенатъ отмѣнилъ обвинительный по ст. 193 и 194[1] приговоръ Палаты, найдя совершенно основательно, что за отсутствіемъ присоединенія Алиды установленнымъ порядкомъ къ

православію, она не можетъ считаться не принадлежащей ни къ какому вѣроисповѣданію, и что отдача родственнику для религіознаго воспитанія еще не составляетъ причисленія ея къ православной паствѣ, почему пасторъ Гольстъ имѣлъ основаніе считать ее лютеранкой и допустить къ причастію.

Я очертилъ въ моихъ воспоминаніяхъ уніатскія, пасторскія и штундистскія дѣла постольку, поскольку мнѣ приходилось принимать въ нихъ участіе. Конечно, мой разсказъ представляетъ лишь уголокъ общей большой картины. Но по нему, однако, можно судить о ея содержаніи и о характерѣ нашей вѣроисповѣдной политики до начала 1905 года на нашей западной и прибалтійской окраинахъ. Съ одной стороны дѣятельно выступала духовная власть, водворяющая и укрѣпляющая господство церкви не столько путемъ примѣра, поученія и подъема народной нравственности и религіознаго сознанія, сколько путемъ административныхъ взысканій и судебныхъ приговоровъ, предпочитающая духовному вразумленію — вразумленіе полицейское, — а съ другой стороны существовала пестрая масса «упорствующихъ», «уклоняющихся» и «колеблющихся», поражаемыхъ въ своихъ гражданскихъ правахъ и стѣсняемыхъ въ чувствѣ преданности вѣрѣ отцовъ. Эта власть, считая согласнымъ со своимъ призваніемъ и достоинствомъ взывать къ полицейскому вмѣшательству, попускала явное попраніе свободы совѣсти для насильственнаго удержанія людей въ предѣлахъ своей компетенціи противъ ихъ воли и убѣжденія. Въ союзѣ съ нею и единомыслiи дѣйствовали мѣстные высшіе представители администраціи, возбуждая уголовныя преслѣдованія, относясь съ недовѣріемъ и осужденіемъ къ высшему изъ нормальныхъ судовъ въ Имперіи, когда онъ не удовлетворялъ ихъ намѣреніямъ, и побуждая законодательную власть къ изданію скороспѣлыхъ и исключительныхъ законовъ въ то время, когда самыя важныя потребности страны тщетно ждали себѣ законодательнаго отвѣта. Эти своеобразные бюрократическіе ученые, любящіе ссылаться на историческіе завѣты и примѣры, почерпали изъ исторіи одни

факты и не понимали ея философіи. Вводя въ заблужденіе Монарха ложными свѣдѣніями и утвержденіями, они считали въ своей близорукости главнымъ врагомъ мира и порядка — вѣротерпимость! Какой ребяческой недогадливостью звучитъ, напримѣръ, утвержденіе одного изъ нихъ, что пасторы являются *единственными* сѣятелями смуты въ краѣ, который черезъ нѣсколько лѣтъ, въ недавно пережитое нами время, сдѣлался ареной кровавыхъ потрясеній, одною изъ первыхъ жертвъ коихъ были именно пасторы. Наконецъ, какимъ недомысліемъ вѣетъ отъ тѣхъ ревнителей вѣры, которые предпочитали, чтобы значительная масса населенія оставалась въ христіанскомъ государствѣ безъ возможности осуществлять христіанскую религію потому, что люди, принадлежащіе къ этой массѣ, записаны «на приходъ» въ православіе, которому чужды и къ которому принадлежать не хотятъ, а душой стремятся къ лютеранству, къ которому принадлежать имъ запрещаютъ. Дай Богъ, чтобы обо всемъ этомъ можно было, въ самомъ скоромъ времени, сказать съ радостной увѣренностью: «Tempi passati»...

ЖИТЕЙСКІЯ ВСТРѢЧИ.

I.

Синьоръ Бѣляевъ.

Въ сентябрѣ 1873 года мнѣ пришлось впервые быть въ Неаполѣ, гдѣ я встрѣтился съ двумя сослуживцами по судебному вѣдомству, и мы вмѣстѣ совершили различныя экскурсіи по окрестностямъ. Однажды мы отправились на пароходѣ на островъ Капри. Несмотря на безоблачное, ярко-синее небо, такое же синее море довольно волновалось, такъ что было много больныхъ и въ томъ числѣ мои спутники. Я не былъ подверженъ морской болѣзни, но, чтобы не видѣть непріятнаго зрѣлища траги-комическихъ страданій другихъ, я, облокотившись на бортъ парохода, смотрѣлъ на воду.

— Мутитъ-съ? — услышалъ я возлѣ себя чей-то ласковый вопросъ и оглянулся. Передо мной стоялъ средняго роста сутуловатый человѣкъ въ сѣромъ, довольно поношенномъ костюмѣ и яркомъ галстукѣ. Гладко выбритый подбородокъ, сѣдыя бакенбарды котлеточками, курносый толстый носъ того типа, который напоминаетъ,—по выраженію одной моей казанской знакомой,—«скворешницу», сѣро-зеленоватые, добрые, хотя немного безпокойные, глазки, мягкая линія рта и вся его фигура съ несомнѣнностью обличали въ немъ русскаго.—Нѣтъ, не мутитъ!—На меня тоже это не дѣйствуетъ, т.-е. морская *болѣсть*. Я привычный тутъ ѣздить. Ужъ который разъ! И на парусахъ, бывало,

туда же плавалъ. Я, вѣдь, въ Неаполѣ живу. Можетъ быть, изволили видѣть на Санта Лючіи — возлѣ гостиницы Викторія— вывѣска:—Джузеппе Бѣляевъ. Это—я самый и есть! Кораллами торгую. И по винной части посредникомъ бываю. А вы, вѣдь, на Капри изволите ѣхать? — Да! — Одни или съ компаніей?—Съ товарищами. — Что же вы тамъ думаете дѣлать? — Какъ что? Посмотримъ лазоревый гротъ, а потомъ походимъ по острову, позавтракаемъ. — Такъ-съ! Это, значитъ, какъ англичане дѣлаютъ... Но, только, я вамъ доложу, что это самое не стоющее дѣло и нечего тамъ смотрѣть. Ну, гротъ, конечно, это другое дѣло... Съ непривычки оно интересно. Положатъ васъ на дно лодки съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, да и пропихнутъ въ гротъ... такъ первое время своимъ глазамъ не повѣрите! Но, только, потомъ пароходъ опять всѣхъ заберетъ и повезетъ васъ на другую сторону острова и пойдутъ всѣ ногами пыль разводить по набережной безъ всякаго интересу до самаго пароходнаго свистка. Вотъ тебѣ и все Капри!.. Надо со знающимъ человѣкомъ ѣхать, которому извѣстно, какъ и что... Вотъ, коли вамъ угодно съ товарищами, такъ я васъ свезу прямо съ парохода на самую верхушку острова, на развалины дворца Тиверія!.. Ужъ останетесь довольны! А покуда вы наверху будете, я, немножко пониже, въ остеріи, вамъ макароны приготовлю, да лакрима-кристи, и всего съ каждаго вамъ обойдется по десяти лиръ со всѣмъ, и съ ослами. Такъ угодно? Я, вѣдь, не изъ выгоды, а почему же хорошимъ русскимъ не услужить. Поговорите-ка съ вашими товарищами!

Конечно, мои спутники съ радостью согласились, и, когда послѣ посѣщенія удивительнаго голубого грота пароходъ причалилъ къ пристани, Бѣляевъ съ таинственнымъ видомъ сдѣлалъ намъ знакъ, чтобы мы не сходили съ парохода, а самъ втесался въ толпу на берегу и поднялъ шумный торгъ съ хозяевамиословъ, крича и жестикулируя, какъ совершенный итальянецъ, и ударяя «по рукамъ», какъ русскій. Затѣмъ, когда берегъ передъ пароходомъ почти опустѣлъ, онъ намъ торжественно крикнулъ: пожалуйте! готово!—и повелъ насъ къ ослам, при каждомъ изъ которыхъ находилось по очень некрасивой неаполитанкѣ, въ

какихъ-то грязныхъ сѣрыхъ кофтахъ и юбкахъ. Самъ же онъ взмостился на исхудалаго Россинанта, и мы двинулись съ чрезвычайнымъ шумомъ. Погонщицы били ословъ и что-то кричали: ослы ревѣли; при Россинантѣ тоже былъ погонщикъ, въ свою очередь покрикивавшій на погонщицъ, къ которымъ по дорогѣ присоединились еще двѣ, и все это покрывалось командою Бѣляева на русско-итальянскомъ діалектѣ, приправляемой русскими крѣпкими словцами. Per questa cosa tante ragazze?!—съ гнѣвомъ спрашивалъ онъ. Но «рагацци» ничего не отвѣчали, а только усиленно начинали кричать на несчастныхъ ословъ. Такъ, двигаясь очень скоро, мы миновали группы удивленныхъ англичанъ и быстро помчались въ гору. Саженяхъ въ пятидесяти ниже развалинъ находилась остерія или тратторія очень невзрачнаго вида съ одной большой комнатой, часть которой, вѣроятно для хозяйственныхъ надобностей, была отдѣлена грязной полосатой занавѣской, за которой слышалось шипѣнье плиты. Здѣсь Бѣляевъ насъ покинулъ, предложивъ однимъ отправляться на развалины и объявивъ, что будетъ самъ слѣдить за приготовленіемъ макаронъ. — И... — прибавилъ онъ многозначительно — приготовлю вамъ супризъ. По двѣ лишнихъ лиры вамъ ничего не составитъ, а довольны останетесь...

Когда, насладившись видомъ, мы вернулись въ тратторію, то на столъ было подано огромное блюдо макаронъ и очень вкусное вино.—А гдѣ же сюрпризъ?—спросилъ одинъ изъ насъ Бѣляева.—Супризъ?..—отвѣчалъ онъ, лукаво подмигивая:—вы вотъ покушайте и выпейте, тогда и супризъ лучше покажется.— Убѣдившись, что мы исполнили его совѣтъ, онъ торопливо отодвинулъ обѣденный столъ къ стѣнѣ, торжествующимъ взглядомъ окинулъ образовавшееся свободное пространство и хлопнулъ три раза въ ладоши. Изъ-за занавѣски вышли три изъ погонщицъ, которыя были помоложе, и лошадиный погонщикъ съ мандолиной въ рукѣ. Бѣляевъ взялъ въ руки бубенъ, и раздались звуки тарантеллы. Танецъ, сначала медлительный, сталъ потомъ какъ змѣя свиваться и развиваться все быстрѣе и быстрѣе. Некрасивыя лица танцующихъ преобразились. Въ глазахъ ихъ запылалъ огонь безумія и восторга. Платья стали разду-

ваться, и тяжелое, страстное дыханіе начало почти покрывать собою звуки инструментовъ. Я никогда ничего подобнаго себѣ не представлялъ. Это была не та балетная тарантелла, которую мнѣ приходилось видѣть на сценѣ и, вѣроятно, пришлось бы увидѣть, по особому заказу, въ самомъ Неаполѣ, исполненную профессіональными танцовщицами. Это была настоящая простонародная тарантелла безъ прикрасъ, но и безъ педантической размѣренности. Лицо Бѣляева пылало. Онъ весь подергивался, кричалъ по-русски: лихо! лихо! поддай жару!—и, наконецъ, бросился въ присядку среди бѣшено вертящихся женщинъ. Подобно крику пѣтуха въ «Danse macabre», раздался далеко внизу первый призывный свистокъ парохода, и «сюрпризъ» прекратился.

На другой день мы зашли въ магазинъ Бѣляева, гдѣ за прилавкомъ сидѣлъ его взрослый сынъ отъ жены-итальянки, не говорящій по-русски, и накупили разной дряни изъ коралловъ и лавы. Предъ нашимъ уходомъ пришелъ и самъ Бѣляевъ, на котораго, какъ я замѣтилъ тутъ же и затѣмъ впослѣдствіи, сынъ и жена — высокая красивая итальянка съ изсиня-черными волосами — смотрѣли то угрюмо, то со снисходительнымъ пренебреженіемъ. Довольный нашими закупками, онъ предложилъ намъ притти къ нему на другой день обѣдать, обѣщая угостить насъ русской ухой и пирогомъ.—А винцо ужъ будетъ на вашъ счетъ!—прибавилъ онъ.

Этотъ обѣдъ, приготовленный въ его оригинальной квартирѣ, — устроенной на плоской кровлѣ того шестиэтажнаго дома, гдѣ помѣщался магазинъ, съ чуднымъ видомъ на море и Везувій,—былъ весьма плохъ. Уха изъ морской рыбы и изъ frutti di mare представляла какую-то сѣрую, дурно пахнущую бурду, а тѣсто пирога вязло въ зубахъ и было совершенно безвкусно. Но вино, особливо Lacrima Cristi spumante, было превосходно, и нашъ амфитріонъ оказывалъ ему особенное, чтобы не сказать чрезмѣрное, вниманіе, несмотря на мрачные взгляды, бросаемые на него супругою, раза два проходившею черезъ комнату пиршества. Послѣ обѣда мы вышли на террасу покурить и полюбоваться чуднымъ вечеромъ. Хозяинъ впалъ въ благодушное

настроеніе и въ отвѣтъ на наши разспросы словоохотливо развязалъ языкъ и разсказалъ часть исторіи своей жизни, столь ярко рисующую и натуру русскаго человѣка, и наше крѣпостное право, что я запомнилъ его разсказъ почти дословно.

«Я, господа, — началъ онъ свое повѣствованіе, — былъ крѣпостнымъ князя К., — помѣщика Тульской губерніи, жившаго зимою въ обширномъ собственномъ домѣ, похожемъ на усадьбу, на Садовой улицѣ въ Москвѣ. Отецъ мой былъ старостой въ деревнѣ. Разъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, отъ барина пришелъ приказъ прислать меня на службу въ дворню, при обозѣ со всякой живностью, всегда высылаемой къ Рождеству. Батька съ маткой покручинились, снарядили мнѣ тулупъ, дали серебряный полтинникъ на дорогу, — матка повыла при прощаньи... и отправили меня съ обозомъ. Больше я ихъ не видѣлъ. Царство имъ небесное! Когда добрались до Москвы, меня свели въ баню, выстригли и показали барину. Баринъ меня осмотрѣли, назвали «Бѣляшкой» по прозвищу моего отца и приказали крѣпостному портному сшить мнѣ изъ желтаго верблюжьяго сукна казакинъ *съ пистонами* (т.-е. съ карманами для патроновъ) и съ запасомъ, чтобъ надолго хватило. Это значило, что я буду казачкомъ. Бывало, сидишь и дремлешь за дверями той комнаты, гдѣ сидятъ баринъ. Они хлопнутъ въ ладоши. Сейчасъ надо бѣжать подавать имъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, а длинной, сложенной въ трубочку, зажженной бумажкой давать имъ ее раскуривать. Случалось, коли не успѣешь этого скоро и какъ слѣдуетъ сдѣлать, такъ и подзатыльникъ получишь. Такъ прожилъ я года два, а затѣмъ отравилъ барскую любимую кошку...

—Какъ отравили? По неосторожности, случайно или нарочно?—

Э-э, да что вспоминать! Отравилъ, да и все тутъ! Мальчишка вѣдь еще былъ. Баринъ приказали меня высѣчь, а затѣмъ отдали въ ученье къ Яру, за Тверской заставой, въ знаменитый тогда трактиръ. Ужъ не знаю, есть ли онъ теперь? У Яра выучился я кушанья готовить, особенно пожарскія котлеты, которыя тогда очень въ моду пошли, а начала ихъ дѣлать жена станціоннаго смотрителя подъ Москвой. Барина же я за все это время не видалъ. Только разъ, какъ на грѣхъ, пріѣзжаютъ они ве-

черомъ съ пріятелями ужинать и потребовали этихъ самыхъ котлетъ. Остались очень, очень довольны, позвали Яра и стали ему свое удовольствіе выражать. А Яръ и говоритъ имъ: у насъ эти котлеты хорошо умѣетъ дѣлать вашъ крѣпостной Осипъ Бѣляевъ. Баринъ ничего не сказали, а только на другой день мнѣ приказъ: назадъ въ дворню! Хозяинъ поѣхалъ меня отпрашивать, но только баринъ и слышать ничего не хотѣли. Я,—говорятъ,—можетъ быть, какъ-нибудь пожарскихъ котлетъ захочу, такъ онъ у меня тутъ подъ руками будетъ. Дѣлать нечего, воля барская!.. Вернулся я въ дворню, нашли мой старый казакинъ, перешили на весь запасъ, да такого, совсѣмъ кургузаго, опредѣлили быть при кухнѣ. Ну, ужъ и принялъ я тутъ горя! Поваръ смотритъ на меня звѣремъ, ругается, никакого дѣла не даетъ, а только норовитъ всякую непріятность сдѣлать. «Ты, молъ, меня подсиживать пришелъ!» А за нимъ и дворня вся! Смѣются на меня, да дразнятъ. Не иначе зовутъ, какъ князь Пожарскій. Просто, хоть руки на себя налагай... Такъ прошло больше года, а баринъ объ котлетахъ ни разу и не вспомнили.

Только однажды иду я по двору, а баринъ зачѣмъ-то тоже вышли на дворъ, увидѣли меня, да и говорятъ: ты чего тутъ безъ дѣла шляешься?! На другой день и отдали меня обучаться мѣдно-котельному мастерству у нѣмца Карла Ивановича, на Кузнецкомъ Мосту. Тамъ я пробылъ четыре года и всему ихнему дѣлу научился, такъ что послѣ хозяина старшимъ мастеромъ сталъ и даже кое-что и въ кубышку себѣ отложилъ. А Карлъ Ивановичъ человѣкъ былъ хорошій, добрый. Я у него и понѣмецки говорить выучился. Дочка у него была — Каролиной звали — видная такая, какъ хлѣбъ разсыпчатая! Русая была... И коса — *ограмадная*! Полюбились мы другъ другу, а Карлъ Ивановичъ все посматриваетъ, да помалкиваетъ. Только разъ въ воскресенье пришелъ изъ ихней церкви, да и говоритъ мнѣ:— вотъ что, Осипъ, я ужъ старъ становлюсь, но вижу все, хоть и не говорю. А тебѣ откроюсь. Хочу я, любезный другъ, lieber Freund, новое дѣло начать: калетовскія свѣчи дѣлать (тогда эти свѣчи только что появились) и возьму я тебя своимъ компа-

ньономъ. А когда помру, ты дѣло дальше поведешь. Каролинхенъ тебѣ нравится... женись на ней и будь мнѣ вмѣсто сына! Мнѣ тогда и умереть будетъ спокойно...—Взяли эти слова меня за сердце, ударился я въ слезы и у Карла Ивановича руку поцѣловалъ. Только прошло недѣли двѣ,—стали мы это свѣчное дѣло обдумывать, какъ вдругъ отъ барина приказъ—явиться къ нему. Пошелъ я, а сердце, признаться, такъ и захолонуло. Баринъ меня къ ручкѣ допустили и говоритъ:—я, Бѣляшка, за границу ѣду на три года и нѣмецкой землей проѣзжать буду, такъ мнѣ толмачъ нуженъ. Вотъ ты и будешь при мнѣ толмачемъ и въ родѣ, какъ бы, камардиномъ, такъ собирайся въ путь.—Я упалъ ему въ ноги, сталъ молить меня оставить, говоря, что и по-нѣмецки плохо знаю. И на волю сталъ проситься.—Врешь,—говоритъ,—врешь! по-нѣмецки ты знаешь такое, что для меня нужно, а на волю—да ты съ ума что ли сошелъ?! Мнѣ въ тебѣ, канальѣ, надобность, а ты на волю проситься задумалъ. Я тебѣ такую волю покажу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Собирайся! Да, чтобъ я объ этомъ больше не слыхалъ... Пришелъ я домой, весь зеленый, руки и ноги трясутся, и разсказалъ все Карлу Ивановичу. Онъ на другой день пошелъ къ барину, просилъ, умолялъ. Три тысячи за меня ассигнаціями предлагалъ, за отпускную. Такъ куда тебѣ! Баринъ на него ногами затопали и прогнали. Простился я съ Каролиночкой, поплакали мы съ ней, и уѣхалъ я за границу. Что съ нею и съ Карлой Иванычемъ стало, мнѣ неизвѣстно, а только новое дѣло онъ врядъ ли завелъ, потому что я у него былъ примѣрно замѣсто правой руки.

Отправились мы за границу съ бариномъ въ *ограмадной* каретѣ, дормезомъ называется. Всякіе въ ней ящики понадѣланы и меньше, какъ четверкой, ѣхать невозможно, а сзади пристройка такая сдѣлана съ кожаной крышкой, для прислуги. Въ карету сѣли баринъ, да барышня, да гувернантка ихняя, Энжени-мамзель, француженка, а я сзади помѣстился. Отслужили молебенъ, да и поѣхали съ прохладцей, да съ ночевками на станціяхъ. Какъ пріѣхали въ нѣмецкія земли, такъ и сталъ баринъ надо мной мучительствовать. Бывало, нѣмецъ-кучеръ ѣдетъ себѣ мелкой рысцой—трюхи, да трюхи—а баринъ высунутся въ окно,

да кричатъ мнѣ: — Оська! Скажи ему, чтобъ ѣхалъ скорѣй! — А нѣмцу вѣдь, что говори, что нѣтъ. Онъ шагу не прибавитъ, даже не оглянется, да еще у *шламбама* (шлагбаумъ) остановится, да со сторожами разговаривать начнетъ. Только тѣмъ, бывало, и возьмешь, что ему пива поднесешь, да и самъ съ нимъ выпьешь. Онъ поскорѣй заберетъ возжи и кричитъ, чтобъ шламбамъ подняли, а шагу все-таки не прибавитъ. Пріѣдемъ, бывало, на станцію, а баринъ меня ругать:—Ты, молъ, съ ними разговаривать не умѣешь!—да и норовятъ, бывало, въ зубы дать. Долго ли, коротко ли—пріѣхали мы во Францію. Тутъ уже другой народъ пошелъ. Какъ-то разъ, баринъ, садясь въ карету, въ сердцахъ, за то, что я ему чѣмъ-то не потрафилъ, дали мнѣ въ ухо, а французы, что кругомъ стояли, стали роптать и смѣяться, пальцами на меня показывать. Просто со стыда сгорѣлъ! И пока мы ѣхали по Франціи, на меня совсѣмъ другимъ духомъ повѣяло, сталъ я смѣлѣе и этакую отвагу въ себѣ почувствовалъ. Только за послѣдней станціей передъ Парижемъ приказали баринъ остановиться у какого-то трактира и велѣли себѣ лимонной воды подать, а затѣмъ, когда уже надо было дальше ѣхать, и я влѣзъ на свою вышку, зачѣмъ-то потребовали меня внизъ, да и покажись имъ, что я не скоро слѣзъ на ихъ зовъ. Они меня ругнули, сбили съ головы картузъ и за волосы рукой ухватили. Тутъ ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось! Взялъ я его руку, отвелъ отъ своего лица, да и говорю: нѣтъ, ваше сіятельство! бранить—браните, а драться больше не извольте!—Баринъ посмотрѣли на меня, да и говорятъ: Оська, да ты съ ума, что ли, сошелъ?! Забылъ, кто я и кто ты!—Нѣтъ, говорю, не забылъ. А только драться вы прекратите, потому—*Парижъ виденъ*!.. Такъ съ тѣхъ поръ баринъ меня и не трогали.

Въ Парижѣ мы прожили больше года. Я и по-французски тамъ выучился. Баринъ денегъ не жалѣли, и я кое-что прикопить успѣлъ. А потомъ поѣхали въ Италію. Въ Марсели баринъ корабль зафрахтовалъ, чтобы въ Чивитта-Веккію ѣхать. Пришелъ день отъѣзда, подъѣхали мы въ дормезѣ къ пристани. Баринъ и говоритъ капитану.—Вы,—говорятъ,—мой дормезъ на палубу поставьте.—А капитанъ говоритъ:—у меня для этакой махины

мѣста нѣтъ, да и въ условіи объ этомъ не было сказано. Это, говоритъ, не экипажъ, а цѣлый *эдифисъ*. Вы, говоритъ, мнѣ съ нимъ и корабль потопить можете, въ случаѣ чего, Боже сохрани. И отказался везти. Тогда баринъ къ начальству обратились, суда просили. Ну, судъ дѣло разобралъ и велѣлъ капитану принять дормезъ на пароходъ. А какъ пріѣхали мы въ Чивитта-Веккію, тамъ «*догана*» и эти папежскіе чиновники такъ въ руку и смотрятъ. Прогнѣвали они чѣмъ-то нашего князя, онъ и сталъ на нихъ кричать.—А!—говорятъ они,—коли такъ, то по нашему *риголаменту* послѣ заката солнца никакого досмотра производить нельзя. У васъ тутъ въ каретѣ, да и на васъ самихъ можетъ какія воспрещенныя вещи спрятаны, такъ мы васъ завтра обыщемъ. А теперь извольте въ каретѣ остаться до утра. И слуга вашъ—тоже, а синьора и синьорина могутъ, коли угодно, въ городѣ переночевать. Баринъ еще пуще стали на нихъ кричать, грозить, что будутъ жаловаться, а они говорятъ: это какъ вамъ будетъ угодно, а мы свое *риголаменто* соблюдаемъ. Слугу, пожалуй, отпустимъ для ухода за дамами, а васъ попросимъ остаться. Затворили дверцы кареты, да тонкой веревкой три раза вокругъ кузова обмотали и печать приложили. Такъ баринъ до утра просидѣли. А я отвелъ Энжени-мамзель и барышню въ альберго, а когда къ ночи барышня заснули, такъ мы съ Энжени гулять пошли, только такъ, чтобъ баринъ не видѣлъ.

Въ Римѣ баринъ наняли квартиру на небольшой площади. На этой же площади помѣщалось и русское посольство, а посломъ былъ тогда, кажись, генералъ Киселевъ. Только тутъ ужъ баринъ совсѣмъ меня возненавидѣли. Ничѣмъ, бывало, не могу угодить. Драться не дерутся, а только ругаются скверными словами даже до невозможности. Голосъ у нихъ былъ громкій, какъ труба. Окна, бывало, открыты на площадь,—по всей площади и слышно, какъ они ругаются. Только разъ наругались они и ушли со двора, а изъ посольства приходитъ курьеръ, который меня уже зналъ, да и говоритъ: посланникъ васъ требуетъ къ себѣ. Прихожу я, а посланникъ — такой представительный былъ мужчина—и спрашиваетъ меня: кто это у васъ такъ скверно ругается на всю площадь?—Говорю: кому же у насъ

ругаться, кромѣ барина.—Кого же, спрашиваетъ, онъ ругаетъ?—Кого же, говорю ему, ругать кромѣ меня.—За что жъ онъ васъ ругаетъ?—Я говорю: не знаю за что, а только онъ у насъ ндравный. Всего недавно драться пересталъ... Я-то, признаться, зналъ, за что баринъ такъ ужъ на меня взъерепенился, да не сказалъ посланнику. Страмить его не хотѣлъ! А онъ, по правдѣ говорить, послѣ Чивитта-Веккіи возревновалъ меня къ Энженимамзель. — Что же, и были основанія? — спросилъ одинъ изъ насъ. Бѣляевъ снисходительно улыбнулся, замолчалъ и нѣсколько мгновеній глядѣлъ задумчиво вдаль, потомъ вздохнулъ и отвѣтилъ:—Э-эхъ, господа! Что было, то прошло, а только, какъ же, помилуйте! Я былъ человѣкъ молодой, что называется «въ соку», а она—извѣстно *француэина*. Его же два раза въ недѣлю іодомъ приходилось мазать... — и продолжалъ свой разсказъ. Вотъ посланникъ и говоритъ мнѣ: да чего вы съ нимъ связались? — Я ихній крѣпостной. — Здѣсь нѣтъ крѣпостныхъ, и если вы отъ него уйдете, то васъ здѣсь никто не тронетъ. — Куда же мнѣ дѣваться?—спрашиваю я.—Да можете здѣсь въ посольствѣ пробыть нѣсколько дней, а тамъ пріищете себѣ занятія.—Я повторять этого себѣ не заставилъ; пошелъ домой, собралъ свой чемоданчикъ, да и перешелъ въ посольство. На другой день баринъ, узнавъ про это наканунѣ вечеромъ, пришли къ посланнику объясняться. Что ужъ они промежду себя говорили — мнѣ неизвѣстно, а только баринъ вышелъ отъ него весь красный и никакихъ правъ больше на меня не предъявлялъ.

Такъ я и остался навсегда за границей. Тянуло меня во Францію. Переѣхалъ я въ Парижъ, гдѣ въ то время было много бѣглецовъ изъ Польши, сошелся съ однимъ полякомъ и открыли мы *эстаминетъ* около барьеръ де л'анферъ. Дѣла у насъ пошли хорошо, а особенно много бывало у насъ этихъ самыхъ эмигрантовъ, которымъ не только что польская, но даже и моя русская рѣчь была пріятнѣе, чѣмъ, многимъ совершенно незнакомая, французская. Такъ прошло еще года три. Я совсѣмъ оперился и имѣлъ капиталъ въ 7.000 франковъ; ходилъ съ тросточкой, при часахъ, — ну, словомъ, ни дать, ни взять — парижанинъ. Только, иду я разъ по улицѣ и прямо попадаю на барина, ко-

торый ѣдетъ въ фіакрѣ. Онъ меня узналъ, да и кричитъ: Бѣляша! Бѣляша! Ты ли это, другъ любезный? — Меня даже въ жаръ бросило отъ радости за такое его слово. Подошелъ я къ нему, шляпу снялъ, а онъ улыбается, да и говоритъ: кувре ву, мосье. Сталъ меня разспрашивать, что и какъ, да и говоритъ: приди-ка, Бѣляша, завтра ко мнѣ. Мы съ тобой по душѣ потолкуемъ. Я спросилъ о барышнѣ, а онъ и говоритъ: барышни ужъ нѣтъ: она въ Римѣ померла, и я ея тѣло отвезъ въ Россію, а потомъ уже сюда вернулся съ Энжени... Чай, помнишь? говоритъ—и на меня этакъ глазомъ коситъ. Перекрестился я, пожелалъ барышнѣ Царства небеснаго, и разстались мы. На другой день прихожу къ барину, постучалъ молоткомъ въ дверь — тогда не вездѣ звонки были, а молотки при дверяхъ висѣли — мнѣ и отворяетъ Галактіонычъ, старый буфетчикъ, котораго баринъ вмѣсто меня въ камардины взялъ. Впустилъ меня въ переднюю, а самъ пошелъ докладывать и — слышу — говоритъ барину: французъ какой-то пришелъ, васъ спрашиваетъ; прикажете принять, ваше сіятельство? А баринъ, слышу, отвѣчаютъ: знаю я, какой это французъ! Проси, проси. — Вотъ Галактіонычъ кивнулъ мнѣ головой на дверь барской комнаты, да и пошелъ за мной, неся большой серебряный подносъ съ кофіемъ. Вошли мы, и покуда онъ, держа подносъ, дверь за собой ногою затворялъ, баринъ встали, пошли мнѣ навстрѣчу, протягиваютъ руку и говорятъ: а-а, Бѣляша, другъ любезный! — Какъ увидалъ и услыхалъ это старикъ Галактіонычъ, такъ даже въ лицѣ весь измѣнился. Поставилъ подносъ съ размаху на столъ, махнулъ рукою, да и говоритъ: пропала барская честь! А потомъ заплакалъ и вышелъ вонъ.

Вотъ и приспособилъ меня баринъ къ себѣ. Требуетъ чуть не каждый день, даетъ разныя порученія. Туда сходи, то исправь, тамъ навѣдайся, купи, перемѣни! Я-то все это за его ласку съ дорогой душой дѣлалъ, а только дѣла свои по эстаминету (питейное заведеніе) очень запустилъ. Разъ какъ-то баринъ мнѣ и говорятъ: послушай, Бѣляша, ты вѣдь, вѣроятно, при деньгахъ, а я, повѣришь ли мнѣ, хлѣбъ на корню за два года впередъ продалъ. Имѣніе давно заложено въ опекунскомъ совѣтѣ и про-

центовъ вотъ уже сколько времени не платилъ: не изъ чего! Разорила меня въ конецъ Энжени, а теперь вотъ бросила на старости лѣтъ. День и ночь только и думаю, какъ бы домой вернуться, да около родителей, покойницы жены и дочки косточки свои въ родной землѣ сложить. Помоги ты мнѣ! Вѣришь ли: выѣхать изъ Парижа не съ чѣмъ, за дорогу заплатить не могу. У тебя есть деньги, говори?! — Грѣшный человѣкъ! Обманулъ я ихъ тогда... Прости мнѣ, Господи, мои прегрѣшенія! У меня было 7.000 франковъ, а я сказалъ, что у меня всего пять. — Принеси ихъ мнѣ, говоритъ князь. — Принесъ я, и они въ скорости собрались уѣзжать. Пошелъ я ихъ проводить въ контору почтовыхъ экипажей, сѣли они, поцѣловалъ я ихъ ручку, а они меня въ лобъ, да и говорятъ: не хорошо, Бѣляша, что ты отъ меня не по закону ушелъ и на родину вернуться не можешь. Довольно тебѣ бродяжничать... Не хорошо! Ну, да я тобой доволенъ и не къ тому это говорю, а хочу, чтобъ ты по закону жилъ. Вотъ тебѣ бумага, и будешь ты съ ней жить по закону. — Взялъ я бумагу, понялъ, что это — вольная (самъ-то я былъ неграмотный), слезы у меня такъ и полились. Какъ тронулась почтовая карета, такъ, повѣрите ли, я на колѣнки всталъ и то мѣсто, гдѣ колеса на землѣ стояли, поцѣловалъ. Кругомъ на меня смотрятъ: думаютъ сумасшедшій, а у меня на душѣ херувимы поютъ. Побѣжалъ я въ посольство, — тамъ у меня знакомый секретарёкъ былъ. Прямо къ нему. Что вы, говоритъ, Осипъ Васильевичъ, такой необыкновенный? Будешь, говорю, необыкновеннымъ, коли человѣкомъ своего отечества сталъ! Вотъ, говорю, извольте прочитать! А самъ даже отъ радости сидѣть не могу, все по комнатѣ бѣгаю. Прочиталъ онъ бумагу, да и говоритъ: что же это такое? — Какъ, говорю, что? Вольная! Отпускная!.. Онъ покачалъ головой, да и говоритъ: такая это вольная, Осипъ Васильевичъ, что когда вы съ нею на русскую границу пріѣдете, васъ въ желѣзо закуютъ, да барину, какъ бѣглаго, и предоставятъ по этапу. Вотъ онъ вамъ какую отпускную написалъ... И объяснилъ онъ мнѣ все, что тамъ было написано. Тошно мнѣ стало на душѣ, заплакалъ я снова, да ужъ по другому. Махнулъ рукой, да и разорвалъ бумагу въ мелкіе клочья...

А денежки мои такъ и пропали... — Зачѣмъ же вы ему ихъ давали, послѣ всего, что было?—опять спросили мы нашего собесѣдника. — Онъ посмотрѣлъ на насъ удивленно и поучительнымъ тономъ отвѣтилъ: да какъ же не дать? Вѣдь они же были наши барины. Съ тѣхъ поръ я окончательно остался на чужбинѣ. Товарищъ мой уже давно сталъ ссориться со мной за мои частыя отлучки по порученіямъ князя. А когда я ему сказалъ, что у меня осталось только 2.000 франковъ, то онъ все дѣло перевелъ на свое имя, а меня изъ него очень искусно вывинтилъ, ссылаясь на то, что хочетъ его расширить, и я ему по деньгамъ больше не компаньонъ. Разстались мы добромъ, но только послѣ всего этого стало мнѣ въ Парижѣ скучно, я и перебрался снова въ Италію. Здѣсь мнѣ спервоначалу очень не повезло, особливо въ Римѣ, и я все прожилъ, бросаясь отъ однихъ дѣловъ къ другимъ. Чѣмъ только я не былъ! И комиссіонеромъ, и въ маленькомъ театрѣ помощникомъ у завѣдывавшаго гардеробомъ, и чуть въ натурщики у художниковъ не попалъ. У министра графа Фальконе дѣтей обучалъ.—Чему же именно вы ихъ обучали?—коварно спросилъ одинъ изъ насъ.—Чему? чему?—окрысился Бѣляевъ:—извѣстно чему: *гулять ихъ водилъ*...

Перебрался я сюда въ Неаполь. Сталъ меня консулъ рекомендовать пріѣзжимъ русскимъ, и вотъ здѣсь-то я удостоился видѣть Государя Императора Николая Павловича. Онъ пріѣхалъ въ срединѣ 40-хъ годовъ въ своихъ экипажахъ съ большой свитой. Король его встрѣтилъ у крыльца Палаццо Реале и колѣно предъ нимъ, говорятъ, хотѣлъ преклонить. Что за красавецъ былъ! Экипажи его, однако, дорогой побились и пообтрепались. Надо было ихъ исправить и подновить. Своихъ мастеровъ съ нимъ для этого было мало. Вотъ и наняли итальянцевъ — маляровъ и кузнецовъ — и пошли у нихъ съ русскими ссоры. Извѣстно, другъ друга не понимаютъ! Наши-то привыкли командовать... Ну, а у здѣшнихъ подлецовъ чуть-что—сейчасъ за ножи, сейчасъ кольтеллата (coltellata). Вотъ консулъ меня и рекомендовалъ среди нихъ въ переводчики. Дѣло пошло ладнѣе. Разъ какъ-то работаютъ мои ребята, и вдругъ русскіе говорятъ промежъ себя: государь, государь сюда идетъ. Смотрю—и точно! У меня даже

въ глазахъ потемнѣло. Спрятался я за кузовъ одной кареты и стою ни живъ, ни мертвъ, а онъ подошелъ къ русскимъ и говоритъ: ну что, ребята? Не ссоритесь съ итальянцами?—Никакъ нѣтъ, Ваше Величество.—А какъ вы съ ними объясняетесь?—У насъ, Ваше Величество, есть русскій переводчикъ здѣшній.—Гдѣ же онъ?—спрашиваетъ государь. Тѣ меня и зовутъ:—Бѣляевъ, Бѣляевъ! Государь Императоръ тебя спрашиваетъ.—Вышелъ я изъ-за кареты, сталъ, а земля изъ-подъ ногъ такъ и уходитъ, такъ и уходитъ... Николай Павловичъ пошелъ прямо на меня. Подошелъ совсѣмъ близко, взглянулъ мнѣ въ глаза грозно, да и спрашиваетъ: ты эмигрантъ? политическій?—Никакъ нѣтъ, отвѣчаю, Ваше Императорское Величество, я—русскій, бѣглый, дворовый князя К... Онъ на меня посмотрѣлъ еще разъ пристально, да и говоритъ: такъ вотъ ты кто! Ну, продолжай себѣ переводить!—Повернулся и ушелъ. Всѣ меня стали поздравлять, а ужъ съ чѣмъ, право не знаю. Голова у меня была какъ въ туманѣ, и я даже, повѣрите ли, заболѣлъ отъ потрясенія. Съ тѣхъ поръ дѣла мои пошли хорошо, особливо, когда стали наѣзжать въ Неаполь покойная супруга Николая Павловича, Императрица Александра Ѳедоровна. Тутъ ужъ я завсегда при ея дворѣ ютился, и дѣла было много, да и выгода была;—ужъ не говоря о царицѣ, а и баре русскіе тогдашніе за цѣной не стояли, не то что теперешніе, у которыхъ на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ; только слава одна, что русскіе!—Какихъ тутъ порученій мнѣ не приходилось исполнять! Какихъ людей не насмотрѣлся... Хоть бы вотъ старушка раскольница, что въ своей телѣжкѣ, на своей лошади изъ Россіи къ батюшкѣ Николаю Чудотворцу въ Бари приплелась! Изволите это вы себѣ представить?! И вѣдь не говорила ни по-каковски, окромя какъ по-русски!—А то еще былъ присланъ въ Бари архимандритъ отъ Синода,—мощи осмотрѣть и все прочее, потому что наше правительство одно время хотѣло эти мощи купить и въ Россію перевезти. Меня и назначили съ нимъ ѣхать. Королевское правительство распорядилось всѣмъ префектамъ и другимъ начальствамъ предписать, чтобы русскому архимандриту всякій почетъ оказывали. Святой это человѣкъ былъ! Ѣдемъ мы съ нимъ въ ка-

ретѣ, а въ ногахъ у него мѣшокъ съ деньгами на расходы и деньги-то все крупныя... *Скуди* они тогда назывались. А въ окна такъ и лѣзутъ съ протянутыми руками нищіе: синьоръ, синьоръ, уна пикола монета, соно векіо, соно амалато! Онъ и говоритъ: дай ему монету.—Да у насъ мелкихъ нѣтъ,—говорю.—Ну, дай крупную!—Ваше высокое преосвященство,—говорю я,—да вѣдь это народъ такой, что каждаго изъ нихъ купить, продать и снова купить, такъ онъ такой монеты не стоитъ. Вѣдь, этакъ вы всѣ деньги раздадите.—А онъ мнѣ въ отвѣтъ: да ты христіанинъ или нѣтъ? Православный ли ты человѣкъ? Крестъ-то на тебѣ есть? Ты птицъ небесныхъ видалъ? Вѣдь не жнутъ, не сѣютъ, а кто ихъ кормитъ! Дай ему крупную монету!.. Просто, бывало, злость беретъ.—Пріѣхали мы въ первый городъ по дорогѣ. Тамъ, въ префектурѣ, обѣдъ готовъ чудесный съ винами и ночлегъ. Кровати широчайшія и одѣяла атласныя. Онъ какъ взглянулъ на все это, да и говоритъ мнѣ: это что еще?! я по такому святому дѣлу ѣду, а тутъ такой соблазнъ, сущее дьявольское наваждѣніе! Нѣтъ, ты, Осипъ Васильевичъ, оставайся, коли тебѣ все это лакомо, а я пойду назадъ въ карету и, коли нельзя сейчасъ дальше ѣхать, такъ и ночь тамъ просижу. А ты, голубчикъ, раздобудь мнѣ вареной картошки, да сольцы щепотки двѣ. Я пожую, да и буду славить моего Господа... —Префектъ въ мундирѣ стоитъ, кланяется, проситъ. Ничего и слышать не хочетъ мой архимандритъ. Ну, что жъ, свелъ я его въ карету, досталъ ему картофелю, да и говорю: благословите потрапезовать! Иди, иди, говоритъ, чревоугодничай!—Ну, я пошелъ, все пріѣлъ, да подъ атласнымъ одѣяломъ и заснулъ, а на утро, какъ поѣхали дальше, онъ мнѣ и говоритъ: это все ты, окаянный, сластолюбія своего ради, мнѣ такія встрѣчи устраиваешь?—Помилуйте—говорю—ваше высокое преосвященство! Да вѣдь это отъ короля такое распоряженіе.—Что ты грѣшишь, что ты лжешь! станетъ такое лицо обо мнѣ, худомъ, думать! Это все ты! Покайся, говоритъ. — Да и началъ меня чуть не исповѣдывать. Ну, ужъ натерпѣлся я съ нимъ...»

— А не тянетъ васъ въ Россію?—спросили мы.—Какъ вамъ сказать? Прежде очень тянуло, а потомъ женился, дѣти пошли,

вотъ и обвыкъ здѣсь. Опять же и холодно въ Россіи. Тутъ, лѣтъ семь тому назадъ купецъ русскій пріѣзжалъ, хорошій человѣкъ. Мы съ нимъ мѣсяца два душа въ душу жили. Какъ уѣзжать, онъ и говоритъ: поѣдемъ со мной, Осипъ Васильевичъ. Я тебя на свой счетъ свезу и *риторно* тебѣ заплачу. По крайней мѣрѣ родную землю посмотришь. Я и соблазнился. Поѣхали мы зимой, доѣхали до Гардскаго озера, а оно, повѣрите ли, у одного берега замерзло. Такъ мнѣ это холодно показалось, да и раздумье меня взяло. Тамъ, думаю, что дальше, то больше холоднѣе станетъ. Вотъ я и отпросился домой. Нѣтъ, ужъ мнѣ здѣсь и дни свои скончать. Опять же и порядки русскіе мнѣ не нравятся. Помилуйте! На что же это похоже?! *Крѣпостныхъ* тамъ теперь нѣтъ. Это вовсе напрасно сдѣлано. Вотъ вамъ удивительно, что я это говорю, бывшій бѣглый дворовый, а я вамъ по совѣсти скажу: нельзя, чтобы господъ не было! Въ тѣ времена всякій бывалъ къ своему дѣлу опредѣленъ, а теперь что? — только слава, что свободный. А кто о немъ позаботится? Конечно, итальянцамъ этого не понять, да вѣдь они народъ непутевый. Вотъ хоть бы у насъ въ Неаполѣ. Пока былъ Бурбонъ, и порядокъ былъ и все, какъ слѣдуетъ, а теперь этому Виктору-Эммануилу одна слава, что король, да усы огромадные, а я бы за него десяти чентезимовъ не далъ. Тоже, король называется! Вотъ нашъ Николай Павловичъ такъ ужъ точно былъ король! Королямъ король!!.

Онъ вышелъ насъ провожать на улицу все въ томъ же настроеніи критическаго ко всему отношенія. Передъ домомъ стоялъ полицейскій въ своей треуголкѣ.—Тоже полиція называется!— презрительно воскликнулъ Бѣляевъ... Полицейскій привѣтливо кивнулъ ему головой. Бѣляевъ подошелъ къ нему, хлопнулъ его по плечу и ласково взялъ за длинную эспаньолку.—Volete andare in Russia? — И тотчасъ перевелъ это по-русски такими словами: хочешь въ Петербургъ, къ нашему Трепову поступить?—Полицейскій засмѣялся и въ свою очередь потрепалъ его по плечу, сказавъ добродушно: he! Signore Bella—buffone!— Эхъ, — ты, макаронщикъ! — воскликнулъ Бѣляевъ и обратился къ намъ, предлагая свои услуги при отправленіи нашемъ на желѣзную дорогу.—Вы ужъ не извольте безпокоиться,—сказалъ

онъ намъ. — Я пораньше приду и ваши bagagli сдамъ. — Мы заказали ему прислать въ Россію вина, — что онъ исполнилъ впослѣдствіи весьма добросовѣстно,—и на другой день предо мною въ послѣдній разъ промелькнула его добродушная русская физіономія съ маленькимъ оттѣнкомъ итальянскаго лукавства.

Тридцать четыре года прошло съ тѣхъ поръ... Вѣроятно, его уже нѣтъ въ живыхъ, но я считалъ нужнымъ записать свои о немъ воспоминанія, какъ о представителѣ отжившаго міра и безсознательномъ героѣ цѣлой крѣпостнической эпопеи.

II.

Остенде (1869—1873 гг.).

Нѣсколько живыхъ воспоминаній оставило во мнѣ пребываніе на морскихъ купаніяхъ въ Остенде въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда это мѣсто еще не поражало тою роскошью, которою, судя по описаніямъ и изображеніямъ, оно блистаетъ теперь. На великолѣпномъ пляжѣ возвышались всего двѣ постройки: обширный Cercle des bains съ концертнымъ заломъ и библіотекой и ресторанъ подъ названіемъ Cercle de Phare. Въ первое мое пребываніе, во второй половинѣ іюля 1869 года, русскихъ въ Остенде почти не было,— по крайней мѣрѣ, мой слухъ и взоръ не уловили, до самаго отъѣзда, въ пестрой и оживленной толпѣ ни родного звука, ни родного лица. Находясь, поэтому, въ полномъ одиночествѣ, я удѣлялъ довольно много времени чтенію въ читальномъ залѣ Cercle des bains, слѣдя по французскимъ газетамъ за послѣдними попытками Наполеона III-го укрѣпить свою власть среди все болѣе и болѣе развивавшейся оппозиціи, питаемой между прочимъ и остроумно-ядовитыми выходками Рошфора въ его маленькихъ, красненькихъ Lanternes.

Виновникъ этихъ ѣдкихъ литературно-политическихъ укусовъ бѣжалъ изъ Франціи, но и изъ-за границы продолжалъ, дразня и язвя своего врага, подтачивать и колебать его престолъ.

Однажды, когда я читалъ Figaro, ко мнѣ подошелъ высокій французъ съ блѣднымъ лицомъ, черными усами и бородкой и мелко курчавыми, густыми волосами, сбитыми, какъ шапка, въ одну сторону.—Après vous s'il vous plaît—сказалъ онъ мнѣ вѣжливо, приподнимая шляпу, и съ тѣхъ поръ это повторялось не разъ; такъ что иногда, если я оканчивалъ Figaro раньше его прихода, я клалъ газету въ какое-либо укромное мѣсто и, выйдя на морскую набережную, говорилъ моему французу при встрѣчѣ, гдѣ можно найти интересующій его номеръ. Однажды мы вышли вмѣстѣ изъ читальной комнаты на берегъ моря.—Vous êtes bien complaisant, M-r,—сказалъ онъ—vous n'êtes pas français—n'est-ce pas? Etes-vous américain, hollandais?—Je suis russe, M-r.—Ah! vous êtes russe! Votre patrie a un bel avenir! и онъ сталъ говорить обычныя банальныя и фальшивыя любезности, бывшія одно время сильно въ ходу у французовъ относительно русскихъ.—Voilà Rochefort qui fait la Lanterne!—кричали между тѣмъ уличные мальчишки, неистово стуча своими деревянными sabots по каменной набережной.—Voilà Rochefort qui fait la Lanterne.—Où est-il donc ce fameux Rochefort?—спросилъ я своего спутника.—C'est moi, Monsieur,—отвѣтилъ мнѣ онъ, весело улыбаясь.

Только наканунѣ отъѣзда въ Парижъ я, сидя за столикомъ въ антрактѣ музыкальнаго отдѣленія, неожиданно увидѣлъ за другимъ столикомъ, прямо предъ собою, господина, котораго мѣшковатый костюмъ, круглое лицо съ добродушной складкой губъ, голубые глаза, небрежная прическа бѣлокурыхъ волосъ и бороды и — главное — бѣлый картузъ форменнаго образца съ лакированнымъ козырькомъ — съ несомнѣнностью доказали мнѣ, что это соотечественникъ. По его скучающему взору, которымъ онъ лѣниво обводилъ присутствующихъ, и по зѣвкамъ, прикрываемымъ стыдливо ладонью руки, было видно, что онъ такъ же, какъ и я, одинокъ въ шумномъ фламандскомъ уголкѣ и, по горестному — въ своемъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи — русскому выраженію, «не знаетъ, какъ убить время». Мнѣ, однако, хотѣлось провѣрить мои догадки. Я прошелъ въ сосѣднюю salle de lecture и, принеся оттуда надѣтый на палку нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», сталъ читать его, повернувъ названіе къ

незнакомцу. Не прошло и пяти минутъ, какъ пухлая, покрытая рыжеватыми волосами рука безцеремонно отогнула заслонявшій меня листъ газеты, и мой незнакомецъ, широко улыбаясь, сказалъ мнѣ: «батюшка, да вы русскій! вотъ радость-то! Извините меня, что я такъ... Я просто ошалѣлъ отъ скуки: не съ кѣмъ слова перемолвить. Я по-французски швахъ, да и люди здѣсь все какіе-то накрахмаленные: на рыжей свиньѣ къ нимъ не подъѣдешь. Позвольте къ вамъ подсѣсть. Я вотъ, видите ли,—продолжалъ онъ, усаживаясь за мой столикъ,—служилъ въ военной службѣ, и есть у меня пріятель, сосѣдъ по имѣнію въ N уѣздѣ. Вышли мы оба въ отставку послѣ Крымской войны, да и попали въ мировые посредники. Участки у насъ сосѣдніе. И жить бы намъ да поживать, да пріятель мой, представьте себѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ жениться. А мы жили душа въ душу: то онъ у меня, то я у него. Жена у него, знаете, добрая, но только щеголиха большая, такъ его забрала въ руки, что и на-поди! Онъ вышелъ въ отставку, да и говоритъ мнѣ: «ну, гдѣ тебѣ одному своимъ хозяйствомъ жить! Переѣзжай къ намъ, мы тебя устроимъ, ты будешь у насъ, какъ родной, а жена тебѣ опуститься не дастъ: видишь, какъ меня подтянула». Вотъ я къ нимъ и переѣхалъ, и живемъ себѣ ничего, ладно. Только вздумали они за границу поѣхать, да и говорятъ мнѣ: «Что жъ тебѣ одному оставаться: вѣдь это никакъ невозможно. Поѣдемъ вмѣстѣ». Ну, я и радъ, потому что самъ-то никогда бы не собрался, а все-таки интересно, да еще знай я языки, такъ многому и поучиться можно. Пожили мы въ Берлинѣ, да въ Брюсселѣ и направились сюда, но только у спутницы нашей глаза на разныя покупки разбѣжались: она и застряла съ мужемъ въ Брюсселѣ; шьетъ себѣ платья да кружева покупаетъ. Чай, совсѣмъ мошну растрясла. А меня они просили поѣхать впередъ — квартиру присмотрѣть: не хочется жить въ гостиницѣ, а такъ, чтобы быть у себя. Однако, квартиры я не нашелъ: которыя есть — отъ моря далеко, да и рыбой въ нихъ во всѣхъ почему-то пахнетъ. Я вотъ и написалъ имъ обо всемъ, да и жду отвѣта, а самъ живу въ Ship-hôtel, тутъ неподалеку. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?— Я назвалъ себя.—А зачѣмъ вы за границей: лѣчиться или провѣ-

триться? — Лѣчиться и учиться. — Такъ. А не выпить ли намъ шипучаго? Я, право, такъ радъ, что встрѣтилъ русскаго: хоть душу отведешь.—Я отказался и спросилъ моего словоохотливаго собесѣдника о томъ, нравится ли ему Остенде.—Ну, еще бы,—отвѣтилъ онъ,—одно купанье чего стоитъ. Я, знаете, не тутъ, со всѣми купаюсь: скучно эти портки-то ихніе на себя натягивать,—а тамъ, подальше мѣсто есть, парадизомъ называется. Такъ просто выходить изъ воды не хочется. Сначала и холодновато, а потомъ какая благодать! Выйдешь, точно двадцать лѣтъ съ костей долой, а ѣсть такъ хочется, что хоть три табль-д'ота впору съѣсть. Особенно хорошо купаться по вечерамъ. Вчера пароходъ шелъ въ Англію, а на морѣ было тихо, такъ волны отъ него, мнѣ показалось, будто даже свѣтятся. Я все ихъ поджидалъ. Впрочемъ, и утромъ хорошо.—Но вѣдь вы разъ купаетесь, конечно? — Нѣтъ, два. — Да вѣдь это вредно. Морскія купанья нужно принимать умѣренно и въ водѣ оставаться не болѣе трехъ-четырехъ минутъ. А вы, пожалуй, остаетесь дольше?—Еще бы! Я, знаете, не выхожу, покуда весь даже не посинѣю. А что относительно одного раза, такъ это, повѣрьте, нѣмцы выдумали, потому что они цирлихъ-манирлихъ, и все у нихъ по часамъ, да по минутамъ разсчитано. Русскому человѣку это вовсе не подходитъ. Да я у себя въ деревнѣ въ жаркій день войду, бывало, въ рѣчку, возьму зонтикъ, да газету «Московскія Вѣдомости», на плоту разложу, зонтикомъ отъ солнца прикроюсь, да и стою въ водѣ, пока весь нумеръ не прочту. Вотъ это настоящее купанье, а не пустая возня, ради которой раздѣваться и одѣваться тоска возьметъ. — Я попробовалъ его убѣдить въ крайней опасности его отношенія къ морскимъ купаньямъ, но онъ упорно стоялъ на томъ, что все это нѣмцы выдумали, и что такъ какъ ему, вѣроятно, не придется второй разъ пріѣхать въ Остенде, то было бы странно, если бы онъ не накупался всласть. Мы прошлись по эстакадѣ, поговорили о родинѣ, связь съ которой такъ сильно чувствуется именно за границей, и разстались въ надвигавшемся ночномъ мракѣ.

Прошло недѣль шесть. Въ ясный и бодрящій сентябрьскій праздничный день я сидѣлъ на скамеечкѣ въ Елисейскихъ по-

ляхъ въ Парижѣ, а мимо рѣкою текла нарядная и оживленная толпа. Увлекаемые ею, прошли мимо меня, сопровождая даму, двое мужчинъ, при чемъ одинъ волочилъ ногу и шелъ, повидимому, съ нѣкоторымъ трудомъ. Миновавъ меня, онъ обернулся, пристально на меня посмотрѣлъ и что-то сказалъ своимъ спутникамъ, которые тоже посмотрѣли на меня и остановились. Онъ, постоявъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшимости, направился ко мнѣ, хромая и ковыляя, и, не безъ труда двигая перекосившимися губами, плохо повинующимся языкомъ сказалъ мнѣ: «А... а... в...в...ы... м... меня не...е узнаете?» и, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ, прибавилъ: «а въ Ост... тенде, помните?» Только тутъ изъ поблѣднѣвшаго и страдальческаго лица съ потухшими глазами на меня глянули добродушныя черты моего мимолетнаго знакомца. «Боже мой! — невольно воскликнулъ я: — что же это съ вами?» Легкая судорога пробѣжала по его лицу, глаза покраснѣли... «До...ку...п...и... ал...ся!» многозначительно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Онъ познакомилъ меня съ своими спутниками, а послѣдніе уговорили поѣхать съ ними въ St.-Cloud, гдѣ происходили, по случаю празднованія въ честь довольно сомнительнаго святого, изобрѣтеннаго ad hoc въ честь Наполеона III, народныя гулянья и различныя празднества. Въ St.-Cloud, куда мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ, насъ встрѣтили невообразимые для русскаго человѣка шумъ, гамъ и веселье. Блузники и степенные буржуа, солдаты, кормилицы, дѣти всѣхъ возрастовъ, иностранцы и самый разнообразный людъ толпились среди шатровъ, легкихъ построекъ и эстрадъ, устроенныхъ для всевозможныхъ развлеченій, среди вертящихся каруселей и всякаго рода кухонь, расположенныхъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ подъ громкими названіями готовились неприхотливыя кушанья изъ провизіи, въ происхожденіе которой не слѣдовало слишкомъ пристально вникать. Вся эта толпа, съ точки зрѣнія жителя страны, которая, по выраженію Шевченко, «благоденствуетъ—бо мовчитъ», просто безчинствовала: пѣла и свистала, перекидывалась громкими возгласами, хохотала и отъ стара до млада неустанно и почти непрерывно дудѣла въ особыя картонныя трубки, свернутыя на-

подобіе рупора, оклеенныя пестрой бумагой и нерѣдко украшенныя бумажными цвѣтами. Эти «mirlitons» были, повидимому, необходимой принадлежностью всякаго парижанина, посѣщавшаго la foire de St.-Cloud. Насмотрѣвшись на эти бьющія ключемъ жизнь и веселье, мы пообѣдали тутъ же въ маленькомъ ресторанчикѣ и отправились въ большой шатеръ, на которомъ было написано «Bal Markovsky». Здѣсь новая толпа зрителей насъ вскорѣ раздѣлила, и мы потеряли другъ друга. Общество иностранцевъ, съ плотоядной жадностью пожиравшихъ глазами рискованныя позы канканирующихъ дамъ и безстыдныя тѣлодвиженія мужчинъ (очевидно, приглашенныхъ спеціально, чтобы содѣйствовать great attraction), не надолго удерживало меня въ спертомъ воздухѣ якобы популярнаго бала, и я рѣшилъ уѣхать домой. Но осуществить это намѣреніе оказалось очень трудно.

Входъ на станцію желѣзной дороги былъ совершенно запруженъ толпою, а мѣста въ вагонахъ единственной тогда въ Парижѣ конно-желѣзной дороги брались съ бою. Приходилось или ждать до поздняго вечера, или участвовать въ этой свалкѣ, или, наконецъ, отправиться въ Парижъ пѣшкомъ. Я избралъ послѣднее и направился по безконечной каштановой аллеѣ. Въ ней, однако, оказался цѣлый рядъ своеобразныхъ экипажей съ двумя длинными параллельными скамьями подъ полотнянымъ навѣсомъ на желѣзныхъ стержняхъ, съ входною дверцею и тусклымъ фонарикомъ въ глубинѣ. Проѣздъ до Парижа стоилъ 80 сантимовъ. Эти «вегикулы» тоже быстро наполнялись ѣдущими домой, но въ одномъ изъ нихъ нашлось мѣсто и для меня. Составъ публики былъ самый разнообразный: два солдата, почтеннаго вида старикъ въ очкахъ, оказавшійся докторомъ, — нѣсколько буржуазныхъ паръ, толстая дама въ чепцѣ съ развѣвающимися лентами—«blanchisseuse en linge fin», какъ значилось на ея визитной карточкѣ, данной мнѣ при прощаніи,—нѣсколько молодыхъ людей (повидимому, студентовъ) съ молодыми дѣвицами, изъ которыхъ одна положила голову на плечо своего сосѣда и тотчасъ же заснула. Только-что мы двинулись въ путь, какъ большинство сидѣвшихъ вооружилось «мирлитонами» и начало въ нихъ усердно дудѣть, не исключая почтеннаго доктора и моей

сосѣдки въ чепцѣ. Это дудѣніе сливалось въ оглушительный хоръ, когда насъ обгонялъ чей-нибудь собственный экипажъ, въ особенности если въ немъ, горделиво развалясь, полулежала, выставивъ на показъ красивыя ботинки, какая-либо дама полусвѣта. Когда всѣ устали отъ этой какофоніи, докторъ, сидѣвшій противъ меня, обратился къ моей сосѣдкѣ съ вопросомъ: а что, если бы намъ спѣть? — Та многозначительно подняла брови и лаконически спросила: что? — Докторъ промурлыкалъ какой-то мотивъ, она кивнула головой, и оба они разбитыми голосами затянули какую-то пѣсенку. Всѣ пассажиры встрепенулись; спавшая гризетка раскрыла глаза. Припѣвъ къ пѣсенкѣ подхватили уже всѣ пассажиры нашего экипажа. Затѣмъ пѣсни слѣдовали одна за другой безъ перерыва, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и веселостью. Докторъ дирижировалъ рукою и въ особенно сильныхъ мѣстахъ топалъ ногою. Звуки подобнаго же пѣнія неслись и изъ другихъ, похожихъ на нашъ, экипажей. Наконецъ, наступила краткая пауза, и докторъ, сурово наморщивъ брови, обратился ко мнѣ: «Et vous, mon vieux (мнѣ было 23 года), pourquoi ne chantez-vous pas? — Je ne connais pas vos chansons, monsieur.—Vous êtes allemand?—Non, je suis russe.—Ah, messieurs! — вскричалъ онъ, — nous avons parmi nous un russe! Salut à la Russie! Ah, monsieur, votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça... seulement la Pologne, monsieur, la pauvre Pologne! (тогда были живы отголоски агитаціи, поднятой въ Западной Европѣ польскимъ возстаніемъ 1863 года). Enfin, basta cosi — chantons!» — и онъ запѣлъ снова. Но вотъ мы внезапно остановились. Кондукторъ открылъ дверцу, и въ ней показалась типичная фигура французскаго жандарма въ традиціонной треуголкѣ и съ эспаньолкой, которую тогда, по примѣру императора, многіе носили во Франціи. Оказалось, что мы были у въѣзда въ Парижъ и приходилось платить «октруа» за предметы, подлежавшіе таможенной оплатѣ. Почему это былъ жандармъ, а не агентъ таможни, — я не знаю. Вѣроятно, это объяснялось наплывомъ проѣзжихъ черезъ эту заставу.

«Avez-vous quelque chose à déclarer? — строго спросилъ блюститель порядка и, на отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ:—par-

tez!» Но едва мы двинулись, какъ та гризетка, которая вновь успѣла сладко заснуть на плечѣ у своего спутника, встрепенулась и закричала: arrêtez, arrêtez! Nous avons à déclarer! Произошло замѣшательство. Нашъ экипажъ былъ остановленъ, и въ раскрытыхъ дверцахъ снова появилась голова жандарма уже съ суровымъ на этотъ разъ выраженіемъ. — Eh bien, qu'est-ce que vous avez à déclarer? — грозно спросилъ онъ. Гризетка вскочила съ своего мѣста и, дѣлая почтительный реверансъ, сказала: nous avons nos mirlitons et notre gaîté.—Ah, sacre nom..!—закричалъ жандармъ, захлопывая дверцу, но губы его невольно распустились въ улыбку подъ густыми усами, а всѣ ѣхавшіе громко засмѣялись и зааплодировали. Подъ эти аплодисменты мы и въѣхали въ Парижъ. Но здѣсь всѣ притихли, начали обмѣниваться сообщеніями о предстоящей на завтра работѣ и, когда мы всѣ разошлись около Palais Royal, серьезная атмосфера трудового Парижа уже охватила большинство обладателей веселыхъ мирлитоновъ. И теперь, черезъ сорокъ два года, это заразительная веселость и умѣнье разумно пользоваться благами жизни съ особенною живостью вспоминаются мнѣ, на ряду съ нашимъ роднымъ, печально-добродушнымъ «до-о-ку-пал-ся»!..

Черезъ два года мнѣ опять пришлось быть въ томъ же Остенде. На этотъ разъ я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ. Двѣ изъ этихъ встрѣчъ мнѣ вспоминаются съ особою живостью... Одновременно со мною окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ добродушный обрусѣвшій толстякъ, слывшій между товарищами за человѣка весьма образованнаго и трудолюбиваго. Лично мы не были знакомы. Но въ Остенде, черезъ восемь лѣтъ по окончаніи курса, я снова увидѣлъ его оригинальное лицо, которое привлекло къ себѣ вниманіе тѣмъ, что одинъ его усъ былъ темнорыжаго цвѣта, а другой густо серебрился преждевременной сѣдиной. Мы познакомились и сошлись на почвѣ незабвенныхъ воспоминаній нашего студенчества. Узнавъ, что я не женатъ, онъ серьезно попенялъ мнѣ, что я лишаю себя высшаго счастья на землѣ, ссылаясь на свой

съ этой самой стороны!—Нѣтъ, мы ѣдемъ въ Остенде,—сказалъ онъ немного дрогнувшимъ голосомъ. — Pardon, madame,—обратился я къ сидѣвшей противъ меня дамѣ:—ayez la complaisance de dire où allons-nous? — Она удивленно на меня посмотрѣла и сказала: nous allons à Bruxelles, monsieur!—Поздравляю васъ!—иронически обратился я къ моему товарищу, но дальнѣйшее замерло у меня на устахъ при видѣ его внезапно поблѣднѣвшаго лица, растерянаго вида и выраженія испуга въ глазахъ.—То-есть, позвольте,—залепеталъ онъ.—Какъ же это?! Нельзя ли остановить поѣздъ? Вѣдь это ужасная ошибка! Я хочу выйти на первой же станціи! Нѣтъ, да вѣдь это совершенно невозможно! —Посмотрѣвъ въ расписаніе, я удостовѣрилъ его, что мы ѣдемъ въ экспрессѣ, который до Брюсселя останавливается только на одной станціи, всего на три минуты, при чемъ черезъ эту станцію встрѣчный поѣздъ проходитъ раньше насъ и что, поэтому, неминуемо надо ѣхать до Брюсселя.—Боже мой!—восклицалъ онъ: —что подумаетъ жена?! Вѣдь она придетъ насъ встрѣтить! Вѣдь какое ей безпокойство! Она и безъ того такъ неохотно меня отпустила!.. Она такой ангелъ! Это только для васъ она меня отпустила...—При предстоящей остановкѣ—сказалъ я—вы можете ей послать успокоительную телеграмму «j'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portants».—Да? Вы думаете?—нерѣшительно сказалъ онъ.—Да что же другое можно сдѣлать?! Набросайте-ка скорѣе телеграмму, чтобъ затѣмъ не терять времени.—Она не повѣритъ!—печально сказалъ онъ:—ужъ лучше пошлите телеграмму вы отъ себя!—Такъ и было сдѣлано съ прибавленіемъ просьбы о прощеніи нашей оплошности. До Брюсселя онъ хранилъ угрюмое молчаніе и лишь нервно поигрывалъ пальцами у себя на колѣнкѣ. Поэтому, когда поздно вечеромъ мы очутились въ уже засыпавшей бельгійской столицѣ, гдѣ намъ рѣшительно нечего было дѣлать, онъ безъ всякихъ возраженій, съ видомъ человѣка, покорившагося судьбѣ, принялъ мое предложеніе поѣхать еще дальше, въ Антверпенъ и, осмотрѣвъ его утромъ, къ семи часамъ вечера вернуться въ Остенде. Въ Антверпенъ мы прибыли позднею ночью и съ трудомъ отыскали себѣ въ старомодной гостиницѣ мрачную и холодную комнату съ двумя кроватями у противо-

положныхъ стѣнъ, очевидно предназначенную для случайныхъ путешественниковъ, довольствующихся,—какъ это тогда еще было въ обычаѣ и въ Германіи, — половиной комнаты исключительно для ночлега. Утомленный путешествіемъ, я сталъ быстро засыпать подъ вздохи и кряхтѣнье моего спутника. Но заснуть мнѣ удалось нескоро.—Вы спите?—спросилъ онъ меня.—Нѣтъ, а что?—Нѣтъ, я такъ!.. — Черезъ двѣ минуты тотъ же вопросъ повторился. — Нѣтъ, еще не сплю. Да что съ вами? вы здоровы? — Здоровъ, а такъ, что-то грустно.—Будемте грустить завтра, а теперь пора спать. — Вслѣдъ за этимъ я услышалъ звукъ босыхъ шаговъ, приближающихся къ моей постели; край моего тюфяка погнулся подъ тяжестью сѣвшаго человѣка, и въ слабомъ лунномъ полусвѣтѣ (мы забыли опустить штору) обрисовалась фигура самоувѣреннаго знатока поѣздовъ. — Ужъ не лунатикъ ли онъ! — подумалъ я. — Да что съ вами? Зачѣмъ вы не даете мнѣ заснуть? — Простите меня, *другъ мой*, — отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ.—Но мнѣ что-то такъ грустно, такъ грустно!.. Извините меня! Спите спокойно! — и босые шаги удалились. Я уже началъ сладко погружаться въ какую-то бездонную, но пріятную пропасть, какъ былъ снова вызванъ къ реальной жизни громкимъ вопросомъ съ другого конца комнаты: — испытали ли вы когда-нибудь истерику? — Въ то время истерика еще считалась болѣзненнымъ припадкомъ, свойственнымъ только женщинамъ. Поэтому, отвѣтивъ въ этомъ смыслѣ вопрошавшему, я, въ свою очередь, спросилъ, развѣ у него была когда-нибудь истерика.—Нѣтъ, никогда,—отвѣтилъ онъ рѣшительно: — развѣ это возможно? — Такъ какъ же вы ее могли испытать? — Наступило долгое молчаніе, затѣмъ тяжелый вздохъ... — У жены, — сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ. — У ангела? — У него!.. знаете, это ужасно!.. Вновь настало молчаніе, и я заснулъ. Утромъ онъ всталъ, какъ встрепанный, шутилъ и смѣялся, хотя избѣгалъ встрѣчаться со мной глазами. Я снова послалъ его женѣ телеграмму, объясняющую наше опозданіе. Мы осмотрѣли музей, гавань, церкви и пообѣдали на открытой верандѣ маленькаго ресторана на городской площади. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, смѣшилъ

меня своими разсказами изъ области студенческихъ романическихъ похожденій и, несмотря на мои протесты, потребовалъ полбутылки шампанскаго, чтобы выпить за нашу встрѣчу и интересное путешествіе. Вчерашній упавшій духомъ супругъ былъ бы неузнаваемъ, если бы мнѣ не вспомнилась, глядя на него, русская поговорка: «семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ», и если бы его блуждающій по сторонамъ взоръ и слишкомъ громкій, безпричинный смѣхъ не имѣли въ себѣ оттѣнка того, что простой русскій человѣкъ характеризуетъ словомъ «отчаянность». Онъ даже предложилъ мнѣ остаться до слѣдующаго дня, чтобы пойти вмѣстѣ въ театръ, гдѣ давали «Фауста наизнанку», и только напоминаніе о необходимости послать *третью* телеграмму нѣсколько охладило его эстетическія стремленія. Въ теченіе обратнаго пути онъ былъ молчаливъ и бо́льшую часть времени дремалъ. Когда мы прибыли, наконецъ, въ Остенде, и надо было выходить изъ вагона, онъ сталъ усиленно искать что-то на сѣткѣ, хотя никакихъ вещей съ нами не было, и предоставилъ мнѣ, такимъ образомъ, выйти первому, слѣдуя за мной и какъ бы прячась за меня. Первое, что я увидѣлъ на перронѣ, были небесно-голубые глаза, горѣвшіе гнѣвнымъ огнемъ. Я почтительно снялъ шляпу, но «ангелъ» растянулъ свои сложенныя въ сердечко алыя губы въ презрительную улыбку и, не отвѣчая на поклонъ, медленно смѣрилъ меня взоромъ съ головы до ногъ, затѣмъ сдѣлалъ два быстрыхъ шага по направленію къ мужу, энергически взялъ его за руку выше кисти и молча увелъ за собой.

Прошло шесть лѣтъ. Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я встрѣтилъ на Арбатской площади моего остендскаго пріятеля ѣдущимъ на извозчикѣ. Увидѣвъ меня, онъ приказалъ остановиться и съ неподдѣльной радостью привѣтствовалъ меня, чему, повидимому, не помѣшало и то, что, въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника одного изъ московскихъ изданій, онъ не упускалъ случая, по заказу редакціи, порицать вредное направленіе тогдашняго предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда, каковымъ былъ я.

—Какъ я радъ! Какъ я радъ!—восклицалъ онъ, пожимая мнѣ руки. — Пожалуйста, посѣтите меня! Пообѣдаемъ вмѣстѣ, вспомнимъ старину! Я васъ познакомлю съ моей женой. Она—пре-

милая женщина.—Едва ли я успѣю побывать у васъ, хотя вспомнить старину, въ виду кое-чего современнаго, конечно, было бы пріятнѣй. Супругѣ же вашей—вы очевидно забыли—я уже былъ представленъ въ Остенде. Она, конечно, такой же, въ вашихъ глазахъ, ангелъ, какъ и была?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ почти радостно.—*Та* уже давно умерла! Я теперь женатъ на другой!

На этомъ мы и разстались навсегда съ неисправимымъ рецидивистомъ семейнаго счастья.

Въ томъ же году, въ Остенде, мнѣ пришлось нѣсколько разъ обѣдать съ большимъ знатокомъ и любителемъ драматической литературы, обладавшимъ драгоцѣнными воспоминаніями о лучшихъ страницахъ въ исторіи русской сцены. Слушать его тонкіе критическіе отзывы составляло истинное наслажденіе. Однажды, къ нашему обѣденному столику подошелъ сухощавый господинъ съ острыми чертами лица, длинными усами, которые онъ нервно покручивалъ, и непривѣтливымъ взоромъ безпокойныхъ глазъ. Манера держать себя и носить штатское платье обличала въ немъ человѣка, привыкшаго къ военному мундиру. Это былъ отставной губернаторъ одной изъ великороссійскихъ губерній, прославившійся тѣмъ, что при объѣздѣ губерніи благосклонно принималъ единодушно выражаемыя волостными обществами, чрезъ свое начальство, чувства преданности и трогательнаго уваженія. Вещественнымъ знакомъ этихъ чувствъ служила хлѣбъ-соль на дорогихъ блюдахъ, при чемъ, какъ говорили злые языки, «благодарные поселяне» въ избраніи этихъ знаковъ были въ значительной степени облегчены распоряженіемъ уѣзднаго начальства, въ свою очередь не оставленнаго указаніями изъ губернаторской канцеляріи.

Генералъ будировалъ правительство, не умѣвшее оцѣнить этой теплоты чувствъ, выраженныхъ въ іерархическомъ порядкѣ сверху внизъ и снова возвращающихся къ своему первоначальному источнику. Лишенный —къ сожалѣнію, лишь на нѣкоторое время—широкой дѣятельности, отставной администраторъ искалъ

исцѣленія отъ служебныхъ утомленій въ морскихъ волнахъ и заявлялъ, что всецѣло отдался высшему управленію своихъ обширныхъ помѣстій, показывая, съ напускною небрежностью, длинныя и регулярныя донесенія своего главноуправляющаго, написанныя по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства на большихъ бланкахъ, въ углу которыхъ стояло: «Управленіе вотчинами Его Превосходительства NN».

Въ разговорѣ со мною — простымъ смертнымъ — онъ выказалъ изысканную любезность, а на другой день я нашелъ у себя его карточку. Пришлось отдавать визитъ. Подходя по коридору къ указанному мнѣ номеру въ гостиницѣ, я услышалъ за неплотно притворенными (вѣроятно, по забывчивости) дверями звуки площадной русской брани, произносимой захлебывающимся отъ озлобленія голосомъ. Очевидно, что за дверями съ кѣмъ-то происходила словесная расправа. Я остановился въ недоумѣніи. Возвращаться назадъ и оставить карточку у швейцара было неудобно, такъ какъ онъ мнѣ категорически объявилъ, что monsieur le général дома. Пришлось, поэтому, постучать въ дверь, и предо мною предсталъ мой новый случайный знакомый, въ довольно безпорядочномъ домашнемъ туалетѣ, съ искаженнымъ раздраженіемъ лицомъ. — «Не помѣшалъ ли я вамъ? Вы, кажется, съ кѣмъ-то бесѣдовали. — Нѣтъ-съ, я одинъ! У меня никого нѣтъ, а только вы слышали, вѣроятно, какъ я ругался. Покорнѣйше прошу садиться. Извините, что вы застаете у меня такой безпорядокъ, да и меня въ такомъ видѣ. Я, видите ли, укладываюсь. Это такая тоска и такъ утомительно, да и не привыкъ я къ этому совсѣмъ. Просто всю поясницу разломило! Того и смотри, что-нибудь забудешь или засунешь такъ, что потомъ, когда нужно, не найдешь. А мнѣ сердиться вредно: у меня печень больная. И вѣдь что меня раздражаетъ, такъ это то, что я самъ себѣ создалъ такое положеніе по довѣрчивости къ людямъ! Надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ и гнѣвно раздавливая въ пепельницѣ недокуренную папироску,—надо вамъ сказать, что у меня въ корпусѣ былъ товарищъ; на одной скамьѣ съ нимъ сидѣли, пріятелями были. Учился онъ плохо и выпущенъ былъ соотвѣт-

ственно. Но комикъ былъ большой, умѣлъ все такъ разсказывать, что мы, бывало, со смѣху катаемся. Ну, конечно, дороги наши разошлись. Я, какъ вы знаете, генералъ-лейтенантъ и оставилъ губернаторскій постъ, потому что не желаю подчиняться разнымъ фантазіямъ нашего нелѣпаго правительства. А онъ служилъ себѣ въ глухой провинціи въ армейскомъ полку,—женился на какой-то захолустной барышнѣ и былъ подъ конецъ службы полковымъ казначеемъ. Заболѣла у него жена чахоткой, повезъ онъ ее за границу, лѣчилъ, гдѣ возможно, дѣлалъ займы для этого. Она тянула довольно долго, но все-таки умерла. Онъ, какъ говоритъ, очень ее любилъ, былъ въ отчаяніи послѣ ея смерти, службу запустилъ, да и недочетъ кой-какой оказался во ввѣренныхъ суммахъ. Это все онъ на жену потратилъ, все надѣялся ее спасти. Товарищи помогли, недоимку пополнили, но службу все-таки пришлось оставить. Прослонялся онъ безъ дѣла, проѣлъ все, что могъ, и просто—извините за выраженіе—безъ штановъ остался. Пишетъ мнѣ, проситъ помощи или занятій. Ну, я, доложу вамъ, знаете, на личную помощь не податливъ и дѣлать эти безполезныя подачки не въ моихъ правилахъ. Но новый человѣкъ по письменной части въ моемъ хозяйственномъ дѣлѣ былъ мнѣ не лишній, тѣмъ больше, что, какъ-никакъ, а свой человѣкъ — товарищъ по воспитанію. Я его вызвалъ и говорю ему: коли хочешь, живи у меня на всемъ готовомъ, будешь исполнять мои порученія, да и компанію мнѣ составишь, развлечешь своей бесѣдой. А онъ — надо вамъ сказать — несмотря на все, остался такимъ же комикомъ. Иногда начнетъ что-нибудь разсказывать, да въ лицахъ изображать—мертваго разсмѣшить способенъ! Такая живучая натура! Ну, и ничего,—я былъ имъ доволенъ. Только, въ нынѣшнемъ году собрался я за границу, да и говорю ему: поѣдемъ-ка со мною; безъ меня тебѣ дѣлать нечего, а въ дорогѣ ты мнѣ будешь нуженъ — на желѣзной дорогѣ распорядиться, багажъ сдать, уложить и разложить вещи, за покупками сходить. Да и развлечешь меня, когда очень печень себя дастъ знать... У меня, знаете, такія бываютъ мрачныя настроенія... Все отъ печени!.. Поѣхали мы. Очень мнѣ съ нимъ было удобно и даже полезно для здоровья. Только пріѣхали

мы изъ Карлсбада во Франкфуртъ. Рано ли я кончилъ воды пить или это естественное ихъ дѣйствіе, только стало у меня расположеніе духа очень тяжелое, а онъ, словно нарочно, ходитъ, какъ въ воду опущенный, молчитъ, часто отлучается неизвѣстно куда, на вопросы отвѣчаетъ неохотно, буркнетъ что-нибудь, да и замолчитъ. Только потерпѣлъ я, потерпѣлъ, да и надоѣло мнѣ переносить эту его меланхолію. Какъ-то разъ — нездоровилось мнѣ — я и говорю ему: столько ты новаго видишь и встрѣчаешь, разскажи-ка позабавнѣе объ этомъ. Видишь, у меня снова желчь разыгрывается! — Я, говоритъ, теперь ничего разсказывать не могу и забавлять тебя не стану. — Ну, братецъ, — отвѣчаю: — дружба — дружбой, а служба — службой! Путешествуешь ты на мой счетъ, ѣшь, пьешь и никакихъ расходовъ не имѣешь, такъ ты долженъ понимать, что я тебя взялъ не для того, чтобы смотрѣть, какъ ты кислую рожу строишь! — И сказалъ ему я это мягко такъ, по-товарищески, только чтобы дать понять ему его обязанности. А онъ, вдругъ, точно белены объѣлся! Покраснѣлъ весь, задрожалъ даже, голосъ возвысилъ, да и кричитъ запальчиво: — здѣсь, говоритъ, въ двухъ шагахъ, въ Соденѣ, моя страдалица скончалась, тутъ я ей глаза закрылъ, а ты отъ меня веселыхъ анекдотовъ требуешь! Не стану ихъ разсказывать! Довольно съ меня! — Я ему замѣтилъ, чтобы онъ не забывался и не возвышалъ голоса, когда съ нимъ говорятъ спокойно, а помнилъ, для чего взятъ вообще, а за границу въ особенности. Но онъ такъ расхорохорился, что самъ плачетъ, а рукой по столу стучитъ и говоритъ: не хочу больше на побѣгушкахъ у тебя быть!.. — Я этихъ штукъ не люблю, но постарался овладѣть собою — вѣдь это хоть кого взбѣситъ — да и говорю ему: ты, любезный, не забывай, что вѣдь въ такомъ случаѣ ты и ненужнымъ можешь оказаться! — А онъ еще пуще кричитъ: и окажусь! и окажусь! я самъ не хочу съ тобою ѣхать дальше и возвращаюсь въ Россію. — Я улыбнулся на эту похвальбу, да и говорю, шутя, чтобы его образумить: а на какія это средства вы изволите отправиться въ Россію? — Пѣшкомъ уйду! — кричитъ: — Христовымъ именемъ питаться стану, а отъ тебя гроша не возьму. Не желаю быть больше въ тягость! Прощай! — и ушелъ

въ свой номерокъ, хлопнувъ дверью. Ну, думаю, высится, — обойдется, пойметъ свое положеніе. Да и изъ Франкфурта пора намъ уѣзжать: всѣ эти сентиментальности и прекратятся. Что же вы думаете?! На другой день оказывается, что онъ уѣхалъ, не простившись и даже ничего не написавши! Вотъ мнѣ и приходится самому сундукъ укладывать! Сколько себя помню на службѣ — этого не дѣлалъ. Всегда денщикъ или лакей этимъ занимались... Всю поясницу разломило! Иной разъ и крѣпкое слово вырвется поневолѣ... Нѣтъ-съ! въ какое положеніе онъ меня поставилъ?! Мнѣ вѣдь еще въ Парижъ надо ѣхать! Вотъ вамъ и дѣлайте добро людямъ! Этакая скотина! Не правда ли?..»

III.

Въ дорогѣ.—Гимназическія воспоминанія.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей петербургскаго Окружного Суда, вынесенный ими 31 марта 1878 г. по дѣлу Вѣры Засуличъ, произвелъ на нервно настроенное — вслѣдствіе множества разнообразныхъ причинъ — общество чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и офиціальныхъ кругахъ цѣлую бурю негодованія на судъ и, конечно, на предсѣдателя по этому дѣлу. Когда эта буря зашумѣла вокругъ меня съ особенной силой, мною почувствовалась потребность уйти на время отъ тягостныхъ впечатлѣній петербургскаго служебнаго міра, чтобы хоть немного отдохнуть среди далекихъ друзей въ иной обстановкѣ,—и я рѣшился поѣхать въ Харьковъ, гдѣ протекли первые годы моей публичной судебной дѣятельности, и съ которымъ у меня былъ связанъ рядъ теплыхъ воспоминаній. Хотя со времени оставленія мною Харькова прошло восемь лѣтъ той кипучей личной жизни, которая окружаетъ человѣка въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ его существованія, но я зналъ, что Харьковъ меня еще помнитъ и любитъ, считая *своимъ*. Можно было быть увѣреннымъ, что тамъ я найду атмосферу симпатій, которая хоть на время заставитъ смягчиться душевную боль, вызванную во мнѣ предложеніемъ о выходѣ въ от-

ставку, предъявленнымъ несмѣняемому судьѣ за то, что онъ былъ слугою правосудія, въ условіяхъ, начертанныхъ Судебными Уставами, а не услужливымъ пособникомъ осуществленія предвзятыхъ рѣшеній, — вызванную также и беззастѣнчивымъ предательствомъ, которое меня окружило со всѣхъ сторонъ подъ вліяніемъ травли вліятельныхъ газетъ и предположеній, что я, въ служебномъ отношеніи, несомнѣнно «сломалъ себѣ шею». Я выѣхалъ въ пятницу на Страстной съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской дороги, получивъ въ вагонѣ II класса крайне неудобное мѣсто противъ стѣнки, что̀ мѣшало вытянуть ноги и среди ночи оказалось очень мучительнымъ, такъ какъ мѣсто рядомъ было занято какимъ-то грузнымъ господиномъ, усѣвшимся на двухъ третяхъ скамейки и прижавшимъ меня въ уголъ. Его нафабренные усы на морщинистомъ лицѣ, подкрашенные рѣдкіе волосы «съ височками» и тугой высокій галстукъ давали поводъ думать, что это, должно быть, отставной военный. Ко мнѣ онъ относился строго, задавъ мнѣ два или три лаконическихъ вопроса въ теченіе пути, тѣсня меня во время мучительной желѣзнодорожной ночи и говоря мнѣ, при попыткахъ моихъ перемѣнить положеніе, строго и внушительно: «м-м-молодой человѣкъ! в-в-вы меня толкаете». Но я былъ оглушенъ «шумомъ внутренней тревоги» и не обращалъ вниманія на его отношеніе ко мнѣ.

Утромъ, когда мы подъѣзжали къ Москвѣ, мой спутникъ досталъ изъ картонки цилиндръ, пригладилъ его, надѣлъ взамѣнъ старой фуражки и положилъ въ ротъ гвоздичку. Ея ароматъ очевидно смягчилъ его сердце. Онъ въ первый разъ благосклонно взглянулъ на меня и, двинувъ бровями по направленію къ окну, сказалъ многозначительно: Кунцево! — Нѣтъ — отвѣчалъ я — Останкино. — Вы это навѣрно знаете? — Да, навѣрно. — Вы хорошо знаете Москву? — Да, хорошо. — Учитесь тамъ? — Нѣтъ, кончилъ. — Служите? — Да, служу. — Въ самой Москвѣ? — Нѣтъ, въ Петербургѣ. — А—а! — протянулъ собесѣдникъ, взглянувъ на меня еще болѣе благосклонно: — въ Петербургѣ служба чистая, благородная. — Всякая есть! Какъ кто смотритъ! — А хорошій городъ! Я въ деревнѣ прожилъ 20 лѣтъ, выйдя въ отставку, а

теперь вотъ пробылъ два мѣсяца въ Петербургѣ. Много нашелъ новаго. Невскій-то какимъ сталъ! Прежде, бывало, за «вшивой биржей», противъ Троицкаго переулка, и смотрѣть было не на что; Николаевская, помнится, тогда еще Грязною называлась и была немощеная, — да вотъ и конки тоже... совсѣмъ новое дѣло! Интересный городъ! Богъ знаетъ, когда попаду опять. Хотѣлось всего насмотрѣться. Только вотъ въ судъ не могъ попасть, на дѣло Засуличъ. Слышали, вѣроятно? Билеты надо было у предсѣдателя получать, ну, а я съ нимъ незнакомъ. Да и гдѣ ужъ тамъ? Вѣроятно, желающихъ было безъ конца. А вы видѣли когонибудь, кто тамъ былъ?—Я былъ самъ на этомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ я, стараясь скрыть невольную улыбку.—И попали?—Попалъ.—Ну, и что же, я думаю, наканунѣ съ ночи пришлось притти сторожить себѣ мѣсто?—Нѣтъ, я пришелъ въ 11 часовъ.—Ну, такъ, я думаю, публики, какъ сельдей въ боченкѣ было? Ни дохни, ни повернись? — Я сидѣлъ не въ публикѣ, а по ту сторону судейскаго стола. — Эге, батюшка! Да у васъ, видно, дядя сенаторъ, что вамъ такое мѣсто устроилъ. Тутъ ужъ, я думаю, сиди какъ прикованный и вставать не моги: сейчасъ займутъ мѣсто! — Нѣтъ, моего мѣста — сказалъ я — никто бы въ этотъ день не занялъ, да и едва ли и пожелалъ бы занять...

Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня удивленно и высокомѣрно спросилъ меня: «любопытно знать, какое же это такое мѣсто у васъ было, молодой человѣкъ?» — Молодой человѣкъ, которому было уже 34 года, потупился и скромно сказалъ, что онъ—предсѣдатель петербургскаго Окружного Суда и, ведя процессъ, сидѣлъ на принадлежащемъ ему главномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ. — «Неправда! Не можетъ быть!» — воскликнулъ его собесѣдникъ. Но затѣмъ, должно быть, убѣдясь, что присвоивать себѣ званіе предсѣдателя петербургскаго суда едва ли кто станетъ, сразу перемѣнилъ тонъ, сдѣлался любезенъ до приторности, помогъ завязать ручной багажъ и сталъ усердно рекомендовать остановиться въ Москвѣ на какомъ-то подворьѣ. «Очень дешево, тихо — и клоповъ — прибавилъ онъ многозначительно — ни-ни-ни!»

На другой день, т. е. въ Пасхальное воскресенье, въ настоящее свѣтлое воскресенье по погодѣ, я выѣхалъ изъ Москвы, когда ликованью пробуждавшейся природы вторилъ несмолкаемый и радостный гулъ московскихъ колоколовъ. Меня провожалъ на станцію Курской желѣзной дороги мой покойный другъ — благородный, суетливый и несчастный Александръ Ивановичъ Барановскій, бывшій петербургскій столичный мировой судья. Поѣздъ былъ почти пустой. Кондукторы были подъ хмелькомъ, и въ купэ для некурящихъ I класса былъ лишь одинъ пассажиръ, съ которымъ Барановскій поздоровался, позабывъ мнѣ сказать, съ кѣмъ мнѣ приходится ѣхать. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ мягкими чертами задумчиваго и мыслящаго лица, въ золотыхъ очкахъ, сквозь которыя глядѣли добрымъ и вмѣстѣ серьезнымъ взглядомъ сѣрые глаза. Въ очертаніяхъ лица сквозилъ отдаленный татарскій типъ, но русая съ просѣдью густая борода придавала ему, вмѣстѣ съ мягкой складкой губъ, славянскій характеръ. Мы долго ѣхали молча, — онъ читалъ какую-то рукопись, а я погрузился въ чтеніе только-что вышедшаго II-го тома «Les origines de la France contemporaine» Тэна, не предчувствуя еще, что мнѣ, въ перелицовкѣ на русскіе нравы, придется пережить кое-что изъ этого, да пожалуй и изъ слѣдующихъ томовъ, замѣчательнаго труда Тэна. На одной изъ большихъ станцій, — кажется въ Серпуховѣ — я вышелъ изъ вагона и, когда вернулся, то засталъ своего спутника съ моей книжкой Тэна въ рукахъ, на первой страницѣ которой были написаны мое имя и фамилія. Онъ извинился и, сказавъ, что не читалъ еще этой книги, спросилъ мое объ ней мнѣніе. Мы разговорились. Онъ оказался человѣкомъ разносторонне-образованнымъ, живымъ и вдумчивымъ, съ чрезвычайно привлекательнымъ складомъ умной и содержательной рѣчи, и мы провели въ пріятной и оживленной бесѣдѣ почти все время до ночи. Разговоръ касался, главнымъ образомъ, литературы, поводомъ къ чему послужило мое указаніе на удивительную книгу того же Тэна «Essais sur Tite Live», которая представляетъ собою непревзойденный, на мой взглядъ, образецъ литературно-исторической критики Собесѣдникъ очевидно принадлежалъ къ высоко-обра-

зованному кружку московскаго общества, имѣя обширныя знакомства и связи въ Москвѣ, тогда еще не пріобрѣвшей нѣкотораго оттѣнка богатаго коммерческаго самодовольства, покрытаго подчасъ лишь тонкимъ слоемъ легко стираемаго европейскаго лака. Онъ разсказалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о даровитой писательницѣ Кохановской, о М. П. Погодинѣ и, между прочимъ, о моемъ дядѣ Вельтманѣ и объ оригинальномъ кружкѣ, собиравшемся у послѣдняго въ казенномъ домѣ, гдѣ была квартира директора Оружейной Палаты, у Покрова въ Левшинѣ.

Назидательная бесѣда моего спутника перешла затѣмъ на вопросы искусства, педагогіи и философіи, но онъ тщательно избѣгалъ говорить о современныхъ намъ дѣлахъ, несмотря на мои попытки вызвать его на подобный разговоръ. Только о славянскомъ вопросѣ по поводу книги Спасовича и Пыпина по исторіи славянскихъ литературъ онъ нѣсколько распространился, но вскорѣ перешелъ къ воспоминаніямъ объ оригинальномъ московскомъ профессорѣ Бодянскомъ. Наконецъ, объяснилось, почему онъ избѣгалъ касаться злобы дня. На его вопросъ, куда я ѣду, я отвѣчалъ, что ѣду въ Харьковъ, нуждаясь въ нравственномъ отдыхѣ послѣ всего пережитого мною въ послѣднее время.— «По дѣлу Засуличъ?» — спросилъ онъ, давая мнѣ понять, что знаетъ, кто я. Назвалъ ли ему меня Барановскій или онъ прочелъ мое имя по книгѣ, но, повидимому, онъ имѣлъ основаніе предполагать, что и я знаю, кто онъ такой. Мнѣ же было какъ-то неловко его спросить объ этомъ. — Извините меня, — сказалъ онъ мнѣ:—я не принадлежу къ вашимъ сторонникамъ въ этомъ процессѣ, хотя и не раздѣляю тона и характера нападокъ на васъ Каткова. Какъ могли вы допустить присяжныхъ произнести оправдательный приговоръ?

Объяснивъ ему *законную* роль, права и обязанности предсѣдателя на судѣ присяжныхъ, не могущаго быть отвѣтственнымъ за ихъ приговоръ, произносимый по внутреннему убѣжденію, и въ то же время не имѣющаго права ни играть съ ними въ *прятки*, ни ихъ заставлять играть въ *жмурки*, скрывая или способствуя сокрытію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла,—при чемъ онъ

грубо нарушилъ бы святой долгъ судьи, если бы сталъ оказывать давленіе на ихъ совѣсть, голосъ которой долженъ звучать въ *свободно* выработанномъ рѣшеніи,—я разсказалъ ему вкратцѣ всю исторію возникновенія и разбора этого дѣла. Она изложена мною въ особыхъ воспоминаніяхъ и повторять ее здѣсь не мѣсто. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно, изрѣдка прося разъясненій техническаго свойства, и, когда я кончилъ, сказалъ мнѣ, предварительно на нѣсколько минутъ задумавшись:—да, я вижу, вы правы и вели себя, какъ подобаетъ судьѣ. Я беру назадъ мой упрекъ, но судьба поставила васъ въ положеніе поистинѣ трагическое, возложивъ на вашу нравственную отвѣтственность тяжелую задачу.—Я это сознаю—отвѣчалъ я ему—и сознавалъ всегда. Но если бы мнѣ снова пришлось вести это дѣло, то и тогда, несмотря на все тяжелое, уже мною пережитое, и на то, что, вѣроятно, еще придется пережить, я не считалъ бы согласнымъ съ закономъ вести его иначе, добиваясь обвинительнаго приговора путемъ скрыванія отъ присяжныхъ того, что было или казалось невыгоднымъ для обвиненія.—Наступала ночь. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, мы собирались лечь спать, когда мой спутникъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Кіевъ къ больной матери и завтра утромъ въ 6 часовъ долженъ въ Курскѣ пересѣсть въ кіевскій поѣздъ, такъ что мы пожалуй не увидимся.—Мнѣ крайне пріятно было съ вами встрѣтиться и узнать васъ ближе,—прибавилъ онъ.—Позвольте обратиться къ вамъ съ одною просьбою: вы, кажется, уже дочитываете Тэна, а мнѣ очень хотѣлось бы съ нимъ познакомиться до возвращенія въ Москву, гдѣ я буду черезъ недѣлю. Не можете ли вы мнѣ дать эту книгу, а по пріѣздѣ вашемъ въ Москву, я вамъ ее завезу или, быть можетъ, вы найдете минутку, чтобы заѣхать ко мнѣ, чѣмъ доставили бы мнѣ большое удовольствіе.—Я отвѣчалъ полною готовностью исполнить его просьбу и вновь почувствовалъ крайнюю неловкость отъ того, что не знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

На другой день рано утромъ, въ Курскѣ, выйдя на платформу, я увидѣлъ его уже сидящимъ у окна кіевскаго поѣзда. Онъ дружески привѣтствовалъ меня. Необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, кто онъ такой, предстала передо мною съ особою

ясностью, и я схватился за его заявленіе: «такъ въ Москвѣ мы увидимся!» — какъ за якорь спасенія. — Да, конечно, — сказалъ я.—Но я не знаю вашего адреса.—Вотъ моя карточка съ адресомъ.—Я положилъ ее въ карманъ, не читая и тѣмъ поддерживая въ немъ иллюзію, что я знаю, съ кѣмъ такъ чудесно провелъ въ долгой бесѣдѣ первый день Пасхи. Зазвучалъ третій звонокъ, съ томительными переливами засвисталъ оберъ-кондукторъ, и поѣздъ, медленно погромыхивая, какъ будто нехотя выговаривая какое-то многозначительное слово своими колесами, двинулся въ Кіевъ. Я вынулъ карточку и прочелъ на ней: *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*...—Боже мой!—воскликнулъ я невольно,—и я этого не зналъ!.. И въ воспоминаніи моемъ внезапно возникъ разсказъ, слышанный мною отъ другого Ивана Сергѣевича... Тургенева.

«Однажды въ Парижѣ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ—разсказывалъ онъ—мы отправились вмѣстѣ съ Герценомъ къ старику Литтре. Онъ былъ искренно обрадованъ нашимъ посѣщеніемъ и, сказавъ намъ: je vais vous régaler de bon vieux vin,—позвалъ свою «bonne pour tout faire» и далъ ей подробныя указанія о томъ, какъ найти въ погребѣ завѣтную бутылку. Но покуда она приносила покрытую пылью и какою-то плѣсенью бутылку съ краснымъ виномъ, у Герцена съ оника загорѣлся съ хозяиномъ горячій споръ по поводу какого-то изъ словъ въ академическомъ словарѣ, составляемомъ Литтре. Герценъ очень горячился, нервно ходилъ по комнатѣ и залпомъ выпилъ два стакана бережно разлитого хозяиномъ вина. Наконецъ, споръ утихъ, и мы стали собираться уходить.—А какъ вамъ понравилось мое вино?—спросилъ Литтре.—Да, недурное petit vin,—отвѣтилъ, очевидно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пилъ, Герценъ.—Какъ petit vin?!—воскликнулъ съ горестнымъ изумленіемъ хозяинъ.—Да вѣдь это Chambertin, которому двадцать лѣтъ!! Вѣдь это драгоцѣнность, которую я много, много лѣтъ не рѣшался раскупоривать!.. Лицо его омрачилось, губы сложились въ саркастическую усмѣшку, и онъ холодно простился съ нами. Когда мы вышли отъ него и проходили по улицѣ, я сказалъ Герцену: а вѣдь старикъ-то очень сбидѣлся.—А чортъ его возьми! — отвѣтилъ Герценъ: — зачѣмъ же онъ не

сказалъ, какое это вино и какого года: я бы его совсѣмъ иначе пилъ»...

Боже мой,—сказалъ я себѣ—зачѣмъ не зналъ я, что это Аксаковъ: я бы его *совсѣмъ иначе пилъ*. Я говорилъ бы съ нимъ о политикѣ, о славянофилахъ, о его отцѣ и братѣ и на его слова о важной отвѣтственности, принятой мною на себя веденіемъ дѣла Засуличъ, отвѣтилъ бы вопросомъ: ну, а вы, Иванъ Сергѣевичъ, съ вашими статьями, сыгравшими такую вліятельную роль предъ сербской и русско-турецкой войнами, развѣ не неизмѣримо большую отвѣтственность принимали на себя передъ Россіей? Наша встрѣча вызвала со стороны Аксакова, какъ оказалось впослѣдствіи, лестный для меня, хотя и совершенно незаслуженный отзывъ. «До Курска ѣхалъ я съ К.—писалъ онъ своей супругѣ 18 апрѣля 1878 г. изъ Кіева — предсѣдателемъ петерб. Окр. Суда, замѣчательно умнымъ, даровитымъ и очень хорошимъ человѣкомъ. Его разсказы были въ высшей степени интересны. Онъ оставилъ мнѣ книгу Taine «la Révolution», которой по дорогѣ отъ Курска до Кіева я и прочелъ слишкомъ 200 страницъ. На Ѳоминой недѣлѣ, на обратномъ пути, заѣдетъ къ намъ». Но въ Москвѣ намъ видѣться не удалось, и мы лишь размѣнялись визитами. Я его встрѣтилъ во второй и послѣдній разъ лишь въ апрѣлѣ 1881 г., тоже на Пасхѣ, у Александра Ивановича Кошелева, на одномъ изъ оригинальныхъ вечеровъ послѣдняго, куда сходилась почти вся интеллигенція Москвы, и гдѣ подавали ужинъ на ломберныхъ, ничѣмъ не покрытыхъ, столахъ. Аксаковъ былъ подавленъ трагической кончиной Царя-Освободителя, былъ неразговорчивъ и съ мрачнымъ видомъ слушалъ шумныя выходки старика Сергѣя Андреевича Юрьева, позабывшаго, идя въ гости, надѣть галстукъ и говорившаго съ чрезвычайной горячностью, не глядя на собесѣдника и брызжа при этомъ слюною. Аксаковъ пробылъ недолго и ушелъ все въ томъ же грустномъ и тревожномъ настроеніи. А одинъ изъ москвичей, видя, что я очень заинтересованъ оригинальною личностью Юрьева, разсказалъ мнѣ про феноменальную разсѣянность послѣдняго нѣсколько случаевъ. Два остались у меня въ памяти. Въ *одномъ*,— положивъ въ передней на столикъ свою зимнюю мѣховую

шапку, Юрьевъ, уходя и простившись съ хозяевами, второпяхъ и не глядя схватилъ рукою то, что считалъ своею мохнатой шапкою. Но шапка, поднятая въ воздухѣ, вдругъ фыркнула, испустила вопль и мяуканье и впилась ему въ руку когтями и зубами. Въ *другомъ*, — идя гдѣ-то въ переулкѣ около Сухаревой башни, онъ горячо спорилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей и такъ брызгался слюною, что тотъ потихоньку отсталъ и, отойдя въ сторону, слѣдовалъ за нимъ. Юрьевъ ничего не замѣчалъ и, размахивая руками, продолжалъ споръ. «Нѣтъ, я тебѣ докажу, я тебѣ докажу», — кричалъ онъ — и вдругъ долженъ былъ остановиться: предъ нимъ стоялъ пьяный мужикъ, широко разставивъ ноги, и, смотря на него мутнымъ взоромъ, говорилъ ему, съ трудомъ поворачивая языкъ: «ну, и что ты мнѣ, лохматый чортъ, доказать можешь?!»

Въ четвертомъ классѣ второй (нынѣ Александровской) петербургской гимназіи, куда я поступилъ изъ нѣмецкой школы при церкви св. Анны, у меня былъ товарищъ Н. Г. П..., воспоминаніе о знакомствѣ съ которымъ связано у меня съ одною изъ тѣхъ житейскихъ перемѣнъ въ человѣкѣ, къ которой примѣнимы стихи Некрасова:

«Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи
Вчерашній другъ, поникнувъ головой»...

Юный П... былъ добрый, отзывчивый и способный мальчикъ, но съ чрезвычайно развитымъ самолюбіемъ, переходившимъ въ смѣшное тщеславіе. Онъ носилъ длиннѣйшіе ногти, длинные волосы и чуждался нашихъ юныхъ игръ и забавъ, относясь къ нимъ презрительно и стараясь дать намъ понять, что онъ гораздо выше насъ по умственному развитію. А мы, какъ нарочно, были почти всѣ большими шалунами, хотя большинство изъ насъ училось прекрасно. Иногда эти шалости соединялись у насъ съ увлеченіемъ какимъ-либо изъ преподаваемыхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, на насъ имѣлъ большое вліяніе учитель исторіи, незабвенный Владимиръ Ѳедоровичъ Эвальдъ. Его доброе и отчасти насмѣшливое отношеніе къ ученикамъ было соединено съ

увлекательнымъ изложеніемъ предмета. Мы ждали его урока и слушали его съ радостнымъ чувствомъ. Однажды мы, мальчики, очень желавшіе быть взрослыми, написали на доскѣ: «gaudeamus igitur, juvenes dum sumus». Эвальдъ вошелъ въ классъ и сталъ разсказывать свой урокъ, ходя, по привычкѣ, по классу. Увидѣвъ написанное на доскѣ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на насъ добрымъ и смѣющимся взглядомъ, взялъ губку, стеръ слово «juvenes» и написалъ «pueri»... Особенно увлекательно разсказывалъ онъ про крестовые походы, и нарисованная имъ картина душевнаго состоянія крестоносцевъ, узрѣвшихъ послѣ многихъ битвъ и долгихъ страданій Святой градъ и преклонившихъ предъ нимъ колѣна, до сихъ поръ — по прошествіи пятидесяти трехъ лѣтъ — стоитъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. Мы тотчасъ же объявили себя крестоносцами, при чемъ маленькій горбунъ Майеръ, ходившій съ крючковатой палкой, былъ произведенъ въ Петры Пустынники, а я пожалованъ въ Готфриды Бульонскіе, сосѣдній же классъ былъ признанъ сарацинами, и ему объявлена жестокая война. Надо сознаться, что наши крестовые походы, продолжавшіеся цѣлый мѣсяцъ въ большую перемѣну между уроками, окончились для крестоносцевъ весьма плачевно: сосѣдній классъ оказался численно сильнѣе, да и у насъ произошелъ внутренній расколъ: нынѣшній тайный совѣтникъ и юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ поднялъ знамя бунта и объявилъ себя султаномъ Килиджъ-Арсланомъ... Петръ Аміенскій былъ захваченъ въ плѣнъ, а Готфридъ Бульонскій, бывшій «старшимъ» въ классѣ и обязанный наблюдать за порядкомъ, былъ посаженъ въ карцеръ послѣ одной неудачной атаки, окончившейся разбитіемъ стеколъ въ дверяхъ сосѣдняго класса. Ко всѣмъ этимъ происшествіямъ П... относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, чѣмъ возбудилъ общее противъ себя недовольство, такъ что нѣкоторыми рѣшено было его проучить. Cet âge est sans pitié. Однажды онъ былъ крѣпко схваченъ, и его длинные, чуть не въ вершокъ, ногти, которыми онъ отчаянно царапался, сопротивляясь, были насильственно обстрижены. Операція прекратилась лишь съ приходомъ учителя, но все время урока П..., блѣдный и закусивъ нижнюю губу, бросалъ на меня

свирѣпые взгляды, почему-то (и при томъ совершенно несправедливо) считая меня зачинщикомъ всей этой затѣи. Съ этихъ поръ онъ преисполнился ненавистью ко мнѣ и еще болѣе замкнулся въ своемъ отчужденіи. Но, очевидно, его доброе сердце сильно страдало отъ этого, тѣмъ болѣе, что я пользовался почему-то нѣкоторой любовью товарищей и даже своего рода авторитетомъ, можетъ быть, потому, что охотно принималъ участіе во всѣхъ производимыхъ сообща шалостяхъ.

Лѣтомъ 1859 года мы жили на дачѣ въ Петергофѣ. Въ одинъ прекрасный день, во время завтрака, горничная подала мнѣ письмо, сообщивъ, что податель ожидаетъ отвѣта на улицѣ. Въ письмѣ заключалось и восторженное объясненіе въ любви со стороны П..., и предложеніе дружбы до гроба. Я выбѣжалъ къ нему, мы обнялись, оба расплакались, и въ залогъ нашей дружбы онъ мнѣ тутъ же поднесъ ракету собственнаго издѣлія, которую мы въ тотъ же вечеръ спустили на дворѣ, чуть не спаливъ свою дачу. Съ этихъ поръ мы стали часто видѣться, и онъ сдѣлался участникомъ общихъ предпріятій въ пятомъ классѣ, принявшихъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ году. Мы стали издавать журналъ «Заря», съ эпиграфомъ изъ Пушкина: «Повѣрь, мой другъ, взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья—Россія вспрянетъ ото сна»... Журналъ, однако, былъ самаго невиннаго свойства и преимущественно наполнялся статьями по физикѣ и математикѣ. Въ этомъ же классѣ былъ великовозрастный воспитанникъ Ивановъ, круглый сирота, жившій изъ милости и по какимъ-то отношеніямъ у чиновника П—кова. Онъ потѣшалъ насъ стихами и комическими разсказами своего сочиненія и часто плакался на свою судьбу, разсказывая, какъ нерѣдко П—ковы заставляли его исполнять самыя черныя работы по квартирѣ. Однажды Ивановъ прибѣжалъ въ классъ, послѣ двухдневнаго отсутствія, до крайности разстроенный и со слезами разсказалъ намъ, что его благодѣтели заперли его за какую-то неисправность по хозяйству на ночь въ темную комнату, гдѣ былъ положенъ, въ ожиданіи погребенія, трупъ старухи-бабушки. Ивановъ плакалъ, говорилъ, что скорѣе бросится въ воду, чѣмъ вернется домой на новыя моральныя

истязанія, и былъ въ полномъ отчаяніи. Мы, мальчики 13 и 14 лѣтъ, рѣшили его поддержать во что бы то ни стало и помочь ему приготовиться къ поступленію въ Театральное училище, куда онъ уже давно и безнадежно, по сильному призванію, стремился. Мы дали другъ другу нѣчто въ родѣ клятвы отдавать Иванову всѣ деньги, которыя у насъ будутъ, и отправили депутацію къ директору Никитѣ Семеновичу Власову съ просьбой о заступничествѣ за Иванова. Я былъ избранъ ораторомъ этой депутаціи. Власовъ отнесся къ намъ очень сочувственно, вызвалъ къ себѣ Иванова, подробно разспросилъ его, поѣхалъ затѣмъ къ оберъ-полицеймейстеру — и чрезъ нѣсколько дней Ивановъ, котораго Власовъ покуда пріютилъ у себя, былъ освобожденъ навсегда отъ своихъ благодѣтелей, получивъ право свободнаго проживанія, гдѣ онъ хочетъ. Онъ поселился въ Тарасовомъ переулкѣ въ Измайловскомъ полку въ довольно большой комнатѣ пятаго этажа. Раза два въ мѣсяцъ мы всѣмъ классомъ ходили его навѣщать и приносили ему нашу посильную лепту и разные гостинцы, которые тутъ же сообща и съѣдались. Однажды, во время такого посѣщенія, съ нами случилось трагическое происшествіе. Въ это время всѣхъ интересовали опыты гипнотическаго сна, вызываемаго пристальнымъ и упорнымъ взглядомъ на отраженіе свѣта на двухъ перекрещивающихся металлическихъ пластинкахъ. Мы вздумали продѣлать этотъ опытъ надъ однимъ изъ нашихъ товарищей — Николаемъ Беромъ (однимъ изъ имѣвшихъ впослѣдствіи отношеніе къ ужасному несчастію на Ходынкѣ, во время коронаціи 1896 г.), и онъ дѣйствительно скоро заснулъ. Но, когда мы стали пробовать его разбудить, то онъ не просыпался, несмотря на тормошеніе, уколы, щипки и крики въ ухо. Мы пришли въ совершенное отчаяніе и рѣшили, что лишили товарища жизни. Юному уму нашему представилось, что для насъ нѣтъ ни оправданія, ни извиненія, и что мы погибли. Съ ужасомъ въ сердцѣ рѣшено было, что трое изъ насъ отправятся въ полицію и отдадутъ себя въ «руки правосудія», а остальные останутся ожидать рѣшенія своей судьбы у «трупа». Несчастные убійцы уже уходили, когда кому-то вздумалось плеснуть въ лицо убитому водой. Онъ вздохнулъ и раскрылъ глаза... Ивановъ по-

ступилъ въ Театральное училище, и лѣтъ черезъ десять я его слышалъ въ Александринскомъ театрѣ поющимъ въ «Орфеѣ въ аду» куплеты про Аркадскаго принца.

Николай П... собиралъ къ себѣ довольно часто товарищей въ свою маленькую комнатку на антресоляхъ, гдѣ-то въ 5-ой или 6-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ своего брата Г. Г. П., моложаваго отца семейства, имѣвшаго уже взрослую дочь. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности въ институтахъ и читалъ иногда безцвѣтно-сентиментальныя публичныя лекціи по литературѣ въ залѣ нашей второй гимназіи. Къ концу нашей полуребяческой бесѣды обыкновенно онъ поднимался къ своему брату и приносилъ съ собою «Колоколъ» и «Полярную звѣзду», проповѣдуя намъ необходимость ниспровергнуть государственный строй и утопить въ крови существующій порядокъ, льстиво доказывая развѣсившимъ уши мальчикамъ, что въ этомъ состоитъ задача подрастающаго поколѣнія, и что эту задачу оно одно въ состояніи и должно выполнить. Онъ дѣлалъ это въ то время, когда правительство искренно шло впереди общества, и когда ежедневно ковались великія реформы Александра II. Льстя незрѣлымъ умамъ, онъ подзадоривалъ насъ тѣмъ, что декламировалъ намъ революціонные стихи и пѣсенки, нѣкоторые изъ которыхъ мы съ его словъ и заучили... Предъ выходомъ моимъ въ университетъ, изъ шестого класса гимназіи, бѣдный Коля П. заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, но впослѣдствіи поправился, былъ замѣтнымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ, хотя, однако, предъ смертью, послѣдовавшею въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, какъ я слышалъ, потерялъ зрѣніе.

Прошло много лѣтъ, и я былъ уже прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда. Въ декабрѣ 1872 года возникло слѣдствіе по дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги и о приготовленіи къ отравленію нѣкоего Александра Ярошевича, въ которомъ были заподозрѣны акушеръ Колосовъ и докторъ Никитинъ, библіотекарь Медико-Хирургической академіи. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ увѣдомила, — въ качествѣ свѣдущаго лица, — судебнаго слѣдо-

вателя о томъ, что способъ поддѣлки акцій, найденныхъ при обыскѣ въ Академіи, есть тотъ же самый, который былъ употребленъ при поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ съ политической цѣлью, дѣло о чемъ разбиралось въ 1869 году. При этомъ по справкамъ оказалось, что вещественныя доказательства сданы въ архивъ знаменитаго III Отдѣленія. Желая сличить кредитныя бумажки съ акціями и ближе ознакомиться со способомъ поддѣлки, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими ея открытіе, слѣдователь обратился за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ къ начальнику III Отдѣленія, но никакого отвѣта на двукратное обращеніе не получилъ. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ ко мнѣ, какъ къ прокурору—и я рѣшился «взять быка за рога», т.-е. не вступая въ переписку, поѣхать къ шефу жандармовъ графу Шувалову и лично съ нимъ объясниться. Шуваловъ встрѣтилъ меня очень любезно, но заявилъ, что, согласно секретному Высочайшему повелѣнію, никакія дѣла и справки изъ архива никому рѣшительно не выдаются. «Самое большее,—сказалъ онъ мнѣ,—что я могу сдѣлать—это, въ видѣ особаго исключенія, допустить лично васъ, изъ довѣрія къ вашему званію, къ обозрѣнію дѣла въ архивѣ». На мое возраженіе, что свѣдѣнія нужны не мнѣ, а слѣдователю, Шуваловъ сказалъ, что пришлетъ ко мнѣ своего чиновника, которому я, переговоривъ со слѣдователемъ, могу указать, что именно намъ нужно, и тогда тотъ доставитъ намъ, частнымъ образомъ, требуемыя свѣдѣнія. «Этотъ чиновникъ,—добавилъ человѣкъ, которому завистливая молва присвоила опасное для него наименованіе Петра IV,—очень способный и образованный: онъ у меня состоитъ заграничнымъ агентомъ по надзору за русской эмиграціей и пишетъ интересныя и очень полезныя для насъ донесенія. Но теперь я его выписалъ на нѣкоторое время сюда и пришлю его къ вамъ. Вы останетесь довольны его понятливостью и умѣніемъ освоиться со всякимъ дѣломъ»... Черезъ два дня курьеръ доложилъ мнѣ, что въ камеру мою явился чиновникъ отъ шефа жандармовъ, и на мое приглашеніе вошелъ человѣкъ, какъ казалось, среднихъ лѣтъ съ моложавой наружностью и геморроидальнымъ цвѣтомъ бритаго лица, рекомендуясь посланнымъ «гра-

фомъ Петромъ Андреевичемъ». Я пригласилъ судебнаго слѣдователя, и мы общими силами выяснили пришедшему, оказавшемуся, дѣйствительно, очень понятливымъ, сущность и связь тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ нужны. Когда слѣдователь ушелъ, я извинился передъ чиновникомъ, что мы его побезпокоили и отрываемъ отъ занятій, о которыхъ мнѣ говорилъ шефъ жандармовъ. «Мои главныя занятія за границей, — словоохотливо отвѣчалъ онъ, — а здѣсь я занятъ мало и потому радъ быть вамъ полезнымъ по очень интересному, какъ я слышалъ, дѣлу. Для меня же здѣсь, въ Петербургѣ, нѣтъ теперь серьезной задачи. Иное дѣло руководить надзоромъ за этими заграничными негодяями, которые устроились удобно и безопасно и подстрекаютъ несчастную молодежь итти на революціонныя затѣи и погибать затѣмъ въ ссылкѣ и на каторгѣ. Вотъ съ кѣмъ надо бороться и кого не слѣдовало бы щадить!» Въ манерахъ, голосѣ и чертахъ его бритаго лица мнѣ почудилось что-то знакомое, и я сталъ пристально въ него всматриваться, силясь припомнить, гдѣ и когда я могъ его видѣть. Онъ это замѣтилъ и, любезно улыбнувшись, сказалъ мнѣ: а вѣдь вы меня не узнали! Я — Григорій Григорьевичъ П...—Какъ?!—воскликнулъ я невольно:— вы Григорій Григорьевичъ! да не можетъ быть!—Отчего же? — отвѣтилъ онъ, немного смутившись: — что же тутъ удивительнаго? вѣдь взгляды съ лѣтами мѣняются. Когда мы съ вами встрѣчались у брата, я былъ молодъ, увлекался.—Но вамъ, кажется, было весьма за тридцать лѣтъ?—Ничего не отвѣчая на это замѣчаніе, онъ съ дѣланнымъ умиленіемъ сказалъ: а какое славное время было тогда, помните? Вы были такой юный, всѣмъ интересовались. Думалъ ли я, что встрѣчу васъ на такомъ важномъ посту?—Да и я не думалъ, что мы *такъ* встрѣтимся. Я вѣдь до сихъ поръ помню, какъ вы тогда разъ встали передъ нами, малыми юнцами, на столъ и декламировали:—«Я нашелъ, друзья, нашелъ — кто виновникъ безтолковый нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ и т. д.» — и потомъ учили насъ кровожадному четверостишію: «Себя, друзья, мы позабавимъ и т. д.» — Да, да,—сказалъ онъ, кисло улыбаясь,—молодость, молодость!—Ну, извините еще разъ, что я отнялъ васъ отъ вашихъ важныхъ

занятіи относительно тѣхъ подстрекателей юной молодежи, которыхъ вы съ такимъ презрѣніемъ называете негодяями...

Мы встрѣтились затѣмъ чрезъ два мѣсяца въ гимнастическомъ павильонѣ, гдѣ господинъ П..., упершись въ бока, очень искусно присѣдалъ подъ команду учителя. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, и я не считалъ нужнымъ напоминать ему о себѣ: мнѣ вообще не нравились его гимнастическія упражненія.

Въ 1861 году я и четверо моихъ товарищей (Кобылкинъ, Лукинъ, Сигель и Штюрмеръ) рѣшились выйти изъ 6-го класса гимназіи прямо въ университетъ, который насъ давно манилъ своими лекціями, доступными тогда почти для всѣхъ. Уже со школьной скамьи мы ходили слушать блестящія чтенія Н. И. Костомарова и лучшими мечтами души жили въ университетскихъ стѣнахъ. Для того, однако, чтобы въ нихъ скорѣй попасть, нужно было оставить гимназію и держать экзаменъ, въ качествѣ лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе, въ особой испытательной комиссіи при университетѣ. Она засѣдала съ 19-го по 26 мая, и въ теченіе этихъ семи дней нужно было выдержать экзамены по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзаменъ производился учителями гимназіи подъ предсѣдательствомъ профессоровъ и былъ довольно строгъ.

Всѣхъ державшихъ было человѣкъ двѣсти, и каждый день съ девяти часовъ утра пестрая разношерстная толпа ихъ разсыпалась по аудиторіямъ, при чемъ имѣвшійся у каждаго экзаменный листокъ съ перечисленіемъ предметовъ, графою для отмѣтокъ и для подписей учителей постепенно заполнялся словами: «удовлетворительно», «неудовлетворительно» и «весьма удовлетворительно». Вторая гимназія, въ которой я учился, считалась по преимуществу математической, и эта ея слава въ значительной степени поддерживалась талантливыми преподавателями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ по праву Егоръ Христіановичъ Рихтеръ, лишь недавно умершій. Я много занимался математикой и *увлекъ себя*, что люблю ее, смѣшивая трудолюбіе со способностью. Уже съ 6-го класса я началъ давать уроки ал-

гебры и геометріи готовившимся поступать въ высшіе классы гимназіи, такъ что пріобрѣлъ нѣкоторый педагогическій навыкъ. Вступительные экзамены въ университетѣ шли у меня очень успѣшно, а мои отвѣты изъ тригонометріи доставили мнѣ даже маленькій тріумфъ нѣсколько комическаго характера. Я былъ очень моложавъ, имѣя на видъ не болѣе 14 лѣтъ, былъ сухощавъ и маленькаго роста, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе собравшихся на экзаменъ своимъ почти дѣтскимъ видомъ. Знаменитый профессоръ и академикъ Сомовъ, вслушавшись въ мои отвѣты на экзаменѣ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ внѣ программы, на которые мнѣ удалось отвѣтить довольно удовлетворительно. Сомовъ почему-то пришелъ въ великій восторгъ и, сказавъ мнѣ: «нѣтъ, васъ надо показать ректору»,—подошелъ ко мнѣ сзади, крѣпко охватилъ меня руками за локти и, поднявъ на воздухъ, воскликнулъ: «я васъ снесу къ нему!» Это мнѣ — будущему студенту — показалось чрезвычайно неумѣстнымъ, и, увидѣвъ мое обиженное лицо, онъ оставилъ меня въ покоѣ. Съ этихъ поръ между экзаменующимися прошла обо мнѣ слава, какъ о человѣкѣ, который на математикѣ «собаку съѣлъ».

26-го мая мнѣ оставалось выдержать экзамены у нѣмца и француза. На нихъ я шелъ, въ виду домашняго воспитанія и трехлѣтняго пребыванія въ Annenschule, спокойно. Толпа экзаменующихся въ этотъ послѣдній день была особенно оживлена. Изъ нея вышелъ ко мнѣ навстрѣчу молодой стройный человѣкъ высокаго роста, съ едва пробивавшейся пушистой бородкой, холодными глазами стальнаго цвѣта и коротко остриженной головой. На немъ, по модѣ того времени, были широчайшія сѣрыя брюки, длинный бѣлый жилетъ и коричневый однобортный сюртукъ, а на шеѣ, тоже по модѣ того времени, былъ повязанъ узенькій черный галстукъ съ вышитыми на концахъ цвѣточками. Манеры его были изысканно вѣжливы и обличали хорошее воспитаніе, которое, впрочемъ, въ то время еще не было рѣдкостью. «Извините—сказалъ онъ мнѣ,—я знаю, что вы отличный знатокъ математики, а у меня—и онъ слегка покраснѣлъ—вотъ какая бѣда: я не приготовилъ двухъ послѣднихъ билетовъ изъ тригонометріи, да и вообще слабъ по этой части и самъ себѣ

помочь не могу. Не можете ли вы мнѣ объяснить ихъ?» Я съ удовольствіемъ согласился; мы сѣли въ сторонкѣ у края большого стола, и я «преподалъ» моему неожиданному ученику два тревожившіе его билета, повторилъ свое объясненіе и предложилъ ему попробовать мнѣ отвѣтить. Отвѣтъ обличилъ его чрезвычайную понятливость, и я сказалъ ему: теперь идите и берите тотчасъ же билетъ, на полчаса вы заряжены, а тамъ пожалуй позабудете.—Мы разстались, и я пошелъ къ своимъ иноземцамъ. Когда я вышелъ отъ послѣдняго изъ нихъ въ пріемную передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ экзаменъ, изъ двери другой аудиторіи вышелъ мой незнакомецъ. Его красивое лицо было радостно взволновано. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, протягивая обѣ руки для крѣпкаго рукопожатія, воскликнулъ: «представьте! Послѣдній билетъ! Послѣдній!! И—весьма удовлетворительно! Какъ я вамъ благодаренъ! Мы, конечно, будемъ встрѣчаться. Вы вѣдь, безъ сомнѣнія, юристъ?—Нѣтъ, я иду на математическій факультетъ по чисто математическому разряду. — Но все-таки мы будемъ встрѣчаться. Не правда ли? — Конечно, — отвѣчалъ я. Но какая-то странная застѣнчивость помѣшала мнѣ спросить его фамилію. Встрѣчаться намъ однако въ университетскомъ коридорѣ не пришлось. Осенью университетъ былъ закрытъ на два года, и я, послѣ безплодныхъ занятій математикой на дому въ теченіе года, перешелъ на второй курсъ юридическаго факультета московскаго университета.

Лѣтомъ 1881 года послѣ тяжелаго огорченія, пережитаго мною вслѣдствіе ужасной смерти моего стараго и испытаннаго друга доктора Левковича, утонувшаго, при самой трагической обстановкѣ, въ водопадѣ на Иматрѣ, я поѣхалъ за границу, чтобы хоть немного привести въ порядокъ свои нервы. Въ одномъ купе со мною сидѣла дама среднихъ лѣтъ, съ которой мы разговорились. Въ ея манерахъ, способѣ выражаться, достоинствѣ и изящной простотѣ, съ которыми она себя держала, чувствовалась ея принадлежность не только къ высшему обществу, но и къ кругу высокоразвитыхъ людей. Въ ея словахъ сквозили— разностороннее образованіе и вдумчивость въ такіе вопросы, про которые нашъ народъ говоритъ съ презрительной ироніей,

что «это не женскаго ума дѣло». Изъ мимолетныхъ ссылокъ ея на свои житейскія встрѣчи явствовало, что она подолгу живетъ въ чужихъ краяхъ и при томъ не какъ простая туристка или любительница «заграницы», подобно многимъ изъ безпечальныхъ россіянъ, но играетъ тамъ въ политическихъ и литературныхъ кругахъ нѣкоторую роль, въ качествѣ защитницы достоинства и достоинствъ — иногда понимаемыхъ нѣсколько своеобразно — своей родины Россіи. Живя довольно долго въ Англіи, она изъ своего «далека» видѣла многое въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ и не обо всѣхъ выдающихся людяхъ и важныхъ обстоятельствахъ русской жизни высказывала вѣрные взгляды. Но искренность и горячность убѣжденій, сквозившія въ ея рѣчи, заставляли мириться съ этимъ стремленіемъ повѣрить въ «насъ возвышающій обманъ». Это была супруга одного изъ петербургскихъ сановниковъ, много писавшая о Россіи на англійскомъ языкѣ. Раздѣляя взгляды Каткова на наши внутреннія дѣла и его предвзятый взглядъ на людей, съ нимъ не единомышленныхъ, она была немало удивлена, узнавъ, что ея спутникъ, котораго она со словъ «Московскихъ Вѣдомостей» представляла себѣ «потрясателемъ основъ», при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ таковымъ не оказывался и былъ чуждъ всякой партійной окраски. Мы должны были разстаться въ Вержболовѣ, такъ какъ она упустила визировать свой паспортъ, что тогда требовалось со стороны Пруссіи въ видѣ нѣкоторой репрессаліи, — и должна была остаться на границѣ впредь до полученія вида изъ ближайшаго губернскаго города Ковно. Мы обмѣнялись письмами, а осенью, пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ Hôtel de France, она просила меня посѣтить ее. Придя на это приглашеніе, я засталъ ее въ оживленномъ разговорѣ съ молодымъ еще, красивымъ и стройнымъ генералъ-адъютантомъ съ Георгіемъ на шеѣ. Въ отвѣтъ на мой общій поклонъ, онъ протянулъ мнѣ руку, что, вѣроятно, дало хозяйкѣ поводъ думать, что мы знакомы, и она не назвала насъ одного другому.

Я вспоминаю по этому поводу, что въ Москвѣ временъ моей молодости, въ нѣкоторыхъ кругахъ, существовалъ странный обычай не представлять другъ другу гостей, и это вызывало ино-

гда недоразумѣнія, не лишенныя комизма. Такъ, я помню, что за ужиномъ у извѣстнаго писателя Писемскаго, въ его пріемный вечеръ, одинъ изъ гостей сталъ весьма рѣшительно и ѣдко критиковать барельефы на памятникѣ Императора Николая работы Рамазанова, не зная, что противъ него сидитъ и его съ болѣзненнымъ вниманіемъ слушаетъ самъ Рамазановъ. Я былъ свидѣтелемъ и другого случая, относящагося къ категоріи тѣхъ, въ которыхъ страшно жалѣешь, что не отсутствуешь, дабы не быть очевидцемъ неловкаго, чтобъ не сказать болѣе, положенія, въ которое иногда попадаютъ люди. Во времена моего студенчества въ Москвѣ жилъ довольно извѣстный романистъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, написавшій серію романовъ подъ названіемъ «Приключенія изъ моря житейскаго» и занимавшій должность директора Оружейной Палаты. Онъ приходился мнѣ двоюроднымъ дядей со стороны матери. Это былъ чрезвычайно интересный и разносторонній человѣкъ, который занимался, между прочимъ, санскритскимъ языкомъ и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ,—переложилъ «Слово о полку Игоревѣ» и доказывалъ болѣе своеобразно, чѣмъ убѣдительно, что не только вся Германія — славянская земля, но что даже и Аттила былъ великій князь Кіевскій («Аттила и Русь V вѣка»). Въ его обширномъ кабинетѣ въ казенномъ домѣ, въ Левшинскомъ переулкѣ, собирались его старые боевые сослуживцы (онъ учился въ школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ), военные сенаторы — баронъ Ховенъ и Колюбакинъ и писатели. Изъ послѣднихъ чаще всего бывали Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Чаевъ и Даль. Однажды зимой 1863 года жена дяди, Елена Ивановна Вельтманъ, урожденная Сабанѣева — очень умная и развитая женщина, авторъ двухъ историческихъ романовъ, — написала мнѣ, что вечеромъ у нихъ будетъ ея старый знакомый докторъ, пріѣхавшій изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, и разсказывающій очень интересныя вещи объ этомъ, тогда еще очень мало извѣстномъ, краѣ. Она звала меня послушать пріѣзжаго къ восьми часамъ вечера, но я, занятый даваніемъ уроковъ, опоздалъ и пришелъ въ то время, когда докторъ окончилъ свой разсказъ. Я засталъ тотъ психологи-

ческій моментъ, когда разсказчикъ, очутившись впервые среди незнакомыхъ дотолѣ людей, чувствуетъ и сознаетъ, что заинтересовалъ всѣхъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе. Докторъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, въ непринужденной позѣ, съ оживленнымъ лицомъ и блестящими глазами. Противъ него, въ разстояніи аршина съ небольшимъ, сидѣлъ глубоко ушедшій въ кресло, съ костылемъ въ рукахъ, московскій старожилъ, извѣстный русскій историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ, съ клинообразной, безпорядочной бородой на умномъ лицѣ съ крупными чертами. Это было въ томъ году, въ которомъ съ 1-го января «Московскія Вѣдомости» начали издаваться подъ редакціей Каткова и пріобрѣли необыкновенное вліяніе въ обществѣ, національное сознаніе котораго было приподнято и встревожено яркими и сильными статьями новаго редактора по поводу польскаго возстанія. Въ этихъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Погодинъ сталъ помѣщать своеобразные фельетоны, подписывая ихъ «русской». Въ нихъ, отрывистымъ и quasi-народнымъ языкомъ, онъ высказывался по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ общественное мнѣніе, съ паѳосомъ болтливаго прямодушія. Помнится,—хотя и не дословно, — что, напримѣръ, одинъ изъ такихъ фельетоновъ онъ оканчивалъ обращенной къ Монарху просьбой бросить гнилое болото Петербурга и переселиться въ Москву, восклицая отъ лица москвичей: «Ужъ какъ бы мы Тебя, батюшка-Царь, встрѣтили! поднесли бы хлѣбъ-соль и кашу-матъ нашу! Э! да что тутъ много толковать: мы Твои, а Ты нашъ! Ура!..»—«Это очень интересно все, что вы намъ разсказали, — прервалъ молчаніе Погодинъ, обращаясь къ доктору:—очень интересно,—я очень благодаренъ Еленѣ Ивановнѣ, что она меня пригласила». — Онъ помолчалъ. — «А скажите, какъ у васъ тамъ, въ Сибири, приняты «Московскія Вѣдомости» подъ редакціей Каткова? нравятся?» — «Да! конечно, — отвѣчалъ сибирскій гость, — ихъ читаютъ съ большимъ сочувствіемъ, и имъ можно предсказать прочный успѣхъ, если только Катковъ поведетъ дѣло разумно и не будетъ, напримѣръ, помѣщать у себя шутовскихъ фельетоновъ этого стараго безумца Погодина (онъ выразился еще сильнѣе)!» — Хозяйка поблѣднѣла, какъ

полотно, наступила мертвая тишина, такая тишина, при которой, какъ говорятъ нѣмцы, «man hört wie die Wolken ziehen». Погодинъ уставился глазами на доктора, потомъ мотнулъ головой, машинально скомкалъ рукою бороду и опустилъ голову на свой костыль. Среди внезапно наступившаго зловѣщаго молчанія почувствовалось, что многіе изъ присутствующихъ предпочли бы лучше на нѣсколько минутъ провалиться сквозь землю, чѣмъ созерцать создавшееся положеніе, особенно тяжкое для пріѣзжаго доктора, позабывшаго, въ увлеченіи успѣха, что «блаженъ, кто словомъ твердо правитъ»... Взглянувъ въ лицо хозяйки, онъ понялъ, что сказалъ что-то совершенно недопустимое, и, конечно, догадался, въ чемъ дѣло. Растерянно посмотрѣвъ кругомъ, онъ пробормоталъ что-то невнятное, поднялся, взялъ свою фуражку съ сосѣдняго стола, поспѣшно вышелъ изъ комнаты и совсѣмъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. «Пойдемте, господа, пить чай!» сказала хозяйка дрожащимъ и упавшимъ голосомъ, и всѣ поднялись...

Возвращаюсь однако къ незнакомому мнѣ генералу, встрѣченному мною въ Hôtel de France.

«Вотъ — сказала хозяйка генералу, очевидно продолжая начатый разговоръ — однако, какія вещи пишетъ въ Англіи лэди (она назвала фамилію, которую я въ точности не могу припомнить) о генералѣ Гурко. Очень непріятно, если это хоть отчасти правда. Она пишетъ, будто Гурко, занявъ Адріанополь въ прошлую войну, велѣлъ очистить бывшій въ ея завѣдываніи англо-турецкій госпиталь, а ей, когда она пришла объясняться, плюнулъ въ лицо. Неужели это правда? Англичане, къ сожалѣнію, этому вѣрятъ!—О, нѣтъ,—сказалъ холоднымъ тономъ генералъ-адъютантъ: — лэди — и онъ пріостановился — вошла въ противорѣчіе съ истиной. Дѣло было такъ: войдя въ Адріанополь и имѣя массу раненыхъ людей, Гурко просилъ очистить для нихъ часть госпиталя, постѣснивъ нѣсколько другихъ больныхъ, но Lady... явилась къ нему, наговорила ему массу дерзостей и потребовала конвоя до румынскихъ аванпостовъ, бросивъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ больныхъ на произволъ судьбы. Гурко былъ съ нею отмѣнно вѣжливъ и долготерпѣливъ и въ лицо ей иле-

вать и не думалъ. Я, конечно, его въ этой исторіи не одобряю.— Какъ! — воскликнулъ я невольно, — не одобряете? Но что же онъ дурного сдѣлалъ? Его, кажется, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, судя по вашему разсказу».—Генералъ повернулъ ко мнѣ свое красивое, выхоленное лицо и сказалъ съ утонченною мягкостью и любезностью: — вы меня не совсѣмъ поняли: я не одобряю потому, что самъ поступилъ бы совершенно иначе — и глаза его блеснули недобрымъ свѣтомъ, а длинные, красивые пальцы судорожно сжались. — Я выбросилъ бы всѣхъ турокъ изъ лазарета и взялъ бы его подъ своихъ людей, а эту лэди за всѣ ея недопустимыя и дерзкія выходки приказалъ бы арестовать и возилъ бы въ своемъ арріергардѣ до конца войны»... Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, что мнѣ показалось, что красивый генералъ внезапно выпустилъ когти, какъ проснувшійся левъ—и снова ихъ спряталъ... Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. «А вы давно знакомы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?»— спросила меня хозяйка. Тутъ только, услышавъ это имя и отчество, я понялъ, что вижу предъ собою Скобелева, котораго, судя по весьма популярнымъ карточкамъ и портретамъ, я рисовалъ себѣ плечистымъ, полнымъ и меньшаго роста. «Я въ первый разъ имѣю честь встрѣчаться съ Михаиломъ Дмитріевичемъ.— Будто въ первый? — сказалъ Скобелевъ, улыбнувшись и — на мой недоумѣвающій взглядъ — прибавилъ: — а помните экзаменъ изъ тригонометріи въ университетѣ?.. вѣдь это былъ я!..»

IV

Домочадцы.

Дерзновенно слѣдуя примѣру И. А. Гончарову, рѣшаюсь припомнить о встрѣченныхъ мною на жизненномъ пути ближайшихъ спутникахъ и свидѣтеляхъ нашей домашней и частной жизни, между которыми такъ часто встрѣчаются интересныя личности, заслуживающія серьезнаго вниманія и даже изученія. Ихъ міросозерцаніе, взгляды на общественныя отношенія, оцѣнка ими людей и событій и, наконецъ, языкъ—нерѣдко отличаются своеобразіемъ, гораздо рѣже встрѣчаемымъ въ безцвѣтныхъ представителяхъ такъ называемаго «общества», которые кажутся оклеенными своего рода бандеролью «особо установленнаго образца», до того ихъ душевный складъ и внѣшній видъ однообразны и чужды всякой оригинальности.

Несмотря на то, что у насъ отношенія къ прислугѣ вообще не могутъ быть признаны правильными и представляютъ нерѣдко темные пережитки крѣпостного права, связанные весьма часто съ отсутствіемъ заботливости о сколько-нибудь порядочномъ устройствѣ быта служащихъ, мнѣ думается, что наши отношенія im Grossen und Ganzen теплѣе и сердечнѣе заграничныхъ. Тамъ господствуетъ холодная вѣжливость съ одной стороны и холодное, полное отчужденности, исполненіе принятаго обязательства—съ другой, и эти холодность и отчужденность вѣчно чувствуются въ способахъ и предѣлахъ осуществленія обоюдныхъ обязательствъ. Допускаемая тамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ фамильярность со стороны прислуги не имѣетъ ничего общаго съ той сер-

дечностью отношеній, которую мнѣ не разъ приходилось подмѣчать въ прислугѣ у насъ. Конечно, за границей, быть можетъ, больше можно быть увѣреннымъ въ элементарной честности нанятаго слуги и въ томъ, что то, что съ нимъ договорено, будетъ исполнено въ точности, тогда какъ у насъ нужно всегда быть готовымъ къ внезапнымъ проявленіямъ нетрезвости, грубости, лжи, а подчасъ и хищенія, особливо со стороны испорченныхъ «балуй-городами» людей. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что за границей почти невозможны такіе типы, какъ вымирающій нынѣ у насъ типъ старой няни, органически сливавшейся съ семьею, гдѣ были ея питомцы, и переживавшей съ ними, ворча и сострадая, нѣсколько поколѣній. Кто не помнитъ Пушкинской Арины Родіоновны, о которой поэтъ говорилъ:

«*Подруга* дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя...»

Но и помимо этого трогательнаго типа до сихъ поръ приходится встрѣчать тутъ и тамъ удивительно преданныхъ и вѣрныхъ слугъ, безсознательно ставящихъ на первый планъ не матеріальные, а нравственные интересы своего consortium съ «господами».

Моя первая няня была донская казачка Василиса или Васса—высокая и статная красавица, постоянно дѣлавшаяся предметомъ покушеній на ухаживанія. Особенно сильно, со всѣмъ пыломъ восточной натуры, въ нее влюбился офицеръ конвоя, лезгинъ Гассанъ, приковывавшій къ себѣ мое дѣтское вниманіе эффектнымъ лицомъ съ горбатымъ носомъ, большими черными, какъ смоль, усами и глазами величиною и цвѣтомъ съ добрый черносливъ. Онъ повадился ходить къ намъ и, исчерпавъ репертуаръ своихъ разсказовъ о Кавказѣ, обыкновенно съ молчаливымъ восторгомъ слѣдилъ глазами за Василисой, величаво и гордо двигавшейся по комнатамъ плывущею походкой. Однажды, когда она, за отлучкой куда-то лакея, вышла отворить дверь передней уходящимъ гостямъ, и одинъ изъ нихъ, старый литераторъ тридцатыхъ годовъ, бывшій высокаго мнѣнія о своей неотразимости, вздумалъ фамильярно взять ее за подбородокъ и обнять, другой — Гассанъ — съ рычаньемъ бросился на него и чуть

не зарѣзалъ его громаднымъ кинжаломъ. У меня остались въ памяти ея сказки и страшные разсказы объ оборотняхъ, въ существованіе которыхъ она искренно вѣрила. Она уходила «со двора» къ землякамъ, и тамъ ее встрѣтилъ лейбъ-казакъ императрицы Александры Ѳеодоровны (супруги Николая I) Ногайцевъ и плѣнился ею. Ногайцевъ имѣлъ хорошее состояніе — результатъ частыхъ поѣздокъ съ императрицей по Россіи и въ Италію—и по смерти оставилъ женѣ богатый хуторъ въ Черниговской губерніи, Мглинскаго уѣзда, и много дорогихъ художественныхъ вещей, пріобрѣтенныхъ преимущественно во время пребыванія покойной императрицы въ Палермо. Съ семилѣтняго возраста я не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій, но въ 1878 году,—когда мнѣ было уже 34 года, и я занималъ мѣсто предсѣдателя Окружного Суда въ Петербургѣ,—однажды, выйдя въ пріемную къ просителямъ, я обратился съ вопросомъ къ богато одѣтой дамѣ, обрамленное сѣдыми волосами лицо которой хранило слѣды замѣчательной красоты. Не отвѣчая на мой вопросъ, дама пристально на меня посмотрѣла и затѣмъ, всплеснувъ руками, воскликнула: «Батюшка, да какъ ты выросъ и постарѣлъ!» и въ слезахъ бросилась мнѣ на шею. Оказалось, что это была Васса Ивановна Ногайцева, пользовавшаяся у себя въ Мглинѣ большимъ уваженіемъ за свою благотворительность и постоянное воспитаніе какихъ-нибудь бездомныхъ сиротъ. Умная и добрая старуха разумно устроила свою жизнь и дѣлала добро, гдѣ и какъ могла. Почти каждый годъ пріѣзжала она въ Петербургъ хлопотать о комъ-либо изъ своихъ питомцевъ и всегда посѣщала меня, очень интересовалась моей дѣятельностью, была въ восторгѣ отъ подаренныхъ ей «Судебныхъ рѣчей» и каждый разъ привозила мнѣ «гостинецъ» въ видѣ куска мозаики или мозаичной табакерки или чего-нибудь въ этомъ родѣ изъ богатаго запаса, оставленнаго ей мужемъ. Однажды она даже привезла мнѣ два великолѣпныхъ мраморныхъ подоконника, съ которыми я рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Но когда я пробовалъ ее отдаривать, то она обижалась и говорила мнѣ: «Я вѣдь была твоей, ваше превосходительство, няней! Кому же мнѣ и подарить? Я и хуторъ свой оставлю тебѣ». Мнѣ сто-

ило большого труда ее отговорить отъ этого, убѣдивъ завѣщать хуторъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, что она, кажется, и сдѣлала. Каждый годъ она звала меня къ себѣ погостить, обѣщаясь устроить мнѣ жизнь, «какъ въ царствіи небесномъ», пока, не дождавшись, весною 1903 года не ушла сама въ подлинное и заслуженное ею царствіе небесное...

Одновременно съ нею жилъ у насъ лакей Фока, оригинальную наружность котораго изобразилъ знаменитый каррикатуристъ Степановъ. Фока былъ человѣкъ огромнаго роста—косая сажень въ плечахъ, но говорилъ очень тонкимъ и какимъ-то птичьимъ голосомъ. Онъ обладалъ, повидимому, изумительнымъ здоровьемъ, такъ какъ въ 1848 году, заболѣвъ во время эпидеміи ночью холерой, пошелъ въ гостиную, гдѣ подъ бюстомъ молящагося ангела, въ черномъ шкапчикѣ, моя мать хранила на всякій случай недоконченныя наружныя и внутреннія лѣкарства: мази, примочки и т. п., и все содержимое шкапчика влилъ и положилъ въ большой жестяной ковшъ, размѣшалъ, съѣлъ — что было, по его словамъ, «трудновато» — и выздоровѣлъ. Однажды за обѣдомъ, въ его отсутствіе, мать сказала отцу, что Фока хвастаетъ въ дѣвичьей своимъ разговоромъ съ императоромъ Александромъ I. «Правда ли, — спросилъ отецъ вошедшаго Фоку, — что у тебя былъ разговоръ съ покойнымъ государемъ?» — «Какъ же-съ: имѣлъ счастье разговаривать съ покойнымъ блаженныя памяти государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ», — радостно сказалъ тотъ. «Какъ же это было?» — «А вотъ-съ какъ-съ: это иду я разъ по набережной и остановился посмотрѣть, какъ ледъ колютъ, а они въ это время сзади меня и проходятъ. Я-то этого не замѣтилъ, да круто повернись и толкни ихъ, а государь императоръ обернулись ко мнѣ да и говорятъ: «Посторонись, дуракъ».—«Ну, а затѣмъ?»—«Все-съ»,—такъ же радостно прощебеталъ Фока. Онъ меня любилъ чрезвычайно и въ свободныя минуты объяснялъ мнѣ по-своему законы физики и механики, стараясь подтвердить свои слова опытами, всегда, впрочемъ, неудачными. Не могу припомнить, по какому случаю мнѣ показалось, что онъ меня обидѣлъ, и я, въ пылу гнѣва,

назвалъ его дуракомъ. Это услышалъ отецъ изъ своего кабинета и, выйдя, больно наказалъ меня и, позвавъ затѣмъ Фоку, приказалъ мнѣ стать передъ нимъ на колѣни и просить прощенія. Когда я это исполнилъ, Фока не выдержалъ, тоже упалъ передо мною на колѣни; мы обнялись и оба зарыдали на весь домъ... Замѣчательно, что Фока терпѣть не могъ няню Василису и, когда та прерывала нашу случайную бесѣду съ нимъ и молча, взявъ меня за руку, уводила переодѣваться или умываться, Фока презрительно кривилъ ротъ и говорилъ съ дрожью въ голосѣ: «Ишь вѣдь фордыбачитъ! Ишь ты фордыбачитъ! Вѣдь какъ фордыбачитъ!»

Изъ людей, служившихъ уже лично у меня, я вспоминаю прежде всего моего харьковскаго слугу Герасима Свѣчкаря, высокаго отставного солдата, разъ въ мѣсяцъ запивавшаго до безчувствія и очень грубаго. Онъ мнѣ говорилъ «ты» и поступалъ со мною деспотически. Я былъ очень слабъ въ это время (1868—69 годы) здоровьемъ и страдалъ горловыми кровотеченіями. Однажды Герасимъ мнѣ сказалъ: «Что твои дохтуры понимаютъ! Душегубы они! *Я* тебя буду лѣчить. Есть трава «деревѣй». Надо купить шведской водки и ее настоять и пить два раза въ день по рюмкѣ». Сказано — сдѣлано. И черезъ нѣсколько дней утромъ, придя меня будить, Герасимъ принесъ большую бутыль, одна треть которой была наполнена какой-то травой, и, наливая рюмку, сказалъ мнѣ: «Пей съ Богомъ! Это пользительно». Въ рюмкѣ была невообразимая на вкусъ гадость, такъ что я отъ предобѣденнаго пріема уклонился. Но на другой день утромъ Герасимъ неотступно и съ угрозами не принести мнѣ умываться потребовалъ новаго пріема своего «деревѣя». Однако, на третій день я категорически заявилъ ему, что больше не желаю у него лѣчиться и что свое снадобье онъ можетъ пить самъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ презрительнымъ сожалѣніемъ и унесъ бутыль къ себѣ, а затѣмъ самъ сталъ лѣчиться столь усердно, что черезъ нѣсколько дней, вернувшись изъ суда домой, я нашелъ его совершенно пьянымъ, при чемъ на мое укоризненное замѣчаніе онъ мнѣ вразумительно отвѣтилъ: «не на твои деньги пилъ!»—и тотчасъ же пошелъ въ свою комнату, гдѣ и улегся. Я отправился обѣдать въ клубъ, заперевъ за собою наружную дверь, но, когда я черезъ

два часа вернулся, то оказалось, что, повидимому, мой слуга безъ меня снова лѣчился «деревѣемъ», такъ какъ отвѣчалъ мнѣ однимъ мычаніемъ и даже не открывалъ глазъ. Мнѣ не хотѣлось оставаться на ночь въ маленькой квартирѣ съ мертвецки-пьянымъ человѣкомъ, и я пошелъ ночевать къ моему покойному сослуживцу Е. Е. Ковалевскому, гдѣ и остался до полудня слѣдующаго дня. Герасимъ, проспавшись и увидѣвъ, что меня нѣтъ дома, побѣжалъ къ моему другу Морошкину, заявляя со слезами, что я, уйдя наканунѣ утромъ въ судъ, не возвращался (остального онъ не помнилъ), и что, вѣроятно, со мною произошло что-нибудь неладное. Такъ какъ въ это время я дѣятельно велъ знаменитое дѣло серій, по которому въ обществѣ распространялось подозрѣніе объ устраненіи «опасныхъ» для обвиняемыхъ свидѣтелей и судебныхъ дѣятелей, то Морошкинъ очень встревожился, и лишь случайная встрѣча моя съ нимъ на улицѣ удержала его отъ поѣздки къ губернатору, послѣ чего «пошла бы писать губернія». Этотъ Герасимъ ставилъ меня вообще не разъ въ неловкое положеніе. Такъ, напримѣръ, онъ былъ виновникомъ того, что я взялъ взятку и при томъ даже не деньгами, а подражая Ляпкину-Тяпкину. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько молодыхъ крестьянъ Бѣлгородскаго уѣзда Курской губерніи взялись доставить въ Харьковъ, по порученію мѣстнаго коммерсанта Р., нѣсколько возовъ сахарнаго песку, но случившійся разливъ рѣкъ подмочилъ одинъ возъ, и они, боясь такой же участи для остальныхъ, продали кому-то подвернувшемуся сахарный песокъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ и вырученныя деньги привезли Р., но послѣдній не принялъ денегъ и возбудилъ противъ извозчиковъ обвиненіе въ растратѣ. Дѣло было назначено къ слушанію, и мнѣ предстояло поддерживать обвиненіе. Наканунѣ засѣданія ко мнѣ пришло человѣкъ пять стариковъ-крестьянъ изъ Бѣлгорода, какъ оказалось, отцовъ молодыхъ извозчиковъ. Они разсказали мнѣ, что, явившись въ Харьковъ «вызволять» своихъ сыновъ, попавшихъ подъ судъ, они обратились къ частному ходатаю В., весьма небрезгливому въ выборѣ дѣлъ и средствъ для ихъ выигрыша, который, вынувъ какую-то книжку, прочелъ имъ законъ, въ силу коего дѣти ихъ

будутъ сосланы въ Сибирь, и за избавленіе отъ Сибири потребовалъ за каждаго изъ обвиняемыхъ по триста рублей. Крестьянамъ это показалось дорого, и они пошли въ судъ посовѣтоваться со сторожемъ Ковзаномъ. Тотъ ихъ послалъ ко мнѣ, говоря, что я могу имъ объяснить, такъ ли это. Я тоже прочиталъ имъ «по книжкѣ» (т.-е. по Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) о наказаніи за растрату по легкомыслію и объяснилъ, что въ худшемъ случаѣ каждому изъ «сыновъ» придется отсидѣть не болѣе мѣсяца. «Да вѣрно ли ты говоришь?»—спросили они меня.—«Вѣрно. Я ихъ буду обвинять и большаго наказанія не потребую».—«Ахъ, ты, родимый!—сказали мнѣ, радостно вздохнувъ, мужички:—да если они и больше отсидятъ не бѣда! Мы ихъ еще и въ волости посѣчемъ». На другой день они всѣ присутствовали на судѣ, который оказался еще милостивѣе меня и присудилъ каждаго изъ парней на три недѣли. Вернувшись домой въ мой флигелекъ, помѣщавшійся внутри двора въ Инструментальномъ переулкѣ, я нашелъ у дверей моихъ стариковъ, которые вслѣдъ за мной, предводимые Герасимомъ, вторглись и въ квартиру. «Что вамъ, братцы, надо?» Они стали кланяться и благодарить за «сыновъ», а затѣмъ, переминаясь и переглядываясь другъ съ другомъ, стали слегка выпихивать изъ своей среды одного изъ нихъ, изъ-за оттопырившагося на груди тулупа котораго выглядывала голова живого откормленнаго гуся. «Батюшка! не побрезгуй! прими гуся: оченно мы тобою благодарны». Теперь я бы добродушно на это разсмѣялся, но тогда, 22 лѣтъ отъ роду, являясь представителемъ новаго суда на смѣну стараго и продажнаго, я совершенно искренно разсердился и, сказавъ просителямъ краткую, но энергическую рѣчь о новыхъ судебныхъ порядкахъ—едва ли ими понятую,—велѣлъ имъ немедленно уходить, приказавъ Герасиму ихъ выпроводить. «Идите, идите!—сталъ онъ имъ говорить, размахивая руками:—гдѣ это видано! Что еще выдумали! Пошли, пошли! Только барина на сердце наводите!» Мужики удалились, и я видѣлъ изъ своихъ окопъ, какъ они медлительно потянулись черезъ дворъ къ калиткѣ въ воротахъ (по-харьковски «форткѣ»). Сзади шелъ, жестикулируя, Герасимъ. Вотъ въ открывшейся калиткѣ одинъ

за другимъ мелькнули мои посѣтители, замыкаемые тѣмъ, который несъ гуся, тревожно смотрѣвшаго по сторонамъ. Герасимъ остановился на порогѣ калитки, что-то говоря вслѣдъ уходящимъ, затѣмъ перешагнулъ черезъ порогъ, заперъ калитку за собою и, къ моему удивленію, исчезъ. Онъ вернулся лишь поздно вечеромъ, сильно выпившій. «Куда ты ходилъ?» — «Ходилъ съ хорошими людьми». — «И пилъ съ ними?» — «Ну, что жъ, что выпилъ? Не на твои деньги пилъ!» — повторилъ онъ свой обычный дерзкій отвѣтъ. Вдругъ ужасная мысль озарила меня. «Послушай! ты пьянствовалъ съ этими мужиками?» — «Отчего же съ ними не выпить, когда ты ихъ такъ обидѣлъ?» — «Ты взялъ у нихъ гуся?» — прикрикнулъ я на него. «Взялъ, — совершенно спокойно отвѣтилъ онъ и, вдругъ оживившись, прибавилъ: — я имъ говорю: вы народъ сѣрый, дурачье! такъ прямо съ гусемъ и лѣзете! Развѣ такъ возможно?»—«Гдѣ же гусь?»—спросилъ я, холодѣя отъ сознанія, что онъ взялъ взятку моимъ именемъ. «Что жъ его назадъ нести, когда ты его не взялъ... Я его имъ обратно продалъ».—«А деньги?»—спросилъ я упавшимъ голосомъ. Но онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, а, посмотрѣвъ на меня угрюмымъ и вмѣстѣ пьянымъ взоромъ, подошелъ къ самовару и сталъ его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разводить.

Теплыя воспоминанія оставилъ во мнѣ мой первый слуга по переѣздѣ моемъ въ 1871 году въ Петербургъ. Это былъ отставной матросъ 8-го флотскаго экипажа, обрусѣвшій полякъ Варфоломей Тадеушевъ Гелгутъ, человѣкъ богатырской силы, со строгимъ лицомъ, но ласковой улыбкой подъ густыми усами. Онъ былъ— сама преданность и деликатность, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ въ полномъ смыслѣ безпробуднаго пьянства. Эти несчастные случаи налетали на него раза два въ годъ, но тогда онъ становился страшенъ и имѣлъ неодолимую привычку ложиться, какъ былъ—одѣтый и въ сапогахъ—на чистую постель своихъ хозяевъ и со скрежетомъ зубовъ грозить всякому, кто пытался бы потревожить его на этомъ ложѣ. Обыкновенно его покорной и молчаливой жертвой въ этомъ отношеніи былъ мой товарищъ Шульцъ, съ которымъ я долго жилъ вмѣстѣ. Но затѣмъ и мнѣ не удалось избѣжать той же участи, какъ будетъ разсказано

дальше. Варфоломей принималъ очень близко къ сердцу мои матеріальные интересы: торговался при покупкахъ, какъ цыганъ, и мнѣ не разъ приходилось выпутывать его изъ исторій, которыя онъ заводилъ, находя, что какой-нибудь заказъ исполненъ плохо или дорого. Но не одна матеріальная сторона моей жизни заботила его. Онъ чутко и ревниво относился ко всему, что̀ могло нарушить мое душевное спокойствіе. Поэтому и отношеніе его къ моимъ знакомымъ было весьма разнообразно. Тѣ, кто, по его мнѣнію, меня любили, пользовались его особымъ расположеніемъ. Таковъ былъ въ особенности мой товарищъ по петербургскому университету Евгеній Исаковичъ Утинъ, къ которому онъ чувствовалъ глубокую и совершенно безкорыстную симпатію. Но на тѣхъ, послѣ разговора съ которыми я бывалъ встревоженъ или утомленъ, онъ смотрѣлъ волкомъ. Онъ велъ записную книгу, куда вписывалъ разные адреса и свѣдѣнія. Однажды въ его отсутствіе мнѣ крайне и неотложно понадобился чей-то адресъ. Я попробовалъ его искать въ этой записной книгѣ и невольно напалъ на одно изъ замѣчаній, которыя онъ вписывалъ на ряду съ адресами. Оно гласило: «сегодня *Конекъ* мой что-то грустенъ». Въ 1872 году послѣ оправдательнаго приговора по дѣлу Мясниковыхъ, по которому я выступалъ обвинителемъ, на меня, на судъ и на защитниковъ посыпались, подъ вліяніемъ и руководствомъ обманувшихся въ своихъ расчетахъ гражданскихъ истцовъ, разныя злостныя инсинуаціи въ печати и только-что введенныя у насъ открытыя письма съ ругательствами. Я былъ молодъ, еще не обстрѣлянъ, душевно одинокъ, и на меня это дѣйствовало самымъ тяжелымъ образомъ. Я, конечно, боролся съ собою, но совершенно скрыть своего состоянія отъ домашнихъ не могъ. Вдругъ полученіе ругательныхъ открытыхъ писемъ прекратилось, а затѣмъ время, молодость и живая дѣятельность взяли свое, и когда однажды, черезъ годъ, отъ меня ушло нѣсколько пріятелей, съ которыми я весело шутилъ и смѣялся,—Варфоломей съ радостнымъ и вмѣстѣ сконфуженнымъ видомъ подалъ мнѣ перевязанную ленточкой пачку открытыхъ ругательныхъ писемъ, полученныхъ давно, и которыя онъ хранилъ у себя, не подавая мнѣ и оберегая мое душевное спокойствіе.

Единственными моими соперниками въ сердцѣ Варфоломея являлись, какъ я уже говорилъ, Утинъ, затѣмъ кухарка Александра Матвѣевна и мой пудель «Мирза». Къ Утину онъ питалъ родъ обожанія и, когда тотъ сидѣлъ въ крѣпости послѣ своей дуэли, то каждое воскресенье Варфоломей, даже не спрашивая моего разрѣшенія, утромъ категорически объявлялъ мнѣ, что идетъ на свиданіе «съ Евгеніемъ Исаичемъ». Эти свиданія состояли въ томъ, что онъ, обмѣнявшись съ Утинымъ привѣтствіями, останавливался у двери и, поглядѣвъ на него молча минутъ десять, часто при этомъ вздыхая, говорилъ: «счастливо оставаться!» и уходилъ. «Да ты ему даешь что-нибудь?»—спросилъ я разъ у Утина.—«Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—разъ хотѣлъ ему дать три рубля, но онъ покраснѣлъ и молча отодвинулъ руку мою». Иногда, желая немножко подразнить Варфоломея, утромъ, когда онъ, по настойчиво соблюдаемому имъ обычаю, подавалъ мнѣ умываться, я спрашивалъ его: «а сколько дней еще осталось сидѣть Евгенію Исаковичу (Утинъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость на четыре мѣсяца)?» Лицо Варфоломея озарялось блаженной улыбкой, и онъ съ точностью опредѣлялъ число оставшихся дней заточенія. «Какъ мало!»—говаривалъ я.—«Отчего же мало?» каждый разъ съ горестнымъ удивленіемъ спрашивалъ Варфоломей.—«Да вѣдь онъ человѣка убилъ! Его бы надо лѣтъ на пять посадить». Варфоломей мрачно наклонялъ голову, начиналъ пыхтѣть и умышленно лить мнѣ воду на руки такъ, чтобы замочить рукава рубашки.

Александра Матвѣевна была полногрудая, круглолицая женщина лѣтъ тридцати пяти, подававшая намъ съ Шульцемъ аптекарскіе счета за самые скромные обѣды. Варфоломей относился къ ней съ явнымъ восхищеніемъ и не иначе говорилъ о ней, какъ въ третьемъ лицѣ множественнаго числа. Наконецъ, ея счета дошли до невозможныхъ предѣловъ, и обѣдъ, состоявшій изъ бульона съ гренками, битковъ съ картофелемъ и клюквеннаго киселя, оказывался стоящимъ пять рублей, и это при цѣнахъ, существовавшихъ тридцать пять лѣтъ назадъ. Пришлось разстаться, при чемъ Александра Матвѣевна приняла наше рѣшеніе совершенно спокойно, сказавъ: «Я и сама вижу, что я для васъ

дорога, потому какъ я кухарка за повара». Очевидно, что, по ея мнѣнію, это почетное званіе должно было отражаться не на свойствахъ и качествахъ ея стряпни, а главнымъ образомъ на взимаемой за эту стряпню платѣ. «Вы—господа добрые и хорошіе. Я вамъ рекомендую мою сестру Елизавету Матвѣевну. Мы съ ней близнецы, совсѣмъ похожи другъ на друга, у меня только родимое пятно на рукѣ, котораго у нея нѣтъ. Она кухарка хорошая, но обнакновенная и будетъ вамъ готовить дешево». Мы съ радостью ухватились за это предложеніе, отчасти, конечно, имѣя въ виду смягчить наносимую Варфоломею сердечную рану. Сестра ушедшей оказалась дѣйствительно, какъ двѣ капли воды, похожею на нее, даже голосомъ и манерой говорить нараспѣвъ. Но расчеты наши на сердце Варфоломея оказались обманчивыми. Черезъ недѣлю новая кухарка пришла ко мнѣ и попросила расчетъ. «Почему? Развѣ вы нами недовольны?» — «Помилуйте! очень даже довольна. Но только мнѣ жить у васъ невозможно изъ-за злодѣя-поляка». — «Какъ изъ-за него?»—«Да помилуйте! стоитъ мнѣ лечь спать въ моей комнатѣ, какъ онъ приходитъ къ дверямъ и такія мнѣ угрозы дѣлаетъ и ненавистныя слова шипитъ, что у меня отъ этого всю ночь волосы дыбомъ стоятъ, и я спать не могу. Того и жди, что онъ меня жизни рѣшитъ». Я уговорилъ ее остаться и позвалъ Варфоломея. «Что ты (обращеніе на *вы* онъ считалъ для себя обиднымъ — «точно я чужой»,—говорилъ онъ) такое говоришь Елизаветѣ и зачѣмъ ее пугаешь?»— «Вольно жъ ей пугаться! А я ей словъ никакихъ не говорю: только мнѣніе свое выражаю».—«Да какое жъ у тебя можетъ быть дурное о ней мнѣніе? Она женщина смирная, и при томъ ее и отличить-то трудно отъ твоей возлюбленной Александры Матвѣевны». — «Ее-то?—съ изумленіемъ воскликнулъ Варфоломей:—помилуйте! какъ же это можно!.. Александра Матвѣевна была... — и онъ вдругъ густо покраснѣлъ и замолчалъ.—А эта,—прибавилъ онъ потомъ, презрительно скосивъ въ сторону и прищуривъ глаза:— самый нестоящій человѣкъ. Даже «линьковъ» она не стоитъ, а Александра Матвѣевна...» — и онъ отвернулся, чтобы скрыть набѣжавшія слезы. Такъ для насъ и осталось загадкой, почему именно онъ оказался «злодѣемъ» для Елизаветы Матвѣевны.

Вскорѣ она все-таки отъ насъ ушла, проявивъ, въ свою очередь, ненависть къ Варфоломею. На него нашелъ роковой стихъ пьянства. Однажды, поздно вечеромъ, она, отворяя мнѣ дверь, на мой вопросъ: гдѣ Варфоломей? съ радостной дрожью въ голосѣ сказала мнѣ: «не знаю-съ!» и тотчасъ же ушла къ себѣ. Пройдя въ свой кабинетъ, отдѣленный отъ спальни драпировкой, я съ удивленіемъ увидѣлъ за нею свѣтъ... На моей кровати, на чистыхъ подушкахъ и одѣялѣ, лежалъ разстегнутый и въ грязныхъ сапогахъ Варфоломей и, тяжело дыша, похрапывалъ. На столикѣ пылала догоравшая свѣчка, на полу, въ лужѣ воды, валялся разбитый графинъ. Я попробовалъ его разбудить, но онъ сжималъ кулаки, махалъ руками, брыкалъ ногами во всѣ стороны, скрежеталъ зубами и, не открывая глазъ, говорилъ какія-то польскія ругательства. Въ первую минуту гнѣва, желая отучить его отъ такой скверной привычки, я позвалъ Елизавету и поручилъ ей сказать дворнику, чтобы онъ сходилъ въ участокъ и попросилъ взять Варфоломея для вытрезвленія. Лицо ея просіяло неподдѣльнымъ восторгомъ. Чуть не захлебываясь отъ радости, сказавъ: «слушаюсь! сею минутою!» она бросилась за дворникомъ. Между тѣмъ гнѣвъ мой остылъ. Я вспомнилъ всѣ добрыя и даже нѣжныя душевныя свойства Варфоломея, представилъ себѣ его— самолюбиваго и по-своему развитого — проснувшимся утромъ въ грязной комнатѣ для вытрезвленія, среди другихъ пьяницъ — и устыдился своей вспышки. «Дворникъ сказалъ, что сейчасъ пойдетъ», — доложила мнѣ моя посланница. — «Скажите, что не надо!» — «То-есть какъ не надо?» — изумленно спросила она. — «Да такъ, не надо. Оставьте его спать на моей постели, а мнѣ постелите въ гостиной на диванѣ». — «Слушаю-съ», — сказала она явно насмѣшливымъ тономъ. На другой день утромъ, открывъ глаза, я увидѣлъ Варфоломея уже трезвымъ и съ остервенѣніемъ чистившимъ, по корабельному обычаю, мѣдные замки и ручки дверей. Онъ со слезами просилъ прощенія, а когда я ему сказалъ о вчерашнемъ моемъ предположеніи, онъ поблѣднѣлъ и мрачно проговорилъ: «Я бы умеръ со стыда. А вы лучше въ другой разъ просто меня прибейте. Отъ васъ я это приму съ благодарностью».—«Этого я дѣлать не умѣю,—сказалъ я,—но если ты

еще разъ такую штуку выкинешь, то уходи совсѣмъ безъ всякаго разговора. А теперь прекрати свою чистку: ты и такъ перепортилъ мнѣ всѣ бронзовыя вещи. Вѣдь мы не на кораблѣ».— «Да,—отвѣтилъ онъ со вздохомъ,—не на кораблѣ. Тамъ бы мнѣ за это отъ линьковъ такъ «напрѣло», что я бы навсегда и пить закаялся». Передъ обѣдомъ въ тотъ же день кухарка пришла ко мнѣ и со строгимъ лицомъ сказала: «Пожалуйте мнѣ расчетъ: я не могу у васъ оставаться. Помилуйте, какой же вы господинъ, когда хаму позволяете на своей постели ночевать. Я отъ стыда сгорѣла вчера, когда дворника пришлось останавливать, чтобы не шелъ въ участокъ. Нѣтъ, я ужъ вамъ не слуга!» И она ушла.

Пудель «Мирза», подаренный мнѣ братомъ, служившимъ въ провинціи, былъ ученый, умѣлъ прыгать черезъ палку и по слову «умри» притворяться мертвымъ. Если при этомъ приговаривали: «бѣдный, бѣдный Мирза!» то онъ вздыхалъ, лежа неподвижно и вытянувъ лапы. Но стоило вскрикнуть: «живъ!» какъ онъ мгновенно вскакивалъ и въ бѣшеномъ восторгѣ начиналъ прыгать. Этого пуделя Варфоломей любилъ самымъ горячимъ образомъ, водилъ его мыть въ баню, расчесывалъ, ревниво заботился о его питаніи и лѣченіи и снимался съ нимъ на фотографическихъ карточкахъ, передѣлавъ его изъ «Мирзы» въ «Мирона» или, какъ онъ произносилъ, въ «Мырона». Въ разсказахъ о достоинствахъ и похожденіяхъ «Мырона» онъ доходилъ до паѳоса и съ заботливой настойчивостью ходилъ къ разнымъ своимъ знакомымъ выбирать для своего любимца супругу. Въ августѣ 1873 года я уѣзжалъ за границу. За нѣсколько дней до отъѣзда «Мыронъ» заскучалъ, пересталъ ѣсть, началъ съ отвращеніемъ отворачиваться отъ воды и, опустивъ хвостъ, съ мутнымъ взглядомъ, забираться подъ мебель и бросаться на меня и на Варфоломея, злобно щелкая зубами. Обычное лѣкарство — сѣра — не помогало, и я имѣлъ основаніе бояться, что въ мое отсутствіе онъ можетъ окончательно взбѣситься и искусать не только Варфоломея, но и разныхъ дѣтей, бѣгавшихъ на дворѣ. Поэтому, уѣзжая, я приказалъ Варфоломею отвести собаку въ Коломенскую часть, гдѣ былъ полицейскій ветеринарный пунктъ, для осмотра и лѣченія, давъ ему записку къ управляющему пунктомъ съ выраже-

ніемъ моихъ опасеній. Недѣли черезъ двѣ въ Остенде я получилъ отъ Варфоломея слѣдующее письмо: «Милостивому Государю и Госпадину Моему отъ покорнейшаго вашего Слуга Варфоломѣя для вашего спокойнаго продолженія проводить свободныя минуты при точномъ спокойствіи увѣдомляю васъ втомъ, что до высыланіе Сего письма вквартире всіо совершенно благополучно и надо сказать слава Богу. А впредъ уповаю на Бога и надѣюсь заслужить и доказать На дѣле ту достойность котору вы могли понять во мне и моей чисто Сердечной услуги вамъ. И еще увѣдомляю васъ Втомъ, что ваша Собака А мой Канпаньонъ и другъ приказалъ долго жить тотъ самый день, какъ вы имѣли Сщастіе выѣхать изъ Квартиры вашей въ заграницу. А проводя васъ пошолъ туда думаючи привести домой прихожу туда Где оставилъ и вижу подходитъ ко мне Солдатъ называетъ мене Гаспадиномъ и говоритъ ваша Собака въ сарайчикѣ. Я подошелъ къ сарайчику Смотрю нашъ Мырошка Лежитъ польномъ Спокойствіи такъ какъ вы всегда ему приказывали умеретъ. Я раза два позвалъ Мирошка, Мирошка и потомъ скричалъ живъ, живъ. А Мирошка уже Лежитъ бездушнымъ.—Я долго не могъ отойти отъ сарайчика. Прихожу домой одинъ нѣтъ моего Гаспадина нѣту и моего канпаніона»...

Вспоминается мнѣ еще одинъ характерный случай. Въ Петербургъ пріѣхала моя старая харьковская пріятельница А. Г. Х—на и одновременно съ нею харьковскій уѣздный предводитель, отставной флота лейтенантъ Николай Евграфовичъ Ковалевскій. Я пригласилъ ихъ вечеромъ къ себѣ, созвалъ общихъ знакомыхъ и приготовилъ для нихъ ужинъ, нарочито объяснивъ Варфоломею, что чай, фрукты и блюда за ужиномъ надо подавать сперва и раньше всѣхъ пожилой дамѣ. «Помилуйте,—отвѣчалъ Варфоломей:—да развѣ я не знаю», и дѣйствительно въ точности выполнялъ этотъ порядокъ. Но вотъ передъ ужиномъ въ передней раздался звонокъ. Однако оттуда никто долго не появлялся, а только слышались какіе-то отрывистые звуки. Встревоженный, вышелъ я въ переднюю и засталъ Варфоломея стоящимъ на колѣняхъ и осыпающимъ поцѣлуями руки милаго добряка Ковалевскаго, который, въ свою очередь, обнималъ его, и оба плакали.

Оказалось, что Варфоломей былъ боцманомъ на фрегатѣ «Діана», задержанномъ японцами въ русско-англійскую войну 1854 года. На этомъ же кораблѣ былъ лейтенантомъ и Ковалевскій и вмѣстѣ съ Варфоломеемъ провелъ семь мѣсяцевъ плѣна. Теперь товарищи по несчастью встрѣтились въ первый разъ и радостно узнали другъ друга. За ужиномъ Варфоломей, несмотря на мои знаки, всѣ кушанья начиналъ съ Ковалевскаго, и когда, выйдя за нимъ въ другую комнату, я повторилъ ему свое приказаніе, онъ взглянулъ на меня восторженными глазами и тономъ, не допускающимъ возраженій, сказалъ мнѣ: «Ну, ужъ этому не бывать! Какъ вамъ будетъ угодно, а чтобъ я моему лейтенанту да не подалъ перваго куска — этому никогда не бывать!..»

Мы разстались съ нимъ въ 1876 году, когда онъ поступилъ къ Шульцу, уѣзжавшему служить въ Варшаву членомъ Судебной Палаты. Но на родинѣ ему очень не понравилось, и онъ черезъ годъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что ему жить въ Варшавѣ тяжело, и что среди «этихъ фанатизированныхъ народовъ» онъ проводитъ свои дни въ одиночествѣ «субитой душой и сугрюмымъ сердцемъ, какъ *мызантропъ* или *торговецъ яблоками*» (sic!). Я его выписалъ въ Петербургъ и нашелъ ему мѣсто у бывшаго моего сослуживца, назначеннаго сенаторомъ, но и здѣсь ему не понравилось. «Я уже слишкомъ старъ, въ семейство не гожусь, — писалъ онъ мнѣ,—что уже видно изъ всѣхъ мелкихъ интимныхъ домашнихъ эпизодовъ». Тогда я взялъ его снова къ себѣ, но онъ прожилъ у меня недолго. У него сдѣлался ракъ желудка, и его пришлось помѣстить въ больницу, откуда мнѣ прислали послѣ его кончины, вслѣдствіе его настойчивой предсмертной просьбы, выданный мною ему за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ аттестатъ, въ которомъ онъ дрожащей рукой подчеркнулъ слова: «всегда отличался глубокой честностью и преданностью». Мой бѣдный старый и вѣрный другъ! Съ какимъ правомъ могу я тебя назвать этимъ хорошимъ именемъ, столько разъ извѣдавъ въ жизни цѣну дружбы тѣхъ, кто съ высоты своего развитія и общественнаго положенія посмотрѣлъ бы на тебя со снисходительнымъ пренебреженіемъ, не имѣя и десятой доли твоего безкорыстнаго золотого сердца...

Преемникомъ Варѳоломея былъ человѣкъ совсѣмъ другого рода, гораздо болѣе мелкій, нецѣльный и уже подвергшійся дурному вліянію городской жизни. Павелъ Панкратьевъ — съ начесаннымъ на лбу кокомъ, выхоленными усами и не только опрятнымъ, но и хорошо сшитымъ костюмомъ—поступилъ ко мнѣ отъ правителя канцеляріи министерства юстиціи барона Корфа, а до того служилъ въ составѣ прислуги одного изъ второстепенныхъ дворовъ. Вѣроятно, поэтому его маленькіе глазки глядѣли съ выраженіемъ крайняго самодовольства, а странная изысканность его манеръ и языка иногда невольно заставляла улыбнуться. Онъ считалъ себя знатокомъ свѣтскихъ приличій и хорошаго тона и зорко слѣдилъ за модой. Однажды, собравшись внезапно, вслѣдствіе нездоровья моей матери, ѣхать въ Москву, я приказалъ ему уложить къ вечеру въ чемоданъ необходимыя вещи. «Галстуки изволите взять?—спросилъ онъ меня, входя въ кабинетъ съ озабоченнымъ видомъ:—а какіе?—Да какіе есть.—Да у васъ никакихъ нѣтъ. — Какъ нѣтъ? Да вѣдь есть, кажется, цѣлая коробка съ галстуками. — Помилуйте, да развѣ это галстуки? Кто же нынче такіе носитъ? — А какіе же носятъ? — Вотъ! — сказалъ онъ съ горделивымъ видомъ, показывая на свой галстукъ самоновѣйшаго фасона. По утрамъ, принося мнѣ одѣваться, онъ любилъ передавать мнѣ свои политическія и общественныя соображенія, въ которыхъ недовольство великими міра сего смѣшивалось съ ярой ненавистью къ «евангелисткамъ» (такъ онъ называлъ нигилистокъ). Когда я былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента Судебной Палаты и сталъ получать жалованья на пятьсотъ рублей больше, избавившись вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начальствованія, прямого и косвеннаго, надъ двумястами подчиненныхъ и сослуживцевъ, получивъ взамѣнъ этого секретаря, двухъ его помощниковъ и половину судебнаго пристава, такъ какъ таковой былъ одинъ на два департамента, то Павелъ сказалъ мнѣ какъ-то совершенно неожиданно: «Жалованья намъ больше, а чести гораздо меньше».—«Почему же это?»—«Да какъ же? Сколько у васъ въ Окружномъ Судѣ было подчиненныхъ! Сколькихъ вы могли несчастными сдѣлать!» Онъ былъ горделиваго мнѣнія о своихъ знаніяхъ, называлъ барометръ Реомю-

ромъ и однажды, спросивъ меня, спокойно ли я провелъ ночь, на мой утвердительный отвѣтъ сказалъ: «А мы такъ всю ночи глазъ не смыкали: такая буря была и громъ. Жена и дочь всю ночь, головы уткнувъ въ подушки, пролежали со страху. А я имъ и говорю: «Чего вы, дуры, боитесь? Это вѣдь *лестричество*! Чего же бояться?» Его отношеніе ко мнѣ было въ общемъ довольно покровительственное. Лѣто 1882 года я жилъ на дачѣ въ Петергофѣ. Потрясающія событія предшествовавшаго года среди разныхъ своихъ послѣдствій имѣли и то, что въ паркѣ и городѣ было много агентовъ тайной полиціи, которые всѣ имѣли одинаковые пальто, котелки, дождевые зонтики и резиновыя галоши, неснимаемыя даже въ знойные, сухіе дни. Бывая довольно часто на музыкѣ въ Монплезирѣ, я приглядѣлся къ ихъ лицамъ. Однажды, отправляясь въ городъ и имѣя много дѣловыхъ бумагъ, я взялъ одинъ портфель, а Павлу поручилъ нести другой. По дорогѣ намъ встрѣтился одинъ изъ обладателей неснимаемыхъ резиновыхъ галошъ и дружелюбно отвѣтилъ на почтительный поклонъ Павла. «Вы знаете этого человѣка?— Какъ же-съ, — отвѣчалъ Павелъ: — знаю: это *нашъ наблюдатель*. — Какой наблюдатель? Почему нашъ? — Да какъ же! Вѣдь Петергофъ раздѣленъ на участки, и мы въ его участкѣ подъ наблюденіемъ. — Да почему же вы это знаете? — Помилуйте! Какъ не знать! Онъ самъ это не разъ сказывалъ, приходя къ намъ во дворъ. Онъ прежде служилъ въ конвоѣ, а теперь вотъ въ наблюдателяхъ. Семьдесятъ пять рублей жалованья въ мѣсяцъ и на всемъ готовомъ... Вотъ ужъ точно, кому Богъ счастье пошлетъ!—прибавилъ онъ съ завистью и съ видимымъ уваженіемъ къ наивному представителю негласнаго надзора.—Что же, онъ вообще разсказывалъ что-нибудь?—спросилъ я затѣмъ Павла.— Да такъ, пустое! — Разспрашиваетъ о живущихъ? — Да, какъ-же-съ! — Что же, и обо мнѣ разспрашивалъ? Павелъ взглянулъ на меня строго и затѣмъ сказалъ, многозначительно сдвинувъ брови:—Было!—Но затѣмъ лицо его приняло выраженіе, дававшее мнѣ понять, что онъ своему собесѣднику ничего гибельнаго для меня не сообщилъ.

Въ этомъ человѣкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ людяхъ, страннымъ образомъ соединялась нѣкоторая жестокость съ душевной теплотой. Несчастный баронъ Корфъ ослѣпъ и однажды пріѣхалъ ко мнѣ съ какою-то просьбой въ сопровожденіи слуги, который водилъ его подъ руку. Когда онъ уходилъ, Павелъ съ напускною почтительностью попросилъ у него «поцѣловать ручку». — Вамъ жаль бѣднаго барона? — спросилъ я его, когда за слѣпцомъ закрылась дверь. — Мнѣ-то-съ? — воскликнулъ Павелъ:—да ни капельки! Такъ ему и надо!—и онъ злобно сжалъ губы.—Какъ вамъ не стыдно, Павелъ! Онъ такъ несчастенъ! — Ничего не стыдно-съ! А зачѣмъ онъ меня разсчиталъ! И мѣста у себя лишилъ! Я тогда-съ пошелъ въ Казанскій соборъ и свѣчку за него поставилъ кверхъ ногами, чтобы ему всякое недоброе было! Это, можетъ, она и подѣйствовала. Такъ ему и надо!—Почти въ то же время въ судѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ слушалось дѣло француженки Маргариты Жюжанъ по обвиненію ея въ отравленіи пятнадцатилѣтняго мальчика Познанскаго, съ которымъ она, будучи его гувернанткой, вступила въ любовную связь, его предварительно развративъ. «Скоро изволите слушать дѣло француэины? — спросилъ меня утромъ Павелъ, подавая одѣваться.—Черезъ четыре дня.— Бѣдная, горемычная! Помилуйте! На чужой сторонѣ! Служащій человѣкъ! Какъ легко оклеветать. Она, конечно, не виновата!..» На слѣдующій день повторилось то же самое, на третій — опять. Разговоръ начиналъ принимать характеръ попытки повліять на мое отношеніе къ дѣлу. «Довольно!—сказалъ я Павлу:—будетъ объ этомъ говорить! И почему вы утверждаете, что Жюжанъ не виновата? Я вотъ изучалъ ея дѣло и думаю совсѣмъ наоборотъ.— Помилуйте! Какъ можно! Да мнѣ знающіе люди говорили, что она не виновата. — Кто же это такое могъ вамъ говорить? — Извѣстно кто: вашъ курьеръ Прокофьевъ». — Такимъ образомъ въ его глазахъ мнѣніе курьера предсѣдателя Окружного Суда было гораздо авторитетнѣе, чѣмъ мнѣніе самого предсѣдателя... Судебныя засѣданія по этому дѣлу длились три дня и въ первые два дня кончались очень поздно. Я приходилъ домой совершенно измученный и немедленно ложился спать. Павелъ прихо-

дилъ за одеждой и обувью и тушилъ огонь. Въ это время меня уже одолѣвалъ сонъ, но во снѣ я безсознательно чувствовалъ, какъ что-то непріятно рѣжетъ мои сомкнутыя вѣжды. На третій день, въ 8 часовъ вечера, Жюжанъ оправдали, несмотря на усилія обвинителя. Несчастная приписывала свое оправданіе безпристрастію моего руководящаго напутствія. Съ нею сдѣлался отъ радости истерическій припадокъ, и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ на Новый годъ и на Пасху она мнѣ присылала поздравительныя письма, подписываясь: «toujours reconnaissante Marguerite Jugean». Когда я вернулся домой и снимавшему съ меня пальто Павлу поручилъ не будить меня завтра утромъ, а дать мнѣ выспаться, и на его робкій вопросъ: «окончено ли дѣло и чѣмъ?» — отвѣтилъ: «оправдали», онъ, бросивъ снимать пальто и всплескивая радостно руками, закричалъ своей женѣ: «Мавруша! Оправдали! Оправдали!» — «Чему вы такъ радуетесь, Павелъ?»—спросилъ я его, зная, что онъ всегда неодобрительно относился къ оправдательнымъ приговорамъ присяжныхъ. — «Да какъ же? Помилуйте! — воскликнулъ онъ:—служащій человѣкъ, на чужой сторонѣ! Какъ такого легко оклеветать! Ужъ мы за нее всѣ эти дни лампадку у васъ въ спальнѣ предъ образами теплили»... Тогда я понялъ, что смущало мой сонъ: это былъ необычный свѣтъ отъ лампадки, котораго я не замѣчалъ, пока въ спальню за одеждой и обувью не приходилъ Павелъ и, найдя меня уже спящимъ, не тушилъ свѣчу. А черезъ мѣсяцъ въ счетѣ расходовъ, подаваемыхъ мнѣ Павломъ, рядомъ съ отмѣткой: *вамъ дано!* (такъ опредѣлялась имъ сумма мелкихъ денегъ, которыя я бралъ у него въ теченіе мѣсяца для высылки извозчику и т. п.) стояло: масла деревяннаго для лампадки 40 коп.

Хотя отношеніе его ко мнѣ не имѣло ничего похожаго на сердечность Варфоломея, но я не могу не отмѣтить, что, когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ у меня было много неожиданныхъ расходовъ вслѣдствіе различныхъ семейныхъ потерь и компликацій, Павелъ, однажды войдя ко мнѣ, сказалъ: — «Я вижу, что у васъ очень большіе расходы и что вамъ тяжеловато, такъ у насъ съ Маврушей есть три билета внутренняго займа, возь-

мите ихъ. Когда вамъ будетъ полегче — отдадите». И здѣсь, хотя и по пустому случаю, сказалась отмѣченная мною выше двойственность въ чувствахъ и дѣйствіяхъ моего Павла Панкратьева. Вскорѣ послѣ его предложенія мнѣ выигрышныхъ билетовъ друзья мои, жившіе въ своемъ имѣніи, прислали мнѣ къ Рождеству двухъ индѣекъ. Я распорядился отнести ихъ на ледникъ и, конечно, совершенно забылъ о нихъ. Но затѣмъ кто-то обѣщалъ притти ко мнѣ обѣдать, и я, озабочиваясь трапезой, вспомнилъ объ индѣйкахъ и поручилъ женѣ Павла изготовить одну изъ нихъ. Она взглянула на меня растерянным взоромъ и сказала, что индѣйку надо купить. «А тѣ, что мнѣ прислали?— Да мы думали, что онѣ могутъ испортиться, и, извините, съѣли ихъ съ гостями (у нихъ постоянно бывали гости).—Что бы вамъ и мнѣ дать кусочекъ?..» Черезъ десять минутъ вошелъ Павелъ и, вытирая пыль съ книгъ, сказалъ мнѣ наставительно: «Насчетъ птицъ — не стоитъ вашего вниманія, потому что вѣдь это *индѣйки*,—вотъ другое дѣло, если бы это былъ *индѣй*,— тогда конечно»...

Съ нѣкоторыми словами онъ связывалъ своеобразныя представленія. Однажды, разсказывая мнѣ о своей родственницѣ, имѣвшей сварливый характеръ, онъ замѣтилъ: «все-то она норовитъ что-нибудь непріятное сдѣлать или сказать,—сущая *спиноза*». Попутно не могу не вспомнить кормилицу однихъ моихъ знакомыхъ, привезшую изъ своей далекой деревни убѣжденіе, что люди раздѣляются въ смыслѣ ума и поведенія на *простыхъ*, *мозгоголовыхъ* и *химическихъ*, т.-е. хитрыхъ.

Изъ женской прислуги мнѣ вспоминается также моя домоправительница Надежда Кузьминична Бѣлоусова, старая дѣвица лѣтъ пятидесяти, съ маленькими слезящимися глазками и грушевиднымъ краснымъ носомъ. Ея чрезвычайная набожность и пуританская строгость нравовъ проявлялись иногда очень оригинально. Занимаемая ею комнатка сообщалась двумя дверями съ коридоромъ и моей спальней. Разъ какъ-то, пріѣхавъ въ субботу изъ французскаго театра и легши спать, я увидѣлъ, что моя Надежда какъ будто нечаянно позабыла плотно затворить дверь въ свою комнату, озаренную свѣтомъ нѣсколькихъ лам-

падокъ. Я не успѣлъ еще заснуть, какъ услышалъ ея громкіе вздохи и молитвенные возгласы: «Господи прости, Господи помилуй, Господи отпусти!» Думая, что съ нею произошла какая-нибудь бѣда, я встревожился и спросилъ ее: «Что съ вами, Надежда Кузьминична? Что случилось? О комъ вы такъ усердно молитесь?» Дверь раскрылась шире, и въ ней показалась Надежда Кузьминична, стыдливо прикрывавшая свои плечи платкомъ.—«О комъ молюсь? Да о васъ, батюшка, о васъ и молюсь! Вѣдь этакій грѣхъ: завтра праздникъ, а вы по театрамъ ходите. Не могли въ другой день пойти скомороховъ смотрѣть! У меня за васъ вся душа выболѣла сегодня. Ужъ вы меня извините, а я въ дѣлѣ кобель и въ правдѣ кобель!»—и она энергически захлопнула за собою дверь. По добротѣ своей она иногда обращалась ко мнѣ съ разными неудобоисполнимыми и внушенными ей со стороны просьбами о различныхъ привлеченныхъ къ слѣдствію, такъ что я долженъ былъ ей это запретить. «Понимаю, батюшка,—сказала она:—понимаю: это значитъ, чтобъ никакого *эхо* не было».

Два раза въ жизни она была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ комическихъ эпизодовъ, изъ которыхъ второй могъ окончиться и трагически. Въ 1872 году я былъ приглашенъ читать лекціи правовѣдѣнія къ одному изъ молодыхъ великихъ князей — и продолжалъ это до 1874 года. Спустя нѣсколько дней по окончаніи нашихъ занятій, вернувшись домой въ мою маленькую квартиру, гдѣ оставалась Надежда Кузьминична, я нашелъ послѣднюю въ состояніи крайне радостнаго и вмѣстѣ тревожнаго возбужденія. «Батюшка, батюшка! — заторопилась она, открывъ мнѣ двери:—что у насъ произошло! Я до сихъ поръ опомниться не могу! Только-что вы ушли въ судъ (я былъ прокуроромъ Окружного Суда, и подъ моимъ надзоромъ въ это время производилось громкое дѣло по обвиненію Овсянникова въ поджогѣ паровой мельницы, при чемъ часть письменныхъ вещественныхъ доказательствъ, подлежащихъ разбору, находилась у меня на дому), какъ звонятъ два офицера, одинъ постарше, а другой совсѣмъ молоденькій, да такіе оба статные, и спрашиваютъ васъ. Я говорю: — «ушли». — Такъ позвольте, говорятъ, записку напи-

сать. Думаю — люди незнакомые — и говорю: «Вотъ принесу бумажку, тутъ на лѣстницѣ, на подоконникѣ, и напишите, что вамъ отъ нихъ требуется». А они, мой батюшка, говорятъ: «Да тутъ неудобно: ужъ пустите въ квартиру». Думаю—люди, кажись, хорошіе, опять же офицеры,—пустила ихъ да и говорю: «Вотъ тутъ на столѣ и бумага и все, извольте писать, только дѣловъ на столѣ не трогайте: не приказано, да и не нашего они ума». Улыбнулись, и который помоложе—сѣли писать, а другой картинки на стѣнѣ разсматриваетъ. А я у дверей кабинета стала, да за ними и присматриваю. Только остановился старшенькой предъ той картинкой, на которой этотъ слѣпой старикъ злодѣйствуетъ (картина Каульбаха: «Петръ Арбуесъ, отправляющій еретиковъ на костеръ»), да и говоритъ тому, что помоложе: «Вотъ, Ваше Высочество, интересное изображеніе». Тутъ меня въ голову какъ ударитъ, какъ всколыхнетъ всю, я и поняла, кто это пріѣхалъ. Сама не знаю, что и дѣлать, даже ноги такъ и дрожатъ, такъ и подкашиваются. Пошла къ письменному столу и говорю: «Батюшка, пресвѣтлое Ваше Высочество, простите меня, старую дуру, мнѣ вѣдь и невдомекъ, какая вы особа; ужъ не взыщите съ меня, съ окаянной... Да не прикажете ли чего—чайку или, можетъ, яичекъ всмятку: у насъ свѣжія: охтенка три раза въ недѣлю носитъ и честная-пречестная: всегда самыя свѣжія... Но онѣ не изволили пожелать и много смѣялись и меня обласкали»... Второй эпизодъ состоялъ въ слѣдующемъ. Я былъ вице-директоромъ департамента министерства юстиціи и занималъ довольно большую казенную квартиру, полагавшуюся по этой должности, въ самомъ зданіи министерства. Въ Петербургъ пріѣхалъ мой товарищъ по университету, присяжный повѣренный Б., съ молодой, изящной женой, съ которой при размѣнѣ визитовъ меня и познакомилъ. Затѣмъ они оба посѣтили меня, и мы условились поѣхать вмѣстѣ въ Михайловскій театръ въ кресла, при чемъ я пригласилъ супруговъ Б. къ себѣ пить чай послѣ театра. Когда спектакль подходилъ къ концу, Б. заявилъ мнѣ, что проситъ меня отвезти жену къ себѣ, онъ же пріѣдетъ нѣсколько позже, такъ какъ у него дѣловая консультація въ десять часовъ вечера. На этомъ мы разстались, и я

привезъ къ себѣ милую и нарядную г-жу Б., купивъ дорогою фруктовъ и конфетъ и приказавъ Надеждѣ Кузьминичнѣ накрыть столъ и приготовить чаю. Мы бесѣдовали въ кабинетѣ, ожидая Б. съ минуты на минуту, но онъ не являлся. Тогда я предложилъ пить чай безъ него, въ надеждѣ на его скорое появленіе. Но появленія этого не послѣдовало. Былъ уже часъ ночи, супруга Б. начинала безпокоиться, да и мнѣ было непріятно, что Б. пріѣдетъ такъ поздно въ то время, какъ мнѣ нужно было еще подготовиться къ девятичасовому утреннему докладу у министра графа Палена. Пробило половину второго. Госпожа Б. стала высказывать опасеніе, что съ мужемъ что-нибудь случилось. Я ее сталъ успокаивать, но сомнѣніе начинало закрадываться и въ мою душу. Когда пробило два часа, я, считая совершенно неудобнымъ, чтобы швейцаръ на общей служебной лѣстницѣ зданія министерства юстиціи ждалъ до поздней ночи ухода отъ меня красивой молодой дамы, съ которой я откуда-то пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ вечера, — самъ предложилъ моей гостьѣ проводить ее до дому. Въ слезахъ и тревогѣ она немедленно согласилась и стала надѣвать передъ зеркаломъ въ гостиной шляпу. Въ это время я замѣтилъ, что Надежда Кузьминична, выглядывая по временамъ изъ дверей столовой, ведшихъ въ гостиную, дѣлаетъ мнѣ таинственные знаки. «Что такое?—спросилъ я, выйдя къ ней:—что вамъ нужно?»—«Батюшка, — сказала она мнѣ торопливымъ и таинственнымъ полушопотомъ, придавъ своему лицу хитрое и многозначительное выраженіе:—батюшка, *мужъ* былъ, да я ему сказала, что васъ нѣтъ и не бывали. Онъ потоптался на мѣстѣ, да и ушелъ. Ужъ вы будьте спокойны»... Хорошо, что Б. зналъ меня и, довѣряя мнѣ, раздѣлилъ мой взглядъ на неумѣстную находчивость Надежды Кузьминичны, которая, очевидно, имѣла l'esprit mal tourné.

Хочется мнѣ, кстати, припомнить еще трехъ лицъ, прикосновенныхъ ко мнѣ личною службою. Это — мой письмоводитель Василій Лукьяновичъ Т—ко и мои курьеры Прокофьевъ и Г—ль.

Первый поступилъ ко мнѣ въ 1870 году для переписки обвинительныхъ актовъ и заключеній, составляемыхъ мною по должности товарища прокурора петербургскаго Окружного Суда. Я

взялъ его съ собою потомъ въ Казань, гдѣ онъ служилъ въ канцеляріи прокурора Окружного Суда, но проживалъ у меня. Это былъ человѣкъ уже весьма немолодой, съ строгимъ и когда-то красивымъ лицомъ, спокойными и истовыми манерами. Вся его повадка носила на себѣ отпечатокъ привычки къ власти и былого довольства. Онъ былъ женатъ на хорошенькой женщинѣ, большой франтихѣ, но она не жила съ нимъ, а онъ избѣгалъ говорить о ней, — а когда ей хотѣлось получить какое-либо свѣдѣніе о немъ, она писала дипломатически-обдуманныя письма мнѣ, а не ему. Когда-то онъ служилъ, по его словамъ, помощникомъ окружного начальника надъ государственными крестьянами въ Симбирской или Самарской губерніи и, повидимому, подобно Чичикову, «пострадалъ за правду». Такъ, по крайней мѣрѣ, явствовало изъ нѣкоторыхъ его намековъ на удобства прежняго «житья-бытья». Человѣкъ молчаливый и удивительно лишенный всякаго содержанія, онъ усердно, крупнымъ и красивымъ почеркомъ переписывалъ бумаги, но былъ неспособенъ ни на какую бесѣду. По вечерамъ онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, переписывая взятую на домъ работу, тщательно и долго чистилъ свое платье, въ особенности тяжелую шубу съ огромнымъ воротникомъ изъ барашковаго мѣха, вьющагося длинными прядями и рано ложился спать. Эта шуба составляла предметъ его гордости. Однажды, когда лунной морозной ночью мы возвращались съ нимъ изъ суда по пустынной площади передъ театромъ (на мѣстѣ которой теперь разведенъ садъ), и предъ нами по яркому снѣгу плыла огромная тѣнь Т—ко, облаченнаго въ чудовищную шубу, я сказалъ ему шутя: «Василій Лукьяновичъ, а вѣдь я васъ боюсь! — Хе-хе-хе! — засмѣялся онъ: — чего же вы меня боитесь? — Да знаете, послѣ всѣхъ вашихъ разсказовъ о вашихъ похожденіяхъ я вижу, что вы человѣкъ предпріимчивый и рѣшительный, — мѣсто пустынное, мы одни, я человѣкъ слабый, а вы — посмотрите на свою тѣнь — какой вы! Вдругъ вы вздумаете меня ограбить!.. Что мнѣ тогда дѣлать? — Хе-хе-хе! — снова засмѣялся онъ: — да кто же васъ станетъ грабить, въ петербургскомъ-то пальто, которое, съ позволенія сказать чуть не «уксусомъ подбито»? Овчинка выдѣлки не стоитъ... Вот

меня, — прибавилъ онъ совершенно серьезно, вытянувъ шею и съ горделивой нѣжностью бросивъ взглядъ на свою шубу,— вотъ меня такъ есть, по крайней мѣрѣ, для чего ограбить: въ накладѣ не останешься... — Такъ что вамъ, по вашему мнѣнію, скорѣе грозитъ опасность быть ограбленнымъ мною? — Хе-хе-хе! помилуйте, какъ это возможно! вы вѣдь прокуроръ! Намъ нечего другъ друга бояться, а вотъ съ другимъ я точно побоялся бы итти пустыннымъ мѣстомъ. Очень ужъ соблазнъ великъ»...—и онъ снова любовно посмотрѣлъ на свою шубу... Мой отзывъ о его рѣшительности и предпріимчивости основывался на его же разсказахъ. Обыкновенно онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ неслышно, но иногда, вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ какой-нибудь внезапно осѣнившей его мысли, входилъ въ мой кабинетъ и дѣлалъ шага два по направленію къ письменному столу. «Что вамъ, Василій Лукьяновичъ?»—спрашивалъ я, отрываясь отъ работы. — «Ничего-съ! я такъ...» — сконфуженно отвѣчалъ онъ и отходилъ къ дверямъ, но вдругъ снова подходилъ къ столу и сообщалъ мнѣ, понизивъ голову и улыбаясь, какое-нибудь изъ своихъ воспоминаній, не имѣвшихъ никакого отношенія къ мѣсту и времени нашей бесѣды. «Когда я былъ молодымъ человѣкомъ, я жилъ и здѣсь, въ Казани,—повѣдалъ онъ мнѣ такимъ образомъ однажды:—и повадился ходить въ женскій монастырь и «забавляться» съ послушницами. До того дошло, что игуменья разъ послала за полиціей, и меня вывели изъ монастырской ограды, а потомъ и подписку взяли, чтобы я носу не смѣлъ въ монастырь показывать... — Почему это вамъ, Василій Лукьяновичъ при вашихъ сѣдыхъ волосахъ вспомнилось? — Да такъ-съ, просто,— и тутъ онъ съ самымъ невиннымъ видомъ разсказалъ мнѣ о своихъ возмутительныхъ подвигахъ по «дѣвичьей части» за то время, когда онъ былъ помощникомъ окружного начальника. «Да-съ,— заключилъ онъ свое повѣствованіе:—тогда это было легко. Пріѣдешь, бывало, и распорядишься. А потомъ строже стало. Такъ я теперь пойду-съ къ себѣ. — Идите себѣ съ Богомъ, Василій Лукьяновичъ: я вѣдь васъ не звалъ. А только зачѣмъ вы все *такое* вспоминаете? Вотъ, можетъ быть, оттого вы и съ супругой врозь живете.—Нѣтъ-съ! не отъ этого, а только супруга моя

важная дама—вотъ что-съ... Ну, такъ я пойду», и онъ удалился неслышными шагами.—«Я въ Симбирскѣ одну купчиху зналъ,—изрекъ онъ, неожиданно представъ предо мною въ другой разъ:—такъ она, повѣрите ли, трубку курила съ длиннымъ чубукомъ, вотъ какъ иногда турокъ на табачныхъ вывѣскахъ пишутъ. Бывало, сидитъ въ креслѣ въ одной рубашкѣ—все ей жарко было—и трубку куритъ...—Да, странная была купчиха,—сказалъ я, углубляясь въ свои бумаги, и Василій Лукьяновичъ неслышно направился къ выходу, но у самой двери обернулся и, быстро подойдя къ моему столу, многозначительно добавилъ:—со мной въ амурахъ была!—Кто? Купчиха?—Именно она!—сказалъ онъ, истово улыбаясь, и удалился... Перейдя въ Петербургъ, я, по усиленной его просьбѣ, взялъ его съ собой, но онъ прожилъ недолго и умеръ въ больницѣ отъ рака въ желудкѣ, подобно моему Варфоломею, при чемъ его послѣдніе дни ознаменовались примиреніемъ съ женою, которая уходомъ за нимъ доказала, что она не только «важная дама», но и добрая женщина.

Курьеръ предсѣдателя Окружного Суда Прокофьевъ, пережившій человѣкъ десять предсѣдателей, былъ юркій человѣкъ, весьма себѣ на умѣ. Онъ былъ не только своего рода хранителемъ преданій суда, но и критическимъ цѣнителемъ различныхъ судебныхъ дѣятелей. Его идеаломъ былъ И. И. Шамшинъ. Но и ко мнѣ онъ относился одобрительно. Уже будучи сенаторомъ, я спросилъ его однажды при встрѣчѣ—что дѣлается въ судѣ. «Ничего хорошаго, ваше превосходительство,—сказалъ онъ, и глаза его затуманились:—какой теперь судъ? Предсѣдатели чуть не каждый годъ мѣняются, ничего наладить не успѣваютъ. Конечно, нечего Бога гнѣвить, всѣ они господа добрые, а только настоящихъ предсѣдателей у насъ всего было два—Иванъ Ивановичъ (Шамшинъ) да—вѣрьте совѣсти!—вы, ваше превосходительство.—Ну, куда мнѣ до Ивана Ивановича!—Да, оно точно, такого другого не было и не будетъ, потому что вы, ваше превосходительство, хотя и были предсѣдателемъ во всѣхъ статьяхъ, но только строгости настоящей въ себѣ не имѣли»... Однажды онъ привезъ мнѣ на домъ извѣстіе, что внезапно заболѣлъ за полчаса до засѣданія членъ суда Зубовъ, предсѣдательствующій въ

сводномъ временномъ уголовномъ отдѣленіи, составленномъ изъ него, члена гражданскаго отдѣленія и утвержденнаго слѣдователя. Я не могъ его замѣнить, ибо долженъ былъ немедленно ѣхать на весьма серьезное освидѣтельствованіе сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія. «Отвезите эту записку сейчасъ же старшему члену суда С—чу и, если его нѣтъ дома, то разыщите его. Я прошу его предсѣдательствовать во временномъ отдѣленіи. — Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, это невозможно-съ!—То-есть, что невозможно?— спросилъ я его, недоумѣвая. — Да невозможно имъ предсѣдательствовать: они для этого, осмѣлюсь доложить, вовсе не годятся»... Я былъ вновѣ во главѣ суда и строго повторилъ свое приказаніе курьеру, разсуждавшему о пригодности и способностяхъ членовъ суда. Увы! окончивъ освидѣтельствованіе и пріѣхавъ въ судъ, я воочію убѣдился, насколько правъ и предусмотрителенъ былъ Прокофьевъ.

Курьеръ оберъ-прокурора Василій Ѳедотовичъ Г—ль, любившій выпить до безчувствія и имѣвшій всегда какое-то испуганное лицо, былъ человѣкъ очень добрый и мнѣ лично совершенно безкорыстно преданный до крайности. Когда я сдѣлался сенаторомъ и лишился его услугъ, онъ, придя ко мнѣ въ послѣдній разъ, плакалъ такъ, какъ плачутъ по самомъ любимомъ родномъ существѣ. Онъ былъ очень друженъ и съ семьею служащихъ у меня, оказывалъ имъ разныя услуги и слылъ у ихъ дѣтей «дядей Васей», котораго они встрѣчали съ восторгомъ. Любовь къ рюмочкѣ и дерзкое поведеніе взрослаго сына довели его до могилы. Онъ быстро сталъ чахнуть и слегъ. Я заходилъ его навѣстить и приносилъ ему токайскаго вина, стараясь соединить для него въ этомъ «utile dulci». Въ предсмертные дни вѣчно испуганное выраженіе исчезло съ его лица, — оно стало чистое и какое-то прозрачное, а прекрасные голубые глаза стали смотрѣть какъ-то радостно и значительно. Но руки «набирали» непрерывно—и вскорѣ пришлось поклониться ему, лежащему въ новенькомъ курьерскомъ мундирѣ съ тѣмъ вопросительно-загадочнымъ выраженіемъ рта, которое такъ часто и у многихъ какъ будто говоритъ «а! такъ вотъ *это* что! теперь *это* ясно!»

Сына любилъ онъ чрезвычайно и гордился этимъ молодымъ, всегда прекрасно одѣтымъ человѣкомъ, обладавшимъ превосходнымъ почеркомъ, благодаря которому онъ игралъ выдающуюся роль среди писцовъ канцеляріи уголовнаго кассаціоннаго департамента. Однажды этотъ молодой человѣкъ подалъ мнѣ прошеніе о разрѣшеніи ему вступить въ бракъ, — а на указанія мои, что онъ еще очень молодъ (ему было двадцать два года), а также мало получаетъ, чтобъ содержать жену и будущихъ дѣтей, отвѣтилъ, что женится на вдовѣ и «гарантированъ» въ томъ, что дѣтей у него не будетъ. На замѣчаніе о томъ, что такія гарантіи сомнительны, или вредны, или, наконецъ, преступны, онъ сказалъ, что ничего такого и въ виду не имѣетъ, а только въ первомъ бракѣ у его невѣсты не было дѣтей, и докторъ сказалъ, что это «отъ нея», что ее ужъ природа такъ устроила. «Смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ»,—сказалъ я и подписалъ разрѣшеніе. Прошло около года. Отецъ его сталъ ходить мрачнѣе тучи. «Что съ вами, Василій Ѳедотовичъ? — спросилъ я его наконецъ. — Ничего-съ,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ онъ и заплакалъ.—Какъ это ничего? Скажите, въ чемъ дѣло: можетъ быть, можно будетъ помочь...— Нѣтъ-съ, ничего невозможно...—Однако все же, въ чемъ дѣло?— Сынъ-съ! — Что же, пьетъ? буянитъ? съ женою ссорится? — Помилуйте! какъ можно? Маковой росинки въ ротъ не беретъ, съ женой живетъ душа въ душу... — Такъ что же съ нимъ? — Родила-съ! — понизивъ голосъ и вновь заплакавъ, сказалъ онъ.—Я вѣдь говорилъ, что онъ напрасно считалъ себя «гарантированнымъ». Но это не бѣда: я ему прибавлю жалованья, и онъ, Богъ дастъ, справится. — Нѣтъ-съ! гдѣ справиться...—Ну, вотъ, одинъ ребенокъ ужъ не такая тяжесть...—Не одинъ-съ!—какимъ-то загробнымъ голосомъ сказалъ старикъ. — Развѣ двойня?!— Хуже-съ! — Какъ хуже? — Тройня-съ! — почти закричалъ онъ и зарыдалъ. Вообще у него глаза были «на мокромъ мѣстѣ», но тутъ оказалось, что они на цѣломъ озерѣ...—«Всѣ дѣвочки-съ,— объяснилъ онъ, когда немного успокоился:—сынъ бросился было къ Невѣ топиться, едва удержали, а она была подъ хлороформомъ, когда же пришла въ себя, и ей сказали объ этомъ несчастіи со всякою осторожностью, то она, повѣрите ли, спросила: «дѣ-

вочки или мальчики?» и, узнавъ, что дѣвочки, говоритъ: «ну, и прекрасно: значитъ, можно будетъ, когда вырастутъ, всѣмъ одинаковые костюмчики пошить».—«Ну, да чего другого и ждать отъ бабовъ, какъ не глупостевъ», — наставительно сказала моя старая служанка, проникнутая искреннимъ сожалѣніемъ къ удрученному горестной неожиданностью тройному дѣдушкѣ и вышедшая послушать его нечаянное повѣствованіе. Она властолюбиво держала подъ башмакомъ своего добраго и слабохарактернаго мужа и въ то же время была непоколебимо убѣждена, что виновница всего дурного и самое злое существо на свѣтѣ— женщина съ ея лукавствомъ, ложью и, какъ она выражалась, «обезьянствомъ». Бывало иногда, когда, рано утромъ, она убирала кабинетъ, а я разбиралъ поступившія наканунѣ изъ Сената дѣла и въ краткихъ словахъ сообщалъ ей о какомъ-нибудь выдающемся преступленіи,—она, хотя бы жертвой преступленія была женщина, или дѣло шло о поддѣлкѣ монеты, крушеніи поѣзда или богохуленіи, рѣшительнымъ тономъ говорила: «а я такъ думаю, что все *это отъ бабовъ* или *черезъ бабовъ*».

Во время моего оберъ-прокурорства меня очень обременяли визиты пріѣзжихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, отдавать которые, да и многіе другіе, я, несмотря на все желаніе, рѣшительно не имѣлъ времени. Поэтому Василій Ѳедотовичъ дѣлалъ ихъ за меня въ подаренномъ ему пальто и цилиндрѣ. Онъ, согласно нашему уговору, подходилъ къ крыльцу и спрашивалъ, дома ли такой-то. Если «такой-то» былъ дома, онъ говорилъ: «я зайду на обратномъ пути», если же, къ счастью, не былъ дома, то онъ загибалъ уголъ моей карточки, отдавалъ ее и иногда выражалъ сожалѣніе, что не засталъ. Одно время у меня, уже не помню по какому поводу, шевельнулось подозрѣніе, что наша хитрость не всегда удается. «Василій Ѳедотовичъ, — спросилъ я его: — а не узнаѣтъ прислуга и швейцары, что это вы, а не я?»—«Помилуйте, какъ можно? Они ни за что не подумаютъ: я вѣдь спрашиваю и разговариваю съ ними *довольно очень дерзко!..*»

ЦИТАТЫ и ИНОСТРАННЫЯ СЛОВА.

ЦИТАТЫ и ИНОСТРАННЫЯ СЛОВА.

Страницы.

9. un quelqu'un, a ne quelque chose — нѣкто, а не нѣчто, не что-то.
11. esprit de combativité — духъ борьбы, воинствующій духъ.
11. scire leges non hoc est — verba earum tenere, sed vim ac potestatem — вѣдать законы не значитъ знать ихъ букву только, но ихъ силу и власть.
11. stricte justice n'est pas justice,— justice est équité — строгое правосудіе не есть правосудіе; —правосудіе есть справедливость.
18. is fecit cui prodest — сдѣлалъ тотъ, кому выгодно.
18. der lange Friedrich — длинный Фридрихъ.
35. Volterkammer — камера пытокъ; застѣнокъ.
43. nihil humanum me alienum puto — ничто человѣческое мнѣ не чуждо.
47. per aspera ad astra — по тернистой дорогѣ къ звѣздамъ.
47. Ich kenne einen braven Mann;— Schade, dass ich ihm nicht küssen kann, Den ich bin selbst der brave Mann — Знакомъ мнѣ честный человѣкъ, Но жаль, что не могу его поцѣловать, Ибо этотъ человѣкъ—я самъ.
47. Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae — Если бъ обрушился, распавшись, небесный сводъ—засыпавшіе его обломки не наведутъ на него страха. (Горацій.)
66. Enfin déloge! A la guerre comme à la guerre — Наконецъ, убирайся! Воевать, такъ воевать.
71. Strohredactor — Подставной отвѣтственный редакторъ.
74. Messieurs, faites votre jeu! — Господа, играйте!
74. à la fourchette — завтракъ стоя; закуска.
78. Qui a bu — boira — Кто пилъ, тотъ и будетъ пить.
80. qu'il connaissait son monde — онъ зналъ людей, съ которыми приходится имѣть дѣло.
95. c'est ici que l'on désespère de 'humanité — вотъ гдѣ приходится разочаровываться въ человѣчествѣ.
100. quand même et malgré tout — несмотря ни на что и вопреки всему.
101. Staatsanwalt — прокуроръ; государственный обвинитель.
108. qui n'est que juste—est cruel — кто только правосуденъ, тотъ бываетъ жестокъ.
111. vir bonus, dicendi peritus — человѣкъ добрый, опытный въ рѣчи.
112. im Grossen und Ganzen — во всемъ и всецѣло.
113. avocat и avoué — адвокатъ и стряпчій.

Страницы.

121. maiden speech — первая публичная рѣчь.
123. hurlent de se trouver ensemble — рычать, оказавшись вмѣстѣ.
123. horribile dictu — страшно сказать.
124. wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein — гдѣ не хватаетъ понятій (идей), тамъ своевременно ихъ замѣняютъ слова.
125. vous aurez l'oreille du tribunal — вамъ будетъ принадлежать вниманіе (слухъ) Суда.

127. terror, horror, horrendum — страхъ, ужасъ, ужасное.
136. vade mecum — спутникъ.
137. ab ovo — сначала.
139. la sobriété de la parole — умѣренность въ рѣчи; скупость на слова.
141. Avec le pauvre, l'enfant, la femme et le coupable même — la justice doit se défier de ses forces et craindre d'avoir trop raison — Относительно бѣднаго, ребенка, женщины и самого виновнаго правосудіе должно не довѣрять своимъ силамъ и бояться быть слишкомъ правымъ.
141. tout comprendre — c'est tout pardonner — все понять—все простить.

148. Lasst uns lachen-über die Grossen — die keine sind — Посмѣемся надъ Великими, въ которыхъ величія-то и нѣтъ.
152. volenti non fit injuria — обиды нѣтъ—желающему быть обиженнымъ.

154. Vivit sub pectore vulnus — въ глубинѣ сердца живетъ рана.
155. une calamité publique — общественное бѣдствіе.
156. jurare in verba magistri — клясться словами учителя.
163. quos ego! — я васъ!
163. in flagranti — на мѣстѣ преступленія.
167. On va vite dans ce chemin — по этому пути идутъ быстро.
170. erst wägen — dann wagen — сначала взвѣсить—затѣмъ отважиться.
172. Tempora mutantur — времена мѣняются.
175. Gute Leute, aber schlechte Musikanten — Хорошіе люди, но плохіе музыканты.
176. sans crier gare — безъ предупрежденія; не крикнувъ: «берегись!»

178. une célébrité du clocher — приходская знаменитость.
178. dignus est intrare — достоинъ вступить.
183. ambiente — среда, обстановка, условія.
191. Man hat kurzen Prozess gemacht — расправились быстро; безъ дальнихъ околичностей.

192. citta dolente — страна скорби, мѣсто скорби.
201. insula in fluminae nata — наносный на рѣкѣ островъ (терминъ римскаго права).

207. mirabile dictu — удивительно сказать.
212. Inde irae — отсюда гнѣвъ.
212. Dichtung und Wahrheit — вымыселъ и правда.
224. Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten — Вы близитесь опять, колеблющіеся образы.
230. les défauts de ses vertues — недостатки его достоинствъ.
230. la charité bien comprise commence par soi-même — хорошо понятая благотворительность направляется прежде всего на самого благотворителя.

238. ad hoc — на случай; спеціально.
246. Malleus maleficorum — молотъ злодѣевъ.
257. abscheulich — отвратительно, мерзко.
258. coup de théâtre — театральный эффектъ.

Страницы.

258. l'appétit vient en mangeant — аппетитъ приходитъ по мѣрѣ ѣды.
262. Man hörte wie die Wolken ziehen — Было слышно, какъ тянутся по небу облака.
264. La femme de César ne doit pas être soupçonnée — Жена Цезаря не должна быть заподозрѣна.
274. Salle des pas perdus — Зала для публики въ помѣщеніи суда (спеціальное названіе для таковой въ парижскомъ Дворцѣ Правосудія).

280. en flagrant délit — на мѣстѣ преступленія.
292. Der persönliche Schutz — личная охрана.
292. Une amitié amoureuse — влюбленная дружба.
296. Monsieur le Président, je jette le cri de mon âme toute entière — ayez pitié au nom du Ciel d'une femme innocente, privée du plus grand des biens — de la liberté, pour laquelle je me consume et je me meurs à chaque minute d'attente et d'incertitude: — le Très Haut Vous bénira, Monsieur le Président, car Vous découvrirez plut tôt au monde l'erreur que la justice a commise en me mettant sous les verrous. Je suis tant privée, Monsieur le Président, plus d'enfants à instruire, à aimer, à entourer de mes soins et de mes caresses. Ce n'est pas vivre que de vivre ainsi! — Господинъ Предсѣдатель, всей душой взываю я, имѣйте сожалѣніе, заклинаю Васъ, къ несчастной невинной женщинѣ, лишенной величайшаго изъ благъ — свободы, мысль о которой съѣдаетъ и убиваетъ меня каждой минутой ожиданія и неувѣренности; Всевышній благословитъ Васъ, Господинъ Предсѣдатель, потому что Вы скорѣе всѣхъ на свѣтѣ откроете заблужденіе правосудія, вызвавшее заключеніе меня подъ стражу. Я до такой степени обездолена, Господинъ Предсѣдатель — нѣтъ при мнѣ болѣе дѣтей, которыхъ можно учить, любить, окружать заботами и ласками. Такъ жить—не жить!

298. résumé — руководящее напутствіе присяжнымъ засѣдателямъ.

298. eh bien! faites vorte déposition — итакъ, давайте ваше показаніе.
299. cher et honorable collègue — дорогой и почтенный товарищъ.
299. président grognard et président jovial — предсѣдатель ворчунъ и предсѣдатель весельчакъ, насмѣшникъ.
299. un immense blagueur — враль, пустомеля.
310. Sturm und Drangperiode — время бури и натиска.
311. Agence générale russe — русское генеральное агентство.
315. excusez du peu! — извините на маломъ; не болѣе не менѣе, какъ...

319. ad majorem gloriam — для вящшей славы.
322. unguibus et rostro — клювомъ и когтями.
355. pour épater le bourgeois — заставить разинуть ротъ (отъ удивленія, изумленія).

356. pour vous être agréable — чтобы быть вамъ угоднымъ.
370. quod licet Jovi non licet bovi — что приличествуетъ Юпитеру, то не приличествуетъ быку.

381. er sollte sich schauffieren — онъ долженъ былъ разгорячиться.
381. ein obscures Haus — темный домъ.
381. er giebt Feten — онъ задаетъ празднества.
381. mit Rigorosität ausschliessen — строго исключить.
381. er hat scharmiert — онъ обольстилъ.
381. es ist sehr significant — это очень знаменательно.
412. Ich singe wie der Vogel singt — пою, какъ птица.
412. Ich habe ein weiches Gemüth. Ubi bene, ibi patria — Я мягкосердъ. Гдѣ хорошо, тамъ и родина.

Страницы.

412. Stillstand ist Rückgang — Состояніе спокойствія есть попятное движеніе.

412. Ein Narr kann mehr fragen, als zehn Weise antworten. — Дуракъ можетъ больше задать вопросовъ, чѣмъ десять мудрецовъ дать отвѣтовъ.

417. citta dolente и perdutto gente — страна скорби и погибшіе люди.

418. ein Schwein hat auch разумъ — У свиньи тоже есть разумъ.

418. tout-à-fait ouverte — совершенно открытая.

419. volte - face — поворотъ, оборотъ.

431. Versuch einer Theorie des religiosen Wahnsinns — опытъ теоріи религіознаго помѣшательства.

433. le devoir finit où commence l'impossibilité. — долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность.

433. Caesarem licet stantem mori. — Цезарю слѣдуетъ умереть стоя.

434. generis humani delicidm ac decus — утѣшеніе и украшеніе человѣческаго рода.

451. Wahlverwandschaft — родство по избранію.

452. Meretrix gaudens—flens matrona — ликующая наложница — плачущая супруга.

462. il y a des juges à Berlin — Въ Берлинѣ есть судьи.

474. bon-vivant — любитель пожить.

476. «n'y est pas pour rien» — не ни при чемъ.

477. Enfin je vous somme de partir. — Наконецъ я требую, чтобы вы уѣхали.

485. non bis in idem — Юридическое правило, соотвѣтствующее поговоркѣ: съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

485. sous benefice d'inventaire — принятіе наслѣдства лишь при имущественной выгодѣ.

503. Ad majorem censurae gloriam — Для вящшей славы цензуры.

508. primus inter pares — первый между равными.

510. la regina haveva molto — у царицы ихъ было много.

512. jus dicit и jus fecit — изрекалъ и творилъ право.

517. Sie, nehmen Sie sich in Acht, ob da nicht ein Taschendieb existiere! — Вы! берегитесь вы, нѣтъ ли здѣсь карманнаго вора.

518. und hier, meine Herren, können Sie sehen die berühmte Ariadne. — здѣсь, господа, вы можете обозрѣть знаменитую Аріадну.

518. Nun? und damit ist man endlich los? — Ну? и послѣ этого, наконецъ, можно уйти?

519. Prego, il nome di questo straniero? — Прошу имя этого иностранца.

519. un tedesco — нѣмецъ.

526. tribunal de police correctionnelle — Судъ исправительной полиціи.

533. Schwager — зять, шуринъ, свояк.

533. holen — достать, взять, позвать.

535. Ach! diese Leute sind ja unverschämt. — Ахъ! эти люди безстыдны.

539. l'accusation croula malgré l'appoint du président. — обвиненіе рушилось, несмотря на поддержку предсѣдателя.

541. nascitur ridiculus mus — родила смѣшную мышь.

547. Mon Dieu! Donnez-moi la médiocrité. — Боже, дай мнѣ быть посредственностью.

552. tabes dorsalis — спинная сухотка.

552. ich gab Gold für Eisen — я далъ злато за булатъ.

553. ataxia locomotrica progressiva — нарастающее разстройство движеній при страданіяхъ спинного мозга.

Страницы.

557. Mémoires d'outre-tombe — Загробныя воспоминанія.
562. summum jus — полное право.
562. summa injuria — полное безправіе.
575. ad majorem ecclesiae gloriam — для вящшей славы церкви.
578. urbi et orbi — граду и міру.
601. Moralitaet — нравственность.
601. Sittlichkeit — добронравіе.
632. Die Religionen müssen alle Tolleriret werden und man muss mehr das Auge darauf haben das keine der anderen abrug (Abbruch) Tuhe den hier mus ein jeder nach Seiner Fasson Selich werden — Вѣроисповѣданія должны быть всѣ терпимы, надо лишь наблюдать, чтобы одно другому не причиняло вреда (ущерба), потому что здѣсь каждый долженъ стремиться къ блаженству по-своему.
633. spes est incerta et dubia — надежда сомнительна и невѣрна.
643. nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege — ни одно преступленіе безъ наказанія, ни одно наказаніе безъ закона.
645. hier stehe ich, ich kann nicht anders, Gott helfe mir, amen! — я стою на этомъ, иначе не могу,—Господь мнѣ да поможетъ, аминь!
646. de bonne guerre — прямодушно, открыто.
652. tempi passati — прошлыя времена.
657. per questa cosa tante ragazze? — зачѣмъ столько дѣвушекъ?
658. Danse macabre — Пляска смерти.
667. coltellata — ножевая расправа.
670. volete andare in Russia? — хотите переѣхать въ Россію?
670. he! Signore Bella—buffone — Господинъ Бѣляевъ шутникъ.
671. Lanterne — «Фонарь» (названіе журнала).
673. après vous s'il vous plaît — послѣ васъ, если позволите.
673. Vous êtes bien complaisant, M-r, vous n'êtes pas français — n'est-ce pas? Etes-vous américain, hollandais? — Вы очень любезны. Вы не французъ, не правда ли? Вы американецъ, голландецъ?
673. Je suis russe, M-r — Я русскій.
673. Ah! vous êtes russe! Votre patrie a un bel avenir! — А! вы русскій! У вашего отечества прекрасное будущее!
673. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne — Вотъ Рошфоръ, который дѣлаетъ свой «Фонарь».
673. Où est-il donc ce fameux Rochefort? — Гдѣ же этотъ знаменитый Рошфоръ?
673. C'est moi, Monsieur — Это я.
673. salle de lecture — читальная зала.
677. la foire de St.-Cloud — ярмарка въ С.-Клу.
677. great attraction — большая приманка.
677. blanchisseuse en linge fin — прачка для тонкаго бѣлья.
678. Et vous, mon vieux, pourquoi ne chantez-vous pas? — А вы, старичокъ, почему не поете?
678. Je ne connais pas vos chansons, monsieur — Я не знаю вашихъ пѣсенъ.
678. Ah, messieurs! nous avons parmi nous un russe! Salut à la Russie! Ah, monsieur, votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça... Seulement la Pologne, monsieur, la pauvre Pologne! — Господа, среди насъ русскій! Привѣтъ Россіи! Ваша страна имѣетъ блестящую будущность. Я это утверждаю... но только Польша, бѣдная Польша!
Enfin, basta cosi—chantons — Однако довольно болтать, будемъ пѣть.
678. Avez-vous quelque chose à déclarer? — Не имѣете ли заявить о чемъ (изъ продуктовъ и съѣстныхъ припасовъ)?

Страницы.

679. Arrêtez, arrêtez! Nous avons à déclarer — Постойте, постойте! У насъ есть о чемъ заявить.

679. Eh bien, qu'est-ce que vous avez à déclarer? — Ну, о чемъ ваше заявленіе?

679. Nous avons nos mirlitons et notre gaîté — При насъ наши дудки и наша веселость.

681. Es ist die höchste Zeit zum einsteigen — Пора, пора садиться.

682. Ayez la complaisance de dire où allons-nous? — Будьте добры сказать, куда мы ѣдемъ?

682. Nous allons à Bruxelles — Мы ѣдемъ въ Брюссель.

682. J'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portants — Опоздалъ на поѣздъ, вернемся завтра утромъ, здоровы.

693. «Les origines de la France contemporaine» — «Происхожденіе современной Франціи».

693. «Essais sur Tite Live» — «Опытъ изслѣдованія о Титѣ Ливіи».

696. Je vais vous régaler de bon vieux vin — Я васъ угощу хорошимъ старымъ виномъ.

696. bonne pour tout faire — служанка на всѣ руки.

699. «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus» — Студенческая пѣсня: «Радуемся, потому что мы юноши».

699. pueri — отроки, мальчики.

699. Cet âge est sans pitié — Этотъ возрастъ не знаетъ состраданія.

731. Toujours reconnaissante Marguerite Jugean — Всегда благодарная Маргарита Жюжанъ.

735. l'esprit mal tourné — дурно направленный умъ; ищущая дурного мысль.

739. utile dulci — полезное съ пріятнымъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Фундаментальная Библиотека КГУ. Г.